3 1761 08820991 1

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso11mami

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

494380
7.7.49
163cv

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

(v 12)

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1917

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ. Петроградъ, Измайловскій пр., № 29.

НУЖНО ПООЩРЯТЬ ИСКУССТВО.

Повѣсть.

I.

— Докторъ, у меня ноги дѣлаются такія длинныя-длинныя... — повторяла больная съ упорствомъ человѣка, теряющаго сознаніе.

— Нѣтъ, это вамъ такъ кажется,—спокойно отвѣчалъ молодой, черноволосый докторъ, невольно глядя на поднимавшіеся носки, какъ это бываетъ у покойниковъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?..

— Совершенно... Но вамъ не нужно говорить: спокойствіе прежде всего.

Больная на нѣсколько мгновеній стихала, но потомъ выпрастывала правую руку изъ-подъ одѣяла и начинала ею что-то искать около себя. Это безсознательное движеніе почему-то раздражало доктора, и онъ старался не смотрѣть на эту горячую руку съ сухой, воспаленной кожей. Больная съ трудомъ полуоткрывала отяжелѣвшія вѣки; ея запекшіяся сухія губы что-то силились выговорить, но она только втягивала въ себя воздухъ, который сейчасъ же вырывался изъ груди ея съ сухимъ хрипомъ.

„Дѣло дрянь... — думалъ докторъ, просматривая сигнатурку на имя m-me Вьюшиной-Запольской.—И что ей дались эти ноги!..“

Въ большомъ, довольно грязномъ номерѣ провинціальной гостиницы „Калифорнія“ стоялъ полумракъ, который за перегородкой, гдѣ лежала больная, переходилъ въ какую-то бѣлесоватую мглу. Окно подъ спущенной бѣлой шторой походило на бѣльмо. Нужно было посидѣть минутъ десять, чтобы глазъ освоился съ этимъ освѣщеніемъ и могъ различать предметы. Впрочемъ, докторъ Куваевъ настолько часто бывалъ здѣсь, что могъ ощупью отыскать каждую вещь: въ углу стоялъ полузакрытый дорожный сундукъ, изъ-подъ крышки котораго топорщились плоеныя оборки юбокъ; на стѣнѣ, закрытый простынями, помѣщался цѣлый театральный гардеробъ; на туалетномъ столикѣ валялся раскрытый ящичекъ съ красками для грима, тутъ же запылившееся блюдечко съ вареньемъ, засохшій букетъ, разсыпанныя шпильки, флаконы съ духами, альбомъ съ треснувшимъ переплетомъ; на окнѣ изъ-подъ шторы выглядывали ленты какой-то шляпы и краешекъ шелковаго корсета съ кружевной оторочкой — однимъ словомъ, вся обстановка странствующей провинціальной примадонны. На ночномъ столикѣ около кровати и на приткнувшейся въ углу колченогой этажеркѣ валялись пустыя коробки изъ-подъ какихъ-то порошковъ и цѣлый арсеналъ аптечныхъ пузырьковъ съ лѣкарствами. Графинъ съ водой

стоялъ на тетрадкѣ нотъ, гуттаперчевый мѣшокъ для льда на смятыхъ номерахъ мѣстной газеты „Бужоёмскій Курьеръ“.

Да, все это было такъ знакомо доктору и такъ интересовало его еще недавно, но, странная вещь, прежней Вьюшиной-Запольской больше не существовало, а на кровати лежала совсѣмъ другая женщина, которой докторъ никакъ не могъ примирить въ своемъ воображеніи съ той Еленой Михайловной Вьюшиной-Запольской, которая сводила съ ума весь Бужоёмъ двѣ недѣли тому назадъ. Какъ немного нужно было времени, чтобы изъ цвѣтущей молодой женщины получился какой-то медицинскій препаратъ: обострившійся носъ, точно обтянутыя около бѣлыхъ зубовъ сухія губы, прилипавшія къ бѣлому лбу пряди бѣлокурыхъ, слегка вившихся волосъ, ввалившіяся щеки, темные круги и глядѣвшіе изъ нихъ потухавшимъ взглядомъ страшные умирающіе глаза. Да, всего двѣ недѣли назадъ, какъ эти глаза горѣли такимъ раздражающимъ огнемъ, а этотъ пухлый, дѣтски-нерѣшительно очерченный ротъ пѣлъ: „Ночи безумныя, ночи безсонныя...“ и „Подъ душистою вѣткой сирени...“. Правда, голосъ у Елены Михайловны былъ очень небольшой, но онъ просто хваталъ за душу своими низкими грудными нотами, когда она, полузакрывъ глаза и немного приподнявъ голову, сама увлекалась своимъ пѣніемъ. Докторское сердце какъ-то замирало, когда она, раскланявшись съ аплодировавшей публикой, улыбалась въ его сторону, а когда онъ пожималъ въ антрактахъ гдѣ-нибудь за кулисами ея маленькую, такую мягкую и всегда теплую руку, въ душѣ поднималась цѣлая буря, не то чтобы ужъ настоящая буря, а такъ, пріятное и щекочущее чувство, какое онъ испытывалъ въ присутствіи всѣхъ хорошенькихъ женщинъ.

Сидя у больной, докторъ успѣлъ до мельчайшихъ подробностей изучить всю окружающую его обстановку, такъ что она начинала ему мозолить глаза. Чтобы какъ-нибудь убить время, онъ досталъ изъ-подъ мѣшка со льдомъ номеръ „Бужоёмскаго Курьера“ и машинально началъ просматривать страницу за страницей. Жиденькая передовица о помойныхъ ямахъ, потомъ хроника съ двумя убійствами и однимъ скандаломъ въ клубѣ... пять корреспонденцій тоже объ убійствахъ и грабежахъ, театральная рецензія... Просматривая послѣднюю, докторъ машинально повторялъ въ умѣ истасканныя, шаблонныя фразы всѣхъ такихъ рецензій: „У ней звучный mezzo-soprano, хотя и необширнаго діапазона... Правда, она свободно беретъ чисто-сопранныя ноты si-бемоль, но этотъ западающій въ душу голосъ особенно хорошъ въ нижнемъ регистрѣ. Нѣтъ злоупотребленія вибраціями и тремоло... свободная фразировка... выработанная дикція... постановка нюансовъ... Однимъ словомъ, наша гостья—дорогой залетный соловушка!“

„Этакая ерунда!..—подумалъ невольно докторъ и посмотрѣлъ на начало рецензіи, о комъ вся эта галиматья написана.—Да, Вьюшина-Запольская... Вотъ тебѣ и соловушка!“

Въ концѣ рецензіи стояла фраза о великолѣпныхъ „скульптурныхъ“ рукахъ Елены Михайловны, о необыкновенной лѣпкѣ ея плечъ, и высказывалось сожалѣніе, что, при всѣхъ сценическихъ данныхъ, фигуру Елены Михайловны портятъ только ея „нѣсколько длинныя ноги, какъ намъ кажется, хотя, конечно, мы можемъ и ошибаться“.

„Эге, вотъ откуда эта мысль о длинныхъ ногахъ... — обрадовался своей находкѣ докторъ и спряталъ на всякій случай газету въ карманъ. — Охота обращать вниманіе на такую галиматью“.

Напряженный шопотъ и какая-то возня за перегородкой, гдѣ была

устроена пріемная Елены Михайловны, прервали теченіе докторскихъ мыслей и заставили его выглянуть изъ-за перегородки, скрывавшей дверь. Его глазамъ представилась совершенно неожиданная живая картина: около дивана боролись двѣ фигуры—старый артистъ Булатовъ, отецъ Елены Михайловны, имѣвшій обыкновеніе каждый день приходить въ номеръ дочери (подъ предлогомъ навѣщенія больной онъ выпивалъ цѣлую бутылку водки, а потомъ засыпалъ мертвымъ сномъ тутъ же на трактирномъ диванчикѣ),—этотъ артистъ сейчасъ крѣпко держалъ своими длинными руками талію горничной Паши и старался поймать ея прятавшееся лицо своимъ колючимъ, небритымъ подбородкомъ.

— Булатовъ, постыдитесь...—заговорилъ докторъ, стараясь сдержать порывъ негодованія.

— Ахъ, виноватъ... Кто бы могъ подумать, докторъ, что вы здѣсь!..—довольно развязно оправдывался г. Булатовъ, выпуская горничную.

Слезившіеся, воспаленные отъ пьянства глаза старика смотрѣли съ такимъ нахальствомъ, что доктору страшно захотѣлось выпроводить артиста сейчасъ же въ шею, но онъ опять удержался изъ страха разбудить дремавшую больную.

— Господинъ Булатовъ, такъ ведутъ себя только... только...—повторялъ докторъ, подбирая другое слово, которымъ можно было бы замѣнить „отъявленнаго негодяя“.

— Господинъ докторъ, прошу не забываться...—отвѣчалъ старый артистъ, выпрямляясь во весь ростъ. Онъ былъ гораздо выше доктора и славился, какъ отчаянный буянъ и трактирный герой.

— Хорошо, мы съ вами поговоримъ послѣ...—спохватился докторъ, замѣтивъ, что они не одни, а въ дверяхъ растерянно стоитъ горничная Паша, съ своимъ полуоткрытымъ ртомъ и выбившимися завитками короткихъ русыхъ волосъ.—Паша, вамъ здѣсь нечего дѣлать... уходите.

— Мнѣ, докторъ, нужно...—бормотала Паша, машинально поправляя сбившійся на груди передникъ.—Я къ барынѣ... а баринъ добрые-съ... они только любятъ пошутить...

— Васъ объ этомъ никто не спрашиваетъ!.. Можете уходить...—рѣзко оборвалъ докторъ.

Паша сдѣлала шагъ къ двери и нерѣшительно остановилась. Это была такая цвѣтущая и необыкновенно свѣжая дѣвушка. Раньше докторъ не обращалъ на нее вниманія, а теперь ему бросились въ глаза и неестественно полный бюстъ Паши и какое-то особенно мягкое выраженіе ея лица съ свѣтлыми, глупыми глазами. Нѣмая сцена была прервана Булатовымъ, который подошелъ къ Пашѣ, взялъ ее своей костлявой рукой за круглый затылокъ и довольно грубо вытолкнулъ въ двери номера.

— Убирайся!..—ворчалъ онъ, осторожно притворяя дверь.—Не мѣшай порядочнымъ людямъ серьезный разговоръ имѣть... Господинъ докторъ, я къ вашимъ услугамъ.

Докторъ смѣрилъ артиста съ ногъ до головы, презрительно пожалъ плечами и скрылся за драпировкой. Булатовъ нѣсколько времени стоялъ посреди комнаты, поправляя свой точно вылизанный по бортамъ сюртукъ, беззвучно шевелилъ губами и кончилъ тѣмъ, что презрительно махнулъ рукой.

— Да, я старъ, но это-то меня и тянетъ къ цвѣтущей молодости...—бормоталъ онъ, укладываясь на диванъ.—Артисты всегда будутъ цѣнителями красоты... а я уважаю полненькихъ...

Черезъ полчаса Булатовъ уже храпѣлъ, свѣсивъ свои длинныя ноги въ дырявыхъ сапогахъ на коверъ. Грязная и смятая сорочка точно врѣзалась ему въ красную шею, ротъ былъ открытъ, обнажая гнилые желтые зубы; одна волосатая красная рука съ напружившимися жилами была закинута за голову, другая безсильно висѣла.

II.

Черезъ нѣсколько дней въ сосѣднемъ номерѣ „Калифорніи“ происходилъ консиліумъ. Собралось человѣкъ пять докторовъ, маленькихъ провинціальныхъ знаменитостей, очень щепетильныхъ, очень завистливыхъ и постоянно враждовавшихъ между собой. Впрочемъ, на консиліумахъ они держали себя, какъ и слѣдуетъ людямъ науки — говорили сдержанно и съ достоинствомъ, у всѣхъ на лицахъ была написана ученая скука, о консультантахъ говорили не иначе, какъ: „нашъ ученый другъ высказалъ мнѣніе“, „мой многоуважаемый collega позволилъ себѣ заявить“, „беру на себя смѣлость указать на то-то“ и т. д. Двое величественно зѣвали, двое курили папиросы, а розово-сѣденькій, свѣжій, какъ яблоко, старичокъ, съ бѣлорусской фамиліей Щучка, ораторствовалъ:

— Наслѣдственность, господа!.. Что дѣлать: наука здѣсь безсильна... Обыкновенный человѣкъ вынесетъ все это шутя, а здѣсь предъ нами результатъ пяти поколѣній великихъ артистовъ: у Елены Михайловны отецъ—актеръ, дѣдъ—актеръ, прадѣдъ—актеръ... Это значитъ, что пять поколѣній вели собачью жизнь, и вотъ вамъ плоды вырожденія: наша паціентка—это клубокъ больныхъ нервовъ. Лучшее лѣкарство для такихъ субъектовъ—смерть.

Этотъ смертный приговоръ былъ подтвержденъ молчаливымъ согласіемъ всѣхъ консультантовъ, и розово-сѣденькій докторъ даже улыбнулся, довольный такимъ исключительнымъ случаемъ въ своей практикѣ. Но у Елены Михайловны есть отецъ,—необходимо предупредить старика.

— Ничего не имѣете, господа?—спрашивалъ неугомонный докторъ.

— Да къ чему это — не все ли равно?..—возражалъ докторъ Куваевъ, присутствовавшій здѣсь.—Умретъ, тогда всѣ узнаютъ...

— Нѣтъ, это нашъ долгъ, уважаемый коллега, печальный долгъ, но долгъ прежде всего.

Черезъ нѣсколько минутъ въ номеръ вошелъ г. Булатовъ. Лицо у него было только-что выбрито, и на немъ точно застыло торжественно-печальное выраженіе. Онъ поклонился съ заученнымъ достоинствомъ стараго артиста и выслушалъ сбивчивыя объясненія розово-сѣденькаго старичка, заложивъ руку за бортъ своего облизаннаго сюртука.

— Мы понимаемъ ваши родительскія чувства, господинъ Булатовъ...—бормоталъ докторъ, подыскивая слова.—Все это печально, но Еленѣ Михайловнѣ даже лучше умереть сейчасъ: для нея это единственный исходъ. Понимаете: наслѣдственность... цѣлый арсеналъ самыхъ сложныхъ болѣзней, противъ которыхъ наука безсильна. Ваша дочь—клубокъ больныхъ нервовъ, и можно только удивляться, какъ она дожила до своихъ двадцати пяти лѣтъ. Консиліумъ констатировалъ перемѣщеніе сердца въ связи съ рядомъ другихъ аномалій.

Старый актеръ приложилъ платокъ къ глазамъ, какъ это дѣлаютъ на сценѣ благородные отцы, и крѣпко пожалъ руку доктора. Куваевъ отошелъ къ окну, чтобы не видѣть этой комедіи, и сосредоточенно барабанилъ пальцами по окну.

— Успокойтесь, пожалуйста, господинъ Булатовъ...—бормоталъ розово-сѣденькій докторъ, испытывая непріятное и брезгливое чувство отъ пожатія

грязной и потной руки благороднаго отца.—Что дѣлать: рано или поздно—нашъ общій удѣлъ...

— Благодарю васъ, господа!..—хрипло заговорилъ великій артистъ, моргая сухими глазами.—Благодарю и за правду и за сочувствіе къ горю стараго артиста... Да, я отецъ, но искусство прежде всего требуетъ жертвъ. Артисты слишкомъ много живутъ одними нервами, а моя дочь...

Консультанты уже не слушали великаго артиста—раскланявшись съ нимъ издали, они кучкой выходили изъ номера, довольные исполненнымъ долгомъ. Розово-сѣденькій старичокъ фамильярно подталкивалъ доктора Куваева въ спину и на ходу бормоталъ:

— Это рѣдкій случай, молодой человѣкъ, именно перемѣщеніе сердца въ такой формѣ. Совѣтую вамъ обратить на него особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что вы, кажется, немного увлекались Еленой Михайловной. Не отпирайтесь, милый плутишка... Но какая философія: вчера разсвѣтъ и благоуханіе молодой жизни, а сегодня — смерть. Какъ это у Державина сказано: „Гдѣ столъ яствъ стоялъ, тамъ надгробные воютъ клики“... Однимъ словомъ, что-то въ этомъ родѣ... Кстати, отъ этого господина Булатова такъ и разитъ сивухой.

Куваевъ только сморщился и ничего не отвѣтилъ, — онъ не выносилъ болтуновъ. Проводивъ ученую коллегію, онъ отправился по коридору въ номеръ больной, но у самой двери его остановилъ г. Булатовъ, осторожно взявъ за локоть.

— Докторъ, говоря между нами, мнѣ до зарѣзу нужно сейчасъ нѣсколько крейцеровъ...—проговорилъ онъ со своей запойной хрипотой.

Докторъ сунулъ ему первую попавшуюся подъ руку бумажку и вошелъ въ номеръ. Но здѣсь онъ совсѣмъ былъ озадаченъ доносившимся изъ-за перегородки дѣтскимъ лепетомъ: „Мма-ма-ааа!..“. Ему отвѣчалъ чей-то задыхавшійся шопотъ.

— Это еще что за комедія?—изумлялся докторъ и громко кашлянулъ, не рѣшаясь войти.

— Войдите...—отвѣтилъ тотъ же задыхавшійся шопотъ.

Больная попрежнему лежала на кровати, а около нея подъ защитой нѣсколькихъ подушекъ возился полугодовой ребенокъ.

— Рекомендую... мой сынъ Маляйка...—шопотомъ проговорила больная, и что-то въ родѣ улыбки искривило ея запекшіяся губы.

— А... гм...—протянулъ докторъ Куваевъ и не зналъ, что ему дѣлать—именно здѣсь онъ никакъ не разсчитывалъ наткнуться на такую чувствительную сцену.

— Мм-ма-а!..—лепеталъ Маляйка, взмахивая пухлыми ручонками; взглянувъ на доктора, онъ весело улыбнулся своимъ беззубымъ ртомъ.

— Это дядя...—подсказала ребенку Паша, какъ-то испуганно взглянувъ на доктора.

Это была не горничная, а кормилица, догадался докторъ, и въ его головѣ пронеслась забытая сцена объятій великаго артиста. Вотъ отчего у этой Паши такое необыкновенно мягкое выраженіе лица, глупые глаза, какъ у всѣхъ кормилицъ, и такой полный бюстъ. Докторъ присѣлъ къ кровати и молчалъ самымъ глупымъ образомъ. Онъ шелъ сюда совсѣмъ не для этихъ телячьихъ нѣжностей, и притомъ онъ не подозрѣвалъ, что у Елены Михайловны есть грудной ребенокъ. До самой смерти нужно разыгрывать комедію. Всѣ эти мысли промелькнули въ докторской головѣ очень быстро, и онъ чувствовалъ на себѣ пытливый материнскій взглядъ.

— Ахъ, ты... звѣрушка!.. — проговорилъ онъ наконецъ, чтобы сказать что-нибудь, и даже помахалъ предъ улыбавшимся дѣтскимъ личикомъ своей перчаткой.

Больная тяжело вздохнула, закрыла округлившіеся большіе глаза и точно замерла. Докторъ наблюдалъ всякое движеніе и старался найти въ своей душѣ чувство сожалѣнія къ умиравшей матери, но въ немъ не шевельнулось даже тѣни чего-нибудь похожаго. Сказывался эгоизмъ слишкомъ здороваго молодого организма, а чужія страданія вызывали скорѣе чувство брезгливости, какъ всякое другое проявленіе слабости.

— Паша...—прошептала больная и указала глазами на ребенка, чтобы его унесли: инстинктомъ матери она поняла настроеніе доктора. .

Паша сдѣлала сердитое лицо, торопливо и ловко подхватила своими голыми красными руками ребенка и унесла его. Доктору вдругъ сдѣлалось немного совѣстно, что онъ не приласкалъ крошку,—конечно, онъ не любилъ дѣтей, это живое, ревущее мясо, но что̀ ему стоило хотя бы поцѣловать ребенка, чтобы доставить этимъ удовольствіе умирающей матери.

— Докторъ... мнѣ какъ будто сегодня лучше...—проговорила больная, съ трудомъ перекатывая свою голову на подушкѣ.

— Да?.. Это, вѣроятно, начинается кризисъ... Кстати, я даже не подозрѣвалъ, что у васъ есть ребенокъ, а это чрезвычайно важное обстоятельство... Въ каждой болѣзни самое серьезное поставить вѣрный діагнозъ.

— Консиліумъ былъ?..—спросила больная.

— Да...

— Напрасныя хлопоты... Вы такъ добры, докторъ. Но вѣдь я... хорошо знаю и безъ консиліума, что скоро умру... Да, я не сказала вамъ про ребенка... Къ чему?.. Не все ли равно... Актриса принадлежитъ прежде всего публикѣ, а публика ревнива... Потомъ, какое кому дѣло до нашей личной жизни?.. Не сердитесь на меня, докторъ... у меня есть къ вамъ просьба...

— У меня тоже: не волнуйтесь... Присутствіе ребенка вредно для васъ.

— Ахъ, нѣтъ... всего день-два, и конецъ... Я вѣдь не обманываю себя и вижу по вашему лицу свой смертный приговоръ.

Докторъ нетерпѣливо вскочилъ со своего стула и зашагалъ по комнатѣ, задѣвая ногами мебель. Къ чему разводить трагедію?.. Да, мы всѣ умремъ, но если не умѣемъ жить, то, по крайней мѣрѣ, нужно умѣть спокойно умереть.

— У меня есть просьба къ вамъ...—продолжала больная, закрывая глаза.

— Все, что̀ вамъ угодно...

Больная перевела духъ, обвела глазами комнату и заговорила своимъ задыхавшимся голосомъ:

— Докторъ, вы добрый человѣкъ... вы еще сами не знаете себя... У матери есть свой инстинктъ... и я... я чувствую эту скрытую въ васъ доброту... Маляйка останется круглымъ сиротой... на рукахъ у пьяницы-дѣда. Это сумасшедшій человѣкъ, и ребенокъ погибнетъ... Докторъ, возьмите Маляйку себѣ...

— То-есть какъ это себѣ?..

Эта неожиданная просьба умирающей просто ошеломила доктора: взять на воспитаніе чужого ребенка такъ, здорово живешь,—нѣтъ, это сумасшествіе!..

— Что̀ для васъ значитъ воспитать ребенка, а это принесетъ вамъ много такого, чего вы сейчасъ не подозрѣваете... вы посмѣетесь надъ моей сумасшедшей просьбой, но...

— Вы мнѣ позволите подумать до завтра,—нашелся докторъ, чтобы

какъ-нибудь отвязаться.—Это слишкомъ важный вопросъ, и притомъ все случилось такъ неожиданно.

Посмотрѣвъ на лгавшаго доктора, больная закрыла глаза, а когда онъ взялся за шапку, чтобы спастись постыднымъ бѣгствомъ, она съ неожиданной для него энергіей приподнялась на подушкѣ и заговорила:

— Нѣтъ, не то... докторъ: одну минуту... Если... если вы не можете сами... кто-нибудь другой... всегда найдутся добрые люди... ради Бога, докторъ, ради вашей матери прошу... Наконецъ вы можете передать ребенка въ какое-нибудь семейство... въ пріютъ... но только спасите его отъ моего отца...

— Это другое дѣло, Елена Михайловна, и я съ своей стороны употреблю всѣ зависящія отъ меня средства...

— Нѣтъ: честное слово?.. Спасите Маляйку отъ дѣда и, главное, отъ театра. Это мое послѣднее желаніе.

— Хорошо: даю вамъ честное слово!..

Въ головѣ доктора мелькнула счастливая мысль: Маляйка ему можетъ служить отличнымъ объектомъ для наблюденій и опытовъ, какъ живой препаратъ вырождающагося человѣчества. Пусть пока звѣрушка поживетъ у него, а сбыть его съ рукъ онъ всегда успѣетъ. Больная нѣсколько времени лежала съ закрытыми глазами, а потомъ позвонила. Вошла Паша.

— Позови отца...—не открывая глазъ, проговорила больная.

Великій артистъ игралъ на бильярдѣ тутъ же въ „Калифорніи“ и явился съ недовольнымъ, но внимательнымъ лицомъ. Онъ посмотрѣлъ сначала на дочь и на доктора, поцѣловалъ руку у больной и никакъ не могъ подыскать въ своемъ репертуарѣ подходящей позы для такого случая.

— Папа, вотъ докторъ беретъ Маляйку себѣ...—заговорила больная, хватаясь ослабѣвшей рукой за простыню.—И ты никогда... никогда не смѣй прикасаться къ моему ребенку...

— Елена Михайловна хочетъ сказать вамъ, что отдаетъ сына мнѣ на воспитаніе,—объяснилъ докторъ мысль больной, которая въ знакъ согласія наклонила голову.—Вы, какъ ближайшій родственникъ, должны теперь же отказаться отъ всякихъ правъ на вашего внука.

Великій артистъ понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло, горько улыбнулся и принялъ обиженно-покорный видъ.

— Елена, я ничего не имѣю противъ твоего желанія...—отвѣтилъ онъ и церемонно поклонился доктору.

— Папа, ты не сердись на меня... Это... это моя послѣдняя воля...

— Артисты должны стоять выше узъ крови...—съ драматической дрожью въ голосѣ проговорилъ г. Булатовъ и въ знакъ прощенія поцѣловалъ дочь въ лобъ.

Когда великій артистъ удалился, больная знакомъ попросила доктора подойти ближе и быстрымъ движеніемъ поднесла его руку къ своимъ запекшимся губамъ.

— Что вы... Елена Михайловна... зачѣмъ?..—смутился докторъ, вырывая руку.

— Вы мнѣ доставили величайшее счастье, докторъ... счастье умереть спокойно...

Эта выходка умирающей опять вызвала въ душѣ доктора какое-то тяжелое и непріятное чувство: ему совсѣмъ не было ея жаль... Мало ли умираетъ людей на свѣтѣ и оставляетъ послѣ себя кучу сиротъ—и то и другое только результатъ неизлѣчимаго легкомыслія. Украсть—нехорошо, а плодить нищихъ—это ничего.

III.

Примадонна умерла черезъ два дня. Антрепренеръ Хомутовъ рвалъ на себѣ волосы и ругался на четырехъ языкахъ—онъ терялъ въ ней свою главную доходную статью; доктора-консультанты были очень довольны, потому что они предсказывали именно такъ, какъ все случилось.

Номеръ въ „Калифорніи“, который занимала Вьюшина-Запольская, теперь былъ переполненъ посѣтителями, — кипѣла настоящая ярмарка. Первое мѣсто принадлежало, конечно, артистамъ мѣстной труппы, которые являлись сюда каждый день, съ огорченнымъ видомъ пожимали руку старика Булатова, припоминали къ случаю разные трогательные эпизоды изъ жизни покойной, тяжело вздыхали и шопотомъ разсказывали другъ другу свои закулисныя исторіи.

— Бѣдняжка, она была еще такъ молода...—плаксиво повторяла grande-dame, по фамиліи m-me Понсонъ, извѣстная въ труппѣ подъ кличкой „бѣдной Лили“.—Помните, какъ Лёля пѣла „Подъ душистой вѣткой сирени...“? Ахъ, какая это была прелесть!.. Еще наканунѣ своей болѣзни она говорила мнѣ: „Лидія Васильевна, голубчикъ, мнѣ что-то не по себѣ“. Потомъ она разсказывала про какой-то сонъ, который видѣла въ эту ночь... Мы съ ней были всегда очень хороши!..

Всѣ усилія m-me Понсонъ сдѣлать изъ своей цвѣтущей, дебелой фигуры что-нибудь горюющее и жалкое оставались тщетными — красное лицо такъ и оставалось краснымъ, а узкіе черные глазки плавали какъ въ маслѣ. Эта „бѣдная Лили“ пользовалась въ труппѣ популярностью, какъ особа, „сдѣлавшая хивинскую кампанію“. Она, дѣйствительно, была въ Ташкентѣ и вывезла оттуда, вмѣстѣ съ пріятными воспоминаніями о русской арміи, цѣлый гардеробъ дешевыхъ бухарскихъ шелковъ и два ковра. Съ труппой Хомутова она была неразлучна, потому что родной ея братъ, очень суровый и грубый человѣкъ, давно уже занималъ мѣсто режиссера,—фамилія ихъ была чисто-русская—Ягодкина, и какъ дѣвица Ягодкина превратилась въ m-me Понсонъ—оставалось неизвѣстнымъ. Говорили, что она была замужемъ за какимъ-то оголтѣлымъ французскимъ маркизомъ Понсонъ, хотя это послѣднее требовало еще серьезнаго подтвержденія.

— Пожалуйста, не оставляйте старика одного...—тренцала „бѣдная Лили“, обращаясь къ вѣчно-пьяному комику Недорѣзову.—Горе его убьетъ.

Вихлястый и сгорбленный комикъ улыбался своимъ беззубымъ ртомъ и тащилъ Булатова въ буфетъ, гдѣ имъ теперь былъ открытъ широкій кредитъ. Этотъ Недорѣзовъ составлялъ одну изъ крупныхъ силъ труппы, какъ самый талантливый и образованный человѣкъ, но онъ пилъ горькую, какъ многіе русскіе комики, и доводилъ антрепренера до бѣлой горячки своими прогулами, которые накатывались на него въ самое горячее время. Въ виду торжественнаго момента Недорѣзовъ пожертвовалъ Булатову сюртукъ со своего плеча,— артисты великодушны.

— Такихъ женщинъ больше нѣтъ! — повторялъ Булатовъ, когда они выпивали по рюмкѣ. — Не правда ли?.. Я горжусь, что у меня была такая дочь... Ты не можешь понимать отцовскихъ чувствъ, потому что это... это... однимъ словомъ, ты комикъ, и больше ничего!..

— Ковырнемъ еще спотыкаловки?..—говорилъ комикъ, стараясь принять видъ огорченнаго человѣка.—Въ сущности, вѣдь всѣ мы умремъ... рано или поздно.

— Конечно, издохнемъ — общій удѣлъ всего прекраснаго на землѣ, —

соглашался Булатовъ.—Только разница въ томъ, кто издохнетъ: какая-нибудь скотина, или настоящая артистка... да.

— Если ты это на мой счетъ, то, пожалуйста, побереги порохъ... А какъ ты думаешь, старина, кто теперь займетъ мѣсто Елены Михайловны,—неужели эта старая кляча Мясоѣдова?

— Мясоѣдова? Мясоѣдова послѣ Лёли?... О, это было бы ужъ слишкомъ, а Хомутовъ неглупый человѣкъ и знаетъ ей цѣну. Пока, вѣроятно, повертится и Мясоѣдова: она всегда шла у насъ на затычку — некого поставить, значитъ, давай Мясоѣдову. Мирскій ухаживаетъ за ней...

— Подлецъ!...

— Скотина!..

— Да и Хомутовъ. если разобрать, тоже свинья...

— Это давно, голубчикъ, извѣстно!..

Въ буфетъ завертывали и другіе артисты: резонеръ Астраханцевъ, первый любовникъ Чеховъ-Мирскій. Они торопливо выпивали свою рюмку и спѣшили вернуться въ номеръ, потому что явились сюда съ дамами. Астраханцевъ сопровождалъ „бѣдную Лили“, а первый любовникъ—вторую драматическую актрису Мясоѣдову. У Чехова-Мирскаго было красивое молодое лицо, но глаза смотрѣли тупымъ, безсодержательнымъ взглядомъ, и въ труппѣ про него ходила чисто-театральная поговорка: глупъ, какъ теноръ. Одѣвался онъ всегда безукоризненно и любилъ носить на выхоленныхъ рукахъ подозрительные перстни. Сейчасъ Чеховъ-Мирскій ухаживалъ за Мясоѣдовой, которая послѣ смерти Вьюшиной-Запольской заняла въ труппѣ первое мѣсто. Астраханцевъ имѣлъ очень представительную наружность и физіономію стараго дипломата не у дѣлъ. Въ труппѣ Хомутова онъ былъ самымъ стариннымъ артистомъ и пользовался репутаціей очень справедливаго человѣка, чуждавшагося тѣхъ нескончаемыхъ интригъ, которыми раздираются на части всѣ провинціальныя труппы. Говорили, что въ ранней молодости онъ былъ влюбленъ въ „бѣдную Лили“, но хивинская кампанія ихъ разлучила, а теперь Астраханцевъ по старой памяти иногда занималъ деньги у своей возлюбленной.

— Я не понимаю, что за пристрастіе у нашихъ дамъ къ этимъ похоронамъ,—говорилъ съ гримасой первый любовникъ, когда они возвращались по коридору.

— Нельзя... послѣдній долгъ,—отвѣчалъ резонеръ.

— Да, но вѣдь та же Мясоѣдова вѣчно грызлась съ Еленой Михайловной, интриговала противъ нея, а теперь плачетъ... не понимаю!..

— Я тоже не понимаю...

Покойница лежала на длинномъ столѣ, выдававшемся изъ передняго угла на средину комнаты. Все изголовье было покрыто живыми цвѣтами, въ ногахъ лежало нѣсколько вѣнковъ. Высокія свѣчи, горѣвшія въ покрытыхъ бѣлыми чехлами подсвѣчникахъ, сильно дымили; старушка-монахиня въ большихъ очкахъ монотонно читала старческимъ дребезжащимъ голосомъ псалтырь и время отъ времени оглядывалась на тихо шушукавшую у дверей толпу любопытныхъ. Мужчины жались по угламъ, женщины заглядывали со страхомъ на скрещенныя на груди руки покойной и начинали торопливо креститься. Въ уголкѣ тихо плакала „водевильная штучка“, молоденькая и некрасивая актриса, извѣстная подъ кличкой Зайца,—у ней были такіе большіе, испуганные глаза. „Бѣдная Лили“ приняла на себя роль распорядительницы и старалась занимать всѣхъ, какъ въ своемъ салонѣ. Она особенно ухажи-

вала за Мясоѣдовой, высокой и полной дамой неопредѣленныхъ лѣтъ съ красивымъ, но уже поблекшимъ лицомъ.

— Вы знаете, какъ я любила Лёлю... — шептала ей „бѣдная Лили", вытирая платкомъ сухіе глаза. — Бѣдняжка со всѣми простилась — это нашъ христіанскій долгъ.

— Я на нее не сержусь, хотя у насъ и происходили нѣкоторыя печальныя недоразумѣнія...—отвѣчала Мясоѣдова тоже шопотомъ, очень довольная своими заплаканными глазами,—это послѣднее ее умиляло.—При нашей жизни невозможно избѣгнуть столкновеній. Я ее тоже любила, какъ самую талантливую изъ всѣхъ примадоннъ, какія у насъ только были... Нужно быть справедливымъ прежде всего. Сколько у ней было однихъ подарковъ. Неужели все это останется этому пьяницѣ Булатову?

— Ахъ, не говорите, голубчикъ...

Пришла старушка Орлова, когда-то знаменитая красавица, сводившая съ ума не одинъ городъ, а теперь что-то такое сгорбленное, обрюзгшее и покорное, прикрытое скромной, темненькой шерстяной кофточкой и бѣлымъ чепцомъ, изъ-подъ котораго выбивались пряди густыхъ сѣдыхъ волосъ. Она неслышною походкой прямо подошла къ покойницѣ, помолилась, открыла зеленую пелену съ большимъ крестомъ изъ желтаго позумента и смѣло заглянула въ лицо покойницы: одинъ глазъ смотрѣлъ на нее изъ-подъ полузакрывшагося вѣка. Старушка всполошилась, торопливо сунула свою костлявую и сухую руку въ карманъ кофточки и, вытащивъ оттуда нѣсколько серебряныхъ монетъ, закрыла смотрѣвшій мертвый глазъ и положила монеты.

— Спасибо вамъ, Агаѳья Петровна...—благодарила ее „бѣдная Лили", не досмотрѣвшая во-время одной изъ своихъ прямыхъ обязанностей.

Старушка сердито посмотрѣла на нее. Вмѣсто отвѣта она взяла нѣсколько вѣнковъ и повѣсила ихъ на подсвѣчники. Весеннее солнце ворвалось пыльными дрожащими полосами въ окно и вспыхнуло яркими блесками на позументахъ покрова и мѣдныхъ застежкахъ псалтыри. Огни горѣвшихъ свѣчъ совсѣмъ потерялись въ этой нахлынувшей волнѣ ликующаго свѣта и казались колебавшимися красными точками. Въ номерѣ дѣлалось душно. Пріотворили дверь въ коридоръ, чтобы выпустить дымъ ладана.

— Мнѣ кажется, что она сдѣлалась длиннѣе... — говорила Мясоѣдова, обращаясь къ Орловой. — Потомъ мнѣ хотѣлось бы взять на память прядь волосъ... у ней были такіе прекрасные волосы!..

— Да, были... — повторила старушка. — Только волосы ей остригли во время болѣзни.

— Ахъ! Какіе эти доктора безжалостные,—можно ли было губить такіе прекрасные волосы!.. Не все ли равно умирать...

Нѣсколько разъ приходила и уходила Паша съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ. Она тупо смотрѣла своими свѣтлыми, большими глазами на собравшуюся публику, искала кого-то въ толпѣ и незамѣтно исчезала. Плакавшій въ уголкѣ Заяцъ каждый разъ нагонялъ на Пашу ужасную тоску, и она бѣжала по коридору, закрывъ лицо передникомъ.

Мужчинамъ давно надоѣло толкаться въ номерѣ покойницы, и они потихоньку ворчали. Помилуйте, нельзя дышать отъ этого ладана, а чтобы покурить—бѣги въ буфетъ. Чеховъ-Мирскій поблѣднѣлъ и нѣсколько разъ принимался дѣлать глазами выразительные знаки своей дамѣ, но Мясоѣдова грустно улыбалась и отворачивалась.

— Чего еще онѣ ждутъ, эти проклятыя дамы?—спрашивалъ Астраханцевъ, испытывавшій потребность закусить вплотную.

— Не понимаю...—отвѣчалъ первый любовникъ.—Это та самая Орлова, которая разорила какого-то милліонера?

— Да... Были и рысаки, и свой домъ, и брильянты, а теперь вотъ одна темненькая кофточка осталась. Я еще помню ее, когда она доживала свою карьеру. Она всегда была немножко сумасшедшей и ужасно сорила деньгами. Однако уже два часа.

Дамы, дѣйствительно, кого-то ждали и вопросительно поглядывали на дверь. „Бѣдная Лили“ шопотомъ разсказывала что-то Мясоѣдовой, вѣроятно, очень интересное, потому что примадонна покачивала головой, поднимала крашеныя брови и красиво вздыхала.

— Вы говорите, что между ними ничего не было? — спрашивала она, стараясь не смотрѣть на Чехова-Мирскаго, выражавшаго знаки нетерпѣнія.

— Говорятъ... Но кто можетъ знать? Во всякомъ случаѣ, это дѣлаетъ честь... да. Мужчины... о, вы знаете, что̀ такое мужчины!.. И тутъ вдругъ...

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ показались доктора Щучка и Куваевъ, заѣхавшіе навѣдаться относительно похоронной процессіи. Была устроена на этотъ случай спеціальная подписка, причемъ поклонники Елены Михайловны не скупились на деньги.

— Ахъ, докторъ...—восторженно пропищала „бѣдная Лили“, устремляясь къ дверямъ.

— Позвольте, Лидія Васильевна, который изъ двухъ?—шутилъ Щучка, загораживая дорогу.—Я могу принять это на свой счетъ, а въ мои годы увлеченія обходятся очень дорого.

— Вы неисправимый старый шалунъ, — кокетничала „Бѣдная Лили“, ударивъ розово-сѣденькаго шалуна фамильярно по плечу.—Я говорю съ Николаемъ Григорьевичемъ...

— Что̀ такое случилось?—удивлялся Куваевъ, здороваясь съ Мясоѣдовой.

— Ничего, ничего...—бормотала Лили, закатывая глазки.—Вы еще такъ молоды, а въ вашей груди бьется женское сердце... да. Повѣрьте, что мы, женщины, оцѣнимъ вашъ благородный поступокъ, какъ никто другой.

— Какой поступокъ?.. Извините, я, кажется, не понимаю васъ...

— Ахъ, послѣ, послѣ... — шептала Лили, прикладывая платокъ къ глазамъ.—Скромность дѣлаетъ еще больше чести вашей душѣ.

Эти слова заставили Куваева побагровѣть, и въ его глазахъ запрыгали огни погребальныхъ свѣчъ. Чеховъ-Мирскій подталкивалъ локтемъ Астраханцева, который смотрѣлъ на доктора равнодушными глазами человѣка, видавшаго виды. Положеніе Куваева выходило очень некрасивое, и онъ не зналъ, что̀ ему сказать: исторія съ Маляйкой, значитъ, уже выплыла на свѣтъ Божій и съ быстротой молніи облетитъ весь городъ. Ему не будутъ давать прохода—мужчины двусмысленностями, дамы телячьими нѣжностями. Онъ подозрительно посмотрѣлъ на актерскія бритыя физіономіи, на старуху Орлову, которая, указывая на него пальцемъ, спрашивала Зайцева: „Этотъ?“—и еще болѣе смутился. Изъ затрудненія его вывелъ Щучка, заговоривши о похоронахъ: вѣнки понесутъ особыя депутаціи, или просто сложатъ ихъ на крышкѣ гроба?

— Депутаціи слишкомъ ужъ торжественно...—вмѣшалась Мясоѣдова.

— Какія депутаціи?..—хрипло спрашивалъ появившійся въ номеръ Булатовъ, едва держась на ногахъ.—Дочь актера... я требую, чтобы ее похоро-

нили въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ... въ некрашеномъ деревянномъ гробу... это послѣднее желаніе отца, который въ ней потерялъ все...

Булатова кой-какъ увели, а за нимъ вырвался и Куваевъ. Но въ корридорѣ его поймала Паша—она караулила его здѣсь съ самаго утра.

— Что тебѣ?—сердито спрашивалъ ее докторъ.

— Я... я... Маляйка...—шептала Паша, глотая слезы.

— Ахъ, отстань, пожалуйста: дѣлайся съ нимъ, какъ знаешь! Потомъ все устроимъ...

Послѣднія слова онъ договаривалъ на ходу, почти убѣгая изъ „Калифорніи“. Паша стояла на томъ же мѣстѣ съ остановившимися глазами и раскрытымъ ртомъ, и потомъ, пошатываясь, какъ пьяная, около стѣнки побрѣла къ себѣ внизъ, гдѣ скрывался Маляйка. Докторъ Куваевъ въ это время проклиналъ ни въ чемъ неповиннаго ребенка, который свалился, какъ снѣгъ на голову.

— Чортъ знаетъ, что такое получается,—ворчалъ онъ, припоминая комплименты „бѣдной Лили“.—Этакъ сдѣлаешься посмѣшищемъ всего города!..

IV.

Похороны примадонны устроились самымъ торжественнымъ образомъ. Собралась вся хомутовская труппа, и явились недавніе почитатели и поклонники безвременно угаснаго таланта. Вся улица около „Калифорніи“ была запружена толпой любопытныхъ и просто случайныхъ уличныхъ зѣвакъ. День выдался свѣтлый и теплый, какіе бываютъ только въ концѣ марта, когда появятся первыя проталинки и дорога почернѣетъ. Карнизы домовъ обрастали за ночь ледяными сталактитами, а теперь съ нихъ бѣжала вода. Въ ближайшемъ саду перекликались галки, вѣчно ссорившіяся съ обижавшими ихъ воронами. Цѣлая толпа нищихъ и необыкновенно убогихъ старушекъ осаждала подъѣздъ „Калифорніи“ съ ранняго утра, перебраниваясь съ двумя полицейскими, торчавшими здѣсь же „для порядка“.

Всей церемоніей распоряжался самъ антрепренеръ Хомутовъ, великій художникъ по части всевозможныхъ церемоній. Его бритая, одутловатая физіономія появлялась за-разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а надсаженный голосъ раздавался во всѣхъ комнатахъ. Это былъ настоящій провинціальный антрепренеръ—подвижный, немножко грубый и никогда не унывавшій. Про него говорили, что онъ и родился несостоятельнымъ должникомъ, и теперь занималъ деньги даже у капельдинеровъ. Каждый годъ Хомутову пророчили крахъ, но приходила осень, и онъ являлся въ Бужоѣмъ съ новой труппой и всѣ столбы оклеивалъ своими афишами. Въ своемъ театрѣ онъ былъ всѣмъ: актеромъ, декораторомъ, режиссеромъ, а въ случаѣ затрудненія садился на капельмейстерское мѣсто и дирижировалъ оркестромъ. Всегда прилично одѣтый, всегда озабоченный и всегда съ готовой остротой, висѣвшей у него на кончикѣ языка, онъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ—на юбилеяхъ, на торжественныхъ обѣдахъ, на встрѣчахъ и проводинахъ. Онъ убиралъ зеленью комнаты, заколачивалъ гвозди, подносилъ дамамъ букеты, ругался со всѣми рабочими, училъ поваровъ и лакеевъ, говорилъ остроумные застольные спичи и, потный, усталый, разсерженный, повторялъ:

— Нѣтъ, слуга покорный! Отъ такой собачьей жизни можно умереть!..

Въ „Калифорнію“ онъ явился передъ выносомъ, вмѣстѣ съ о. протодьякономъ, котораго раздобылъ, несмотря на всевозможныя препятствія. Прежде

всего оказалось, что все было сдѣлано невозможно, и Хомутовъ собственноручно принялся обивать гробъ новой матеріей: розовая была слишкомъ банальна— нужно голубую, это эмблематическій небесный цвѣтъ, да и глаза у Елены Михайловны были тоже голубые. Полетѣли со своихъ мѣстъ цвѣты и вѣнки, перемѣнены были подсвѣчники; „бѣдная Лили“, явившаяся въ пестрой бухарской шали, должна была надѣть простой черный платокъ, актерамъ повязанъ на локтяхъ крепъ, лѣстница увѣшана гирляндами изъ хвои, на лошадиныхъ попонахъ явились иммортельки и т. д. Уложивъ покойницу въ гробъ своими руками, Хомутовъ посмотрѣлъ ей въ лицо, отвернулся, чтобы вытереть слезу, и, обратившись къ доктору Щучкѣ, проговорилъ:

— Какъ вамъ, докторъ, не совѣстно: вы лишили меня лучшей артистки.

Въ своей труппѣ Хомутовъ походилъ на пѣтуха въ курятникѣ, и самые строптивые невольно покорялись его неугомонной волѣ. За-глаза всѣ актеры ругали его, чтобы выкупить хоть чѣмъ-нибудь свое рабство. Актрисы плакали, капризничали, даже плевали въ физіономію Хомутову, но всякія недоразумѣнія заканчивались только новымъ торжествомъ антрепренера. Только въ одномъ случаѣ Хомутовъ былъ безсиленъ: онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ Мясоѣдовой, глупой и неспособной актрисы, которая висѣла на хомутовской шеѣ, какъ пудовая гиря. Эта связь тянулась пятнадцать лѣтъ и стоила большихъ денегъ—другими словами, Хомутовъ забивалъ всѣ свои средства, чтобы вытащить Мясоѣдову на столичную сцену. Увлеченія другими женщинами и легкія закулисныя интрижки Хомутова въ счетъ не шли, разъ потому, что Мясоѣдова слишкомъ хорошо знала театральный бытъ, а потомъ каждая новая шалость выкупалась самой тяжелой цѣной—неуязвимый антрепренеръ валялся въ ногахъ у своего идола и плакалъ, какъ ребенокъ. Каждое смазливое женское личико, появлявшееся на сценѣ, стоило ему страшныхъ сценъ домашней ревности, оскорбленій и просто оплеухъ. Всего комичнѣе было то, что Хомутовъ, знавшій порядочно сцену и умѣвшій опредѣлить артиста съ двухъ словъ, считалъ Мясоѣдову непризнаннымъ талантомъ. Публика ея не любила, но Хомутовъ упорно воевалъ съ этимъ равнодушіемъ, подкупая газетныхъ рецензентовъ, устраивая дебюты Мясоѣдовой въ столицѣ, загораживая дорогу начинающимъ талантамъ.

Въ страшной суматохѣ, поднятой въ „Калифорніи“, Хомутовъ успѣвалъ видѣть всѣхъ и все. По пути онъ ласково потрепалъ опять плакавшаго Зайца по розовой щекѣ и проговорилъ: „бѣдный Зайчикъ!“, поцѣловалъ руку у Орловой, освѣжилъ о. протодьякона коньякомъ, больно ущипнулъ подвернувшуюся Пашу и, отведя въ сторону Щучку, приказалъ:

— У Булатова нѣтъ шубы... Поѣзжайте ко мнѣ и привезите, у меня тамъ есть старая енотка.

— Послушайте, вы за кого меня принимаете?

— Что же, по-вашему, родной отецъ долженъ итти за гробомъ своей дочери въ одномъ сюртукѣ?.. Вы привезите шубу, а потомъ я къ вашимъ услугамъ.

Куваевъ нарочно пріѣхалъ къ самому выносу тѣла, чтобы не служить мишенью городскихъ разговоровъ, участливыхъ взглядовъ и сдержанныхъ улыбокъ. Въ толпѣ актеровъ были и частныя лица: товарищъ прокурора, два адвоката, нѣсколько купцовъ и чиновниковъ. Одни пришли изъ любопытства, другіе, чтобы потолкаться въ пестрой актерской толпѣ. Этотъ сбродный міръ остался вѣренъ самому себѣ и въ наглядномъ присутствіи смерти: та же фальшь, та же безустанная интрига и неунимавшаяся сплетня.

— Мы только васъ и ждали, чтобы начать выносъ...—шепнулъ Хомутовъ Куваеву, устраивая пѣвчихъ въ двѣ шеренги—регентъ напился въ буфетѣ прежде времени, и Хомутову пришлось занять его мѣсто.

Похоронная процессія растянулась на всю улицу. Впереди шли пѣвчіе съ регентовавшимъ Хомутовымъ, за ними сѣдой старичокъ-священникъ въ свѣсившейся на бокъ ризѣ, его поддерживалъ о. протодьяконъ; дальше слѣдовалъ пустой катафалкъ — гробъ несли артисты-мужчины на рукахъ, а женщины несли вѣнки. Кучка театральныхъ любителей замыкала шествіе. Погребальный звонъ, шлепанье просачивавшейся подъ ногами воды, смутный говоръ напиравшей со всѣхъ сторонъ толпы—все это перемѣшалось въ головѣ Куваева въ невообразимо пеструю и тяжелую картину. По странной случайности онъ все время смотрѣлъ на широкую спину Булатова, который съ важностью, приличной случаю, шагалъ сейчасъ за гробомъ, облеченный въ хомутовскую енотку. Это была послѣдняя ложь, но старикъ былъ доволенъ, и мы боимся сказать больше—счастливъ. Онъ на нѣсколько часовъ являлся героемъ дня, и всѣ взоры были устремлены на него: „бѣдный отецъ великой артистки!“ Театральныя дамы шли съ блѣдными лицами, нѣкоторыя плакали, и только одна „бѣдная Лили“ цвѣла, какъ свекла. Докторъ Щучка шелъ рядомъ съ ней и трогательно напоминалъ, гдѣ нужно было обходить мокрыя мѣста и лужи.

Торжественное отпѣваніе въ церкви ничѣмъ особенно не выдѣлилось, кромѣ того, что Зайцу сдѣлалось дурно, и съ ней пришлось отваживаться. Пьяный комикъ Недорѣзовъ тоже плакалъ. Путь на кладбище шелъ тѣмъ же порядкомъ, съ тою разницей, что гробъ везли на катафалкѣ, а театральныя дамы ѣхали на извозчикахъ. Докторъ Куваевъ ѣхалъ вмѣстѣ съ другими и, угнетенный всей этой мишурой, обдумывалъ свое собственное глупое положеніе.

— Необходимо этого Маляйку сбыть съ рукъ,—разсуждалъ онъ, перебирая въ умѣ своихъ знакомыхъ.—А то въ самомъ дѣлѣ...

Чѣмъ дальше онъ думалъ на эту тему, тѣмъ несомненнѣе казалось ему рѣшеніе: всякія глупости нужно обрывать разомъ. Такой ходъ мыслей нарушался только воспоминаніемъ о Пашѣ, которая встрѣчала его каждый разъ такимъ благодарнымъ и беззащитнымъ взглядомъ. Странно, что о самой Еленѣ Михайловнѣ онъ почти не думалъ и какъ-то не могъ проникнуться настоящей жалостью ко всему случившемуся, какъ и всѣ другіе участники похоронъ. Въ самомъ дѣлѣ, выходило какъ-то такъ, что покойница оставалась въ сторонѣ, а всякій думалъ о своихъ дѣлахъ. Да и что она такое была для нихъ всѣхъ?—случайный человѣкъ, заброшенный въ хомутовскую трупу, Богъ знаетъ, какимъ вѣтромъ.

Когда процессія наконецъ прибыла на кладбище, всѣ почувствовали себя очень утомленными, особенно дамы. Явилась общая мысль поскорѣе оставить покойницу на кладбищѣ и вернуться къ своимъ текущимъ дѣламъ. Первый комъ земли бросилъ Булатовъ, за нимъ Хомутовъ. Дамы съ блѣдными лицами заглядывали въ отверстіе могилы и старались бросить горсти песку, чтобы мерзлая земля не стучала о гробовую доску. Когда проворные могильщики торопливо начали работать лопатами, Булатовъ какъ-то глухо вскрикнулъ и схватился за грудь, но публика уже спѣшила расходиться и на него не обратили вниманія.

— Я подарилъ ему эту шубу...—замѣтилъ Хомутовъ, усаживаясь въ сани Куваева.—Что же, въ самомъ дѣлѣ, и на насъ есть кресть: не околѣвать же старику на морозѣ.

— Куваевъ, Куваевъ, посадите меня!..—кричалъ Щучка, протискиваясь къ санямъ.—Моей лошади гдѣ-то нѣтъ...

— Къ сожалѣнію, вы опоздали, милый докторъ,—отвѣчалъ Хомутовъ, закуривая сигару.—Вы поѣдете съ Лили... Бѣдняжка устала и требуетъ серьезнаго участія...

Въ „Калифорніи“ былъ устроенъ довольно порядочный обѣдъ, и всѣ благодарили Хомутова за его хлопоты. Онъ былъ немножко навеселѣ и только раскланивался; у него не было голоса для спичей. Говорилъ за него Астраханцевъ, потомъ какой-то адвокатъ. Куваевъ едва дождался конца, чтобы убраться поскорѣе домой. На подъѣздѣ его догналъ Щучка, имѣвшій такой возмущенный и несчастный видъ.

— Куваевъ... Куваевъ... вотъ еще исторія-то!..—бормоталъ онъ, теряя калошу на дорогѣ.—Представьте себѣ, всѣ подписныя деньги я передалъ Хомутову, а онъ никому и ничего не заплатилъ и самъ куда-то сквозь землю провалился. Нужно платить пѣвчимъ, прислугѣ, за обѣдъ... Чортъ знаетъ что такое!.. Это какой-то разбойникъ... Вы не видали его?..

Куваевъ могъ только пожать плечами: случай, дѣйствительно, вышелъ не совсѣмъ обыкновенный. Получить деньги съ Хомутова назадъ нечего было и думать.

— Зачѣмъ же вы отдавали ему деньги?..—накинулся Куваевъ на несчастнаго Щучку.

— И самъ не знаю, какъ это вышло: просто стихъ такой дурацкій нашелъ... Ахъ, разбойникъ, разбойникъ!..

V.

Провинціальный городъ Бужоёмъ расположился въ красивой гористой мѣстности, но самъ по себѣ, какъ большинство русскихъ городовъ, рѣшительно ничего замѣчательнаго не представлялъ—прямыя улицы, чуть вымощенныя въ центрѣ и тонувшія въ грязи по окраинамъ, купеческія хоромины съ зелеными крышами, десятокъ церквей, нѣсколько общественныхъ зданій неизвѣстнаго стиля, чахлый бульваръ, плохонькій театръ, посрединѣ площади неизбѣжный гостиный дворъ, походившій на острогъ, и только. Его можно было бы назвать очень скучнымъ, если бы для сравненія были города веселѣе и красивѣе. Около сорока тысячъ жителей околачивались на казенной и частной службѣ, была кой-какая торговлишка, а большинство обывателей существовало рѣшительно неизвѣстными доходами, и въ графѣ земской статистики по этому вопросу оголтѣлые мѣщане писали: „живу своимъ средствіемъ“, „снимаю фатеру“, „живу въ собственномъ флигелѣ съ мезониномъ“.

Квартира доктора Куваева находилась недалеко отъ театра, гдѣ главная улица дѣлала поворотъ къ рѣкѣ Бужоёмкѣ. Снаружи это было одноэтажное бревенчатое зданіе, точно присѣвшее къ землѣ; въ отворенныя ворота можно было видѣть широкій дворъ, службы и привязанную къ столбу собственную лошадь. Небольшой подъѣздъ съ дверью, обитой клеенкой и мѣдной дощечкой: „Николай Григорьевичъ Куваевъ, врачъ“, велъ въ полутемную переднюю, гдѣ посѣтителей встрѣчалъ отставной солдатъ Егоръ, „отвѣчавшій за кучера“. Изъ передней дверь вела въ свѣтлую пріемную съ мягкой триповой мебелью, цвѣтами и фотографіями на стѣнѣ. Здѣсь докторъ принималъ своихъ паціентовъ, расхаживая изъ угла въ уголъ. Вторая дверь вела въ кабинетъ и спальню, а третья въ столовую и двѣ заднія комнаты, стоявшія пустыми. Въ нихъ хозяинъ собирался устроить лабораторію и препаровочную, но все руки

какъ-то не доходили. Кухня помѣщалась внизу. Для холостого одинокаго человѣка такая квартира была, пожалуй, велика, но въ Бужоемѣ не было, во-первыхъ, удобныхъ квартиръ вообще, а во-вторыхъ, туда еще не проникла та дороговизна, которую привозятъ съ собой поѣзда желѣзныхъ дорогъ и пароходы.

Существуетъ мнѣніе, что обстановка характеризуетъ своего хозяина, но по этой мѣркѣ мы затруднились бы сказать о докторѣ Куваевѣ что-нибудь опредѣленное, потому что его квартира ничего особеннаго не представляла. Самымъ живымъ мѣстомъ являлся кабинетъ, но и тутъ, кромѣ медицинскихъ книгъ и фотографій актрисъ, рѣшительно ничего не было. На окнѣ валялись какіе-то мудреные хирургическіе инструменты, газеты для удобства складывались на кресло-качалку, на письменномъ столѣ красовались самыя банальныя вещи: очень массивная и еще болѣе того неудобная чернильница, портретъ старушки въ чепцѣ, покрытый пылью прессъ, бронзовый календарь, показывавшій всегда одно и то же число, стаканчикъ съ карандашами и перьями и еще какая-то кабинетная дрянь, неизвѣстно для чего попадающая на письменные столы. Лежавшій подъ ногами коверъ былъ заплеванъ и покрытъ пепломъ, потому что Егоръ считалъ всякую чистоту своимъ личнымъ врагомъ. Послѣ обѣда докторъ любилъ засыпать съ книгой или газетой въ рукахъ на неуклюжей кушеткѣ, поставленной такъ, что она мѣшала и ходить и сидѣть. Въ спальнѣ царилъ настоящій безпорядокъ,—кровать, впрочемъ, стояла посреди комнаты, какъ предписываетъ гигіена, въ одномъ углу мраморный умывальникъ, въ другомъ комодъ, по стѣнамъ принадлежности гардероба, но все остальное не выдерживало никакой критики и требовало настоятельнаго вниманія.

Мы не можемъ сказать, чтобы докторъ не замѣчалъ царившаго въ его домѣ холостого безпорядка, или что онъ не сумѣлъ бы устроиться иначе,—нѣтъ, но онъ, съ одной стороны, слишкомъ мало жилъ дома, чтобы заниматься подобными пустяками, а потомъ на пять тысячъ годовой практики немного сдѣлаешь. Ужъ если заводить обстановку, то настоящимъ образомъ, а всякое мѣщанство шокировало доктора хуже нищеты. Самое главное заключалось въ томъ, что докторъ вообще смотрѣлъ на свою настоящую жизнь, какъ на что-то временное, что существуетъ пока, а будущее впереди. Вѣдь ему всего было тридцать лѣтъ съ небольшимъ, и жизнь улыбалась. Кромѣ всего этого, докторъ любилъ эту походную обстановку и, возвращаясь въ холостую квартиру, съ удовольствіемъ чувствовалъ себя тѣмъ независимымъ человѣкомъ, который никому и ни въ чемъ не обязанъ давать отчета. Разумный эгоизмъ—вотъ цѣль жизни, а остальное все глупости. Куваевъ принадлежалъ къ тѣмъ сдержаннымъ и крѣпкимъ натурамъ, жизнь которыхъ выстраивается по извѣстному шаблону. Онъ любилъ свою науку, работалъ добросовѣстно и больше не хотѣлъ ничего знать. Бывая въ семейныхъ домахъ, какъ знакомый и какъ врачъ, онъ вездѣ видѣлъ одну и ту же закулисную сторону семейной жизни и далъ себѣ слово никогда не жениться. Эти вѣчныя ссоры мужей и женъ, жалобы и подергиванья, обвиненія другъ друга, иногда семейныя драмы и нѣдыя трагедіи,—нѣтъ, благодарю покорно, можно обойтись и безъ этого. Считая себя холоднымъ и расчетливымъ натурой, докторъ рѣшилъ про себя, что онъ не созданъ для семейныхъ радостей. Эта эгоистическая философія скрашивалась кой-какими приключеніями: легкими интрижками, иногда жестокимъ путешомъ въ обществѣ тѣхъ же женатыхъ мужчинъ.

Появленіе Маляйки сразу нарушило обычное теченіе жизни въ докторской

квартирѣ. Ему были отведены тѣ двѣ заднихъ комнаты, гдѣ предполагались препаровочная и лабораторія. Паша быстро освоилась въ новой обстановкѣ, съ какой-то мышиной ловкостью въ нѣсколько дней сумѣла загромоздить ихъ всевозможнымъ хламомъ, какой набирается въ дѣтскихъ: появились какіе-то таинственные сундуки, дѣтская ванночка, колченогая мебель, какая-то ситцевая занавѣска, кривое зеркальце на стѣнѣ, а по обѣимъ его сторонамъ непзбѣжныя фотографіи, засиженныя мухами. Докторъ не узналъ этихъ комнатъ, когда заглянулъ сюда черезъ нѣсколько дней по водвореніи Маляйки.

— Кровать нужно отодвинуть отъ печки,—внушительно замѣтилъ докторъ, искоса взглядывая на спавшаго ребенка.—Потомъ, чтобы не было этого крика... понимаешь? Я вообще не выношу шуму.

— Этакій-то ребеночекъ да будетъ безпокоить...—отвѣтила Паша и сдѣлала сердитое лицо.

Докторъ въ это время разсматривалъ фотографіи на стѣнѣ. На одной онъ узналъ Елену Михайловну, какой она, вѣроятно, была лѣтъ пять тому назадъ, а на другой съ неестественной важностью выглядывалъ какой-то выцвѣтшій господинъ съ бритой актерской физіономіей и какимъ-то дурацкимъ бантомъ вмѣсто галстука.

— Это кто такой?—невольно полюбопытствовалъ Куваевъ, тыкая пальцемъ на послѣднюю фотографію.

— Такъ... супругъ Елены Михайловны.

— А!..

Сморщившись, докторъ понюхалъ воздухъ и замѣтилъ:

— Воздухъ какъ будто не совсѣмъ... Нужно вентиляторъ открывать чаще.

— Это ужъ вы сами придумываете: никакого здѣсь воздуху нѣтъ.

— Ты ничего не понимаешь...

Паша вдругъ улыбнулась и посмотрѣла на доктора съ какимъ-то обиднымъ снисхожденіемъ.

Въ окна дѣтской смотрѣло уже апрѣльское солнце и весело разбѣгалось по стѣнамъ игравшими зайчиками. Въ открытый вентиляторъ сквозь шумъ вертѣвшагося колеска доносился откуда-то мѣрный великопостный благовѣстъ. Докторъ посмотрѣлъ на нестрепкіе обои, отставшіе по угламъ, на давно небѣленый потолокъ, и подошелъ къ кроваткѣ. Маляйка спалъ сномъ праведника, раскинувъ голыя ручонки. Это былъ прелестный ребенокъ съ просвѣчивающими розовыми тонами кожи и такими смѣшными, пухленькими пальчиками. Что-то такое беззащитное и счастливое сномъ невѣдѣніемъ чувствовалось въ этомъ крошечномъ тѣльцѣ, жившемъ одними растительными процессами. И вотъ изъ этого пузыря вырастетъ большой человѣкъ, эта голова будетъ думать, а сердце забьется желаніями... Мы уже сказали, что докторъ не былъ сентиментальнымъ человѣкомъ, поэтому онъ скоро отвернулся отъ Маляйкиной кроватки и довольно строго спросилъ Пашу:

— А видъ у тебя есть?..

Этотъ вопросъ заставилъ кормилицу торопливо нырнуть за занавѣску, гдѣ громыхнула крышка скрытаго сундука. Черезъ минуту она представила доктору самую форменную бумагу, въ которой значилось, что Пелагея Носкова, жена запаснаго фейерверкера, отъ роду имѣетъ 23 года, лицо чистое, носъ обыкновенный, особенныхъ знаковъ и примѣтъ на тѣлѣ не обнаружено.

— А гдѣ у тебя мужъ?—спрашивалъ докторъ, не рѣшаясь назвать кормилицу попросту Пашей, какъ ее называла Елена Михайловна.

— Фиціантомъ въ „Калифорніи“ служитъ.

„Этого еще недоставало...—сердито подумалъ докторъ, оглядывая Пашу съ ногъ до головы.—Хорошъ, должно-быть, гусь этотъ офиціантъ, сдѣлавшій изъ жены дойную корову...“

Въ головѣ доктора быстро пронеслась картина, какъ запасный фейерверкеръ будетъ по праздникамъ являться вотъ въ эти самыя комнаты, непремѣнно пьяный, будетъ требовать угощенія и вообще всѣми средствами и способами показывать, что онъ законный мужъ и можетъ дѣлать все „въ своемъ правѣ“. Доктору показалось, что въ комнатѣ уже пахнетъ дешевыми дрянными папиросами, какія курятъ офиціанты, и онъ подозрительно посмотрѣлъ на таинственную ситцевую занавѣску, за которой Паша спала, свернувшись калачикомъ на сундукѣ, а потомъ на ея темненькое ситцевое платье и собранные по-бабьи волосы.

— Мужъ у меня смирный...—предупредила Паша вертѣвшійся на языкѣ доктора вопросъ.

Докторъ ничего не отвѣтилъ и, круто повернувшись на каблукахъ, вышелъ изъ дѣтской. Паша проводила его глазами и проворчала:

— Ишь, какой сердитый выискался. „Іуму не выношу!..“. Тоже живой человѣкъ, ежели въ другой разъ и поревѣтъ...

Вечеромъ этого же дня явился и Хомутовъ, разжиревшій, потный, охрипшій. Куваевъ принялъ его довольно холодно и провелъ въ кабинетъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!..—громко заговорилъ Хомутовъ, разваливаясь въ креслѣ и безъ приглашенія вытаскивая сигару изъ ящика.— Проклятый городъ... Щучка-то какъ меня отблагодарилъ тогда... а? По всему городу разнесъ, что я прикарманилъ всю подписку... Какъ это по-вашему?.. Я, дѣйствительно, не могъ разсчитаться тогда, тутъ же за обѣдомъ, но потомъ все дочиста роздалъ: и пѣвчимъ и въ „Калифорнію“. Вотъ послѣ этого и хлопочи, и разрывайся на сто тысячъ частей...

— Я слышалъ что-то такое, но былъ увѣренъ, что произошло недоразумѣніе,—обрадовался Куваевъ, подавая Хомутову огня.

— Да, это все Щучка напуталъ... Старый дуракъ!.. Пусть онъ теперь покажетъ ко мнѣ за кулисы свою глупую рожу... Впрочемъ, я не злой человѣкъ, да и что мнѣ: плевать...

Хомутовъ поправилъ сбившійся на-бокъ галстукъ, вытянулъ ноги и широко вздохнулъ. Въ этомъ человѣкѣ жила какая-то захватывающая энергія, и Куваевъ чувствовалъ себя въ его присутствіи какъ-то бодрѣе, какъ было и сейчасъ.

— Знаете, и про васъ по городу: гу-гу-гу!..—продолжалъ Хомутовъ, насасывая сигару.—И что придумаютъ, будто этотъ несчастный ребенокъ вашъ... ей-Богу!.. Да вѣдь я-то знаю хорошо, чей онъ, да и Елена Михайловна была не такая женщина...

Это извѣстіе возмутило Куваева, и онъ забѣгалъ по кабинету. Дѣйствительно, проклятый городъ изъ какого угодно хорошаго дѣла непремѣнно устроятъ пакость. Хомутовъ далъ время доктору выговориться, а потомъ безъ церемоніи попросилъ вина.

— Да вы не безпокойтесь: прямо давайте бутылку сюда на столъ и два стаканчика...—говорилъ онъ, когда докторъ началъ искать глазами подходящаго мѣста.—У меня голова идетъ кругомъ, а вино освѣжаетъ... Послѣ обѣда я люблю выпить стаканчикъ...

Появилась бутылка, и Хомутовъ выпилъ ее одинъ, поддакивая доктору, жаловавшемуся на несправедливость людей вообще и бужоѣмскихъ обывателей въ частности.

— Да вы плюньте, какъ я всегда дѣлаю въ подобныхъ случаяхъ,—успокаивалъ Хомутовъ, прищуривая глаза.—Не довернешься—бьютъ, перевернешься—бьютъ. Нужно философски смотрѣть на жизнь. А всему причиной эти проклятыя бабы съ своимъ языкомъ... Если бы вы знали, что онѣ мнѣ стоятъ!.. Ну, да плевать на все, а смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній. Вы что же это, докторъ, забыли насъ и въ театръ носа не показываете?..

— Да все какъ-то некогда...

За разговоромъ Хомутовъ незамѣтно выпилъ всю бутылку одинъ, закурилъ на дорогу другую сигару и взялъ у доктора взаймы пятьдесятъ рублей, „до завтра“, какъ онъ обыкновенно занималъ. Кувaевъ съ удовольствіемъ сдѣлалъ это послѣднее одолженіе, точно желалъ заплатить за невольное сомнѣніе въ честности Хомутова, въ которое его ввелъ этотъ идіотъ Щучка. Надѣвая въ передней калоши Хомутовъ дружески ударилъ Кувaева по плечу и, подмигнувъ, весело проговорилъ.

— Э, батенька, нужно поощрять искусство.

Это была любимая поговорка, когда Хомутовъ чувствовалъ себя хорошо.

На другой день Кувaевъ имѣлъ удовольствіе слышать, что Хомутовъ всю похоронную подписку положилъ цѣликомъ въ свой антрепренерскій бездонный карманъ, и пришлось дѣлать вторую.

— Это разбойникъ!..—кричалъ розовый Щучка, размахивая руками.—Помилуйте, ему ножъ въ руки и на большую дорогу... Разбойникъ!..

— Да, и очень ловкій разбойникъ,—соглашался Кувaевъ, изъ чувства самосохраненія не разсказавшій никому о вчерашней продѣлкѣ Хомутова.

VI.

Паша переживала скверное время, начиная съ того, что запасный фейерверкеръ очень неохотно согласился на ея жизнь въ холостой докторской квартирѣ. Это былъ заурядный трактирный лакей съ бритой физіономіей и развинченными движеніями; жену онъ любилъ и по вечерамъ, сидя въ своей каморкѣ, обыкновенно мечталъ вслухъ о томъ блаженномъ времени, когда заведетъ въ Бужоемѣ свой домишко и займется торговлишкой. Это была давнѣшняя мысль, опьянявшая „фиціанта“ своей заманчивостью. Можно себѣ представить, сколько Пашѣ нужно было употребить женской ловкости, ласкъ и специально-бабьихъ наговоровъ, чтобы уломать мужа.

— Главная причина, что другіе фиціанты проходу мнѣ не дадутъ,—разсуждалъ онъ, выслушавъ всѣ доводы жены.—Въ самъ-то дѣлѣ, отъ живого мужа да въ чужіе люди... Докторъ-то холостой, а врагъ горами качаетъ.

— А десять цѣлковыхъ жалованья въ мѣсяцъ, это какъ по-твоему?..—доказывала Паша съ своей стороны.—Вонъ за мѣсяцъ впередъ получила, а тамъ еще подарки къ праздникамъ...

Въ „Калифорніи“ для четы Носковыхъ была отведена крошечная каморка гдѣ-то подъ лѣстницей, гдѣ, какъ говорила Паша, было „ни встать ни сѣсть“. Помѣщеніе было самое неудобное, и вдобавокъ здѣсь вѣчно воняло керосиномъ, вакса и еще той специальной духотой, какая накопляется только въ трактирахъ. Но Паша любила эту трактирную нору, и ей было тяжело съ ней разставаться.

— Жалованье... оно, конечно...—размышлялъ „фиціантъ“.—Особливо, если при сверхъ...

— Ты считай, въ годъ-то сколько это будетъ,—настаивала Паша.—

Полтораста цѣлковыхъ—легко сказать!.. Вотъ онъ, домишко-то, и вырастетъ... Это какъ по-твоему? А что зря будутъ болтать фиціанты, такъ они и такъ скажутъ...

Въ подтвержденіе чистоты своихъ помысловъ, Паша клялась всѣми святыми, плакала и повторяла:

— А куда безъ меня Маляйка-то дѣнется... а?.. Несмысленный ребеночекъ, погинетъ какъ разъ въ чужихъ-то людяхъ, а тоже живая душа... Елена-то Михайловна со слезами меня просила...

У Носковыхъ свой ребенокъ только-что умеръ, и Паша переносила свое неудовлетворенное материнство цѣликомъ на Маляйку, а круглое сиротство ребенка подымало въ ея душѣ самыя нѣжныя чувства. Жадный до денегъ фиціантъ кое-какъ былъ умоленъ, и Паша птицей летѣла къ своему воспитаннику, придумывая разные страхи относительно оставленнаго въ одиночествѣ Маляйки.

Но главныя затрудненія были не въ отношеніяхъ къ мужу, а въ докторской квартирѣ, гдѣ были неумолимые домашніе враги—кучеръ Егоръ и кухарка Степанида. Появленіе Маляйки они встрѣтили крайне непріязненно, какъ личную свою обиду, и съ перваго дня принялись донимать несчастную Пашу тѣми невидимыми мелочами, какими можно отравить жизнь. Особенно усердствовала кухарка, разбитная и пропащая бабенка, возненавидѣвшая Пашу съ перваго взгляда, какъ свою очевидную соперницу,—въ качествѣ солдатки непокрытой головы, она къ Егору питала особенно нѣжныя чувства. Чтобы вскипятить молоко или достать теплой воды изъ кухни, Паша принимала отъ своихъ враговъ настоящую „муку мученическую“,—они выпучивали ее, хихикали прямо въ глаза, величая Маляйку „подзаборникомъ“, и устраивали всевозможныя каверзы: Маляйкино молоко прокисало, пригорало или прямо выливалось, въ воду попадала сажа, печка закрывалась съ угаромъ и т. д. Будь у доктора своихъ дѣтей хоть чортова дюжина, ничего подобнаго, конечно, не могло бы быть, а тутъ беззащитный маленькій человѣкъ сталъ поперекъ горла всѣмъ, вызывая, въ качествѣ приживальца изъ милости, какую-то глухую, чисто-животную ненависть. Благодаря интимнымъ отношеніямъ между кучеромъ и кухаркой, ни одна горничная не уживалась больше недѣли, и будь Паша одна, прислуга выжила бы ее, но теперь она защищала Маляйку и, благодаря этому, не только оставалась побѣдительницей, но даже изъ оборонительнаго положенія переходила въ наступательное. Глупая и беззащитная Паша проявляла необыкновенную сообразительность и пускала въ ходъ очень сложныя стратегическія комбинаціи.

— Эта Пашка чистая вѣдьма...—ругалась въ своей кухнѣ Степанида.—Зубищи у ней, какъ у мелянской собаки: за горло такъ и норовитъ схватить.

— Ее, пожалуй, теперь не вдругъ дойметь!—сосредоточенно размышлялъ Егоръ, суровый и гордый человѣкъ, питавшій непростительную слабость къ толстымъ бабамъ.—Пашка теперь какъ корова, которая отелилась въ лѣсу; никакой волкъ такую корову не возьметъ...

Въ сущности, Егоръ имѣлъ свои далекіе виды и подобными разсужденіями хотѣлъ только заговорить зубы Степанидѣ. Паша боялась этой вздорной и отчаянной солдатки, какъ огня, и отвѣчала на разныя заигриванья Егора по темнымъ угламъ молчаливыми зуботычинами и очень ловкими затрещинами „по чему попадя“. Все это нисколько не смущало Егора, онъ какъ ни въ чемъ не бывало выходилъ за ворота, очень комфортабельно усаживался на

приворотную скамеечку и, подергивая десятирублевую гармонику, тонкимъ, жалобнымъ голосомъ напѣвалъ:

Да баба сѣяла муку,
Да посулила мужику!..

— Ну, что звѣрушка?—обыкновенно спрашивалъ докторъ, быстро входя въ дѣтскую, гдѣ пахло „живымъ человѣкомъ", какъ объясняла Паша.

Этотъ простой вопросъ всегда заставлялъ Пашу краснѣть, но она поправлялась и непремѣнно ввертывала какое-нибудь хорошее словечко за своего Маляйку. Такая привязанность кормилицы къ ребенку очень нравилась Кувяеву, но иногда чисто-куриная политика Паши просто его возмущала. Если, напримѣръ, онъ нѣсколько дней не заглядывалъ въ дѣтскую, она встрѣчала его съ нахмуреннымъ видомъ и своимъ молчаніемъ давала понять, что очень недовольна докторскимъ поведеніемъ. Именно эта притязательность и бѣсила доктора: онъ давалъ деньги—чего же больше?.. И что теперь самъ Маляйка: живой и безсмысленный кусокъ мяса, связанный съ кормилицей чисто-растительными процессами. Въ ней, въ этой Пашѣ, сказывалась съ поразительной силой та всевыносящая русская баба, которая будетъ съ дьявольскимъ терпѣніемъ высиживать и вынашивать кусокъ дерева, потому внѣ этого растительнаго міра для нея кругомъ была сплошная пустота. Впрочемъ, это мнѣніе Кувяеву скоро пришлось измѣнить, потому что эта глупая и необразованная Паша умѣла первая подмѣтить въ ребенкѣ каждую новую мелочь, каждый шагъ впередъ и малѣйшую черточку въ характерѣ. Да, у Маляйки уже былъ свой собственный характеръ, и онъ не только умѣлъ проявить свое маленькое „я", но и отстаивалъ его съ упрямствомъ совсѣмъ большого человѣка.

— Э, да ты, братъ, величайшій эгоистъ!..—шутилъ докторъ, подметывая Маляйку къ самому потолку.

Паша была совершенно счастлива въ такіе рѣдкіе моменты накатывавшейся на доктора нѣжности, и отъ удовольствія у ней даже темнѣли глаза. Но эти минуты радости для Паши сейчасъ же смѣнялись цѣлой полосой новыхъ испытаній и самодѣльнаго страха. Она и спала тѣмъ чуткимъ материнскимъ сномъ, который слышитъ все—свернется клубочкомъ на своемъ сундукѣ, уткнется головой въ подушку и спитъ, какъ заяцъ.

Особенно по вечерамъ тревожное состояніе Паши принимало какую-то острую форму, и она непріятно вздрагивала отъ малѣйшаго шороха. Она боялась въ эти минуты и доктора, и кучера Егора, и завертывавшаго раза два мужа.

— Ты у меня смотри, будь въ сохранности!..—грозилъ „фиціантъ", дѣлая краснорѣчивый жестъ.—Мнѣ плевать и на твое жалованье: самому дороже стоитъ.

Однажды такимъ образомъ, когда Паша въ сумерки прислушивалась къ каждому звуку, изъ кухни по лѣстницѣ вверхъ послышались тяжелые шаги, и появившійся въ дверяхъ дѣтской Егоръ вытянулся передъ Пашей, какъ передъ настоящей барыней.

— Къ вамъ, Пелагея Софроновна, гости-съ...—отчеканилъ онъ, какъ это дѣлалъ передъ бариномъ.—Прикажете принять-съ?..

На лѣстницѣ слышалось хихиканье кухарки, которая устроила всю эту комедію. Оказалось, что пришелъ старикъ Булатовъ и, пробравшись въ кухню, спросилъ прямо Пашу. Онъ былъ въ одномъ скуртукѣ, въ худыхъ сапогахъ, безъ калошъ, и вообще въ самомъ растерзанномъ видѣ. Все это ужасно смутило Пашу, и она провела старика въ свою комнату.

— Ужъ, право, вы лучше бы и не приходили, а то одинъ срамъ!—ворчала Паша на своего гостя.—Поглядите-ка на себя-то, на кого вы похожи...

— Погибаю, Пашенька... съ горя погибаю!—хрипѣлъ Булатовъ, внося съ собой струю сивушнаго запаха.

— Еще мнѣ за васъ какъ достанется, ежели баринъ узнаетъ...—не унималась Паша.—Извѣстно, кому пріятно!

— Ну, ну, не съѣстъ всю за-разъ, хоть оставитъ кусочекъ...—шутилъ Булатовъ, оглядывая равнодушно комнаты.—Ничего, славныя палаты. Вотъ бы мнѣ здѣсь еще пожить...

— Ахъ, перестаньте пустяки молоть!.. У меня безъ того сердце не на мѣстѣ: вдругъ баринъ.

— Я самъ баринъ и къ твоему барину по дѣлу пришелъ.

Старый артистъ былъ такъ несчастенъ, что первое чувство гнѣва въ Пашѣ быстро смѣнилось чисто-бабьей жалостью. Она усадила гостя въ уголокъ, чтобы не такъ ужъ было замѣтно, если вдругъ барина нанесетъ, напоила его чаемъ, пришила двѣ пуговицы къ сюртуку и даже потихоньку сунула въ карманъ потайной двугривенный, сохранившійся въ глубинахъ ея сундука. Булатовъ успѣлъ за это время обрасти какой-то щетиной и точно еще больше опухъ.

— У васъ вѣдь шуба енотовая тогда была на похоронахъ?—допрашивала Паша, разглядывая всѣ недочеты булатовскаго костюма.

— Да, была, Пашенька..

— И сюртукъ другой, комиковъ сюртукъ, я знаю.

— Былъ и сюртукъ. Въ человѣкѣ нетлѣнна одна душа, Пашенька.

— Душа душой, а вотъ сорочки-то на васъ и званья нѣтъ... Какъ же это можно!..

Пріѣхавшему съ практики доктору уже успѣли доложить о гостѣ, потому что онъ, не снимая шляпы и перчатокъ, прямо прошелъ въ дѣтскую. Пашѣ чуть не сдѣлалось дурно отъ страха, но Булатовъ поднялся изъ своего угла съ достоинствомъ и проговорилъ:

— Извините, докторъ, что я немного замедлилъ документами...

— Какими документами?..—удивился докторъ, не глядя на Пашу.

Великій артистъ снисходительно улыбнулся и подалъ доктору засаленную пачку Маляйкиныхъ документовъ, по которымъ послѣдній оказался Мельхиседекомъ Уткинымъ, сыномъ свободнаго художника.

— Мнѣ нужно съ вами переговорить...—торопливо пробормоталъ докторъ, не рѣшаясь засаленныя бумаги положить въ свой карманъ.—Не угодно ли вамъ, господинъ Булатовъ, пожаловать за мной въ кабинетъ?..

— Съ удовольствіемъ...

Докторъ провелъ гостя черезъ столовую и пріемную прямо въ кабинетъ, гдѣ и указалъ молча на кресло. Великій артистъ, нисколько не смущаясь, постарался принять приличную случаю осанку и, пока Куваевъ вторично просматривалъ документы Маляйки, говорилъ:

— Моя фамилія тоже не Булатовъ, а Сучковъ... да. Это ужъ нашъ театральный обычай мѣнять фамиліи. Прежде выбирались фамиліи ординарныя: трагики назывались Громовыми, Богатыревыми, Самсоновыми — вообще что-нибудь этакое внушительное, первые любовники — Дольскими, Ленскими, комики — Пичугиными, Салфеткиными, а примадонны—Свѣтловскими, Любиными, Стрѣльскими... Да, что-нибудь этакое послаще. Ну, а нынче пошли двойныя аристократическія фамиліи, и моя Лена играла подъ именемъ Вьюшиной-Запольской.

Этотъ старикъ былъ возмутителенъ со своимъ фамильярнымъ тономъ и театральной неестественностью, притомъ этотъ ужасный костюмъ... Необходимо было покончить съ нимъ разомъ, не затягивая дѣла, и докторъ старался подобрать въ умѣ одну изъ тѣхъ фразъ, какими навсегда выгоняютъ изъ дома.

— Ничего, у васъ приличный кабинетъ... и вообще вся обстановочка,— продолжалъ Булатовъ, протягивая свои дырявые сапоги на коверъ.—Кстати, нѣтъ ли у васъ сигары?.. Ахъ, не безпокойтесь, я самъ возьму. Когда Лена въ первый разъ выступила на сцену въ Иркутскѣ, съ нами познакомился одинъ золотопромышленникъ... Вотъ были у человѣка сигары!.. Доктора и артисты знаютъ толкъ въ сигарахъ... хе-хе!.. Потомъ, когда мы съ Леной гастролировали въ Одессѣ, тамъ былъ одинъ грекъ... Да, такъ этотъ грекъ немного ухаживалъ за Леной и, между прочимъ, подарилъ мнѣ одинъ фунтъ настоящаго эпирскаго табаку. Вотъ былъ табакъ... И только разъ въ Варшавѣ, нѣтъ, кажется, въ Архангельскѣ, виноватъ—въ Тифлисѣ...

— Господинъ Булатовъ, намъ необходимо объясниться разъ и навсегда,— заговорилъ докторъ, прерывая эти пріятныя воспоминанія.—Дѣло въ томъ, что я взялъ ребенка и, конечно, постараюсь исполнить свой долгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ попрошу васъ разъ и навсегда оставить меня въ покоѣ. Можетъ-быть, я рѣзко выражаюсь, но въ жизни прежде всего, чтобы не было никакихъ недоразумѣній.

— Другими словами: вы меня выгоняете?..

— Нѣтъ, дѣло гораздо проще...

— Понимаю, понимаю... Это общая судьба старыхъ артистовъ... Но я не обижаюсь!.. Могу ли я, по крайней мѣрѣ, навѣщать моего внука время отъ времени?..

— Прямо отказать вамъ я не имѣю права, но вы сами слышали послѣднюю волю вашей дочери, поэтому, надѣюсь, поймете, что лучшія отношенія для насъ—это не имѣть никакихъ отношеній.

Голосъ доктора какъ-то оборвался при послѣднихъ словахъ, и одна рука нервно барабанила по ручкѣ кресла. Старый артистъ величественно поднялся съ своего кресла, застегнулъ сюртукъ и, церемонно поклонившись, хрипло проговорилъ:

— Да, я васъ понимаю... прощайте!..

Онъ улыбнулся горькой улыбкой обманутаго человѣка и какъ-то выплылся въ дверь. Докторъ подошелъ къ окну и слышалъ, какъ по тротуару прошлепалъ своими худыми сапогами великій артистъ. Ему сдѣлалось очень тяжело въ этомъ тепломъ и свѣтломъ кабинетѣ, точно сумасшедшій старикъ уносилъ съ собой частицу его прежняго покоя.

VII.

По городу разсказы о Маляйкѣ ходили съ самыми разнообразными прибавленіями, что очень бѣсило Куваева. Кому и какое дѣло до его личной жизни и до него самого? Особенно его возмущали сочувственныя выпытыванія бужоѣмскихъ дамъ, желавшихъ во что бы то ни стало добиться признанія, что Маляйка—его сынъ. Созрѣвшее рѣшеніе отдѣлаться отъ Маляйки было поколеблено этими мелочами, потому что, разъ, страдало докторское самолюбіе, а потомъ—общественное мнѣніе было къ нему несправедливо.

Весной, занятый практикой и своими личными дѣлами, Куваевъ почти не бывалъ въ театрѣ. Въ маѣ труппа уѣзжала, и аршинныя афишки анонсировали о послѣднемъ спектаклѣ—пила „La dame aux camelias“ съ Мясоѣдовой

въ главной роли. Это былъ вызовъ Хомутова буржуазной публикѣ, не хотѣвшей признать первокласснаго таланта. Спектакль обѣщалъ быть интереснымъ, и Куваевъ отправился въ театръ.

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Николай Григорьичъ, — ласково говорилъ старичокъ-капельдинеръ, принимая пальто Куваева. — Сегодня у Александры Петровны выигрышная роль... Прежде Елена Михайловна играли.

Старичокъ повелъ бровями и улыбнулся: дескать, провалится опять наша-то Мясоѣдиха. Куваевъ тоже улыбнулся, охваченный той атмосферой, гдѣ онъ чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ. Какъ все ему здѣсь знакомо, начиная съ грязныхъ, полутемныхъ сѣней подъѣзда и кончая уборной хористовъ. Не желая встрѣчаться съ Хомутовымъ, Куваевъ взялъ мѣсто во второмъ ряду креселъ. Было еще рано, и въ партерѣ сидѣло всего человѣкъ пять. Куваевъ постоялъ въ проходѣ, осмотрѣлъ пустыя ложи, плохонькій занавѣсъ и отправился въ фойе наверхъ, откуда былъ ходъ въ буфетъ. Театръ былъ старый, той особенной провинціальной архитектуры, когда рѣшительно вездѣ дуетъ сквозной вѣтеръ. Штукатурка пообтѣзала, цвѣты и узоры облупились, занавѣсъ свѣтился дырами, въ которыя выглядывали хористки, неизбѣжная малиновая триповая обивка на креслахъ первыхъ рядовъ и на барьерахъ ложъ давно выцвѣла и вытерлась. Однимъ словомъ, провинціальный театръ, какъ и слѣдуетъ быть провинціальному театру. Хомутовъ жаловался, что городское самоуправленіе отпускаетъ ему на ремонтировку самыя гомеопатическія дозы, а городское самоуправленіе жаловалось на Хомутова, что онъ получаетъ деньги и ремонтируетъ ими только свои карманы.

Въ фойе, гдѣ, скажемъ между прочимъ, по преимуществу сосредоточивался сквозной вѣтеръ, уныло слонялись двѣ-три дамы и въ одномъ углу дремалъ какой-то подрядчикъ. Въ буфетѣ у самой стойки громко разговаривали двое адвокатовъ, и за отдѣльнымъ столикомъ пили пиво какіе-то купеческіе сынки. Комикъ Недорѣзовъ былъ уже въ приличномъ градусѣ и безцѣльно смотрѣлъ въ пространство. Куваева охватила совсѣмъ малодушная мысль: вотъ этотъ самый пьяный комикъ возьметъ да и провозгласитъ во всеуслышаніе — „Маляйкинъ родитель“, или что-нибудь подобное. Для успокоенія расходившихся нервовъ Куваевъ выпилъ рюмку водки, чего обыкновенно не дѣлалъ. Изъ партера донеслись первые звуки настраиваемыхъ скрипокъ. Публика все прибывала. Куваевъ машинально съ кѣмъ-то раскланивался, а самъ поглядывалъ на дверь — въ глубинѣ виднѣлся узенькій коридоръ, который велъ прямо за кулисы. Направо въ этомъ коридорѣ темнѣла дверь въ актерскую ложу, висѣвшую надъ музыкантами, а подальше маленькая дверка вела на сцену. Черезъ нее актеры попадали въ буфетъ, а актрисы — въ фойе.

— Наконецъ-то и вы пришли!.. — окликнулъ Куваева докторъ Щучка, неизмѣнно розовый и свѣжій, точно онъ вчера родился. — А мы ужъ не знали, что и думать: нѣтъ нашего доктора и только. „Бѣдная Лиза“ меня просто одолѣла и непремѣнно хотѣла ѣхать къ вамъ сама... Александра Петровна тоже спрашивала... да. Вы Хомутова не видали?

— Нѣтъ...

— О, онъ сегодня изъ кожи лѣзетъ... Знаете, есть такая балаганная панорама: „Полишинель въ хлопотахъ“. Такъ и нашъ разбойникъ.

Щучка самъ первый засмѣялся своей остротѣ и, показывая вставные зубы, похлопалъ Куваева по плечу.

— Да, да... А знаете, я васъ просто считалъ порядочнымъ человѣкомъ, —

не унимался онъ, переходя на шопотъ,—между тѣмъ вы не чужды и геройствá... хе-хе!.. Всѣ дамы отъ васъ безъ ума, плутишка. Кстати, эта полненькая... какъ ее?.. ну, кормилица, у васъ теперь живетъ?..

Куваевъ едва отвязался отъ стараго болтуна и ушелъ въ партеръ. Ему казалось, что встрѣчавшіеся знакомые смотрѣли на него какъ-то особенно и провожали сдержаннымъ шопотомъ. Музыка уже играла, и Куваевъ занялъ свое мѣсто во второмъ ряду. Раньше онъ обыкновенно сидѣлъ въ актерской ложѣ или за кулисами, и теперь ему казалось немного страннымъ составлять часть той публики, которую онъ привыкъ разсматривать изъ ложи Хомутова или черезъ отверстія въ занавѣсѣ. И публика была все та же: въ первомъ ряду сидѣли два кабатчика, полицеймейстеръ, товарищъ прокурора съ женой, докторъ-акушеръ, адвокаты, маленькій и юркій редакторъ мѣстной газеты, пользовавшійся даровымъ кресломъ; во второмъ — начинающіе помощники присяжныхъ повѣренныхъ, аптекарь, три сомнительныхъ дамскихъ шляпы, инспекторъ гимназіи, шарившій глазами по райку, и т. д.

Въ актерской ложѣ появлялись и уходили какія-то дамы, но Куваевъ старался не смотрѣть въ ту сторону. Въ антрактахъ у барьера обыкновенно вертѣлась m-me Понсонъ, упорно разглядывавшая всю публику въ бинокль. Нѣсколько разъ до слуха Куваева доносился хриплый голосъ Хомутова, который игралъ сегодня роль отца Армана. Афиши у него не было — онъ всѣхъ актеровъ и актрисъ зналъ не только въ лицо, но по голосу. Изъ ложъ на него смотрѣли въ бинокли, и это заставляло Куваева ежиться. Бужоёмскія дамы были любопытны и облѣпили барьеры всѣхъ ложъ сплошной гирляндой топорщившейся матеріи, колыхавшихся вѣеровъ, цвѣтовъ, перьевъ и кружевъ. Въ залѣ стоялъ сдержанный шумъ, который не могла заглушить музыка. Послѣдняя четверть часа передъ занавѣсомъ всегда заставляла Куваева волноваться, потому что онъ принималъ живое участіе во всѣхъ удачахъ и неудачахъ хомутовской труппы, а теперь онъ чувствовалъ себя совершенно чужимъ человѣкомъ: провалится или нѣтъ Мясоѣдова—ему все равно. А еще такъ недавно онъ любовался Еленой Михайловной, когда она показывалась въ актерской ложѣ, и въ шутливо-серьезномъ тонѣ давалъ ей совѣты. Она имѣла привычку слушать, глядя въ сторону, и какъ-то по-дѣтски наклоняла свою красивую бѣлокурую головку. Когда ей было смѣшно, она закрывалась вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ, и смѣялись одни прелестные сѣрые глаза.

Поднялся занавѣсъ. Мясоѣдова была одѣта эффектно и своимъ появленіемъ вызвала одобрительный шопотъ. Чеховъ-Мирскій игралъ Армана и отчитывалъ свою роль самымъ возмутительнымъ образомъ. Изъ-за кулисъ мелькнуло красное лицо Хомутова, который готовъ былъ съѣсть глазами несчастнаго перваго любовника, портившаго роль Мясоѣдовой впередъ. M-me Понсонъ играла ту даму, которая все время ѣстъ. Она сразу попала въ тонъ и повела свои сцены очень ловко. Кто-то не выдержалъ, и по ея адресу раздался и замеръ аплодисментъ. „Бѣдная Лили“ покраснѣла отъ удовольствія и признательно вскинула глазами по принадлежности, а Мясоѣдова, взволнованная и злая, два раза сдѣлала очень некрасивыя паузы на поданныя реплики. Какъ хороша была Елена Михайловна въ этихъ сценахъ, и каждое слово проваливавшейся Мясоѣдовой рѣзало Куваева по сердцу. Первое дѣйствіе прошло очень вяло, какъ и второе, за исключеніемъ m-me Понсонъ, положительно торжествовавшей. Куваевъ первый антрактъ остался въ своемъ креслѣ, чтобы ни съ кѣмъ не встрѣтиться ни въ буфетѣ ни въ фойе, но во второй антрактъ онъ не выдержалъ—его опять потянуло по старой привычкѣ

за кулисы. Явилась предательская мысль: развѣ на такихъ людей, какъ Хомутовъ, можно сердиться?..

Кувaевъ опомнился только тогда, когда взялся за ручку закулисной дверцы и на порогѣ столкнулся съ разбѣжавшимся Хомутовымъ лицомъ къ лицу. Разбойникъ нисколько не смутился, а, подхвативъ Кувaева, молча потащилъ его по грязной лѣсенкѣ внизъ, гдѣ свѣтлыми пятнами выдѣлялись открытыя двери уборныхъ.

— Я на васъ сердитъ!..—говорилъ Хомутовъ, громко стуча ногами по ступенькамъ.—Вы насъ оставили въ самую трудную минуту... Я разрываюсь на сто тысячъ частей!.. Пойдемте къ Александрѣ Петровнѣ...

По дорогѣ Хомутовъ успѣлъ сдѣлать колкое замѣчаніе подвернувшейся на глаза m-me Понсонъ, которая сдѣлала удивленное лицо и смѣшно подняла брови. Въ отворенную дверь одной уборной двѣ новенькихъ хористки выталкивали Недорѣзова, но Хомутовъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ. Уборная Мясоѣдовой была затворена. Въ полутьмѣ нужно было подняться на три ступеньки, чтобы отворить выбѣленную известкой и очень захватанную дверь. Это была большая комната, освѣщенная двумя стѣнными лампочками. Большое зеркало стояло рядомъ съ умывальникомъ; на столикѣ у окна валялись принадлежности грима и только-что снятое платье. Мясоѣдова стояла передъ зеркаломъ въ одной юбкѣ и корсетѣ, съ голыми жирными руками. Она даже не повернула головы и спокойно продолжала поправлять крашеные желтые волосы. Горничная и Заяцъ торопливо подшивали какую-то упрямую оборку къ тяжелому бархатному платью.

— Докторъ въ восторгѣ...—заговорилъ Хомутовъ заискивающимъ, фальшивымъ тономъ.—Вся суть въ четвертомъ дѣйствіи, голубчикъ! Нужно смѣлѣе... А этого подлеца Чехова я въ шею... къ чорту!..

Примадонна улыбнулась доктору довольно кисло и протянула руку, чтобы примѣрить готовый шлейфъ. Лицо у ней было сильно раскрашено и вблизи имѣло непріятное, злое выраженіе. Хомутовъ отстранилъ горничную и, встряхнувъ совсѣмъ готовое платье, глазомъ знатока еще разъ провѣрилъ тяжелыя складки круто собранной юбки, подхваченной сбоку букетомъ цвѣтовъ. Онъ, видимо, остался доволенъ и, въ знакъ своего расположенія, толкнулъ Зайца въ затылокъ съ выбивавшимися прядями черныхъ густыхъ волосъ.

— Такъ вы находите, что... — протянула Мясоѣдова доктору, поворачиваясь передъ зеркаломъ уже совсѣмъ одѣтая.

— Да... то-есть, какъ смотрѣть... — бормоталъ Кувaевъ, не зная, какъ выпутаться изъ дурацкаго положенія.

Прибѣжавшій режиссеръ прекратилъ эту глупую сцену, и Мясоѣдова, оглядывая волочившійся съ шелестомъ длинный шлейфъ, величественно вышла изъ уборной. Хомутовъ ринулся за ней, а Кувaевъ остался въ уборной въ обществѣ Зайца.

— Ну, какъ ваше здоровье?..—заговорилъ онъ.

Дѣвушка растерянно взглянула на него своими испуганными заячьими глазами и махнула рукой. У ней всегда былъ такой чахоточный складъ.

— У меня сегодня номеръ... — отвѣтила она, дико поглядывая въ уголъ.—Знаете шансонетку: „Ничего нѣтъ священнаго для самца“?

— А... — протянулъ докторъ, удивленный полной безсвязностью отвѣта.

Музыка оборвалась, и за кулисами наступила сдержанная тишина. Въ пріотворенную дверь заглянуло какое-то бородатое лицо и сейчасъ же скрылось. Воздухъ, пропитанный запахомъ керосина, духовъ и какой-то закулисной сырости, непріятно дѣйствовалъ на Кувaева—онъ отвыкъ отъ этой атмосферы.

— И въ водевилѣ у васъ тоже есть номеръ?—спрашивалъ онъ, чтобы прервать неловкое молчаніе.

— И въ водевилѣ есть... — какъ-то равнодушно отвѣтилъ Заяцъ.

Странная была эта „водевильная штучка", существовавшая какими-то вспышками—то она дурачилась, то ханжила. Докторъ зналъ про нее очень печальныя исторіи и жалѣлъ, а она всегда какъ-то дичилась его. Разсказывали, что она была изъ хорошаго семейства, хорошо языками, но имѣла неудачный романъ и, какъ дѣвушка „съ прошлымъ", очутилась на театральныхъ подмосткахъ, проклятая и забытая благочестивыми родственниками. Хомутовъ покровительствовалъ ей по необъяснимымъ причинамъ.

— Это, кажется, была уборная Елены Михайловны?—спрашивалъ докторъ, оглядывая комнату.

— Да... Слышите, какъ аплодируютъ „бѣдной Лили"?.. Хомутовъ сегодня лопнетъ отъ злости...

По лицу Зайца пробѣжала покрытая нервная улыбка. Смѣнившая аплодисменты тишина нарушалась только осторожнымъ переступаньемъ ногъ ожидавшихъ своей очереди актеровъ да сердитымъ шопотомъ режиссера. Куваевъ отправился за кулисы и сейчасъ же наткнулся на Астраханцева, который подъ защитой садовой бесѣдки цѣловалъ какую-то рыженькую хористку, упиравшуюся ему бѣлыми круглыми руками прямо въ грудь. Эта заурядная сцена не обращала на себя ничьего вниманія, и ламповщикъ, проходя мимо, совершенно равнодушно ковырялъ въ носу. Когда дѣйствіе кончилось и Куваевъ оглянулся, за нимъ стоялъ Заяцъ, уже одѣтый по-шансонеточному: въ короткую юбку, пестрый фартукъ съ громаднымъ бантомъ и какой-то необыкновенный сине-красный чепчикъ. Костюмъ шелъ къ этой цыганской фигурѣ, и Куваевъ обратилъ невольно вниманіе на красивыя круглыя ноги, какія трудно было предполагать при такомъ общемъ habitus. Замѣтивъ пристальный взглядъ доктора, Заяцъ приняль ухарскую позу и вызывающе улыбнулся. Но въ это время, какъ ураганъ, ворвался за кулисы Хомутовъ, и Заяцъ поспѣшилъ спрятаться въ ту же будку, гдѣ цѣловался Астраханцевъ съ хористкой.

— Развѣ можно играть передъ такой публикой?!.. — оралъ Хомутовъ, накидываясь на доктора съ кулаками.—Тутъ нужно не играть, а колотить по головамъ палкой...

— Вы забываете, что я въ числѣ публики...—замѣтилъ Куваевъ.

— Э, мнѣ не до шутокъ, батенька!.. Чортъ знаетъ, что̀ такое: аплодируютъ этой гуттаперчевой куклѣ Понсонъ, а Шурѣ хоть бы одинъ шлепокъ... Для кого же я стараюсь?.. Вотъ и извольте служить публикѣ, жертвовать всѣмъ для искусства.

Мясоѣдова провалилась самымъ торжественнымъ образомъ, такъ что поднесенный ей букетъ, купленный Хомутовымъ на свои деньги, былъ встрѣченъ шиканьемъ. Вызывали одну m-me Понсонъ, за что она и поплатилась. Хомутовъ обругалъ ее непечатными словами. „Бѣдная Лили", растерянная и жалкая, стояла съ заплаканными глазами и вопросительно смотрѣла на доктора, сдѣлавшагося невольнымъ свидѣтелемъ этой семейной сцены. Какъ благоразумный человѣкъ, онъ поспѣшилъ удалиться въ партеръ, чтобы послушать, какъ будетъ пѣть Заяцъ. Шансонетка была встрѣчена съ восторгомъ, особенно когда Заяцъ съ подчеркиваньемъ и развязными жестами пропѣлъ своимъ жиденькимъ, разбитымъ голосомъ заключительныя строфы.

Публика стучала ногами, и Заяцъ, упоенный успѣхомъ своего позора,

повторялъ эту грязь парижскихъ мостовыхъ и посылалъ воздушные поцѣлуи почитателямъ искусства. Доктору вдругъ сдѣлалось больно за всю эту неприличную сцену: эта несчастная дѣвушка съ испуганными глазами покупала свой хлѣбъ слишкомъ дорогой цѣной... Потомъ онъ вспомнилъ плакавшую Лили, у которой на раскрашенномъ лицѣ были грязныя полосы. Сколько тутъ грязи, безсердечія, нахальства и расходившихся животныхъ инстинктовъ!.. Странное дѣло! Когда Елена Михайловна умирала, Куваеву совсѣмъ не было ея жаль... Онъ даже желалъ бы ее пожалѣть, но въ немъ тогда еще не было того, что̀ онъ чувствовалъ теперь. Да, онъ теперь жалѣлъ этотъ плѣнительный женскій образъ и понималъ, почему примадонна умерла такъ рано. Бѣдная, она была еще такъ молода... Вѣдь нельзя же было жить въ этой помойной ямѣ. Доктору сдѣлалось совѣстно за себя, какъ постояннаго театральнаго завсегдатая, не хотѣвшаго видѣть истинной подкладки всего, что̀ дѣлалось у него почти на глазахъ. Неужели ужъ онъ такой совсѣмъ пропавшій человѣкъ, что можетъ быть глухъ и нѣмъ къ царившему злу?..

На подъѣздѣ Куваевъ встрѣтилъ Щучку, который торопливо пробирался къ боковымъ дверямъ: съ нимъ подъ руку шелъ Заяцъ, старавшійся закрыть лицо широкимъ полемъ лѣтней шляпы. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ Куваевымъ, Щучка сначала смутился, а потомъ проговорилъ:

— Ѣдемъ, collega, въ „Калифорнію“... Будетъ ужинъ, а этотъ бѣсенокъ споетъ намъ про своего сапера. Нужно поощрять искусство... Хомутовъ будетъ.

Куваевъ отказался и отправился домой. У Щучки была своя семья — жена и штукъ шесть краснощекихъ ребятъ. Въ городѣ онъ пользовался репутаціей прекраснаго семьянина.

VIII.

Отъ театра шла маленькая гнилая уличка, извѣстная подъ именемъ Театральной. Здѣсь вытянулись въ неправильный, покосившійся рядъ десятка два старинныхъ деревянныхъ домовъ, занятыхъ сапожниками, столярами, стекольщиками и разнымъ другимъ промышленнымъ людомъ. Тутъ же квартировали актеры средней руки и вся остальная театральная челядь. Лѣтомъ актерскія квартиры пустовали, и изо всего театральнаго персонала оставалась одна старушка Орлова, жившая въ сыромъ низу большого полукаменнаго дома. Она пользовалась въ Театральной улицѣ именемъ актрисы, какъ ее помнили старожилы. Зиму и лѣто старушка ходила по своей улицѣ въ одномъ и томъ же ватномъ пальто, вѣчно что-то бормотала себѣ подъ носъ, крестилась маленькими крестиками и въ видѣ развлеченія шла въ церковь проводить какого-нибудь покойника. Лѣтомъ старушка очень скучала и съ нетерпѣніемъ ждала осени, когда пріѣдутъ „наши“, отъ которыхъ ей ничего, кромѣ хлопотъ и непріятностей, не доставалось. Къ Орловой ѣхали тѣ, кто бывалъ въ Бужоѣмѣ первый разъ и нуждался въ помѣщеніи до пріисканія квартиры. У ней же перебивались въ трудную минуту, когда, напримѣръ, человѣкъ пропьется до нитки, потеряетъ мѣсто, разссорившись съ Хомутовымъ, а маленькія актрисы въ случаѣ интимныхъ женскихъ несчастій. Актеры жили, не платили денегъ и уѣзжали, оставляя на память какую-нибудь ненужную вещицу. Исключеніе представляла одна m-me Понсонъ, которая постоянно квартировала у Орловой, такъ что комната оставалась за ней и на лѣто. Говорили, что она тоже не платила старухѣ ни гроша, отдѣлываясь дешевенькими подарками въ родѣ букета восковыхъ цвѣтовъ, ящичка для перчатокъ, которыхъ старуха уже давно не носила, старой бомбоньерки и тому подобной дряни.

Стояла осень. Бужоемскія улицы потонули въ грязи, а по Театральной буквально не было проѣзда. Пѣшеходы пробирались около заборовъ, прыгая по дощечкамъ и камнямъ, какъ акробаты. По новому городскому плану, улица назначалась къ упраздненію, почему ни ремонта ни мостовой даже не предполагалось. Въ дождливый осенній день въ Театральную улицу свернулъ объемистый дорожный экипажъ, запряженный парой. Желѣзная дорога въ Бужоемъ только еще строилась, и поэтому публика пользовалась самыми первобытными способами передвиженія.

— Неужели, мама, мы будемъ жить въ этой мерзости?—съ неподдѣльнымъ ужасомъ спрашивала молоденькая дѣвушка, осматривая линію гнилыхъ избушекъ.

— Ахъ, Варенька, ты ничего не понимаешь!.. — сердито отвѣчала пожилая дама съ большимъ птичьимъ носомъ и какими-то озлобленными ястребиными глазами.—Это только такъ сначала кажется... Главное: театръ близко. Я тутъ два сезона квартировала.

— Не понимаю...—сухо отвѣтила дѣвушка, дѣлая равнодушное лицо.

Она такъ устала отъ этой проклятой дороги, что рада была добраться до мѣста. Дорожные костюмы дамъ говорили объ очень маленькихъ средствахъ, какъ взятый „на проходъ“ почтовый экипажъ и эта пара несчастныхъ клячъ, едва передвигавшихъ ноги. Нѣсколько разъ лошади совсѣмъ останавливались и съ безнадежнымъ видомъ только мотали головами. Ямщикъ принимался накаливать ихъ хлыстомъ, что привлекло сейчасъ же вниманіе уличныхъ мальчишекъ. Эти сорванцы сразу рѣшили, что пріѣхали „актеры“, и вслухъ дѣлали соотвѣтствующія примѣчанія: „не изъ важныхъ“, „такъ, шантрапа какая-нибудь“. Дама съ птичьимъ носомъ побагровѣла отъ злости, а дѣвушка спряталась въ глубину тарантаса.

— Вонъ полукаменный домъ направо... Туда прямо и заворачивай!..— кричала дама, указывая на квартиру Орловой.—Безъ очковъ-то не слышишь!..

Лошади сдѣлали отчаянное усиліе, и экипажъ наконецъ остановился у покосившихся, всегда отворенныхъ дверей.

— Стукай прямо во дворъ!—еще разъ крикнула сердитая дама.—Ахъ, Господи, это, наконецъ, можно сойти съ ума...

Дворъ былъ большой, но совсѣмъ пустой и такой грязный, что хорошему человѣку можно было утонуть. Экипажъ подъѣхалъ къ заднему крылечку, опускавшемуся куда-то внизъ каменными ступеньками, какъ помойная яма или склепъ. Тутъ же у входа тянули кучи мусора и „кухонные остатки“ — арбузныя корки, гнилой картофель, какія-то перья, рыбьи кости, тряпицы. Кучеръ слѣзъ съ козелъ и, почесывая затылокъ, смотрѣлъ на сердитую барыню, дескать, что-то, мол, ты теперь будешь дѣлать, матушка. Кучера вообще отличаются большой житейской философіей.

— Чего сталъ пнемъ, тащи чемоданъ!—крикнула на него дама, захватывая съ собой картонки и узелки.—Варенька, выходи...

Дѣвушка съ легкой гримасой вышла изъ экипажа, оправила смятое дорожное платье изъ дешевенькой фланели и нерѣшительно посмотрѣла на гостепріимное отверстіе открывавшейся ямы.

— Сюда?—спросила она, брезгливо ставя ногу на первую ступеньку.

— Да, да... Изъ передней дверь налѣво,— пояснила дама, вталкивая кучера съ чемоданомъ въ сѣни.—Агаѳья Петровна, навѣрно, дома, да если бы ея не было дома, то это все равно для насъ...

Варенькѣ пришлось сильно наклониться, когда она, сморщивши прямой

греческій носъ, входила въ двери — она была высокаго роста. Въ передней было темно, какъ въ трубѣ, и дама распахнула дверь налѣво, въ пустую большую комнату, гдѣ стоялъ такой затхлый и сырой воздухъ, какъ въ погребѣ. На шумъ шаговъ показалась и сама старушка Орлова, встрѣтившая гостей довольно непривѣтливымъ взглядомъ.

— Вы меня не узнаёте, Агаѳья Петровна?—воскликнула дама съ птичьимъ носомъ и, не дожидаясь признанія, крѣпко обняла старушку и даже расцѣловала ея сморщенное желтое лицо.—Дарья Семеновна Бархатова, и это моя дочь Варенька.

— Что-то какъ будто не припомню...—нерѣшительно проговорила старушка, оглядывая гостей еще разъ съ ногъ до головы.

— Вотъ тебѣ разъ: Бархатова, Дарья Семеновна?.. Я еще квартировала у васъ вмѣстѣ съ m-me Понсонъ... Это было... Кучеръ, тащи чемоданъ прямо къ печкѣ, да смотри, осторожнѣе.

— Послушайте, вѣдь это—комната m-me Понсонъ,—протестовала Агаѳья Петровна и даже попробовала затворить дверь.— Я не могу... Она будетъ сердиться.

— Ахъ, это все равно... Мы съ Лили старыя пріятельницы и вмѣстѣ дѣлали хивинскую кампанію. Кучеръ, ты что же это спишь на ходу?.. А съ Лили я впередъ уговорилась, и она мнѣ позволила занять ея комнату. Конечно, на время... У меня даже есть отъ нея письмо. Мы съ ней нынче встрѣтились въ Москвѣ... Какъ же!..

— А если она пріѣдетъ сама и будетъ на меня въ претензіи?

— О, предоставьте это уже мнѣ... Мы съ ней были такъ хороши всегда, какъ сестры.

Пока велись эти дипломатическіе переговоры, Варенька прошла въ свою новую квартиру, оглядѣла голыя стѣны съ полинявшими оборванными обоями, два подслѣповатыя окна, обдерганную ширмочку, туалетный столикъ у стѣны, и, не раздѣваясь, бросилась на продавленный клеенчатый диванъ. Ее охватила страшная тоска и отвращеніе; это—какая-то крысья нора.

— Ты должна поцѣловать у старухи руку,—объясняла появившаяся Дарья Семеновна, раздѣваясь на ходу.—Она это любитъ... Притомъ это такая почтенная, заслуженная женщина.

— Ни за что!...—упрямо отвѣтила Варенька.

— Пустяки... Ты что же это не раздѣваешься?

— Не хочу.

Кучеръ перетаскалъ чемоданы, одѣяла, кульки и подушки и остановился въ дверяхъ, въ ожиданіи двугривеннаго. Дарья Семеновна сунула ему пятакъ и выпроводила довольно безцеремонно. „Какіе нахалы эти кучера, и еще недоволенъ, что ему дали на водку“. Агаѳья Петровна въ это время ставила въ своей комнатѣ самоваръ и ворчала: „Никакой Бархатовой не помню... Ужо вотъ пріѣдетъ сама-то, такъ, пожалуй, и въ шею выгонитъ“.

Дамы раздѣлись и привели въ порядокъ свои дорожные туалеты. Дарья Семеновна въ одномъ платьѣ оказалась высокой, полной женщиной съ откинутой гордо головой; носъ казался еще больше, когда она по-домашнему свернула свои жиденькіе волосы на макушкѣ тощимъ узломъ. Ростомъ дочь походила на мать, но лицомъ на себя — это было очень симпатичное, свѣжее лицо только-что сформировавшейся дѣвушки, обрамленное волной вившихся русыхъ волосъ. Его портилъ только низкій бѣлый лобъ и немного тупое выраженіе большихъ темныхъ глазъ, особенно, когда она къ чему-нибудь прислушива-

лась. Скромный бѣлый воротничокъ охватывалъ красивую бѣлую шею съ круглымъ точенымъ затылкомъ. Мягкія маленькія руки придавали ей видъ „дѣвушки изъ хорошей фамиліи“, и Дарья Семеновна часто посматривала на нихъ съ чисто-материнской гордостью.

Чемоданы были распакованы, два стола исчезли подъ ворохомъ выложеннаго платья, такъ что самоваръ пришлось поставить на комодъ.

— Вы ужъ съ нами чаю напейтесь, Агаѳья Петровна, — уговаривала старуху Дарья Семеновна, улыбаясь съ неестественной нѣжностью.—Я привезла даже любимаго вашего варенья... крыжовникъ...

— Я люблю варенье... — шамкала старуха, осматривая раскрытые чемоданы.—Только какъ же это я фамиліи вашей совсѣмъ не помню?.. А это дочь?..

— Да, это моя дочь... Варенька, — внушительно замѣтила Дарья Семеновна, показывая глазами на руку.

Дѣвушка лѣниво поднялась съ дивана и безучастно приложила свое свѣжее лицо къ лицу Агаѳьи Петровны.

— Можетъ-быть, вы помните перваго любовника Розанова, который потомъ застрѣлился? — говорила Дарья Семеновна, разливая чай.—Да?.. Такъ я еще съ нимъ играла... Хомутовъ только-что начиналъ. Ахъ, кстати, этотъ бѣдняга опять напоролся: выхлопоталъ пробный спектакль своей Мясоѣдовой, а она рыба рыбой... Скандалъ!.. Скоро сюда вся труппа пріѣдетъ... Мы съ Варенькой впередъ отправились, потому что у меня есть свои дѣла.

За чаемъ происходилъ самый оживленный театральный разговоръ, набитый собственными именами. На первой недѣлѣ Великаго поста въ Москвѣ была настоящая ярмарка: со всѣхъ сторонъ наѣхали артисты и антрепренеры. Хомутовъ, конечно, явился тоже, хотя его и знаютъ всѣ, какъ перваго прощалыгу. Помилуйте, не заплатилъ Чехову-Мирскому жалованья за цѣлую треть и отрекомендовалъ его другимъ антрепренерамъ такъ, что никто на бѣднягу не смотритъ. Изъ старыхъ артистовъ въ хомутовской труппѣ остались Астраханцевъ, Заяцъ, Лили, конечно, Мясоѣдова, а изъ новыхъ ѣдутъ — новая примадонна Глоба-Михальская и первый любовникъ Червинскій. Умеръ комикъ Костылевъ, который когда-то игралъ въ Бужоёмѣ, grande-dame Мосягина сломала ногу, омскій антрепренеръ Бердъ — неужели вы не помните Берда?—сошелъ, бѣдняга, съ ума. Вообще, артисты порядочно бѣдствуютъ, особенно артистки, которымъ приходится заключать контракты съ антрепренерами черезъ посредство темныхъ маклеровъ — даже нѣтъ свободной залы, гдѣ могли бы артистки познакомиться съ антрепренерами, а шляться по трактирамъ, какъ артисты, согласитесь, не совсѣмъ удобно. Эти разговоры оживили старушку, и она печально покачивала своей дряхлой головой; да, трудно бѣднымъ артистамъ...

Послѣ чая Варенька, не раздѣваясь, уснула тутъ же на диванѣ. Дарья Семеновна посмотрѣла на нее съ гордой улыбкой и шопотомъ проговорила, подмигнувъ Агаѳьѣ Петровнѣ:

— Не правда ли, Хомутовъ не ошибся выбрать себѣ ingénue? Бѣдняжка, она такъ измучилась дорогой... Я боюсь, что у ней похудѣютъ плечи, а при нынѣшнихъ костюмахъ это — голодная смерть.

Чтобы не мѣшать спавшей ingénue, дамы ушли въ комнату Агаѳьи Петровны, такую же оборванную и жалкую, какъ и комната m-me Попсонъ. Въ одномъ углу стояло нѣсколько сундуковъ, служившихъ постелью, между окнами тяжелое и разбитое трюмо, которое сохранилось только потому, что его никто не покупалъ, на одной стѣнѣ нѣсколько фотографій, въ шкапу съ выдавленнымъ стекломъ сборная посуда — и только. Очень немного даже для выдохшейся славы, и Дарья Семеновна тяжело вздохнула, вспоминая лучшіе дни.

— Вы знали Вьюшину-Запольскую? — спрашивала Дарья Семеновна, усаживаясь къ трюмо.

— Это которая умерла?.. Какъ же, она была раза два у Понсонъ, а потомъ я была на похоронахъ,—съ оживленіемъ заговорила старушка. — Какъ ее хорошо хоронили... какъ королеву какую-нибудь. Хомутовъ умѣетъ хоронить своихъ артистовъ... Очень хорошо все помню.

— Да?.. А послѣ Вьюшиной-Запольской остался ребенокъ и...

— Ребенокъ у доктора... Славный докторъ, должно-быть, если взялъ чужого ребенка. Въ первый разъ встрѣчаю такого удивительнаго человѣка...

— Что же, бываютъ добрые люди,—ядовито проговорила Дарья Семеновна, насупивъ брови. — А вѣдь она пользовалась большимъ, большимъ успѣхомъ въ Бужоёмѣ, эта Запольская... Не правда ли?.. Навѣрно, остались деньги, драгоцѣнныя вещи, наконецъ гардеробъ.

— Конечно, осталось!.. — соглашалась старушка.

— Да, да... И все это пошло къ доктору?..

— А ужъ я не знаю этого. М-me Понсонъ знаетъ все. Кажется, у Запольской остался отецъ, Булатовъ... потомъ какъ будто и Хомутовъ что-то такое тутъ... Право, я не помню, а когда m-me Понсонъ пріѣдетъ, она все разскажетъ.

— А вы про доктора ничего не слыхали? Въ самомъ дѣлѣ, это ужъ черезчуръ по-христіански навязать себѣ на шею чужого ребенка... Притомъ всѣ эти доктора народъ очень практическій, и я очень хорошо ихъ знаю. Можетъ-быть...

— Вы думаете, что онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ Запольской?

— Нѣтъ, я этого не говорю, но только... согласитесь, что все это немножко странно, чтобы не сказать больше.

Въ этомъ направленіи разговоръ продолжался до самой ночи, и Дарья Семеновна успѣла вывѣдать отъ старушки рѣшительно все, что она знала про Булатова, Запольскую и доктора Куваева. Собственно интереснаго она ничего не получила; и Агаѳья Петровна нѣсколько разъ очень внимательно всматривалась ей въ лицо и повторяла:

— Нѣтъ, не могу припомнить... Розановъ, дѣйствительно, былъ и застрѣлился, а Бархатовой не помню.

— Виновата, я тогда играла подъ фамиліей Ландышевой.

— И такой не помню.

— Ну, это все равно: гдѣ же вамъ всѣхъ запомнить. Вы не безпокойтесь, мы съ Лили старые друзья и спали на одной постели въ Ташкентѣ.

IX.

Всю ночь Агаѳья Петровна спала очень скверно и поэтому встала раньше обыкновеннаго. Раздумавшись о самовольныхъ квартирантахъ, она удивлялась сама себѣ, какъ это пустила ихъ въ чужую комнату — неизвѣстно откуда пріѣхали какія-то двѣ птицы, силой захватили комнату и расположились, какъ у себя дома. Старушка разсердилась до того, что у ней затряслась голова. Она, вмѣсто двухъ обыкновенныхъ чашекъ чаю, выпила всего одну, а до хлѣба и совсѣмъ не дотронулась.

— Нѣтъ, это ужъ нахальство! — рѣшила она вслухъ. — А что я m-me Понсонъ скажу? Прежніе артисты такъ никогда не дѣлали.

Агаѳья Петровна нѣсколько разъ подходила прислушаться къ дверямъ въ комнату квартирантокъ — спятъ себѣ, какъ зарѣзанныя, а мамаша насви-

стываетъ носомъ, какъ пожарная труба. Утро выдалось самое непріятное, дождь такъ и лилъ, какъ изъ ведра, а погода всегда дѣйствовала на старушку очень тяжело — ныли старыя кости, и дѣлалось тошно жить на свѣтѣ, какъ было и теперь. Время точно остановилось. Бѣжавшая съ потока дождевая вода раздражала нервы, а въ окно едва глядѣла бѣлесоватая мгла, вмѣсто дневного свѣта.

— И Бархатовой никакой не помню... — бормотала Агаѳья Петровна, шагая по своей комнатѣ. — Потомъ назвалась Ландышевой — и такой не бывало. Вретъ что-нибудь.

Квартирантки едва проснулись только къ двѣнадцати часамъ, и Дарья Семеновна вышла съ красными, заспанными глазами, чтобы справиться, готовъ или нѣтъ самоваръ.

— А я все думаю, что m-me Понсонъ будетъ меня бранить, — встрѣтила ее Агаѳья Петровна, — такъ ужъ вы лучше того... Здѣсь есть квартиры въ Театральной.

— Что̀ такое?..

— Я говорю, хорошія есть квартирки у насъ въ Театральной... Вотъ у портного Сестюнькина, у сапожника...

— Послушайте, Агаѳья Петровна, какъ я ни уважаю васъ, но меня это бѣситъ: я пойду къ сапожнику Сестюнькину?!..

— Это портной Сестюнькинъ, а у сапожника другая фамилія, да я забыла...

— Ахъ, это все равно, какая фамилія!.. А только вы забываете, что у меня взрослая дочь. Признаться сказать, я этого не ожидала именно отъ васъ.

— Конечно, дѣвушка большая... это точно...—согласилась упрямая старушка, которой ужъ надоѣло сердиться съ пяти часовъ утра.

Самоваръ пришлось Дарьѣ Семеновнѣ поставить самой, а потомъ не было хлѣба къ чаю — одна непріятность за другой.

— Варенька, ты сходишь за хлѣбомъ въ булочную... — ласково заговорила Дарья Семеновна, возвращаясь въ свою комнату. — Тутъ у самаго театра, на углу...

— Въ такую погоду?.. — изумилась дѣвушка, мечтавшая о горячемъ чаѣ. — Ни за что!..

— Ты возьмешь мнѣ эти маленькія булочки съ солью, какія я люблю, а себѣ французскую булку... Пожалуйста, поскорѣе!..

— А цѣловаться съ этой старушонкой не будешь заставлять?..

— Ахъ, Варенька, Варенька, какъ ты меня мучишь разными пустяками! — взмолилась Дарья Семеновна. — Точно я для себя хлопочу...

— Мама, да вѣдь дождь идетъ...

Пришлось самой сходить въ булочную, и въ награду Дарья Семеновна начерпала въ калоши грязи. Вообще утро началось прескверно, а ей къ двумъ часамъ необходимо было отправиться по дѣлу. Утѣшала только Варенька, которая встала сегодня такая свѣжая и, кажется, успѣла пополнѣть за одну ночь. Въ своемъ простенькомъ домашнемъ платьѣ изъ розоваго ситца она выглядѣла такой милой bébé, что Дарья Семеновна невольно припомнила свою молодость, когда даже ея птичій носъ находили красивымъ. Агаѳья Петровна пристроилась посидѣть на людяхъ, тоже внимательно всматривалась въ ingénue и глазомъ знатока оцѣнила всѣ достоинства и недостатки: „Ничего, есть кровь, только какая-то она деревянная... Впрочемъ, это пройдетъ со временемъ“.

— Вы тутъ посидите, а я съѣзжу по дѣлу,—говорила Дарья Семеновна,

облекшись въ перекрашенное шелковое платье и новую осеннюю шляпу съ синимъ перомъ.

— Хорошо, хорошо... съ Богомъ,—провожала Агаѳья Петровна и даже перекрестила квартирантку на неизвѣстный подвигъ.

Варенька какъ-то равнодушно посмотрѣла на драповое пальто матери съ выцвѣтшей отдѣлкой, на зонтикъ антука и высокую шляпу, и погрузилась въ дремоту. Выйдя на улицу, Дарья Семеновна сейчасъ же взяла извозчика и велѣла ѣхать сначала прямо, потомъ направо,—она помнила улицы,—пока экипажъ не остановился у подъѣзда квартиры Куваева.

— Ты меня подождешь,—приказывала она извозчику, дергая за звонокъ.

Отворилъ двери Егоръ и вѣжливо посторонился, что̀ означало въ переводѣ, что докторъ дома. Дарья Семеновна раздѣлась и величественно вошла въ пріемную. Навстрѣчу ей сейчасъ же вышелъ самъ Куваевъ, одѣтый въ сѣрую домашнюю визитку.

— Артистка Бархатова,—отрекомендовалась Дарья Семеновна, величественно закидывая голову назадъ и мѣряя доктора съ головы до ногъ.

— Очень пріятно... Чѣмъ могу служить?.. Не угодно ли вамъ садиться...

Докторъ придвинулъ кресло, въ которое артистка и помѣстилась, довольно эффектно откинувъ запутавшійся подолъ платья ногой. Она, прежде чѣмъ заговорить о дѣлѣ, осторожно оглядѣлась. Эти прелиминаріи всегда бѣсили Куваева, а теперь у него вдобавокъ еще была своя работа.

— Я пріѣхала къ вамъ по очень важному дѣлу, — съ достоинствомъ заговорила Дарья Семеновна. — Можно сказать, по общему для насъ дѣлу... Я — мать Елены Михайловны Вьюшиной-Запольской.

Дарья Семеновна хотя и разсчитывала на эффектъ этой фразы, но произведенное ею дѣйствіе превзошло всѣ ожиданія: докторъ какъ-то растерялся, вопросительно пожалъ плечами и принялся теребить бороду.

— Извините, можетъ-быть, я ошибаюсь... — бормоталъ онъ, пожимая плечами. — Мнѣ кажется, что здѣсь недоразумѣніе.

— То-есть какъ это недоразумѣніе?.. Позвольте, милостивый государь, я-то могу, кажется, хорошо знать, что Елена была моя родная дочь...

— А я даже не подозрѣвалъ этого обстоятельства... то-есть что у Елены Михайловны есть мать, и что она пріѣдетъ сюда. Очень пріятно̀ познакомиться въ такомъ случаѣ, но все это такъ неожиданно для меня...

— Неужели Елена ничего вамъ не говорила, когда умирала?—другимъ тономъ спрашивала Дарья Семеновна, вынимая платокъ. — О, она всегда такъ любила меня, бѣдняжка... Вѣроятно, боялась, что извѣстіе о ея смерти убьетъ меня прежде времени!..

Она поднесла платокъ къ глазамъ, а Куваевъ нахмурился — онъ вѣрилъ и не вѣрилъ, что предъ нимъ сидитъ бабушка Маляйки. Вѣдь если сама Елена Михайловна ничего не говорила о матери по своимъ личнымъ соображеніямъ, то объ этомъ могли сказать другіе, и никто ни одного слова!.. Нѣтъ, это какая-нибудь дурацкая мистификація, а эта дама просто сумасшедшая.

— По вашему лицу я вижу, что вы мнѣ не вѣрите... — предупредила его Дарья Семеновна съ горькой улыбкой.—Но вы убѣдитесь, когда я представлю свои документы... Наконецъ вся хомутовская труппа меня знаетъ!..

Все это говорилось такимъ убѣжденнымъ тономъ, что нельзя было не повѣрить, и докторъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на лицо своей гостьи съ подозрительными красными жилками, подведенными глазами и этимъ птичьимъ носомъ. Онъ напрасно искалъ какой-нибудь черточки фамильнаго сходства и ничего не находилъ. Этотъ нѣмой допросъ въ свою очередь взбѣ-

силъ Дарью Семеновну, которая покраснѣла вдругъ, какъ морковь: ее оскорбляли въ самыхъ святыхъ материнскихъ чувствахъ. Глухое недовольство накоплялось съ самаго утра и готово было прорваться каждую минуту горячимъ потокомъ, — этотъ лѣкаришка еще надъ ней же и ломается.

— Я сказала, что пріѣхала по дѣлу... — начала Дарья Семеновна, стараясь сохранить дѣловое спокойствіе. — Послѣ моей дочери остался ребенокъ...

Докторъ, наклонивъ голову въ знакъ согласія и заложивъ руки въ карманы, принялся шагать по комнатѣ.

— Ребенка взяли на воспитаніе вы, какъ я слышала... Въ этотъ моментъ я была въ Таганрогѣ и, связанная контрактомъ, не могла, къ сожалѣнію, пріѣхать сейчасъ же, а вы были настолько добры... Однимъ словомъ, вы приняли чисто-родственное участіе въ судьбѣ маленькаго сироты и, конечно, не позабыли принять нѣкоторыя мѣры относительно оставшагося наслѣдства.

— Послушайте, я этого рѣшительно ничего не знаю: я взялъ ребенка и только. А что̀ касается имущества, то у Елены Михайловны есть отецъ, который, вѣроятно, знаетъ это дѣло лучше меня...

— Такъ, значитъ, это правда, что все имущество Лены попало въ лапы этого прощалыги Хомутова? — азартно спрашивала Дарья Семеновна, грозно поднимаясь съ мѣста.

— И на это не могу ничего сказать: я бралъ ребенка, а не имущество вашей дочери...

— Позвольте, господинъ докторъ... Принимая ребенка, вы должны были подумать о его судьбѣ: сегодня вы его взяли, а завтра выкинете на улицу — я говорю къ примѣру. Я отказываюсь понимать васъ въ такомъ случаѣ... По закону прямымъ наслѣдникомъ является одинъ ребенокъ, а не родители умершей. Должна быть опека... Я знаю, что у Лены остались деньги, наконецъ у нея были цѣнныя вещи.

— Съ юридической стороны вы совершенно правы, но я не вмѣшиваюсь въ эти дѣла и попрошу васъ разъ и навсегда оставить меня въ покоѣ по этому поводу, — сухо проговорилъ докторъ, дѣлая энергическій жестъ.

„Подлецъ, зацапалъ Ленины денежки вмѣстѣ съ Хомутовымъ,—думала Дарья Семеновна, хрустя пальцами.—По рожѣ видно, что вретъ... Вотъ еще человѣкъ навязался!..“

— Потомъ я долженъ вамъ сказать, что совсѣмъ не желаю ставить себя въ фальшивое положеніе, — продолжалъ докторъ съ возраставшей энергіей.— Свидѣтелемъ послѣднихъ дней былъ господинъ Булатовъ, который можетъ вамъ передать, что сама Елена Михайловна взяла съ него слово ни въ чемъ не вмѣшиваться въ судьбу Маляйки... Думаю, что это относилось и къ вамъ, иначе Елена Михайловна сдѣлала бы оговорку...

— Вы хотите сказать, что она забыла родную мать?.. Нѣтъ, вы жестоко ошибаетесь, господинъ докторъ, и я могу представить вамъ цѣлый рядъ писемъ... Впрочемъ, изъ этого разговора можно подумать, что я какая-нибудь интересантка,—нѣтъ, для меня дорога только судьба несчастнаго ребенка. Надѣюсь, вы оцѣните мои чувства... Я въ ней потеряла все... да, все!..

Приложивъ платокъ къ глазамъ, она слабымъ голосомъ добавила:

— Могу я, по крайней мѣрѣ, видѣть ребенка?..

— Я не имѣю права вамъ отказать...

Появленіе Дарьи Семеновны въ дѣтской смутило и перепугало Пашу, которая испуганными глазами смотрѣла на смущеннаго доктора. Маляйка не обнаружилъ и тѣни родственныхъ чувствъ, а когда Дарья Семеновна хотѣла

его взять на руки, онъ обнаружилъ всѣ признаки самаго отчаяннаго протеста и, какъ поросенокъ, съ визгомъ покатился по полу.

— Что это у тебя, милая, какой безпорядокъ вездѣ... — строго замѣтила Дарья Семеновна оторопѣвшей кормилицѣ. — Для ребенка это очень нездорово. Вонъ тутъ и бѣлье у печки сушится и какая-то дрянь въ кастрюлечкѣ киснетъ... Такъ нельзя, милая!..

Маляйка только-что начиналъ ползать по полу и смотрѣлъ на бабушку своими большими сѣрыми глазами очень сердито. Когда та сдѣлала вторую попытку приласкать его, онъ кубаремъ, какъ медвѣжонокъ, кинулся къ Пашѣ и сейчасъ же зарылся въ складкахъ ея ситцеваго платья. Дарья Семеновна опять прибѣгла къ дѣйствію носового платка и нѣсколько разъ провела имъ по глазамъ — бѣдный, бѣдный ребенокъ, который не узнаетъ материнской ласки!.. Въ заключеніе она все-таки поймала Маляйку и долго цѣловала его, не обращая вниманія на крикъ и гримасы капризничавшаго внучка.

— Это ангелъ! — шептала счастливая бабушка, передавая Маляйку Пашѣ.

На первый разъ все дѣло этимъ и закончилось. Докторъ, присутствуя при сценѣ родственнаго свиданія, не проронилъ ни одного слова. Паша догадалась чутьемъ, что за птица эта большеносая дама, и грустно смотрѣла то на Маляйку, то на доктора.

Вернувшись въ пріемную, Дарья Семеновна усѣлась на прежнее мѣсто, не оставляя платка; она, кажется, думала остаться здѣсь надолго.

— А я долженъ извиниться предъ вами... — заявилъ докторъ, поглядывая выразительно на свои часы. — У меня есть паціенты, которые не могутъ ждать...

— Виновата, я задержала васъ...

— Что касается того дѣла, о которомъ былъ сейчасъ разговоръ, такъ я думаю, что лучше всего будетъ подождать пріѣзда Хомутова. Онъ, вѣроятно, не откажется объяснить...

— Да, да... Кстати онъ долженъ быть здѣсь на-дняхъ.

Дарья Семеновна простилась съ докторомъ очень церемонно, обдумывая что-то про себя. Въ передней, впрочемъ, она заговорила такимъ тономъ, какъ со своимъ человѣкомъ:

— А Мясоѣдова-то опять провалилась... О, да, до невозможности!.. Это какая-то разварная осетрина, а не актриса... А вмѣсто Лены Хомутовъ везетъ Глобу-Михальскую, которую вы, вѣроятно, видали.

— Нѣтъ, не случалось.

— Представьте себѣ: глухонѣмая какая-то... Увѣряю васъ! И эта Михальская будетъ играть послѣ Лены... Воображаю!..

Докторъ почувствовалъ, что у него свалилась гора съ плечъ, когда Егоръ захлопнулъ дверь за неожиданной гостьей.

X.

Появленіе бабушки Маляйки внесло въ докторскій домъ непріятныя усложненія. Паша, по такому удобному случаю, не преминула наревѣться и ходила съ красными глазами, — она боялась, что Дарья Семеновна отниметъ ребенка. Только-что ребенокъ было-устроился, а тутъ принесло эту актрису... Изъ поведенія гостьи докторъ вывелъ другое заключеніе: она ребенка не возьметъ, а подниметъ скверную суматоху по поводу наслѣдства. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, тогда не пришло ему въ голову опечатать имущество покойной, и гдѣ оно находится сейчасъ?.. Ясно, что это была новая штука Хомутова, который намѣренно скрылъ существованіе Маляйкиной бабушки, потому что

это было въ его видахъ. Впрочемъ, труппа на-дняхъ пріѣдетъ, и тогда все разъяснится.

— Какая это бабушка — у Елены Михайловны не было матери, — увѣряла Паша съ особеннымъ азартомъ.—Какая-то прощалыга явилась и сейчасъ наслѣдство вынюхиваетъ. Жадныя эти актрисы...

Черезъ недѣлю хомутовская труппа прибыла въ Бужоѣмъ, и самъ антрепренеръ остановился въ „Калифорніи“. Куваевъ отправился сейчасъ же за разъясненіями и поздоровался съ Хомутовымъ очень холодно. Какъ разъ разговоръ происходилъ въ томъ номерѣ, гдѣ умерла Елена Михайловна, что усилило непріятность происходившей сцены. Предчувствуя что-то недоброе, Хомутовъ сдѣлалъ глупое лицо. Онъ за лѣто успѣлъ пополнѣть, несмотря на сопровождавшія его неудачи.

— Почему вы тогда меня не предупредили, что у Елены Михайловны есть живая мать?..—приступилъ Куваевъ прямо къ цѣли своего визита.

— Какая мать?..—изумился въ свою очередь Хомутовъ.

— Родная мать Елены Михайловны... Вы ее ангажировали на нынѣшній сезонъ, и она уже была у меня. Театральная фамилія: Бархатова...

— Та-та-та... Позвольте: у Бархатовой, дѣйствительно, есть дочь, только не Елена Михайловна, а Варвара Михайловна Стасевичъ-Любарская. Вы, вѣроятно, милѣйшій докторъ, что-нибудь перепутали... Я съ ними заключилъ контрактъ и знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— Это, наконецъ, возмутительно!—вспылилъ докторъ.—Къ чему вы еще притворяетесь?.. Въ вашихъ личныхъ видахъ было скрыть существованіе бабушки Маляйки, а я, благодаря вамъ, попалъ въ самое дурацкое положеніе: она можетъ взять ребенка отъ меня, когда этого захочетъ. Сейчасъ этого желанія незамѣтно, а за будущее кто поручится...

Хомутовъ своимъ быстрымъ шагомъ пробѣжалъ по номеру раза два, взъерошилъ волосы и трагически развелъ руками.

— Я-то при чемъ тутъ?—спрашивалъ онъ, становясь въ заученную позу.— Вотъ положеніе... не обязанъ же я знать генеалогію всѣхъ своихъ актеровъ!.. Бархатова, такъ Бархатова... Конечно, по естественному порядку вещей, у каждаго человѣка должна быть мать, но кто бы могъ подозрѣвать, что эта Бархатова родная мать Елены Михайловны!.. Хоть убейте, ничего не знаю и не зналъ. Потомъ, мой милый докторъ, въ нашемъ театральномъ мірѣ всѣ эти семейныя отношенія составляютъ такой деликатный предметъ, о которомъ не принято говорить... Артисты стоятъ выше обыкновенныхъ предразсудковъ.

— Мнѣ до этого, Платонъ Ильичъ, дѣла нѣтъ.

— И мнѣ тоже! Въ чемъ же вопросъ?

— Въ томъ, что эта Бархатова въ одно прекрасное утро можетъ заявить права на Маляйку... Знай я это впередъ, повѣрьте, что я никогда не рѣшился бы взять этого несчастнаго ребенка.

— Только-то?.. Такъ отдаю вамъ свою антрепренерскую голову на отсѣченіе, что Бархатова ни теперь ни послѣ даже не заикнется о ребенкѣ. Ей самой до себя, да и фонды у ней того—швахъ... Теперь довольны?..

— Нѣтъ... Является другой вопросъ: она заявила претензію на наслѣдство послѣ Елены Михайловны и, кажется, подозрѣваетъ для перваго раза меня.

— Ну, ужъ это дудки: фюить!.. Старикъ Булатовъ все давно спустилъ, вмѣстѣ съ моей енотовой шубой... Нѣтъ, мое-то положеніе каково: я хлопоталъ, бился, заботился,—а вотъ награда. Что же, по-вашему, я прикарманилъ наслѣдство послѣ Елены Михайловны? Да и какое наслѣдство: двѣ стаметовыхъ юбки и разная другая дрянь... Это можетъ говорить Бархатова, но вы,

Николай Григорьичъ... Положа руку на сердце, долженъ признаться, что вотъ именно отъ васъ-то я этого не ожидалъ!

— Я тутъ рѣшительно ни при чемъ...

— Что же вамъ нужно въ такомъ случаѣ? Предоставьте мнѣ вѣдаться съ этой Бархатовой, и все будетъ отлично...

Какъ всегда, Хомутовъ оказался чуть не святымъ, хотя докторъ былъ убѣжденъ, что именно этотъ антрепренеръ виноватъ кругомъ. Что вы будете говорить съ подобными людьми!.. Дѣло кончилось тѣмъ, что Куваевъ же почувствовалъ себя какъ-то неловко.

— Для меня это пріятное открытіе, что Любарская родная сестра Елены Михайловны,—вслухъ думалъ Хомутовъ, раскуривая сигару.—Кровь, батенька, великое дѣло... Только та была бѣлокурая, а эта шатенка. Нѣтъ, положительно, я изъ этой ingénue сдѣлаю человѣка.

— Поздравляю васъ...—иронически замѣтилъ докторъ, поднимаясь съ мѣста.

— Вы куда это собрались? Оставайтесь кофе пить...

Отвязаться отъ Хомутова нечего было и думать, и докторъ рѣшилъ, что ужъ лучше выпить стаканъ кофе и уйти безъ грѣха, хотя онъ совсѣмъ не имѣлъ желанія пить сейчасъ.

Пока Хомутовъ бѣгалъ въ буфетъ съ необходимыми приказаніями, докторъ успѣлъ разсмотрѣть еще разъ намозолившую глаза обстановку номера—тѣ же обои, та же драпировка, тотъ же диванъ, на которомъ спалъ пьяный Булатовъ. Къ довершенію сходства служилъ тотъ же безпорядокъ, какой возятъ за собой странствующіе артисты. По коробочкамъ и бомбоньеркамъ, валявшимся у зеркала, Куваевъ догадался, что въ этомъ номерѣ остановилась Мясоѣдова, хотя, конечно, могло быть и иначе. Дѣйствительно, господа артисты ужъ слишкомъ, кажется, не стѣсняютъ себя семейной обстановкой... Докторъ даже разсердился на себя, зачѣмъ остался здѣсь, но въ это время въ коридорѣ послышался страшный гвалтъ, и Хомутовъ влетѣлъ въ номеръ, какъ бомба. За нимъ съ краснымъ, разсерженнымъ лицомъ вошла m-me Понсонъ—она имѣла свой прежній цвѣтущій видъ и щеголяла въ тѣхъ же бухарскихъ платкахъ.

— Вотъ, не угодно ли?—накинулся Хомутовъ на доктора, указывая на m-me Понсонъ.—Нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе... а?.. Нѣтъ, вы побывайте въ моей кожѣ... а?!..

— А я чѣмъ виновата?—заявляла съ своей стороны m-me Понсонъ, пожимая руку Куваева по-товарищески.—Да... У Орловой я живу на квартирѣ восемь лѣтъ. Хорошо... Пріѣзжаю: моя комната, моя собственная комната занята этой Бархатовой. Хорошо... Я, конечно, сейчасъ къ Агаѳьѣ Петровнѣ: что сей сонъ означаетъ?.. А та только головой трясетъ и руками разводитъ... Что же оказывается? Бархатова нарочно пріѣзжаетъ недѣлей раньше, чтобы захватить мою комнату, и заявляетъ Агаѳьѣ Петровнѣ, что она уговорилась объ этомъ со мной и что имѣетъ даже какія-то письма... Однимъ словомъ, я очутилась на улицѣ, а Бархатова ни за что не хочетъ очистить моей комнаты.

— Да вы заплатили за эту комнату, что ли?—спрашивалъ Хомутовъ.

— Помилуйте: я жила тутъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, и вдругъ... какое нахальство!.. И еще смѣетъ говорить, что у нея мои письма... Можетъ-быть, что когда-то мы играли вмѣстѣ въ Ташкентѣ, но вѣдь это было давно!.. Вы, какъ антрепренеръ, должны заступиться за меня, Платонъ Ильичъ!..

— Вотъ, не угодно ли!..—повторялъ Хомутовъ.—Турецкій паша, что ли, я для васъ?.. Не могу же я взять да и вытолкать эту Бархатову въ шею...

— Она говоритъ, что у ней дочь, а я чѣмъ виновата, что у меня нѣтъ дочери?—не унималась m-me Понсонъ, размахивая руками.—Наконецъ, я женщина, и прямая обязанность порядочнаго мужчины оказать содѣйствіе...

— Да вы за квартиру-то заплатили ли, сударыня?..

— Я жила восемь лѣтъ...

— Э, вздоръ!—рѣшилъ Хомутовъ, когда ему надоѣло спорить съ расходившейся m-me Понсонъ.—Помиритесь какъ-нибудь... Наконецъ, вы можете помѣститься на время въ комнатѣ Агаѳьи Петровны. Я бывалъ тамъ и хорошо помню, что комната у ней премиленькая.

— Благодарю васъ!..—отвѣтила m-me Понсонъ и даже сдѣлала реверансъ.

Все это вышло такъ смѣшно, что докторъ расхохотался невольно. Онъ мысленно представлялъ себѣ горячую сцену, которая произошла въ квартирѣ Орловой между двумя дамами.

— Вы знаете, какъ въ Ташкентѣ офицеры прозвали эту Бархатову?—не унималась m-me Понсонъ, усаживаясь разливать поданный кофе.—Всѣ ее знаютъ подъ этой кличкой: Макъ-Магонъ... Она и походитъ на Макъ-Магона!..

— Бѣдная Лили, если бы я былъ китайскимъ императоромъ, то я каждой своей артисткѣ не только подарилъ бы по цѣлому дворцу, но воздвигнулъ бы храмъ,—отшучивался Хомутовъ, подливая въ свой стаканъ коньяку.—А ужъ что я уважаю женщинъ вообще и въ частности, можетъ засвидѣтельствовать весь бѣлый свѣтъ. Это моя религія, которая, говоря правду, стоитъ мнѣ немножко дорого... А знаете, что я вамъ скажу: эта Бархатова начинаетъ мнѣ нравиться... очень энергичная женщина, чортъ возьми!.. Не правда ли, докторъ?

— Да, ничего...

Выпивъ свой стаканъ, Куваевъ наконецъ выбрался изъ хомутовскаго номера. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, Хомутовъ раздѣлывается съ этой Бархатовой, какъ знаетъ.

Что всего удивительнѣе, такъ это то, что черезъ три дня въ квартиру Куваева явилась m-me Понсонъ, въ сопровожденіи высокой молодой дѣвушки, которую отрекомендовала, какъ новую ingénue, Стасевичъ-Любарскую.

— Вы ее полюбите, какъ полюбила я съ перваго раза,—восторженно говорила „бѣдная Лили“.—Мы пріѣхали посмотрѣть этого мальчугашку... Варвара Михайловна приходится ему родной теткой, и для нея, вотъ для этой самой дѣвушки, я помирилась съ Дарьей Семеновной. Въ сущности, она прекрасная женщина...

Варенька была одѣта въ свѣжій осенній костюмъ и раскланялась съ докторомъ очень серьезно. Она вообще произвела на него выгодное впечатлѣніе съ перваго раза.

— Я очень радъ познакомиться съ сестрой Елены Михайловны,—проговорилъ онъ, пожимая руку Варенькѣ.—О васъ я услышалъ въ первый разъ только отъ Хомутова.

— Прелестная дѣвушка!—вслухъ восхищалась m-me Понсонъ, разсматривая обстановку докторской квартиры.—Она произведетъ фуроръ, увѣряю васъ... Нужно быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить такой красавицы. А ростъ?..

Эти похвалы заставили Вареньку даже покраснѣть въ первую минуту, а потомъ она приняла свой обыкновенный равнодушный видъ, точно говорили о комъ-нибудь постороннемъ. Синее шерстяное платье охватывало ея стройную фигуру, какъ перчатка, красиво собранные волосы спускались на лобъ легкой бахромкой по вѣнской модѣ, придавая лицу немного дѣтское выраженіе. Особенно близкаго сходства съ лицомъ Елены Михайловны докторъ не могъ найти, кромѣ характернаго разрѣза рта, особенно когда Варенька застѣнчиво и не-

рѣшительно улыбалась. Да, это была она, та улыбка, которая сводила доктора съ ума и которую онъ подмѣчалъ въ Маляйкѣ. M-me Понсонъ сразу замѣтила произведенное дѣвушкой впечатлѣніе и почувствовала себя въ квартирѣ Куваева, какъ у себя дома—загляпула въ кабинетъ, въ столовую и даже спальню.

— Вы давно на сценѣ?—спрашивалъ Куваевъ молчаливую дѣвушку.

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать...—замялась дѣвушка.

— О, она слишкомъ рано поступила въ театръ,—объясняла за нее m-me Понсонъ.—Она еще шестилѣтней дѣвочкой выходила амуромъ... А теперь она такъ хороша, что ей недостаетъ только крыльевъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, „бѣдная Лили“ сочно расцѣловала свою красавицу и по пути что-то шепнула ей на ухо.

— Вы хотите посмотрѣть ребенка, Варвара Михайловна?—предложилъ Куваевъ.

— Пожалуйста...

— Въ его комнату я сейчасъ васъ не поведу, а принесу его сюда...

Когда Куваевъ вышелъ, m-me Понсонъ сдѣлала многозначительный жестъ и шопотомъ проговорила:

— Берегитесь, это опасный человѣкъ... Покойная Елена Михайловна имъ увлекалась.

Принесенный докторомъ на рукахъ Маляйка пугливо покосился на захахавшую Лили и весело задергалъ ручопками, когда дѣвушка подошла къ нему. Онъ схватилъ ее за пуговицу платья и съ дѣтской граціей наклонился къ ней всѣмъ корпусомъ.

— Мма...—болталъ Маляйка, когда Варенька взяла его на руки, и весело улыбался.

— Ахъ, какая прелесть!.. Это ангелъ,—шептала Лили, прикладывая платокъ къ своему красному лицу.—Вотъ что значитъ дѣти!..

Варенька ловко подкинула ребенка къ потолку и опустила, причемъ такъ рельефно обрисовались ея формы. Докторъ смотрѣлъ на эту сцену и улыбался. Его только удивило равнодушное и усталое выраженіе ея лица, когда Маляйка, по принадлежности, перешелъ къ m-me Понсонъ, душившей его своими жирными поцѣлуями—перемѣна произошла слишкомъ быстро.

Дамы возились съ ребенкомъ полчаса, а потомъ Лили вспомнила, что ее дома ждутъ гости—хотѣлъ зайти новый первый любовникъ. Варенька тоже, кажется, была рада, что родственный долгъ былъ исполненъ, и съ своей улыбкой протянула доктору руку, которую онъ пожалъ съ особеннымъ чувствомъ.

— Благодарю васъ...—говорилъ онъ, провожая гостей въ переднюю.

Пока Варвара Михайловна одѣвалась при помощи Егора, m-me Понсонъ успѣла шепнуть доктору:

— Она, къ сожалѣнію, совсѣмъ не походитъ на бѣдную Лёлю... Какъ-нибудь на досугѣ я разскажу вамъ ея родословную. О, это цѣлый романъ!.. Въ ней ташкентская кровь, почему я ее и люблю такъ.

И затѣмъ гости удалились, оставивъ доктора очень довольнымъ знакомствомъ съ дѣвушкой, пробудившей въ немъ воспоминанія объ Еленѣ Михайловнѣ.

XI

Этотъ послѣдній визитъ произвелъ на доктора глубокое впечатлѣніе, и онъ задумчиво улыбался, повторяя мысленно сцену съ ребенкомъ—какъ хороша была Варвара Михайловна. Ничего дѣланаго или неестественнаго, и Маляйка почувствовалъ это сразу. Даже m-me Понсонъ, которую докторъ вообще недолюбливалъ, на этотъ разъ не возмущала его своей болтовней и непрошен-

нымъ участіемъ. Должно-быть, помимо своихъ театральныхъ выходокъ, она была очень добрая женщина...

Отдать визитъ дамамъ Куваевъ не замедлилъ, хотя сама Дарья Семеновна немного и смущала его: въ ней было что-то такое, очень ужъ нахальное даже для театральной среды, гдѣ предразсудками не стѣсняются. Пришлось преодолѣть эту антипатію и отправиться въ Театральную улицу. Убогая обстановка квартиры Орловой доктора не смутила, притомъ онъ бывалъ здѣсь когда-то. Сначала онъ попалъ въ комнату самой хозяйки. „Бѣдной Лили“ не было, а на диванчикѣ спалъ пьяный комикъ Недорѣзовъ. Комната успѣла принять болѣе приличный видъ благодаря походнымъ привычкамъ Лили: явился диванчикъ, на окнахъ занавѣски и цвѣты, комодъ съ зеркаломъ, прилично убранная кровать и т. д.

— Вамъ кого нужно?—спрашивала Агаѳья Петровна, появляясь своими неслышными шагами, точно привидѣніе.

— Дарья Семеновна дома?..

— Нѣтъ, Дарьи Семеновны нѣтъ... Барышня дома.

Старушка торопливо отправилась предупредить квартирантку, и Варвара Михайловна появилась въ дверяхъ собственной особой, одѣтая въ свое домашнее ситцевое платье. Она съ улыбкой протянула Куваеву руку, но не выразила особеннаго движенія.

— Мама у Хомутова,—равнодушнымъ тономъ проговорила она, приглашая доктора садиться.—Она скоро вернется...

Докторъ заговорилъ на томъ спеціальномъ жаргонѣ, какой выработался за кулисами. Его поразило то, что предъ нимъ была совсѣмъ другая дѣвушка, а не та, которую онъ создалъ въ своемъ воображеніи,—какая-то вялая и апатичная, съ такимъ непріятнымъ, тупымъ выраженіемъ большихъ глазъ. Неужели на него такъ подѣйствовала тогда эта сцена съ ребенкомъ или другой костюмъ Варвары Михайловны? Вообще онъ не любилъ такихъ женщинъ, которыхъ нужно занимать. Разговоръ какъ-то не вязался, и Куваевъ былъ даже радъ, когда вернулась Дарья Семеновна. Она пылала самымъ законнымъ негодованіемъ противъ подлеца Хомутова, которому только сейчасъ сдѣлала „гроссъ-шкандалъ“. Куваева же, видимо, больше не подозрѣвала въ мошенничествѣ и отнеслась къ нему, какъ къ своему человѣку.

— Я буду съ нимъ судиться, съ этимъ мерзавцемъ Хомутовымъ!—кричала Дарья Семеновна, совсѣмъ выкатывая глаза.—Помилуйте, все захватилъ... Какъ это понравится? И я убѣждена, что всѣ лучшія вещи, какія есть теперь у Мясоѣдовой, это вещи моей бѣдной Лёли... Брошка съ двумя крупными жемчужинами, три браслета, кольца, наконецъ колье!.. Я съ нея прямо сорву всѣ эти вещи, когда она въ нихъ только осмѣлится показаться въ театрѣ. А гардеробъ?.. Нѣтъ, это ужасно... это безсовѣстно!..

— Напрасно ты, мама, кипятишься: ничего изъ этого не выйдетъ,—замѣтила дѣвушка, наблюдавшая доктора.—Что пропало, то пропало...

— Ахъ, ты ничего не понимаешь!..

— Я думаю, что слѣдовало бы спросить господина Булатова сначала...—посовѣтовалъ Куваевъ и проглотилъ конецъ фразы—такъ грозно посмотрѣла на него Дарья Семеновна.

Дѣвушка оживилась только тогда, когда рѣчь зашла о театрѣ и новой примадоннѣ. Дарья Семеновна пересолила и тутъ, принявшись ругать Михальскую на чемъ свѣтъ стоитъ: она и глухонѣмая, и идіотка, и потаскушка, а Хомутову это и на руку—онъ ничего ей не заплатитъ, да еще получитъ свое, если Мясоѣдова не выцарапаетъ имъ обоимъ глазъ. Удивительный вкусъ

у этого антрепренера—выбралъ какую-то жердь и думаетъ удивить публику! О Маляйкѣ вспомнила только въ моментъ, когда Куваевъ началъ прощаться.

— Это нашъ ангелъ...—слезливо повторяла Дарья Семеновна, выразительно пожимая доктору руку.

Вернувшись домой, Куваевъ съ особеннымъ удовольствіемъ почувствовалъ свою холостую свободу—какъ это хорошо въ самомъ дѣлѣ, хотя и эгоистично немного. Положимъ, что есть уже Маляйка, но другіе держатъ же собакъ, а эта глупость стоитъ ему не дороже... Въ умѣ докторъ перебиралъ событія послѣдняго времени и очень благоразумно удивлялся невозможнымъ театральнымъ нравамъ. Какъ эти господа артисты свободно и легко смотрятъ на жизнь, а несчастныя дѣти растутъ у нихъ, какъ крапива или выброшенные на улицу щенки. Почему Елена Михайловна не жила съ матерью, а съ отцомъ—это никого не интересовало, какъ и самое существованіе матери. Дарья Семеновна прилетѣла въ Бужоёмъ съ прекрасной цѣлью вырвать наслѣдство, и только. Коротко и ясно, и главное никакихъ этакихъ сентиментовъ или мелодраматическихъ сценъ. И эта Варенька будетъ такая же, какъ мать.

Собственно эти мысли подходили подъ общій строй докторской психики. Съ годами въ Куваевѣ развился самый заурядный типъ провинціальнаго доктора-стяжателя, который, заплативъ необходимую дань слабостямъ и недостаткамъ человѣческой природы, къ „критическому возрасту“, когда люди этого закала превращаются въ неисправимыхъ холостяковъ, окончательно погрузился въ наполненіе своей докторской кубышки. Утромъ практика, вечеромъ—клубъ, театръ или игра въ вистъ въ своемъ кружкѣ, гдѣ-нибудь въ семейномъ домѣ, гдѣ около смазливой и податливой хозяйки собираются „друзья дома“. Въ глухой провинціи заживо сгниваетъ много хорошихъ людей именно такимъ простымъ способомъ. Послѣ смерти они оставляютъ кругленькое наслѣдство какимъ-нибудь сомнительнымъ родственникамъ, просуживающимъ любую его половину, при усердіи мѣстныхъ адвокатовъ. Куваевъ сознавалъ свою ограниченность и шелъ по избитой дорожкѣ съ легкимъ сердцемъ. Въ своихъ установившихся привычкахъ онъ видѣлъ извѣстную солидность; въ извѣстное время свѣжая газета и послѣобѣденная сигара, а потомъ интимный визитъ къ аппетитной вдовушкѣ, легкая закулисная интрижка и, въ заключеніе всего, все она же, холостая свобода.

Собственная обстановка Куваева промелькнула на фонѣ той жизни, которая текла теперь въ двухъ комнаткахъ Агаѳьи Петровны—этотъ пьяный комикъ Недорѣзовъ, воинствующій Макъ-Магонъ, отставная развалина-примадонна и подающая блестящія надежды ingénue. А между тѣмъ есть уже узелокъ, связывающій эти два порядка существованій, и этотъ узелокъ—Маляйка. Продолжая свою мысль, Куваевъ видѣлъ второй визитъ Вареньки, потомъ ростъ собственнаго чувства, подталкиваемаго естественнымъ желаніемъ дать Маляйкѣ „мма“. Одинъ неосторожный шагъ, и романъ готовъ. Театральныя мамаши шутить не любятъ, а быть мужемъ ingénue... Впрочемъ, все это не мѣшаетъ быть Варенькѣ хорошей дѣвушкой. Въ ней, дѣйствительно, есть еще остатокъ той домашней свѣжести и нетронутости, которая такъ быстро изнашивается на театральныхъ подмосткахъ. Конечно, подъ энергичнымъ руководствомъ Макъ-Магона, все это исчезнетъ такъ же быстро, какъ таетъ послѣдній весенній снѣжокъ, и Варенька войдетъ окончательно въ составъ провинціальной театральной цыганщины. Дешевенькіе успѣхи, похвалы услужливыхъ поклонниковъ и спеціально-театральный складъ мысли и чувствъ навсегда заслоняетъ дѣйствительную жизнь. Исторія слишкомъ обыкновенная, о которой даже не стоитъ говорить...

А Маляйка росъ, какъ растетъ трава, вызванная къ жизни неизвѣстнымъ солнечнымъ лучомъ. Сначала онъ научился сидѣть „кочнемъ“, потомъ началъ ползать и наконецъ „сдѣлалъ первый зубъ“, какъ выражались представительницы бужоёмскаго beau-monde'а. Но этотъ первый зубъ обошелся ребенку дорого. Маляйка сначала кричалъ и капризничалъ, а потомъ слегъ въ постель. Разгорѣвшееся личико и мутные, полузакрытые глаза приводили Пашу въ отчаяніе. Приглашенный для консультаціи докторъ Щучка внимательно осмотрѣлъ больного, покачалъ головой и замѣтилъ:

— Маленькому артисту приходится туго... Но человѣческая натура живуча, и посему будемъ надѣяться.

На прощанье веселый старичокъ ущипнулъ подвернувшуюся Пашу и опять покачалъ головой, что̀ въ переводѣ значило: знаемъ, что̀ знаемъ.

— Смотри, красавица, дѣти—вещь очень заразительная,—болталъ неисправимый Щучка, стараясь поймать Пашу за подбородокъ.—Вмѣсто одного Маляйки могутъ быть два... Такія красавицы шутить не любятъ.

— Я въ законѣ... — отвѣтила довольно сухо на эти заигрыванья Паша.

— А... тѣмъ лучше. У природы свои законы.

Маляйка скоро поправился. Это маленькое воскресенье было настоящимъ праздникомъ, потому что Маляйка началъ производить первые опыты хожденія около стульевъ и такимъ образомъ разъ добрался до докторскаго кабинета. Онъ внимательно оглядывался кругомъ своими большими сѣрыми глазами, точно выползшій изъ гнѣзда котенокъ. Но въ этихъ свѣтлыхъ дѣтскихъ глазахъ уже чувствовалось пробуждавшееся сознаніе, первые проблески того необъятнаго внутренняго міра, который иногда разрушаетъ заключающую его бренную оболочку. Этотъ первый солнечный лучъ точно испугалъ доктора, особенно, когда Маляйка совершенно отчетливо началъ называть его папой. Паша была совсѣмъ счастлива этимъ маленькимъ дѣтскимъ словомъ, хотя въ первый разъ и отвернулась, чтобы вытереть передникомъ непрошенную слезу. Куваевъ понялъ это движеніе: это слово говорило о мертвой мамѣ и папѣ, которые не услышатъ его. Да, если бы Елена Михайловна была жива, какъ она ласкала бы своего Маляйку, давала бы ему самыя нѣжныя имена и окружала тѣмъ материнствомъ, которому нѣтъ цѣны. Эта примадонна думала бы о своемъ ребенкѣ въ театральной уборной, на сценѣ, когда раскланивалась съ публикой, за кулисами, болтая съ „поклонниками искусства“, и послѣ каждаго спектакля опять летѣла бы домой, какъ птица летитъ въ свое гнѣздо, и здѣсь пѣла бы дѣтскія глупыя пѣсенки, какъ поютъ птицы, качаясь на вѣткѣ у своего гнѣзда.

Потихоньку отъ Паши Куваевъ иногда подолгу вглядывался въ портретъ Маляйкина отца. Что̀ былъ за человѣкъ этотъ актеръ Уткинъ? Что̀ онъ думалъ? Какой у него былъ характеръ, и что̀ онъ передалъ Маляйкѣ? Порыжѣлая фотографія ничего не говорила, и актеръ Уткинъ съ своимъ дурацкимъ галстукомъ-бантомъ смотрѣлъ на доктора какъ сфинксъ, а между тѣмъ въ маленькой звѣрушкѣ Маляйкѣ будетъ сказываться отцовская кровь и прежде всего, конечно, отцовскіе недостатки. Но вѣдь тутъ былъ не одинъ актеръ Уткинъ... Въ голову доктора лѣзли и иркутскій золотопромышленникъ, который угощалъ Булатова такими прекрасными сигарами, и одесскій грекъ, даривший Еленѣ Михайловнѣ гиметскій медъ, а тамъ слѣдовали Варшава, Астрахань, Тюмень, Нижній, Кавказъ... Что̀ тамъ было? И вѣдь всѣ эти мелочи, весь этотъ житейскій соръ можетъ отозваться на Маляйкиномъ тѣлѣ, больше—въ его душѣ. Куваевъ переживалъ рядъ самыхъ ревнивыхъ мукъ

по всѣмъ этимъ пунктамъ, и въ его душѣ поднималось непріязненное чувство къ матери Маляйки, прошедшее которой давило его.

— Проклятая наслѣдственность... — повторялъ про себя Куваевъ, наблюдая ребенка, здороваго и свѣжаго, какъ только-что пойманная рыба. — Даже Паша и та говоритъ: „Карахтеромъ-то Маляйка подаетъ больше на мать...“

Но подъ этой здоровой внѣшностью скрытно работала цѣлая система неизвѣстныхъ силъ, которыя изъ маленькаго зерна выращиваютъ громадное дерево и сорную траву. Сейчасъ для Куваева была понятна только та обстановка, съ которой Маляйка былъ связанъ невидимыми нитями, и онъ только по этой обстановкѣ понималъ ребенка, причемъ Паша служила какъ бы рефлекторомъ, въ которомъ онъ читалъ уже отраженныя явленія. Тутъ былъ цѣлый міръ, все разраставшійся и усложнявшійся.

Когда Варенька играла съ Маляйкой на полу, Паша смотрѣла на нее черезъ дверную щель внимательнымъ испытующимъ окомъ, а потомъ вздохнула и ушла въ дѣтскую. Она ни слова не сказала о дѣвушкѣ, хотя не упускала случая ввернуть ядовитое словцо по адресу „той“, т.-е. Дарьи Семеновны, разлетѣвшейся прямо въ дѣтскую — и халда, и жадпящая, и сутяга.

— Ты видѣла Варвару Михайловну? — спросилъ ее Куваевъ однажды, когда пришелъ вечеромъ домой въ особенно хорошемъ настроеніи духа.

— Видѣла...

— Ну что же, понравилась она тебѣ?..

— Мнѣ всѣ одинаковы, Николай Григорьичъ...

— А если я женюсь на ней?..

Паша улыбнулась и якаво посмотрѣла на доктора.

— Нѣтъ, не женитесь...—задумчиво проговорила она.—Не такія ваши мысли, да и Варвара Михайловна—чужой хлѣбъ.

— Что это значитъ: чужой хлѣбъ?

— А такъ... Значитъ, неподходящая она для васъ. Одно Елена Михайловна была, а эта—то, да не то... Изъ одной печи, да не одной рѣчи...

У Паши была своя мѣрка для людей. Къ Маляйкиной теткѣ она отнеслась съ тѣмъ глухимъ недовѣріемъ, какъ относятся домашнія животныя къ каждому новому человѣку въ домѣ.

XII.

Хомутовъ проваливался... Для него это не было новостью, но самое скверное заключалось въ томъ, что провалъ начался съ перваго шага труппы. Новая примадонна не понравилась публикѣ, и театръ пустовалъ. Даже у неунывавшаго никогда антрепренера опустились руки.

— Это моя смерть!.. — говорилъ Хомутовъ околачивавшимся за кулисами поклонникамъ искусства.—Понимаете ли вы, что такое публика?.. Это самое прихотливое и капризное животное, которое васъ любитъ ни за что, а завтра ни за что же отвернется... Равнодушіе — это наша смерть. Нужно умѣть попасть ей въ топъ, угадать инстинкты, такъ сказать, прогрызть всю эту массовую психологію... Шекспиръ свои пьесы ставилъ при сальныхъ огаркахъ, въ разныхъ сараяхъ, и дѣло шло отлично. Актеры тоже не Богъ вѣсть какіе были... А нынче ничѣмъ эту публику не проймешь, хоть вылѣзи изъ собственной кожи. Про себя могу сказать, что я дѣйствительно работалъ, какъ двужильная лошадь, и вотъ вамъ награда...

Закулисные завсегдатаи сочувственно вздыхали, произносили глупыя общія фразы и, въ крайнемъ случаѣ, для утѣшенія загрустившаго антрепре-

нера покупали въ буфетѣ бутылку вина. Докторъ Щучка высказывалъ Хомутову самое трогательное участіе и старался его утѣшить, въ чемъ ему помогали два адвоката, кутившій купчикъ и какой-то сомнительный гусаръ.

— Нужно подождать, Платонъ Ильичъ, потерпѣть,—утѣшалъ Щучка.— Нужно, такъ сказать, поднять публику до извѣстной высоты пониманія.

— Хорошо это вамъ говорить, докторъ, а каково артистамъ: вѣдь нужно жить!—азартно возражалъ Хомутовъ. — Если я не буду платить, всѣ передохнутъ съ голода, что̀ и будетъ, потому что публика отвернулась отъ искусства. Она пойдетъ смотрѣть балаганъ съ восковыми фигурами, будетъ вертѣть столы; пьесы Шекспира, Гюго, Шиллера, Островскаго, Грибоѣдова, Гоголя она не переваритъ... Ей скучно, вашей публикѣ!..

Завсегдатаи скорбѣли вмѣстѣ съ Хомутовымъ объ упадкѣ вкусовъ бужоёмской публики и старались незамѣтно улизнуть въ облюбованный театральный закоулокъ. Нужно отдать Хомутову справедливость,—онъ, дѣйствительно, любилъ сцену и скорбѣлъ отъ души.

— Не хотятъ Мясоѣдову, я привезъ Глобу-Михальскую, — доказывалъ Хомутовъ свою правоту, удерживая кого-нибудь за пуговицу сюртука и чаще другихъ Щучку.—Вы знаете, кто эта Михальская?.. Кровная аристократка... Она выйдетъ на сцену, такъ это одно чего стоитъ, а дикція?.. Да развѣ публика понимаетъ, когда ей нужно одно красивое мясо да свиное сало... И такъ вездѣ антрепренеры лопаютъ, какъ мыльные пузыри. Нужно открывать трактиры съ арфистками, кабаки, портерныя съ дѣвицами—вотъ вѣрное дѣло, а искусство къ чорту! Уровень публики понизился — вотъ гдѣ главная причина... Нужно что-нибудь этакое неприличное и скандальное, тогда публика будетъ ломиться въ театръ. Даже молодежь, и та ходитъ смотрѣть въ театръ голыя ноги разныхъ пажей и декольтированную говядину.

Въ этихъ словахъ было много горькой правды, которую артисты переживали на своей кожѣ. Примадонна не имѣла успѣха, какъ не имѣла его и Стасевичъ-Любарская. Первая была не первой молодости, чего не могли ей простить завзятые меломаны, а вторая держалась на сценѣ слишкомъ угловато, чего-то недоставало. Дарья Семеновна выходила изъ себя, когда Варенька въ самыхъ благодарныхъ и выигрышныхъ роляхъ возвращалась со сцены съ пустыми руками. Она разсчитывала на громадный успѣхъ, а тутъ нѣсколько жалкихъ шлепковъ въ награду — и только. М-me Понсонъ хотя жалѣла Вареньку, но эти неудачные дебюты доставляли ей нѣкоторое удовольствіе: пропадать, такъ пропадать всѣмъ. Это необъяснимое проявленіе человѣческаго эгоизма („бѣдная Лили“ по-своему любила Вареньку) походило на то беззаконно-пріятное чувство, какое хромой испытываетъ при встрѣчѣ другого хромого.

— А помните, какъ аплодировали Варенькѣ въ водевилѣ съ куплетами?—утѣшала Лили злившуюся Макъ-Магонъ.—У ней голосокъ небольшой, а такой свѣженькій и пикантный...

— Благодарю васъ, m-me Понсонъ,—отвѣчала уязвленная этой похвалой Макъ-Магонъ.—По-вашему, Варенька должна быть водевильной штучкой, какъ несчастный Заяцъ? Признаться сказать, я отъ васъ этого не ожидала... Я не къ этому готовила свою дочь, да и не желаю дѣлать изъ нея жалкую кривляку. У насъ артистическая семья... Это въ крови, какъ говоритъ Хомутовъ, а онъ кое-что смыслитъ въ этихъ дѣлахъ.

Отъ-нечего-дѣлать дамы иногда пикировались, хотя и скучали одна безъ другой. „Бѣдная Лили“, чтобы настроиться въ надлежащемъ тонѣ, умышленно припоминала всѣ подробности, какъ Макъ-Магонъ завладѣла ея ком-

натой, и старалась отплатить мелкой монетой за этотъ несправедливый захватъ и вторженіе въ ея законнѣйшія права, освященныя восьмилѣтней давностью.

Завертывавшій иногда Астраханцевъ,—онъ являлся съ корыстнымъ побужденіемъ напиться кофе послѣ репетиціи,—ловко пользовался этой распрей и подливалъ масла въ огонь разными дипломатическими выходками. Когда и это не помогало, онъ начиналъ хвалить Глобу-Михальскую, что̀ опять поднимало энергію ссорившихся дамъ, нападавшихъ теперь сообща на неблагодарнаго интригана.

— У ней спина круглая, какъ у щуки!..—азартно увѣряла Дарья Семеновна.—И эта раскрашенная развалина является послѣ моей Лёли...

Вѣчно-пьяный комикъ Недорѣзовъ держался нейтральной почвы и про себя считалъ Астраханцева величайшимъ подлецомъ, потому что тотъ пользовался за-разъ благосклонностью обѣихъ дамъ и, чтобы онѣ не проболтались одна другой, поддерживалъ между ними извѣстную остроту отношеній. „Бѣдная Лили“ не подозрѣвала, что Макъ-Магонъ уже попалась на удочку и потихоньку отъ всѣхъ вышивала разные институтскіе сувениры Астраханцеву. Этотъ философъ не гнался за красотой и молодостью, какъ это дѣлали другіе, а довольствовался, по совѣту герцогини Герольштейнской, тѣмъ, что̀ было подъ руками. По крайней мѣрѣ, на Вареньку онъ не обращалъ никакого вниманія, за исключеніемъ ничтожныхъ совѣтовъ, которые давалъ, въ качествѣ друга дома.

Придавленная плохимъ положеніемъ дѣлъ, театральная мелюзга продолжала оставаться по тѣмъ норамъ и щелямъ, которыя были наняты пока, на время. Хомутовъ задерживалъ платежи и при одномъ намекѣ объ авансахъ приходилъ въ изступленное состояніе—у него даже наливались глаза кровью.

— Я теперь, какъ черепаха, перевернутая кверху брюхомъ,—объяснялъ онъ въ вѣжливой формѣ.—Погодите, вотъ будутъ Святки, тогда разсчитаюсь...

Относительнымъ благосостояніемъ пользовались Глоба-Михальская и первый любовникъ Червинскій, которые могли жить въ „Калифорніи“, вызывая общую зависть бѣдствовавшей труппы. Поэтому они старались держать себя въ сторонѣ отъ театральныхъ дрязгъ и пересудовъ. Молва гласила, что у нихъ были свои причины искать этого уединенія.

По субботамъ актеры собирались въ „Калифорнію“ и отъ скуки играли на бильярдѣ. Убивать время помогали разные случайные знакомые изъ публики, являвшіеся сюда съ этой же скромной цѣлью. Актрисы могли только завидовать счастливымъ мерзавцамъ, пользовавшимся и въ этомъ случаѣ безсовѣстными преимуществами мужчинъ. Жизнь складывалась вообще скверно, и самъ Хомутовъ принималъ участіе въ бильярдной игрѣ, угнетенный валившимися на его голову неудачами.

Бильярдные шары щелкаютъ, лампа коптитъ, маркеръ съ машинкой считаетъ очки, публика на диванчикахъ сосредоточенно слѣдитъ за игрой, а убійственное время идетъ да идетъ, пока буфетчикъ не пошлетъ сказать, что сейчасъ „запрутъ заведеніе“. За отдѣльными столиками пили пиво и водку и тутъ же закусывали разной трактирной дрянью. Эта бильярдная служила продолженіемъ театральныхъ подмостокъ. Куваевъ иногда заглядывалъ въ эту дыру, по старой студенческой привычкѣ. Разъ, когда онъ сидѣлъ у своего столика, Хомутовъ сунулъ ему прямо въ носъ послѣдній номеръ „Бужоёмскаго Курьера“, въ которомъ театральная рецензія была отмѣчена ногтемъ.

— Полюбуйтесь... — прохрипѣлъ антрепренеръ, мелкомъ натирая конецъ кія.

Въ рецензіи разбиралась „Марія Стюартъ“, причемъ критикъ остриль главнымъ образомъ относительно королевы Елизаветы, которую играла m-me Понсонъ. Потомъ говорилось въ томъ же духѣ о недостаткахъ костюмовъ разныхъ придворныхъ, а герцогъ Лейстеръ сравнивался съ дьячкомъ. Это была одна изъ тѣхъ глупыхъ рецензій, которыми усыпаны провинціальныя газетки.

— Вѣдь это гнусно!..—возмущался Хомутовъ, колотя себя въ грудь.— Во-первыхъ, при настоящихъ условіяхъ невозможно имѣть такую труппу, чтобы всякое амплуа выходило безукоризненно. M-me Понсонъ не желала играть этой роли, а я заставилъ ее играть насильно... Виноватъ кругомъ я, а не она. Во-вторыхъ, главное вниманіе сосредоточивается на костюмахъ. Да гдѣ же ихъ намъ взять, когда императорскія сцены хромаютъ въ этомъ случаѣ на обѣ ноги?.. А между тѣмъ у меня въ театрѣ даровое редакторское кресло, которое стоитъ мнѣ двѣсти рублей въ годъ... Меня же обираютъ, да еще изъ подлецовъ въ подлецы ставятъ!.. Сколько мнѣ крови испортитъ одинъ вотъ такой рецензентъ, который беретъ съ меня благородную взятку...

— А отчего вы не попробуете дать серьезную роль Варварѣ Михайловнѣ?—спросилъ Куваевъ, продолжая какую-то свою мысль.

— Любарской?.. Пусть еще подождетъ: у меня это правило. Она сыграла Джессику порядочно, а дальше увидимъ... Впрочемъ, можно будетъ подумать, когда пойдетъ что-нибудь изъ Островскаго.

— Въ общемъ, какъ вы ее находите?..

— Да что тутъ находить: есть пока одни задатки и то въ очень скромныхъ размѣрахъ. А васъ это интересуетъ, Николай Григорьичъ?

— Не особенно... Мнѣ кажется, что она со временемъ будетъ имѣть успѣхъ.

— Фигура у ней хорошая, если не заплыветъ жиромъ.

До Святокъ Хомутовъ перепробовалъ весь свой репертуаръ, и все безуспѣшно: одна пьеса проваливалась за другой. Самъ онъ игралъ Ришелье, Кита Китыча, Расплюева и, нужно отдать справедливость, игралъ хорошо, но дѣла шли все-таки плохо. Къ спеціально-антрепренерскимъ злоключеніямъ прибавлялись еще ссоры съ Мясоѣдовой, жалобы и сплетни гг. артистовъ между собой, препирательства съ наступавшими на горло кредиторами и необходимость дѣлать новые займы „до завтра“.

Наступившія Святки на время вывели труппу изъ затрудненій. Публика биткомъ набивала театръ, не обращая вниманія на афиши: не знали, куда дѣваться отъ бездѣлья, какое одолѣваетъ русскаго человѣка въ праздники. Актрисамъ подносили дешевенькіе подарки, вызывали и дѣлали овваціи. Хомутовъ торжествовалъ, хотя зимній сезонъ уже кончался; Великій постъ, какъ самое мертвое время, приводилъ всѣхъ въ отчаяніе.

Несмотря на свое обѣщаніе, Хомутовъ никакой выигрышной роли Варенькѣ не давалъ. Оставалась одна масленица. Макъ-Магонъ приставала къ Куваеву, чтобы онъ непремѣнно похлопоталъ.

— Что вамъ стоитъ, Николай Григорьичъ? — упрашивала его Дарья Семеновна со слезами на глазахъ. — Войдите въ положеніе дѣвушки безъ всякой протекціи и связей. Михальская ужъ предчувствуетъ соперницу и всячески старается повредить Варенькѣ... Всѣ эти примадонны, какъ ехидны.

— Я говорилъ Хомутову, и онъ обѣщалъ...

— Еще поговорите... Если не для насъ, то въ память Лёли. Если бы была она жива, то развѣ мы такъ жили бы... Я ужъ ничего не говорю о наслѣдствѣ: Богъ съ нимъ совсѣмъ, а только пристроить бы Вареньку; мы

теперь вдвоемъ получаемъ шестьдесятъ рублей, а Михальская двѣсти... это несправедливо!..

Куваевъ время отъ времени заходилъ къ нимъ и опять начиналъ втягиваться въ спеціально-театральные интересы. Онъ не могъ не видѣть незавиднаго положенія Дарьи Семеновны и по возможности старался помочь ей. При немъ сочинялись костюмы Вареньки, при немъ происходили обсужденія самыхъ интимныхъ статей бюджета, и Макъ-Магонъ проклинала Бужоёмъ. Если бы онѣ остались въ Таганрогѣ, то этого ничего не могло бы быть... Вареньку уже приглашали въ Ростовъ-на-Дону, а оттуда можно было перебраться въ Одессу или Кишиневъ. Южныя сцены вообще лучше, особенно для женщинъ. „Бѣдная Лили“ тоже хлопотала за Вареньку, и даже старушка Орлова, которая все вызывалась сама переговорить съ Хомутовымъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, вамъ это неудобно. Дома торчитъ всегда эта гремучая змѣя Мясоѣдова, въ театрѣ могутъ всѣ понять сразу, зачѣмъ вы пришли, а доктору это очень удобно сдѣлать: въ клубѣ, въ „Калифорніи“, наконецъ при первой встрѣчѣ на улицѣ. Щучка вонъ какъ хлопочетъ за Зайца, и Хомутовъ все дѣлаетъ для него...

Въ этихъ просьбахъ не участвовала одна Варенька, вѣчно учившая свои роли или смертельно скучавшая. По отношенію къ доктору она не измѣнилась ни на волосъ и смотрѣла на него своими большими глазами съ прежнимъ равнодушіемъ. Онъ раза три провожалъ ее въ театръ и обратно; она не стѣснялась съ нимъ итти подъ руку и разъ довольно наивно попросила застегнуть выше локтя длинную модную перчатку. На сценѣ и за кулисами она была такая же, какъ дома. Единственное, что въ ней подмѣтилъ Куваевъ — это скрытая ненависть къ Астраханцеву. Однимъ словомъ, онъ не могъ сказать про нее, была ли она глупа или умна, красива или некрасива, добра или зла. Можетъ-быть, это происходило отъ сдержанности или изъ расчета. Говорила она, какъ говорятъ всѣ актрисы: тѣми фразами, какія встрѣчаются въ пьесахъ. Этотъ чужой умъ онѣ кое-какъ склеиваютъ для домашняго обихода, и различить свое здѣсь можно только очень наблюдательному и опытному человѣку.

— Такъ вы даете мнѣ слово? — приступала Макъ-Магонъ. — Помните, до масленицы остается всего двѣ недѣли.

XIII.

Хомутовъ обѣщалъ Куваеву дать пробную роль Варенькѣ и, вѣроятно, по своему обыкновенію, надулъ бы его самымъ безсовѣстнымъ образомъ, но какъ разъ передъ масленицей Глоба-Михальская заболѣла, и это по необходимости заставило его обратиться къ Любарской. Нужно замѣтить, что въ болѣзнь своихъ артистовъ Хомутовъ никогда не вѣрилъ, какъ было и въ данномъ случаѣ.

— Это все капризы,—объяснялъ онъ Куваеву,—и чѣмъ больше работы, тѣмъ больше наши примадонны ломаются предъ антрепренерами... Вотъ тебѣ Великій постъ или цѣлое лѣто: хворай, сколько душѣ угодно. Такъ нѣтъ, она непремѣнно захвораетъ, когда дохнуть некогда. Конечно, капризы!..

— Вы преувеличиваете, Платонъ Ильичъ...

— Я?.. Нѣтъ, батенька, я старый театральный воробей... Вотъ вы теперь хлопочете за эту Любарскую и посмотрите: если сойдетъ все удачно, она же и сядетъ мнѣ на шею, да еще и съ маменькой вмѣстѣ. У меня правило: примадонна должна быть одна, а то эти театральныя мамаши разстроятъ всю труппу. Самый отчаянный народъ... При случаѣ можете объяснить это своей Варенькѣ.

— Какая она моя, что вы?..

— Хорошо, хорошо, увидимъ. Пусть играетъ Марьицу въ „Каширской старинѣ“... Обратите вниманіе, что я самый добрый человѣкъ отъ Балтійскаго моря до Охотскаго.

Болѣзнь Глобы-Михальской, дѣйствительно, имѣла своей подкладкой закулисныя дрязги. Мясоѣдова начинала ее выживать, какъ это она дѣлала со всѣми примадоннами; она умѣла отравить существованіе всякой новой соперницы тысячью мелочей и пустяковъ, оставаясь сама въ сторонѣ. Режиссеръ перепутывалъ выходы, суфлеръ подавалъ не ту реплику, въ самомъ эффектномъ мѣстѣ падала декорація и т. д. Дѣло заканчивалось тѣмъ, что примадонна лѣзла на стѣну и вымещала свои неудачи на Хомутовѣ, какъ было и сейчасъ.

Въ квартирѣ Орловой это извѣстіе произвело сенсацію: Варенька будетъ прекрасной Марьицей. „Бѣдная Лили“ обѣщала расцѣловать доктора, а Макъ-Магонъ вышивала ему бисерный мундштукъ — дамы чувствовали себя благодарными. Самый важный вопросъ заключался въ костюмѣ, надъ чѣмъ стоило поломать голову. Разучить и понять роль—это второстепенное, а главное — костюмъ. Нужно было придумать въ русскомъ вкусѣ что-нибудь этакое пикантное, что само по себѣ произвело бы импонирующее впечатлѣніе, а до спектакля оставалось всего дней десять.

Увлеченный собственнымъ успѣхомъ и общей признательностью, Куваевъ дѣлалъ все, чтобы оправдать свою рекомендацію — онъ хлопоталъ не изъ-за личныхъ видовъ. Теперь каждый день онъ заѣзжалъ въ квартиру Орловой и заставлялъ Вареньку учить роль при себѣ. Бывая постоянно въ театрѣ и на репетиціяхъ, онъ считалъ себя въ этомъ дѣлѣ очень компетентнымъ человѣкомъ. Варенька выслушивала его замѣчанія и по двадцати разъ повторяла одно и то же, пока Куваевъ не оставался ею доволенъ. Эта работа увлекала его, и онъ заѣзжалъ нарочно, чтобы провѣрить какую-нибудь одну фразу или удачно подхваченную интонацію. Однажды Варенька даже надулась на него за излишнюю придирчивость и упрямо замолчала.

— Въ такомъ случаѣ вы провалитесь, Варвара Михайловна,—горячился онъ, бросая переписанную роль.

— И провалюсь, что же изъ этого?—упрямо возражала дѣвушка.

— А то, что вы поставите меня въ дурацкое положеніе... это разъ. А во-вторыхъ, вы загородите дорогу самой себѣ.

— А въ-третьихъ?..

— Въ-третьихъ, вы просто капризничаете и упрямитесь...

— Можетъ-быть, я совсѣмъ не хочу играть эту проклятую Марьицу...

Эта маленькая ссора повела за собой вмѣшательство Дарьи Семеновны, которая раскричалась и даже расплакалась, упрекая Вареньку въ черной неблагодарности.

— Ахъ, отстаньте, мама! — говорила Варенька. — Мнѣ все надоѣло... Что это за жизнь?..

— Чего же ты хочешь?..

— Все, что вамъ угодно, только не такую собачью жизнь.

Куваевъ бывалъ на репетиціяхъ въ театрѣ, чтобы провѣрить свою работу, и даже совѣтовался съ Астраханцевымъ, который съ серьезнымъ видомъ говорилъ „тепоровыя глупости“. Здѣсь онъ опять погрузился съ головой въ знакомый міръ, вѣчно одинъ и тотъ же. У Вареньки была уборная вмѣстѣ съ Зайцемъ. Небольшая и грязная комната помѣщалась подъ какой-то лѣстницей. Дуло во всѣ щели, а надъ головой скрипѣлъ деревянный воротъ, под-

нимавшій декораціи. Прихварывавшій Заяцъ ежился въ мѣховой ротондѣ и какъ-то вопросительно поглядывалъ на хлопотавшаго Куваева.

— Вы, Николай Григорьичъ, если желаете добиться успѣха, обратитесь лучше всего къ этому проклятому рецензенту, — посовѣтовалъ однажды Заяцъ, потирая отъ холода руки.

— То-есть какъ это „обратитесь“?..

— А такъ... Это необходимо. Спросите мою Щучку, онъ все знаетъ...

Заяцъ печально улыбнулся своими испуганными глазами и замолчалъ.

— Вы за кого же меня-то принимаете? — обратился къ ней Куваевъ, не зная, обидѣться ему или нѣтъ за такой совѣтъ. — Унижаться и заискивать передъ этой продажной тварью... Нѣтъ, благодарю!

— А нужно будетъ, и пойдете...

— Никогда!..

Отношенія Зайца къ Щучкѣ были обычной темой закулисныхъ анекдотовъ и шутокъ. Розово-сѣденькій докторъ, увлеченный шансонеточнымъ успѣхомъ Зайца, теперь, видимо, искалъ только благовиднаго предлога, чтобы развязаться, и, между прочимъ, ухаживалъ за той рыженькой хористкой, которую цѣловалъ Астраханцевъ въ садовой бесѣдкѣ.

— Это пустяки, — отвѣчалъ Заяцъ на предупрежденія своихъ благопріятелей.—Мнѣ стоитъ сказать одно слово, чтобы Щучка сдѣлалась плотвой...

Закулисная жизнь выработала свой кодексъ нравственности, который выполнялся по „молчаливому соглашенію“ даже Хомутовымъ. Роковое слово, дѣлавшее Щучку плотвой, заключалось въ боязни огласки и скандала. Всѣ въ городѣ знали о его связи, но это было совсѣмъ не то, что „гроссъ-шкандалъ“, какъ выражалась Макъ-Магонъ. Несмотря на эти затрудненія, розово-сѣденькій докторъ имѣлъ попрежнему непростительно цвѣтущій видъ и пряталъ свой заячій страхъ подъ обычной болтовней.

— Я ее лѣчу,—увѣрялъ онъ своихъ знакомыхъ, выражавшихъ нескромное любопытство.—Она очень серьезна... Кстати, слышали, какъ Куваевъ втюрился въ эту Любарскую?.. Конечно, о вкусахъ не спорятъ, но все-таки...

Первыя репетиціи сошли для Вареньки довольно удачно, но что это были за репетиціи—самая обыкновенная „читка“, гдѣ роли отбарабанивали дьячковскимъ говоркомъ. Судить по этому было трудно. Макъ-Магонъ и „бѣдная Лили“ совсѣмъ задергали несчастную Марьицу, которая имѣла полное основаніе ненавидѣть свою роль.

— Меня тычутъ, какъ цыганскую лошадь,—жаловалась она Куваеву съ своей наивностью, которая ему начинала нравиться. — Если бы я была богата, я никогда не заглянула бы въ этотъ проклятый театръ...

Въ своихъ театральныхъ хлопотахъ Куваевъ совсѣмъ забылъ Маляйку, который росъ подъ исключительнымъ надзоромъ своей кормилицы. Упрощенные растительные интересы здѣсь уже переходили на духовную почву: въ Маляйкиной комнатѣ появились финифтяные и кипарисные образки, святая вода въ пузырькѣ, вата отъ какихъ-то мощей, вынутая за здравіе просфора и т. д. Заботы о христіанскомъ настроеніи Маляйкиной души соединили воедино всю докторскую прислугу, считавшую доктора безбожникомъ. Приняты были необходимыя предупредительныя мѣры, чтобы спасти невинную душу.

— Гдѣ у насъ Боженька?—спрашивали Маляйку по сотнѣ разъ въ день.

— Б-боо...—лепеталъ ребенокъ и показывалъ рукой въ передній уголъ, гдѣ висѣлъ образъ.

Точно такъ же онъ умѣлъ показать, гдѣ папа и мама, и съ большими

усиліями усвоивалъ лексиконъ необходимыхъ словъ, причемъ маленькая мысль облекалась въ слово съ величайшимъ трудомъ.

Въ послѣдній мѣсяцъ Куваевъ почти ни разу не заглянулъ въ дѣтскую и морщился, когда Паша приводила Маляйку къ нему въ кабинетъ. Ему казалось, что у ребенка совсѣмъ глупое лицо и какой-то невозможный, приплюснутый носъ. Въ кого онъ уродился? У актера Утвина на фотографіи былъ сухой и горбатый носъ, у Елены Михайловны совсѣмъ прелестный носикъ съ легкой горбинкой и подвижными тонкими ноздрями. По поводу этого ничтожнаго обстоятельства въ голову доктора опять лѣзла ревнивая мысль объ иркутскомъ золотопромышленникѣ и одесскомъ грекѣ, хотя это было и смѣшно ревновать мертвую къ какимъ-то туманнымъ призракамъ. Впрочемъ, бывали моменты, когда Маляйка нравился доктору: у него былъ прелестный разрѣзъ глазъ съ такимъ изгибомъ вѣкъ, какой встрѣчается только у античныхъ головокъ; потомъ Маляйкина голова такъ хорошо была поставлена на мужскія плечи, а бѣлая шея давала уже красивый выгибъ—признакъ силы. Къ числу этихъ хорошихъ признаковъ относились и маленькія руки съ развитымъ большимъ пальцемъ—тоже хорошій признакъ „крови“, какъ говорилъ Хомутовъ.

Однажды, когда Куваевъ послѣ обѣда съ сигарой въ зубахъ прочитывалъ свѣжую газету, въ кабинетъ неслышными шагами вошла Паша и остановилась въ дверяхъ. Она какъ-то особенно смѣшно, чисто по-бабьи, боялась доктора, и это иногда его забавляло.

— Что тебѣ нужно, Паша?—спросилъ онъ, желая облегчить приступъ къ дѣловому разговору.

Вмѣсто отвѣта Паша какъ-то комомъ повалилась въ ноги барину и запричитала сквозь слезы:

— Голубчикъ... баринъ... ужъ вы не оставляйте его, Маляйку-то. Елена Михайловна, когда умирали, такъ слезно меня просили... круглая сирота...

— Въ чемъ дѣло? Я ничего не понимаю... Ну, перестань голосить и говори, пожалуйста, толкомъ.

— Мужъ требуетъ къ себѣ... Говоритъ: будетъ чужихъ дѣтей кормить.

— А ты плюнь на него и оставайся... Или лучше пошли его ко мнѣ, и я все устрою.

Эти слова заставили Пашу покраснѣть.

— Нѣтъ ужъ...—замялась она, перебирая передникъ.—Все равно я уйду... нельзя... Только бы мнѣ хоть однимъ глазкомъ когда посмотрѣть на Маляйку-то... приросла я къ нему...

— А кто съ нимъ останется?..

— Старушка одна есть... Хорошая няня будетъ.

Докторъ понялъ, въ чемъ дѣло, и не сталъ упрашивать Пашу оставаться: у кормилицы пропало молоко, да пора было и Маляйку отучать отъ груди. Паша помялась еще въ дверяхъ, желая, очевидно, что-то сказать, но потомъ быстро обернулась и убѣжала въ дѣтскую. Куваеву сдѣлалось жаль этой преданной и любящей женщины, но что онъ могъ сказать ей?..

Паша такъ же быстро собрала весь свой хламъ, какъ натащила его сюда, и все время плакала горючими слезами. А Маляйка точно понималъ предстоящую разлуку и какъ-то особенно ластился въ кормилицѣ. Даже кухарка, преслѣдовавшая Пашу, и та прослезилась на прощаніи. Вышла очень трогательная сцена, когда докторъ подарилъ кормилицѣ двадцать пять рублей и попросилъ ее не забывать ихъ.

— Что вы, Николай Григорьичъ, какъ можно...—лепетала Паша, задыхаясь отъ слезъ.

— Ты что-то хотѣла, кажется, мнѣ сказать?—спрашивалъ ее Куваевъ.

Паша испуганно взглянула на него и только махнула рукой, но докторъ хорошо понялъ недосказанную мысль: она боялась, что онъ женится на Варенькѣ, и это его разсмѣшило.

Замѣнившая Пашу степенная старушка Ефимовна представляла своей особой типичную няню, достаточно послужившую у настоящихъ господъ. Докторъ больше всего разсчитывалъ въ этомъ случаѣ на рекомендацію Паши, но Маляйка капризничалъ и ревѣлъ благимъ матомъ. Потребовалось серьезное вмѣшательство самого доктора, чтобы успокоить буяна, отчаянно рвавшагося къ Пашѣ.

— Паши нѣтъ... Паша уѣхала!—объяснялъ докторъ, напрасно стараясь сохранить хладнокровіе съ разгулявшимся эгоистомъ.

— Па-аса!..—вопилъ Маляйка и сжималъ свои розовые кулачки.

— Ничего, обойдется,—ласково повторяла новая няня.

Это первое маленькое дѣтское горе быстро двинуло Маляйкину психологію впередъ—онъ началъ уже сознательно различать своихъ и чужихъ. Поселившись у мужа, Паша улучала минутку и каждый день провѣдывала Маляйку. На глаза къ нему она не показывалась, а сидѣла въ кухнѣ и отсюда прислушивалась къ Маляйкиной болтовнѣ. Смахнувъ дешевую бабью слезу, она отправлялась въ „Калифорнію“ къ своему „фиціанту“.

Про себя Куваевъ невольно сравнилъ эту горячую привязанность съ тѣми отношеніями къ ребенку, какія установились у Дарьи Семеновны—она иногда заѣзжала на одну минуту, дарила Маляйкѣ какую-нибудь игрушку и исчезала надолго. По какому-то инстинкту, Маляйка помнилъ бабушкины игрушки и не занимался ими.

— Это нашъ ангелъ!..—не упускала случая повторять къ мѣсту и не къ мѣсту Дарья Семеновна.

Куваеву непріятно было то, что эта маленькая перемѣна въ его домашней жизни совпала какъ разъ съ хлопотами въ театрѣ. Онъ, по крайней мѣрѣ, этимъ путемъ объяснялъ свою безучастность къ судьбѣ Маляйки и то, что онъ скоро опять его позабылъ. Наступала масленица и рѣшительный спектакль для Варенькн.

XIV.

„Каширская старина“ шла въ среду на масленицѣ. Куваевъ сильно волновался и нѣсколько разъ изъ-за кулисъ уходилъ на свое обыкновенное мѣсто, во второмъ ряду креселъ, чтобы удобнѣе провѣрить свое собственное впечатлѣніе. Въ двухъ шагахъ отъ него сидѣлъ тотъ самый рецензентъ, который въ прошломъ году писалъ о длинныхъ ногахъ Елены Михайловны. Куваевъ почувствовалъ теперь глухую ненависть къ этому ни въ чемъ неповинному человѣку, вспоминая предсмертный бредъ больной. Въ самомъ дѣлѣ, въ его рукахъ репутація каждаго артиста, особенно начинающаго, и нѣтъ никакой защиты, кромѣ той же публики, которая еще когда произнесетъ свою оцѣнку. Это несправедливо, потому что такой представитель захолустной прессы сплошь и рядомъ бываетъ порядочной дрянью, хотя могутъ быть свои исключенія, какъ вездѣ.

— Ничего, публика праздничная,—замѣтилъ встрѣтившійся въ буфетѣ Хомутовъ.—Все сойдетъ, какъ по маслу... Самая благодарная роль, конечно, Живули, и раекъ будетъ неистовствовать, какъ всегда... Вообще, будьте покойны...

Эти утѣшенія даже разсмѣшили Куваева,—такъ смѣшно Хомутовъ по-

ипмалъ его хлопоты, какъ и внезапныя болѣзни своихъ примадоннъ. Они выпили даже по рюмкѣ водки, какъ заговорщики, и Куваеву передалось спокойное настроеніе неунывавшаго антрепренера.

— Кстати, Николай Григорьичъ, я чуть не забылъ главнаго,—спохватился Хомутовъ, когда они выходили изъ буфета:—сегодня Щучка устраиваетъ маленькій фестиваль въ „Калифорніи", конечно, en petit comité... Вотъ и пріѣзжайте съ своей Варенькой спрыснуть первый успѣхъ.

— Вы ошибаетесь, Платонъ Ильичъ: я совсѣмъ не настолько съ ней близокъ, чтобы приглашать куда-нибудь...

Хомутовъ только прищелкнулъ выразительно языкомъ, что̀ у него означало полное недовѣріе, и Куваеву сдѣлалось уже совсѣмъ весело. „Курьезные люди бываютъ на свѣтѣ,—думалъ онъ, сидя въ своемъ креслѣ,—у нихъ совсѣмъ какое-то извращенное мышленіе..." Какъ Хомутовъ предсказывалъ, такъ и вышло: публика приняла Марьицу очень милостиво. Она была, дѣйствительно, эффектна въ своемъ русскомъ костюмѣ, такъ что при первомъ появленіи вызвала одобрительный шопотъ первыхъ рядовъ—этимъ уже былъ обезпеченъ успѣхъ. Что̀ всего удивительнѣе, сама Варенька нисколько не волновалась и провела всю роль до конца почти хорошо, кромѣ послѣдняго дѣйствія, гдѣ самый лучшій драматическій моментъ совсѣмъ „не вытанцовался"

— Это подлецъ Червинскій виноватъ,—объяснялъ Хомутовъ, когда Куваевъ отправился за кулисы.—Онъ и себя сегодня не жалѣлъ, чтобы подставить ногу соперницѣ Михальской... Впрочемъ, чортъ ихъ тамъ разберетъ!

Когда Куваевъ очутился за кулисами, занавѣсъ былъ поднятъ, и участвовавшіе въ пьесѣ раскланивались съ галдѣвшей публикой—Червинскій выводилъ очень эффектно Вареньку и Зайца, а другіе выходили сами. М-me Попсонъ аплодировала изъ актерской ложи, Дарья Семеновна, съ покраснѣвшимъ отъ удовольствія лицомъ, слушала Астраханцева, который дѣлалъ резюме спектакля. Замѣтивъ Куваева, театральная мамаша издали признательно кивнула ему головой.

— Поздравляю васъ съ успѣхомъ...—проговорилъ голосъ за спиной доктора.

Онъ оглянулся—за нимъ стоялъ Заяцъ, съ лихорадочно блестѣвшими глазами и порывистымъ дыханіемъ. Дѣвушка вызывающе улыбалась, стараясь закрыть худую руку рукавомъ кисейной рубашки—она была въ русскомъ костюмѣ, потому что играла Дарьицу. Куваевъ засмѣялся и съ комической серьезностью началъ благодарить Зайца за участіе.

— Ступайте скорѣе въ уборную: она тамъ...—не унимался Заяцъ.

Дѣйствительно, въ уборной собрались сочувствующіе артисты и закулисные „друзья". Виновница торжества сидѣла усталая въ углу, а поздравленія за нее принимала Дарья Семеновна, гордая и величественная, какъ королева. Она съ снисходительной улыбкой едва отвѣчала на поклоны и даже вдругъ начала говорить въ носъ, растягивая слова.

— Не угодно ли полюбоваться на эту скотинку?—шептала m-me Попсонъ, толкая Куваева въ бокъ.—Вотъ вамъ и благодарность... Макъ-Магонъ скоро не будетъ и смотрѣть на насъ съ вами, вотъ увидите!.. А на Марьицѣ-то вѣдь все мое: и сарафанъ, и башмаки, и кокошникъ... Въ Ташкентѣ я производила въ этомъ костюмѣ такой фуроръ, потому что и сама я тогда была вся въ русскомъ вкусѣ!..

Потолкавшись достаточно за кулисами, докторъ собрался уходить домой. Онъ едва пробился, чтобы проститься съ Варенькой, крѣпко пожавшей ему руку.

— Хорошо то, что̀ хорошо кончается,—говорилъ точно вынырнувшій изъ-подъ земли Хомутовъ и, отведя Куваева въ сторону, прибавилъ:—Вы куда это, батенька?.. Не пущу... Ѣдемъ въ „Калифорнію“.

— Хорошо, но я ѣду одинъ.

— Ахъ, прекрасно: вы невинны, какъ сорокъ тысячъ младенцевъ... А чтобы вы не сбѣжали, то поѣдете со мной. Подождете?

— Подожду.

— Честное слово?..

— Могу и безъ него подождать.

Артисты, кутаясь въ шубы и пальто, быстро расходились; на сцену потянуло ворвавшимся въ дверь морознымъ воздухомъ; голосъ Хомутова раздавался уже гдѣ-то подъ поломъ. Ламповщикъ гасилъ огни. Со стороны партера доносился смутный говоръ расходившейся толпы, точно съ шумомъ и трескомъ отливала волна прибоя. Сгущавшаяся тьма захватывала весь театръ, и только въ отворенныя двери уборныхъ вырывались колебавшіяся полосы свѣта, да гдѣ-то одиноко мигала забытая пьянымъ ламповщикомъ сальная свѣча.

— Я сейчасъ, сейчасъ!—кричалъ Хомутовъ Куваеву издали и опять исчезалъ.

Онъ о чемъ-то пошептался съ Червинскимъ, потомъ отвелъ въ сторону Астраханцева и, дружелюбно хлопнувъ его по плечу, минутъ пять давалъ какія-то наставленія. Дамы уже уѣхали по домамъ, когда Хомутовъ наконецъ освободился и вынырнулъ откуда-то совсѣмъ готовый въ путь—въ шубѣ и шапкѣ, сдвинутой ухарски на затылокъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ!..—весело кричалъ онъ, подхватывая Куваева подъ руку.—Ухъ, уморился... Не грѣшно и отдохнуть, чортъ мою душу возьми. Вы довольны сегодняшнимъ спектаклемъ?

— Очень...

— Я говорилъ вамъ!

Шелъ легкій снѣжокъ. Пріятная зимняя свѣжесть охватила Куваева, когда они вышли на улицу, гдѣ Хомутова уже ждалъ собственный извозчикъ. По дорогѣ въ „Калифорнію“ попалось нѣсколько веселыхъ троекъ; въ одномъ купеческомъ домѣ шелъ пиръ горой; гдѣ-то замирала и снова поднималась пьяная пѣсня. Подъѣздъ „Калифорніи“ былъ ярко освѣщенъ, и около него стояло нѣсколько саней. Выскочившій лакей почтительно вытянулся передъ Хомутовымъ и вполголоса проговорилъ: „все готово-съ...“

— Отлично, а мы сначала все-таки зайдемъ въ бильярдную,—отвѣтилъ Хомутовъ, снимая шубу.—Не правда ли, милый докторъ?.. Время отъ времени не лишнее встряхнуться...

Въ бильярдной толкалась пьяная масленичная публика, и сквозь волны табачнаго дыма трудно было кого-нибудь разсмотрѣть. Навстрѣчу попался Астраханцевъ—онъ былъ уже здѣсь. Произошло новое таинственное совѣщаніе, причемъ Хомутовъ незамѣтно передалъ резонеру десятирублевую ассигнацію, которую тотъ преспокойно засунулъ въ жилетный карманъ.

— Идемте за мной...—проговорилъ Хомутовъ доктору, оглядываясь.—Все прекрасно, какъ въ первый день творенія нашего грѣшнаго міра.

Они поднялись во второй этажъ, обогнавъ по дорогѣ какого-то господина, который съ пѣтушиной важностью велъ подъ руку двухъ дамъ. У всѣхъ лица были прикрыты воротниками шубъ или спущенными на лобъ платками. Гдѣ-то въ номерѣ слышалась пьяная пѣсня и грохотъ битой посуды.

— Вотъ мы и дома,—весело проговорилъ Хомутовъ, распахивая дверь

въ крайній номеръ, въ самомъ концѣ коридора. — Тутъ можно веселиться въ совершенной безопасности...

Посреди небольшой комнаты стоялъ уже сервированный на пять „персонъ“ столъ; полуотворенная дверь вела въ сосѣдній номеръ, гдѣ царилъ мягкій полусвѣтъ. Очевидно, Хомутовъ былъ здѣсь дома, скрываясь отъ Мясоѣдовой. Не успѣлъ Куваевъ хорошенько осмотрѣться, какъ дверь распахнулась, и на порогѣ показался тотъ самый господинъ съ двумя дамами, котораго они обошли на лѣстницѣ. Онъ посмотрѣлъ синими громадными очками на недоумѣвавшаго Куваева и захохоталъ: это былъ Щучка, замаскировавшійся какимъ-то нѣмцемъ

— Ничего нѣтъ священнаго для сапера!..—провозгласилъ онъ, протягивая руку коллегѣ.

Хомутовъ помогалъ раздѣваться дамамъ, одна изъ которыхъ, конечно, была Заяцъ, а другая... Варенька.

— Милыя плутовки хотѣли сдѣлать намъ сюрпризъ,—бормоталъ Хомутовъ, цѣлуя руки у Вареньки.—Я чувствую, что начинаю молодѣть самымъ непростительнымъ образомъ... А я васъ, Щучка, не узналъ, ей-Богу...

— Здравствуйте...—весело проговорила Варенька, первая протягивая руку Куваеву.—Мы еще не видались съ вами сегодня.

Она весело тряхнула головой и засмѣялась. Это была совсѣмъ другая дѣвушка, и Куваевъ рѣшительно не зналъ, какъ ему себя держать съ ней. Его смущало это превращеніе, и онъ невольно посмотрѣлъ на загадочно улыбавшагося Зайца.

— Какой вы глупый...—ласково заговорилъ Заяцъ, уводя Куваева въ другую комнату.—Чему вы такъ удивляетесь?.. Варенька такая же женщина, какъ и мы грѣшныя, а въ ея годы хочется веселиться.

— Послушайте, какъ же Дарья Семеновна позволила дочери?.. Я рѣшительно отказываюсь понимать!

— Нѣтъ, вы рѣшительно злоупотребляете сегодня правомъ каждаго человѣка быть глупымъ,—смѣялся Заяцъ.—Мы говоримъ здѣсь на „ты“,—это разъ, а потомъ такихъ два плута, какъ Щучка и Хомутовъ, обмануть самого чорта...

Задыхаясь отъ смѣха, дѣвушка разсказала, какъ все устроилось: нужно было спровадить Мясоѣдову, Макъ-Магона и „бѣдную Лили“ въ маскарадъ, а для этого всѣ они получили таинственные billets doux. Червинскій интригуетъ Мясоѣдову, Астраханцевъ двухъ остальныхъ. Всего смѣшнѣе было то, что, когда Макъ-Магонъ вернулась изъ театра домой, она сейчасъ же уложила дочь въ постель и сама притворилась спящей, а потомъ, когда Варенька, въ свою очередь, тоже притворилась заснувшей, она съ Лили удрали въ клубъ, что̀ и требовалось. Щучка и Заяцъ дожидались Вареньку на улицѣ.

— Тутъ всѣ и всѣхъ обманываютъ!..—заключилъ Заяцъ.—Хомутовъ открылъ Астраханцеву и Червинскому спеціальный кредитъ для угощенія дамъ, и, вѣроятно, всѣ они пріѣдутъ сюда же въ „Калифорнію“... Нѣтъ, рѣшительно у Хомутова геніальнѣйшая голова!.. Какъ это все смѣшно...

Импровизированное веселье захватило и Куваева, которому сдѣлалось вдругъ такъ легко. Э, все къ чорту, въ самомъ дѣлѣ, необходимо встряхнуться!.. Хомутовъ предсѣдательствовалъ за столомъ, посадивъ направо отъ себя Вареньку, а налѣво Зайца; онъ разсказывалъ смѣшные анекдоты, провозглашалъ тосты, ѣлъ за двоихъ и называлъ дамъ своими дѣтьми. Съ каждой рюмкой вина Куваева захватывала все сильнѣе та радость, которой онъ давно не испытывалъ. Варенька первая пожала ему руку подъ столомъ и

время отъ времени смотрѣла на него такими искрившимися весельемъ глазами. Вотъ она какая, эта Варенька, съ которой Куваевъ еще вчера долбилъ роль Марьицы, какъ школьникъ... Кто могъ бы подозрѣвать что-нибудь подобное!..

— Дѣти мои, веселитесь!—говорилъ Хомутовъ, поднимая стаканъ шампанскаго.—Жизнь коротка, а еще Лютеръ сказалъ, что тотъ дуракъ, кто не любитъ женщинъ, вина и пѣсенъ...

Щучка кричалъ „ура“ и лѣзъ цѣловать Хомутова, называя его самыми нѣжными именами. У Куваева начинала сладко кружиться голова. Откуда-то явилась гитара, подъ аккомпанементъ которой Заяцъ пѣлъ ухарскія цыганскія пѣсни. Варенька покраснѣла отъ выпитаго вина и громко аплодировала каждому куплету. Потомъ пѣли всѣ хоромъ, и всѣмъ сдѣлалось ужасно весело. У Вареньки былъ милый голосокъ, и Хомутовъ заставлялъ ее пѣть подъ аккомпанементъ гитары, на которой игралъ артистически.

— Браво!.. ура!..—кричалъ Щучка, обнимая Зайца.

Потомъ все покрылось для Куваева какимъ-то туманомъ, и онъ помнилъ только, что сидѣлъ на диванѣ въ слѣдующей комнатѣ, а у него на колѣняхъ сидѣла Варенька и со смѣхомъ цѣловала его прямо въ лицо. Пьяный Хомутовъ спалъ на диванѣ.

— Ты меня любишь?—спрашивалъ Куваевъ, привлекая къ себѣ дѣвушку, чтобы она своей щекой прижималась къ его лицу.

— Очень...

Она болтала ногами и такъ хорошо пѣла свою любимую пѣсенку:

Только станетъ смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнетъ ли звонокъ...

— Милая, милая, какъ ты хорошо поешь!..—восхищался Куваевъ, глядя на нее счастливыми глазами.—А гдѣ Щучка и Заяцъ?..

Варенька ничего не отвѣтила, а только махнула рукой куда-то въ пространство и съ улыбкой закрыла глаза.

„Бѣдная Лили“ и Макъ-Магонъ вернулись домой только къ утру и обѣ съ трогательнымъ участіемъ поддерживали другъ друга, когда проходили въ переднюю.

— А этотъ подлецъ Астраханцевъ чего-то намъ подсунулъ очень крѣпкаго...—бранилась m-me Понсонъ, щупая свою голову.—Вотъ отъ кого трудно было ожидать!..

Макъ-Магонъ на цыпочкахъ пробралась въ свою комнату и съ нѣжностью посмотрѣла за ширму, гдѣ на своей кровати такъ хорошо спала Варенька, раскинувъ голыя руки на подушкѣ—настоящая Марьица. „О, она не будетъ дѣлать ташкентской кампаніи,—думала счастливая театральная мамаша, стараясь раздѣться неслышно. — А бѣдняжка Лили здорово нахлесталась... И еще воображаетъ, что Астраханцевъ ухаживаетъ за ней, глупая кукла!..“

XV.

Бываютъ странныя пробужденія: проснется человѣкъ и сразу почувствуетъ, что онъ совсѣмъ другой, и что прошлое отдѣлено неизгладимой чертой. Такъ бываетъ, когда ложишься здоровымъ, а проснешься больнымъ—тамъ гдѣ-то назади легла эта роковая черта, которая въ будущемъ грозитъ вамъ какимъ-то страшнымъ призракомъ. Въ собственномъ тѣлѣ вы чувствуете что-то постороннее, лишнее, что̀ заставляетъ вашу мысль работать совсѣмъ иначе, чѣмъ она работала вчера, когда вы такъ беззаботно уснули. Душу

охватываетъ какой то животный ужасъ, и умъ, этотъ всегдашній нашъ покорный слуга, отказывается работать, уступая мѣсто надвигающейся грозѣ.

Именно такъ проснулся докторъ Куваевъ въ четвергъ на масленицѣ. Было уже двѣнадцать часовъ. Въ окна спальни глядѣлъ сѣренькій зимній день,—снѣгъ покрылъ все за ночь ковромъ, и небо заволокли кучившіяся, хмурыя облака. Гдѣ-то, точно подъ землей, пролаяла собака. Прежде всего Куваевъ почувствовалъ тяжесть въ головѣ и непріятную усталость во всемъ тѣлѣ. Да, онъ вчера порядкомъ встряхнулся...

„Подлецъ!.. — со страхомъ подумалъ онъ, припоминая подробности вчерашней пирушки.—Да, подлецъ...“

Эта мысль заставила его сѣсть на кровати и протереть слипавшіеся глаза, точно онъ желалъ убѣдиться, что не спитъ. Нѣтъ, онъ проснулся, значитъ, все это правда, что̀ было вчера...

— Да, подлецъ...—уже вслухъ проговорилъ Куваевъ.

Онъ быстро одѣлся, умылся два раза, понюхалъ какого-то спирта и вышелъ въ столовую, гдѣ кипѣлъ прикрытый крышкой самоваръ. На скрипъ двери послышались тяжелые шаги Егора.

— Меня никто не спрашивалъ?..—задалъ онъ первый вопросъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе.

Куваевымъ овладѣла глупая и малодушная мысль: вотъ-вотъ налетитъ Дарья Семеновна и устроитъ ему самую скандальную сцену... Прислуга будетъ выглядывать изъ дверей, можетъ подвернуться кто-нибудь изъ паціентовъ. Какъ однако все это могло случиться?.. Да, онъ былъ пьянъ, какъ скотина, и вообразилъ себѣ, что Варенька такая же, какъ тѣ женщины, съ которыми ему приходилось встрѣчаться раньше. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ она отдавалась ему?.. Ужели она любитъ его?.. Прихлебывая чай изъ стакана, Куваевъ возстановлялъ картину вчерашняго безобразія во всѣхъ ея подробностяхъ. Ахъ, какъ все это было дико и гнусно, а онъ, докторъ Куваевъ, поступилъ, какъ загулявшій купеческій саврасъ. Нѣтъ, хуже... Какъ порядочный человѣкъ, онъ первый долженъ былъ предостеречь неосторожную дѣвушку отъ подобной компаніи и просто-напросто увезти домой, прочитавъ приличную нотацію, а вмѣсто этого онъ своими руками столкнулъ ее въ яму, изъ которой нѣтъ выхода. Она увлеклась по своей неопытности и просто глупости, а онъ этимъ воспользовался, какъ распослѣдній трактирный герой.

Теперь онъ припоминалъ, какъ въ шестомъ часу вышелъ изъ „Калифорніи“ подъ руку съ Варенькой, какъ совалъ деньги на чаекъ ухмылявшейся прислугѣ, какъ проводилъ дѣвушку до ея квартиры и не рѣшился войти изъ страха встрѣтиться съ Дарьей Семеновной. Что̀ у нихъ тамъ было?.. А Варенька такъ крѣпко пожала ему руку и еще разъ поцѣловала его на прощанье... По странной ассоціаціи идей, ему припомнилась фотографія старушки-матери, стоявшая у него на столѣ и смотрѣвшая на него такими хорошими, добрыми глазами. Что̀ она сказала бы, если бы могла знать прошлую ночь?.. Куваеву вдругъ сдѣлалось страшно и стыдно: неужели это былъ онъ, докторъ Куваевъ, получившій высшее образованіе? У Вареньки не было даже брата, который размозжилъ бы ему голову пулей, какъ дѣлаютъ съ негодяями и мерзавцами. Вчера онъ, Куваевъ, побоялся войти въ квартиру Орловой, а сегодня боится, что вотъ-вотъ заявится Дарья Семеновна требовать удовлетворенія за свой позоръ.

Что-нибудь нужно было дѣлать, а прежде всего, конечно, необходимо увидѣть Вареньку: что̀ она?.. Въ душѣ Куваева затеплилось какое-то еще

не испытанное имъ, хорошее чувство къ этой глупенькой дѣвушкѣ, когда онъ припоминалъ ея лицо и голосъ... Какъ хорошо она вчера пѣла!..

— Э, будь, что̀ будетъ!—рѣшилъ Куваевъ и отправился прямо въ Театральную улицу.

Подъѣзжая къ знакомому двухъэтажному дому, докторъ переживалъ непріятное и тяжелое чувство, какъ человѣкъ, виноватый кругомъ, для котораго даже не можетъ быть оправданія. Онъ боялся какой-нибудь рѣзкой выходки со стороны Макъ-Магона и впередъ испытывалъ лихорадочное состояніе.

Въ передней онъ остановился, чтобы перевести духъ. Изъ комнаты Дарьи Семеновны доносился страшный гвалтъ, хотя съ перваго раза онъ голосовъ и не могъ разобрать. „Ну, началось!“—подумалъ онъ, осторожно постучавшись въ дверь, чего раньше не дѣлалъ. Но его не слышали, и голоса продолжали спорить съ прежнимъ азартомъ.

— Я вамъ говорю, Дарья Семеновна!..

— А я вамъ говорю, Лидія Васильевна!..

Куваевъ постучался еще разъ, и въ комнатѣ вдругъ все затихло.

— Это вы, докторъ?—послышался голосъ Дарьи Семеновны, и, что̀ поразило Куваева, въ немъ слышались ласковыя ноты.

Это его ошеломило, потому что онъ не допускалъ даже мысли, что театральная мамаша могла остаться въ счастливомъ невѣдѣніи относительно вчерашняго исчезновенія Вареньки.

— Войдите...—послышался голосъ Вареньки, и она сама показалась на порогѣ въ своемъ домашнемъ ситцевомъ платьѣ.

„Бѣдная Лили“ и Макъ-Магонъ съ красными лицами и опухшими глазами сидѣли въ ночныхъ кофтахъ за кофе и сочли своимъ долгомъ сконфузиться, когда Куваевъ поздоровался съ ними. Дарья Семеновна, въ качествѣ хозяйки, нырнула за ширму и уже изъ-за этой засады объявила:

— А мы тутъ чуть не разодрались съ Лили... Представьте себѣ, она увѣряетъ, что, когда мы играли въ Ташкентѣ, будто бы у ней глаза были голубые.

— А если, дѣйствительно, были голубые?—спросила m-me Понсонъ.—Теперь темные, а тогда были голубые. Я знаю одну даму, у которой глаза три раза мѣняли цвѣтъ. Вѣдь это бываетъ, докторъ?

— У маленькихъ дѣтей иногда случается...—рѣшилъ Куваевъ споръ, не рѣшаясь взглянуть на Вареньку.

— Тамъ климатъ особенный,—не унималась m-me Понсонъ,—континентальный климатъ, а это что-нибудь значитъ...

Куваеву сдѣлалось даже смѣшно за то трагическое настроеніе, съ какимъ онъ явился сюда: получалась настоящая буффонада. Варенька держала себя, какъ всегда, и только на лицѣ оставалась легкая тѣнь отъ безсонной ночи, но Куваеву оно, это лицо, сегодня такъ нравилось, и онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на него съ особенной нѣжностью. Варенька опускала глаза и чуть замѣтно краснѣла. Когда Лили ушла къ себѣ, а за ней вывернулась изъ комнаты и Макъ-Магонъ, дѣвушка бросилась Куваеву на шею и ласково припала головой къ его плечу.

— Я ужасно спать хочу... —шептала она.—А мама-то хороша, она послѣ меня явилась, и обѣ съ Лили пьяныя!.. Я слышала, какъ онѣ пришли, и притворилась, что сплю... Это было такъ смѣшно.

Куваевъ порывисто цѣловалъ эту красивую голову, охваченный опять приливомъ нѣжности, и не помнилъ самъ, что̀ онъ говорилъ. Вѣроятно, большія глупости, потому что Варенька расхохоталась и сказала:

— Какія сентиментальности...

— Я считалъ тебя совсѣмъ другой дѣвушкой...—бормоталъ Куваевъ, напрасно стараясь подбирать слова.—И если бы я зналъ, то вчерашняго не могло бы быть.

— Вотъ это мило: за кого же ты вчера меня принималъ?..

— За дѣвушку „съ прошлымъ“, какъ Заяцъ...

— Благодарю... Теперь будете разыгрывать кающагося порядочнаго человѣка? Оставьте, пожалуйста, эти глупости: я задыхаюсь отъ скуки въ этой крысиной норѣ.

Варенька сама назначила свиданіе: завтра въ томъ же номерѣ „Калифорніи“ послѣ спектакля, а мать она постарается „устроить“.

Удивленный этимъ хладнокровіемъ и реализмомъ, Куваевъ хотѣлъ что-то сказать, но вернулась Макъ-Магонъ, и разговоръ перешелъ къ вчерашнему тріумфу Вареньки. О, она далеко пойдетъ, и Дарья Семеновна уже переговорила съ рецензентомъ. Конечно, газетная критика не дѣлаетъ еще артиста и рецензенты мошенники, но, при заключеніи сезонныхъ контрактовъ, они имѣютъ нѣкоторое значеніе.

— Представьте, этотъ рецензентъ уже заѣзжалъ сегодня съ визитомъ,— объясняла Макъ-Магонъ съ приличной гордостью театральной мамаши,—но, къ сожалѣнію, я его никакъ не могла принять...

— Хочешь зельтерской воды, Макъ-Магонъ?—фамильярно кричала „бѣдная Лили“ изъ своей комнаты.—Какъ рукою сниметъ вчерашнее похмелье...

— У Лили вѣчныя шутки!—снисходительно отвѣтила Дарья Семеновна, пожимая своими жирными плечами.—Это у ней осталась ташкентская привычка немножко бравировать, какъ дѣлаютъ полковыя дамы...

Куваевъ постарался поскорѣе проститься — его душила эта ужасная обстановка.

„Вотъ такъ Варенька...—думалъ онъ, надѣвая шубу въ передней.— Это что-то такое... да... совсѣмъ особенное... И хоть бы одна слезливая бабья потка!..“

Трагическое настроеніе смѣнилось легкимъ и веселымъ. Докторъ даже просвисталъ какую-то арію отъ удовольствія, и его безпокоила только мысль объ этомъ проклятомъ рецензентѣ, который познакомится съ Варенькой и можетъ замѣнить его по части cabinet particulier. Въ немъ вспыхнуло ревнивое чувство.

Время до слѣдующаго дня прошло, какъ во снѣ. Куваевъ съѣздилъ на практику, завернулъ на минутку въ театръ, чтобы лишній разъ пожать руку Варенькѣ, отлично выспался и на другой день всталъ свѣжимъ и довольнымъ, въ томъ ровномъ настроеніи, когда мысли идутъ въ головѣ такъ легко и свободно. Вечеромъ онъ опять былъ въ театрѣ и старался не встрѣчаться съ Хомутовымъ, который, въ свою очередь, не обращалъ на него никакого вниманія. Онъ втягивался въ эту атмосферу лжи и кругового обмана. Послѣ спектакля Варенька шепнула ему:

— Я сказала мамѣ, что ѣду къ Зайцу на блины и что будутъ все свои. Соври ей что-нибудь и скажи, что проводишь меня домой...

Куваевъ совралъ съ легкимъ сердцемъ. Макъ-Магонъ не выразила даже тѣни сомнѣнія: ей было самой до себя. Она тоже ѣхала съ Астраханцевымъ въ „Калифорнію“ доканчивать свой собственный фестиваль.

Съ какимъ удовольствіемъ онъ ѣхалъ изъ театра, обнимая прижимавшуюся къ нему всѣмъ тѣломъ Вареньку. Мелькали опять освѣщенныя окна домовъ, летѣли навстрѣчу пьяныя тройки — масленица была въ полномъ раз-

гарѣ. При входѣ въ „Калифорнію“ Варенька опять спрятала свое лицо въ воротникъ ротонды,—оставались одни улыбавшіеся глаза; та же ухмылявшаяся прислуга, тѣ же двѣ комнаты и тотъ же опьянявшій угаръ въ головѣ.

— Мы сегодня совсѣмъ одни!...—повторяла дѣвушка съ восхищеніемъ ребенка, въ первый разъ убѣжавшаго отъ надоѣвшей няньки.

— Да, одни...—повторялъ Куваевъ, отуманенный налетѣвшимъ, какъ вихрь, счастьемъ.

— Вотъ что̀, мой милый, намъ нужно объясниться...—говорила она, позволяя снимать съ себя ротонду и калоши.

— Я слушаю...

Они сидѣли въ той же комнатѣ, гдѣ были и третьяго-дня. Прислуга подавала ужинъ въ первую комнату и такимъ образомъ не видѣла прятавшихся здѣсь дамъ—это было придумано, конечно, Хомутовымъ.

— Дѣло въ томъ, что замужъ я за тебя не пойду,—продолжала Варенька, разбирая черные волосы Куваева своими тонкими пальцами.—Да, не пойду... Если бы даже и мать все узнала, и тогда этого не будетъ. Хотя ты мнѣ еще ничего не предлагаешь, но я считаю необходимымъ предупредить...

— Позволь...

— Нѣтъ, дай кончить. Для театральной мамаши прямой убытокъ выдать дочь замужъ. Да и какая это партія: жена доктора Куваева, мать жены доктора Куваева... ха-ха!.. Это совсѣмъ не то, что мать примадонны Стасевичъ-Любарской... Ты этого не зналъ?.. Ну, такъ слѣдуетъ знать, и лучше знать поздно, чѣмъ никогда.

Она опять смѣялась, обнимая Куваева за шею, и онъ забывалъ все, что̀ хотѣлъ ей сказать.

Буду слушать тѣ дѣтскія рѣчи,
Безъ которыхъ мнѣ жизнь не мила...—

пѣла Варенька, откинувъ голову назадъ, счастливая собственнымъ безуміемъ. За ужиномъ она болтала, какъ вылетѣвшая изъ клѣтки птица. Ахъ, какъ ей опротивѣлъ этотъ театръ проклятый и шатанье по сезонамъ. Мать все вретъ, что ее приглашали въ Ростовъ-на-Дону. Не стало тамъ своихъ актрисъ... Онѣ ужасно бѣдствовали, и мать ѣхала въ Бужоѣмъ съ надеждой вырвать наслѣдство. Какъ она злилась на Хомутова, какъ потомъ ругалась съ „бѣдной Лили“ изъ-за квартиры... Это ужасная жизнь—не знать сегодня, что̀ будетъ завтра, а такъ живутъ всѣ актеры. Особенно несчастны семейные люди... Лучше жить въ горничныхъ, чѣмъ трепаться изъ города въ городъ на вторыхъ роляхъ.

— Послушай, а этотъ ребенокъ...—серьезнымъ тономъ спрашивала Варенька и остановилась, не рѣшившись докончить вопроса.

— Ты думаешь, что онъ мой сынъ?

— Всѣ говорятъ объ этомъ...

— Можешь быть скокойна!.. Даю тебѣ честное слово...

— Вѣрю... Я не слыхала, какъ сестра пѣла, а о ней здѣсь всѣ говорятъ,—съ завистью проговорила дѣвушка, поправляя сбившіеся волосы.

Ночи безумныя, ночи безсвязныя...

— Нѣтъ: рѣчи безсвязныя...

— Да, да... „Рѣчи безсвязныя, взоры усталые“... Знаешь, что̀ я тебѣ скажу: я тебя немножко люблю, такъ, чуть-чуть. Ты лучше другихъ, хотя я могу и ошибаться .. Тутъ все какіе-то пьяные купцы да прощелыги-адвокаты, и какъ я ихъ всѣхъ боялась: лѣзутъ въ уборную, ловятъ за кулисами... брр!..

И сейчасъ: „Мамзель, можемъ принять на содержаніе со всякимъ удовольствіемъ...“ Тьфу!.. У меня было уже нѣсколько такихъ желающихъ купцовъ, и одинъ даже немного нравился... Мать навѣрно согласилась бы! О, какъ я ее ненавижу!.. А ты знаешь, что этотъ Булатовъ не родной мнѣ отецъ, а мой остался тамъ, въ Ташкентѣ... Лили, когда выпьетъ, все разсказываетъ про Ташкентъ.

XVI.

Хомутовъ бѣжалъ и бѣжалъ самымъ постыднымъ образомъ... Это было недѣли черезъ двѣ послѣ Пасхи, когда открылась навигація. Онъ захватилъ кассу, не заплатилъ артистамъ, не заплатилъ въ „Калифорнію“ за полгода, не внесъ аренды за театръ и наканунѣ своего бѣгства занялъ еще у своей примадонны Глобы-Михальской двѣсти рублей „до завтра“.

Вся труппа была въ отчаяніи, а съ дамами дѣлались обмороки. Какой сомнительной репутаціей Хомутовъ ни пользовался, но такого звѣрства никто не ожидалъ отъ него. Это происшествіе въ квартирѣ Орловой произвело настоящую панику, и Дарья Семеновна слегла въ постель съ горя: ей даже не на что было выѣхать изъ Бужоёма, а впереди цѣлое голодное лѣто!

— Это проклятый Богомъ человѣкъ!..—говорила Агаѳья Петровна, качая своей дряхлой головой.

Актеры съ горя пропивали въ „Калифорніи“ послѣдніе гроши, актрисы закладывали по ссуднымъ кассамъ послѣднія тряпки—положеніе, дѣйствительно, получалось безвыходное. На первый разъ рѣшили составить société, чтобы играть въ Бужоёмѣ лѣтомъ, но съ первыхъ же шаговъ получилась настоящая каша: Червинскій схватился съ Астраханцевымъ, Заяцъ уѣхалъ на деньги Щучки, Глоба-Михальская разссорилась съ другими дамами, а эти послѣднія перегрызлись между собою. Съ грѣхомъ пополамъ слѣпили два спектакля, закончившіеся дракой Астраханцева съ Червинскимъ и новыми долгами. Недоставало давившей всѣхъ грубой руки и той дьявольской энергіи, съ которой Хомутовъ велъ неустанную борьбу съ „равнодушіемъ публики“. Этотъ послѣдній опытъ société убилъ послѣднюю энергію, и труппа походила на выкинутый на берегъ экипажъ разбитаго бурей корабля.

— А во всемъ виновата эта проклятая Мясоѣдиха!..—съ своей ташкентской логикой рѣшила „бѣдная Лили“.—Хомутовъ самъ по себѣ прекрасный человѣкъ, если бы не эта говядина...

Куваевъ попрежнему бывалъ въ квартирѣ Орловой, и Варенька попрежнему встрѣчала его въ своихъ ситцевыхъ платьяхъ, которыя такъ ему всегда нравились. Отношенія ихъ оставались все такими же странными, какими были съ перваго раза. Дѣвушка то скучала и капризничала, то не обращала никакого вниманія на Куваева, то начинала относиться къ нему съ какой-то лихорадочной нѣжностью. Онъ со вниманіемъ изучалъ эту неровную натуру и покорно шелъ за ней дальше и дальше. Въ присутствіи Вареньки онъ чувствовалъ себя счастливымъ и спокойнымъ, но стоило ему выйти за дверь, какъ являлся цѣлый порядокъ самыхъ тревожныхъ чувствъ и мыслей. Онъ потерялъ свой дешевенькій скептицизмъ и обычное душевное равновѣсіе. Въ результатѣ получался выводъ, что Варенька неизмѣримо лучше его въ апоѳеозѣ своего чисто-женскаго героизма—она покупала свое первое чувство слишкомъ дорогой цѣной и не забѣгала трусливо мыслью впередъ, гдѣ открывалось самое темное будущее. Въ эти минуты Куваевъ видѣлъ Вареньку въ подкупающей обстановкѣ семейной женщины, окруженную дѣтьми и той глубокой любовью, которая нужна каждой женщинѣ, какъ растенію

солнечный свѣтъ. Да, онъ видѣлъ это созданіе собственнаго воображенія и рядомъ видѣлъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, покончившимъ навсегда съ холостыми безобразіями и возмутительнымъ эгоизмомъ. Въ немъ сказывалась буржуазная жилка, тянувшая къ покою и скромной трудовой обстановкѣ. Настоящая обстановка его просто тяготила, какъ скрыто сосавшая смертельная болѣзнь.

Провѣряя себя, Куваевъ то думалъ, что любитъ Вареньку, то начиналъ сомнѣваться въ своемъ чувствѣ. Каждая встрѣча съ ней производила въ немъ радостное волненіе, потомъ онъ постоянно думалъ о ней, когда оставался одинъ, и наконецъ ревновалъ ее то къ Астраханцеву, то къ познакомившемуся съ Дарьей Семеновной рецензенту и даже къ „бѣдной Лили“. Ему хотѣлось одному безраздѣльно владѣть Варенькой, уважать ее и заставить другихъ уважать. Въ ней была извѣстная серьезная складка, здоровая веселость и смутные позывы къ семейной жизни, но все это тонуло въ безобразіи настоящей обстановки. Куваевъ со страхомъ предчувствовалъ, что можетъ наступить моментъ, когда настоящая вспышка пройдетъ, и Варенька съ такимъ же легкимъ сердцемъ перейдетъ въ другія руки, которыя будутъ обнимать его Вареньку, слышалъ поцѣлуи и страстный шопотъ своего соперника и даже вздрагивалъ, охваченный чадомъ этой ревности. Но любила ли она его?.. На всѣ серьезные разговоры въ этомъ тонѣ Варенька отрицательно покачивала головкой и отдѣлывалась шутками, поцѣлуями и разными шалостями.

Къ этому прибавилось еще то, что дома у Куваева начинались непріятныя исторіи съ Маляйкой. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ Пашу замѣнила Ефимовна, но ребенокъ никакъ не могъ привыкнуть къ новой нянькѣ, капризничалъ, замѣтно похудѣлъ и вообще переживалъ какой-то внутренній кризисъ. Поглощенный своими дѣлами, Куваевъ не имѣлъ времени заниматься съ Маляйкой, и это его безпокоило—ребенокъ росъ, какъ сорная трава, безъ всякаго призора. Получались жалобы на упрямство, капризы и другія дѣтскія художества. Маленькій эгоистъ началъ проявлять свое „я“ самымъ неблагодарнымъ образомъ и даже къ доктору относился, какъ къ чужому человѣку. Завертывавшая провѣдать ребенка Паша тяжело вздыхала, а докторъ еще лишній разъ пожалѣлъ, что такъ легкомысленно взвалилъ на себя эту обузу.

— Ужъ женились бы вы, Николай Григорьевичъ,—смущенно посовѣтовала Паша, когда докторъ однажды разговорился съ ней.—Оно, конечно, второй матери не купишь, а все-таки лучше. Бываютъ и мачехи привѣтныя, не все изъѣдуги.

Разъ, когда докторъ сидѣлъ дома въ особенно скверномъ настроеніи духа, подавленный своими неудачами, въ передней привѣтливо ударилъ звонокъ. Это была Варенька. Она въ докторской квартирѣ была всего разъ и теперь вошла съ тревожнымъ, серьезнымъ лицомъ. Взглянувъ на озабоченное лицо Куваева, она нерѣшительно проговорила:

— Я могу уйти?

— Ахъ, зачѣмъ... Я такъ радъ!—бормоталъ Куваевъ, снимая съ нея лѣтнюю накидку и стараясь отнять зонтикъ.—Ты хорошо сдѣлала, что пришла...

— Да?..

Дѣвушка съ озабоченнымъ лицомъ прошла въ кабинетъ и сѣла къ письменному столу.

— Я по дѣлу...—съ тяжелой улыбкой проговорила Варенька, подбирая слова, чтобы высказать угнетавшую ее мысль.—Мнѣ кажется, что я подаю надежды въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться счастливой матерью...

Страхъ имѣть ребенка часто нападалъ на нее, и Куваеву приходилось успокоивать ее, какъ было и теперь. Она выслушивала его объясненія съ опущенной головой и недовѣрчиво время отъ времени вскидывала на него своими прелестными глазами.

— Могу дать тебѣ честное слово, какъ врачъ, что сейчасъ ты внѣ всякой опасности,—говорилъ Куваевъ, цѣлуя покорно лежавшую въ его рукѣ тонкую, красивую руку.—Но это плохое доказательство, что всегда такъ будетъ... Объ этомъ необходимо серьезно подумать, и я съ своей стороны...

— Опять рука и сердце?.. Какъ тебѣ не надоѣстъ повторять эти глупости. Ну какая я замужняя женщина: я ничего не умѣю дѣлать, что дѣлаютъ жены, и умру съ тоски... Не понимаю, право, что за охота навязывать себѣ такую обузу!..

Находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своихъ домашнихъ непріятностей, Куваевъ заговорилъ о Маляйкѣ—ребенокъ вянетъ на глазахъ, и если бы любящая женская рука занялась имъ... Нельзя же вѣчно думать только о себѣ, а театральная жизнь убьетъ скоро и силы и молодость. Что ждетъ ее, Вареньку, впереди?.. А сейчасъ она такъ безжалостно отталкиваетъ довѣрчиво протянутыя къ ней дѣтскія руки... Въ подтвержденіе своихъ словъ, Куваевъ вывелъ Маляйку, который весело улыбнулся Варенькѣ и торжественно помѣстился къ ней на колѣни.

— Бѣдный маленькій театральный человѣкъ!..—грустно шептала Варенька, раскачивая ногой улыбавшагося Маляйку.—Лучше было тебѣ совсѣмъ не являться на бѣлый свѣтъ.

Эта сцена напомнила Куваеву первое появленіе Вареньки въ его квартирѣ, и онъ восторженно передалъ свое впечатлѣніе отъ восхитившей его сцены съ ребенкомъ. У Вареньки заблестѣли слезы на глазахъ, и она горячо поцѣловала ласкавшагося Маляйку.

— Все это, можетъ-быть, очень хорошо,—проговорила она, когда Маляйка занялся приведеніемъ въ надлежащій порядокъ кабинетныхъ вещицъ на письменномъ столѣ,—но, мнѣ кажется, ты самъ обманываешь себя и создалъ въ воображеніи свою собственную Вареньку, какъ это и бываетъ нерѣдко.

Эти грустныя и холодныя рѣчи подняли въ Куваевѣ мучившія его мысли и чувства, и онъ съ жаромъ передалъ всѣ свои ревнивые помыслы и мечты видѣть ее, Вареньку, въ хорошей семейной обстановкѣ. Да, они будутъ счастливы—трудовымъ, хорошимъ счастьемъ. Существующіе въ ней недостатки исчезнутъ сами собой подъ вліяніемъ совсѣмъ другой обстановки. Онъ опять цѣловалъ ея руки и даже опустился на колѣни, припавъ головой къ ея колѣнямъ.

— Ты хорошій человѣкъ...—задумчиво говорила Варенька, перебирая его волосы—она любила это дѣлать въ припадкѣ нѣжности. — Но вѣдь я не имѣю даже понятія, какъ это люди живутъ въ семьѣ, вотъ въ такихъ квартирахъ. Какъ я себя помню, мы вѣчно шатались съ матерью по меблированнымъ комнатамъ, по номерамъ и лачугамъ, какъ и другіе. Это настоящая цыганская жизнь, и какъ я завидовала всегда дѣтямъ, которыя могутъ жить въ своихъ домахъ и не знаютъ этого вѣчнаго шатанья.

— Что же тебѣ мѣшаетъ перемѣнить эту жизнь?.. Я тебѣ предлагаю всякія условія...

— Ты любишь меня?..

— Какъ могутъ любить въ мои года...

— Это не отвѣтъ: Лили увѣряетъ, что сильнѣе всего любятъ старики...

Водворивши порядокъ на письменномъ столѣ, Маляйка незамѣтно подъ

шумокъ перебрался къ книжному шкапу и ящику съ хирургическими инструментами, гдѣ и произвелъ великую революцію. Онъ стоялъ съ серьезнымъ лицомъ и очень внимательно разбиралъ блестѣвшія вещицы. Ситцевая рубашка такъ забавно отдулась на спинѣ, а маленькіе ботинки смѣшили Варенику, и она никакъ не могла оторвать отъ нихъ глазъ—какія смѣшныя ножонки! Поймавъ Маляйку, она разула его и съ какимъ-то азартомъ принялась цѣловать розовыя крошки-ножки, а Маляйка барахтался у нея на колѣняхъ и заливался своимъ беззаботнымъ смѣхомъ.

— Отчего онъ сегодня не называетъ меня мамой?—спрашивала Варенька, когда онъ ей надоѣлъ.

— Вѣроятно, чувствуетъ, что ты не хочешь быть его мамой...

— Ахъ, какой ты глупый...

Варенька совсѣмъ успокоилась и пожелала непремѣнно осмотрѣть всю квартиру. Она заглянула даже въ спальню, а въ столовой съ любопытствомъ отворила буфетный шкапъ.

Все это твое?..—спрашивала она съ дѣтской наивностью, разсматривая столовое серебро. — Какой, однако, ты богатый... Это выгодно быть докторомъ...

Въ дѣтской она перебрала всѣ Маляйкины игрушки и долго смѣялась надъ бумажной лошадью, у которой не было ни хвоста, ни головы, ни ногъ, и которую Маляйка, по какимъ-то необъяснимымъ соображеніямъ, предпочиталъ всѣмъ другимъ игрушкамъ. Старушка Ефимовна относилась къ гостьѣ съ сдержанной строгостью и старалась не смотрѣть на барина. Черезъ Пашу она знала, что это „сполюбовница“, и брезгливо ужимала губы.

Визитъ закончился тѣмъ, что Варенька неожиданно зѣвнула—ей уже надоѣло. Эти полосы равнодушія всегда удивляли Куваева, а теперь ему сдѣлалось такъ тяжело! Когда Варенька ушла, запретивъ ее провожать, онъ долго стоялъ у окна, заложивъ руки за спину, и смотрѣлъ на улицу безцѣльно блуждавшимъ взглядомъ. Ему было и жаль этой странной дѣвушки и обидно за свое чувство, которому не было отзыва. Она его не любила и серьезно объясняла отказъ сдѣлаться докторшей какимъ-то внутреннимъ чувствомъ, что именно этого не слѣдуетъ ей дѣлать. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ она измѣнилась за эти полгода—это была совсѣмъ другая женщина, и въ будущемъ изъ нея выработался бы настоящій человѣкъ, въ чемъ докторъ не сомнѣвался.

Это затянувшееся дѣло неудачнаго сватовства доктора приняло неожиданный крутой оборотъ, благодаря случайному обстоятельству.

„Вѣдная Лили“, встрѣчая Куваева, смотрѣла на него своими черными глазками очень пытливо и ужимала губы, какъ дешевенькія фарфоровыя куклы. Это забавляло Куваева—онъ понималъ затаившуюся мысль въ головѣ m-me Понсонъ. Разъ, когда онъ зашелъ къ Орловой, въ квартирѣ была одна Лили, и докторъ неожиданно для самого себя сказалъ:

— Вотъ что, m-me Понсонъ, высватайте мнѣ Вареньку... Въ самомъ дѣлѣ! Я знаю, что Дарья Семеновна будетъ противъ этого, и вотъ вамъ отличный случай отомстить ей за захватъ квартиры.

M-me Понсонъ сначала обидѣлась легкомысленной формой этого предложенія, а потомъ приняла его прямо къ сердцу. Въ самомъ дѣлѣ, чего лучше для Вареньки, и нужно быть сумасшедшей, чтобы оттолкнуть отъ себя счастье... Потомъ m-me Понсонъ лукаво намекнула, что она кой о чемъ догадывается, и что если бы у ней была дочь, то она не была бы такой дурой, какъ нѣкоторыя театральныя мамаши.

— Только смотрите: это величайшая тайна!—шутилъ Куваевъ.—А если вы устроите меня, то...

— Шубу изъ живыхъ соболей подарите, какъ у Островскаго Подхалюзинъ?—отшучивалась m-me Понсонъ.—А признаться, я давно объ этомъ думала: дѣла наши изъ рукъ вонъ плохи, и скоро всѣ по міру пойдемъ... Хористки инфаньоны закладываютъ.

— Обратите вниманіе, что вы тутъ двухъ зайцевъ убьете однимъ выстрѣломъ: и меня сдѣлаете счастливымъ, и Макъ-Магону отомстите, и комнату обратно получите...

— Ахъ, какой вы злой!..—кокетливо возражала m-me Понсонъ и даже ударила его по рукѣ, какъ дѣлала когда-то въ Ташкентѣ въ кругу своихъ воинственныхъ поклонниковъ.—Отчего вы раньше мнѣ ничего не сказали? Сколько времени прошло даромъ...

Черезъ недѣлю, когда Куваевъ совсѣмъ забылъ про этотъ разговоръ, рано утромъ къ нему заявилась m-me Понсонъ и приказала его разбудить.

— Что такое случилось?—спрашивалъ докторъ, не успѣвшій даже умыться,

— Варенька согласна...—торжественно провозгласила m-me Понсонъ.

— Какъ то-есть согласна? Вы о чемъ собственно говорите?..

— Согласна быть докторшей Куваевой...

Куваевъ посмотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ и отвѣтилъ:

— Позвольте, я думаю, что нужно мнѣ ее самому увидать.

— А если я говорю?.. Понимаете: я... О чемъ ее еще спрашивать, да и что можетъ понимать какая-то дѣвчонка... виновата: дѣвушка.

Вмѣсто отвѣта Куваевъ заключилъ m-me Понсонъ въ объятія и сочно облобызалъ ее въ обѣ щеки и губы, а она, „бѣдная Лили“, растроганная этимъ проявленіемъ докторскихъ чувствъ, закрыла лицо платкомъ и прослезилась. Да, m-me Понсонъ на этотъ разъ плакала, плакала настоящими слезами, плакала и смѣялась.

— О чемъ же вы плачете, „бѣдная Лили“?—удивился Куваевъ.

— Не спрашивайте... Вы, проклятые мужчины, никогда не поймете сердца женщины.

— Ну, ужъ это глупости!..

— Только одно условіе: молчокъ!..—говорила m-me Понсонъ, напрасно стараясь вырваться изъ душившихъ ее объятій.—А то Макъ-Магонъ узнаетъ и мнѣ первой выцарапаетъ глаза...

— Да вѣдь она все равно узнаетъ?..

— Пусть узнаетъ, когда все уже будетъ кончено...

— Ну, дѣлайте, какъ знаете. А я ставлю только одно условіе: Варенька поѣдетъ вѣнчаться въ своемъ ситцевомъ платьѣ... Знаете, это сѣренькое ситцевое платье съ розовыми полосками?..

— Вы съ ума сошли?..

— Нѣтъ, я этого требую, а иначе между нами все кончено...

— О, сумасшедшій!..—бормотала „бѣдная Лили“, отбиваясь кулаками отъ новыхъ объятій.

„Какая прекрасная женщина эта „бѣдная Лили“,—думалъ Куваевъ въ охватившемъ его восторгѣ. И онъ до сегодняшняго дня даже не подозрѣвалъ этого...—Нѣтъ, серьезно, удивительно хорошая женщина, и какъ это она все быстро устроила?“

Свадьба была назначена черезъ три дня, въ пригородномъ селѣ, гдѣ жилъ священникъ, вѣнчавшій самокрутокъ. М-me Понсонъ ужасно хлопотала о томъ, чтобы сохранить тайну до конца, Куваевъ заботился о ситцевомъ

платьѣ Вареньки, а сама Варенька ни о чемъ не думала—она только смотрѣла на Куваева съ такой милой покорностью... Все вышло, какъ слѣдуетъ: тайна сохранилась до конца, а подъ вѣнцомъ Варенька стояла въ ситцевомъ платьѣ. Свидѣтелями были докторъ Щучка и комикъ Недорѣзовъ, изъ женщинъ провожала невѣсту одна „бѣдная Лили“, все время волновавшаяся такъ сильно, что можно было заподозрѣть, что это она выходитъ замужъ.

Мы должны отдать справедливость m-me Понсонъ: она дѣйствовала въ данномъ случаѣ совершенно безкорыстно и выговорила за собой только одно право—объясниться самой Дарьѣ Семеновнѣ во всемъ, рѣшительно во всемъ. Молодые пріѣхали прямо въ квартиру Куваева, m-me Понсонъ и Щучка завернули ихъ поздравить на одну минуту, а потомъ m-me Понсонъ полетѣла къ себѣ, испуганная величіемъ предстоявшаго подвига. Что, въ самомъ дѣлѣ, будетъ дѣлать Макъ-Магонъ, когда узнаетъ объ улетѣвшей птичкѣ? „Бѣдной Лили“ дѣлалось страшно, хотя любопытство перевѣшивало даже это „спасительное чувство“.

Дарья Семеновна самымъ мирнымъ образомъ бесѣдовала съ Астраханцевымъ, когда въ комнату ворвалась m-me Понсонъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами...—торжественно объявила она своей ташкентской подругѣ и прибавила, обратившись къ Астраханцеву:—А вы, господинъ Астраханцевъ, можете насъ оставить.

Г. Астраханцевъ привыкъ уважать чужія тайны, поэтому сейчасъ же поднялся, галантно простился съ дамами и вышелъ. Но когда онъ въ передней надѣвалъ калоши, въ комнатѣ Дарьи Семеновны послышался ужасный крикъ, сопровождаемый паденіемъ большого тѣла. Когда Астраханцевъ вбѣжалъ въ комнату, Дарья Семеновна лежала на полу въ отчаянной позѣ съ стиснутыми зубами: съ ней сдѣлался обморокъ отъ извѣстія о замужествѣ дочери. Когда она пришла въ себя, то наступилъ ужасный пароксизмъ отчаянія.

— Неблагодарная!..—кричала Макъ-Магонъ, потрясая кулаками.—Развѣ для этого я ее воспитывала?.. Съ такой красотой, съ такими задатками сдѣлаться докторшей Куваевой, когда мы были уже приглашены на гастроли въ Ростовъ-на-Дону, а оттуда могли попасть въ Одессу... Моя дочь—жена доктора Куваева!. О, неблагодарная...

— Успокойтесь, ради Бога...—упрашивала „бѣдная Лили“ со слезами на глазахъ.

— И вы мнѣ совѣтуете успокоиться?.. Нѣтъ, я лучше умру... Идите сейчасъ и скажите ей: ты убила родную мать... Я ее проклинаю... Такъ могутъ дѣлать какія-нибудь хористки, а она похоронила и себя и меня...

Даже Астраханцевъ пожалѣлъ обманутую мать, которая, дѣйствительно, въ женѣ доктора Куваева потеряла все—изъ матери ingénue, подававшей надежды сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ примадонной, она въ теченіе какого-нибудь часа превратилась просто въ Дарью Семеновну.

„Чортъ возьми, положеніе скверное“,—соображалъ Астраханцевъ и сейчасъ же рѣшилъ, что онъ теперь уже серьезно займется одной Лили, а то Макъ-Магонъ, оставшись на свободѣ, какъ разъ осѣдлаетъ.

Черезъ три дня Макъ-Магонъ уѣхала изъ Бужоёма, не пожелавъ даже проститься съ дочерью. M-me Понсонъ могла, наконецъ, занять свою комнату, чѣмъ Астраханцевъ былъ очень доволенъ.

XVII.

Куваевъ первое время не чувствовалъ особенно рѣзкой перемѣны въ своей жизни: та же квартира, та же прислуга, тѣ же порядки въ домѣ и

тотъ же Маляйка. Прибавилась кой-какая мебель и новая горничная, да старая прислуга за всѣмъ полѣзла къ новой „барынѣ“: и то нужно, и это нужно, и пятаго недостаетъ, а у другихъ господъ все есть. Роль хозяйки приводила Вареньку въ восторгъ: отъ нея зависѣлъ рѣшительно весь домъ, и нужно было входить въ каждую мелочь. Однажды кучеръ Егоръ, дѣлая сообщеніе о необходимости завести новую сбрую съ наборомъ, объяснилъ напрямикъ:

— Ужъ прежде-то, Варвара Михайловна, какая была наша жисть: такъ зря болтались супротивъ другихъ-то господъ, а теперь настоящее нужно говорить. Хозяйка въ дому—всему голова... Барину гдѣ все доглядѣть?

Кухарка Василиса требовала корову и мѣдной посуды, нянька Ефимовна—ремонтъ Маляйкина гардероба, новая горничная Устя—бѣлыхъ передниковъ съ оборками и т. д. Была основана спеціальная касса, изъ которой Варенька могла производить предвидѣнные и непредвидѣнные расходы, не надоѣдая мужу мелочами.

— Я хочу имѣть расходную книгу...—съ торжествомъ заявила Варенька въ одно прекрасное утро.—И непремѣнно въ массивномъ переплетѣ, съ кожаными углами, какъ въ ссудныхъ кассахъ.

— Гроссъ-бухъ?—смѣялся Куваевъ.

— Да... Вѣдь я часто прежде бѣгала по этимъ проклятымъ кассамъ съ закладами, а теперь у меня будетъ своя книга, и я буду записывать въ нее рѣшительно каждый грошъ.

Куваеву нужно было ѣхать куда-то съ визитомъ къ больному, но онъ полетѣлъ въ магазинъ канцелярскихъ принадлежностей и съ такой счастливой заботливостью принялся разсматривать выложенныя книги, что насмѣшилъ старичка-приказчика.

— Мнѣ самую большую, пожалуйста...—объяснялъ онъ.

— Больше этого не полагается,—отвѣчалъ старичокъ, ласково посматривая на доктора.—Вамъ для расходу, для домашности?

— А вы какъ знаете?..

— Обнакновенно-съ...

Гроссъ-бухъ былъ торжественно привезенъ и положенъ на особый столъ. Варенька своимъ нетвердымъ почеркомъ съ спеціально-театральной орѳографіей записала первую страницу расходовъ и цѣлый день любовалась книгой. Она будетъ полезнымъ человѣкомъ въ домѣ. Все это было такъ мило и наивно, что Куваевъ принимался цѣловать жену съ особенной нѣжностью—она приводила его въ восхищеніе... Конечно, гроссъ-бухъ скоро будетъ позабытъ, но это не мѣшало ему чувствовать себя безсовѣстно счастливымъ. Съ каждымъ днемъ въ женѣ онъ открывалъ новыя достоинства: у Варенькн былъ тактъ въ обращеніи съ прислугой, непритязательность по части тряпокъ и здоровая, хорошая веселость. Въ домѣ сразу водворился порядокъ и новый комфортъ. Куваевъ неглижировалъ своими прямыми обязанностями, чтобы пораньше вернуться домой, куда его неотразимо тянуло. Даже кучеръ Егоръ и тотъ былъ доволенъ: слѣды его громадныхъ пальцевъ на бѣломъ передникѣ новой горничной доказывали только его скромное желаніе принять хотя косвенное участіе въ медовомъ мѣсяцѣ господъ. Собственно говоря, онъ былъ врагъ этихъ проклятыхъ бѣлыхъ передниковъ.

— У, трахмальная!..—хрипѣлъ онъ, стараясь облапить Устю, когда кухарка Василиса вывертывалась изъ кухни.

Въ самомъ дѣлѣ, все шло отлично. Варенькѣ огорчало только то, что она просыпалась утромъ слишкомъ поздно, около двѣнадцати часовъ, и лю-

Она валяться въ постели еще битый часъ и даже пила здѣсь иногда свой утренній чай.

— Неужели это все мое?—спрашивала она иногда сама себя и нарочно лишній разъ гоняла Устю съ какимъ-нибудь порученіемъ въ кухню, точно желала этимъ путемъ убѣдиться въ дѣйствительности.

По вечерамъ, когда они вдвоемъ читали какую-нибудь книгу въ кабинетѣ, Варенька задумывалась и уносилась противъ желанія мыслью въ неизвѣстныя сферы. Куваевъ замѣчалъ, что читаетъ вслухъ для самого себя, откладывалъ книгу и спрашивалъ:

— О чемъ ты думаешь?..

Этотъ простой вопросъ заставлялъ Вареньку вздрагивать, и она нѣсколько мгновеній смотрѣла на мужа непонимающимъ взглядомъ.

— Я такъ... Сама не знаю, о чемъ думала,—отвѣчала она послѣ паузы.— Это моя глупая привычка...

Однажды, впрочемъ, она высказалась по поводу своей разсѣянности гораздо опредѣленнѣе:

— Знаешь, Nicolas, я думаю о томъ, какъ все въ жизни дѣлается странно, то-есть я хочу сказать, что неожиданно... Я никакъ не могу привыкнуть къ мысли, что мнѣ никуда не нужно ѣхать, устраивать контракты съ антрепренерами, кочевать изъ города въ городъ. Даже страшно подумать о той цыганской жизни, а я съ дѣтства вертѣлась на сценѣ и за кулисами... Когда я думаю объ этомъ, мнѣ дѣлается жаль себя: несчастная дѣвочка. А потомъ, когда я подросла, чему учила меня родная мать?.. О, я слишкомъ хорошо ее понимаю и понимала! Меня спасла та же театральная преждевременная опытность, а то мнѣ давно свернули бы голову. Ты не понимаешь, какой инстинктивный страхъ вызывалъ во мнѣ занавѣсъ, и не тогда, когда онъ поднимался, а когда падалъ... Темнота, холодъ, откуда-то вылѣзутъ театральные покровители, и всякій лѣзетъ въ уборную!.. Тьфу...

Къ этой темѣ Варенька любила возвращаться и, увлекаясь воспоминаніями, не замѣчала, что Nicolas морщится, молчитъ и начинаетъ сердиться. Какое ему дѣло до ея прошлаго: она для него то, что она есть теперь, а остальное все къ чорту. Въ немъ поднималось смутное и ревнивое чувство къ этому прежнему жены, но онъ сдерживался и не хотѣлъ выдавать того, чего она не могла сейчасъ понять. Съ другой стороны, эти воспоминанія появлялись на бѣлый свѣтъ только потому, что ихъ вызывала настоящая обстановка, которою Варенька восхищалась отъ чистаго сердца.

— Супруга доктора Куваева... М-me Куваева... докторша Куваева...— повторяла она на разные лады, ласкаясь къ мужу.— Не правда ли, какъ это трогательно?.. Не даромъ моя мамаша лопнула отъ злости... О, какъ я ее ненавижу!.. Это нехорошо, я понимаю, но у меня тамъ въ глубинѣ души поднимается каждый разъ что-то такое тяжелое и непріятное, когда я вспомню про все...

— Совершенно напрасно, потому что твоя мать не понимала и не понимаетъ, что дѣлаетъ, а на такихъ людей сердиться не стоитъ. Можно ее пожалѣть...

— Да, хорошо тебѣ такъ говорить!.. Всѣ эти театральныя мамаши на одну колодку... Ненавижу, ненавижу!..

— Еще разъ напрасно...

— Я глупенькая театральная ingénue, и съ меня требовать ума нельзя... ля.

Было нѣсколько такихъ больныхъ мѣстъ, къ которымъ Куваевъ боялся

прикасаться, полагаясь на всеисправляющее время. Первымъ въ этомъ ряду была сама Дарья Семеновна, одинъ разговоръ о которой настраивалъ Вареньку каждый разъ непріятнымъ образомъ, и Куваевъ могъ только удивляться той непріязни, съ какой жена относилась къ матери. Самъ онъ даже иногда жалѣлъ несчастную старуху, которая теперь мыкалась неизвѣстно гдѣ. Потомъ Варенька не говорила ни одного слова о сестрѣ, точно ея и на свѣтѣ не существовало: или она подозрѣвала что-нибудь въ отношеніяхъ Куваева къ ней, или просто, по-театральному, не чувствовала никакихъ „узъ крови“. Третьимъ пунктомъ, и самымъ опаснымъ, являлся Маляйка. Куваевъ больше всего опасался именно за него и старался не вмѣшиваться въ отношенія жены къ этому ребенку: безъ его посредничества они могутъ устроиться лучше. Первое, что̀ пріятно поразило доктора, это то, что Варенька не захотѣла тревожить ребенка въ его двухъ комнатахъ, когда онъ предложилъ ей занять ихъ.

— А куда мы дѣнемъ его?—просто спросила она.

— Видишь ли, изъ спальни можно устроить хорошенькую гостиную, а въ тѣхъ двухъ комнатахъ устроить спальню и твой будуаръ... А что̀ касается Маляйки, то его можно будетъ какъ-нибудь устроить... гм... то-есть я хочу сказать, что въ нижнемъ этажѣ есть комната...

— Нѣтъ, зачѣмъ же, пусть все остается по-старому. Я совсѣмъ не желаю притѣснять маленькаго человѣка. Хорошо и такъ. А гостиная пока будетъ въ твоей пріемной, да и какіе у насъ гости?

— Конечно, пока можно... гм... Но если ты стѣсняешься... вообще, не стѣсняйся.

Все-таки получалась на первый разъ маленькая неловкость, и Куваевъ чувствовалъ, что Маляйка лишній человѣкъ въ домѣ. Въ оправданіе самому себѣ докторъ начиналъ думать на тему, что ребенокъ ему чужой, то-есть онъ взялъ его чужимъ, и что его побужденія въ этомъ случаѣ были совершенно чисты. А Варенькѣ онъ родной племянникъ, значитъ, и говорить не стоитъ объ этомъ! Пусть живетъ, пока живется.

Молодые уже прожили недѣли двѣ, когда явилась Паша съ хлѣбомъ-солью. Она была больна и не могла прійти раньше. Куваевъ вдругъ почувствовалъ себя такъ весело и хорошо, когда услышалъ этотъ мягкій, ласковый бабій голосъ. Паша поцѣловала у Варенькѣ ручку и даже поправила своими ловкими бабьими руками какую-то упрямую оборочку на „барынномъ платьѣ“.

— ошли вамъ Господь миръ да любовь...—наговаривала Паша, однимъ взглядомъ взвѣшивая всѣ перемѣны, какія внесла съ собой въ обстановку докторской квартиры „молодая“. — Наши свахи говорятъ, что и головешки парой свѣтлѣе горятъ. Такъ ужъ заведено, Варвара Михайловна...

Какъ политичная баба, Паша ни слова не проронила про Елену Михайловну, выжидая „начала“ отъ самой барыни. О Маляйкѣ она заговорила въ новомъ тонѣ, точно о большомъ человѣкѣ, который уже не нуждается въ посторонней защитѣ. Все у ней выходило какъ-то необыкновенно складно и ловко, и Куваевъ радовался въ душѣ за Маляйку, точно прилетѣлъ его ангелъ-хранитель. Онъ понималъ, почему Паша спрятала свою жалость къ ребенку и не расплакалась, по обыкновенію: молодымъ нужно жить да радоваться, а чужого горя не расхлебаешь. Варенька встрѣтила Пашу сначала немного подозрительно, а потомъ вдругъ отмякла, и первая заговорила о сестрѣ.

— Ты вѣдь у ней служила?—спрашивала она.

— Какъ же, барышня... Виновата: сударыня... На моихъ рукахъ и скончались тогда. Добрая душенька... Объ одномъ все сокрушались Елена-то Михайловна, чтобы Маляйка къ дѣдушкѣ въ руки не изгадалъ. Ну, да тогда Николай Григорьичъ сжалились надъ ними... Этакого человѣка тоже поискать, довольно ихъ знаемъ!..

Чтобы не мѣшать, Куваевъ уѣхалъ, и Варенька съ Пашей на свободѣ могли сговориться. Онѣ отправились сейчасъ же въ дѣтскую. Маляйка бросился къ Пашѣ на руки съ дѣтской искренностью и спряталъ счастливое, улыбавшееся лицо въ складки ея дешевенькаго ситцеваго платья.

— Какъ онъ тебя любитъ...—удивлялась Варенька.

— Выкормокъ мой, Варвара Михайловна, ну, и чувствуетъ... Маляйка, это кто?—спрашивала Паша, указывая на барыню.

— Мам-а...—совершенно отчетливо отвѣтилъ Маляйка и посмотрѣлъ на старую няньку Ефимовну, счастливый своими успѣхами по части генеалогіи—старушка потихоньку учила его этому слову.

Варенька была довольна и горячо поцѣловала богоданнаго сынка, который довѣрчиво подставлялъ свою круглую розовую рожицу. Какой, въ самомъ дѣлѣ, милый ребенокъ!

Дѣтская была осмотрѣна съ особеннымъ вниманіемъ. Необходимо перемѣнить занавѣси на окнахъ и переставить кровать. Изъ докторскаго кабинета былъ притащенъ коверъ и торжественно разостланъ на полу, причемъ Варенька своими руками помогала расправлять углы и съ полчаса сидѣла на полу, забавляясь валявшимся по ковру Маляйкой.

— А ты знала этого... господина Уткина?—вскользь спрашивала Варенька, когда онѣ вдвоемъ съ Пашей вернулись изъ дѣтской въ столовую.

— Какъ же, какъ вотъ сейчасъ вижу, Варвара Михайловна... Они драматическихъ любовниковъ разыгрывали, ну, а потомъ померли горловой чахоткой. Скорехонько свернулись, а Елена Михайловна тогда ужъ сюда въ Бужоемъ и поѣхали. Не до игры имъ было, а только, сами знаете, какая это актерская часть: вамъ горе, а надо смѣшить публику да любовные романцы распѣвать.

— А Булатовъ, онъ съ ними ѣздилъ?

— И вмѣстѣ бывали и отдѣльно. Какъ случится... Я вѣдь къ Еленѣ Михайловнѣ ужъ здѣсь поступила, когда онѣ въ „Калифорніи“ остановились. Господина Уткина знавали еще будто раньше, потому какъ они у Хомутова служили сезонъ года за три до этого случая... Очень ихъ любили Елена Михайловна!.. А только Маляйка больше на мать подастъ и лицомъ и характеромъ.

XVIII.

Время летѣло незамѣтно, и Куваевъ могъ только удивляться, что онъ, докторъ Куваевъ, какой-нибудь годъ назадъ могъ проводить свое время самымъ беззаботнымъ образомъ: за картами въ клубѣ, въ похожденіяхъ за кулисами и т. д., какъ жили всѣ другіе. А теперь съ какимъ чувствомъ внутренней полноты онъ спѣшилъ каждый день домой, гдѣ его непремѣнно ждала какая-нибудь пріятная новость. Онъ чувствовалъ, что Варенька его ждетъ, что она тоже его любитъ и любитъ такъ просто и хорошо. Они вмѣстѣ ѣздили кататься, по вечерамъ читали книги и подолгу разговаривали о Маляйкѣ.

— Время идетъ незамѣтно, и Маляйка скоро будетъ большимъ,—задумчиво говорила Варенька, разглаживая бѣлокурые волосы ребенка. — День за днемъ, недѣля за недѣлей... потомъ гимназія, потомъ...

— Все, что̀ угодно, только не театръ: я постараюсь свято исполнить волю Елены Михайловны.

— Она была умнѣе меня?..

— У каждаго свой умъ, и трудно дѣлать сравненія... Относительно Маляйки я совершенно раздѣляю взгляды Елены Михайловны.

Каждый разъ при этихъ разговорахъ Куваевъ чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ жены и неловко смолкалъ, точно виноватый. У Вареньки темнѣли глаза, и она сдержанно вздыхала. Что̀ она думала въ эти минуты—трудно было угадать, хотя Куваевъ и догадывался, что здѣсь говоритъ глухое чувство ревности и соперничества. Въ мирную жизнь счастливой парочки вкрадывался неясный пока диссонансъ. Но, за вычетомъ этихъ пустяковъ, все шло отлично. Въ Куваевѣ съ каждымъ днемъ сказывалась все сильнѣе какая-то мѣщанская складка: онъ сдѣлался скопидомомъ, подсчитывалъ прислугу, входилъ во всѣ мелочи хозяйства и удивлялъ жену происходившей на ея глазахъ перемѣной.

— Неужели тебя интересуютъ эти пустяки?—спрашивала она иногда.

— Даже очень интересуютъ, какъ всякаго положительнаго человѣка. Теперь мы здоровы и молоды, а можетъ подвернуться болѣзнь или какое-нибудь несчастье—однимъ словомъ, жизнь шутить не любитъ. Представь себѣ, что въ одно прекрасное утро я умираю, и ты остаешься безъ гроша...

— У насъ все есть.

— У насъ ничего нѣтъ.

Варенька не понимала мужа: у нихъ рѣшительно было все, даже съ избыткомъ. Конечно, денегъ не было, но вѣдь другіе живутъ, да еще съ семьями на рукахъ. Впрочемъ, хозяйственныя заботы мужа передавались и ей: они вмѣстѣ пересматривали посуду, мебель, разный хозяйственный скарбъ и дѣлали смѣты сначала самыхъ необходимыхъ покупокъ, а потомъ въ отдаленномъ будущемъ мечтали купить рояль, свой домъ, дачу или маленькое имѣніе. Куваевъ говорилъ, что ему недостаточно одной частной практики, а необходимо пристроиться врачомъ куда-нибудь въ городскую больницу или къ земству. Это дастъ немного, но зато будетъ опредѣленный и вѣрный заработокъ. Врачи постоянно рискуютъ своимъ здоровьемъ, и необходимо позаботиться. Занятый этими соображеніями, Куваевъ даже застраховалъ свою жизнь въ двадцать тысячъ, какъ это дѣлаютъ англичане — самый практическій народъ въ мірѣ.

— У тебя вообще какое-то похоронное настроеніе, — жаловалась Варенька, разсматривая страховой полисъ.

— Нельзя, голубчикъ... Ты забываешь, что на нашей отвѣтственности Маляйка.

— Да, я все забываю...

Женившись, Куваевъ поступалъ, какъ человѣкъ, который садится играть въ первый разъ въ карты — конечно, онъ выиграетъ, потому что не нужно только увлекаться, какъ это дѣлаютъ другіе: не нужно зарываться, требовать того, чего нельзя получить, сердиться и въ каждой отдѣльной партіи во̀-время забастовать. Дѣйствительно, онъ велъ свою игру спокойно и съ расчетомъ. Жизнь такъ проста, если смотрѣть вещамъ прямо въ глаза. Конечно, онъ средній, самый обыкновенный человѣкъ, но такими людьми міръ держится, и Куваева радовала его собственная посредственность. Если жены незамѣтно усваиваютъ даже почеркъ своихъ мужей, то тѣмъ больше на нихъ долженъ отразиться весь внутренній складъ. Свое вліяніе Куваевъ замѣчалъ уже на женѣ и потихоньку радовался; она оставляла свои цыганскія привычки и

входила въ нормальную колею всякой порядочной женщины. Образованія Варенька не имѣла, но Куваевъ надѣялся ее доучить по своему методу: чтеніемъ, хорошимъ обществомъ, серьезными бесѣдами.

Такъ время незамѣтно пролетѣло до самыхъ Святокъ. Первый съ визитомъ пріѣхалъ Щучка и наполнилъ весь домъ своей болтовней.

— Что же это васъ нигдѣ не видно, Варвара Михайловна?—торопливо говорилъ подвижной старикъ, цѣлуя ея руку.—Такъ нельзя... Это варварство. Помилуйте, заперлись въ четырехъ стѣнахъ и смотрятъ другъ на друга цѣлые дни. Да такъ можно съ ума спятить... Наконецъ, такая хорошенькая женщина прежде всего принадлежитъ обществу, какъ его лучшее украшеніе. Нѣтъ, мы васъ вытащимъ... А мой collega можетъ ревновать васъ ко мнѣ, сколько его душѣ угодно.

— Я ничего не имѣю относительно этого...—замѣтилъ Куваевъ, нерѣшительно поглядывая на жену.—Дѣйствительно, нельзя жить безъ людей.

— Вотъ я васъ познакомлю съ моей женой: это святая женщина! — не унимался Щучка, размахивая руками.—Потомъ познакомимся съ Курчеевыми, съ Гарштейнъ, съ Соловьевыми, Ковальчукъ, Бергами... Прекрасные, отличные люди!.. М-me Курчеева прекрасно поетъ, Ковальчукъ отличный піанистъ, и у нихъ постоянно устраиваются премилыя soirées.

Варенька не изъявила особенной готовности на эти знакомства и замѣтила, что нужно было сдѣлать визиты сейчасъ послѣ свадьбы, а теперь это не совсѣмъ удобно.

—О, вздоръ, Варвара Михайловна!—успокаивалъ Щучка.—Мы обойдемся и безъ этихъ китайскихъ церемоній... Главное, чтобы было весело:

Чтобы жить, не тужить—
Веселѣй надо быть!..

— Тебѣ, кажется, не нравится предложеніе Щучки?—замѣтилъ Куваевъ, когда докторъ уѣхалъ.

— Нѣтъ, но еще вопросъ, какъ меня примутъ эти матроны...

— Могу тебя увѣрить, что все будетъ отлично. Достаточно того, что ты моя жена...

— Бывшая актриса?..

— О, это пустяки!... Вѣдь я со всѣми этими дамами отлично знакомъ и могу поручиться головой. Всѣ будутъ рады, хотя, конечно, слѣдовало бы сдѣлать тогда визиты... Щучка правъ. Неужели актриса не можетъ быть порядочной женщиной?..

Сказано—сдѣлано. На Святкахъ начались знакомства, и первый визитъ былъ сдѣланъ Щучкѣ. „Святая женщина“ приняла молодыхъ очень радушно и сейчасъ же познакомила Вареньку со всѣми отпрысками своего генеалогическаго дерева. Она была такая толстая и болѣзненная женщина, съ темными кругами подъ глазами и сильной просѣдью. Въ домѣ царствовалъ большой безпорядокъ, но краснощекимъ ребятамъ, унесшимъ здоровье матери, жилось отлично, и самъ Щучка безъ всякой натяжки разыгрывалъ роль чадолюбиваго отца. Варенька побывала въ дѣтской и въ комнатѣ хозяйки и нѣсколько разъ внимательно всматривалась въ охавшую „святую женщину“, точно видѣла въ ней себя черезъ двадцать лѣтъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ семейной обстановки она даже забыла, какъ Щучка терся за кулисами у Хомутова и кутилъ съ Зайцемъ въ „Калифорніи“—это было такъ давно. „Святая женщина“ въ свою очередь пытливо вглядывалась въ Вареньку и подавленно вздыхала.

Курчеевы, Гарштейнъ, Соловьевы и Берги оказались тоже прекрасными людьми. Мужчинъ Варенька знала по театру, а Курчеевъ бывалъ частенько за

кулисами, ухаживая за хористками. Дома мужчины были совсѣмъ другими людьми и встрѣчали Варенькy, какъ незнакомаго человѣка — солидно и съ сдержанной вѣжливостью. Курчеевы были очень богаты, у Гарштейнъ выли три дочери-невѣсты, у Соловьевыхъ была прекрасная квартира, m-me Бергъ славилась чисто-русскимъ хлѣбосольствомъ. Вообще, новые знакомые оказались прекрасными людьми. Живя постоянно въ Бужоёмѣ, они успѣли всѣ породниться и слились въ одно сплошное гнѣздо. Гарштейнъ служилъ въ судѣ, у Курчеевыхъ проживались наслѣдственные капиталы, нажитые еще дѣдушкой-откупщикомъ, профессія Берга изъ темненькихъ, Соловьевъ гдѣ-то служилъ и состоялъ агентомъ нѣсколькихъ компаній.

— Что, ты довольна?—спрашивалъ Куваевъ жену, когда они вернулись домой.

— Да... Ты прежде часто бывалъ у Гарштейнъ?..

— Не особенно.

— Вторая дочь очень красивая дѣвушка, а старшая ломается.

Всѣ мужчины знакомились съ бывшей актрисой очень охотно, дамы держались съ той брезгливостью, которую Варенька поняла послѣ, — онѣ не могли забыть актрисы. Первое впечатлѣніе, которое вынесла Варенька изъ этихъ визитовъ, было то, что она все-таки чужая въ этомъ обществѣ, гдѣ всѣ свои, родня или старые знакомые. На Святкахъ же эти визиты были отплачены, и дамы съ особеннымъ любопытствомъ разспрашивали Варенькy про театръ, точно тамъ были не такіе же люди. По пути она узнала, что старшая Гарштейнъ выходитъ замужъ за второго сына Соловьева, который пріѣдетъ сюда лѣтомъ. Особенно внимательна была m-me Курчеева, которая время отъ времени выступала въ любительскихъ спектакляхъ. Это была сорокалѣтняя цвѣтущая женщина съ завиднымъ здоровьемъ и птичьимъ умомъ.

— Представьте себѣ, какъ Гарштейнъ злятся... — болтала она самымъ беззаботнымъ образомъ, разсматривая альбомъ.—Вѣдь вторая дочь была влюблена въ Николая Григорьевича... Да!.. А вы развѣ ничего не замѣтили?.. У нихъ, кажется, было что-то такое, хотя вѣрить слухамъ я не совѣтую, милочка. Въ нашей провинціи слишкомъ много говорятъ лишняго... И если я вамъ, голубчикъ, говорю сейчасъ все это, то только потому, что полюбила васъ съ перваго раза. Да... (Дружескій поцѣлуй). Вѣдь я сама, моя крошка,— я имѣю право васъ такъ назвать!—я сама тоже мечтала когда-то о сценѣ, и въ самомъ словѣ „театръ“ для меня уже есть что-то родное.

Когда Варенька не обнаружила даже признаковъ ревности, m-me Курчеева принялась передавать всю подноготную бужоёмскаго beau-monde'а, причемъ всѣмъ знакомымъ досталось на орѣхи. Разговоръ закончился рядомъ поцѣлуевъ и восклицаніемъ:

— Ахъ, вы еще такъ неопытны, ma chère... такъ неопытны!..

Когда „святая женщина“ пріѣхала, въ свою очередь, съ визитомъ и узнала, что m-me Курчеева ее предупредила, она безъ всякихъ предисловій заявила:

— Конечно, m-me Курчеева прекрасно поетъ, но я не желала бы быть на мѣстѣ ея несчастнаго мужа... да. Эта особа, между прочимъ, дарила своимъ вниманіемъ и Николая Григорьича... Мнѣ это говорилъ мой мужъ подъ секретомъ, и я предупреждаю васъ только въ надеждѣ на вашу скромность.

Языкъ у „святой женщины“ оказался самымъ обыкновеннымъ провинціальнымъ языкомъ. Варенька нашла, что тѣ дамы, которыя съ такимъ скучающимъ видомъ смотрѣли изъ своихъ ложъ на сцену, ничѣмъ не отличались отъ „бѣдной Лили“ или Дарьи Семеновны.

На Святкахъ въ мѣстномъ клубѣ устраивались семейные вечера и два бала. Куваевъ предложилъ женѣ воспользоваться случаемъ повеселиться, но Варенька отказалась отъ баловъ наотрѣзъ. Поѣхали на семейный вечеръ. Народу было много, особенно дамъ. Вереницы разодѣтыхъ клубныхъ дѣвицъ бродили изъ залы въ залу съ тѣмъ видомъ, какой принимаетъ праздничная телятина. Варенька сначала немного смутилась въ этой пестрой толпѣ, но потомъ быстро освоилась—m-me Курчеева приняла ее подъ свое покровительство. Куваевъ не танцовалъ и имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы наблюдать жену со стороны. Она, въ своемъ синемъ платьѣ съ пышной отдѣлкой, ему положительно нравилась, особенно когда послѣ первыхъ трехъ туровъ вальса вся раскраснѣлась. Мужчины тоже любовались ею, и приглашенія сыпались на Вареньку дождемъ. Этотъ успѣхъ, впрочемъ, Куваеву скоро былъ отравленъ подозрительной мыслью, что клубные кавалеры держатъ себя съ Варенькой гораздо свободнѣе, чѣмъ съ другими дамами. Впрочемъ, это могло ему показаться, какъ и то, что Варенька была одѣта какъ-то пестро, какъ одѣваются однѣ актрисы. Онъ не замѣтилъ этого дома и даже былъ въ восторгѣ отъ костюма Вареньки, а теперь эта пестрота просто рѣзала ему глазъ, какъ и слишкомъ открытыя плечи и эффектно зачесанные волосы. Эти мелочи выдавали недавнюю актрису головой, и Куваевъ по лицамъ маменекъ и тетушекъ, „вывозившихъ дѣвицъ“ на семейные вечера, провѣрялъ свое собственное впечатлѣніе. Да, всѣ эти почтенныя особы видѣли въ Варенькѣ именно актрису, пожимали плечами, шептались и вообще сдѣлали то, что Варенька осталась чужой въ этой веселившейся пестрой толпѣ. Ее принимали какъ жену доктора Куваева—и только. Дѣвицы Гарштейнъ обнаружили явные знаки невниманія къ новой клубной красавицѣ, а это было равносильно открытому casus belli.

Передъ глазами Куваева начинала развертываться та „подводная часть“ общественной жизни, которой онъ раньше не замѣчалъ. Вотъ эти именно улыбавшіяся красивыя лица сдѣлались ему противны, и онъ уѣхалъ домой сердитый и недовольный. Варенька, наоборотъ, ничего особеннаго не замѣтила и была совсѣмъ счастлива, что̀ еще больше разсердило Куваева. Дорогой онъ припомнилъ, что отвѣтилъ дерзостью Щучкѣ на какой-то его комплиментъ плечамъ Вареньки.

— Ты недоволенъ?—спрашивала Варенька усталымъ голосомъ.

— Нѣтъ... то-есть, собственно говоря, и довольными тутъ могутъ быть только такіе люди, какъ Щучка.

Варенька надулась и замолчала. Это была ихъ первая размолвка. Оба считали себя правыми и никакъ не хотѣли понять другъ друга, какъ это иногда случается.

XIX.

Завязавшіяся знакомства вмѣстѣ съ маленькими удовольствіями принесли цѣлый рядъ тѣхъ мелкихъ и ничтожныхъ непріятностей, какимъ даже трудно подобрать названіе. Это, однако, не мѣшало Куваеву чувствовать рядъ фальшивыхъ положеній, что̀ развило къ немъ болѣзненную подозрительность. Онъ самъ напрашивался на непріятности, и Варенькѣ стоило большого труда его успокоить. То ему казалось, что за Варенькой ухаживаютъ слишкомъ откровенно, то не обращаютъ вниманія. Явились провинціальные счеты визитами и разными иными знаками вниманія.

— Лучше всего сидѣть дома,—рѣшила Варенька, когда зимній сезонъ кончился.

— Я этого не желаю...—упрямился Куваевъ.

Мечты о своемъ кружкѣ хорошихъ людей оказались той каплей масла, которая быстро расходится въ грязное пятно. Хорошіе люди, конечно, въ Бужоёмѣ были, но имъ трудно было спѣться: одни сидѣли по домамъ сами, у другихъ почему-нибудь не ладили между собой жены, третьи вели какіе-то старые счеты и т. д. Труднѣе всего было свести женщинъ, относившихся къ Варенькѣ съ какой-то затаенной непріязнью. Теперь Куваеву сдѣлалось ненавистнымъ самое слово „актриса“, и онъ не любилъ разговоровъ о театрѣ. Впрочемъ, Варенька и сама, кажется, забыла о немъ, что̀ радовало мужа.

Изъ новыхъ знакомыхъ чаще другихъ бывала m-me Курчеева, развозившая по всему городу послѣднія новости дня. Она чувствовала къ Варенькѣ какую-то болѣзненную привязанность, и это мирило съ ней Куваева. Только однажды онъ чуть не подрался съ ней изъ-за вопроса о затѣвавшемся любительскомъ спектаклѣ, на который она непремѣнно хотѣла затащить Вареньку.

— Конечно, я не желаю стѣснять жены,—разсуждалъ Куваевъ, сдерживая кипѣвшую въ немъ злобу.—Но это не мѣшаетъ мнѣ имѣть свое собственное мнѣніе о подобнаго сорта упражненіяхъ.

— Именно? — настаивала m-me Курчеева, улыбаясь. — Вы, вѣроятно, забыли, Николай Григорьевичъ, то время, когда сами принимали такое живое участіе въ подобныхъ упражненіяхъ... Припомните „Свѣтскія ширмы“?

— Вы меня вызываете на то...

— ...чтобы я сказала вамъ, что вы дрянной эгоистъ!.. да, я это говорю при вашей женѣ...

Куваевъ хлопнулъ дверью и убѣжалъ въ свой кабинетъ. Его возмущала эта m-me Курчеева, набивавшая голову Вареньки глупостями пустыхъ барынь. Она какъ разъ дѣлаетъ все, чтобы разрушить его планы постепенно отучить жену даже отъ мысли о театрѣ. Съ другой стороны, онъ меньше всего желалъ фигурировать въ роли маленькаго деспота и ревниваго мужа, а именно послѣдняго и добивалась m-me Курчеева, эта отчаянная интриганка и сплетница. Конечно, она подняла всю эту исторію съ цѣлью отравить ему нѣсколько дней. Раньше Куваевъ даже ухаживалъ за m-me Курчеевой и пользовался съ ея стороны неоспоримыми знаками вниманія, но, во-первыхъ, онъ къ женщинамъ всегда относился рыцарски и не выдавалъ своихъ побѣдъ, а во-вторыхъ, все это было такъ давно, и самой m-me Курчеевой пора было позабыть о „Свѣтскихъ ширмахъ“, когда она цѣловалась съ Куваевымъ въ полутемной каморкѣ-уборной. Наконецъ Варенька могла догадаться объ ихъ отношеніяхъ, а это подняло бы цѣлую исторію. Во всякомъ случаѣ, глупая и нелѣпая исторія! Раздумавшись на эту тему, Куваевъ въ концѣ концовъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ вышелъ изъ своей роли благоразумнаго мужа и что съ m-me Курчеевой нужно воевать ея же оружіемъ.

— Варенька, ты будешь играть въ этомъ спектаклѣ, — неожиданно заявилъ Куваевъ женѣ на другой день.

— А если я этого совсѣмъ не желаю?

— Это ужъ капризъ...

Уговорить ее, впрочемъ, было не трудно—въ ушахъ Вареньки еще стояли вкрадчивыя рѣчи m-me Курчеевой. Къ этой дамѣ сначала она отнеслась подозрительно, а потомъ быстро вошла въ роль счастливой соперницы и сдѣлала видъ, что ничего не знаетъ. Это ее забавляло и притомъ могло пригодиться въ будущемъ. Конечно, сейчасъ мужъ ее любитъ, но женщины быстро старѣютъ, и все можетъ случиться. Кромѣ всего этого m-me Курчеева положительно нравилась Варенькѣ, напоминая „бѣдную Лили“.

„Гдѣ-то онѣ теперь мыкаются, несчастныя!“—думала Варенька, припоминая невольно своихъ театральныхъ сподвижницъ.

Въ Бужоемѣ зиму играла новая труппа какого-то Лукачинскаго, новаго антрепренера изъ восточныхъ человѣковъ, но въ городѣ она не пользовалась успѣхомъ, и театралы вспоминали Хомутова, который всегда лѣзъ изъ кожи для публики. Любители разсчитывали теперь именно на то, что публика наголодалась и возьметъ билеты нарасхватъ. Время стояло лѣтнее—самая глухая пора для засидѣвшейся въ своемъ углѣ провинціи. Вдобавокъ помѣщеніе для любительской сцены нашлось самое отличное на дачѣ у береговъ, до которой отъ города было рукой подать. Публика поѣдетъ туда съ удовольствіемъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Вотъ перепишите роль...—говорила m-me Курчеева, подавая Куваеву привезенную пьесу.—Варвара Михайловна будетъ играть Кармину-дочь въ „Женитьбѣ Бѣлугина“, а у васъ такой прекрасный почеркъ, и я берегу на память нѣсколько ролей, переписанныхъ когда-то вами... для меня.

— Я къ вашимъ услугамъ...—сухо отвѣтилъ Куваевъ, напрасно стараясь принять неуязвимо-любезный видъ.

Въ слѣдующій разъ m-me Курчеева привезла съ собой театральнаго рецензента, того самаго, который писалъ о длинныхъ ногахъ Елены Михайловны. Это былъ неопредѣленныхъ лѣтъ [illegible]ватый господинъ, у котораго на лицѣ самымъ замѣчательнымъ были золотыя очки. Онъ держалъ себя съ большой непринужденностью, особенно въ дамскомъ обществѣ, и m-me Курчеева приходила въ восторгъ отъ его фельетонной болтовни въ мѣстной газетѣ. „Ахъ, m-r Сальниковъ всегда такъ остроуменъ!“ Въ сущности дѣла, этотъ газетный человѣкъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ обкрадывалъ столичную уличную прессу или старинныя сатирическія изданія и пускалъ въ ходъ уже [illegible]ртую монету. Куваеву пришлось волей-неволей знакомиться и съ этимъ господиномъ, тѣмъ болѣе, что онъ могъ пригодиться. Рюмка водки не разоритъ, а Куваевъ вѣрилъ въ талантъ Вареньки, чему доказательствомъ служила роль Марьицы.

— Все будетъ прекрасно,—увѣрялъ г. Сальниковъ съ апломбомъ.—Главное, чтобы костюмы соотвѣтствовали средѣ и характеру дѣйствующихъ лицъ. Не правда ли?.. Въ Парижѣ это считается первой вещью.

— Главное, чтобы былъ ансамбль!..—присоединила свой голосъ m-me Курчеева.

Слушая эти разговоры, Куваевъ припомнилъ слова Зайца про этого самаго рецензента: „А нужно будетъ, и пойдете“... Да, это была уже одна изъ тѣхъ маленькихъ сдѣлокъ съ совѣстью, которыя практикуются добрыми людьми на каждомъ шагу. Куваевъ съ удовольствіемъ выгналъ бы г. Сальникова прямо въ шею, но его удерживало присутствіе m-me Курчеевой, способной на все. Вообще, показаться смѣшнымъ въ чьихъ бы то ни было глазахъ для Куваева было верхомъ несчастія.

Съ такимъ трудомъ устраивавшійся спектакль провалился самымъ торжественнымъ образомъ. Варенька даже для любительницы провела свою роль очень слабо, хотя ее вызывали первые ряды креселъ. Куваевъ переживалъ двойное чувство: съ одной стороны онъ желалъ, чтобы Варенька провалилась и тѣмъ избавилась отъ театральной линіи, а съ другой у него опять страдало самолюбіе. О, она можетъ играть сильныя драматическія роли, не то, что какую-нибудь Кармину!.. Вѣдь теперь она играла предъ своими, чуть не по-семейному, и вездѣ ее встрѣчали знакомыя лица.

— Успѣхъ!.. Рѣшительный успѣхъ!..—кричалъ Щучка, вытаскивая Куваева

въ садъ, гдѣ стояли палатки съ различными припасами.—Я всегда говорилъ, что у Варвары Михайловны талантъ... Конечно, всякій талантъ требуетъ шлифовки, какъ драгоцѣнный камень, и чѣмъ камень дороже, тѣмъ труднѣе работать надъ нимъ. Вы насчетъ коньяковъ, collega, или національной спотыкаловки? А вотъ кстати и господинъ Сальниковъ, который завтра же дастъ подробный отчетъ о нашихъ успѣхахъ...

Эта болтовня Щучки и нѣсколько сочувственныхъ знаковъ вниманія г. Сальникова успокоили Куваева: онъ могъ относиться къ женѣ пристрастно, а это посторонніе люди. Въ саду играла музыка, и по аллеямъ бродила та лѣтняя публика, которая пойдетъ куда угодно, чтобы убить время. Въ толпѣ было много знакомыхъ, и Куваевъ издали замѣтилъ жену, которая шла съ какимъ-то обдерганнымъ, помятымся господиномъ.

— Это кто такой?—недовольнымъ тономъ спрашивалъ онъ, когда Варенька подошла къ его столу.

— Недорѣзовъ... А что?.. Бѣдняга совсѣмъ спился и ужасно бѣдствуетъ. У него, должно быть, чахотка...

Варенька говорила все это такимъ простымъ тономъ, не замѣчая волненія, съ какимъ смотрѣлъ на нее мужъ. Сквозь вершины деревьевъ уже мерцало ночное небо; по аллеямъ, какъ свѣтлякя въ травѣ, весело горѣли разноцвѣтные шкалики, отъ ближайшаго прудка тянуло болотной сыростью. Лицо Вареньки горѣло тѣмъ оживленіемъ, которое такъ быстро смѣнялось у нея утомленіемъ. Она была, видимо, довольна и не сознавала, что играла плохо, какъ не понимала, что компрометировала себя разговоромъ со спившимся комикомъ. Къ нимъ подошли знакомые и потащили на дачу, гдѣ у Берговъ былъ устроенъ маленькій дачный ужинъ. Г. Сальниковъ предложилъ Варенькѣ руку и торжественно повелъ ее по аллеѣ къ открытой лѣтней верандѣ.

— Я очень устала и съ удовольствіемъ бы уѣхала домой,—проговорила она, поворачивая голову къ мужу, шагавшему съ заложенными за спину руками.

— Какъ знаешь...

На скамеечкѣ подъ развѣсистой липой дремалъ Недорѣзовъ, и Куваевъ сдѣлалъ видъ, что его не замѣчаетъ. Уѣхать домой сейчасъ было неудобно,—приходилось пожертвовать еще двумя скучными часами. Куваевъ былъ доволенъ хорошимъ настроеніемъ жены и любовался ея граціозной легкой походкой. Она за этотъ годъ замѣтно пополнѣла, и высокій ростъ смягчился женской мягкостью всѣхъ линій. Лѣтнее платье изъ перкаля сидѣло на ней очень мило. На ходу она нѣсколько разъ оглядывалась назадъ и улыбалась мужу своей немного дѣтской улыбкой.

За ужиномъ собралось много незнакомыхъ людей, причемъ можно было только удивляться охотѣ Берговъ угощать всякаго званаго и незваного. М-me Курчеева сидѣла рядомъ съ Щучкой, пила красное вино и чувствовала себя совсѣмъ хорошо, какъ рыба въ водѣ. Говорили о спектаклѣ, о погодѣ, о какомъ-то застрѣлившемся почтальонѣ и другихъ пустякахъ. Варенька нѣсколько разъ зѣвнула въ руку и съ красными отъ выступившихъ слезъ глазами дѣлала видъ, что внимательно слушаетъ m-me Бергъ, сообщавшую секретъ приготовленія какого-то лѣтняго купанья. Мужчины спорили и пили водку.

— Какіе прекрасные люди эти Берги...—говорили всѣ, возвращаясь домой, и прибавляли:—Однако, чортъ ихъ знаетъ, какъ это они живутъ: совсѣмъ не по средствамъ!..

У Куваева былъ новый рессорный экипажъ, и Варенька испытывала

большое наслажденіе отъ мягкаго покачиванія, когда они ѣхали съ дачи въ городъ. Въ застывшемъ ночномъ воздухѣ звонко отдавались удары лошадиныхъ копытъ. Вдали, по берегу изогнувшейся рѣчонки, колебавшейся полосой мелькнули огоньки предмѣстья. Куваевъ въ молчаливомъ припадкѣ нѣжности крѣпко обнялъ жену и принялся цѣловать ея холодное лицо,—она слабо защищалась руками и, закрывъ глаза, тихо смѣялась. Широкая спина кучера прыгала у нихъ предъ глазами, точно онъ плясалъ вприсядку.

Дома Куваевъ заговорилъ съ удивившей Вареньку строгостью объ ея безтактности—это относилось къ Недорѣзову. Такъ нельзя держать себя въ провинціи, гдѣ тысячи услужливыхъ глазъ слѣдятъ за каждомъ шагомъ, а въ ней не могутъ еще забыть недавней актрисы. Потомъ Варенька имѣла удовольствіе выслушать, что всякія благотворительныя затѣи не стоятъ выѣденнаго яйца, а любительскіе спектакли въ особенности,—что этотъ г. Сальниковъ дрянь, а Берги дураки. Первой мыслью Вареньки было, что она-то при чемъ тутъ, и у ней недавняя живость смѣнилась усталостью.

Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ, когда Куваевъ докуривалъ сигару, на ходу шлепая туфлями, а Варенька въ одной ночной кофточкѣ нѣжилась въ углу кушетки.

— Nicolas, скажи, пожайлуста, гдѣ у тебя мать?—прервала она мужа неожиданнымъ вопросомъ.

— То-есть какъ гдѣ? Я говорилъ, что она живетъ у старшаго брата... Вотъ женщина, которой можно удивляться!.. Отецъ былъ бѣдный чиновникъ и оставилъ послѣ себя громадную семью безъ гроша денегъ. Да... Она сама мыла наше бѣлье и еще находила время работать на людей. Это такая любящая и честная натура... У ней слѣдовало бы учиться нашимъ дамамъ, убивающимъ время на пустяки.

Когда Куваевъ оглянулся на жену, Варенька съ полураскрытымъ ртомъ сладко спала на своей кушеткѣ,—она видѣла себя опять на сценѣ въ обществѣ Лили, Недорѣзова и Дарьи Семеновны.

XX.

Маляйка росъ и крѣпъ. Къ пяти годамъ это былъ задумчивый бѣлокурый мальчикъ, съ выразительнымъ, умнымъ личикомъ и застѣнчивыми движеніями. Въ этомъ ребенкѣ сохранилось много еще дѣтской граціи и чистоженской мягкости характера. Послѣднее объяснялось постояннымъ обществомъ Ефимовны и Паши. Куваевъ не имѣлъ свободнаго времени заниматься съ ребенкомъ, а Варенька скучала въ его обществѣ. Иногда его показывали гостямъ—и только. „Какой милый ребенокъ... восторгъ!“—ахали дамы, и Маляйка опять закупоривался въ своей дѣтской. Въ Маляйкѣ не было даже того взяточничества, какимъ отличается невинное дѣтство. Онъ бралъ подарки, но не высказывалъ особенной радости по этому поводу и не обнаруживалъ признательныхъ чувствъ.

— Театральная кровь...—объясняла Паша старой нянькѣ.—Всѣ они какіе-то безчувственные. Насмотрѣлась я на нихъ досыта...

По вечерамъ, когда Куваевъ бывалъ дома, Маляйка иногда приходилъ въ кабинетъ и незамѣтно устраивался гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Ребенокъ умѣлъ быть незамѣтнымъ, и это нравилось въ немъ Варенькѣ больше всего. К нѣжнымъ чувствамъ она оказалась совершенно неспособной и постоянно из бѣгала Маляйки, когда тотъ съ дѣтской лаской искалъ ее своими свѣтлыми глазами. Онъ любилъ свою „маму“ съ упорствомъ растенія, которое тянетс къ свѣту. Отъ мамы всегда пахло такими хорошими духами, и Маляйка

прижимаясь къ ея колѣнямъ головой, нюхалъ окружавшій ее воздухъ, какъ котенокъ. Постоянная холодность жены къ этому ребенку сначала непріятно удивляла Куваева, а потомъ онъ привыкъ къ ней. Маляйка ласкался къ нему смѣлѣе и осыпалъ своими дѣтскими вопросами.

— Папа, а домовой бываетъ въ каждомъ домѣ?—спрашивалъ Маляйка.

— Во-первыхъ, никакихъ домовыхъ нѣтъ на свѣтѣ, а во-вторыхъ, кто набиваетъ тебѣ голову подобными глупостями?

Маляйка смутился и умолкалъ. Куваевъ объяснялъ, что нѣтъ ни чертей, ни домовыхъ, ни привидѣній, и чувствовалъ, что ребенокъ желаетъ его понять и не можетъ—въ его маленькой душѣ ужъ боролись два теченія. Наклонность къ таинственному сказалась въ Маляйкѣ слишкомъ рано, и Куваевъ приписывалъ эту черту вліянію прислуги. Во всемъ остальномъ ребенокъ былъ, какъ всѣ дѣти, и до сихъ поръ не проявлялъ никакихъ признаковъ наслѣдственнаго вырожденія. Маляйка въ своемъ развитіи ушелъ гораздо дальше, чѣмъ догадывался Куваевъ. Онъ желалъ вѣрить по словамъ отца, но стоило ему выйти изъ кабинета, какъ его обступалъ совсѣмъ иной міръ, болѣе понятный его дѣтскому мозгу. Большой и неглупый человѣкъ не могъ спуститься до дѣтскаго міросозерцанія, притомъ въ Маляйкѣ, выросшемъ въ четырехъ стѣнахъ, не было необходимаго запаса протестующей жизненности.

Какъ большинство дѣтей въ барскихъ домахъ, Маляйка получилъ воспитаніе въ обществѣ прислуги, причемъ недосягаемымъ совершенствомъ являлся кучеръ Егоръ, подавлявшій своимъ авторитетомъ и горничную Устю, и кухарку, и няню Ефимовну, и даже Пашу. Дѣтская душа, какъ губка, впитывала въ себя все: религіозныя представленія въ ихъ обрядовой обстановкѣ, сказки и всякую чертовщину, нравственныя воззрѣнія и правила этики. „Это грѣхъ“, то—„не грѣхъ“, „хорошо“ и „нехорошо“ Маляйка усвоилъ въ совершенствѣ, и ему въ этомъ мірѣ все было такъ просто и понятно, какъ и кучеру Егору. Приходившая провѣдать Паша производила Маляйкѣ маленькій экзаменъ и вносила въ его міросозерцаніе необходимыя поправки: докторъ говоритъ, что нѣтъ домовыхъ, а ихъ всѣ видали, да еще есть лѣшакъ съ лѣшачихой, пишига, колдуны и вѣдьмы.

— А когда человѣкъ умретъ, что̀ бываетъ съ душой?—спрашивалъ Маляйка, холодѣя отъ одной мысли о покойникахъ.

— Душа вылетаетъ паромъ, потомъ сорокъ дней ходитъ по мукамъ,—объясняла Паша съ приличной случаю торжественностью. — Тоскуетъ она, душа-то, и все мерещится роднымъ, потому какъ она сорокъ дней должна летать около своего дому: тутъ стукнетъ, такъ брякнетъ—здѣсь, молъ, я. Тоже вотъ когда поминки бываютъ—съ покойниками христосуются и кладутъ красныя яички на могилкахъ.

Какъ все это и понятно, и страшно, и хорошо. Нѣсколько разъ Паша потихоньку отъ доктора водила мальчика въ церковь и учила молиться. Кучеръ Егоръ тоже молился, откладывая тяжелые кресты и встряхивая волосами. Вечеромъ въ церкви Маляйку охватывалъ благоговѣйный страхъ, и онъ чувствовалъ себя подъ высокими каменными сводами такимъ маленькимъ-маленькимъ. Густой басъ дьякона, блестѣвшая вездѣ позолота, переливавшіеся огоньки свѣчъ и лампадъ, дымъ ладана и окружавшій ребенка шопотъ молитвы уносили его въ невѣдомый міръ, изъ котораго глядѣли на него строгіе лики угодниковъ и цѣлые хоры ангеловъ. Паша торопливо откладывала земные поклоны и заставляла Маляйку дѣлать то же. Папу, маму взялъ Боженька, и ребенокъ шепталъ свою дѣтскую молитву, оглядываясь на другихъ дѣтей. Въ душѣ ребенка неслышно открывались тѣ ключи и родники, скрытая работа которыхъ

уноситъ горы и рветъ скалы. Параллельно съ этимъ развилась разумность не по лѣтамъ и преждевременная нервность—Малайка боялся темноты, вздрагивалъ отъ громкаго звонка въ передней и плакалъ отъ каждаго сильнаго волненія.

Любимымъ его удовольствіемъ было слушать, какъ мама играетъ на роялѣ. У Куваева былъ уже свой рояль, настоящій беккеровскій, но Варенька скоро остыла въ желаніи учиться музыкѣ и отъ скуки перебирала по слуху все тѣ же избитые мотивы, которые вынесла изъ театра. Раза два она принималась учить Малайку, но у него руки были еще слишкомъ малы и слабы.

За три года своего замужества Варенька сильно измѣнилась, пополнѣла, получила извѣстную увѣренность и вообще сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ бываютъ всѣ красивыя женщины. Въ бужоемскомъ обществѣ она была своимъ человѣкомъ и съ головой ушла въ исключительный міръ дамскихъ интересовъ. Она принимала дѣятельное участіе въ любительскихъ спектакляхъ, танцовала въ клубѣ, пѣла на soirees у Курчеевыхъ, позволяла за собой немножко ухаживать и все остальное время дома ужасно скучала. Никакое серьезное дѣло ея не интересовало, а книги она просто ненавидѣла. Иногда на нее нападали необъяснимыя странности. Разъ, когда Куваевъ возвратился домой, онъ нашелъ ее въ кухнѣ. Варенька въ одной юбкѣ и ночной кофточкѣ сидѣла на лавкѣ и, облокотившись о столъ голыми руками, слушала, какъ Егоръ ругался съ кухаркой. Куваева возмутила эта халатная сцена, и онъ замѣтилъ женѣ, что держать себя такъ съ прислугой просто неприлично.

— Мнѣ скучно...—устало отвѣтила Варинька.

— Нужно чѣмъ-нибудь заниматься.

— Я ни къ чему не способна... А какъ смѣшно они ссорятся тамъ въ кухнѣ: у Егора такое глупое лицо дѣлается, и онъ головой встряхиваетъ точно лошадь. Главное, оба виноваты кругомъ и ссорятся, какъ иногда мы съ тобой.

Всякіе пустяки вообще занимали Вареньку, и самое сильное вліяніе на нее оказывали совсѣмъ пустые и безнадежные люди, въ родѣ г. Сальникова. Послѣднее особенно возмущало Куваева и подавало поводъ къ горячимъ „вспышкамъ у семейнаго очага“. Ревность къ г. Сальникову была бы верхомъ униженія, но Куваевъ испытывалъ тяжелое и непріятное чувство, когда этотъ господинъ по цѣлымъ часамъ оставался съ глазу на глазъ съ Варенькой, она такъ заразительно хохотала надъ его глупымъ шутовствомъ и разными „театральными крендедями“. Варенька расцвѣтала веселой улыбкой при каждомъ появленіи этого ненавистнаго человѣка и смѣялась, прежде чѣмъ тотъ успѣвалъ раскрыть ротъ. Все внѣшнее, что дѣлается на показъ, занимало ее очень серьезно, и въ то же время суть жизни нисколько не интересовала. За эти три года Варенька не успѣла привыкнуть даже къ простой порядочности и ходила до обѣда въ одной кофточкѣ съ распущенными волосами. Въ такомъ видѣ она садилась даже на окно и по цѣлымъ часамъ глазѣла на улицу, какъ горничная Устя. Иногда ей приходила фантазія спуститься на кухню и паѣться какой-нибудь дряни, или она посылала горничную въ мелочную лавочку за гнилой колбасой. Привычки стараго бродяжничества давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Но Куваевъ любилъ жену и объяснялъ все тѣмъ, что она переживаетъ слишкомъ рѣзкій переходъ, и потомъ у нихъ не было дѣтей. Онъ не разъ замѣчалъ ревнивый взглядъ, какимъ она провожала Малайку, точно этотъ ребенокъ носилъ въ себѣ именно то, чего ей недоставало.

Разъ зимой, когда Варенька особенно скучала, Куваевъ вздумалъ устроить

ей маленькій сюрпризъ. Вернувшись домой вечеромъ, часовъ въ восемь, онъ строго сказалъ ей:

— Одѣвайся!.. И, пожалуйста, скорѣе.

— Что такое случилось?

— Увидишь.

Онъ самъ выбралъ ей платье и помогъ его надѣть, какъ горничная. Она съ улыбкой протягивала ноги, когда онъ натягивалъ на нихъ модные длинные чулки, и смотрѣла на него улыбавшимися, повеселѣвшими глазами, предчувствуя что-то необыкновенное. Когда церемонія одѣванья кончилась, Куваевъ отыскалъ ея старую ротонду, завернулъ ее въ нее и заставилъ надѣть большой зимній оренбургскій платокъ. Варенька стояла въ передней, закутанная съ головой, и удивлялась, почему они ѣдутъ не на свой лошади, а на извозчикѣ.

Вечеръ былъ ясный, съ крѣпкимъ морозцемъ, отъ котораго Варенька сейчасъ же вся зарумянилась. Извозчичьи сани полетѣли къ театру, и Варенька подумала, что мужъ ее везетъ на какой-нибудь маскарадъ съ пикникомъ, но театръ остался назади, а сани мчались все впередъ и остановились у освѣщеннаго подъѣзда „Калифорніи“. Теперь только Варенька начала догадываться о затѣѣ мужа и спрятала свое лицо, оставивъ одни глаза, какъ это дѣлала „тогда“. Трактирная прислуга съ такой же молчаливой вѣжливостью разступилась предъ ними, и Куваевъ повелъ жену по знакомой лѣстницѣ на верхъ, гдѣ расположены были cabinets particuliers. Вотъ и знакомый старичокъ коридорный, который разбитой походкой побѣжалъ впередъ и услужливо распахнулъ двери знакомаго номера съ двумя комнатами. Да, это былъ тотъ самый номеръ, и Варенька прошла прямо вглубь, во вторую комнату, гдѣ стоялъ знакомый ей диванчикъ. Сервированный на „двѣ персоны“ столъ заставилъ ее весело засмѣяться: какъ это мило со стороны Nicolas...

— Мы сегодня будемъ кутить?—спрашивала она, подставляя свое горѣвшее съ холода лицо для поцѣлуя.—Какъ тогда?..

— Да, крошка...

— Какъ это остроумно!..

Ротонда полетѣла на диванъ, и Варенька съ важностью заняла мѣсто за столомъ. Тутъ былъ холодный ужинъ и нѣсколько бутылокъ вина. Варенька аппетитно вытягивала губы и даже нюхала самый воздухъ, полный возбуждавшихъ ее воспоминаній. Настоящій трактирный ужинъ съ засушенными рябчиками и удивительно нарѣзанными ломтиками хлѣба. И, какъ тогда, раскачиваясь на стулѣ, она весело запѣла:

Только будетъ смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнетъ ли звонокъ..

— Мнѣ самый большой стаканъ вина, или нѣтъ: портеру!..—кричала она, грѣя вилкой и ножомъ по тарелкѣ.—А потомъ шампанское.

— Нѣтъ, такъ нельзя... Что-нибудь одно.

— А если я хочу всего?..

— А если мнѣ придется нести тебя отсюда на рукахъ?

Варенька смѣялась, набивая ротъ прогорклымъ рябчикомъ, и болтала подъ столомъ ногами. Какъ это весело, въ самомъ дѣлѣ, и только недостаетъ Шуры... Отчего было не пригласить хоть Сальникова?.. Одна дама и два кавалера—это всегда такъ забавно.

— Тебѣ развѣ скучно со мной?—спрашивалъ Куваевъ, невольно смущаясь отъ противной ему фамиліи.

— Нѣтъ, но... Гдѣ-то теперь мыкается Заяцъ?..—проговорила Варенька, выпуская пожъ и откидываясь на спинку расшатаннаго стула.

— Какія у тебя глупости на умѣ...

Варенька вдругъ точно потемнѣла и замолчала. Куваевъ попробовалъ поправиться, но ничего не вышло. Веселье отлетѣло, и оба почувствовали себя точно чужими. Варенька попробовала портеру, сморщилась и отставила стаканъ. Она поднялась изъ-за стола, прошлась по комнатѣ и остановилась передъ зеркаломъ. Изъ треснувшей по угламъ рамы зеркала на нихъ смотрѣли два такихъ недовольныхъ лица... У него въ черныхъ волосахъ уже пробивалась сѣдина, и во всей фигурѣ замѣтна была брюзгливая полнота опускавшагося семейнаго человѣка. Она была молода, но на этомъ свѣжемъ лицѣ стояла такая глухая тѣнь, и темные глаза смотрѣли куда-то неопредѣленно вдаль.

— Варенька...

— Поѣдемъ домой!..

— Ты капризничаешь...

— Домой.

— Я пошлю за Щучкой?..

— Не нужно... домой.

Она не отдавала самой себѣ отчета, что̀ такое случилось, а только чувствовала, что тамъ, въ глубинѣ, точно что̀ порвалось, и злыя, нехорошія слезы стояли въ горлѣ.

XXI.

Домой Куваевы возвращались молча, недовольные и сердитые. Собственно не было даже сказано ничего обиднаго, но въ душѣ у каждаго накипѣло слишкомъ много скрытаго и глухого недовольства, какое вырывается наружу вдругъ, по самымъ ничтожнымъ причинамъ. Ни тотъ ни другая не рѣшались заговорить первыми, чтобы не подать повода къ непріятной сценѣ.

— У насъ въ дому не ладно... — предупредительно прошипѣлъ кучеръ Егоръ, поджидавшій возвращенія господъ у воротъ.

— Что̀ такое?

— Да ужъ не знаю, какъ вамъ, баринъ, и сказать...

— Глупости какія-нибудь,—вырвалось у Куваева, и онъ сильно позвонилъ.

Отворившая дверцы горничная Устя встрѣтила господъ съ красными отъ слезъ глазами и безъ всякихъ предисловій заявила, что она больше служить не будетъ и сегодня же уходитъ, куда глаза глядятъ. Няпька Ефимовна повторила другими словами то же самое и съ нѣмымъ отчаяніемъ махнула рукой на дѣтскую.

— Они тутъ съ ума сошли всѣ!—ворчалъ Куваевъ и пошелъ, не раздѣваясь, прямо въ столовую.—Это какая-то эпидемія.

Въ дверяхъ столовой онъ остановился въ нѣмомъ изумленіи: эта комната была превращена въ дѣтскую, и весь Маляйкинъ скарбъ былъ сваленъ въ углу, какъ послѣ пожара, а самъ Маляйка спалъ на диванѣ даже не раздѣтый. Варенька догнала мужа и съ какимъ-то страхомъ прошептала:

— *Она* пріѣхала...

— Господи, да кто такой?..

— Маman пріѣхала... и сейчасъ же заняла обѣ комнаты Маляйки, прислугу разогнала, и вотъ, видишь самъ...

Варенька опустилась на стулъ и смотрѣла на мужа недоумѣвающими испуганными глазами.

— Такъ могутъ дѣлать только сумасшедшіе,—рѣшилъ Куваевъ, засте

гивая визитку.—Я не хочу дурно говорить про твою мать, но... однимъ словомъ, самое лучшее, если я сейчасъ же объяснюсь съ ней.

— Ахъ, нѣтъ, Nicolas!—взмолилась Варенька и потащила мужа въ кабинетъ.—У тебя вспыльчивый характеръ, и ты наговоришь сгоряча Богъ знаетъ что̀... Предоставь мнѣ все устроить и успокойся.

— Послушай, голубчикъ, я, конечно, тебя люблю и готовъ сдѣлать для тебя все, но врываться такъ въ чужой домъ... разогнать прислугу... перевернуть вверхъ дномъ дѣтскія комнаты.. Вѣдь это твои комнаты, и ты такъ великодушно уступила ихъ тогда Маляйкѣ.

— Не правда ли, вѣдь я хорошо тогда сдѣлала?—ласково шептала Варенька, стараясь усадить мужа въ кресло.—Да?.. Вѣдь твоя жена не злая?.. Можетъ-быть, она и сейчасъ что-нибудь придумаетъ... Притомъ *она* не велѣла принимать никого въ свои комнаты, и было бы невѣжливо врываться силой.

— Но я могу завтра же переѣхать на другую квартиру, и пусть она остается тутъ... Сегодня же переѣдемъ!.. Мой домъ—моя святыня, и никто не имѣетъ права вторгаться въ него...

Куваевъ вырвался изъ рукъ жены, сдѣлалъ нѣсколько отчаянныхъ туровъ по комнатѣ, залпомъ выпилъ два стакана холодной воды и остановился предъ женой чѣмъ-то въ родѣ знака вопроса. Варенька не спускала съ него все время глазъ и, выждавъ этотъ моментъ, заговорила тихимъ и убѣжденнымъ голосомъ:

— Вотъ ты ужъ и порешь горячку, Nicolas... Во-первыхъ, это нелѣпость мѣнять квартиру, во-вторыхъ, maman намъ не совсѣмъ чужая, и ея присутствіе не настолько оскорбляетъ святыню нашего очага, чтобы...

— Я могу только удивляться... Ты говоришь это, ты, которая всегда ее ненавидѣла, вотъ эту самую maman?!..

— Ахъ, какой ты, Nicolas... Еще разъ: нелогично и нелогично. Да... Я вѣдь не скрывала своихъ чувствъ къ матери и вотъ теперь именно поэтому не хочу быть къ ней пристрастной и брать лишній грѣхъ на душу. Я не защищаю и не оправдываю ея, а только обращаюсь къ твоему благоразумію... Пойми же наконецъ меня, Nicolas!..

Послѣдовалъ третій стаканъ холодной воды, затѣмъ отчаянные шаги по кабинету, и въ заключеніе Куваевъ утомленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Ты права, моя дорогая... И, извини за откровенность, я не ожидалъ отъ тебя такой выдержки и совсѣмъ здоровой логики.

— Благодарю за комплиментъ...

Вмѣсто отвѣта Куваевъ притянулъ жену къ себѣ и горячо расцѣловалъ ей лицо, шею, руки. Въ какомъ ужасномъ настроеніи онъ ѣхалъ домой изъ этой проклятой „Калифорніи“, потомъ этотъ неожиданный казусъ, и достаточно было нѣсколькихъ словъ этой самой Вареньки, чтобы онъ опять почувствовалъ себя счастливымъ. Вѣдь это нашествіе Макъ-Магона только смѣшно, не больше, и если бы въ его домъ ворвалась цѣлая серія такихъ Макъ-Магоновъ... Нѣтъ, онъ не ожидалъ, что его Варенька такая умненькая и справедливая. Дальше слѣдовали опять поцѣлуи, совѣщаніе осторожнымъ шопотомъ и тихій задушевный смѣхъ. „Вотъ такъ maman... Нечего сказать, точно изъ какого-нибудь французскаго водевиля выскочила!..“ Это напомнило имъ обоимъ то время, когда Макъ-Магонъ обманомъ завладѣла комнатой „бѣдной Лили“ у старушки Орловой...

— Дѣлай, какъ знаешь: я на тебя совершенно полагаюсь,—говорилъ [illegible]ный Куваевъ.—Въ самомъ дѣлѣ, не съѣстъ же она насъ...

Варенька погрозила ему пальцемъ: „Nicolas, будь паинькой!“, и на цыпочкахъ отправилась черезъ столовую къ притвореннымъ дверямъ дѣтской. Весь домъ точно замеръ, и весь порядокъ жизни нарушился разомъ. Прислуга столпилась въ кухнѣ и ожидала поступковъ отъ господъ. Молодая барыня напустила на себя большую прыть, но отъ этого всѣмъ было не легче.

Варенька сдѣлала нѣсколько туровъ кругомъ обѣденнаго стола, прежде чѣмъ рѣшилась осторожно постучаться въ дверь дѣтской. Послѣдовала тяжелая пауза, а затѣмъ изъ глубины второй комнаты послышался слабый, больной голосъ: „Войдите!..“. Вся эта комедія продѣлывалась такъ смѣшно, что Кувaевъ спряталъ голову въ подушку, чтобы не расхохотаться во все горло. Макъ-Магонъ притворилась умирающей, несчастной жертвой—этого только недоставало...

Дѣйствительно, Дарья Семеновна лежала на кровати Ефимовны, и при свѣтѣ лампадки Варенька издали замѣтила только то, что она покрыта какой-то сѣрой дохой.

— Маman, это я... Маman, я...

Кровать Ефимовны издала слабый, умирающій стонъ.

— Маman, вы больны? Вы не узнаёте меня? Это я, ваша Варенька...

— Гдѣ я?.. Кто тутъ?..

Затѣмъ послѣдовали объятія, глухія всхлипыванья, слезы и поцѣлуи, опять объятія и опять слезы.

— А я думала, что ваша прислуга меня убьетъ...—слабымъ голосомъ проговорила Дарья Семеновна, съ трудомъ облокачиваясь на подушку.—Это какіе-то разбойники!..

Варенькѣ вдругъ сдѣлалось жаль матери. Она опустилась около кровати на колѣни и принялась цѣловать у ней руки. Макъ-Магонъ совсѣмъ расчувствовалась и наконецъ сѣла на кровать.

— Конечно, ты сдѣлала величайшую глупость тогда,—говорила она прежнимъ больнымъ голосомъ,—но это не мѣшаетъ тебѣ быть прекрасной дочерью... Я это предчувствовала, а иначе, конечно, моя нога не была бы здѣсь. Нужно быть матерью, чтобы понять это всепрощающее, святое чувство...

О зятѣ Макъ-Магонъ не спрашивала, какъ о вещи не совсѣмъ приличной, но допускаемой по присущей людямъ слабости. Вѣдь три года, какъ онѣ не видались... Она, Макъ-Магонъ, имѣла большой успѣхъ на югѣ, гдѣ впечатлительная южная публика еще цѣнитъ настоящіе таланты. Да, она имѣла успѣхъ, несмотря на свои года, хотя ей и бывало очень грустно по вечерамъ. Дальше она разсказывала о Чеховѣ-Мирскомъ и Червинскомъ, о Глобѣ-Михальской и приводила цѣлый рядъ новыхъ фамилій неизвѣстныхъ Варенькѣ примадоннъ, драматическихъ любовниковъ, трагиковъ и комическихъ старухъ. Нынче плохія времена, это правда, но артисты отчаянно борются съ равнодушіемъ публики. Слушая эти пестрыя воспоминанія, Варенька съ головой уходила въ знакомый ей театральный міръ и переживала жгучее и тоскливое чувство, какъ птица, отбившаяся отъ своей стаи. А она-то какъ здѣсь скучала все это время... Конечно, послѣдняго она не сообщила матери, какъ не спросила и того, по чему она ничего не говоритъ ни одного слова о Хомутовѣ, m-me Понсонъ Мясоѣдовой и Астраханцевѣ. Спрашивать самой было неделикатно...

Пока шла эта ночная бесѣда, Кувaевъ успѣлъ заснуть въ своемъ кабинетѣ и не видалъ, когда вернулась Варенька. Рано утромъ она уже была на ногахъ и, спустившись въ кухню въ одной кофточкѣ, сдѣлала строгій выговоръ всей прислугѣ. Они должны помнить, что она мать—хозяйка въ этомъ домѣ.

— Ну что, какъ нашла *ее*?—спрашивалъ Куваевъ за утренникъ, пытливо всматриваясь въ лицо жены.

— Ничего... Больная женщина, которой некуда головы преклонить!—довольно сухо отвѣчала Варенька.

— Ты въ этомъ увѣрена, то-есть въ *ея* болѣзни?..

— Странный вопросъ... Потомъ наша прислуга такъ распущена, что способна на все.

— Это говоритъ *она* же?

— Нѣтъ, это говорю я... да. Конечно, тебѣ удивительно, что maman заняла комнаты Маляйки, но вѣдь ребенокъ можетъ помѣститься въ нижнемъ этажѣ. Тамъ есть прекрасная комната, въ которой сейчасъ живетъ Устя, а Устя можетъ перейти въ кухню. Для дѣтей даже вредно, когда ихъ балуютъ, и Богъ знаетъ, что еще ожидаетъ Маляйку впереди.

— Однимъ словомъ, ты хочешь, чтобы *она* осталась въ этихъ двухъ комнатахъ?

Произошла та размолвка, которая готова была разразиться еще вчера. Варенька со слезами на глазахъ обвиняла мужа чуть не въ людоѣдствѣ и топала ногами. Онъ пробовалъ защищаться разными, очень разумными доводами, что заставило Вареньку плакать до истерики, и дѣло кончилось тѣмъ, что Куваевъ схватилъ шапку, хлопнулъ дверью и бросился вонъ изъ дому. Такъ жить нельзя, да, и онъ спровадитъ эту театральную мамашу къ чорту на хвостъ,—извиняемся за это рѣзкое выраженіе, но взбѣшенный Куваевъ думалъ именно въ такой формѣ. Онъ проѣздилъ по дѣламъ весь день и вернулся домой только вечеромъ. За это время онъ успѣлъ одуматься, и еще небывалое чувство нѣжности проснулось въ немъ къ женѣ, когда онъ припомнилъ ея слезы. Вѣдь она не о себѣ хлопочетъ и даже не сознаетъ, что поддается чисто-органическому чувству. Та непріязнь, которая жила въ дѣвушкѣ, растворилась въ женщинѣ. Нѣтъ, у Вареньки хорошее сердце, и Куваевъ съ виноватымъ видомъ принялся цѣловать жену, которая поджидала его въ кабинетѣ.

— Еще разъ виноватъ, голубчикъ, и еще разъ: дѣлай, какъ знаешь.—говорилъ онъ, счастливый собственнымъ хорошимъ чувствомъ.

Все уже было устроено безъ него, и Маляйка съ Ефимовной перемѣстились въ нижній этажъ. Ребенокъ даже былъ радъ этой перемѣнѣ, не замѣчая, какъ охала и вздыхала старая Ефимовна. Прибѣжала впопыхахъ Паша и долго сѣтовала со старухой, качая головой.

— Чистыя язвы эти актрисы,—жаловалась она.—Вѣдь жили отлично, только Бога нужно было благодарить, а тутъ вонъ какая напасть...

— А у Николая-то Григорьича точно и глазъ не стало,—сообщала въ свою очередь Ефимовна.—Сначала-то будто какъ и поднялся на жену, ну, а потомъ и размякъ... Ручки у ней цѣлуетъ. А старуха, какъ волкъ въ берлогѣ, сидитъ и никого на глаза не пущаетъ... Горничная Устя ужъ расчетъ получила, потому что житья нѣтъ.

Паша защищала Куваева, какъ человѣка очень добраго, а если онъ поддается женѣ, такъ мужа съ женой одинъ Богъ разсудитъ. Потомъ и то сказать, не вѣкъ же старуха будетъ въ Маляйкиныхъ комнатахъ—не таковская птица. Не спроста она прилетѣла и что-нибудь держитъ на умѣ,—однимъ словомъ, язва.

А Дарья Семеновна продолжала отсиживаться въ своихъ комнатахъ и все жаловалась на свои болѣзни. Разъ пять на нее находили минуты мрачнаго отчаянія, и когда Варенька заходила ее навѣстить, узлы и чемоданъ Дарьи Семеновны оказывались упакованными по-дорожному.

— Мама, какъ вамъ не совѣстно...—жаловалась Варенька, принимаясь разбирать дорожную вязку.

— Нѣтъ, я здѣсь лишняя и не хочу никому мѣшать,—плаксивымъ голосомъ ныла Дарья Семеновна и оставалась.—Мнѣ вѣдь все равно, гдѣ ни умирать. Одинъ конецъ... По крайней мѣрѣ *онъ* не будетъ стѣсняться.

Цвѣтущій видъ Макъ-Магона меньше всего гармонировалъ съ этими загробными мыслями. Въ теченіе цѣлой недѣли, пока продолжалась эта пытка, Варенька успѣла похудѣть, но ухаживала за матерью съ терпѣніемъ монахини. Ей нравилось собственное самоотверженіе. Черезъ недѣлю Дарья Семеновна рѣшилась наконецъ выйти изъ своей засады и появилась въ столовой.

— Я на васъ не сержусь...—величественно заявила она зятю.—Но не забывайте, что это я дѣлаю только для нея, для Вареньки. Она, конечно, сдѣлала непоправимую ошибку, но это не мѣшаетъ быть ей прекрасной дочерью... Впрочемъ, я постараюсь, съ своей стороны, не обременять васъ своимъ присутствіемъ.

Макъ-Магонъ говорила, какъ королева Елизавета въ „Маріи Стюартъ“, и выходило такъ, что она казалась хозяйкой дома, а Куваевы приживальцами изъ милости.

XXII.

Черезъ двѣ недѣли у Куваева была вся прислуга новая, кромѣ одной Ефимовны, которая осталась при Маляйкѣ по усиленнымъ стараніямъ и тонкой политикѣ Паши. Эта маленькая революція объяснялась непремѣннымъ желаніемъ Дарьи Семеновны быть полезной въ домѣ. Кучеръ и кухарка оказались ужасными людьми, обкрадывавшими Куваева ровно пять лѣтъ. Горничная Устя была страшная грубіянка и не имѣла даже самыхъ элементарныхъ понятій о своихъ прямыхъ обязанностяхъ. Куваевъ дѣлалъ видъ, что это совпадаетъ съ его собственными желаніями, и, скрѣпя сердце, подчинялся. Эти непріятности выкупались удвоенной нѣжностью Вареньки, которая ухаживала за мужемъ, какъ за больнымъ.

— Мама знаетъ, что̀ дѣлаетъ,—уговаривала она Куваева.—Мы сами виноваты, что распустили прислугу... Все будетъ отлично.

— Я ничего не говорю.

За обѣдомъ Дарья Семеновна садилась въ концѣ стола и съ важностью разливала супъ, какъ настоящая матрона. Любимымъ ея удовольствіемъ было ѣздить по магазинамъ, гдѣ она прицѣнялась къ мебели, смотрѣла обои, ковры, посуду, а деньги на покупки заставляла выпрашивать у мужа Вареньку. Необходимо поставить домъ сразу, а потомъ ужъ только присматривать за готовымъ.

— Я не о себѣ хлопочу, а о васъ же,—объясняла она дочери.—Если ужъ похоронить себя въ провинціи, такъ по крайней мѣрѣ нужно умѣть жить съ комфортомъ, а не кое-какъ. Это мое правило... Притомъ мужчины въ этихъ вещахъ рѣшительно ничего не понимаютъ. Посмотри на себя, ma petite, какъ ты одѣваешься? Сидѣлка какая-то... Я не сомнѣваюсь, что ты любишь мужа, но это еще не даетъ права держать тебя въ черномъ тѣлѣ.

— Мама, я всѣмъ довольна.

— Ахъ, глупости... Развѣ ты можешь что-нибудь понимать?.. Дѣвчонка дѣвчонкой... Одними поцѣлуями вѣкъ не проживешь. Мы жертвуемъ мужчинамъ нашей молодостью, красотой, всѣмъ, а они высчитываютъ каждый грошъ... Ты ѣздила бы теперь въ собственной каретѣ, если бы слушалась матери. Да...

При случаѣ Макъ-Магонъ разобрала по косточкамъ всѣхъ знакомыхъ

Куваева и одобрила только одну m-me Курчееву. Да, это порядочная женщина и, можно сказать даже, единственная порядочная женщина въ цѣломъ Бужоемѣ. Она понимаетъ смыслъ жизни и держитъ мужа въ рукахъ, а что говорятъ о ней злые языки, такъ это общая судьба всѣхъ хорошихъ людей. Въ порывѣ усердія Дарья Семеновна первая „напесла“ визитъ Курчеевымъ и осталась довольна своимъ предпріятіемъ, потому что визитъ былъ немедленно уплаченъ, и все сошло какъ по маслу.

— Это замѣчательная женщина,—говорила Дарья Семеновна.—Вотъ у кого слѣдуетъ учиться тому, что французы называютъ savoir vivre... А какъ она одѣвается? Не подумаешь, что ей больше лѣтъ, чѣмъ мнѣ...

— Мама, ты, кажется, ошибаешься?..

— Я?.. Никогда... Повѣрь мнѣ, что это такъ. Мы еще дѣвушками участвовали съ ней въ концертахъ, и я могу знать. У меня голосъ былъ выше какъ разъ на двѣ ноты, а послѣ Лёли я его потеряла... Притомъ у меня было столько непріятностей, что не до голоса, а m-me Курчеева всегда берегла себя. Это не лишнее замѣтить тебѣ, потому что, конечно, имѣть дѣтей пріятно, но это слишкомъ дорогое удовольствіе для такихъ оборвышей, какъ вы съ Николаемъ Григорьичемъ. Я знаю, что говорю...

Съ переходомъ внизъ, положеніе Маляйки улучшилось, разъ потому, что о немъ совсѣмъ позабыли, а второе, что онъ перешелъ во дворъ. Это послѣднее было громаднымъ событіемъ въ его дѣтской жизни. Раньше его только иногда выпускали погулять подъ надзоромъ няньки, чистенькаго, вымытаго и одѣтаго, какъ куколка. Онъ чинно гулялъ по тротуарамъ съ нянькой и прижимался къ ней каждый разъ, когда попадались другія дѣти, одѣтыя гое-какъ. Теперь Маляйка сразу очутился на той свободѣ, къ которой такъ упорно стремятся дѣти. Зимой онъ скромно возился гдѣ-то въ снѣгу на заднемъ дворѣ, куда пришелъ и первый пріятель, наблюдавшій его нѣкоторое время съ крыши своей избушки. Это былъ сынъ сосѣда-сапожника, назвавшій себя Ванькой. Онъ оказался великимъ искусникомъ по части устройства катушекъ, бѣганья въ салазкахъ и особенно спеціалистомъ въ палкахъ и камняхъ. Маляйка ничего „не умѣлъ“, а Ванька обладалъ всевѣдѣніемъ.

— Ты смотри, пострѣлъ! — грозилась старая Ефимовна, когда Ванька начиналъ „дурить не порядкомъ“. — Я вѣдь и за волосья ухвачу... У меня разговоръ короткій.

Ванька очень выразительно показывалъ старухѣ языкъ и бормоталъ какія-то непонятныя слова, за которыя Ефимовна обѣщала его даже выдрать. Ванька исчезалъ на нѣсколько дней, а потомъ появлялся опять. Ефимовна „отчитывала“ его, и все шло по-старому до новой Ванькиной провинности.

Куваевъ встрѣчалъ этого пришлеца и ничего не говорилъ, — онъ самъ выросъ на улицѣ, въ средѣ поповичей и мѣщанскихъ ребятишекъ. Маляйкѣ было вредно его одиночество, сказывавшееся его разумностью не по лѣтамъ. А въ обществѣ другихъ ребятъ онъ поглупѣетъ какъ разъ настолько, чтобы избавиться отъ своей комнатной впечатлительности и ребячьей нервности. Знакомить Маляйку съ приличными дѣтьми изъ богатыхъ домовъ Куваевъ желалъ меньше всего, потому что испытывалъ органическое чувство отвращенія ко всѣмъ дрессированнымъ болванамъ. Пусть Маляйка растетъ прямо на улицѣ. Это необходимая школа, которая даетъ и закалку характера и здоровье.

— Нельзя же мальчика держать въ комнатѣ,—подтверждала Макъ-Магонъ.—Это не дѣвочка.

Однимъ словомъ, всѣ были довольны, кромѣ одной Паши, заявившей го-

рячій протестъ противъ улицы. Она сначала ворчала и жаловалась въ комнатѣ Маляйки, а потомъ поймала на улицѣ самого Куваева и заявила ему, что Елена Михайловна не позвонила бы Маляйкѣ брататься съ разными сапожниками и портновскими ребятишками.

— Что же, онъ по-твоему аристократъ какой?—удивился Куваевъ.

— Листократъ не листократъ, а Елена Михайловна никогда не позволила бы ему ровняться со всякой чернядью.

— Ты, Паша, не понимаешь, что говоришь.

— А вы, Николай Григорьичъ, напрасно принимаете на свою душу большой грѣхъ.

— Пустяки!

То же самое должна была выслушать Варенька—Паша была неумолима, когда дѣло касалось Маляйки. Но въ дѣло вступилась Дарья Семеновна, и Паша должна была ретироваться: она боялась старой актрисы, а теперь успокоилась на томъ, что во всемъ виновата именно сама старуха, разстроившая весь домъ.

Съ первымъ весеннимъ лучомъ на дворъ докторской квартиры, какъ стая воробьевъ, налетѣла всевозможная уличная дѣтвора. Дѣтскія головы показались даже на крышѣ, а деревянный чижикъ полетѣлъ прямо въ окно той комнаты, гдѣ жила Дарья Семеновна. Было донесено доктору объ этомъ важномъ происшествіи, дѣтвора притихла въ ожиданіи грозы, но докторъ только засмѣялся. Дарья Семеновна тоже взглянула очень снисходительно на разбитое стекло, и дѣтвора зашумѣла сильнѣе прежняго.

— Статочное ли это дѣло!..—ворчала неугомонная Паша.—Одно барское дитё—бѣлая кость, а другое дѣло мужичье.

Маляйка очень быстро освоился въ новой средѣ и съ первымъ синякомъ принесъ домой неприличное уличное слово, за которое, къ его удивленію, ему крѣпко досталось. Явился свой пѣтушиный задоръ и непремѣнное желаніе ниспровергать авторитеты, причемъ главнымъ страдательнымъ лицомъ являлась Ефимовна. Свѣдѣнія Маляйки сразу перешагнули за черту его дѣтской комнаты и дополнились по всѣмъ статьямъ. Въ комнатахъ на верху онъ появлялся только за обѣдомъ и завтракомъ, загорѣлый, усталый, съ такимъ завиднымъ румянцемъ. Въ шесть лѣтъ Маляйка былъ молодцомъ, такъ что Куваевъ имѣлъ полное право имъ [illegible]ться. Однажды за обѣдомъ, когда Макъ-Магонъ набила полный ротъ редиской, Маляйка неожиданно спросилъ ее:

— А мой другой папа, который умеръ, тоже былъ докторомъ?

— Нѣтъ, онъ служилъ гдѣ-то,—отвѣтилъ Куваевъ за подавившуюся Дарью Семеновну.

Маляйка посмотрѣлъ на всѣхъ своими откровенными дѣтскими глазами и неловко потупился, точно ему сдѣлалось совѣстно за чужую ложь.

— А моя другая мама была красивая...—прибавилъ онъ, продолжая какую-то невысказанную мысль.

Дарья Семеновна и Варенька переглянулись: откуда ребенокъ могъ набраться такихъ глупыхъ вопросовъ? Конечно, это натолковала ему глупая нянька или Паша... Макъ-Магонъ вообще относилась къ Маляйкѣ подозрительно и точно боялась его. Она еще въ день пріѣзда строго-настрого заказала Ефимовнѣ, чтобы Маляйка не смѣлъ называть ее бабушкой,—какая она ему бабушка? У ея дочерей, конечно, могутъ быть дѣти, но она совсѣмъ не желаетъ для этихъ дѣтей превращаться въ старуху. Эта комедія забавляла Куваева, но съ своей стороны онъ даже былъ радъ такимъ отношеніямъ Макъ-Магона. Было бы хуже, если бы въ ней вдругъ проявились горячія ро-

ственныя чувства, а теперь она очень разумно устроилась. Куваевъ боялся, что Маляйка сдѣлается невольнымъ слушателемъ разныхъ театральныхъ разговоровъ и въ немъ можетъ проснуться „театральная кровь", какъ говорила Паша, когда сердилась на своего воспитанника. Что угодно—только не театръ. Лучше быть сапожникомъ, простымъ рабочимъ, но не актеромъ. Умирающая мать была права тысячу разъ.

Разные откровенные вопросы Маляйки вообще покоробили большихъ, и его не стали показывать гостямъ, какъ это продѣлывалось раньше. Макъ-Магонъ рѣшила, что Маляйка вступилъ въ свой „неблагодарный возрастъ", и его слѣдуетъ удалить даже отъ обѣдовъ и завтраковъ, какъ это дѣлаютъ за границей. А потомъ отдать куда-нибудь въ закрытое заведеніе или въ пансіонъ — и дѣлу конецъ. Что же еще можно сдѣлать для него, если родные отцы и матери находятъ это самой лучшей системой воспитанія.

— Это мы увидимъ, — уклончиво соглашался Куваевъ.

Присутствіе Макъ-Магона, кромѣ Маляйки, очень выгодно отразилось и на Варенькѣ. Она сдѣлалась ровнѣе и спокойнѣе. Не было тѣхъ минутъ апатіи и скуки, которыя появились въ послѣднее время. Потомъ исчезъ г. Сальниковъ, потому что онъ не понравился Дарьѣ Семеновнѣ, а она владѣла секретомъ выживать людей. Вообще, ея пребываніе у Куваева ничего страшнаго не представляло, какъ могло показаться съ перваго раза. Она успокоилась на даровомъ существованіи — ѣла за двоихъ, спала послѣ обѣда и для развлеченія придумывала разныя необыкновенныя болѣзни. По какимъ-то расчетамъ или по присущему женщинамъ такту, она никогда не говорила о театрѣ, по крайней мѣрѣ такъ было въ присутствіи Куваева.

— Я вѣдь у васъ не разживусь, — говорила Дарья Семеновна въ накатывавшіяся на нее минуты меланхоліи.

Куваевъ про себя смѣялся надъ этой комедіей, но иногда къ нему въ голову заползала предательская мысль: а что если бы Дарья Семеновна взяла да вдругъ и умерла?.. Право, это было бы недурно, хотя желать смерти кому-нибудь вообще плохая логика. А съ другой стороны Дарья Семеновна сразу поняла въ Куваевѣ мѣщанскую жилку и по-своему сумѣла воспользоваться слабымъ пунктомъ. Она умѣла угадать каждое желаніе своего зятя и предупреждала его во всѣхъ мелочахъ, не теряя собственной самостоятельности. Это была тонкая и ловкая игра, которая понималась безъ словъ. Комнаты были передѣланы заново, мебель реставрирована; появились вязаныя салфеточки, коврики, какія-то подкладочки и вообще тѣ мелочи, на которыя такъ изобрѣтателенъ женскій умъ. Прислуга ходила по пяточкѣ, посуда блестѣла, какъ сейчасъ изъ магазина, Варенька была одѣта по картинкѣ, а расходы оставались тѣ же, кромѣ передержекъ на первое обзаведеніе.

— Вы святая женщина, Дарья Семеновна, — умилялся Щучка, попивая послѣ обѣда свой любимый ликеръ. — Раньше у нихъ нельзя было остаться обѣдать, а теперь даже ликеръ

— Да вѣдь ваша жена святая женщина? — смѣялся Куваевъ.

— Что же, двѣ святыхъ женщины не помѣшаютъ одна другой, хотя одинъ раскаявшійся грѣшникъ и пріятнѣе Господу десяти никогда не грѣшившихъ праведниковъ.

М-ме Курчеева была того же мнѣнія и даже презентовала Дарьѣ Семеновнѣ какую-то подушечку собственной работы. Правда, эту подушечку рѣшительно нельзя было пристроить никуда — ни на диванъ, ни подъ ноги, ни на кровать, но это ужъ недостатокъ всѣхъ подарковъ отъ чистаго сердца.

— Жаль, что мнѣ не придется здѣсь остаться надолго, — говорила

Дарья Семеновна своимъ поклонникамъ и томно закрывала глаза. — У всякаго свои обязанности...

Проницательный Щучка, подмигивая, однажды сказалъ Куваеву:

— Конечно, Дарья Семеновна прекрасная женщина, но у ней что-то вышло съ Хомутовымъ... Если бы мнѣ навязалась такая теща, я отравилъ бы ее какимъ-нибудь растительнымъ ядомъ.

XXIII.

Прошло цѣлыхъ два года, а Макъ-Магонъ все еще жила у Куваевыхъ „пока“. Нѣсколько разъ въ годъ она собиралась уѣзжать, складывала свои вещи и оставалась, потому что съ ней дѣлался какой-нибудь необыкновенный припадокъ — головокруженіе, тошнота, невралгія, мигрень и т. д. Эти сборы совпадали съ тѣми моментами весной и осенью, когда гг. артисты тянули со всѣхъ сторонъ въ излюбленные сборные пункты, и Макъ-Магонъ страдала серьезно: ее такъ и подмывало бросить все и улетѣть, если бы не ея таинственныя болѣзни. Варенька въ эти моменты ухаживала за матерью съ особенной нѣжностью, и материнское сердце уступало.

— Остаюсь для тебя только... — говорила Дарья Семеновна каждый разъ дочери и глубоко вѣрила собственнымъ словамъ.

На третій годъ осенью она, дѣйствительно, заболѣла и пролежала въ постели недѣли три. Она слишкомъ долго зажилась на одномъ мѣстѣ, и ее тянуло къ подвигамъ сезонныхъ кочевокъ. Когда Макъ-Магонъ уже начала поправляться, но еще не выходила изъ своей комнаты, разъ утромъ Варенька ворвалась къ ней съ крикомъ:

— Мама, онъ здѣсь... онъ!..

— Кто онъ?.. Ахъ, какъ ты испугала...

— Да Хомутовъ... Платонъ Ильичъ Хомутовъ!..

— Гдѣ же онъ?.. Съ труппой?..

— Нѣтъ, пока одинъ, и сейчасъ сидитъ въ столовой... Мама, какой онъ несчастный: обтрепался, похудѣлъ. Мнѣ его до слезъ жаль...

Въ порывѣ радости Варенька бросилась душить мать поцѣлуями и все повторяла:

— Я приведу его къ тебѣ, мама... Онъ такой измученный, мама!

— Нѣтъ, лучше я сама выйду въ столовую... Помоги мнѣ одѣться.

— Ахъ, мама, какъ я рада!.. Горничная отворитъ дверь, я выхожу въ пріемную и не узнаю его... Точно другой человѣкъ и смотритъ такъ... особенно смотритъ, точно боится.

Въ столовой, дѣйствительно, сидѣлъ самъ Хомутовъ въ обтрепанныхъ брюкахъ и выцвѣтшей визиткѣ съ чужого плеча. Рукава были коротки и не прикрывали засаленныхъ манжетъ. Давно нечищенные сапоги, небритое лицо, обросшее сѣрой щетиной, обрюзгшія щеки и вообще весь угнетенный видъ говорилъ о плохихъ временахъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ голову, и раздумывалъ невеселыя думы. Приближавшіеся шаги заставили его подняться и галантно раскланяться съ Дарьей Семеновной, у которой онъ поцѣловалъ ручку.

— Не ожидали? — грустно проговорилъ онъ.

— Вы одни, Платонъ Ильичъ?

— Да, одинъ...

Макъ-Магонъ пытливо оглядѣла стараго театральнаго волка, прищурилась и повѣрила: печальная истина была слишкомъ очевидна. Явился кофе, коньякъ, водка, любимый Хомутовымъ балыкъ и сигары. Послѣ трехъ, выпи-

тыхъ съ короткими промежутками, рюмокъ онъ замѣтно оживился, и на желтыхъ щекахъ проступилъ пьяный румянецъ.

— Мнѣ кажется, что я пріѣхалъ домой, — съ чувствомъ говорилъ онъ, позволяя дамамъ ухаживать за собой. — Да... Женское сердце — святыня, которой мы не умѣемъ цѣнить.

— Я помню, вы любили яичницу съ ветчиной?..

— Да, да... Женщина—это...

— И ликеръ?..

— Да...

Тронутый этимъ родственнымъ вниманіемъ, Хомутовъ фамильярно взялъ Вареньку за подбородокъ, посмотрѣлъ въ глаза и, потрепавъ по заалѣвшейся щекѣ, поцѣловалъ въ голову. У ней навернулись даже слезы отъ охватившаго ее чувства жалости къ старику. Обласканный и накормленный Хомутовъ сдѣлался прежнимъ Хомутовымъ. Общій разговоръ полился рѣкой, и разбитной антрепренеръ отвѣчалъ на перекрестный огонь сыпавшихся на него вопросовъ съ своимъ обычнымъ остроумiемъ и находчивостью. Варенька хохотала до слезъ и все заглядывала въ ротъ Хомутову, въ эту удивительную машинку, откуда сыпались остроты, каламбуры и такіе забавные анекдоты. Перебрали въ теченіе двухъ часовъ десятки знакомыхъ именъ и фамилій, разбросанныхъ по всей Россіи. Хомутовъ за эти года успѣлъ исколесить свое отечество по всѣмъ направленіямъ и вездѣ съ одинаковымъ неуспѣхомъ, постоянно превращаясь изъ антрепренера въ простого актера, потомъ въ кочующаго артиста, пока не кончилъ бродяжничествомъ. Оставалось показывать ученыхъ собачекъ, завести кабинетъ восковыхъ фигуръ или панораму, но онъ еще не дошелъ до этой послѣдней степени униженія.

Когда вернулся Куваевъ, онъ засталъ въ столовой самую оживленную бесѣду, и Варенька бросилась къ нему на шею, счастливая своей ролью гостепріимной хозяйки. Хомутовъ тоже заключилъ доктора въ свои объятія и, по русскому обычаю, облобызалъ троекратно.

— Вотъ неожиданно-то... — бормоталъ Куваевъ, стараясь не замѣчать хомутовскаго костюма. — Какъ это вы, Платонъ Ильичъ, попали опять въ наши края?..

— Я какъ вѣчный жидъ, докторъ. И какъ видите: гонимъ судьбой и погибаю въ непосильной борьбѣ съ равнодушіемъ публики. Но не все еще погибло, милый докторъ, и я еще никогда не былъ такъ богатъ, какъ теперь... надеждами. Мы возьмемъ публику прямо за рога.

— Оставайтесь съ нами обѣдать? — предлагалъ Куваевъ.

— Я уже пригласила Платона Ильича... — отвѣтила Варенька. — Я сегодня даже видѣла необыкновенный сонъ, точно знала, что случится что-то особенное.

Пока накрывали на столъ, всѣ перешли въ кабинетъ, и Хомутовъ здѣсь еще разъ разсказалъ о своихъ странствованіяхъ, какъ явившійся въ Итаку новый Одиссей. Куваевъ смотрѣлъ на его голову, покрытую сильной просѣдью, и въ душѣ пожалѣлъ бѣднягу, забывая прошлыя антрепренерскія прегрѣшенія Хомутова.

— Нѣтъ у насъ публики — вотъ вся бѣда,—ораторствовалъ Хомутовъ, разваливаясь на кушеткѣ.—Да, нѣтъ... Антрепренеры лопаются, какъ мыльные пузыри, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

— Неужели ужъ нѣтъ никакого спасенія?..

— Посмотрите на меня и ощупайте мои раны... Да, все кончено. Искусство пало... Я говорю о сценѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть о комедіяхъ, дра-

махъ и классическихъ пьесахъ. Публика пойдетъ въ театръ и требуетъ феерій и оперетку. И вездѣ одно и то же: нужны костюмы, декораціи, обстановка, а не искусство. Драматическія актрисы должны зарабатывать свои костюмы предосудительнымъ путемъ, если не хотятъ показаться смѣшными... Я не говорю ужъ объ остальной несчастной мелкотѣ, которая пропадаетъ съ голода. Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы при такихъ условіяхъ талантливый человѣкъ осудилъ себя на голодную смерть.

За обѣдомъ шли тѣ же разговоры, и Хомутовъ запивалъ пріятную бесѣду краснымъ виномъ. Онъ давненько уже такъ не обѣдалъ и чувствовалъ себя прекрасно. Лицо раскраснѣлось, глаза подернулись влагой, явилась та неопредѣленно-ласковая улыбка, которую въ былыя, болѣе счастливыя времена каждая изъ окружающихъ Хомутова женщинъ перетолковывала въ свою личную пользу. Макъ-Магонъ наблюдала гостя недовѣрчивыми глазами и начинала морщиться. О, она знала слишкомъ хорошо эту старую лисицу, сосавшую кровь изъ артистовъ... Теперь, конечно, онъ жалокъ, но не даромъ же онъ притащился въ Бужоемъ. Можетъ-быть, къ этому примѣшивались воспоминанія болѣе интимнаго характера, что случается съ самыми почтенными женщинами, но мы не будемъ копаться въ тайнахъ Макъ-Магона. Теперь она больше всего была занята впечатлѣніемъ, какое Хомутовъ произвелъ на Вареньку, не имѣвшую силъ оторвать глазъ отъ краснобая. А Куваевъ, какъ всѣ мужья, не обращалъ на жену никакого вниманія, что было очень глупо.

— Для меня составляетъ неразрѣшимую загадку жизнь русскихъ актеровъ,—говорилъ Куваевъ, раскуривая сигару послѣ обѣда. — Если ужъ такъ скверно имъ живется, то что же въ такомъ случаѣ заставляетъ ихъ выбирать именно эту профессію, когда есть сотни другихъ? Я особенно въ этомъ случаѣ удивляюсь женщинамъ...

Хомутовъ провелъ рукой по своимъ порѣдѣвшимъ волосамъ, улыбнулся и, не спуская глазъ съ Вареньки, отвѣтилъ:

— Вѣдь есть много въ природѣ необъяснимыхъ вещей... Стоитъ разъ попасть на извѣстную дорогу, а тамъ уже не скоро выбьешься. Наконецъ есть то, что я называю кровь... Тянетъ человѣка. Кажется, и тепло ему, и свѣтло, и уютно, а на голодъ и холодъ рвется. Жизнь создаетъ артистовъ по такимъ же темнымъ и неизвѣстнымъ законамъ, какъ ежегодно даетъ процентъ самоубійствъ, браковъ и писемъ, опущенныхъ въ почтовый ящикъ безъ адреса.

— И все-таки непонятно!

— Да, потому что нужно влѣзть въ нашу театральную кожу.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Маляйки, который явился прямо съ улицы, голодный и усталый. Замѣтивъ незнакомаго гостя, онъ хотѣлъ-было ретироваться, но Хомутовъ уже поймалъ его и, усадивъ на колѣни, спрашивалъ:

— Это вашъ сынъ, Варвара Михайловна?

— Вы забыли про того ребенка, который остался послѣ Елены Михайловны? — отвѣтилъ докторъ, дѣлая глазами предупредительные знаки.

— Ахъ, да... Какъ же, отлично помню! — обрадовался Хомутовъ и даже ущипналъ Маляйку, какъ цыганъ лошадь. — Такъ вотъ онъ какой... Будетъ прекрасный артистъ. Есть кровь...

Куваевъ сморщился и выпроводилъ Маляйку въ комнаты подъ первымъ предлогомъ, попавшимся на языкъ. Варенька смущенно перебирала [illegible] Макъ-Магонъ отвернулась къ окну и сдѣлала видъ, что прислушивается къ вентилятору. Одинъ Хомутовъ ничего не за-

мѣчалъ и маленькими глотками прихлебывалъ изъ своей чашки густой черный кофе, который былъ приготовленъ по его вкусу.

— Мнѣ еще нужно переговорить съ вами, докторъ, — вспомнилъ онъ, ударяя по лбу. — Pardon, mesdames, это мой секретъ...

Онъ подхватилъ Куваева подъ руку и увелъ въ кабинетъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, милый докторъ, — заговорилъ Хомутовъ, фамильярно притягивая къ себѣ Куваева за пуговицу визитки. — Я сюда пріѣхалъ не одинъ, а съ одной дамой, которую вы знавали прежде... Она очень нуждается въ вашей помощи, какъ врача.

— Александра Петровна? Такъ, кажется, имя m-me Мясоѣдовой?

— Ахъ, это совсѣмъ не то... Однимъ словомъ, пріѣдете и увидите, а чтобы вы не забыли, я оставляю фамилію дамы въ секретѣ. Вы не подумайте обо мнѣ что-нибудь дурное: мое золотое время укатилось, и я теперь могу около женщины быть только сидѣлкой. Да, вамъ нуженъ адресъ: квартира старухи Орловой, гдѣ вы, кажется, бывали. Это въ Театральной улицѣ...

— Знаю, знаю...

— Долженъ предупредить, что моя дама умираетъ, и я васъ приглашаю только для нѣкоторой надежды, съ которой все-таки лучше умереть.

Когда Хомутовъ ушелъ, въ квартирѣ Куваева водворилась тяжелая пустота. Общее оживленіе быстро смѣнилось усталымъ чувствомъ. Варенька заявила, что у нея болитъ голова, и легла спать раньше обыкновеннаго. Макъ-Магонъ прокралась въ кабинетъ Куваева и знаками пригласила его въ свою комнату. Притворивъ за собой осторожно дверь, она спросила:

— Что за секретъ у Хомутова?

— Я не имѣю права выдавать чужія тайны, особенно тѣ, которыхъ и самъ не знаю...

— Ну, это все равно... Я не любопытна. Варенька спитъ?

— Кажется...

Макъ-Магонъ усадила зятя на стулъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ и, подбирая слова, проговорила:

— Я должна, Николай Григорьичъ, предупредить васъ...

— Именно?..

— Вы ничего не замѣтили за Варенькой?..

— Рѣшительно ничего...

— Такъ я вамъ скажу прямо: берегитесь Хомутова. Онъ не даромъ явился сюда... О, я слишкомъ хорошо его знаю.

— Что же онъ можетъ сдѣлать?.. Самое большое, онъ могъ бы сманить жену въ свою труппу, но онъ одинъ... Остается ревновать его, но, позвольте, это было бы смѣшно. Если Варенька приняла его такъ радушно, то это простая обязанность всякой хозяйки...

— Какъ знаете... Можетъ-быть, вамъ лучше знать, но я сочла своимъ долгомъ предупредить васъ.

Это было наконецъ смѣшно, и Куваевъ просто расхохотался, особенно, когда припомнилъ намеки Щучки о какой-то темной исторіи Макъ-Магона, выкинувшей ее изъ хомутовской труппы. Очевидно, она не могла скрыть застарѣлой обиды и хотѣла отплатить Хомутову заднимъ числомъ.

XXIV.

Театральная улица находилась все въ томъ же положеніи, какъ и шесть лѣтъ назадъ — ее все упраздняли и никакъ не могли упразднить. Дома разваливались, заборы не поправлялись, тротуары имѣли невѣроятный видъ какихъ-то

волчьихъ ямъ, а городъ все не могъ рѣшиться на окончательное упраздненіе, какъ это бываетъ и не въ провинціальныхъ городахъ. Домъ, въ которомъ жила старуха Орлова, имѣлъ прежній жалкій видъ, а ворота не затворялись совсѣмъ — одна половинка висѣла, какъ подстрѣленное крыло птицы, а другую унесло вѣтромъ. Во дворѣ кучи сору выросли, каменная лѣсенка въ нижній этажъ разъѣхалась по ступенькамъ, въ сѣняхъ стоялъ подвальный промозглый воздухъ. Куваевъ пріѣхалъ пораньше утромъ и, проходя по двору, думалъ, что онъ напрасно до сихъ поръ ни разу не навѣстилъ старушку Орлову. Ни разу даже не вспомнилъ старую примадонну, а она живетъ да живетъ себѣ, какъ мышь. Нѣтъ, нехорошо, слѣдовало провѣдывать старушку время отъ времени и чѣмъ-нибудь помогать. Конечно, виновата Варенька, что не напомнила ему.

Въ передней такъ же было темно. Куваевъ постучалъ прямо въ дверь Агаѳьи Петровны. Въ сосѣдней комнатѣ послышался глухой, чахоточный кашель.

— Не сюда, рядомъ... — отвѣтилъ голосъ Агаѳьи Петровны.

— Нѣтъ, я къ вамъ, Агаѳья Петровна.

Въ дверяхъ показалось наконецъ удивленное и сердитое лицо старушки, еще болѣе сморщенное и похудѣвшее до костей. Кому ее нужно?.. Ее всѣ забыли, и по цѣлымъ годамъ живой человѣкъ не заглядывалъ въ ея конуру.

— Хомутовъ рядомъ, — проговорила она, равнодушно моргая слезившимися глазами.

— Вы меня не узнаёте: докторъ Куваевъ.

— Я, слава Богу, здорова... Впрочемъ, пожалуйте.

Старушка петвердой походкой едва дошла отъ двери до своей кровати, заваленной какимъ-то тряпьемъ. Въ комнатѣ было совсѣмъ пусто, а необыкновенное старинное трюмо напоминало надгробный памятникъ. Куваевъ долго искалъ глазами на что сѣсть.

— Что вамъ угодно, господинъ докторъ? — спрашивала старушка, обдергивая свое необыкновенно ветхое ситцевое платье.

— Просто заѣхалъ навѣстить васъ, Агаѳья Петровна... Когда-то мы были знакомы. Помните, когда жила у васъ Дарья Семеновна?

— Макъ-Магонъ?.. Помню, помню, какъ же, у ней дочь еще сбѣжала за доктора.

— Вотъ я и есть тотъ самый докторъ.

Это открытіе на мгновеніе оживило старушку, и она съ болѣзненной пристальностью посмотрѣла на своего гостя, но сейчасъ же потеряла нить разговора и проговорила прежнимъ равнодушнымъ тономъ:

— Мнѣ ничего не нужно... А Хомутовъ рядомъ.

Скрипнула дверь, и на порогѣ показалась длинная и худая женщина, кутавшаяся въ шубу. Она пригласила Куваева знакомъ слѣдовать за собой и глухо закашлялась. Куваевъ въ первую минуту не узналъ ея и съ упавшимъ сердцемъ пошелъ черезъ переднюю въ знакомую комнату, гдѣ жила когда-то Варенька. Незнакомка встрѣтила его въ дверяхъ и, протянувъ холодную потную руку, проговорила съ больной улыбкой:

— Вы меня тоже, вѣроятно, не узнасте... Платонъ Ильичъ былъ такъ добръ, что затащилъ дарового театральнаго доктора.

Это была „водевильная штучка“ Заяцъ,—она похудѣла, сдѣлалась выше и смотрѣла лихорадочно горѣвшими, округлившимися глазами. На щекахъ неровными пятнами выступалъ послѣдній румянецъ. Куваевъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

— Это называется неожиданной встрѣчей старыхъ знакомыхъ...—пошутилъ Заяцъ съ прежней больной улыбкой.—Платонъ Ильичъ, вѣроятно, устроилъ incognito?.. И вы не ожидали встрѣтить именно меня, а кого-нибудь другого.

— Да...

Комната была въ прежнемъ ооздранномъ видѣ: та же зеленая ширмочка, закрывавшая кровать, и тотъ же громадный, просиженный диванъ. Тощій чемоданъ валялся на полу.

— А вы постарѣли и измѣнились не къ лучшему,—говорилъ Заяцъ, усаживаясь на диванъ, гдѣ лежала подушка. — Вонъ и сѣдые волосы...

— Да, дѣло идетъ не къ молодости... Извините, я не помню, какъ васъ зовутъ?

— Очень немудрено: по имени меня и не звали... Просто зовите Зайцемъ, какъ раньше. Впрочемъ, если ужъ непремѣнно желаете, то мое имя Ольга Васильевна... Дорогой я немного простудилась и теперь кашляю, какъ овца. Впрочемъ, это со мной бываетъ... Вы не видали сегодня Платона Ильича? Онъ убѣжалъ рано утромъ, когда я еще спала.. Охъ, наши дѣла плохи, докторъ!.. Такъ еще никогда не бывало...

— Я догадываюсь, но вы не старайтесь меня занимать, Ольга Васильевна.

Заяцъ засмѣялся: се называютъ Ольгой Васильевной, чего никогда не бывало. Это, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно, если бы не проклятый кашель, который даже не даетъ смѣяться.

— А я сегодня провела такую скверную ночь, докторъ,—жаловалась она въ слѣдующую минуту, пряча руки въ рукавъ шубы. — И конца ей не было, а Платонъ Ильичъ такъ крѣпко спалъ... Въ его года онъ пользуется завиднымъ здоровьемъ. А вамъ Макъ-Магонъ развѣ ничего не говорилъ?

— Именно?

Заяцъ закашлялся до того, что на лбу выступили капли холоднаго пота. Куваевъ смотрѣлъ на оборку стараго шерстянаго платья, выставлявшагося изъ-подъ шубы, и на носки худыхъ ботинокъ. Бѣдному Зайцу оставалось очень недолго жить — съ первымъ холодкомъ нить заячьей жизни должна порваться. Настоящая гнилая обстановка добьетъ ее раньше времени. Сердце Куваева опять сжалось отъ охватившаго его предчувствія витавшей въ воздухѣ смерти. Спасенія нѣтъ, и самое лучшее утѣшиться тѣми надеждами, которыя посылаетъ умирающимъ въ насмѣшку роковая судьба.

— Она теперь у васъ поселилась?—спрашивалъ Заяцъ, напрасно стараясь устроиться на диванѣ поудобнѣе.

— Да... Вы ложитесь на диванъ, не стѣсняйтесь.

Онъ даже поправилъ ей подушку и прикрылъ расходившіяся полы старой шубки, крытой порыжѣвшимъ атласомъ. Заячьи зубы выколачивали лихорадочную дробь.

— Благодарю...—прошептала она слабымъ голосомъ, закрывая глаза отъ усталости.—Меня лихорадитъ съ проклятой дороги... Да, такъ я заговорила о Макъ-Магонѣ. Представьте... у Платона Ильича дѣла начали поправляться года два назадъ, но Мясоѣдиха захватила его деньги и бѣжала съ Астраханцевымъ. Тутъ, кажется, замѣшалась наша женская ревность... Вѣдь я уже три года, какъ шатаюсь по театрамъ съ нимъ вмѣстѣ. Тогда Макъ-Магонъ бросила все и уѣхала къ вамъ... Это былъ для нея послѣдній ударъ, вмѣстѣ съ Лили. Онѣ вмѣстѣ содержали Астраханцева...

— Говоря правду, право, для меня все это не интересно, Ольга Васильевна... Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ.

— Отлично... На меня, докторъ, иногда нападаетъ страхъ. Я даже не понимаю, что со мной дѣлается. Раньше этого никогда не бывало... Вѣдь я такая дурная женщина, жизнь ушла на глупости, а впереди голодная старость. Родные давно отказались отъ меня, и остался одинъ Платонъ Ильичъ, пока у него ничего нѣтъ... Знаете, какъ иногда мнѣ хочется молиться, хочется, а я не могу. Точно какой камень лежитъ на душѣ... и страшно, страшно...

Какъ Куваевъ ни старался, онъ не могъ остановить этой больной болтовни. Заяцъ съ перерывами разсказывалъ о своихъ неудачахъ, вѣчномъ кочеваніи изъ города въ городъ и новыхъ неудачахъ. Вѣдь это ужасная жизнь, особенно когда тысячи людей пользуются у васъ на глазахъ всѣми благами—сыты, одѣты, спокойны и могутъ не заботиться о завтрашнемъ днѣ.

— Что же это я болтаю разные пустяки и ничего не спрошу о Варенькѣ?—спохватилась она.—Ну, что она?.. Мать семейства?.. А, какъ я ей завидую... Пополнѣла и разыгрываетъ grande-dame?.. По вашему лицу вижу, что вы не можете пожаловаться на нее... Я тоже не жалуюсь: Платонъ Ильичъ, онъ добръ и ухаживаетъ за мной. Но, странная вещь, я боюсь удачи и успѣха въ его предпріятіяхъ; первый солнечный лучъ, и онъ броситъ меня, какъ бросалъ другихъ женщинъ. Есть такіе особенные люди, которые хороши только въ несчастіи... Да, я не обманываю себя, но иногда нападаетъ такая тоска, такая тоска...

Нѣсколько разъ Куваевъ старался навести разговоръ на тему о причинахъ неожиданнаго появленія Хомутова въ Бужоемъ, но Заяцъ очень ловко обходилъ щекотливый вопросъ и начиналъ говорить о чемъ-нибудь другомъ. Можно было понять одно, что она сама ничего не знаетъ, какъ и рѣшилъ про себя Куваевъ.

— Такъ вы не будете меня забывать?—говорила она, когда Куваевъ взялся за шляпу.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же. Въ слѣдующій разъ мы пріѣдемъ съ женой.

— Она не поѣдетъ!.. А вы этого не знали?.. Вотъ Агаѳья Петровна одна осталась—намъ вмѣстѣ умирать въ этой дырѣ.

Домой Куваевъ вернулся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого визита и всю дорогу думалъ, какъ помочь больной. Будь она одна, тогда ничего не было бы проще, но тутъ ввязался Хомутовъ, и этимъ однимъ дѣло усложнилось въ достаточной степени. Если помочь имъ деньгами, то все равно эти деньги уйдутъ на сигары и вино, а можетъ-быть, на что-нибудь худшее. Перевести на другую квартиру,—но съ какой стати навязывать себѣ на шею этого Хомутова, который, вдобавокъ, явился сюда съ какими-то таинственными цѣлями. Оставалось посовѣтоваться съ Варенькой: женскій умъ въ такихъ случаяхъ находчивѣе и практичнѣе.

Дома Куваевъ засталъ Хомутова, который сейчасъ же началъ прощаться. По лицу жены Куваевъ замѣтилъ, что у нихъ происходилъ какой-то интимный разговоръ. Она сидѣла за роялемъ съ раскрытыми нотами, и Хомутовъ утащилъ съ собой какой-то сверточекъ, тоже, должно-быть, съ нотами. Очень странное времяпрепровожденіе для человѣка, у котораго на рукахъ умирающая женщина. Но Куваевъ не обратилъ вниманія на эти пустяки и принялся горячо разсказывать, что онъ видѣлъ сейчасъ. Положеніе, во всякомъ случаѣ, ужасное, и нужно что-нибудь придумать.

— Завтра ты сама увидишь все...—говорилъ онъ, размахивая руками.—Это ужасно—умирать въ такой обстановкѣ!..

— Я не поѣду,—сухо отозвалась Варенька, перебирая ноты.

— Это почему?

— А такъ... Тебѣ нравится и ѣзди, я не запрещаю.

Заяцъ оказался правъ: Варенька упорлась и не сдалась ни на какія увѣщанія. Это упрямство возмутило Куваева, и онъ наговорилъ женѣ непріятныхъ вещей. Она не осталась въ долгу и прямо сослалась на прежнія закулисныя похожденія Куваева.

— Да вѣдь тебѣ самой смѣшно повторять подобныя глупости!—кричалъ онъ, взбѣшенный несправедливымъ обвиненіемъ.—Конечно, я не святой человѣкъ, но вѣдь ты лучше моего знаешь исторію съ Щучкой...

— А раньше, когда играла здѣсь сестра?

— И раньше то же самое...

— Однимъ словомъ, я тебя не стѣсняю, а меня прошу оставить въ покоѣ. Порядочныя женщины не должны знаться съ разной театральной сволочью...

Въ пылу раздраженія Варенька не стѣснялась выражаться очень рѣзко, и это образумило Куваева. Онъ заговорилъ о позабытой всѣми старухѣ Орловой, объ ужасной обстановкѣ, въ которой она жила, вообще о печальной участи артистовъ, вышвырнутыхъ обстоятельствами за бортъ. Но Варенька оставалась глуха и съ нахмуреннымъ лицомъ думала что-то свое.

— Ты, однако, находишь возможнымъ ухаживать за Хомутовымъ, который пустилъ по міру не одну трупну,—обратился Куваевъ къ послѣднему средству.—Это человѣкъ, котораго мало повѣсить...

— Что это, ревность?..

— Да, если ты находишь возможнымъ ревновать меня къ Зайцу...

— Ахъ, оставьте меня, ради Бога!..

Такъ Куваевъ и не добился нечего. Безсердечіе Вареньки его огорчило серьезно. Онъ сознавалъ въ самомъ себѣ извѣстное мѣщанство, это тяготѣніе къ безбѣдному существованію и комфорту, но вѣдь не пойдетъ кусокъ въ горло, когда передъ глазами разыгрываются такія драмы, какую онъ видѣлъ сегодня.

Макъ-Магонъ тоже чувствовала себя скверно и заперлась въ своихъ комнатахъ, ссылаясь на какую-то новую болѣзнь. Разстроенный Куваевъ не поѣхалъ даже на практику и вечеромъ отправился въ клубъ, гдѣ бывалъ вообще очень рѣдко. Ему было тяжело дома.

XXV.

Желая выдержать характеръ и показать женѣ, что онъ стоитъ выше мелкихъ пересудовъ и дрязгъ, Куваевъ сталъ бывать у Зайца каждый день. Онъ чувствовалъ, что дѣлаетъ хорошее дѣло, и являлся въ квартиру Орловой въ своемъ обыкновенномъ веселомъ настроеніи.

— Какъ вы меня находите?—встрѣчала его однимъ и тѣмъ же вопросомъ талвшая „водевильная штучка“.

— Ничего, мы еще поживемъ съ вами...

Она улыбалась и шутила. Обыкновенно Куваевъ привозилъ съ собой всего, что только могъ пожелать Заяцъ—варенья, пирожнаго, сыру, легкаго вина, конфетъ, колбасы. Сначала она стѣснялась этими подарками, а потомъ начала ихъ требовать и капризничала, когда докторъ чѣмъ-нибудь не могъ угодить ей. Въ этой умиравшей женщинѣ сохранился еще запасъ дѣтской ласки и неумиравшей веселости. Она и плакала, и смѣялась, и дурачилась, не обращая вниманія на свою развивавшуюся болѣзнь.

— Я о васъ часто думаю, докторъ, какъ о братѣ...—говорилъ Заяцъ въ серьезную минуту.—И мнѣ бываетъ такъ хорошо... Другія отношенія вносятъ какое-то непріятное и требовательное чувство, а здѣсь такъ просто все и хорошо.

— У васъ были братья?

— Называйте меня Олей, какъ это было въ дѣтствѣ. Нѣтъ, братъ у меня убитъ въ послѣднюю турецкую войну гдѣ-то при переправѣ черезъ Дунай, а сестеръ много. Такія надутыя и чопорныя барыни... Просто смѣшно на нихъ смотрѣть! Отецъ—помѣщикъ, когда-то былъ богатъ, но проѣлся и теперь похоронилъ себя заживо въ деревнѣ... Я вѣдь въ институтѣ воспитывалась.

Изъ этой неумолкавшей болтовни Куваевъ узналъ все прошлое Зайца. У нихъ была богатая семья, и, когда она вышла изъ института, домъ поставленъ былъ на широкую ногу. Братъ пріѣзжалъ домой въ отпускъ разъ въ годъ недѣли на двѣ и привозилъ съ собой товарища, который ее и погубилъ. Это былъ дряпной человѣкъ, но она не открыла его имени даже тогда, когда первая беременность покрыла позоромъ всю семью. Ее выгнали изъ дому, ребенокъ умеръ, и она очутилась на сценѣ. Въ Москвѣ въ первый разъ она познакомилась съ Хомутовымъ и больше не разставалась съ нимъ. Онъ эксплоатировалъ ее, какъ и всѣхъ остальныхъ, но въ немъ было умѣнье угадать человѣка, мельчайшія его особенности. Потихоньку отъ Мясоѣдовой онъ всегда находилъ время шепнуть ей ласковое словечко, а при случаѣ защищалъ горой. Въ одномъ южномъ городѣ у ней вышла непріятная исторія съ какимъ-то офицеромъ, и Хомутовъ дрался за нее на дуэли, хотя объ этомъ никто не зналъ. У него все—и добро и зло—выходитъ какъ-то шутя, но въ нравственномъ отношеніи онъ совершенно погибшій человѣкъ: для него нѣтъ ничего святого.

— Мнѣ часто бываетъ жаль себя,—грустно говорилъ Заяцъ.—Не будь этой первой глупой случайности, изъ меня вышла бы порядочная женщина... Да, во мнѣ есть эти семейные инстинкты, но все это давно похоронено подъ цыганской грязью. Разъ мнѣ представилась удивительная вещь: выхожу на сцену и вижу въ ложѣ второго яруса самоё себя... Да, возлѣ меня сидѣлъ мужъ, у барьера мои дѣти. Со мной сдѣлалось дурно... Не правда ли, какъ это страшно? Я и теперь иногда думаю объ этомъ...

О Шучкѣ она не вспоминала совсѣмъ, а Куваеву человѣку было говорить о немъ. Розовый шалунъ навѣрно зналъ, что она здѣсь, и не показывалъ глазъ.

Особенное вниманіе, съ которымъ Куваевъ относился къ своей паціенткѣ, объяснялось его натянутыми домашними отношеніями. Варенька точно заперлась отъ него на ключъ и упорно выдерживала характеръ. Получалась, собственно говоря, самая обыкновенная семейная картина, когда мужъ и жена не сходятся характерами, и Куваевъ видѣлъ слишкомъ много такихъ семей. Его подавляло что-то недосказанное и неясное, что росло между нимъ и женой и что трудно было разрушить: ласки и нѣжности выходили натянутыми, серьезный тонъ отдавалъ скрытымъ раздраженіемъ, и каждое новое объясненіе только нагромождало еще новыя препятствія и недоразумѣнія. Самымъ благоразумнымъ было молчать и ждать... Эту рѣзкую перемѣну въ своей жизни Куваевъ изъ гордости стыдился приписать вліянію Хомутова, который бывалъ у нихъ почти каждый день. Неужели онъ, Куваевъ, будетъ ревновать жену къ этому старому проходимцу, котораго онъ можетъ выгнать

изъ своей квартиры когда угодно. А между тѣмъ Варенька вся точно свѣтлѣла, когда являлся Хомутовъ, и Куваевъ замѣчалъ, что она живетъ только этими визитами. Всего удивительнѣе было то, что Хомутовъ рѣшительно не дѣлалъ и не говорилъ ничего особеннаго, а былъ тѣмъ, чѣмъ былъ всегда. Обыкновенно Варенька садилась за рояль, играла разные оперсточные мотивы, а Хомутовъ пѣлъ сильно разбитымъ голосомъ, или аккомпанировалъ самъ, а Варенька пѣла—скучнѣе и безплоднѣе занятіе трудно было придумать.

— Тебѣ не надоѣло одно и то же?—спрашивалъ Куваевъ жену, глядя на нее съ сожалѣніемъ.

— О, нѣтъ... Я теперь припоминаю старые экзерсисы, а то все перезабыла. Платонъ Ильичъ настолько любезенъ, что не отказывается помогать мнѣ... Онъ такъ хорошо играетъ.

— Ты хочешь сказать: брянчитъ? Если бы ты пожелала учиться серьезно, то лучше обратиться къ кому-нибудь, кто серьезно знаетъ музыку... да.

Варенька дѣлала свое скучное лицо и молчала.

Хомутовъ за короткій срокъ своего пребыванія въ Бужоѣмѣ успѣлъ уже сдѣлать гдѣ-то заемъ „до завтра“, экипировался и получилъ свой обыкновенный приличный видъ. Онъ даже завелъ шелковый цилиндръ, камышевую толстую трость и явился къ Куваевымъ въ модныхъ пестрыхъ галстукахъ и свѣжихъ перчаткахъ.

— Ну-съ, какъ наши успѣхи?—спрашивалъ Хомутовъ, цѣлуя руку у Варенькн съ необыкновенной галантностью.

Этотъ вопросъ заставлялъ Вареньку краснѣть, что къ ней такъ шло: уроки музыки и пѣнія подвигались впередъ очень туго. Пальцы потеряли бѣглость, голосъ фальшивилъ, а въ присутствіи Хомутова она окончательно терялась. Но эти неудачи поддавали учителю только больше энергіи, и онъ превращался въ свою обыкновенную роль разбойника: ругалъ свою жертву, тыкалъ ей въ носъ нотами и даже билъ по рукамъ. Варенька со слезами на глазахъ тянула гамму и первоначальныя сольфеджіо, а потомъ, въ видѣ утѣшенія, ей позволялось спѣть какую-нибудь простенькую арію. Хомутовъ могъ бы выучить пѣнію лошадь, если бы это было нужно, и онъ клялся всѣми богами, что у Варенькн есть талантъ. Вся эта пытка прекращалась только съ появленіемъ Куваева, когда Хомутовъ принималъ свой обыкновенный видъ шалопая и начиналъ что-нибудь врать.

— Вашъ супругъ глупъ до святости,—говорилъ Хомутовъ за спиной доктора,—а это нужно цѣнить, сударыня.

Хомутовъ по театральной безцеремонности позволялъ себѣ и не такіе крендели и, когда бывалъ въ духѣ, по-отечески цѣловалъ Вареньку въ голову. Макъ-Магонъ упорно избѣгала всякихъ встрѣчъ съ ex-антрепренеромъ и отсиживалась въ своихъ двухъ комнатахъ. Она махнула на все рукой и ждала со страхомъ событій. Единственнымъ утѣшеніемъ для нея были визиты m-me Курчеевой, развозившей по городу послѣднія новости.

— Кстати, моя дорогая Дарья Семеновна,—тараторила эта grande-dame.—По городу циркулируютъ слухи, что Хомутовъ собирается увезти Вареньку... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ здѣсь? Никто и ничего не знаетъ, а такіе люди ничего не дѣлаютъ безъ цѣли. У него навѣрно есть какой-нибудь планъ... да. И, какъ мнѣ кажется, хотя я могу ошибаться, одна Варвара Михайловна посвящена въ эти хомутовскіе планы. Она мнѣ, положимъ, ничего не говорила, но это видно изъ разныхъ мелочей.

— Я ничего не знаю, а у Варенькн есть мужъ.

— Вы, надѣюсь, предупредили его?..

— И не думала... Я сама здѣсь только пока и не знаю, гдѣ буду завтра.

— Ахъ, напрасно, Дарья Семеновна! Варенька—я позволяю себѣ ее такъ называть, потому что она можетъ мнѣ быть дочерью...

— Помилуйте, какіе ваши года!

— Нѣтъ, я не обманываю себя: мое время ушло, Дарья Семеновна... Да, такъ я и говорю, что Варенька находится въ критическомъ возрастѣ, когда молодыя женщины переживаютъ разочарованія и неясные позывы... Это было и со мной, увѣряю васъ.

Вообще m-me Курчеева приняла самое дѣятельное участіе въ воображаемой исторіи, и Мань-Магонъ начала подозрѣвать ее, какъ и самого Хомутова. Варенька теперь особенно часто стала бывать у Курчеевыхъ, и Хомутовъ бывалъ у нихъ, а это не спроста. Потомъ Мань-Магонъ подозрѣвала, что денегъ Хомутову дали эти же Курчеевы, однимъ словомъ, завязывалась и назрѣвала одна изъ тѣхъ провинціальныхъ исторій, какими время отъ времени взбудораживается дремлющая поверхность провинціальнаго болота.

Впрочемъ, пресни Хомутова отчасти объяснились: онъ затѣвалъ любительскій спектакль и, конечно, въ свою пользу. Когда Варенька объявила объ этомъ мужу, Кувасовъ взбѣсился.

— Недурно было бы переговорить объ этомъ предварительно со мной,— говорилъ онъ, напрасно стараясь сдержать себя.—Вообще, я противъ того, чтобы господинъ Хомутовъ продолжалъ свои визиты къ намъ... Можешь это передать ему, если не желаешь чего-нибудь худшаго. А въ спектаклѣ ты не будешь участвовать.

Варенька зазнѣлась и совершенно спокойно отвѣтила:

— Я дала слово...

— Можешь его взять назадъ, а то я вынужденъ буду за тебя отказаться. Повторяю: Хомутовъ—мерзавецъ!..

— Послушайте, Николай Григорьичъ, я не дѣвочка, чтобы меня можно было пугать такими страшными словами... Вамъ угодно доказать, что купеческое самодурство можно продѣлывать дома совершенно безнаказанно, но вы ошибаетесь.

Удивленный этими словами Кувасовъ перешелъ въ другой тонъ и началъ уговаривать жену, но и это было безуспѣшно. Она смотрѣла на него своими красивыми глазами съ затаенной злобой, и въ углахъ рта пряталась торжествующая улыбка. У Вареньки былъ свой планъ, и она смотрѣла на мужа съ сожалѣніемъ.

XXVI.

Расчеты Кувасова на скорую развязку болѣзни Зайца въ дѣйствительности не оправдались. Выпалъ и первый снѣжокъ, а Заяцъ не умиралъ, и, какъ иногда казалось Кувасову, больной дѣлался лучше. По крайней мѣрѣ, онъ чувствовалъ себя бодрѣе и не любилъ говорить о своей болѣзни. Какъ у всѣхъ больныхъ этого разбора, будущее для него застилалось дымомъ самыхъ несбыточныхъ надеждъ. Кувасову приходилось ее поддерживать въ этомъ направленіи, и онъ игралъ съ серьезнымъ лицомъ, какъ это умѣютъ дѣлать изъ человѣколюбія одни доктора. Самый больной пунктъ, около котораго группировались всѣ остальныя соображенія, была мысль о скорой поѣздкѣ— куда угодно, только выбраться бы изъ Бужбума.

— Конечно, мнѣ будетъ жаль разстаться съ вами, милый докторъ,—не безъ кокетства говорилъ Заяцъ,—но такая наша судьба... Мы, какъ вѣчные жиды, не знаемъ отдыха.

— Будетъ вѣрнѣе сравненіе съ перелетными птицами.

— Пожалуй... А когда умирала Вьюшина-Запольская, вамъ было ее жаль?.. Конечно, жаль, и я отлично понимаю. А гдѣ этотъ бѣдный ребенокъ?.. Онъ теперь большой и красивый?.. Какъ я желала бы его видѣть...

Эта послѣдняя мысль понравилась Куваеву. Для Маляйки будетъ хорошимъ урокомъ познакомиться съ изнанкой театральной карьеры въ лицѣ старушки Орловой и Зайца. Предварительно онъ объяснилъ ему біографію обѣихъ женщинъ и привелъ его съ собой. Маляйка былъ въ простомъ барашковомъ полушубкѣ, въ котиковой шапочкѣ и плисовыхъ шароварахъ. Этотъ костюмъ привелъ Зайца въ восторгъ, и она затормошила ребенка, всматриваясь въ него жадными глазами. Маляйка сначала немного стѣснялся, а потомъ быстро освоился и по-ребячьи не желалъ замѣчать, что имѣетъ дѣло съ больной. Ему очень понравилось здѣсь, и Зайца онъ называлъ „тетей".

— Какое славное слово: тетя...—восхищался Заяцъ, едва дыша.—Маляйка, я помню твою маму... она была такая добрая.

— Я ее очень люблю...—серьезно отвѣчалъ Маляйка.—Она такая красивая... красивѣе васъ, тетя.

Выползла Агаоья Петровна и долго всматривалась въ Маляйку своими слезливыми глазами, точно стараясь что-то припомнить. Ей особенно понравились мягкіе бѣлокурые волосы Маляйки, и она гладила ихъ своей сморщенной костлявой рукой. На прощанье она даже вытащила какую-то старинную бомбоньерку, послѣдній остатокъ давно минувшихъ театральныхъ тріумфовъ, и подарила маленькому гостю.

— Вѣдь я тоже была красивая...—шептала она съ гордостью.—И мнѣ много дарили такихъ коробокъ. Красивѣе твоей мамы была...

Маляйка недовѣрчиво улыбнулся и посмотрѣлъ на Куваева. Эта сцена разсмѣшила Зайца: старый и малый такъ забавно не понимали другъ друга. Куваевъ кусалъ губы, а у Маляйки въ его свѣтлыхъ глазахъ вспыхнулъ похорошій огонекъ.

— Уведите его... я не могу больше...—шепнулъ Заяцъ, вдругъ почувствовавшій сильное утомленіе.—Это прелестный ребенокъ, но мнѣ такъ тяжело... такъ тяжело...

Дорогой Маляйка молчалъ и шагалъ рядомъ съ Куваевымъ, какъ большой человѣкъ.

— Ну что, тебѣ понравилось?—спрашивалъ его Куваевъ, когда они уже подходили къ своему дому.

— Тетя понравилась...

— А старушка Агаоья Петровна?..

— Она какая-то глупая, папа... Хвастается бомбоньерками, точно маленькая. А тетя служила въ театрѣ вмѣстѣ съ мамой?

— Да... Въ театрѣ очень тяжело, и тетя больна.

— А зачѣмъ она смѣялась?

Дома Куваева ждалъ неожиданный сюрпризъ. На своемъ письменномъ столѣ онъ нашелъ анонимное письмо: „Берегитесь Хомутова... Онъ хочетъ увезти вашу жену. Вашъ другъ". Первымъ движеніемъ Куваева было разорвать письмо и бросить его въ корзину, но потомъ онъ собралъ отдѣльные

ленестки и началъ внимательно всматриваться въ измѣненный почеркъ, показавшійся ему знакомымъ.

„Можетъ-быть, это Щучка...—мелькнуло въ его головѣ, но потомъ онъ обратилъ вниманіе на букву „с“.—Кто такъ пишетъ?.. „Берегитесь“... Положительно, знакомая рука!“

Содержаніе письма его не интересовало: мало ли пишется анонимныхъ глупостей?.. И наконецъ это смѣшно: „онъ хочетъ увезти вашу жену“. Остается, значитъ, соперничать съ г. Хомутовымъ. Чортъ знаетъ что такое, а между тѣмъ нашелся какой-то подлецъ, который изъ-за угла хочетъ попасть ему въ самое больное мѣсто. Ба! Да вѣдь это работа театральнаго рецензента Сальникова. Конечно, онъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Куваеву сдѣлалось гадко, гадко за то, что его интимная жизнь начинаетъ дѣлаться предметомъ городской сплетни. Если г. Сальниковъ додумался до анонимнаго письма, то, вѣроятно, о немъ говоритъ цѣлый городъ. Хомутовъ въ послѣднее время сталъ бывать у Куваевыхъ рѣже, но зато онъ можетъ такъ же удобно встрѣчаться съ Варенькой у m-me Курчеевой. Затѣвавшійся любительскій спектакль, видимо, разстроился, и о немъ не было помину.

Какъ разъ Вареньки дома не было, и Куваевъ имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы обдумать свое положеніе. Онъ начиналъ уже сердиться на жену, когда вспомнилъ, что сегодня какъ разъ jour fixe у Курчеевыхъ, и она навѣрно тамъ. Показать ей письмо или нѣтъ?.. Онъ припомнилъ какую-то глупую водевильную сцену, въ которой обманутый мужъ такъ смѣшно бѣгаетъ по сценѣ съ такимъ же глупымъ анонимнымъ письмомъ. Да, это глупо, какъ глупо и молчать.

Когда Варенька вернулась домой поздно вечеромъ, Куваевъ подъ вліяніемъ двойного раздраженія молча подалъ склеенное письмо. Она бѣгло прочитала его, презрительно повела плечами и какъ-то нехотя бросила:

— И васъ интересуютъ подобныя глупости?

— Поставь себя на мое мѣсто... Тѣмъ болѣе, что я уже предупреждалъ тебя на эту тему.

— Совершенно вѣрно... Вы своимъ дурацкимъ поведеніемъ и вызываете подобныя письма. Въ какое вы меня ставите положеніе?..

Куваевъ хотѣлъ что-то возразить и раскрылъ ротъ, но Варенька вырвала изъ его рукъ письмо, пробѣжала его еще разъ и спросила:

— Узнаёте, по крайней мѣрѣ, руку?..

— Узнаю: писалъ Сальниковъ... Я въ этомъ увѣренъ.

Варенька съ обиднымъ сожалѣніемъ посмотрѣла на мужа, улыбнулась и совершенно спокойно проговорила:

— А рука должна быть вамъ извѣстна больше, чѣмъ мнѣ...

— Я и говорю, что писалъ Сальниковъ,—я утверждаю это, если хочешь!

— Обратите вниманіе на подпись: „вашъ другъ“ и припомните кое-кого изъ вашихъ старыхъ друзей... Не догадываетесь и теперь?.. Ха-ха... А съ кѣмъ вы цѣловались на репетиціяхъ любительскихъ спектаклей?.. Голову даю на отсѣченье, что это писала m-me Курчеева...

Она засмѣялась и вышла, а Куваеву оставалось только припомнить проклятую букву „с“, которую m-me Курчеева писала по-старинному съ длиннымъ хвостомъ.

Положеніе ревниваго мужа не изъ красивыхъ, какъ человѣка, которому приходится беречься неизвѣстнаго вора. Куваевъ испытывалъ вдобавокъ нравственную муку за свое личное чувство и по возможности отгонялъ назой-

ливую мысль, что Варенька его обманываетъ. Съ одной стороны, каждый знаетъ тысячи примѣровъ этому, какъ знаетъ и то, что иногда женщины бросаются ни съ того ни съ чего на шею первому проходимцу, а съ другой—это могутъ дѣлать тѣ, другія женщины, а вѣдь здѣсь его жена, Варенька, которую онъ любитъ. Разбирая свои собственные поступки, Куваевъ уже видѣлъ цѣлый рядъ допущенныхъ безтактностей, больше и больше удалявшихъ его отъ жены. Именно такихъ безтактностей женщины не умѣютъ прощать, и онъ сразу потерялъ то спокойствіе, какимъ гордился всегда. Логическія построенія и самыя тонкія выкладки резонировавшей мысли разлетались, какъ паутина, подъ напоромъ грубой и темной силы. Куваевъ переживалъ именно тотъ моментъ, когда человѣкъ начинаетъ постепенно утрачивать чувство дѣйствительности и сражается съ вымысломъ собственной фантазіи, а бѣда подходитъ такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно топитъ выступившая изъ береговъ вода.

Возвращаясь съ практики домой, Куваевъ чувствовалъ уже тотъ холодъ и пустоту, какія наполняли его гнѣздо. Не было искренности, не было здороваго чувства, а этимъ уже открывалась большая дорога къ малымъ и большимъ обманамъ. Варенька давно уже отвернулась отъ него, и онъ въ ея глазахъ читалъ свою отходную. А между тѣмъ какъ онъ любилъ ее, и стоило ей сказать одно слово, и только одно слово, чтобы прежнее счастье затеплилось подъ ихъ общей кровлей. „Варенька, Варенька...“—шепталъ Куваевъ, хватаясь за голову. Про себя онъ придумывалъ цѣлыя рѣчи, которыя убѣдили бы мертваго, переживалъ длинныя сцены, но, когда встрѣчался съ женой—какое-то глупое и мертвое чувство сковывало его языкъ. Его удерживала мысль показаться въ ея глазахъ смѣшнымъ и жалкимъ, потому что, все равно, она не пойметъ его. Послѣ рѣзкаго разговора о Хомутовѣ онъ долго мучился за себя, а результатомъ было то, что Варенька стала видѣться съ нимъ у Курчеевыхъ. Оставалось сдѣлать скандалъ, дать Хомутову пощечину или стрѣлять въ него, но вѣдь это не вернетъ къ нему жены... Вдобавокъ онъ настолько уважалъ себя, что не допускалъ и мысли вставать на одну доску съ этимъ проходимцемъ.

Отношенія Вареньки къ Хомутову докторъ объяснялъ проснувшейся въ женѣ страстью къ театру, которую прощалыга-антрепренеръ эксплоатировалъ, конечно, по-своему. Но это было бы еще понятно, если бы у него была своя труппа и сцена, а между тѣмъ Хомутовъ опустился до степени уличнаго фигляра. Значитъ, тутъ есть что-то другое, чего онъ не понимаетъ и что знаетъ одинъ Хомутовъ, всегда умѣвшій пользоваться женщинами. Куваевъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ жены и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся войти въ ея комнату, боялся за себя, за то хорошее, что еще билось въ его груди съ мучительной болью. Онъ боялся сразу выдать свое больное мѣсто или впасть въ тотъ умоляющій тонъ, который оскорблялъ его даже въ другихъ.

За обѣдомъ и за ужиномъ они встрѣчались, какъ три заговорщика, и старались не смотрѣть другъ на друга. Макъ-Магонъ ѣла прекрасно, все время молчала и уходила къ себѣ, какъ королева, которую только-что лишили короны. Куваевъ разсказывалъ о своихъ паціентахъ и старался во что бы то ни стало хотя по внѣшности сохранить свой прежній видъ. Варенька поддерживала его, пока сидѣла мать, а потомъ умолкала, и ея скучающее, апатичное лицо нагоняло на Куваева чувство отчаянія, точно онъ хоронилъ ее живую.

„Можетъ-быть, этого ничего и нѣтъ?“—думалъ иногда Куваевъ и хватался за эту мысль, какъ утопающій за соломинку.

Вѣдь проходятъ же самыя страшныя болѣзни, бываютъ счастливые кризисы, отчего же здѣсь не можетъ быть исхода?.. Но эта мимолетная надежда сейчасъ же тонула въ надвигавшейся тучѣ другихъ мыслей: Макъ-Магонъ тогда предупреждала съ перваго дня появленія Хомутова, потомъ это анонимное письмо, наконецъ все поведеніе Варенькн—нѣтъ, прощай все!..

Такъ продолжалось до Святокъ, когда Куваевъ наконецъ рѣшился на окончательное объясненіе съ женой. Это было какъ разъ послѣ какого-то спектакля, когда Варенька вернулась домой въ отличномъ расположеніи духа. Куваеву казалось, что она сегодня въ состояніи будетъ выслушать его.

— Варенька, намъ нужно объясниться...—началъ онъ, прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него и, не снимая перчатокъ, осталась въ выжидающей позѣ. Она такъ была хороша въ этотъ моментъ, и Куваевъ едва удержался отъ желанія вмѣсто всякихъ объясненій расцѣловать жену.

— Говорите...—напомнила она, строго складывая губы и поглядывая на него сбоку.

— Ты знаешь, о чемъ я хочу говорить... Такъ жить нельзя, Варенька. Я такъ измучился за все это время... Если бы ты знала, какая гора у меня лежитъ на душѣ.

— Я васъ не понимаю, Николай Григорьевичъ!.. И, пожалуйста, безъ предисловій...

— Ты хочешь уходить отъ меня?.. Послушай, я все вижу и о многомъ догадываюсь... Мы можемъ быть отдѣльно хорошими людьми и никуда не годиться вмѣстѣ, но уйдешь ты или нѣтъ, умоляю тебя объ одномъ: не поддавайся вліянію Хомутова... Онъ кружитъ тебѣ голову театральными бреднями... Силой милому не быть, и я говорю сейчасъ о тебѣ: не губи себя... Ты еще такъ молода и неопытна, соблазнъ великъ, но вспомни хоть то, что говорила твоя же умиравшая сестра о театрѣ... Повѣрь, что я хлопочу не о себѣ и никогда не повѣрю, что ты можешь увлечься какимъ-нибудь Хомутовымъ, который годится тебѣ въ отцы... Однимъ словомъ, ты на опасной дорогѣ, и у меня душа болитъ все это время.

— Какъ много хорошихъ словъ...

— Еще одно и послѣднее: я понимаю, что ты могла разлюбить меня и увлечься другимъ... Тутъ не о чемъ было бы разговаривать, но я боюсь твоихъ театральныхъ увлеченій.

— Вы кончили?

— Да...

— Могу вамъ сказать одно: вашъ соперникъ Хомутовъ уѣхалъ еще вчера и великодушно предоставилъ въ ваше полное распоряженіе цѣлыхъ двухъ женщинъ—Зайца и m-me Курчееву. Довольны?

XXVII.

Наперекоръ самымъ тщательнымъ діагнозамъ, на основаніи которыхъ были сочтены всѣ дни Зайца, къ веснѣ больной сдѣлалось лучше. Куваевъ чувствовалъ себя даже какъ-то неловко, что заживо хоронилъ свою паціентку, а она поправляется... Кашель сдѣлался мягче, лихорадочное состояніе смѣнялось длинными промежутками, вообще замѣчался большой приливъ силъ, и больная даже могла выходить изъ дому. Наступившая весна благопріятствовала этому чуду выздоровленія, и Куваевъ, выслушивая и выстукивая больную,

ловилъ ухомъ уже здоровые тоны въ дыханіи—ни хриповъ ни взвизгиваній. Правда, половины лѣваго легкаго не было, но пораженная ткань зарубцевалась, и угрожавшая опасность миновала.

— Неужели я могла умереть?—удивлялся Заяцъ, испытывая ужасъ отъ одного слова.—И меня положили бы въ гробъ... гробъ опустили бы въ землю...

— Говоря правду, я не надѣялся, что вы протянете до января,—сознавался Куваевъ откровенно.—Ваше положеніе было отчаянное...

— Вотъ это мило!.. Нѣтъ, я еще хочу жить, хоть и съ одной половинкой легкаго.

— Можно и такъ... Вамъ теперь нужно пользоваться свѣжимъ воздухомъ, больше гулять и вообще перемѣнить образъ жизни.

Отъѣздъ Хомутова не произвелъ на Зайца особеннаго впечатлѣнія, и она съ удивленіемъ отнеслась къ тѣмъ приготовленіямъ, съ которыми сообщилъ ей объ этомъ Куваевъ.

— Что жъ тутъ особеннаго: нужно было ѣхать, и уѣхалъ,—разсуждала она съ серьезнымъ выраженіемъ лица.—А если онъ не предупредилъ меня, такъ это просто оттого, что ему было жаль огорчить меня однимъ днемъ раньше. Не правда ли, докторъ?

— Да, но... однимъ словомъ, я такъ никогда бы не сдѣлалъ.

Куваеву оставалось только пожать плечами: вѣра не нуждается въ доказательствахъ, а любовь все сумѣетъ объяснить въ свою пользу. Заяцъ вѣрилъ въ Хомутова и любила его—значитъ, не о чемъ было толковать. Нуженъ свѣжій воздухъ, хорошее питаніе, отсутствіе волненій и заботъ,—остальное придетъ само собой.

— Онъ пріѣдетъ, повѣрьте мнѣ,—утѣшалъ Заяцъ своего доктора, не замѣчая произведеннаго впечатлѣнія.—У него есть какой-то планъ, повѣрьте...

— Да?..

— Увѣряю васъ... Если онъ бросилъ меня здѣсь, то, конечно, потому только, что надѣялся на васъ.

— Это очень мило... Впрочемъ, я не охотникъ до чужихъ дѣлъ.

Какъ почти всѣ русскіе провинціальные города, Бужоёмъ не имѣлъ живого уголка, гдѣ можно было бы подышать свѣжимъ воздухомъ. На десять верстъ кругомъ лѣсъ былъ вырубленъ самымъ варварскимъ образомъ, и купцы съ женами и домочадцами ѣздили лѣтомъ пить чай верстъ за пятнадцать, на какую-то мельницу, откуда ихъ и привозили на „закормленныхъ до неистовства“ жеребцахъ въ состояніи полной невмѣняемости, какъ возятъ передъ Рождествомъ мороженыя свиныя туши. Правда, въ Бужоёмѣ былъ заброшенный „Кармановскій садъ“, занимавшій собой цѣлую десятину, но бужоёмская публика тщательно обходила его, какъ гнѣздилище жуликовъ, оборванцевъ и скрывавшихся въ чащѣ любовныхъ парочекъ. Аллеи были запущены, деревья разрослись по собственному усмотрѣнію, китайскія бесѣдки развалились, красивый прудъ былъ затянутъ плѣсенью. Кромѣ жуликовъ и влюбленныхъ горничныхъ, „Кармановскій садъ“ служилъ любимой резиденціей бойкой городской дѣтворы, притаившейся здѣсь отъ городской пыли и духоты.

Въ одно прекрасное утро Заяцъ проснулся довольно рано, выпилъ кружку парного молока, которую ей подавала Агаѳья Петровна, почистилъ развалившіяся ботинки, надѣлъ простенькое платье, легкую накидку изъ чесучи, высокую модную шляпу съ цѣлой клумбой цвѣтовъ, и съ зонтикомъ въ рукахъ отправился гулять. Въ рукахъ у нея очутилась какая-то книжка, одна изъ тѣхъ, какія приносилъ Куваевъ. Легкой походкой Заяцъ отправился прямо

въ „Кармановскій садъ“, о которомъ она слышала отъ Агаѳьи Петровны. Было еще рано, но въ воздухѣ уже чувствовался наливавшійся лѣтній зной. На углахъ улицъ дремали извозчики, попался татаринъ съ лоткомъ разложенныхъ въ бумажкахъ апельсиновъ, нѣсколько дѣвочекъ-гимназистокъ, весело бѣжавшихъ съ книжками въ свою гимназію. Изрѣдка попадавшіеся навстрѣчу экипажи оставляли послѣ себя струю ѣдкой городской пыли, заставлявшей Зайца кашлять. Она быстро устала, но садъ былъ недалеко. У покосившагося забора въ отчаянныхъ позахъ валялись представители мѣстной „золотой роты“, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ на „барышню съ книжкой“, которая такъ-таки прямо и шла къ развалившейся калиткѣ сада, походившей на собачью лазейку. Заяцъ дѣйствительно чувствовалъ себя сегодня настоящей барышней и кокетливо закрывался распущеннымъ зонтикомъ. Лицо у нея раскраснѣлось, глаза блестѣли. Вотъ и садъ, выпиравшій изъ-за ветхой загородки могучими, разорванными купами зелени, прорѣзанной тамъ и сямъ стрѣлками елей и пихтъ.

— Прелесть...—шепталъ Заяцъ, любуясь картиной развертывавшейся „самовладѣющей природы“.

Запущенная зелень напомнила ей плохія декораціи провинціальныхъ сценъ, и она храбро шагнула за предѣлы роковой калитки. Жуликовъ она не боялась, потому что давно привыкла къ этимъ опухшимъ физіономіямъ съ красными носами и воспаленными глазами. Въ первой аллеѣ ей попалась очень подозрительная женщина въ бѣломъ фартукѣ и желтомъ ситцевомъ платьѣ; за ней по пятамъ очень развязно шли два солдатика изъ мѣстной воинской команды и, видимо, старались перещеголять другъ друга галантерейностью обращенія. Желтое ситцевое платье было не первой молодости, съ какимъ-то жирнымъ отливомъ отекшаго дряблаго лица, такъ что Заяцъ началъ смотрѣть въ другую сторону, гдѣ на гнилой лавочкѣ сидѣлъ второй бѣлый фартукъ въ обществѣ разбитного мастерового. А зеленая гуща обступала съ каждымъ шагомъ впередъ все сильнѣе. Пахло свѣжей травой, пестрѣли желтенькіе одуванчики, скромно пряталась розовая душистая кашка, откуда-то изъ глубины сада доносились веселые дѣтскіе голоса.

По березовой запущенной аллеѣ, спускавшейся къ пруду, Заяцъ пошелъ прямо на шумъ голосовъ, съ жадностью вдыхая оживлявшій ее воздухъ, точно растеніе, попавшее въ теплицу. На попадавшихся оборванцевъ она не обращала больше вниманія и только въ одномъ мѣстѣ остановилась на одно мгновеніе: въ травѣ, вытянувъ одну ногу прямо на дорогу, лежала распластанная фигура въ заплатанномъ сюртукѣ. Она показалась Зайцу знакомой. Русая голова уткнулась лицомъ прямо въ траву, и трудно было разсмотрѣть, кому она принадлежала.

„Должно-быть, Недорѣзовъ бѣдняга...“—подумалъ Заяцъ и торопливо пошелъ впередъ—ей вдругъ сдѣлалось страшно отъ одной мысли, что распростертая фигура можетъ подняться и погонится за ней, какъ солдаты за желтымъ ситцевымъ платьемъ.

Около самаго пруда мысомъ выдавалась зеленая лужайка, на которой теперь кувыркались и бѣгали взапуски человѣкъ десять мальчишекъ. Они сейчасъ же замѣтили барышню и сдѣлали быструю оцѣнку шляпы, зонтика, книжки и другихъ подробностей. Она подошла къ лужайкѣ и сѣла прямо на траву. Здѣсь такъ было хорошо, и потомъ ребятишки служили отличной защитой къ случаѣ какой-нибудь опасности. Отъ ходьбы и свѣжаго воздуха у Зайца кружилась голова. Неужели она могла умереть, когда все такъ зелено

кругомъ, а вотъ тутъ, въ десяти шагахъ отъ кол, такъ беззаботно кувыркаются красныя рубашонки и мелькаютъ въ травѣ голыя дѣтскія ноги.

Появленіе барышни на мгновеніе произвело въ дѣтской средѣ нѣкоторое „движеніе“, и послышались недружелюбные возгласы: „Вотъ чортъ привезъ птицу!“—„Какая-то оглашенная, надо полагать...“ Но потомъ все пришло въ порядокъ, „птица“ неподвижно лежала въ своемъ углу, подъ тѣнистымъ кустомъ распустившагося боярышника, а время дорого.

— Чего на нее смотрѣть?—послышался задорный дѣтскій голосъ и прибавилъ еще что-то такое, отъ чего вся лужайка засмѣялась, точно по травѣ пробѣжалъ вѣтеръ.

Зайцу показался знакомымъ этотъ дѣтскій голосъ, и она внимательно всмотрѣлась въ безразличную для нея толпу. Крикнулъ бѣлокурый мальчикъ въ плисовыхъ шароварахъ. „Да вѣдь это Маляйка!“—мелькнула у Зайца въ головѣ мысль. Да, это былъ онъ, такой розовый и свѣжій, выглядѣвшій молодцомъ. Онъ, очевидно, не узналъ ея, и Заяцъ подозвалъ будто къ себѣ.

— Ты развѣ не узнаёшь тетю?—спрашивала она, ласково оглядывая мальчика съ ногъ до головы.—Ахъ, какой ты большой... и здоровый.

Маляйка, видимо, смутился и молчалъ. Онъ боялся оглянуться назадъ, гдѣ его ждало безпощадное общественное мнѣніе. Эта встрѣча съ „барышней“ компрометировала его спартанское отношеніе къ мелькавшимъ въ саду бѣлымъ фартукамъ и желтымъ платьямъ. Заяцъ понялъ душевное настроеніе Маляйки и съ горечью припомнилъ сцены далекаго дѣтства, когда братъ такъ презрительно отвертывался отъ „дѣвчонокъ“, которыя не хотѣли понимать, что онѣ дѣвчонки и больше ничего.

— Вамъ весело здѣсь?—спрашивалъ Заяцъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, ничего... я каждый день бываю здѣсь.

— А тамъ въ травѣ кто лежитъ?.. Ещо ногу на дорогу выставилъ?

— Должно-быть, комикъ Недорѣзовъ.

— Ты его знаешь?

— Онъ смѣшной... У насъ тутъ есть еще одинъ сумасшедшій. Недавно самъ пришелъ... Страшный такой и все что-то бормочетъ про себя. Ну, да мы никого не боимся...

— Иди, играй... я не буду вамъ мѣшать.

Маляйка былъ очень радъ, что такъ дешево отдѣлался отъ этого разговора съ „барышней“, какъ онъ продолжалъ ее называть про себя. Мальчишки отнеслись къ этой встрѣчѣ Маляйки со скрытымъ недовѣріемъ, но, по установившемуся порядку уличнаго приличія, считали излишнимъ спросить, кто эта такая и зачѣмъ пришла. Но Маляйка сразу потерялъ свое хорошее расположеніе духа и никакъ не могъ войти въ обычную колею, несмотря на всѣ соблазны въ родѣ бабокъ, палокъ, веревочки и камней. Барышня сидѣла у него, какъ бѣльмо на глазу, и онъ время отъ времени недружелюбно посматривалъ въ ея сторону.

— Э, нашъ Маляйка сегодня прокисъ...—рѣшило общественное мнѣніе, не желавшее входить въ подробности.

Заяцъ сталъ ходить въ „Кармановскій садъ“ каждый день и проводилъ здѣсь время. Книжка валялась вмѣстѣ съ зонтикомъ на травѣ, а она лежала на своемъ мѣстѣ неподвижно и по цѣлымъ часамъ смотрѣла въ голубое небо, особенно, когда по нему грядами плыли бѣлоснѣжныя облака. На игравшихъ ребятъ она не обращала никакого вниманія, какъ и они на нее. Установились самыя лучшія отношенія: никто не мѣшалъ никому. Разъ неожиданно

налетѣла гроза, и ребятишки разсыпались по саду, какъ воробьи. Бѣжать отъ дождя было поздно, и Заяцъ укрылся подъ своимъ кустомъ. Въ дальнемъ углу сада уже слышался сухой трескъ сыпавшихъ капель, точно съ неба валилась свинцовая дробь.

— Тетя, тетя, я къ вамъ...—послышался голосъ Маляйки.

— Ахъ, это ты... Какой ты блѣдный!

— Я боюсь... Со мной это бываетъ. Будетъ громъ, тетя? Какъ страшно шумятъ деревья... Слышишь: точно голоса...

Онъ прижался къ тетѣ всѣмъ тѣломъ, а большіе сѣрые глаза были полны ужаса. Зайцу вдругъ сдѣлалось жаль этого ребенка, и онъ, какъ птица крыломъ, прикрыла его фалдочкой накидки. Какіе у него мягкіе волосы и такой свѣжій, розовый ротъ. Заяцъ ласково гладилъ лежавшую на ея колѣняхъ бѣлокурую дѣтскую головку и не чувствовалъ катившихся съ куста ручьевъ дождевой воды. Бѣдный ребенокъ... Шумъ дождя смѣнялся минутами страшнаго затишья, когда небо точно раздиралось молніей, и оглушительный раскатъ грома проносился надъ самой головой.

— Ты очень любишь папу?—шопотомъ спрашивалъ Заяцъ.

— Да... и маму. У меня были настоящіе папа и мама, но умерли...

Въ припадкѣ дѣтской откровенности, Маляйка разсказалъ тетѣ почти всю свою дѣтскую жизнь: и о Пашѣ, и о кучерѣ Егорѣ, и о Дарьѣ Семеновнѣ, и о домовомъ, котораго Миша Лутошкинъ видѣлъ своими глазами, и еще много такого, что вспомнилось на этотъ разъ. Маляйка ужасно боялся грозы, и ему все казалось, что деревья съ шумомъ разговариваютъ между собой, а кругомъ прячутся страшныя тѣни. Съ нимъ бывало даже совсѣмъ худо: сердце переставало биться, и дальше онъ не понималъ, что было. Мальчишки дразнили его „припадочнымъ“.

— Тоже вотъ когда мама играетъ...—разсказывалъ Маляйка, косясь на темнѣвшія черезъ лужайку деревья.—Она нынче часто играетъ на роялѣ, а когда папы нѣтъ—поетъ. Я слушаю-слушаю, и мнѣ тоже дѣлается неловко—нечѣмъ дышать и въ глазахъ темнѣетъ.

— А ты папѣ разсказывалъ про эти припадки?

— Онъ говоритъ, что само пройдетъ, когда буду большой... Мама и меня учитъ нѣть.

Эта гроза сблизила Маляйку и Зайца, и они весело встрѣчались въ „Кармановскомъ саду“. Заяцъ приносилъ съ собой печеныхъ яицъ и колбасы, и они по-товарищески дѣлили этотъ завтракъ.

— Если Недорѣзовъ покажется, вы только крикните мнѣ, тетя,—серьезно говорилъ Маляйка, счастливый, что можетъ выступить въ роли защитника.

— Я его не боюсь, голубчикъ... Это тогда мнѣ сдѣлалось страшно, потому что я еще не совсѣмъ здорова.

Маляйка съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на худыя руки „тети“ и живо представлялъ себѣ, какъ будетъ защищать ее отъ нападенія Недорѣзова или того сумасшедшаго старика, который раза два приходилъ въ „Кармановскій садъ“ и такъ всѣхъ напугалъ.

XXVIII.

Исчезновеніемъ изъ Бужойма Хомутова, въ квартирѣ Кузаева все пошло по-старому. Варенька успокоилась, и Кузаевъ вздохнулъ свободнѣе, какъ человѣкъ, проснувшійся послѣ тяжелаго сна. Макъ-Магонъ вышла изъ своего заключенія и торжественно заняла за обѣденнымъ столомъ свое пред-

сѣдательское мѣсто. Серьезнымъ послѣдствіемъ всего переполоха было то, что Куваевъ какъ-то сильнѣе привязался къ Маляйкѣ, точно онъ хотѣлъ прочнѣе помѣстить тотъ „капиталъ чувствъ“, который подвергается на каждомъ шагу риску. Ребенокъ довѣрчиво пошелъ навстрѣчу этому призыву. Куваевъ теперь почти каждый день спускался въ Маляйкину комнату и понемногу пріучалъ своего воспитанника къ умственнымъ занятіямъ. Нужно было вести дѣло послѣдовательно, чтобы не испугать его первымъ учебникомъ.

— Кѣмъ ты хочешь быть, Маляй?..—спрашивалъ иногда Куваевъ.

— Инженеромъ, папа...

— Почему же непремѣнно инженеромъ?

— Инженеры всегда ѣздятъ на тройкѣ съ колокольцами, и мужики снимаютъ передъ ними шапки...

Куваевъ пользовался временемъ за обѣдомъ или чаемъ и говорилъ съ Маляйкой, какъ съ большимъ человѣкомъ. Необходимо нужно было отучить его незамѣтнымъ образомъ отъ улицы и слишкомъ много шалившихъ товарищей. Конечно, здоровье прекрасная вещь, но нельзя же оставаться круглымъ дуракомъ. Самъ Маляйка отлично понималъ это и охотно садился за свои маленькіе уроки. Въ восемь лѣтъ это былъ плечистый, точно сколоченный мальчуганъ съ типичнымъ загорѣлымъ лицомъ. Онъ какъ-то умѣлъ дѣлать все съ веселымъ видомъ, а это былъ отличный признакъ—сказывалась сильная натура. Правда, находили на него минуты задумчивости, потомъ онъ любилъ задавать такіе серьезные вопросы, совсѣмъ не по лѣтамъ, но это сглушевывалось общимъ тономъ. Міръ всевозможнаго суевѣрія уживался въ его душѣ съ дѣтской религіей, но Куваевъ избѣгалъ касаться этихъ вопросовъ: зачѣмъ отнимать у ребенка поэзію начинавшагося броженія мысли и чувства.

Паша и старая Ефимовна не могли нарадоваться, глядя на учившагося Маляйку, который обѣщалъ выучить ихъ грамотѣ. Самъ онъ бойко читалъ „всякія книги“, что особенно удивляло обѣихъ: и большую читаетъ и маленькую.

— Это ужъ какъ кому Господь откроетъ грамоту.—благочестиво удивлялась Ефимовна.—Прежде-то битва битвой была, когда дитё примутся родители обучать... Реву одного не оберешься. А Николай-то Григорьичъ такъ и льнетъ къ Маляйкѣ. потому какъ своихъ дѣтей нѣтъ, такъ оно очень любопытно.

— Нѣтъ, ужъ, Ефимовна, такой жалостливый человѣкъ уродится. Тоже не разберешь ихняго брата мужиковъ... Другой такимъ сахаромъ медовичемъ прикинется, а дома хуже бѣшеной собаки. Тогда, какъ Николай Григорьичъ захаживалъ къ покойницѣ Еленѣ Михайловнѣ, грѣшный человѣкъ, недолюбливала я его: извѣстно, у господъ замашка—поигралъ, полюбопытствовалъ, а потомъ баба или дѣвка и плачь въ свою голову... По тіятральному-то дѣлу такъ это у нихъ даже ужъ очень просто бываетъ.. Ну, а оно вонъ что вышло-то... Елена Михайловна угадали, кому дитё препоручить—святая была душенька, хоть при театрѣ и принимала большой грѣхъ.

Лѣто пролетѣло быстро, и наступившая осень привела за собой длинные, темные вечера, когда такъ хорошо чувствуютъ себя люди въ теплыхъ и хорошо освѣщенныхъ комнатахъ. Это семейный сезонъ, время тихой домашней работы, когда у огонька незримо творится серьезное дѣло. Куваевъ и Маляйка проводили время отлично въ занятіяхъ, разговорахъ и чтеніи. Даже скучавшая Варенька, часто заглядывала въ докторскій кабинетъ посмотрѣть, что они могли тамъ дѣлать цѣлые часы.

— Посмотри, какіе успѣхи мы дѣлаемъ,—говорилъ ей Куваевъ

Маляйка раньше стоялъ ближе къ мамѣ, но теперь очень быстро ушелъ изъ-подъ ея вліянія. Они не понимали больше другъ друга. А у Куваева рвалось сердце отъ радости, что у него на рукахъ быстро растетъ молодая, полная жизнь, счастливая уже тѣмъ, что она не знаетъ старыхъ ошибокъ. Самый процессъ развертывавшейся юной мысли радовалъ его, какъ садовника радуетъ выглянувшій первый бутонъ. Онъ точно переживалъ этотъ трепетъ жизни и чувствовалъ свою жизнь совсѣмъ полной. Маляйка уходилъ впередъ большими шагами, и его свѣжій голосокъ точно освѣщалъ скучную жизнь въ докторскомъ домѣ. Эти отношенія были хороши уже однимъ тѣмъ, что стороны ничего не требовали другъ отъ друга и были довольны настоящимъ.

Разъ въ такой длинный осенній вечеръ Куваевъ въ своемъ кабинетѣ совсѣмъ заораторствовался, увлекшись темой о великомъ значеніи науки. Маляйка полулежалъ на кушеткѣ съ плотно сжатыми губами, а Куваевъ порывисто шагалъ по кабинету и по пальцамъ перечислялъ величайшихъ подвижниковъ, героевъ и мучениковъ науки. Вѣдь это все святые люди, безкорыстно работавшіе на пользу всего человѣчества, на нихъ нужно молиться. Безъ нихъ люди бродили бы въ темнотѣ, какъ слѣпые. Поэтому нужно съ уваженіемъ относиться къ ихъ трудамъ и цѣнить ихъ больше, чѣмъ люди привыкли цѣнить хоть тѣ же деньги. Въ этомъ случаѣ Куваевъ противорѣчилъ своему мѣщанству и посредственности, но вѣдь онъ говорилъ не о себѣ, и Маляйка видѣлъ этихъ святыхъ людей, горѣвшихъ на кострахъ за свои убѣжденія, поднимавшихся на воздушныхъ шарахъ за облака, спускавшихся въ страшныя пропасти, переплывавшихъ на утлыхъ суденышкахъ цѣлые океаны, странствовавшихъ въ полярныхъ странахъ и по африканскимъ пустынямъ, производившихъ въ своихъ ученыхъ кабинетахъ опасные опыты и т. д. и т. д.

— И все это дѣлалось для того знанія, которое мы получаемъ даромъ, сидя въ своей комнатѣ,—говорилъ Куваевъ, встряхивая волосами.

Нетерпѣливый звонокъ въ передней прервалъ эту сцену. Куваевъ нахмурился, потому что было девять часовъ вечера, а поздніе гости отнимаютъ напрасно такъ много времени. Гостемъ оказался Щучка, такой же свѣжій и румяный, какимъ былъ восемь лѣтъ назадъ, хотя волосы на головѣ у него замѣтно рѣдѣли.

— Я, кажется, вамъ помѣшалъ?—говорилъ онъ, заглядывая въ лицо Куваеву.—Извини, голубчикъ: у меня ужъ такой характеръ, что не могу не подѣлиться съ хорошимъ человѣкомъ пріятной новостью... Нарочно ѣхалъ къ вамъ, чтобы сказать всего два слова. А какъ здоровье Варвары Михайловны? Да, такъ поздравляю, голубчикъ: къ намъ ѣдетъ оперетка... Каково?.. Помилуйте, эти драмы всѣмъ такъ надоѣли, нужно же отдохнуть и посмѣяться. Въ жизни и безъ того достаточно съ насъ драмъ... Да, оперетка. И представь себѣ, кто это устроилъ?..

— Мнѣ рѣшительно все равно, кто бы ни устроилъ,—вырвалось у Куваева.—Я не согласенъ съ вами относительно оперетоманіи...

— Нѣтъ, вы слушайте: ѣдетъ Хомутовъ, нашъ разбойникъ и спаситель. Цѣлый городъ ликуетъ, потому что, какъ хотите, а Хомутовъ незамѣнимый антрепренеръ, и безъ него мы чуть не пропали съ тоски.

— Да?

— Послушайте, вы что то совсѣмъ не въ своей тарелкѣ?.. Такъ нельзя жить... Нужно смотрѣть на жизнь черезъ розовыя очки...

— Маляй, ступай къ себѣ,—говорилъ Куваевъ, выпроваживая ребенка.—Тебѣ здѣсь нечего дѣлать.

— И главное, collega, сколько прилетитъ этихъ птичекъ пѣвчихъ... ха-ха!..—не унимался Щучка, прищелкивая языкомъ.—Конечно, моя жена святая женщина, и вы тоже человѣкъ связанный, но сердце...

— Я васъ не подсчитываю ни въ чемъ, а мое мнѣніе остается при мнѣ,—сухо отвѣтилъ Куваевъ.—Мы вообще, кажется, не понимаемъ другъ друга... Мнѣ остается только завидовать вашему всегдашнему розовому настроенію...

— Не пон-ни-маю!..—протянулъ Щучка, лукаво прищуривая свои масляные глазки.—Однако, извините, мнѣ некогда... Мой сердечный привѣтъ Варварѣ Михайловнѣ!

Варенька въ это время сидѣла въ комнатѣ maman и задумчиво смотрѣла на развернутую столичную газету, гдѣ мелкимъ шрифтомъ былъ напечатанъ новый составъ хомутовской труппы. Этотъ номеръ ей обязательно привезла еще утромъ m-me Курчеева, и Варенька цѣлый день ходила, какъ въ туманѣ. Макъ-Магонъ ходила по комнатѣ и повторяла съ особеннымъ чувствомъ:

— Да, если бы ты слушалась твоей матери... Пойми: вѣдь это оперетка!.. Успѣхъ обезпеченъ, и Хомутовъ сдѣлаетъ дѣло. Онъ не говорилъ тебѣ ничего, когда уѣзжалъ отсюда?..

— Нѣтъ, говорилъ... и предлагалъ поступить въ его труппу.

— Да... гм... я догадывалась. Положимъ, что твое время еще не ушло, но, если бы ты слушалась своей матери... Ахъ, дурочка, дурочка, какая это жизнь, какъ мы живемъ теперь?.. А у тебя есть голосъ, небольшой, но свѣженькій... Говоря правду, я побаивалась этого Хомутова, который, кажется, не прочь былъ тобой замѣстить вакансію Мясоѣдовой... О, онъ неисправимъ!..

— Maman...

— Послушай, дружокъ, вѣдь я не слѣпа!.. Да, я опасалась, но все сошло благополучно... Да и что за интересъ соперничать съ Зайцемъ? Будемъ называть вещи настоящими именами...

— Maman...

Въ головѣ Макъ-Магона поднялся цѣлый вихрь самыхъ разнородныхъ мыслей. Привезенное m-me Курчеевой извѣстіе подняло въ ней всю кровь, и теперь она думала, думала и думала... Ей рисовалась блаженная перспектива сдѣлаться опять театральной мамашей. Да... Будетъ этой куриной жизни, а она сумѣла бы обставить Вареньку, которая не повторила бы по крайней мѣрѣ ея собственныхъ ошибокъ. Во-первыхъ, взять за правило никогда не допускать слабостей съ разными театральными санкюлотами и альфонсами, какъ Астраханцевъ, потомъ держать на приличномъ разстояніи Хомутова—и только. За друзьями и покровителями дѣло не станетъ, и опереточныя примадонны не стѣсняются. Красивая женщина у себя дома не имѣетъ никакой цѣны—она насѣдка и только, а та же женщина на подмосткахъ—сила. Макъ-Магонъ не забывала и себя и съ особенной нѣжностью поцѣловала дочь въ голову.

— Бѣдная моя...—шептала она со слезами на глазахъ,—ты сама не знаешь себѣ цѣны!..

Щучка отъ Куваева проѣхалъ прямо въ Театральную улицу къ Орловой, чтобы сообщить Зайцу радостную вѣсть. Онъ возобновилъ съ ней знакомство въ концѣ лѣта и, по старой памяти, немножко ухаживалъ. Изъ-за этого у Куваева съ Зайцемъ произошла легкая размолвка, но изъ подобныхъ недоразумѣній сплеталась вся немудреная заячья жизнь, и „водевильная штучка" платила своему даровому доктору самой черной неблагодарностью.

— Новость! Новость!..—кричалъ Щучка еще въ передней.

Вбѣжавъ въ комнату Зайца прямо въ осеннемъ пальто, Щучка убѣдился, что онъ немного запоздалъ съ своей радостью. На столѣ у дивана стояла бутылка водки и другая съ какимъ-то виномъ, на большой старинной тарелкѣ валялись огрызки колбасы и хвостъ неизвѣстной рыбы. Рюмки съ недопитымъ виномъ разставлены были по столу въ самомъ художественномъ безпорядкѣ. Однимъ словомъ, происходило великое торжество.

— Мы кутимъ!..—встрѣтилъ доктора Заяцъ, замѣтно раскраснѣвшійся.

На диванѣ полулежалъ комикъ Недорѣзовъ, смотрѣвшій на Щучку помутившимися пьяными глазами. Агаѳья Петровна сидѣла напротивъ въ глубокомъ креслѣ и безучастно моргала—она тоже раздѣляла общее праздничное настроеніе.

— Хомутовъ ѣдетъ!..—торжественно выкликивалъ Заяцъ, показывая Щучкѣ только-что полученную телеграмму.—Каково? Скажите это Куваеву, а онъ еще спорилъ, что Хомутовъ меня забылъ... И пятьдесятъ рублей послалъ. Да.

— Ура!..—кричалъ Щучка, схватывая первую попавшуюся на глаза рюмку.—Пью за красоту и молодость!.. Вообще за женщинъ, а Куваевъ, говоря между нами, глупъ... Еще Лютеръ сказалъ, что, кто не любитъ пѣсенъ, вина и женщинъ, тотъ круглый дуракъ.

XXIX.

Хомутовъ наконецъ явился въ Бужоѳмѣ во главѣ опереточной труппы. Услужливая молва впередъ усыпала цвѣтами побѣдный путь унюхавшаго духъ времени импрессаріо: примадонна Баловень-Закатальская получала въ мѣсяцъ 960 р., первый теноръ Янченко-Пащенко 700 р., простыя хористки по 100 р., а „абсолютная балерина“ (prima ballerina assoluta) Биржинія Маргарини 500 р. Самъ Хомутовъ выступалъ въ роли комическаго баритона. Говорили о роскошныхъ декораціяхъ, о великолѣпныхъ костюмахъ и по пальцамъ перечисляли всѣ чудеса обстановки: настоящее электрическое освѣщеніе, настоящій фонтанъ, живой верблюдъ и т. д. По спеціальной телеграммѣ, половина номеровъ въ „Калифорніи“ была законтрактована подъ помѣщеніе гг. артистовъ.

— О, Хомутовъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ!—повторяли оживившіеся обыватели на всѣ лады.—Однѣ хористки чего сто̀ятъ... Вѣдь это не драматическая труппа, гдѣ въ статистки поступали пожарныя лошади.

Хомутовъ, дѣйствительно, зналъ, что̀ дѣлалъ, и съ первыхъ же шаговъ завоевалъ городъ. Объявленный абонементъ имѣлъ небывалый въ лѣтописяхъ Бужоѳма успѣхъ: все было взято съ боя, и на каждый номеръ ложи было нѣсколько новыхъ кандидатовъ. Успѣхъ былъ небывалый, рѣшительный и ошеломляющій, и обыватели смотрѣли другъ на друга съ нѣмымъ изумленіемъ: дескать, каковы мы-то? Пожалуй, и столицѣ носъ утремъ. Главное, откуда взялись деньги: цѣлый рядъ драматическихъ труппъ умиралъ съ голоду, а тутъ засыпали деньгами. Цѣлыхъ два мѣсяца только и было разговоровъ, что объ опереткѣ. Меломаны, видавшіе Шнейдеръ и Жюдикъ, посвящали новичковъ въ тайную прелесть накатившагося блаженства, и впередъ устраивались подписки, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить дорогихъ гостей.

Докторъ Щучка сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ ассистента при Хомутовѣ и фальшивымъ голосомъ напѣвалъ по цѣлымъ днямъ прогнившую парижскимъ шикомъ фразу: „Оно пришло само собой“...

Всѣ старые грѣхи Хомутова были забыты, и онъ пользовался теперь неограниченнымъ довѣріемъ публики. Денегъ у него были полны карманы, но, по старой привычкѣ, выработанной въ теченіе долголѣтнихъ драматическихъ голодовокъ, онъ все-таки занималъ у своихъ поклонниковъ „до завтра“ и швырялъ деньгами направо и налѣво, какъ набобъ.

Оперетка заполонила все. Бульварная грязь, созданная парижской улицей, полилась широкой волной на упоенную публику. Въ первомъ ряду креселъ нѣсколько лѣтъ пустовавшаго театра теперь сидѣли и предсѣдатель окружнаго суда, и управляющій банкомъ, и мѣстныя знаменитости по адвокатской, докторской и другимъ частямъ. Однимъ словомъ, являлся „весь Бужоёмъ“, какъ выражалась m-me Курчеева, даже во снѣ грезившая лексикономъ опереточныхъ выраженій.

Эта волна ворвалась и въ квартиру Куваева, гдѣ Макъ-Магонъ и Варенька совсѣмъ отвыкли отъ дикаго счастья Хомутова, который годъ назадъ явился къ нимъ оборвышемъ.

— Ахъ, если бы ты, Варенька, слушалась своей матери,—повторяла Макъ-Магонъ, ломая въ отчаяніи руки.—Закатальская еще не успѣла высунуть носа, и ужъ ее засыпали подарками. Даже Зайцу нашлось мѣсто, и Хомутовъ одѣваетъ ее, какъ герцогиню. Вотъ ужъ отъ кого я не ожидала такого благородства... И что онъ въ ней нашелъ: щепка щепкой, а вмѣсто рукъ и ногъ какія-то дрова!.. Между тѣмъ онъ за ней ужасно ухаживаетъ...

Варенька молчала и только опускала свои прелестные глаза. Да, неповиновеніе родителямъ великій грѣхъ...

— А твой-то муженекъ хочетъ быть всѣхъ умнѣе,—язвила Макъ-Магонъ угнетенную дочь.—Даже и глазъ въ театръ не кажетъ... хорошъ!.. А Щучка говоритъ прямо: „если я буду, говоритъ, сидѣть во второмъ ряду креселъ, то половину паціентовъ растеряю“. А у насъ нѣтъ даже абонированной ложи... Это просто какое-то идіотство!..

Съ Хомутовомъ Варенька видѣлась всего одинъ разъ, въ салонѣ m-me Курчеевой. Онъ съ участіемъ и сожалѣніемъ крѣпко пожалъ ей руку и проговорилъ вполголоса:

— Мой любимый цвѣтъ—синій, а синій цвѣтъ означаетъ постоянство.

— Вы почему не хотите бывать у насъ? — спросила застѣнчиво Варенька.

— А вашъ супругъ?.. Я вѣдь похоронилъ все драматическое...

— Я буду рада васъ видѣть у себя...

Въ другой разъ Хомутова просить не пришлось: онъ черезъ два же дня явился съ визитомъ и даже расцѣловалъ руки у Макъ-Магона, тронутой этой любезностью до слезъ. Варенька была одѣта въ синемъ шелковомъ платьѣ, и Хомутовъ задумчиво улыбнулся, опытнымъ глазомъ мѣряя намѣченную жертву съ ногъ до головы. Впрочемъ, онъ посидѣлъ недолго и, ссылаясь на кучу дѣлъ, уѣхалъ.

— Да, у васъ теперь, Платонъ Ильичъ, министерскія заботы...—льстиво повторяла Макъ-Магонъ.—Всѣ ходятъ за вами, какъ за кладомъ.

— Совершенно вѣрно, но все-таки мое положеніе хуже губернаторскаго, хотя и лучше министерскаго. Занимаю отвѣтственный постъ...

Макъ-Магонъ завоевала себѣ и Варенькѣ мѣстечко въ ложѣ Курчеевыхъ, гдѣ могла бывать, только чередуясь съ дочерью. И это уже было такое счастье, котораго были лишены многіе. М-me Курчеева была всегда такъ

любезна, и Хомутовъ являлся въ ея ложу въ каждый антрактъ, чтобы поболтать съ дамами и сказать два-три слова Варенькѣ. Щучка чуть-чуть не вывернулъ шеи, заглядывая въ эту ложу,—Хомутовъ запретилъ ему преслѣдовать себя по пятамъ.

Въ общемъ движеніи не принималъ участія одинъ Куваевъ, который продолжалъ упорно отсиживаться у себя дома и занимался попрежнему съ Маляйкой. Онъ видѣлъ и зналъ, какъ его обманываетъ жена, но теперь въ немъ самомъ нарастало и кипѣло другое настроеніе. Ему было и жаль жены и совѣстно за нее. Нѣсколько разъ онъ думалъ откровенно выложить предъ ней свою душу, но откладывалъ, придавленный совѣстливымъ чувствомъ. Раньше онъ боялся этихъ объясненій отчасти изъ малодушества, отчасти изъ нежеланія показаться смѣшнымъ и унижающимся. Но теперь въ немъ проснулось другое всеобъемлющее и необъятное чувство, и только одинъ Маляйка, пытливо всматривавшійся въ него своими чистыми дѣтскими глазами, инстинктивно понималъ, какъ ему тяжело. Между ними установилась та глубокая нравственная связь, которая не нуждается въ словахъ. Куваевъ сознавалъ, что онъ только сквозь эту чистую душу увидѣлъ самого себя въ настоящемъ свѣтѣ со всей мелочностью и пустотой, буржуазными привычками и подавляющей посредственностью. Онъ мучился теперь не за себя, а за жену, которая несла въ себѣ проклятую заразу.

— Папа, ты нынче сталъ совсѣмъ другой,—говорилъ иногда Маляйка.

— Это оттого, что я ужъ старикъ.

Дѣйствительно, вся голова Куваева была точно перевита серебряными нитями, и эта преждевременная сѣдина придавала его лицу серьезный отпечатокъ.

Куваевъ зналъ о тѣхъ свиданіяхъ его жены съ Хомутовымъ, какія такъ любезно устраиваетъ m-me Курчеева, видѣлъ, какъ Варенька изпываетъ въ своей настоящей обстановкѣ, какъ ее точитъ Макъ-Магонъ, и въ его головѣ проносились тяжелыя картины одинокой старости и безцѣльнаго существованія, какъ коротаютъ свой вѣкъ старые холостяки и вдовцы. Вотъ Маляйка останется, и въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивались теперь всѣ помыслы Куваева. Онъ чувствовалъ, что самъ дѣлается лучше и чище, когда думаетъ о ребенкѣ.

По вечерамъ, чтобы разогнать тоску, Куваевъ разъ въ недѣлю уходилъ въ клубъ и тамъ просматривалъ газеты и журналы, чтобы хоть приблизительно знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Разъ, когда онъ сидѣлъ тамъ, закрывшись газетой, въ „журнальную“ комнату вошелъ пьяный Хомутовъ. Онъ узналъ Куваева издали, но не подалъ вида и очень развязно занялъ мѣсто напротивъ. Получилось крайне неловкое положеніе, и Куваевъ почувствовалъ, какъ въ немъ закипаетъ бѣшенство къ этому прощалыгѣ.

— Николай Григорьевичъ, здравствуйте...—заговорилъ первымъ Хомутовъ, наскучивъ играть роль осторожнаго человѣка съ достоинствомъ.

— А... это вы? — искусственно удивился Куваевъ и не протянулъ руки.

— Да, какъ видите, я...

Хомутовъ откинулся всѣмъ корпусомъ на спинку стула, широко вздохнулъ и неловко замолчалъ. Въ журнальной горѣла одна висячая лампа, плохо освѣщавшая захватанную клубную обстановку; въ отворенную дверь доносились возгласы завинтившихся игроковъ и крики: „Чеэкъ, ррюмку водки!.. Чеэкъ, два брудеррброда!..“ Изъ далекаго коридора отдѣльными руладами

всплывали звуки штраусовскаго вальса. Было уже часовъ двѣнадцать, и Хомутовъ явился въ клубъ послѣ спектакля—онъ сильно кутилъ въ послѣднее время.

— Николай Григорьевичъ, вы, кажется, что-то имѣете противъ меня... да,—заговорилъ Хомутовъ, раскачиваясь на стулѣ.—Вотъ и руки не протянули...

— Я думаю, что намъ самое лучшее не входить въ подобныя объясненія, Платонъ Ильичъ...

— Вы думаете, что я пьянъ?—обидѣлся Хомутовъ съ логикой пьянаго человѣка.—Я замѣчаю это по выраженію вашего лица...

— Послушайте, оставьте меня въ покоѣ!..—заявилъ Куваевъ дрогнувшимъ голосомъ и бросилъ газету.

Но Хомутовъ совсѣмъ не замѣтилъ этого движенія и опять погрузился въ пьяную дремоту. У Куваева тряслись губы отъ душившей его злобы, но эта пьяная скотина обезоруживала его своимъ состояніемъ полной невмѣняемости.

— Да, успѣхъ...—бормоталъ Хомутовъ, упираясь локтями на столъ съ газетами.—Всѣ довольны... ха-ха!.. А Хомутовъ все-таки чувствуетъ себя величайшимъ мошенникомъ... да... Когда онъ крадъ чужія деньги и скрывался, тогда Хомутовъ былъ честнымъ человѣкомъ... Конечно, я говорю относительно, какъ все на бѣломъ свѣтѣ дѣлается... И почему мошенникъ, какъ вы думаете?

— Мнѣ это рѣшительно все равно...

— А я скажу!.. Помните, какъ я тогда бился съ драматической труппой?.. И, знаете, все-таки чувствовалъ себя хорошо, потому что дѣйствительно служилъ искусству... поощрялъ, нѣкоторымъ образомъ... Имѣлъ свою собственную гордость заставить публику плясать по своей дудкѣ: ты все-таки пойдешь въ театръ, хоть и не желаешь. Ну, и прогорѣлъ до зла-горя... Хорошо-съ. Одного не было — во всѣхъ грѣхахъ виноватъ, но я никогда не унывалъ. Вѣдь я любилъ всей душой это самое искусство... тутъ бьется великая человѣческая мысль, тутъ геніальнѣйшіе люди кровь свою проливали, тутъ поэзія, однимъ словомъ, духъ возвышаетъ. Возьмите Шейлока, Гамлета, Карла Моора, Уріеля Акосту, а тамъ начнутся Кречинскіе и Расплюевы, Хлестаковы и Чацкіе, Жоржеттка Градищевъ и Любимъ Торцовъ... А Марія Стюартъ, Офелія, La dame au camelias, Катерина изъ „Грозы“, Майорша? Да-съ... Грѣшный человѣкъ, любилъ и водевилятину и разные другіе крендели... Зайчикъ шансонетку споетъ... Ну, и все-таки провалился. А почему? Публика подлая... да... У меня все-таки живое мѣсто оставалось, а у ней и этого не было. Согласны? Да, вы, публика, подлецы, а не Хомутовъ, который убѣгалъ съ украденными деньгами... И что же?—теперь онъ не украдетъ и вотъ сидитъ передъ вами съ туго набитымъ карманомъ, какъ всѣ порядочные люди, а тамъ червячокъ сосетъ на душѣ. Драматическая труппа, какъ всѣ честныя труженицы, умирала съ голода, а когда сдѣлалась проституткой—и сыта, и отлично одѣта, и пьяна... Вотъ что такое оперетка, и Хомутовъ все понимаетъ!.. Набралъ я теперешній свой курятникъ съ бору да съ сосенки, назначилъ дикія жалованья, потому что только честный трудъ дешевъ, и что же, публика носитъ меня на рукахъ, а я вотъ ною... Челаэкъ, рюмку очищенной!..

Куваевъ слушалъ эту исповѣдь, опустивъ глаза. Его собственное чувство улеглось, и онъ начиналъ понимать вотъ этого Хомутова и его неумирающее обаяніе.

— А кто поощрялъ таланты?—продолжалъ Хомутовъ, проглотивъ рюмку водки и держа кусокъ балыка двумя пальцами на вѣсу.—Чуть провернется самый маленькій талантикъ, я его сейчасъ и подъ крылышко. Всякая искорка Божія блеститъ... да. Вотъ за что Хомутова и любили женщины. Помните мой девизъ: нужно поощрять искусство?..

Хомутовъ хотѣлъ сказать что-то еще, но уронилъ голову на столъ и сейчасъ же захрапѣлъ—онъ былъ мертвецки пьянъ. Куваевъ осторожно вышелъ изъ журнальной и въ дверяхъ носомъ къ носу столкнулся со Щучкой, который летѣлъ съ какимъ-то листочкомъ въ рукахъ.

— Куда вы?.. Да постойте же...—накинулся онъ на Куваева и совалъ ему свой листочекъ прямо въ носъ.—Вотъ посмотрите, какъ нынче все просто... Прежде мы сколько времени тратили совершенно непроизводительно ухаживали, подносили букеты, терлись за кулисами, а тутъ все на чистоту—: такса... ха-ха!.. и Баловень-Закатальская и Виржинія Маргарини... Вѣдь это остроумно?.. А какая есть жидовочка въ кордебалетѣ: рыльце кошечкой, глаза миндалемъ...

Куваевъ молча оттолкнулъ старика съ дороги и зашагалъ по коридору къ выходу. Хомутовъ былъ правъ... Въ дверяхъ буфета ему попался Заяцъ. Она видимо отыскивала импрессаріо, но прямо спросить Куваева стѣснялась, а только смотрѣла на него своими испуганными глазами съ какой-то затаенной мыслью.

— Онъ тамъ...—отвѣтилъ Куваевъ на нѣмой вопросъ, показывая головой въ журнальную.

— Который „онъ“?

— Оба...

Въ буфетѣ орали пьяные голоса: „Ура, Баловень!.. Урра-а...“

XXX.

Въ Великій постъ хомутовская труппа едва успѣла отдохнуть отъ сыпавшихся на ея голову всевозможныхъ знаковъ сочувствія бужоёмской публики. Всѣ были довольны. Баловень-Закатальская, воспѣтая г. Сальниковымъ, какъ рѣдкое растеніе, пожинала самые обильные лавры и на букеты или корзины цвѣтовъ просто сердилась. За цѣнными подарками, конечно, дѣло не стало, причемъ загулявшіе театралы подѣлились на двѣ партіи: поклонники Маргарини и поклонники Баловень. Если первой подносили подарокъ въ 500 р., то второй нужно было подносить вдвое. Обѣ премьерши были довольны этимъ соперничествомъ, какъ и Хомутовъ.

Послѣ Пасхи афиши возвѣстили послѣдній репертуаръ, и билеты взяты были приступомъ. Хомутовъ замышлялъ на будущій годъ нѣчто слишкомъ грандіозное, о чемъ передавали самые невѣроятные слухи только шопотомъ. Онъ сталъ время отъ времени бывать у Куваева, выбирая время, когда хозяина не было дома. Варенька наконецъ рѣшилась бросить мужа и поступить въ хомутовскую труппу, а Макъ-Магонъ въ недалекомъ будущемъ мечтала снова занять постъ театральной мамаши и усиленно готовилась къ этому подвигу.

— Только, пожалуйста, все это между нами...—предупреждалъ Хомутовъ, цѣлуя Вареньку въ лицо.—Конечно, пока, а тамъ и мужъ узнаетъ въ свое время. Этого требуетъ благоразуміе...

— Предоставьте ужъ намъ все устроить,—обижалась Макъ-Магонъ, поднимая брови.—Пожалуйста, не безпокойтесь...

— О, я на васъ, Дарья Семеновна, надѣюсь, какъ на каменную стѣну!.. Варенька слишкомъ еще молода, а мы съ вами травленые волки...

Но эту тайну зналъ уже весь городъ, какъ зналъ и Куваевъ. Во-первыхъ, побѣгъ назначенъ по окончаніи сезона, потомъ m-me Курчеева приняла материнское участіе и вмѣстѣ съ г. Сальниковымъ провожала бѣглецовъ до первой станціи. Эти главные пункты уснащались разными пикантными подробностями: конечно, виноватъ и самъ Куваевъ, который не позаботился обуздать жену во-время, а потомъ замѣшался другъ дома Щучка, который хочетъ непремѣнно навязать Вареньку Хомутову и этимъ путемъ воспользоваться снова благосклонностью Зайца, и т. д. Немногіе ожидали, что Куваевъ непремѣнно что-нибудь устроитъ и на первый разъ обязательно застрѣлитъ Хомутова, какъ это сдѣлалъ бы на его мѣстѣ всякій порядочный человѣкъ.

Оставалось всего нѣсколько спектаклей, и общее напряженное настроеніе росло: получался настоящій романъ. Въ куваевской квартирѣ царило уныніе и та грозная тишина, которая готова разразиться бурей. Разъ вечеромъ, когда Варенька была въ театрѣ, а Куваевъ занимался дома одинъ, къ нему въ кабинетъ вошла няня Ефимовна и предупредительно капнямула въ руку.

— Чего тебѣ, няня?—недовольнымъ тономъ спросилъ докторъ

— Маляйку вы не видали?..

— Нѣтъ... А гдѣ онъ?..

— Да въ садъ съ ребятами убѣжалъ, а ужъ десятый часъ на дворѣ... Темняется.

Посланъ былъ сейчасъ же въ „Кармановскій садъ“ кучеръ, но тамъ, кромѣ жуликовъ и бѣлыхъ фартуковъ, никого не было. Куваевъ встревожился и отправился на розыски самъ. Становилось уже темно, и по саду ходили съ фонаремъ: Маляйки нигдѣ не было. Пришлось обратиться за справками къ товарищамъ Маляйки, которые и разсказали, что онъ игралъ съ ними въ саду, но пришелъ тотъ сумасшедшій, который такъ смѣшно представляетъ по-театральному, и Маляйка ушелъ за нимъ. Старикъ кричалъ что-то такое смѣшное стихами, колотилъ себя въ грудь и плакалъ, а Маляйка слушалъ его и потомъ пошелъ, самъ пошелъ.

„Не Булатовъ ли это?“—мелькнула въ головѣ Куваева мысль.

Онъ бросился разыскивать по горячимъ слѣдамъ. Старика и мальчика видѣли въ двухъ кабачкахъ, а потомъ они заходили въ театръ. За кулисами Куваевъ стыскалъ Зайца и задыхавшимся голосомъ спросилъ о Маляйкѣ.

— Да, они были здѣсь...—отвѣчалъ Заяцъ, удивляясь разстроенному виду доктора.—И старикъ Булатовъ и Маляйка... А потомъ ушли...

— Куда?

— Не знаю... Я такъ удивилась: старикъ совсѣмъ съ ума спятилъ.

Оставалось сдѣлать заявленіе въ полицію и отпереться самому по разнымъ трущобамъ. Но все было напрасно, и домой Куваевъ вернулся только въ часъ ночи. Онъ прямо прошелъ въ опустѣвшую комнату Маляйки, гдѣ сидѣла поджидавшая его Паша. Увидѣвъ кормилицу, Куваевъ опустился близехонько на стулъ и почувствовалъ, что точно кто-то схватилъ его за горло и началъ душить.

— Богъ милостивъ, Николай Григорьичъ,—ласково утѣшала Паша, вытирая слезы передникомъ.—Ужъ какой мальчикъ-то, а тоже попритчилось что-то... Это его непремѣнно увелъ проклятущій старикъ.

Куваевъ не слыхалъ, что говорила Паша, и [illegible] только у себя

въ кабинетѣ. Мысль о Маляйкѣ не оставляла его, и онъ шагалъ изъ угла въ уголъ, какъ сумасшедшій. Вонъ на столѣ валяется развернутая дѣтская книжка, на дверяхъ еще не успѣли закрасить выцарапанныхъ нетвердой дѣтской рукой каракуль, а гдѣ онъ теперь?.. Куваеву дѣлалось душно. Онъ выбѣжалъ на улицу и на первомъ извозчикѣ, попавшемся подъ руку, бросился на новые розыски и до шести часовъ утра исколесилъ всѣ окраины. Все было напрасно: Маляйка точно провалился сквозь землю...

— Что же это такое?—спрашивалъ самого себя Куваевъ, хватаясь за голову.—И за что?..

Не раздѣваясь, онъ бросился на кушетку, подавленный и уничтоженный. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Каждый шорохъ заставлялъ прислушиваться. На улицѣ уже начиналось движеніе. Шли и ѣхали каждый по своему дѣлу, а онъ, Куваевъ, не понималъ даже, что дѣлается съ нимъ. Еще неиспытанное жгучее чувство охватило его: вѣдь въ Маляйкѣ онъ терялъ все... Да, онъ, большой человѣкъ, прилѣпился къ нему всей душой и въ его присутствіи забывалъ все остальное.

Часовъ въ восемь пришла Паша съ заплаканными глазами, и Куваевъ былъ радъ живому лицу. Она что-то говорила, кажется, просила лошади и наконецъ ушла. Куда она ушла?.. Неужели ужъ девять часовъ?.. Какъ сильно сегодня звонятъ гдѣ-то на колокольнѣ... Потомъ Куваевъ слышалъ, какъ въ спальнѣ гремѣлъ умывальникъ—это умывалась вставшая раньше обыкновеннаго Варенька. О, какъ онъ теперь ненавидѣлъ ее, ненавидѣлъ за все, и даже самъ испугался своего чувства.

Маляйка отыскался только черезъ три дня самыхъ дѣятельныхъ розысковъ. Его нашла Паша гдѣ-то въ предмѣстьѣ, въ одной изъ жалкихъ лачугъ. Ребенокъ лежалъ больной. Старикъ Булатовъ только улыбнулся, когда Паша накинулась на него съ яростью насѣдки.

— Онъ самъ полезъ за мной...—повторялъ сумасшедшій старикъ.—Да... Искусство требуетъ жертвъ... Изъ этого ребенка тоже вышелъ бы великій артистъ, если бы не ваше дурацкое воспитаніе.

— Ахъ, Паша, Паша, какъ мнѣ было хорошо!..—шепталъ Маляйка, съ трудомъ открывая глаза.—Мы были въ театрѣ... Зачѣмъ папа никогда меня не отпускалъ въ театръ?.. Моя настоящая мама тоже играла въ театрѣ...

Паша уложила Маляйку въ экипажъ, какъ котенка, а Булатовъ стоялъ въ своихъ лохмотьяхъ безъ шапки на улицѣ и повторялъ:

— Умереть—уснуть... не болѣе!..

Въ свою дѣтскую комнату Маляйка больше не вернулся, а Куваевъ уложилъ его въ собственномъ кабинетѣ. Во всемъ домѣ наступила та подавляющая тишина, которую приносятъ съ собой тяжелыя болѣзни. У Маляйки, вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія, открылась какая-то необыкновенно сложная болѣзнь, закончившаяся послѣдовательнымъ параличомъ: части тѣла и органы чувствъ умирали одинъ за другимъ. Въ первое время, когда Маляйка не терялъ сознанія, онъ подолгу и внимательно вглядывался въ сидѣвшаго у постели Куваева и шопотомъ говорилъ:

— Папа, я виноватъ, но... я не знаю, что со мной тогда сдѣлалось... и мнѣ было такъ хорошо... Ты не сердишься на меня, папа?..

— Нѣтъ, голубчикъ. Тебѣ нужно лежать спокойно.

Собранный консиліумъ, какъ большинство такихъ медицинскихъ совѣтовъ, повелъ только къ разногласіямъ: каждый отстаивалъ свое мнѣніе, а

Щучка съ глупой радостью ссылался на наслѣдственность. Вѣдь и болѣзнь Елены Михайловны носила тоже неопредѣленный характеръ—это у нихъ въ крови, у этихъ странствующихъ артистовъ. Куваевъ отнесся къ этой послѣдней ученой комедіи совершенно безучастно, какъ къ печальной послѣдней необходимости. Онъ у постели больного потерялъ счетъ днямъ и ночамъ и позволялъ смѣнять себя только одной Панѣ, которая вмѣстѣ ухаживала и за нимъ: заставляла ѣсть, укладывала спать и вообще „заговаривала", какъ это умѣютъ дѣлать одни простыя русскія бабы, которыя заговариваютъ даже кровь-руду.

Маляйка умеръ. Это было раннимъ утромъ, когда звонили въ церквахъ къ заутренѣ. Онъ лежалъ такой бѣлый и спокойный въ своемъ гробу, вытянутый болѣзнью почти въ ростъ большого человѣка. Опять горѣли похоронныя свѣчи, какъ и тогда въ „Калифорніи", опять явилась старушка Орлова и заглянула въ лицо покойника... Приходили и уходили совсѣмъ неизвѣстные люди, которые раньше никогда не бывали въ куваевской квартирѣ. Макъ-Магонъ и Варенька принимали посѣтителей въ черныхъ платьяхъ и плерезахъ—это была еще ложь, которая заставляла Куваева избѣгать встрѣчи съ ними.

„Къ чему еще этотъ обманъ?—думалъ онъ, шагая по своему кабинету.—Не все ли имъ равно... и m-me Курчеева туда же явилась со слезами..."

Недоставало только, чтобы явился Хомутовъ и принялъ родственное участіе въ похоронной процессіи. Но онъ не явился, занятый своими собственными дѣлами, и Макъ-Магонъ тревожно посматривала на Варенькy, на которую смерть Маляйки произвела сильное впечатлѣніе. Она любила зайти въ комнату, гдѣ стоялъ гробъ, когда тамъ никого не было, и подолгу стояла гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Куваевъ старался не рѣзать ей глаза своимъ присутствіемъ и только разъ, когда она, завидѣвъ его, сдѣлала движеніе уйти изъ комнаты, онъ совершенно просто спросилъ ее:

— Вы скоро уѣзжаете?..

— Я?.. Не знаю...

Она не смутилась и съ рѣшимостью взглянула мужу прямо въ глаза. Ему вдругъ сдѣлалось ужасно ее жаль, и онъ проговорилъ задыхавшимся шопотомъ:

— Варенька, подумай, что ты дѣлаешь?.. Я не говорю о себѣ: силой нельзя заставить любить...

— Я не знаю... Но чувствую одно, что не могу больше!.. Что-то заставило же уйти Маляйку... Нѣтъ, не говорите со мной. Есть обреченные, роковые люди...

Маляйку похоронили рядомъ съ матерью, а Варенька уѣхала съ Хомутовымъ. Макъ-Магонъ была совершенно счастлива. Квартира Куваева опустѣла, и онъ самъ сильно опустился, не показывался нигдѣ въ обществѣ и все сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, зарывшись въ книги. Единственнымъ человѣкомъ, который заставлялъ его выйти изъ этой апатіи, была Паша. Она заходила провѣдать „хорошаго доктора" и заботилась о немъ, какъ о маленькомъ.

1887.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Огни.

I.

У желѣзнодорожной будки, немного въ сторонѣ, ярко горѣлъ костеръ, освѣщая нѣсколько скорченныхъ фигуръ. Это были желѣзнодорожные рабочіе. Дневная работа была давно кончена, ужинъ тоже, но никто не ложился спать, потому что ожидали перваго пробнаго поѣзда, который пройдетъ всю линію „наскрозь“. Августовская ночь была темная и холодная, и рабочіе завидовали сторожу Андреичу, который жилъ въ будкѣ.

— Ему-то что: умирать не надо, — повторялъ русоволосый мужикъ съ болѣзненнымъ лицомъ и впалой грудью.—Главная причина, что сидитъ онъ въ теплѣ, не мокнетъ на дождѣ да еще жалованье получаетъ.

— Двѣнадцать цалковыхъ, — прибавилъ рыжебородый мужикъ.

— И при этомъ съ женой вмѣстѣ живетъ...

— Ужъ это что говорить... Кажется, съ недѣлю бы такъ пожить, да тутъ не знаю бы что сдѣлалъ. Прямо сказать: счастье человѣку. Въ сорочкѣ, надо полагать, родился...

Всѣ замолчали, точно придавленные мыслью о необыкновенномъ счастьѣ сторожа Андреича. По пути припомнились всѣмъ свои далекія семьи. Что-то тамъ дѣлается? Сгорбленный старикъ, сидѣвшій на обрубкѣ дерева, протягивалъ къ самому огню свои худыя руки съ скорченными пальцами, жмурилъ глаза и вздыхалъ.

— А все проклятая чугунка,— проговорилъ онъ наконецъ.—Все она... Она, братъ, заведетъ. Какія здѣсь мѣста, ежели сказать правильно: раменье, трущоба, камень, болото. На пятьдесятъ верстъ и селенья нѣтъ...

— Было попорчено вотъ какъ,—прибавилъ молодой парень въ жилеткѣ.— Одни болота чего стоили... Бутятъ-бутятъ его, болото-то, валятъ въ него и хворосту, и камню, и песку—настоящая прорва.

— А горы развѣ слаще?—спросилъ старикъ.—Побольше твоихъ болотъ было попорчено. Одного діемиду сколько было стравлено... Вотъ какіе каменья выворачивали. И не выговоришь... У насъ, въ Рязанской губерніи, и не слыхивали про такіе каменья. Точно на печь лѣзли... А теперь машина по нимъ какъ ахнетъ—какъ по маслу покатится.

— Машина — всему голова. Силища...

Опять молчаніе. Только потрескиваетъ огонь, точно онъ ѣстъ подкиды-

баемыя въ костеръ полѣнья. При всполохахъ пламени ярко очерчивается желѣзнодорожная насыпь, точно разграфленная двумя линіями рельсовъ. За ней темная стѣна глухого ельника, а налѣво спускъ подъ гору, къ мосту. Поѣздъ долженъ былъ пройти слѣва, изъ Перми. Слѣдующая будка стояла за мостомъ. Дорога дѣлала широкое закругленіе, и можно было видѣть огонекъ въ будкѣ, который то пропадалъ, то появлялся, какъ свѣтлякъ въ травѣ. Тамъ жилъ сторожъ Вахромей, сердитый старикъ изъ николаевскихъ солдатъ.

— Вахромею-то еще лучше, чѣмъ Андреичу, — говорилъ молодой безусый парень.—Жалованья рублемъ больше беретъ, а живетъ одинъ.

— За какую же ему причину рублемъ больше?

— Ундеръ... Полагается, значитъ, у моста порядокъ.

— И Андреичъ тоже ундеръ...

— А вотъ и не ундеръ, а простой солдатъ... Вотъ рубля-то какъ и не бывало.

— Перестаньте вы считать чужія деньги, — оговорилъ ихъ старикъ. — Зубы у себя во рту считайте... Скоро ли машина-то пройдетъ, а то пора спать.

— Надо полагать, скоро, потому какъ Андреичъ ужъ два раза выходилъ... Ему еще до мосту надо сходить и осмотрѣть путь.

Андреичъ, дѣйствительно, выходилъ два раза, стоялъ нѣкоторое время на крылечкѣ у своей будки и уходилъ. Это былъ средняго роста мужикъ, одѣтый по-городски — въ сапоги бутылкой, пиджакъ и суконный картузъ. Раньше онъ служилъ въ городѣ у купцовъ, а теперь ушелъ „на линію“, чтобы жить своей волей. Онъ мечталъ цѣлую жизнь о такой самостоятельной жизни и теперь былъ совершенно счастливъ. Ему нравилось, что онъ сейчасъ лицо отвѣтственное—за цѣлую версту дороги долженъ отвѣчать. Не досмотри Андреичъ какой-нибудь пустякъ—и цѣлый поѣздъ можетъ сверзиться. На этомъ основаніи съ простыми рабочими Андреичъ старался держать себя „сосредоточенно“. Между прочимъ, сидѣть ему въ будкѣ надоѣло, на линію выходить было рано, а къ огню рабочихъ онъ не рѣшался подойти, чтобы не уронить своего достоинства. Извѣстно, что̀ за народъ эти желѣзнодорожные рабочіе: съ бору да съ сосенки. Того и гляди, что еще что-нибудь стянутъ. Андреичъ, занявъ свой отвѣтственный постъ, сдѣлался подозрительнымъ.

Изъ-за облаковъ показалась луна, и все кругомъ точно потонуло въ фосфорическомъ мерцающемъ свѣтѣ. Лѣсъ какъ будто отодвинулся отъ полотна желѣзной дороги, за мостомъ въ синеватой мглѣ очертились силуэты лѣсистыхъ горъ. Мѣсто было самое глухое, недалеко отъ европейскаго водораздѣла.

— А вотъ и Андреичъ пошелъ на линію, — замѣтилъ кто-то изъ рабочихъ, когда сторожъ показался на крылечкѣ съ двумя свернутыми флагами въ рукѣ. — Скоро машина побѣжитъ...

Андреичъ постоялъ на крылечкѣ, точно что-то раздумывая, а потомъ принялъ дѣловой видъ и направился къ полотну. Онъ зашагалъ по шпаламъ, дѣлая неестественно широкіе шаги, и казался все меньше и меньше, пока не превратился въ маленькую черную точку.

— Вотъ и вся работа,—завистливо проговорилъ рыжебородый мужикъ.— Вышагивай по рельсамъ, какъ журавль, а чуть что̀ случилось — мы же поправлять должны.

Всѣ молчали, завидуя втихомолку Андреичу, каждый по-своему. Да, тоже называется работа... Житье этимъ сторожамъ—умирать не надо.

— Ребята, машина бѣжитъ,—говорилъ молодой парень.—Вотъ сейчасъ провалится, бѣжитъ...

— Гдѣ она бѣжитъ-то, омморошный?..

Тревога оказалась напрасной.

II.

Андреичъ, не торопясь, дошелъ до моста и крикнулъ Вахромея. Старикъ вышелъ изъ своей будки не вдругъ.

— Чего ты такую рань поднялся? — ворчалъ онъ.—Еще цѣльный часъ ждать.

Они сошлись на мосту и долго стояли у перилъ, глядя внизъ, гдѣ катилась быстрая горная рѣчонка Чанчиха. Мостъ казался несоразмѣрно высокимъ для такой ничтожной рѣчонки.

— Ужо какъ Чанчиха весной взыграетъ,—задумчиво говоритъ Андреичъ, сплевывая внизъ.—Сажени на двѣ вода подыграетъ, сказываютъ, ежели весна дружная. Какъ разъ подмоетъ...

— Ничего не подмоетъ, — сказалъ Вахромей, раскуривая коротенькую трубочку-носогрѣйку. — Анжинеры-то все вымѣряли...

— Анжинеры анжинерами... а рѣка рѣкой...

Вахромей не удостоилъ отвѣтомъ, а послѣ паузы проговорилъ другимъ тономъ:

— У тебя это что за пальмо у будки?

— Такъ... Рабочіе ждутъ машины.

— Имъ-то какая печаль? Спали бы себѣ, а машина и безъ нихъ пробѣжитъ.

— Такъ, несообразный народъ... Ну, прощай.

— Дрова только даромъ палять.

— Чего ихъ жалѣть, дрова-то? Не стало ихъ тутъ...

— Не порядокъ.

— Надо имъ погрѣться. Тоже живые люди...

Андреичъ пошелъ обратно. Онъ зажегъ маленькій фонарикъ и осматривалъ рельсы, особенно въ мѣстахъ скрѣпленія.

До будки оставалось всего сажень сто, когда у полотна желѣзной дороги точно изъ земли выросли двѣ темныхъ фигуры. Андреичъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности. На штабели шпалъ сидѣлъ старикъ съ сѣдой бородой, а около него стоялъ молодой мужикъ. Одѣты оба были въ раскольничьи полукафтанья.

— Эй, вы, что вы тутъ дѣлаете?!—громко крикнулъ Андреичъ, наводя на нихъ свѣтъ своего фонаря.

Молодой мужикъ спрятался за штабель, а старикъ продолжалъ сидѣть, точно не слышалъ окрика.

— Кажется, вамъ говорятъ?!.. Недавно оглохли...

Опять молчаніе. Андреичъ немного струсилъ. Ихъ двое, а онъ одинъ. Больше всего смущало то, что молодой мужикъ прятался. Развѣ хорошій человѣкъ будетъ прятаться? Мѣсто глухое, колыхнуть ножомъ—и вся не долга.

— Эй, что за люди?!..

— А мы такъ...—отвѣтилъ спокойно старикъ.

— То-есть какъ это такъ? Какой васъ чортъ по лѣсу ночью-то носитъ?.. Да еще къ самому полотну подошли.

— Да вѣдь мы его не съѣдимъ твое полотно...

— Съѣсть не стѣдите, а чортъ васъ знаетъ, что у васъ на умѣ...

— Охъ, не поминай ты „его“, миленькій, ради Христа.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— А такъ... Поглядѣть пришли, какъ машина пойдетъ.

— Нашли время. И чего глядѣть: пробѣжитъ машина—только и всего. Еще гайку гдѣ-нибудь отвинтите... Знаемъ мы вашего брата. Поглядѣть...

— Зачѣмъ мы будемъ твою гайку отвинчивать?—удивился сидѣвшій на штабели старикъ.

— А кто васъ знаетъ, зачѣмъ... нечего тутъ пустяки разговаривать. Идите за мной!

Послѣднее Андреичъ сказалъ совсѣмъ грозно, какъ и слѣдуетъ начальству. Молодой мужикъ сдѣлалъ движеніе убѣжать, и это окончательно разсердило Андреича. Онъ подскочилъ къ старику, схватилъ его за воротъ и потащилъ.

— Пойдемъ-ка, вотъ я вамъ покажу! Я васъ произведу.

— Постой, да ты на что разстервенился-то, миленькій!?—бормоталъ старикъ, дѣлая инстинктивное движеніе высвободиться.

Андреичъ остановился. Его больше всего поразило то, что старикъ былъ такой легонькій—онъ поднялъ его за шиворотъ одной рукой. Что такой человѣкъ можетъ сдѣлать?

— Алеша, иди сюды... — звалъ старикъ, съ трудомъ переводя духъ. — Не бойся, глупый. Ахъ, ты, Господи!

Обернувшись къ Андреичу, старикъ покачалъ головой и прибавилъ уже другимъ тономъ:

— Ну, чего ты сердишься-то, миленькій?

— А для того... не твое дѣло.

Притаившійся за штабелемъ Алеша нерѣшительно подошелъ. Это былъ рослый дѣтина съ глуповатымъ лицомъ и какими-то дѣтскими глазами.

— Идите, идите скорѣе, чего тутъ стали, — торопилъ ихъ Андреичъ, подталкивая сзади.—Нашли тоже мѣсто... того гляди, машина налетитъ. Еще раздавитъ какъ разъ.

Успокоенный немного полнымъ повиновеніемъ своихъ плѣнниковъ, Андреичъ опять разсердился, когда они подходили къ будкѣ, на этотъ разъ разсердился уже прямо по долгу своей службы. Ежели ихъ толкнуть въ сторожку, такъ какъ разъ еще жену зарѣжутъ, а ежели оставить такъ—убѣгутъ. Все равно, ему же отвѣчать за нихъ придется, какъ ни поверни.

— Эй, ребята! — крикнулъ Андреичъ рабочимъ. — Вотъ покараульте-ка этихъ птáхъ... да смотрите въ оба, чтобы не убѣжали. У самаго полотна сидятъ, канальи... да... впередъ-то я прошелъ и не замѣтилъ ихъ. Сидятъ и помалчиваютъ. А, на-азвольте, въ какихъ это смыслахъ люди у самаго полотна будутъ сидѣть?

Сдавъ плѣнниковъ съ рукъ на руки, Андреичъ торопливо побѣжалъ по шпаламъ къ тому мѣсту, гдѣ взялъ неизвѣстныхъ злоумышленниковъ. Второпяхъ онъ позабылъ даже посмотрѣть, не развинчены ли скрѣпленія между рельсами. По пути онъ нѣсколько разъ проклялъ свою собачью службу. Всего бойся, за всѣмъ угляди и за все отвѣчай... А можетъ, гдѣ-нибудь спряталось еще двое такихъ же кафтанниковъ? Андреичъ обѣжалъ съ фонаремъ сложенные около дороги штабели шпалъ и только спугнулъ зайчонка.

— Тьфу, ты, окаянный... — обругался онъ, когда зайчонокъ шмыгнулъ прямо черезъ полотно дороги.

Вообще, примѣта была скверная. Вотъ тебѣ и первый поѣздъ... Андреичъ окончательно упалъ духомъ.

III.

— Кто вы такіе будете?—допытывались рабочіе, разглядывая странныхъ ночныхъ гостей.

— А ничьи... такъ, Божіи...

— Та-акъ... А зачѣмъ же вы, напримѣрно, къ самому полотну приспособились? Дѣло ночное, не-полагается...

— Почему не полагается-то?

— Да ужъ такъ... Законъ требуетъ порядку... Этакъ всякій пойдетъ.

Отвѣчалъ молодой парень, а старикъ присѣлъ къ костру и грѣлъ заябшія руки. Его сморщенное, съ обтянувшейся желтой, какъ пергаментъ, кожей лицо было спокойно. Онъ о чемъ-то упорно думалъ, не замѣчая, что дѣлалось кругомъ. Иногда онъ только вздыхалъ и съ удивленіемъ поднималъ глаза на рабочихъ. Молодой стоялъ рядомъ съ нимъ въ такой позѣ, когда человѣкъ рѣшилъ отчаянно защищаться.

— Вы-то рабочіе будете?—спрашивалъ онъ.

— Около того... А вы на большой дорогѣ вязовой иглой шапки шьете?—пошутилъ молодой рабочій.

Эта шутка не вызвала обычнаго смѣха. Смущалъ всѣхъ неподвижно сидѣвшій старикъ. Онъ заговорилъ неожиданно, продолжая смотрѣть въ огонь, точно читалъ въ немъ свои мысли.

— Посмотрѣть пришли на вашу работу, миленькіе... Издалека пришли. Мы скитскіе... Захотѣлось, вотъ, мнѣ посмотрѣть на власть послѣдняго звѣря, какъ онъ огнемъ дышитъ. Да, дожили, всѣ дожили, и мнѣ привелъ Господь воочію видѣть твореніе рукъ его. Мало стало старыхъ дорогъ — давай чугунку налаживать. Скорѣе, слышь... А куда торопятся, миленькіе,—того и не подумаютъ. Ну, куда?

— Кому куда надобно—тотъ туда и торопится, дѣдка. У всякаго свои дѣла. И притомъ дешевле...

— Такъ... А прежде-то не было своихъ дѣловъ у каждаго?.. Ахъ, миленькіе вы горемыки... Сегодня вотъ на чугункѣ поѣхалъ, а завтра ужъ и она лихой покажется. А дѣловъ-то еще больше накопится... Огнь запрягли въ колесницу. Еще-то что останется? Внутренній огнь пожираетъ каждаго—вотъ всѣ и торопится... А кому лучше-то стало?

Открытіе, что это были „скитскіе старцы“, произвело сильное впечатлѣніе, особенно на старика-рабочаго. Всѣ теперь слушали, что говоритъ главный старецъ, и про себя соглашались съ нимъ. Да, правильныя слова говоритъ скитникъ. Не даромъ въ лѣсу Богу молился...

Когда у моста запѣлъ рожокъ Вахромея, всѣ встрепенулись. Осенній воздухъ крѣпкій и далеко разноситъ малѣйшій звукъ...

— Машина бѣжитъ... она!..

Всѣ бросились къ полотну. Скитники остановились немного поодаль и ждали. Старикъ такъ и впился глазами въ ту сторону, гдѣ на закругленіи долженъ былъ показаться поѣздъ. Послышался какой-то тяжелый грохотъ, а потомъ все стихло.

— Это машина по мосту пробѣжала... — объяснилъ молодой рабочій, обертываясь къ скитникамъ. — А теперь она, значитъ, въ гору начнетъ забирать.

Черезъ минуту вдали показалась свѣтлая точка. Она ширилась и росла съ надвигающейся быстротой, пока не превратилась въ яркую звѣзду, раз-

сыпавшую лучи яркаго свѣта. Видно было, какъ изъ трубы густыми клубами валилъ черный дымъ и снопами летѣли искры. Теперь можно было разсмотрѣть уже три огня — наверху желтый, а по бокамъ зеленый и красный. Поѣздъ приближался, увеличивая скорость. Слышенъ былъ подавленный гулъ, точно стонала сама земля. Скитники перекрестились и подались назадъ. Имъ казалось, что на нихъ летитъ огненный змѣй, гремя желѣзнымъ хвостомъ.

— Господи, помилуй!..

Поѣздъ промчался мимо нихъ съ какимъ-то бѣшенствомъ, разсыпая искры и оставляя за собой тучу дыма и бѣлаго пара. Въ освѣщенныхъ окнахъ вагоновъ мелькали какія-то человѣческія фигуры.

— Ну, теперь я все видѣлъ,—шепнулъ старикъ.—Пойдемъ, Алеша.

Когда Андреичъ вернулся, скитниковъ и слѣдъ простылъ. Они точно сквозь землю провалились. Андреичъ долго и неистово ругался.

1897.

Душа проснулась.

Еще съ вечера честная братія маленькаго раскольничьяго скита, затерявшагося въ далекой и непривѣтливой глуши Уральскихъ горъ, готовилась къ чуду, повторявшемуся изъ года въ годъ. Никто не зналъ объ этомъ чудѣ, кромѣ братьевъ-иноковъ, и они готовились къ нему цѣлопощной молитвой.

— Братъ Касьянъ безпокоится,—сказалъ первымъ келарь Пафнутій.— Душа въ немъ начинаетъ просыпаться...

Скитъ назывался „На проталинкѣ“, потому что стоялъ на угрѣвѣ горнаго откоса, гдѣ изъ горы выбивался холодный ключикъ, не замерзавшій зимой. Собственно говоря, это была небольшая, вросшая въ землю избушка, раздѣленная внутри на три упокоя: въ крайнемъ направо помѣщалась моленная, гдѣ днемъ и ночью шла упорная раскольничья служба, въ крайнемъ налѣво устроена была келарня, а въ средѣ братія работала и почивала. Всѣхъ иноковъ было только пять человѣкъ, да и тѣ едва тянулись. Бѣдный былъ скитокъ, и мало кто изъ раскольничьихъ милостивцевъ и доброхотовъ зналъ его, чтобы послать инокамъ подаяніе. Случалось братіи и голодать, особенно лѣтомъ, когда въ скитъ нельзя было пройти ни конному ни пѣшему—не пускали болота. Что успѣвали запасти съ зимы, тѣмъ и были сыты до осени. Трудно приходилось братіи, и давно бы она разбрелась въ разныя стороны, если бы не братъ Касьянъ.

Послѣднимъ пришелъ въ скитъ братъ Касьянъ, и съ нимъ пришла въ скитъ великая милость Господня, подкрѣпившая пустынножителей. Больше всѣхъ полюбился ему келарь Пафнутій, и Касьянъ проживалъ всю зиму въ келарнѣ. Онъ не выходилъ на общую молитву всю зиму, ни съ кѣмъ не говорилъ и молча сидѣлъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Пищу принималъ рѣдко, и только изъ рукъ одного Пафнутія.

Итакъ, всѣ готовились къ чуду.

Стояла весенняя ночь, какая только бываетъ въ такой лѣсной глуши. Мохнатыя сѣрыя ели пустили уже свои зеленыя лапки, почки на березахъ и осинахъ разбухли, изъ-подъ быстро тающаго снѣга выглянули желтыми глазками анемоны, кое-гдѣ на проталинкахъ высыпала яркая зелень. Смѣшанный лѣсъ облегалъ кругомъ, скрывая подъ своей столѣтней сѣнью тихую обитель.

Но этотъ лѣсъ оживалъ только ночью, начиная съ вечерней зари, когда начинала играть всякая птичка. О, это было великое чудо... Вся тварь ликовала. Пролетала съ теплаго моря перелетная птичка и хлопотала больше всѣхъ. Въ скиту всю ночь шла служба, слышалось тихое иноческое пѣніе, и лѣсъ пѣлъ тысячью голосовъ, какъ живой.

А братъ Касьянъ лежалъ на своей лавочкѣ въ келарнѣ и слушалъ. Иногда онъ поднималъ голову и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ въ окно.

— Братъ Касьянъ, близится часъ великой милости...—повторялъ келарь Пафнутій.—Пролилась вода съ горъ, налетѣла всякая пташка изъ-за теплаго моря, пора и тебѣ воспрянуть!..

Братъ Касьянъ только вздрагивалъ и закрывалъ глаза. Исхудалъ онъ за зиму, въ чемъ душа держалась, и оставались живыми одни сѣрые глаза...

Близилось утро. На востокѣ по небу легли утреннія отбѣли. Гдѣ-то незримо паливался ликующій утренній свѣтъ, а тьма исчезала. Меркли желтые огоньки скитскихъ свѣчъ, кончалась иноческая служба, поднималось весеннее солнце.

— Пора...—сказалъ келарь Пафнутій.

Вышла братія изъ моленной и столпилась у выхода. Пафнутій ушелъ въ келарню и вышелъ оттуда вмѣстѣ съ братомъ Касьяномъ. Блѣденъ былъ Касьянъ и едва могъ держаться на ногахъ. Его подхватили подъ руки и повели по скитской тропѣ къ ключику, у котораго земля прогрѣлась и зеленѣла весенней травкой. Касьянъ шелъ съ закрытыми глазами и открылъ ихъ только тогда, когда раздалось иноческое пѣніе. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, какъ проснувшійся отъ тяжелаго сна человѣкъ. На щекѣ повисла слеза.

— Братъ Касьянъ, слышишь ли?

— Слышу... Былъ мертвъ и ожилъ.

Иноки плакали отъ умиленія, плакалъ и Касьянъ: къ нему вернулась жизнь. Онъ видѣлъ и слышалъ и могъ говорить и удивлялся. Неужели пропала цѣлая зима? Живая душа вернулась въ это изможденное тѣло, какъ перелетная птица въ старое гнѣздо. Братъ Касьянъ могъ теперь молиться и славить Бога.

Каждую весну повторялось это чудо, и все лѣто братъ Касьянъ оставался здоровымъ. Молился вмѣстѣ съ другими, пѣлъ и читалъ, работалъ; а съ первымъ снѣгомъ его душа засыпала на всю зиму. Что съ нимъ было въ это время—онъ никому не разсказывалъ.

Да, чудо свершилось, и братія шла въ келью, оставивъ Касьяна одного, чтобы онъ на вольномъ воздухѣ могъ отойти. Не нужно было мѣшать...

Обыкновенно цѣлый день братъ Касьянъ проводилъ на молитвѣ. Такъ было и теперь.

Вечерѣло. Отъ лѣса потянулись длинныя тѣни. Воздухъ похолодѣлъ. Солнце быстро клонилось на закатъ, а Касьянъ все еще стоялъ на молитвѣ.

— Нужно его позвать,—сказали иноки келарю Пафнутію.

Келарь пошелъ на проталинку, а братъ Касьянъ лежитъ ничкомъ мертвый.

Душа проснулась въ послѣдній разъ, чтобы больше не засыпать...

Скитъ развалился. Братія разошлась. Осталась у горнаго ключика только одна могилка брата Касьяна. Каждую весну къ ней идутъ со всѣхъ сторонъ благочестивые люди, чтобы вспомнить о томъ, что всѣ мы—только короткіе гости на землѣ, что у всѣхъ скитъ душа, и что есть другая жизнь...

1899.

Въ девятомъ часу.

I.

Миссъ Элла Арчеръ всегда испытывала пріятное чувство, когда степной иноходецъ вихремъ приносилъ ее къ большому одноэтажному дому, совсѣмъ спрятавшемуся въ густой заросли черемухъ и рябинъ. Изъ зеленой гущи выставлялся только одинъ мезонинъ, глядѣвшій на облегавшую кругомъ степь двумя крошечными оконцами. Это былъ своего рода степной оазисъ, напоминавшій миссъ Эллѣ фермы ея далекой родины, съ тою разницей, что на этой фермѣ добывали не пшеницу и кукурузу, а разсыпное степное золото. Иноходецъ зналъ дорогу и какъ вкопанный останавливался у крошечнаго крылечка, точно приглашавшаго войти въ этотъ старинной архитектуры домъ. Миссъ Элла съ граціей восемнадцатилѣтней дѣвушки спрыгивала съ сѣдла, перекидывала черезъ лѣвую руку шлейфъ своей синей амазонки, привязывала иноходца къ столбу и легкою походкой всходила на крылечко. Она отлично изучила расположеніе этого стариннаго раскольничьяго дома и могла бы пройти въ опочивальню старой бабушки Маремьяны съ завязанными глазами.

Такъ было и теперь. Миссъ Элла прошла большую переднюю, гдѣ пахло годовальными наливками, роснымъ ладаномъ и скитскими свѣчами изъ желтаго воска, и начала подниматься по крутой лѣсенкѣ на антресоли. На площадкѣ, гдѣ лѣсенка дѣлала поворотъ, она встрѣтила дѣвочку лѣтъ девяти въ темномъ сарафанѣ и съ парчевою повязкой на лбу.

— Пріѣхалъ?—спросила миссъ Элла картавымъ по-дѣтски голосомъ.

— Съ часу на часъ ждемъ барышню... Тиниграмма пришла,—отвѣтила дѣвочка, улыбаясь одними глазами, большими и темными, придававшими этому дѣтскому личику не по лѣтамъ строгое выраженіе.—Баушка ужъ спрашивала про тебя...

Миссъ Элла поднялась по второй лѣсенкѣ и, нагнувшись, прошла черезъ низенькую дверку, которая вела въ опочивальню „самой“. Это была большая, низкая комната, выходившая тремя небольшими оконцами на дворъ. Передній уголъ былъ занятъ большимъ иконостасомъ, передъ которымъ теплилась неугасимая лампада. Около задней стѣны нагромождены были горками сундуки, а напротивъ двери у стѣны стояла кровать, задернутая ситцевымъ пологомъ. „Баушка“ Маремьяна уже цѣлый годъ не вставала съ постели. Ей было всего пятьдесятъ лѣтъ, но она казалась гораздо старше благодаря изнурительной болѣзни. Миссъ Элла всегда съ особеннымъ чувствомъ уваженія смотрѣла на это строгое женское лицо, напоминавшее лики старинныхъ раскольничьихъ угодниковъ,—въ немъ было столько скрытой силы и какой-то особенной доброты.

— Ну, здравствуй, Еленушка, — заговорила Маремьяна Ефимовна, выпрастывая руку изъ-подъ одѣяла.—Опять на вершной пригнала? Ну-ка, повернись...

Миссъ Элла повернулась. Баушка Маремьяна только покачала головой. И красива эта американочка, всѣмъ взяла: и ростомъ, и походкой, и удалью, и свѣтло-русою косой до пояса. Свѣженькая такая всегда, чистенькая, а большіе сѣрые глаза смотрятъ и смѣло и по-ребячьи. Нравилось баушкѣ и это худенькое личико съ тонкимъ носикомъ и строгимъ ртомъ. Хоть куда дѣвушка, даромъ что американочка.

— Хвостище-то какой нацѣпила,—подивилась больная.—Нехорошо это.

Тоже вотъ мужскіе штаны носишь, когда на вершной гоняешь... Ахъ, нехорошо!.. Брось кнутъ-то, не пастухъ конскій...

Эти попреки повторялись каждый разъ, и миссъ Элла только улыбалась. Она знала, что баушка сейчасъ же прибавитъ:

— Ну что же, у васъ свой американскій законъ для дѣвушекъ.

— Такого закона нѣтъ,—объясняла миссъ Элла ломанымъ языкомъ.—А такъ, обычай... принято...

— Ладно, ладно... Садись, такъ гостья будешь.

Миссъ Элла чувствовала, что „баушка" ее любитъ, и сама ее любила. Это было какое-то особенное острое чувство, соединявшее двухъ женщинъ-антиподовъ. Американская миссъ понимала, что говоритъ „баушка" на своемъ мудреномъ варварскомъ языкѣ, а баушка понимала въ свою очередь картавыя слова своей гостьи-басурманки. Иногда баушка брала косу миссъ Эллы, долго ее перебирала въ рукахъ и говорила:

— Правильная, дѣвушка, у тебя коса... Сарафанъ бы на тебя одѣть да платочкомъ повязать,—совсѣмъ бы хороша дѣвушка. Охъ-хо-хо!..

Одно не нравилось миссъ Эллѣ,—очень ужъ одолѣвала ее баушка всякимъ угощеньемъ: и пряники, и орѣхи, и варенье, и разныя домашнія постряпеньки.

— Ну, ты сегодня въ самый разъ пріѣхала,—заявила больная, когда гостья сѣла на низенькую скамеечку у изголовья.—Съ часу на часъ ждемъ нашу жаръ-птицу... Я ужъ лошадей за ней послала.

— Мнѣ говорила дѣвочка...

— Вотъ-вотъ... Какъ она пріѣдетъ, такъ я и умру.

— Ахъ, не говорите такъ...

— А почему не говорить? Всѣ помремъ, когда время придетъ. Бояться надо жить, а не помирать... Вотъ только дожидаюсь Аннушки... душенька вся изболѣлась по ней... Сказывали мнѣ, что она и косу себѣ обрѣзала. Охъ, грѣхи, грѣхи...

— Коса вырастетъ.

— Озорница она, вотъ что... Пряменько надо говорить. Только бы ее домой залучить, а тамъ ужъ я расправлюсь съ ней своимъ судомъ. Бесстыдница она... да. Ты вотъ американскаго закону, а, небось, косы себѣ не обрѣжешь...

— Вы не волнуйтесь, — уговаривала миссъ Элла, — вамъ это вредно. Нужно себя беречь...

— Не для кого,—сурово отвѣтила Маремьяна Ефимовна.—Было время, когда я была нужна, было да прошло...

Старуха замолчала. Она чутко прислушивалась къ каждому шороху, ожидая, когда дрогнетъ дорожный колокольчикъ. Аннушка могла пріѣхать каждую минуту... Въ комнату нѣсколько разъ входила и выходила дѣвочка съ темными глазами, и больная каждый разъ вздрагивала.

— Никого нѣтъ, Сима?

— Нѣту, баушка...

— Ты у меня смотри, не прозѣвай. Изъ свѣтелки-то смотри на дорогу,—видно будетъ, какъ пыль подымется... Ты и бѣги ко мнѣ живымъ духомъ. Поняла?

— Поняла, баушка.

Сима убѣгала, и больная опять начинала молча волноваться. Чтобы выиграть время, она разспрашивала американку, какъ они живутъ у себя на пріискѣ.

— Идетъ золото-то?

— Папа дѣлаетъ опыты съ химическимъ способомъ обработки золотоносныхъ песковъ.

— Что-то ужъ очень долго ваши опыты идутъ. Деньги вѣдь нужны на опыты-то... Мнѣ Савелій Ефимовичъ сказывалъ, что ничего у васъ не выйдетъ.

— А мы надѣемся, что выйдетъ.

— Легкія ваши американскія денежки, вотъ и надѣетесь.

— Папа не одинъ, а у насъ цѣлая компанія...

— Вотъ-вотъ... У васъ все компанія. Можетъ, и грѣшно это... Больно ужъ хитрите. Богъ не даетъ вамъ золота, такъ вы хитростью хотите взять. Охъ, насмотрѣлась я на вашего брата, Еленушка... Всякаго вѣдь народу по промысламъ бродитъ: и нѣмцы, и французы, и англичане, а теперь американцы присунулись. Что же, такіе же люди, какъ и мы грѣшные, хоть у каждаго и есть свой законъ. Да, насмотрѣлась я всячины... Ну, мужчины больше на отличку, а что касаемо женскаго полу, такъ женская часть по всякому закону одинакова...

Этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ вбѣжавшею Симой.

— Баушка, ѣдутъ!..

II.

Миссъ Элла вышла изъ комнаты, чтобы не помѣшать первымъ минутамъ родственнаго свиданія. Она прошла въ столовую и мелькомъ видѣла въ окно, какъ черезъ площадь быстро прошла средняго роста дѣвушка въ дорожномъ костюмѣ. Это и была та таинственная Аннушка, которая держала весь этотъ домъ въ какомъ-то оцѣпенѣломъ состояніи. Миссъ Элла познакомилась съ семьей Ольхиныхъ послѣ катастрофы, т.-е. когда Аннушка уже ушла изъ дому.

Въ столовой шагалъ изъ угла въ уголъ самъ Савелій Ефимычъ, пожилой мужчина съ сильною просѣдью. Онъ не рѣшился выйти навстрѣчу къ дочери и былъ радъ, что въ такую минуту подвернулась миссъ Элла.

— Видѣли: пріѣхала?—какъ-то виновато бормоталъ онъ, скашивая глаза въ переднюю.

— Да.

— Пусть она сперва съ крестной переговоритъ... Бабы лучше промежду себя столкуются. Да и дѣло такое... особенное... Садитесь, барышня. Ну, а какъ тятенька орудуетъ? Все собираюсь къ вамъ прокатиться, да не удается... То да другое, а время идетъ-съ.

Онъ говорилъ совсѣмъ не о томъ, что сейчасъ его занимало, но миссъ Элла слушала его внимательно и еще внимательнѣе слѣдила за нимъ своими дѣтскими глазами. Какіе странные люди эти русскіе и отчего волнуются... Кажется, чего проще: дѣвушка хотѣла быть самостоятельной—и только. Каждый человѣкъ имѣетъ право на самостоятельность. Всего удивительнѣе то, что всѣ они любятъ другъ друга, любятъ и мучаются. Странно... Втайнѣ миссъ Элла больше сочувствовала Аннушкѣ, все преступленіе которой заключалось въ томъ, что она противъ желанія родныхъ уѣхала въ Петербургъ учиться. Опять странность, т.-е. странный составъ преступленія. Вспомнивъ жалобу „баушки“ на обрѣзанную косу, миссъ Элла улыбнулась про себя. Эти русскія протестантки поступаютъ очень рѣшительно...

— Да, пріѣхала...—думалъ вслухъ Савелій Ефимычъ, желавшій что-то высказать.—Барышня, а у васъ тамъ, въ Америкѣ, это случается?

— Никогда!..

— Да вѣдь у меня одна дочь-то, барышня? Кажется, всего у нея было достаточно: живи и радуйся. Да... Ни въ чемъ отказу не знала, и вдругъ...

— У каждаго могутъ быть свои желанія...

— Ахъ, не то, барышня! Мы-то развѣ зла ей желаемъ? Пусть тамъ учатся другія... поповны, чиновничьи дочери, сдѣлайте одолженіе. Даже весьма это хорошо. Да-съ... А тутъ совсѣмъ другое... У тѣхъ-то ничего дома не останется, а тутъ вѣдь все ея, значитъ, Анюты. Такъ я говорю? И промысла, и всякое обзаведеніе, и капиталъ, а она, изволите видѣть, бѣжать изъ дому. Это ужъ, прямо сказать, выходитъ въ родѣ заразы... Понятія у нея нѣтъ настоящаго. Ну, я умру, тогда что будетъ? Однихъ рабочихъ близко тыщи человѣкъ кормится... да.

— Я васъ что-то плохо понимаю,—остановила его миссъ Элла, дѣлая строгое лицо.—Можетъ-быть, я плохо понимаю русскій языкъ...

— Чего же тутъ не понять!?—удивился Ольхинъ.—Самое простое дѣло, барышня... Значитъ, когда я овдовѣлъ, ну, былъ еще человѣкъ въ порѣ и могъ жениться на второй женѣ. Такъ-съ? Вѣдь это и въ Америкѣ случается?

— Да...

— Хорошо-съ. И была у меня на примѣтѣ одна дѣвушка, дѣйствительно, а сестра Маремьяна Ефимовна и говоритъ... Она вѣдь строгая у насъ, начетчица... Да. Такъ она и говоритъ мнѣ: „Братецъ Савелій Ефимычъ, не вводите мачеху въ домъ, не берите грѣха на душу“... Понимаете? Дѣйствительно, дочь расчетъ, оно какъ будто и не того... совѣстно, значитъ, передъ дочерью. Ну, и того... Вотъ, какъ видите, не женился. Сестрица Маремьяна Ефимовна души не чаяла въ Анютѣ... Растили, радовались... Въ гимназію отдали учиться, потому какъ чувствуемъ свою-то темноту. Не прежнія времена, однимъ словомъ... Хорошо. Вспоили, вскормили, выучили, а она возьми да и уйди отъ насъ, т.-е. не по-хорошему уйди. Вотъ вы говорите: у ней есть свое желаніе, а развѣ у насъ нѣтъ своего желанія? Напримѣръ, какъ это можно, чтобы весь домъ опустѣлъ?.. И въ Америкѣ то же самое: каждый домъ женщиной держится. А у насъ: вдругъ ничего.

— Вы все о себѣ только думаете, а вы подумайте о ней...

— Думалъ-съ довольно, сударыня. И даже вотъ какъ было подумано. Маремьяна-то Ефимовна женщина серьезная...

Старика охватила жажда высказаться, вѣрнѣе — исповѣдаться. Черта спеціально-русская. Что ему эта американочка? Но она такъ хорошо его слушаетъ, какъ докторъ, который считаетъ пульсъ больного. Да, да, пусть слушаетъ... Что же тутъ скрывать? Но въ половинѣ этой исповѣди прибѣжала сверху Сима и заявила, что „бабушка“ зоветъ къ себѣ барышню.

— Ну что, помирились онѣ? - шопотомъ спрашивалъ Савелій Ефимычъ.—Сильно началила Маремьяна-то Ефимовна?

— Но первоначалу-то очень круто приняла,—объяснила дѣвочка.—Хотѣла назадъ отправлять...

— Ну, а потомъ?..

— Потомъ-то какъ будто стишала... Такъ, сидятъ, разговариваютъ. Теперь вотъ за барышней послали...

Савелій Ефимычъ перекрестился. Ахъ, если бы Маремьяна Ефимовна только не перекутила бы... Дѣло молодое, сейчасъ вскипитъ.

— Вы ужъ того, барышня,—просилъ онъ, провожая миссъ Эллу до дверей,—чтобы сестрица Маремьяна Ефимовна не разгорячилась...

— Хорошо, хорошо.

— Вы этакъ свое словечко замолвите... У Анюты тоже вѣдь характеръ-то весь въ крестную. Такъ вы того...

Миссъ Элла поняла все, что было нужно, и только улыбнулась. Да, это были невыдержанныя натуры даже въ своихъ лучшихъ чувствахъ. Въ нихъ было что-то такое дѣтское по наивности экспрессіи.

III.

Когда миссъ Элла вошла въ опочивальню, со скамеечки у кровати поднялась дѣвушка средняго роста и пошла къ ней навстрѣчу.

— Пониже кланяйся-то, озорница,—замѣтила Маремьяна Ефимовна, когда дѣвушки здоровались.—Замѣсто родной была Еленушка, хоть и американскаго закону. Не забывала меня, старуху. Вотъ при ней и хочу тебѣ сказать словечко.., Садись, Еленушка.

— Тетя, вѣдь еще успѣете,—просила Аннушка мягкимъ, грудным голосомъ,—я еще съ отцомъ не успѣла поздороваться.

— Успѣешь,—уже сурово отвѣтила больная.—Отецъ-то никуда не уйдетъ, а у меня сердце горитъ. Садись, Еленушка, на свою скамеечку, а ты, озорница, постой... Что заслужила, то и получишь.

Получилась довольно живописная группа. Больная приподнялась на своей подушкѣ, и это усиліе заставило ее нѣсколько времени отдыхать. Аннушка стояла съ опущенными глазами. Это была типичная русская дѣвушка, съ удлиненнымъ немного, мягкимъ оваломъ лица, съ мягкимъ носомъ и характернымъ разрѣзомъ рта. Глубину сцены занимала Сима.

Дѣвочка стояла у косяка двери и внимательно слѣдила своими темными глазами за всѣмъ происходившимъ.

— Ну, такъ вотъ я и хочу тебѣ сказать, Аннушка, все при ней,—заговорила больная, гладя руку миссъ Эллы.—Полюбила я ее, какъ родную кровь. Да... Вонъ изъ-за какого окіянъ-моря прилетѣла и сидитъ около меня. И все это не отъ человѣка, а отъ Бога, чтобы жили въ одну душу.

Больная должна была перевести духъ, чтобы собраться съ силами.

— Да... Была я вотъ такою же дѣвушкой, какъ вы сейчасъ,—продолжала она ослабѣвшимъ голосомъ.—Да... Ну, живу у брата и никакого злагоря не вѣдаю. У самой на умѣ одно веселье... Дѣвичье дѣло, не о чемъ печаливаться. Ну, а тутъ умираетъ у братца Савелья Ефимыча жена отъ родовъ... Трехъ дѣнъ осталась Аннушка-то отъ матери... Вотъ братецъ Савелій Ефимычъ и поставилъ меня въ крестныя... Испугалась я до смерти, когда онъ мнѣ это сказалъ. Отвѣтъ великъ... Молода была, а тоже поняла все. Ну, назначили крестины... стою я у купели, держу Аннушку на рукахъ, а у самой головушка кругомъ идетъ. Мы вѣдь по старой вѣрѣ, Еленушка, строго у насъ... Держу я Аннушку на рукахъ, и кажется мнѣ, что всѣ угодники строго-строго глядятъ прямо на меня, а за мной видимо-невидимо народу стоитъ... тоже угодники Божіи, мученики, страстотерпцы, подвижники, и тоже всѣ смотрятъ на меня... Вѣдь мать-то родная только одно тѣло родила, а я дѣлалась крестной матерью. Какой отвѣтъ-то великій за живую душу... И я, недостойная, сподобилась принять предъ Богомъ эту живую душу и сподобилась пріобщить ее къ сонму христіанскому... Дрожу вся, а самой и радостно и страшно, и слезы сыплются... „Господи, помоги недостойной рабѣ Твоей Маремьянѣ!“ И Господь мнѣ открылъ все, недостойной... Не простую дѣвочку я на рукахъ держала, а сиротку,—отвѣтъ-то въ десять разъ побольше. Сама въ сиротствѣ выросла... И поняла я, что это и есть моя настоящая судьба, и что Господь мнѣ посылаетъ великое счастіе вырастить сироту, душу воспитать, ангель-

сильнымъ крыломъ охранять ее отъ всякаго зла. И дала я тутъ же великій обѣтъ не оставлять ея...

Больная откинулась на подушку и лежала нѣсколько времени съ закрытыми глазами.

— Вотъ вы слушаете меня, дѣвушки,—продолжала она уже окрѣпшимъ голосомъ,—слушаете и думаете, что это, молъ, подвигъ Маремьяны Ефимовны... А подвига-то и не было, милыя, а одна радость. Рощу сиротку и радуюсь... Да и не одна я такая, а много насъ,—вѣдь и другія такъ же дѣлаютъ. Какъ же иначе-то? Былъ у меня, дѣйствительно, и женихъ... сватовъ засылалъ... Ну, я ему самому все и обсказала. Веселая такая выхожу, держу на рукахъ Аннушку, годовая она была тогда... Выслушалъ онъ меня, заплакалъ... „Что же,—говоритъ,—Маремьяна Ефимовна, отъ своей судьбы не уйдешь. Не судилъ намъ Богъ съ вами вмѣстѣ вѣкъ вѣковать“... Хорошій былъ человѣкъ... да... И братца Савелія Ефимыча уговорила не жениться во второй разъ, не вводить мачеху въ домъ. И онъ укрѣпился... Тоже милость Божія. Ну, живемъ мы и ростимъ сиротку... Подошло время, что надо и о душѣ позаботиться. Что знали да умѣли—всему сама научила. Вижу—мало. Поумнѣе насъ есть добрые люди... На промыслахъ-то всякаго народу достаточно, ну, такъ я присмотрѣлась. Однимъ я согрѣшила, что нравились мнѣ заграничные люди... Басурманы, не нашей вѣры, а нравятся. Все-то они знаютъ и живутъ ужъ очень чисто. Никакого безобразія... Вотъ мы и задумали поучить нашу Аннушку. Крѣпко я думала объ этомъ, со слезами молилась... Ну, сама и свезла Аннушку въ гимназію. Ничего, все правильно... Платьица коричневенькія на всѣхъ, переднички бѣленькіе, волосики зачесаны гладко... Порядокъ. Боялась я больше всего только ихней гражданской печати и сама читала ихнія книги. Ничего, другое пойму, другое не пойму, а худого ничего нѣтъ въ гражданской печати...

Маремьяна Ефимовна даже улыбнулась и прибавила.

— Что я дѣлала по первоначалу-то... Аннушка заснетъ ребячьимъ дѣломъ рано, а я возьму ея книжки да по листочку всю гражданскую печать и перекрещу, а которая книга съ цифрами, такъ я ее и ладаномъ подкажу... Не любила я этихъ цифръ до смерти. Не женское это дѣло... Да. Такъ пусть, молъ, тамъ учатъ, а того не знаютъ, какъ крестная-то всѣхъ ихъ перехитрила.

Миссъ Элла, несмотря на торжественность момента, тоже не могла удержаться отъ смѣха. Только одна Аннушка стояла попрежнему молча и старалась не смотрѣть на крестную.

— Да, такъ все это только присказка,—продолжала больная, усаживаясь на кровать.—Человѣкъ растетъ, а съ нимъ растутъ и его мысли... Выростили мы Аннушку, а она взяла да и откололась отъ насъ, какъ чужая. Да... Главное, ничего никому не сказала, а отпала, какъ сухой листъ отъ дерева. Думаетъ, что она первая такая-то, а до нея ужъ никого и не было подобныхъ...

— Тетя, кажется, довольно,—замѣтила Аннушка.—Миссъ Эллѣ совсѣмъ не интересно знать наши семейныя дѣла.

— А вотъ и интересно... Пусть послушаетъ, какъ думаетъ старая раскольничья начетчица. И ей будетъ польза... Да, такъ я это давно замѣтила, что начала моя Аннушка какъ будто сторониться меня... Обидно мнѣ это, а сама виду не показываю. А сказать правду, такъ и обижаться нечѣмъ... Когда была маленькой и выучилась ходить, такъ все ладила убѣжать отъ крестной, потому какъ свои ноги почувствовала. Это ужъ такъ всегда бываетъ... Хо-

рошо. Ничего не говорю... Ну, а ужъ когда она совсѣмъ-то откололась, тутъ я, пожалуй, обидѣлась. Нѣтъ, не то: жаль стало. Вѣдь русская баба жальливая... Это ее и губитъ: пожалѣла другого, а сама пропала. И меня купила жалость къ сиротѣ... А обидно вотъ что было, Еленушка: не понимаетъ моя Аннушка, что не одна она такая-то да и не первая, да и не свои слова говоритъ, а которыя въ книжкѣ гражданской печати прочитала. А я-то уже радовалась на нее, когда она свою гимназію кончила: сурьезная дѣвушка растетъ.

— Что же тебѣ обидно было, тетя? Я рѣшительно не понимаю.

— А вотъ это самое!.. Что, ты думаешь, до тебя-то моды не знали? Еще какъ жили-то... Ты свою совѣсть хотѣла соблюсти, а они свою соблюдали да еще какъ соблюдали-то. И муки перенесли за совѣсть-то, и кровь проливали, и смерть принимали безбоязненно... Ты-то ужъ, милая, по широкой дорожкѣ да по готовой пошла. Вотъ и Еленушка за своимъ моремъ-окіяномъ то же самое передумывала... Великое это дѣло: одна душа. Слова-то могутъ быть и разныя, а душа одна. Вѣдь я-то какъ радовалась на тебя, Аннушка: не пропали даромъ мои труды. Да... Хоть и по гражданской печати выучилась, а по нашей дорожкѣ, молъ, пойдешь. Да еще ученой-то куда легче... Даже такъ я думала про себя своимъ умомъ, что самое это настоящее дѣло: нашу сестру раскольницу завсегда учили... Она блюла древлее благочестіе... она же рожала и выращивала великихъ предстателей, которые и смерть принимали, какъ радость. Самое это настоящее дѣло, чтобъ дѣвушку учить... А вотъ ты и забыла, что до тебя-то, милая, было. До тебя еще совѣсть-то копилась, а ты-то, милая, вышла уже на готовое, по евангельской притчѣ, въ девятомъ часу... И ты, Еленушка, тоже. Великое это дѣло и великій отвѣтъ вы понесете.

. . . . . .

Черезъ двѣ недѣли бабушка Маремьяна Ефимовна умерла. На раскольничій могильникъ ея гробъ-колоду провожала вмѣстѣ съ другими и миссъ Элла. Когда было все кончено и надъ могилой выросъ холмикъ свѣжей земли, американка взяла подъ руку плакавшую Аннушку и проговорила:

— Да, это была женщина большой души...

1897.

Рай красный.

I.

— Устинъ, вставай!..

Отвѣта нѣтъ. Слышенъ только здоровенный храпъ. Старецъ Паисій съ трудомъ повернулся на своей лавочкѣ и посмотрѣлъ въ маленькое окошечко. Надъ горами уже занималась ранняя весенняя заря.

— Устинъ, вставай... Ахъ, ты, Господи! И во что, подумаешь, человѣкъ только спитъ. Безъ того въ кожѣ мѣста нѣтъ, а онъ дрыхнетъ... Устинъ!.. Ну, только и идолъ... Согрѣшилъ я съ нимъ. Устинъ!..

Устинъ спалъ богатырскимъ сномъ прямо на полу моленной, завернувшись въ овчинный тулупъ. Изъ-подъ тулупа выставлялись одни голыя ноги. Старецъ Паисій угнетенно вздыхаетъ и начинаетъ читать вслухъ молитвы.

Старикъ молится долго, вычитывая по уставу всю утреннюю службу. Но старческая память начинаетъ ему измѣнять, и нѣкоторыя молитвы онъ

долженъ перечитывать раза по три, чтобы не сбиться. Это его волнуетъ, и Паисій жалуется вслухъ:

— Эхъ, нѣту келаря Агаѳона... Онъ ее наизусть знаетъ. И я зналъ, да вотъ подъ старость память-то и высохла, Устинъ!.. Да вставай ты, дерево смолевое. Царство небесное такъ-то проспишь... Поглядѣлъ бы, какая заря-то занялась. Недостойный рабъ, вставай... Благодать-то Божья какая... Всякая тварь радуется и совершаетъ хвалу, и всякое быліе сельское тащится къ произрастанію тоже въ хвалу, а ты дрыхнешь, яко звѣрь несмысленный... Устинъ!..

А весеннее утро, дѣйствительно, занималось въ горахъ какимъ-то розовымъ чудомъ. Снѣгъ оставался только въ горахъ да по глубокимъ логамъ, гдѣ сердито и весело бурлили безыменные горные ручьи. По солнечнымъ угрѣвамъ вездѣ уже зеленѣла яркая весенняя травка, вся свѣтлая и такая радостная. Поближе къ водѣ и въ лѣсу распускались крупныя горныя анемоны и фіалки. Сѣверная весна дружная, и суровая зима переходитъ въ весну съ необычайной быстротой. Старецъ Паисій выжилъ въ этомъ скиту больше сорока лѣтъ и зналъ наизусть каждый кустикъ, каждую кочку. Онъ особенно любовно смотрѣлъ черезъ поляну, гдѣ въ ложбинѣ у лѣса спрятался святой ключикъ. Благоувѣтливое мѣстечко, и другого такого не найти. При яркомъ утреннемъ свѣтѣ внутренность скитской моленной Паисію казалась особенно убогой. Это была простая избушка съ закоптѣвшими бревенчатыми стѣнами и низкимъ потолкомъ. Ея назначеніе опредѣлялось только переднимъ угломъ, гдѣ былъ устроенъ большой деревянный иконостасъ. Сейчасъ въ немъ оставалось всего двѣ иконы, а пустыя мѣста отъ остальныхъ образовъ глядѣли, какъ выколотые глаза.

— Помяни, Господи, ненавидящихъ насъ...—молился старецъ Паисій, съ сокрушеніемъ глядя на опустѣвшій иконостасъ.—И къ чему понадобилась игемону неистовому наша святыня? Сцапалъ богомерзкими лапами и уволокъ въ нечестивую берлогу, сирѣчь къ Аннѣ и Каіафѣ... Помяни, Господи, въ день судный и игемона неистоваго, ныне творяй всяческая въ запаленіе ярости своея. Вотъ какъ накинулся на святыню-то... Господи, помяни клянущихъ насъ!.. Устинъ!

Паисій взялъ лежавшій подъ лавкой костыль и принялся имъ стучать. Устинъ открылъ одинъ глазъ, потянулся, такъ что захрустѣли суставы, и сѣлъ. Онъ еще ничего не понималъ и только улыбался. Это былъ здоровенный парень лѣтъ двадцати пяти, съ налитымъ краснымъ лицомъ и масляными глазами на выкатѣ. Русая бородка и такіе же усы едва пробивались, а русые кудри стояли копной. Когда Устинъ улыбался, его круглое лицо принимало необыкновенно глупое выраженіе. Ветхая ситцевая рубашка и нестрядиные штаны составляли весь костюмъ. Это былъ настоящій богатырь, который проживался въ скитахъ въ качествѣ порченнаго. На Устина, дѣйствительно, находилъ время отъ времени такой стихъ, когда онъ начиналъ бѣсноваться, рычалъ, закатывалъ глаза и катался по полу съ пѣной у рта. Родные увезли его въ глухой раскольничій скитъ у святого ключа, чтобы старецъ Паисій „отчиталъ бѣса“, мучившаго Устина.

— Ну, прочухался, недостойный рабъ?—ворчалъ Паисій.—Иди-ка, вотъ, я ужо тебя лѣстовкой разбужу...

Устинъ посмотрѣлъ на старца, оскалилъ зубы и дико захохоталъ. Онъ постоянно хохоталъ.

— Иди, говорятъ... да нагнись...

Когда Устинъ подошелъ и нагнулся, Паисій началъ бить его лѣстовкой,

шепча молитву. Богатырь только улыбался, ежа богатырскими плечами. У Паисія силы было столько же, какъ у ребенка, и ременная лѣстовка не произвела никакого впечатлѣнія.

— А теперь умойся, положи началъ и ступай поглядѣть, что рѣка Сулемъ... Поди, вотъ какъ за ночь-то вода поднялась.

Устинъ умылся, положилъ началъ,—молитвы за него читалъ Паисій,— и, захвативъ деревянное ведерко, вышелъ. Паисій смотрѣлъ на него все время и только качалъ своей сѣдой головой.

— И дастъ же Господь такую крѣпость человѣку, а разумъ умалитъ...

Сдѣланное усиліе до того истомило Паисія, что онъ лежалъ нѣсколько времени съ закрытыми глазами, какъ мертвый. Ему было за восемьдесятъ. Борода приняла желтый цвѣтъ. Строгое старческое лицо дѣлалось уже прозрачнымъ, какъ у покойника. Паисій уже третій годъ лежалъ недвижимъ и терпѣливо ждалъ смерти.

Изъ забытья его вывелъ хохотъ Устина, который возвращался съ ведеркомъ воды, зачерпнутой въ святомъ ключѣ. Онъ ходилъ босой, не разбирая, гдѣ снѣгъ, гдѣ студеная весенняя вода.

— Ну что?—строго спросилъ Паисій.

— А вотъ... вода въ Сулемѣ, у! какъ играетъ...

Устинъ подалъ запушившуюся вербу и нѣсколько анемонъ. Паисій взялъ цвѣты, долго ими любовался и велѣлъ положить вмѣстѣ съ вербой къ образу.

— Чудны дѣла Твои, Господи,—шепталъ старикъ въ умиленіи.—А человѣкъ слѣпотствуетъ, человѣкъ неистовствуетъ и не хочетъ видѣть чуда... Каждый день чудо, каждое дыханіе—чудо, каждый зеленый листочекъ—чудо. И нѣтъ конца чуду... Господи, помяни гонящихъ насъ и во слѣпотѣ своей мерзко ликующихъ!

Устинъ затопилъ русскую печь и поставилъ къ огню чугунный котелокъ съ водой. Старый Паисій любилъ утромъ похлебать горячей каши, въ чемъ постоянно раскаивался, какъ въ непростительной слабости. Вѣдь есть ржаные сухари—такъ нѣтъ, давай ему каши. И другимъ какой примѣръ, того же Устина взять. Разума нѣтъ, а кашу готовъ ѣсть хоть цѣлый день.

— Устинъ, помру я скоро...—заговорилъ Паисій.

— Ну?

— Только и всего... Будетъ, пожилъ. Не о себѣ думаю, а о тебѣ. Тыто куда дѣнешься?

— Я-то? А хоть куда... Слава Богу, не хуже другихъ.

— Ахъ, Устинъ, Устинъ, и глупъ же ты.

— Чего: глупъ? Глупъ, а знаю, что не умрешь. Только поговоришь...

— А вотъ и помру...

Устинъ захохоталъ, закрывая ротъ ладонью. Паисій разсердился и сѣлъ на своей лавочкѣ, не спуская ногъ.

— Ну, чего ты заливаешься-то? Тьфу... Сказано: умру. И скажу когда: только келарь Агаѳонъ выворотится—сейчасъ и помру.

— Въ водополье-то выворотится? Сейчасъ доброму волку не пройти... Всѣ рѣчки играютъ, болота разошлись, вода вездѣ...

— Волку не пройти, а келарь Агаѳонъ пройдетъ. Чуетъ мое сердце, што онъ ужъ идетъ... совсѣмъ онъ близко... Какъ придетъ, такъ и помру. Черезъ пять дѣнъ у насъ Пасха, пожалуй, и не доживу.

— Доживешь...

— Не перечь ты мнѣ, озорникъ. Не твоего ума дѣло...

— И ты не помрешь, и твой келарь Агаѳонъ не придетъ. Гдѣ ему, мокроносому, въ такую пору пройти!..

Паисій вдругъ стишалъ. Ему сдѣлалось совѣстно, что онъ разсердился на порченнаго.

— Когда это у насъ скитъ-то зорили, Устинъ?

— А подъ Рождество... ночью пріѣхали...

— Такъ, такъ... Сколько ужъ время-то прошло. Цѣльную зиму иноки-то мýку отъ антихриста принимаютъ. И всѣхъ жаль: и Вассіана, и Герасима, и Далмата... Я-то больше другихъ Вассіана любилъ. Кроткій онъ и со слезами умѣлъ Богу молиться... Стоитъ онъ на правилѣ, а самъ плачетъ. Кроткая въ немъ душа, въ Вассіанѣ... да. А келарь-то Агаѳонъ крутенекъ сердцемъ. Разсердится, бывало, и такое словечко заверпетъ...

Старикъ махнулъ рукой и засмѣялся, причемъ его лицо приняло совсѣмъ дѣтское выраженіе.

— Помнишь, какъ Агаѳона-то брали?

— Еще бы не помнить... Какъ ухватилъ полѣно, а потомъ уперся въ дверяхъ—еле оторвали...

— Вотъ, вотъ... Позабылъ иночество-то и вознегодовалъ. А игемону это на руку... Вотъ какъ, поди, обрадовался...

— Связали его потомъ, Агаѳона-то, какъ теленка... Такъ и увезли.

Устинъ дико захохоталъ.

— Ахъ, ты, Господи...—застоналъ Паисій.—Плакать надо, а ты хохочешь. Бѣсъ въ тебѣ радуется... да. Тьфу... А мнѣ вотъ келаря Агаѳона больше всѣхъ жаль... любилъ Вассіана, а жаль Агаѳона. Ревнитель онъ... не стерпитъ... Все вотъ о немъ больше думаю... Придетъ онъ къ Пасхѣ къ намъ, вотъ увидишь.

II.

Весенніе дни и въ скитахъ идутъ быстро. Солнце такъ и грѣло, сгоняя послѣдній снѣгъ. Паисій цѣлый день любовался въявь творившимся чудомъ и молился вслухъ.

— Ты хоть поклоны клади,—уговаривалъ онъ Устина,—словъ у тебя настоящихъ нѣтъ, такъ ты поклонами...

Но Устинъ высказывалъ непонятное упрямство. Весной на него чаще „находилъ стихъ“. Онъ старался уйти изъ моленной незамѣтно и укладывался спать на завалинкѣ, гдѣ такъ и грѣло.

— Ахъ, лукавый рабъ!—возмущался Паисій.—Вотъ на это есть толкъ...

Выспавшись, Устинъ приходилъ опять въ моленную, потому что хотѣлъ ѣсть. Его постоянно мучилъ голодъ.

— Опять каши захотѣлъ?—удивлялся Паисій.—Сократи свою ненасытную утробу... Охъ, какъ это грѣшно! Какіе дни-то теперь настаютъ? Ты только подумай... Добрые люди, даже не иноки, съ четверга до великаго дня и въ ротъ ничего не берутъ. Прямо сказано въ Писаніи: „отъ преданія до возстанія да не ястъ...“ Горе душамъ нашимъ. Самъ былъ мірскимъ человѣкомъ и знаю все... Но колѣна бродятъ всѣ въ скверныѣ и слѣпотствуютъ. Самъ такъ-то дѣлалъ. Когда первая жена померла, я другую жену взялъ... Охъ-хо-хо!.. Слабъ человѣкъ... Со второй-то прожилъ лѣтъ съ шесть, дитё было... Ну, а потомъ и вторую жену Богъ взялъ. А я-то по слѣпотѣ на третьей хотѣлъ жениться. Вотъ онъ, лукавый, какъ гнетъ человѣка... На заводѣ работалъ, въ кричной, тогда всѣ господскіе были, ну, я отъ работы хотѣлъ бѣжать... А въ Писаніи опять то сказано: „работы сгипетскія вмѣстятся“. И ушелъ, когда вторая жена

померла, опомнился, и вотъ Господь сподобилъ, пятый десятокъ въ пустынѣ доживаю. Велика милость Господня...

День прошелъ незамѣтно. Солнце уже начало клониться къ лѣсу. Потянуло сыростью. Отъ деревьевъ падали тѣни. Старецъ Паисій продолжалъ трезвониться, поглядывая въ свое оконце.

— Вся премудростію сотворилъ еси...—шепталъ онъ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Ему послышались чьи-то шаги. Паисій перекрестился.

— Слава Господу!..

Въ моленную вошелъ келарь Агаѳонъ. Онъ былъ весь мокрый по самое горло. Свѣжая болотная грязь покрывала его по поясъ. Это былъ черноволосый, сгорбленный и худощавый мужикъ съ изрытымъ оспою лицомъ и глубоко посаженными маленькими сердитыми глазками. Черная, какъ смоль, бородка клинышкомъ и щетинистые усы придавали его лицу суровое выраженіе. Онъ поклонился на четыре стороны и проговорилъ, кланяясь Паисію въ ноги:

— Отче, прости и благослови.

— Богъ тебя проститъ и благословитъ, многолюбезный братъ...

Совершивъ уставное метаніе передъ Паисіемъ, келарь Агаѳонъ принялся класть начало передъ образами. Обрадованный Паисій плакалъ. У него тряслись губы, и онъ шепталъ, какъ плачущій ребенокъ:

— Велика милость Господа... Чуяло мое сердце... Радость-то, радость-то какая на великъ день!.. Какъ это тебя Господь пронесъ, Агаѳонъ?

— А все Владычицѣ молился... Иду и канупы говорю. Три раза тонулъ, отче... Едва выцарапался изъ одного болота. Чуть-чуть не засосало...

— Обождалъ бы малость, пока вода спадетъ.

— Терпѣнья моего не стало, отче... Душенька изболѣлась о раѣ краснонъ. Какъ подумаю—точно огнемъ обожжетъ. Все думалъ, все думалъ... Какъ вы тутъ встрѣчать будете свѣтлый праздникъ. Ты-то старъ, со службой не управиться, а Устинъ темный человѣкъ, ничего не понимаетъ...

Келарь Агаѳонъ присѣлъ на лавочку и заплакалъ. Онъ только теперь сообразилъ всѣ тѣ опасности, которымъ подвергался. Вѣдь какъ черезъ погибъ бы, если бы не вызволила Владычица... Она невидимо пронесла недостойную грѣшную душу. А вѣдь я зналъ, что ты меня ждешь... Тоже сердце чуяло. Вотъ какъ натосковался... По ночамъ-то лежу да плачу. А вотъ Господь и умудрилъ... Какъ же, думаю, рай нашъ красный да безъ службы останется на такой-то день. Сорокъ лѣтъ скитъ стоитъ, а такой бѣды еще не случалось. Пронесла Владычица меня недостойнаго... Болота-то разлились, а я такъ прямо по водѣ и бреду.

— Какъ ты ушелъ-то, Агаѳонъ?

— Ушелъ изъ узилища, отче... И до срока оставалось недолго жить, а я не стерпѣлъ. Такъ насъ держали, даже совсѣмъ напрасно. Справки все наводили, а настоящаго ничего не было.

— Ну, а какъ другіе-то?

Келарь Агаѳонъ замѣтно смутился и отвѣтилъ не вдругъ.

— Выпустятъ къ осени всѣхъ... Подписки отберутъ. Ну, а братъ Паисіанъ приказалъ долго жить...

Старецъ Паисій выслушалъ это извѣстіе совершенно спокойно, что удивило келаря Агаѳона.

— Господь его возлюбилъ...—тихо проговорилъ Паисій.—Кротная душа теперь горитъ передъ Господомъ. Надо радоваться...

— Разнемогся онъ въ острогѣ,—разсказывалъ Агаѳонъ.—А потомъ его

перевели въ лазаретъ... Тамъ онъ и преставился. Сказываютъ, сильно скорбѣлъ на исходъ души.

Старцы промолились до полуночи. Келарь Агаѳонъ еще никогда съ такимъ умиленіемъ не исполнялъ уставной скитской службы, а акаѳистъ Богородицѣ онъ читалъ, заливаясь слезами.

— Радуйся, луче разумнаго солнца... радуйся, свѣтило незаходимаго свѣта... радуйся, молніе, души освѣщающи! Радуйся, яко многотекущую источаеши рѣку... радуйся, купели живописующій образъ... радуйся, чаше, черпающая радость!..

Долго слышалось крюковое, истовое пѣніе. Паисій задыхался, и его голосъ дрожалъ, какъ надтреснувшая струна. Устинъ не могъ дождаться конца, и старцы не замѣтили, какъ онъ заснулъ, растянувшись на полу у печки. Келарь Агаѳонъ готовъ былъ разсердиться на лѣниваго раба, но Паисій остановилъ его.

— Не тронь, братъ. Можетъ, предъ Господомъ онъ въ десять разъ лучше насъ съ тобой, ибо любя Господь наказуетъ.

До бѣлаго свѣта просидѣли старцы и не могли наговориться. Разсказывалъ все келарь Агаѳонъ: какъ его везли связаннаго, потомъ, какъ привезли къ слѣдователю, какъ посадили въ узилищѣ. Сильно были смущены всѣ иноки и доходили до малодушія, страха ради никоніанска. Однако начальство не такъ строго, какъ мелкіе пристава и разные уставщики. Всего насмотрѣлся келарь Агаѳонъ за полгода своего сидѣнья въ острогѣ и удивлялся облегающей тьмѣ. Силенъ дьяволъ, и люди бьются у него въ рукахъ, какъ рыба въ неводу.

— И женскаго пола достаточное число по острогамъ сидитъ,—повѣствовалъ онъ съ особеннымъ прискорбіемъ.—Немощная женская плоть ухищряется еще больше мужской крѣпости... Есть женскъ полъ и старой вѣры.

— Ему, дьяволу, баба-то послаще всего... Безъ бабы-то ему, скверному, и дороги нѣтъ. Самый любезный сосудъ...

Келарь Агаѳонъ остался цѣлъ и невредимъ послѣ жестокаго купанья въ болотахъ. Онъ радовался своему скиту, какъ младенецъ.

— Рай красный у насъ,—повторялъ онъ, приводя все скитское хозяйство въ порядокъ.

Онъ пресыпался почью и не вѣрилъ своему счастью. И было чему радоваться: вѣдь весь грѣшный міръ оставался тамъ, далеко, за горами, лѣсами и болотами. Тамъ и лютая злость, и человѣконенавистничество, и всяческія узилища для плоти и для души. Радовался келарь Агаѳонъ, и старецъ Паисій говорилъ ему:

— Скоро, братъ, помру. Приспѣ часъ. Ты меня и похоронишь...

О своей смерти старецъ Паисій говорилъ съ любовью, какъ больной говоритъ о своемъ выздоровленіи. Вмѣстѣ съ тѣломъ отпадала послѣдняя земная тягота. Когда келарь Агаѳонъ начиналъ скорбѣть и сокрушаться, Паисій утѣшалъ его:

— Братъ, въ тебѣ говоритъ земное. Радуйся, что небесное отдѣлится отъ земного...

Передъ Пасхой старецъ Паисій непремѣнно захотѣлъ поститься. Въ четвергъ онъ съѣлъ половину просфоры, которую для него приготовилъ келарь Агаѳонъ, и больше уже ничего не принималъ, кромѣ воды изъ своего святого ключика.

Келарь Агаѳонъ провелъ службу всѣ дни по трудному скитскому уставу. Паисій большею частью лежалъ съ закрытыми глазами. Нѣсколько разъ Агаѳону казалось, что старикъ умеръ.

— Отче, ты живъ?—спрашивалъ онъ, прерывая службу.

— Еще живъ...

Старецъ Паисій съ миромъ отошелъ въ самую пасхальную утреню. Онъ еще имѣлъ силы сказать келарю Агаѳону:

— Братъ, читай отходную...

Келарь Агаѳонъ читалъ трогательную молитву прерывавшимся отъ волненія голосомъ и въ то же время радовался: великое счастье умереть въ великую Христовскую ночь. Закрывъ глаза усопшему, келарь Агаѳонъ пропѣлъ вмѣсто „вѣчная память"—„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ".

1897.

Отецъ на Новый годъ.

I.

Они всѣ вчетверомъ сидѣли передъ топившимся каминомъ. Впереди всѣхъ она, Евгенія Ивановна, какъ признанная хозяйка дома. Она сидѣла на обрубкѣ дерева, по-мужски заложивъ ногу на ногу, курила коротенькую мужскую трубочку и сплевывала слюну тонкой струей въ огонь. Когда у нея начала кружиться голова отъ крѣпкаго табаку, она передала трубочку сосѣду слѣва.

— На, Старый...

„Старый" молча взялъ трубку, что-то проворчалъ и, закрывъ глаза, началъ усиленно курить, такъ что трубка захрипѣла.

Сколько лѣтъ было Евгеніи Ивановнѣ? Изъ присутствующихъ никто этимъ не интересовался, а по наружности трудно было опредѣлить. Можно было сказать только одно, что Евгенія Ивановна пожила и пожила бурно. Это сказывалось въ ея позѣ, въ усталыхъ движеніяхъ, особенно въ лицѣ, еще не старомъ, но отмѣченномъ всѣми признаками преждевременной старости. Съ извѣстной вѣроятностью можно было допустить мысль, что это лицо когда-то было даже красиво, молодо, свѣже, а сейчасъ оно имѣло такой полинялый, старый видъ, какъ заношенная монета. Потухавшіе, неопредѣленнаго цвѣта глаза смотрѣли изъ-подъ припухшихъ вѣкъ какимъ-то мутнымъ взглядомъ, глубокія морщины обложили подглазницы, на лбу и дряблыхъ щекахъ остались бѣлые шрамы, верхняя губа была разсѣчена, переднихъ зубовъ недоставало, давно нечесаные волосы уже сквозили сѣдиной,—и это въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ. Правда, Евгенію Ивановну много старилъ ея костюмъ, состоявшій изъ ситцевой полинялой и заплатанной юбки и рваной кацавейки. Въ общемъ она сама походила на старую заплату, или, вѣрнѣе, тряпку. И все-таки она была въ этомъ обществѣ единственной женщиной и на этомъ основаніи всегда занимала лучшее мѣсто передъ каминомъ, какъ хозяйка дома.

— Я не люблю, когда завѣетъ этотъ проклятый восточный вѣтеръ...— проворчалъ Старый, набивая новую трубку.—И безъ него тошно...

Это метеорологическое замѣчаніе не встрѣтило отклика. О чемъ тутъ говорить,—кому же можетъ нравиться сибирская вьюга? Старый дѣлался болтливъ и говорилъ о такихъ вещахъ, о которыхъ изъ простого приличія лучше было молчать.

Изъ трехъ мужчинъ, сидѣвшихъ предъ каминомъ, Старый былъ моложе всѣхъ, а свою кличку получилъ въ качествѣ мужа Евгеніи Ивановны, слѣдовательно хозяина дома. Это былъ бѣлокурый чахоточный субъектъ, умиравшій

въ теченіе зимы и оживавшій на лѣто. Въ его сѣрыхъ слезившихся глазкахъ мелькало временами жесткое выраженіе, какъ у попавшагося въ ловушку хищнаго звѣрька. Два другихъ субъекта являлись противоположностью Стараго, особенно сѣдой Капитанъ, сидѣвшій рядомъ съ Евгеніей Ивановной. Его бронзовое завѣтрѣлое лицо дышало несокрушимымъ здоровьемъ, какъ и вся мощная фигура, точно подъ старымъ заношеннымъ сюртукомъ было не живое тѣло, а какая-то монументальная бронза. Щетинистые сѣдые усы придавали Капитану суровый видъ. Третій мужчина сидѣлъ прямо на полу, сложивъ короткія жирныя ножки калачикомъ. Добродушное русское лицо, обросшее клочковатой бороденкой, выдавало духовное родопроисхожденіе, хотя обладатель этой бороды и называлъ себя по неизвѣстной причинѣ „оптикомъ“. Всѣ права на это названіе заключались только въ болѣзненно-пристальномъ взглядѣ узенькихъ сѣрыхъ глазъ, точно Оптикъ все хотѣлъ что-то припомнить или кого-то узнать. Въ дѣйствительности Оптикъ былъ самымъ простымъ разстригой изъ монастырскихъ служекъ. Вообще, компанія была приличная...

Вспыхивавшее въ каминѣ пламя точно выхватывало изъ окружавшей темноты то закоптѣлую стѣну, то покрытый сажей потолокъ изъ горбинника съ повисшими прядями чернаго моха, то простой деревянный столъ въ углу. Обстановка была не изъ богатыхъ, вѣрнѣе сказать—она совершенно отсутствовала. Да и дѣло было не въ обстановкѣ, а въ теплѣ, которое давалъ топившійся каминъ. Печи не было, а былъ каминъ, по-мѣстному—чувалъ. Тепло дѣлалось только во время его топки, потому что прямая труба чувала не задерживала этого тепла, а выносила, какъ вентиляторъ. Когда каминъ прогоралъ, одному изъ мужчинъ по очереди приходилось лѣзть на крышу и кутать трубу обледянѣлой старой рогожкой и пластомъ хвороста. Работа была непріятная, особенно когда тамъ, наверху, насквозь прохватывалъ ледянящій вѣтеръ, а глаза слѣпило мелкимъ сухимъ снѣгомъ, точно кто бросалъ прямо въ лицо горсти песку. Сегодня была очередь Оптика, и онъ впередъ переживалъ жуткое и непріятное ощущеніе, которое получалось каждый разъ при быстрой потерѣ накопленной у топившагося чувала теплоты.

А вьюга такъ и завывала, точно раскрылась какая-то громадная пасть и дышала всеубивающимъ холодомъ. Казалось, что кто-то ходилъ уже по крышѣ избушки и со стономъ чего-то искалъ, заглядывая въ трубу топившагося чувала. Это былъ настоящій концертъ изъ самыхъ разнообразныхъ звуковъ. И каждый изъ присутствующихъ въ смѣшанной полосѣ звуковъ находилъ свое. Оптикъ слышалъ далекое церковное пѣніе, Капитанъ—веселый шумъ волжскаго парохода, Старый—кипѣнье расплавленнаго благороднаго металла и тонкій звонъ монеты, Евгенія Ивановна—шуршаніе какого-то необыкновенно громаднаго шелковаго платья. Да, всякій слышалъ свое, а Капитанъ даже закрывалъ глаза, поддаваясь впечатлѣнію. Онъ плылъ и плылъ... Грузно и тяжело работаетъ пароходная машина, бурлитъ весело вода подъ колесами, а впереди развертывается безконечной скатертью чудная волжская даль. Самъ онъ не ссыльный, а пароходный капитанъ. А вотъ замелькали вечерніе огоньки на судовыхъ мачтахъ, потянуло ночной свѣжестью отъ могучей рѣки, быстро падаетъ свѣтлая волжская ночь, точно опускается какой-то гигантскій занавѣсъ, и только за нимъ слабо мерещится переливающійся молочный свѣтъ... Вообще, хорошо, а главное—легко.

— Если бы я тогда не сходилъ съ валета бубенъ...—вслухъ думаетъ Старый, прерывая общее молчаніе.—Ну, да что тутъ говорить!

— За валета получилъ туза бубенъ,—острить Капитанъ, намекая на острожный желтый тузъ на спинѣ.—Значитъ, выигралъ...

„Если бы не проклятая церковная кружка...“—уныло думалъ про себя Оптикъ, припоминая далекое прошлое, когда его погубило первородное любопытство.

Опять глухое молчаніе. Опять завываетъ вьюга. Старый подбрасываетъ нѣсколько полѣньевъ въ каминъ и съ презрѣніемъ смотритъ на Евгенію Ивановну. О чемъ думаетъ эта погибшая женщина? Какія тѣни проходятъ предъ ней?

Въ сущности, всѣ считаютъ себя правыми, больше—жертвами чужой несправедливости. Виноваты обстоятельства, слѣдователи, свидѣтели, присяжные засѣдатели, тюремные смотрители... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое передернуть валета бубенъ? Кто не передергиваетъ? Или чего проще фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій? И вдругъ поднимаютъ гвалтъ, дѣлаютъ обыски, судятъ, приговариваютъ къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста... Ссылать, такъ ссылать всѣхъ, а не одного. Конечно, Капитана слѣдовало сослать, потому что онъ обокралъ свою пароходную компанію и устроилъ цѣлый рядъ подлоговъ. Тоже вотъ и Оптикъ хорошъ. Если каждый будетъ взламывать церковныя кружки—это ужъ святотатство, а не то, что поддѣлать какую-нибудь несчастную ассигнацію. Капитанъ и Оптикъ, въ свою очередь, оправдывали себя и обвиняли Стараго, какъ неисправимаго фальшиваго монетчика, судившагося уже нѣсколько разъ. Но всѣхъ правѣе чувствовала себя Евгенія Ивановна. Скажите ради Бога, она-то чѣмъ виновата, что любила мерзавца, который задушилъ какую-то старушонку и спряталъ у нея вещи ограбленной?.. Да, она не выдала своего любовника, а ее обвинили въ сокрытіи слѣдовъ преступленія. Какъ это несправедливо... А сколько она натерпѣлась по этапамъ и не ссыльнымъ тюрьмамъ, она, которая боялась малѣйшаго шороха. Гдѣ-то теперь онъ?..

Сегодня всѣ эти мысли и воспоминанія вставали съ особенной яркостью, потому что тамъ, на далекой родинѣ, всѣ готовятся къ встрѣчѣ Рождества. Подъ завываніе лютой сибирской вьюги эти отверженцы опять видятъ себя маленькими, видятъ ту родительскую кровлю, подъ которой было такъ свѣтло и тепло, видятъ дорогія родныя лица... А сейчасъ они оторваны отъ этой родины, похоронены въ далекой сибирской глуши и забыты. Какое это страшное слово: забыты!.. И привычное сердце начинало ныть, точно и въ немъ завывала жестокая житейская вьюга...

И что̀ самое скверное, такъ это то, что они всѣ презирали другъ друга, и каждый стыдился про себя за то, что долженъ проводить жизнь въ такомъ подозрительномъ обществѣ. Особенно нехорошо они всѣ относились къ своей дамѣ, даже не называя вслухъ, что̀ она такое. Въ душѣ у каждаго еще теплился слабой искрой женскій образъ—мать, сестра, возлюбленная, та гипотетическая дѣвушка, съ которой должна была соединиться вся жизнь. Это смутное влеченіе къ женщинѣ вообще отливалось здѣсь въ тяжелую форму презрѣнія къ настоящей женщинѣ, къ той женщинѣ, которая сидѣла сейчасъ на обрубкѣ дерева и съ мужскимъ ухарствомъ плевала на огонь.

— У насъ теперь въ обители вотъ какъ хорошо,—думалъ вслухъ Оптикъ, перемѣняя позу.

— А у насъ на Волгѣ?—прибавилъ Капитанъ.

— Нѣтъ, ужъ извините!—вмѣшался Старый.—Если гдѣ хорошо, такъ это у насъ въ Москвѣ... Матушка, бѣлокаменная, златоглавая, хоть бы одномъ глазкомъ посмотрѣть на тебя! Не такъ ли, Евгенія Ивановна?..

Евгенія Ивановна что-то хотѣла отвѣтить, но только подняла палецъ кверху и издала предупреждающій шипящій звукъ.

Въ избѣ было еще пятое лицо.

II.

Это пятое лицо очень скромно помѣщалось на лавкѣ недалеко отъ камина, т.-е. на лавкѣ стояла простая корзина изъ черемуховыхъ прутьевъ, а въ ней кучка довольно подозрительнаго тряпья. Сидѣвшіе передъ каминомъ время отъ времени поглядывали на корзину спрашивающими глазами. Всѣ чего-то ждали отъ нея.

— Какъ она долго сегодня спитъ,—замѣтилъ наконецъ Капитанъ, позѣвывая.—Вонъ и дровъ ужъ немного осталось...

— Куда ей торопиться-то,—отвѣтилъ Оптикъ.—Спитъ, покуда спится. Не на службу торопиться...

Имъ всѣмъ некуда было торопиться, потому что всѣ жили только казеннымъ пайкомъ. Работать мужицкую работу никто не умѣлъ, за исключеніемъ развѣ того, что по очереди нарубятъ дровъ и по очереди отгребутъ снѣгъ около своей избушки. Каждый точно боялся, чтобы не переработать за другихъ, и поэтому никто не работалъ. Нужно сказать въ оправданіе дѣйствующихъ лицъ, что главнымъ мотивомъ общей лѣни была нравственная апатія,—здѣсь работа была лишена нравственнаго смысла...

Наконецъ общее ожиданіе разрѣшилось тѣмъ, что тряпки въ коробѣ зашевелились, и показалось блѣдное дѣтское личико, обрамленное спутавшимися льняными волосенками.

— А вы не спите?—проговорилъ тоненькій дѣтскій голосокъ.

— Нѣтъ, крошка,—отвѣтила за всѣхъ Евгенія Ивановна.—Всѣ ждутъ, когда ты проснешься...

Дѣвочка сладко потянулась, зѣвнула, потерла глазки маленькой грязной ручонкой и соннымъ голосомъ проговорила:

— А подарки будутъ?..

— Будутъ, будутъ... Вставай.

Когда дѣвочка вылѣзла изъ своего короба, она оказалась гораздо меньше, чѣмъ можно было бы предположить для ея четырехъ лѣтъ. Она казалась меньше ростомъ благодаря своимъ кривымъ ножкамъ и горбатой спинѣ. Это была жертва золотухи и англійской болѣзни вмѣстѣ. Кривыя ножки съ трудомъ держали худенькое безкровное тѣльце. Мужчины съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ несчастнаго уродца и находили ее прекрасной, какъ ангелъ. Официально она считалась дочерью Стараго, какъ законнаго мужа Евгеніи Ивановны, но и Капитанъ, и Оптикъ почему-то предъявляли на нее свои права. Происходили оригинальные дебаты, когда предполагаемые отцы начинали находить въ ребенкѣ свои черты и гордились этимъ ограниченнымъ сходствомъ. Сказывалась мучительная потребность въ дѣтской чистой любви, жажда привязанности, желаніе продолжать себя въ этой чистой формѣ, еще не тронутой ни однимъ пятнышкомъ житейской грязи. Мужчины глухо ревновали другъ друга къ ребенку, а еще больше къ матери, которая была внѣ сомнѣній. Молчала и ничего не отыскивала одна Евгенія Ивановна, счастливая своимъ материнствомъ.

— Гдѣ игрушки?—уже капризно спрашивала дѣвочка, усаживаясь на колѣни къ матери.—Я хочу видѣть, что вы приготовили.

— Погоди, погоди...—успокаивала ее Евгенія Ивановна.—Не торопись, сначала поѣшь... Оптикъ, достаньте съ полки горшечекъ съ кашей. Сегодня у насъ, Мотя, кашка на молочкѣ... Любишь кашку на молочкѣ?

— Очень...—съ дѣтской серьезностью отвѣтила дѣвочка.

Оптикъ торжественно досталъ горшечекъ съ кашей и приставилъ его

къ огню, чтобы разогрѣть. Дѣвочка выразила свое нетерпѣніе длинной нотой. Мужчины слѣдили за ней ревнивыми глазами,—всѣ они такъ любили этого уродца, вѣрнѣе сказать—любили въ ней лучшую часть самихъ себя, то, что̀ оставалось въ нихъ живого, человѣчнаго, что̀ не могли вытравить ни личные недостатки, ни пороки, ни общественное осужденіе, ни ссылка. Да, было это святое, и оно воплотилось вотъ въ этомъ ребенкѣ, несшемъ наказаніе за чужіе грѣхи. Въ присутствіи маленькой калѣки ни у кого не повертывался языкъ напомнить другому что-нибудь изъ его прошлаго,—она не должна была даже подозрѣвать, въ какомъ дурномъ обществѣ проводитъ свои дни. Присутствіе ребенка исключало самую возможность дикихъ сценъ, ругани, неприличныхъ шуточекъ. Это была живая совѣсть, въ присутствіи которой всѣ начинали чувствовать себя живыми людьми.

Кашка согрѣлась, и дѣвочка ее съѣла съ завиднымъ аппетитомъ. Она, вообще, ѣла много, какъ всѣ дѣти-рахитики, хотя отъ этого и было мало толку.

— Игрушки...—повторила дѣвочка, кончивъ кашку.—Завтра Рождество...

Капитанъ молча поднялся, добылъ изъ-за печи пукъ высохшей березовой лучины и торжественно его зажегъ. Грязная, закоптѣлая избушка освѣтилась во всей своей неприглядности. Дѣвочка знала, гдѣ должны были быть игрушки, и сама заковыляла на своихъ кривыхъ ножкахъ къ столу. Дѣйствительно, на столѣ что-то было прикрыто грязнымъ полотенцемъ. Мужчины столпились около стола и ждали, когда Мотя заберется на лавку,—она не любила, чтобы ей помогали, и долго старалась взобраться сама. Наконецъ она поднялась, встала на ножки и вся превратилась во вниманіе. Капитанъ поднялъ горѣвшій пукъ лучины кверху, а Старый сдернулъ полотенце. Дѣвочка издала неопредѣленный звукъ, по которому трудно было судить, какое впечатлѣніе на нее произвелъ общій видъ приготовленныхъ даровъ. На первомъ планѣ стояла довольно искусно сплетенная изъ полосокъ бересты и лыка коробка. Она была до краевъ наполнена еще болѣе искусно приготовленной изъ той же бересты монетой: были тутъ и серебряные пятачки, маленькіе и топкіе, какъ рыбья чешуя, и гривенники, и пятиалтынные, и двугривенные, и четвертаки, и полтинники, и рубли. Нужно отдать справедливость Старому,—онъ серьезно постарался, какъ самый добросовѣстный фальшивый монетчикъ. Вторымъ номеромъ былъ пароходъ, выдолбленный изъ коры. Настоящій пароходъ, съ черной трубой, съ рубкой для капитана, съ окошечками, перилами и скамейками. На кожухѣ колеса было написано: „Забытый“. Это была работа, конечно, Капитана. Дѣвочка мелькомъ взглянула на берестовую монету, полюбовалась пароходомъ и сосредоточила все свое вниманіе на третьемъ подаркѣ. Это была довольно большая церковь—изъ бѣлой бересты. Да, настоящая церковь, съ крышей, съ главнымъ куполомъ, съ колокольней, съ отворявшимися дверями и даже иконостасомъ внутри. Чтобы усилить эффектъ, Оптикъ впередъ поставилъ въ своей церкви огарокъ восковой свѣчи и теперь зажегъ его. Дѣвочка пришла въ восторгъ и радостно всплеснула худенькими ручонками.

— Которую игрушку возьмешь?—спрашивала Евгенія Ивановна.

Это былъ рѣшительный моментъ, какъ во всякой игрѣ. Всѣ конкуренты переживали то волненіе, отъ котораго замиралъ духъ и мурашки шли по спинѣ. Дѣвочка еще разъ осмотрѣла всѣ три игрушки, запустила ручонку въ берестяную монету, пощупала вертѣвшееся колесо парохода и наконецъ рѣшила.

— Вотъ эта...—указала она на берестяную церковь.

Оптикъ весь покраснѣлъ. Это случилось еще въ первый разъ, что дѣвочка выбрала его игрушку. Значеніе всей этой маленькой церемоніи заключалось

въ томъ, что взятая ребенкомъ игрушка давала права отца на цѣлый годъ, до слѣдующаго Рождества. Такъ было установлено съ самаго появленія Моти на Божій свѣтъ.

Старый и Капитанъ старались не смотрѣть на счастливаго отца.

— Онъ передернулъ, церковная крыса!—ворчалъ Капитанъ.—Все дѣло въ свѣтѣ... Если бы я освѣтилъ свой пароходъ, ну, тогда мы еще посмотрѣли бы...

— Это просто нечестно!—поддерживалъ Старый.—Это ужъ фокусы..

А Оптикъ былъ счастливъ, какъ никогда. У него была дочь на цѣлый годъ...

1883.

Страшные дни.

I.

Глазная операція была сдѣлана удачно, и больной старикъ Герасимъ сидѣлъ у себя дома въ темной комнатѣ съ завязанными глазами уже шестую недѣлю. Онъ жилъ одинъ на краю города, на дворѣ раскольничьей молельни. Прислуги въ его каморкѣ не было, а приходила „убираться“ одна изъ старушекъ, проживавшихъ въ богадѣльнѣ при молельнѣ. Дѣлалось это обыкновенно въ то время, когда Герасимъ исправлялъ какую-нибудь службу. Женщинъ онъ не выносилъ, какъ источникъ всяческаго грѣха и скудельный сосудъ. Но съ часъ ему приходилось слушать каждое утро, какъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ стояла большая русская печь, происходила безмолвная бабья возня: гремѣли ухваты, стучали горшки, лилась вода и слышались торопливые бабьи шаги. Ненавистникъ женщинъ только угнетенно вздыхалъ, подавленный этой кухонной суетой сустъ. Иногда, выведенный изъ терпѣнія, онъ стучалъ костылемъ и кричалъ:

— Эй, ты, чужая ужна, что тамъ столарню подняла?.. Чему обрадѣла?.. Экъ тебя угибаетъ, любезный дьяволовъ сосудъ...

Въ кухнѣ на мгновеніе водворялась мертвая тишина, а затѣмъ слышался покорный бабій отвѣтъ:

— Прости, Герасимъ Петровичъ, на нашемъ женскомъ убожествѣ... Не сердитуй, родимецъ.

— То-то, не сердитуй... А куда торопишься? Ты съ молитвой около печки-то, а то у тебя бѣсъ въ ногахъ засѣлъ. Охъ, горе душамъ нашимъ... Съ молитвой, говорю, сѣмя зловредное!

Старикъ по голосу различалъ всѣхъ богадѣльщицъ: кривая Домнушка говорила хрипло, припадочная Аѳимья гнусила, косоротая и хромая Серафима отвѣчала рѣзко, точно капусту рубила, а скорбная главой Олимпіада пѣла соловьемъ. Удивительный былъ голосъ у Олимпіады, и быть бы ей скитской головщицей, если бы не глуха была, какъ березовый пень. Пробовали учить ее, да бросили. Отъ-нечего-дѣлать Герасимъ съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ перебиралъ всяческія женскія несовершенства, а въ данномъ случаѣ прямое бабье убожество. Этимъ еще хорошо, которыхъ Богъ убилъ: по крайней мѣрѣ, никого въ соблазнъ не введутъ, а то вѣдь всѣ бабы вертятъ хвостомъ, какъ брынскія козы, и главой помаваютъ, и глазами нелѣпо смотрятъ, и руками знаменуютъ неудобь сказуемое. Однимъ словомъ, любезный дьяволовъ сосудъ,

и всѣ на одинъ покрой. Черезъ жену вошелъ грѣхъ въ міръ, черезъ жену и міръ погибнетъ: блудница „отъ семи дѣвокъ“ родитъ льстеца *) всесквернаго...

Если бы не было этихъ бабъ совсѣмъ... Здѣсь мысли стараго начетчика пресѣкались вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ, и онъ только вздыхалъ, разглаживая свою сѣдую, окладистую, апостольскую бороду. Даже думать-то о скудельныхъ сосудахъ великій грѣхъ...

Ровно въ десять часовъ каждое утро пріѣзжалъ фельдшеръ Евгенычъ. Онъ громко стучалъ ногами въ сѣняхъ, распахивалъ настежь дверь и вносилъ съ собой ядовитую струю изъ запаха перегорѣлой водки, лука и табаку. Герасимъ никакъ не могъ привыкнуть къ нему и каждый разъ морщился.

— Здравствуй, старичокъ Божій...—хрипло говорилъ Евгенычъ, грузно хлопаясь на деревянную лавку къ столу.—Каково прыгаешь?..

— Ахъ, ты, скобленое рыло! — ругался Герасимъ, отплевываясь. — Не подходи ты ко мнѣ близко, ради Христа... Нажрался треклятаго табачищу, налилъ ненасытную утробу водкой и думаешь, что лучше его нѣтъ.

— Ну, еще надбавь, старичокъ Божій... Ха-ха!..

Эта сцена исправно повторялась изо дня въ день, доставляя Евгенычу немалое развлеченіе. Ругавшійся паціентъ занималъ его: любопытный субъектъ. Онъ нѣкоторое время смотрѣлъ на Герасима воспаленными мутными глазами, что-то бормоталъ себѣ подъ носъ и переходилъ къ обычнымъ вопросамъ: какъ сегодня спалъ? какой былъ вчера аппетитъ? и т. д. Въ заключеніе Евгенычъ щупалъ пульсъ и мѣрялъ температуру, что для Герасима составляло величайшее испытаніе, потому что онъ чувствовалъ, какъ Евгенычъ прикасался къ нему своими потными руками, чувствовалъ близость его скобленаго рыла, мерзостное дыханіе, и каждый разъ у Герасима являлось желаніе плюнуть вотъ въ эту самую скобленую харю. Когда Евгенычъ прилаживался къ столу и начиналъ заносить карандашомъ въ скорбный листъ дневныя замѣтки, Герасимъ давалъ полную волю своему расходившемуся сердцу.

— Ежели бы я зналъ, что буду принимать отъ тебя такую муку мученическую...

— Главное, повязку не трогай,—какимъ-то казеннымъ тономъ говорилъ Евгенычъ, продолжая свое дѣло.—А то сейчасъ капутъ...

— Да ежели бы только я зналъ... ахъ, растерзалъ бы, кажется, я тебя перваго, скобленое рыло!

— Не ругайся: печенка испортится.

— Ахъ, ты, никоніанскій, неумытый песъ!.. Духу-то, духу-то какого съ собой ты нанесъ?.. Помереть сейчасъ... Да ежели бы я зналъ, такъ выкололъ бы лучше оба глаза... Противъ воли Божіей пошелъ, вотъ и заражаю душеньку никоніанскимъ смрадомъ.

— Отмолишь потомъ да еще и за меня поклончикъ отложишь...

— Тьфу!.. отвались, нечистая сила...

— Смотри, повязку-то береги, старичокъ, а то худо будетъ. Долго терпѣлъ, теперь немного осталось. Какъ разъ къ самой Пасхѣ мы тебѣ глаза откроемъ. Ну, прощай.

Вслѣдъ за фельдшеромъ сейчасъ же слышались легкіе женскіе шаги, шелестѣло шелковое платье, и въ каморку Герасима входила сама изрядная послушница, честная купеческая вдова Анна Тимоѳеевна. Взбѣшенный Герасимъ накидывался на нее съ особеннымъ азартомъ и осыпалъ самыми грубыми

*) Льстецъ — антихристъ. Онъ родился отъ блудницы, рожденной также блудницей, и т. д.

ругательствами, но Анна Тимоѳеевна принимала это поношеніе съ подобающимъ смиреніемъ и обкуривала каморку ладаномъ изъ ручной кацеи.

— Твоя это работа, скверная!—ворчалъ Герасимъ.—Ты меня сомустила итти противъ воли Божіей... Десять лѣтъ я темнымъ Богу служилъ, а ты меня уластила, скверная. Слова свои женскія говорила, слезами плакала, на колѣнкахъ ползала—вотъ теперь и казнись. Скверная, скверная, скверная...

— Миленькій, Герасимъ Петровичъ, потерпи еще малое время...—умолялъ гнѣвнаго старика ласковый молодой женскій голосъ.—На мнѣ твой грѣхъ—мой и отвѣтъ.

Старый начетчикъ былъ избалованъ окружавшей его покорностью и смиреніемъ и превратился давно въ того деспота, какихъ такъ много въ потаенномъ раскольничьемъ мірѣ. Ему все прощали за его благочестивую жизнь, за его великую ученость по части древле-отеческихъ книгъ и наконецъ за его слѣпоту: онъ вѣдь и глаза потерялъ за книгами. Много было почитателей у Герасима въ средѣ „боголюбивыхъ народовъ“, а еще больше почитательницъ, хотя суровый старикъ всячески гналъ ихъ отъ себя. Послѣдней „прикинулась“ къ нему честная вдова Анна Тимоѳеевна. Никто ея не звалъ—сама пришла... Пришла съ своими вдовьими слезами и женскимъ страхомъ за непокрытую молодую голову (жена безъ мужа, какъ домъ безъ крыши) и разжалобила грознаго начетника: очень ужъ молода да такая ласковая. Какъ припадетъ, какъ заплачетъ, какъ запричитаетъ источнымъ голосомъ—жалость охватитъ Герасима. Смилостивился онъ надъ сиротой, невпримѣръ другимъ протчимъ. Зачастила Анна Тимоѳеевна въ избушку къ Герасиму и подолгу читала ему древле-отеческія книги, а потомъ и подвела штуку. „Ахъ, какъ хорошо нынче глаза вылѣчиваютъ доктора! Одной старушкѣ бѣльма съ обоихъ глазъ сняли, такъ она сейчасъ черными нитками при огнѣ шьетъ... Конечно, такъ ужъ воля Божья была, а все-таки старушка-то свѣтъ увидала. Тоже вотъ другому слѣпенькому старичку какъ помогло: раньше-то около стѣнки съ батожкомъ ходилъ, а теперь гоголемъ плыветъ. А сколько другихъ темныхъ зрячими сдѣлали—и не перечтешь“. Долго крѣпился Герасимъ, молчалъ, отмахивался рукой, а потомъ какъ-то вдругъ и сдался на всю волю Анны Тимоѳеевны.

— Сняла ты съ меня голову, приворотная гривенка,—грустно говорилъ старикъ, сокрушенный собственной слабостью.—Смотри: отвѣтъ на тебѣ. Отемнѣлъ я по волѣ Божіей, а ты хочешь меня зрячимъ сдѣлать.

— Да вѣдь и это тоже не безъ воли Божіей, Герасимъ Петровичъ.

— Такъ-то оно такъ, а какъ въ Писаніи сказано: не испытуй волю Божію. А ты что дѣлаешь?

Привезла Анна Тимоѳеевна докторовъ прямо въ избушку къ Герасиму, и тутъ же была сдѣлана операція. Конечно, видѣть онъ никого не могъ, а только слышалъ, что не одинъ докторъ, и что всѣ говорили вполголоса, и что какъ будто что-то такое скрывали отъ него. Однако ему было не до того, чтобы разбирать: всѣ доктора одинаковы—самые лютые безбожники. Показалось Герасиму, что надъ нимъ во время операціи какъ будто стояла сама Анна Тимоѳеевна — онъ чувствовалъ присутствіе женщинъ. Операція сошла удачно, а потомъ Герасима засадили на шесть недѣль въ темную комнату и приставили ненавистнаго фельдшера Евгеныча. Анна Тимоѳеевна пріѣзжала провѣдывать больного также каждый день, и Герасимъ нѣсколько разъ слышалъ, какъ она шепталась въ сѣняхъ съ Евгенычемъ. Какія у ней могли быть тайности съ скобленымъ рыломъ?.. Однажды старикъ поймалъ фразу Анны Тимоѳеевны: „а что говоритъ Елена Павловна?“—и наступилъ на изрядную послушницу.

— Про кого это ты шепталась сейчасъ съ Евгенычемъ, скверная?

— Такъ... про одну знакомую...—виновато бормотала Анна Тимоѳеевна, краснѣя.

II.

Наступила послѣдняя недѣля Великаго поста, „страшные дни", а Герасимъ все сидѣлъ въ своей темной комнатѣ. Онъ ужасно волновался, что не могъ ходить въ свою моленную, пѣть и читать — Герасимъ справлялъ всю церковную службу на память, чѣмъ приводилъ въ умиленіе всю свою общину. „Господь умудряетъ слѣпца",—говорили про него благочестивые люди. Другіе грамотеи по книгѣ-то едва читали, а Герасимъ зналъ все наизусть и вслухъ поправлялъ ошибки чтецовъ. Теперь ему оставалось только молиться одному, и онъ въ своей каморкѣ выстаивалъ безконечно-длинныя службы, читалъ, пѣлъ и отбивалъ поклоны по лѣстовкѣ, пренебрегая строгій наказъ Евгеныча не волноваться и не утомлять себя.

— Душа-то мнѣ дороже вашихъ глазъ,—упрямо повторялъ старикъ.— Тебѣ, все равно, терять нечего, окромя табаку, а я о душѣ своей тягчу...

— Вотъ ты, дѣдушка, осудилъ меня,—ехидно отвѣчалъ Евгенычъ, немного знакомый съ раскольничьей философіей, — ну, значитъ, и грѣхъ взялъ на себя... Я табакъ курю, а ты отвѣчать за меня будешь.

— Н-но-о?.. А вѣдь ты правильно, родимый мой. Прости на глупомъ словѣ...

— То-то, помалкивай!

Прежняя сварливость Герасима въ виду „страшныхъ дней" смѣнилась покорнымъ смиреніемъ, такъ что онъ даже попросилъ прощенія у Евгеныча и у Анны Тимоѳеевны. Вѣдь за всякое слово праздное придется дать страшный отвѣтъ въ день судный... Потомъ его все больше и больше началъ занимать вопросъ, увидитъ ли онъ бѣлый свѣтъ, когда снимутъ повязку. Раньше онъ относился къ этому какъ-то равнодушно, а теперь въ его душѣ проснулась какая-то жажда свѣта, мучительная и пріятная. Только бы одинъ разъ привелъ Господь увидѣть красное солнышко, голубыя небеса, зеленую весеннюю травку, а главное—святые лики древле-отеческихъ образовъ, свою моленную, старопечатныя книги и лица присныхъ и близкихъ людей. Десять лѣтъ онъ находился во тьмѣ, и „тьма его не объятъ".

— Въ субботу сниму тебѣ повязку, — сказала Анна Тимоѳеевна наканунѣ.—Молись Богу, Герасимъ Петровичъ...

— И то молюсь, родненькая, — упавшимъ голосомъ отвѣчалъ старикъ, охваченный страхомъ не увидѣть желаннаго свѣта.—Что дохтуръ-то говоритъ?

— Говоритъ, что пока еще ничего нельзя сказать. Вотъ сниметъ повязку, тогда будетъ видно...

— Ослабѣлъ я, милушка. Смущеніе большое одолѣваетъ. Возжелала грѣшная душа выйти изъ мрака. И дохтура увижу?

— Увидишь, ежели все благополучно.

— А какой онъ?

— Самъ увидишь, какой...

Раньше Герасимъ относился къ неизвѣстному доктору совсѣмъ равнодушно, а теперь этотъ неизвѣстный человѣкъ страшно занималъ его. Таинственная рука, которая могла открыть ему свѣтъ, должна быть не простой рукой: черезъ нее и дѣйствовала благодать Божія, скрытая отъ простецовъ. Это и смущало Герасима и разжигало его любопытство, и его душу охватывало мучительное сомнѣніе. Въ послѣднюю рѣшительную ночь онъ почти не

спалъ, а таинственный врачъ не выходилъ изъ головы... Можетъ-быть, это чудо, которое ниспошлется ему за десятилѣтнія страданія и за ревность къ Божьему дѣлу.

Въ роковой день Анна Тимоѳеевна явилась къ больному вмѣстѣ съ фельдшеромъ. Герасимъ сидѣлъ на лавкѣ, опустивъ голову. Онъ былъ подавленъ ожиданіемъ. На обычные вопросы Евгеныча Герасимъ отвѣчалъ какимъ-то упавшимъ голосомъ, точно былъ въ чемъ-то очень виноватъ.

— Ничего, дѣдушка, не волнуйся,—успокаивалъ Евгенычъ.—А вы, Анна Тимоѳеевна, занавѣсочку-то такъ приспособьте, чтобы сначала свѣту пустить съ мышиный глазъ...

— Нѣтъ, ужъ вы безъ дохтура-то не мудрите,—упрашивалъ Герасимъ.—Когда онъ самъ пріѣдетъ...

Докторъ появился какъ-то вдругъ, такъ что Герасимъ даже не слыхалъ его шаговъ. Опять всѣ заговорили шопотомъ. Герасимъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и читалъ про себя одну молитву за другой. Чьи-то ловкія женскія руки протянулись къ его головѣ, ощупали повязку и осторожно начали снимать искусно завязанный бинтъ. Герасимъ опять чувствовалъ тяжелое дыханіе Евгеныча, но молчалъ, подавленный величіемъ совершавшейся минуты. Наконецъ и повязка снята.

— Откройте глаза,—послышался незнакомый женскій голосъ.

Герасима охватилъ смертный страхъ. Онъ хотѣлъ открыть опѣмѣвшее вѣко и не могъ... А какъ онъ ничего не увидитъ?

— Не бойтесь, открывайте глаза,—повторилъ тотъ же голосъ съ мягкой и настойчивой увѣренностью.—Анна Тимоѳеевна, вы откроете занавѣску, когда я скажу.

Въ первое мгновеніе, когда Герасимъ открылъ глаза, онъ не увидѣлъ ничего и со страху опять закрылъ ихъ, но въ слѣдующій моментъ онъ разглядѣлъ какую-то женскую тѣнь, стоявшую около него, смутно и слабо разсмотрѣлъ, какъ „въ тонцѣ снѣ“, но все-таки разсмотрѣлъ, и его старое сердце замерло въ груди отъ нѣмого восторга.

— Видите что-нибудь? — спрашивалъ тотъ же неизвѣстный женскій голосъ.

— Вижу, родная... Около меня стоитъ женщина.

— Анна Тимоѳеевна, пустите свѣта...

Свершилось: глазъ, спавшій десять лѣтъ, увидѣлъ слабый зеленоватый свѣтъ, ворвавшійся въ окно черезъ зеленую шелковую занавѣску, увидѣлъ стоявшую у окна Анну Тимоѳеевну, Евгеныча и неизвѣстную женщину рядомъ.

— А гдѣ же дохтуръ?—шопотомъ спрашивалъ Герасимъ, точно боялся спугнуть брезжившій свѣтъ.

— Докторъ около васъ, Герасимъ Петровичъ, — отвѣтила Анна Тимоѳеевна:—операцію дѣлала Елена Павловна... Она и есть докторъ.

Герасимъ впился открывшимися глазами въ свою благодѣтельницу, но ничего не могъ сказать въ первую минуту. Онъ видѣлъ только средняго роста женщину въ темномъ платьѣ и съ темными волосами.

— Какъ тебя зовутъ?—тихо спросилъ онъ.

— Еленой... Анна Тимоѳеевна, закройте окно: на первый разъ довольно. Пусть посидитъ еще въ темной комнатѣ до вечера, а тамъ можно пріучать глаза къ свѣту. Онъ будетъ видѣть... А мнѣ некогда, господа. До свиданія!..

— Раба Божія Елена... — остановилъ ее Герасимъ, хватая за руку,— чѣмъ я буду тебя благодарить?

— Ничего мнѣ не нужно... Я очень рада, что операція удалась.

— Постой... я... я буду молиться за тебя, раба Божія, хоть ты и не нашей вѣры.

— Спасибо, дѣдушка.

Когда Елена Павловна вышла въ сѣни, ее сразу охватило нѣсколько рукъ. Послышались тихія всхлипыванія и радостныя причитанья: „Матушка ты наша, благодѣтельница... Ангеломъ ты слетѣла къ намъ, голубка бѣлокрылая!“. Это были раскольничьи богадѣльщицы—и гнусавая Аѳимья, и косоротая Серафима, и скорбная главой Олимпіада. Шесть рукъ уцѣпились за Елену Павловну, чье-то заплаканное горячее лицо прижималось къ ея груди, кто-то цѣловалъ у ней руки... Она едва вырвалась отъ нихъ, провожаемая причитаньями и слезами.

Старый начетчикъ Герасимъ встрѣтилъ великій день зрячимъ и даже пришелъ въ моленную. Онъ всю службу выстоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, и всѣ видѣли, какъ слезы радости катились у него по старому лицу, и всѣ плакали отъ радости. Самъ Герасимъ видѣлъ только потемнѣвшіе лики древнихъ образовъ и вслухъ молился о здравіи рабы Божіей Елены.

1891.

Послѣдній эстетикъ.

I.

Старый генералъ Петлинъ поднимался чѣмъ свѣтъ, выходилъ на террасу и дѣлалъ свой утренній моціонъ. Это былъ крѣпкій, высокій старикъ, державшійся прямо, какъ всѣ николаевскіе генералы. Въ саду его уже ждалъ Кузькинъ, тоже николаевскій служака, бывшій лихой ефрейторъ, а сейчасъ просто денщикъ. Кузькинъ вытягивался во фронтъ и точно выстрѣливалъ:

— Здравія желаю, ваше превосходительство!..

— Спасибо, братецъ.

— Ради стараться, ваше превосходительство!..

Затѣмъ Кузькинъ лихо дѣлалъ налѣво кругомъ и отправлялся „дѣлать чай по-походному“. У стараго генерала все въ домѣ было устроено „по-походному“, кончая прислугой,—женской прислуги генералъ не выносилъ, какъ не выносилъ ея Кузькинъ. Единственную женщину представляла собой кухарка Авдотья, но и та служила съ тѣмъ условіемъ, чтобы никогда не попадаться на глаза грозному генералу. Она пряталась въ своей кухнѣ, какъ нечистое животное, о существованіи котораго никто не долженъ былъ даже подозрѣвать. Все дѣлалъ Кузькинъ, знавшій всѣ привычки генерала и умѣвшій ему потрафить во всемъ.

Генералъ жилъ одинокимъ вдовцомъ и почти не выѣзжалъ изъ дому. Гости бывали тоже рѣдко, да и тѣ постепенно вымирали. Все это были такіе же старые николаевцы. Старики сходились, дѣлились послѣдними новостями и расходились съ тайной мыслью, что видятся, можетъ-быть, въ послѣдній разъ. Могучее племя быстро вымирало. Вопросъ былъ только въ очереди, кому умирать. Другая мысль, которая неотступно ѣла этихъ ветерановъ и которую они боялись даже высказать, это—то, что они забыты и больше не нужны, какъ тѣ кремневыя старинныя ружья и допотопныя пушки, съ которыми они замиряли Кавказъ и отстаивали Севастополь. Эти мысли раздумывались въ одиночку, особенно по вечерамъ, когда вмѣстѣ съ темнотой наволакивалась стар-

ческая тоска. Впрочемъ, каждый изъ этихъ стариковъ не могъ помириться съ своей личной ненужностью, а только жалѣлъ другихъ. Да, плохи были дѣла этихъ „другихъ“...

Весь складъ жизни генеральскаго дома носилъ парадный, строгій характеръ, пропитанный торжественной готовностью что-то такое исполнить, предпринять, двинуться. Не было ничего лишняго, что̀ могло бы стѣснить эту готовность. Но проходили дни, мѣсяцы, года, а Петлинъ оставался забытымъ и его готовность никому ненужной. Въ полной мѣрѣ эту забытость чувствовалъ только вѣрный старый слуга Кузькинъ, понимавшій барина по каждому взгляду. Онъ тоже привыкъ волноваться молча и позволялъ поговорить съ самимъ собой только вечеромъ, когда парадный день кончался.

— Плохо, братъ Кузькинъ... Плохой народъ нынче пошелъ и настоящаго порядку не понимаетъ. Какіе нынче генералы?.. Ххе... Одно только названіе, что генералъ. Такъ, фитюльки какія-то...

Въ душѣ Кузькина сложилось своеобразное убѣжденіе, что причина всего заключается въ газетахъ. Да, прежде не было этихъ проклятыхъ газетъ, и все было по-другому. Онъ каждый разъ волновался, когда утромъ подавалъ генералу цѣлую пачку русскихъ и иностранныхъ газетъ, точно онъ подносилъ отраву на цѣлый день. Генералъ усаживался въ глубокое „вольтеровское“ кресло и принимался читать сначала иностранную почту, точно подготовляясь къ своимъ домашнимъ непріятностямъ. Кузькинъ считалъ долгомъ не оставлять барина въ такую трудную минуту и терпѣливо стоялъ, вытянувшись въ струнку.

— Ну-ка, посмотримъ, какія глупости за границей дѣлаютъ, — ворчалъ генералъ, развертывая газету.

Всей газеты онъ не читалъ, а только тѣ проклятыя мѣста, которыя Кузькинъ особенно ненавидѣлъ. Такъ прямо съ нихъ и начнетъ.

— Кобургъ—отлично,—бормочетъ генералъ.—Служба собакъ въ арміи—превосходно... Ха-ха!.. Еще новое ружье... да... усовершенствованіе въ закалкѣ стали...

Газета комкалась и летѣла въ уголъ. За ней наступала очередь другихъ. Генералъ дѣлалъ краснымъ карандашомъ отмѣтки на поляхъ и не скупился на знаки восклицанія. Но всего хуже, когда генералъ переходилъ къ русскимъ газетамъ. Прежде всего онъ прочитывалъ некрологи, причемъ постоянно удивлялся.

— Умеръ Петровъ... Господи, давно ли видѣлись!.. Вѣдь жить надо было человѣку... И какой человѣкъ!.. Кузькинъ, помнишь, какъ въ Чечню ходили?.. Петровъ служилъ на лѣвомъ флангѣ... Забіяка, бреттеръ, а въ полѣ цѣны нѣтъ...

Дальше слѣдовали спеціальныя извѣстія.

— Бездымный порохъ... Кузькинъ, ты понимаешь, въ чемъ тутъ дѣло?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство!.. Только это никакъ невозможно, чтобы порохъ безъ дыму...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что безъ дыму... И гула не даетъ, а одинъ пшикъ. Мы-то прежде стрѣляли, а теперь будутъ шипѣть... А пуля летитъ на пять верстъ, тонкая этакая каналья, какъ комариный носъ, и сейчасъ тебя убьетъ. Ты и не видишь, откуда смерть прилетѣла: ни дыму, ни гулу, ни огня... Понимаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство!..

— И я тоже... А то вотъ еще штука: одинъ выстрѣлъ орудія стоитъ около шести тысячъ рублей.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ты глупъ, Кузькинъ, а это придумали ученые люди. Понимаешь? Это они хотятъ насъ, дураковъ, перебить на дальнемъ разстояніи всѣхъ до одного. Понялъ? Вотъ мы съ тобой сидимъ, а кто-то за двѣнадцать верстъ отъ насъ какъ запалитъ—ррахъ! Ничего отъ насъ съ тобой и не осталось... Прежде-то хоть дымъ отъ орудія видишь, а нынче пневматическая пушка будетъ не стрѣлять, а бросать снаряды. Такъ и будутъ другъ въ друга бросать пятипудовыми гостинцами... А солдаты сейчасъ зарывайся въ землю. Ты ихъ и разыщи, какъ грибы.

— Какіе нынче солдаты, ваше превосходительство: просто публика.

— Ха-ха... Вѣрно, Кузькинъ!.. Ахъ, ты, каналья... Послать бы подъ Грозную въ Дагестанъ... а? Именно, публика... На четвертый бастіонъ... а?

II.

Это мирное прозябаніе забытаго генерала было нарушено неожиданнымъ появленіемъ новыхъ дѣйствующихъ лицъ, именно—ночью пріѣхала его единственная дочь Анна Павловна. Съ ней старикъ былъ не въ ладахъ, потому что она нарушила основное правило семейной дисциплины—сбѣжала изъ дому съ какимъ-то капитаномъ. Генералъ твердой рукой „навсегда исключилъ ее изъ списковъ“ и не хотѣлъ знать. Конечно, Анна Павловна разсчитывала со временемъ получить амнистію, но всѣ попытки въ этомъ направленіи ни къ чему не повели. Даже такой всесокрушающій мотивъ для амнистіи, какъ появленіе внука, не тронулъ сердце старика. Онъ не желалъ быть дѣдушкой нарушившихъ дисциплину внуковъ и говорилъ знакомымъ, которые болѣе или менѣе тонко намекали объ ихъ существованіи:

— Это дѣти Анны Павловны, и „это“ меня нисколько не касается...

Знакомые пожимали плечами, какъ люди, исполнившіе свой долгъ, и тоже выключали Анну Павловну изъ своихъ списковъ. Не такъ думалъ одинъ Кузькинъ, который состоялъ при Аннѣ Павловнѣ въ качествѣ „офицерской няньки“. Жена генерала умерла рано, и воспитаніемъ маленькой генеральской дочки до института завѣдывалъ главнымъ образомъ Кузькинъ. Дѣвочка знала всѣ сигналы, солдатскія пѣсни и т. д. Когда съ Анной Павловной произошла роковая катастрофа, эти отношенія не прекратились, и Кузькинъ аккуратно извѣщалъ „барышню“ обо всемъ, что у нихъ происходило. Въ свою очередь Анна Павловна тоже извѣщала Кузькина время отъ времени о появленіи новаго птенца.

— Господи, благослови...—крестился Кузькинъ каждый разъ и даже вытиралъ слезу.—Дай, Господи, вспоить, вскормить и на коня посадить!.. Хотя бы поняньчить довелось нашихъ внучатъ... Не можетъ утишить своего сердца генералъ, а дитё чѣмъ виновато? Ну, взыскивай ужъ съ меня лучше, коли на то пошло... „Виноватъ, ваше превосходительство!“ А дитё неповинно...

Всѣ попытки Анны Павловны явиться лично не имѣли успѣха, да и были неудобны, потому что капитанъ служилъ далеко на югѣ, а она вѣчно находилась въ „такомъ положеніи“ или няньчила какого-нибудь малыша. И вдругъ она нагрянула безъ всякаго спроса и привезла съ собой все „это“, т.-е. нятерыхъ мальчиковъ. Кузькинъ по счету вынималъ ихъ изъ дорожнаго экипажа:

— Р-разъ—внучекъ... другой — внучекъ... Господи, благослови: третій... Цѣлое гнѣздо, матушка барышня.

Кузькинъ и обрадовался и испугался. Что-то скажетъ генералъ...

— Э, пустяки! Что тутъ говорить,—рѣшительно заявила Анна Павловна, пріобрѣвшая боевую опытность настоящей полковой дамы.—Ну что, Кузькинъ, сильно я постарѣла? Двѣнадцать лѣтъ не видались...

— Точно такъ-съ, т.-е. я насчетъ годовъ, а не касаемо старости. Отъ дѣтокъ не молодѣютъ, а вы еще, слава Богу...

Съ опытностью офицерской няньки Кузькинъ устроилъ въ генеральской столовой настоящій военный лагерь, размѣстивъ на полу спавшее счастливымъ сномъ „это“. Съ какой любовью онъ смотрѣлъ на заспанныя дѣтскія личики... Вѣдь пѣлое гнѣздо налетѣло. Спятъ малые птенчики и знать ничего не знаютъ. Старшему было уже девять лѣтъ, а младшему два года.

Что приводило Кузькина въ особенный восторгъ, такъ это то, что все были мальчики. Молодецъ Анна Павловна, не испортила дѣла. Вонъ какое войско народила... Ну-ка, дѣдушка, какъ ты отопрешься отъ внучатъ-то? Свою кровь изъ роду-племени не выкинешь... Нѣтъ братъ, шалишь! Вотъ, попробуй, новою вонъ съ самымъ махонькимъ звѣремъ... Х-ха! Молодецъ Анна Павловна...

Генералъ очутился въ настоящемъ осадномъ положеніи. Непріятель ворвался уже въ черту самой крѣпости. Даже отступать было некуда. Анна Павловна встрѣтилась съ отцомъ какъ ни въ чемъ не бывало, точно вчера только уѣхала изъ дому. Она представила дѣтей, выстроивъ ихъ по-военному въ одну шеренгу. Старикъ осмотрѣлъ „строй“, молча поднялъ самаго маленькаго внучонка и поцѣловалъ. Онъ внимательно осмотрѣлъ всѣхъ остальныхъ, перецѣловалъ по очереди и, повидимому, остался доволенъ.

— Здорово, ребята...

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — гаркнулъ весь строй, дѣлая подъ козырекъ.

Примиреніе состоялось вдругъ. Старикъ какъ-то весь размякъ и виновато нахмурился. Непріятель захватилъ весь домъ и забрался даже въ генеральскій кабинетъ. Не осталось въ домѣ ни одной вещи, которая не подверглась бы самому тщательному изслѣдованію, причемъ дѣло не обошлось безъ „урона“ — любимая турецкая трубка оказалась разбитой, чернила пролиты, а двухлѣтній внукъ въ пылу усердія отжевалъ цѣлый уголъ старой военной ландкарты. Старикъ хотѣлъ разсердиться, дѣлалъ грозное лицо, но изъ этого ничего не выходило.

— Я только на два дня,—предупреждала Анна Павловна,—повидались, и назадъ...

Разъ вечеромъ Анна Павловна зашла къ отцу въ кабинетъ проститься. Старикъ сидѣлъ въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ и, когда она вошла, торопливо отвернулся. Потомъ онъ досталъ носовой платокъ и высморкался. Неужели онъ плакалъ, этотъ сухой, неприступный старикъ? Анна Павловна не вѣрила собственнымъ глазамъ. Неужели онъ можетъ плакать, какъ обыкновенные смертные?

— Папа, ты боленъ?...

— Я? Да... т.-е. нѣтъ...

Генералъ всталъ и зашагалъ по комнатѣ. Потомъ онъ сдѣлалъ налѣво кругомъ, остановился передъ дочерью и заговорилъ:

— Видишь ли, Анна Павловна... т.-е. я не спалъ цѣлыхъ двѣ ночи. Да, не спалъ... Все думалъ о твоихъ мальчуганахъ... Да... Ахъ, нехорошо!..

— Что нехорошо-то, папа?

— Какъ что? Поздно они родились... да.

Генералъ опять замолчалъ.

— Я не понимаю, папа...

— Вѣдь ты ихъ, конечно, отдашь въ военное заведеніе? Ну? Будутъ офицерами... Отличные мальчуганы... Если-бы раньше, такъ... Однимъ словомъ,

ничего изъ этого не выйдетъ... Конечно... Нынче, братъ, войну приготовляютъ въ ученыхъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, какъ лѣкарство, и никакой личной храбрости не нужно. Они даже врага въ лицо не увидятъ... Порошкомъ какимъ-нибудь будутъ воевать, сжатымъ воздухомъ и прочей дрянью. Понимаешь: героя совсѣмъ не нужно! Устранили его... Вѣдь выпускать заряды и снаряды всякая баба можетъ. И будутъ бабы воевать... Все кончено. Ни огня, ни дыма, ни грома орудій, ни лошадей, а ужъ о штыкѣ и говорить нечего... Все устранятъ-съ, сударыня!.. Вотъ что ждетъ твоихъ дѣтей... Закиснутъ въ лабораторіи гдѣ-нибудь или въ библіотекѣ... Ни героевъ ни храбрости — ничего не нужно, а только одни знанія-съ. Вотъ мнѣ и жаль... Да, жаль. Страшно будетъ жить.

Нѣчто о бабьей притчѣ, добромъ чортѣ и потерянномъ душевномъ зеркалѣ.

I.

Привязался чортъ къ бабѣ. И что далась ему эта самая баба, — чортъ и самъ не могъ понять. А такъ, пристало, какъ умѣютъ приставать одни черти, и дѣлу конецъ. Точно не стало другихъ людей — князей, бояръ, богатыхъ купцовъ, которые любятъ сладко ѣсть, пьяно пить, мягко спать и ничего не дѣлать. Кажется, ужъ что взять съ простой бабы, у которой, кромѣ заплатокъ, ничего не было,—такъ нѣтъ, подавай ему вотъ именно эту самую бабу.

— Ужъ я ее дойму, — хвастался чортъ. — Все равно, сколько ни набьется, а будетъ моя.

— Да для чего она тебѣ?—удивлялись другіе черти.

— А такъ... Характеръ у нея веселый—вотъ главная причина, а потомъ очень ужъ она люта меня, чорта, ругать. Въ другой разъ и сама кругомъ виновата, а возьметъ да все на меня и свалитъ. Это, хоть до кого доведись, обидно... А вторая причина—очень ужъ она горластая. Какъ разинетъ пасть, какъ начнетъ ругаться—доброму чорту впору.

Бабу звали Матреной. Она вдовѣла ужъ третій годъ и жила на краю села въ избенкѣ съ двумя ребятишками. Какое добро оставалось послѣ мужа, Матрена все помаленьку прожила. Тоже пить-ѣсть надо, ребятишекъ одѣть-обуть, а сама ужъ кое-какъ. Съ вдовы, съ непокрытой головы, никто и не взыщетъ, что въ заплатахъ ходитъ. Пусть мужнія жены щеголяютъ въ кумачныхъ платкахъ, а ей и такъ ладно.

— Сыта, и то слава Богу,—говорила Матрена.

Кормилась она своимъ огородомъ. Село было подгородное, и всякому овощу сбытъ. Половину съ огорода Матрена въ городъ продавала, а другую себѣ оставляла. Свое, некупленное, куда спорѣе купленнаго. А какія случались нехватки, такъ Матрена уходила въ городъ на поденщину: и денегъ заработаетъ копеекъ десять, да еще сама сыта. Здоровая была на работу баба, хоть воду на ней вози.

— Слава Богу, тянусь помаленьку,—говорила Матрена.

У нея все было „слава Богу“, а чорту это, какъ извѣстно, ножъ острый. Въ другой разъ Матрена ляжетъ спать и голодная, а все благодаритъ Бога.

— Погоди ты у меня, краля,—ругался чортъ, придумывая всякіе сло-

собы, какъ бы извести бабу.—Ужъ я постараюсь... Не такихъ видали. Одну боярыню такъ на смерть защекоталъ, а сколько купчихъ извелъ—и не пересчитаешь.

Хвастается чортъ, а самъ сердится, потому какъ не беретъ бабу его бѣсовская сила. Да и другіе черти подшучиваютъ надъ нимъ.

— Гдѣ тебѣ съ бабой управиться! Она тебя за поясъ заткнетъ и кругомъ пальца обернетъ... Простоватъ ты у насъ, а Матрена баба хитрая.

Чортъ, какъ всѣ русскіе черти, дѣйствительно былъ простоватъ и къ тому же дурашливъ. Вообще, шалый чортъ. Нѣтъ-нѣтъ да и выкинетъ такое колѣно, что самъ же первый и влопается. Крѣпко ему доставалось за эту дурашливость, и онъ не разъ едва уходилъ живъ, не говоря уже о помятыхъ бокахъ, свихнутой шеѣ и другихъ маленькихъ непріятностяхъ. Всѣ почему-то привыкли думать, что именно чорту легко жить на бѣломъ свѣтѣ. Что захотѣлъ, то и сдѣлалъ, да еще кстати и посмѣялся надъ благочестивымъ человѣкомъ. Такъ да не такъ. Впрочемъ, чортъ любилъ оправдываться.

— Да, легко нѣмецкому или аглицкому чорту орудовать, потому что онъ впередъ знаетъ, что сдѣлаетъ нѣмецъ или англичанинъ и даже что будутъ дѣлать ихъ дѣти, которыя еще сейчасъ и не родились. Очень ужъ легко этому заграничному чорту, а попробовалъ бы онъ съ русскимъ человѣкомъ повозиться, у котораго семь пятницъ на недѣлѣ. Ты къ нему и такъ и этакъ, кажется, весь твой, а тутъ, глядишь, онъ снялъ шапку, раскланялся на всѣ четыре стороны и покаялся... Вотъ и изволь съ нимъ дѣло имѣть порядочный чортъ.

Да, привязался чортъ къ бабѣ Матренѣ и началъ выкидывать свои штуки. Баба была молодая и красивая, и легко было надъ ней шутки шутить. Первымъ дѣломъ чортъ началъ съ того, что одѣнется щеголемъ — сапоги гармоникой, серебряные часы, суконный картузъ, шея затянута шелковымъ платкомъ, ну, франтъ, и конецъ тому дѣлу!—и подъ вечеръ пойдетъ по селу, а какъ поровняется съ избушкой Матрены, сейчасъ шапку на бокъ, свиснетъ и еще въ окошко постучитъ.

— Эй, ты, пава, выходи! Аль не узнала, такая-сякая, сухая-немазаная?..

Всѣ сосѣдки видятъ молодца и только посмѣиваются надъ Матреной, какими она дѣлами занимается.

— Да и что же ей въ самомъ дѣлѣ, не все о мужѣ убиваться!—оправдывали онѣ ее. — Поплакала, погоревала, и будетъ... Баба въ самомъ соку, что ей задаромъ пропадать. Вонъ какого лихача подманила...

Сидитъ Матрена у себя въ избушкѣ и слышитъ эти бабьи лукавые наговоры. Обидно ей, а ничего не подѣлаешь. Вдовьимъ-то слезамъ никто не вѣритъ.

— Погоди ты у меня, чортушка! — ругалась Матрена, показывая въ окно франту-чорту кулакъ.—Какъ бы я надъ тобой не посмѣялась...

— Ухъ! краля писаная, блинокъ масляный! — увивается чортъ. — Ты только выйди, словечко мнѣ надо одно тебѣ сказать...

Донималъ и другимъ образомъ чортъ Матрену. Какъ-то работала она у купца въ городѣ, такъ онъ на нее этого самаго купца и напустилъ. Едва цѣла ушла Матрена, а чортъ укралъ серебряную ложку, и купецъ потянулъ ее въ судъ. „Такъ и такъ, говоритъ, обворовала меня эта самая баба...“ Хорошо, что судья пожалѣлъ вдову и оправдалъ, а срамъ-то все-таки остался.

— Хотѣла наша Матрена богатой купчихой быть да не сумѣла, — смѣялись сосѣдки.—Серебряной ложкой чуть не подавилась.

II.

Бился-бился чортъ съ бабой Матреной всякими способами и ничего не могъ подѣлать. Еще сдѣлалось обиднѣе бѣдному чорту, — хоть на глаза не показывайся другимъ чертямъ, засмѣютъ. Сколько другихъ женщинъ онъ соблазнилъ, и мужнихъ женъ и дѣвицъ, не говоря уже о вдовахъ, и все однимъ способомъ: прикинется молодцомъ, начнетъ увиваться, нашептывать да всякія турусы на колесахъ подпускать... А баба Матрена точно на пень наѣхала— ни взадъ ни впередъ не сдвинешь ея.

— Погоди ты у меня, толстомордая! — ругался чортъ.

И дѣйствительно придумалъ онъ такую штуку, что баба Матрена взвыла не своимъ голосомъ.

Мы уже сказали, что баба Матрена промышляла своимъ огородомъ. Вотъ чортъ и началъ ей пакостить. Посадитъ Матрена капусты, а чортъ въ каждый листочекъ червячка завернетъ; посадитъ Матрена рѣпу,— чортъ расколетъ ее на мелкія части; посадитъ горохъ, — чортъ воробьевъ напуститъ. Однимъ словомъ, хлопотъ и работы чорту было по горло. Напримѣръ, рѣдьку не беретъ ни одинъ червь, и ему приходилось самому ее портить: то дупло въ рѣдькѣ лапой выскребетъ, то зубами выгрызетъ цѣлый бокъ, то пролѣзетъ сквозь нее весь, точно кто буравомъ просверлитъ. Стала баба Матрена по осени овощъ собирать съ огорода и видитъ, что все дѣло пропало. Сѣла она въ борозду и горько-горько плачетъ.

— Вотъ чортушка навязался! Не стало ему другихъ бабъ... А что я буду зимой ѣсть? Чѣмъ буду ребятишекъ кормить? Отвались ты отъ меня, нечистая сила...

Пришлось Матренѣ проголодать цѣлую зиму. Чуть-чуть и ребятишекъ не заморила. Все-таки перебилась кое-какъ. А пришла весна, она опять у себя въ огородѣ копается, опять всякій овощъ садитъ, только все съ молитвой. Тутъ чортъ окончательно обозлился.

— Погоди, озорница, я тебѣ устрою штуку!—ворчалъ онъ, не смѣя заходить въ огородъ.

И дѣйствительно устроилъ, одна гряда осталась пустой. Чортъ прокрался къ ней ночью и посадилъ двугривенный. Только и всего.

— Ну-ка, теперь посмотримъ, что ты будешь дѣлать!—радовался чортъ, прыгая на одной ножкѣ.—Хи-хи...

Веселится, радуется, даже по носу себя щелкаетъ, точно здоровую понюшку табаку сдѣлалъ.

А Матрена каждое утро и каждый вечеръ ходитъ въ свой огородъ, грядки поливаетъ, сорную травку полетъ и по-своему, по-бабьему, радуется. Ахъ, хороша рѣпка уродилась, и бобы, и горохъ, и морковь, и рѣдька, и капуста—все такъ и поднимается съ каждымъ днемъ. Только вотъ жаль, что одна грядка пустая осталась—нечего было посадить. Смотритъ баба Матрена, а на пустой грядкѣ что-то мудреное растетъ — чертополохъ не чертополохъ, рѣпей не рѣпей, подсолнухъ не подсолнухъ, а что-то въ этомъ родѣ. Вотъ и цвѣтъ началъ набирать — большая голова, какъ у подсолнуха. Вотъ и цвѣтокъ распустился—лепестки бѣлые, значитъ, не подсолнухъ.

— Не диковина ли выросла! — удивляется баба Матрена. — Сроду не видывала такого овоща...

А дальше еще чудней. Когда отцвѣлъ мудреный цвѣтокъ, заглянула баба Матрена въ середку да такъ и ахнула — настоящій подсолнухъ, только вмѣсто сѣмечекъ насажены серебряные пятачки... Оглядѣлась Матрена, со-

рвала головку и давай выбирать пятачки... Цѣлыхъ двѣ пригоршни набрала. Сроду у нея не бывало такихъ денегъ въ рукахъ. И страшно, и хорошо, и любопытно. Помутилось въ головѣ у бабы Матрены... Присѣла она въ борозду и давай считать деньги. Считала-считала, не могла и сосчитать всей казны.

„Я ихъ не буду тратить, а посажу на будущій годъ, — соображала она.—Ухъ, сколько денегъ въ одно лѣто нарастетъ...“

Урожай выдался хорошій, но баба Матрена ужъ не радовалась ему. Много ли съ огорода наживешь, ежели разобрать? Такъ, самые пустяки, изъ-за хлѣба на квасъ.

Каждый день баба Матрена только тѣмъ и жила, что считала свои пятачки. Уложитъ вечеромъ ребятъ спать и давай пересчитывать. Потомъ стала она бояться, какъ бы кто не подсмотрѣлъ за ней. Еще какъ разъ ограбятъ. А чортъ все подсматриваетъ въ окошко и въ кулакъ хихикаетъ. Дѣло-то оказалось совсѣмъ простое...

Едва дождалась баба Матрена, когда наступитъ весна. Вскопала гряды и насадила серебряныхъ пятачковъ. Сосѣдки смотрятъ и дивуются, какой новый овощъ вышелъ у Матрены. Ни къ чему не примѣнить.

— Что это у тебя, Матрена, посажено?

— А такъ... подсолнухи...

— Масло, что ли, собираешься выжимать?...

— Да, масло.

Урожай у бабы Матрены получился отличный. Она набрала пятачковъ пѣлыхъ пять мѣшковъ. Это уже было цѣлое богатство. Окончательно помутился разумъ Матрены. Ей теперь все казалось мало.

„А ежели бы посадить не пятачки, а рублевыя бумажки? — думала она. — Сразу бы сдѣлалась купчихой... А тутъ въ деревнѣ еще какъ разъ ограбятъ“.

Думала-думала Матрена и переѣхала въ городъ. Наняла себѣ лавчонку и начала торговать разной мелочью. Дѣло было небольшое, но вѣрное. Нитки, иголки, тесемки, пуговицы всякому нужны. Только одно нехорошо: со всѣми покупателями Матрена расплачивалась сдачей изъ пятачковъ. Такъ и рветъ изъ рукъ бумажки. Узнали объ этомъ другіе торговцы и начали слѣдить за ней. Откуда у простой бабы такая уйма серебряныхъ пятачковъ? Какъ будто дѣло и не совсѣмъ ладно... Заходилъ въ лавочку къ Матренѣ и нашъ чортъ. Купитъ какой-нибудь пустякъ и суетъ серебряный пятачокъ. Матрена даже затрясется со злости.

— Отвались ты отъ меня, нечистая сила!—рычитъ она на чорта.

— А, не любишь!—хихикаетъ чортъ.

Кончилось тѣмъ, что явилась къ Матренѣ полиція, сдѣлала обыскъ и нашла пять мѣшковъ серебряныхъ пятачковъ.

— Откуда это у тебя, умница, такое богатство?

— На огородѣ выростила...

— Такъ, такъ... Хорошо разсказываешь, умница... А въ острогъ не хочешь?

III.

Посадили бабу Матрену въ тюрьму. Какъ ни пытаютъ, откуда она наворовала столько пятачковъ,—ничего не могутъ добиться. Стоитъ на своемъ Матрена, что въ огородѣ у себя выростила. Сначала и судьи и тюремщики смѣялись надъ бабьей притчей, а потомъ стали сердиться.

— Ты насъ за прямыхъ дураковъ считаешь—погоди, мы тебѣ покажемъ, какіе мы дураки.

Какъ ни клялась бѣдная баба, какъ ни божилась, какъ ни плакала — никто ей не вѣритъ. А тутъ еще чортъ надоѣдаетъ. Какъ-то выползъ изъ щели паукомъ, ножками шевелитъ и хихикаетъ.

— Что, хороши мои пятачки, разлапушка? Хи-хи... Вся ты теперь моя, со всѣмъ потрохомъ.

— И то, видно, твоя... — уныло соглашалась баба Матрена, заливаясь дешевыми бабьими слезами.—Не велика корысть обмануть глупую бабу.

— Давно бы такъ-то, Матренушка. Не будешь больше меня ругать?

— Гдѣ ужъ тутъ ругать, когда вся твоя воля теперь.

Понравилась эта бабья покорность чорту. Недаромъ трудился столько времени. Пріободрился онъ и въ другой разъ явился ужъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Онъ считалъ себя красавцемъ, какъ всѣ черти. И рожки, и хвостикъ, и ослиныя копытца, и уморительная мордашка, какъ у летучей мыши — кругомъ красавецъ, какъ его ни поверни. Разошелся чортъ и началъ ужъ сильнѣе ластиться къ Матренѣ. Такъ и увивается чортъ чортомъ, хвостикомъ виляетъ, хихикаетъ и все лапами тянется къ бабѣ.

— Я, Матренушка, совсѣмъ добрый чортъ,—нашептываетъ онъ сладкимъ голосомъ,—и нисколько стараго зла не помню. Даже совсѣмъ наоборотъ... Ухъ, горошина ты сахарная!... Полюби ты меня хоть немножко...

— Ты вотъ лапы-то свои поганыя убери, — защищается Матрена отъ бѣсовскихъ ласкъ.—Не люблю я этого...

Тошнехонько Матренѣ смотрѣть на хитраго чорта, а еще тошнѣе того слушать его. Такъ и мутитъ ее отъ его ласковыхъ словъ. Ужъ лучше, когда онъ сердится. А сердился чортъ страшно: глаза сдѣлаются зелеными, отъ нихъ сыплются искры, дыханіе мерзкое. Обидѣлся чортъ, что баба Матрена отталкиваетъ его, и зашипѣлъ по-змѣиному.

— Ахъ, ты, рѣдька горькая! — ругался онъ, начиная колотить хвостомъ по полу, какъ палкой.—Смотри, шутки со мной плохія... На смерть защекочу, если на то пойдетъ.

— Не боюсь я тебя, окаяннаго! — озлилась въ свою очередь и баба Матрена, — все одно пропадать. Вотъ нисколько не боюсь... Да еще глаза тебѣ повыцарапаю, только подойди.

Чортъ поступилъ совершенно какъ человѣкъ. Онъ сразу утихомирился и даже заплакалъ.

— Вотъ ты и разсердилась, Матренушка... Я къ тебѣ всей душой, а ты на меня и посмотрѣть не хочешь. Ахъ, бѣдный я, бѣдный... И за что только я полюбилъ тебя? Не стало развѣ бѣлотѣлыхъ боярынь, толстыхъ купчихъ, дѣвушекъ-проказницъ...

Сѣлъ чортъ на полъ, сложилъ ножки калачикомъ и жалуется на свою судьбу. Не могъ онъ взять упрямую бабу ни лаской, ни прибауткой, ни страхомъ, такъ захотѣлъ ее разжалобить.

Надоѣлъ чортъ бабѣ Матренѣ до смерти. Замучилась она съ нимъ. Наконецъ придумала.

— Вотъ что, чортушка, — сказала она. — Умаялъ ты меня. Дай передохнуть, а тамъ окончательно переговоримъ, чтобы все честь честью.

Обрадовался чортъ. Дѣло шло на ладъ, да и самому тоже отдохнуть хотѣлось. А главное, впереди оставалась надежда...

Думала баба Матрена цѣлыхъ три дня и наконецъ придумала. Да такъ ловко придумала, что даже самой смѣшно. Сидитъ, ждетъ, а сама ухмы-

ляется. Извѣстно, что только стоитъ подумать о чортѣ, а онъ ужъ тутъ какъ тутъ.

— Ну что, надумала, красавица?

— А вотъ садись рядкомъ да поговоримъ ладкомъ...

Чортъ присѣлъ, сдѣлалъ умильную рожу и приготовился слушать. Баба Матрена даже хлопнула его по козлиной ногѣ, отчего чортъ только заржалъ, какъ молоденькій жеребенокъ.

— Ну, слушай, скажу я тебѣ свою бабью притчу о душевномъ зеркалѣ,— начала Матрена.—Только чуръ не перебивать... Согласенъ? И сидѣть смирно. Лапамъ своимъ поганымъ воли не давать.

— Я не буду, тетенька.

— То-то, смотри у меня, уродъ. Вотъ ты мутишь всѣхъ, наводишь соблазнъ, бьешься изъ послѣднихъ силъ, а того и не знаешь... Нѣтъ, постой, не такъ. Ты вотъ сколько людей соблазнилъ — и не пересчитать. Грѣшитъ-грѣшитъ человѣкъ, кругомъ у тебя въ рукахъ, а глядишь, взялъ да и покаялся,—вся твоя работа даромъ и пропала.

Чортъ только замычалъ по-телячьи.

— Молчи, образина, а то ничего не скажу, — продолжала Матрена, закручивая ему ухо, какъ дѣлала одна поповна съ богатымъ старичкомъ, сватавшимся за нее. Чортъ только сладко зажмурилъ глаза и облизнулся. О, онъ отлично зналъ, какъ женщины умѣютъ любить...

— Такъ вотъ, чортушка, дѣло-то какое, — продолжала Матрена, набираясь храбрости. — И другіе черти тоже хлопочутъ не меньше тебя, а толку все нѣтъ. Одну глуиую бабу соблазнить и то какъ трудно. Ну, это такъ, къ слову. Сиди смирно... А дѣло-то проще пареной рѣпы. Помнишь, какъ меня судья оправдалъ за серебряную ложку, которую ты укралъ тогда у купца? Вотъ у него тогда и было душевное зеркало. У кого оно въ рукахъ, такъ тотъ и сдѣлается сейчасъ же добрымъ. Добудь его мнѣ, это самое душевное зеркало, тогда, такъ и быть,—вся твоя... А то я сейчасъ все сержусь на тебя. Ты-то мнѣ все добра желаешь, а я все только сержусь, потому что у меня нѣтъ душевнаго зеркала.

— А какое оно?—спросилъ чортъ, поднимая свои собачьи ушки.

— А такое... Его никто не видалъ.

— Такъ какъ же я его найду?

— А ужъ я тебя научу... Ступай въ лѣсъ поскорѣе, тамъ спасается старецъ, такъ зеркало у него. Ты прикинься дѣвицей, будто заблудился въ лѣсу, ну, какъ онъ пожалѣетъ тебя, — зеркало и будетъ у тебя въ рукахъ. Не полагается старцамъ жалѣть дѣвицъ, хоть такая дѣвица и заблудилась.

Чортъ щелкнулъ себя по носу, мяукнулъ по-кошачьи и точно сквозь землю провалился, какъ дѣлаютъ всѣ черти.

IV.

Взвился чортъ изъ тюрьмы легче пуха, потомъ упалъ камнемъ, разлился рѣкой и обернулся наконецъ красной дѣвицей. Брови союзныя, коса до полу, глаза ласковые, засмѣется—у покойника на сердце захолынетъ. Какъ увидѣлъ старецъ, такъ сразу и пожалѣлъ. А чортъ сцапалъ душевное зеркало и опять въ дорогу,—у старца въ кельѣ толко синій дымокъ остался, точно кто сѣрой покурилъ. Ужъ по запаху старецъ догадался, какая дѣвица у него была въ гостяхъ.

Несется чортъ обратно и чувствуетъ, что ему какъ будто тяжело. А смотрѣть на зеркало, какое оно—Матрена не велѣла ни подъ какимъ видомъ.

Чортъ завернулъ его въ бересту и летитъ. Чѣмъ дальше — тѣмъ тяжелѣе летѣть, точно чугунную гирю волочетъ. Кое-какъ дотащился, въ поту весь, даже языкъ высунулъ, а самъ думаетъ:

„И что я привязался къ этой бабѣ Матренѣ? Вѣдь это даже нехорошо, ежели разобрать... Вонъ и ребятишки сиротѣютъ безъ матери. Нѣтъ, нехорошо...“

Едва добрался чортъ до тюрьмы. Сѣлъ на самый конекъ, и вдругъ сдѣлалось ему скучно. Недаромъ же его ругаютъ добрые люди. Сколько онъ зла надѣлалъ. Вотъ и сейчасъ: только успѣлъ обмануть старца и сейчасъ же собирается бабу Матрену обманывать. Ахъ, нехорошо, хотя и чортъ.

Посидѣлъ, пригорюнившись, чортъ на крышѣ и полѣзъ въ тюрьму къ Матренѣ. Свое слово надо держать...

— Ну что, принесъ? — спрашивала Матрена.

— На, получай...

Взяла баба Матрена, развернула бересту, а сама смѣется. У чорта точно гора съ плечъ свалилась.

— Ну, и задала же ты мнѣ задачу, Матренушка...

— Ничего, отдохнешь и опять за старую работу примешься.

Говоритъ, а сама смѣется. Даже вотъ нисколько не страшенъ ей этотъ чортъ. Отдохнулъ чортъ, отдышался и только хотѣлъ поближе подсѣсть къ Матренѣ, какъ послышались шаги. Чортъ едва успѣлъ спрятаться за печку. Это пили освобождать Матрену. Какъ только душевное зеркало попало въ острогъ, такъ всѣмъ сразу и сдѣлалось совѣстно. Ну, зачѣмъ томить бѣдную бабу! Ея дѣло, гдѣ взяла пятачки...

Пришли, кланяются, извиняются.

— Ты ужъ на насъ не сердись, — говоритъ самый большой начальникъ. — Зря мы тебя томили...

Всѣмъ совѣстно, а баба Матрена только улыбается. Самый большой начальникъ до того размякъ, что чуть всѣхъ колодниковъ изъ тюрьмы не выпустилъ. Жаль стало бѣдныхъ людей, которые по годамъ томились въ неволѣ.

Вышла Матрена изъ острога, а чортъ за ней на одной ножкѣ прыгаетъ и отъ радости козленкомъ блеетъ. Пришли домой. Обласкала Матрена ребятишекъ, поплакала отъ радости и говоритъ чорту:

— Ну-ка, подержи зеркало-то...

Взялъ чортъ бересту и опять сдѣлался добрымъ, и опять сдѣлалось ему совѣстно, и опять онъ пожалѣлъ и Матрену и ребятишекъ, точно совсѣмъ и не чортъ. А Матрена смотритъ на него и смѣется.

— Ну, теперь, чортушка, ступай, откуда пришелъ. Не о чемъ намъ больше съ тобой разговаривать...

Взяла баба Матрена да и вытолкала чорта въ шею. Выскочилъ отъ нея чортъ, какъ ошпаренный. Съежился весь, дрожитъ корчится, а бересту съ душевнымъ зеркаломъ бросить не смѣетъ.

Случилось дѣло неслыханное и невиданное: объявился добрый чортъ. Перестали купцы обманывать покупателей, перестали приказные брать взятки, начали судьи судить по истинной правдѣ, монахи молиться, жены и мужья любить другъ друга, — добрый чортъ больше не могъ никому сдѣлать зла. Въ другой разъ и хочетъ по старой привычкѣ устроить какую-нибудь каверзу, а выйдетъ изъ каверзы добро. Однимъ словомъ, людямъ стало хорошо, а чертямъ плохо пришлось. Такъ плохо, такъ плохо, что совсѣмъ нечего стало дѣлать.

Цѣлыхъ три года добрый чортъ маялся съ душевнымъ зеркаломъ, пока не замаялся окончательно. Онъ страшно похудѣлъ, шерсть на спинѣ вылѣзла,

глаза начали слезиться, а хвостъ сдѣлался тоненькимъ, какъ спичка. Не чортъ, а чортъ знаетъ что̀ такое... Въ концѣ концовъ чортъ хотѣлъ даже покончить съ собой и бросился въ воду. Когда его вытаскивали изъ воды, береста съ душевнымъ зеркаломъ уплыла, и онъ опять сдѣлался настоящимъ, добросовѣстнымъ чортомъ.

Поправившись, чортъ занялся своими прежними дѣлами и только не подходилъ къ бабѣ Матренѣ. Вѣдь она могла разсказать и другую притчу... Баба Матрена больше ужъ не торговала. Когда чортъ ходилъ съ душевнымъ зеркаломъ, всѣ ея пятачки превратились въ горячіе уголья. Чуть и лавку свою не сожгла. Опять ушла она въ свою деревню и давай работать попрежнему. Копаетъ свои гряды да пѣсенки попѣваетъ, благо избавилась отъ чорта.

1896.

Послѣднее искушеніе.

I.

Это было давно, очень давно, когда надъ погибавшей Русью грозной тучей висѣла татарщина.

Короткій зимній день кончился. Всѣ уже спали по городамъ и селамъ, спали богатые и бѣдные, счастливые и несчастные, — не спалъ только святой старецъ Варнава, работа котораго начиналась именно вечеромъ. Въ его кельѣ, спрятавшейся въ вѣковомъ лѣсу верстахъ въ семидесяти отъ Москвы, цѣлую ночь горѣла неугасимая лампада. Старъ былъ Варнава, но еще не дряхлъ и выстаивалъ на молитвѣ цѣлыя ночи. А было о чемъ помолиться... Самое лютое стояло время, когда у сильныхъ изсякла сила, у мудрыхъ изсякла мудрость, у храбрыхъ храбрость.

Ночь. Въ лѣсу гудитъ вѣтеръ. Въ крошечное оконце кельи бьетъ сухимъ снѣгомъ, точно кто бросаетъ пескомъ... Молится Варнава и слышитъ, какъ въ лѣсу точно стишало. Да, онъ слышитъ это и слышитъ чьи-то легкіе шаги, слышитъ осторожный стукъ въ дверь и ласковый женскій шопотъ:

— Старецъ, пусти обогрѣться...

— Знаю, знаю, — отвѣчалъ Варнава. — Ты уже много разъ приходила ко мнѣ...

— Ты — злой... я замерзаю.

За дверью слышатся подавленныя женскія рыданія... Но Варнава неумолимъ и громко читаетъ молитвы. Онъ знаетъ, что это только начало искушенія.

Опять завыла буря. Шатается вѣковой лѣсъ. Вершины деревьевъ гудятъ тысячью голосовъ, но среди этого шума ухо Варнавы ловитъ одинъ звукъ, — сначала это была одна нота, которую дастъ оборванная струна, потомъ она повторилась, слилась и перешла въ дѣтскій плачъ. Наклонился Варнава надъ святой книгой, вычитываетъ святыя слова все громче и громче, а дѣтскій плачъ уже у него въ ухѣ... Вотъ-вотъ тутъ, совсѣмъ близко, стóитъ только оглянуться. И страшно Варнавѣ и жутко, и передъ глазами слова начинаютъ прыгать, а сердце все больше и больше охватываетъ предательская жалость.

— Старецъ, пусти обогрѣться... — молитъ за дверью дѣтскій голосъ.

— Знаю, знаю, — отвѣчаетъ Варнава. — Ты много разъ приходилъ ко мнѣ...

— Ты — злой... Я умираю съ голода... Въ тебѣ нѣтъ жалости.

Громко читаетъ Варнава молитвы и хватается за аналой, чтобы не пустить самого себя къ двери. А дѣтскій голосъ все плачетъ и молитъ о хлѣбѣ... Ахъ, какъ страшно — за себя страшно! Одинъ только шагъ, и все погибло, погибнетъ великій трудъ долгой жизни, погибнетъ подвигъ, погибнетъ живая душа...

Опять все стихло. Варнава закрываетъ глаза отъ страха... И вотъ весь лѣсъ грянулъ хохотомъ, точно раскрылась тысяча пастей. Женскій визгъ, ржанье, пеистовый топотъ пляшущихъ ногъ, а гдѣ-то близко поютъ тонкіе дѣвичьи голоса и слышатся призывные звуки музыки. Да, онъ узнаетъ эти голоса... Они вьются уже надъ его кельей и разсыпаются живымъ серебромъ манящаго дѣвичьяго смѣха.

— Знаю, знаю... — шепчетъ Варнава.

— А чѣмъ мы виноваты, что умерли некрещеными? Пусти насъ.

— Вы уже много разъ приходили ко мнѣ... Уходите.

— Ты — злой... Пожалѣй свою старую душу.

Варнавѣ начинаетъ казаться, что самыя стѣны кельи расходятся, но онъ собираетъ послѣднія силы и благословляетъ ихъ. Все сразу стихаетъ, и только слышно, какъ волчья лапа напрасно скребетъ толстую дубовую дверь, потомъ раздается тягучій волчій вой.

Долго-долго воетъ волкъ, долго-долго царапается въ дверь когтями, но это ужъ не страшно. Страшенъ не страхъ, а страшна жалость... Искушеніе кончилось, и опять гудитъ и стонетъ столѣтній лѣсъ, злится и воетъ жестокая вьюга и засыпаетъ снѣгомъ келью все больше и больше.

Благодаритъ Варнава Бога за посланную ему крѣпость противостоять искушенію. Сколько этихъ искушеній... Никому онъ ихъ не разсказывалъ, и никто ихъ не знаетъ. Лѣтомъ пошелъ онъ за водой къ ключику, наклонился зачерпнуть студеной воды, а на днѣ ключика такъ и блестятъ куски чистаго золота. Перекрестилъ старецъ ключикъ, и изъ воды выползла гадюка, а золото пропало. Въ другой разъ идетъ онъ по лѣсу, смотритъ — дерево бурей выворочено, а подъ корнями цѣлая куча драгоцѣнныхъ камней. Перекрестилъ онъ ихъ, и самоцвѣтные камни запрыгали лягушками и жабами. А когда страшно мучилъ его голодъ, у кельи появлялись чудныя кушанья, когда онъ ходилъ въ рубашкѣ — являлось дорогое платье, когда онъ считалъ себя совсѣмъ умреннымъ — приходилъ благообразный старецъ и начиналъ его увѣрять, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ другого такого подвижника, и ему хотѣлось этому вѣрить.

Да, много было пережито искушеній, и всѣ оказались безсильными.

Такъ было и сегодня. Измучился, усталъ Варнава, обезсилѣлъ и подумалъ:

„Господь сохранилъ меня отъ всѣхъ искушеній...“

Только подумалъ, а въ дверь кельи кто-то опять стучится.

— Знаю, знаю, — говоритъ Варнава. — Ты ужъ приходилъ...

— Нѣтъ, Варнава, не приходилъ, — отвѣтилъ грубый мужской голосъ.

— Кто же ты будешь?

— А пусти, такъ увидишь...

Оградилъ Варнава дверь кельи крестнымъ знаменіемъ, — нѣтъ, не уходитъ.

— Пусти поскорѣе, Варнава... Али забылъ брата Акима?

— Развѣ ты еще живъ?

— Видно, живъ... Твоими молитвами спасаемся.

Отворилъ Варнава дверь и видитъ, что дѣйствительно братъ Акимъ. Давно они не видались, лѣтъ двалцать, но Варнава узналъ брата. Да и кто его не зналъ: Акимъ разбойничалъ все время, и слава о немъ обошла кругомъ всю Москву. Посмотрѣлъ Варнава на брата, покачалъ головой и спросилъ:

— Что тебѣ нужно отъ меня, разбойникъ?

— Это для другихъ я разбойникъ, а для тебя братъ... Ты для другихъ святой человѣкъ, а для меня братъ. Вотъ и пришелъ братъ къ брату...

— Что-то какъ будто не такъ, Акимъ...

— И то не такъ... Не спроста я къ тебѣ зашелъ, Варнава, и не пришелъ, а прибѣжалъ. Ты душу спасаешь да молишься, а я разбойничаю и душу гублю... Только вѣдь и разбойника Господь терпитъ... Такъ я говорю? А сейчасъ великая за мной погоня, Варнава, гонится за мной самъ воевода Иванъ Лукьянычъ, лѣсъ оцѣпили... вотъ я и прибѣжалъ. Ущити меня.

— Уходи, уходи!.. Уходи, откуда пришелъ...

— А ежели некуда мнѣ итти? Царскіе пристава немилостивые, по застѣнкамъ наши косточки хрустятъ, а одинъ только добрый человѣкъ, да и тотъ заплечный мастеръ...

— Что заработалъ, то и получишь, Акимъ, а я тебя не пущу...

— А вотъ и пустишь...

II.

Хотѣлъ ужъ совсѣмъ Варнава вытолкать брата Акима въ двери, какъ послышалась воеводская погоня. Ближе, ближе... Слышно, какъ перекликаются воеводскіе стражники. Гдѣ-то заржала лошадь, почуявшая жилье. Братъ Акимъ стоялъ и смотрѣлъ въ землю. Вотъ ужъ совсѣмъ близко... Слышенъ конскій скокъ.

— Я пойду... — тихо проговорилъ братъ Акимъ. — Все одно пропадать...

— Нѣтъ, постой, — остановилъ его Варнава и указалъ мѣсто подъ лавкой.

Погоня скучилась около кельи. Воевода Иванъ Лукьянычъ былъ смущенъ, потому что узналъ келью Варнавы. Какъ-то года три назадъ приходилъ сюда съ большимъ поклономъ: одолѣли грѣхи... Плакался Иванъ Лукьянычъ святому старцу и крѣпко-накрѣпко обѣщалъ не грѣшить, а прошло три года — грѣховъ больше стараго накопилось. А тутъ еще соблазнъ прямой выходитъ: гнали разбойника по прямому слѣду, а слѣдъ и привелъ прямо къ кельѣ Варнавы. Какъ было тутъ быть? Отвелъ, видно, глаза проклятый разбойный человѣкъ... Однако спѣшился Иванъ Лукьянычъ и помолитвовался у у двери кельи:

— Господи Іисусе, помилуй насъ...

— Аминь. Это ты, Иванъ Лукьянычъ?

Взяла оторопь воеводу, когда старецъ узналъ его по голосу. Снялъ онъ свою горластую высокую шапку и вошелъ въ келью. Варнава встрѣтилъ его необычайно: стоитъ и трясется.

— Аль напужали мы тебя, святой отецъ? Можетъ, и на орду подумалъ...

— Ничего я не думалъ... — отвѣтилъ Варнава, давая благословеніе. — Слабъ человѣкъ, Иванъ Лукьянычъ, а я послабѣе всѣхъ — вотъ и трясусь. Садись, такъ гость будешь...

Сѣлъ воевода на лавку, какъ разъ на мѣсто, подъ которымъ лежалъ разбойникъ Акимъ, а шапку поставилъ на полъ. Посмотрѣлъ на келью — мала хоромина, только-только одному повернуться. „Негдѣ тутъ спрятаться другому

человѣку", — подумалъ воевода и посовѣстился, что неподобное подумалъ на святого человѣка.

— Случилось тотъ немаленькое дѣло, честной отецъ, — заговорилъ воевода, разглаживая бороду. — Обложили мы разбойнаго человѣка Акимку, а слѣдъ-то и вывелъ къ твоей кельѣ. Посмѣялся, видно, Акимка надъ нами и надъ тобой...

Варнава стоялъ передъ гостемъ, опустивъ глаза, и молчалъ. Воевода смотрѣлъ на него и смущался. Сердится на него честной отецъ, насквозь видитъ всѣ его воеводскіе грѣхи... Тяжело вздыхаетъ воевода. Постарѣлъ онъ, огрузъ, заплылъ своимъ боярскимъ жиромъ, а грѣхи молодые. Совѣстно воеводѣ, что по мірскому дѣлу онъ потревожилъ иноческую ночную молитву:

— Охъ, честной отецъ, грѣшенъ я! — шепталъ воевода, вздыхая. — Да и какъ въ міру не согрѣшить... Какъ рыба въ неводу бьемся. Вотъ ты-то молишься здѣсь, а мы грѣшимъ... Татарская бѣда у воротъ стоитъ, а мы дома еще свою бѣду разводимъ. Княжье наше сварится межъ себя, городовая старшина крамольничаетъ, передніе люди малодушествуютъ, а тутъ еще разбойничьи люди своихъ же обижаютъ. Великое утѣсненіе отъ нихъ, пряменько сказать — ни проходу ни проѣзду. Обидно это, честной отецъ, когда свой своего бьетъ. Вотъ я и порѣшилъ перваго разбойнаго человѣка Акимку поймать... Поймаю Акимку и посажу его на колъ для острастки другимъ.

Акимъ слушалъ все, а тутъ не стерпѣлъ и отвѣтилъ изъ-подъ лавки:

— Хвастаешь, Иванъ Лукьянычъ.

Воевода вздрогнулъ. Странно отвѣтилъ Варнава—стоитъ и рта не раскрылъ, а отвѣтъ есть. Давеча слѣдъ спуталъ, а теперь отвѣтъ почудился.

— Это ты мнѣ про хвастовство-то сказалъ, отче?

— Не я, а моя кровь отозвалась...

— Такъ, такъ... Все отъ крови, отче. Большое отъ нея искушеніе...

— Охъ, большое, воевода... — тихо отозвался Варнава. — Съ собой еще справишься, а съ родомъ-племенемъ и силы не хватитъ. Слабъ человѣкъ, и слабѣе всѣхъ я, потому что подумалъ съ гордостью: дескать, всѣ искушенія вынесъ... Только подумалъ, а ты свою погоню и нагналъ... На колъ, говоришь, посадишь Акимку?

— Сперва правую руку отрублю, потомъ лѣвую ногу, а потомъ уже на колъ.

Задрожалъ Варнава, закрылъ глаза и пересталъ смущаться... Жаль ему стало родного брата... Припомнилась отшельнику мать, которая рожала вѣдь не разбойника, а отъ людей вышелъ разбойникъ-то. Совсѣмъ легко стало Варнавѣ. Значитъ, самъ Богъ привелъ Акима къ нему въ келью, чтобы хоть на малое время ущитился отъ страшной казни. Можетъ еще и покаяться грѣшная душа... Недаромъ и въ рай вошелъ первымъ разбойникъ.

— Чѣмъ я тебя угощать буду, воевода? — заговорилъ Варнава. — Окромя сухариковъ да воды ничего нѣтъ у меня...

— Не за угощеніемъ поѣхалъ я, отче... Отъ угощенія мы дома не знаемъ куды дѣваться... Только бы Акимку-душегуба изловить — вотъ и угощеніе.

— Поблазнило тебѣ слѣдомъ-то, воевода... Не былъ онъ у меня, твой Акимка. Слыхать слыхалъ, а видать не доводилось...

— А вотъ пымаю, такъ покажу...

Опять разсердился разбойный человѣкъ Акимъ и отвѣтилъ изъ-подъ лавки:

— Хвастаешь, Иванъ Лукьянычъ...

Вскочилъ воевода и только хотѣлъ заглянуть подъ лавку, какъ Варнава взялъ его за плечо, отвелъ и говоритъ:

— Мнѣ-то ты не вѣришь развѣ, воевода? Вѣдь я же тебѣ сказалъ, что не видалъ Акимки....

— Охъ, навожденіе, — сокрушенно отвѣтилъ воевода, опять усаживаясь на лавку. — Но грѣхамъ нашимъ опять поблазнило...

Лежитъ Акимъ подъ лавкой и злится. Кабы не въ кельѣ, такъ выскочилъ бы онъ изъ-подъ лавки и всадилъ ножъ въ толстое воеводское пузо. „Ты хуже разбойника, потому какъ по царской милости грабишь народъ и доводишь до конечнаго разора. Отъ тебя и разбойники идутъ, Иванъ Лукьянычъ, недаромъ вонъ какъ нацочился и требушину распустилъ“... Злится Акимъ, а тутъ еще братъ Варнава обманываетъ изъ-за него воеводу. Помутила старца родная кровь... Совѣстно стало Акиму. Много онъ грѣшныхъ чужихъ душъ загубилъ, а сейчасъ губитъ родную святую душу. Этому грѣху ужъ не будетъ прощенія...

А Варнава стоитъ предъ воеводой и обманываетъ его, глаза отводитъ. Еще пуще разгорѣлось сердце Акима. Жаль стало ему погибавшаго брата.

— Ну-ка, Иванъ Лукьянычъ, посторонись... — проговорилъ онъ, вылѣзая изъ-подъ лавки. — Что, узналъ угощеніе?

Воевода остолбенѣлъ, когда разбойный человѣкъ Акимка совсѣмъ вылѣзъ и всталъ передъ нимъ.

— Аль не узналъ? — дерзко спрашивалъ Акимка. — Вѣдь ты хвастался руку и ногу мнѣ отрубить и на колъ посадить... Вотъ весь я тутъ.

Смотритъ воевода не столько на Акимку, сколько на Варнаву, и не можетъ отъ изумленія слова вымолвить. Вотъ до чего дожилъ... Ужъ ежели честной отецъ въ глаза обманываетъ, такъ чего же ждать отъ разбойнаго человѣка? А Варнава стоитъ, глаза опустилъ и молчитъ...

— Чего ты, Иванъ Лукьянычъ, ощерился на инока, какъ свинья на мерзлую мышь? — говорилъ Акимъ, не помнившій себя. — Твоя работа, Иванъ Лукьянычъ... Вотъ до чего ты довелъ святого человѣка: врать его заставилъ. Съ тебя и грѣхъ взыщется... А вотъ я не захотѣлъ губить святую душу и вылѣзъ къ тебѣ: на, получай. Весь тутъ, подъ лавкой ничего не осталось...

Воевода точно онѣмѣлъ — сидитъ и ничего сказать не можетъ. А разбойный человѣкъ Акимка совсѣмъ насмѣлился, хлопнулъ воеводу по плечу и говоритъ:

— Ну, мы съ тобой, Иванъ Лукьянычъ, потомъ сосчитаемся, а пока-что я за водой схожу... Тоже не близкое мѣсто отъ тебя бѣжалъ, жажда томитъ... Посиди тутъ, а я сейчасъ выворочусь.

Видитъ воевода, какъ Акимка беретъ въ руки ведерку и идетъ къ двери — видитъ и не можетъ шевельнуться. Языкъ точно пришитъ, а руки-ноги связаны. Когда Акимка ужъ былъ въ дверяхъ, крикнулъ воевода: „Держи Акимку!.. Держи разбойника!..“ Но оказалось, что крикнулъ-то онъ про себя, а разбойный человѣкъ ужъ за дверями. Впрочемъ, — сообразилъ воевода, — чего же бояться? Кругомъ кельи оцѣплена стражей, и, все равно, Акимкѣ не вырваться, какъ волку изъ загона.

А разбойный человѣкъ Акимка вышелъ изъ кельи и представился старымъ, дряхлымъ человѣкомъ. Стражники стоятъ и видятъ, что идетъ самъ Варнава съ ведеркой, и сняли шапки.

— Жажда томитъ воеводу, вотъ я и пошелъ за водой къ ключику, — слабымъ старческимъ голосомъ говоритъ Акимъ, кланяясь стражѣ въ поясъ.

— Отче, благослови... — молитъ стража. — Грѣшные мы люди, отче.

— Охъ, грѣшные, миленькіе... А всѣхъ грѣшнѣе у васъ воевода.

Пробирается разбойный человѣкъ Акимъ мимо стражи и благословляетъ всѣхъ.

— Богъ васъ проститъ, миленькіе...

Кланяются стражники въ поясъ святому человѣку и даютъ дорогу. Пусть святая душа сходитъ за водой и напоитъ грѣшнаго воеводу...

Такъ и сгинулъ разбойный человѣкъ Акимка, — прямо изъ глазъ ушелъ. Когда воевода опомнился и выскочилъ изъ кельи — Акимкинъ и слѣдъ простылъ. Накинулся воевода на стражу, а стражники въ одинъ голосъ:

— Какъ же мы его ловить бы стали, когда онъ насъ благословлялъ... За старца Варнаву приняли.

Погнала погоня по лѣсу во всѣ концы, искала-искала и воротилась къ кельѣ ни съ чѣмъ. А воевода все сидѣлъ въ кельѣ и все время молчалъ. Старецъ Варнава стоялъ у двери съ опущенными глазами и тоже молчалъ. Ахъ, какъ онъ боялся, что поймаютъ грѣшнаго брата Акима! Когда стража донесла, что сгинулъ Акимка, отлегло на сердцѣ у инока, и перекрестился онъ со слезами на глазахъ. А потомъ повалился старецъ въ ноги воеводѣ и говоритъ:

— Прости меня, недостойнаго, Иванъ Лукьянычъ... Солгалъ я тебѣ, а брата спасъ. Вѣдь родной братъ мнѣ Акимъ-то... Послѣднее это было искушеніе, Иванъ Лукьянычъ. Всѣ искушенія претерпѣлъ и превозмогъ, а тутъ ослабѣлъ. И не я тебѣ лгалъ, а любовь.

1895.

Бабій грѣхъ.

I.

Мосевна лежала на печкѣ и наблюдала, какъ набираются гости. Въ передней избѣ трещали казачки, точно сорочье гнѣздо, а въ задней галдѣли подвыпившіе казаки. Да, на именины къ атаману сходилась вся Ахматовская станица, и веселье кипѣло цѣлый день. Не принимала въ немъ участія только одна Мосевна.

Старушка разсердилась еще наканунѣ, когда атаманъ ей сказалъ:

— Баушка, а ты бы тово... да... Завтра-то гостей у насъ будетъ нетолченая труба, ну, такъ ты бы тово... да...

— Чего: тово?

— А ушла бы куда-нибудь въ сусѣди, али къ дѣвичихѣ. Старо твое мѣсто, только другимъ мѣшать будешь, да и себѣ-то радости немного... Еще, пожалуй, помрешь при гостяхъ грѣшнымъ дѣломъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, внучекъ, — поблагодарила Мосевна и низко поклонилась безсовѣстному атаману.

— Ахъ, ты, какая ты непонятная, баушка! — удивлялся атаманъ.— Вѣдь о тебѣ же забочусь... Съ пьяныхъ-то глазъ еще кто-нибудь задавитъ тебя.

— Такъ, такъ, атаманушка. Въ кого только ты такой жалостливый уродился... Забота, а не мужикъ.

Жена атамана Аксинья возилась у печки съ тѣстомъ для завтрашнихъ пироговъ и сдѣлала видъ, что не слышитъ этого семейнаго разговора.

— Избываете вы меня заживо, внученьки,—ворчала Мосевна.—Вотъ помру, такъ никому не буду мѣшать.

— Раньше смерти, баушка, не помираютъ, а ты еще и насъ переживешь. А что̀ касается избыванья, такъ это ты ужъ даже совсѣмъ напрасно... Вся станица знаетъ, какъ мы тебя соблюдаемъ.

Аксинья сердито двигала тяжелую квашню и не вставила ни одного словечка, а Мосевна догадалась, что атаманъ говоритъ по ея наущенью. Не въ первый разъ приходилось старушкѣ терпѣть отъ молодой снохи, но раньше-то все было такъ—мало ли чего въ семьѣ не бываетъ, и не каждое лыко въ строку, а тутъ выходило совсѣмъ другое. Никогда еще Мосевна не чувствовала себя настолько чужой въ собственномъ домѣ, какъ именно сейчасъ... Да, она мѣшала, какъ бѣльмо на глазу...

Мосевна затаила нанесенную обиду и не стала спорить. Потомъ думала о нанесенномъ ей оскорбленіи всю ночь, съ этимъ чувствомъ заснула, а проспулась и окончательно разсердилась. Она спала на печкѣ и утромъ не спустилась. Аксинья ждала молча, когда старуха уберется изъ избы, а Мосевна продолжала лежать и не подавала признаковъ жизни.

„Ужъ не померла ли? — подумала Аксинья, мимоходомъ прислушиваясь къ неровному дыханію старушки.—Отъ нея станется... Все на зло, все на зло дѣлаетъ“.

Между старой баушкой и снохой Аксиньей тяжелая бабья рознь шла съ самаго начала, какъ атаманъ женился. Мосевна не взлюбила молодую сноху съ перваго раза, потому что внучекъ-атаманъ женился безъ ея спросу, какъ велось изстари. Аксинья платила старухѣ той же монетой и не могла дождаться, когда наконецъ баушка умретъ. Кажется, ужъ пора—девяносто лѣтъ старушонкѣ, давно въ чужой вѣкъ живетъ. Бабьи споры и перекоры доходили и до атамана, и онъ думалъ то же, что̀ жена.

— Потерпи, Аксинья... Вѣдь помретъ же старуха когда-нибудь,—говорилъ онъ, утѣшая жену.

— Это у другихъ помираютъ, а наша живетъ да живетъ... Живуща.

Сама Мосевна считала себѣ девяносто лѣтъ, хоть дьячокъ Спиридонычъ и увѣрялъ, что ей „близко ста“. Въ станицѣ жилъ столѣтній казакъ Акинтій, который говорилъ то же, хотя по старческой безпамятности и сбивался въ счетѣ. На видъ года Мосевны опредѣлить было трудно. Она была такая худенькая и сморщенная,—вѣрнѣе сказать, вся была точно сложена изъ однѣхъ морщинъ. Волосы отъ древности изъ сѣдыхъ превратились въ желтые, кожа на лицѣ была сухая и сѣрая, какъ древесная кора, беззубый ротъ ввалился, потухшіе глаза слезились,—однимъ словомъ, полная картина самой безнадежной старости. И все-таки старуха жила, и всѣ говорили, когда кто-нибудь умиралъ въ станицѣ: „Вѣдь вотъ Мосевнѣ надо помереть, а она живетъ да живетъ...“ Сама Мосевна думала то же самое, особенно когда ее обижала сноха. Она, лежа на печи, говорила:

— Вѣдь помираютъ же другіе... А мнѣ Господь и смертыньки не посылаетъ. Охъ, согрѣшила я безъ конца, грѣшница...

Въ душѣ Мосевны жило убѣжденіе, что она не можетъ умереть именно за грѣхи и живетъ въ тягость другимъ. Эта мысль ее убивала. Въ послѣднее время старушка вообще замѣтно измѣнилась и какъ-то вся ушла въ далекое прошлое, когда была еще молодой. Зрѣлый періодъ совсѣмъ выпалъ изъ ея памяти, и она жила главнымъ образомъ воспоминаніями ранней молодости, связанной какими-то таинственными нитями съ настоящимъ. Это настоящее выступало передъ ней не цѣлой картиной, а клочками и обрывками, причемъ

терялась всякая разница между важнымъ и пустяками. Какъ для ребенка, міръ началъ существовать для нея постольку, поскольку захватывалъ ея старушечьи интересы. По своему строенію мозгъ Мосевны вѣрнѣе всего сравнить съ кускомъ какой-нибудь вывѣтрившейся горной породы, потерявшей связь отдѣльныхъ частей, но образовавшіяся пустоты все-таки не уничтожили въ немъ внутренней геологической структуры того скелета, который несетъ въ себѣ даже камень.

Затѣмъ, въ послѣдній годъ у Мосевны старческая болтливость начала принимать болѣзненную форму. Она жаждала подѣлиться со всякимъ воспоминаніями далекаго прошлаго, причемъ перепутывала разные случаи и помнила хорошо только то, что относилось къ ней лично. Именно эта старческая болтливость больше всего и безпокоила атамана Прокопія Гавриловича, потому что вызывала на свѣтъ Божій одинъ эпизодъ, ложившійся темнымъ пятномъ на всю фамилію Раскосыхъ. Онъ боялся бабушкиныхъ разговоровъ до смерти, хотя всячески и старался это скрыть отъ постороннихъ глазъ. Вотъ если бы старуха умерла, онъ вздохнулъ бы свободнѣе,—съ ней умерло бы все, что давило его камнемъ. Мосевна догадывалась, что безпокоитъ атамана, и въ отместку иногда подводила рѣчь къ опасному пункту. Атаманъ вскакивалъ, плевался и начиналъ неистовствовать.

— Ты у меня смотри!—грозился атаманъ, теряя всякую мѣру. —Ужъ тебѣ-то лучше бы молчать... да.

— А мнѣ что,—равнодушно отвѣчала старушка.—Мнѣ-то все равно... Мало ли что бывало съ другими бабами, когда „линія“ проходила. Не моя тутъ причина...

Эти разговоры про „линію“ для атамана были хуже ножа. Онъ всякими правдами и неправдами старался отклонить эти воспоминанія о проклятой „линіи“ и считалъ всякіе разговоры о ней личнымъ оскорбленіемъ. Съ другой стороны, онъ подозрѣвалъ всѣхъ, что эти всѣ именно хотятъ его оскорбить. Особенно надоѣдалъ ему станичный дьячокъ Спиридонычъ, который отличался самымъ преступнымъ двоедушіемъ.

— Экое счастье тебѣ, Прокопій Гавриловичъ, валитъ со всѣхъ сторонъ,—говорилъ льстивый дьячокъ атаману въ глаза. — Истинно, перстъ Божій указуетъ на тебя...

— Какой тутъ перстъ,—скромно защищался атаманъ.—Просто, отецъ у меня былъ непьющій, и я тоже принимаю вино только по праздникамъ.

— Вотъ и вышелъ перстъ... да. Напримѣрно, у меня ожеребилась кобыла—сама вороная, а жеребенокъ чалый. У другой кобылы жеребеночка волки растерзали... А у тебя всѣ жеребята цѣлы и всѣ въ одну масть, какъ на заказъ. Это какъ по-твоему? И въ Писаніи сказано: преизбыточествуетъ благодать... да. Имущему дастся, а у неимущаго отымется и то, что онъ имѣетъ... Вотъ моего жеребенка и слопали волки, а твой живъ.

Эту лесть въ глаза дьячокъ выкупалъ заочнымъ злословіемъ, которое начиналось такъ:

— Конечно, атаманъ Прокопій Гавриловичъ взыскапъ отъ Господа свыше мѣры, но сіе не напрасно... Ни единый власъ съ главы не падетъ безъ указующаго перста. Старуха-то Мосевна еще жива... хе-хе!.. Раньше-то всѣ они были бѣдные и писались: Голоухіе. Вся семья Голоухая... А какъ Мосевна выворотилась изъ орды да разродилась сыномъ Гаврилой—пошли Раскосые. По звѣрю и кличка... Тавро-то ордынское и посейчасъ осталось. Ну, Раскосымъ и повалило счастье...

Эта болтовня завистливаго дьячка стороной, конечно, доходила до ата-

мана, но онъ ничего не могъ подѣлать. Доказательство было налицо... Пробовалъ атаманъ задобрить дьячка, но и изъ этого ничего не вышло. Дьячковскій языкъ не смирился, а какъ будто пріобрѣталъ еще бо́льшую живость. Положимъ, свои станичники относились къ словамъ дьячка равнодушно, а все-таки нехорошо.

Атаманъ въ послѣднее время какъ-то даже возненавидѣлъ выжившую изъ ума старуху, и его должна была уговаривать жена.

— Потерпимъ еще, Гавриличъ... Умъ какъ быть-то!..

— Да вѣдь всему роду покоръ, Аксинья!.. Ахъ, какъ нехорошо... Вонъ посмотришь на другихъ-то, такъ всѣ люди какъ люди, а у насъ только и разговору, что про линію.

II.

Событіе, на которое намекалъ дьячокъ, случилось очень давно, лѣтъ семьдесятъ назадъ, когда еще существовала „линія“ и казачья станица Ахматова стояла на самомъ бую. Мосевна теперь часто видѣла эту старую Ахматовку, окруженную земляянымъ валомъ, съ сторожевой вышкой и двумя пушками. Сейчасъ за валомъ начиналась степь, а изъ степи то и дѣло набѣгала на „линію“ орда. Случалось и бабамъ стрѣлять изъ пушекъ и рѣзаться на валу въ рукопашную. Безпокойное было время, а все-таки хорошо... И казаки были другіе, не то что нынѣшніе лодыри и пьяницы.

Однажды лѣтомъ, когда ахматовскіе казаки были отправлены въ степь для какого-то воинскаго поиска, на Ахматовку неожиданно напали киргизы, все ограбили, остальное пожгли, оставшихся стариковъ и старухъ перебили, а всѣхъ молодыхъ увели въ полонъ. Въ числѣ полоняновъ была уведена и Мосевна, которой тогда только-что исполнилось двадцать лѣтъ. Эта „продерзость киргизишекъ“, какъ писалось въ старинныхъ ордерахъ, подняла на ноги всю „линію“, и линейные казаки одной стаей кинулись въ степь на угонку. Они догнали орду только черезъ недѣлю, всѣхъ киргизишекъ перебили и воротили уведенный полонъ. Вернулась въ Ахматовку вмѣстѣ съ другими и Мосевна, хотя и съ большимъ изъяномъ: ровно черезъ девять мѣсяцевъ она родила раскосаго сына Гаврилу. Это былъ вылитый киргизенокъ, съ узкими, раскосыми глазами, приплюснутымъ носомъ и съ жесткими черными волосами. Случай вышелъ необыкновенный, и вся станица волновалась. Какъ на грѣхъ, и мужа Мосевны на этотъ разъ не случилось дома. Сильно тужила и плакалась Мосевна, хотя ея никто и не винилъ,—бабій грѣхъ вышелъ подневольный.

Больше всѣхъ слезъ стоилъ раскосый сынъ Мосевнѣ, а еще больше было стыда и страха. Вотъ воротится отецъ и примется изводить раскосаго сына. Сгорича-то, пожалуй, и совсѣмъ убьетъ, хотя человѣкъ былъ и не злой. Всего надумалась несчастная мать въ ожиданіи отца и впередъ пережила всякіе бабьи страхи. А главное, прикипулась безмѣрная бабья жалость. Были и раньше дѣти, но Мосевна ни одного еще такъ не любила, какъ именно этого раскосаго.

Гаврилѣ было ровно шесть недѣль, когда вернулись изъ похода ахматовскіе казаки. По обычаю, они ѣхали съ пѣснями. Вся станица высыпала на валъ встрѣчать. Испоконъ вѣка на „линіи“ такой обычай. Иногда казаки уходили на службу года на два, и безъ нихъ было не безъ грѣха. По обычаю, провинившіяся казачки выходили изъ станицы на дорогу и бросались въ ноги мужьямъ. Если мужъ прощалъ жену, то онъ прикрывалъ ее полой своего бешмета и навсегда прикрывалъ бабій грѣхъ. Такую покрытую казачку

никто не смѣлъ попрекнуть, потому что дѣло мужнее казнить жену или помиловать. Бывало и такъ, что мужъ не прикрывалъ жену, а билъ ее нагайкой смертнымъ боемъ, тащилъ за лошадью за косы черезъ всю станицу и изводилъ вконецъ. Всего бывало... А тутъ выходилъ совсѣмъ особенный случай. Мосевна вышла на дорогу со своимъ раскосымъ Гаврилой и съ застывшимъ сердцемъ ждала, когда подъѣдутъ казаки. Она уже слышала свистъ нагайки, чувствовала побои, но боялась не за себя, а за ребенка. Вотъ ужъ совсѣмъ близко казаки... вотъ заливается запѣвала Акинтій, гудятъ тулумбасы... Упало бабье сердце, и повалилась Мосевна въ ноги мужнему коню, прикрывая своимъ тѣломъ ребенка. Смутился и мужъ Мосевны и не зналъ, что ему дѣлать, но казаки сбились въ одну кучу и всѣ накрыли полами своихъ бешметовъ бившуюся на землѣ Мосевну. Невольный бабій грѣхъ былъ прикрытъ всей станицей.

Давно это было, и живымъ свидѣтелемъ этой сцены оставался одинъ столѣтній Акинтій, да и тотъ выжилъ изъ ума и все забылъ, но не забыла сама Мосевна, и въ послѣднее время она по ночамъ часто видѣла во снѣ, что будто опять стоитъ на дорогѣ съ раскосымъ Гаврилой и ждетъ мужа. Опять падаетъ отъ страха ея бабье сердце, и опять она бросается къ ногамъ лошади и бьется, какъ подстрѣленная птица. Проснется Мосевна отъ страху и начинаетъ креститься, а самой страшно-страшно: и мужа давно нѣтъ, и раскосый Гаврила убитъ подъ Хивой, и сама она старая-старая, а все-таки страшно. Опять встаетъ передъ ней ея бабій грѣхъ, и Мосевна думаетъ, что изъ-за него она не можетъ помереть. И мужъ простилъ и вся станица, а грѣхъ все-таки остался.

— Видно, не умолила я Владычицу,—стонала девяностолѣтняя старуха, изпывая воскресшей тоской.—Охъ, грѣшница я...

Мужъ Мосевны хотя и простилъ невольную женину вину, а все-таки затаилъ въ себѣ какую-то смутную злобу къ раскосому сыну. Были потомъ и еще дѣти, а раскосый все-таки какъ бѣльмо на глазу. Терпѣлъ-терпѣлъ казакъ и поѣхалъ въ сосѣднюю станицу, къ старому попу Ефиму, которому и признался во всемъ, какъ на духу.

— Не могу я видѣть, батька, проклятое киргизское отродье. Съ души мутитъ...

Старый былъ попъ Ефимъ, выслушалъ онъ казацкую заботу, вздохнулъ и проговорилъ:

— Вѣдомо мнѣ, что нѣцыи изъ казаковъ ради тѣлесныя нужды приживаютъ въ степѣ дѣтей съ киргизскими женками, и то великій грѣхъ, поелику сіи младенцы отъ киргизскихъ женокъ остаются некрещеными. Да, то настоящій грѣхъ... А твой раскосый Гаврила крещенъ, и невольный грѣхъ не ставится въ вину. Жена-то вѣдь твоя, значитъ, и младенецъ твой... Ни одинъ власъ съ главы нашей не спадетъ безъ воли Божіей.

Между прочимъ, попъ Ефимъ слылъ за прозорливца и, провожая мужа Мосевны, сказалъ на прощанье:

— Вотъ ты смущаешься, а черезъ сего младенца будетъ твоему дому благополучіе.

Много вынесла Мосевна, пока росъ раскосый Гаврила. Положимъ, станичники ее простили и никто не ставилъ ей въ вину подневольнаго грѣха, а все-таки раскосый Гаврила росъ какъ-то на особину. Чуть что, ребята и укорятъ раскосаго ордой. Расплачется Гаврила, побѣжитъ къ матери, а той и сказать нечего въ утѣшеніе. Послѣ ордынскаго полона она изъ веселой и здоровой казачки превратилась въ худую и молчаливую бабу, затаившую въ

себѣ свое непзносное бабье горе. Изъ всѣхъ дѣтей она больше всего любила именно раскосаго Гаврилу, тайно любила, потому что неловко было показывать эту любовь передъ другими. И странно, что эта материнская любовь прикрыла раскосаго сына точно крыломъ. Изъ другихъ сыновей Мосевны ничего не вышло—такая же голь казачья, какъ и другіе ахматовцы. Станица сразу захудала, когда „линія“ удвинулась далеко впередъ. Раскосый Гаврила съ раннихъ лѣтъ пошелъ на отличку. Серьезный и смышленный вышелъ казакъ, а главное—не пилъ ни капли водки. По временамъ горячъ былъ и сердцемъ крутъ, но матери никогда не сказалъ ни одного встрѣчнаго слова. Начальство отличало перваго Раскосаго, и онъ попалъ въ атаманы. Съ этого момента началось благосостояніе всей семьи, которая писалась уже не Голоухой, а Раскосой. Отъ стараго осталась одна кличка, да и ту забывали.

Пока былъ живъ сынъ Гаврила, Мосевнѣ жилось хорошо. Онъ любилъ старуху-мать и покоилъ ее. Она думала и умереть у него на рукахъ, но подвернулся хивинскій походъ, и Гаврила былъ убитъ гдѣ-то подъ Ташкентомъ.

Сынъ Гаврилы Прокопій сдѣлался хозяиномъ и, какъ богатый и толковый казакъ, скоро былъ выбранъ атаманомъ на мѣсто покойнаго отца. Но Мосевнѣ у внука пришлось плохо. Дѣло въ томъ, что Прокопій былъ самолюбивъ и считалъ величайшей для себя обидой бабушкинъ полонъ. Онъ не знаю что̀ готовъ былъ отдать, если бы была какая-нибудь возможность смыть наслѣдственное позорное пятно. А тутъ еще сама Мосевна живетъ да живетъ... Получилась тяжелая и скрытая драма, изъ которой не было выхода.

„И мужъ простилъ и сынъ, а внукъ не можетъ забыть,—съ горечью думала старая бабушка.—Охъ, грѣшная я, вся грѣшная...“

Незабытое прошлое поднималось съ новой силой и дѣлалось ярче съ каждымъ днемъ. Лежа у себя на печи, Мосевна переживала муку мученическую,—стоило ей закрыть глаза, какъ ее опять тащили въ полонъ, и она опять переживала свой позоръ. Пощады не было, какъ она ни молилась объ избавленіи отъ дьявольскаго наважденія. Вспоминалось и раннее дѣтство, и красное дѣвичье житье, и замужество—въ памяти точно предстали давно забытыя сцены, лица и разные случаи. Старушка была вся въ прошломъ, точно уходила отъ самой себя все дальше и дальше и снова превращалась въ ребенка, но ребенка разлагавшагося и немощнаго старческой немощью.

Происходившія стычки съ внукомъ и невѣсткой только разжигали эти молодыя воспоминанія, и Мосевна подъ ихъ напоромъ даже стонала,—они были уже не подъ силу этому изношенному, старому тѣлу. Часто Мосевнѣ хотѣлось подѣлиться ими съ домашними, но она боялась внука-атамана и затаивала въ себѣ свои муки. И такъ каждый день и каждую ночь... Злѣйшій врагъ не придумалъ бы болѣе мучительной казни.

Въ ожиданіи атаманскихъ именинъ Мосевна особенно волновалась и почти совсѣмъ не спала... Она сотни разъ передумала все, что̀ могла припомнить, и старыя мысли ходили по одному кругу, возвращаясь къ своему исходному пункту. Не будь киргизскаго полона, давно бы она умерла, какъ умирали другія казачки, а теперь она держалась на поверхности жизни, поддерживаемая старымъ бабьимъ грѣхомъ.

Мосевна слышала, какъ поднялась сноха Аксинья ни свѣтъ ни заря, какъ пришли помогать ей двѣ сосѣдки-казачки, какъ затопили печь, какъ атаманъ ушелъ въ часовню служить заутреню. Своей церкви въ Ахматовкѣ не было, а только старая деревянная часовня. Да и казаки не отличались особеннымъ благочестіемъ. Дьячокъ Спиридонычъ по праздникамъ и въ экстрен-

ныхъ случаяхъ служилъ заутреню и читалъ вмѣсто обѣдни часы. Прежде Мосевна время отъ времени ходила въ сосѣднюю станицу, гдѣ была церковь, а теперь не могла и этого сдѣлать. Вотъ и сегодня она съ удовольствіемъ помолилась бы въ церкви, а должна была лежать на печи, какъ связанная. Вернувшійся изъ часовни атаманъ прошелъ нарочно мимо печи и посмотрѣлъ, тутъ ли старуха. Мосевна лежала и не шевелилась, чувствуя, что атаману непріятно ея присутствіе. А уйти она не могла...

III.

Атаманскій домъ быстро наполнялся гостями. Въ передней избѣ у Аксиньи набились бабы, а въ задней разная казацкая старшина. Простые казаки расположились прямо на дворѣ, гдѣ по-старинному были поставлены столы. По самой срединѣ двора на особыхъ вымосткахъ красовался шестиведерный боченокъ съ водкой,—такъ требовалъ старый атаманскій порядокъ. Главное угощеніе составляла степная баранина въ разныхъ видахъ, пироги съ соленой рыбой и крутая пшенная каша. Веселье началось именно со двора, гдѣ станичная голь осадила боченокъ съ водкой. Рады были станичники, что дорвались до атаманской водки. Въ задней избѣ именитые гости кобенились и ссылались другъ на друга, когда проходилъ очередной стаканчикъ. Дьячокъ Спиридонычъ съ завистью прислушивался къ закипавшему на дворѣ пьяному галдѣнью и тоже кобенился.

— Да ты, Спиридонычъ, выпей,—приставалъ атаманъ.

— А ужъ не знаю, право... Оно какъ будто и обождать бы малость, Прокопій Гаврилычъ.

— Да ты не кобенься!..

— Разѣ стомаха ради и частыхъ недугъ принять единую?

Въ передней избѣ тоже поднимался шумъ, точно закипала вода въ котлѣ. Аксинья потихоньку обносила жеманившихся казачекъ сладкой наливкой. Бабы ломались для приличу и выпивали. Скоро онѣ раскраснѣлись и сдѣлались добрѣе. Даже сердитая дьячиха обнимала хозяйку и повторяла:

— Ахъ, ты, атаманиха наша... Всего-то у тебя напасено, милая. Забота, а не баба...

Мосевна все это слышала, лежа на печи, и начинала сердиться все больше и больше. Всѣ забыли про нее, точно она померла... Ну, чего стоило той же Аксиньѣ поднести ей рюмочку наливки? И другія казачки тоже хороши... Ни одна не вспомнитъ. Правду говоритъ пословица, что жила бабушка—не мѣшала, а померла—только мѣсто опростала. Затѣмъ старушка начала соображать, что̀ ей дѣлать, если про нее вспомнятъ... Если подойдетъ атаманъ, она скажется больной. Если подойдетъ Аксинья, она притворится спящей... А то не слѣзть ли самой и сказать: вотъ вы тутъ веселитесь, а кто добро-то наживалъ? Да... Все Гаврила Раскосый наживалъ, а Прокопій-то Гаврилычъ только охочъ похваляться чужимъ добромъ. Прежде-то Голоухіе голь перекатная были, а Гаврила первый завелъ обычай столы ставить всей станицѣ. Пьютъ, ѣдятъ, веселятся, а того не знаютъ, чье пьютъ и ѣдятъ.

Атаманъ заходилъ въ переднюю избу нѣсколько разъ и даже не взглянулъ на печку. Мосевна окончательно разсердилась. Что̀ же это такое, въ самомъ-то дѣлѣ? Она отвернулась къ стѣнѣ лицомъ и заплакала. Ей пришла въ голову новая мысль. Вотъ если бъ живъ былъ голубчикъ Егорушка, развѣ ее забыли бы, какъ дохлую курицу?.. Именно Егорушка не позабылъ бы мать... Онъ бы не постыдился. Да... Ахъ, Егорушка, Егорушка! Мосевна ле-

жала и плакала, точно мысль объ Егорушкѣ придавила ее. Ему бы сейчасъ всего-то было на седьмой десятокъ, а велики ли это года. Вонъ запѣвала Акинтій сто лѣтъ живетъ и сейчасъ въ задней избѣ съ другими казаками пируетъ. И Егорушка тоже бы веселился... Домъ-то ему бы достался послѣ Гаврилы, онъ бы и атаманомъ былъ.

— Свѣтикъ ты мой ясный, Егорушка...—шептала Мосевна.—Кабы тебѣ Господь вѣку далъ...

Именно въ этотъ моментъ ее и разыскалъ дьячокъ. Онъ успѣлъ уже „угобзиться“ вдвойнѣ—хлебнулъ въ задней избѣ съ казаками и прибавилъ еще во дворѣ, гдѣ цѣдили водку прямо изъ боченка. Когда дьячокъ ньянѣлъ, у него являлось самое каверзное настроеніе. Что же, атаманъ, конечно, богатый, а все-таки... Дьячку пришла на память Мосевна.

— Эге, куда это атаманъ запряталъ старуху?—думалъ вслухъ дьячокъ.—Надо будетъ ее разыскать...

Дьячокъ уже нѣсколько разъ заглядывалъ въ переднюю избу, но тамъ сидѣла раскраснѣвшаяся дьячиха, и онъ разумно ретировался. А теперь ему было все равно... Что такое дьячиха? Наплевать—вотъ вамъ и дьячиха. Ежели бы онъ былъ попъ или дьяконъ и у него умерла жена, ну, тогда шабашъ—въ другой разъ нельзя жениться. А дьячку можно и вторую жену взять... Хха, вотъ вамъ и дьячиха!.. Дьячокъ подобралъ полы своего подрясника и храбро перешагнулъ порогъ передней избы. Ему было даже смѣшно, что дьячиха, какъ завидѣла его, такъ и отвернулась... Ну и пусть ее злится. Наплевать... А атаману все-таки надо показать, чтобы онъ не задиралъ носа. Конечно, онъ богатый и взыскалъ свыше мѣры, а все-таки...

— Баушка, ты здѣсь? — спросилъ дьячокъ, залѣзая на печной приступокъ.

— А ты кто такой будешь?—отозвалась Мосевна.

— Я-то? Аль не узнала дьячка Спиридоныча?.. Слѣзай-ка, баушка, съ печи да пойдемъ въ заднюю избу къ гостямъ.

— А наливки дашь?

— И наливки и капи...

На Мосевну нашло раздумье, и она пробормотала съ дѣтской нотой въ голосѣ:

— Атамана я боюсь... И то онъ меня вечоръ въ сусѣди гналъ.

— Э, пустяки!.. Слѣзай-ка съ печи-то... А на атамана намъ наплевать. Да... Что такое атаманъ? Ежели бы не было Гаврилы, не было бы и атамана, а не было бы атамана—не справляли бы мы сегодня его именинъ. Такъ я говорю, баушка?

Атаманша во-время замѣтила коварство дьячка и бросилась на выручку.

— Оставь ты старуху, Спиридонычъ... Еще будетъ слѣзать съ печи и помретъ.

— А вотъ и не помру!—отвѣтила Мосевна.—Это вы меня изживаете... Да!.. Охъ, согрѣшила я...

— Слѣзай, баушка!—подзуживалъ дьячокъ.—Вотъ держись одной рукой за мою шею... вотъ такъ...

Когда атаманъ на шумъ вошелъ въ избу, все было уже кончено. Дьячокъ уцѣпился въ Мосевну, какъ клещъ.

— Оставь ты ее,—взмолился атаманъ.

— А ты зачѣмъ ее на печь спряталъ? Нѣтъ, братъ, это не порядокъ...

Появленіе Мосевны въ задней избѣ произвело надлежащій эффектъ. Она вошла въ старинномъ, косомлинномъ кубовомъ сарафанѣ и въ платкѣ, повязан-

помъ на головѣ по-татарски,—на спину были спущены два конца. Изъ-подъ платка выбивались космы желтыхъ волосъ.

— Ахъ, баушка, старушка Божія,—галдѣли пьяные казаки, обступая старушку.—Ты еще жива, баушка?

— Охъ, жива, милые... Это меня дьячокъ съ печки выволокъ... наливки пообѣщалъ...

— А ты садись за столъ, баушка. Вѣдь ты у насъ какъ дерево столѣтнее въ лѣсу... Мы-то мальчишки передъ тобой.

— И то несмышленыши,—согласилась Мосевна, улыбаясь беззубымъ ртомъ.

— Сади баушку вмѣстѣ съ Акинтіемъ!—кричалъ кто-то.—Пусть старички вмѣстѣ посидятъ...

Тутъ произошла траги-комическая сцена. Акинтій, несмотря на свои сто лѣтъ, былъ еще бодрый старикъ и даже не старикъ, потому что у него едва еще начиналась просѣдь. И зубы цѣлы, и русые кудри цѣлы... Мосевна посмотрѣла на него и спросила:

— А это кто таковъ человѣкъ будетъ?

— Баушка, да ты Акинтія не узнала?!.. Помнишь, еще первымъ запѣвалой былъ, когда тебя станица покрывала?

Старушка внимательно посмотрѣла на Акинтія и отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, тотъ былъ молодой, запѣвала-то...

— Ну, еще бы!.. Тоже, хватилась... Поди, семьдесятъ лѣтъ прошло, такъ и состариться успѣетъ живой человѣкъ.

Акинтій въ свою очередь никакъ не могъ признать Мосевны.

— Да ты погляди на нее хорошенько, дѣдка,—совѣтовали казаки.—Помнишь атамана Морозка?

— Какъ не помнить... Въ поискъ вмѣстяхъ ходили, полонъ отбивали...

— Ну, и Мосевну изъ полону выслободили тогда съ Морозкомъ... Еще станица вся ее прикрыла.

— И Морозка помню и все помню, а эту баушку не помню... Не было тогда въ полонѣ старухъ.

— Ахъ, какой ты непонятный!.! Тогда-то она молодая была...

Акинтій внимательно посмотрѣлъ на Мосевну и отрицательно покачалъ головой. Не было такой...

Станичники все-таки усадили стариковъ рядомъ. Ужъ очень смѣшно выходило... Ни дать ни взять—малые ребята.

— А вы поговорите промежду себя,—подзуживалъ дьячокъ.—Можетъ, что и припомните.

Мосевна улыбалась вмѣстѣ съ другими, Акинтій тоже. Она смутилась только тогда, когда дьячокъ подалъ рюмку сладкой наливки.

— Выпей, баушка... Все тогда припомнишь.

Старушка взяла дрожащей рукой рюмку, поднесла ее ко рту и быстро поставила на столъ.

— Охъ, боюсь я атамана...

— Баушка, испей!.. Атаманъ-то во дворѣ съ прочими казаками. Вотъ и Акинтій заодно съ тобой выпьетъ...

Старики улыбнулись и выпили. Къ нимъ тянулись корявыя руки, потныя, красныя лица, сѣдые усы и бороды.

— Ну, старички, вы намъ теперь и про старинку разскажете, какъ въ допрежнія времена на линіи жили... Про воинскіе поиски, про полоны, про неумытую орду...

— Линію-то я помню...—говорила Мосевна.—Значитъ, когда атаманъ Морозко былъ... Тогда на валу двѣ пушки стояли...

— И я помню,—перебивалъ ее оживившійся Акинтій.—Самъ въ орду съ поискомъ хаживалъ... Ну, а бабы, значитъ, дома. Три раза такъ-то было: выворотимся съ поиска, а станица вся выжжена.

IV.

Атаманъ нѣсколько разъ входилъ въ избу и уходилъ. Его тревожила болтовня стариковъ. Но потомъ онъ махнулъ рукой. Э, все равно... Пусть говорятъ, что хотятъ.

А старики были совершенно счастливы, что всѣ относятся къ нимъ съ такимъ вниманіемъ. Особенно радовалась Мосевна. Она успѣла забыть, на кого хотѣла разсердиться.

— Да ты откуда взялся-то?—спрашивала она, толкая Акинтія локтемъ.

— Я-то? Я-то ахматовскій, а вотъ ты откуда?..

— Что-нибудь ты врешь... А еще запѣвалой Акинтіемъ сказался.

— Нѣтъ, это ты врешь...Выжила изъ ума и мелешь. Меня вся станица знаетъ...

— И меня вся станица знаетъ...

Старики заспорили и кончили ссорой. Мосевна повернулась къ Акинтію спиной и надулась. Это уже выходило совсѣмъ смѣшно, и гости покатывались отъ смѣха.

— Ну, вы намъ про старину-то разскажите, — приставалъ дьячокъ.— Значитъ, когда линія была...

— Что разсказывать-то,— старалась припомнить Мосевна.—Ну, значитъ, наши орду били, а орда насъ била... Вотъ и все.

Слово „линія“ подѣйствовало на Акинтія возбуждающимъ образомъ. Онъ встрепенулся, прищурилъ одинъ глазъ и заговорилъ быстро, роняя слова, точно бѣжалъ по дорогѣ со страхомъ что-то потерять.

— Линія... Постойте, братцы... Значитъ, при атаманѣ Морозѣ дѣло было... Иноходецъ у меня соловый былъ хорошъ... изъ огня вынесетъ... Ну, мы пошли съ поискомъ подъ Иртышъ.

Акинтій вдругъ засмѣялся, прищурилъ одинъ глазъ и раскашлялся.

— Охъ, и потѣха была, братцы...—разсказывалъ онъ.—Значитъ, ночью было дѣло... Мы какъ напали на ихній аулъ... Нѣтъ, постой, не такъ... Сперва-наперво мы коней отогнали... Ночь-то темная... Ну, мы въ аулъ... Собаки-кыргызы кто съ саблей, кто съ ружьемъ... А мы рубимъ... Бабы это ревутъ, ребята ревутъ, скотина реветъ... Ха-ха!.. Разнесли въ крошки... Кибиткъ близко ста аулъ-то былъ... А мы все беремъ, все беремъ... Дѣвокъ-кыргызокъ навязали, хоть въ полѣпницу клади... Ну, а старухъ да ребятъ оставили... Пять день мы въ аулѣ тутъ хороводились... Охъ, и что только было! Бабы ревутъ, ребята ревутъ, скотина реветъ... Морозъ говоритъ: „Будетъ, казаченьки... Поиграли, потѣшились и съ колокольни долой“. Ну, онъ свое, а мы свое... Постой, какъ это было-то?.. Да, на седьмой день орда насъ и накрыла... Тоже ночью дѣло вышло... И что только было!.. Которые, значитъ, казаки съ бабами по кибиткамъ спали—всѣхъ ихъ перерѣзали. Ну, и мнѣ досталось... Благословилъ меня по головѣ одинъ кыргызъ саблей... Человѣкъ съ тридцать порубили собаки-кыргызы и все понапрасну... Кабы послушались тогда атамана Мороза,—всѣ бы цѣлы остались. Меня-то замертво въ станицу привезли...

— Ты, можетъ, дѣдка, и про Пугача помнишь?

— Нѣтъ, Пугачъ-то до меня пропалъ... А старики сказывали. Да... Когда, значитъ, онъ Оренбургъ обложилъ, ну... Наша-то станица только еще

заложилась, ну... ахъ, ты, грѣхъ какой, вѣдь забылъ, что̀ дальше-то было. Вертится вотъ на языкѣ, а забылъ... Значитъ, тутъ Оренбургъ, тутъ Пугачъ... ха... Нѣтъ, шабашъ: не упомню. Старики-то хорошо помнили...

— Баушка, можетъ, ты про Пугача помнишь?

— Какъ же, помню... Еще ребятъ все Пугачомъ пугали: „Вотъ ужо васъ, кострѣловъ, Пугачъ заберетъ“... Все помню. Онъ до нашей-то линіи чуть не дошелъ... Близко былъ. А послѣ того его на Москвѣ расказнили...

— Нѣтъ, баушка, ужъ ты лучше про линію разскажи...

— Да чего разсказывать-то, несмышленыши? Была линія, ну а наша Ахматовка на самомъ краю стояла... да. При Морозѣ еще... Прежде-то разѣ такіе казаки были?.. Какъ въ поискъ пойдутъ, такъ полонъ и приведутъ... Дѣвки-кыргызки хорошія попадали. Атаманъ-то Морозъ постоянно по двѣ держалъ... Ну, которая ежели бабьимъ дѣломъ поносъ понесетъ—онъ ее сейчасъ назадъ въ орду, ну, а другія разрожались въ станицѣ... Охъ, всячины было! Которые кыргызы нападали на насъ, тоже не безъ грѣха было...

— Баушка, да будетъ тебѣ!—взмолился атаманъ.—Наплетешь того, чего и въ поминѣ на было...

— Нѣтъ, говори, баушка!—орали гости.—Все говори... Дѣло прошлое, и осудить некому... А ты, атаманъ, сегодня не атаманъ, а именинникъ. Ну, значитъ, наша воля... Разсказывай, баушка...

— Про полонъ разсказывать?—какъ-то испуганно спрашивала Мосевна.

— Разсказывай и про полонъ... Дѣло прошлое. Извѣстное ваше бабье дѣло—чуть что̀ и вышла вся чужая... Бабій грѣхъ не считается.

Мосевна еще разъ посмотрѣла на атамана и проговорила:

— Бабій-то грѣхъ у всѣхъ одинъ, а вотъ про Егорушку разскажу... Было это дѣло какъ разъ послѣ Петровокъ... Жарынь стояла... Васъ-то тогда еще и въ заводѣ не было, какъ орда на Ахматовку навалилась... Казаки ушли въ поискъ, а я въ огородѣ рѣпку полола... Хорошая тогда рѣпа уродилась... Я-то полю эту рѣпку, а Егорушка въ бороздѣ играетъ...

Изъ потухшихъ глазъ Мосевны неожиданно посыпались старческія мелкія слезы, точно осенній дождь, но она ихъ не замѣчала, отдавшись своимъ воспоминаніямъ.

— Ну, я полю это рѣпку, Егорушка около меня въ бороздѣ ползаетъ... по второму году онъ былъ... Ну, полю я и слышу: конскій скокъ по станицѣ. Думаю, наши казачки съ поиска возвратились... Молода была, глупа... А тутъ слышу, взвыла эта самая орда. Я и спряталась съ Егорушкой въ бороздѣ между грядокъ. То-то глупая!.. А тутъ въ нашу избу наскочилъ Уразайка и сейчасъ въ огородъ... Узорилъ, собака, меня... Сейчасъ это ухватилъ меня поперекъ тѣла и поволокъ, а я ухватилась за Егорушку и его за собой волоку... Сосункомъ онъ тогда былъ совсѣмъ несмысленнымъ... Я кричу, Егорушка кричитъ, а собака Уразайка насъ волокетъ... Еще нагайкой меня по спинѣ хлещетъ... Пытался вырвать у меня Егорушку, а я не далась... Зубами его за руку укусила...

Притихли казаки, перевела духъ Мосевна и опять разсказываетъ.

— Какъ закрою глаза, такъ и вижу Егорушку... Живой стоитъ... Рубашечка на емъ была бѣленькая... волосики кудреватые... Кричитъ Егорушка, а Уразайка волокетъ насъ. Выволокъ насъ на улицу... спуталъ меня волосянымъ арканомъ и на лошадь перекинулъ и къ сѣдлу лѣвую руку мнѣ привязалъ. А я все Егорушку держу и ничего не вижу... Уцѣпилась, какъ мертвая... Всѣхъ другихъ бабъ молодыхъ да дѣвокъ перевязали кыргызы и такъ же къ сѣдламъ припутали. Ревъ стоитъ, вой... А кыргызы такъ и хлещутъ нагайками... Домишки-то пограбили и зажгли станицу съ обоихъ концовъ... Время лѣтнее,

жаркое—какъ свѣча горитъ Ахматовка, только дымъ идетъ... Скотина въ огонь со страху лѣзетъ... Опять взвыла орда по-своему.

Тутъ уже вступился атаманъ. Баушка дошла до самаго обиднаго пункта... Но казаки загородили ее живой стѣной и не допустили атамана.

— Оставь, Прокопій Гаврилычъ... Не о себѣ одной разсказываетъ старушка Божія, а про всю линію.

Даже заступился столѣтній Акинтій, очнувшійся отъ своего старческаго дѣтства.

— Вспомнилъ, вспомнилъ, — повторялъ онъ радостно.—Да вѣдь это Мосевна Голоухая... Ей-Богу, она самая!.. Я съ ейнымъ-то мужемъ тогда вмѣстѣ и въ поискъ ѣздилъ... Еще выворотились мы изъ поиска, а отъ станицы однѣ головешки...

— Что, призналъ?—обрадовалась и Мосевна.—И я тебя какъ будто начинаю признавать...

— Онъ самый, баушка... Разсказывай, голубушка, про своего Егорушку-то.

— Ну, вотъ про него только и доскажу... Про другое-то другіе получше меня знаютъ. Да... Такъ завязалъ меня Уразайка въ торока, значитъ, на переметныя сумы... Лѣвая рука къ сѣдлу прикручена, а правой я Егорушку держу... Другихъ бабъ другіе кыргызы такъ же въ торокахъ волокутъ... вьютъ бабы источнымъ голосомъ, бьются за сѣдлами... Въ третій разъ по-своему взвыла орда и выступила въ степь... Оглянулась я, а отъ станицы только дымокъ идетъ... Ну, я сижу и молитву про себя творю... „Владычица, Заступница, упаси Егорушку!“ О себѣ-то не молюсь, а объ Егорушкѣ... Несмышленышъ онъ былъ еще и все ревѣлъ, а Уразайка его поровитъ нагайкой захлеснуть. Ну, я голову ему свою подставляю, а онъ меня все по головѣ, все по головѣ... Всю исполосовалъ... Охъ, грѣхи тяжкіе! охъ, горюшко великое!..

— А я этого Уразайку копьемъ потомъ сколодъ! — припоминалъ Акинтій.—Здоровущій былъ кыргызъ...

— Не перешибай. Дай баушкѣ свое досказать...

— Ну, идетъ орда по степи часъ, идетъ другой,—продолжала Мосевна думать вслухъ.—Лѣвая-то рука у меня совсѣмъ занѣмѣла, точно ея нѣтъ... Егорушка изъ силушки выбился и все пить проситъ, а я ужъ чую, какъ у меня правая рука слабѣетъ... И сидѣть неловко, и перемѣнить ребеночка на другую руку нельзя... Чую, ужъ пальцы на правой рукѣ начали затекать, точно чужіе, плечо ломитъ... Взмолилась я Заступницѣ, не о себѣ, а о птенчикѣ... Охъ, други мои милые, протнѣвала я угодниковъ, не умолила Владычицу и приняла лютую казнь... И молилась, и плакала, и клялась... Силушки моченьки просила у Заступницы... У самой въ головѣ начало мутиться... Охъ великій бабій грѣхъ!.. Чую я, что нѣтъ у меня и правой руки и не слышу я, какъ держу Егорушку,—точно вся деревянная сдѣлалась... А Егорушка самъ за меня ручонками цѣпляется... А велика ли ребячья сила? Да, плачетъ, ловится ручонками... Закрыла я глаза и начала просить себѣ смерти... Лучше бы убили меня тамъ, въ бороздѣ... охъ, горюшко!..А тутъ рѣчонку степную стала орда переѣзжать... Берега-то топкіе, лошадь у Уразайки завязла, потомъ какъ дернетъ—и выкатился мой Егорушка, точно свѣтъ изъ глазъ. Только его и видѣла... Бѣлое что-то мелькнуло въ камышѣ... Охъ, пришла бабья смертынька!.. Учала я зубами грызть Уразайку, а онъ меня учалъ нагайкой по головѣ бить... Изъ ума меня вышибъ, и опамятовалась я только на стойбищѣ, когда орда привалъ ночной сдѣлала.

— Будетъ!—крикнулъ атаманъ.—А то всѣхъ выгоню...

Казаки молчали. Великъ и подневольный бабій грѣхъ...

1895.

Старая дудка.

I.

Нашъ капельмейстеръ Бобрикъ — порядочная свинья, какъ всѣ эти музыкальные „братушки"! Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія, но Бобрикъ — все-таки свинья! Стоитъ только посмотрѣть на его пышные глазки, усики шильцемъ и эту самодовольную улыбочку идіота... Дайте мнѣ бѣлый галстухъ, бѣлыя перчатки, фракъ, палочку въ руки — нисколько не хуже его буду дирижировать! Какой-нибудь мальчишка, выскочка, и вдругъ въ самой серединѣ пьесы оборачивается ко мнѣ и шипитъ:

— Эй, ты, старая дудка, будилъ врать...

Гнусный человѣкъ вообще! Старость, какъ хотите, очень почтенная вещь, особенно старость, которая сама себя кормитъ. Да, и старикъ, мнѣ за семьдесятъ лѣтъ — что же изъ этого? Положимъ, что я даже соврала немножко: но вѣдь и конь оступается, а я дую въ свою дудку вотъ ужъ болѣе пятидесяти лѣтъ. И флейта у меня старая. Да и въ старой головѣ мало ли какія мысли шевелятся — ну, не ту ноту и свистнешь. Это вѣдь не то, что какой-нибудь Васька Бородавкинъ, который играетъ флейту вмѣстѣ со мной, — вертоголовый малый, никакой ему заботы! Расчешетъ свои пышные кудри, пощиплетъ усики, вздернетъ пенснэ и доволенъ. Весь онъ тутъ! Съ Бобрикомъ-то, пожалуй, два сапога пара... Ухъ-хе-хе... Да, старая дудка, будилъ врать! Впрочемъ, Бородавкинъ славный малый, я его напрасно обругалъ — такъ, подъ руку подвернулся, а нашъ братъ, старики, ворчливы.

Собственно говоря, давно я бросилъ бы свою поганую свистульку, да только жаль... не себя жаль, а вотъ тѣ два свѣтлыхъ глаза, которые смотрятъ изъ райка. Для нихъ и свищу, какъ скворецъ, да еще и совру все изъ-за нихъ же, потому все думается — и такъ и этакъ прикидываешь умомъ... Какъ кончится спектакль, а Саша ужъ ждетъ на подъѣздѣ. Шубенка, положимъ, плохая у ней, ну, да дѣло ея молодое: только вся раскраснѣется на морозѣ.

— Ахъ, какъ сегодня славно играла Чохъ-Кутилова...— вздыхаетъ Саша, когда мы вдвоемъ бредемъ въ нашу конурку.

— Леденцова лучше.

— Нѣтъ, Чохъ-Кутилова лучше, Леденцова устарѣла...

— Ничего, еще постоитъ за себя, даромъ что старая. Много мы ихъ видѣли, молодыхъ-то: повертятся-повертятся, а глядишь — Леденцова и везетъ весь возъ.

Мы всегда споримъ дорогой. Пожалуй, оно дѣйствительно — эта Чохъ-Кутилова начинаетъ забирать большую силу, а я все-таки люблю немножко подзадорить Сашу: Леденцова лучше — и дѣлу конецъ! „А ты, дѣдушка, ничего не понимаешь"... Ну, ужъ это, матушка, враки: пятьдесятъ лѣтъ играю въ оркестрѣ, да не понимаю! „Рука Всевышняго отечество спасла" еще играли, а ужъ я все понималъ. Тебя тогда, Саша, и на свѣтѣ не было, да и матери твоей тоже. Вотъ тебѣ и старикъ... А „Бѣлая дама"? А „Актеръ Яковлевъ"? То-то вотъ и есть, а еще споришь съ дѣдушкой, глупая!

Саша немножко вспыльчивая, но сердце у ней доброе — скоро отходитъ. Какъ замолчала — кончено: значитъ, моя барышня разсердилась въ сурьезъ. Даже смѣшно смотрѣть на этихъ молодыхъ: взять хоть ту же Сашу — ученая она у меня и умная, а хитрости-то и нѣтъ — вся на виду! Одно бѣда: сердце

доброе у Саши... По-моему, по-стариковскому, нѣтъ хуже для человѣка, ежели Господь накажетъ его добротой. Можетъ-быть, гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ это и хорошо, а по-нашему, по-театральному, одна бѣда!

Да, чуть не забылъ: люблю я, когда Саша меня дожидается послѣ спектакля, потому что вмѣстѣ совсѣмъ незамѣтно добредемъ до своей конурки, а только въ послѣднее время, пожалуй, я и не радъ сталъ. То-есть, видите ли, Саша тутъ не виновата, а навязался на насъ критикъ Тарабукинъ. Удивляюсь безмѣрно я этимъ господамъ критикамъ—самый пустой и глупый народъ, а Тарабукинъ превзошелъ всѣхъ! Шляются въ театръ—благо мѣсто даровое даютъ... ну, и вышелъ критикъ! Если новенькая актриса да посимпатичнѣе, такъ большое утѣсненіе принимаетъ отъ этихъ господъ. Хорошо. Я собственно о Тарабукинѣ. И [чортъ его знаетъ, что онъ привязался къ моей Сашѣ: только насъ куда дѣвочка покажетъ—онъ тутъ какъ тутъ, а послѣ спектакля непремѣнно догонитъ. Ужъ я и на хитрости пускался: другой улицей пробовалъ ходить, выжидалъ полчаса лишнихъ—нѣтъ, точно по духу слышитъ и непремѣнно поймаетъ насъ!

Догонитъ насъ, поздоровается и сейчасъ начинаетъ смущать Сашу:

— Вамъ, Александра Ивановна, непремѣнно на сцену нужно поступать... У васъ такой благодарный органъ, счастливая сценическая наружность...

Тьфу, окаянная душа!.. Какой такой благодарный органъ нашелъ онъ въ моей Сашѣ?.. Конечно, дѣвушка она красивая, да вѣдь не всѣмъ же красивымъ дѣвушкамъ непремѣнно поступать на сцену. А главное—Тарабукинъ все вретъ. Леденцовой ругаетъ Дольскую и Чохъ-Кутилову, Чохъ-Кутиловой ругаетъ Леденцову и Дольскую, Дольской ругаетъ Леденцову и Чохъ-Кутилову, а трагику Космачъ-Полетаеву ругаетъ всѣхъ троихъ. Однимъ словомъ, безшабашная голова, и всѣ это знаютъ. Саша тоже смѣется надъ нимъ, а сама слушаетъ его брехню. Ужъ я знаю, что слушаетъ, потому—молодое дѣло: сегодня благодарный органъ, да завтра благодарный органъ, да послѣзавтра,—ну, у дѣвушки голова кругомъ и идетъ!

Грѣшный человѣкъ, какъ-то обрѣзалъ-таки этого Тарабукина... Идемъ это мы, а онъ напѣваетъ Сашѣ... Ну, я слушалъ-слушалъ и брякнулъ:

— Господинъ Тарабукинъ! какая славная палка у Авдѣя Авдѣича... Не знаете ли, гдѣ мнѣ достать бы такую?

Моя Саша такъ и покатилась со смѣху, потому что трагикъ Авдѣй Авдѣичъ частенько-таки дуетъ Тарабукина своей палкой.

Вмѣстѣ каются гдѣ-нибудь, а потомъ расчетъ.

II.

Люблю я этотъ проклятый театръ и постоянно слушаю пьесы. Другіе музыканты въ буфетѣ проболтаются, а я сяду въ уголокъ и слушаю. Очень любопытно иногда бываетъ, хотя, конечно, нынѣшнимъ пьесамъ далеко до старинныхъ; главное, нѣтъ никакихъ возвышенныхъ чувствъ. Что ни новая пьеса, то непремѣнно новая пакость описывается. Полагаю своимъ умомъ такъ, что немало вредятъ въ ономъ проклятые критики, потому что всѣ хорошія пьесы ругаютъ. Ну, авторамъ тоже въ печку головой лѣзть не приходится, и угождаютъ по-своему. Да и старинной публики не стало—отъ этого многое зависитъ!

Удивительная эта публика, если разобрать! Конечно, въ театръ приходятъ изрѣдка, да и актеровъ не знаютъ,—ну, и не понимаютъ ничего. Это даже очень смѣшно иногда выходитъ. Недавно Фимушка Чохъ-Кутилова играла въ „Материнскомъ благословеніи“... Господи, что только и было: чуть

театръ весь по бревнышку не разнесли! А Фимушка орудуетъ... Самъ полицей-мейстеръ плакалъ. Въ ложахъ сморкаются, мужчины сидятъ красные и глазами моргаютъ, дамы платочки къ глазамъ прикладываютъ, одинъ купецъ даже въ обморокъ упалъ. А все отчего?.. Просто потому, что не знаютъ хорошенько вотъ этой самой Фимушки. Она родную мать чуть съ голода не уморила, а тутъ такъ глазки закатываетъ, такъ жалобно говоритъ, такую нѣжность на себя напустила... Мнѣ даже противно было смотрѣть: вѣдь змѣя подколодная, а какъ умѣетъ обманывать публику! Агнія Леденцова не даромъ прозвала ее кукушкой... Настоящая кукушка и платья такія жеребыя носитъ, а когда приметъ ругаться съ Дольской, такъ на кошку смахиваетъ.

Космачъ-Полетаевъ какъ-то отрѣзалъ ей:

— Вы, Евфимія Галактіоновна, весьма недобросовѣстно обманываете довѣрчивую публику своими нѣжными чувствами, какихъ сами не имѣете въ себѣ!

— Дуракъ, ты ничего не понимаешь!—обругала его Фимушка.—Это и называется искусствомъ... Я сама плачу надъ своей игрой, больвана!

— Да-съ... Многіе плачутъ отъ васъ, особенно за кулисами!

Когда наша Фимушка отличается на сценѣ, я часто смотрю въ рамку. Много тамъ и примадоннъ сидитъ, и трагиковъ, и благородныхъ отцовъ, и разныхъ ingénue, какъ моя Саша. И все-то они принимаютъ за чистую монету: талантъ... искусство... Тавъ и было!.. Это Тарабукинъ обманываетъ всѣхъ разными хорошими словами, а суньси-ка на сцену, такъ узнаешь, въ чемъ оно сидитъ, искусство-то: надо сначала волчьи зубы выростить да умѣть рвать живымъ мясомъ. Вы только посмотрите, какъ наши примадонны раскланиваются съ публикой: на лицѣ этакая улыбочка, ручки къ сердцу, реверансъ, глазки такъ игриво бѣгаютъ—одинъ восторгъ! Публика надрывается, аплодируетъ, оретъ, стучитъ ногами... Особенно усердствуетъ молодежь, потому что тутъ и талантъ, и искусство, и идеалы... А мнѣ жаль вотъ эту самую довѣрчивую молодежь, которая еще не чувствуетъ зла въ этихъ улыбочкахъ, реверансахъ, а тутъ что ни шагъ, то зло... Посмотрѣли бы вы на этихъ примадоннъ за кулисами: точно кошки, связанныя хвостами! Всякая увѣрена, что у ней только одной и есть талантъ, а всѣ другія только такъ по ошибкѣ попали на сцену.

Дольская и Леденцова играютъ лѣтъ двадцать и недурно играютъ, говоря правду. Дольская шиллеровскія роли беретъ, а Леденцова бытовыя. По-моему, онѣ лучше всего играютъ вдвоемъ—каждая хочетъ перещеголять другую, ну, и лѣзутъ изъ кожи отъ чистаго сердца! У Леденцовой фигура подгуляла отъ полноты, и бѣлая затягивается въ корсетъ, какъ кукла, а Дольская отощала для декольте. Ну, намажутся, накрахмалятся и ничего, работаютъ... На моихъ глазахъ обѣ состарились... Да, все на моихъ глазахъ было! Леденцова—изъ босоножекъ и такая тоненькая была, самая взрослая фигурка. Публика ее тогда на рукахъ носила. Смѣялась она очень уже хорошо, а у Дольской великолѣпный драматическій шопотъ.

Помню, какъ Фимушка Чохъ-Кутилева къ намъ на сцену поступила. Господи, какой содомъ подняли обѣ старухи—такъ и шипятъ по-змѣиному! Ну, да Фимушку изъ пушки не прошибешь! сама зубастая и живая въ руки не дастся. Большой грѣхъ тогда вышелъ, точно вотъ осиное гнѣздо палкой разшевелили. И донимали они Фимушку всячески—и режиссера въ это дѣло затянули и суфлера,—однимъ словомъ, подняли настоящую кутерьму; то выходы режиссеръ перепутаетъ, то реплику выходной актеръ пробудетъ, то

суфлеръ въ самомъ драматическомъ мѣстѣ закашляется. Напускали даже Космачъ-Полетаева: напоятъ его и уськнутъ на Фимушку, что будто она его „собачьимъ рыломъ“ называетъ. А всѣхъ больше мутилъ этотъ Тарабукинъ...

Вообще—мудреныя наши дѣла! Моя-то Саша частенько этакъ наводитъ разговоръ на нашихъ примадоннъ—любопытно ей. Глазки-то такъ и заевѣтятся, какъ заговоришь о Фимушкѣ. Вотъ, поди-те, нравится Сашѣ эта Фимушка, и даже фотографію себѣ ея купила и на стѣну повѣсила!

— Это, дѣдушка, талантъ...—говоритъ Саша.—Не чета вашей Леденцовой!

— Да, голубчикъ, талантъ у нихъ у всѣхъ...

Нарочно какъ-то купилъ фотографіи Дольской и Леденцовой и на стѣнку рядомъ съ Фимушкой повѣсилъ. Саша приходитъ домой и удивляется, зачѣмъ это старый дѣдушка шутки шутитъ?

— Посмотри-ка, говорю я ей, на нихъ вмѣстѣ-то...

Смотрѣла, смотрѣла... вижу, ничего не понимаетъ. Конечно, молода, гдѣ же понять сразу! „А ты, говорю, Саша, посмори еще на нихъ хорошенько, лица-то разныя, а злость у всѣхъ одна... Вонъ какъ поглядываютъ!“

— Ну и пусть будутъ злы, это меня не касается...—даже разсердилась дѣвочка на меня.—И сама буду такая, когда попаду на сцену!

— Ой, не будешь!

— Буду, буду... Даже кусаться буду!

Нѣтъ, горе мнѣ съ этой Сашей, отъ рукъ отбивается... чувствую, что отбивается. Все книжки разныя читаетъ про знаменитыхъ актрисъ, и нѣтъ ей пріятнѣе, какъ изъ какой-нибудь босоножки знаменитость образуется. Вотъ, молъ, и я такая же буду... Потомъ начнетъ меня разспрашивать про знакомыхъ актрисъ, какъ онѣ пробивались на сцену: Дольская изъ балеринъ, Леденцова изъ бѣлошвеекъ. Фимушка, чортъ ее знаетъ, откуда взялась... А по ночамъ, слышу, моя Саша стихи декламируетъ, монологи учитъ, передъ зеркаломъ разговариваетъ сама съ собой...

Эхъ, плохо дѣло, и я точно совсѣмъ разваливаюсь—каждая косточка болитъ... Пропадетъ моя Саша съ этимъ проклятымъ театромъ, а тутъ еще Тарабукинъ нашептываетъ ей, какъ змѣй!

III.

Придумалъ наконецъ штуку... Какъ вы думаете, отчего моя Саша начала задумываться?.. Очень просто: дѣвушкѣ пора замужъ. Жаль разставаться, да, видно, дѣлать нечего. И какъ я это раньше не могъ догадаться—удивляюсь самому себѣ! Попросту: дуритъ дѣвка, потому что время ея пришло. Догадался я объ этомъ невзначай. Какъ-то шла у насъ оперетка,—ну, оркестру работа, особенно флейтамъ. Самая пронятая для насъ музыка, потому что все скорымъ темпомъ. Хорошо, играемъ, а я ужъ задыхаться началъ. Возьму и только одними пальцами играю, а за меня Васька Бородавкинъ отдувается—чего ему сдѣлается! Ну-съ, смотрю я на него, и вдругъ мнѣ такъ смѣшно сдѣлалось: женить Ваську нужно, а то замотается съ разными статистками и хористками. Тутъ я и про Сашу свою вспомнилъ—вотъ женихъ Сашѣ! Ей-Богу, отличный женихъ. Конечно, Васенька глуповатъ, да для семейнаго дѣла громаднаго ума и не нужно. Еще лучше, ежели мужъ попроще,—вѣрнѣе дѣло.

— Эй, старая дудка, будилъ врать!..—шипитъ Бобрикъ.

Эхъ, старость... Задумался и собралъ. Цѣлый вечеръ свистѣлъ, какъ соловей, а изъ головы все Васька не выходитъ. Главное—рядомъ человѣкъ сидитъ. Вмѣстѣ бы изъ театра стали ходить, а тамъ, можетъ-быть, и правду Богъ далъ бы!..

— Ты что же это, Вася, къ намъ не завернешь?—говорю Бородавкину послѣ спектакля.

— Александры Ивановны боюсь...—отвѣчаетъ шельмецъ, а самъ даже глазомъ не моргнетъ.—Ученая она у васъ, а я вѣдь изъ третьяго класса гимназіи исключенъ.

— Да, Саша кончила курсъ въ женской гимназіи, а все-таки завертывайте, если надумаете.

Должно-быть, догадался, шельмецъ, и только башкой тряхнулъ. Право, этотъ Васька ничего, славный малый! Конечно, холостой человѣкъ, иногда покучиваетъ, особенно когда въ компанію къ Тарабукину попадетъ или свяжется съ Космачъ-Полетаевымъ. Вонъ какіе орлы, добру не научатъ!

Когда шли изъ театра, я все время Сашѣ этого Бородавкина нахваливалъ: и такой и сякой. Молчитъ моя Саша и только раза два этакъ про себя усмѣхнулась. Положимъ, я ловко разговоръ подводилъ, какъ по нотамъ. Самъ на трехъ женахъ былъ женатъ—знаю, какъ съ женщинами разговаривать. Съ ними всегда такъ нужно поступать: говори и не давай ей слова пикнуть, тогда она вся твоя, а сплошалъ—не взыщи. Самыя глупыя слова большую силу надъ женщинами имѣютъ... да. Вторая жена у меня сердитая была, ну, и та смирилась. Саша-то приходится отъ первой жены. Одна дочь всего и осталась, а отъ нея вотъ внучка.

Приходимъ домой. Саша чай готовитъ—знаетъ, что старику нужно согрѣться. Рюмочку водочки выпилъ, и опять за свое, т. е. ловко этакъ подвелъ разговоръ на Бородавкина.

— Будетъ, дѣдушка,—отвѣтила наконецъ Саша.—А то я, пожалуй, подумаю, что вы меня хотите замужъ выдать за Бородавкина.

Вотъ вѣдь какая плутовка: догадалась! А я опять свое: „Что же, говорю, Бородавкинъ ума недальняго, а мужемъ будетъ хорошимъ... И красивый парень изъ себя. Вотъ посмотри, какую себѣ невѣсту подцѣпитъ, даромъ что изъ третьяго класса гимназіи". Саша, знаете, опять этакъ усмѣхнулась про себя и молчитъ. А меня, признаться, такъ и подмываетъ, ну, въ томъ родѣ, что обидѣлся. Въ самомъ-то дѣлѣ, для нея же хлопочу, а она смѣется надъ старикомъ. Какъ же, умная, умнѣе дѣдушки сдѣлалась!

— Дѣдушка, да ты не сердись...—говоритъ Саша, а сама ластится ко мнѣ, коза этакая.—Бородавкинъ отличный человѣкъ, и я его давно люблю. А ты все-таки не сердись...

— Саша, ты того... вѣдь я терплю, терплю, да и того... Бородавкинъ-то и смотрѣть на тебя не хочетъ, ты не шути!

Опять смѣется, плутовка, а я хочу разсердиться на нее, чтобы острастку дать, да никакъ не могу. Плутъ-дѣвка, однимъ словомъ, и навѣрно ее этотъ проклятый Тарабукинъ научилъ! Ну, такъ нашъ разговоръ ничѣмъ и кончился, а потомъ и самъ Бородавкинъ завернулъ въ нашу конурку. Прифрантился, усики пощипываетъ, разговоръ серьезный съ Сашей начинаетъ—однимъ словомъ, человѣкъ старается, и я вижу, какъ онъ все на Сашу поглядываетъ. Право, Васька Бородавкинъ совсѣмъ не глупый человѣкъ, какъ хотите, а Саша его тихохонько этакъ на смѣшки поднимаетъ. Вижу, парню приходится плохо: началъ въ серьезныхъ словахъ мѣшаться.

— Водочки, Василій Гаврилычъ, выпьемъ развѣ?—говорю я, чтобы смѣлости ему поддать.

— Не пью-съ... Раньше, дѣйствительно, имѣлъ эту глупость, а теперь отрекся и даже видѣть не могу этой самой водки,—отвѣчаетъ Васька.

Вотъ оно куда пошло... Хе-хе!.. Старикъ-то, видно, похитрѣе молодыхъ

оказался. Нѣтъ, Бородавкинъ положительно умный человѣкъ, и у него серьезныя мысли въ головѣ!

Когда Бородавкинъ ушелъ, я сейчасъ на Сашу, какъ левъ, такъ и накинулся и даже довелъ дѣвку до слезъ. Вотъ онъ каковъ, дѣдушка-то, не смотри на него, что старъ... да-съ! Признаться, и жаль мнѣ стало потомъ Саши и совѣстно, потому сирота она, а тутъ еще старый хрѣнъ какой-нибудь навязался... Все-таки быть ей за Васькой Бородавкинымъ! Помилуйте, человѣкъ даже водку бросилъ пить и послѣ говорилъ мнѣ въ театрѣ, что ни Тарабукина ни Космачъ-Полетаева знать больше не хочетъ.

Заходилъ Бородавкинъ въ другой разъ къ намъ, и Саша обошлась съ нимъ совсѣмъ скромненько и даже глазки опустила. Дѣвицѣ это весьма прилично. Дѣло идетъ на ладъ. И Тарабукинъ больше не провожаетъ насъ— догадался, должно-быть, что третьяго игрока подъ столъ садятъ. Рожа, я скажу вамъ, у него самая мерзкая—носатый, лысый, свиные глаза, какая-то поганая бороденка, и все гнилые зубы показываетъ, когда смѣется.

— Что это Тарабукина не видать?—спрашиваю я Сашу этакъ сторонкой.

— Мы съ нимъ разссорились, дѣдушка.

— И отлично... Я давно хотѣлъ его прогнать. Пустой человѣкъ, Сашенька!

Недавно сижу я этакимъ манеромъ въ своей каморкѣ у окошечка,— смотрю, двѣ головы рядомъ мелькнули, а это Бородавкинъ и моя Саша подъ ручку откуда-то идутъ. Вотъ что хорошо, такъ хорошо! Молодецъ, Васька! Я его даже расцѣловалъ и потихоньку шепнулъ:

— Ты, Васенька, не поддавайся ей, Сашѣ-то... Понимаешь: мужчина долженъ быть мужчиной!

Мой Васька только головой тряхнулъ... Молодецъ!.. А моя Сашенька совсѣмъ присмирѣла, какъ курочка... хе-хе!..

IV.

Какъ-то встрѣчаю на улицѣ Тарабукина.

— Здравствуйте, г. Тарабукинъ!

— Здравствуй, старая дудка! Все посвистываешь?..

— Посвистываемъ, г. Тарабукинъ. Честь имѣю кланяться...

Знаете, я даже этакъ по-театральному расшаркался, а Тарабукинъ показалъ мнѣ языкъ. Ну, скажите, пожалуйста, есть у этого человѣка умъ?..

Да, старая дудка,—теперь меня всѣ такъ зовутъ въ театрѣ, даже Фимушка Чохъ-Кутилова. Одна Агнія Леденцова жалѣетъ старика и, когда встрѣтимся, непремѣнно спроситъ:

— Ну что, Антонъ Иванычъ, какъ поживаешь?..

— Да помаленьку, Агнія Николаевна... Живемъ, пока мыши головы не отъѣли!

— Состарились мы съ тобой, Антонъ Иванычъ!

Признаться сказать, мнѣ эта Леденцова всегда нравилась, да и всѣмъ другимъ тоже,—умная она. Помню ее еще совсѣмъ дѣвчонкой, когда она только носъ высунула на сцену. Была съ ней одна исторія... ну, да я сплетничать не люблю, а про актрисъ и безъ того много лишняго болтаютъ. Теперь-то, конечно, Леденцова держитъ себя очень солидно и только любитъ, чтобы около нея молодые люди вертѣлись—такъ, женская прихоть! Все-таки у Леденцовой громадная репутація: ну, мальчишкамъ и любопытно: „я вчера обѣдалъ у Леденцовой... Леденцова мнѣ разсказывала". Настоящіе молодые

пѣтушки, которые за старой курицей ухаживаютъ! Ну, а Аглаѣ Николаевнѣ все-таки развлеченіе.

Бородавкинъ увѣряетъ меня, что больше насчетъ вожжи ни-ни, даже этого слова не можетъ слышать. Что же, дѣло хорошее. Одобряю. Саша тоже хвалитъ и, видимо, склоняется на сторону Бородавкина. Какъ-то сама мнѣ сказала:

— Дѣдушка, по-моему надо мужа выбирать глупѣе себя, а бойкіе да умные всегда своихъ женъ обманываютъ... такъ?

— Это кто тебѣ сказалъ, дурочка?..

— Сама придумала...

Смѣется, плутовка, а я понимаю, куда она гнетъ. Чѣмъ на сцену поступать да жизнь свою разстраивать, лучше гнѣздышко заблаговремя свить— маленькое гнѣздышко, да свое! Дома-то у себя всякій хорошъ, а на сценѣ поиграла ты лѣтъ пять и вышла старая... да. Молодыхъ на твое мѣсто сотни найдутся,—ну, тутъ и выворачивайся, какъ знаешь. Другая, конечно, долго крѣпится, а все-таки, охъ, какъ трудно ей достается, да еще язволь улыбаться передъ публикой, глазками играть, поцѣлуйчики воздушные посылать... Васька Бородавкинъ, конечно, изъ третьяго класса гимназіи, но вѣдь для домашности греческаго языка совсѣмъ не нужно...

Какъ странно устроена человѣческая жизнь, господа... Да, могу сказать это по своему опыту. Разсчитываешь, стараешься, обдумываешь, хитришь, а выходитъ наоборотъ. Можетъ-быть, это зависитъ отъ старости, т.-е. что наоборотъ-то все выходитъ.

Вотъ ужъ двѣ недѣли прошло, какъ сижу въ своей каморкѣ и никуда носу не показываю. Не стоитъ, будетъ... Старая дудка, и конецъ дѣлу! Что мнѣ безпокоиться? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ изъ ума выжилъ. Не понимаю, рѣшительно ничего не понимаю, точно какъ будто во снѣ... И флейту свою сложилъ въ футляръ—будетъ! Теперь хоть десять Бобраковъ давай— все равно!

Надо все-таки разсказать конецъ.

Прихожу въ театръ. Шла „Дикарка". Хорошо-съ. Сажусь за свой пюльпитръ, ноты разложилъ, а Бородавкина нѣтъ. Собрались музыканты. Бобрикъ косится на меня, точно я спряталъ Ваську въ карманъ. Ну наконецъ является и онъ, а самъ едва на ногахъ держится. Господи.—что такое случилось—у меня сердце такъ и екнуло! А Васька такъ развязно сѣлъ на свое мѣсто, вытащилъ изъ кармана афишу и подаетъ мнѣ. Читаю: новая актриса дебютируетъ.

— Какъ вы насчетъ этого полагаете, Антонъ Иванычъ?—спрашиваетъ Бородавкинъ.—Дикарку играетъ г-жа Любичъ-Гочайская...

— Вижу. Что же изъ этого?..

— Ты глупъ, Антонъ Иванычъ...

У меня тутъ свѣтъ изъ глазъ: все понялъ. Это моя Саша дебютировала.

Бобрикъ палочкой своей застучалъ—надо играть, а у меня туманъ въ головѣ. Ноты такъ и прыгаютъ предъ глазами: чувствую, что вру, да и Васька хуже моего играетъ.

— Эй, старая дудка, будилъ врать!..—шипитъ Бобрикъ.

Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ—сломалъ флейту и ушелъ. Не могу больше играть... Да и страшно мнѣ за Сашу. Вышелъ изъ театра, постоялъ на подъ-

ѣзжѣ и не понимаю самъ, что̀ дѣлаю. Смотрю—Васька предо мной, какъ изъ земли выросъ, и тоже не въ своемъ умѣ.

— Вася, какъ же это она... Саша...

— Какъ?.. А Тарабукинъ все и устроилъ. Да... Леденцова заодно съ нимъ дѣйствовала.

— Не понимаю, Васенька...

— Очень просто: Леденцова давно терпѣть не можетъ Чохъ-Кутилову, ну, и выдвинула ей соперницу. Чрезъ Тарабукина все и устроила... Ловко?..

— Да, ловко... Ахъ, Саша, Саша!.. А вѣдь я-то думалъ...

Смотрю, мой Васька плачетъ. Отвернулся отъ меня и этакъ по-ребячьи всхлипываетъ.

— Вася, что̀ ты, Богъ съ тобой! Перестань...

— Кончено все, Антонъ Иванычъ... Была Саша, а теперь... улетѣла отъ насъ. Вѣдь я ходилъ къ ней за кулисы... на колѣняхъ просилъ бросить все...

— Ну, а она что̀ же?..

— Ничего, какъ деревянная... А тутъ этотъ Тарабукинъ вертится... Я его поколочу, Антонъ Иванычъ...

Да, Саша имѣла успѣхъ. Тарабукинъ расхвалилъ ее: „благодарный органъ... талантъ". Бѣдный Васька закутилъ напропалую.

Бросилъ театръ. Будетъ... Не для кого больше свистать старой дудкѣ...

1896.

Послѣдніе огоньки.

I.

. . . . . .

Въ горахъ расцвѣла фіалка, душистая, нѣжная и скромная, какъ молодая дѣвушка. Въ теплыхъ долинахъ, защищенныхъ отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, зацвѣли дикія розы. Въ лѣсу запѣлъ соловей... Это было сигналомъ наступавшаго великаго праздника, который ожидался всѣми жителями Архипелага съ страстнымъ нетерпѣніемъ. Еще вечеромъ съ главнаго острова, гдѣ стоялъ храмъ Войны, была подана сигнальная ракета, въ отвѣтъ на которую съ другихъ острововъ посыпались отвѣтные огни, отражавшіеся въ морѣ золотымъ дождемъ. Картина получалась замѣчательная, точно рушилось самое небо, разсыпаясь огненной пылью, погасавшей въ холодной синевѣ моря.

Въ храмѣ Мира шли приготовленія къ завтрашнему празднику, когда сюда явятся счастливыя молодыя парочки, украшенныя цвѣтами. Главная жрица Меонъ, чуть не столѣтняя старуха, особенно хлопотала, чтобы все соотвѣтствовало готовившемуся торжеству. Внутренность храма убиралась зеленью, цвѣтами, причудливыми драпировками и безчисленными огнями.

— Это мой послѣдній праздникъ,—повторяла Меонъ, осматривая работу.—До слѣдующаго мнѣ не дожить...

Храмъ представлялъ собой громадное зданіе, окруженное бѣлой колоннадой, поддерживавшей двойной золотой куполъ. Отдѣльно стояла тонкая, какъ игла, бѣлая башня, гдѣ жила Меонъ со своими прислужницами. Она нѣсколько разъ поднималась на особой подъемной машинѣ на самый верхъ башни и долго выглядывала темные силуэты ближайшихъ горъ, гдѣ, какъ заблудившіеся свѣтлячки, кое-гдѣ мелькали желтые огоньки. Старушка невольно

вздохнула, припоминая далекое прошлое, свою раннюю молодость, когда въ эти ночи горы были усѣяны тысячами двигавшихся огоньковъ, когда на вершинахъ скалъ горѣли пламенные костры и всюду раздавались веселыя пѣсни счастливой молодежи. На островахъ существовалъ издавна обычай, по которому молодежь собиралась здѣсь въ эту ночь.

— Мало ихъ...—печалилась Меонъ.—Гдѣ же молодежь? Экзамены кончены, и всѣ должны веселиться... Гдѣ дѣвушки? Какой же это праздникъ?..

Въ ясные дни съ высоты башни можно было разсмотрѣть до двадцати отдѣльныхъ острововъ, и сейчасъ все точно потонуло въ весеннемъ, душистомъ, молчащемъ сумракѣ. Это ласково шумѣло невидимое море, точно спокойно дышало, посылая къ берегамъ свою теплую, плодотворную волну.

— Все то же небо, и море, и земля,—думала вслухъ Меонъ, вздыхая.—И все такимъ же останется и тысячу лѣтъ, когда о насъ не останется даже воспоминанія. Люди будутъ безумно стремиться впередъ, навстрѣчу собственному уничтоженію.

Въ переводѣ эти грустныя мысли значили, что восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ Меонъ семнадцатилѣтней дѣвушкой вотъ въ такую весеннюю ночь вмѣстѣ съ другими дѣвушками тоже ходила по горамъ и искала своего „счастья", какъ назывались эти нѣжные цвѣты, и меньше всего думала объ уничтоженіи. Тѣ же горы, тѣ же фіалки и розы, то же море, огни и соловей... Для нея эта ночь была роковой: „онъ", избранникъ ея сердца, не пришелъ, и она явилась на торжество одна и безъ цвѣтовъ. О, „онъ" забылъ о ней для своихъ книгъ и занятій, а когда вспомнилъ, то солнце уже поднялось, и было поздно. Соловей пропѣлъ свои чудныя пѣсни для другихъ... Помнитъ ли онъ, Прото, что было восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, или безъ конца изучаетъ небо?

Старушка-жрица посмотрѣла на востокъ, гдѣ невидимо лежалъ большой островъ, на которомъ былъ устроенъ храмъ Войны, замѣнявшій сейчасъ обсерваторію. Точно въ отвѣтъ на эти мысли, изъ весенней мглы глянулъ на нее зеленый огонекъ и сейчасъ же потухъ. Прото вѣчно занятъ и, вѣроятно, даже забылъ, какъ тогда, какая сегодня ночь...

Спустившись внизъ башни, Меонъ хотѣла пройти въ храмъ, но въ одной изъ комнатъ встрѣтила дѣвушку, которая стояла у открытаго окна и безучастно смотрѣла въ сторону горъ.

— Леа, ты дома?—удивилась Меонъ, останавливаясь.

— Да...

— Всѣ другія дѣвушки тамъ, онѣ поютъ, онѣ счастливы...

Леа только опустила свои прекрасные глаза. Это была высокая, стройная дѣвушка съ худымъ, блѣднымъ лицомъ.

— Тебѣ восемнадцать лѣтъ, Леа, и у тебя нѣтъ даже желанія хотъ посмотрѣть, какъ веселятся другіе?

— Бабушка, милая бабушка, меня это не интересуетъ.

— И нѣтъ никого, кто бы интересовалъ тебя?

— Какъ видишь, никого.

— Ты хочешь остаться дѣвушкой?

Леа улыбнулась и печально проговорила:

— Вѣдь ты же осталась дѣвушкой?

— Я? О, это совсѣмъ другое дѣло... Къ сожалѣнію, я не могу разсказать тебѣ, какъ это случилось, но я въ свое время любила и умѣла любить...

— Я не знаю, что такое любить, бабушка... Мнѣ кажется, что это

только одно пустое слово, которымъ люди обманывали самихъ себя. Скажу больше: мнѣ дѣлается страшно, когда я даже просто слышу это роковое слово.

II.

Мсонъ ошиблась: Прото не забылъ о ней и думалъ о живыхъ людяхъ, а не о звѣздахъ. Онъ тоже смотрѣлъ на блуждавшіе въ горахъ огоньки и только качалъ своей сѣдой столѣтней головой, точно вмѣсто живой кожи обтянутой пергаментомъ. О, старикъ думалъ много, думалъ больше всѣхъ остальныхъ и приходилъ къ одному убѣжденію, что все кончено.

— Да, да, кончено...—повторилъ онъ.—Жизнь на островахъ погаснетъ, какъ и эти послѣдніе огоньки въ горахъ.

Ему казалось, что онъ всегда жилъ и что будетъ жить всегда. Развѣ онъ не жилъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда происходило крушеніе всей европейской цивилизаціи? Онъ видѣлъ эти государства, превращенныя въ военные лагери, видѣлъ, какъ всѣ мысли все сильнѣе сосредоточивались на одной—уничтожить ближняго и захватить его владѣнія, какъ во имя ученія о любви жгли людей на кострахъ, какъ во имя цивилизаціи истреблялись племена дикарей, какъ святая наука работала на этомъ же пути взаимнаго уничтоженія и подкладывала огонь въ костеръ. Да, бѣдная Европа представляла собою настоящій костеръ, когда было открыто воздухоплаваніе, уничтожившее, какъ увѣряла наука, всякія этнографическія границы, національные интересы и всякую расовую обособленность. Такъ говорила наука, а вышло нѣчто другое. Благодаря новому открытію вся старая Европа очутилась въ огнѣ. Утонченное рабство давно уже носилось въ воздухѣ и разрѣшилось цѣлымъ рядомъ ужасныхъ катастрофъ. Романскія, англо-саксонскія и славянскія расы превзошли другъ друга въ братской ненависти, и жестокая цивилизація рухнула сама собой, раздавленная собственной жестокостью. Послѣдній ударъ, нанесенный Европѣ желтолицыми варварами, былъ только неизбѣжнымъ результатомъ всей европейской политики. Да, Европа нѣсколько сотъ лѣтъ учила желтыя расы искусству истребленія, пока ученики не примѣнили свои знанія на ней самой. Это былъ настоящій потокъ варварства, хлынувшаго на Европу во всеоружіи послѣднихъ словъ науки. Варвары по-своему воспользовались величайшимъ открытіемъ (Европа начала счетъ новой эры со дня открытія воздухоплаванія) и превратили Европу въ пустыню. Когда все стихло и некому уже было сражаться, американскіе милліардисты купили у желтолицыхъ кровавое пепелище, и старая Европа теперь заросла травой и лѣсомъ, наполнилась хищными звѣрями и благородной дичью. Милліардисты устроили изъ Европы грандіозный охотничій паркъ, гдѣ они отдыхали послѣ своей хищнической работы.

Именно въ эту эпоху крушенія старой Европы и произошло заселеніе Архипелага. На островахъ собрались бѣглецы изъ разныхъ угловъ Европы. Конечно, желтолицые открыли это послѣднее убѣжище и хотѣли истребить послѣднихъ враговъ, но ихъ предводитель сказалъ:

— Оставьте ихъ... Я хочу ихъ наказать за все то зло, какое они дѣлали намъ въ теченіе вѣковъ. Да... Пусть они постепенно вымрутъ сами собой, это—самая страшная казнь. Желтолицый не прикоснется къ этой бѣлолицей твари, обреченной на вымираніе.

Взглядъ желтолицаго вождя явился проклятіемъ всѣмъ бѣлолицымъ. Цвѣтныя расы не хотѣли ихъ знать и не входили съ ними ни въ какія отношенія. Архипелагъ явился чѣмъ-то въ родѣ зачумленнаго мѣста. И блѣд-

яолицые постепенно начали вымирать, точно геній жизни отлетѣлъ отъ нихъ навсегда. Сегодняшняя ночь служила яркимъ доказательствомъ неизбѣжнаго процесса. Острова имѣли теократическое устройство, и отцы бѣлолицаго племени напрасно истощали всѣ усилія, чтобы поднять жизненныя силы. Уже сто лѣтъ, какъ за каждаго ребенка назначена была премія матери, а отецъ пользовался пожизненной пенсіей. Одной женщинѣ, у которой было двое дѣтей, былъ поставленъ памятникъ въ самомъ храмѣ Мира. А жизнь точно убывала съ каждымъ днемъ, какъ незримо испаряется вода. Бѣлолицые потомки расплачивались за всѣ грѣхи своихъ предковъ, точно они несли проклятіе въ своей крови и въ своихъ нервахъ.

Да, вотъ о чемъ думалъ столѣтній Прото, глядя съ тоской на блуждавшіе въ горахъ огоньки.

Въ видахъ поддержанія расы, молодежь, достигавшая брачнаго возраста, подвергалась самому строгому экзамену спеціальныхъ брачныхъ комиссій. Каждую дѣвушку и каждаго молодого человѣка изучали, какъ медицинскій препаратъ, и давали „брачное право“ только тѣмъ, кто не имѣлъ физическихъ недостатковъ, опасныхъ для потомства. Свидѣтельства выдавались только весной, потому что наука доказала, что только заключенные весной браки бываютъ счастливыми. Затѣмъ это брачное весеннее время было возведено въ національный праздникъ, когда на островѣ Мира собирались жители всѣхъ острововъ.

III.

Вся громадная площадь передъ храмомъ Мира была покрыта толпами разодѣтаго по-праздничному народа. На особой почетной эстрадѣ помѣщались матери со своими дѣтьми. Увы! ихъ было такъ немного. Не слышно было дѣтскаго заразительнаго смѣха, не мелькали дѣтскія улыбки, не загорались свѣтлые дѣтскіе глаза неудержимымъ весельемъ,—каждый ребенокъ появлялся на свѣтъ умненькимъ, послушнымъ и тихимъ. Напрасно гремѣла музыка, шли процессіи, раздавалось пѣніе,—ни одно дѣтское личико не улыбнулось.

Прото сидѣлъ въ комнатѣ Меонъ и молча смотрѣлъ на толпу изъ окна.

— А гдѣ Леа?—спросилъ старикъ.

— Она... она осталась дома...—тихо отвѣтила Меонъ, опуская глаза.—Да, дома...

— Бѣдная дѣвочка...

— Много такихъ. Онѣ не хотятъ замужества, потому что боятся материнскихъ мукъ и не хотятъ разставаться со своей дѣвичьей красотой.

— А мужчины?

— Мужчины не находятъ себѣ женъ...

— О, горе намъ! Это смерть заживо, Меонъ. Надъ нашими головами виситъ несмываемое проклятіе. Если бы намъ хоть капельку желтой крови...

На площади произошло волненіе. Трубы смолкли, и наступила тишина. Всѣ взоры были устремлены туда, въ сторону горъ, откуда должны были показаться счастливыя молодыя пары. На верхней площадкѣ башни стояла группа молодыхъ дѣвушекъ съ Леа во главѣ. Онѣ тоже смотрѣли въ горы, гдѣ собиралась толпа.

— Идутъ!..—крикнула одна изъ дѣвушекъ.—Посмотрите, сколько паръ... Леа, тебѣ не завидно?

— Нисколько.

Дѣвушки весело засмѣялись.

Интересно посмотрѣть на тѣхъ несчастныхъ, которыя рѣшились выйти замужъ.

— Это какія-нибудь отчаянныя, которымъ не дорога собственная жизнь.

— Ужасно подумать, что ихъ ожидаетъ! Бѣдныя...

Процессія уже приближалась. Грянула музыка послышалось стройное пѣніе нѣсколькихъ хоровъ каждый приготовилъ цвѣты, которыми осыпали новобрачныхъ. Но тутъ случилось нѣчто удивительное, небывалое. Въ процессіи шли молодые люди одинокими, не было ни одной пары. Всѣ замѣтили. Музыка перестала играть, приготовленные для привѣтствія цвѣты были растоптаны ногами. Потомъ, когда сконфуженные юноши исчезли въ храмѣ Мира, раздался общій вопль негодованія, и всѣ глаза устремились на вершину башни, гдѣ собрались дѣвушки, не пожелавшія выйти замужъ.

— Вотъ онѣ!—кричали голоса.

— О, проклятіе...

— Нужно объявить наконецъ законъ о принудительномъ бракѣ!

— А непокорныхъ казнить!..

— Недурно бы это сдѣлать сейчасъ, для примѣра подрастающимъ дѣвушкамъ.

Толпа обступила башню и страшно волновалась, пока съ вершины башни ея не осыпали простыми листьями папоротника.—папоротникъ служилъ эмблемой безбрачія. Шаровые зеленые листья такъ кружились въ воздухѣ, точно зеленыя перья, и вмѣстѣ съ ними отлетали и послѣднія надежды.

1897.

ЛЕГЕНДЫ.

Майя.

I.

Шумъ жестокой сѣчи стихалъ... Разбитый на-голову непріятель бѣжалъ, оставивъ побѣдителю родной городъ Гунхоѣ. Часть побѣдителей пустилась въ погоню, безъ пощады убивая всякаго, а другая часть, съ ханомъ Сарымбэтъ во главѣ, приготовлялась занять открытый городъ. Издали это былъ настоящій пчелиный сотъ изъ низенькихъ бѣлыхъ домиковъ съ плоскими кровлями, глухими бѣлыми стѣнами и узкими грязными уличками. Отдѣльно возвышались куполы мечетей и стройныя иглы минаретовъ, отдѣльно стоялъ дворецъ бѣжавшаго хана Олоя, потонувшій въ зелени садовъ.

— Плѣнныхъ не будетъ,—говорилъ молодой ханъ Сарымбэтъ, подъѣзжая къ городскимъ воротамъ.—Побѣду даетъ Аллахъ... Городъ будетъ могилой для тѣхъ, кто былъ нашимъ врагомъ больше ста лѣтъ. Развалины покажутъ нашимъ потомкамъ, какъ мы умѣли мстить нашимъ врагамъ. Плѣнныхъ не будетъ, а побѣду даетъ Аллахъ.

Красивъ ханъ Сарымбэтъ, молодъ, полонъ отваги, настоящій молодой левъ, который въ первый разъ отвѣдалъ горячей крови. Но жестокія слова сказалъ не онъ, а ихъ придумала старая голова главнаго ханскаго совѣтника Кугэй. Беззубый старикъ точно для того прожилъ восемьдесятъ лѣтъ, чтобы внушить молодому хану жестокія слова.

— Такъ нужно, ханъ, такъ нужно,—шамкалъ старикъ, едва держась въ своемъ мягкомъ сѣдлѣ.—Аллахъ даетъ побѣду, но нужно умѣть ею воспользоваться... Недаромъ наша кровь лилась цѣлыхъ сто лѣтъ. Огонь гасятъ огнемъ, а кровь кровью.

Хищный старикъ замѣтилъ колебаніе въ лицѣ молодого хана, въ его глазахъ мелькнула жалость, и Кугэй залилъ ее ядомъ своихъ старыхъ словъ.

Молча махнулъ рукой ханъ Сарымбэтъ, и тысячи всадниковъ ринулись грабить беззащитный городъ, въ которомъ оставались старики, женщины и дѣти. Съ гикомъ неслась страшная смерть... Въ городѣ некому было даже защищаться, а только протягивались беззащитныя руки съ мольбой о пощадѣ. Но ханское слово законъ, и пустѣли одна улица за другой, каждый шагъ впередъ усѣянъ былъ трупами, а по канавамъ лилась кровь, какъ вода. Кто умиралъ подъ ударомъ сабли, кто былъ приколотъ пиками, многіе растоптаны лошадинымъ копытомъ, а дѣтей разбивали головками о каменныя стѣны родныхъ домовъ. Это была настоящая бойня, цѣлый адъ... Тысячи людей стол-

пились на базарѣ, въ мечетяхъ и около мечетей—ихъ и убивали тысячами, точно человѣческую жизнь косила острая коса, а смерть висѣла въ воздухѣ.

Ханъ Сарымбэтъ смотрѣлъ на побоище изъ своей ставки и слышалъ только отчаянные вопли, заглушаемые веселымъ гиканьемъ побѣдителей. Восточная часть города уже горѣла, и некому было тушить огонь. Показалось облако дыма и въ противоположной сторонѣ.

— Я хочу видѣть городъ,—заявилъ ханъ Сарымбэтъ.

Старый Кугэй нахмурился, но спорить не смѣлъ.

Ханъ Сарымбэтъ въѣзжалъ въ Гунхой, окруженный блестящей свитой, точно всходило утреннее солнце. Несчастный городъ былъ заваленъ трупами, залитъ кровью, лютое пламя довершало жестокое дѣло человѣческихъ рукъ. Не смутилось сердце хана пыломъ кровавой сѣчи, когда онъ летѣлъ впереди другихъ, а тутъ и онъ задумался, когда рѣдкой красоты его боевой конь началъ храпѣть и шарахнуться въ сторону при видѣ теплыхъ труповъ. Убитые старики, женщины и дѣти загораживали дорогу. Бѣлыя стѣны сбитыхъ изъ глины домиковъ были обрызганы кровью. Лошадь хана фыркала и дрожала. Самъ ханъ Сарымбэтъ опустилъ голову, пораженный страшной картиной всеобщаго избіенія. А тамъ — заваленный трупами базаръ, площадь передъ мечетью... трупы, трупы и трупы.

Оставался нетронутымъ одинъ ханскій дворецъ, оцѣпленный стражей. Въ немъ было тихо, какъ въ могилѣ.

— Ѣдемъ назадъ,—сказалъ Кугэй.

Но тутъ случилось что-то необыкновенное. Изъ дворца вырвалась цѣлая толпа женщинъ и бросилась навстрѣчу молодому побѣдителю. Онѣ бѣжали съ распущенными волосами, обезумѣвъ отъ страха, бросались ницъ, моля о пощадѣ. Другія хватались за стремена и цѣловали ханскія ноги, полы его халата, его кривую саблю.

— Бей!—скомандовалъ Кугэй.

Началось избіеніе... Это было самое ужасное, что только видѣлъ ханъ Сарымбэтъ. Женщинъ и дѣтей топтали лошадьми, рѣзали и кололи. Видъ этой рѣзни отуманилъ и его голову. Вѣдь эти женщины — матери, жены, сестры и дочери его исконныхъ враговъ, онѣ родили проклятое племя Гунхой, онѣ призываютъ своими воплями и слезами только свою безсильную ненависть къ нему, онѣ, вотъ эти женщины, выкололи глаза его дѣду, попавшемуся въ плѣнъ, т.-е. ихъ бабушки, онѣ народятъ еще несмѣтное число его враговъ, а счастье перемѣнчиво. Впередъ!.. Ханскій конь врѣзался въ живую толпу, а ханская сабля косила головы направо и налѣво. О, развѣ можетъ быть счастье больше, какъ видѣть поверженнаго въ прахъ своего злѣйшаго врага и наслаждаться его предсмертнымъ хрипѣньемъ... Впередъ! Бей! Плѣнныхъ не будетъ...

Ханскій скакунъ вылетѣлъ впередъ и вынесъ его къ дворцу. Вотъ оно, это проклятое гнѣздо. Ханъ Сарымбэтъ въ пылу погони на конѣ въѣхалъ прямо во дворецъ. Здѣсь тоже было много женщинъ... Одни лежали ницъ, другія, стоя на колѣняхъ, поднимали кверху маленькихъ дѣтей... Нѣтъ никому пощады! Кугэй ворвался во дворецъ слѣдомъ за ханомъ, и началась страшная рѣзня.

— Бей... бей... бей...

Въ одной изъ дальнихъ комнатъ дворца ханъ увидѣлъ сидѣвшую на коврѣ молодую женщину поразительной красоты. Она сидѣла, обнявъ колѣни руками, и не шевелилась, не молила о пощадѣ, не плакала, а съ достоинствомъ ждала своей смерти. Старый Кугэй, задыхавшійся отъ кровавой работы, под-

бѣжалъ къ ней и уже замахнулся саблей, но ханъ Сарымбэть протянулъ руку.

— Кто ты, женщина?—тихо спросилъ онъ.

— Я—Майя.

Она улыбнулась и злобно посмотрѣла на него своими темными, какъ ночь, глазами. Кугэй скрежеталъ зубами отъ ярости, а ханъ Сарымбэть сдѣлалъ уже знакъ, что даруетъ жизнь смѣлой женщинѣ, позабывъ собственный приказъ о всеобщемъ истребленіи.

II.

Городъ Шибэ торжествовалъ, ожидая возвращенія побѣдителей. Да, проклятое племя Гунхой было уничтожено, городъ Гунхой срытъ до основанія, и не осталось въ немъ камня на камнѣ. Такова воля Аллаха... Племя Шибэ и племя Гунхой враждовали издревле, какъ враждуетъ собака съ волкомъ, и вотъ свершилось то, чего не могли предугадать самые умные. Гунхоя нѣтъ, а есть Шибэ...

Возвращавшійся въ свою столицу ханъ Сарымбэть былъ встрѣченъ, какъ молодой мѣсяцъ. Многотысячная толпа ликовала, вездѣ горѣли веселые огни, слышались веселыя пѣсни и клики радости.

— Да живетъ ханъ и да радуется ханское сердце!..

Грустенъ возвращался одинъ старикъ Кугэй. Воля Аллаха не была исполнена и ханское слово измѣнило самому себѣ. Много добычи взяли съ собою войска, и великая радость ожидала ихъ у себя дома. Но стараго Кугэя безпокоила плѣнница, которую везли вмѣстѣ съ добычей въ Шибэ. И для чего она понадобилась хану Сарымбэть? Развѣ не стало у него своихъ женщинъ: тридцать женъ, тридцать прислужницъ — можно еще столько же добыть. Такъ нѣтъ, увидѣлъ Майю и везетъ ее къ себѣ, точно сокровище.

— Майя была наложницей Олой-хана,—шепталъ Кугэй хану Сарымбэть, чтобы возбудить въ послѣднемъ чувство ревности.

— Знаю...—коротко отвѣчалъ молодой ханъ. — Ты можешь прибавить, Кугэй, что Майя во дворецъ попала уже не дѣвушкой. Она попала плѣнницей... Ея мужъ—степной батырь.

— Ея мужъ, ханъ?.. Вотъ цвѣтокъ расцвѣтаетъ въ полѣ и даетъ плодъ, — развѣ у него есть мужъ?.. Не одинъ батырь былъ у Майи... Она переходила изъ рукъ въ руки, какъ старая монета.

— Старыя золотыя монеты ты самъ любишь, Кугэй...—смѣялся ханъ.— Онѣ имѣютъ только одинъ недостатокъ, именно, принадлежатъ только тому, кто ихъ держитъ въ рукахъ.

Шибэ веселился, а Майя сидѣла въ ханскомъ дворцѣ и горько плакала. Да, у нея теперь явились и слезы... Зачѣмъ она не умерла вмѣстѣ съ другими?.. Страшно жить... она часто просыпалась ночью и вздрагивала: предъ ея глазами проносилась ужасная картина. Отчаянный крикъ матерей, защищавшихъ своихъ дѣтей, стоны раненыхъ, мольбы о пощадѣ и смерть, смерть. смерть...

У Майи было свое отдѣльное помѣщеніе во дворцѣ, куда никто не смѣлъ входить, кромѣ хана Сарымбэть. Да, онъ пришелъ къ ней, но не какъ къ плѣнницѣ, а какъ слуга.

— Не нужно ли тебѣ чего-нибудь, Майя? У тебя заплаканные глаза... Можетъ-быть, съ тобою дурно обращаются?..

Майя сдѣлала отрицательное движеніе головой.

— Можетъ-быть, ты оплакиваешь хана Олой? — тише спросилъ Сарымбэть.

— Нѣтъ...

— Что же тебѣ нужно?.

— О, если бы у меня было столько глазъ, сколько у ночи звѣздъ, то и тогда я не выплакала бы всего своего горя... Вотъ ты радуешься, ты счастливъ, а мнѣ тебя жаль. Оставь меня съ моимъ горемъ... Тебѣ — радость, мнѣ—горе...

— Знаю, ты оплакиваешь своего батыря!—гнѣвно сказалъ Сарымбэть.— Женщина принадлежитъ только тому, кто первый ее взялъ... И всей крови, пролитой въ Гунхоѣ, не хватитъ на то, чтобы смыть съ себя одно имя твоего батыря. Я все знаю, Майя...

— Убей меня, ханъ! Я желаю умереть...

Заскучалъ молодой ханъ Сарымбэть, и ничто ему не мило. Такъ и тянетъ его къ Майѣ, а пришелъ туда и—словъ нѣтъ. Чужими глазами она смотрѣла на него... Не то ему было нужно. Самому себѣ удивляется ханъ Сарымбэть,—такъ приворожила его полонянка Майя. Да, и ночью онъ ее видитъ, и протягиваетъ руки, и говоритъ ласковыя слова, а днемъ смѣлость оставляетъ его, и ханъ бродитъ по своимъ садамъ, какъ потерянный. Не милъ ему и собственный дворецъ, не милы и любимыя жены, и охота, и всякія другія удовольствія. Ничто не мило хану, и ходитъ онъ по собственному дворцу, какъ тѣнь.

— Майя... Майя...

Иногда онъ сердится на нее, припоминая ея батыря и хана Олоя. Да, ты вотъ кого любила, Майя... Ты думаешь о своихъ любовникахъ. О, змѣя, змѣя... Мало было убить тебя, а нужно замуровать живой въ стѣну. Нужно отрубить руки, обнимавшія батыря, вырвать языкъ, лепетавшій любовныя слова, выколоть глаза, глядѣвшіе на хана Олоя ласково... вырвать живымъ это змѣиное сердце, бившееся для другихъ! И много такихъ жестокихъ мыслей роится въ головѣ хана, а увидитъ Майю, оробѣетъ самъ, чувствуя, какъ безсилѣетъ тѣло, и путаются мысли въ головѣ.

— Ты меня спрашивалъ, что мнѣ нужно,—проговорила однажды Майя, глядя на него своими темными глазами. — Да, мнѣ нужно... Когда я умру, похорони меня въ степи, въ вольной степи, гдѣ гуляетъ вольный степной вѣтеръ... Есть тамъ озеро Кара-Куль, на его берегу похорони меня. Не нужно мнѣ ханской могилы, не нужно тяжелыхъ камней на могилу.

— Все будетъ исполнено, Майя, но зачѣмъ ты говоришь о смерти?..

— О, я скоро умру, ханъ... я знаю это.

И опять молчитъ Майя, только смотритъ на молодого хана своими большими глазами. Жутко сдѣлалось хану Сарымбэть, опустилъ онъ свои глаза и чувствуетъ только, какъ замираетъ въ груди его собственное сердце. Приворожила его Майя... Ахъ, если бы она хоть разъ взглянула на него ласково— онъ самъ готовъ умереть. Но смотритъ Майя попрежнему чужими глазами...

Старый Кугэй давно замѣтилъ, какъ измѣнился ханъ Сарымбэть, похудѣлъ, сдѣлался задумчивъ, пересталъ улыбаться и не желалъ ни съ кѣмъ говорить.

— Скучаетъ ханъ... — говорилъ вкрадчиво хитрый старикъ. — Позволь старому Кугэю зайти къ Майѣ, и онъ вышибъ бы изъ нея своей нагайкой память о батыряхъ и ханѣ Олоѣ... А любовь Майи въ твоихъ рукахъ. Когда я былъ молодъ, то бралъ любовь силой!..

— Ахъ, не то...—стоналъ ханъ Сарымбэть. — Мало ли у меня своихъ красавицъ? Не то, старый Кугэй... Ты поглупѣлъ отъ старости.

— Я поглупѣлъ?..—смѣялся зло старикъ.—Я поглупѣлъ, старый Кугэй? А кто говорилъ тебѣ, чтобы не брать плѣнныхъ изъ Гунхоя? Вотъ теперь ты самъ сидишь въ плѣну у ничтожной плѣнницы... И какой ханъ—молодой, красивый, храбрый! Хочешь, добудемъ десять новыхъ красавицъ, десять новыхъ женъ... Одна другой краше, какъ цвѣты въ полѣ, а Майя пусть имъ служитъ. Вотъ какъ сдѣлаемъ, ханъ, а ты говоришь: „Кугэй — старый дуракъ“.

III.

Такъ прошло полгода, а черезъ полгода гордые глаза Майи опустились сами собой, когда вошелъ къ ней ханъ Сарымбэть.

— Что съ тобою, Майя? Ты нездорова?

Она отвернулась.

— Майя...

— Нѣтъ больше Майи... Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Уходи къ своимъ женщинамъ... Тамъ каждый взглядъ купленъ, каждая улыбка — насиліе. Онѣ все готовы сдѣлать для своего повелителя, потому что рабыни не тѣломъ, а всей душой. Онѣ ждутъ тебя... иди!..

Радостно забилось сердце хана Сарымбэть. Это были знакомыя ему слова женской ревности. Майя начинала его любить и сердилась на самоё себя. Да, вотъ это не берется ни насиліемъ ни деньгами. О, велика сил любви и приходитъ она противъ воли человѣка, какъ пожаръ.

Тихо подошелъ ханъ Сарымбэть къ Майѣ, обнялъ ее и прошепталъ:

— Я давно тебя люблю, Майя... Люблю съ перваго раза, какъ увидѣлъ.

Задрожала Майя, какъ молодая зеленая травка, закрыла глаза и отвѣтила:

— Твоя любовь убьетъ меня... Я это чувствую.

— Ты скажи, Майя: ты любишь меня?

У нея не было словъ, а только протянулись теплыя руки, и счастливое лицо спряталось на груди хана.

На другой день Майя сказала хану:

— Я вчера тебя любила, а сегодня ненавижу...

— За что же, моя радость?

— А помнишь, какъ ты истреблялъ Гунхой? Я смотрѣла въ окно, когда ты своимъ конемъ топталъ беззащитныхъ женщинъ и вотъ эта рука рубила женскія головы... Да, я тебя ненавижу и вмѣстѣ съ тѣмъ люблю... Меня приводитъ въ ужасъ это двойное чувство.

— Того хана уже давно нѣтъ, Майя, какъ нѣтъ и Гунхоя. Такова воля Аллаха... Онъ даетъ и побѣду и счастье. Да и чего тебѣ жалѣть: ты была только плѣнницей у Олой-хана...

Майя гордо выпрямилась и посмотрѣла на хана потемнѣвшими глазами.

— Я была плѣнницей Олой-хана, но не любила его... А вотъ тебя люблю, и въ томъ моя погибель.

— И моя, Майя...

Какимъ счастьемъ пахнуло на хана Сарымбэть!.. Не было ни дня ни ночи, а было одно только счастье. Смѣялась Майя—и онъ смѣялся, хмурились ея темныя брови—и онъ хмурился. Она думала, а онъ говорилъ,—и наобо-

ротъ. Они читали мысли другъ у друга въ душѣ, и это даже пугало ихъ. Иногда Майя задумывалась, и ханъ Сарамбэть хмурился, точно надъ ихъ головами проносились тяжелыя тѣни.

— Майя, о, я знаю, о чемъ ты думаешь!..

Онъ скрежеталъ зубами и падалъ на подушки въ безсильной ярости чувствуя, что много есть такого, что̀ не въ состояніи вырвать даже любовь. Ахъ, какъ много... Майя чувствовала его мысли, и лицо у нея блѣднѣло, точно она умирала. Да, она страдала и за себя и за него, и чѣмъ была счастливѣе, тѣмъ сильнѣе мучилась.

— Майя, не думай ни о чемъ, — утѣшалъ ее ханъ Сарымбэть. — Что̀ было, то прошло, а я счастливъ настоящимъ.. О, какъ я счастливъ, Майя!.. Я до сихъ поръ даже и приблизительно не зналъ, что̀ такое любовь...

Ханъ Сарымбэть часто говорилъ и думалъ о счастьѣ и все-таки не зналъ, что̀ такое счастье... Здоровый не чувствуетъ въ полномъ объемѣ своего здоровья, такъ и счастливые люди. Онъ даже потерялъ счетъ времени, а оно шло такъ быстро, какъ колесо, которое катится по хорошей дорогѣ.

Разъ Майя припала своей красивой головкой къ груди хана и, краснѣя, проговорила:

— Мой повелитель, мое счастье, моя радость, я тебя подарю скоро величайшимъ счастьемъ, какимъ только можетъ подарить любимая женщина... Твоя радость отпечаталась въ моемъ сердцѣ, и я подарю тебѣ маленькаго хана. Да... Подарю, а сама умру. Я это чувствую...

— Майя, свѣтъ моихъ глазъ, дыханье моихъ устъ, что̀ ты говоришь?!..

— Да, да... Воля Аллаха неисповѣдима, и ты скоро будешь отцомъ. Помни, что ты похоронишь меня въ степи, на берегу Кара-Куля, гдѣ носится вольный степной вѣтеръ. Это мое послѣднее желаніе...

Задумался ханъ Сарымбэть и потомъ засмѣялся. Всѣ женщины боятся родовъ, но вѣдь родятъ же бѣдныя и больныя женщины, а его Майя будетъ окружена и лучшимъ уходомъ и всякими удобствами.

Все, что̀ можно купить или достать силой—все будетъ у Майи...

Майя не обманулась. Она готовилась быть матерью, и счастливый ханъ Сарымбэть ухаживалъ за ней вдвойнѣ, какъ не ухаживала бы за ней родная мать. О, онъ все дѣлалъ для нея и спалъ въ ея комнатахъ, какъ послѣдній рабъ, чтобы ничто не нарушало покоя царицы Майи. Да, она была царица вдвойнѣ... Какъ онъ караулилъ ея сонъ, какъ угождалъ малѣйшей ея прихоти и какъ былъ счастливъ. Ожидаемый ребенокъ долженъ былъ покрыть собой все прошлое Майи, и съ нимъ рождалась новая жизнь.

— Ты меня забудешь... — говорила грустно Майя со слезами на глазахъ.—У тебя столько красивыхъ женщинъ, а Майи не будетъ. Только одна ея тѣнь пронесется вотъ здѣсь, гдѣ она была такъ счастлива... Помни это, ханъ, и впередъ всякая твоя радость будетъ отравлена. Вотъ здѣсь будетъ незримо бродить моя тѣнь... Здѣсь я была счастлива своимъ короткимъ счастьемъ.

Не вѣрилъ ханъ этимъ тяжелымъ предчувствіямъ, а случилось именно такъ, какъ думала Майя.

Она родила хану наслѣдника, а сама умерла на другой день.

Ханъ не отходилъ отъ ея постели и, когда она лежала мертвою, все смотрѣлъ на нее. Даже холодная рука смерти пощадила эту царственную красоту. Никогда Майя еще не была такъ красива, какъ мертвая — лицо такое строгое, блѣдное, точно выточено изъ слоновой кости.

— Майя... Майя... Майя...—повторялъ ханъ Сарымбэть, хватаясь за голову. — Моя Майя... Моя дорогая... Майя, ты не слышишь, не слышишь меня?!..

Майя уже ничего не слыхала.

За ханомъ ухаживалъ одинъ старый Кугэй и повторялъ:

— Такова воля Аллаха, ханъ!.. Мы всѣ умремъ...

— Отчего же ты не умеръ, а умерла она, моя Майя?..—стоналъ ханъ, ломая руки.—Ты, старая гнилушка, живешь, а Майя умерла... Нѣтъ справедливости на землѣ. Я не вѣрю Аллаху...

Старый Кугэй въ ужасѣ затыкалъ уши отъ такого богохульства и закрывалъ глаза.

IV.

Похоронили Майю на высокомъ берегу озера Кара-Куль, и вольный вѣтеръ насыпалъ надъ ней могилу.

Ханъ Сарымбэть каждый день просыпался въ слезахъ и въ слезахъ засыпалъ. Его молодое сердце умерло вмѣстѣ съ Майей, закрылась радость, погасъ яркій свѣтъ, — ничего не осталось у хана, кромѣ глазъ, чтобы оплакивать свое черное горе. Опостылѣлъ ему и дворецъ, и зеленые сады, и красавицы-жены. Нѣтъ Майи, и ничего не нужно хану... Нѣтъ Майи, слышите?..

Единственное утѣшеніе осталось хану: каждое утро онъ уѣзжалъ на могилу Майи. Пріѣдетъ, пуститъ коня пастись, а самъ сидитъ на могилѣ, горько плачетъ и все зоветъ ее, Майю.

— Майя... Майя... Майя... Слышишь ли ты меня? Вѣдь я здѣсь, я съ тобой... Смерть насъ разлучила, но она же и соединитъ насъ. Рядомъ я лягу съ тобой, Майя... Дорогая, родная Майя, я здѣсь... Горлинка моя, свѣтъ мой, я здѣсь!

Громко кличетъ молодой ханъ Майю, а вѣтеръ разноситъ его жалобу,— одинъ вольный степной вѣтеръ слышитъ ханское горе, да зеленая степная трава, да ясныя зори. И ни отъ кого не получалъ отвѣта ханъ... Одинъ онъ со своимъ горемъ.

По цѣлымъ часамъ сидитъ ханъ на крутомъ берегу и смотритъ на шелковую гладь степного озера, обложенную зелеными рѣсницами камышей, точно рамой изъ дорогого рытаго бархата. Давно ли онъ ѣздилъ сюда на охоту и радовалось ханское сердце молодецкой забавой, а теперь ничего не нужно хану. Майя, Майя... Все ты унесла съ собой, а оставила одно черное горе. Ханъ Сарымбэть, слышишь ли? Какой ханъ — нѣтъ и хана, какъ нѣтъ Майи, а ходитъ одно черное горе, и плачетъ, и жалуется. Нѣтъ хана — это люди придумали. Если бы онъ былъ сильнѣе другихъ, то удержалъ бы Майю, отогрѣлъ ея холодѣвшія руки своимъ дыханьемъ, раскрылъ своими поцѣлуями ея чудные глаза и теплотой своего сердца согрѣлъ эту грудь... Вѣдь живутъ же другія женщины?.. Ахъ, Майя, Майя... Нѣтъ Майи, нѣтъ и хана!..

Такъ прошелъ и годъ, и другой, и третій.

Попрежнему горюетъ ханъ Сарымбэть, попрежнему ѣздитъ на могилку Майи и попрежнему плачетъ надъ ней и громко зоветъ ее, Майю, и попрежнему не получаетъ отвѣта. Похудѣлъ, постарѣлъ ханъ, точно прожилъ тридцать лѣтъ, а въ бородѣ уже серебрится сѣдина. Ханъ Сарымбэть старится, а молодой ханъ, сынъ Майи, растетъ: въ немъ проснулась красота матери. Но не радуетъ хана и любимый сынъ... Тошно ему у себя во дворцѣ, скучно, все надоѣло.

— Кугэй, старая лисица, мнѣ надоѣло быть ханомъ, — сказалъ Сарымбэть своему старому совѣтнику. — Да, надоѣло... Я оставляю вамъ ханомъ сына Майи, а самъ уйду. Нѣтъ моихъ силъ больше... Какой я ханъ, когда не могъ сохранить посланную мнѣ Аллахомъ жемчужину.

Низко поклонился хитрый Кугэй, счастливый тѣмъ, что могъ управлять всѣмъ, пока ребенокъ-ханъ подрасталъ. У всякаго были свои мысли...

Такъ и ушелъ ханъ Сарымбэть изъ Шибэ, распустивъ женъ и оставивъ всѣ сокровища. Даже не взялъ онъ съ собой лишней пары одежды. Для чего?.. Вѣдь и ханъ и послѣдній нищій одинаково будутъ лежать въ землѣ, для чего же обременять себя лишнимъ платьемъ? Такъ и сдѣлалъ ханъ; надѣлъ рубище дервиша, взялъ его кошель и палку и ушелъ изъ Шибэ.

Поселился Сарымбэть на берегу Кара-Куля, около могилы Майи. Выкопалъ землянку и живетъ какъ отшельникъ. Перечиталъ онъ много мудрыхъ книгъ, долго и много молился и тысячу разъ передумалъ всю свою жизнь, полную легкомысленныхъ радостей, суетныхъ желаній и мыслей. Онъ не видѣлъ той пропасти, которая была сейчасъ подъ ногами...

Каждый день, каждый часъ, проведенный съ Майей, былъ сокровищемъ, а онъ его не замѣчалъ, ослѣпленный собственнымъ счастьемъ. И такъ всѣ люди живутъ, обвѣянные счастливой слѣпотой...

Жилъ Сарымбэть на берегу Кара-Куля до самой смерти, пока не сдѣлался сѣдымъ и дряхлымъ старикомъ. Къ нему приходили издалека, чтобы повѣдать какое-нибудь горе и научиться мудрости. Да, состарѣлся Сарымбэть, и глаза уже плохо видѣли, а онъ все оплакивалъ свою Майю, точно она умерла только вчера. Вѣдь она открыла ему свѣтъ жизни, она отдала ему сердце и душу, и проснулось его сердце...

— Майя, слышишь ли ты меня?—повторялъ онъ каждый день надъ могилой своей возлюбленной.—Ужъ скоро я приду къ тебѣ, Майя, мое счастье, моя радость... Скоро, скоро!..

Сарымбэть вырылъ себѣ могилу рядомъ и спалъ въ ней, чтобы быть ближе къ ней, къ Майѣ.

Разъ онъ молился и слышитъ незнакомый голосъ:

— Ханъ Сарымбэть...

— Нѣтъ здѣсь никакого хана, а есть нищій Сарымбэть.

— Ты меня не узнаёшь?

Посмотрѣлъ Сарымбэть — передъ нимъ стоялъ старый-старый человѣкъ съ пожелтѣвшей отъ времени бородой.

— Я—ханъ Олой...

— А, это ты... что же, садись рядомъ: мѣста довольно.

Они долго сидѣли и молчали.

— Сарымбэть, много ты пролилъ напрасной крови, но и искупилъ ее своимъ подвижничествомъ. Я пришелъ мириться съ тобой...

Заплакалъ Сарымбэть, припоминая истребленіе Гунхоя, и сказалъ:

— Похорони меня рядомъ съ Майей, ханъ Олой... Я завтра умру. Видѣлъ я здѣсь на озерѣ чудо. Когда я былъ ханомъ и ѣздилъ на озеро на охоту, то убилъ лебедушку. Чудная птица лебедь... Когда я переселился сюда, то лебедь, оставшійся безъ лебедушки, каждую весну прилеталъ сюда и каждое утро выплывалъ на озеро и жалобно кликалъ свою лебедушку. Тридцать лѣтъ онъ прилеталъ, тридцать лѣтъ горевалъ, а въ послѣдній разъ прилетѣлъ, поднялся высоко-высоко и грянулся о-земь. Я это видѣлъ и подумалъ, насколько человѣкъ хуже даже глупой птицы... Моя Майя открыла

мнѣ глаза, и я знаю только одно счастье, чтобы похоронили меня рядомъ съ ней.

Сбылись слова праведнаго человѣка: когда ханъ Олой проснулся на другой день, Сарымбэть былъ уже мертвъ. Бывшій смертельный врагъ похоронилъ его рядомъ съ Майей.

Такъ было, и сейчасъ на высокомъ берегу озера Кара-Куль красуется двойная могила хана Сарымбэть съ красавицей Майей. Издалека приходятъ люди, чтобы поклониться ихъ праху: такъ любили они другъ друга... Ровно черезъ сто лѣтъ племя Гунхой напало на Шибэ и разрушило городъ, какъ прежде былъ разрушенъ Гунхой: то сдѣлалъ внукъ Олой-хана. Все было истреблено, выжжено и разрушено. Но даже враги не тронули могилы Майи, а внукъ хана Олоя самъ пріѣхалъ посмотрѣть святое мѣсто и прослезился.

— Ханъ Сарымбэть показалъ, какъ нужно любить, — сказалъ онъ. — Все проходитъ, разрушается, исчезаетъ, а остается одна любовь...

1892.

Баймаганъ.

I.

„Хороша Киргизская степь, хорошо голубое небо, которое опрокинулось надъ ней бездоннымъ куполомъ, хороши звѣздныя степныя ночи, но лучше всего новый кошъ *) стараго Хайбибулы, въ которомъ онъ живетъ вмѣстѣ съ своей старухой Ужипой и молоденькой дочкой Гольдзейнъ“.—Такъ думаетъ молодой Баймаганъ, работникъ Хайбибулы, думаетъ и поетъ:

Въ небѣ звѣзды—
И въ кошмѣ Хайбибулы звѣзды...
Тамъ и ночью свѣтитъ солнце.
А въ головѣ Баймагана
Мысли, какъ птицы.

— У меня много-много мыслей, и всѣ онѣ, какъ степной ковыль, гнутся въ одну сторону,—говорилъ Баймаганъ, когда они вмѣстѣ съ другимъ работникомъ Урмугузомъ пасли косякъ кобылицъ. — У Хайбибулы всего много... Старая лисица катается, какъ сыръ въ маслѣ, а я ничего не возьму за свои мысли, Урмугузъ.

— Дуракъ ты, Баймаганъ...—лѣниво отвѣчаетъ Урмугузъ, покачиваясь на высокомъ киргизскомъ сѣдлѣ.—Какія мысли могутъ быть у такихъ бѣдняковъ, какъ мы съ тобой... Ты глупъ, Баймаганъ, а Хайбибула уменъ... У Хайбибулы двѣсти лошадей ходитъ въ степи, у Хайбибулы пять лучшихъ иноходцевъ, у Хайбибулы новый кошъ, цѣлый сундукъ съ деньгами и красавица-дочь. У бѣдныхъ людей должна быть одна мысль: не лечь голодному спать.

Обидно Баймагану слушать такія слова своего пріятеля, который никогда ни о чемъ не думаетъ, точно киргизскій баранъ. Да, Баймаганъ бѣднякъ, но это не мѣшаетъ ему видѣть и слышать то, чего не видитъ одинъ Урмугузъ.

У Баймагана каждый разъ дрогнетъ сердце, какъ подстрѣленная птица,

---

*) Кошъ—круглая киргизская палатка изъ войлока.

когда онъ вечеромъ съ косякомъ кобылицъ возвращается къ кошамъ. Издали эти коши точно потерянныя въ степи шапки, одна большая и двѣ маленькихъ. Изъ большой въ холодныя ночи весело поднимается синій дымокъ—это старая Ужипа вѣчно что-нибудь стряпаетъ, чтобы угодить мужу. Вотъ около этого огонька въ кошѣ старой лисицы Хайбибулы и бьется молодое сердце бѣдняка Баймагана, потому что вмѣстѣ съ дымомъ по вечерамъ изъ коша несется пѣсня красавицы Гольдзейнъ.

II.

У Хайбибулы новый кошъ, который стоитъ рублей пятьсотъ,—онъ изъ лучшихъ бѣлыхъ кошемъ, а внутри по стѣнамъ развѣшаны дорогіе бухарскіе ковры. Тутъ же стоятъ сундуки, набитые всякимъ добромъ—рубахами, бешметами, халатами. У Гольдзейнъ свой сундукъ, весь обитый бѣлой жестью, точно серебряный; въ немъ копится приданое для того счастливца, которому достанется Гольдзейнъ.

— Кто дастъ калымъ въ сто лошадей и пятьсотъ рублей деньгами, тому и отдамъ Гольдзейнъ,—хвастается Хайбибула, когда съ гостями напьется кумыса.—Будь хоть безъ головы женихъ, мнѣ все равно... Сто лошадей и пятьсотъ рублей деньгами.

Пьяный Хайбибула непремѣнно бранится съ женой и каждый разъ повторяетъ:

— Ты мнѣ надоѣла, Ужипа... Вотъ получу калымъ за Гольдзейнъ и прямо съ деньгами поѣду подъ Семипалатинскъ: тамъ въ кошахъ живутъ два брата, Кошгильда и Яшгильда, богатые киргизы, и у обоихъ по молоденькой дочери. Которую хочу, ту и возьму, а тебѣ, старой клячѣ, пора отдохнуть.

Когда Гольдзейнъ весело распѣваетъ свои пѣсни, старая Ужипа горько плачетъ, потому что Хайбибула непремѣнно женится на молоденькой и сживетъ ее, Ужипу, со свѣту. Онъ ужъ двухъ женъ въ гробъ заколотилъ, а она—третья, и ее заколотитъ. Старый волкъ любитъ молодую козлятину и погубить человѣка ему ничего не стоитъ, а всѣ считаютъ его хорошимъ, ласковымъ мужемъ.

„Лучше ужъ мнѣ самой умереть...“ — думаетъ Ужипа, думаетъ и плачетъ, вспоминая молодое время, когда щеки у ней были румяныя, глаза свѣтились, сама была толстая да бѣлая, и когда Хайбибула говорилъ ей льстивыя, ласковыя рѣчи.

Скоро износилась красота Ужипы. Безсонныя ночи, работа, дѣти и мужнины побои развѣяли по вѣтру дѣвичью красоту, а Хайбибула ее же попрекаетъ дорогимъ калымомъ.

Никто не жалѣетъ старухи, а Гольдзейнъ нарочно отвертывается, чтобы не видать слезъ матери. Глупая дѣвка только и думаетъ, чтобы поскорѣй выскочить замужъ за богатаго жениха, а родная мать ей хуже чужой.

Когда-то пьяный Хайбибула сильно избилъ Ужипу, и она едва вырвалась отъ него. Убѣжала и спряталась за кошемъ. Ночь была темная, а на душѣ Ужипы было еще темнѣе. Стала она просить себѣ смерти, потому что никому-никому, ни одному человѣку не жаль ея.

— Эй, Ужипа, не плачь,—прошепталъ надъ самымъ ухомъ старухи знакомый голосъ.

— Это ты, Баймаганъ?

— Я, я все вижу и знаю. Погоди, вотъ женюсь на Гольдзейнъ, тогда и тебя возьму къ себѣ. Славно заживемъ...

— Да ты съ ума сошелъ?.. У тебя ничего нѣтъ...

— Э, погоди, все будетъ... Старая лисица Хайбибула самъ будетъ ухаживать за мной. Вотъ я какой человѣкъ, Ужипа!

Это ласковое слово глупаго парня согрѣло душу Ужипы, какъ солнечный лучъ, и ей сдѣлалось жаль Байгамана: Аллахъ великъ, у Аллаха всего много, что̀ стоитъ Аллаху бросить росинку счастья на Байгамана? Все можетъ быть...

— Слушай, Байгаманъ, никогда-никогда не женись на Гольдзейнъ, — шептала старая Ужипа:—въ ней волчья кровь... Женись лучше на Макенъ: вотъ мой совѣтъ за твое доброе слово къ позабытой всѣми старухѣ.

III.

Около коша Хайбибулы въ сторонѣ стояли два старыхъ, дырявыхъ коша, въ которыхъ жили пастухи и работники. Въ одномъ жилъ кривой пастухъ Газизъ съ дочерью Макенъ, а въ другомъ Баймаганъ съ Урмугузомъ. Очень бѣдно было въ кошѣ Газиза, а у Баймагана съ Урмугузомъ совсѣмъ ничего не было, кромѣ хозяйскихъ сѣделъ да разной сбруи. Спали оба работника на лошадиныхъ потникахъ. Сквозь прогорѣвшія кошмы пекло солнце и лился дождь, точно Аллахъ хотѣлъ каждый день испытывать терпѣніе молодыхъ пастуховъ.

Все хозяйство Газиза вела Макенъ и она же постоянно помогала старой Ужипѣ, точно работница, хотя скупой Хайбибула не платилъ ей ни гроша, развѣ когда подаритъ обноски послѣ Гольдзейнъ. Макенъ работала, какъ лошадь, и ходила чуть не въ лохмотьяхъ. За работой она пѣла такія печальныя пѣсни и каждый разъ смолкала, когда мимо проходилъ Баймаганъ.

— Онъ хорошій человѣкъ,—говорила Ужипа, не называя Баймагана по имени.

— Хорошъ, да не для меня...—отвѣчала Макенъ и тяжело вздыхала.

Аллахъ мудрено устраиваетъ человѣческія дѣла: Урмугузъ любилъ Макенъ, Макенъ любила Баймагана, а Баймаганъ любилъ гордую Гольдзейнъ. Баранчуками *) они всѣ росли вмѣстѣ, а потомъ вышло вотъ что̀. Старый Газизъ видѣлъ все это, но молчалъ, потому что Аллахъ великъ и знаетъ лучше насъ, какъ и что̀ дѣлать. Урмугузъ думалъ про себя, что Макенъ первая красавица во всей Киргизской степи, и что Гольдзейнъ приворожила глупаго Баймагана своими пѣснями и богатыми нарядами. Въ праздники Гольдзейнъ всегда щеголяла въ шелковомъ полосатомъ бешметѣ, заплетала свои черные волосы въ мелкія косички, въ уши надѣвала дорогія, тяжелыя серьги, а всю грудь увѣшивала серебряными и золотыми монетами, которыя такъ весело звенѣли у ней на ходу.

Баймаганъ подолгу смотрѣлъ на нее съ разинутымъ ртомъ или старался чѣмъ-нибудь услужить. Гордая красавица совсѣмъ не замѣчала Баймагана и только иногда любила посмѣяться надъ нимъ, особенно когда тутъ же была Макенъ.

— Баймаганъ, скоро у тебя будетъ сто лошадей и пятьсотъ рублей денегъ?—спрашивала Гольдзейнъ, толкая Макенъ локтемъ.—Смотри, мнѣ, пожалуй, надоѣстъ ждать, и я какъ разъ выйду за другого... У меня ужъ есть три жениха.

Гольдзейнъ весело смѣялась, а у Баймагана замирало сердце отъ этого

---

*) Баранчукъ—ребенокъ, дитя.

смѣха. И чѣмъ больше она смѣялась надъ нимъ, тѣмъ больше онъ ее любилъ.

Проклятыхъ сто лошадей бѣдный пастухъ часто видѣлъ во снѣ, а деньги даже искалъ у себя подъ изголовьемъ. Перестала бы Гольдзейнъ смѣяться надъ нимъ, когда бы онъ принесъ Хайбибулѣ пятьсотъ рублей старыми серебряными монетами и выставилъ въ полѣ собственный косякъ лошадей... Всего сто лошадей и пятьсотъ рублей. Баймаганъ день и ночь сталъ думать, какъ добыть дорогой калымъ, похудѣлъ и ходилъ, какъ въ воду опущенный.

Хайбибула прежде самъ былъ бѣденъ, и вся степь знаетъ, откуда пришло его богатство: онъ сначала самъ воровалъ лошадей по казачьей уральской линіи, а потомъ сталъ только сбывать краденый скотъ.

— Это люди болтаютъ изъ зависти,—говорилъ кривой Газизъ.—Аллахъ все видитъ...

IV.

Баймаганъ возненавидѣлъ Хайбибулу и за глаза бранилъ его самыми скверными словами. Тутъ доставалось и толстому брюху Хайбибулы, и его красному носу, и сѣдой головѣ, которая думала о молоденькихъ дѣвчонкахъ. Когда въ урочные часы старикъ выходилъ изъ коша на молитву, разстилалъ подъ ноги коврикъ и падалъ ницъ, приложивъ раскрытыя ладони къ ушамъ, Баймаганъ испытывалъ глубокое чувство отвращенія къ этому старому ханжѣ, который хочетъ обмануть самого Аллаха.

— Кажется, я убилъ бы эту старую лисицу!—говорилъ Баймаганъ своему другу Урмугузу.—Его деньги нажиты кровью, онъ загубилъ двухъ первыхъ женъ, теперь губитъ третью и хочетъ жениться на четвертой, чтобы согрѣть свою старую волчью кровь молодой... О, какъ я ненавижу этого Хайбибулу!

Хитрый старикъ замѣтилъ косые взгляды Баймагана и время отъ времени любилъ подшутить надъ нимъ. Безсильная злоба бѣдняка забавляла Хайбибулу.

Разъ въ праздникъ, когда въ кошѣ и передъ кошемъ сидѣли гости, Хайбибула сказалъ Баймагану:

— Баймаганъ, покажи гнѣдого иноходца гостямъ... Впрочемъ, у тебя заячье сердце, пусть приведетъ лошадь Урмугузъ.

Это было сказано нарочно, чтобы подзадорить Баймагана и потѣшить гостей отчаянной скачкой. Гнѣдой иноходецъ былъ еще не объѣзженная лошадь и никого не пускалъ на себя. Обида засѣла глубоко въ сердцѣ Баймагана, и онъ захотѣлъ показать передъ всѣми, что ничего не боится, и что Хайбибула напрасно его обижаетъ.

Иноходца едва поймали на два волосяныхъ аркана, подвели къ кошу, и Баймаганъ птицей сѣлъ на спину дрожавшей отъ страха лошади.

— Смотри, упадешь!—крикнулъ вслѣдъ Хайбибула.

Началась самая отчаянная скачка на необъѣзженной лошади, старавшейся сбить сѣдока. А Баймаганъ видѣлъ только улыбавшееся лицо Гольдзейнъ, которая смотрѣла на него изъ коша вмѣстѣ съ гостями. Да, онъ приведетъ лошадь къ кошу смирную, какъ овечку, или ему не видать Гольдзейнъ, какъ своихъ ушей.

Лошадь и человѣкъ боролись отчаянно нѣсколько часовъ. Баймаганъ уже чувствовалъ, что лошадь начинаетъ уставать и скоро будетъ въ его

рукахъ, какъ ребенокъ. Но въ этотъ моментъ она сдѣлала неожиданный прыжокъ въ сторону, и Баймаганъ слетѣлъ на землю. Все это случилось въ одну секунду, бѣшеное животное съ удвоенной силой понеслось въ степь, старалось освободиться отъ тащившагося на арканѣ наѣздника. Баймаганъ крѣпко держалъ веревку обѣими руками и рѣшился лучше умереть, чѣмъ выпустить лошадь.

Черезъ полчаса иноходецъ прибѣжалъ одинъ, а Баймагана нашли въ степи безъ чувствъ. Онъ лежалъ весь избитый, голова, лицо и плечи были покрыты глубокими ранами отъ лошадиныхъ копытъ.

V.

Баймаганъ лежитъ въ своемъ дырявомъ кошѣ. За нимъ ухаживаетъ старая Ужипа, которая знаетъ много хорошихъ степныхъ травъ. Иногда въ кошъ завертываетъ Макенъ и молча садится у входа. Больной никого не узнаётъ и все бредитъ.

Ему ужасно тяжело, и все кажется, что онъ скачетъ на проклятомъ иноходцѣ. Лошадь бьетъ его задними ногами прямо въ голову, и Баймаганъ страшно вскрикиваетъ. Долго-долго носитъ его по степи взбѣсившійся иноходецъ, а когда онъ открываетъ глаза, то видитъ надъ собой дырявую кошму своего коша и слышитъ, точно сквозь сонъ, голосъ Ужипы:

— Не шевелись, Баймаганъ... Будешь живъ, если не будешь шевелиться. Все идетъ хорошо.

Баймаганъ старается лежать спокойно, хотя ему ужасно хочется приподнять голову—въ кошѣ кто-то тихо плачетъ, а кому плакать о немъ, о кругломъ сиротѣ? Ахъ, зачѣмъ онъ не умеръ тамъ, въ степи, гдѣ носилъ его иноходецъ!..

Потомъ Баймагану вдругъ сдѣлалось такъ легко и такъ хорошо, совсѣмъ хорошо. Онъ здоровъ. Нѣтъ, будетъ ужъ служить старой лисицѣ Хайбибулѣ!.. Прощайте всѣ: и кривой Газизъ, и Урмугузъ, и Макенъ, и Ужипа... Съ Гольдзейнъ Баймаганъ не простился, потому что слишкомъ ему было бы тяжело видѣть ея насмѣшливую улыбку.

— Э, увидимся!—утѣшаетъ самого себя Баймаганъ, направляясь въ степь, гдѣ тамъ и сямъ торчали киргизскіе коши, точно бритыя татарскія головы въ тюбетейкахъ.—Надо жить, какъ старая лисица Хайбибула.

Баймаганъ скоро нашелъ себѣ работу—онъ сдѣлался отчаяннымъ барантачомъ. По степи онъ отбивалъ овецъ у гуртовщиковъ, у казаковъ и русскихъ угонялъ лошадей, и вездѣ стали бояться одного его имени. Нѣсколько разъ онъ попадался, и его били прямо по головѣ, точно всѣ знали, гдѣ у него самое больное мѣсто.

Черезъ нѣсколько лѣтъ такой работы у Баймагана былъ готовъ весь калымъ за Гольдзейнъ, и онъ орломъ полетѣлъ къ старому Хайбибулѣ.

— Вотъ твой калымъ,—объявилъ Баймаганъ, высыпая передъ старикомъ старое серебро.

— Ты умный человѣкъ,—задумчиво говорилъ Хайбибула, пересчитывая деньги.—Ну, Гольдзейнъ твоя... Такой красавицы до Семипалатинска не найти. Что же, твое счастье, а я очень радъ. Макенъ тоже вышла замужъ за Урмугуза, я и калымъ платилъ за него. Давай поцѣлуемся.

VI.

Рядомъ съ кошемъ Хайбибулы выросъ новый кошъ Баймагана. Въ послѣднемъ жилось очень весело. Гольдзейнъ по цѣлымъ днямъ распѣвала

свои пѣсни, Баймаганъ лежалъ на коврѣ и пилъ кумысъ. Когда ему надоѣдало гулять одному, онъ посылалъ за Хайбибулой и угощалъ старика.

— Ты умный человѣкъ, Баймаганъ,—повторялъ каждый разъ Хайбибула и улыбался старымъ, беззубымъ ртомъ.—Старъ я сталъ... Вотъ и борода сѣдая, и глаза слезятся, и зубы пропали. А когда-то я умѣлъ наживать деньги. Надо тебѣ показать всѣ норы и лазейки, а мнѣ пора отдохнуть.

И старая лисица Хайбибула училъ Баймагана всякимъ плутнямъ, называлъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и товарищей по ремеслу, а Баймаганъ слушалъ и удивлялся, что Хайбибула совсѣмъ не такой дурной человѣкъ, какъ онъ думалъ раньше. Даже очень хорошій человѣкъ этотъ Хайбибула, если разобрать; а если онъ занимается воровствомъ, такъ не онъ одинъ грѣшенъ передъ Аллахомъ.

Когда Хайбибула выгналъ старую Ужипу и женился на четырнадцатилѣтней Аяшъ, дочери Кошгильды, о которой давно говорилъ, и тогда Баймаганъ не обвинилъ старика. Хайбибула еще въ силахъ, а Ужипа едва волочитъ свои старыя ноги. Такъ хочетъ Аллахъ, если одно дерево цвѣтетъ, а другое сохнетъ. Конечно, Аяшъ молода для такого беззубаго старика, какъ Хайбибула, но старику ужъ немного осталось веселить свое сердце—пусть еще порадуется на концѣ своихъ дней.

Старая Ужипа пришла къ Баймагану и сказала:

— Мужъ меня прогналъ, а я стара... Помнишь, какъ ты обѣщалъ пріютить меня, если женишься на Гольдзейнъ?..

— Я этого не говорилъ, старая кляча!..—закричалъ Баймаганъ.—Это все ты сама придумала...

Баймагану было совѣстно за свою ложь, и онъ еще сильнѣе разсердился.

— Не наше дѣло судить васъ съ отцомъ,—отвѣтила матери Гольдзейнъ, потакавшая мужу.—Мы не желаемъ ни съ кѣмъ ссориться, а живите себѣ, какъ знаете.

Ничего не сказала старая Ужипа и ушла. Ее пріютилъ въ своемъ рваномъ кошѣ Урмугузъ.

— Мнѣ ужъ заодно васъ стариковъ кормить,—проговорилъ онъ,—вонъ Газизъ живетъ, живи и ты.

Тѣсно было въ кошѣ Урмугуза, но Макенъ нашла уголокъ для старухи, совсѣмъ убитой горемъ. Это взбѣсило Баймагана.

— Вотъ напились богачи!—ругался онъ.—Всѣхъ полоумныхъ старухъ да стариковъ не накормишь.

— Урмугузъ, видно, богаче насъ съ тобой,—прибавила Гольдзейнъ.—Недаромъ онъ столько лѣтъ служилъ у отца, а теперь служитъ у тебя. Видно, ему выгодно, если можетъ кормить чужихъ людей.

Баймаганъ сильно разсердился на Урмугуза, но до поры до времени затаилъ въ своемъ сердцѣ эту злобу. Урмугузъ нарочно взялъ къ себѣ Ужипу, чтобы постоянно колоть ею глаза и ему, и Гольдзейнъ, и Хайбибулѣ.

— Урмугузъ глупъ,—шептала Гольдзейнъ, ласкаясь къ мужу,—а это придумала Макенъ... О, это хитрая и злая женщина!

VII.

Киргизская степь была такъ же хороша, какъ десять лѣтъ назадъ, такъ же весной она покрывалась цвѣтами и ковылемъ, тотъ же игралъ по ней степной вѣтеръ, а зимой волкомъ завывали снѣжныя мятели; голубое небо

такъ же высоко поднималось надъ ней, такъ же паслись по ней косяки киргизскихъ лошадей, а Гольдзейнъ позванивала своимъ серебромъ.

Хорошо жилось Баймагану. Всего у него было много, а когда надоѣдало сидѣть дома, онъ уѣзжалъ куда-нибудь въ гости. У богатыхъ людей много хорошихъ знакомыхъ. Когда было лѣнь ѣхать, Баймаганъ по цѣлымъ днямъ лежалъ въ кошѣ и думалъ о разныхъ разностяхъ. Всего лучше ему дѣлалось, когда онъ вспоминалъ про свое дѣтство. Да, Баймаганъ выросъ у стараго Хайбибулы, какъ бездомная собачонка: спалъ подъ открытымъ небомъ и питался объѣдками, вмѣстѣ съ хозяйскими собаками. Когда варили маханъ или салму *), Баймаганъ только облизывался издали и былъ радъ, если на его долю доставалась обглоданная косточка, которую бросала ему добрая Ужипа. Эти воспоминанія дѣлали настоящее еще пріятнѣе, и Баймаганъ нарочно приглашалъ Хайбибулу ѣсть салму, чтобы вспомнить про старое.

Однажды, когда они вдвоемъ сидѣли около чугуннаго котла съ салмой, старикъ хитро подмигнулъ, указывая головой на дочь.

— Ты ничего не замѣчаешь, Баймаганъ?—прошамкалъ онъ.

— Нѣтъ, а что?..

— Я ничего, такъ... Будто Гольдзейнъ у тебя постарѣла. Она будетъ вылитая Ужипа. Вотъ увидишь... А Макенъ молодѣетъ. Впрочемъ, на чужихъ женъ нехорошо заглядываться... Я такъ сказалъ. Ну, прощай...

Эти слова глубоко запали въ душу Баймагана, хотя онъ старался о нихъ совсѣмъ не думать. Разъ онъ больно прибилъ Гольдзейнъ и, когда она стала плакать въ своемъ углу, онъ занесъ-было руку съ нагайкой, чтобы ударить ее по спинѣ, но взглянулъ на ея заплаканное лицо, испуганные глаза—и рука съ нагайкой безсильно опустилась сама собою: на него смотрѣла старая Ужипа, а Гольдзейнъ, красавицы Гольдзейнъ больше не было.

Баймаганъ началъ часто напиваться кумысомъ, билъ жену и все ходилъ около коша, чтобы хоть издали посмотрѣть на Макенъ. Урмугуза онъ нарочно посылалъ въ дальнія киргизскія стойбища съ разными порученіями, чтобы не стыдно было заходить въ его старый кошъ подъ разными предлогами.

Макенъ стала прятаться отъ Баймагана, а это еще больше разжигало въ немъ кровь. Чтобы показать ей свою любовь, Баймаганъ не упускалъ случая на ея глазахъ бить Гольдзейнъ по чему попало, а потомъ отнялъ у жены всѣ украшенія и спряталъ ихъ въ свой сундукъ. Кривого Газиза онъ поилъ самымъ хорошимъ кумысомъ и называлъ дядей. А Гольдзейнъ отъ побоевъ и слезъ дѣлалась все больше похожей на свою мать, и Баймаганъ старался не смотрѣть на нее.

„Надо избыть Урмугуза, а потомъ я женюсь на Макенъ, когда она останется вдовой,—подумалъ Баймаганъ.—Гольдзейнъ пусть служитъ ей, какъ раба...“

VIII.

Урмугуза не стало. Много такъ пропадаетъ въ степи. Чужіе люди обвиняли Баймагана, что онъ подослалъ убійцъ къ своему работнику, а самъ женился на его вдовѣ.

А Баймаганъ ничего не хочетъ знать, что говорятъ про него люди. Онъ по цѣлымъ днямъ лежитъ на коврѣ вмѣстѣ съ Макенъ, а Гольдзейнъ прислуживаетъ имъ, старая, некрасивая Гольдзейнъ. Но Макенъ такая печальная,

*) Салма—лапша изъ конины, маханъ—жареное изъ жеребенка.

и Баймагана тянетъ выйти изъ коша; рядомъ въ кошѣ стараго Хайбибулы каждый разъ на шумъ его шаговъ отодвигается край ковра, которымъ прикрытъ входъ, и оттуда смотрятъ прямо въ душу Баймагана два темныхъ глаза, а изъ-за бѣлыхъ зубовъ сыплется беззаботный дѣтскій смѣхъ. Это молодая Аяшъ смотритъ на Баймагана, и у него темнѣетъ въ глазахъ.

„Обманулъ меня Хайбибула, — думаетъ онъ, — Макенъ все думаетъ о своемъ Урмугузѣ... Ей скучно со мной“.

Не спится по ночамъ Баймагану, а вмѣстѣ съ ночнымъ холодомъ ползетъ къ нему въ кошъ ласковый дѣвичій шопотъ,—о, онъ знаетъ этотъ голосъ, который хватаетъ его прямо за сердце! Нужно было отправить на тотъ свѣтъ не Урмугуза, а старую лисицу Хайбибулу. Будетъ ему грѣшить, а Аяшъ еще молода.

Темнѣе ночи ходитъ Баймаганъ и все думаетъ о старикѣ Хайбибулѣ— можетъ-быть, старая лисица самъ догадается умереть.

Отточилъ острый ножъ Баймаганъ и ночью, какъ змѣя, заползъ съ нимъ въ кошъ Хайбибулы. Вотъ ужъ онъ слышитъ ровное дыханіе спящей Аяшъ, а рядомъ съ ней на постели, подъ шелковымъ бухарскимъ одѣяломъ, храпитъ Хайбибула. Баймаганъ подползъ къ изголовью и замахнулся, чтобы ударить Хайбибулу прямо въ сердце,—онъ приглядѣлся къ темнотѣ и теперь хорошо различалъ спавшихъ,—но, заглянувъ въ лицо старику, Баймаганъ остолбенѣлъ: это лицо смѣялось своимъ беззубымъ ртомъ, а старческіе слезившіеся глаза смотрѣли на него въ упоръ.

— Ну, чего ты испугался?..—шепчетъ Хайбибула, а самъ все смѣется и смотритъ на него.—Дѣлай то, за чѣмъ пришелъ...

Страшная ярость закипѣла въ груди Баймагана, хочетъ онъ поднять руку съ ножомъ, но у него нѣтъ больше силы,—рука виситъ, какъ плеть.

— Убилъ Урмугуза, убивай и меня,—шепчетъ Хайбибула.—Аяшъ моложе твоихъ женъ... Ты умный человѣкъ, Баймаганъ. Ха-ха-ха...

Эти слова ударили Баймагана прямо въ голову, и онъ почувствовалъ, какъ на его головѣ открываются старыя раны отъ лошадиныхъ копытъ и какъ онъ самъ начинаетъ весь ледянѣть. Жизнь быстро выходитъ изъ него вмѣстѣ съ горячей кровью, а старый Хайбибула дѣлался все дальше и дальше, и только далеко-далеко, точно изъ-подъ земли, доносился его страшный дребезжавшій смѣхъ и тотъ же шопотъ:

— О, ты умный человѣкъ, Баймаганъ!.

Баймаганъ крикнулъ, объятый ужасомъ, и самъ испугался своего голоса, точно это кричалъ не онъ, а какой-то другой голосъ.

— Тише, тише... не шевелись, Баймаганъ,—шепталъ надъ нимъ голосъ старой Ужипы, и чьи-то руки удерживали его голову.

IX.

— Такъ это былъ сонъ?..—спрашивалъ Баймаганъ, когда пришелъ въ себя и увидѣлъ, что попрежнему лежитъ въ своемъ дырявомъ кошѣ, а около него сидитъ старая Ужипа и уговариваетъ его, какъ ребенка.

— Ты сорвалъ повязки съ головы и чуть не истекъ кровью...—шептала ласково старуха.—Отчего ты такъ страшно крикнулъ?..

— Не спрашивай... послѣ разскажу. Я дурной человѣкъ... я хуже всѣхъ другихъ, Ужипа.

Баймаганъ поправился, но сдѣлался такимъ задумчивымъ и печальнымъ, что никто не узнавалъ въ немъ прежняго молодца.

— О чемъ ты думаешь, Баймаганъ?—спрашивала его Макенъ.

— Дорогая Макенъ, прежде я думалъ всегда о себѣ,—отвѣчалъ ей Баймаганъ,—думалъ, какъ бы мнѣ устроиться лучше другихъ. А теперь мнѣ жаль всѣхъ людей, потому что я все вижу и все понимаю... Да, я понимаю все и понимаю то великое зло, какое сидитъ въ каждомъ человѣкѣ и обманываетъ всѣхъ. Мнѣ иногда дѣлается страшно за то зло, которое и въ насъ и вокругъ насъ. Я былъ глупъ и ничего не понималъ, но за одно доброе слово, которое я сказалъ несчастной старухѣ, Аллахъ показалъ мнѣ мою собственную душу.

Черезъ годъ Баймаганъ женился на Макенъ.

1891.

Лебедь Хантыгая.

I.

— Гдѣ хакимъ *) Бай-Сугды? Гдѣ лебедь Хантыгая?—спрашивалъ Бурунъ-ханъ своихъ придворныхъ.—Отчего мои глаза не видятъ славу и гордость моего государства? Гдѣ онъ, слеза радости, улыбка утѣшенія, свѣтъ совѣсти—гдѣ хакимъ Бай-Сугды, лебедь Хантыгая?

Мурзы, беки, шейхи, тайши и князьки, присутствовавшіе въ палаткѣ Бурунъ-хана, опустили головы и не смѣли взглянуть на своего повелителя, точно они всѣ чувствовали себя виноватыми. Въ сущности, они просто боялись огорчить Бурунъ-хана печальнымъ извѣстіемъ и вызвать его неудовольствіе.

— Отчего вы всѣ молчите?—спрашиваетъ Бурунъ-ханъ, грозно сдвигая сѣдыя брови.—Отчего никто изъ васъ не хочетъ сказать правды?.. Впрочемъ, это смѣшно—требовать правды отъ людей, которые хотятъ замѣнить мнѣ и мои глаза, и мои уши, и мои руки, чтобы лучше пользоваться моей слѣпотой, глухотой и бездѣятельностью... Одинъ хакимъ Бай-Сугды говорилъ мнѣ правду, а я не вижу его.

Еще ниже наклонились старыя и молодыя головы мурзъ, бековъ, тайшей и князьковъ, и опять никто не посмѣлъ проронить ни одного слова. Тогда смѣло выступила впередъ красавица Джетъ, любимая дочь Бурунъ-хана, и, преклонивъ одно колѣно, сказала:

— Отецъ мой, прости мнѣ мою смѣлость, что я рѣшилась сказать тебѣ то, о чемъ молчатъ другіе...

Сѣдыя ханскія брови распрямились, морщины на ханскомъ лбу исчезли, грозные ханскіе глаза глянули весело: развѣ найдется такой человѣкъ, который можетъ разсердиться на красавицу Джетъ?

— Говори, Джетъ, моя газель.

— Отецъ, хакимъ Бай-Сугды уже давно совсѣмъ измѣнился, такъ что ты его не узнаешь... Онъ больше ужъ не складываетъ своихъ чудныхъ пѣсенъ, которыя распѣваетъ весь Хантыгай. Да... Хакимъ Бай-Сугды заперся въ своей палаткѣ и никуда не выходитъ. Вотъ уже полгода, какъ онъ

---

*) Хакимъ—ученый, учитель.

заскучалъ, а его жены проплакали свои глаза... Кто-то попортилъ солнце Хантыгая, и оно скрылось за тучу.

Ханъ опять нахмурился и велѣлъ привѣсти хакима Бай-Сугды, а красавица Джетъ помѣстилась подъ шелковой занавѣской. Когда старый хакимъ, съ длинной сѣдой бородой, вошелъ въ палатку, дѣвушка тихо заиграла на золотой арфѣ и запѣла самую лучшую пѣсню, какую только когда-нибудь сложилъ Бай-Сугды:

Алой розой смѣхъ твой запертъ,
Соловьиной пѣсни трепетъ
На груди твоей таится...

Никто въ цѣломъ Хантыгаѣ не умѣлъ пѣть лучше Джетъ, и всѣ лица повеселѣли, а Бурунъ-ханъ посмотрѣлъ на хакима съ улыбкой. Улыбнулись и мурзы, и беки, и шейхи, и тайши, и князьки, какъ живое зеркало Бурунъ-хана. Одинъ хакимъ Бай-Сугды стоялъ передъ ханомъ, опустивъ глаза, и на сѣдыхъ рѣсницахъ нависли слезы.

— Хакимъ Бай-Сугды, лебедь Хантыгая, что сдѣлалось съ тобой?— спросилъ Бурунъ-ханъ.—Никто тебя не видитъ... Можетъ-быть, у тебя есть какое-нибудь горе? Можетъ-быть, износилось твое платье? Можетъ-быть, твои стада постигло несчастье? Можетъ-быть, наконецъ, ты недоволенъ мной?

Поднялъ голову хакимъ Бай-Сугды и сказалъ:

— Всѣмъ я доволенъ, Бурунъ-ханъ, и все у меня есть, даже больше, чѣмъ нужно одному человѣку... Я, какъ пылинка въ солнечномъ лучѣ, купаюсь въ твоей милости.

— Можетъ-быть, похолодѣло твое сердце, хакимъ Бай-Сугды, и нужна новая пара газельихъ глазъ, чтобы воскресить въ немъ молодую радость?..

— О, Бурунъ-ханъ, у меня семь женъ, семь красавицъ, и мнѣ достаточно молодыхъ радостей,—съ горькой усмѣшкой отвѣтилъ сѣдой хакимъ.

— Что же тебѣ нужно, Бай-Сугды? Проси все—и все сдѣлаю для тебя... Ты выше меня, потому что я сейчасъ ханъ, а завтра меня съѣдятъ черви, а ты умрешь—послѣ тебя останутся живыя чудныя пѣсни... Хановъ много, а хакимъ Бай-Сугды—одинъ.

— Бурунъ-ханъ, у меня есть къ тебѣ просьба: пусть красавица Джетъ не поетъ больше моихъ пѣсенъ... И пусть другія дѣвушки ихъ позабудутъ. Когда птица поетъ беззаботно, сидя на вѣткѣ, она не предчувствуетъ близкой бѣды, не видитъ бѣды, не видитъ коршуна, который ее схватитъ. Моя зима пришла, а коршунъ уже летаетъ надъ моей головой, и я чувствую, какъ вѣютъ его крылья...

— Неужели ты, мудрѣйшій изъ людей, испугался смерти?

— Нѣтъ, ханъ, не смерти я боюсь, а того, зачѣмъ я жилъ такъ долго... Мое сладкое безумство пѣло пѣсни, а ненасытное сердце искало новыхъ радостей. Но теперь нѣтъ больше пѣсенъ... Давно я углубился въ ученыя книги въ это море мудрости, и чѣмъ дальше углубляюсь въ нихъ, тѣмъ сильнѣе чувствую, сколько зла я надѣлалъ своими пѣснями. Я обманывалъ ихъ сладкимъ голосомъ и молодыхъ и старыхъ людей, я сулилъ имъ никогда не существовавшія радости, я усыплялъ душу запахомъ розъ, а вся наша жизнь только колеблющаяся тѣнь промелькнувшей птицы... Горя, несчастій, нужды и болѣзней цѣлыя моря, а я утѣшалъ и себя и другихъ одной каплей сладкой отравы. Мои пѣсни теперь на меня нагоняютъ тоску. Бурунъ-ханъ, чѣмъ больше читаю я мудрыя книги, тѣмъ сильнѣе вижу собственное безумство... Отпусти меня, ханъ! Я пойду въ другія государства и найду великихъ по-

движниковъ, которые цѣлую жизнь провели въ созерцаніи и размышленіяхъ; у нихъ истина жизни, которой я хочу поучиться. Вотъ моя вторая просьба...

Задумался Бурунъ-ханъ: жаль ему стало пѣвца Бай-Сугды, славу и гордость Хантыгая. Что же останется, когда улетитъ этотъ лебедь? Но хакимъ Бай-Сугды такъ сильно измѣнился, и путешествіе будетъ для него лучшимъ лѣкарствомъ.

— Хорошо, хакимъ Бай-Сугды, пусть будетъ по-твоему, — согласился Бурунъ-ханъ.—Иди, куда хочешь, но только возвращайся, а пока ты путешествуешь—въ Хантыгаѣ не будутъ пѣть твоихъ пѣсенъ. Иди, отыщи истину и принеси ее намъ...

II.

Ханство Хантыгай было очень большое, но въ немъ хакимъ Бай-Сугды не зналъ никого, кто былъ бы его ученѣе. Онъ быстро собрался въ путь, нагрузилъ трехъ верблюдовъ всѣмъ необходимымъ для далекаго путешествія, взялъ десять человѣкъ слугъ и отправился въ сосѣднее царство Чубарайгыръ, гдѣ жилъ знаменитый хакимъ Тюзакъ.

Цѣлыхъ три недѣли шелъ караванъ до границы. Хантыгай и Чубарайгыръ много лѣтъ воевали между собой, разрушали города, пустошили населенныя мѣстности, убивали тысячи людей и тысячи людей уводили въ плѣнъ. Счастье было измѣнчиво, а война прекращалась только тогда, когда войска изнемогали, запасы истощались, и общая нищета заставляла мириться на время. Ханы увѣряли другъ друга въ дружбѣ, а сами потихоньку подготовлялись къ войнѣ, чтобы напасть врасплохъ. Поэтому, когда караванъ хакима Бай-Сугды показался на границѣ, то оберегавшая ее стража сейчасъ же схватила верблюдовъ, а самого Бай-Сугды объявила плѣнникомъ чубарайгырскаго хана Майчака. Плѣнника представили прямо къ хану, но когда Майчакъ узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и зачѣмъ хакимъ Бай-Сугды заѣхалъ въ его государство, то предложилъ ему богатые дары и отпустилъ.

— Твои пѣсни, хакимъ, открываютъ тебѣ вездѣ счастливый путь,—сказалъ ханъ Майчакъ, счастливый, что видѣлъ знаменитаго пѣвца.—Если бы у меня былъ твой даръ, я бросилъ бы свое ханство. Богъ тебя да благословитъ. На обратномъ пути не забудь навѣстить меня.

Отправился хакимъ Бай-Сугды дальше. Ему нужно было проѣхать опасную Голодную степь, гдѣ торговые караваны подвергаются нападенію степныхъ разбойниковъ. Такъ случились и съ нимъ. На третій день пути караванъ хакима былъ окруженъ разбойниками. Они перевязали слугъ и начали развязывать тюки. Хакимъ Бай-Сугды не сопротивлялся, а спокойно смотрѣлъ на ихъ работу. Это удивило разбойниковъ.

— Развѣ тебѣ не жаль своего добра?—спросили они. — Кто ты такой?..

— Я хакимъ Бай-Сугды изъ Хантыгая.

— Лебедь Хантыгая?..

У разбойниковъ опустились руки. Они навьючили снова верблюдовъ, развязали слугъ и, не воспользовавшись ничѣмъ, отпустили знаменитаго пѣвца.

— Мы грабимъ только купцовъ и богатыхъ людей, — объяснили они въ смущеніи.—Будетъ проклятъ тотъ человѣкъ, который вырветъ хоть одно перо изъ бѣлаго крыла лебедя Хантыгая... Твои пѣсни открываютъ тебѣ счастливый путь.

Когда караванъ тронулся въ путь, одинъ изъ разбойниковъ запѣлъ:

Алой розой смѣхъ твой запертъ,
Соловьиной пѣсни трепетъ
На груди твоей таится...

Опять та же пѣсня, и опять она огорчила хакима Бай-Сугды до глубины души, напоминая ему о его прошломъ безуміи, преслѣдовавшемъ его всюду, какъ бѣжитъ тѣнь за человѣкомъ.

„О, это мое проклятіе! — думалъ хакимъ Бай-Сугды, закрывая глаза.— Моя пѣсня преслѣдуетъ меня черной тѣнью".

За Голодной степью начинались дикія горы, въ которыхъ жилъ Тюзакъ. Съ величайшимъ трудомъ достигъ караванъ до глубокой горной долины, гдѣ жилъ славный хакимъ. Жилищемъ ему служила пещера, выкопанная въ горѣ. Путешественники нашли отшельника на берегу горнаго ключа; здѣсь онъ предавался созерцанію. Хакимъ Бай-Сугды подошелъ къ нему и поклонился.

— Хакимъ Тюзакъ, я пришелъ къ тебѣ издалека, чтобы напиться отъ ключа твоей мудрости...

Тюзакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пришельца своими столѣтними глазами и строго проговорилъ:

— Мудрость не возятъ на верблюдахъ... Мудрость не нуждается въ пышной одеждѣ... Ты только напрасно потерялъ свое время...

Два дня провелъ Бай-Сугды у Тюзака въ душевной бесѣдѣ. Онъ разсказалъ отшельнику всю свою жизнь: какъ онъ былъ молодымъ и бѣднымъ байгушемъ и какъ онъ прославился на весь Хантыгай даромъ пѣсенъ; какъ осыпалъ его богатствомъ и почестями Бурунъ-ханъ, какъ онъ самъ возгордился своими пѣснями, которыя распѣвалъ весь Хантыгай, и какъ онъ задумался, зачѣмъ онъ прожилъ свою жизнь, и какъ ошибся, принимая за счастье его обманчивую тѣнь. Столѣтній Тюзакъ, съ потемнѣвшими отъ старости волосами, выслушалъ его внимательно и сказалъ:

— Вся бѣда твоя въ томъ, Бай-Сугды, что ты свое счастье искалъ въ чемъ-нибудь внѣшнемъ. Ты радъ бы былъ захватить всѣ стада Хантыгая, все золото, все платье, всѣхъ красивыхъ женщинъ. Но вѣдь ты не поѣдешь на десяти лошадяхъ разомъ, не надѣнешь десять халатовъ, не съѣшь и не выпьешь за десятерыхъ. Твое богатство тебя давило, какъ ярмо... Вотъ и теперь, зачѣмъ тебѣ эти верблюды, слуги, тюки съ имуществомъ? Не легче ли тебѣ итти одному и думать о себѣ?

— Ты правъ, Тюзакъ,—согласился Бай-Сугды.—Жаль, что я раньше не подумалъ объ этомъ.

Онъ раздѣлилъ свое имущество между слугами и отпустилъ ихъ домой.

— Бай-Сугды, ты сдѣлалъ еще не все,—сказалъ Тюзакъ:—ступай въ ханство Шибэ, тамъ живетъ мудрѣйшій изъ хакимовъ, Урумчи-Олой... Онъ тебя научитъ всему.

Отъ ханства Хантыгая до ханства Чубарайгыра хакимъ Бай-Сугды шелъ три недѣли, отъ хана Майчака до хакима Тюзака онъ ѣхалъ тоже три недѣли, а отъ хакима Тюзака до хакима Урумчи-Олоя онъ уже шелъ пѣшкомъ цѣлыхъ три мѣсяца. На немъ оставалась самая простая одежда изъ верблюжьей шерсти, какую носили бѣдные пастухи, а за плечами въ тяжелой котомкѣ онъ несъ необходимые припасы для своего пропитанія. Дорога была трудная, горами, лѣсами, съ трудными переправами, но Бай-Сугды все шелъ впередъ, счастливый уже тѣмъ, что, благодаря Тюзаку, освободился отъ лишней тяжести. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ему эти верблюды, слуги и тюки, когда одному человѣку такъ немного нужно?

Хакимъ Урумчи-Олой, старецъ ста двадцати лѣтъ, жилъ подъ открытымъ небомъ. Онъ такъ обросъ волосами, что долженъ былъ приподнять свои на-

висшія, тяжелыя отъ старости брови, чтобы взглянуть на гостя. Длинная борода спускалась до колѣнъ. Сквозь рубище выглядывало желтое, худое тѣло.

— Богъ да благословитъ мудрѣйшаго изъ хакимовъ! — привѣтствовалъ его Бай-Сугды, кланяясь до земли.

Онъ разсказалъ Урумчи-Олою про себя все, какъ и Тююзаку, и еще прибавилъ, что, кромѣ богатства, его угнетала страстная любовь къ женщинамъ. Да, Бай-Сугды не могъ пропустить ни одного хорошаго личика и лучшія свои пѣсни слагалъ для обольстительныхъ черныхъ глазъ. У него было семь красавицъ-женъ, которыхъ онъ любилъ, когда онѣ были молодыми. Что̀ лучше цвѣта женской молодости, дѣвичьей красоты и покорной ласки темныхъ глазъ?.. Теперь онъ старъ, но и сейчасъ женская красота зажигаетъ въ немъ молодой огонь страстныхъ желаній. Эта жажда томила его цѣлую жизнь и не получила удовлетворенія.

— Что̀ ты ѣлъ, Бай-Сугды? — сурово спросилъ Урумчи-Олой, опуская брови.

— Я ѣлъ все, что̀ только могъ достать...

— Огонь преступныхъ желаній въ насъ отъ пищи... Не ѣшь мяса, не употребляй пряностей и вина, и онъ потухнетъ самъ собой. Нужно изнурять свое тѣло трудомъ, постомъ и созерцаніемъ, и только тогда ты приблизишься къ истинѣ. Человѣкъ, поѣвшій свиньи, самъ дѣлается свиньей, а отвѣдавшій крови дѣлается кровожаднымъ... Одинъ мужчина не можетъ любить семь женщинъ, если онъ будетъ жить такъ, какъ я сказалъ. Что̀ такое женщина? Это обманъ... Онъ проходитъ съ первой ночью. Посмотри на старую женщину, куда дѣвалась ея красота и то, чему ты слагалъ свои пѣсни? Но я еще не достигъ совершенства, Бай-Сугды... Иди въ ханство Катунъ, тамъ на большой рѣкѣ спасается великій хакимъ Эрьгуудзль. Отъ него все узнаешь...

Горько заплакалъ хакимъ Бай-Сугды. И Тююзакъ и Урумчи-Олой сказали ему правду, заглянувъ на дно его сердца. О, сколько неправды, зла и похотей онъ носилъ въ себѣ цѣлую жизнь и разжигалъ своими пѣснями въ другихъ... Бай-Сугды бросилъ свою котомку въ пропасть, гдѣ по ночамъ выли шакалы, а самъ пошелъ впередъ пѣшкомъ и босой, съ одной палкой въ рукѣ.

III.

Отъ Урумчи-Олоя до Эрьгуудзля хакимъ Бай-Сугды шелъ три года. Сколько опасностей онъ перенесъ, сколько труда... Пришлось итти черезъ каменистыя горы и страшнымъ лѣсомъ. Одежда давно износилась и висѣла лохмотьями, сквозь которыя сквозило пожелтѣвшее, высохшее тѣло, а ноги были покрыты глубокими ранами. Но все перетерпѣлъ хакимъ Бай-Сугды, чтобы достигнуть совершеннаго изъ людей и услышать отъ него слово послѣдней мудрости. Питался онъ дикими плодами, кореньями и травой, какъ дикій звѣрь, и успѣлъ позабыть, какой вкусъ у мяса, сладкихъ винъ и сладкихъ плодовъ. Нѣсколько разъ онъ лежалъ больной въ лѣсу одинъ и со смиреніемъ ждалъ своего смертнаго часа. Но Богу было угодно, чтобы его подвигъ наградился успѣхомъ. Это было въ концѣ третьяго года, когда уже стояла весна и все кругомъ цвѣло и ликовало. Хакимъ Эрьгуудзль жилъ на берегу громадной рѣки Чэчэ, и хакимъ Бай-Сугды заплакалъ отъ радости, когда издали увидѣлъ ея свѣтлыя воды, покоившіяся въ зеленыхъ берегахъ. Мѣсто было самое красивое, какое можно себѣ представить.

— Богъ да благословитъ хакима Эрьгуудзля!—сказалъ хакимъ Бай-Сугды, приближаясь къ шалашу изъ пальмовыхъ листьевъ.

Ему навстрѣчу вышелъ свѣжій еще старикъ, съ красивымъ лицомъ, въ чистой одеждѣ и съ крѣпкимъ тѣломъ. Именно такого старика хакимъ Бай-Сугды не ожидалъ встрѣтить.

— Ты усталъ? Ты хочешь ѣсть? Ты истомился жаждой? Ты нуждаешься въ одеждѣ? — спрашивалъ Эрьгуудзль, ласково улыбаясь. — Вотъ рѣка Чэчэ, сначала ступай напейся и умойся...

— Я хакимъ Бай-Сугды, изъ Хантыгая.—говорилъ Бай-Сугды въ смущеніи.—Мое прозваніе: лебедь Хантыгая...

— Такъ это ты тотъ самый Бай-Сугды, который сложилъ пѣсню:

Алой розой смѣхъ твой запертъ...

О, я радъ тебя видѣть, лебедь Хантыгая, и позволь мнѣ омыть твои израненныя ноги, одѣть тебя въ новое платье и поцѣловать, какъ дорогого гостя. Твои чудныя пѣсни долетѣли и до меня, какъ залетаютъ рѣдкія птицы въ далекія страны.

Они пришли къ рѣкѣ, и хакимъ Бай-Сугды съ жадностью припалъ къ свѣтлой, прохладной влагѣ. Эрьгуудзль смотрѣлъ на него и улыбался. Когда Бай-Сугды утолилъ жажду и поднялся на ноги, Эрьгуудзль съ удивленіемъ его спросилъ:

— Что же ты, лебедь Хантыгая? Вѣдь тебя томила смертная жажда, а ты не выпилъ даже этой рѣки.

Бай-Сугды подумалъ, что хакимъ шутитъ, и отвѣтилъ:

— Всѣ мы, когда томитъ насъ жажда, думаемъ, что цѣлое море воды не утолитъ ея...

Хакимъ Эрьгуудзль ласково засмѣялся и указалъ на дикую козу, которая на берегу рѣки общипывала молодой кустъ.

— Какъ ты думаешь, лебедь Хантыгая, вырастетъ это дерево, если коза каждый день будетъ приходить и ощипывать самые свѣжіе листочки?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, оно засохнетъ...

Хакимъ Эрьгуудзль опять засмѣялся, а хакимъ Бай-Сугды задумался.

Такъ они прожили три дня. Хакимъ Бай-Сугды успѣлъ отдохнуть, освѣжился и перемѣнилъ свое рубище на чистую одежду. Онъ нарочно ничего не говорилъ о цѣли своего путешествія, ожидая перваго слова отъ Эрьгуудзля, а хакимъ дѣлалъ такой видъ, что точно давно ожидалъ Бай-Сугды и радъ его видѣть, какъ брата. Только на четвертый день Эрьгуудзль заговорилъ:

— Лебедь Хантыгая, тебѣ можно сейчасъ отправиться домой, ты отдохнулъ, подкрѣпилъ себя пищей и прикрылъ тѣло новой одеждой... Мнѣ не хотѣлось огорчать тебя, что ты напрасно потерялъ столько времени и перенесъ столько трудовъ и опасностей; тебя привела сюда твоя гордость и желаніе быть лучше другихъ. Иди домой и пой свои пѣсни... Каждая слеза, осушенная твоей пѣснью, и каждая улыбка радости, вызванная ею,—такое счастье, о которомъ не смѣютъ и мечтать ханы. Да, тебя привела сюда твоя гордость, которой ты и самъ не замѣчалъ... Она помрачила твое свѣтлое око, и міръ тебѣ показался темнымъ. Ты надѣялся на свой умъ, но это самый лукавый изъ слугъ, который старается подать тебѣ то, чего ты еще не успѣлъ пожелать... Счастье наше въ одномъ днѣ, а правда жизни въ своей совѣсти. Вѣдь жизнь такъ проста, хакимъ Бай-Сугды, и ея смыслъ совсѣмъ не въ томъ, что ты будешь ѣсть или во что будешь одѣваться. Голодный и голый человѣкъ не сдѣлается справедливѣе оттого только, что онъ голъ и голоденъ.

— Все это я понимаю, хакимъ Эрьгуудзль, и согласенъ съ тобой,—отвѣчалъ Бай-Сугды, — но какъ же спать спокойно, когда вся наша жизнь ничто передъ смертью... Никакая добродѣтель, никакой умъ, слава и красота не спасаютъ отъ уничтоженія.

Хакимъ Эрьгуудзль весело разсмѣялся.

— Лебедь Хантыгая, ты боишься того, чего не существуетъ... Смерть—это когда ты думаешь только объ одномъ себѣ, и ея нѣтъ, когда ты думаешь о другихъ. Какъ это просто, лебедь Хантыгая!... Созрѣвшій плодъ падаетъ на землю—развѣ это смерть?...

И просвѣтлѣла душа Бай-Сугды отъ этихъ простыхъ словъ, и понялъ онъ то, чего не досказалъ хакимъ Эрьгуудзль: испугала его своя старческая слабость, затемнившая на время свѣтъ сердца...

Черезъ десять лѣтъ вернулся лебедь Хантыгая домой, и прогеслись по всему ханству его пѣсни, какъ прилетѣвшія весной птицы: онъ пѣлъ о счастьѣ трудящихся, о счастьѣ добрыхъ и любящихъ, о счастьѣ простыхъ... Эхомъ повторяли эти пѣсни и пастухи въ степи, и пахарь за плугомъ, и молодая дѣвушка за прялкой, и старики, согрѣвавшіе свое холодѣвшее тѣло около огня.

1892.

Слезы царицы.

I.

Старый Узунъ-ханъ заскучалъ. Не утѣшали его больше ни зеленые сады, окружавшіе дворецъ, ни журчавшіе фонтаны, ни побѣды его войска, ни первый ханскій совѣтникъ Джучи-Катэмъ, котораго старый ханъ называлъ „лучшимъ изъ двухъ моихъ глазъ“, ни сказки хитрой ханской смотрительницы садовъ Алтынъ-Тюлгю („золотая лисица“), ни наконецъ ученыя разсужденія и стихи придворнаго поэта и ученаго Уучи-Буша („горсть его пуста“). Цвѣтущій Зеленый городъ, въ которомъ были собраны сокровища десяти разоренныхъ Узунъ-ханомъ сосѣднихъ государствъ, затихъ въ ожиданіи, чѣмъ разрѣшится тоска хана: можетъ-быть, будетъ объявлена война, или начнутся казни томившихся по клоповникамъ враговъ, или ханъ развеселится и задастъ одинъ изъ тѣхъ пировъ, на которыхъ веселились десятки тысячъ народа. Но въ ханскомъ дворцѣ было тихо, какъ въ могилѣ; а старый Узунъ-ханъ, качая своею дряхлою, трясущеюся головой, говорилъ Алтынъ-Тюлгю:

— Алтынъ-Тюлгю, не повѣсить ли мнѣ тебя для развлеченія, а чтобы тебѣ одной не скучно было висѣть, не вздернуть ли рядомъ съ тобою самаго ученаго человѣка въ свѣтѣ, Уучи-Буша?

— Солнце не будетъ свѣтлѣе, если погасить двѣ жалкихъ, чадящихъ плошки,—отвѣчала хитрая Алтынъ-Тюлгю.—А ханское сердце, какъ море безъ береговъ: въ немъ утонетъ каждый, кто осмѣлится заглянуть на дно...

Голова у стараго Узунъ-хана тряслась уже давно, а лицо было страшно-желтое, сморщенное, съ беззубымъ ртомъ, отвисшею нижнею челюстью и мутными слезившимися глазами. Это внѣшнее безобразіе скрывалось подъ дорогимъ шелкомъ, рѣдкими мѣхами, золотомъ и драгоцѣнными камнями, такъ что подданные хана, которые видѣли его издали, считали его попрежнему самымъ могучимъ, сильнымъ и мудрымъ изъ земныхъ царей. Дѣти тоже не видѣли близко стараго хана, а у него семья была порядочная: сто сыновей и двѣсти дочерей. Одни приближенные знали, что̀ такое Узунъ-ханъ, когда-то

знаменитый завоеватель, залившій кровью цѣлыя государства, разрушившій десятки цвѣтущихъ городовъ и обезлюдившій многія сосѣднія области.

Одна надежда оставалась у Алтынъ-Тюлгю, которая до сихъ поръ не обманывала ее: скучавшій Узунъ-ханъ обыкновенно кончалъ тѣмъ, что утѣшался въ своихъ придворныхъ садахъ, въ которыхъ собраны были красавицы со всего Востока. Одинъ садъ назывался Летафетъ-Намехъ (книга прелести), а другой—Баги-Дигиштъ (ханское небо). Много было собрано въ этихъ садахъ ханскихъ женъ, наложницъ и просто „аячекъ“ (женская прислуга), ждавшихъ по цѣлымъ годамъ, на которую изъ нихъ падетъ ласковый ханскій взглядъ,—такъ цвѣты ждутъ ночной росы и сохнутъ, если небо затворится, какъ затворилось старое ханское сердце. Но ханское сердце было шире моря, и отъ его взгляда не ускользала ни одна красивая женщина въ цѣломъ государствѣ, а первый ханскій совѣтникъ Джучи-Катэмъ особенно былъ почтенъ за свои заслуги Узунъ-ханомъ: повелитель отнялъ у него мать, жену и дочь. Джучи-Катэмъ принялъ эти милости хана съ веселымъ лицомъ и, кланяясь въ землю, повторялъ:

— Одно солнце на небѣ, одинъ Узунъ-ханъ на землѣ, и одна голова у ничтожнаго Джучи-Катэма, которая думаетъ только объ одномъ, какъ угодить солнцу міра...

— О, Джучи-Катэмъ, лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, чѣмъ я могу наградить тебя достаточно?—спрашивалъ Узунъ-ханъ, тряся своею сѣдою головой.—Одна у меня Алтынъ-Тюлгю, и когда у ней во рту останется всего одинъ зубъ, я отдамъ ее себѣ...

Джучи-Катэмъ и Алтынъ-Тюлгю ненавидѣли другъ друга, какъ собака и кошка, сьязанныя хвостами вмѣстѣ, потому что никакъ не могли раздѣлить ханскую любовь пополамъ. Узунъ-ханъ наслаждался ихъ ссорами и заставлялъ Уучи-Буша мирить ихъ,—великій ученый умѣлъ смотрѣть на все ханскими глазами и слушать ханскими ушами.

Итакъ, Узунъ-ханъ скучалъ... Безмолвно стояли ханскіе сады, какъ двѣ зеленыя могилы, напрасно слонялся по дворцу Уучи-Бушъ, изобрѣтая новое развлеченіе для хана, а хитрая Алтынъ-Тюлгю все думала и думала, и мысли въ ея головѣ метались, какъ летучія мыши въ старой развалинѣ. Весь Зеленый городъ не могъ придумать больше, чѣмъ хитрая старуха. Наконецъ она придумала... О, какъ заиграло ея старое сердце, когда счастливая мысль была поймана, и самъ ученый Уучи-Бушъ, тайный ея совѣтникъ и повѣренный, сказалъ ей:

— Алтынъ-Тюлгю, всѣ ученые всего міра не стоятъ одной твоей пуговицы, и если бы я былъ ханомъ, то велѣлъ бы вызолотить тебя... И ханъ будетъ радъ твоей выдумкѣ, и Джучи-Катэмъ выпьетъ чашу испытаній до дна.

Никто въ Зеленомъ городѣ не зналъ о выдумкѣ Алтынъ-Тюлгю, и только жемчужные фонтаны плакали и жаловались въ ночной тиши, когда тихо спалъ въ ханскихъ садахъ рой красавицъ, а соловей громко пѣлъ о любви, счастьѣ и вѣчной радости. Алтынъ-Тюлгю каждый вечеръ являлась къ Узунъ-хану и разсказывала ему свои сказки, пока обезсиленный старикъ не засыпалъ тревожнымъ, старческимъ сномъ.

II.

Узунъ-ханъ призываетъ къ себѣ рано утромъ вѣрнаго своего раба Джучи-Катэма и говоритъ ему:

— Лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, я много думалъ всю эту ночь...

Все мое государство спало мертвымъ сномъ, начиная отъ нищихъ, погонщиковъ ословъ, странствующихъ дервишей и кончая военною стражей, приставленной оберегать мой дворецъ,—да, всѣ спали, и только старый ханъ не спалъ. Онъ думалъ, что живетъ несправедливо и пролилъ много напрасныхъ слезъ. Ханъ такой же человѣкъ, какъ и другіе,—у него не десять желудковъ, какъ у верблюда, не тысяча глазъ, какъ у дракона, и всего одно сердце. Не такъ ли, великій ученый Уучи-Бушъ?..

Великій ученый только закрылъ глаза отъ умиленія и приложилъ руки къ сердцу; а въ другой комнатѣ, спрятавшись за занавѣской, радовалась Алтынъ-Тюлгю. Конечно, Узунъ-ханъ старъ, и ему тяжело носить свое собственное тѣло, но умъ у него все такой же острый, какъ и раньше,—самой Алтынъ-Тюлгю не сказать такъ, какъ скажетъ Узунъ-ханъ.

— Справедливо ли, если одинъ человѣкъ возьметъ себѣ тысячу молодыхъ и красивыхъ женщинъ?—продолжалъ ханъ, тряся головой.—Онъ походитъ на того безумца, который, чтобы утолить жажду, не напьется досыта изъ одной рѣки, а бѣжитъ къ слѣдующей рѣкѣ съ новою жаждой и такъ далѣе, пока не падетъ въ изнеможеніи. Нашъ придворный ученый Уучи-Бушъ, рискуя потерять свою мудрую голову, именно такъ и заявилъ: „Это несправедливо“. Онъ не побоялся даже ханскаго гнѣва и сказалъ прямо: „ты, Узунъ-ханъ, старъ, и тебѣ необходимо подумать о твоихъ заблужденіяхъ, чтобы исправиться хоть подъ конецъ жизни“. Уучи-Бушъ сказалъ правду, и я награжу его по-царски за его смѣлость. Да, я былъ неправъ... И всего больше я былъ неправъ предъ тобой, Джучи-Катэмъ, лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, потому что обезчестилъ твою мать, отнялъ жену и опозорилъ дочь. Теперь я старъ и хочу исправиться... Взгляни на голубей, на лебедя, на соловья, на медвѣдя, на льва, какъ они живутъ? Самая кроткая птица, самая бѣлая птица и самая сладкозвучная птица живутъ парами, какъ велѣлъ имъ Богъ. Царь пустыни—левъ тоже живетъ съ одною подругой потому что онъ долженъ служить всѣмъ другимъ звѣрямъ примѣромъ. Я хочу сдѣлать то же, Джучи-Катэмъ, и выбираю тебя своимъ помощникомъ... Ты знаешь, что каждую весну мои приставники объѣзжали все государство и выбирали для моихъ садовъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, другіе приставники отправлялись въ другія государства и покупали лучшихъ невольницъ,—я ничего не жалѣлъ, чтобы лучшія розы цвѣли въ Баби-Дигиштъ и въ Летафетъ-Намехъ. Но мои приставники обманывали меня: мое сердце оставалось холодно, потому что они не могли найти именно той дѣвушки, которая сдѣлала бы меня счастливымъ. Ты, лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, сдѣлаешь это, и великій мудрецъ Уучи-Бушъ уже предсказалъ тебѣ полный успѣхъ... Иди и найди ту, которая возвратитъ мнѣ мою молодость, счастье и веселье. Обманывавшихъ меня приставниковъ я велю повѣсить, а тебѣ отдамъ въ награду все ихъ имущество, женъ и дѣтей. Твоимъ помощникомъ будетъ ученѣйшій Уучи-Бушъ.

Джучи-Катэмъ поклонился хану въ землю и вышелъ. Онъ не вѣрилъ ни одному слову хитраго старика,—подъ каждымъ ласковымъ словомъ Узунъ-хана скрывалась ядовитая змѣя. Передъ казнью онъ ласкалъ своихъ враговъ и наслаждался ихъ довѣрчивостью, а тѣхъ, кто ему былъ полезенъ, преслѣдовалъ утонченными пытками, какъ было съ нимъ, Джучи-Катэмомъ.

Какъ сказалъ ханъ, такъ и сдѣлалъ. Вечеромъ Джучи-Катэмъ получилъ пять мѣшковъ съ головами казненныхъ приставниковъ и живого Уучи-Буша, который былъ глупъ, какъ семь барановъ вмѣстѣ. Вѣсть о желаніи хана

отыскать себѣ жену уже облетѣла Зеленый городъ, и въ ханскихъ садахъ произошелъ страшный переполохъ. Это былъ не обычный весенній наборъ ханскихъ невольницъ, а что-то новое, что̀ заставило задуматься старыхъ ханскихъ женъ и всѣхъ матерей ханскихъ женъ и всѣхъ матерей ханскихъ дѣтей. Что-то будетъ, когда явится эта одна дѣвушка! Стоны и плачъ поднялись въ ханскихъ садахъ, гдѣ томились ханскія красавицы, и только громко распѣвалъ невидимый ни для кого соловей, напрасно утѣшавшій сгоравшія отъ любви розы.

А Джучи-Катэмъ уже принялся за дѣло. Въ его распоряженіе были отданы всѣ войска, стоявшія по областямъ. Изъ тысяченачальниковъ и сотниковъ образовалась громадная свита, обязанная повиноваться каждому его взгляду. Народъ привыкъ къ подобнаго рода зрѣлищамъ, и чадолюбивые родители съ завистью думали о той счастливицѣ, которая войдетъ царицей въ Зеленый городъ. Тысячи дѣвушекъ въ возрастѣ отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ ждали, какъ праздника, появленія Джучи-Катэма: каждая мечтала быть ханшей. Всѣ были довольны, и только одинъ Джучи-Катэмъ ѣхалъ такой грустный и задумчивый,—его безпокоило предчувствіе чего-то нехорошаго. Когда подчиненные обращались къ нему за чѣмъ-нибудь, онъ хмурился и говорилъ:

— Спросите Уучи-Буша, онъ все знаетъ...

Пресмыкавшійся при дворѣ великій ученый теперь находился на верху блаженства и ѣхалъ верхомъ на конѣ съ видомъ счастливаго завоевателя, вступившаго въ только-что побѣжденную страну. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ вездѣ такъ хорошо принимали, какъ князей, а Уучи-Бушъ любилъ почетъ, жирную баранину и бездѣлье. Въ каждомъ городѣ къ нему являлись депутаціи отъ мѣстныхъ ученыхъ, и въ честь свѣтила науки читались раболѣпные стихи, отъ которыхъ могла закружиться голова даже у верблюда, но Уучи-Бушъ прикидывался скромнымъ и не хотѣлъ проронить ни одного зерна своей мудрости. Зато какъ гордо поднималъ онъ голову въ маленькихъ селеніяхъ и мѣстечкахъ, точно пророкъ. Да и новыя обязанности такъ нравились старому ученому, и онъ лично осматривалъ всѣхъ дѣвушекъ, чтобы напрасно не безпокоить недостойныхъ далекимъ путешествіемъ къ ханскому двору.

Такимъ образомъ въ три мѣсяца они объѣхали почти все государство и набрали тысячи дѣвушекъ.

— Теперь можно будетъ и самимъ вернуться,—рѣшилъ Джучи-Катэмъ.— Ханское повелѣніе исполнено...

— Нѣтъ, мы должны объѣхать все государство,—спорилъ Уучи-Бушъ съ непонятнымъ упрямствомъ.—Мы должны осмотрѣть всѣ уголки, чтобы вернуться къ хану съ чистою совѣстью... Можетъ-быть, счастье хана спряталось гдѣ-нибудь въ глуши.

Конечно, Уучи-Бушъ былъ глупъ, но это упрямство встревожило Джучи-Катэма, и онъ возненавидѣлъ пустую голову величайшаго въ свѣтѣ ученаго. Недаромъ же старый ханъ послалъ съ нимъ этого стараго болтуна, и сердце Джучи-Катэма наполнилось подозрѣніемъ. Ужели во всемъ этомъ скрыта была ловушка для него?

III.

На сѣверѣ владѣнія Узунъ-хана заканчивались Голодною степью. Когда-то здѣсь была цвѣтущая страна, но Узунъ-ханъ завоевалъ ее, разрушилъ города, одну часть жителей перебилъ, а остальныхъ выселилъ въ другія

бласти. Гдѣ каждый клочокъ земли былъ воздѣланъ, гдѣ зеленѣли фруктовые сады и по два раза въ годъ поля одѣвались тучными нивами,—тамъ сейчасъ разлеглась голодная пустыня, и только гулялъ по ней степной вѣтеръ, засыпавшій мелкимъ пескомъ развалины городовъ, водоемы и громадную сѣть арыковъ. Изсякла вода, и надъ Голодною степью царила смерть. Обходили ее торговые караваны, пастухи съ своими стадами и даже степные разбойники. Узунъ-ханъ гордился этою степью, какъ доказательствомъ своего могущества: одно его слово превращало цѣлыя государства въ пустыню. Такъ дѣлали всѣ великіе завоеватели. Отъ Зеленаго города до Голодной степи было десять дней пути, но вотъ уже сорокъ лѣтъ никто сюда не ѣздилъ и не ходилъ, за исключеніемъ рѣдкихъ охотниковъ, посѣщавшихъ иногда лѣсистый горный хребетъ Чолпанъ-Тау, гдѣ скрывались по лѣснымъ чащамъ олени и маралы.

Но жизнь притаилась и въ Голодной степи, именно на сѣверномъ склонѣ Чолпанъ-Тау, гдѣ громоздились скалы и голые утесы. Тамъ въ пещерѣ жилъ столѣтній старикъ Байгыръ-ханъ, одинъ изъ князей царившаго когда-то въ Голодной степи ханскаго рода, истребленнаго Узунъ-ханомъ. Когда-то онъ былъ лучшимъ джигитомъ, имѣлъ громадныя стада, сады, воздѣланныя поля и большую семью, но все это исчезло благодаря завоеванію. Байгыръ-ханъ дрался, какъ левъ, защищая свою родину, и, когда все было кончено, ушелъ въ Чолпанъ-Тау, чтобы здѣсь на неприступныхъ высотахъ дорого продать жизнь своему счастливому врагу. Съ нимъ въ горы ушла горсть степныхъ батырей. Эти герои цѣлый годъ защищались въ горахъ, пока не были перебиты до послѣдняго. Былъ убитъ и Байгыръ-ханъ, т.-е. его сочли убитымъ. Но онъ лежалъ только въ безпамятствѣ и очнулся, когда враги ушли. Да, Байгыръ-ханъ очнулся и пожалѣлъ, что остался живъ. У него еще оставались глаза, чтобы оплакивать несчастія цѣлаго народа. Онъ навсегда поселился въ Чолпанъ-Тау, съ каменистыхъ высотъ котораго открывался видъ на Голодную степь. На его глазахъ степной песокъ хоронилъ вытоптанныя поля, разрушенные города и дорогія могилы,—нѣтъ, вся Голодная степь была одною сплошною могилой, и Байгыръ-ханъ сидѣлъ на своей скалѣ, какъ горный орелъ съ перебитыми крыльями. Сначала онъ хотѣлъ мстить Узунъ-хану, потомъ сталъ думать, что за него отомстятъ другіе, и наконецъ рѣшилъ, что за сдѣланную несправедливость заплатитъ кровожадному завоевателю самъ Богъ. Года шли надъ Чолпанъ-Тау быстрою чередой, а Байгыръ-ханъ превратился въ отшельника. Онъ питался горными травами, кореньями и тѣмъ, что давала охота, и все углублялся въ размышленія. О его существованіи знали только нѣсколько человѣкъ переселенцевъ изъ Голодной степи, иногда навѣщавшихъ старика со всѣми предосторожностями, чтобы не выдать его Узунъ-хану. Когда Байгыръ-хану было уже девяносто лѣтъ, къ нему привезли четырехлѣтнюю дѣвочку, послѣднюю отрасль царившаго когда-то въ Голодной степи ханскаго рода. Эта была такая тайна, о которой не подозрѣвалъ даже самъ Байгыръ-ханъ. Онъ сначала не вѣрилъ, но потомъ, когда заплакали столѣтнія очи, сердце Байгыръ-хана раскрылось: Богъ великъ, и недаромъ онъ, Байгыръ-ханъ, прожилъ въ своихъ горахъ столько лѣтъ,—радость къ нему слетѣла, какъ птица.

— Я чувствую, что это моя кость*),—сказалъ Байгыръ-ханъ, цѣлуя четырехлѣтняго ребенка.—Богъ великъ и послалъ мнѣ послѣднее утѣшеніе...

---

*) Кость—родъ.

Дѣвочку звали Кара-Нингиль („черный жемчугъ"), и она поселилась въ одной пещерѣ съ Байгыръ-ханомъ. Старикъ ожилъ, точно родился во второй разъ, и каждое утро приносило ему новую радость. Черными большими глазами Кара-Нингиль смотрѣла на него новая жизнь, а ея улыбкой улыбалось будущее. Явились двѣ козы, собака, дѣтскія игрушки, которыя мастерилъ Байгыръ-ханъ съ особеннымъ удовольствіемъ. По вечерамъ, когда солнце спускалось къ горизонту, старикъ долго сидѣлъ гдѣ-нибудь на камнѣ, смотрѣлъ внизъ, гдѣ разлеглась широкою полосой Голодная степь, и пѣлъ про старыхъ батырей, про удивительныхъ красавицъ и про жестокаго Узунъ-хана. Онъ не помнилъ, кто сложилъ эти пѣсни—онъ ли самъ, или кто другой, но душа требовала живого слова, чтобы нарушить мертвую тишину тѣснившихся кругомъ горъ. Кара-Нингиль слушала пѣсни Байгыръ-хана и сладко засыпала на его колѣняхъ невиннымъ дѣтскимъ сномъ. Дѣвочка росла, какъ росли кругомъ лѣсные цвѣты и пахучія горныя травы, съ тою разницей, что цвѣты не умѣютъ улыбаться и не плачутъ надъ несчастіями напрасно погибшихъ людей. Кара-Нингиль точно выросла въ этомъ сказочномъ царствѣ мертвыхъ, какъ на могилахъ вырастаютъ зеленыя деревья. А Байгыръ-ханъ точно помолодѣлъ съ ней и былъ увѣренъ, что не умретъ, пока Кара-Нингиль не вырастетъ совсѣмъ большою горною красавицей.

Цѣлые дни Кара-Нингиль проводила въ лѣсу и знала каждый уголокъ на ближайшихъ горахъ. Она не боялась ходить одна и карабкалась по скаламъ, какъ горная коза. Любимымъ ея мѣстомъ была Кузь-Тау (гора-глазъ), на скалистой вершинѣ которой сохранились развалины старой крѣпости; когда она была построена, кѣмъ и для чего—не помнитъ даже Байгыръ-ханъ, а Кара-Нингиль любила это мѣсто потому, что съ него открывался великолѣпный видъ почти на весь Чолпанъ-Тау и Голодную степь, уходившую изъ глазъ желтымъ ковромъ. Байгыръ-ханъ называлъ Кузь-Тау проклятымъ мѣстомъ, на которомъ даже не растутъ цвѣты, и не любилъ ходить туда. Да и трудно было столѣтнему старику подниматься на такую кручу,—на Кузь-Тау онъ отбивался отъ своихъ непріятелей и здѣсь былъ раненъ въ послѣдній разъ. Толстыя, старыя стѣны, сложенныя изъ дикаго камня, служили прекрасною защитой, и только недоставало воды—глубокій колодецъ, устроенный въ крѣпости, давно обвалился, и въ немъ жили змѣи да летучія мыши.

Въ двѣнадцать лѣтъ Кара-Нингиль сдѣлалась задумчивою дѣвушкой и почти каждый день уходила на Кузь-Тау,—сядетъ на выступъ стѣны и долго-долго смотритъ въ даль, гдѣ синее небо сливается съ желтою степью. Ей казалось, что именно оттуда явится одинъ изъ тѣхъ батырей, о которыхъ пѣлъ Байгыръ-ханъ. Иногда она даже слышала топотъ конской скачки и далекіе голоса, но все это происходило только у ней въ головѣ, и Кара-Нингиль даже вздрагивала. Однажды, когда она сидѣла такимъ образомъ на Кузь-Тау, до ея слуха донесся далекій звукъ охотничьяго рога и лай собакъ. Дѣвушка испугалась, вспорхнула, какъ птичка, и понеслась къ своей пещерѣ.

— Дѣдушка, тамъ, въ горахъ, кто-то есть,—говорила она Байгыръ-хану.—Я сама слышала... Мнѣ страшно.

— Это шайтанъ трубитъ,—говорилъ старикъ.—Кому быть въ горахъ?.. Я живу здѣсь сорокъ лѣтъ и никого не видалъ... Это показалось тебѣ, шайтанъ пугаетъ.

На этотъ разъ Байгыръ-ханъ ошибся: по горамъ рыскала ханская охота. Изъ ханской свиты отбился лучшій охотникъ и заблудился въ горахъ.

Далеко залетѣлъ соколъ, а за нимъ ускакалъ джигитъ на золотистомъ аргамакѣ. Когда Кара-Нингиль бѣжала съ Кузь-Тау, джигитъ замѣтилъ ее и скоро отыскалъ пещеру, гдѣ скрывался Байгыръ-ханъ. Это былъ настоящій батырь, летавшій на своемъ аргамакѣ, какъ птица. Когда онъ спѣшился у пещеры, Байгыръ-ханъ сказалъ:

— Сорокъ лѣтъ живу въ горахъ, а перваго живого человѣка вижу... Заходи, гость будешь.

Батырь только улыбнулся.

— Сколько тебѣ лѣтъ, старикъ?—спросилъ онъ.—Сто лѣтъ ты прожилъ на свѣтѣ, а обманывать не научился.

Байгыръ-ханъ испугался, но только покачалъ головой и сказалъ:

— Столѣтній старикъ обманулъ оттого, что испугался, а ты, батырь, съ собой возишь свой страхъ...

Эти слова заставили батыря задуматься,—старикъ угадалъ.

— Меня привелъ сюда мой соколъ, и я не сдѣлаю тебѣ никакого зла,—отвѣтилъ онъ, опуская глаза.—А дѣйствительно есть у меня горе... Ты все знаешь, отшельникъ, и я разскажу тебѣ.

Батырь началъ разсказывать, какъ Узунъ-ханъ обезчестилъ его мать, отнялъ жену и опозорилъ дочь, и что онъ отомститъ ему. Байгыръ-ханъ слушалъ его и качалъ своею сѣдою головой. Зачѣмъ мстить?.. Богъ великъ, и у всякаго своя радость. Нужно жить такъ, чтобы самому не обижать другихъ. Улыбнулся батырь, разспросилъ про дорогу и уѣхалъ.

Ровно черезъ годъ онъ пріѣхалъ опять, но теперь уже одинъ, и привезъ Байгыръ-хану пѣлый тюкъ дорогихъ подарковъ.

— Отдай это своей дѣвочкѣ,—сказалъ онъ.—Будетъ большая—пригодится.

Байгыръ-ханъ опять покачалъ головой, разсматривая дорогіе подарки; батырь былъ не простой человѣкъ, и не соколъ привелъ его сюда, а, можетъ-быть, сама судьба. Онъ позвалъ Кара-Нингиль, велѣлъ ей поблагодарить батыря, а подарки возвратилъ. Взглянулъ батырь на Кара-Нингиль, на ея темные опущенные глаза, на стройный станъ, на румяныя щеки. и только вздохнулъ.

— Черезъ годъ пріѣду...—сказалъ онъ.

Забилось, какъ подстрѣленная птица, сердце батыря, еще ниже опустила свои темные глаза Кара-Нингиль и, когда батырь уѣхалъ и пропалъ топотъ его лошади, она все стояла на одномъ мѣстѣ, какъ очарованная. Байгыръ-ханъ даже разсердился на нее, въ первый разъ разсердился, какъ жили они вмѣстѣ десять лѣтъ, и долго ничего не говорилъ. Старикъ думалъ свое, Кара-Нингиль—свое.

Черезъ годъ батырь дѣйствительно явился, но теперь онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ громадною свитой. Съ нимъ былъ Уучи-Бушъ, осматривавшій невѣстъ. Великій ученый узналъ про Кара-Нингиль, какъ лучшую красавицу, и взялъ ее въ число невѣстъ Узунъ-хану. Батырь Джучи-Катэмъ ничего не сказалъ Байгыръ-хану—темная ночь лежала у него на душѣ. Онъ впередъ зналъ, что Кара-Нингиль, его возлюбленная Кара-Нингиль, которую онъ сторожилъ, какъ зѣницу ока, сдѣлается избранницей Узунъ-хана. Злую шутку подшутила надъ нимъ Алтынъ-Тюлгю, но всѣ они дорого заплатятъ ему за отнятую невѣсту... О, желѣзное сердце билось въ груди Джучи-Катэма, а на днѣ души лежала холодная змѣя.

— Я, Джучи-Катэмъ, отомщу за всѣхъ,—сказалъ онъ на прощанье плакавшему Байгыръ-хану.—За каждую напрасно пролитую слезу Кара-Нингиль заплатятъ мнѣ по головѣ.

IV.

За Зеленымъ городомъ, гдѣ, потонувъ въ садахъ, течетъ быстрый Икъ, выросъ новый городъ изъ разноцвѣтныхъ палатокъ—здѣсь собраны были красивыя дѣвушки со всего государства, и у каждой была своя палатка. Прежде чѣмъ сдѣлать выборъ, всѣхъ ихъ еще разъ осматривали новые приставники, знахари и опытныя старухи, состоявшія при ханскихъ дворахъ надзирательницами. Исполнивъ свое порученіе, Джучи-Катэмъ думалъ уже получить свободу, но Узунъ-ханъ сказалъ:

— Всякое хорошее дѣло нужно доводить до конца... Тебѣ трудно одному управляться съ дѣвичьимъ городомъ, Уучи-Бушъ слишкомъ ученъ для этого, а потому я назначаю тебѣ помощницей Алтынъ-Тюлгю.

Кара-Нингиль жила въ своей палаткѣ уже второй мѣсяцъ, и ей было весело. Въ шумной толпѣ веселыхъ дѣвушекъ она забыла и горы Чолпанъ-Тау, и свою пещеру, и самого Байгыръ-хана. Молодое сердце рвалось отъ радости въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. По вечерамъ она подолгу сидѣла на берегу быстраго Ика и все слушала, какъ шумитъ засыпающій Зеленый городъ: ревѣли верблюды, скрипѣли арбы, блеяли бараны и ржали лошади. Какъ ей хотѣлось увидать этотъ городъ, въ которомъ живетъ великій Узунъ-ханъ: хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣть! Попасть въ ханши она не думала—мало ли красивыхъ дѣвушекъ и безъ нея. Ей надоѣдали только приставники, которые приходили каждый день и осматривали ее, какъ лошадь; одинъ осматривалъ зубы, другой—глаза, третій—волосы, руки, шею. Старухи обходили всѣ палатки по ночамъ и наблюдали, спокойно ли спятъ красавицы, и нѣтъ ли у нихъ дурныхъ примѣтъ, которыя можно скрыть днемъ. Джучи-Катэма она видѣла только издали, и онъ точно не хотѣлъ ее узнавать, что̀ ее огорчало. Неужели батырь такъ скоро успѣлъ забыть ее и не чувствуетъ, какъ бьется ея сердце, когда онъ проходитъ мимо ея палатки?

Но зато какъ весело было днемъ, особенно утромъ, когда всѣ дѣвушки отправлялись купаться въ Икъ! Никто не смѣлъ подъѣхать къ Дѣвичьему городу на триста шаговъ, потому что его оберегали отряды ханской стражи, и дѣвушки могли рѣзвиться на свободѣ, какъ хотѣли. Только разъ во время такого купанья на рѣкѣ показалась лодка, перепугавшая всѣхъ; это былъ самъ Узунъ-ханъ, хотѣвшій полюбоваться купавшимися красавицами. Кара-Нингиль не хотѣла вѣрить, что сгорбленный желтый старикъ, у котораго такъ страшно тряслась голова, и есть Узунъ-ханъ, о которомъ она такъ много слышала. Не велика радость сдѣлаться женою такой гнилой куклы,—ужъ лучше было бы остаться въ Чолпанъ-Тау.

Въ другой разъ Кара-Нингиль страшно испугалась, когда ночью въ ея палатку, какъ тѣнь, вошла какая-то женщина. Эти отвратительныя старухи мѣшали даже спать.

— Не бойся меня, Кара-Нингиль,—заговорилъ молодой женскій голосъ, что̀ еще больше удивило дѣвушку. — Я пришла тебѣ сказать, что именно ты будешь нашею ханшей. Это уже рѣшено... Меня зовутъ Акъ-Бибэ, я дочь Джучи-Катэма, котораго ты знаешь. Узунъ-ханъ тоже любилъ меня, всего одинъ день любилъ, а потомъ отдалъ въ Летафетъ-Намехъ, гдѣ такихъ несчастныхъ дѣвушекъ сотни. Всѣ мы будемъ теперь служить тебѣ одной, какъ своей царицѣ... Тебѣ строятъ уже новый дворецъ.

— Я тебя не знаю, Акъ-Бибэ,—отвѣтила Кара-Нингиль,—и не знаю, что̀ тебѣ нужно отъ меня.

— Что̀ мнѣ нужно?—спросила Акъ-Бибэ и вдругъ заплакала, горько и неутѣшно заплакала.

— О чемъ ты плачешь, Акъ-Бибэ?

— Плачу и о себѣ и о тебѣ, Кара-Нингиль... Ты еще такая молоденькая и совсѣмъ не знаешь, какъ страшно жить на свѣтѣ такой красавицѣ, какъ ты. Мой отецъ Джучи-Катэмъ полюбилъ тебя и хотѣлъ жениться, но объ этомъ узнала Алтынъ-Тюлгю и на зло отцу захотѣла сдѣлать тебя ханшей,—у бѣднаго отца все было отнято, и нужно было еще отнять невѣсту...

Акъ-Бибэ горько плакала и разсказала Кара-Нингиль всѣ злодѣйства Узунъ-хана. Этотъ полусгнившій старикъ можетъ еще радоваться только муками, страданіями и униженіемъ другихъ. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ пріятнѣе Узунъ-хану мучить его. Дальше Акъ-Бибэ разсказала Кара-Нингиль, какъ плачутъ и убиваются теперь всѣ женщины въ Летафетъ-Намехъ и въ Баги-Дигиштъ, какъ ненавидятъ ее, будущую царицу, всѣ сто ханскихъ сыновей и ханскія дочери и какъ будутъ проклинать собранныя въ Дѣвичьемъ городѣ тысячи красавицъ, когда узнаютъ о выборѣ Узунъ-хана.

— Я никому не сдѣлала зла... — шептала Кара-Нингиль. — Но, слушая тебя, я поняла только одно, что мнѣ не слѣдовало родиться или навсегда остаться въ Чолпанъ-Тау.

— У всякаго человѣка своя судьба, отъ которой не уйдешь. Нужно дѣлать то, къ чему ведетъ судьба.

— А что̀ нужно дѣлать?—спросила Кара-Нингиль.

— Когда придетъ время, я тебя научу,—отвѣтила Акъ-Бибэ.—Красивыя дѣвушки родятся на свѣтъ для горя...

Ночь кончилась, и Акъ-Бибэ ушла, чтобы пройти незамѣченною въ свой Летафетъ-Намехъ. Если бы ее замѣтили, то сейчасъ же казнили бы, потому что ханскія жены не должны были переступать порога своихъ садовъ. Когда она ушла, Кара-Нингиль горько заплакала, — она впередъ возненавидѣла и Узунъ-хана, и своихъ приставниковъ съ Алтынъ-Тюлгю во главѣ, и самого Джучи-Катэма, любовь котораго привела ее къ гибели. Если ее всѣ ненавидятъ, какъ будущую ханшу, то и она всѣхъ тоже ненавидитъ... Всю ночь громко пѣлъ соловей надъ палаткой Кара-Нингиль, и всю ночь плакала Кара-Нингиль. Ей хотѣлось умереть такою, какою она была сейчасъ, — молодою, красивою, какъ тѣ сказочныя красавицы, о которыхъ пѣлъ ей Байгыръ-ханъ.

Утромъ, когда Кара-Нингиль проснулась, посѣщеніе Акъ-Бибэ показалось ей какимъ-то тяжелымъ, ужаснымъ сномъ. Она точно умерла въ эту ночь и проснулась другою.

Какъ говорила Акъ-Бибэ, такъ и вышло.

Когда кончилось испытаніе собранныхъ дѣвушекъ, изъ каждаго десятка выбрали по одной,—получилось всего нѣсколько десятковъ красавицъ, и Кара-Нингиль попала въ ихъ число. Изъ этихъ десятковъ выбрали всего семь — Кара-Нингиль попала и въ это число. Изъ этихъ семи выбрали одну, и эта одна была Кара-Нингиль. Загремѣли трубы въ Зеленомъ городѣ, возликовалъ весь народъ, и возрадовалось сердце стараго Узунъ-хана, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ Кара-Нингиль. Ея палатка изъ разноцвѣтной шелковой матеріи стояла теперь посреди̇нѣ Дѣвичьяго города, и надъ ней развѣвались яркіе флаги, а сама Кара-Нингиль была разодѣта въ шелковыя платья, въ золото и дорогіе каменья. Но подъ этимъ шелкомъ, золотомъ и дорогими каменьями спряталось черное, безсильное горе, давившее молодое сердце Кара-Нингиль, какъ могильная плита.

V.

Свою свадьбу Узунъ-ханъ захотѣлъ отпраздновать въ Дѣвичьемъ городѣ, гдѣ шли усиленныя приготовленія. Въ центрѣ устроенъ былъ шелковый розовый шатеръ на золотыхъ столбахъ, кругомъ него шли одна за другой три ограды изъ шелковыхъ занавѣсей—зеленая, желтая, синяя. Издали этотъ шатеръ, украшенный флагами и расшитый золотомъ, походилъ на громадный цвѣтокъ. Внутри все было убрано дорогими коврами, шелковыми подушками, а посрединѣ стояла широкая кровать изъ золота. Другія палатки образовали широкій полукругъ. Узунъ-ханъ не хотѣлъ радоваться одинъ и раздарилъ остальныхъ дѣвушекъ своимъ приближеннымъ, военачальникамъ и любимцамъ. Досталась жена даже Уучи-Бушу, правда, самая некрасивая, но недоставившую женѣ красоту должна выкупать мудрость великаго ученаго. Не досталось жены только Джучи-Катэму, которому Узунъ-ханъ сказалъ:

— У тебя, лучшій изъ двухъ моихъ глазъ, не должно быть другой радости, кромѣ моей... Ты будешь постоянно при мнѣ, вмѣстѣ съ Алтынъ-Тюлгю.

Чтобы царской невѣстѣ не быть одной, Узунъ-ханъ велѣлъ ей выбрать аячекъ изъ обоихъ садовъ, и Кара-Нингиль выбрала одну Акъ-Бибэ, а по ея указаніямъ и другихъ. Когда Узунъ-ханъ узналъ о сдѣланномъ выборѣ, то весело разсмѣялся.

Ко дню свадьбы въ Зеленый городъ со всѣхъ сторонъ пришли и пріѣхали любопытные люди, желавшіе видѣть своими глазами, какъ радуется великій ханъ. Когда въ городѣ не хватило мѣста, поселились въ палаткахъ за городомъ, гдѣ въ зеленыхъ берегахъ весело катился быстрый Икъ. Все это радовало сердце Узунъ-хана, и онъ велѣлъ выстроить вокругъ Дѣвичьяго города всѣ свои войска,—пусть всѣ радуются, кто дѣлилъ съ нимъ труды и опасности войны. По обычаю, невѣста должна была пріѣхать во дворецъ хана, но на этотъ разъ Узунъ-ханъ измѣнилъ его и сказалъ:

— Не земля ходитъ вокругъ земли, а солнце, такъ и ханское сердце...

Уучи-Бушъ выбралъ самый счастливый день для свадьбы, какъ говорила ему его мудрость.

У Кара-Нингиль было столько ханскихъ подарковъ, что если бы надѣть на нее всѣ шелковыя матеріи, золото и камни, то ее раздавила бы эта тяжесть. Къ ней въ шатеръ имѣли право входить только ея аячки и Алтынъ-Тюлгю, а изъ мужчинъ одинъ Джучи-Катэмъ. Въ свадебную ночь онъ долженъ былъ спать въ шатрѣ, охраняя спокойствіе новобрачныхъ, — большаго наказанія не могъ бы придумать самъ дьяволъ. Но у Джучи-Катэма въ груди билось желѣзное сердце, и онъ ходилъ съ веселымъ лицомъ, точно женился на Кара-Нингиль не Узунъ-ханъ, а онъ. Это ввело въ заблужденіе и Кара-Нингиль: о, Джучи-Катэмъ никогда не любилъ ея!.. Чему онъ радуется?.. Всѣ кругомъ радовались, и одна Кара-Нингиль плакала потихоньку отъ всѣхъ.

Утромъ въ день свадьбы Джучи-Катэмъ шепнулъ ей:

— Не бойся, моя радость, и слушайся во всемъ Акъ-Бибэ, какъ будто бы говорилъ это я. Когда я вижу тебя во снѣ—я умираю, а просыпаюсь и вижу тебя наяву—еще разъ умираю... Ты будешь царицей, мое сердце.

Эти слова ободрили Кара-Нингиль. Вѣдь кругомъ были всѣ чужіе, и она знала одного Джучи-Катэма,—знали его ея сердце и глаза. О, онъ такой красивый и мужественный, настоящій батырь! Одно его слово стоило всего ея дѣвичьяго горя.

Рано утромъ въ Зеленомъ городѣ протрубила первая труба, а ей отвѣ-

тила изъ Дѣвичьяго города другая. Это послужило сигналомъ для праздника. Тысячи людей, разодѣтыхъ въ лучшія платья, ожидали съ нетерпѣніемъ рѣдкаго праздника. Между двумя городами расположились двумя живыми стѣнами войска. Передъ шатромъ Кара-Нингиль въ полукругъ были устроены мѣста для пира, а для Узунъ-хана и Кара-Нингиль одинъ высокій тронъ подъ желтымъ шелковымъ балдахиномъ. Съ этого мѣста Узунъ-ханъ долженъ былъ показать всему народу новую царицу.

Громко били барабаны, трубили трубы, играла всякая музыка, только глухо затворилось сердце одной Кара-Нингиль. Страшная минута быстро приближалась, какъ грозная туча. Надъ Зеленымъ городомъ уже стоитъ цѣлое облако пыли, поднятое лошадиными копытами. Издали несется гулъ человѣческихъ голосовъ, точно гудитъ морской прибой. Когда показался изъ дворца самъ Узунъ-ханъ, поднялся такой крикъ радости, что, казалось, сама земля дрогнула. Онъ ѣхалъ съ своею свитой верхомъ, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Дѣвичьему городу, тѣмъ сильнѣе играла музыка, а народъ бѣжалъ вслѣдъ толпами, какъ выступившая изъ береговъ вода. Задрожало сердце у Кара-Нингиль, но она перемогла себя, чтобы встрѣтить жениха съ веселымъ лицомъ. Когда поѣздъ уже въѣзжалъ въ Дѣвичій городъ, дѣвушкой овладѣлъ страхъ опять, но она еще разъ побѣдила себя и точно вся застыла.

— Скоро все кончится... — шептала Акъ-Бибэ, прислуживавшая Кара-Нингиль аячкой.—Ты будешь царицей... и будешь одна

Когда Узунъ-ханъ подъѣхалъ къ шатру, Кара-Нингиль должна была его встрѣтить во главѣ своей женской свиты. Уучи-Бушъ прочиталъ стихи и жениху и невѣстѣ, что было его обязанностью, а Джучи-Катэмъ помогъ спуститься Узунъ-хану съ лошади, вѣрнѣе, снялъ его съ сѣдла, какъ подстрѣленную ворону. Узунъ-ханъ взялъ Кара-Нингиль за руку и ввелъ ее на царское мѣсто, рядомъ съ собой, чтобы весь народъ видѣлъ новую царицу. Играла музыка, били барабаны, тысячи народа и все войско кричали, какъ сумасшедшіе. Для праздника было зарѣзано стадо быковъ, тысяча барановъ, и вездѣ были разставлены бочки съ виномъ. Ликовалъ и радовался весь народъ, какъ ханское сердце, а Уучи-Бушъ читалъ новые стихи въ честь уже новобрачныхъ, и пѣвцы пѣли ихъ подъ аккомпанементъ музыки.

— Любишь ли ты меня, царица?—спрашивалъ Узунъ-ханъ, тряся головой.

— Развѣ тебя можно не любить, мой повелитель?—отвѣчала Кара-Нингиль.

— О, не повелитель, а подданный...—шепталъ разслабленный страстью старикъ, и у него даже глаза слезились отъ радости.

Пиръ продолжался цѣлый день, пока не закатилось солнце и пока Узунъ-ханъ не отдалъ приказъ разойтись всѣмъ. Дѣвичій городъ сразу опустѣлъ, только кругомъ огненнымъ кольцомъ охватили его костры парадной стражи, да играла музыка. Напуганные шумомъ соловьи сегодня не пѣли, и сердце Кара-Нингиль замерло, какъ тѣ птицы, которыя въ холодную зиму замерзаютъ налету.

Въ шатрѣ оставалась она теперь одна съ Узунъ-ханомъ. Джучи-Катэмъ почтительно стоялъ у входа и ждалъ приказаній. Алтынъ-Тюлгю и аячки толпились, какъ овцы, въ первой оградѣ,—онѣ должны были раздѣвать невѣсту, когда Узунъ-ханъ ляжетъ въ постель.

— Нравится тебѣ моя невѣста?—спрашивалъ Узунъ-ханъ вѣрнаго слугу Джучи-Катэма.—Это звѣзда, которая упала для меня съ неба...

Когда аячки совсѣмъ раздѣли Узунъ-хана и онъ улегся въ постель, на

дорогой коверъ, Джучи-Катэмъ подалъ условный знакъ своей дочери Акъ-Бибэ. Всѣ аячки бросились къ хану, закрыли его сверху шелковымъ брачнымъ одѣяломъ и, схвативъ коверъ за края, принялись трясти катавшагося подъ одѣяломъ Узунъ-хана. Это была почетная казнь для всѣхъ принцевъ крови, потому что существовалъ законъ, по которому „солнце не должно было видѣть ханской крови". Всѣхъ аячекъ было больше двадцати, и онѣ такъ сильно трясли коверъ на воздухѣ, что старикъ скоро пересталъ кричать, и его дряхлое, грѣшное тѣло каталось подъ одѣяломъ, какъ кусокъ масла, когда трудолюбивая хозяйка сбиваетъ молоко. Джучи-Катэмъ только распоряжался,—криковъ хана не было слышно за звуками игравшей у шатра музыки. Помертвѣвшая отъ страха Алтынъ-Тюлгю ползала теперь у ногъ Джучи-Катэма и молила о пощадѣ, но онъ ей только указалъ на стоявшую въ углу Кара-Нингиль.

— Вотъ наша царица: проси помилованія у нея...

Все это произошло такъ быстро, что Кара-Нингиль опомнилась только тогда, когда Узунъ-ханъ былъ уже мертвъ. Джучи-Катэмъ опустился передъ ней на одно колѣно и сказалъ:

— Великая царица Кара-Нингиль, отнынѣ ты одна наша повелительница...

Кара-Нингиль строго посмотрѣла на Джучи-Катэма и отвѣтила:

— Если ты будешь служить мнѣ такъ же, какъ Узунъ-хану, то я тебя оставлю при моемъ дворѣ въ прежней должности... Объяви народу черезъ бирючей, что великій Узунъ-ханъ скончался отъ радости. Да будетъ благословенно имя великаго хана и моего мужа!..

Когда Зеленый городъ проснулся на другой день, ханская стража, стерегшая Дѣвичій городъ, уже провозгласила царицей Кара-Нингиль. За ней послѣдовали всѣ другія войска, и Кара-Нингиль при звукахъ трубъ вступила въ Зеленый городъ, гдѣ и заняла ханскій дворецъ. По приказанію Джучи-Катэма, всѣ сто сыновей Узунъ-хана были перерѣзаны въ эту же ночь, а дочери заключены въ Баги-Дигиштъ до распоряженія новой царицы. Онъ ѣхалъ въ торжественной процессіи, когда Кара-Нингиль вступила въ Зеленый городъ, рядомъ съ царицей и раскланивался съ кричавшимъ отъ восторга народомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Кара-Нингиль ничего не знала о несчастной судьбѣ убитыхъ принцевъ и радовалась, какъ вырвавшаяся на волю птица,—она осталась дѣвушкой, какой была въ Чолпанъ-Тау.

Уучи-Бушъ встрѣтилъ ее при вступленіи во дворецъ тѣми стихами, какіе были приготовлены на этотъ случай для Узунъ-хана. Городъ опять ликовалъ... Что же? Великій Узунъ-ханъ умеръ отъ радости, и есть новая царица. Мертвый Узунъ-ханъ лежалъ въ шатрѣ одинъ, какъ издохшій оселъ: даже старые вѣрные слуги перебѣжали на сторону новой царицы. Всякому было до себя, а старый ханъ не нуждался больше ни въ чьемъ участіи, кромѣ облѣпившихъ его мухъ.

VI.

Когда Кара-Нингиль узнала о произведенной Джучи-Катэмомъ рѣзнѣ, сердце ея ужаснулось. Убито сто ханскихъ сыновей — это такая страшная жертва, которой куплено было ея ханство. Она призвала къ себѣ Джучи-Катэма и объявила ему:

— Джучи-Катэмъ, я теперь знаю, чѣмъ я обязана тебѣ... Раньше мнѣ казалось, что я любила тебя. У тебя сердце тигра, Джучи-Катэмъ...

— Я только мстилъ за свой позоръ...—отвѣтилъ Джучи-Катэмъ, опуская

глаза.—Узунъ-ханъ все отнялъ у меня, и я двадцать лѣтъ таилъ въ себѣ эту месть. Теперь ты царица, и Джучи-Катэмъ будетъ ягненкомъ.

Но Кара-Нингиль не вѣрила батырю и старалась не видѣть его. Даже Алтынъ-Тюлгю, и та оправдывала Джучи-Катэма: развѣ могъ онъ поступить иначе, когда всѣ ханы, вступая на престолъ, вырѣзываютъ своихъ соперниковъ до послѣдней головы? „Такъ велось изстари и такъ будетъ всегда“,— увѣряла старуха, трепетавшая за свою голову.

Тѣ ханскія жены-наложницы, которыя участвовали въ умерщвленіи Узунъ-хана, сдѣлались теперь приближенными Кара-Нингиль, и во главѣ всѣхъ стояла смѣлая дѣвушка Акъ-Бибэ. Черезъ нее Кара-Нингиль знала все, что дѣлается въ Зеленомъ городѣ, что говорится въ войскахъ про новую царицу и даже что происходитъ въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ.

Когда Узунъ-ханъ былъ похороненъ съ подобающею великому человѣку пышностью и надъ его могилой выросъ громадный памятникъ, Кара-Нингиль уничтожила оба ханскихъ сада, а томившихся въ нихъ красавицъ выдала замужъ за лучшихъ военачальниковъ. Были довольны и бывшія ханскія жены, получившія молодыхъ мужей, а также и мужья, получившіе красивыхъ женъ съ богатымъ приданымъ. Все войско сказало, что Кара-Нингиль мудрая женщина. Остались около Кара-Нингиль только тѣ, которыя составляли ея свиту въ Дѣвичьемъ городѣ. Ихъ она не отпустила: она не знала мужа, и онѣ не должны были выходить замужъ. Это служило какъ бы платой за убійство Узунъ-хана.

Когда ханскіе сады опустѣли, Кара-Нингиль захотѣла ихъ осмотрѣть. Вѣдь объ этихъ садахъ ходили волшебные разсказы,—въ нихъ Узунъ-ханъ собралъ всѣ сокровища, награбленныя въ Средней Азіи, въ Китаѣ и Персіи. Назначенъ былъ день для этого осмотра, и когда Кара-Нингиль вошла въ Летафетъ-Намехъ въ сопровожденіи своей свиты, всѣ цвѣты повяли на ея глазахъ. То же самое повторилось и въ Баги-Дигишть. Это очень огорчило Кара-Нингиль, и она не захотѣла осматривать роскошныхъ дворцовъ, гдѣ томились въ своей золотой неволѣ ханскія жены, наложницы и невольницы.

— Это сдѣлалъ какой-нибудь колдунъ,—объясняла Алтынъ-Тюлгю, испуганная не меньше царицы.—Мало ли на свѣтѣ дурныхъ людей.

Уучи-Бушъ подтверждалъ мнѣніе Алтынъ-Тюлгю, но Кара-Нингиль была грустная и думала про себя:

„Цвѣты не выносятъ моего присутствія, потому что изъ-за меня столько пролито невинной крови...“

Она теперь стала бояться каждаго цвѣтка. Въ ханскомъ дворцѣ не было цвѣтовъ, и она могла оставаться спокойной, но это ее ужасно мучило, хотя она никому и не говорила. Проходили дни, недѣли, мѣсяцы, а Кара-Нингиль все думала объ одномъ. Нѣсколько разъ черезъ Алтынъ-Тюлгю она тайно доставала цвѣты, и каждый разъ они умирали на ея глазахъ, точно на нихъ дохнулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Кара-Нингиль боялась, что народъ узнаетъ объ этомъ и откроетъ въ ней убійцу Узунъ-хана.

„Буду дѣлать добро, и тогда Богъ сниметъ съ меня это проклятіе“, — думала Кара-Нингиль.

Первымъ дѣломъ она не дала въ обиду Алтынъ-Тюлгю, до которой добирался мстительный Джучи-Катэмъ, а потомъ сохранила жизнь Уучи-Бушу, ученая голова котораго готова была отдѣлиться отъ туловища по одному слову всесильнаго Джучи-Катэма. Хотѣлось Кара-Нингиль увидѣть Байгыръ-хана, но самъ старикъ былъ настолько дряхлъ, что не могъ пріѣхать къ ней въ Зеленый городъ, а она не могла отправиться въ Челпанъ-Тау, чтобы не вы-

дать себя—на Чолпанъ-Тау цвѣтовъ было мало, а Кузъ-Тау стояла совсѣмъ голая, но были цвѣты по дорогѣ туда, въ тѣхъ горныхъ долинахъ, по которымъ бѣжали бойкія горныя рѣчки. Невозможность увидѣть Байгыръ-хана сильно печалила Кара-Нингиль, но ей нельзя было вырваться изъ Зеленаго города.

Джучи-Катэмъ сдѣлался главнымъ человѣкомъ во владѣніяхъ Узунъ-хана, и отъ него зависѣло все. Но его не радовали ни власть, ни богатство, ни почести, потому что Кара-Нингиль разлюбила его. То, чего не могъ отнять Узунъ-ханъ, ушло само собой. Свое горе онъ забывалъ въ работѣ, а работы было много. Между прочимъ, оказалось, что изъ прямыхъ наслѣдниковъ Узунъ-хана оставался еще въ живыхъ одинъ, именно мальчикъ лѣтъ десяти, Аланча-ханъ. Онъ какимъ-то чудомъ спасся отъ общаго избіенія ханскихъ сыновей и бѣжалъ въ горы, къ китайской границѣ. Во что бы то ни стало необходимо было добыть этого послѣдняго потомка Узунъ-хана, и только тогда царствованіе Кара-Нингиль будетъ обезпечено вполнѣ. Конечно, Джучи-Катэмъ не выдалъ никому своей работы и велъ дѣло въ величайшей тайнѣ. Аланча-ханъ скрывался въ простой юртѣ у пастуховъ-киргизовъ и, какъ байгушъ *), пасъ стадо. Цѣлый годъ Джучи-Катэмъ выслѣживалъ и только черезъ годъ его схватилъ. Судьба мальчика была рѣшена впередъ, и Кара-Нингиль не должна была ничего знать.

Но вышло иначе. О судьбѣ маленькаго Аланча-хана разсказала Кара-Нингиль хитрая Алтынъ-Тюлгю, въ формѣ сказки, и царица горько плакала надъ судьбой несчастнаго ребенка. Когда же она узнала, что эта сказка—быль и что Аланча-ханъ живъ, она призвала къ себѣ Джучи-Катэма и стала на колѣняхъ умолять его не убивать невиннаго ни въ чемъ ребенка.

— Передъ тобой ползаетъ на колѣняхъ царица, — говорила Кара-Нингиль, ломая руки.

— Царица молитъ о своей и моей гибели, — повторялъ непреклонный Джучи-Катэмъ.—Или онъ, или мы.

— А если тебя будетъ просить не царица, а Кара-Нингиль, та Кара-Нингиль, которая тебя любила?.. Тебя проситъ бѣдная дѣвушка изъ Чолпанъ-Тау...

Повернулось желѣзное сердце Джучи-Катэма отъ этихъ словъ, и его сильныя руки опустились. Что было ему дѣлать? Аланча-ханъ подрастетъ и казнитъ ихъ всѣхъ... Но Кара-Нингиль такъ плакала, такъ молила его и даже цѣловала полы его платья, что Джучи-Катэмъ не устоялъ,—такъ вода подымаетъ самыя большія горныя скалы.

— Кара-Нингиль, помни: ты сама этого желала,—сказалъ Джучи-Катэмъ, поклонился и вышелъ.

Аланча-ханъ былъ спасенъ. Его поселили въ Баги-Дигиштъ, окружили дворецъ высокою стѣной, поставили строгій караулъ и вообще приняли всѣ мѣры, чтобы Аланча-ханъ не вырвался изъ своего заточенія на волю. Кара-Нингиль плакала отъ радости.

VII.

Аланча-ханъ былъ заживо погребенъ въ Баги-Дигиштъ, и его окружала во дворцѣ нѣмая стража,—это были тѣ несчастные плѣнники, которымъ Узунъ-ханъ велѣлъ вырѣзывать языки. Джучи-Катэмъ составилъ изъ нихъ вѣрную охрану и каждый день утромъ и вечеромъ приходилъ повѣрять ихъ. Каждому ослушнику, оставившему свое мѣсто, грозила смертная казнь. Маленькій Аланча-

*) Байгушъ—нищій.

ханъ точно очутился въ царствѣ мертвыхъ и не слышалъ живой человѣческой рѣчи. Онъ, какъ тѣнь, бродилъ по комнатамъ своего дворца, гулялъ въ саду и цѣлые дни проводилъ у фонтановъ, точно разговаривавшихъ съ нимъ. Да, здѣсь не молчали одни фонтаны, да по ночамъ плакали въ зелени чинаръ, миндалей и кипарисовъ соловьи. Нѣмая прислуга объяснялась съ ханомъ знаками, да и то только въ крайнихъ случаяхъ. Мальчикъ ничего не зналъ: зачѣмъ его засадили сюда, зачѣмъ держатъ въ неволѣ, зачѣмъ наконецъ не убьютъ, какъ убили его братьевъ. Онъ бродилъ по Баги-Дигишть, какъ живая тѣнь самого себя.

Какъ тихо тянулось время въ Баги-Дигишть, такъ быстро оно катилось за его стѣнами, тамъ, гдѣ раскинулся Зеленый городъ. Дни, недѣли, мѣсяцы летѣли здѣсь, какъ птицы, особенно для Кара-Нингиль. Изъ неопытной и молоденькой дѣвушки она сдѣлалась совсѣмъ большою, но такою же красивой и свѣжей, какъ при вступленіи на престолъ. Ея сверстницы, вышедшія замужъ, успѣли уже состариться, потому что родили дѣтей, заботились, радовались и плакали, а Кара-Нингиль попрежнему оставалась дѣвушкой и не знала мужского поцѣлуя. Она даже боялась мужчинъ, отъ которыхъ всѣ несчастія на землѣ: и война, и рожденіе дѣтей, и слезы обманутыхъ женъ, и много другихъ несправедливостей, какія дѣлаютъ сильные надъ слабыми. Кара-Нингиль рѣшила остаться дѣвушкой, чтобы посвятить свою жизнь своему народу и поналеньку исправить все то зло, какое нанесъ ему жестокій Узунъ-ханъ. Въ средѣ ея приближенныхъ много было красавцевъ-батырей, но ни на одного не упалъ еще милостивый взглядъ царицы, точно застывшей въ своей заколдованной красотѣ. Процвѣтало земледѣліе, ремесла, торговля, искусства, и счастливый народъ превозносилъ свою мудрую царицу Кара-Нингиль, которую видѣли только одни придворные. Посѣдѣла черная борода у самого Джучи-Катэма, а Кара-Нингиль оставалась дѣвушкой, ревниво охраняя „ледъ своей дѣвичьей гордости“, какъ говоритъ поэтъ Гафизъ.

Никто, кромѣ Алтынъ-Тюлгю и Акъ-Бибэ, никто не зналъ, какъ скучаетъ эта неприступная красавица, когда остается одна. Простые люди и не должны были этого знать, а иначе они перестали бы уважать свою царицу. Прежде всего, она должна была сама уважать себя и говорила:

— Я царица не потому только, что Узунъ-ханъ женился на мнѣ, а потому, что я изъ древняго ханскаго рода... Я—природная царица, настоящей царской крови.

Сосѣдніе государи попробовали-было воспользоваться смертью Узунъ-хана, чтобы завоевать его царство, но Джучи-Катэмъ побѣдоносно разбилъ ихъ наголову и могъ бы еще завоевать новыя владѣнія. Кара-Нингиль не хотѣла этого. Пусть только ея не трогаютъ. Мало-по-малу она такъ привыкла къ своей власти, что считала себя необыкновенною женщиной, совсѣмъ не похожею на тѣхъ дѣвушекъ, которыя выходятъ замужъ, родятъ дѣтей и быстро изнашиваются въ суетѣ своихъ ежедневныхъ женскихъ заботъ. Она—царица, и для нея нѣтъ обыкновенныхъ радостей, горя и слезъ. Когда ей дѣлалось скучно, Алтынъ-Тюлгю разсказывала свои сказки, а веселая Акъ-Бибэ пѣла пѣсни.

Но Кара-Нингиль очень часто уходила въ самую дальнюю комнату своего дворца, запиралась и долго плакала,—никто не долженъ былъ видѣть этихъ женскихъ слезъ, даже Акъ-Бибэ и Алтынъ-Тюлгю. Въ Кара-Нингиль съ страшною силой боролись царица и женщина. Выходила она изъ своего затвора такая веселая и спокойная, такъ что никто не зналъ, что она тамъ дѣлала. Не укрылась эта женская хитрость только отъ старыхъ глазъ Алтынъ-Тюлгю, которая, какъ собака, ловила каждое движеніе своей госпожи. Однажды она сказала царицѣ:

— Казни меня, царица, но ты плакала...

Кара-Нингиль вся вспыхнула, какъ пойманный на мѣстѣ воръ, но ничего не отвѣтила глупой старухѣ. Въ другой разъ Алтынъ-Тюлгю сказала ей:

— Ты хорошо дѣлаешь, что не знаешь ни одного мужчины, но вѣдь ты состаришься и тогда пожалѣешь. Вели меня казнить, но я говорю правду...

Кара-Нингиль не казнила Алтынъ-Тюлгю, а только разсмѣялась.

Ака-Бибэ думала другое: когда Кара-Нингиль начинала скучать, она придумывала какое-нибудь развлеченіе. Разъ она сказала царицѣ:

— Пойдемъ, посмотримъ, что̀ дѣластъ Аланча-ханъ... Онъ насъ не увидитъ, а мы его посмотримъ. Онъ уже совсѣмъ большой и, какъ говорятъ, очень красивъ

Кара-Нингиль согласилась на эту глупость и отправилась въ Баги-Дигишть вмѣстѣ съ Акъ-Бибэ. Аланча-ханъ гулялъ въ саду, а онѣ смотрѣли на него черезъ отверстіе въ стѣнѣ сада.

— Ахъ, какой красивый! Настоящій ханъ!—шептала Акъ-Бибэ.—Какая у него гордая осанка, какіе горячіе глаза... Какъ жаль, что его нельзя выпустить изъ неволи. Джучи-Катэмъ неумолимъ...

Кара-Нингиль ничего не отвѣчала и вернулась домой задумчивѣе обыкновеннаго. Въ слѣдующій разъ она переодѣлась аячкой и отправилась въ Баги-Дигишть одна. Стража ее знала и пропустила. Аланча-ханъ опять̀ гулялъ въ саду и очень удивился, когда увидѣлъ передъ собой скромно одѣтую дѣвушку.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросилъ онъ и удивился звуку собственнаго голоса,—онъ совсѣмъ отвыкъ говорить вслухъ.

— Меня послала къ тебѣ Кара-Нингиль, наша царица, спросить, не нужно ли тебѣ чего-нибудь?—отвѣтила Кара-Нингиль, скромно опуская глаза, какъ настоящая аячка.

— Я съ женщинами не имѣю дѣла, — гордо отвѣтилъ Аланча-ханъ и даже выпрямился, какъ молодой тополь.—Скажи Кара-Нингиль, что она дурная женщина... Она убила моихъ братьевъ и захватила престолъ. Она хочетъ заморить меня здѣсь, въ этой раззолоченной могилѣ, и я удивляюсь, почему она просто не велѣла меня казнить. Такъ ей и скажи, я не боюсь смерти... Богъ насъ разсудитъ.

— Кара-Нингиль лучше, чѣмъ ты думаешь... Ей приписываютъ многое, чего она и не думала никогда дѣлать, а дѣлаютъ другіе отъ ея имени. О хорошемъ не говорятъ, а худое видятъ всѣ...

— Видно, сладко тебя кормитъ Кара-Нингиль, если ты такъ нахваливаешь ее,—отвѣтилъ грубо Аланча-ханъ и засмѣялся.

Это обидѣло Кара-Нингиль, какъ ударъ ножа, и глаза ея засверкали, но она удержала свой гнѣвъ и опять̀ принялась хвалить мудрую царицу, которая жертвуетъ собой для другихъ.

— Если ты пришла только за этимъ, то это напрасный трудъ, — отвѣтилъ Аланча-ханъ, отвернулся и прибавилъ:—Скажи своей Кара-Нингиль, что я ее ненавижу, какъ всѣ сто моихъ зарѣзанныхъ братьевъ... Во мнѣ царская кровь, а она дочь простого пастуха...

Домой Кара-Нингиль вернулась огорченная и разгнѣванная. Зачѣмъ онъ ненавидитъ ее и обвиняетъ въ томъ, что̀ она никогда не дѣлала? Это несправедливо. Но какой у него гордый видъ, у этого Аланча-хана... Кара-Нингиль все думала о немъ, и въ ея сердце, какъ воръ ночью, прокралось чувство сожалѣнія къ несчастному узнику. Бѣдный Аланча-ханъ!.. Что̀ ни дѣлала Кара-Нингиль, мысль о ханскомъ сынѣ не покидала ея. Какъ она не нашлась

тогда на его дерзость разсказать все то, что она знала объ Узунъ-ханѣ и с томъ, какъ онъ обезлюдилъ Голодную степь, разрушилъ многіе города и безчеловѣчно истребилъ ханскіе роды, въ томъ числѣ и ея родъ? О, нужно еще разъ итти и сказать этому гордому мальчишкѣ все... Такъ и сдѣлала Кара-Нингиль. Аланча-ханъ опять гулялъ въ саду и точно поджидалъ ее. Она уже приготовилась высказать ему все, какъ онъ остановилъ ее.

— Ахъ, какъ мнѣ скучно, аячка...—прошепталъ Аланча-ханъ и отвернулся, чтобы скрыть непрошенную слезу.—Ты тогда говорила, что Кара-Нингиль справедлива и желаетъ сдѣлать все, чтобы улучшить мое положеніе. Я тогда не хотѣлъ унижаться до просьбы, но теперь скажи ей: Аланча-ханъ проситъ Кара-Нингиль, пусть она позволитъ своей аячкѣ приходить въ Баги-Дигиштъ каждый день.

— Это невозможно!..—перебила его Кара-Нингиль и покраснѣла.

— Но вѣдь это ей ничего не стоитъ? Развѣ мало у ней аячекъ, чтобы уступить мнѣ всего одну?.. Потомъ ты не можешь понимать, какъ подумаетъ царица. Можетъ-быть, она будетъ посылать тебя...

Прежняго гордаго ханскаго сына точно не было, а былъ несчастный человѣкъ, который точно постучался въ душу Кара-Нингиль. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей ужасно было обидно, что онъ принимаетъ ее за простую аячку, которой царица можетъ распоряжаться, какъ ей угодно. Да и онъ видитъ въ ней просто женщину, которая усладила бы скуку одиночества. Но глаза Аланча-хана говорили другое: они такъ любовно проводили ее и столько въ нихъ было печальной мольбы. Кара-Нингиль не выдержала и бѣжала отъ него, какъ бѣжитъ аргали отъ охотника. Онъ не спорилъ съ ней, какъ въ первый разъ, не бранилъ Кара-Нингиль; она увидѣла его печальнымъ... Нѣтъ, больше—онъ полюбилъ ее съ перваго раза, и полюбилъ не какъ царицу, а какъ полюбилъ бы всякую другую дѣвушку.

Это приключеніе взволновало Кара-Нингиль. Притомъ, все происходило при такой сказочной обстановкѣ. Царица видѣла Аланча-хана даже во снѣ, и онъ шепталъ ей ласковыя слова и все смотрѣлъ своими темными, печальными глазами, смотрѣлъ прямо въ душу. Душно ей было въ своемъ дворцѣ, и во снѣ Кара-Нингиль шептала тѣ ласковыя слова, которыя душили ее. Но итти въ третій разъ къ нему она не рѣшилась: зачѣмъ напрасно мучить бѣднаго недоступнымъ призракомъ? А если онъ ждетъ ее? По крайней мѣрѣ, нужно же ему сказать, что Кара-Нингиль не согласна отпустить къ нему свою любимую и самую преданную аячку.

Съ этими мыслями Кара-Нангиль шла въ третій день въ Баги-Дигиштъ, но при входѣ стража загородила ей дорогу.

— Джучи-Катэмъ не велѣлъ пускать никого...

— Даже и меня? Вы знаете, кто я...

— Даже и тебя, царица.

— А, такъ вотъ какъ... — прошептала пристыженная Кара-Нингиль, и глаза ея засверкали небывалымъ еще огнемъ.

VIII.

Джучи-Катэмъ былъ схваченъ и заключенъ въ Летафетъ-Намехъ. Онъ сдѣлался такимъ же узникомъ, какъ и Аланча-ханъ.

— Кто меня велѣлъ схватить и за что? — спрашивалъ онъ, оглушенный всѣмъ случившимся.

— Сама царица.

— Не можетъ этого быть! Дайте мнѣ случай переговорить съ ней, и

царица увидитъ, что я страдаю невинно!.. Я всегда желалъ ей одного добра.

Но Кара-Нингиль не пожелала видѣть Джучи-Катэма, а только послала къ нему Алтынъ-Тюлгю сказать, что царица можетъ поступать, какъ хочетъ, и каждый ослушникъ ея волѣ понесетъ достойное наказаніе. Ничего не отвѣтилъ Джучи-Катэмъ, а только низко опустилъ свою голову: вотъ награда за его вѣрную службу и преданность.

Всѣ ждали, кого назначатъ на мѣсто Джучи-Катэма и какой счастливецъ приблизится къ царицѣ, но Кара-Нингиль хотѣла показать, что она настоящая царица и всѣми государственными дѣлами можетъ править одна. Ея воля — законъ для всѣхъ.

Теперь путь въ Баги-Дингиштъ былъ открытъ, и Кара-Нингиль могла отправляться туда, когда хотѣла. Эта свобода сначала даже ее немного смутила, и она точно не рѣшалась воспользоваться ею, какъ долго сидѣвшая въ клѣткѣ птица, которая расправляетъ крылья, прежде чѣмъ унестись въ небо. Ей было совѣстно предъ Акъ-Бибэ и другими женщинами. Но ее такъ и тянуло въ Баги-Дингиштъ: навѣрное, Аланча-ханъ ждетъ ее и скучаетъ. Онъ дѣйствительно ждалъ и, когда она пришла, попрежнему, скромною аячкой, онъ умоляюще протянулъ руки.

— Мнѣ казалось, что я умеръ, пока не видѣлъ тебя, — ласково шепталъ онъ. — Ну, что Кара-Нингиль? Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше мнѣ хочется увидѣть ее... Я знаю про нее все; она первая красавица во всемъ государствѣ.

— Ты красивѣе ея, Аланча-ханъ... Но твоя красота, какъ спрятавшееся за тучами солнце. Потомъ Кара-Нингиль глупа... Когда я ей сказала о твоемъ желаніи имѣть въ услуженіи аячку, она отвѣтила: иди къ нему и сдѣлай все, чтобъ онъ не скучалъ.

— Нѣтъ, она мудрѣйшая изъ всѣхъ женщинъ!.. Значитъ, ты будешь приходить ко мнѣ каждый день?

— О, нѣтъ... Я могу приходить только иногда, но оставаться здѣсь не могу. Кара-Нингиль сказала: „Ты идешь къ нему чистою дѣвушкой и такою же возвратишься, а иначе я тебя казню“.

Аланча-ханъ только засмѣялся, а Кара-Нингиль опустила глаза. Каждый разъ, когда она приходила къ нему, онъ начиналъ ее разспрашивать про царицу, точно влюбленный. Сердце Кара-Нингиль усиленно билось, но она не открывала своего настоящаго имени. Когда Аланча-ханъ скучалъ, она разсказывала ему сказки, тѣ сказки, гдѣ влюбленные не узнавали другъ друга, а злая судьба смѣялась надъ ними. Всѣ свои мысли и чувства Кара-Нингиль передавала въ этой формѣ и наблюдала, какое дѣйствіе они производятъ на Аланча-хана. Когда она входила въ Баги-Дингиштъ, то совсѣмъ измѣнялась, — гордая царица оставалась у воротъ сада, а здѣсь была скромная дѣвушка, боявшаяся каждаго ласковаго взгляда.

Случилось то, что ровнаетъ всѣхъ женщинъ. Когда Аланча-ханъ въ первый разъ обнялъ и поцѣловалъ Кара-Нингиль, она задрожала, какъ подстрѣленная аргали, и только прошептала:

— Что ты дѣлаешь? Что я скажу Кара-Нингиль?

— Скажи ей, что я такъ хочу.

Кара-Нингиль едва вырвалась изъ его объятій и долго не показывалась въ Баги-Дингиштъ. Зачѣмъ онъ поцѣловалъ ее?.. Этотъ поцѣлуй точно ожегъ ее, и, просыпаясь ночью, она протягивала руки невидимому Аланча-хану. Конечно, онъ могъ поцѣловать простую аячку, но гордость царицы Кара-Нин-

гиль была оскорблена. О, она его любитъ, но онъ никогда не долженъ знать объ этомъ!

Въ слѣдующее свиданіе Кара-Нингиль сказала Аланча-хану:

— Я бѣдная дѣвушка, и ты меня оскорбилъ своимъ поцѣлуемъ!

— Я тебя люблю, аячка, — отвѣчалъ Аланча-ханъ.

— О, развѣ такая бываетъ любовь?.. Тебѣ скучно здѣсь сидѣть одному, вотъ ты и приласкалъ аячку. Но ты забылъ, что обманываешь Кара-Нингиль, которая тебѣ вѣритъ. Твоя любовь погубитъ меня, какъ солнце выжигаетъ весеннюю траву въ степи. Если бы ты былъ ханомъ, то, какъ Узунъ-ханъ, каждый годъ собиралъ бы со всего государства самыхъ красивыхъ дѣвушекъ и запиралъ бы въ своихъ садахъ. Это несправедливо и это не любовь.

— Милая дѣвушка, власть портитъ людей, но сейчасъ я знаю только одно, что люблю тебя, и больше не знаю ничего... Если бы я былъ ханомъ, то сдѣлалъ бы тебя своею женою.

— А если бы къ тебѣ пришла сама Кара-Нингиль?.. Ты забылъ бы и меня и всѣхъ на свѣтѣ.

— Она — жена моего отца.

— Только по имени... Она осталась чистою дѣвушкой и гордится этимъ. И если бы Кара-Нингиль пришла къ тебѣ, сама царица Кара-Нингиль, и сказала бы, что люблю тебя... О, ты забылъ бы меня!

— Никогда! — повторялъ Аланча-ханъ и протягивалъ умоляюще руки, точно такъ, какъ Кара-Нингиль видѣла его во снѣ. — Если бы я былъ ханомъ, я прежде всего казнилъ бы Кара-Нингиль... Я ее ненавижу.

— А зачѣмъ ты такъ часто спрашиваешь меня о ней?

— Потому что ты такъ ее расхваливаешь.

Случилось то, что бываетъ съ красивыми и некрасивыми дѣвушками. Кара-Нингиль провела цѣлую ночь въ Баги-Дингишъ и утромъ горько плакала.

— Что я скажу теперь Кара-Нингиль? — повторяла она, не слушая утѣшеній Аланча-хана. — Я обманула ее... Она будетъ теперь презирать меня. Какъ я покажусь къ ней на глаза?

— Оставайся здѣсь, — просилъ ханъ. — Или подговори страну и сбѣжимъ.

Кара-Нингиль-аячка ревновала теперь Аланча-хана къ собственной тѣни, къ той неприступной царицѣ Кара-Нингиль, которая не должна была знать обычныхъ женскихъ слабостей. Она возненавидѣла Аланча-хана, которому отдала все. Но неотразимая сила влекла ее опять въ Баги-Дингишъ, и Кара-Нингиль пила здѣсь полною чашей отравленныя радости своей первой любви. Она была счастлива, что Аланча-ханъ веселъ и что она развлекаетъ его въ уединеніи, какъ та птичка, которая поетъ на окнѣ заключеннаго въ тюрьмѣ. Возвращаясь домой, она опять дѣлалась неприступною царицей, предъ которою трепетали всѣ. О, она умѣла показать, что Кара-Нингиль можетъ править государствомъ такъ же мудро и безъ Джучи-Катэма! Изъ дальнихъ странъ пріѣзжали любопытные посмотрѣть, какъ управляетъ цѣлымъ государствомъ молодая женщина, и восхваляли ее. Уучи-Бунъ прославлялъ ее въ своихъ стихахъ, которые распѣвались бродячими пѣвцами. Народъ благодетельствовалъ, торговля процвѣтала, и только одни войска роптали, вспоминая походы Узунъ-хана, когда они могли грабить, убивать и уводить въ плѣнъ.

Кара-Нингиль была счастлива такъ же про себя, какъ раньше плакала одна, — никто не долженъ былъ знать объ ея тайныхъ радостяхъ. Цвѣты по-прежнему вяли въ ея присутствіи, но ей теперь было не до нихъ.

IX.

Джучи-Катэмъ сидѣлъ въ заключеніи уже два года и ничего не зналъ, что̀ дѣлается тамъ, за предѣлами его тюрьмы. Онъ былъ окруженъ такою же нѣмою стражей, какъ и Аланча-ханъ. Цѣлые дни онъ гулялъ въ саду и чутко прислушивался къ гулу, который доносился изъ Зеленаго города. Что-то теперь дѣлается тамъ и что̀ дѣлаетъ царица Кара-Нингиль, заплатившая ему черною неблагодарностью и за его услуги и за любовь? У Джучи-Катэма даже не являлось мысли о бѣгствѣ: куда ему бѣжать, да развѣ онъ можетъ бѣжать отъ Кара-Нингиль? Когда-то красивый батырь теперь посѣдѣлъ и опустился, — это былъ уже старикъ. Но онъ былъ увѣренъ, что настанетъ часъ, когда Кара-Нингиль вспомнитъ и про него, тотъ черный часъ, когда нужны одни вѣрные слуги. Пусть царица радуется теперь съ Аланча-ханомъ, но эти радости дорого будутъ ей стоить. Джучи-Катэмъ видѣлъ даже во снѣ садъ Баги-Дигиштъ и видѣлъ Кара-Нингиль, какъ она потихоньку отъ всѣхъ крадется къ своему любовнику, — о, зачѣмъ тогда онъ не велѣлъ казнить этого проклятаго ханскаго сына! Гордая и неприступная царица забыла для него все — и свою дѣвичью гордость, и величіе царицы, и его совѣты.

Разъ ночью, когда Джучи-Катэмъ спалъ, его разбудилъ шумъ незнакомыхъ шаговъ. Въ первую минуту онъ подумалъ, что пришли за нимъ, чтобы казнить его, и похолодѣлъ отъ ужаса, но потомъ въ его комнату вошла Акъ-Бибэ и бросилась отцу на шею.

— Ты свободенъ! — шептала она. — Кара-Нингиль ждетъ тебя.

— Что-нибудь случилось? — спрашивалъ Джучи-Катэмъ, не вѣря собственному счастью.

— Аланча-ханъ бѣжалъ! — отвѣтила Акъ-Бибэ, опуская глаза. — Кара-Нингиль позволила ему съѣздить на охоту, а онъ бѣжалъ. За него войско и весь народъ. Съ минуты на минуту ждутъ возмущенія, а Кара-Нингиль заперлась въ своемъ дворцѣ. Народъ забылъ ея благодѣянія, ея мудрое правленіе — все.

— Я этого ожидалъ, — задумчиво говорилъ Джучи-Катэмъ. — Такъ должно было быть.

Кара-Нингиль съ нетерпѣніемъ ожидала въ своемъ дворцѣ появленія Джучи-Катэма. Противъ нея было все: обласканные ею князья, войско, народъ. Пока Джучи-Катэмъ находился въ заключеніи, сторонники Узунъ-хана дѣлали свое темное дѣло на свободѣ. Она узнала обо всемъ послѣдняя. Аланча-ханъ выпросилъ ея позволеніе съѣздить на охоту и бѣжалъ. О, какъ онъ ее умолялъ, и она повѣрила его клятвамъ! Но было одно хорошо: до конца она осталась для него простою ланчкой и не выдала своего настоящаго имени.

Когда явился во дворецъ Джучи-Катэмъ, Кара-Нингиль приняла его спокойная и гордая, какою онъ зналъ ее всегда.

— Ты свободенъ, Джучи-Катэмъ, — сказала она, — и подумай о своемъ спасеніи. Войска передались на сторону Аланча-хана.

— Царица, я умру вмѣстѣ съ тобой, — отвѣтилъ Джучи-Катэмъ. — Счастье измѣнчиво, но мы еще увидимъ, какъ справится этотъ мальчишка съ Джучи-Катэмомъ... Проклятое отродье Узунъ-хана узнаетъ меня.

— Дѣлай, что̀ хочешь и какъ хочешь, — рѣшила Кара-Нингиль. — Я виновата предъ тобою.

— Развѣ солнце можетъ быть виновато, что ослѣпляетъ наши слабые глаза?

Джучи-Катэмъ разсчитывалъ на свое прежнее вліяніе на народъ, но онъ

въ этомъ ошибся такъ же жестоко, какъ Кара-Нингиль въ Аланча-ханѣ. Народъ успѣлъ забыть Джучи-Катэма и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда Аланча-ханъ подступитъ съ войскомъ къ Зеленому городу. Въ каждомъ Джучи-Катэмъ теперь видѣлъ измѣнника, и недостало бы веревокъ, чтобы ихъ перевѣшать. Уучи-Бушъ въ числѣ другихъ перешелъ тоже на сторону Аланча-хана и теперь воспѣвалъ его, какъ раньше воспѣвалъ Кара-Нингиль. Надежды на спасеніе съ каждымъ днемъ оставалось все меньше и меньше, а Аланча-ханъ съ каждымъ днемъ былъ все ближе и ближе. Ему, какъ побѣдителю, сдавались одинъ городъ за другимъ, и число войска увеличивалось съ каждымъ шагомъ впередъ. Уже въ самомъ Зеленомъ городѣ появились возмутительные листы новаго хана, написанные рукою Уучи-Буша.

— Теперь все кончено, — сказалъ Джучи-Катэмъ, убѣдившись въ тщетности всѣхъ своихъ усилій.

Это извѣстіе Кара-Нингиль выслушала совершенно равнодушно, точно все такъ и должно было быть. Все равно, прошлаго не воротишь, а о будущемъ она старалась не думать.

— Нужно бѣжать, царица, — говорилъ Джучи-Катэмъ. — Аланча-ханъ подступитъ съ юга, а мы уйдемъ на сѣверъ.

— Въ Чолпанъ-Тау? — обрадовалась Кара-Нингиль. — Можетъ-быть, еще и Байгыръ-ханъ живъ, и я увижу его... О, скорѣе, скорѣе!..

Алтынъ-Тюлгю давно скрылась, и ея даже не разыскивали. Джучи-Катэмъ рѣшился бѣжать втроемъ: онъ, Кара-Нингиль и Акъ-Бибэ. Въ ханской конюшнѣ онъ самъ выбралъ шесть лучшихъ аргамаковъ, чтобы бѣжать одвуконь. Кара-Нингиль надѣла то самое платье, въ которомъ ее привезли изъ Чолпанъ-Тау, и ничего не взяла изъ ханскихъ сокровищъ. Для чего ей богатство, наряды и роскошь, когда сердце разбито? Она не согласилась бы бѣжать, если бы не желаніе увидѣть въ послѣдній разъ милыя горы, гдѣ она выросла, и желаніе обнять еще разъ Байгыръ-хана. Вѣдь умереть не все ли равно гдѣ?.. Одинъ Джучи-Катэмъ не думалъ о смерти, а, напротивъ, жизнь ему только-что начала улыбаться. Онъ увезетъ Кара-Нингиль далеко-далеко, и она опять полюбитъ его. Въ любомъ сосѣднемъ государствѣ его примутъ съ радостью, и онъ отмститъ Аланча-хану за его измѣну.

Бѣглецы ушли изъ Зеленаго города темною ночью, когда дремала вся городская стража. Впереди летѣлъ самъ Джучи-Катэмъ, а за нимъ уже ѣхали Кара-Нингиль и Акъ-Бибэ. Такъ они мчались два дня и двѣ ночи, пока не достигли Чолпанъ-Тау.

— Теперь мы дома, — говорилъ радостно Джучи-Катэмъ. — Аланча-хану нужно еще итти недѣлю, прежде чѣмъ онъ насъ догонитъ. Отдохнемъ у Байгыръ-хана и опять въ путь, черезъ Голодную степь.

Кара-Нингиль молчала. Ее занимало больше всего то, что, гдѣ они ни проѣзжали, всѣ цвѣты умирали сейчасъ же, точно за ними по пятамъ летѣла сама смерть. Это было страшное проклятіе, которое она уносила съ собой изъ Зеленаго города.

— Что ты молчишь, царица? — спрашивалъ ласково Джучи-Катэмъ.

— Я не царица, а Кара-Нингиль... Царица умерла... тамъ, въ Зеленомъ городѣ умерла.

X.

Байгыръ-ханъ сначала не узналъ бѣглецовъ, а потомъ обрадовался. Раньше борода у него была бѣлая, потомъ пожелтѣла, а сейчасъ была зеленая, какъ мохъ, которымъ обрастали деревья на Чолпанъ-Тау.

— Мы въ гости пріѣхали, — сказалъ Джучи-Катэмъ. — Кара-Нингиль соскучилась о тебѣ.

Старикъ посмотрѣлъ столѣтними глазами на Джучи-Катэма и только покачалъ головой: царицы о-двуконь не ѣздятъ. Потомъ Джучи-Катэмъ разсказалъ все Байгыръ-хану и ничего не скрылъ.

— Наши несчастія только велики для насъ самихъ, а если смотрѣть на нихъ издали, то дѣлаются все меньше и меньше, — отвѣтилъ старикъ. — Былъ Узунъ-ханъ, была Кара-Нингиль, теперь Аланча-ханъ, а послѣ него кто-нибудь другой... Весной одна трава, осенью другая, а на будущее лѣто третья. Труднѣе всего быть царемъ для самого себя... и бояться нужно тоже одного себя.

Сначала Кара-Нингиль обрадовалась, когда увидѣла Байгыръ-хана, пещеру, въ которой жила съ нимъ маленькою дѣвочкой, Кузь-Тау съ ея развалиной на самой вершинѣ и всѣ тѣ мѣста, гдѣ бѣгала беззаботнымъ ребенкомъ. На горахъ цвѣтовъ не было, и это ее радовало: нечему умирать при ея появленіи. Кузь-Тау стояла голою каменистою шапкой, и по ней едва лѣпились только чахлые кустики. Но потомъ Кара-Нингиль сдѣлалась опять такою задумчивой и совсѣмъ равнодушной. Она любила сидѣть у огня и смотрѣть туда, далеко внизъ, гдѣ разлеглась желтымъ ковромъ Голодная степь, а потомъ припоминала тѣ пѣсни, которыя когда-то пѣлъ ей Байгыръ-ханъ.

Черезъ два дня, когда лошади отдохнули, Джучи-Катэмъ сказалъ:

— Кара-Нингиль, пора ѣхать.

— Куда? — удивилась Кара-Нингиль. — Я останусь здѣсь съ Байгыръ-ханомъ, а ты уѣдешь съ Акъ-Бибэ...

У Джучи-Катэма опустились руки. Какъ онъ ни уговаривалъ, какъ ни упрашивалъ, какъ ни умолялъ Кара-Нингиль, она оставалась непреклонною

— Мнѣ здѣсь хорошо, — повторяла она упрямо одно и то же.

— Царица, опомнись!

— Я уже опомнилась.

— Вѣдь каждый часъ дорогъ... Если тебѣ не жаль себя, то пожалѣй меня съ Акъ-Бибэ.

— Оставьте меня одну, а сами спасайтесь...

Джучи-Катэмъ со слезами умолялъ Кара-Нингиль, но она была равнодушна и къ слезамъ.

— А! такъ ты вотъ какъ поступаешь со мной? — зарычалъ онъ на нее въ страшной ярости, какъ раненый звѣрь. — Тогда я свяжу тебя, какъ упрямую овцу, и увезу насильно!

— Вяжи, если твоя рука подымется на такое дѣло, но я живая не дамся.

— О, когда такъ, то я тебѣ сдѣлаю самое страшное, Кара-Нингиль... Клянусь тебѣ моею сѣдою бородой, что сдѣлаю то, о чемъ ты и не думала.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Что я сдѣлаю?.. Я останусь здѣсь съ тобой и буду ждать и своей и твоей смерти. Аланча-ханъ безжалостно убьетъ обоихъ, но я постараюсь умереть раньше, чтобы ты видѣла мою смерть и казнилась... Ты этого сама хочешь, Кара-Нингиль!..

Теперь Кара-Нингиль со слезами умоляла Джучи-Катэма бѣжать, пока есть время, а ее оставить здѣсь, но Джучи-Катэмъ оставался непреклоннымъ, какъ скала.

Прошелъ день, прошелъ другой, а Кара-Нингиль оставалась совсѣмъ равнодушною къ увеличивавшейся опасности. Ей было только жаль Акъ-Бибэ,

которая старалась плакать потихоньку отъ всѣхъ, — вѣдь Акъ-Бибэ была еще такъ молода, и ей такъ хотѣлось жить.

Джучи-Катэмъ казался спокойнымъ, но часто припадалъ ухомъ къ землѣ и слушалъ, — чуткое ухо батыря слышало дальше волчьяго.

— Погоня...

Кара-Нингиль даже не оглянулась.

— Кара-Нингиль, погоня! — повторилъ онъ.

Она оставалась неподвижною.

— Царица, погоня! — еще разъ повторилъ онъ, и Кара-Нингиль разсмѣялась.

Акъ-Бибэ громко плакала и рвала на себѣ волосы въ отчаяніи.

— Если мы уйдемъ сейчасъ, то насъ не нагонятъ, — уговаривалъ Джучи-Катэмъ. — У нихъ лошади устали, а у насъ свѣжія... Черезъ день мы будемъ внѣ всякой опасности.

Не успѣлъ Джучи-Катэмъ договорить послѣдняго слова, какъ въ горахъ показались уже всадники. Ихъ было много, и они спускались съ горы въ долину. Джучи-Катэмъ осмотрѣлъ свою саблю, копье, лукъ со стрѣлами и сказалъ:

— Смерть близко...

Тогда на Кара-Нингиль напалъ страхъ: вѣдь ее могутъ живую взять въ плѣнъ и привести въ Зеленый городъ жалкою невольницей.

— Джучи-Катэмъ, убей меня, — молила она. — Лучше смерть, чѣмъ позоръ взятой въ плѣнъ царицы...

Теперь засмѣялся Джучи-Катэмъ: бѣжать было поздно.

Погоня была уже близко, такъ что можно было разсмотрѣть высокія бараньи шапки наѣздниковъ, длинныя пики съ развѣвавшимися на нихъ конскими хвостами и блескъ оружія, — это была старая ханская стража, первой измѣнившая Кара-Нингиль. Прищурилъ глаза Джучи-Катэмъ и узналъ Аланча-хана, который ѣхалъ въ серединѣ стражи на бѣломъ аргамакѣ.

— Я не хочу здѣсь умирать... — заявила твердо Кара-Нингиль. — Давай лошадей и ѣдемъ на Кузь-Тау. Тамъ есть отличная защита.

Джучи-Катэмъ повиновался. Со страха Акъ-Бибэ лишилась чувствъ, но Джучи-Катэмъ перекинулъ ее поперекъ сѣдла и повезъ съ собой. Кара-Нингиль уговорила ѣхать съ ними и Байгыръ-хана, который сначала не хотѣлъ оставлять своей пещеры. Когда ханская стража подъѣзжала къ этой пещерѣ, три лошади, какъ кошки, карабкались на страшную кручу Кузь-Тау. Даже издали было страшно смотрѣть на нихъ, и сердце сжалось у самыхъ храбрыхъ.

Когда бѣглецы взобрались наконецъ на самую вершину, Джучи-Катэмъ поставилъ на стѣну старой башни свою пику съ конскимъ хвостомъ и, махая шапкой, крикнулъ внизъ Аланча-хану:

— Эй, вы, трусы, кто желаетъ оставить здѣсь свою глупую голову?.. А тебѣ, Аланча-ханъ, я отрѣжу уши, какъ мальчишкѣ, только покажи свой носъ сюда!

Байгыръ-ханъ смотрѣлъ подъ гору въ другую сторону, гдѣ разстилалась Голодная степь, и припоминалъ, какъ онъ бился на Кузь-Тау еще съ Узунъ-ханомъ.

XI.

— Имъ больше некуда уйти, — говорилъ Уучи-Бунъ своему новому повелителю Аланча-хану. — Они будутъ наши...

— Главное, нужно взять ихъ живыми, — отвѣчалъ Аланча-ханъ. — Я никогда не видалъ эту Кара-Нингиль...

— Ихъ тамъ на Кузь-Тау двое: Кара-Нингиль и Акъ-Бибэ. Хорошо было бы захватить живыми обѣихъ и привести ихъ въ Зеленый городъ закованными въ цѣпи.

Аланча-ханъ никому не говорилъ объ алчкѣ, приходившей къ нему въ Баги-Дигиштъ, и только жаждалъ увидѣть эту сказочную царицу Кара-Нингиль, о которой такъ много слышалъ. Всѣ его побѣды ничего не значили предъ этою послѣдней; пока Кара-Нингиль на свободѣ, онъ еще не ханъ. Между прочимъ, его удивляло, почему бѣглецы такъ долго оставались въ Чолпанъ-Тау и не бѣжали дальше. Лучшія лошади съ ханской конюшни спасли бы ихъ отъ погони.

— Лошадей всего шесть, а ихъ четверо съ Байгыръ-ханомъ, — объяснилъ Уучи-Бушъ. — Они не могли бросить здѣсь беззащитнаго старика...

— Ты слишкомъ много приписываешь имъ великодушія, — сердито отвѣчалъ Аланча-ханъ. — Простая случайность...

Изъ ханской свиты сейчасъ же вызвалось нѣсколько охотниковъ взобраться на Чолпанъ-Тау и взять засѣвшую въ ней горсть храбрецовъ въ плѣнъ. Особенно волновался Уучи-Бушъ, которому Аланча-ханъ за его услуги подарилъ саблю. Онъ заявилъ, что самъ полѣзетъ на Кузь-Тау, если это будетъ нужно. Когда Аланча-хану передали хвастливыя слова Джучи-Катэма, онъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка: о, они всѣ дорого заплатятъ ему за этотъ послѣдній позоръ, только бы взять ихъ живыми!

Первый приступъ смѣлыхъ охотниковъ на Кузь-Тау закончился полною неудачей. Приходилось взбираться на страшную каменную кручу по одному, какъ лазятъ по горамъ аргали, и мѣткія стрѣлы Джучи-Катэма по одному снимали отчаянныхъ храбрецовъ — одинъ за другимъ смѣльчаки летѣли внизъ и разбивались въ дребезги. Какъ Уучи-Бушъ ни размахивалъ своею саблей, какъ ни кричалъ, бѣгая подъ горой, изъ этого приступа ничего не вышло, кромѣ нѣсколькихъ убитыхъ.

— Что же они трусятъ? — кричалъ Уучи-Бушъ. — Да я одинъ возьму это воронье гнѣздо...

— А что Аланча-ханъ прячется, какъ баба? — кричалъ съ горы Джучи-Катэмъ, размахивая саблей. — Пусть идетъ сюда, а сойти съ горы я ему помогу...

Аланча-ханъ скрежеталъ зубами въ безсильной ярости, — такъ, одного по одному, Джучи-Катэмъ перебьетъ всю его свиту. Но Уучи-Бушъ утѣшилъ его:

— Мы ихъ и такъ возьмемъ, потому что тамъ, на верху горы, нѣтъ воды...

— Почему ты это знаешь?

— А я слышу по ржанью лошадей.

— Тогда мы ихъ заставимъ сдаться безъ капли крови, — рѣшилъ Аланча-ханъ.

У подножья Кузь-Тау были разставлены надежные сторожа, а самъ Аланча-ханъ разбилъ свой станъ въ долинѣ. Изъ его палатки видна была вся Кузь-Тау, и, лежа на коврѣ, онъ могъ видѣть все, что дѣлается на ея вершинѣ. Появившіяся на развалинахъ башни человѣческія фигуры казались отсюда такими маленькими, какъ дѣтскія куклы, такъ что едва можно было отличить мужчину отъ женщины, и то благодаря только прозрачности горнаго воздуха.

Вечеромъ весело загорѣлись огни въ станѣ Аланча-хана, который теперь отдыхалъ послѣ своихъ военныхъ трудовъ и побѣдъ. Утомленная похо-

домъ стража тоже была рада отдохнуть. Загорѣлся огонь и на вершинѣ Кузь-Тау, точно волчій глазъ. Кругомъ стояла мертвая тишина, и только перекликались однѣ лошади, чуждыя человѣческой ненависти; печально ржали аргамаки съ вершины Кузь-Тау, и имъ весело отвѣчали пасшіяся на зеленой травѣ ханскія лошади.

Аланча-ханъ весело пировалъ въ кругу своихъ ратныхъ сподвижниковъ, когда надъ Чолпанъ-Тау быстро спустилась темная горная ночь.

— Кто это поетъ?—спрашивалъ Аланча-ханъ, прислушиваясь.

— А это безумный старикъ Байгыръ-ханъ...

Дѣйствительно, это пѣлъ Байгыръ-ханъ: онъ пѣлъ свои старыя пѣсни объ Узунъ-ханѣ, о старыхъ батыряхъ, кости которыхъ разсѣяны по Голодной степи, о чудныхъ красавицахъ, уведенныхъ Узунъ-ханомъ въ плѣнъ, о разрушенныхъ городахъ и невидимо вѣявшей надъ всѣми смерти. „О, смерть любитъ храбрыхъ,—пѣлъ Байгыръ-ханъ,—она не щадитъ и красавицъ, которыя проносятся предъ нашими глазами, какъ падающія звѣзды... Гдѣ стояли цвѣтущіе города, тамъ сейчасъ мертвая пустыня, а гдѣ стоятъ сейчасъ цвѣтущіе города, тамъ въ свое время будетъ пустыня. Узунъ-ханъ, ты много пролилъ человѣческой крови, но тебѣ не мягче отъ этого лежать въ своей могилѣ... Послѣдній бѣднякъ и самый великій ханъ равны въ общей судьбѣ. Жить страшно только людямъ несправедливымъ, а смерть любитъ храбрыхъ... Байгыръ-ханъ еще разъ пришелъ на Кузь-Тау и будетъ ждать здѣсь, какъ подлые трусы прольютъ его кровь. Не умретъ только одна слава худыхъ дѣлъ и святыя пѣсни, въ которыхъ пѣвцы оплакиваютъ свою родину".

Аланча-ханъ прослезился, слушая пѣсни Байгыръ-хана. Горный воздухъ такъ чистъ, что доносилъ къ его уху каждое слово. Задумались и тѣ храбрецы, которые мечтали о военной добычѣ, засѣвшей на вершинѣ Кузь-Тау: кто знаетъ, кому придется вернуться домой живымъ, а Джучи-Катэмъ мѣтко стрѣляетъ. Пока старикъ пѣлъ свои пѣсни, а соратники Аланча-хана его слушали, Джучи-Катэмъ, какъ кошка, спустился съ горы. По пути онъ зарѣзалъ заслушавшагося сторожа и вернулся на гору съ водой, которую принесъ въ своей мохнатой шапкѣ.

— Вотъ, Кара-Нингиль, и вода,—съ гордостью заявилъ онъ, подавая свою мокрую шапку царицѣ,—а Аланча-ханъ дуракъ...

Томившіяся отъ жажды лошади весело заржали, когда почуяли свѣжесть принесенной воды. Но Кара-Нингиль не выпила ни одной капли, а отдала свою порцію Акъ-Бибэ, которая лежала больная. Джучи-Катэмъ остатки воды передалъ Байгыръ-хану. Бѣднымъ аргамакамъ такъ ничего и не осталось, и они смотрѣли на всѣхъ печальными глазами. Кара-Нингиль напрасно ласкала ихъ и давала облизывать мокрую шапку,—лошади рыли копытами землю и просили воды. Они слѣдили за каждымъ шагомъ своихъ хозяевъ и призывно ржали, нагоняя на всѣхъ смертную тоску.

— Отпустимъ лошадей...—говорила Кара-Нингиль.

— Ни за что!—гордо отвѣчалъ Джучи-Катэмъ.—Это наша послѣдняя надежда, которая умретъ вмѣстѣ съ нами... Если Акъ-Бибэ настолько понравится, что въ состояніи будетъ держаться на сѣдлѣ, мы пробьемся мимо этихъ ханскихъ воронъ, которыя умѣютъ только пить и ѣсть.

— Джучи-Катэмъ, у тебя желѣзное сердце...

Цѣлую ночь не смыкала глазъ Кара-Нингиль и все сидѣла на верху старой стѣны, гдѣ любила сидѣть еще маленькою дѣвочкой. Здѣсь въ первый разъ замѣтилъ ее орлиный взглядъ Джучи-Катэма, и вотъ она опять на любимомъ своемъ мѣстѣ, надъ головой то же небо, тамъ, вдали, та же Голодная

степь, но теперь сама она уже не та и принесла сюда съ собой цѣлый адъ. Какъ лошади мучились отъ жажды, такъ еще больше мучилась Кара-Нингиль отъ своихъ воспоминаній. И нѣтъ той воды, которая утолила бы ея душу... Главный виновникъ всѣхъ ея несчастій, который изъ любви къ ней готовъ отдать жизнь, чуждъ ея сердцу уже давно, и ее мучитъ, что онъ рѣшился умереть за нее. О, безумецъ Джучи-Катэмъ, зачѣмъ онъ здѣсь? А тотъ, кого выбрало ея сердце, кому она отдала все, сторожитъ ее, чтобы насладиться ея послѣднимъ позоромъ. Но этого не будетъ: Аланча-ханъ не увидитъ царицы Кара-Нингиль и не узнаетъ въ ней любившую его дѣвочку... Она умретъ въ этихъ камняхъ царицей, какъ тѣ храбрецы, которыхъ любитъ сама смерть. Одинъ разъ, всего только одинъ разъ раскрылось ея дѣвичье сердце, и вотъ тяжелая плата за ея любовь... А она еще думала, что царица Кара-Нингиль не походитъ на другихъ женщинъ и что ей чужда слабость. Проклятый день, когда ее увидалъ въ первый разъ Джучи-Катэмъ!..

Для осажденныхъ ночи длинны, какъ для больныхъ. Нѣсколько разъ Кара-Нингиль провѣдывала лошадей, которыя, благодаря ночной прохладѣ, замѣтно успокоились, но это былъ только обманъ, чтобы онѣ еще сильнѣе почувствовали жажду съ восходомъ солнца. То солнце, которое даетъ жизнь и движеніе всему, погубитъ ихъ всѣхъ. Кара-Нингиль тоже мучилась отъ жажды и прикладывала горѣвшую голову къ холоднымъ камнямъ.

Джучи-Катэмъ не смыкалъ глазъ и караулилъ, притаившись за камнемъ. Ночью всего легче было сдѣлать вылазку стерегшимъ ихъ врагу, и только усталость, вѣроятно, мѣшала сподвижникамъ Аланча-хана воспользоваться темнотой. Къ утру Джучи-Катэмомъ овладѣла усталость, и орлиные глаза начали дремать. Только чуткое ухо сторожило каждый звукъ, и Джучи-Катэмъ вздрагивалъ отъ малѣйшаго шороха въ камняхъ, гдѣ гнѣздились ящерицы и змѣи. Утромъ, когда долина покрылась туманомъ, небо сдѣлалось сѣрымъ, а камни точно отпотѣли, Джучи-Катэмъ забылся тревожнымъ сномъ. Онъ очнулся, когда его шею обняли двѣ теплыя женскія руки,—это была Кара-Нингиль. Она припала къ нему своею головкой и горячо поцѣловала.

— Джучи-Катэмъ, я знаю твое львиное сердце...—шептала она, продолжая его обнимать,—я знаю, что ты всегда любилъ меня... Но у меня одна къ тебѣ просьба: уходи отсюда и забудь Кара-Нингиль. Я тебя цѣлую, какъ брата, а моя любовь тамъ, внизу... Дай мнѣ умереть здѣсь одной, и я умру, какъ царица.

— Я счастливъ...—отвѣчалъ Джучи-Катэмъ,—да, я счастливъ, что умру вмѣстѣ съ тобой, моя царица. Если жизнь насъ разлучала, то пусть смерть соединитъ... Да будетъ благословенъ тотъ часъ, когда глаза мои увидали тебя въ этихъ развалинахъ!

XII.

Проходитъ день надъ Чолпанъ-Тау, проходитъ другой. Весело пируетъ Аланча-ханъ въ своей палаткѣ и все смотритъ на Кузь-Тау, на вершину горы, гдѣ все тэчно умерло. Истомившіяся отъ жажды лошади не могли больше ржать, и радуется сердце Аланча-хана. Скоро наступитъ тотъ желанный часъ, когда Кара-Нингиль сдастся, и онъ приведетъ ее въ Зеленый городъ своею плѣнницей и велитъ ее казнить, какъ Джучи-Катэмъ казнилъ Узунъ-хана. Солнце не должно видѣть ханской крови... Веселится Аланча-ханъ, и веселятся съ нимъ его спутники.

Утромъ и вечеромъ выходитъ изъ стана Уучи-Бунъ и кричитъ:

— Эй, вы, вороны, сдавайтесь... Аланча-ханъ поступитъ съ вами, какъ велитъ его ханское сердце. Все равно, передохнете съ голода...

— Приди и возьми,—кричитъ съ горы Джучи-Катэмъ.—Ты, старый дуракъ, не стоишь даже того, чтобы тебя повѣсить.

Ахъ, какъ мучились бѣдныя лошади на вершинѣ Кузь-Тау, и какъ болѣло за нихъ сердце Кара-Нингиль!.. Онѣ уже теперь не могли ржать, а только стонали, какъ люди. По ночамъ онѣ лизали холодные камни, но днемъ солнце жгло такъ безпощадно, и лошади просто бѣсились отъ жажды и грызли другъ друга. Акъ-Бибэ лежала, какъ мертвая, и всѣхъ бодрѣе чувствовалъ себя Байгыръ-ханъ. Каждый вечеръ старикъ поднимался на вершину стѣны и здѣсь пѣлъ свои пѣсни.

Прошелъ четвертый день, Аланча-хану надоѣло ждать, и онъ ночью велѣлъ сдѣлать вылазку, но она кончилась тѣмъ, что Джучи-Катэмъ убилъ еще четверыхъ, а остальные бѣжали. Изнемогавшій отъ жажды Джучи-Катэмъ чуть не умеръ отъ утомленія, и Кара-Нингиль ухаживала за нимъ, прикладывая холодные камни къ его головѣ.

На шестой день умерла Акъ-Бибэ. Какъ страшно мучилась бѣдная дѣвушка и какъ она просила воды, чтобы смочить запекшійся ротъ, но воды не было... Ей все представлялось, что враги дѣлаютъ новый приступъ, и она просила убить ее, а не отдавать на позоръ Аланча-хану. Ее похоронили въ глубокомъ колодцѣ, который былъ когда-то вырытъ на Кузь-Тау. Джучи-Катэмъ горько плакалъ надъ могилой погубленной Узунъ-ханомъ дочери, и это горе придавало ему силы.

— Не плачь, Джучи-Катэмъ,—утѣшала его Кара-Нингиль,—Акъ-Бибэ счастливѣе насъ... Она больше не мучится. Она не чувствуетъ жажды, позора, болѣзней, чужой и своей несправедливости.

— О, да, умереть, скорѣе умереть!—шепталъ Джучи-Катэмъ, закрывая свое лицо руками.—И ты, Кара-Нингиль, утѣшаешь меня?.. Ты—мое солнце, которое однимъ даетъ жизнь, а другихъ заставляетъ умирать... Я боюсь только одного: быть несправедливымъ въ послѣднюю минуту и къ себѣ и къ тебѣ... Ты—моя Голодная степь, съ которой я похоронилъ все!..

О, какъ мучилась, какъ страшно мучилась Кара-Нингиль!.. Стоило ей закрыть глаза, какъ все застилалось краснымъ огнемъ,—онъ, этотъ огонь, пожиралъ ее. Даже ночью не было пощады, и все небо казалось кровавымъ, а звѣзды смотрѣли съ него страшными огненно-красными глазами. Если лошади такъ страшно умирали отъ жажды, то Кара-Нингиль мучилась вдвое, и нравственныя муки были тяжелѣе физическихъ страданій.

— Нѣтъ, я царица... царица...—шептали запекшіяся губы Кара-Нингиль, тѣ губы, которыми она цѣловала Аланча-хана.—Онъ не увидитъ моего позора... онъ не услышитъ мольбы о пощадѣ... я—царица...

Прошло семь ужасныхъ дней и семь ужасныхъ ночей, и когда надъ Чолпанъ-Тау поднималось утреннее солнце, заключенные на вершинѣ Кузь-Тау думали: это восходитъ наше послѣднее солнце. Лица у всѣхъ посинѣли, исказились и сдѣлались страшными. Они старались не смотрѣть другъ на друга. У Кара-Нингиль распухъ даже языкъ, и она съ трудомъ могла говорить. Джучи-Катэмъ едва держался на ногахъ, и, чтобы перейти съ одного мѣста на другое, онъ употреблялъ нечеловѣческія усилія. Бодрѣе всѣхъ оставался Байгыръ-ханъ, но онъ совсѣмъ помѣшался отъ голода. Смерть шла къ нимъ быстрыми шагами.

Кара-Нингиль ждала на верху стѣны. О, какъ трудно было ей подняться сюда, но это было нужно... Она смотрѣла внизъ, на станъ Аланча-хана, и видѣла приготовленія къ новому приступу. Если бы она могла смѣяться надъ этими храбрецами, но она только знакомъ руки пригласила

на стѣну Джучи-Катэма. Когда онъ вползъ на вершину, онъ увидѣлъ, что Кара-Нингиль, обнявъ колѣни, плачетъ... Это были послѣднія слезы Кара-Нингиль... О, сколько ненужнаго зла кругомъ, сколько ужасной несправедливости! Только одинъ человѣкъ можетъ наслаждаться несчастіями и позоромъ другихъ... Женщина давно умерла въ Кара-Нингиль, и плакала сейчасъ царица, плакала въ послѣдній разъ. Ей вдругъ сдѣлалось жаль этихъ безумцевъ съ Аланча-ханомъ во главѣ, которые съ торжествомъ и радостью готовятся схватить высохшую отъ жажды добычу, а найдутъ одного сумасшедшаго Байгыръ-хана. Вонъ уже звучитъ призывная труба... вонъ пьяный Уучи-Бушъ кричитъ имъ:

— Я одинъ возьму васъ всѣхъ... Вы узнаете, кто такой Уучи-Бушъ!.. Эй, царица Кара-Нингиль, сдавайся на мое милосердіе!..

— Они уже идутъ...—шепталъ Джучи-Катэмъ, наблюдая поднимавшихся по каменистой кручѣ враговъ.—А я не могу пошевелиться, чтобы сбросить ихъ по одному подъ гору...

— Мы будемъ свободны, прежде чѣмъ они войдутъ сюда,—отвѣчала Кара-Нингиль.

Ближе и ближе звучала военная труба... Байгыръ-ханъ тоже былъ на стѣнѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ кругомъ. Звуки трубы подняли въ немъ все старое, когда онъ былъ молодъ и силенъ, и старикъ, собравъ послѣднія силы, запѣлъ:

„О, смерть любитъ храбрыхъ....“

— Пора...—шептала Кара-Нингиль, когда врагъ уже вступилъ въ развалины.

Она крѣпко обняла Джучи-Катэма, и они вмѣстѣ ринулись внизъ, гдѣ зіяла пропасть. Даже враги вскрикнули отъ ужаса... А Байгыръ-ханъ все пѣлъ и смотрѣлъ безумными глазами на ворвавшихся на вершину Кузь-Тау враговъ.

Съ каменной высоты къ ногамъ Аланча-хана скатились два трупа. Лицо Джучи-Катэма было неузнаваемо: такъ оно разбилось о камни. Когда Аланча-ханъ подошелъ къ трупу женщины и заглянулъ къ ней въ лицо, онъ вздрогнулъ отъ ужаса: это была та аячка, которая приходила къ нему въ Баги-Дигинитъ.

— Гдѣ же Кара-Нингиль? — спрашивалъ Аланча-ханъ, отступая въ ужасѣ.

— Это Кара-Нингиль,—увѣрялъ Уучи-Бушъ.—Я ли не знаю ея... Да, это она.

Аланча-ханъ велѣлъ похоронить Кара-Нингиль и Джучи-Катэма на вершинѣ Кузь-Тау, а Байгыръ-хана оставить въ его пещерѣ, гдѣ онъ жилъ раньше.

Много лѣтъ пронеслось надъ Чолпанъ-Тау,—десятки и сотни лѣтъ. Все такою же безлюдной остается Голодная степь, отъ Зеленаго города остались одни развалины. Но такъ же высоко поднимаетъ свою голову Кузь-Тау, такъ же торчатъ на ней развалины старой крѣпости, и только крутой спускъ, гдѣ раньше лежали одни голые камни, теперь покрытъ, какъ ковромъ, яркими цвѣтами. Много ихъ тутъ, этихъ цвѣтовъ: розовые, синіе, желтые... Больше нигдѣ нѣтъ такихъ цвѣтовъ, если обойти весь Чолпанъ-Тау. Народъ называетъ эти цвѣты на Кузь-Тау „слезами царицы Кара-Нингиль“.

1889.

Сказаніе о сибирскомъ ханѣ, старомъ Кучюмѣ

I.

Пѣсня про сибирскаго хана, стараго Кучюма—пѣсня самая печальная и для того, кто ее поетъ, и для тѣхъ, кто слушаетъ. Заплакало бы небо, застонала земля, лѣса и степи покрылись бы печалью, а рѣки вскипѣли горячей кровью, если бы нашелся человѣкъ, который сумѣлъ бы разсказать все, что было тогда, когда старый ханъ Кучюмъ сидѣлъ въ Искерѣ и потомъ бился съ невѣрными. Плачь, человѣкъ, если есть у тебя сердце и запасъ слезъ; плачь, кто бы ты ни былъ: вѣрный или невѣрный!..

Старая ханша Лепипакъ-Канышъ упрекала своего мужа, хана Кучюма:

— Ты, старый Кучюмъ, сынъ Муртузы-хана и внукъ Ибакъ-хана, ты забылъ меня, забылъ,. кто тебѣ родилъ трехъ батырей: красавца Алея, Абдулъ-Хаира и Арсланъ-хана. Кто лучше Арсланъ-хана проѣдетъ на конѣ, кто храбрѣе Абдулъ-Хаира, а про Алея дѣвушки поютъ пѣсни въ самой Бухарѣ. Трехъ сыновей родила я тебѣ и красавицу-дочь Лейле-Канышъ... Безсовѣстный ты человѣкъ, Кучюмъ!.. Мою красоту, которая цвѣтетъ въ моихъ дѣтяхъ, твои несытые глаза ищутъ промѣнять на первую, попавшуюся на глаза, дѣвчонку... Мало тебѣ семи законныхъ женъ, мало двадцати наложницъ, мало русскихъ плѣнницъ, которыхъ Махметкулъ приводитъ съ Камы,— нѣтъ, ты, какъ волкъ, забравшійся въ овечье стадо, хочешь зарѣзать самую лучшую овцу!..

— Молчи, Лепипакъ, молчи, отродье Шигая!—отвѣчалъ Кучюмъ, грозно сдвигая сѣдыя брови.—Если бы не дѣти, я давно сдѣлалъ бы съ тобою то же, что твой отецъ Шигай-ханъ сдѣлалъ съ моимъ братомъ Ахметъ-Киреемъ. Родная твоя сестра была жена Ахметъ-Кирея, а Шигай-ханъ не постыдился убить зятя. Молчи, отродье Шигая!..

— Я все молчала, всю жизнь молчала, Кучюмъ... Ты бралъ наложницъ— я молчала, ты привелъ вторую жену Симбулу—я молчала; еще четырехъ женъ взялъ—я тоже молчала; послѣднюю жену, красавицу Сузгэ, привелъ— я молчала; всю жизнь провела въ молчаніи. Но ты забылъ, Кучюмъ, что я ханская дочь и твоя старшая жена, и что меня нельзя выгнать, какъ другихъ женъ или наложницъ. Моя кровь встанетъ за мою старую голову, а твои глаза смотрятъ день и ночь на Карача-Куль. О, будь проклято это озеро, которое налито не водой, а моими старыми слезами... Много тамъ моихъ слезъ, Кучюмъ, и Сайханъ-Доланьгэ не высушитъ ихъ своимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, веселыми пѣснями и огнемъ поцѣлуевъ. У нея есть свои глаза, Кучюмъ, и смотрятъ они на другаго, а мурза Карача обманетъ тебя. У него подъ каждымъ словомъ спрятано двѣ змѣи... О, Кучюмъ, Кучюмъ! Зачѣмъ хочешь ты опозорить мою старую голову и ввести новую ханшу; вѣдь Сайханъ-Доланьгэ—старой княжеской кости, проклятой кости Тайбуги. Когда она войдетъ въ одну дверь, я уйду въ другую...

Закипѣло волчье сердце Кучюма отъ этихъ словъ, огнемъ вспыхнули глаза—старая ханша сказала горькую правду. Онъ уже схватился за кривой бухарскій ножъ, но остановился и глухо застоналъ.

— Ну, что же ты не убьешь меня?—спрашивала Лепипакъ-Канышъ.— Зачѣмъ ты прячешь отъ меня свои глаза, ханъ Кучюмъ?.. Ты, который ничего не боишься и ничего не стыдишься—ты струсилъ беззащитной ста-

рухи... Твое сердце давно утонуло въ чужой крови, такъ убей еще мать твоихъ дѣтей, а Сайханъ-Доланьгэ утѣшитъ тебя.

— Молчи, Лепипакъ-Канышъ: въ тебѣ сидитъ шайтанъ. Я когда-нибудь вырву твой проклятый языкъ...

— А ты забылъ убитаго тобой сибирскаго хана Эдигера?.. Забылъ его жену, ханшу Тэсъ-Удуль, которая бѣжала въ Бухару и тамъ родила сына—это есть Тайбуги, и она заплатитъ тебѣ за мои слезы. Мало тебѣ этого?.. Ты же убилъ и брата хана Сейдяка, храбраго Бикъ-Булата... О, Кучюмъ, Кучюмъ, ты и съ своимъ царствомъ поступаешь, какъ со мной: ты забылъ и его для Сайханъ-Доланьгэ. Проснись, ханъ, пока не поздно, а я не хочу накликать бѣду на твою сѣдую голову, въ которой, какъ змѣи, шевелятся черныя мысли..

— Не говори мнѣ ничего: я знаю, что дѣлаю, и не тебѣ учить меня. Ты давно выжила изъ ума и каркаешь, какъ ворона. А мои сыновья не виноваты, что въ ихъ мать вселился шайтанъ... И Сайханъ-Доланьгэ не виновата, что моложе и красивѣе всѣхъ на свѣтѣ. Она будетъ моя, если я захочу, и ты будешь счастлива, если я позволю тебѣ обувать и разувать ее.

Такъ бранились и попрекали другъ друга старики. Они и не замѣтили, какъ вошелъ сѣдой, какъ лунь, Ханъ-Сеидъ, остановился у дверей и со стыдомъ въ лицѣ опустилъ свои святые глаза. Лепипакъ-Канышъ уже раскрыла ротъ, чтобы бросить въ лицо мужу послѣднее и самое сильное обвиненіе, но оглянулась и—смутилась. У старой ханши упало сердце со страха, и она горько заплакала.

— О, пророкъ, да благословитъ Богъ Сеида и да привѣтствуетъ,—говорилъ Кучюмъ, кланяясь Ханъ-Сеиду въ поясъ, какъ никому не кланялся.

— О чемъ ты плачешь, Лепипакъ-Канышъ, дочь Шигай-хана?—спрашивалъ Ханъ-Сеидъ, не отвѣчая Кучюму.—Радуйся настоящимъ горемъ и печалься настоящей радостью: такъ нужно... Ужъ вороны летаютъ надъ Иртышомъ, въ стени воютъ волки, а ты ничего не бойся. У тебя останутся хоть глаза, чтобы оплакивать твое старое горе, а у другихъ и этого не будетъ. Ты сейчасъ гордилась своими дѣтьми, а стрѣла уже легла на тетиву, и много матерей не найдутъ достаточно слезъ, чтобы оплакать погибшихъ дѣтей. Твое сердце, ханша, крѣпче Искера, и въ немъ найдутъ мѣсто всѣ, кого ты любишь. Горе идетъ, какъ туча, и не останется отъ храбрыхъ ни мяса, которое могли бы ѣсть вороны, ни крови, которую могли бы лизать собаки. Вотъ что будетъ, Лепипакъ-Канышъ! Горе побѣжденнымъ, которые будутъ рады питаться собственнымъ тѣломъ, какъ это дѣлалъ Темиръ-Ленкъ... Вотъ что я сказалъ тебѣ, ханша Лепипакъ-Канышъ, а ты оставь мужчинъ дѣлать свое дѣло.

— Святой человѣкъ, образумь моего мужа,—со слезами молила Лепипакъ-Канышъ, хватаясь за полы зеленаго халата Ханъ-Сеида,—онъ и себя и всѣхъ погубитъ... Казаки ужъ плывутъ по Турѣ и взяли городокъ мурзы Епанчи, а ханъ Кучюмъ думаетъ о дѣвичьихъ глазахъ и его сердце смѣется на Карача-Куль.

— Все знаю, ханша Лепипакъ-Канышъ, дочь Шигай-хана,—печальнымъ голосомъ отвѣчалъ Ханъ-Сеидъ.—Но вотъ что я скажу тебѣ: смерть близко... Смерть всѣхъ сровняетъ: и богатыхъ и бѣдныхъ, и старыхъ и молодыхъ, счастливыхъ и несчастныхъ. Аллахъ великъ, а мы будемъ молиться...

Лепипакъ-Канышъ поклонилась въ ноги Сеиду и вышла на свою женскую половину, а Ханъ-Сеидъ опустилъ свои святые глаза въ землю, чтобы старый Кучюмъ не видѣлъ глядѣвшую изъ нихъ святую печаль. О, святой

человѣкъ видѣлъ все, видѣлъ живыхъ людей мертвыми, видѣлъ убитыми лучшихъ сибирскихъ батырей, обезчещенныхъ женщинъ и уведенныхъ въ неволю дѣтей; пожары и грабежъ видѣлъ онъ, и еще хуже того: видѣлъ измѣнниковъ, которые притворяются храбрыми и предадутъ родину. Но ничего не могъ сказать Ханъ-Сеидъ даже Кучюму, и только святая печаль глядѣла его святыми глазами.

— Кучюмъ-ханъ, сынъ Муртазы-хана и внукъ Ибакъ-хана, вотъ тебѣ мое слово,—заговорилъ Ханъ-Сеидъ, не вытирая катившихся по сѣдой бородѣ слезъ.—Да, я скажу тебѣ, внукъ Ибакъ-хана: твое волчье сердце упилось давно чужой кровью, нѣтъ въ тебѣ жалости, и твои враги считали за счастье умереть, только бы не попасть въ твои руки... По колѣни ты ходишь въ грѣхѣ, сынъ Муртазы-хана, и твоя сѣдая голова всегда переполнена гнусными замыслами. Ты плаваешь въ чужой крови, внукъ Ибакъ-хана, и давно потерялъ счетъ убитымъ тобой... Правду ли я говорю, Кучюмъ?

— Святой человѣкъ, ты все знаешь и видишь,—отвѣчалъ Кучюмъ,—но ты также знаешь и то, что всѣ ханы на свѣтѣ одинаковы... Чѣмъ лучше меня бухарскій Абдулла-ханъ, который послалъ тебя ко мнѣ и который убилъ шестнадцать братьевъ, чтобы одному завладѣть отцовскимъ престоломъ? Я убилъ хана Эдигера, я убилъ его брата Бикъ-Булата, я истреблю до конца проклятую кость Тайбуги, потому что хочу быть однимъ ханомъ сибирскимъ, а Искеръ всегда будетъ моей столицей... Когда Чингисъ завоевалъ великую Бухару, онъ подарилъ костямъ Тайбуги всю Сибирь, а Сибирь всегда принадлежала хану Ибаку и его кости: я изъ кости Ибака и крѣпко держу свою отчину и дѣдину.

— Вотъ тебѣ еще мое слово, Кучюмъ-ханъ: идутъ на Искеръ казаки, они убиваютъ татаръ громомъ и молніей,—заговорилъ Ханъ-Сеидъ, поднимая глаза.—Вотъ тебѣ случай смыть всю кровь съ себя... Проснется твое волчье сердце, сынъ Муртазы-хана, и, когда другіе сдѣлаются данниками Бѣлаго Царя или убѣгутъ въ степь, ты одинъ будешь наводить страхъ на всѣхъ. Большое горе ждетъ тебя на каждомъ шагу, но оно покроется молодой радостью, какъ выжженная зноемъ степь покрывается зеленой травой и яркими цвѣтами отъ перваго дождя.

II.

Ночь стоитъ надъ Искеромъ, плачетъ и стонетъ подъ горой Иртышъ, а на городской стѣнѣ стонетъ и плачетъ Лелипакъ-Канышъ, схватившись за свою сѣдую голову костлявыми руками. Днемъ она все смотритъ въ московскую сторону, куда увезли ея милаго сына Арсланъ-хана, а по ночамъ бродитъ по городу, какъ старая волчица, у которой отняли волчонка. Зачѣмъ она ханша, зачѣмъ жена Кучюма, а не простая татарка, которая умираетъ на рукахъ своихъ дѣтей? Самыя бѣдныя татарки теперь уже давно спятъ, не спитъ одна ханша Лелипакъ-Канышъ и не можетъ утишить своего стараго сердца... Думаетъ ли о ней Арсланъ-ханъ, сидя заложникомъ въ Москвѣ, или забылъ мать, какъ прирученный соколъ забываетъ родное гнѣздо? Много въ Москвѣ зажилось татарскихъ царевичей, а Бѣлый Царь опутываетъ ихъ своими княжнами и помѣстьями. Слышитъ ли твое молодое, горячее сердце, Арсланъ-ханъ, какъ убивается старуха-мать, или полюбилась тебѣ московская неволя? Измѣнитъ мужъ своей женѣ, лучшая красавица полюбитъ другого, самый храбрый батырь побѣжитъ передъ кровавымъ страхомъ смерти, а материнское сердце всегда вѣрно себѣ: не думаетъ Лелипакъ-Канышъ о четырехъ сыновьяхъ, которые у нея на глазахъ, не думаетъ о красавицѣ-дочери

Лейле-Канышъ, а всѣ ея мысли, какъ ночныя птицы надъ огнемъ, вьются около Арсланъ-хана...

Грозно шумитъ Иртышъ, высоко на берегу поднимается Искеръ; а кругомъ города день и ночь роютъ окопы, дѣлаютъ рвы и засѣки. Нужно защитить городъ отъ надвигающейся московской грозы, а Искеръ—сердце Сибири. Ночью работа идетъ при огняхъ, и ханъ Кучюмъ самъ слѣдитъ за всѣмъ: онъ никому не вѣритъ, кромѣ своего глаза. И теперь кипитъ работа, но Лелипакъ-Канышъ не видитъ огней, не слышитъ человѣческихъ голосовъ и бродитъ по городу, какъ тѣнь. Развѣ уйдешь отъ бѣды, если бы поднять стѣны до самаго неба и повернуть Иртышъ отъ студенаго моря къ теплому?.. Бродитъ Лелипакъ-Канышъ изъ улицы въ улицу и все чего-то ждетъ, а сама слышитъ, какъ бьется ея сердце въ груди. Идутъ казаки, будетъ война, а ея Арсланъ-ханъ все будетъ томиться въ московской неволѣ, и не увидятъ его ея старые глаза. Ханъ-Сеидъ—святой человѣкъ, а и онъ ничего не говоритъ объ Арсланъ-ханѣ.

Ходитъ Лелипакъ-Канышъ и не слышитъ конскаго топота: это мчится старый Кучюмъ-ханъ на своемъ лучшемъ аргамакѣ, а его прислужники едва поспѣваютъ за нимъ, потому что быстрѣе коней летитъ ханское сердце. Мчатся за Кучюмомъ его лучшіе совѣтники и батыри: главный совѣтникъ Чинъ-мурза, братъ молодой ханши, красавицы Симбулы, мурза Булатъ, киргизскій царевичъ Ураза-Магметъ; какъ тѣни, летятъ они молча за Кучюмомъ, и только нѣтъ въ этой свитѣ батыря Махметкула и ни одного изъ ханскихъ сыновей. Совѣстно стало Кучюму своей собственной крови, и онъ оставляетъ сыновей дома... Несется ханъ Кучюмъ, несется за нимъ, какъ вѣтеръ, его свита, и чуть они не смяли бродившую по улицамъ Лелипакъ-Канышъ. Съ крикомъ бросилась она въ сторону, прижалась къ стѣнѣ чужого дома и все поняла,—поняла, что такъ гонитъ Кучюма ночью, почему нѣтъ съ нимъ сыновей. Святыя слова Ханъ-Сеида не подѣйствовали на него.

— О, будь проклятъ ты, отецъ моихъ дѣтей! — крикнула вслѣдъ Кучюму старая Лелипакъ-Канышъ, поднимая руки къ небу.—И будь проклято мѣсто, куда тебя гонитъ твое волчье сердце!..

Но не слышитъ старый Кучюмъ этихъ словъ и несется впередъ: свои года и старость онъ оставилъ въ Искерѣ, а его сердце бьется молодой, горячей кровью. Раньше такъ же быстро леталъ онъ на своемъ аргамакѣ въ Сузгунъ, что красуется надъ Иртышомъ и гдѣ цвѣла своей красотой ханша Сузгэ, но заросла травой дорога въ Сузгунъ, и ханскій аргамакъ безъ поводьевъ знаетъ путь въ Карача-Куль. До Карача-Куля одинъ переѣздъ, но хану Кучюму онъ кажется дальше, чѣмъ до Ургенджа. Свѣтлое озеро Карача-Куль совсѣмъ спряталось въ зеленыхъ камышахъ, и крѣпко засѣлъ на немъ старый мурза Карача съ своимъ улусомъ. Хмуритъ онъ свои сѣдыя брови, когда заслышитъ знакомый топотъ ханскаго аргамака, а его дочь, красавица Сайханъ-Доланьгэ, только смѣется, потряхивая золотыми монетами, которыми усыпаны ея черные волосы и бѣлая грудь. Оставляетъ свою свиту ханъ Кучюмъ въ улусѣ, а самъ идетъ къ мурзѣ Карачѣ одинъ, чтобы не встревожить Сайханъ-Доланьгэ. Выходитъ къ нему навстрѣчу самъ мурза Карача и кланяется до земли.

— Да хранитъ богъ хана Кучюма,—говоритъ хитрый старикъ, принимая ханскаго коня.—Какая забота загнала хана въ такую пору ко мнѣ? Глаза стараго Карачи счастливы видѣть солнце въ своемъ улусѣ...

Молча идетъ Кучюмъ въ ставку Карачи, молча садится на дорогой бухарскій коверъ, а Сайханъ-Доланьгэ уже подноситъ ему чашу съ кумы-

сомъ, и смѣется ханское сердце. За Сайханъ-Доланьгэ, какъ тѣнь, ходитъ старая шаманка Найдыкъ.

— Да хранитъ Богъ хана Кучюма, и пусть радуется его сердце,—говоритъ Сайханъ-Доланьгэ, кланяясь Кучюму въ поясъ.—И ночью ханъ Кучюмъ не спитъ—есть забота у хана.

— Ты давно знаешь мою заботу, Сайханъ-Доланьгэ,—говоритъ Кучюмъ, не отрывая глазъ отъ красавицы.

— Казаки идутъ къ Искеру?..

— Искеръ крѣпко стоитъ и будетъ еще крѣпче...

— Не захворала ли красавица Сузгэ?

— И Сузгэ здорова...

Сидитъ ханъ Кучюмъ, пьетъ кумысъ и весело болтаетъ съ Сайханъ-Доланьгэ: нѣтъ для него ни Искера, ни казаковъ, ни красивой Сузгэ. Все на свѣтѣ забываетъ ханъ Кучюмъ для своей красавицы и, оставляя ханскую гордость, поетъ ей свои пѣсни, какъ самый бѣдный степной пастухъ:

Твои брови тонки, какъ новый мѣсяцъ,
Свѣжей розой запертъ жемчугъ зубовъ...
Весело горитъ молодой огонь въ твоемъ очагѣ, красавица,
А когда ты смѣешься—ночь озаряется свѣтомъ.
Двѣ полныхъ луны стыдливо дремлютъ на твоей бѣлой груди.
Двѣ звѣзды смотрятъ изъ-подъ черныхъ рѣсницъ.
Но кто тотъ счастливецъ, для котораго побѣгутъ къ порогу твои маленькія ножки,
А бѣлыя руки съ тонкими пальцами разоймутся сами собою?
Если бы ты взглянула на меня ласково—разлился бы я чистымъ серебромъ;
Въ другой—расплавился бы золотомъ!
Пусть умру я мученикомъ,
Но только въ твоихъ объятіяхъ...
Но я ухожу отъ тебя печальный,
И сердце мое покрывается льдомъ;
Во снѣ я вижу тебя и мгновенно умираю,
Просыпаюсь—и еще разъ умираю.

Слушаетъ Сайханъ-Доланьгэ ханскую пѣсню и думаетъ о другомъ, думаетъ о молодомъ батырѣ, который уже три раза волчьими тропами ходилъ черезъ Камень и возвращался оттуда съ богатой добычей,—по степнымъ ауламъ ужъ поютъ пѣсни про батыря Махметкула. Само счастье широкой тѣнью ходитъ за батыремъ Махметкуломъ; одно его имя наводитъ кровавый ужасъ на всѣхъ, кромѣ Сайханъ-Доланьгэ, этой черноволосой красавицы съ розовыми ушами и тонкими пальцами. Да, ханъ Кучюмъ поетъ свои пѣсни Сайханъ-Доланьгэ, а Сайханъ-Доланьгэ думаетъ о батырѣ Махметкулѣ.

— Хана всѣ любятъ,—отвѣчаетъ съ улыбкой хитрая красавица.—А я тебѣ спою, ханъ, старую пѣсню. Слушай...

Храбрый молодецъ свое копье точитъ въ крови,
А безстыдникъ проводитъ ночи безъ сна...

Такъ начиналась старая пѣсня „о соломинкѣ“, въ которой воспѣвались подвиги великаго хана Темиръ-Ленка. Всему научался Темиръ-Ленкъ у муравья. Это еще было тогда, когда разбитый своими врагами ханъ спасался въ развалинахъ какого-то стариннаго кладбища. Темиръ-Ленкъ, какъ змѣя, заползъ между могильными камнями и ждалъ здѣсь своей смерти. Онъ былъ одинъ, а врагъ гнался по пятамъ. Въ ожиданіи смерти Темиръ-Ленкъ могъ наблюдать только муравья, который тащилъ длинную соломинку на могильную

плиту. Сорокъ разъ онъ оборвался съ нея, а сорокъ первый втащилъ. Погоня пронеслась надъ головой Темиръ-Ленка, а онъ сдѣлался, благодаря мудрости муравья, величайшимъ изъ всѣхъ хановъ. Вотъ о чемъ пѣла красавица Сайханъ-Долаиьгэ, весело позванивая своимъ дѣвичьимъ золотомъ и серебромъ.

Такъ смѣялась въ глаза надъ старымъ ханомъ Кучюмомъ капризная красавица, и онъ уѣзжалъ къ себѣ въ Искеръ, низко опустивъ голову. Но стыдъ не удерживалъ его, и ханъ опять пріѣзжалъ на Карача-Куль, а Сайханъ-Долаиьгэ опять смѣялась надъ нимъ, спрашивая о Лелинакъ-Капышъ, о Сузгэ и другихъ ханшахъ. Но съ каждымъ разомъ старый Кучюмъ дѣлался все мрачнѣе и наконецъ сказалъ мурзѣ Карачѣ:

— Отдай мнѣ Сайханъ-Долаиьгэ, Карача...

— Оставь, ханъ! Этому никогда не бывать,—смѣло отвѣтилъ старый мурза.—У тебя большіе сыновья отъ Лелинакъ-Капышъ, и, когда ты умрешь, они выгонятъ мою дочь изъ ханской ставки, какъ опоганную лошадь.

— Карача, ты забылъ, съ кѣмъ говоришь?!

— Нѣтъ, я знаю тебя, ханъ, знаю больше другихъ... Вѣдь мы вмѣстѣ съ тобой рѣзали людей, вмѣстѣ и хана Сейдяка убили. И меня ты зарѣжешь, какъ овцу, чтобы взять Сайханъ, но самъ я все-таки не могу отдать ее тебѣ.

— Я тебя осыплю золотомъ, старый, упрямый верблюдъ...

— Развѣ моя дочь лошадь, что я буду ее продавать? Для этого есть невольницы, а моя дочь старой ханской крови. Отними ее силой и владѣй!..

Развѣ любовь возьмешь силой? Ханъ Кучюмъ звалъ себѣ шаманку Найдынъ и уговаривалъ ее приворожить сердце Сайханъ-Долаиьгэ. Хитрая Найдынъ принимала богатые ханскіе подарки и говорила:

— Ты будешь счастливъ, ханъ, какъ никто другой...

Она то же самое говорила и батырю Махметкулу, когда онъ привезъ ей подарки изъ-за Камня, съ московской стороны.

III.

Какъ огонь идетъ по степи, такъ шли казаки все дальше и дальше. На передней стругѣ плыветъ самъ Ермакъ съ любимымъ своимъ пятидесятникомъ Богданомъ Брязгой, а на другихъ стругахъ атаманятъ Иванъ Кольцо, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ и Гроза Ивановичъ. Тонкими голосами запѣли татарскія стрѣлы на Турѣ, когда казаки приступили къ первому татарскому городку мурзы Епанчи. Грянулъ громъ въ рукахъ казаковъ, и бѣжали татары. Такъ взятъ былъ городокъ Епанчи и другой городокъ Цимги. Помутилась вода кровью въ самомъ Тоболѣ, а казацкіе струги плывутъ все дальше.

Укрѣпленъ Искеръ; Кучюмъ засѣлъ подъ Чувашьей горой. На Иртышѣ ждетъ казаковъ въ своемъ городкѣ мурза Атикъ, а недалеко отъ устьевъ Тобола, у бабасанскихъ юртъ, собрался цвѣтъ татарскаго войска съ батыремъ Махметкуломъ во главѣ. Пришли на помощь вогульскіе и остяцкіе князьки, которые вмѣстѣ съ Кучюмомъ засѣли подъ Чувашьей горой. Не вѣритъ старый Кучюмъ вогульской и остяцкой храбрости, но теперь всякая помощь дорога. Только два человѣка не боятся казаковъ: старый Кучюмъ и молодой Махметкулъ, и оба они думаютъ о лукавыхъ глазахъ Сайханъ-Долаиьгэ. Какъ волкъ въ камышахъ, сидитъ Кучюмъ подъ Чувашьей горой, ждетъ Махметкулъ у бабасанскихъ юртъ, а казаки плывутъ все дальше. Запѣли стрѣлы уже на Тоболѣ и закипѣла жестокая сѣча, какой еще не было видано: встрѣ-

тились въ первый разъ лицомъ къ лицу два батыря—Махметкулъ и Ермакъ. Цѣлый день они бились; какъ скошенная трава, полегли храбрые, а къ вечеру дрогнули татары, и Махметкулъ, батырь Махметкулъ, бѣжалъ съ поля битвы... Если бы у ночи были глаза, она плакала бы, какъ мать, и надъ тѣми, кто честно положилъ свою голову за родину, и особенно надъ тѣми, кто позорно бѣжалъ съ поля битвы. Нѣтъ поношенья трусамъ, нѣтъ слова хуже, которымъ ихъ встрѣтитъ каждый мужчина и каждая женщина, а Махметкулъ бѣжалъ отъ Ермака, какъ заяцъ отъ охотничьей собаки. Забылъ онъ о прекрасныхъ глазахъ Сайханъ-Доланьгэ, забылъ о старой матери Кюнъ-Арыгъ, сѣдую голову которой покрылъ позоромъ.

— Нѣтъ у меня сына,—твердила Кюнъ-Арыгъ,—это заячьи ноги, а не мой сынъ... У бабасанскихъ юртъ умерла моя радость!..

— Твой батырь Махметкулъ—молокососъ и щенокъ,—говорилъ старый мурза Карача дочери.—Ему бы доить кобылицъ, а не воевать... Теперь казаки пойдутъ на Иртынъ и возьмутъ городокъ мурзы Атика.

Горько плакала Сайханъ-Доланьгэ, плакала вмѣстѣ съ ней шаманка Найдыкъ, а когда двѣ женщины сойдутся вмѣстѣ, то онѣ непремѣнно что-нибудь придумаютъ. Снарядили онѣ стараго шамана Кукджу и послали его въ Искеръ, чтобы старикъ разыскалъ тамъ батыря Махметкула и заговорилъ его сердце,—все зналъ шаманъ Кукджу и все могъ онъ сдѣлать. Онъ выгналъ злого духа изъ Лейле-Канынъ, когда ханская дочь совсѣмъ умирала, и вернетъ Махметкулу его храбрость. Сто лѣтъ шаману Кукджу; желтая борода у него росла отъ самыхъ глазъ, точно мохъ на старомъ пнѣ. но мурза Карача держалъ его въ своемъ улусѣ, какъ дорогого гостя. Хитрый Карача и столѣтній шаманъ молились еще старымъ богамъ,—святой Оби и буѣному Иртышу.

— Ханъ Кучюмъ оставилъ старыхъ боговъ, и старые боги его оставили,—говорилъ Кукджу мурзѣ Карачѣ.—Ханъ-Сеидъ съ своимъ пророкомъ не спасетъ хана Кучюма... Вотъ что видѣли столѣтніе глаза Кукджу: каждую ночь на Иртынѣ съ татарской стороны выходитъ бѣлый волкъ, а съ московской черная собака и дерутся до бѣлаго свѣта. Кровью покрывается вода, Иртынъ мечетъ огненныя искры, а надъ Искеромъ встаетъ московскій городъ съ бѣлыми церквями. Вонъ что видятъ столѣтніе глаза Кукджу! Еще раньше пришло въ Сибирь бѣлое дерево, а за нимъ придетъ и Бѣлый Царь... Вотъ что сдѣлали старые боги, которыхъ оставилъ ханъ Кучюмъ!

Мурза Карача думалъ одно, а вышло другое. Не боялся онъ за свой улусъ и даже жалѣлъ мурзу Атика, котораго разоритъ Ермакъ,—одна дорога по рѣкѣ у казаковъ, а Карача-Куль останется въ разоѣ. Позоритъ Ермакъ другихъ мурзъ, награбитъ богатствъ, можетъ-быть, и до Искера доберется, а по заморозкамъ уйдетъ съ добычей за Камень, какъ дѣлалъ Махметкулъ съ закамской стороной. Останется тогда старый Карача богаче и сильнѣе всѣхъ, а Кучюмъ старъ, сыновья у него еще молоды, счастье переменчиво, и если Сайханъ-Доланьгэ не суждено быть ханшей, то она будетъ дочерью новаго сибирскаго хана. Не успѣлъ старый мурза додумать своихъ хитрыхъ мыслей, какъ на Карача-Куль налетѣла гроза. Пока самъ Ермакъ отдыхалъ у бабасанскихъ юртъ, атаманъ Кольцо бросился съ казаками на карачинскій улусъ, точно степной вихрь, который засыпаетъ пескомъ цѣлые города и вырываетъ столѣтнія деревья съ корнемъ. Не было времени даже подумать о защитѣ, а ноги сами бѣжали... Къ утру, гдѣ вчера стоялъ карачинскій улусъ, не осталось даже дыма отъ пожара, а валялись одни трупы убитыхъ да выли собаки. Самъ Карача едва успѣлъ спастись на одной лошади съ Сайханъ-До-

ланьгэ. Они опомнились только въ Искерѣ, куда народъ сбѣгался отъ казаковъ со всѣхъ сторонъ.

— Если Махметкулъ и твой отецъ не могли тебя защитить, такъ я тебя сберегу,—сказалъ старый Кучюмъ, когда увидѣлъ красавицу Сайханъ въ Искерѣ.—Теперь ты моя гостья... Не бойся ничего, пока живъ ханъ Кучюмъ.

Ласково говорилъ старый ханъ, забывая для красавицы даже висѣвшую на носу бѣду, а та попрежнему ненавидѣла его нечистую, старую любовь и думала о Махметкулѣ.

Всѣ мурзы и улусники Кучюма собрались въ Искерѣ. Врагъ близко, нужно подумать о своихъ женахъ и дѣтяхъ, а военное счастье измѣнчиво. Долго думали и рѣшили отправить все имущество, женщинъ, дѣтей и стариковъ въ степь, гдѣ красовалось ханское лѣтнее стойбище Наоболакъ. Такъ бѣда соединила Лелипакъ-Канышъ и Сайханъ-Доланьгэ, какъ зиму съ лѣтомъ, какъ вечернюю зарю съ утренней. Старая ханша не подала и виду, что ненавидитъ свою молодую гостью, которую съ радостью задушила бы своими костлявыми руками, а теперь должна была везти въ степь вмѣстѣ съ своей дочерью Лейле-Канышъ.

Много было слезъ, когда начали выѣзжать изъ Искера жены, наложницы и невольницы Кучюма, а за ними потянулись жены и дѣти разныхъ мурзъ. Остались въ городѣ только тѣ, которымъ некуда было бѣжать, да тѣ, которымъ суждено было здѣсь умереть. Всѣ руки, которыя могли еще бороться съ врагомъ, были впереди, на берегу Иртыша, а впереди всѣхъ опять стоялъ батырь Махметкулъ, грозный и неприступный, какъ рѣка, которая готова выступить изъ береговъ и затопить все кругомъ.

— Будетъ то, чего не миновать,—говорилъ батырю старый шаманъ Кукджу.—У смерти нѣтъ глазъ, какъ и у счастья; но есть глаза у Сайханъ-Доланьгэ, и онѣ смотрятъ на тебя давно... Женщина—тетива, которая посылаетъ стрѣлу-мужчину. Не бойся ничего: я буду съ тобой, какъ сказала Сайханъ-Доланьгэ.

Туча лежитъ на сердце у Махметкула, и ждетъ онъ новой сѣчи, какъ праздника, чтобы смыть свой позоръ вражеской кровью. О, онъ утонетъ въ этой чужой крови, чтобы не слышать страшнаго слова: „трусъ“. А казаки ужъ поднимаются вверхъ по Иртышу, къ городку мурзы Атика. Грозно надулась сердитая рѣка, со стономъ бьются о берега сѣдыя волны, разсыпаясь серебряной слезой, а сверху глядитъ на казаковъ осеннее сѣрое небо, холодное и суровое, какъ лицо мертвеца... Съ жалобой бѣжитъ вѣтеръ по высокой степной травѣ, точно онъ ищетъ кого-то, и тоже стонетъ, какъ стонетъ по ночамъ Иртышъ. Черные вороны стаей провожаютъ казацкіе струги и ждутъ кровавой добычи. Тихо въ одномъ Искерѣ, гдѣ остался святой человѣкъ Ханъ-Сендъ... Онъ каждый день обходитъ всѣ стѣны и долго молится, поднявъ руки кверху. По Иртышу къ Искеру идетъ страшное и великое горе, а надъ казацкими стругами невидимо летитъ смерть. Замерло бы въ груди сердце у самаго храбраго, если бы онъ могъ видѣть то, что видѣлъ Ханъ-Сендъ... Близится день и часъ, когда по степнымъ стойбищамъ, улусамъ и займищамъ горько заплачутъ тысячи татарокъ объ убитыхъ мужьяхъ, отцахъ и дѣтяхъ, а на далекой русской сторонѣ отвѣтятъ имъ тѣмъ же матери, жены и дочери казаковъ. Это судъ Божій, и никто не можетъ остановить его ни на одно мгновеніе...

— О, пророкъ, дай силу Кучюму,—молится Ханъ-Сендъ, падая ницъ.—Вотъ человѣкъ, сердце котораго не знаетъ страха и который будетъ великъ въ бѣдѣ, какъ никто другой...

Подъ Чувашьей горой сошлись храбрые грудь съ грудью, какъ еще не видалъ сѣдой Иртышъ. Тутъ были всѣ мурзы и всѣ князья вогульскіе и остяцкіе. Берегъ Иртыша почернѣлъ отъ двигавшагося по немъ войска, и смерть пряталась за окопами, во рвахъ и засѣкахъ. Самъ Кучюмъ здѣсь, старый Кучюмъ, который сотни разъ видалъ жестокія сѣчи и который сейчасъ ждетъ врага, какъ дорогого гостя. Близко казаки... Гулкое эхо прокатилось по Иртышу отъ ихъ выстрѣловъ, и закипѣла кровавая сѣча. Бьются всѣ съ невиданной еще храбростью. Никому нѣтъ пощады, и люди сдѣлались страшнѣе звѣрей. Впереди всѣхъ бьется батырь Махметкулъ,—онъ выше всѣхъ цѣлой головой, и всѣ смотрятъ на его храбрость. Цѣлый день шла битва, и враговъ раздѣлила только ночь. Побѣда осталась нерѣшенной. Солнце еще не взошло, а стрѣлы уже запѣли. Бой загорѣлся съ новой яростью, и впереди всѣхъ опять батырь Махметкулъ, который молодымъ львомъ носился по полю мертвыхъ. Мало казаковъ, а убитыхъ много. Дрогнуло сердце у самыхъ храбрыхъ. Счастье переходитъ къ татарамъ, еще мигъ—и посыплются казацкія головы, какъ вызрѣвшее на горячемъ солнцѣ зерно. Схватился Ермакъ и двинулъ отчаянныхъ удальцовъ на засѣки, гдѣ скрывались остяки и вогулы. Не выдержали напора эти жалкіе трусы и побѣжали; но опять впереди всѣхъ Махметкулъ, и еще сильнѣе напираютъ татары. Но вдругъ не стало батыря Махметкула, и все смѣшалось. Дрогнули татары, а по полю несется страшная вѣсть: „палъ Махметкулъ, убитъ батырь Махметкулъ!..“

Еще сильнѣе ударили казаки, и побѣжали татары, какъ застигнутое въ степи бураномъ стадо овецъ.

IV.

Красивое мѣсто—Наоболакъ. Два степныхъ озера смотрятъ на небо, какъ два свѣтлыхъ глаза, опушенныхъ зелеными рѣсницами степныхъ камышей. Пестрымъ ковромъ облегла степь это любимое ханомъ Кучюмомъ мѣсто, куда онъ выѣзжалъ со всѣми своими женами и гдѣ веселилось ханское сердце, покрываясь новыми цвѣтами. Но теперь—осень; въ степи шелеститъ высохшая трава; давно завяли степные цвѣты, и надъ веселымъ ханскимъ мѣстомъ черной тучей нависла печаль. Сотни кибитокъ разбиты кое-какъ, какъ громадныя тюбетейки, упавшія съ богатырскихъ головъ; горятъ огни, ржутъ лошади, а печальныя женщины утромъ и вечеромъ смотрятъ въ ту сторону, гдѣ вольно катится Иртышъ и откуда всѣ ждутъ грозныхъ вѣстей. Сбѣжались сюда женщины изъ разоренныхъ городковъ Епанчи, Карачи и Атика, а лучшее мѣсто занимаетъ ставка ханскихъ женъ и наложницъ. Горе соединило всѣхъ въ одно стадо, но никакое горе не заставитъ Лелипакъ-Канышъ позабыть молодую красоту Сайханъ-Доланьгэ,—она каждый день у нея на глазахъ, и каждый день смертельно колетъ сердце старой ханши.

Тоскуетъ и Сайханъ-Доланьгэ: молодость и красота ей въ тягость, потому что и цвѣты блекнутъ, когда на нихъ не смотритъ горячее солнце. Утѣшаетъ дѣвушку старая Кюнъ-Арыгъ, мать батыря Махметкула.

— За что ненавидитъ меня ханша Лелипакъ-Канышъ?—жаловалась ей Сайханъ-Доланьгэ.—Что я сдѣлала ей?.. Быть женой беззубаго старика я совсѣмъ не желаю, да и сердце у Кучюма горячее не по годамъ: сегодня одна жена, а завтра десять новыхъ. Я лучше пойду за степного батыря, которому не на что купить второй жены...

— Это говоритъ въ тебѣ гордость, моя красавица,—стыдила ее старая Кюнъ-Арыгъ и тяжело вздыхала.—У всякой дѣвушки свое счастье, а когда состаришься, тогда ничего не будетъ нужно...

— Но вѣдь я еще молода. Я хочу веселиться... Посмотри, какъ пляшетъ красавица Сузгэ, которую Кучюмъ забылъ, какъ и другихъ женъ. Она—гордая киргизка, и Кучюмъ отбилъ ее у молодаго жениха. Спроси ея брата, царевича Уразу-Магмета: онъ знаетъ, какъ она убивалась въ Сузгунѣ... Лелинакъ-Канышъ утѣшаетъ себя дѣтьми, а Сузгэ остались одни ея слезы.

По вечерамъ Сайханъ-Доланьгэ пѣла старыя пѣсни о старыхъ степныхъ батыряхъ, которыхъ любили степныя красавицы, и о великихъ ханахъ Темиръ-Ленкѣ, Чингисѣ, Искандерѣ и Бату. Хорошо пѣла Сайханъ-Доланьгэ, и около нея собирались всѣ старухи, чтобы поплакать вмѣстѣ о настоящемъ горѣ. На эти пѣсни приходила и Лейле-Канышъ, какъ летитъ птица къ птицѣ,—она оставляла гордость ханской дочери въ своей кибиткѣ. Когда на глазахъ не было старухъ, красавицы весело смѣялись: ихъ молодая радость плавала поверхъ горя, какъ масло надъ водою. Онѣ обѣ любили батыря Махметкула и обманывали другъ друга, какъ молодыя лисицы, когда онѣ играютъ на солнцѣ.

— Зачѣмъ мы съ тобой не сестры?—ласково шептала Лейле-Канышъ.—Мать не любитъ тебя, а я не могу безъ тебя жить...

— И я тоже,—отвѣчала Сайханъ-Доланьгэ.—Когда твой отецъ прогонитъ казаковъ, онъ отдастъ тебя въ награду Махметкулу за его храбрость... Старая Кюнъ-Арыгъ и теперь провожаетъ тебя глазами, какъ свою молодость. У нея даже глаза слезятся отъ радости... Не забудь и меня позвать къ себѣ на свадьбу.

— Это будетъ, когда ледъ на Иртышѣ загорится огнемъ,—смѣялась Лейле-Канышъ.

Чѣмъ казалась веселѣе Сайханъ-Доланьгэ днемъ, тѣмъ сильнѣе она убивалась и плакала ночью,—молодое сердце чуяло бѣду. Шаманка Найдыкъ напрасно уговаривала ее—шептала надъ ней свои заклинанія и осыпала чудесной травой.

— Твоя звѣзда счастливая,—увѣряла Найдыкъ.—И Кукджу то же говоритъ, а онъ все знаетъ, столѣтній Кукджу... Онъ теперь съ Махметкуломъ, какъ тѣнь вокругъ дерева. Кукджу сказалъ: необыкновенное счастье ждетъ красавицу Сайханъ, дочь Карачи, и ты можешь спать подъ его словами, какъ подъ крышей изъ камня.

Не все говорила Найдыкъ, что знала: обманывала она и себя и Сайханъ-Доланьгэ. Не счастье ждало красавицу, а кровавая бѣда... Разъ вечеромъ, когда Найдыкъ сидѣла передъ кибиткой у огня, въ степи показалось черное пятно. Всѣ женщины встрепенулись, какъ спустившаяся на воду стая птицъ, когда завидитъ лодку. Пятно росло и оказалось двумя лошадьми, которыхъ велъ старый Кукджу. Между лошадьми была натянута бѣлая конина, а на конинѣ лежалъ раненый подъ Чувашией горой батырь Махметкулъ. Самъ Кукджу вынесъ его безъ духанное тѣло изъ жестокой сѣчи и спасъ отъ погони одолѣвшихъ враговъ,—онъ на берестяной остяцкой лодкѣ перевезъ его черезъ Иртышъ. На другомъ берегу столѣтній Кукджу хлопоталъ возлѣ батыря, прикладывая цѣлебныя травы къ его ранамъ, и читалъ свои заклинанія, а потомъ перевезъ въ той же лодкѣ назадъ. Три дня и три ночи шли лошади съ драгоцѣнной ношей, а Кукджу шелъ впереди ихъ и собиралъ новыя травы. Махметкулъ, усыпленный питьемъ, лежалъ, какъ мертвый. Весь Наобалакъ выбѣжалъ навстрѣчу къ шаману, и женщины съ воемъ окружили его. Съ крикомъ упала на землю Кюнъ-Арыгъ, когда узнала, кто лежитъ въ конинѣ.

— Онъ будетъ живъ, твой Махметкулъ,—сказалъ Кукджу, отгоняя лю-

бопытныхъ женщинъ.—Онъ искалъ смерти и не нашелъ... Сотни матерей позавидуютъ твоему счастью, Кюнъ-Арыгъ.

Сайханъ-Доланьгэ уступила свою кибитку батырю, и когда Махметкулъ очнулся,—онъ узналъ ковры съ Карача-Куля. Заиграло въ немъ весело молодое сердце, и снова открылись страшныя раны.

— Вези меня въ Искеръ...—шепталъ батырь.—Хочу умереть на его высокихъ стѣнахъ, а не въ женской кибиткѣ.

— Умрешь потомъ, когда придетъ время,—строго отвѣчалъ Кукджу и опять далъ Махметкулу усыпляющаго питья.

Такъ было нужно... Женщины не смѣли плакать, и только Кюнъ-Арыгъ неотступно сидѣла въ кибиткѣ сына, какъ птица надъ выпавшимъ изъ родного гнѣзда птенцомъ.

Не успѣли догорѣть огни у кибитокъ, какъ Наоболакъ опять встревожился,—вся степь точно застонала подъ конскими копытами. Заржали лошади, почуявъ верховыхъ, и скоро долетѣлъ первый топотъ ханскихъ аргамаковъ. Это былъ самъ ханъ Кучюмъ, бѣжавшій изъ Искера, какъ загнанный собаками старый волкъ. Въ Искерѣ веселились казаки, а хану Кучюму осталась его степь... Степь вспоила и вскормила хана Кучюма, и ѣдетъ онъ по ней, низко опустивъ свою сѣдую голову. Не слышитъ онъ ни призывнаго ржанья коней, ни лая сторожевыхъ собакъ, точно онъ самъ остался въ Искерѣ, а вмѣсто него на конѣ ѣдетъ его тѣнь. Не слышитъ онъ и провожающихъ его мурзъ и совѣтниковъ; за нимъ все время неслась свита убитыхъ имъ князей, мурзъ и степныхъ батырей, подъ предводительствомъ убитаго сибирскаго хана Эдигера и его брата Бикъ-Булата... Неслышными шагами они старались обогнать его аргамака и загородить дорогу, но Кучюмъ точно просыпался и мчался впередъ, какъ бѣшеный. Только въ виду Наоболака отстала отъ него эта нѣмая свита, и ханъ Кучюмъ вдругъ опустился въ сѣдлѣ и изнемогъ. Лучше бы не видѣли его старые глаза этого проклятаго дня, когда казаки овладѣли его сердцемъ—Искеромъ...

— Ханъ Кучюмъ, мы пріѣхали...—говорилъ Чинъ-мурза, ѣхавшій за нимъ вмѣстѣ съ Ханъ-Сеидомъ.

Спѣшились мурзы и сняли шапки, ожидая, когда сойдетъ съ сѣдла ханъ, а онъ все сидѣлъ и смотрѣлъ кругомъ, точно не понималъ, куда они пріѣхали. Женщины не смѣли плакать, задыхаясь отъ горя. Когда въ ханскому сѣдлу подошла Лелипакъ-Канышъ, Кучюмъ опомнился.

— Гдѣ Симбула?—спросилъ онъ.—Я не вижу Симбулы...

— Она въ кибиткѣ, ханъ.

— Лучше бы ей никогда не выходить изъ кибитки, чтобы не слышать о смерти брата, мурзы Булата... Много ихъ тамъ легло въ Искерѣ, и только недостаетъ моей сѣдой головы.

Кучюмъ заперся въ своей кибиткѣ съ Ханъ-Сеидомъ и всю ночь не сомкнулъ глазъ. Онъ то плакалъ, то жаловался, то просилъ Ханъ-Сеида убить его, стараго хана Кучюма, не умѣвшаго отстоять своего сердца—Искера. Ханъ-Сеидъ слушалъ его молча, а потомъ громко молился. Ханъ дико смотрѣлъ на него и все прислушивался къ тому, что̀ дѣлается въ стойбищѣ—ни въ одной кибиткѣ не спали, потому что всѣ или ухаживали за ранеными, или оплакивали убитыхъ. Земля гудѣла, какъ живая: это все бѣжали со стороны Искера—кто пѣшій, кто конный, и все привозили новыхъ раненыхъ. Чинъ-мурза распорядился, чтобы женщины не смѣли громко плакать и тѣмъ наводить уныніе на живыхъ, но Кучюмъ послалъ сказать:

— Пусть женщины плачутъ...

Дрогнула даже степь отъ жалобныхъ криковъ горевавшихъ женщинъ... Онѣ рвали на себѣ волосы, царапали до крови лица и падали на землю, отнявшую у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей и сыновей. Убивалась и плакала ханша Симбула, которую водили подъ руки; плакали жены мурзъ и простыя татарки—горе сровняло всѣхъ, какъ траву въ степи ровняетъ острая коса.

V.

Три женщины мучились въ родахъ: схватилась одна за землю—отъ нея произошли китайцы, другая схватилась за дерево—родились русскіе, за конскую гриву схватилась третья—и всѣ ѣздящіе на конѣ считаютъ ее своей матерью. Отъ волка зачала эта третья, и волчья кровь осталась въ степи. Поэтому не боится сердце джигита ни волчьихъ глазъ ни волчьяго воя, а въ бурянъ оно веселится, какъ на праздникѣ. У первой матери смирныя дѣти—не любятъ войны, у второй матери—дѣти бьютъ только чужихъ и чужое любятъ больше своего, а дѣти третьей матери страшны для всѣхъ—не растетъ трава, гдѣ они пройдутъ. Міръ принадлежитъ имъ, ѣздящимъ на конѣ... Но волчья кровь не знаетъ покоя: когда нѣтъ войны съ чужими—бьются свои. Горько оплакивала эта третья мать и раненыхъ, и убитыхъ, и взятыхъ въ плѣнъ. Она все была дома, въ своей кибиткѣ, а кровавое горе ходило бураномъ по степи изъ конца въ конецъ.

Такъ было и теперь... Чужая бѣда радуется въ Искерѣ, а своя бѣда собирается въ степи,—молодой ханъ Сейдякъ вышелъ изъ Бухары, молодой ханъ Сейдякъ хочетъ докончить то, что̀ оставалось еще отъ казаковъ. Поднялась опять кость Тайбуги, и крѣпко задумались самые храбрые мурзы стараго хана Кучюма.

— О, пророкъ, да благословитъ богъ Сеида и да привѣтствуетъ!—говоритъ ханъ Кучюмъ Ханъ-Сеиду,—ты пришелъ ко мнѣ изъ Ургенджа, тебя послалъ бухарскій ханъ Абдулла-ханъ... Зачѣмъ Абдулла-ханъ выпустилъ изъ Бухары молодого Сейдяка? Вмѣсто одного врага, у меня теперь два... Это казакамъ на радость, когда двѣ кости схватятся въ степи.

— Богъ великъ, ханъ Кучюмъ, а будущее неизвѣстно,—отвѣчалъ Ханъ-Сеидъ.—Вотъ ты жалуешься, какъ женщина, которая умѣетъ только прясть шерсть... Дѣлай то, что̀ дѣлалъ; ты стоишь впереди всѣхъ. Не бойся ни молодого Сейдяка ни погайской орды—у каждаго своя дорога. Не все ли равно: одна или двѣ бѣды...

Опять ударили большіе бубны, и собрались около Кучюма всѣ большіе люди—князьки, мурзы, батыри; ударили малые бубны, и сбѣжались къ Кучюму всѣ, кто могъ ѣздить на конѣ. Двойная бѣда удвоила силы стараго хана; онъ даже забылъ о красивыхъ глазахъ Сайханъ-Доланьго, которая больше не пѣла своихъ пѣсенъ. Боевая стрѣла, какъ молнія, облетѣла самые дальніе улусы и стойбища, вызывая всѣхъ въ поле. Убьютъ казаки десять человѣкъ, а на ихъ мѣсто выходятъ новыхъ десять, какъ весенняя трава смѣняетъ прошлогоднюю.

Долго не уходитъ степная зима; новый снѣгъ засыпаетъ весеннія проталины, а тронувшаяся днемъ вода застываетъ ночью. Но уже летятъ птицы съ теплаго моря, заиграли рѣчныя верховья, и зеленымъ бархатомъ одѣла первая весенняя трава рѣчные берега. Да, птицы летятъ къ оставленнымъ гнѣздамъ, на знакомыя стойбища, и по небу вмѣстѣ съ ними несется веселый крикъ. Только ханъ Кучюмъ не вернется больше на старое гнѣздо, на высокій берегъ Иртыша, гдѣ красуется Искеръ, и его сердце стонетъ, какъ выбившаяся изъ силъ перелетная птица.

— Кто помѣряется силой съ Ермакомъ?—спрашиваетъ ханъ Кучюмъ.

Мурзы, князьки и батыри только переглядывались, а отвѣчалъ одинъ батырь Махметкулъ, только-что оправившійся послѣ тяжелыхъ ранъ:

— Я убью Ермака, ханъ Кучюмъ... Только бы мнѣ выманить его изъ Искера въ чистое поле.

— У тебя храброе сердце, Махметкулъ,—отвѣчаетъ ханъ Кучюмъ,—но Ермакъ старше тебя, а когда старый коршунъ спитъ сытый на высокомъ деревѣ, коршунята еще голодаютъ...

Обидное слово только разожгло еще больше Махметкула, а на стараго хана сердиться не стоило. Два свѣтлыхъ глаза посылали батыря туда, откуда немногіе возвращаются.

— Я выйду замужъ за того, кто убьетъ Ермака,—говорила Сайханъ-Долапьга.—Убьетъ старый человѣкъ—онъ помолодѣетъ со мной, убьетъ молодой—будемъ радоваться. Храбрѣйшему изъ храбрыхъ моя красота будетъ наградой..

Махметкулъ уже напередъ видѣлъ красавицу своей, потому что кто же храбрѣе его отъ студенаго моря до теплаго? Только столѣтній шаманъ Кукджу качалъ своей головой: дѣвичьи слова, какъ зеленые листья на деревѣ—сегодня выросли, завтра опали, а Ермака не возьметъ ни сабля ни стрѣла. Въ желѣзо заковано его сердце...

Какъ молодой левъ одинъ выходитъ по ночамъ на добычу, такъ отдѣлился отъ остальнаго татарскаго войска батырь Махметкулъ. Онъ ушелъ на рѣку Вагай съ небольшимъ отрядомъ и тамъ хотѣлъ выждать Ермака. Развеселилась и ты, маленькая рѣчка Вагай, разлилась отъ весенней воды и вышла изъ береговъ, а каждая твоя капля тянулась къ большому Иртышу, какъ маленькое горе къ большому. Мутна вода въ Вагаѣ, хитрыя мысли въ головѣ стараго атамана Ермака, который засѣлъ въ Искерѣ, какъ травленый звѣрь. Въ темную ночь это было, какъ накрыли казаки на Вагаѣ татарскую славу. Горько застонала старая Кюнъ-Арыгъ, когда узнала о всемъ случившемся на Вагаѣ. По стойбищамъ, улусамъ, зимовьямъ и аламъ стрѣлой разнеслась печальная вѣсть, но женщины не будутъ пѣть славу Махметкула... Лучше было Махметкулу умереть у бабасанскихъ юртъ или подъ Искеромъ, а не попадать живому въ руки казаковъ. Утонула слава батыря Махметкула въ далекой Москвѣ.

— Для чего я мучилась, когда родила Махметкула?—повторяла неутѣшная Кюнъ-Арыгъ, обезумѣвшая отъ горя.—Для чего я плакала цѣлые дни и ночи, когда онъ волкомъ ходилъ за Камень? Зачѣмъ я лѣчила его глубокія раны, отъ которыхъ ему лучше было бы умереть у меня на рукахъ?

Вмѣстѣ съ неутѣшной матерью плакали всѣ другія женщины,—всѣмъ имъ было жаль Махметкула, какъ свою кровь.

— Я его считала своимъ сыномъ,—говорила Лелинакъ-Канышъ, ухаживавшая за Кюнъ-Арыгъ, какъ сестра.—Твое горе—мое горе, Кюнъ-Арыгъ. Вотъ и Лейле-Канышъ убивается, какъ не плакала о родныхъ братьяхъ, и Сайханъ-Долапьга... Мы, старухи, теряемъ только сыновей, а наши дѣвушки теряютъ все.

Кюнъ-Арыгъ не понимала ласковыхъ словъ Лелинакъ-Канышъ. Она походила на старое, больное дерево, разбитое грозой: еще остались вѣтви съ зелеными листьями, но нѣтъ въ немъ больше жизни. Она даже не плакала, какъ другія женщины, а только стонала. Мужчинамъ было стыдно слушать эти стоны, особенно когда Кюнъ-Арыгъ начинала упрекать.

— Одинъ былъ храбрый изъ батырей—и вотъ онъ въ позорномъ плѣну!—

кричала старуха, бѣгая по стойбищу съ распущенными волосами.—Кто же защититъ его? Кто выручитъ изъ неволи?.. О, будьте вы всѣ прокляты, тѣ трусы, которые продали моего сына.. Я сама пойду къ атаману Ермаку и скажу: „Это я, мать Махметкула, пришла къ тебѣ... Въ степи пѣтъ храбрыхъ, а только робкія женщины. Отдай мнѣ сына, отдай Махметкула... Еслибы я была богата, я заплатила бы тебѣ золотомъ; если бы я была молода—своей красотой; а теперь я старуха и могу только плакать".

Обидно было слушать эти горькія слова всѣмъ, но никто не рѣшился унять обезумѣвшую отъ горя Кюнъ-Арыгъ. Хмурится старый ханъ Кучюмъ: слова старухи впивались въ его сердце, какъ стрѣлы; хмурятся старые мурзы и батыри, и думаетъ за всѣхъ одинъ Карача, у котораго въ головѣ мысли бѣгали, какъ лисицы въ норѣ, когда ихъ подкуриваютъ дымомъ. Старый Карача зналъ, что Ермакъ не будетъ держать Махметкула въ Искерѣ, а отправитъ поскорѣе въ Москву,—слишкомъ дорогую добычу не держатъ дома. Такъ оно и вышло: Махметкула увели въ московскую неволю по той дорогѣ, по которой онъ еще недавно ходилъ весенней грозой за Камень. Затихла степь, затихъ Искеръ. Обѣ стороны собирались съ силами, чтобы продолжать войну. Ермакъ ждалъ атамана Кольцо, посланнаго въ Москву съ повинной къ Бѣлому Царю. Только осенью вернулся Кольцо и привезъ милостивое царское слово казакамъ, а Ермаку—шубу съ царскаго плеча да тяжелую кольчугу. Веселится Ермакъ въ Искерѣ, веселятся съ нимъ всѣ казаки, а бѣда уже пришла къ самому Искеру, пришла съ покорнымъ словомъ и ласково смотритъ прямо въ глаза. Говоритъ Ермаку посолъ мурзы Карачи:

— Было царство сибирское и владѣлъ имъ ханъ Кучюмъ, а теперь владѣетъ Бѣлый Царь. Не стало силы въ степи, изнемогли татары, а наши враги ногаи разоряютъ наши степные аулы. Возьми насъ, Ермакъ, подъ свою защиту и пришли казаковъ, чтобы побили ногаевъ. Мы честно бились, а ногаи—разбойники, которые грабятъ убитыхъ или беззащитныхъ женщинъ.

Не обманулъ бы мурза Карача хитрымъ словомъ, но ослѣпила Ермака покорность. Повѣрилъ онъ бѣдѣ Карачи и послалъ ему на выручку своего лучшаго атамана Кольцо съ казаками; самъ послалъ, чтобы больше не видѣть его. Какъ весной оплакивалъ ханъ Кучюмъ своего лучшаго батыря Махметкула, такъ осенью Ермакъ заплакалъ по лучшемъ своемъ атаманѣ, попавшемъ въ хитрую западню. Нѣтъ жалости въ сердцѣ Карачи, и зарѣзалъ онъ Кольцо и всѣхъ посланныхъ съ нимъ казаковъ, а голову атамана послалъ поутѣшной Кюнъ-Арыгъ.

VI.

Черной тучей облегла бѣда со всѣхъ сторонъ сибирскаго хана Кучюма: онъ потерялъ ханство, столицу Искеръ, двухъ сыновей, и послѣдній свѣтъ изъ глазъ выкатился у хана Кучюма.

— Глаза не будутъ больше тебя обманывать и не будутъ искать новыхъ красавицъ,—коритъ его ханша Лелинакъ-Канышъ.—Услышалъ Богъ мои старыя слезы...

Ничего не могъ отвѣтить женѣ старый ханъ, да и что могъ сказать человѣкъ, котораго водили подъ руки? Но чѣмъ больше была бѣда, тѣмъ сильнѣе становился старый ханъ Кучюмъ: и слѣпой онъ нагонялъ страхъ на казаковъ и ногаевъ съ Сейдякомъ. Оставались у него еще мурзы и совѣтники, которые исполняли ханскія слова. Своими слѣпыми глазами онъ видѣлъ тайные замыслы своихъ лучшихъ совѣтниковъ и молчалъ. Первый захотѣлъ измѣнить ему мурза Карача, убивший двухъ казацкихъ атамановъ. Счастье

отуманило голову стараго мурзы, и онъ замыслилъ одинъ взять Искеръ. Набралъ онъ бродившихъ по степи татаръ изъ разоренныхъ улусовъ, пригласилъ киргизовъ и ногаевъ и съ этой силой обложилъ Искеръ. Мало казаковъ въ Искерѣ, а помощь далеко.—этимъ и хотѣлъ воспользоваться хитрый мурза. Главный станъ у Карачи былъ подъ Сауксаномъ, и весной онъ заперъ Ермака въ Искерѣ, какъ медвѣдя въ каменной берлогѣ. Мало казаковъ, и нельзя имъ выйти изъ города, а Карача захватилъ всѣ дороги и хвастается: „Голодомъ заморю московскихъ батырей... Сами придутъ съ повинной ко мнѣ въ Сауксанъ".

Мѣсяцъ стоитъ мурза Карача подъ Искеромъ, стоитъ второй и третій стоитъ, а все держатся казаки. Посылаетъ Кучюмъ сказать мурзѣ Карачѣ, чтобы не тратилъ напрасно времени и побереглъ татарскую силу, но далеко зашелъ старый Карача, чтобы итти ему съ повинной къ хану Кучюму. Тѣсно имъ двоимъ въ степи... Пѣтъ лошады у хана Кучюма, пѣтъ лошады и у мурзы Карачи. Пусть пока ханъ Кучюмъ воюетъ съ ногаями, а мурза Карача успѣетъ въ это время отнять у казаковъ Искеръ. Ханъ Кучюмъ старъ и слѣпъ; сынъ Эдигера, ханъ Сейдякъ, еще молодъ, а мурза Карача самъ будетъ сибирскимъ ханомъ. Такъ думалъ мурза Карача, сидя въ Сауксанѣ, а Ермакъ отсиживался въ Искерѣ. Хитрѣе Ермакъ хитраго татарскаго мурзы и ждетъ только темной лѣтней ночи... Два атамана остались у Ермака: Мещерякъ да Брязга, какъ два глаза. Когда наступила темная ночь, тихо вышли казаки изъ Искера, прокрались въ татарскій станъ и начали жестокую сѣчу. Это былъ атаманъ Мещерякъ, а самъ Ермакъ оставался въ Искерѣ. Сонные татары не узнавали другъ друга и бросились бѣжать. Напрасно самъ Карача съ двумя своими сыновьями бросился впередъ на казаковъ—татары бѣжали, какъ зайцы. Бѣжалъ и самъ мурза Карача, оставивъ сыновей убитыми подъ Искеромъ.

Какъ бѣшеный, несется въ степи мурза Карача, и все ему кажется, что за нимъ погоня. Слѣзетъ съ коня, припадетъ ухомъ въ землѣ, а подъ землей—глухой стонъ и конскій топотъ... Опять летитъ Карача, опять прислушивается: тотъ же топотъ и тотъ же стонъ, и съ каждымъ разомъ все ближе и ближе. Пѣтъ спасенья старому Карачѣ, если во-время не доберется онъ до ногаевъ. Молодой ханъ Сейдякъ приметъ его съ радостью, а старый ханъ Кучюмъ зарѣжетъ, какъ старую собаку. Пѣтъ конца-края степи, и загналъ Карача уже двухъ лошадей,—осталась послѣдняя, третья, и, если она не вынесетъ,—пропало все. Мурза Карача чувствуетъ, что и голова какъ будто ужъ не его и готова сама отдѣлиться отъ туловища. Былъ день или стояла ночь—мурза не различалъ. Два дня и двѣ ночи несется онъ въ степи. Третья лошадь стала задыхаться—это пришелъ конецъ хитрому Карачѣ. Но все-таки ѣдетъ онъ все впередъ и видитъ: точно изъ-подъ земли выросъ передъ нимъ всадникъ. Ближе—всадникъ больше и машетъ ему копьемъ. Это сторожевой Кучюма, поставленный ловить его. Пригнулся Карача къ сѣдлу, вытянулъ пику и понесся впередъ на всадника: все равно умирать... Но что это значитъ: всадникъ бросилъ свое копье на землю и спокойно ждетъ его. Пріостановилъ своего скакуна мурза Карача и узналъ самого Хань-Сеида. Да, это былъ онъ, святой старикъ, съ своей бѣлой бородой.

— Куда ты бѣжишь, Карача?—говоритъ Хань-Сеидъ.—Остановись... Ты налетишь на Кучюма, и не сдобровать твоей головѣ.

Опустились руки у Карачи: онъ ѣхалъ къ ногаямъ, а попалъ на Кучюма. Обманули его свои собственные глаза, обманула неоглядная степь... Слѣзаетъ Карача съ коня, бросаетъ свою пику на землю и говоритъ:

— Некуда мнѣ больше бѣжать, Ханъ-Сеидъ... Веди меня къ Кучюму, пусть онъ сниметъ съ меня голову: не нужна она мнѣ.

— У хана Кучюма такое же безжалостное сердце, какъ и у тебя,— говоритъ Ханъ-Сеидъ.—Ты — кремень, онъ—сталь, а когда ударятъ сталь о кремень, то полетятъ искры...

Не слушаетъ ничего мурза Карача, а палъ на землю и говоритъ:

— Дѣти мои, дѣти... гдѣ мои сыновья? Ханъ-Сеидъ, два сына были у меня, а теперь я одинъ... Одинъ я, Ханъ-Сеидъ, и пусть ханъ Кучюмъ лучше зарѣжетъ меня, какъ барана.

— Такъ было нужно, мурза Карача, кость Тайбуги,—отвѣчалъ съ печалью Ханъ-Сеидъ.—Но ты забылъ о дочери, забылъ о красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ...

Засмѣялся мурза Карача... Что онъ будетъ дѣлать съ красавицей-дочерью, когда у него ничего нѣтъ?.. Первый встрѣчный возьметъ его дочь, красавицу Сайханъ-Доланьгэ, уведетъ плѣнницей въ Бухару и продастъ Абдуллѣ-хану въ невольницы,—вотъ что значитъ дочь... Слѣпой Кучюмъ ужъ не думаетъ о красавицахъ, а батырь Махметкулъ въ московской неволѣ,— для чего ему Сайханъ-Доланьгэ? Трава въ полѣ—вотъ что такое дочь; вешній ледъ на рѣкѣ—вотъ что такое дочь. Было у него два сына, а теперь онъ одинъ, какъ старый пень въ лѣсу! Лежитъ мурза Карача на землѣ, лежитъ и громко стонетъ, какъ слабая женщина, какъ ребенокъ, потерявшій мать.

— Ты забылъ, что твоя Сайханъ-Доланьгэ въ рукахъ Кучюма,—говорилъ Ханъ-Сеидъ.—Она теперь его плѣнница...

— Моя дочь? Ты говоришь о Кучюмѣ, который для нея забылъ свою сѣдую бороду?.. Что же, пусть беретъ ее силой. Я ему давно это говорилъ. Но ханъ добивается того, чего нельзя сдѣлать противъ желанія: Сайханъ никогда не полюбитъ его. Да и смѣшно думать объ этомъ дряхлому и слѣпому старику...

— Ты ничего не понимаешь, мурза!

— Убей меня, Ханъ-Сеидъ: мнѣ некуда итти... Не все ли равно, кто меня зарѣжетъ: ханъ Кучюмъ или ногай.

Ночью провелъ Ханъ-Сеидъ упавшаго духомъ Карачу въ станъ Кучюма и спряталъ въ кибиткѣ Сайханъ-Доланьгэ.

— Пока сиди здѣсь, а тамъ увидимъ...—сказалъ Ханъ-Сеидъ.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ кругомъ мурза Карача: и самъ онъ еще живъ, и сидитъ въ кибиткѣ своей дочери Сайханъ-Доланьгэ. Впрочемъ, у него только и оставалось на свѣтѣ, что свѣтлые глаза этой красавицы, а все остальное точно развѣяно по вѣтру.

VII.

Старая ханша Лелинакъ-Канышъ попрекаетъ слѣпого хана Кучюма:

— Что ты все лежишь, Кучюмъ, и нейдешь провѣдать любимаго своего мурзу и совѣтника Карачу: онъ всегда обманывалъ тебя, какъ твои несытые глаза... Карача выискивалъ тебѣ новыхъ наложницъ, онъ тебѣ доставилъ и красавицу Сумбулу, и другую красавицу Сузгэ, и готовилъ тебѣ третью, свою родную дочь. Иди, утѣшь своего вѣрнаго слугу, который хотѣлъ вмѣсто тебя сѣсть ханомъ въ Искерѣ... Иди, утѣшь Сайханъ-Доланьгэ, которая все еще не можетъ оплакать уведеннаго въ плѣнъ Махметкула. Всѣ тебя покинутъ, ханъ Кучюмъ, и останусь около тебя одна я, какъ застарѣлая болѣзнь, какъ вторая твоя слѣпота... Что же ты молчишь, ханъ Кучюмъ?

— Ты говоришь правду, Лелинакъ-Канышъ,—отвѣчалъ ханъ Кучюмъ,

качая головой.—Твой языкъ, какъ степная колючая трава, колетъ мои слѣпые глаза. Мнѣ было бы легче, если бы ты говорила неправду.

— Богъ тебя наказалъ за мои слезы, ханъ Кучюмъ... Да развѣ я одна плакала отъ твоей желѣзной руки? Сколько матерей осиротилъ ты, сколько молодыхъ женщинъ осталось вдовами; и старики и дѣти проклинаютъ твое имя, которое носилось по степи, какъ ядовитая зараза... Я тебя проклинаю, ханъ Кучюмъ; проклинаю за свою материнскую кровь, за Арсланъ-султана, котораго ты послалъ въ московскую неволю, за двухъ другихъ сыновей, убитыхъ подъ Искеромъ.

Молчитъ ханъ Кучюмъ, трясется его сѣдая голова, а слѣпые глаза не видятъ старой ханши, которая въ неистовствѣ поноситъ мужа всякими худыми словами. И земля и небо закрыты для стараго хана Кучюма, а осталось одно черное горе...

Старики не слыхали, какъ въ кибитку вошелъ Ханъ-Сендъ и былъ свидѣтелемъ ссоры. Онъ выслушалъ все, опустивъ свои святые глаза, а потомъ взялъ слѣпого хана Кучюма за руку и вывелъ изъ кибитки. Старая ханша сидѣла на землѣ и, прижавъ сѣдой головой къ колѣнямъ, горько плакала. Въ кибитку опять вошелъ Ханъ-Сендъ и сказалъ:

— Лелипакъ-Канышъ, дочь Шигай-хана, я все слышалъ. Слышалъ и то, чего не сказалъ твой языкъ, и скажу тебѣ то, что чуетъ твое материнское сердце.

Но, прежде чѣмъ говорить, Ханъ-Сендъ опять замолчалъ, чтобы старая ханша выплакала свое горе. Пока она плакала и жаловалась, святой старикъ молился, поднявъ руки кверху. Много женщинъ плакало по татарскимъ улусамъ, стойбищамъ, и ауламъ, и всѣмъ имъ было тяжело.

— Я слушаю, Ханъ-Сендъ,—говорила Лелипакъ-Канышъ, не вытирая катившихся по сморщенному лицу слезъ.

— Слушай, дочь Шигай-хана... Не я тебѣ говорю; а говоритъ пророкъ. Томится въ неволѣ твой сынъ Арсланъ-султанъ, а другая неволя уже готова Абдулъ-Хапру. Такъ нужно, Лелипакъ-Канышъ! Ты стоишь впереди всѣхъ, и твое горе бѣжитъ впереди всѣхъ. Два сына у тебя убито подъ Искеромъ, будетъ твой послѣдній сынъ, красавецъ Алей, ханомъ въ Искерѣ, но ты будешь оплакивать его голову. Старый ханъ Кучюмъ будетъ счастливъ, что не увидитъ своими слѣпыми глазами послѣдняго горя... Три сына убитыхъ, два въ неволѣ, а ты стара, Лелипакъ-Канышъ, и твое сердце затворилось давно. Ты, дочь Шигай-хана, какъ великая рѣка Обь, покрытая льдомъ. Вотъ что я скажу тебѣ, ханша, потому что такъ нужно... Гордилась ты своими пятью сыновьями, а останется одно твое старое горе, и твое сердце заплачетъ кровавыми слезами. Да, заплачетъ мать, а ханша будетъ радоваться: великая радость умереть за родину... Такая кровь пролилась за святое дѣло. Вотъ что я тебѣ говорю, дочь Шигай-хана, и укрѣпится твое сердце до конца: оно крѣпче Искера. Твоя весна улетѣла, и твои глаза не увидятъ новыхъ сыновей, а ханъ Кучюмъ останется безъ племени. Кто будетъ продолжать его волчью кость? Когда Кучюмъ умретъ, кто выйдетъ въ поле противъ враговъ? Слушай, дочь Шигай-хана: ты смѣялась надъ красавицей Сайханъ-Доланьга, а теперь пойдешь къ ней и попросишь—замѣнить ея красотой твою старость. Разгорится сердце хана Кучюма, и продолжится его волчья кость... Оставь свою гордость, Лелипакъ-Канышъ: ты стоишь впереди всѣхъ, и твое горе бѣжитъ впереди всѣхъ.

Пала на землю ханша Лелипакъ-Канышъ, какъ подрубленное дерево, и долго лежала она, какъ мертвая, а святой старикъ опять молился, поднявъ руки кверху. Наступила ночь, когда она очнулась и сказала:

— Ханъ-Сендъ, ты здѣсь? Веди меня къ Сайханъ-Доланьгэ... Я хочу ее видѣть.

Собрала послѣднія силы старая ханша и пошла за Ханъ-Сендомъ. Встрѣчавшіеся давали имъ дорогу, а у кибитки Сайханъ-Доланьгэ встрѣтилъ ихъ старый шаманъ Кукджу и шаманка Найдыкъ. Поблѣднѣла красавица Сайханъ-Доланьгэ, когда къ ней въ кибитку вошла старая ханша Лелинакъ-Канышъ и посмотрѣла на нее заплаканными глазами.

— Здравствуй, Сайханъ-Доланьгэ,—сказала ханша.—Видишь, я пришла къ тебѣ... Пусть мужчины уйдутъ, я хочу говорить съ тобой.

Еще сильнѣе поблѣднѣла Сайханъ-Доланьгэ, когда онѣ остались въ кибиткѣ вдвоемъ. Долго молчала Лелинакъ-Канышъ и все смотрѣла на Сайханъ-Доланьгэ.

— Что ты такъ смотришь на меня, ханша?—спросила смущенная Сайханъ-Доланьгэ.—Я боюсь тебя.

— Любуюсь твоей красотой, Сайханъ-Доланьгэ; любуюсь твоей молодостью и точно вижу себя, когда я была молода и красива. Себя я вижу въ тебѣ, красавица! Раньше я ненавидѣла тебя, когда ханъ Кучюмъ ѣздилъ веселиться на Карача-Куль; раньше я желала тебѣ всякаго зла и радовалась, когда твое сердце заплакало о батырѣ Махметкулѣ. Да, все это было, а теперь гордая, старая ханша пришла сама къ красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ. Тебя ненавидѣла жена хана Кучюма, а старая бездѣтная ханша пришла со слезами просить—замѣнить ея старость.

Поблѣднѣла Сайханъ-Доланьгэ, какъ сорванный цвѣтокъ, а Лелинакъ-Канышъ все говорила, говорила то, что ей сказалъ святой Ханъ-Сендъ.

— Лучше мнѣ умереть...—шептала Сайханъ-Доланьгэ, закрывая свои бархатные глаза.—Я никогда не любила стараго хана Кучюма, а слѣпого старика ненавижу! Это падаль, которую не будетъ ѣсть даже собака... Я ненавижу и тебя, Лелинакъ-Канышъ! Ты, какъ холодная змѣя, заползла въ мою кибитку!.. Не достанется никому моя красота, такъ скажи и Ханъ-Сенду. Не хочу я даже видѣть слѣпого старика и лучше умру дѣвушкой.

Степная ночь раскинулась синимъ, расшитымъ золотомъ шатромъ надъ стойбищемъ хана Кучюма. Громко рыдаетъ въ своей кибиткѣ Сайханъ-Доланьгэ, а у входа въ кибитку стоятъ Ханъ-Сендъ и шаманъ Кукджу. Старики долго шепчутся и ждутъ, когда выйдетъ Найдыкъ и скажетъ, что можно видѣть Сайханъ-Доланьгэ. Плыветъ по небу молодой мѣсяцъ, гдѣ-то далеко кричитъ ночная птица, а Сайханъ-Доланьгэ все плачетъ... Вышла и Найдыкъ и поманила рукой Кукджу,—двѣ тѣни вошли въ кибитку. Столѣтній Кукджу наклонился надъ красавицей Сайханъ-Доланьгэ и шепчетъ ей:

— Смотри на меня, красавица, пристально смотри и увидишь великое чудо.

Страшно стало Сайханъ-Доланьгэ, но она не можетъ оторвать своихъ бархатныхъ глазъ отъ лица Кукджу. Ахъ, какое старое-старое это лицо, покрытое такими глубокими морщинами, точно земля, растрескавшаяся въ засуху. Заросло оно все волосами, какъ желтымъ мохомъ, и только свѣтятся одни глаза. Смотритъ Сайханъ-Доланьгэ, и смотритъ на нее Кукджу, а синія губы шамана беззвучно шевелятся—онъ шепчетъ свои заклинанія. Чувствуетъ Сайханъ-Доланьгэ, что ей легче и что горе неслышно стлетѣло отъ нея. Все шепчетъ Кукджу и еще пристальнѣе смотритъ на красавицу, а Сайханъ-Доланьгэ видитъ себя уже матерью. Два ребенка-сына смотрятъ въ нее глазами хана Кучюма. И страшно и хорошо дѣлается Сайханъ-Доланьгэ, и чувствуетъ она, что любитъ стараго хана, любитъ въ своихъ дѣтяхъ, въ которыхъ проснулась кость стараго хана Ибака.

— Мнѣ хорошо,—шепчетъ Сайханъ-Долаиьгэ и не можетъ очнуться отъ чуднаго сна.

А старый шаманъ Кукджу все шепчетъ и протягиваетъ свои костлявыя, узловатыя руки надъ головой Сайханъ-Долаиьгэ, точно столѣтнее дерево простираетъ свои вѣтви надъ молодой зеленой травкой.

— Ты полюбишь стараго хана Кучюма, какъ не любила бы никогда десять лучшихъ батырей,—шепчетъ Кукджу.—Смотри, что будетъ дальше...

Степь. Трава точно вспрыснута драгоцѣнными камнями. Вольная степная птица серебромъ разливается въ воздухѣ. По степи медленно двигается разбившееся кучками татарское войско, а тамъ вдали пылаютъ русскія села, и столбы дыма показываютъ кровавый слѣдъ уходящаго войска. Много русскихъ плѣнниковъ ведутъ татарскіе батыри; отъ богатой добычи не могутъ итти кони, а впереди всѣхъ ѣдетъ старикъ съ бубномъ и громко поетъ славу стараго хана Кучюма и его молодыхъ сыновей Кучюмовичей. Бьетъ въ бубенъ старикъ и поетъ про молодую ханшу Сайханъ-Долаиьгэ, красота которой цвѣтетъ въ ея сыновьяхъ и о которой поютъ въ святой Бухарѣ, какъ о лучшей степной звѣздѣ, освѣтившей очи стараго хана Кучюма. Проснулась кость хана Ибака, какъ зерно, брошенное осенью въ сырую землю...

Видитъ свой сонъ Сайханъ-Долаиьгэ, сладко дышитъ ея молодая грудь, и не можетъ она проснуться, а Ханъ-Сендь вводитъ въ палатку слѣпого хана Кучюма, который руками ищетъ потерянную глазами красоту.

— Я тебя люблю, Кучюмъ...—шепчетъ Сайханъ-Долаиьгэ, просыпаясь.

VIII.

Степью идетъ молодой ханъ Сейдякъ, сынъ Эдигера; за нимъ несется сѣрое ногайское войско,—въ высокихъ сѣдлахъ скачутъ ногаи, сообщники Сейдяка, машутъ длинными копьями и жаждутъ добычи. Пройдетъ въ степи тысяча ногаевъ, а слѣдъ какъ отъ десяти всадниковъ,—такъ ѣздятъ ногаи, заклятые враги слѣпого хана Кучюма, точно волчья стая. Молодымъ орломъ несется ханъ Сейдякъ, хочетъ онъ нагнать слѣпого хана Кучюма и отмстить ему за смерть отца и дяди. Вмѣстѣ съ жизнью отниметъ Сейдякъ и всѣ награбленныя Кучюмомъ сокровища и ханскихъ женъ,—и уведетъ въ неволю, какъ простую плѣнницу, ханскую дочь, красавицу Лейле-Капшинъ. Зорки глаза у ногаевъ, какъ у ястребовъ, волчье чутье у нихъ, а слѣпой ханъ Кучюмъ хитрѣе ихъ: онъ то впереди ихъ, то назади. Не свою сѣдую голову бережетъ старый ханъ Кучюмъ, а молодое сокровище—Сайханъ-Долаиьгэ.

Горе темнымъ лѣсомъ обступило Кучюма, а его сердце радуется—и днемъ радуется и ночью радуется. Пока ханъ Сейдякъ гонялся за нимъ по степи, старый Кучюмъ подступалъ уже къ Искеру. Немного войска оставалось съ Кучюмомъ, а того меньше засѣло въ Искерѣ казаковъ. Посылаетъ ханъ Кучюмъ разѣздниковъ каждую ночь и ждетъ своей добычи. Матерый атаманъ Ермакъ не знаетъ, кого ему больше бояться—стараго хана Кучюма или молодого Сейдяка. Мало казаковъ въ Искерѣ, перебиты атаманы, остается атаманъ самъ-другъ съ Мещеряковъ. Засѣли два атамана въ Искерѣ, какъ два глаза на дбу, и зорко смотрятъ на немирную татарскую сторону, гдѣ, какъ вѣтеръ по степи, гуляетъ чужая бѣда.

— Нужно выманить московскаго медвѣдя изъ берлоги,—говоритъ мурза Карача хану Кучюму.—Не взять его намъ въ Искерѣ.

— Вымани, если умѣешь,—отвѣчаетъ слѣпой Кучюмъ.—Ты умѣешь обманывать... Ты у меня въ долгу, Карача.

Проглотилъ старый Карача эту обиду и крѣпко задумался. Подъ Иске-

ромъ у него казаки убили двухъ сыновей, а самъ онъ бѣжалъ тогда отъ Ермака, какъ заяцъ. Нужно смыть свой позоръ, а то стыдно смотрѣть въ глаза Сайханъ-Доланьгэ. Молодая ханша не должна стыдиться своего отца. Обманулъ старый Карача атамана Кольцо, обманетъ и Ермака. Тогда онъ просилъ у Ермака защиты противъ ногаевъ, а теперь надо просить защиты отъ хана Кучюма. Сидитъ атаманъ Ермакъ въ Искерѣ, а смерть сама пришла къ нему и говоритъ:

— Нѣтъ тебя храбрѣе, атаманъ Ермакъ... Защити насъ, бухарскихъ купцовъ, отъ слѣпого хана Кучюма, который не пропускаетъ нашь караванъ съ дорогими товарами. Мы идемъ въ Искеръ...

Бухарскимъ купцомъ нарядился мурза Карача и безстрашно пришелъ къ Ермаку въ Искеръ. Сгорбился хитрый мурза, и не узналъ его атаманъ Ермакъ. Отуманилъ желѣзную казацкую голову мурза Карача сладкимъ ядомъ своихъ хитрыхъ словъ.

— А гдѣ вашъ караванъ?—спрашивалъ Ермакъ, разсчитывая, что лучше самъ ограбитъ его.

— На Иртышѣ стоитъ караванъ, недалеко отъ Вагая...

Задумался Ермакъ при одномъ имени Вагая,—унесла эта рѣка у него двухъ лучшихъ атамановъ.

— Ты меня обманываешь!—закричалъ Ермакъ.—Меня ужъ разъ обманулъ проклятый Карача, когда просилъ помощи противъ ногаевъ... И ты тоже зовешь меня на Вагай, гдѣ убить Кольцо! Я велю тебя повѣсить...

— Мнѣ все равно, кто меня ни повѣситъ: ты или ханъ Кучюмъ,—отвѣчалъ неустрашимый мурза Карача.—Если ужъ ты боишься Карачи, такъ мнѣ нечего бояться смерти...

— Хорошо, я тебѣ доставлю удовольствіе: если ты меня обманываешь, то я тебя повѣшу рядомъ съ проклятымъ Карачей...

Собрался въ походъ самъ Ермакъ, а мурза Карача ведетъ его къ своимъ въ засаду. Вмѣстѣ они ѣдятъ и пьютъ, вмѣстѣ спятъ, а мысли разныя. Стережетъ Ермакъ бухарскаго купца, какъ свой глазъ, и не знаетъ, что это его смерть. Такъ они пришли къ устью Вагая, и выкинулъ ночью Ермакъ станъ на островѣ. Бурлитъ Иртышъ отъ осеннихъ дождей, пѣнится вода въ Вагаѣ, а мурза Карача ждетъ своего часа. Устали казаки, полегли спать,—не спитъ одинъ мурза Карача. Какъ змѣя, выползъ онъ съ острова, рыбой переплылъ черезъ рѣку, а на берегу уже ждутъ его улусники и батыри.

— Теперь можно,—сказалъ Карача.—Я привелъ вамъ Ермака.

Шумитъ Иртышъ, пѣнится Вагай, крѣпко спятъ казаки, а черезъ рѣку на островъ въ бродъ переходятъ татары. Ведетъ ихъ самъ мурза Карача, безстрашный старикъ. Темно на островѣ, какъ въ могилѣ, а татарскія сабли нашли казацкія головы и напились горячей казацкой крови досыта. Обезумѣли спросонья казаки, когда началась сѣча, а Ермакъ одинъ рубитъ татаръ... Впереди всѣхъ бьется казацкій атаманъ, и валятся кругомъ него татары; мало казаковъ, и никто не откликается на атаманскій голосъ—одни лежатъ мертвые, другіе бросились въ воду и утонули. Къ самому берегу прижали татары казацкаго атамана, но онъ не сдался имъ живымъ, а бросился въ Иртышъ, какъ былъ, въ кованой желѣзной московской кольчугѣ, которую ему послалъ изъ Москвы царь въ подарокъ. Тяжела была царская милость вольному казацкому атаману, и пошелъ онъ ко дну, какъ брошенный въ воду дорогой камень. Утонулъ въ Иртышѣ атаманъ Ермакъ; казаки всѣ были перебиты, и только одинъ вернулся въ Искеръ, чтобы передать страшную вѣсть. Три дня и три ночи татары искали утонувшаго Ермака въ Иртышѣ и боя-

лись радоваться. Не вѣрилъ слѣпой Кучюмъ, что погибъ его заклятый врагъ. Только на четвертый день Иртышъ отдалъ тѣло казацкаго атамана, и заплакали слѣпые глаза хана Кучюма отъ радости. Три дня и три ночи веселились татары около мертваго Ермака.., Женщины приходили издалека, чтобы на мертвомъ выместить смерть своихъ близкихъ. Одинъ Карача сидѣлъ печальный и не радовался: мертвый Ермакъ не воротилъ ему убитыхъ подъ Искеромъ сыновей. Сѣдая голова давила уже плечи стараго мурзы. Когда ханъ Кучюмъ хотѣлъ его наградить, Карача отвѣтилъ:

— Не нужно мнѣ награды, ханъ Кучюмъ... Пусть радуется за меня Сайханъ-Доланьгэ. Ей теперь не будетъ стыдно за отца...

И Сайханъ-Доланьгэ радовалась, позванивая ханскимъ золотомъ. Она любила своего слѣпого стараго волка, и ханъ Кучюмъ нашелъ въ ней потерянный изъ глазъ свѣтъ. Когда татары радовались смерти Ермака, столѣтній шаманъ Кукджу молчалъ и только качалъ головой: не татары и не ханъ Кучюмъ побѣдили атамана, а побѣдилъ его Иртышъ, буйный сынъ святой Оби.

— Сердится Иртышъ,—бормоталъ Кукджу,—много крови пролито въ Иртышъ...

Слушала старика одна шаманка Найдыкъ, которая попрежнему оставалась при красавицѣ Сайханъ-Доланьгэ.

Взять Искеръ, послѣ смерти Ермака, ничего не стоило,—казаки ушли за Камень, откуда пришли. Великая была радость, когда татары вступили въ родной Искеръ, и только одинъ ханъ Кучюмъ не могъ видѣть своими слѣпыми глазами того, что потерялъ зрячимъ. Слава о ханѣ Кучюмѣ пронеслась по всей степи, а изъ Ургенджа уже идутъ послы отъ сеида Али-Ходжи: они везутъ богатые дары красавицѣ Лейле-Канышъ.

— Берите ее, если она вамъ нравится,—сказалъ старый ханъ Кучюмъ посламъ.—Одна у меня дочь... Такъ и скажите сеиду Али-Ходжѣ.

По-царски снарядили красавицу Лейле-Канышъ, а провожать ее въ Ургенджъ отправилась сама Лелипакъ-Канышъ: ханской кости Лейле-Канышъ, и нельзя ее отправить въ Ургенджъ одну, какъ привозятъ невольницъ. Тяжело разставаться старой ханшѣ съ Искеромъ, гдѣ она видѣла свои короткія радости, но не раздѣлить сердце на-двое, а о сыновьяхъ она уже довольно плакала. Два сына оставались у нея: красавецъ Алей и Абдулъ-Хаиръ, и оба желали провожать мать и сестру въ Ургенджъ, но старый ханъ Кучюмъ сказалъ красавцу Алею:

— Ты останешься въ Искерѣ, а я пойду въ степь навстрѣчу Сейдяку... Ты еще молодъ, а ноги хитры. Береги пока Искеръ, а я провожу Лейле-Канышъ... Далеко Ургенджъ, чужіе люди въ Ургенджѣ, а у меня одна дочь.

Тяжело было разставаться старому хану Кучюму не съ дочерью, а съ старой ханшей Лелипакъ-Канышъ, которая уходила отъ него навсегда. Много разъ и напрасно обижалъ ханъ старую ханшу, и теперь мучила его совѣсть. Ушелъ старый ханъ Кучюмъ въ степь, а красавецъ Алей заперся въ Искерѣ. Лучшее войско ушло съ ханомъ Кучюмомъ, а ногаи только этого и ждали: въ одну ночь обложили они Искеръ, какъ выпадаетъ осенній снѣгъ.

Страшное дѣло началось, хуже того, когда сидѣли въ Искерѣ казаки: съ обѣихъ сторонъ полилась своя татарская кровь, а свой врагъ не знаетъ пощады! Далеко ушелъ въ степь слѣпой ханъ Кучюмъ, не чуетъ его волчье сердце неминучей бѣды, которая облегла Искеръ. Поблѣднѣлъ Алей, когда смерть прилетѣла къ нему на концѣ тонкой ногайской стрѣлы и впилась въ молодое сердце. Бѣжали татары, заняли Искеръ ногаи съ Сейдякомъ, а слѣпой Кучюмъ ищетъ ихъ далеко въ степи...

IX.

Молодой мѣсяцъ на небѣ, молодой ханъ Сейдякъ въ Искерѣ, а въ степи, какъ зимній буранъ, ходитъ слѣпой ханъ Кучюмъ съ своими мурзами, совѣтниками и женами. Двухъ сыновей хана Кучюма убилъ ханъ Сейдякъ; четвертый сынъ Арслань-султанъ въ московской неволѣ,—оставался пятый, послѣдній сынъ Абдулъ-Хаиръ, какъ зѣница ока, да три молодыхъ жены, всѣ три красавицы. Всѣхъ ихъ любитъ старый ханъ, а всѣхъ больше самую младшую, Сайхань-Доланьго, какъ свою молодость, какъ потерянный свѣтъ своихъ ханскихъ глазъ. Побиты два сына у мурзы Карачи, отведенъ въ полонъ богатырь Махметкулъ, а еще много силы у слѣпого хана Кучюма—цѣлое орлиное гнѣздо онъ водитъ съ собой по степи.

— Погоди, ханъ, не трогай сейчасъ Сейдяка,—совѣтовалъ мурза Карача слѣпому хану Кучюму.—Войной съ ногаями мы не вернемъ убитаго Алея, а придутъ казаки, и Сейдякъ не радъ будетъ, что забрался въ Искеръ... Зачѣмъ намъ проливать кровь напрасно?

Предсказанія мурзы Карачи всегда сбывались, какъ худые сны,—хитрый старикъ отлично видѣлъ чужія глупости и только не зналъ о своей головѣ, что ее ждетъ впереди. Сказалъ мурза Карача свое слово хану Кучюму, а на Тавдѣ уже показались казаки. Шли московскіе воеводы, а дорогу показывалъ послѣдній изъ ермаковыхъ атамановъ—Мещерякъ. Широкая это была дорога, по которой хаживалъ за Камень батырь Махметкулъ, а потомъ пришелъ Ермакъ; холодной слезой пролилась она съ Камня по дремучимъ лѣсамъ въ зеленую степь и необъятное сибирское приволье. Плывутъ воеводы уже къ Иртышу, а молодой Сейдякъ окапывается въ Искерѣ, какъ забравшійся въ широкую барсучью нору кротъ. Идетъ московская бѣда на погаевъ, радуется волчье сердце Кучюма... Радуется это сердце и плачетъ за напрасную кровь, которая пролита въ междоусобной войнѣ между татарами. Дѣти одной матери-степи враждуютъ и отдаютъ ее на поруганіе врагу. Но нѣтъ примиренія между костью Тайбуги и костью Ибака, какъ между волкомъ и собакой, и только кровь ихъ льется вмѣстѣ... Такъ думалъ слѣпой ханъ Кучюмъ, сынъ Муртазы, внукъ Ибака, и кровавыми слезами кипѣло его ханское сердце. Закрылся тучами мѣсяцъ на небѣ, облегли казаки высокій Искеръ, а старый атаманъ Мещерякъ рыщетъ кругомъ, какъ поднятый изъ берлоги медвѣдь. Не боятся ногаи московскихъ воеводъ, а Мещеряка, въ которомъ нѣтъ жалости. Восходитъ и заходитъ надъ Искеромъ солнце, шумитъ и стонетъ Иртышъ, поютъ ногайскія стрѣлы, а Кучюмъ стоитъ въ степи у озера Чили-Куль и ждетъ, когда казаки выгонятъ изъ Искера молодого хана Сейдяка. Недаромъ мучилась въ родахъ Тэсь-Удуль, жена убитаго Кучюмомъ хана Эдигера: храбро отбивается молодой Сейдякъ отъ наступающаго врага... Но плохое счастье у молодого хана Сейдяка,—онъ, какъ волчонокъ, попавшій лапой въ капканъ, не радъ и своей молодой храбрости. Даже святой Ханъ-Сеидъ пожалѣлъ храбраго Сейдяка и сказалъ хану Кучюму:

— Ханъ Кучюмъ, помоги Сейдяку... Ты ударишь на московскихъ воеводъ съ тылу, а Сейдякъ выйдетъ на нихъ изъ Искера. Попадутъ казаки между двухъ огней...

— Не могу, Ханъ-Сеидъ,—отвѣчалъ ханъ Кучюмъ, опуская свою сѣдую голову.—Кровь между нами стоитъ... Когда московскіе воеводы выгонятъ Сейдяка изъ Искера, тогда и я ударю на казаковъ. А кость Ибака никогда не срастется съ костью Тайбуги...

Удивили хана Кучюма слова Ханъ-Сеида, а также и то, что его соб-

ственные совѣтники промолчали. Неужели онъ, слѣпой старикъ, останется одинъ въ степи?.. Пусть будетъ такъ, какъ будетъ, а онъ, слѣпой ханъ Кучюмъ, не помирится ни съ ногаями ни съ казаками. Подъ Искеромъ кипитъ жестокая сѣча: бьются московскіе воеводы съ Сейдякомъ, и льется казацкая кровь вмѣстѣ съ ногайской. Но изнемогли ногаи, ворвались въ Искеръ казаки,—и попалъ въ плѣнъ молодой Сейдякъ, какъ орленокъ съ подбитымъ крыломъ. Ушли ногаи въ свою степь, а московскіе воеводы недосчитались головы послѣдняго атамана Мещерика...

— Теперь наша очередь,—говоритъ мурза Карача.—Въ Искерѣ намъ не взять казаковъ, а выманимъ ихъ въ степь...

Смѣлъе голоднаго волка мурза Карача. Съ небольшимъ отрядомъ онъ идетъ прямо подъ Искеръ и задираетъ отдыхающихъ казаковъ. Но крѣпко засѣли московскіе воеводы въ Искерѣ и не поддаются хитрости Карачи. Ждетъ слѣпой Кучюмъ у озера Чили-Куль мѣсяцъ, ждетъ другой, а мурза Карача все еще не показывается.

— Себи обманетъ Карача,—ворчитъ столѣтній Кукджу.—Москва хитритъ...

Каждый день рано утромъ выходитъ столѣтній Кукджу далеко въ степь, припадаетъ къ землѣ ухомъ и слушаетъ: подъ землей слышитъ онъ знакомый стонъ—это жалуется буйный Иртышъ. Нехорошій знакъ, но Кукджу молчитъ, чтобы не смущать напрасно храбрыхъ. Еще будетъ пролито много крови—и чужой и своей. А слѣпой ханъ Кучюмъ горитъ нетерпѣніемъ помѣряться силой съ московскими воеводами... Около него всѣ три жены и жены его мурзъ и улусниковъ: храбрѣе будутъ биться татары, чтобы не отдать казакамъ самаго дорогого.

— Эй, вы, московскіе вороны!—кричитъ мурза Карача, гарцуя подъ Искеромъ на своемъ лучшемъ иноходцѣ.—Забрались въ чужое гнѣздо и носу показать не смѣете... Выходите, храбрецы, въ поле, помѣряемся силой. Я убилъ атамана Кольцо, я убилъ Ермака и васъ убью...

Не стерпѣли московскіе воеводы и вышли изъ Искера ночью. Мурза Карача ждалъ ихъ и притворился трусомъ. Побѣжалъ Карача къ Чили-Кулю и повелъ прямо казаковъ на самого Кучюма... Но хитрѣе оказались московскіе воеводы: раздѣлили они казаковъ на двѣ части—одна пошла въ погоню за Карачей, а другая съ тыла обходила Чили-Куль.

— Застонала земля, ханъ,—говоритъ столѣтній Кукджу хану Кучюму.—Бѣжитъ Карача, а за нимъ гонятся казаки.

Стоитъ ханъ Кучюмъ на холмѣ и ждетъ послѣдней битвы. Съ одной стороны его поддерживаетъ Ханъ-Сендъ, а съ другой—шаманъ Кукджу. Татарское войско сошлось у озера, совсѣмъ готовое въ битвѣ. Послѣдній сынъ хана Кучюма, молодой Абдулъ-Хаиръ скрылся въ засадѣ. Все готово; застыло сердце въ груди у робкихъ женщинъ, а земля стонетъ все ближе и ближе... Не видятъ ничего слѣпые глаза стараго Кучюма, но все слышитъ его волчье ухо... Вотъ горячій скокъ татарскихъ степныхъ лошадей, вотъ дикій крикъ Карачи, лязгъ скрестившихся сабель и стоны раненыхъ. Бѣжавшій отъ казаковъ Карача повернулъ свой отрядъ къ нимъ лицомъ и врубился въ самую середину.

— Молодецъ Карача!..—повторяетъ слѣпой Кучюмъ.—Я слышу, какъ онъ рубитъ казаковъ... Пусть теперь Ураза-Магметъ ведетъ правое крыло на выручку Карачѣ.

Ханъ махнулъ рукой, и киргизскій царевичъ Ураза-Магметъ полетѣлъ въ битву. Напиравшіе на Карачу казаки дрогнули отъ этого натиска, а не-

редніе ряды попятились. Слышитъ ханъ Кучюмъ, какъ смѣшались казаки, а бѣшеный Ураза-Магметъ рубитъ направо и налѣво. Но что это? Опять собрались казаки и напираютъ на Карачу. Ураза-Магметъ врубился слишкомъ далеко и не можетъ поспѣть на помощь Карачѣ, а старый мурза бьется одинъ противъ пятерыхъ.

— Отчего я не слышу голоса Карачи?—спрашивалъ ханъ Кучюмъ стоящаго около него Ханъ-Сенда.—Живъ ли онъ?

Второй разъ махнулъ рукой ханъ Кучюмъ, и вылетѣлъ съ своей засадой Абдулъ-Хаиръ, точно пущенная изъ лука стрѣла. Дрогнули казаки отъ радостнаго татарскаго крика, смѣшались и побѣжали. Радостно крикнулъ и слѣпой ханъ Кучюмъ, услышавъ знакомый побѣдный кликъ, и поднялъ обѣ руки кверху, какъ стоялъ на молитвѣ. Но рано обрадовался слѣпой ханъ Кучюмъ... Обманули его казаки своимъ притворнымъ бѣгствомъ, какъ обманывалъ ихъ раньше мурза Карача: разступились казаки, и засада Абдулъ-Хаира пролетѣла дальше, а когда казаки сомкнулись—татарское во ско было уже раздѣлено. Отдѣльно бились всѣ: и мурза Карача, и Ураза-Магметъ, и Абдулъ-Хаиръ. Но это была еще только половина бѣды: изъ-за озера поспѣвала казацкая засада, вихремъ летѣвшая прямо на холмъ, гдѣ стоялъ самъ ханъ Кучюмъ.

— Бѣжимъ, ханъ!—кричалъ Кукджу, подводя Кучюму верховую лошадь.

— Я не хочу бѣжать, когда другихъ бьютъ...—отвѣчалъ неустрашимый ханъ.—Пусть и меня убьютъ!..

Поздно замѣтилъ мурза Карача грозившую хану Кучюму опасность, но все-таки полетѣлъ навстрѣчу казацкой засадѣ, и еще разъ ханъ Кучюмъ услышалъ голосъ храбрѣйшаго изъ своихъ мурзъ. Казаки давно замѣтили ханскую ставку и летѣли къ дорогой добычѣ: дорого бы далъ Бѣлый Царь за плѣннаго хана Кучюма... Близко казаки, замолкъ и голосъ Карачи, а ханъ Кучюмъ все не двигается и все стоитъ съ поднятыми руками, ожидая смерти. Разбѣжались всѣ въ страхѣ, и около слѣпого хана Кучюма остались только: Сайханъ-Доланьгэ, шаманъ Кукджу да святой Ханъ-Сеидъ. Когда казаки уже вынеслись на холмъ къ ханской ставкѣ, Ханъ-Сеидъ протянулъ свои руки надъ головой Кучюма, и сдѣлались они всѣ четверо невидимыми: слѣпой ханъ Кучюмъ, Сайханъ-Доланьгэ, шаманъ Кукджу и самъ Ханъ-Сеидъ.

Великая бѣда случилась и великое чудо!

X.

Послѣдній сынъ хана Кучюма, молодой Абдулъ-Хаиръ, киргизскій царевичъ Ураза-Магметъ и старый мурза Карача попали въ плѣнъ, а съ ними вмѣстѣ и двѣ ханши, двѣ красавицы, Симбула и Сузгэ. Остальные были перебиты, уведены въ Искеръ плѣнниками или разбѣжались по степи, какъ зайцы. Пока стояла въ степи кость Ибака, зеленая степная трава еще не видала такого горя... Но этого мало: тѣ, кого не взяли въ плѣнъ казаки, сами пришли въ Искеръ съ повинной. Такъ передался Бѣлому Царю старѣйшій изъ ханскихъ совѣтниковъ Чинъ-мурза, а съ нимъ пришла въ Искеръ печутѣшная Кюнъ-Арыгъ.

— Мнѣ бы хоть одинъ разъ взглянуть на Махметкула,—объясняла мать батыря,—всего одинъ разъ... А больше мнѣ нечего ждать, кромѣ смерти.

Съ честью принимали московскіе воеводы этихъ знатныхъ перебѣжчиковъ и съ честью отправили въ Москву, вмѣстѣ съ плѣнниками и плѣнницами. Лучшій цвѣтъ Искера ушелъ съ ними, и въ степи оставался одинъ слѣпой ханъ Кучюмъ, котораго не могли взять ни хитростью, ни лаской, ни силой.

Далеко въ верховьяхъ Иртыша скрывался слѣпой ханъ, а съ нимъ скрывалась красавица-ханша Сайханъ-Доланьгэ. Страшную бурю уносила въ себѣ молодая ханша съ побоища на Чили-Кулѣ: въ ней, въ Сайханъ-Доланьгэ, таилась рѣка крови, которая должна пролиться, страшная неволя враговъ и зарево пожарищъ. Уносила въ себѣ красавица-ханша и двухъ близнецовъ, двухъ Кучюмовичей. Нѣтъ, не умретъ волчья кровь слѣпого хана Кучюма, а съ ней не умретъ и заклятая вражда къ русскимъ, ко всякому, кто протянетъ руку въ степь. По вечерамъ долго сидитъ у огонька молодая ханша Сайханъ-Доланьгэ, сидитъ и поетъ свою любимую „Пѣсню о соломинкѣ“, а слѣпой ханъ Кучюмъ горько плачетъ...

— Было у тебя пять сыновей,—поетъ Сайханъ-Доланьгэ,—какъ пять пальцевъ на рукѣ... А теперь не осталось ни одного. Не печалься, мой ханъ: двухъ сыновей рожу я тебѣ, двухъ Кучюмовичей. Огнемъ пройдетъ кость Ибака по степи...

Бережетъ слѣпой ханъ Кучюмъ молодую ханшу, а ихъ обоихъ берегутъ Ханъ-Сеидъ и шаманъ Кукджу, какъ двѣ схватившихся руки. Четверо ихъ, и никого они не боятся: пусть отдохнетъ ханъ Кучюмъ, пусть поетъ свои пѣсни Сайханъ-Доланьгэ. То въ лѣсу они живутъ, то въ степи, а больше всего любитъ молодая ханша крутой берегъ пѣнистаго Иртыша. Здѣсь нашелъ Кучюма посолъ московскихъ воеводъ изъ Искера и сказалъ:

— Ханъ Кучюмъ, лучше тебѣ покориться Бѣлому Царю, чѣмъ одному скитаться въ степи... Твои сыновья и жены въ плѣну, мурзы и совѣтники перебиты или тоже въ плѣну; не на что тебѣ больше надѣяться. А Бѣлый Царь тебя пожалуетъ своей милостью, какъ и другихъ хановъ и князей...

— Бѣлый Царь—мой братъ, и я не отдавалъ ему сибирскаго царства,—гордо отвѣчалъ ханъ Кучюмъ.—Если у меня взяли силой Искеръ, то это такъ нужно: Богъ великъ. Такъ и скажите моему брату, Бѣлому Царю! Когда я былъ въ счастьѣ, то не хотѣлъ ему покориться, а въ несчастіи покоряются только трусы.

Посолъ посмотрѣлъ на слѣпого хана съ сожалѣніемъ, но Ханъ-Сеидъ сказалъ ему:

— Ты рано пожалѣлъ хана Кучюма... Да. Онъ сильнѣе вашихъ московскихъ воеводъ. Оставайся до вечера и самъ увидишь.

Улыбнулся посолъ словамъ ханскаго совѣтника, но все-таки остался посмотрѣть на силу слѣпого хана Кучюма. Это было на крутомъ берегу Иртыша,—правый берегъ крутой, а лѣвый разлегся степью. Сидитъ посолъ у ханской ставки и видитъ: вышла молодая ханша Сайханъ-Доланьгэ на берегъ, переплыла пѣнившуюся рѣку на деревянномъ плоту и пошла въ степь. Идетъ красавица-ханша по степи, рветъ траву и полными горстями бросаетъ по обѣ стороны. За ней идетъ шаманъ Кукджу и шепчетъ заклинанія надъ сорванной травой.

— Ты видишь, что̀ дѣлаетъ красавица-ханша?—спрашиваетъ Ханъ-Сеидъ.

— Вижу: ходитъ по степи да рветъ траву...

— Смотри теперь, что̀ будетъ дальше.

— Смотрю...

Долго ходила Сайханъ-Доланьгэ по степи, пока не исчезла изъ виду. А посолъ все смотритъ... Пропалъ вмѣстѣ съ ней и столѣтній шаманъ Кукджу. Тогда Ханъ-Сеидъ поднялъ обѣ руки кверху, закрылъ глаза и дунулъ въ степь. Свершилось великое чудо на глазахъ посла: зашевелилась сорванная ханшей трава, какъ живая... Гдѣ-то ударили въ большой бубенъ—и вышли

большіе люди; ударили въ малые бубны—вышли простые джигиты. Сколько сорвано было ханшей травы, столько вышло въ поле и джигитовъ. Весело развѣваются конскіе хвосты на высокихъ коньихъ, ржутъ кони, бьютъ бубны, а войско все прибываетъ... Насколько хваталъ глазъ—вездѣ изъ земли выходили джигиты. Страшно стало посду, а Ханъ-Сендъ опять поднялъ руку кверху, дунулъ—и войско пропало.

— Иди въ Искеръ и скажи своимъ воеводамъ, что видѣлъ своими глазами,—объявилъ ему Ханъ-Сендъ.—Много еще силы у слѣпого хана Кучюма...

Такъ и сказалъ посолъ въ Искерѣ, а воеводы распустили слухъ, что поган зарѣзали слѣпого хана. Не правда это: живъ старый ханъ Кучюмъ и сейчасъ, онъ бродитъ по степи съ невидимымъ войскомъ. Гдѣ онъ прошелъ—тамъ лежитъ трава, сорванная ханшею Сайханъ-Доланьгэ. Одинъ онъ остался, потому что одинъ не измѣнилъ свой матери-степи и искалъ честной смерти въ открытомъ бою съ врагомъ. Вотъ почему, гдѣ будетъ въ степи стоять конь и гдѣ будетъ куриться живой огонекъ, тамъ будетъ пѣться и слава старому хану Кучюму, красавицѣ-ханшѣ Сайханъ-Доланьгэ и грознымъ Кучюковичамъ!

1891.

ВЪ ДОРОГѢ.

Очерки и разсказы.

Худой человѣкъ.

I.

— Кадо, иси! Кадо, шерпъ!.. апортъ!.. Тубо!!!..

Этотъ пѣстовый крикъ заставляетъ меня проснуться. Это милѣйшій Антонъ Петровичъ упражняется въ собачьей педагогикѣ... Нашу комнату отдѣляетъ тонкая дощатая переборка, служащая резонаторомъ, и слышенъ малѣйшій шорохъ въ сосѣдней комнатѣ, а тутъ пѣстовый крикъ прямо подъ ухомъ. Мнѣ хочется разсердиться, но развѣ можно сердиться на Антона Петровича? Кажется, нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ, который могъ бы разсердиться на этого добряка. Правда, у него очень скверная привычка истязать по утрамъ несчастнаго Кадо; но и это дѣлалось только потому, что, по глубокому убѣжденію Антона Петровича, упрямый песъ самымъ упорнымъ образомъ скрывалъ свои блестящія способности и таланты. Нужно было переломить это собачье упрямство...

— А, чортъ!..—ворчалъ, поворачиваясь, спавшій на полу мой спутникъ по охотѣ, Емельянъ Ивановичъ Бурнашевъ, человѣкъ довольно суроваго нрава.—Антонъ, я оторву голову твоему дурацкому псу—слышалъ?!..

За перегородкой наступаетъ пауза, а потомъ слышится вишоватый визгъ продолжающаго скрывать свои таланты-Кадо.

Бурнашевъ садится и уже не говоритъ, а рычитъ:

— Антонъ, ты взбѣсился: тебя надо бить, а не пса!.. Добрые люди спятъ, а ты живодерню разводишь... Удавлю васъ обоихъ.

Въ отвѣтъ слышится отчаянный вопль Антона Петровича:

— Туубо, стервецъ!!!.. Ахъ, шарлатанъ!.. Ахъ, телячья голова!.. Иси! Апортъ!..

Бурнашевъ гнѣвно оглядывается кругомъ, точно ищетъ какого-нибудь смертоноснаго орудія, чтобы прекратить бренное существованіе Антона Петровича, а потомъ встряхиваетъ головой и улыбается. Мнѣ ужасно нравится эта добродушная улыбка, которая такъ идетъ къ этому могучему тѣлу, сколоченному точно по особому заказу для разныхъ трудныхъ случаевъ въ жизни. Да, могучъ Емельянъ Иванычъ и въ свои пятьдесятъ лѣтъ смотритъ молодцомъ. Въ русыхъ кудряхъ и небольшой бородкѣ песочнаго цвѣта ни одного сѣдого волоса. Ситцевая рубашка-косоворотка придаетъ что-то дѣтское этому богатырю. Онъ и спитъ по-богатырски: разостлалъ на полу конскій потникъ,

положилъ въ голову свернутый трубочкой татарскій азямъ—и вся тутъ церемонія. Этому сколоченному тѣлу не было износа и усталости.

— Кадо, иси... ахъ, рракалія!..—вопитъ Антонъ Петровичъ какимъ-то восточнымъ бабьимъ голосомъ.—Тубо!..

Бурнашевъ бомбой вылетаетъ изъ комнаты. Слышно, какъ грузно топаютъ его босыя ноги по скрипучему полу террасы, а затѣмъ хлопаетъ дверь въ комнату Антона Петровича, и начинается діалогъ.

— Совѣсть у тебя есть, Антонъ?..

— Емельянъ Иванычъ, да я... ахъ, Боже мой!.. Да я... сейчасъ провалиться на этомъ самомъ мѣстѣ...

— Удавлю—и отвѣчать не буду!..

Несчастный Кадо визжитъ, получивъ тумака отъ Бурнашева, и скрывается подъ диваномъ, потомъ слышится что-то въ родѣ легкой борьбы и затѣмъ такой шумъ, какъ что-нибудь тяжелое таскать по полу. Въ заключеніе дверь нашей комнаты распахивается, и Бурнашевъ торжественно втаскиваетъ упирающагося Антона Петровича, который рядомъ съ Бурнашевымъ ужасно напоминаетъ только-что вытащеннаго изъ воды цыпленка.

— Емельянъ Иванычъ... Емельянъ Иванычъ, вѣдь это какой лукавый организмъ, то-есть Кадо. Вѣдь онъ все понимаетъ, рѣшительно все... Почему сегодня не хотѣлъ ничего дѣлать? Живо сообразилъ: дескать, пріѣхали гости, дескать, гости спятъ, а я, дескать, притворюсь глупымъ псомъ... Вотъ онъ какой!..

Бурнашевъ толкнулъ Антона Петровича на стулъ и, пригрозивъ пальцемъ, проговорилъ:

— Ты у меня только пошевелись... Тутъ тебѣ и окончаніе. Понялъ?

Антонъ Петровичъ покорно усѣлся на стулъ, оправилъ ситцевую рубашку, почесалъ въ затылкѣ и заговорилъ уже другимъ тономъ:

— А вѣдь, дѣйствительно, того... Ахъ, ты, Боже мой! То-есть вотъ совсѣмъ мнѣ невдомекъ, что вы тутъ спите...

— Не заговаривай зубовъ!—сурово обрываетъ Бурнашевъ.—Ты это на зло поднялъ живодерню... Люди пріѣхали ночью, намаялись, спятъ, а ты съ псомъ связался. Ну есть у тебя хоть маленькая совѣсть?!..

Антонъ Петровичъ виновато моргаетъ своими маленькими сѣрыми глазками, подергиваетъ лѣвымъ плечомъ и, видимо, чувствуетъ себя нехорошо. Его птичье лицо, изрытое оспой, принимаетъ напряженное выраженіе человѣка, рѣшившагося во что бы то ни стало исправиться. Ахъ, ты, грѣхъ какой вышелъ... да-а!.. Вотъ и поди ты... А все проклятый Кадо виноватъ. Бурнашевъ съ мрачнымъ видомъ надѣваетъ расшитые когда-то шелками широчайшіе киргизскіе кожаные шаровары, потомъ громадные сапоги, подпоясываетъ рубашку узенькимъ ремешкомъ и мрачно спрашиваетъ:

— Гдѣ умываться-то?..

— А въ ключикѣ... Вотъ тутъ сейчасъ подъ горкой. А то можно въ кухнѣ у Васеньки...

Когда Бурнашевъ выходитъ, Антонъ Петровичъ весело улыбается, какъ школьникъ, проводившій суроваго учителя, подмигиваетъ мнѣ и говоритъ:

— Неистовый человѣкъ Емельянъ Иванычъ... Я думалъ, онъ меня и въ самомъ дѣлѣ задавитъ. Какъ ухватитъ своей ручищей... Вѣдь это что же такое: желѣзо у него въ кулакѣ заржавѣетъ, а тутъ ухватилъ живого человѣка... Вы ужъ меня извините. Такъ, ошибочка вышла...

— Помилуйте, Антонъ Петровичъ... Все равно, надо вставать. Не спать пріѣхали...

— Вотъ-вотъ!..—окончательно обрадовался старикъ.—И я то же думалъ... У меня ужъ есть на примѣтѣ гнѣздышко тетеревятъ... Съ курицу ужъ будутъ. Только встъ какъ Кадо...

Мнѣ очень нравилась манера Антона Петровича говорить. Онъ всегда говоритъ уменьшительными именами: гнѣздышко, ключикъ, чаекъ, Васенька—точно боится кого-нибудь обидѣть, и только въ раздраженіи рѣшается употреблять настоящія, большія слова. Меня забавляетъ, что онъ не смѣетъ сойти со стула и ждетъ возвращенія Бурнашева.

— Ну, какъ вы поживаете, Антонъ Петровичъ?

— А помаленьку... Золотце моемъ—себя кормимъ. Всѣмъ хлѣбецъ... Ничего, слава Богу!..

На золотыхъ промыслахъ какъ-то принято жаловаться, даже когда идетъ богатое золото, точно боятся спугнуть прикачнувшееся счастье. Впрочемъ, это общая купеческая привычка. Исключеніе представлялъ одинъ Антонъ Петровичъ, у котораго всегда и все „слава Богу“, даже когда ему отказали отъ службы и онъ скитался безъ мѣста.

Въ единственное окно нашей комнаты глядѣло такое чудное лѣтнее утро. По деревянному полу, расщелившемуся и грязному, бродили золотыя солнечныя пятна, точно они что-то отыскивали. На ночь окно не было закрыто, и въ комнатѣ было свѣжо. Лежа на своемъ ободранномъ диванѣ, я могъ любоваться ближней горой Шульпихой, которая поднималась синей шапкой. Изъза нея въ синеватой дымкѣ едва брезжили другія горы. Мѣсто, вообще, было очень красивое, недаромъ и самый пріискъ назывался „Пріятнымъ“. Время отъ времени я любилъ пріѣзжать въ этотъ забытый Богомъ уголокъ, гдѣ охватывала какая-то особенная блаженная тишина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо на бѣломъ свѣтѣ, когда чувствуешь, что все тяжелое, мучительное и заботившее осталось далеко-далеко. Зачѣмъ люди строятъ города, большіе каменные дома, мостовыя и прочія чудеса цивилизаціи, когда еще есть и синее небо, и солнечный свѣтъ, и нетронутые никакой культурой уголки. Начинаешь чувствовать себя вольной птицей, потому что принадлежишь себѣ и только самому себѣ. Вѣдь, въ сущности, человѣку такъ мало нужно, да и этимъ малымъ онъ совсѣмъ не умѣетъ воспользоваться.

Черезъ полчаса мы сидѣли уже на террасѣ, какъ называлъ Антонъ Петровичъ широкое русское крыльцо съ шатровой крышей. Раньше пріисковая контора была безъ крыльца; оно было устроено иждивеніемъ Антона Петровича, любившаго слово: „терраса“. У него, вообще, была слабость къ иностраннымъ словамъ, которыя употреблялись иногда не совсѣмъ къ мѣсту. Раннимъ утромъ пить чай на террасѣ было особенно хорошо, такъ что одобрилъ даже Бурнашевъ.

— Ничего, не вредно придумалъ,—похвалилъ онъ.

Пріисковая стряпка Васенька—слово Василиса казалось Антону Петровичу слишкомъ тяжелымъ—успѣла смастерить горячія шаньги (лепешки, вымазанныя сметаной), и это придавало нашему утреннему чаю особенный шикъ. Васенька вообще любила и умѣла потрафить, если на нее находилъ добрый стихъ, а въ обыкновенное время она не баловала своего повелителя, подавая, что̀ случится. Это была здоровая бабища съ грубымъ лицомъ и хитрыми темными глазами. Она носила кумачные сарафаны, козловыя ботинки и кумачные платки, что̀ пріятелями ставилось Антону Петровичу на счетъ. Всѣхъ занималъ источникъ этого щегольства, и сейчасъ Бурнашевъ только покосился на Васеньку. Антонъ Петровичъ жилъ вдовцомъ, съ дочерью Катей, которой было семь лѣтъ, и дальше намековъ никто не шелъ.

Съ нашего крыльца открывался чудный видъ на тѣснившіяся кругомъ горы. Собственно пріискъ занималъ дно крутой горной котловины, гдѣ съ глухимъ ропотомъ пробиралась бойкая горная рѣчонка Юла. Если смотрѣть откуда-нибудь съ высоты, эта горная долина походила на громадную чашку съ разорванными краями. По-башкирски она недаромъ называлась „урвамъ“, что̀ въ переводѣ значитъ—горшокъ. Золото здѣсь найдено было давно, лѣтъ сорокъ назадъ, но разработка его велась крайне неправильно, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовали старыя ямы, отвалы изъ галекъ и промытаго песку. Пріискъ „Пріятный“ переходилъ изъ рукъ въ руки разъ десять и, какъ это ни странно, однихъ разорилъ, а другихъ обогатилъ. Все дѣло въ томъ, что, благодаря крутому паденію Юлы, розсыпь имѣла неправильное образованіе, и золото залегло гнѣздами. Сейчасъ работы шли подъ самой Шульпихой, о чемъ свидѣтельствовалъ синій дымокъ старательскихъ костровъ.

— Да, пріятное мѣсто...—вслухъ подумалъ Бурнашевъ, допивая пятый стаканъ чая.—Не тебѣ бы жить, Антонъ.

— А отчего не мнѣ?—спрашивалъ Антонъ Петровичъ.—Вотъ я и террасу пристроилъ... Очень даже хорошо лѣтомъ чайку напиться. Главное, воздухъ легкій...

— А зимой волки на террасѣ снятъ?

— Случается, забѣгаютъ... Только нашъ лѣсной волкъ смирный. Что̀ ему злиться, когда въ лѣсу всего довольно: и зайчика поймаетъ, и рябчика, а то и цѣлую козу. Кадо разъ чуть-чуть волки не зарѣзали.. Увязался за мной на работы подъ Шульниху, а оттуда побѣжалъ одинъ—ну, его дорогой и поцарапали. Хорошо, что Васенька во-время выскочила и коромысломъ отбила...

— Напрасно, въ самый бы разъ твой Кадо на ужинъ волкамъ. Лучше и не придумать...

Точно въ отвѣтъ на это пожеланіе послышался веселый лай Кадо, и на крыльцо выбѣжала Катя.

— Папа, папа, дядя Миша ѣдетъ!—кричала дѣвочка, хлопая ручонками.—Совсѣмъ уже близко, папа.

— Милости просимъ...

Антонъ Петровичъ что-то хотѣлъ сказать намъ и даже подмигнулъ, но именно въ этотъ моментъ изъ-за угла вывернулся верховой и цыганской тропою подъѣхалъ къ крыльцу. Кадо встрѣтилъ гостя веселымъ лаемъ. Дядя Миша былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ съ серьезнымъ не по лѣтамъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ шведскую кожаную куртку, охотничьи сапоги и бѣлую войлочную киргизскую шляпу. Я невольно полюбовался его посадкой—сейчасъ видно настоящаго „конника“. Лошадь была какой-то необыкновенной масти—бѣлая, не сивая, а именно бѣлая съ желтоватыми пятнами, точно она прержавѣла. Другой особенностью были бѣлые глаза, придававшіе ей какой-то глупо-удивленный видъ. Бурнашевъ такъ и впился глазами въ лошадь,—онъ былъ отчаянный лошадникъ.

II.

— Мы съ вами немножко знакомы...—проговорилъ дядя Миша, протягивая мнѣ руку,—Егоровъ. Встрѣчались въ Екатеринбургѣ.

— Ахъ, да, помню. Вы, кажется, въ реальномъ училищѣ были.

— Да, до пятаго класса.

— Чайку, Миша?—предлагалъ Антонъ Петровичъ.

— Нѣтъ, спасибо.

— Все еще одну воду пьешь?

— Да.

— Это въ какихъ же смыслахъ, Михайла Ильичъ, то-есть одну воду?— полюбопытствовалъ Бурнашевъ.

— А такъ... Чѣмъ меньше привычекъ, тѣмъ лучше. Я нахожу, что безъ чаю можно обойтись.

— Такъ-съ... Оно, конечно, ежели кто можетъ,—съ обиженнымъ видомъ согласился Бурнашевъ, страстный любитель чая.—Да, вообще... А конекъ у васъ, ничего Михайла Ильичъ. Только плечо какъ будто коротковато... и ребро—того...

Егоровъ посмотрѣлъ на Бурнашева черезъ плечо и только улыбнулся.

— Я не хаю, Михайла Ильичъ—правильный конекъ, а только... А какъ насчетъ колодцевъ?

— А бабку видали, Емельянъ Иванычъ?—не безъ гордости спрашивалъ Егоровъ.

— Что̀ же, бабка—извѣстно, кыргызъ, ну, и вышла бабка длинная... Нѣтъ, вотъ насчетъ колодцевъ какъ.

— Четыре колодца,—спокойно отвѣтилъ Егоровъ.

— И-но-о?—изумился Бурнашевъ и даже вскочилъ.—Ужъ извините меня, а не вѣрю... Не могу повѣрить-съ.

Бурнашевъ и Егоровъ отправились осматривать лошадь, а Антонъ Петровичъ, слѣдившій за ихъ разговоромъ съ благоговѣніемъ, весело подмигнулъ мнѣ, что̀ въ переводѣ означало: нашла коса на камень. Оба лошадника, оба спеціалисты.

— Миша-то за своего Барчика двѣсти рубликовъ отвалилъ,—сообщалъ мнѣ шопотомъ старикъ.—Жалованья получаетъ двадцать рублей, пять лѣтъ не доѣдалъ, не допивалъ, а своего достигъ. Добылъ-таки лошадку. Другой такой до Семипалатинска не сыскать.

Лошадники производили Барчику настоящій экзаменъ. Бурнашевъ проявилъ даже какое-то неистовство. Онъ самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣлъ ноги, грудь, шею, спину, особенно голову. Бѣдная лошадь прижимала уши и фыркала, когда Бурнашевъ заглядывалъ ей въ ротъ, ощупывалъ ноздри, дулъ для чего-то въ глаза, дергалъ за хвостъ и въ заключеніе два раза пролѣзъ подъ брюхомъ. Кромѣ насъ, въ качествѣ публики присутствовали мой кучеръ Андронычъ, большой скептикъ по натурѣ, и пріисковый конюхъ— башкиръ Уразайка. Андронычъ скептически улыбался, а башкиръ смотрѣлъ на лошадь жадными глазами голоднаго человѣка. Сказывался степнякъ, для котораго лошадь все.

— Емельянъ Иванычъ, а ты сядь на нее,—кричалъ Антонъ Петровичъ.—Она тебѣ покажетъ.

Егоровъ передалъ чумбуръ Бурнашеву. Произошла довольно комическая сцена. Лошадь точно взбѣсилолсь. Она начала вставать на дыбы, жала уши и ни за что не подпускала Бурнашева ближе къ сѣдлу, какъ онъ ни бился съ ней. Антонъ Петровичъ покатывался со смѣху, а Егоровъ стоялъ молча и молча торжествовалъ. Лошадь была „строгая“ и никого, кромѣ хозяина, къ себѣ не подпускала.

— Охъ, Емельянъ Иванычъ, уморилъ!..—какъ-то всхлипывалъ Антонъ Петровичъ.—Всѣ животики надорвалъ... А еще лошадникомъ называешься!.. Нѣтъ, братъ, шабашъ... Барчикъ свое дѣло знаетъ. Смотри, какъ бы онъ тебѣ палецъ не откусилъ.

Не желая срамиться до конца, Бурнашевъ какъ будто нечаянно выпус-

тилъ изъ рукъ чумбуръ. Лошадь взвилась на дыбы, повернулась на заднихъ ногахъ и стрѣлой помчалась къ пріиску. Егоровъ не шевельнулся и спокойно пошелъ на крыльцо.

— Миша, ты это что же?!..—испугался Антонъ Петровичъ.—Вѣдь двѣсти рубликовъ дадено, а вдругъ она убѣжитъ.

— Не безпокойтесь, никуда не убѣжитъ.

Барчикъ сдѣлалъ широкій кругъ по пріиску, остановился, заржалъ и спокойнымъ шагомъ пошелъ къ конторѣ. Эта шутка произвела полный эффектъ, и только одинъ Андронычъ продолжалъ скептически улыбаться. Что же тутъ удивительнаго, если Егоровъ „такое слово“ знаетъ? У Андроныча всѣ непонятные случаи объяснялись этимъ всеобъясняющимъ „такимъ словомъ“.

— Да, строгій конекъ...—повторялъ Бурнашевъ, тяжело переводя духъ.—Такъ никого и не подпуститъ, Михайла Ильичъ?

— Никого.

— Дда-а... А все-таки ребро какъ будто того, плосковато малость. И притомъ пахъ рѣдокъ.

— Это съ дороги пахъ она распустила. Была работа...—коротко объяснилъ Егоровъ увѣреннымъ тономъ.—Спина у ней порченая—вотъ это точно.

— Отъ гуртовщика добыли?

— Да.

— Такъ-съ. У меня вотъ такая же строгая лошадка была.

По неестественно-ласковому тону Бурнашева я зналъ, что онъ нарочно порочилъ Барчика, а въ сущности завидовалъ Егорову. Очевидно, лошадь поразила его какими-то необыкновенными достоинствами, и онъ хитрилъ, чтобы не выдать настоящихъ своихъ чувствъ. Это ужъ всѣ лошадники одинаковы: хорошую лошадь никогда не похвалятъ.

Мы опять сидѣли на крыльцѣ. Егорову принесли цѣлую кринку молока, и онъ, не торопясь, пилъ его. Это было молчаливое торжество, смущавшее Бурнашева.

— Да, у меня была тоже строгая лошадка,—тянулъ онъ съ разсчитанной медленностью.—Такъ же вотъ у гуртовщика купилъ... въ Троицкѣ... Пригнали косякъ лошадей, распродали, ну, на что гуртовщику лошадь? Я къ нему... То-се, заломилъ страшную цѣну: полтораста рублей. А лошадь глядѣть не на что: худая, мослы—шапки вѣшай, задъ подбористъ. Три дня торговались, а потомъ я его таки-уломалъ — на шестидесяти рубляхъ помирили дѣло. Хорошо. Только тутъ вышла такая причина: стали снимать съ нея сѣдло, а оно вмѣстѣ съ кожей и снялось. Три мѣсяца, какъ косякъ гнали изъ степи, не разсѣдлывали. Ахъ, ты, грѣхъ какой... Ну, нечего дѣлать, сбавилъ мнѣ гуртовщикъ красный билетъ. „Ничего, гритъ, заживетъ... У насъ это завсегда такъ, потому какъ день и ночь гуртовая лошадь на работѣ“. Хорошо. Привелъ я лошадь домой, поставилъ въ конюшню и думаю: пусть отдохнетъ, а тѣмъ временемъ и спина поправится. Что же бы ты думалъ, братецъ ты мой? Дѣйствительно, вошла она въ тѣло, и спина зажила. Хорошо. Надо ее, думаю, попробовать. Вотъ я къ ней, напримѣръ, подхожу, а она, напримѣръ, какъ собака на меня... И задомъ и передомъ хлещетъ, да еще зубищами поровитъ ухватить. Ужъ мы бились, бились надъ ней съ работникомъ—моченьки нашей не стало, а лошадь все не дается. Прямо, звѣрь... Бились-бились мы такимъ манеромъ съ мѣсяцъ. Стыдно сосѣдей, не то что настоящихъ лошадниковъ. А только разъ я этакъ силю утромъ, работникъ збѣгаетъ и этакъ шопотомъ мнѣ: „Емельянъ Иванычъ, Храпуна-то нѣтъ въ конюшнѣ...“—„Вырвался?“—„Какое вырвался: прямо украли“. Сѣлъ это я на

постели и какъ есть ничего не понимаю... Вышибло изъ ума: Храпуна? украли? Опамятовался потомъ и сразу сообразилъ: некому больше украсть такую лошадь, какъ Никешкѣ Карякину. Это у насъ въ городѣ первый конный воръ... Такъ ужъ всѣ и знаютъ. Ну, я сейчасъ, значитъ, къ нему, къ Никешкѣ. Жена говоритъ: спитъ. Я это бабешку въ шею, а самъ въ сѣнцы, гдѣ спалъ Никешка. Сѣлъ прямо на него, схватилъ прямо за горло и говорю: „Сейчасъ удавлю—подавай лошадь. Окромя тебя некому ее взять! "Ну, онъ взмолился. „Тотъ богъ, этотъ богъ—отпусти душу на покаянье, Емельянъ Иванычъ. А лошадку, дѣйствительно, я сблаговѣстилъ, потому она тебѣ не въ рукамъ".—„Да чортъ съ ней, съ лошадкой, говорю я,—даромъ отдамъ, только покажи, какъ ты этакого звѣря увелъ-то".—„Хорошо, гритъ. Ты ступай домой, а я пріѣду черезъ часъ время". Ну, пошелъ я домой и жду. Дѣйствительно, черезъ часъ катитъ мой Никешка на Храпунѣ. Подъѣхалъ и говоритъ: „На, получай свое добро, Емельянъ Иванычъ..." Поставилъ онъ его въ конюшню и смѣется. Мы съ работникомъ къ Храпуну, а онъ еще хуже презняго—такъ и рветъ. Я ужъ тутъ самъ разстервенился и говорю: „Никешка, бери этого чорта... Даромъ дарю, ежели при мнѣ сядешь на него верхомъ". Что жъ бы ты думалъ, братецъ ты мой: подошелъ этотъ самый Никешка къ конюшнѣ, взялъ Храпуна за чолку, вывелъ, сѣлъ, да безъ сѣдла и безъ узды и былъ таковъ. Только его и видѣли...

Этотъ разсказъ, очевидно, предназначался для Егорова, но онъ не обратилъ на него никакого вниманія.

— Что ты такой, Миша?—спрашивалъ Антонъ Петровичъ.—Не то муху проглотилъ, не то лѣвой ногой всталъ.

— Да, проглотилъ муху...—спокойно согласился Егоровъ.

Онъ допилъ свое молоко и заявилъ, что пойдетъ куда-то въ дальній конецъ прінска разыскивать старика-башкира Аблая.

— Да на что его тебѣ, Миша? Я уже лучше пошлю за нимъ, а ты посиди съ нами,—предлагалъ Антонъ Петровичъ въ качествѣ вѣжливаго хозяина.

— Нѣтъ, я ужъ лучше самъ.

Отойдя шаговъ двадцать, Егоровъ свистнулъ, и Барчикъ пошелъ за нимъ, какъ собака.

— Вотъ чортушка-то!..—замѣтилъ Бурнашевъ, качая головой, и потомъ совершенно неожиданно прибавилъ:—Этотъ, пожалуй, и зарѣжетъ.

— Почему вы такъ думаете, Емельянъ Иванычъ?

— Да такъ. Тяжело смотритъ. Это ужъ всегда по взгляду видно. А лошадь хороша... д-да. Ничего бы не пожалѣлъ за такого орла... Настоящій бѣгунецъ... Только я такъ думаю, что эта самая лошадь изъ краденыхъ, потому что кому же неволя такую-то продавать.

— А зачѣмъ вы ее хвалили давеча?—спросилъ я.

Бурнашевъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Да развѣ лошадь хвалятъ въ глаза? Что вы... У меня какъ-то одна сторонняя женщина похвалила жеребенка, такъ онъ черезъ три дня подохъ.

— Это ужъ вѣрно,—тономъ спеціалиста согласился Антонъ Петровичъ, дергая плечомъ.—Вотъ тоже, когда идешь съ ружьемъ, да ежели кто похвалитъ собаку... Со мной такой случай былъ. Иду съ Кадо...

— Тьфу! тоже и сравнитъ...—возмутился Бурнашевъ.—Васъ обоихъ съ Кадо-то на первой осинѣ повѣсить.

Охотники и лошадники преисполнены суевѣрія и всевозможныхъ примѣтъ. Поднялся горячій споръ. Антонъ Петровичъ горячился и размахивалъ

руками, а Бурнашевъ подавалъ реплики какимъ-то презрительнымъ тономъ, точно дѣлалъ величайшее одолженіе. Этотъ споръ былъ поднятъ появленіемъ на крыльцѣ кучера Андроныча. Онъ переминался съ ноги на ногу.

— Что тебѣ, Андронычъ?..

— А я насчетъ Егорова... да.

Андронычъ сдѣлалъ драматическую паузу и еще помялся немного.

— Въ степи недавно байга была...—заговорилъ онъ, глядя куда-то въ уголъ.—Ну, значитъ, на тридцать верстъ гнали... да. И егоровскій Барчикъ тоже гонялся. Все время въ головѣ шелъ, а какъ стали къ концу подходить, и вывернись какая-то гнѣденькая лошадь... да. Вывернулась да и обошла Барчика. Вотъ тутъ недалече башкирская деревушка Юлаева есть. Тамъ эта самая гнѣденькая лошаденка. Сказываютъ, Егоровъ-то чуть не застрѣлилъ своего Барчика.

— Да ты это откуда узналъ, Андронычъ?

— А Уразайка сказываетъ... Вотъ какъ грятъ всѣ башкиры теперь радуются. На двухъ байгахъ Егоровъ уносилъ кругъ, а тутъ и сплоховалъ.

Это извѣстіе взволновало Бурнашева

— Гнѣденькая, говоришь? Изъ Юлаева? Такъ... То-то Михаилъ Ильичъ туманный такой... хе-хе!.. Да.

Для провѣрки этого важнаго извѣстія былъ вызванъ конюхъ Уразайка. Онъ подтвердилъ разсказъ Андроныча.

— Кунчалъ башка Егоровъ...—борготалъ Уразайка, улыбаясь до ушей.—Нашъ юлайка бижалъ.

— А ты не врешь, бритая башка?—строго спросилъ Бурнашевъ.

— Зачѣмъ врать... грѣхъ врать... Ухъ! большой грѣхъ... А Егоровъ юлайка кунчалъ.

Я смотрѣлъ на волновавшагося Бурнашева и понималъ его настроеніе, какъ понимали и всѣ остальные.

— Вотъ бы тебѣ, Емельянъ Иванычъ, въ самый разъ такую лошадку приспособить,—откровенно заявилъ Антонъ Петровичъ.

Бурнашевъ только нахмурился и не удостоилъ отвѣтомъ.

III.

Мнѣ пришлось прожить на Пріятномъ пріискѣ дней десять. Погода стояла чудная, и время летѣло незамѣтно. Удивительно хороши такіе глухіе уголки лѣтомъ. Главное, является какое-то особенное спокойное настроеніе, точно перерождаешься. Прошлое отходитъ куда-то далеко-далеко, и на самого себя начинаешь смотрѣть со стороны. И все кажется такъ хорошо кругомъ... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не милъ этотъ Антонъ Петровичъ съ его вѣчными хлопотами и дѣтской наивностью? Кстати, у него была очень длинная иностранная фамилія: Кампо-Люченціо. Да, настоящая итальянская фамилія, потому что его дѣдъ-итальянецъ пришелъ въ Россію съ наполеоновскими полчищами, попалъ въ плѣнъ, былъ сосланъ въ Оренбургъ, гдѣ и натурализировался. Онъ женился на простой казачкѣ, и его сынъ уже былъ казачьимъ офицеромъ. Антонъ Петровичъ не унаслѣдовалъ воинственнаго духа предковъ-завоевателей и влачилъ самое мирное существованіе. Когда-то онъ былъ женатъ на какой-то поповнѣ, которая скоро умерла, оставивъ ему маленькую Катю. Право, хорошій человѣкъ Антонъ Петровичъ, хотя онъ и былъ Кампо-Люченціо.

Бурнашевъ и Егоровъ были типичные сибиряки. Они мнѣ напоминали тѣ кряжи, которые вывозятъ изъ настоящаго кондоваго лѣса. Все въ нихъ

было крѣпко, все пригнано одно къ одному, и самыя чувства походили на тяжелыя бревна, которыя не вдругъ своротишь. А въ сущности очень милые люди, милые своей непосредственной, какой-то стихійной силой. Взять хоть ихъ лошадничество—эта страсть доходила до какого-то неистовства, особенно у Егорова.

Кстати, пораженіе Барчика на байгѣ разыгралось въ цѣлую исторію. Егоровъ пріѣзжалъ на Пріятный нѣсколько разъ и былъ темнѣе тучи. Онъ все разыскивалъ какого-то башкира. Особенностью его характера было то, что онъ появлялся каждый разъ совершенно неожиданно и въ такое время, когда его никто не могъ ожидать, и такъ же неожиданно исчезалъ: вотъ сейчасъ былъ тутъ и вдругъ нѣтъ.

— Это онъ все дослѣживаетъ башкирскую лошадь, которая обошла его Барчика,—сообщалъ мнѣ по секрету Андронычъ.—Только и башкиры хитры... Ни въ жисть не выпустятъ бѣгунца изъ своихъ рукъ. Тоже страшные лошадники.

Время отъ времени у нашей конторы началъ появляться подозрительный старикъ-башкиръ съ вытекшимъ лѣвымъ глазомъ. Это и былъ тотъ Аблай, котораго разыскивалъ Егоровъ. Могучъ былъ Аблай, и я любовался его степной силой. Настоящій степной богатырь. Онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ нашимъ конюхомъ Уразайкой на корточкахъ. Башкиры самый обшительный народъ и по цѣлымъ днямъ болтаютъ о разныхъ общественныхъ дѣлахъ. За ихъ неимовѣрное пристрастіе къ чаю Андронычъ называлъ всѣхъ башкиръ „чайниками“.

— Первый конокрадъ въ степи былъ кривой-то чайникъ, — сообщалъ онъ мнѣ біографію Аблая.—Всѣ чайники несосвѣтимые конокралы, а этотъ Аблай на особицу. Въ маткахъ ходилъ, пока ему глазъ не вытянули... Сколько разовъ на смерть били, и все живъ.

Кстати, конокрадство нашъ исконный порокъ, и еще „Русская Правда“, если не ошибаюсь, начиналась статьей, что „аще кто возлетъ на чужъ конь“ и т. д. Башкиры возвели конокрадство въ своего рода культъ, и даже башкирская астрономія проникнута этимъ духомъ: Полярная звѣзда—по-башкирски серебряный колъ, къ которому привязано семь лошадей, а къ нимъ каждую ночь крадутся семь воровъ—семь звѣздъ изъ созвѣздія Большой Медвѣдицы.

Самъ Егоровъ ни однимъ словомъ не выдавалъ себя, что ему было и не трудно сдѣлать, потому что онъ обыкновенно молчалъ. Разъ только онъ чуть не вспылилъ. Верстахъ въ восьми отъ Пріятнаго находится пріискъ Авдотье-Марковскій. Онъ занималъ центральное положеніе, и на немъ былъ устроенъ фельдшерскій пунктъ. Разъ, когда мы съ Антономъ Петровичемъ проходили недалеко отъ этого пріиска, старикъ указалъ мнѣ на новенькое бревенчатое зданіе и проговорилъ:

— Вотъ гдѣ мой главный врагъ живетъ... да.

— Вашъ врагъ?

— Да... Фельдшеръ Пичугинъ. Самый вредный организмъ... Онъ даже покушался на мою жизнь.

— Изъ-за чего же у васъ такая вражда?

— А не знаю... Онъ и Васеньку тоже хотѣлъ стравить.

Можно представить себѣ мое удивленіе, когда въ одно прекрасное утро этотъ таинственный врагъ появился у насъ въ конторѣ. Это былъ высокій, худой господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ нечистымъ лицомъ и пріятнымъ голосомъ. Платье на немъ висѣло, какъ на манекенѣ. Всего удивительнѣе было напряженно-испуганное выраженіе его лица, точно у че-

лѣвѣка, подавившагося костью. Когда вихлястая фигура фельдшера показалась еще на дорогѣ къ конторѣ, Антонъ Петровичъ выскочилъ на свою терасу и принялся расхаживать съ самымъ вызывающимъ видомъ.

— Ты его и въ самомъ дѣлѣ не напугай,—пошутилъ Бурнашевъ.

Фельдшеръ на крыльцо не рѣшился взойти, а остановился на приличномъ для главнаго врага разстояніи и заявилъ:

— Я не къ тебѣ, Антонъ Петровичъ... да. Ты не подумай, пожалуйста, что къ тебѣ... Совсѣмъ наоборотъ: мнѣ вотъ только Емельяну Иванычу одно, всего одно словечко сказать... Вы вѣдь отсюда въ городъ поѣдете?

— Да иди сюда, Василь Василичъ,—приглашалъ Бурнашевъ.—Будетъ вамъ добрыхъ-то людей пугать... Вотъ Антонъ-то у насъ какъ расширился.

Таинственное словечко оказалось просто предлогомъ, чтобы прійти покалякать съ городскими. Монотонная пріисковая жизнь развиваетъ невольное любопытство. Забавно было смотрѣть на враговъ, которые напрасно старались не встрѣчаться взглядами. Фельдшеръ завелъ какой-то посторонній разговоръ, постоянно ввертывая ученыя слова. Бурнашевъ слушалъ слушалъ и проговорилъ:

— Вотъ что̀, други, помирились бы вы... Вотъ взяли бы, поцѣловались, и всему вашему дѣлу конецъ.

Но враги не желали мириться. Въ этотъ моментъ подъѣхалъ верхомъ Егоровъ, и фельдшеръ съ ловкостью записного политика перевелъ разговоръ на него.

— Изъ Юлаевой?—спросилъ онъ Егорова.

Егоровъ даже поблѣднѣлъ и посмотрѣлъ на него страшными глазами, точно тотъ его ударилъ. Даже Бурнашевъ дернулъ фельдшера за рукавъ. Зачѣмъ травить мужика безъ пути...

Поощренный успѣхомъ, фельдшеръ сталъ появляться каждый день. Онъ любилъ поговорить и считалъ себя образованнѣе другихъ пріисковыхъ служащихъ, которые едва мараковали простую грамоту. Кстати, онъ разсказалъ мнѣ массу интересныхъ случаевъ изъ своей практики. Пріисковые нравы суровые и доставляли богатый криминально-медицинскій матеріалъ, особенно въ праздники, когда безъ отчаянной драки дѣло не обходилось. Вообще, фельдшеръ былъ неглупый и наблюдательный человѣкъ, хотя и не безъ наивности. Бурнашевъ любилъ иногда подшутить надъ нимъ.

— Василь Василичъ, вотъ ты хоть и на положеніи лѣкаря, а все-таки не можешь соотвѣтствовать, ежели что̀ серьезное. Разъ въ степи какой случай я видѣлъ,—значитъ, эта самая сибирская язва объявилась...

— Это дѣло ветеринара, а не мое.

— Нѣтъ, ты постой... Сперва выслушай. У меня тоже лошадь заболѣла. Хорошо. Говорятъ, что лѣчитъ одинъ башкиръ и по два рубля съ головы беретъ. Я къ нему... И что̀ же бы ты думалъ, братецъ ты мой? Дѣйствительно, два цѣлковыхъ взялъ, это вѣрно, а потомъ привели ему лошадь, и онъ зубами вырвалъ ей всю язву. Это не то, что казенное жалованье получать...

— Дикость степная и больше ничего.

— Да вѣдь лошадь-то у меня выправилась? Чѣмъ ни лѣчи, а только вылѣчи... Не даромъ денежки были дадены башкиру-то. Я даже убѣжалъ, какъ онъ принялся вырывать живое мясо...

Пользуясь случаемъ, Антонъ Петровичъ приводилъ тоже нѣкоторые удивительные случаи изъ практики простыхъ знахарей и старушекъ-лѣкарокъ, дѣлая это, конечно, въ пику фельдшеру, являвшемуся для него олицетвореніемъ всей медицины.

— Хорошо, разговаривайте, — повторялъ фельдшеръ. — А случись что, ко мнѣ же придете... „Ой, палецъ болитъ! Ой, сердце ухватило...“ Знаемъ!

Въ числѣ другихъ достоинствъ фельдшера оказалось еще одно, именно, что онъ недурной охотникъ, и что у него есть недурной рыжій „цетерокъ“. Бурнашевъ безпощадно вышучивалъ несчастнаго Кадо, который не выдерживалъ стойки и боялся выстрѣловъ.

Каждый день я отправлялся съ кѣмъ-нибудь на охоту. Кругомъ было такъ хорошо—горы, лѣсъ, бойкія горныя рѣчки и совсѣмъ нетронутая глушь.

Кромѣ промысловъ, въ горахъ ютились двѣ-три жалкихъ башкирскихъ деревушки, сохранившихся здѣсь какимъ-то чудомъ. Между ними находилась и знаменитая сейчасъ, благодаря своему бѣгунцу, Юлаева. Слава объ юлаевскомъ бѣгунцѣ разошлась во всѣ стороны. Сама по себѣ Юлаева ничего интереснаго не представляла, какъ и всѣ башкирскія деревни. На берегу горнаго озера приткнулось нѣсколько жалкихъ избенокъ—вотъ и все. Бурнашевъ указалъ на третью съ краю избу и проговорилъ:

— Вотъ тутъ и есть самый вредъ... И лошаденка-то—глядѣть не на что, а только длинная. Сказываютъ, Егоровъ-то три сотельныхъ билета надавалъ, а башкиры ломятъ тысячу. Тоже и выговоритъ словечко!.. Вся деревня тысячи не стоитъ... Самимъ жрать нечего. Изъ степи, сказываютъ, пріѣзжали тоже торговать лошадку... Какой-то богатый киргизъ подсылалъ.

Помолчавъ немного и тряхнувъ головой, Бурнашевъ прибавилъ уже другимъ тономъ:

— Все одно, если добромъ не отдаютъ, и такъ возьмутъ. Прямо сказать: украдутъ. Ужъ здѣшнее мѣсто такое... Сами-то юлаевцы конокрадствомъ промышляютъ: одно у всѣхъ ремесло. Главная причина, что живутъ почитай на самомъ перевалѣ, ну, и прутъ лошадей съ одной стороны горъ на другую. Ступай, поищи въ горахъ-то... Одинъ вотъ попъ такъ же гордился лошадью, выходецъ у него былъ отличный. Ну, попъ-то весь дворъ на запорѣ держалъ, а они, собаки, черезъ крышу лошадь вытащили—связали, какъ младенца, и черезъ крышу выволокли.

Подумавъ немного и тряхнувъ головой, Бурнашевъ прибавилъ:

— А вѣдь Егоровъ-то плохо кончитъ... Вотъ попомните мое слово. Онъ вонъ и на себя не сталъ походить, похудѣлъ, туманный такой... И при этомъ съ Аблайкой связался. Аблайка-то первѣющій заворуй...

— Что же можетъ сдѣлать Егоровъ?

— Вотъ въ томъ-то и штука, что ничего нельзя подѣлать. Денегъ такихъ у него нѣтъ, а ежели выкрасть коня, такъ куда съ нимъ... Конь-то примѣтный—и теперь ужъ всѣ его знаютъ. Носу никуда нельзя показать съ этакой скотинкой...

Вообще юлаевскій бѣгунецъ сдѣлался героемъ дня, и всѣ наши разговоры въ концѣ концовъ сводились къ нему. Мнѣ подъ конецъ даже надоѣли всѣ эти лошадиные разговоры. Впрочемъ, я узналъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, какой должна быть настоящая лошадь. Здѣсь, въ горахъ, еще сохранился культъ лошади, которая представляла собой не простую двигающую силу, а цѣлый домъ. На ней, этой лошади, складывалась вся степная психологія. Всякому правовѣрному извѣстно, что лошадь самое образцовое твореніе Аллаха, и человѣкъ только приближается къ ней, хотя никогда не достигаетъ полнаго совершенства. Въ этой теоріи есть своя правда. Стоитъ только представить себѣ степь безъ лошади,—это равняется прямо смерти. Вѣдь лошадь даетъ и кумысъ, и мясо, и волосъ, и кожу—однимъ словомъ, рѣшительно все, что необходимо для скромнаго степного обихода. Какъ же не любить ее, лошадь,

когда она является синонимомъ не только извѣстнаго благосостоянія, а прямо жизнью и счастьемъ. Бурнашевъ и Егоровъ тоже унаслѣдовали эту страсть къ лошади, которая составляла для нихъ смыслъ жизни.

IV.

Я любилъ раннимъ утромъ уходить съ Антономъ Петровичемъ на охоту въ горы. Онъ зналъ всѣ мѣста и потому всю дорогу болталъ о чемъ-нибудь. Ко времени отдыха мы выходили куда-нибудь на лѣсную опушку, къ лѣсному ключику или просто на уютное мѣстечко, точно созданное для охотничьяго кейфа. Антонъ Петровичъ зналъ такія мѣста наперечетъ и радовался имъ, какъ младенецъ. Не успѣешь оглянуться, какъ уже курится огонекъ, и Антонъ Петровичъ примащиваетъ походный мѣдный чайникъ. Ляжешь на травѣ и долго-долго смотришь въ синее глубокое небо, которое въ горахъ кажется и выше и чище. Торопливо бѣгутъ бѣлыя облачка, что-то безъ конца шепчетъ сосновый лѣсъ, гдѣ-то неумолчно наговариваетъ безыменная лѣсная птичка. Кадо на правахъ талантливой собаки растянется тутъ же около огонька и ловитъ мухъ, щелкая всей пастью. Я подолгу наблюдалъ въ эти моменты Антона Петровича и приходилъ къ заключенію, что онъ счастливъ. У него лицо въ эти минуты дѣлалось такое спокойное и доброе.

— Антонъ Петровичъ, вы счастливы?—невольно спросилъ я его какъ-то на одномъ изъ такихъ приваловъ.

Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня и отвѣтилъ вопросомъ:

— А что же мнѣ нужно? Кажется, слава Богу, все есть...

— Но вѣдь у васъ навѣрно бываютъ желанія, которыя нельзя удовлетворить?

Старикъ подумалъ, тряхнулъ головой и отвѣтилъ съ увѣренностью:

— Нѣтъ... Что ни пожелаю — все есть. И всю жизнь такъ прожилъ... А знаете, отчего я счастливъ и отчего всѣ меня любятъ? Хе-хе... Очень просто: я всѣмъ льщу.

— Да вѣдь нужно умѣть льстить?

— А то какъ же... Я очень умѣю. Вотъ узнаю, что вы любите, и буду вамъ льстить.

— Но это нехорошо.

— Какъ нехорошо? Нехорошо то, что приноситъ кому-нибудь вредъ, а тутъ я никого не обижаю. Если бы всѣ льстили другъ другу—никто не ссорился бы. И такъ это просто, и такъ это было бы хорошо...

— А съ фельдшеромъ кто ссорится?

— А тутъ совсѣмъ другое... Тутъ дѣло особенное. Я и ему льстилъ, а онъ меня хотѣлъ стрихниномъ отравить. Впрочемъ, я не сержусь... Знаете, я не умѣю сердиться. Въ другой разъ и слѣдуетъ, даже стараюсь, а ничего не выходитъ. Вонъ съ рабочими начну кричать, даже топаю ногами, а выходитъ смѣшно. Я такъ полагаю, что это отъ роста... Маленькій у меня ростъ—вотъ и не выходитъ. Вонъ Емельянъ Иванычъ зыкнетъ, такъ кто угодно испугается... Въ другой разъ и говоришь то же самое, что другіе, а выйдетъ то да не то. Какъ-то не сурьезно... Даже вонъ Катя, и та замѣчаетъ... Пусть ужъ другіе сердятся, а я и такъ вѣкъ прожилъ, слава Богу.

Эта немного странная логика мнѣ не казалась даже странной, потому что она какъ-то такъ хорошо связывалась и съ этимъ лѣсомъ, и съ этимъ небомъ, и съ говорливымъ студенымъ ключикомъ, и съ сказочнымъ „огонькомъ малешенькимъ“,—зачѣмъ тутъ сердиться и чего тутъ желать? Да и къ чему

здѣсь желанія, когда и безъ того каждый день полонъ... Было бы только самое необходимое, а больше ничего и не нужно. Можетъ-быть, въ этомъ и таится источникъ спокойствія и счастья.

Мое раздумье было прервано какимъ-то лихорадочнымъ конскимъ топотомъ. Потомъ по лѣсной тропинкѣ мимо насъ вихремъ пронеслись три башкира. Замѣтивъ насъ, они вернулись. Какой-то толстый башкиръ, гнавшій въ одной ситцевой рубахѣ, точно мѣшокъ свалился—не соскочилъ, а именно свалился—съ лошади прямо къ нашему огоньку. Я въ первую минуту испугался этого дикаго лица съ блуждавшими глазами.

— А... а... а... худой человѣкъ!—какъ-то застоналъ онъ, кидаясь къ намъ...

— Бузыкай, да ты въ умѣ ли?—остановилъ его Антонъ Петровичъ.

— А... а... это твоя, Антонъ Петровичъ... ахъ, худой человѣкъ!..

Толстякъ бросился на землю и зарыдалъ. Скрюченныя руки въ отчаяніи рвали траву вмѣстѣ съ землей. Сѣшившіеся два другихъ башкира, одинъ тощій, въ рваномъ башмакѣ, а другой еще малайка (мальчикъ), припали къ травѣ и внимательно разсматривали слѣды конскихъ копытъ. Антонъ Петровичъ даже поблѣднѣлъ—онъ понялъ, въ чемъ дѣло, сразу и шепотомъ сообщилъ мнѣ:

— Изъ Юлаевой башкиры... Охъ, нехорошо!..

Взволнованный толстякъ такъ и не могъ ничего объяснить, а тощій Азанчей, походившій на копченую рыбу, ломанымъ языкомъ разсказалъ, что сегодня ночью знаменитую юлаевскую лошадь украли, украли изъ-подъ замка. Во всей Юлаевой, вѣроятно, былъ всего одинъ замокъ за все время ея существованія—и тотъ оказался сломаннымъ. Трудно описать неистовство этихъ полустепняковъ. Антонъ Петровичъ только качалъ головой и повторялъ:

— Ахъ, нехорошо... И кому бы, кажется, выкрасть лошадь?!

— Худой человѣкъ замокъ купчалъ... аппата карабчилъ (лошадь укралъ)... Башка худой человѣкъ купчалъ. Мало-мало знаемъ худой человѣкъ, Антонъ Петровичъ... у-у, знаемъ!

— Куда вы теперь-то гоните?

— Слѣдъ гонимъ... У насъ одна дорога, у худой человѣкъ сто дорога. Купчалъ башка...

Башкиры такъ же быстро исчезли, какъ и появились.

— Ну, дѣло плохо кончится, — резюмировалъ Антонъ Петровичъ эту сцену.—Быть уголовщинѣ... Вонъ какъ разстервенились. Разорвутъ на части „худого человѣка“... Бузыкай-то, какъ чумный быкъ, ничего не понимаетъ, а только рвется впередъ. Охъ, быть бѣдѣ...

Старикъ страшно волновался всю дорогу, пока мы возвращались на пріискъ. Я понималъ, что его главнымъ образомъ волновало, какъ волновало то же самое и меня. Мы понимали другъ друга безъ словъ. Самое страшное еще было впереди.

— А вы какъ полагаете, Антонъ Петровичъ, относительно худого человѣка?—спрашивалъ я, когда мы подходили къ своей конторѣ.

— Ахъ, и не говорите... Такой грѣхъ, такой грѣхъ!.. Вотъ бѣда-то пришла, нежданно-негаданно.

На террасѣ сидѣли Бурнашевъ и Егоровъ и пили чай. Антонъ Петровичъ молча поздоровался съ ними и прошелъ къ себѣ въ комнату. Старикъ боялся выдать себя съ перваго слова.

— Слышали новость?—спокойно спрашивалъ Бурнашевъ меня, держа блюдечко съ чаемъ по-купечески на отлетъ.—Выкрали бѣгунца-то у башкиръ... Горячку такую порютъ башкиришки. Наѣзжали сюда раннимъ утромъ и къ

Егорову тоже. Все ищутъ Аблайку... Дикій народъ, однимъ словомъ. Не умѣли ухранить лошадку, а теперь догоняй вѣтра въ полѣ...

Егоровъ молчалъ, покуривая папиросу.

Антонъ Петровичъ вышелъ къ чаю съ какимъ-то особенно торжественнымъ видомъ. Онъ старался не смотрѣть ни на кого и только учащенно вздыхалъ. Если бы въ нашей компаніи былъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, онъ навѣрно подумалъ бы, что юлаевскаго бѣгунца укралъ именно Антонъ Петровичъ. Бурнашевъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, разсказывалъ разные удивительные случаи по части конокрадства.

— Ѣду я этакъ разъ по челябинскому тракту... Ну, ямщичокъ изъ русскихъ... Посидитъ-посидитъ, тряхнетъ головой и оглянется дальше. Вижу, что охота ему поговорить. „Что, говорю, башкой-то трясешь, какъ моделянскій песъ?“—„А такъ, ваше степенство... Дѣльце одно у насъ вышло. Значитъ, матку порѣшили“. А надо сказать, что на тракту лѣтъ съ двадцать баловался одинъ башкиръ, Абдулкой звать. Знатный воръ. Пріѣдетъ въ деревню, и всѣ его угощаютъ. Всѣ его боялись, потому какъ разъ безъ лошади оставитъ. И такой конокрадище былъ—страсть! Всю округу въ струнѣ держалъ. Ежели у кого лошадь украли, и искать нечего—иди къ Абдулкѣ и выкупай. Силищи былъ непомѣрной и при этомъ ловчакъ... Вымажется весь саломъ да голый въ табунъ и заберется. Пастухи кинутся, ухватятъ его, а онъ, какъ налимъ, изъ рукъ вывернется. И стрѣляли его и ножами рѣзали—какъ есть ничего не беретъ, точно онъ заколдованъ. Сказывали, что будто онъ слово такое особенное зналъ. Хорошо. Маткой его звали—всѣмъ конокрадамъ, значитъ, голова. Вотъ я и спрашиваю ямщика: „Какъ, молъ, вы порѣшили матку-то?“ Онъ опять этакъ головой тряхнулъ и говоритъ: „Страсть одна была, ваше степенство... Разорилъ онъ насъ всѣхъ, Абдулка, житья-мочи не стало. Ну, старички и порѣшили, значитъ, кончить его. Все одно пропадать. Былъ это у насъ въ деревнѣ престолъ, ну, и Абдулка пріѣхалъ. Всѣ его съ поклонами встрѣчаютъ, какъ станового... Пришелъ онъ въ одну избу... ну, угощаютъ его и всякое прочее. А старички свое смекаютъ. Этакъ помаленьку его въ передній уголъ и задвинули; а тутъ въ избу, значитъ, конскій пастухъ съ ялами да съ арканомъ и входитъ. Главная причина, что никакъ невозможно этого самаго Абдулку взять голыми руками. Ну, Абдулка сообразилъ, что дѣло не ладно, и сейчасъ это изъ-за стола, а старички его жмутъ—руками не трогаютъ, а только, значитъ, жмутъ. Ну, пастухъ накинулъ аркань, а весь народъ, который въ избѣ былъ, ухватился за концы веревокъ и тянутъ“.—„Можетъ, и ты тянулъ?“—„Малость и тянулъ, грѣшенъ, ваше степенство, потому какъ весь міръ тянетъ. Такъ его и порѣшили, Абдулку... Чуть башку не оторвали“.

Антонъ Петровичъ продолжалъ молчать, пилъ чай и вздыхалъ. Егоровъ сумрачно смотрѣлъ куда-то вдаль. Всѣ чувствовали себя неловко. Наконецъ Антонъ Петровичъ не вытерпѣлъ и быстро заговорилъ, не обращаясь собственно ни къ кому:

— Что же это такое, господа? Вѣдь такъ невозможно... Одна корысть чего стоитъ. Давеча нагнали на насъ въ лѣсу башкиры—какъ есть черти, а Бузыкай реветъ и по землѣ катается. Одинъ конь... У меня душа въ пяткахъ.

— При чемъ же мы тутъ?—спросилъ Егоровъ въ упоръ.

Антонъ Петровичъ вскочилъ, какъ ужаленный, и забѣгалъ по крыльцу.

— При чемъ мы? А вотъ при этомъ самомъ... Грѣхъ, грѣхъ-то какой, Миша? Ахъ, Господи батюшка... И надо было тебѣ увязаться за этимъ бѣгунцомъ.

— Что же изъ этого? Никому не заказано торговать лошадей...

— Ахъ, какой ты... А съ Аблайкой о чемъ шептался? Думаешь, другіе-то не видѣли?

— Въ самомъ дѣлѣ, Михайла Ильичъ, ты бы того...—замѣтилъ Бурнашевъ, оставляя чай.—Неровенъ часъ... Спасу надо имѣть. Убить не убьютъ, а изувѣчатъ въ лучшемъ видѣ.

Егоровъ только усмѣхнулся и отвѣчалъ совершенно спокойно:

— Во-первыхъ, я сегодня ночевалъ дома, а во-вторыхъ, куда бы я дѣлся съ краденой-то лошадью? Лошадь—не иголка... Ее на двѣсти верстъ всѣ лошадники знаютъ.

— Ахъ, Миша, Миша, да развѣ я говорю, что ты укралъ?—взмолился Антонъ Петровичъ, ударивъ себя въ грудь кулакомъ.—А только нехорошо... да. И я не знаю, кто укралъ, а только нехорошо. Извѣстно, что кто укралъ—у того одинъ грѣхъ, а у кого украли—на томъ сорокъ грѣховъ... Это ужъ такъ. Вотъ Аблайка-то все тутъ вертѣлся на глазахъ... Кабы знать, такъ я бы его въ три шеи. Извѣстно, какой организмъ...

— Если Аблай укралъ, такъ это его дѣло, а я за него не отвѣтчикъ,—сухо замѣтилъ Егоровъ.—Мало ли башкиры другъ у друга коней воруютъ, а первые же келаевцы заправскіе конокрады...

— Такъ-то оно такъ, а все-таки... ахъ, нехорошо, братцы вы мои!—причиталъ Антонъ Петровичъ.

— Ну, будетъ тебѣ...—сурово заявилъ Бурнашевъ.—Не наше это дѣло. Чей возъ, того и пѣсенка... На днѣ морскомъ сыщутъ башкиры своего бѣгунца, не безпокойся. Сами не любятъ, гдѣ плохо лежитъ...

— Да вѣдь я ничего не говорю, Емельянъ Иванычъ, я только нехорошо... очень нехорошо.

Мнѣ казалось, что у Бурнашева совѣсть была не спокойна, то-есть что онъ зналъ что-то или подозрѣвалъ. Онъ цѣлый день былъ какъ-то особенно суровъ, хмурился и все поглядывалъ въ окно. Башкиры пріѣзжали на пріискъ раза три, выпытывали что-то у нашего конюха Уразайки и уѣзжали. Андрюшка тоже принималъ участіе въ этой исторіи и по обыкновенію сообщилъ мнѣ по секрету:

— Чисные дураки эти чайники... Гоняютъ по дорогамъ, ищутъ по лѣсу, а одна старушка, ихняя же башкирка, прямо сказала: ищите у себя за пазухой.

— Что же это значитъ: за пазухой? Лошадь не спрячешь за пазуху...

— Что вы, баринъ: ужъ на что яснѣе... Значитъ, лошадь спрятана совсѣмъ близко... Старушки-то очень даже знаютъ это самое дѣло, касаемо коровъ. У меня какъ-то корова пропала, такъ я тоже у коровки былъ... Такъ же вотъ сказала про пазуху. А корову сусѣдъ зарѣзалъ...

Когда мы ложились вечеромъ спать, Бурнашевъ, не глядя на меня, проговорилъ:

— Надо намъ уѣзжать по добру по здорову... Будетъ, погостили. Знаетъ, этакъ утречкомъ по холодку и махнемъ...

— Что же, и отлично!

V.

Но намъ не удалось уѣхать, какъ уговаривались. Ночью около часу насъ разбудилъ осторожный стукъ въ дверь. Это былъ Антонъ Петровичъ, блѣдный, перепуганный.

— Охъ, бѣда приключилась!.. Вставайте, братцы. Вѣдь я говорилъ... И что только мы дѣлать будемъ?

— Что такое?—заговорилъ Бурнашевъ.—Говори ты толкомъ...

— Аблайку убили... Говорилъ я!.. Ахъ, ты, грѣхъ какой... По судамъ теперь затаскаютъ.

— Это съ какой стати?—уже совсѣмъ сердито спросилъ Бурнашевъ, быстро одѣваясь.

— Да вѣдь на моемъ пріискѣ-то, Емельянъ Иванычъ... Недалеко отъ машины, гдѣ повертка на Шульпиху. Надо полагать, его убили-то гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а потомъ и подкинули къ намъ... Идутъ рабочіе по дорогѣ и слышатъ, что какъ будто человѣкъ застоналъ. Зажгли хворостину, глядятъ, а онъ, Аблайка-то, и лежитъ на травѣ.

— Ахъ, мошенники,—ругался Бурнашевъ. — Это его башкиры свои же уходили... Некому больше, окромя ихъ.

— Извѣстно, они. Съ утра его искали... Ахъ, какой грѣхъ!.. Сказываютъ, еще дышалъ онъ, Аблайка-то... Ну, я сейчасъ погналъ Уразая за фершаломъ. Можетъ, отводимся... Ахъ, какое дѣло! Говорилъ я давеча Мишѣ, что неладно... Такъ все и вышло, какъ говорилъ. Боюсь я этой крови до смерти... Грѣхъ-то какой: чужую кровь пролить. И не выговоришь...

— Можетъ, еще отдышится, — замѣтилъ Бурнашевъ, натягивая свой азямъ.—Живучіи эти башкиры.. Не впервой Аблайкѣ-то быть биту.

— Гдѣ ужъ тутъ отдышаться, Емельянъ Иванычъ... Кабы еще русскіе били, ну—другое дѣло; а то свои же башкиры. Орда безпощадная... Живого не выпустятъ. Еще русскіе въ другой разъ поучатъ и пожалѣютъ, а у орды—шиста!..

Андронычъ уже ждалъ насъ съ фонаремъ. Ночь была безлунная. Собиралась гдѣ-то гроза, и въ воздухѣ висѣла какая-то тяжесть. Мы шли къ мѣсту происшествія молча, точно боялись кого-то разбудить, какъ ходятъ въ домѣ, гдѣ „стоитъ покойникъ“. Только Антонъ Петровичъ что-то шепталъ про себя, спотыкался и угнетенно охалъ. Бурнашевъ шагалъ сосредоточенно, съ дѣловымъ видомъ. Отъ четверѣнія, дорога до Шульпихи показалась намъ особенно длинной, и потомъ на каждомъ шагу попадались какія-то ямы, которыхъ днемъ точно не было. Андронычъ нѣсколько разъ споткнулся и выругался въ пространство.

— Точно чортъ подкладываетъ камни прямо подъ ноги...—ворчалъ онъ, отплевываясь.

— А ты возьми глаза-то въ зубы,—грубо посовѣтовалъ Бурнашевъ и въ наказаніе сейчасъ же самъ полетѣлъ въ какую-то канаву.—А, чортъ!..

— И для чего это только вы поминаете чорта? — жаловался Антонъ Петровичъ.—Охъ, грѣхи... И безъ него тошнехонько!

Въ довершеніе всего фонарь у Андроныча погасъ, и мы брели въ совершенной темнотѣ. Для скорости Антонъ Петровичъ повелъ не по дорогѣ, а прямо черезъ пріискъ.

— Держите налѣво... здѣсь камень...—раздавался въ темнотѣ его голосъ.—Емельянъ Иванычъ, вы того... направо-то ямы... Что это фершалъ не ѣдетъ? Послалъ за нимъ... Ахъ, грѣхъ какой!

— Куда торопиться-то, не на свадьбу.

Впереди мелькнулъ сквозь чащу огонекъ. Показались какія-то тѣни

— Эй, гдѣ вы тамъ?—крикнулъ Антонъ Петровичъ.

— О-го-го! — гулко прокатилось по лѣсу. — Сюды-ы, Антонъ Петро... го!..

У подножья Шульпихи, гдѣ горная дорожка раздваивалась, въ мелкой молодой поросли лежало что-то темное, прикрытое свѣжей хвоей. Въ двухъ

шагахъ курился огонекъ и сидѣли на корточкахъ какія-то фигуры. Взглянувъ на хвою, Антонъ Петровичъ проговорилъ:

— Кончился...

Видъ мертваго человѣка въ лѣсу производилъ какое-то особенно торжественное впечатлѣніе. Мысль о смерти какъ-то привычнѣе связывается съ домомъ, вообще съ жильемъ, а тутъ мертвый человѣкъ лежалъ прямо на травѣ, и его присутствіе именно въ лѣсу рѣзало глазъ, какъ противорѣчіе этой зеленой жизни. Да, кругомъ была жизнь, и тутъ же смерть, смерть въ полномъ ея безобразіи... Убитый лежалъ на лѣвомъ боку, подкорчивъ ноги и откинувъ правую руку. Я взглянулъ на залитое кровью лицо и отшатнулся—на меня пристально смотрѣлъ уже остекленвшійся мертвый глазъ. Приставленные караулить пріисковые рабочіе накинулись на Антона Петровича.

— Ты ужъ какъ хошь, Антонъ Петровичъ, а ослобони насъ...

— Да вѣдь нельзя оставить мертвое тѣло такъ—волки съѣдятъ.

— А намъ какая печаль? Кто убилъ—тѣ и пусть караулятъ. Башкиришки на зло намъ подкинули мертвяка...

— Еще неизвѣстно, кто подкинулъ. Руки-ноги никто не оставилъ...

— Извѣстно кто, Бузыкай...

Разговоръ шелъ вполголоса, точно боялись разбудить неподвижно лежавшаго „худого человѣка“. Антонъ Петровичъ стоялъ безъ шапки и качалъ головой.

— Еще ежели бы крещеный,—не отставали рабочіе,—а то нехристь... Какъ разъ еще поблазнитъ...

— А вы поговорите у меня!—началъ сердиться старикъ.—Да, да, поговорите... Не для меня сидите, а по закону. Да никто васъ и не спрашиваетъ при этомъ...

— Давно бы такъ-то...—проворчалъ Бурнашевъ.

Мы присѣли около огонька и молчали. Стояла мертвая тишина. Всполохи пламени освѣщали на время стройный прорѣзъ зеленыхъ елей, а потомъ все исчезало въ темнотѣ. Всѣ вздрогнули, когда на огонь налетѣла ночная птица и пропала въ темнотѣ, какъ брошенный камень.

— О, Господи, помилуй, — шепталъ кто-то.—Вотъ страсть-то...

Всѣ немного оживились, когда издали послышалось громыханье колесъ и конскій топотъ. Очевидно, это былъ фельдшеръ. Рабочій вышелъ на дорогу и принялся ухать, указывая ѣхавшимъ направленіе. Какъ-то странно было слышать теперь человѣческій голосъ, отдававшійся далекимъ эхомъ.

— О-го-го!.. Сюды-ы, Василь Василичъ...

Лошадиный топотъ былъ уже совсѣмъ близко, потомъ послышался удушливый фельдшерскій кашель и лѣнивое ворчанье:

— Гдѣ у васъ тутъ убитый?.. И чего ночью поднимаютъ человѣка, точно покойникъ убѣжитъ...

Меня и всѣхъ остальныхъ удивило больше всего, что въ заросли прежде фельдшера показался Егоровъ. Антонъ Петровичъ даже попятился.

— Это ты, Миша?.. Пріѣхалъ поглядѣть?..

— Да...

Фельдшеръ осмотрѣлъ убитаго и только покачалъ головой.

— Ловко укомплектовали,—замѣтилъ онъ тономъ спеціалиста, разсматривая кровоподтеки и багровыя пятна.—Да, въ лучшемъ видѣ... постарались. Два ребра сломано, голова въ двухъ мѣстахъ проломлена, спина...

— Артелью били, — тоже тономъ спеціалиста замѣтилъ Бурнашевъ. — Мѣста живого не оставили... Этакое звѣрье, прости Господи!..

Закончивъ осмотръ, фельдшеръ присѣлъ къ огоньку и закурилъ папиросу. Бурнашевъ только покосился на него за эту вольность. Другимъ никому и въ голову не приходило курить, а этому все равно... Фельдшеръ не желалъ ничего замѣчать и даже старался занимать насъ, точно хозяинъ, принимавшій гостей.

— Да, вообще... — тянулъ онъ, откашливаясь. — И живущъ человѣкъ... Ни одна скотина не выдержитъ столько... Разъ какъ-то послѣ Ильина дня приходятъ ко мнѣ въ больничку двое рабочихъ, т.-е. вѣрнѣе — одинъ приводитъ другого и говоритъ: „Человѣка убили, Василь Василичъ...“ Ну, дѣло обыкновенное: каждый праздникъ гдѣ-нибудь драка. Хорошо. Посмотрѣлъ я на убитаго, а онъ стоитъ въ крови весь, какъ баранъ. Ну, тоже дѣло извѣстное... Драться дерутся, а какъ кровь увидѣли и струсили: человѣка убили. Обмылъ я „убитаго“, ну, ничего особеннаго—просто поцарапали. А тотъ, который привелъ, стоитъ и все головой потряхиваетъ... Я ему и говорю: „А тебя тоже били?“—„Было дѣло, Василь Василичъ... Одинова саданули по головѣ оглоблей. Шумитъ теперь въ башкѣ...“ Я посмотрѣлъ у него голову и пришелъ прямо въ ужасъ, хотя видалъ на своемъ вѣку достаточно. Представьте себѣ, его такъ ловко саданули оглоблей, что черепной шовъ разошелся и черепныя кости зашли одна за другую, да такъ зашли, что часть кожи вмѣстѣ съ волосами попала въ щель между костями. Что тутъ дѣлать? Позвалъ сторожа и вдвоемъ давай орудовать—едва вытащили кожу изъ-подъ кости... А всего удивительнѣе, что онъ живъ остался. Да, бываютъ случаи...

Егоровъ все время сидѣлъ у огня молча, не проронивъ ни одного звука. Всѣ посматривали на него, потихоньку наблюдая, не сдѣлаетъ ли онъ чего-нибудь подозрительнаго. Вообще, онъ былъ лишнимъ именно здѣсь, что чувствовалось какъ-то само собой.

— Ну, пора домой, — рѣшилъ за всѣхъ Бурнашевъ. — Не въ гости пришли...

Мы отправились прежней дорогой. Фельдшеръ уѣхалъ съ Егоровымъ, и я долго прислушивался къ его удалявшемуся кашлю. Андронычъ шелъ впереди, размахивая горѣвшей головней. Небо уже свѣтлѣло, и можно было отличить яму отъ насыпи.

— А гдѣ же лошадь-то?—спрашивалъ Антонъ Петровичъ, останавливаясь. — Все вѣдь дѣло изъ-за нея вышло.

— А ну ее!..—сурово отозвался Бурнашевъ, махнувъ рукой.—Хоть бы ея и совсѣмъ не было!

Послѣ утренняго чая мы уѣхали съ Пріятнаго. Бурнашевъ былъ мраченъ и сурово сдвигалъ брови. Антонъ Петровичъ тоже чувствовалъ себя не по себѣ.

— Ужо въ другой разъ какъ-нибудь пріѣзжайте,—повторялъ онъ, точно оправдываясь.—Не каждый разъ такъ-то...

— Пріѣдемъ, не безпокойся...—милостиво соглашался Бурнашевъ.

Мы ѣхали по лѣвому берегу Юлы и видѣли, что огонекъ еще дымится около „худого человѣка“.

Прошло года два. Стояло „бабье лѣто“ съ его осенней тоской, желтѣющимъ листомъ и больнымъ освѣщеніемъ,— солнце свѣтило, но въ его лучахъ уже не было животворящей силы. Для охотниковъ всякій сезонъ по-своему хорошъ, а осенній въ особенности. Мнѣ нельзя было по разнымъ дѣламъ выѣхать изъ города, и я часто, особенно по утрамъ, подолгу стоялъ у окна, наблюдая осеннее небо и вспоминая широкое горное приволье и охотничьи походы. Въ эту осень Бурнашевъ частенько навѣщалъ меня. Старику сильно

нездоровилось, и онъ тоже сидѣлъ въ городѣ. Я зналъ, что онъ приходилъ ко мнѣ съ спеціальной цѣлью хоть поговорить объ охотѣ. Его разбила своя осенняя старческая тоска. Разъ онъ пришелъ особенно грустный.

— Что, Емельянъ Иванычъ, нездоровится?

— Ахъ, не говорите... Вконецъ доктора изводятъ.

Старикъ лѣчился за-разъ у нѣсколькихъ докторовъ и, какъ свойственно всѣмъ больнымъ, обвинялъ ихъ въ неумѣломъ лѣченьи. Онъ сильно осунулся, пожелтѣлъ и какъ-то сразу состарился. Только охотничьи воспоминанія на время оживляли его.

— Помирать, видно, приходится,—повторялъ онъ.—Ахъ, да, знаете, что я вамъ скажу... Помните Егорова? Еще страшенный лошадникъ... На Пріятномъ у Антона Петровича тогда еще цѣлая исторія вышла?

— Да, помню...

— Вотъ, вотъ... приказалъ долго жить. Палъ съ лошади и на смерть расшибся. Вѣдь молодой еще былъ, жить бы надо... да. Крѣпкій былъ человѣкъ... Уже что заберетъ въ голову, такъ топоромъ изъ него не вырубишь.

— Емельянъ Иванычъ, скажите откровенно, тогда въ этой исторіи съ лошадью онъ былъ замѣшанъ?

Бурнашевъ тяжело вздохнулъ и махнулъ рукой:

— Его дѣло... Грѣшенъ: все я зналъ, а молчалъ. Вѣдь это какой былъ человѣкъ: отъ сна, отъ ѣды отбился тогда изъ-за этой юлаевской лошади. Заговоритъ о ней—у самого слезы на глазахъ. Такой уже характеръ. А банкиры ломятъ за лошадь тысячу рублей... Ну, Егоровъ тогда и подговорилъ Аблайку выкрасть лошадь... Не доставайся, дескать, никому, коли на то пошло. Аблайка-то за красный билетъ все и оборудовалъ...

— Гдѣ-то теперь лошадь?

— А загнали ее. Теперь кляча клячей... Аблайка-то только ее выкралъ, а угнали другіе конокрады. Ну, постарались и загнали. Большой грѣхъ вышелъ... Слѣдователь наѣзжалъ, Бузыкая вызвали, и дѣло ничѣмъ кончилось. Не перваго конокрада убиваютъ. Дѣло самое простое... Вся Юлаева, какъ одинъ человѣкъ, на отпоръ пошла.

— Ну, а что же Егоровъ потомъ?

— А все молчалъ... Какой-то особенный онъ былъ.

1895.

Пароходный купецъ.

Этюдъ съ натуры.

I.

Второй свистокъ. Публика торопливо хлынула съ качавшейся пристани на пароходъ. Произошла та сумятица, безъ которой русскій человѣкъ какъ-то не можетъ обойтись, когда отправляется въ дорогу, особенно на пароходѣ. Помощникъ капитана хотѣлъ дать послѣдній свистокъ, когда къ нему подбѣжалъ какой-то молодой человѣкъ и началъ умолять „обождать минуточку“.

— Сущіе пустяки обождать-съ, Ѳедоръ Иванычъ, — бормоталъ молодой человѣкъ, удерживая помощника капитана за руку.— Тятенька вонъ тамъ на берегу остались... никакъ это невозможно, чтобы ихъ однихъ въ этакомъ видѣ позабыть.

— Послушайте, это который же разъ мы будемъ время терять изъ-за

нашего тятеньки?—сурово отозвался помощникъ капитана, хотя и согласился подождать „чуточку“. — Только для васъ, Петръ Сидорычъ... пожалуйте, поскорѣе.

— Ахъ, ужъ не безпокойтесь, Оедоръ Иванычъ, сейю минуту!.. Оплибочка вышла у насъ: не досмотрѣли, а тятенька и убрались на берегъ, да тамъ съ пузырями и занялись...

Молодой человѣкъ загремѣлъ ногами по лѣсенкѣ и скоро убѣжалъ по сходнямъ на берегъ, гдѣ происходила интересная сцена съ пузырями. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ разгулявшійся „тятенька“. Это былъ пожилой купецъ московскаго типа, въ длиннополомъ сюртукѣ, безъ шапки и въ ситцевой рубашкѣ-косовороткѣ; онъ держалъ теперь въ рукахъ цѣлую связку разноцвѣтныхъ резиновыхъ шаровъ и по одному пускалъ ихъ на воздухъ, вызывая смѣхъ любовавшейся публики. Молодой человѣкъ и еще такой же молодой человѣкъ напрасно старались увести тятеньку на пароходъ—онъ упирался и руками и ногами и какъ-то по-ребячьи опустился на землю всѣмъ тѣломъ, когда сго сзади началъ осторожно подталкивать пожилой приказчикъ изъ „подручныхъ“. Капитану наконецъ надоѣло ждать, и онъ далъ третій свистокъ. Упиравшагося тятеньку поволокли на пароходъ, какъ стягъ говядины, а онъ только глупо поводилъ кругомъ осовѣлыми глазами и крѣпко держалъ веревочку съ трепавшимися въ воздухѣ шарами.

— Ну, слава тѣ, Господи, выволокли...—вздохнули молодые люди, стараясь поставить тятеньку на ноги.—Тятенька, будетъ вамъ: ну, покуражились, надо и честь знать.

— Въ самъ-дѣлѣ, Сидоръ Гавриловъ, будетъ тебѣ удивлять публику-то,—вмѣшался пожилой купецъ и осторожно повелъ упиравшагося тятеньку въ общую каюту второго класса. — Еще осудятъ... Эхъ, нехорошо, Сидоръ Гавриловъ!..

— Да это ты, Агапъ Матвѣичъ?..—очнулся наконецъ тятенька и съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ.

— Я, а то кто же другой?.. Ну, пойдемъ, голубчикъ, въ каюту, тамъ чайку спроворимъ...

— Послушай, Агапъ Матвѣичъ... дай мнѣ залѣзть туды, на вышку на самую... къ капитану.

— Да зачѣмъ тебѣ?.. Еще грѣшнымъ дѣломъ сверзишься...

— Только пузыри спущу, и шабашъ... ей-Богу!..

Какъ тятеньку ни уговаривали, онъ стоялъ на своемъ и ни за что не хотѣлъ итти въ каюту. Агапъ Матвѣичъ наконецъ рѣшилъ удовлетворить и этотъ капризъ и повелъ тятеньку на трапъ. За ними отправилась часть публики, слонявшейся по палубѣ безъ всякаго дѣла—предстояло нѣкоторое развлеченіе.

Любимовскій пароходъ американской системы „Березняки“ съ глухимъ шумомъ разгребалъ камскую желтоватую воду своими громадными колесами и весь вздрагивалъ на ходу, точно загнанная лошадь. Въ прилукѣ виднѣлся удалявшійся захолустный городокъ, по сторонамъ бѣжали поросшіе хвойнымъ лѣсомъ берега, а впереди, какъ широкая живая лента, разстилалась красавица Кама. Появленіе на трапѣ пьянаго купца встревожило лѣниво дремавшую на скамейкахъ публику. Оедоръ Иванычъ выскочилъ изъ капитанской рубки и нѣсколько разъ поправилъ на головѣ свою синюю фуражку съ золотымъ околышемъ — онъ предчувствовалъ что-то опасное въ тянувшейся за купцомъ публикѣ.

— Будьте спокойны... ради Бога, будьте спокойны, — уговаривалъ Ое-

дора Иваныча давешній молодой человѣкъ"—понуражатся и уйдутъ-съ. Все эти проклятущіе пузыря...

Двѣ дамы, ѣхавшія „взять осени въ Крыму", торопливо придвинулись одна къ другой; армейскій офицеръ, сидѣвшій напротивъ, выпрямился; какой-то благообразный сѣдой старикъ, разсматривавшій берегъ въ бинокль, сбернулся и съ удивленіемъ смотрѣлъ на прибывавшую публику, однимъ словомъ, появленіе тятеньки съ пузырями произвело извѣстную сенсацію среди привилегированныхъ пассажировъ. Агапъ Матвѣичъ шелъ за нимъ по пятамъ и, ласково улыбаясь, дѣлалъ какіе-то таинственные знаки совсѣмъ незнакомымъ людямъ, означавшіе въ переводѣ, что „ужъ извините вы насъ съ Сидоромъ Гавриличемъ, потому, какъ такая блажь нашла на насъ". Тятенька, впрочемъ, никого не безпокоилъ, а прошелъ къ самой мачтѣ, отвязалъ одинъ шаръ и пустилъ его кверху.

— Полетай ты къ Аѳросиньѣ Спиридоновнѣ и доложи ей, что, значитъ, въ такомъ я видѣ... въ такомъ видѣ...—бормоталъ Сидоръ Гавриличъ, провожая глазами быстро улетавшій шаръ. — Ахъ, полетай ты къ моей супружницѣ... и такой я, значитъ, подлецъ...

Публика успокоилась. Невинная выходка тятеньки вызвала рядъ улыбокъ. Всѣ ждали, что будетъ дальше.

— А ты полетай къ моей Аѳросиньюшкѣ, къ голубушкѣ, и не сказывай, что видѣлъ пьянаго дурака...—продолжалъ тятенька, пуская два шара.— Замотался какъ есть...

Эта глупая сцена закончилась совершенно неожиданно: тятенька, выпустивъ всѣ шары, закрылъ лицо руками и глухо зарыдалъ. Его увели подъ руки внизъ, и публика не знала, что ей дѣлать—смѣяться, негодовать или обижаться.

II.

Осенью общія каюты второго класса на какихъ угодно волжскихъ или камскихъ пароходахъ представляютъ собой замѣчательную картину. Нужно замѣтить вообще, что съ открытія навигаціи „купецъ" является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на пароходахъ, даже можно сказать, что этотъ купецъ и составляетъ всю публику, а остальные пассажиры только служатъ его дополненіемъ, нѣкоторой варіаціей при главной темѣ разыгрывающейся музыкальной пьесы. Что это не плодъ воображенія автора, а сама дѣйствительность—стоитъ только зайти въ любой пароходный буфетъ, просмотрѣть карточку обѣда и закусокъ, понаблюдать развинченную по всѣмъ суставчикамъ, вѣчно оторопѣлую пароходную прислугу, и вамъ поневолѣ бросится въ глаза поразительное сходство нашихъ русскихъ пароходовъ съ... московскими трактирами. Тутъ все приспособлено для этого „пароходнаго купца", все пущено подъ его „правъ", и купецъ чувствуетъ себя на пароходѣ лучше, чѣмъ дома. Въ первомъ классѣ ѣдутъ завзятые коммерсанты, ворочающіе громадными дѣлами, во второмъ—такъ сказать, средній, нормальный купецъ, въ третьемъ—разная мелкая сошка: прасолы, сидѣбаи, молодцы, подручные, посланные на смиреніе тятенькины сынки и вообще „мальчики", состоящіе или при лавкѣ, или при особѣ „самого". Конечно, ѣдетъ на пароходѣ и настоящій баринъ, и офицеръ, и чиновникъ, и разночинецъ, и просто мужикъ-сѣрячокъ, но это все случайные элементы, которые появляются на пароходѣ какъ-то такъ—баринъ ужъ положительно не знаетъ, куда онъ ѣдетъ, офицеръ и чиновникъ куда-нибудь въ командировку, чтобы получить прогоны на полторы тройки, мужикъ „выправлять паспортъ" или въ такое мѣсто, гдѣ „сказываютъ,

работы пропасть". Вся эта добавочная пароходная публика такъ себя и держитъ, какъ разбитое стадо—всѣ сторонятся другъ отъ друга, скучаютъ, не знаютъ, когда имъ чай пить, что̀ спросить поѣсть. Пароходный купецъ совсѣмъ другое: на пароходѣ онъ устраивается какъ хозяинъ, пьетъ и ѣстъ съ апломбомъ, ведетъ пріятный разговоръ со своими и пользуется подобострастнымъ почтеніемъ прислуги.

Самое бойкое время для этого пароходнаго купца въ августѣ, когда „загорается" Нижегородская ярмарка, а на придачу къ ней Кресты въ Зауральѣ. Мнѣ пришлось сдѣлать больше десяти рейсовъ между Пермью и Нижнимъ именно въ это время, и всегда картина одна и та же. Эта линія Пермь-Нижній особенно замѣчательна тѣмъ, что на ней съ кондовымъ расейскимъ купечествомъ смѣшиваются торгующіе сибиряки, которыхъ какъ-то нельзя назвать даже купцами, потому что въ большинствѣ случаевъ это и промышленники и торговцы на сибирскій складъ.

Когда я садился въ Перми на „Березняки", общая каюта второго класса была почти полна и, какъ слѣдовало ожидать, подавляющее большинство составляли купцы: тутъ были и нижегородцы, и казанцы, и съ разныхъ низовыхъ городовъ, и шадринскіе, и сибиряки,—однимъ словомъ, всякаго жита по лопатѣ, а первое мѣсто, понятно, принадлежало крупичатому московскому купечеству, державшему себя очень авторитетно. Кромѣ меня, изъ „посторонней" публики былъ какой-то воинскій чинъ, два студента и еще молчаливый господинъ неизвѣстнаго званія. На первый разъ Сидора Гаврилыча я не замѣтилъ, потому что онъ, какъ оказалось, переведенъ былъ съ вокзала желѣзной дороги въ такомъ видѣ, чтобы только доташиться до мѣста.

— Одначе здорово народу понаперло...—говорилъ дѣтскимъ голоскомъ толстый шадринскій купецъ, съ удовольствіемъ оглядывая каюту:—цѣлый монастырь, и все своя братія.

Вся купеческая „церемонія" была продѣлана въ полной формѣ: сначала всѣ умылись, потомъ спросили чаю и сейчасъ же перезнакомились.

— Вы откедова будете?..—спрашиваетъ кто-то изъ бородачей, припавшихъ къ чаю.

— Мы-то?.. Мы приходимся самарскіе, то-есть собственно, по родителямъ по нашимъ, прежде въ Казани торговлишку имѣли, а нынѣ утвержденіе получили, значитъ, въ Сарапулѣ.

— Такъ... Значитъ, вы Ивана Петровича Коростова знавали?..

— Помилуйте-съ, покумились даже, потому какъ у нихъ лавка была рядомъ съ моей, ну, и всякое такое прочее...

— А Степана Корнилыча?..

— Который въ Сибирь ушелъ?.. Какъ не знать... я у него еще сукціона шарабанчикъ приспособилъ, когда онъ банкрутомъ объявился. Теперь, говорятъ, въ Иркутскѣ орудуетъ въ лучшемъ видѣ... Первая шельма, изъ огня выйдетъ невредимъ.

— Ужъ это что̀ говорить.

Черезъ полчаса такихъ разговоровъ всегда оказывается какъ-то такъ, что всѣ или были когда-нибудь знакомы, или встрѣчались по ярмаркамъ, или имѣютъ хорошихъ общихъ знакомыхъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ результатѣ получалось сплоченное цѣлое, что-то въ родѣ одной семьи, и встрѣча членовъ этой семьи производила настоящую родственную радость. За чаемъ сейчасъ же слѣдовали графинчики съ водкой, стерляжья уха, опять графинчики... и эта музыка продолжалась неизмѣнно до Нижняго.

Сидоръ Гаврилычъ, „спущавшій пузыри" своей душенькѣ Афросиньюшкѣ,

заинтересовалъ меня. Вернувшись съ палубы, онъ долго озирался на галдѣвшую публику, морщился и, кажется, рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать съ своей особой.

— Эй, Сидоръ Гаврилычъ, присаживайся къ столу-то...—приглашалъ кто-то.—Аль еще проснуться не можешь?..

— Вы сядьте, Сидоръ Гаврилычъ,—уговаривалъ Агапъ Матвѣичъ, не отставшій отъ своего пріятеля.—Вотъ перекусимъ чего-нибудь, оно и полегче будетъ.

— Отстань... безъ тебя знаю.

— Рюмочку водочки... да вы только сядьте, голубчикъ Сидоръ Гаврилычъ, потому что въ васъ спокойствія не стало.

Кто-то подвинулся, и упиравшагося Сидора Гаврилыча наконецъ водворили къ общему столу. Лежавшій напротивъ меня на диванчикѣ сибирскій купецъ щурилъ глаза и молча улыбался въ свою свѣтло-русую бородку.

— Ну, только и народецъ!..—медленно проговорилъ онъ, показывая глазами на Сидора Гаврилыча.—Видѣли, какъ онъ пузыри-то спущалъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да.

— Истинные чудотворцы, эти ярмарочные купцы... Даже образъ человѣческій по ярмаркамъ растеряли.

— А вы издалека?

— Мы-то иркутскіе будемъ. Конечно, и у насъ всякаго баловства даже весьма достаточно, но чтобы этакого безобразія—нѣтъ, этого какъ будто и нѣтъ.

Сибирскіе купцы вообще держатся особнякомъ отъ своихъ расейскихъ собратій, хотя изъ нихъ тоже есть всякіе—мы говоримъ объ общемъ характерѣ.

III.

Вечеромъ общая каюта обыкновенно занята какимъ-нибудь общимъ разговоромъ. Тутъ всегда найдется „душа общества“, который и потѣшаетъ всю почтенную публику разными анекдотами, самодѣльными побывальщинками и просто неприличными разсказами, какіе разсказываются, кажется, спеціально на пароходахъ въ купеческой компаніи; болѣе же солидная часть пассажировъ ведетъ подъ шумокъ нескромныхъ побасенокъ свою степенную бесѣду о разныхъ болѣзняхъ—эта тема положительно неисчерпаема и всегда имѣетъ успѣхъ. Одинъ лѣчился у московскаго Захарьина, другой—у Боткина, третій—у самарскаго знахаря Кузьмича,—поговорить есть о чемъ, и люди, самые испытанные въ этого сорта напастяхъ, заключающіе въ себѣ иногда цѣлую дюжину самыхъ мудреныхъ болѣзней, излѣчивались у какой-нибудь простой старушонки.

Со стола чай не сходитъ. Графинчики пустѣютъ. Пароходъ вечеромъ шумитъ сильнѣе и какъ-то судорожно порывается впередъ, точно кого догонятъ. Мѣрное покачиванье, шумъ воды и все одни и тѣ же разговоры нагоняютъ дремоту. Разговоръ то на время прерывается, то опять разгорается съ новой силой. Шадринскій купецъ съ дѣтскимъ голосомъ, захлебываясь отъ смѣха, только машетъ руками. Агапъ Матвѣичъ и Сидоръ Гаврилычъ пьютъ чай, напротивъ нихъ за отдѣльнымъ приборомъ сидитъ мой сосѣдъ, сибирскій купчикъ, и поглядываетъ на друзей улыбающимися глазками.

— Вы сибирскіе?—политично заговариваетъ Агапъ Матвѣичъ, вытирая лысину платкомъ..

— Иркутскіе.

Слѣдуетъ разборка общихъ знакомыхъ, и оказывается, что Агапъ Матвѣичъ знаетъ хозяина сибирскаго купчика, который ѣдетъ въ Нижній не отъ себя, а по хозяйскому порученію.

— Такъ-съ, такъ-съ...—тянетъ довольный Агапъ Матвѣичъ.—Какъ же, помилуйте, мы нынѣшній годъ съ вашимъ хозяиномъ на Ирбитской встрѣчаемся... Очень обстоятельный старичокъ. Иваномъ Карпычемъ звать?..

— Да.

— Весьма обстоятельный этотъ Иванъ Карпычъ... Милліонъ у него, говорятъ, въ кубышкѣ. У васъ въ Сибирѣ все на милліоны считаютъ... Да, какъ-то дѣльце у меня было къ нему на Ирбитской. Ну, вечеркомъ это иду къ Ивану Карпычу, квартирка у нихъ этакъ облюбована, маленькая, и темно при этомъ. Я и шарабошу это въ темнотѣ-то въ передней ихней и еще удивляюсь, какъ это такъ неосторожно дверь оставляютъ. Хотѣлъ уже спичкой чиркнуть, а Иванъ Карпычъ голосъ и подали: „Кто тутъ?“. А они на коникѣ въ передней и полеживаютъ... Даже весьма я этому подивился и говорю: „Хочется вамъ, Иванъ Карпычъ, въ передней валяться, да еще въ темнотѣ при этомъ“... Провели они меня въ горницу, добыли огня и этакъ степенно говорятъ: „Не великъ на насъ чинъ-то, можемъ и въ темнотѣ... Зачѣмъ карасинъ напрасно палить. Приказчики-то разбѣжались по трактирамъ, а я вотъ въ караульныхъ“. Очень обстоятельный и уважительный человѣкъ.

— Такъ и слѣдуетъ!..—крикнулъ неожиданно Сидоръ Гавриловичъ и даже ударилъ кулакомъ по столу.—Вотъ это настоящій хозяинъ...

Публика оглянулась и смолкла. Сидоръ Гавриловичъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, улыбался.

— А у насъ-то что?—продолжалъ онъ съ азартомъ.—У меня теперь, положимъ, двадцать тысячъ капиталу, а я ужъ долженъ показывать сто... Зеркальныя стекла завожу, вывѣску навѣшиваю до самой крыши, огни зажигаю на всякомъ мѣстѣ, товаръ свѣжій въ окошкѣ покупателю показываю... Вотъ оно куда пошло-то!.. Это одно разоренье, а не торговля.

— Кто же вамъ велитъ разоряться-то?—замѣтилъ сибирякъ.

— Да какъ же, голубь ты мой сизый, иначе-то мнѣ, когда всѣ кругомъ меня то же самое дѣлаютъ? Всѣ другъ передъ другомъ выставиться хотятъ-то, а мнѣ ужъ не статься хуже-то другихъ быть. У кого нонѣ капиталы-то?.. Все на фу-фу... Повертится-повертится и помина, какъ звали: въ трубу и улетѣлъ. Самъ летитъ и другихъ за собой волокетъ... Вотъ какія наши дѣла, милый человѣкъ... Вотъ я сижу съ тобой сейчасъ, разговариваю, а спроси ты у меня: какъ, молъ, у васъ, Сидоръ Гавриловичъ, дѣла?.. Ничего не знаю, потому и знать невозможно: самъ беру въ долгъ товаръ и продаю его въ долгъ, а сколько [illegible] есть—неизвѣстенъ. Теперь вотъ въ Крестахъ взять: набери товару горы, а покупателя нѣтъ. Ну и ловишь покупателя, да его-то еще и упрашиваешь, чтобы онъ у тебя въ долгъ товару набралъ больше... Это какъ?..

— Отъ банковъ все...—дѣтскимъ голоскомъ проговорилъ шадринскій купецъ.—Отъ нихъ отъ самыхъ эта самая петля идетъ нашему брату. По всей Расеѣ замѣшательство...

— И отъ банковъ и отъ себя,—внушительно замѣтилъ Агапъ Матвѣичъ.—Небось, вонъ Иванъ-то Карпычъ чистенько дѣла ведетъ, не зарвется.

— То Сибирь, Агапъ Матвѣичъ, тамъ другая статья.. Еще не дошли до нашей [illegible]..

— Это все одно: Сибирь ли, Расея ли,—заявилъ Сидоръ Гавриловъ съ убѣжденіемъ.—Отъ себя самихъ погибель свою принимаемъ... Взять хоть вотъ теперь эту самую ѣзду. Прежде-то какъ ѣздили... а?.. Съ молитвой да съ обережью... Человѣкъ чувствовалъ, что онъ въ дорогѣ, страхъ въ немъ держался. Тятенька покойный, бывало, соберется куда на ярманку, такъ въ томъ родѣ какъ покойника провожали: молебенъ отслужатъ напутственный, покойница-маменька образокъ ему на шею надѣнетъ, а самъ тятенька слезно со всѣми прощается, потому дорожное дѣло—долго ли до грѣха... По лѣсу ѣдетъ—разбойники съ кистенями купцовъ стерегутъ, дорога дальняя... тяжелая; ну, разобьетъ человѣка и въ болѣзнь вгонитъ. Да мало ли напасти было: лавки сгорятъ, товаръ дорогой у возчиковъ срѣжутъ, обтеряться можно деньгами... А нынче что?.. Потерять тебѣ нечего, потому денегъ и въ поминѣ ни у кого нѣтъ, товаръ застрахованъ, дорога у тебя скатертью...

— Ужъ это точно... на что лучше,—послышались голоса.

— Скатерть-то скатертью, только не совсѣмъ... Что у тебя на умѣ-то по нынѣшнему времю дорогой-то?.. Страхъ какой?.. Ну нѣтъ, у тебя одна пакость въ башкѣ, все равно какъ идетъ сплошной трактиръ... да-съ. По желѣзной дорогѣ вездѣ эти буфеты, а пароходъ хуже того: тутъ даже и женскій полъ... тьфу!..

Этотъ интересный разговоръ прерванъ былъ свисткомъ—пароходъ подходилъ къ пристани, и всѣ бросились наверхъ.

IV.

Было уже темно, когда „Березняки“ тяжело привалилъ къ пристани, едва мигавшей огоньками. Это, кажется, былъ Пьяный-Боръ, одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ на Камѣ. Пароходъ нагружался дровами, и поэтому публика могла погулять по берегу, гдѣ, какъ свѣтляки въ травѣ, мигали слабые огоньки. У самой пристани татаринъ продавалъ живую стерлядь, которую вынималъ изъ садка небольшимъ сачкомъ. Это зрѣлище привлекло къ себѣ главнымъ образомъ купечество, любовавшееся на трепетавшую въ садкѣ живую рыбу.

— Ты намъ аршинную приспособь, князь...—слышались голоса съ пристани.—Чтобы настоящій звѣрь... ну, гуляй, князь!..

— Пять рублей, гуляй, бачка...—отвѣчалъ татаринъ, ловко выхватывая изъ садка тяжелую аршинную стерлядь.

Поваръ въ бѣломъ колпакѣ съ большой ловкостью подхватилъ брошенную рыбу за жабры и потащилъ на кухню. Довольные покупатели съ галдѣньемъ потянулись за „звѣремъ“.

Пока шла нагрузка, на берегу въ темнотѣ бродили какія-то таинственныя парочки. На травѣ тоже происходили интимныя tête-à-tête. Агапъ Матвѣичъ смотрѣлъ на берегъ и тяжело вздыхалъ.

— Вы нездоровы?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего-съ... слава Богу!.. А только вотъ моторно смотрѣть на гадости разныя. Вонъ на берегу-то что творится... одна гадость. Наши московскіе орудуютъ... Полуехта Полуехтыча дѣтки въ отличку пошли, ну, и другіе тоже не лучше. Охо-хо-хо!.. Тутъ вчужѣ наплачешься. Вѣдь какіе молодцы-то... видѣли въ каютѣ второго класса, наверху?.. Съ самой Перми дымъ у нихъ коромысломъ стоитъ: карты, вино, женскій полъ...

— Откуда женскій-то полъ?..

— Ахъ, Господи, да это съ Крестовъ ѣдутъ въ Нижній, чтобы остатки

захватить. Двѣ каюты заняли, мамзелей двѣнадцать наберется... Сидоръ-то Гаврилычъ про нихъ давеча словечко закинулъ. Согрѣшили мы, грѣшные...

На „Березнякахъ“ есть рубка второго класса, и тамъ по вечерамъ собиралась разная второклассная публика, чтобы посидѣть на людяхъ. Прямо изъ этой рубки коридоръ ведетъ въ отдѣльныя каюты второго класса. Въ одной изъ нихъ помѣщались дѣтки Полуехта Полуехтыча, два молодыхъ купчика. Это были настоящіе молодцы, здоровые, румяные, кудрявые—такихъ выкармливаетъ только Москва. Собственно на купцовъ въ ветхозавѣтномъ смыслѣ они уже не походили, а держали себя на образованную руку. Пароходныя дамы (это особая разновидность дамъ, какъ и пароходный купецъ) невольно засматривались на этихъ красавцевъ, выходившихъ на трапъ освѣжиться. Съ этими молодцами въ качествѣ дядьки ѣхалъ какой-то старичокъ-кодручный, очень степенный и суровый на видъ человѣкъ, очевидно, назначенный для обереги молодыхъ людей. Но московскіе тятенькины сынки къ вечеру напоили своего надзирателя до положенія ризъ, и онъ спалъ мертвымъ сномъ въ третьемъ классѣ, такъ что молодые люди могли располагать всей ночью по своему усмотрѣнію и, кажется, не теряли напрасно дорогого времени.

Въ ихъ каюту дверь постоянно растворялась, и въ нее проворно шмыгали лакеи съ разной винной посудиной. Сквозь вырывавшіяся облака табачнаго дыма можно было разсмотрѣть раскрытый ломберный столъ, за которымъ братья играли въ карты съ какимъ-то сомнительнымъ военнымъ мундиромъ и еще болѣе сомнительнымъ восточнымъ человѣкомъ. Вина и закуски стояли на другомъ столѣ.

— Икается, поди, Полуехту-то Полуехтычу,—смѣялись разные степенные купцы.—Самъ виноватъ, зачѣмъ пущаетъ по ярманкамъ однихъ молодцовъ...

Вечеромъ эта каюта второго класса произвела даже въ обтерпѣвшейся пароходной публикѣ извѣстную сенсацію: вмѣсто картъ явились таинственныя мамзели, и грянула пьяная трактирная пѣсня. Пѣніе смѣшалось крикомъ пьяныхъ голосовъ, хохотомъ, визгомъ. Какой-то надсаженный, охрипшій женскій голосъ напрасно старался „выводить“ куплетъ:

Смотрите здѣсь,
Глядите тамъ...

— Ур-ра! браво!..—гудѣла каюта, и опять начинался визгъ, хохотъ и пьяное уханье...

— Господи, помилуй... угодники безсребренники!..—взмолился какой-то сѣдой и беззубый старикъ.—Согрѣшили мы, грѣшные...

А пароходъ летѣлъ все впередъ, въ осеннюю мглу, поднимая крутую волну, которая съ глухимъ ропотомъ убѣгала къ далекому берегу. Гдѣ-то далеко-далеко на берегу мигалъ одинокій рыбачій огонекъ, точно изъ темноты смотрѣлъ горѣвшій волчій глазъ.

V.

Аршинная стерлядь была съѣдена въ общей каютѣ второго класса самымъ торжественнымъ образомъ, и такъ какъ „рыба плаваетъ въ водѣ“, то это торжество сопровождалось соотвѣтствующими возліяніями. Сидоръ Гаврилычъ сначала выпилъ рюмочку, чтобы поправиться, а кончилъ вторымъ пароемъ.

— Эй, Сидоръ Гавриличъ, на другой бокъ поправился,—шутили пріятели, икая на всю каюту.—Опять, видно, придется каяться Афросиньюшкѣ... пузырей только не хватаетъ...

— Д-да, это выходитъ къ желеткѣ рукава...—бормоталъ Сидоръ Гавриличъ, уныло поглядывая куда-то въ одну точку. — Мало каяться нашему брату... а что̀ касаемо Афросиньи Спиридоновны, такъ это ужъ точно, что прямое свинство наше...

Развеселившіеся купчики похваливали развернувшихся Полуехтычей, подмигивали другъ другу, шептались и незамѣтнымъ образомъ старались убраться изъ каюты. Сидоръ Гавриличъ сидѣлъ попрежнему у стола надъ остатками аршинной стерляди и сильно клевалъ носомъ. Немного очнувшись, онъ долго смотрѣлъ кругомъ, отыскивая кого-то.

— Куда это дѣвалось... а?..—удивился онъ.—Окказія...

Вернувшійся съ верху сибирскій купчикъ только посмѣивался.

— Понимаю,—прогудѣлъ Сидоръ Гавриличъ. — Къ арфянкамъ забрались.. охъ, оглашенные!.. Ну, не гадость это?.. а?.. Женатые люди и этакая совѣсть... а?.. Агапъ Матвѣичъ, а?.. Агалъ Матвѣичъ?..

— Ихъ нѣту-съ,—отвѣтилъ сибирякъ.

— Вотъ тѣ и рукава къ желеткѣ!.. Непремѣнно скажу женѣ, какъ домой пріѣду... да. Право, этакіе озорники... Человѣкъ, зельтерской воды!..

Явился человѣкъ и сдѣлалъ лакейскую стойку. Потомъ явились двѣ бутылки зельтерской воды. Сидоръ Гавриличъ выпилъ обѣ бутылки и началъ понемногу приходить въ себя... Онъ нѣсколько разъ чихнулъ, потеръ себѣ лобъ и уставился глазами въ уголъ.

— Вы бы легли, Сидоръ Гавриличъ...—предложилъ сибирякъ.

— Не могу... мутитъ... охъ-хо-хо!..

Сидоръ Гавриличъ грузно снялся съ своего мѣста, грузно обошелъ столъ и грузно подсѣлъ къ намъ.

— Вы изъ Сибири будете?—спрашивалъ онъ сибиряка, откидываясь всей тушей на спинку дивана.

— Точно такъ-съ... Иркутскіе.

— Такъ, такъ... Скоро вотъ наладятъ вамъ желѣзную дорогу, пароходы, ну, и пойдетъ такое же вотъ колесо, какъ у насъ. Вѣрно... Тогда ужъ нашабашъ: купчалъ башка!.. Къ чему я это говорю, какъ ты думаешь... а?..

— А ужъ не могу знать, Сидоръ Гавриличъ.

— Давѣ вотъ про банки говорили... а тутъ не то, да. Теперь возьмемъ такъ: у меня, значитъ, дочь есть Евгенія... дѣвушка на возрастѣ, какъ слѣдуетъ; приданое уже заготовлено... Такъ...

— Обнаковенно.

— Ну, дѣло житейское, растишь дочь, а самъ про жениха думаешь... Такъ и у васъ въ Сибири?.. Вѣрно... да. А вонъ они, женихи-то какіе по нынѣшнимъ временамъ... Слышалъ, какъ чертятъ Полуехтычи?.. Ну, какъ приспособишь этакого хахаля родной-то дочери, тогда и плачь съ нимъ, а дѣваться некуда: у всѣхъ нонѣ одна вѣра-то пошла... Прежде въ строгости содержали парней-то, ну, ему и любопытно съ женой, свой уголъ заведенъ и всякое прочее. А нонѣ Полуехтычи-то чертятъ-чертятъ по трактирамъ, да по ярманкамъ, да по пароходамъ, всякую совѣсть потеряютъ около арфянокъ да разной другой женской гадости, ну какое ему любопытство въ женѣ-то, когда ужъ онъ всякую музыку произошелъ и ему подавай всякій день разное женское удовольствіе. Такъ я говорю?.. И будетъ съ женой ему скучно

да тошно, такъ оно и пойдетъ. Женѣ не угоняться за арфянками-то, потому и красоту Богъ не каждой посылаетъ, и вывертовъ этихъ хорошая женщина не допуститъ. Такъ я говорю?

— Истинная ваша правда, Сидоръ Гавриловичъ,—согласился сибирякъ и тяжело вздохнулъ.

— То-то, другъ мой милый... А къ чему я эту рѣчь веду?.. Куда я давѣ пузыри-то спущалъ?.. Смѣшно всѣмъ, что я свою Афросинью Спиридоновну вспоминалъ... а въ ней и вся причина. Видишь, мы гоняемся, а свое гнѣздо пустуетъ—вотъ откуда гибель наша купеческая идетъ... Я на деньги льщусь, а себя не жаль. Ну что мнѣ эти самыя деньги, ежели у меня дома-то пусто, ежели меня домой-то не тянетъ, ежели мнѣ вотъ самое удовольствіе съ арфянками колобродить. Тутъ ужъ человѣкъ равнодушный дѣлается, смыслъ теряетъ и на всякую гадость идетъ, потому все равно: нахваталъ денегъ, покружился, какъ турманъ, а тамъ и въ трубу. Развѣ такъ отцы-то наши живали?.. Конечно, деньги первое дѣло для купца, только и деньга деньгѣ рознь... Тошно глядѣть на наше поганое купеческое-то житье, потому бить насъ некому: молодыхъ судимъ, а молодые-то у старыхъ чертей учатся. Тутъ ужъ не банки да ярманка виноваты, когда человѣкъ душой повихнулся и какъ гульная скотина своихъ воротъ боится...

1885.

Настоящій.

Изъ походнаго альбома.

I.

...Когда „онъ“ спокойно остановился передъ буфетной стойкой и глазомъ знатока окинулъ картинно разложенныя закуски, и буфетчикъ, и офиціанты, и публика—всѣ почувствовали, что это былъ настоящій баринъ, который не будетъ хватать первое понравившееся блюдо, какъ другіе пассажиры, а выберетъ самое лучшее и самое настоящее съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой.

— Человѣкъ, карточку..—проговорилъ онъ шепелявымъ барскимъ топомъ съ какой-то особенно милой, дѣтской картавостью.

И офиціантъ вытянулся передъ нимъ, не какъ передъ другими: этотъ будетъ, дѣйствительно, кушать, а другіе только хватаютъ, рвутъ и просто лопаютъ. Онъ въ это время произвелъ настоящій экзаменъ обѣденной карточкѣ: даже посмотрѣлъ, нѣтъ ли чего на оборотной сторонѣ, а потомъ указалъ, что ему нужно, и свободно усѣлся за накрытый большой столъ. Это былъ высокаго роста сѣдой старикъ, съ розовымъ, широкимъ, настоящимъ русскимъ лицемъ, розовой шеей, мягкимъ русскимъ посомъ, крупными губами и большими сѣрыми, нѣсколько удивленными глазами. Мягкая сѣрая шляпа покрывала эту породистую голову съ барской небрежностью, а широкій лѣтній пастомъ и верхняя синяя „разлетайка“ дѣлали высокую фигуру еще массивнѣе. Когда грудь была завѣшена салфеткой, появилась бутылка съ „всероссійской слезой“ и какая-то мудреная закуска. Онъ принялся за дѣло съ спокойной торжественностью, какъ хирурги дѣлаютъ операціи, и нисколько не смутился тѣмъ, что служилъ предметомъ вниманія дожидавшей поѣзда публики. Уничтоживъ до тла закуску, онъ сдѣлалъ маленькую паузу и при-

нялся за свой обѣдъ. Публика смотрѣла на него съ завистью, подозрѣвая, что поваръ для этого старика навѣрное отпустилъ самое лучшее, а не тѣ подозрительныя суточныя щи и разные антрекоты, которыми пробавлялась вотъ эта самая завидовавшая публика. Обѣдъ продолжался битый часъ съ необходимыми передышками и „орошеніемъ“. Позвавъ офиціанта, онъ сдѣлалъ ему нѣсколько отеческихъ внушеній относительно говядины, зажаренной поваромъ не по-настоящему, и долго тыкалъ пальцемъ въ пустую тарелку. Офиціантъ въ почтительно-согнутой позѣ выслушивалъ наставленія и въ тактъ качалъ головой, дескать, „это точно-съ“, „совершенно вѣрно-съ“, „помилуйте-съ“, „какъ можно-съ!“.

Кончивъ обѣдъ, „онъ“ грузно отвалился на спинку стула, которая предательски затрещала, а потомъ оглянулъ немножко сонными глазами насъ,— изнемогавшую въ ожиданіи публику. Эхъ, соснуть бы теперь, ежели бы не эти проклятые желѣзнодорожные порядки: только разомлѣетъ человѣкъ, а тутъ въ самое ухо звонокъ... И куда торопятся? По типу я сразу опредѣлилъ старика: помѣщикъ изъ какой-нибудь хлѣбной приволжской губерніи. На мой, не „расейскій глазъ“ — это былъ совершенно чужой и неизвѣстный человѣкъ: Сибирь не знала ни крѣпостного права ни помѣщиковъ. Можетъ-быть, потому я особенно и заинтересовался этимъ типомъ, извѣстнымъ мнѣ только по романамъ.

Дожидаться московскаго поѣзда приходилось довольно долго, а поэтому отъ-нечего-дѣлать старались убить время разными пустяками. Время тянется томительно-медленно, такъ что успѣешь перечитать всѣ объявленія, выучишь наизусть обѣденную карточку, а газету прочитаешь до подписи редактора. Наконецъ наступаетъ и блаженная минута получать билеты. Изъ благоразумной экономіи я ѣду въ третьемъ классѣ, тѣмъ болѣе, что публики, кажется, не много и есть надежда воспользоваться цѣлой лавочкой. Я становлюсь въ хвостѣ жаждущихъ имѣть билетъ третьяго класса. Это послѣднее испытаніе. Считая по головамъ моихъ счастливыхъ предшественниковъ, я къ удивленію замѣчаю въ числѣ первыхъ старика, съ такимъ вкусомъ обѣдавшаго. Можно было предположить по меньшей мѣрѣ, что онъ поѣдетъ во второмъ классѣ. Да и для него, видимо, было непривычнымъ дѣломъ стоять въ хвостѣ вообще, и онъ, какъ-то черезъ плечо, съ любопытствомъ разсматривалъ своихъ случайныхъ сосѣдей, какого-то мужика въ рваной шапкѣ и какую-то бабу съ узломъ. Получивъ билетъ, старикъ еще разъ окинулъ хвостъ тѣмъ же любопытнымъ взглядомъ и ушелъ размѣреннымъ военнымъ шагомъ.

Русская публика положительно не умѣетъ садиться въ вагоны и затрачиваетъ самымъ непроизводительнымъ образомъ массу энергіи. Такъ было и сейчасъ. Общая суматоха дѣйствуетъ заразительно и на васъ, такъ что является невольно обидная мысль, что займутъ непремѣнно и ваше мѣсто. Но мѣста хватило всѣмъ, и мнѣ досталась цѣлая скамья, а напротивъ одновременно помѣстился тотъ самый старикъ, котораго я наблюдалъ на вокзалѣ. Онъ устроилъ свои вещи, снялъ разлетайку, повѣсилъ шляпу и проговорилъ такимъ тономъ, точно мы разстались съ нимъ вчера:

— Вѣдь это удивительный предразсудокъ, что ѣздить въ третьемъ классѣ... ну, однимъ словомъ, какъ-то совѣстно. Всего одну ночь потерпѣть, а пять рублей въ карманѣ! Зачѣмъ даромъ бросать деньги?.. Вѣдь лишнихъ денегъ ни у кого нѣтъ, а лучше же я ихъ употреблю на удовольствіе: схожу два раза въ театръ, пообѣдаю у Тестова, накуплю что-нибудь женѣ... Не правда ли?..

— Да, конечно...

— Ну, если бы я еще ѣхалъ съ женой — тогда другое дѣло, а то мнѣ лично все равно. Сонъ у меня прекрасный, только бы голову положить на подушку... Когда служилъ на Кавказѣ, такъ въ сѣдлѣ спалъ: ѣдешь куда-нибудь въ экспедицію и спишь. Понимаете: старый закавказецъ. Впрочемъ, все это вижу какъ во снѣ, т.-е. свою кавказскую боевую жизнь. Да оно и понятно: вѣдь столько времени прошло. Теперь уже лѣтъ двадцать, какъ на землю свою сѣлъ и домашними мыслями занялся. Однимъ словомъ, черноземъ...

Мнѣ казалось, что я этого хорошаго старика давно и хорошо знаю. За разговорами мы не замѣтили, какъ промелькнули первыя станціи. Въ окнѣ вагона мелькала печальная русская равнина съ печальными деревушками и жалкими клочками точно побитаго молью лѣса. На меня такой великорусскій ландшафтъ нагоняетъ тоску и уныніе. Какое сравненіе съ Поволжьемъ или Приднѣпровьемъ!..

Мой знакомый по вагону оказался дѣйствительно помѣщикомъ изъ Симбирской губерніи, по фамиліи Котельниковъ, Петръ Ивановичъ. Онъ сейчасъ же разсказалъ про себя всю подноготную: гдѣ родился, гдѣ служилъ, гдѣ сейчасъ живетъ. Дома у него осталась жена, о которой онъ говорилъ къ мѣсту и не къ мѣсту.

— Двадцать четыре годика вмѣстѣ прожили, душа въ душу,—повторялъ онъ нѣсколько разъ съ особеннымъ удареніемъ, точно дѣлалъ кому-то упрекъ.— А нынче только и слышишь, что тамъ мужъ жену бросилъ, тамъ жена убѣжала отъ мужа... Да не въ осужденіе я говорю, а по человѣчеству: жаль смотрѣть. Вотъ я ѣду въ Москву, разговариваю съ вами, а мысли-то, какъ мыши, все дома, все дома... да. Понимаете?

Время на желѣзной дорогѣ кажется всегда вдвое длиннѣе, чѣмъ дома. Ужъ какъ ни приспособляешься его убить, а оно точно остановилось. И вся публика такъ же мучится. Пассажиръ считаетъ своимъ долгомъ выскакивать на каждой станціи, пьетъ пять стакановъ чаю вмѣсто одного, хватаетъ второпяхъ пирожки съ мочалой вмѣсто говядины, оглядываетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ другихъ пассажировъ и вообще продѣлываетъ цѣлый рядъ такихъ манипуляцій, единственная цѣль которыхъ — убить время. Мой спутникъ въ этомъ случаѣ явился настоящимъ кладомъ, какъ дѣйствительно интересный субъектъ.

Когда зажгли огни, Петръ Иванычъ пересѣлъ ко мнѣ на лавочку и, положивъ свою могучую десницу на мое колѣно, заговорилъ душевнымъ полуголосомъ:

— Знаете, когда я бываю въ Москвѣ, первымъ дѣломъ, по обѣщанію... да. Ничего не предпринимаю, пока обѣщанія не исполню: къ Ивану Воину, къ преподобному Трифону и къ Власію. Совѣтую и вамъ помолиться этимъ угодникамъ. Впрочемъ, вы вѣдь въ военной службѣ не были, такъ къ Ивану Воину, пожалуй, и незачѣмъ, а вотъ къ Трифону преподобному весьма совѣтую. Знаете, всѣ служащіе люди, комиссіонеры и кто своимъ дѣломъ занимается— непремѣнно къ Трифону. И отлично помогаетъ... Жить годъ отъ году трудпѣе, особенно маленькимъ людямъ, а угодникъ и заступится. Одинъ знакомый нѣмецъ у меня въ Москвѣ есть, дѣло у него торговое, такъ онъ мнѣ откровенно признался, что хотя онъ и не нашей вѣры, а передъ каждымъ дѣломъ ѣдетъ къ преподобному Трифону и молебенъ служитъ. Что бы вы думали: и нѣмцу помогаетъ... да. Конечно, нѣмецъ хитритъ и даже какъ будто надуу-

ваетъ нашего православнаго святого, а все-таки вѣритъ нѣмецъ — вотъ ему за вѣру и отверзается благодать. Всякому дается по его вѣрѣ... Да-съ. Отъ преподобнаго Трифона я сейчасъ къ Власію... Какой со мной случай былъ лѣтъ тому двадцать назадъ. Да, будетъ двадцать... Пришла на меня цѣлая полоса всякихъ несчастій: одно за другимъ такъ и сыплются. Что же дѣлать: терплю. Хорошо... Чуть имѣніе съ молотка не продали, деньги потерялъ, жена больна... Къ самой стѣнкѣ меня прижало, ни взадъ ни впередъ. И напало на меня отчаяніе. Сознаю, что грѣшно, а не могу себя преодолѣть. Даже вотъ сейчасъ страшно припоминать... Въ газетахъ постоянно такіе случаи: „неизвѣстный человѣкъ занялъ номеръ, спросилъ самоваръ и т. д.“. А тамъ: „прошу въ смерти моей никого не обвинять“. Вотъ до чего дѣло доходило, голубчикъ... Сталъ я даже этакъ самъ себя бояться, а съ людьми мнѣ опять тошно. Такъ и тянетъ къ себѣ въ номеръ да на ключъ... Я тогда въ Москву по дѣламъ пріѣхалъ. Только разъ ужъ очень мнѣ горько пришлось, чуть я не возроптalъ, а мнѣ точно кто въ самое ухо и шепнулъ: „Помолись Власію“. Сейчасъ, знаете, я воспрянулъ духомъ. Гдѣ Власій? какой такой Власій?.. Въ календарѣ нашелъ: празднуется 3 февраля. Теперь надо его въ Москвѣ найти, непремѣнно должна быть такая церковь или придѣлъ. Ужъ я его и поискалъ! Главное, никто не знаетъ, даже попы. Ну однако отыскалъ, отслужилъ молебенъ, помолился съ слезами и сразу другимъ человѣкомъ сдѣлался: свѣтло такъ на душѣ, радостно... И что бы вы думали: съ этого самаго момента всѣ мои горести какъ рукой сняло, и вотъ, какъ видите, доѣхалъ здравъ, невредимъ и благополученъ.

II.

Въ Москвѣ мнѣ пришлось прожить недѣли двѣ. Мы остановились въ однихъ номерахъ, и каждое утро, часовъ въ десять, Петръ Иванычъ уже стучалъ въ двери моего номера.

— Ну, какъ идутъ ваши дѣла?

— Ничего, помаленьку...

— И слава Богу. У меня тоже кое-что налаживается... Куда сегодня вечеркомъ думаете?.. Я въ „Эрмитажъ“ махну... День-то по дѣламъ колесишь по Москвѣ, да по роднѣ, да по знакомымъ, а вечеромъ ужъ можно и передохнуть. На скачкахъ были? Пустое дѣло-съ, не наше, не русское-съ... То ли дѣло бѣга!.. Обидно на лошадей скаковыхъ смотрѣть, точно онѣ на костыляхъ... Хвостики куцые, ножки нижучьи — однимъ словомъ, все, что угодно, а только не лошадь! Жокеи сидятъ какими-то обезьянами... Тьфу!..

Вечеромъ я, дѣйствительно, встрѣтилъ старика въ „Эрмитажѣ“. Нужно было видѣть, съ какимъ достоинствомъ онъ выступалъ въ сбродной толпѣ лѣтнихъ гуляній. Можно было подумать, что и музыка играетъ спеціально для Петра Иваныча, и фонари электрическіе горятъ, и испуганно суетится надерганная прислуга. Онъ явился на гулянье въ сопровожденіи такихъ же массивныхъ стариковъ, важныхъ и добродушныхъ, какихъ можно встрѣтить только въ Москвѣ. Съ ними вмѣстѣ гуляли двѣ молодыхъ барышни такихъ же рослыхъ статей, какъ и старики. Странно, что въ этой группѣ не было совсѣмъ молодыхъ людей, и дѣвицы довольствовались обществомъ стариковъ. Такъ все время къ этой оригинальной кучкѣ никто изъ молодыхъ и не подошелъ. Потомъ барышни, напоминавшія курицъ-кохинхинокъ, удалились подъ предводительствомъ одного изъ крупныхъ стариковъ.

За ужиномъ я замѣтилъ Петру Иванычу относительно подмѣченной мной

странности, причемъ я сдѣлалъ предположеніе, что барышни-кохинхинки пріѣзжія въ Москвѣ и не успѣли сдѣлать необходимыхъ знакомствъ.

— Коренныя москвички, настоящая бѣлая косточка, — съ грустью проговорилъ Петръ Иванычъ,—а подъ пару имъ остались только мы, старики. Развѣ нынче есть настоящая молодежь? Вонъ, посмотрите, какіе выродки гуляютъ, отъ лакея не отличишь. Ну, барышнямъ и приходится одинѣмъ оставаться... Выродился, измельчалъ народъ и въ Москвѣ! Эхъ, да что тутъ говорить!.. И публики настоящей не стало, а того и глядишь, что часы вытащатъ.

Минорный тонъ еще раньше началъ пробиваться въ нашихъ бесѣдахъ, и я приписывалъ это личнымъ дѣламъ Петра Иваныча, но это оказалось совсѣмъ не то. Мы разговорились на эту тему.

— Нечему радоваться, голубчикъ,—объяснилъ Петръ Иванычъ, разглаживая свою бороду.—Куда ни придешь, вездѣ оскудѣніе... Какіе столбы стояли, а и тѣ не выдержали! Москва погнулась, вотъ что скверно. Прежде пріѣдешь сюда и душой отдохнешь. Вѣра была въ себя, а теперь одна зола осталась да пустыя слова. А вѣдь дѣлаетъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, проходимецъ и выжига... Вонъ онъ расхаживаетъ! Вѣдь для него все это устроено, до опереточнаго безобразія включительно... Не пойму я никакъ вотъ этой самой оперетки, что въ ней нравится? По-моему, одно неприличіе и самое скверное. Развѣ можно сравнивать съ балетомъ или цыганскими хорами? Тамъ изящество, дикая ширь, а здѣсь гаденькій мелконькій развратъ.

Съ каждымъ днемъ Петръ Иванычъ дѣлался все грустнѣе и кончилъ тѣмъ, что слегъ. Получаю отъ него утромъ записку: „Приходите навѣстить больного... Совсѣмъ развинтился“. Я нашелъ его, дѣйствительно, въ постели. За нѣсколько дней старикъ совсѣмъ поблѣднѣлъ и какъ-то весь осунулся.

— Что это съ вами, Петръ Иванычъ?

— Да такъ... Неможется что-то. Знаете, какъ мужики говорятъ: весь не могу. Докторъ обѣщаетъ черезъ три дня выпустить. А вы скоро уѣзжаете?

— Мнѣ необходимо съѣздить еще въ Петербургъ...

— Ну что же, съ Богомъ. Значитъ, больше не увидимся? Я только чуть-чуть на ноги—и сейчасъ же домой...

Мы распрощались. Я уѣзжалъ изъ Москвы съ четырехчасовымъ поѣздомъ.

Въ Петербургѣ я пробылъ нѣсколько дней, а на обратномъ пути останавливаться въ Москвѣ было некогда, Въ Нижнемъ, когда я „садился“ на громадный пароходъ Зевеке, первымъ пассажиромъ оказался Петръ Иванычъ, который встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями.

— Воистину гора съ горой не сходится!..—весело повторялъ онъ, расхаживая по палубѣ.—А вѣдь я не могъ въ Москвѣ дождаться, пока облегчитъ... Такъ больной и уѣхалъ. И дѣйствительно, дорогой стало лучше, лучше—и вотъ, какъ видите, молодцомъ... Въ молодости я всегда такъ лѣчился: чуть что—сейчасъ на лошадь и въ дорогу. Сотни полторы верстъ какъ сдѣлаешь верхомъ, такъ всякая болѣзнь выскочитъ... Ну, да не стоитъ объ этомъ говорить. А вы благополучно? Ну, слава Богу, я тоже всѣ дѣла устроилъ, а потомъ съѣздилъ еще разъ къ Власію и къ преподобному Трифону. Слабъ и немощенъ человѣкъ, а святые угодники имѣютъ великую силу!..

Попавъ на родную Волгу, мой старецъ сразу ожилъ, повеселѣлъ и всему

улыбался. Когда мы пили съ нимъ чай въ рубкѣ второго класса, онъ въ отворенное окно все время любовался рѣкой.

— Вотъ какъ она, матушка, разлилась!..—повторялъ онъ.—Вотъ это наше, настоящее, родное...

— Съ каждымъ годомъ мелѣетъ матушка-то,—замѣтилъ я.

— Вздоръ!.. Стоитъ только завести правильное хозяйство на рѣкѣ,—вотъ и весь разговоръ: здѣсь подпрудить, тамъ углубить, тамъ почистить. Это одна наша халатность, а рѣка не виновата. Дайте-ка ее американцамъ, да по ней броненосцы бы ходили! А я молодѣю, какъ только ее увижу... Двадцать лѣтъ съ плечъ долой. Признаться сказать, Москвой меня точно придавило нынче...

Кто не путешествовалъ лѣтомъ по Волгѣ, кто не любовался волжскими берегами, чудными далями и этими поэтическими закатами? Быстро садится солнце, заревомъ вспыхиваетъ небо, а даль уже заволакивается синеватой дымкой, и широкія тѣни стелются въ разсѣдинахъ гористаго берега. Гдѣ-то далеко-далеко въ прилукѣ курится рыбачій огонекъ, да яркой звѣздочкой теплится сигнальный фонарь на мачтѣ встрѣчной барки. Съ глухимъ рокотомъ несется пароходъ, разсѣкая воду желѣзной грудью и оставляя по себѣ двоящійся пѣнистый слѣдъ. Сонная вода закругленной волной бьетъ въ песчаный берегъ и съ шипѣніемъ окаймляетъ песокъ бѣлой пѣной... Хорошо думается въ такіе моменты. Въ душѣ поднимаются смутные образы, неясныя грезы, и какая-то поэтическая тоска охватываетъ чутко дремлющую мысль. Встаютъ далекія воспоминанія, живыя лица и многое такое, о чемъ не можешь позабыть.

Такъ я сидѣлъ на верхней палубѣ и грезилъ. Въ рубкѣ перваго класса за двумя столами шла уже игра. Петръ Иванычъ разыскалъ нѣсколько знакомыхъ разомъ и успѣлъ наговориться съ каждымъ, а потомъ разыскалъ меня и подсѣлъ. Мы долго молчали, любуясь волжской ночью, звѣзднымъ небомъ и безконечной волжской панорамой.

— Какая странная вещь наша жизнь!—тихо проговорилъ Петръ Иванычъ, широко вздохнувъ.—Та же рѣка, то же небо, та же ночь а ты ужъ другой—и прошлаго, пережитаго не воротишь...

Пауза. Пароходъ вздрагиваетъ отъ грузной работы паровой машины, какъ иногда человѣкъ во снѣ. Вода бурлитъ тамъ, назади, гдѣ работаетъ громадное колесо со страшной силой.

— Помните барышню-то въ „Эрмитажѣ“?—спрашиваетъ Петръ Иванычъ, наклоняясь къ моему уху.—Мать у ней была такая же: высокая, коса ниже пояса, глаза съ поволокой... У нихъ было вотъ здѣсь на Волгѣ большое имѣнье!.. Да... Лѣтъ тридцать будетъ этому времени. Я бывалъ у нихъ въ домѣ... Барышню звали Еленой Петровной, а по-домашнему Леночкой. Какъ увидалъ я ее въ первый разъ, такъ у меня даже въ глазахъ потемнѣло. Стою, какъ дуракъ, и Леночка тоже глазки опустила... Какъ разскажешь это словами, да и словъ такихъ нѣтъ! По Волгѣ катались вмѣстѣ.. Смѣлая была барышня, сильная. Разгуляется волна, ударитъ вѣтеръ, а ей весело... Полюбилась она мнѣ, и я ей: настоящая парочка. Дѣло остановилось только за настоящей помолвкой, а тутъ меня съ полкомъ угнали въ Западный край, и моя Леночка вышла замужъ за моего же пріятеля. Онъ былъ тоже въ „Эрмитажѣ“. Стрѣляться я хотѣлъ, волосы рвалъ, плакалъ... да. А потомъ тоже женился. Жена знаетъ, что я былъ влюбленъ, и сама пожелала познакомиться съ Еленой Петровной. И теперь, бывая въ Москвѣ, я каждый разъ захожу

къ нимъ и любуюсь на барышень, особенно на младшую: вылитая мать! У меня своихъ дѣтей нѣтъ, такъ я на нее, какъ на родную дочь, и смотрю... Умирать буду—наслѣдницей сдѣлаю.

Опять пауза.

— Вы вѣрите въ судьбу?—еще тише спрашиваетъ Петръ Иванычъ.—А я вѣрю... Есть что-то такое, невидимая рука

У старика блестѣли на глазахъ слезы.

1891.

Воръ.

Разсказъ.

I.

Соборованіе подходило къ концу. Въ маленькой комнатѣ негдѣ было яблоку упасть. Свободное пространство оставалось только между больной и столикомъ, на которомъ горѣли церковныя свѣчи и стояла чашка съ деревянными палочками, обмотанными ватой. Тихо и нѣвуче читалъ молодой священникъ молитвы по требнику, и это чтеніе прерывалось только глухими рыданіями больной. Она сидѣла на кровати, выдвинутой на средину комнаты, вся въ бѣломъ, и молилась вслухъ съ какимъ-то раздиравшимъ душу отчаяніемъ. На меня, ребенка десяти лѣтъ, эта картина произвела потрясающее впечатлѣніе. Совершалось что-то такое большое, необыкновенное, трагическое и ужасное, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣйствующія лица были знакомые люди между собой, очень близкіе, какъ это бываетъ только въ глухой провинціи. Больная старушка Филимоновна была изъ мелкихъ торговокъ, но пользовалась общимъ уваженіемъ. Она вездѣ бывала, и вездѣ ей были рады. По вечерамъ она часто приходила къ намъ въ домъ, обыкновенно къ чаю, и непремѣнно приносила съ собой какую-нибудь новость. Это была такая чистенькая, ласковая и добрая старушка. Она, кажется, знала все на свѣтѣ, все умѣла дѣлать, и молодыя хозяйки постоянно совѣтовались съ ней, особенно когда дѣло касалось дѣтей. Родня у Филимоновны какъ-то вся вымерла, и она на старости лѣтъ принуждена была грѣться у чужого огня. Сколько разъ и мнѣ случалось проводить въ ея обществѣ длинные зимніе вечера, когда отецъ съ матерью уѣзжали куда-нибудь въ гости. Старушка знала такія страшныя сказки, пѣла дребезжавшимъ старческимъ голосомъ какія-то старинныя пѣсни, какихъ уже никто больше не пѣлъ, и вообще умѣла занять насъ, большихъ шалуновъ. Не одинъ разъ мы огорчали ее самымъ безжалостнымъ образомъ и доводили до страшныхъ угрозъ, что вотъ пріѣдутъ папа съ мамой и всѣ ужасныя преступленія будутъ раскрыты. Вообще Филимоновна была такая хорошая и милая старушка, и мнѣ ее было ужасно жаль. Она теперь сдѣлалась неузнаваемой: лицо осунулось, пожелтѣло, глаза ввалились,—совсѣмъ не та Филимоновна, какую мы всѣ знали. И комната была не та, какъ раньше, все было перевернуто вверхъ дномъ, точно здѣсь только-что пронесся ураганъ.

Да, происходило что-то непонятно-ужасное, и являлся невольно вопросъ, почему же это ужасное должно было случиться именно съ доброй старушкой Филимоновной?.. Всѣ говорили, что она непремѣнно умретъ, и это тоже было непонятно. Кто же будетъ „домовничать“? кто будетъ разсказывать сказки? кто будетъ прикрывать маленькіе дѣтскіе грѣхи? Нужно сказать, что Фили-

монахинѣ между прочимъ принадлежала всякая дипломатія: мирить мужей съ женами, испрашивать прощенія виноватой дѣтворѣ, вообще ходатайствовать при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ того или другого правонарушенія.

— О, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!—угнетенно повторилъ стоявшій около меня прасолъ Иванъ Ѳедотычъ, коренастый и рыжій мужчина съ окладистой бородой,

Собравшаяся публика, вообще, была проникнута настроеніемъ торжественной минуты. Всѣ лица были сосредоточенно-серьезны, слышались глубокіе вздохи, а женщины усиленно вытирали глаза платками и сморкались. Рядомъ съ Иваномъ Ѳедотычемъ стоялъ сѣденькій, худенькій старичокъ съ козлиной бородкой, Миныч, тоже изъ прасоловъ. Онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ откладывалъ широкіе кресты и пугливо оглядывался кругомъ, точно боялся, что кто-нибудь подслушаетъ его тайную молитву. Миныч былъ очень богомоленъ и по воскресеньямъ пѣлъ въ церкви на лѣвомъ клиросѣ какимъ-то удивительнымъ козлинымъ, дребезжащимъ теноркомъ, который необыкновенно шелъ къ его сѣденькой козлиной бородкѣ. Время отъ времени Миныч толкалъ локтемъ Ивана Ѳедотыча и сокрушенно повторялъ:

— Вотъ наша жисть, Иванъ Ѳедотычъ... Сколько ни живи, а помирать, все равно, придется.

Потомъ благочестивый старичокъ прибавлялъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Охъ, народу-то болыно много набилось, Иванъ Ѳедотычъ... Того гляди, еще что-нибудь украдутъ. Извѣстно, какой нонѣ народъ...

Иванъ Ѳедотычъ сердито оглядывалъ набившуюся въ комнату толпу и еще ожесточеннѣе принимался молиться:

— О, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ...

— Бабешекъ-то надо бы того... — шепталъ Миныч. — Что имъ тутъ дѣлать? Всѣ помремъ...

Мнѣ очень нравилась манера Миныча молиться, и я по-дѣтски старался подражать ему, откладывая такіе же широкіе кресты, и читалъ про себя молитвы, какія училъ еще недавно подъ руководствомъ Филимоновны.

Торжественность минуты увеличивалась еще зимнимъ темнымъ вечеромъ, глядѣвшимъ въ маленькія оконца. Время отъ времени вѣтеръ принимался глухо завывать въ трубѣ, и всѣ невольно вздрагивали. Въ комнатѣ было и свѣтло и тепло, а тамъ, за стѣной, бушевала снѣжная мятель. Мнѣ дѣлалось страшно при одной мысли, что живой человѣкъ можетъ умереть именно въ такую погоду, точно его выхватитъ изъ круга живыхъ людей какая-то холодная рука. Я такъ и смотрѣлъ на Филимоновну. Вотъ кончится служба, потушатъ свѣчи, и ее вынесутъ куда-то на холодъ, въ темноту. Вѣдь эта мертвая темнота подступала къ ней все ближе и ближе, и мертвый холодъ уже разливался по ея жиламъ. Дѣлалось и жутко и страшно.

II.

Въ самый разгаръ охватившаго меня торжественнаго настроенія случилось нѣчто, что сразу вышибло меня изъ ряда благочестивыхъ мыслей и чувствъ. Я стоялъ какъ разъ за спиной Миныча. Набравшаяся въ комнатѣ толпа притиснула наконецъ насъ къ самой стѣнкѣ, у которой стоялъ небольшой столикъ съ лѣкарствами. Благочестивый старичокъ нѣсколько разъ оглядывался съ недовольнымъ видомъ, тайно негодуя на тѣхъ „бабешекъ“, которыя мѣшали ему молиться. Потомъ... Это былъ всего одинъ моментъ, но именно такіе моменты никогда не забываются. Я видѣлъ, какъ Миныч быстро

схватилъ серебряную чайную ложечку со столика съ лѣкарствами и торопливо сунулъ ее къ себѣ въ карманъ. Все случилось такъ быстро, что я въ первую минуту даже усомнился въ собственныхъ своихъ глазахъ. Можетъ-быть, мнѣ просто показалось... Но я отлично помнилъ, что ложечка была на столѣ, а теперь ея не было. У меня какъ-то все завертѣлось передъ глазами: и больная Филимоновна, и наклонившійся надъ ней священникъ, и красные огоньки свѣчъ, и десятки молившихся головъ. Въ головѣ стучала, какъ маятникъ, одна мысль: воръ... воръ... воръ! А Минычъ продолжалъ молиться, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже подпѣвалъ что-то дьячку. Я опять сомнѣвался, и мнѣ дѣлалось какъ-то обидно и больно за все и за всѣхъ. Потомъ у меня сложился планъ: выждать конца службы, подойти и сказать Минычу, чтобы онъ возвратилъ чужую ложку. Но этому плану не суждено было осуществиться. Служба не успѣла кончиться, какъ на дворѣ послышался глухой шумъ, чей-то крикъ, и комната сразу опустѣла. Я бросился, конечно, вслѣдъ за другими, точно меня выкинула какая-то сила.

— Бей его! Лови... Держи!...—орали въ темнотѣ свирѣпые голоса.

Послышалась возня, топотъ десятка ногъ, а потомъ чей-то умоляющій стонъ:

— Батюшки... а-а... ба-атюшки!..

Минычъ выбѣжалъ изъ комнаты вмѣстѣ со мной, протискался впередъ, гдѣ шевелилась на землѣ живая куча, и я слышалъ крикъ его козлинаго голоса:

— Бе-ей вора!..

Сбившаяся у воротъ толпа въ сущности ничего не знала, кромѣ того, что кто-то и что-то укралъ, что кого-то нужно не „пущать“ и бить. Этотъ таинственный воръ лежалъ на землѣ и слабо стоналъ. Слышно было въ темнотѣ, какъ чья-то тяжелая рука била по чему-то мягкому, и это мягкое отзывалось каждый разъ стонущей нотой. Наконецъ на крыльцѣ показалась колеблющаяся свѣтлая точка,—несли фонарь.

— Давай сюды огня!—оралъ Минычъ хриплымъ голосомъ.—Братцы, держите!.. Ой, вывернется изъ рукъ, какъ палимъ.

Когда принесли фонарь и толпа разступилась, получилась такая картина: на снѣгу лежалъ окровавленный мужикъ Антипъ, „ходившій на базарѣ сторожемъ“, а на немъ верхомъ сидѣлъ Иванъ Ѳедотычъ, блѣдный, съ блуждающимъ взглядомъ, и отчаянно колотилъ его обоими кулаками въ грудь, въ лицо, куда попало. Я видѣлъ это распухшее, посинѣлое лицо, эти остановившіеся въ ужасѣ глаза и видѣлъ, какъ Минычъ протискался съ фонаремъ впередъ, схватилъ что-то и началъ тыкать въ лицо.

— Воръ, воръ, воръ!—голосилъ онъ неистово.

Переходъ отъ молитвы къ мордобитію былъ такъ быстръ и неожиданъ, точно всѣ превратились въ дикихъ звѣрей. Умильно сокрушавшійся о своихъ грѣхахъ Иванъ Ѳедотычъ превратился сразу въ звѣря, и всѣ другіе тоже. Только когда всѣ устали колотить несчастнаго Антипа, кто-то крикнулъ въ толпѣ:

— Братцы, да вѣдь онъ не дышитъ...

— Врешь! Притворяется... Ну-ка, Иванъ Ѳедотычъ, садани по самой скулѣ.

Иванъ Ѳедотычъ садануль, но результатъ былъ тотъ же: Антипъ дѣйствительно не дышалъ. Кто-то схватилъ вора за волосы и вытащилъ за ворота. Тамъ его и бросили,—ничего, отлежится на снѣгу.

— Подѣломъ вору и мука..

Всѣ гурьбой повалили обратно въ комнату.

— Вѣдь вотъ, подумаешь, какой вредный человѣкъ...—ропталъ въ толпѣ встревоженный голосъ.—Тутъ соборуютъ, а онъ башмаки уволокъ... Убить его мало, варнака!..

Вещественное доказательство было въ рукахъ у Миныча, и онъ торжественно принесъ башмаки въ комнату, гдѣ всѣ принялись ихъ разсматривать съ такимъ вниманіемъ, точно въ первый разъ видѣли такую удивительную вещь.

— Вѣдь совсѣмъ новенькіе...—возмущался Минычъ.—Этакъ-то можно цѣлый домъ растащить.

Больше всѣхъ волновалась старушка, которая первой увидала, какъ Антипъ потихоньку взялъ башмаки и спряталъ ихъ подъ полу. Она въ десятый разъ разсказывала все по порядку, и публика въ десятый разъ принималась негодовать.

— Башмаки-то, значитъ, стояли въ уголкѣ, а онъ къ нимъ все и подкрадывался... Потомъ, гляжу, какъ сцапаетъ и сейчасъ подъ полу, а потомъ потихоньку изъ избы и хотѣлъ уйти...

Служба кончилась, больная стонала, но никто теперь не желалъ ее замѣчать, несмотря даже на увѣщаніе батюшки. Я такъ былъ напуганъ картиной избіенія вора, что совсѣмъ позабылъ о своемъ планѣ относительно Миныча. Богъ съ ней, съ какой-то несчастной ложечкой... Переходъ отъ молитвы къ звѣрству навсегда остался въ моей памяти, какъ и то, что въ толпѣ непремѣнно присутствуетъ воръ. Да, этотъ воръ вездѣ, какъ и звѣрство,—все зависитъ только отъ обстоятельствъ, способствующихъ къ ихъ реализаціи.

1898.

Могилки.

Разсказъ.

I.

Съ охоты мнѣ постоянно приходилось возвращаться одной дорогой, именно черезъ Ручьеву гору, которая закрывала собой залегшій въ узкой горной лощинѣ Черемшанскій заводъ. Только охотники знаютъ, что̀ такое значитъ „возвращаться съ охоты“—все тѣло точно налито свинцомъ, ноги какъ чужія, въ горлѣ пересохло. Вообще, выражаясь медицинскимъ языкомъ, такое самочувствіе, если бы васъ долго и много били. Именно въ такомъ видѣ я обыкновенно и возвращался съ охоты. Ручьева гора являлась послѣдней границей терпѣнія,—если бы еще другая такая гора, кажется, взялъ, легъ, да и умеръ тутъ же на мѣстѣ, чтобы не итти дальше. Итакъ, сдѣлаешь послѣднее усиліе, взберешься на Ручьеву гору по каменистой, извилистой тропинкѣ и переведешь духъ только на самой вершинѣ, съ которой открывался далекій видъ на окрестности, не стѣснившія Черемшанскій заводъ и вообще горную панораму. Дальше дорога шла уже все время подъ гору, а въ срединѣ Ручьевой горы былъ „святой ключикъ“, у котораго всѣ охотники дѣлали послѣдній привалъ, чтобы отдохнуть, почиститься и прійти домой похожимъ на живого человѣка. Я любилъ этотъ ключикъ, свѣтлой слезой сочившійся изъ-подъ корней громаднаго кедра. Кругомъ зеленой ивняной такъ красиво раз-

рослись пихты, ели и березы. Это было лучшее мѣсто въ окрестностяхъ завода, и его портило только то, что оно было занято старинным раскольничьимъ „могильникомъ“. Не кладбище, а могильникъ—именно это старинное русское слово шло къ описываемому мѣсту. Православныя кладбища, надо отдать справедливость, не отличаются особенной поэтичностью: и мѣсто указано начальствомъ, и могилы въ запустѣніи, и ни одной живой души вы не увидите на немъ. Снесутъ покойника на такое кладбище, похоронятъ, поплачутъ надъ нимъ въ девятый день да и позабудутъ. Совсѣмъ другое дѣло старые раскольничьи могильники—и мѣсто выбрано самое „пріятное“ и непремѣнно съ лѣсомъ, и надмогильные деревянные „голубцы“ всегда въ порядкѣ, и всегда вы встрѣтите здѣсь молящихся. Раскольничьи „мастерицы“ „говорятъ“ свои „кануны по единоумершимъ“ съ такимъ жалобнымъ причетомъ и поющей интонаціей, что вчужѣ за сердце хватаетъ. По такимъ могильникамъ больше всего толкутся древніе-древніе старики, а главнымъ образомъ женщины. И такія хорошія эти женщины-раскольницы, такъ свято онѣ блюдутъ всякую старину, а особенно дорогихъ имъ покойниковъ. Торжественно-сосредоточенныя лица, такіе ласковые взгляды, какой-то молитвенный шопотъ—вся это производитъ особенное впечатлѣніе, гармонируя и съ строгимъ сѣвернымъ лѣсомъ, и блѣдными цвѣтиками, и шелковой синевой блѣднаго сѣвернаго кроткаго неба. Можетъ-быть, и православная баба пошла бы на свое кладбище, да только и дѣлать ей тамъ нечего: сама неграмотная, да и другія бабы тоже, не умѣютъ и помолиться, какъ слѣдуетъ, а знаютъ всего-навсего одну Радоницу, когда воетъ и убивается за цѣлый годъ, А раскольница все знаетъ, весь порядокъ, какъ слѣдуетъ по-истовому на могилкѣ молиться, да еще кацею (ручная кадильница) принесетъ съ собой и вездѣ сама покадитъ, всѣхъ родственниковъ обойдетъ. Опять главная причина въ томъ, что раскольницы чаще встрѣчаются грамотныя, да и свои мастерицы всегда имѣются. Такъ однимъ своимъ женскимъ дѣломъ и обходятся.

Итакъ, я спускаюсь съ горы. Усталая собака пріободряется, чувствуя недалекій отдыхъ. Время отъ времени она останавливается и вопросительно смотритъ на меня своими умными собачьими глазами. Только-только не скажетъ: „къ ключику?“. Дальше она знаетъ, что я перелѣзу черезъ ветхое прясло (изгородь), а ее оставлю на дорогѣ, и что она будетъ все время съ собачьей изворотливостью рваться ко мнѣ, чтобы своимъ поганымъ собачьимъ языкомъ лакнуть студеной воды изъ святого ключика. Я дѣлаю ей нѣсколько строгихъ внушеній, угрожаю прикладомъ ружья и вообще стараюсь принять звѣрскій видъ, а она жметъ уши и хвостъ и своими добрыми глазами читаетъ на моемъ лицѣ, что все это такъ, не серьезно, не въ самомъ дѣлѣ. Разъ, когда я только-что расположился на прямой травкѣ у самаго ключика, ехидный песъ все-таки прорвался и сунулся своимъ рыломъ въ воду. Я его отогналъ и легъ, закинувъ голову, какъ раздавленный человѣкъ. Всю жизнь, кажется, пролежалъ бы вотъ здѣсь, у ключика, и все смотрѣлъ бы на верхушки деревьевъ, которыя подымаются изъ земли, какъ зеленое пламя, на плавающія въ бездонной глубинѣ облака, и наслаждался покоемъ. А голова такъ и кружится, дрема клонитъ.

— Кышъ, кышъ, поганецъ!..—послышался позади меня старчески-дребезжавшій женскій голосъ.—Кышъ, проклятая... Наше мѣсто свято!..

Одѣтая въ темный ситцевый сарафанъ старуха подняла даже съ земли еловую шишку и запустила ей въ поганца, который увернулся съ ловкостью акробата и зарычалъ самымъ неблагочестивымъ образомъ. Меня эта сцена

невольно разсмѣшила: старуха отгоняла собаку, какъ курицу. Но дѣло было серьезное, и я въ свою очередь накинулся на вѣрнаго пса, желавшаго защитить меня.

— Вонъ, негодяй!.. Я тебя...

— Кышъ!.. кышъ!..

Старуха набрала новыхъ пищекъ и гипроводила сконфуженнаго пса за прясло, а потомъ подошла ко мнѣ и съ сердитой ласковостью проговорила:

— Ахъ, нехорошо святое-то мѣсто поганить, охотничекъ... Не таковское это дѣло, чтобя пса счердящаго приводить. Самъ будешь въ могилкѣ лежать, такъ песъ перескочить...

— Бабушка, да онъ, молодецъ, не слушается... Эй, ты, негодяй, опять?!..

— Кышъ, стрименъ!.. кышъ!..

Я началъ что-то говорить въ свое оправданіе, а старуха стояла надо мной и бранилась. Очень основательно бранилась, намекая, что всѣ охотники шалопаи и люди самые пропащіе.

— Ты еще табачищемъ тутъ навоняешь,—закончила она свой монологъ и даже плюнула.—Вѣдь тебѣ все одно...

— Ну, ужъ курить-то я не буду,—не безъ гордости заявилъ я, хватаясь за этотъ удобный случай.—Не въ первый разъ здѣсь, бабушка.

— Знаю, что не впервой... Видала какъ-то. А ты собачку-то возьми на веревочку да веревочкой и прицѣпи ее къ прислу, — вотъ какъ хорошій-то да правильный человѣкъ сдѣлалъ бы. Мѣсто-то какое здѣсь, а?..

Строгое старушечье лицо мнѣ очень понравилось. Именно такія характерныя лица бываютъ только у великороссовъ, и старость не портитъ ихъ, а только придаетъ благообразную строгость. Мнѣ показалось, что я гдѣ-то видалъ его.

Благодаря собакѣ я и познакомился съ бабушкой Устиньей. Въ слѣдующій разъ я дѣйствительно привязалъ собаку поясомъ отъ ружья, и бабушка даже похвалила меня. Теперь Устинья стояла съ клюкой въ рукахъ, какъ слѣдуетъ быть „замолитвенницѣ“.

— Что, бабушка, часто на могилку-то ходишь?—спросилъ я.

— Мужъ похороненъ, такъ къ мужу хожу...

— Вѣрно, согласно жили?

— Какое согласно, голубчикъ... Тиранилъ онъ меня всячески. Ахъ, какъ тиранилъ—даже страшно и вымолвить-то. И за косы волочилъ, и полѣномъ глушилъ, и нагайкой полосовалъ—только вотъ вечкой развѣ не билъ. А разъ дугой такъ ударилъ, что я замертво около полудня пролежала. Огненный характеръ у мужа-то былъ, ну, а Господь умирилъ: пережила его. Только вотъ, съ несчастью, битыя-то мѣста сказываются: каждая косточка ноетъ, каждая жилка... Какъ-то я на тѣхъ порахъ ходила *), а онъ ловалилъ меня да колѣномъ въ брюхо,—тутъ же и мертвенькаго младенчика выкинула. Пряменько сказать, сущостинъ былъ...

Меня поразило несоотвѣтствіе добродушнаго тона разсказа старухи съ содержаніемъ этого разсказа. Она даже улыбалась и тоже такъ хорошо, добродушно улыбалась, какъ улыбаются только хорошіе старики. Въ сущности я не зналъ, какъ понять ее: или за ней была какая-нибудь своя бабья воля, или старое горе износилось, или смерть снесла свой примиряющій элементъ. Старуха поняла мою тайную мысль и сама заговорила:

*) На тѣхъ порахъ ходила—была беременная.

— За мной-то ни-ни, тоже на людяхъ жили, хоть кого спроси... А такой убивецъ мужъ задался. Такое мое бабье счастье... А вотъ теперь и хожу на могилку, отмаливаю его-то грѣхи: не легко ему, другу сердечному, тамъ... Оставилъ меня съ сыномъ по седьмому годку, сколько я горя съ нимъ приняла, пока выростила да женила...

— Хорошій сынъ-то?

— А ужъ этого не умѣю сказать, милый человѣкъ... Для матери всѣ дѣтки хороши. Это другіе осудятъ худого-то, а матери онъ миляе милаго, потому, какъ старинные люди сказывали, умнаго жаль, а дурака вдвое. Издался сынокъ-то, видно, въ родителя: на руку больно скоръ. Не ладно съ женой живетъ, а меня не слушаетъ... Погляжу на него въ другой разъ: выдитый покойникъ-мужъ, особливо когда учнетъ жену бить.

— Да вѣдь у васъ браки сводомъ: жена и уйдетъ.

— Легкое ты слово сказалъ: уйдетъ. Куда она уйдетъ-то, мужняя жена? Сводная, а все жена... Такая, значитъ, ея злосчастная судьба. На роду написано... Наши-то бабьи дороги не больно велики, да и тѣ заказаны. Тоже дѣтишки мать держатъ...

Меня эта бабушка Устинья очень заинтересовала своей бабьей философіей. Это была именно философія, окрыленная старческимъ всепрощеніемъ. При встрѣчахъ она охотно разсказывала про свою „муку мученическую“ такимъ тономъ, точно говорила не о себѣ, а о комъ-то другомъ. Она наивно удивлялась каждый разъ только тому, какъ это осталась послѣ такой „битвы“ жива...

— Тяжело ему, моему другу, въ землѣ лежать,—повторила она съ тяжелымъ вздохомъ.—Я-то его простила, а какъ тамъ... Господь батюшка все видитъ!.. Молюсь я, молюсь, да въ другой разъ и всплачу голосомъ: очень ужъ злой былъ покойникъ, пожалуй, и не отмолить.

II.

Въ морозный зимній день съ знакомымъ слѣдователемъ я подъѣзжалъ къ острогу. Мнѣ давно хотѣлось побывать въ этомъ каменномъ мѣшкѣ, и, воспользовавшись побѣгомъ какого-то арестанта изъ острога, я напросился въ понятые при осмотрѣ. Длинное бѣлое зданіе стояло на выѣздѣ среди пустого поля, занесеннаго глубокимъ снѣгомъ. Острогъ походилъ на громадную фабрику и ничего устрашающаго своей наружностью не представлялъ. По угламъ ходили закутанные въ шубы часовые. У ворота стояло нѣсколько крестьянскихъ саней-розвальней, да кучка мужиковъ и бабъ, вѣчно толпившихся здѣсь, ожидая свиданія съ какимъ-нибудь несчастнымъ. Появленіе слѣдователя заставило толпу разступиться, и я едва успѣлъ бѣгло оглянуть эти унылыя, изстрадавшіяся лица, отягченныя глубокимъ горемъ. Большинство составляли женщины, и мнѣ показалось, что въ этой толпѣ мелькнуло знакомое женское лицо. Но останавливаться было некогда: съ визгомъ отворилась желѣзная дверь и пропустила насъ въ нѣдра „мертваго дома“. На дворѣ насъ встрѣтилъ старичокъ-смотритель, очень живой и постоянно улыбавшійся человѣкъ въ мундирѣ.

— Какъ же это вы упустили такого важнаго преступника?—удивлялся слѣдователь, пожимая плесами.

— Ушелъ...—добродушно удивлялся смотритель. — Руки-ноги не оставилъ... И такъ ловко ушелъ, что ума не приложу.

Мы провели въ острогѣ часа три, осматривая одну камеру за другой. Народу было нѣсколько сотъ. Уралъ по преступности занимаетъ въ крими-

нальной хроникѣ первое мѣсто... И кого-кого тутъ не было! И бродяги, и каторжане, и убійцы, ожидавшіе суда, и грабители, и насильники, и скопцы и т. д. Импонирующій видъ всѣмъ имъ придавала арестантская одежда, а особенно кандалы, а если смотрѣть безпристрастно, такъ большинство рѣшительно ничѣмъ не отличалось отъ средняго уровня. Такія же точно лица вы встрѣтите на первой улицѣ... Всѣ эти роковые люди сошлись здѣсь подъ давленіемъ еще неизвѣстной силы, нарушившей среднее обывательское равновѣсіе. По-моему, самое страшное здѣсь именно то, что главный контингентъ острожниковъ составляется изъ такого средняго человѣка. Его толкнуло сюда въ большинствѣ случаевъ что-то такое случайное и внѣшнее, отъ чего никто изъ насъ не застрахованъ. Именно случайность русскихъ преступленій невольно рѣжетъ глазъ: „врагъ попуталъ“, „самъ не помню, какъ все вышло“ и т. д. Такъ называемыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, преступниковъ по преимуществу—самый ничтожный процентъ.

Мы обходили одну камеру за другой и видѣли вездѣ одно и то же: большая комната съ однимъ окномъ, задѣланнымъ массивной желѣзной рѣшеткой, около стѣнъ деревянныя нары, тяжелая деревянная дверь съ крошечнымъ окошечкомъ и двѣ шеренги сѣрыхъ людей. Какой-то особенный острожный воздухъ провожалъ насъ даже на дворѣ, когда мы изъ камеръ шли въ лазаретъ. Мой слѣдователь зналъ многихъ арестантовъ въ лицо и указывалъ самые „крупные экземпляры“. Эти послѣдніе составляли свою острожную аристократію и держались особнячкомъ: тщеславіе и нелѣпую гордость человѣкъ уноситъ и въ острогъ. Общее впечатлѣніе, конечно, получилось самое удручающее, и я думалъ невольно о тѣхъ поденщикахъ, которые теряются здѣсь напрасно между этими шестьюстами рабочими людьми, думалъ о тѣхъ мужикахъ и бабахъ, которые цѣлыми днями выжидали свиданія. За каждымъ такимъ арестантомъ стоитъ семья, можетъ-быть, дѣти—сколько страшнаго горя и напрасныхъ слезъ приносится вотъ къ этимъ желѣзнымъ дверямъ. По ассоціаціи идей я какъ-то неожиданно припомнилъ, что мелькнувшее въ толпѣ у воротъ женское лицо принадлежало не кому иному, а моей старой знакомой раскольницѣ Устиньѣ. Конечно, ей—въ этомъ не было сомнѣнія. Я ужасно торопился, чтобы поскорѣе выйти изъ острога и увидѣть ее,—сейчасъ я могъ быть ей полезнымъ. Но, къ сожалѣнію, при выходѣ ея уже не было, и я посомнѣвался въ своей памяти: мало ли похожихъ лицъ, особенно женскихъ.

Нашъ осмотръ не привелъ ни къ чему: никакихъ слѣдовъ любѣга мы не могли найти. Удивлялся смотритель, старшіе надзиратели, солдаты, понятые, слѣдователь—живой человѣкъ точно въ воду канулъ. На меня благопріятное впечатлѣніе произвела женская камера, занимавшая отдѣльный дворъ,—это была большая и свѣтлая деревянная казарма, обставленная чуть не по-домашнему. Были даже „кросна“ съ ткацкимъ. Бабы-арестантки и въ острогѣ притащили свою бабью безыменную работу. И въ казармѣ было такъ чистенько и даже уютно, а среди арестантокъ мелькали даже миловидныя, молодыя лица.

— Ну, что же вы теперь будете дѣлать?—спрашивалъ я смотрителя.

— А что подѣлаешь: ушелъ арестантъ у всѣхъ на глазахъ, и все тутъ. Этотъ бѣглецъ былъ черезъ полгода пойманъ въ своей деревнѣ, но, вернувшись въ острогъ, не выдалъ тайны своего исчезновенія.

— Это у нихъ у всѣхъ одна заманка,—объяснилъ слѣдователь:—ушелъ и сейчасъ въ деревню къ себѣ... Всѣ, какъ одинъ, и городскіе тоже. Мы тутъ ихъ и накрываемъ.

Прошла зима. Наступило короткое уральское лѣто. Случайно я опять попалъ въ Черемшанскій заводъ, въ которомъ уже не бывалъ пять лѣтъ. Хотѣлось взглянуть на знакомыя мѣста. Какъ разъ была половина іюля, самый разгаръ охотничьяго сезона. Вспомнивъ старину, я отправился по знакомой дорогѣ, проходилъ весь день и возвращался домой съ пустыми руками. Или я потерялъ настоящій охотничій азартъ, или дичь была распугана другими охотниками. Да и самыя мѣста сильно измѣнились: о прежнихъ лѣсахъ осталось одно воспоминаніе. Все ушло на заводскіе дрова и уголь. Жаль было смотрѣть на свѣжія порубки, гдѣ торчали одни пеньки да валялись кучи хвороста. Въ прежнемъ видѣ оставался одинъ раскольничій могильникъ на Ручьевой горѣ, куда я завернулъ по старой памяти. Тотъ же развѣсистый кедръ, тотъ же студеный ключикъ, тѣ же могилки съ „голубцами“ и даже тѣ же женщины, бродившія по могильнику, какъ пчелы по сотамъ. Все старое, все такое знакомое, точно ушелъ отсюда только вчера и никакихъ пяти лѣтъ не прошло. Удивительно крѣпко и долго живутъ простые люди по такимъ захолустьямъ. Я полежалъ у ключика, попилъ воды и пошелъ къ богомольцамъ,—мнѣ вспомнилась старуха Устинья и случай, какъ я ее видѣлъ у острога.

Къ моему удивленію, я ее встрѣтилъ у ближайшихъ могилокъ. Она съ кацеей въ рукахъ отчитывала канунъ. Я дождался окончанія и подошелъ къ ней.

— Здравствуй, бабушка Устинья.

— Здравствуй, кормилецъ...—какъ-то недовѣрчиво протянула она.

— Развѣ не узнаёшь меня, бабушка?

— А какъ будто и не въ примѣту будешь, родимый... Не изъ здѣшнихъ, надо полагать.

Какъ я ни старался напомнить старухѣ о нашемъ знакомствѣ и какъ она ни старалась возстановить въ своей памяти мою особу,—изъ этого ровно ничего не вышло. Старуха только качала недовѣрчиво головой и повторяла:

— Не въ примѣту, родимый... Опять и то сказать, по нашимъ мѣстамъ мало ли шляющаго народу. Нѣтъ, не въ примѣту.

— Да ты еще бранила меня тогда, за собаку бранила?..

— Мало ли балуютъ съ ружьемъ заводскихъ, такъ какъ ихъ не бранить...

Меня это даже огорчило, тѣмъ болѣе, что по наружному виду старуха мало измѣнилась и только сдѣлалась немного суровѣе. Истощивъ всѣ средства, я разсказалъ о своемъ посѣщеніи острога. Устинью точно что кольнуло.

— Мнѣ показалось, что я тебя тамъ видѣлъ, у воротъ!—спрашивалъ я.

— Я, видно, самая и была...

Старуха тихо заплакала и присѣла на старую могилу, обросшую дерномъ. Я только теперь замѣтилъ, что рядомъ была свѣжая могила, которой не было еще года.

— Я и была...—повторила Устинья, успокоившись.—Сына ходила провѣдать... Онъ тогда обсудился на каторгу, такъ я его провожать ходила.

— За что на каторгу?

— А какъ же?—удивилась старуха.—Жену съ порѣшилъ на покосѣ... Обухомъ ее зашибъ. Охъ, согрѣшила я, грѣшная... Страдовали мы тогда подъ Талымъ,—можетъ, помнишь старый курень? Ну, ничего... Сынъ-то со снохой, значитъ, страдуютъ, а я съ ребятами управляюсь старушьимъ дѣломъ. Какъ будто они и согласнѣе жили, чѣмъ раньше-то... Я еще порадовалась про себя,

что утишился сынокъ, значитъ, въ настоящій разумъ вступилъ... Ну, какъ-то послѣ обѣда прилегла я въ балаганѣ отдохнуть, а тутъ, слышу, народъ бѣжитъ... Выскочила я... охъ, тошнехонько и говорить-то!.. Выскочила я, бѣгу это за народомъ... этакъ недалеко островокъ березовый стоитъ, еще огонекъ курился... А сынъ-то, значитъ, Ѳедоръ и стоитъ у березы,—стоитъ, а самъ бѣлешенекъ. Рубаха въ крови, руки въ крови... Народъ его обступилъ, а онъ грозится: „не подходи, слышь, убью!“ А какъ увидалъ меня, затрясся и прямо мнѣ въ ноги. „Маменька, родимая, я Дарью порѣшилъ“... И что было тогда!.. Слѣдственникъ наѣзжалъ съ дохтуромъ, распотрошили Дарью... Ну, а потомъ отправили Ѳедора въ городъ и обсудили на каторгу. Я его и ѣздила провожать тогда... по зимѣ... Двѣ недѣли выжила въ городу. Сынъ вѣдь мнѣ Ѳедоръ-то: другіе всѣ убивца въ немъ видятъ, а мнѣ онъ все-таки сынъ. Бѣгу это я за партіей-то, значитъ, рестантами, когда ихъ повели, бѣгу это и плачу: „Ѳедя!.. Ѳедя!“. Охъ, горе... И бабенка-то, жена, значитъ, Ѳедора—такая славная была, правильная бабенка. И ее до смерти жаль... Такъ ужъ роковая. А мнѣ вотъ могилки одинѣ достались: хожу да плачу.

1861.

У Скорбящей.

Очеркъ.

I.

Унило перезванивалъ нѣвучій колоколъ захудалой женской обители, точно сиряталшейся въ болотѣ. Кругомъ разросся зелеными вихрами тощій болотный лѣсокъ, изъ котораго только кой-гдѣ выдѣлялись зеленыя пачки сосенъ и прорѣзныя стрѣлки темно-зеленыхъ елей. Было что-то торжественное и хватавшее за душу въ этомъ монастырскомъ перезвонѣ, точно безнадежно звалъ любящій материнскій голосъ заблудившихся въ этой трясинѣ дѣтей. Мѣрно и плавно разливался въ лѣтнемъ воздухѣ этотъ мѣдный стонъ, и каждый ударъ монастырскаго колокола походилъ на біеніе какого-то громаднаго сердца, могуче посылавшаго освѣженную кровь по тысячамъ невидимыхъ жилъ, жилокъ и мельчайшихъ волосныхъ сосудовъ.

Мы только-что оставили пыльную дорогу, извивавшуюся среди безконечныхъ полей, и теперь облегченно вздохнули, когда экипажъ начали пробираться по тряской гати, потомъ по ветхому деревянному мостику, походившему на какой-то скелетъ, готовый разсыпаться каждую минуту, и наконецъ, когда мы очутились въ этомъ болотномъ лѣсѣ, гдѣ застоялся кружившій голову ароматъ свѣжей смолы, болотной зелени и безыменныхъ пахучихъ цвѣтовъ. Гдѣ-то тутъ, подъ бокомъ, чувствовалось присутствіе той живой воды, которая давала жизнь этому маленькому оазису; но маленькая рѣчонка только въ одномъ мѣстѣ выглянула безымянымъ свѣтлымъ глазомъ и опять сиряталась. Названіе рѣчки было какое-то странное: „Убіенная“. А женская обитель называлась просто „Скорбящей“, официально — „Новодѣвичій монастырь во имя Скорбящей Божіей Матери“. Мнѣ, сѣверянину, особенно пріятенъ былъ переходъ отъ этихъ безконечныхъ полей къ родному хвойному лѣсу,— вѣдь каждая ель была своя, родная.

— Вы думаете, это здѣшнія ели?—поймалъ мою мысль ѣхавшій со мной въ одномъ экипажѣ неопредѣленныхъ лѣтъ господинъ.—Извините-съ... Это

все богомольи натащили. Удивительная фантазія тащить никому ненужное дерево за тысячи верстъ.

— А я это отлично понимаю,—вступился я въ качествѣ патріота.— Вотъ мнѣ, напримѣръ, очень пріятно видѣть ель. Скажу больше: по-моему, нѣтъ красивѣе дерева. Посмотрите, какая чистота и строгость рисунка, эта суровая вѣчная зелень—вообще, что-то такое молитвенное.

— Однимъ словомъ, хвойная эстетика...

Мой спутникъ имѣлъ странную привычку сердиться, когда говорилъ, хотя въ душѣ былъ добрѣйшее существо. Своей намѣренной грубостью онъ точно хотѣлъ скрыть предательскую теплоту своего сердца, и незнакомые люди принимали его за вздорнаго и свирѣпаго господина. Кстати, ему первому пришла мысль ѣхать къ Скорбящей. День былъ такой чудный, всѣ были въ хорошемъ настроеніи,—отчего же и не прокатиться? Мы отправились въ двухъ экипажахъ,—впереди ѣхали земскій статистикъ Епифановъ, докторъ Орловъ и общая наша знакомая г-жа Сельцова, а со мной—мой вѣчный антагонистъ Лещовъ, извѣстный въ своемъ кружкѣ подъ именемъ „политико-экономa“, и молодой, неоперившійся адвокатикъ Бобрикъ. Компанія сошлась случайно, какъ это бываетъ только лѣтомъ, и я былъ самымъ случайнымъ гостемъ въ ней. Изъ старыхъ знакомыхъ я могъ бы назвать одного Лещова, котораго зналъ еще по семидесятымъ годамъ въ Петербургѣ.

— Кстати, торжокъ посмотримъ,—говорилъ Лещовъ дорогой.—Посмотрите настоящихъ мужиковъ, нашихъ расейскихъ... У васъ вѣдь тамъ въ Сибири все каторжане.

— Да,—подтвердилъ я.—Даже дѣти и тѣ ходятъ въ цѣпяхъ.

Скоро выглянула изъ-за лѣса старинная колокольня, потомъ цѣлый рядъ куполовъ, потомъ—сторожевая башня и старинная каменная стѣна. Издали донесся глухой гомонъ монастырскаго торжка. Можно было разслышать лошадиное ржаніе, хлопанье бича и дикое уханье,—это ужъ совсѣмъ рѣзало ухо и никакъ не согласовалось съ понятіемъ о монастырскомъ „отшибѣ“. Монастырь былъ небольшой и стоялъ на самомъ берегу Убѣенной. Отдѣльно стоялъ небольшой каменный домъ, гдѣ помѣщалась странноприимница. Противъ монастыря тянулась большая площадь, гдѣ происходилъ торжокъ. Въ глубинѣ площади, гдѣ она уходила въ лѣсъ, горбились почернѣвшія деревянныя крыши, бѣлѣли парусинныя палатки и развѣвались ярмарочные флаги. Изъ телѣгъ съ поднятыми оглоблями образовались двѣ широкія улицы, по которымъ переваливалась пестрая, разряженная по-праздничному толпа.

— Однако здорово народу наперло,—наивно удивлялся Лещовъ, глядя изъ-подъ руки на гомонившій торжокъ.

— Гдѣ мы остановимся?

— А гдѣ угодно... Вонъ гостиница монастырская, а то лучше прямо въ лѣсу. У самой рѣчки есть такой вкусный пригорочекъ... У меня тутъ тетка живетъ, манатейная монахиня, такъ я бывалъ.

Наши экипажи остановились у странноприимницы. Пришлось выбрать облюбованный политико-экономомъ пригорокъ уже потому, что свободныхъ номеровъ не оказалось. Мы только уговорились съ матерью-экономомъ, чтобы намъ подали самоваръ, молока и хлѣба. Монахиня низко поклонилась и обѣщала все прислать.

— Къ теткѣ-то ужо зайдете, Аоанасій Иванычъ?—спросила она нерѣшительно Лещова.

— Зайду...—сухо отвѣтилъ онъ.—Все еще жива старуха?

— Слава Богу, жива... Зимой-то немощь одолѣвала, а сейчасъ ничего. Ногами все скудается... Такъ вы ужъ зайдите, Аѳанасій Иванычъ. Какъ рада-то будетъ старушка!.. Вспоминаетъ васъ.

Лещовъ сурово отвернулся и по неизвѣстной причинѣ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ послѣднихъ словъ. Мнѣ показалось, что онъ стѣсняется этой монахини-тетки. Политико-экономъ—и вдругъ какая-то родственница-монахиня! Вообще нелѣпость...

Пригорокъ оказался прелестнымъ мѣстечкомъ, съ котораго открывался чудный видъ на рѣчку Убѣнную, притаившуюся въ густой береговой поросли, и на монастырь, стоявшій, какъ на ладони, и на всю ярмарку. Звонъ уже прекратился, и ярмарочный шумъ сдѣлался сильнѣе. У монастырскихъ воротъ сбилась цѣлая толпа богомоловъ и богомолокъ, между которыми торопливо мелькали монашескія темныя фигуры. Въ главной церкви шла служба, и доносилось стройное женское пѣніе. Получался рѣзкій контрастъ съ хлопаньемъ бичей и дикимъ крикомъ барышниковъ.

Нашъ станъ скоро оживился. Весело загорѣлся огонекъ, лошади были пущены на траву, „интеллигентная женщина“ разостлала скатерть прямо на землѣ, появились разныя закуски и таинственные свертки. Правда, не обошлось безъ нѣкоторыхъ сюрпризовъ: паюсная икра попала въ сливочное масло, медъ почему-то пахъ колбасой, сыръ очутился въ пріятномъ обществѣ жареной курицы и т. д. Около скатерти-самобранки происходило настоящее торжество, причемъ всѣ, по древнему обычаю, возлежали. Лещовъ выпилъ уже двѣ рюмки водки и замѣтно покраснѣлъ. Молоденькій адвокатъ Бобрикъ, чистенькій юноша, стѣснявшійся своего изящнаго дорожнаго костюма, старался занимать нашу единственную даму и услуживалъ ей съ галантностью настоящаго джентльмена. Кстати, Лещовъ былъ безнадежно влюбленъ въ эту Сельцову уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, а она успѣла въ это время выйти замужъ, потомъ развестись и еще разъ сдѣлать опытъ брака, оказавшійся еще болѣе неудачнымъ. Скромная на видъ женщина къ тридцати годамъ успѣла пройти цѣлую супружескую гамму и теперь имѣла видъ немножко разочарованной особы, что не соотвѣтствовало ея цвѣтущему здоровью. Докторъ Орловъ былъ молчаливый, сдержанный, улыбавшійся человѣкъ, тоже лѣтъ тридцати. Онъ нигдѣ не служилъ и жилъ „своими средствами“. Статистикъ Епифановъ являлся типичнымъ представителемъ своего статистическаго сословія — бѣлокурый, скуластый, съ рыжеватой бородкой и энергичными сѣрыми глазами. Онъ бродилъ изъ уѣзда въ уѣздъ съ своими записными книжками, и весь міръ для него состоялъ изъ цифръ, разныхъ статистическихъ выкладокъ и „срочныхъ“ рождаемости, смертности, брачности, урожайности, бездождности. Это былъ въ своемъ родѣ порядочный фанатикъ, и у него съ Лещовымъ, какъ представителемъ чистой науки, происходили иногда горячія схватки. Такъ было и теперь.

— Какая-то дурацкая комбинація,—говорилъ задумчиво Лещовъ.—Тутъ тебѣ монастыри съ этакимъ малиновымъ звономъ, съ деревяннымъ масломъ, а тутъ пьяная ярмарка..

— Ничего дурацкаго,—отвѣчалъ тоненькой фистулой Епифановъ.—Въ теченіе всей русской исторіи торжки устраивались по случаю храмовыхъ праздниковъ... Это нашъ исконный обычай.

— А по-моему этотъ исконный обычай одно безобразіе!.. Ежели о душѣ думать, такъ и нужно думать о душѣ... Да. Ярмарка выгодна монастырямъ, вотъ сами монахи и устраиваютъ...

Этотъ споръ былъ прерванъ появленіемъ двухъ послушницъ, съ трудомъ притащившихъ громадный самоваръ. Подростки-дѣвушки съ любопытствомъ смотрѣли на насъ.

— Вамъ тяжело въ монастырѣ?—спросила Сельцова, чтобы сказать что-нибудь.

— Мы—сироты, барышня...

— Это показное милосердіе,—объяснилъ сурово Лещовъ.—Вотъ, дескать, сиротокъ воспитываемъ, а вы ужъ насъ съ своей стороны снодобьте отъ щедрот. Расчетъ вѣрный...

— Опять невѣрно,—вступился Епифановъ.—Монастыри всегда служили воспитательными домами, конечно, по мѣрѣ своихъ силъ... Если взять всѣхъ сиротъ, которыя сейчасъ воспитываются при русскихъ женскихъ монастыряхъ—получатся сотни тысячъ.

II.

Жаръ уже давно свалилъ, когда мы кончили нашъ чай.

— Господа, идемте смотрѣть ярмарку,—предложилъ Лещовъ съ такимъ вызывающимъ видомъ, точно ожидалъ отъ насъ „открытаго сопротивленія“.

Оставшійся самоваръ предоставленъ былъ въ распоряженіе кучеровъ, причемъ докторскій кучеръ Ермилъ отказался наотрѣзъ, потому что соблюдалъ себя „по старой вѣрѣ“.

Ярмарка кишѣла народомъ. Въ общей сложности набралось спеціальной ярмарочной публики тысячъ до трехъ. Я люблю такіе глухіе торжки за ихъ еще нетронутую самобытность. Здѣсь предъ нами развертывается тотъ несложный инвентарь деревенскаго производства, который конкурируетъ съ фабричнымъ товаромъ и вообще съ „машиной“. Торговля шла съ ларей, въ балаганахъ и прямо на возахъ, какъ она происходила, вѣроятно, еще во времена Гостомысла. Бабы носили свои холсты и сукна домашней работы на рукахъ, и обмѣнъ товаровъ происходилъ чуть не изъ рукъ въ руки. Меня всегда интересовали эти женскія издѣлія, конкурировавшія съ фабричными. Сколько нужно было бабьяго терпѣнія и дешеваго бабьяго труда, чтобы получить какой-нибудь двугривенный! Торговая бабья ариѳметика вращалась въ предѣлахъ именно этихъ грошей и копеекъ, а рубли забирала городская бакалея, галантерея и панскій товаръ.

— Вотъ вамъ наивно обмѣнъ цѣнностей,—объяснилъ Лещовъ.—Каждая баба проиграетъ нѣсколько копеекъ при продажѣ, потому что ей до зарѣзу нужны деньги, а во-вторыхъ, она проиграетъ, когда будетъ набирать городского товара. Между ея товаромъ и городскимъ просовывается какая-то хищная лапа, которая и вырываетъ себѣ за здорово живешь львиную долю. Ничего не подѣлаешь съ этими „благами цивилизаціи“...

Всматриваясь въ толпу, можно было сдѣлать такое заключеніе: мужикъ мало чѣмъ отличался отъ мужиковъ остальной Россіи и даже далекой Сибири. И костюмы приблизительно такіе же. Въ женщинахъ чувствовалась громадная разница. Встрѣчались уже ласковыя южныя лица и своеобразные костюмы. Верхнія накидки изъ домашняго бѣлаго сукна, отдѣланныя разной домашней вышивкой, положительно были красивы и типичны. Особенно щеголяли дѣвушки. Почти на каждой были надѣты массивныя янтарныя бусы,—это украшеніе тоже говорило объ югѣ. Въ этой разряженной по-праздничному толпѣ пестрыми пятнами выдѣлялись какія-то молодыя монахини, тоже ходившія съ товаромъ на рукахъ.

— Отчего онѣ не въ церкви?—удивился я.—Вѣдь теперь идетъ служба.

— Да это не монахини, а чернички,—объяснилъ мнѣ Ефимовъ.

— Какая же разница?

— Громадная. Во-первыхъ, чернички не имѣютъ никакого отношенія къ монастырю, а живутъ по деревнямъ сами по себѣ.

— Что же онѣ дѣлаютъ?

— А все то же, что и другія бабы, съ той разницей, что всѣ онѣ грамотныя и имѣютъ спеціальный заработокъ отъ обученія грамотѣ, чтенія заупокойныхъ канововъ и т. д. Все это—дѣвушки, которыя не захотѣли выйти замужъ и живутъ одиночками.

— И много такихъ черничекъ?

— Да, порядочно... Ихъ создала деревенская грамотность. Это нѣчто въ родѣ раскольничьихъ начетницъ и мастерицъ, хотя черички еще и не дошли до ихъ вліянія на массу. Совершенно новое явленіе, которое еще только складывается. Я вамъ все-что разскажу о нихъ. Очень любопытный фактъ.

На ярмаркѣ все было типично, начиная съ домашняго сырья, которое предлагалось въ видѣ шерсти, льна, масла и кожъ, и кончая ярмарочными торговцами, продававшими свой товаръ съ какой-то отчаянной энергіей, точно сегодня кончалось существованіе нашего грѣшнаго міра. Конкуренція происходила съ ожесточеніемъ самой братоубійственной войны, и можно было только удивляться, откуда эти ярмарочные торгаши берутъ столько словъ, суеты и какой-то воровской юркости. Деревенскія бабы стѣной осаждали главнымъ образомъ красный товаръ. Какой-нибудь красный платокъ или лента являлась завѣтной бабьей мечтой, вполнѣ понятной годами. Инстинктъ женщинъ всѣхъ географическихъ широтъ и долготъ страсть къ яркимъ тряпкамъ проявлялась здѣсь въ не менѣе яркой и интенсивной формѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ привилегированномъ модномъ магазинѣ или въ гостиномъ дворѣ. Вѣчная политическая экономія могла только скромно молчать, подавленная этимъ натискомъ женскаго духа.

— Вѣдь, послѣдніе гроши тащатъ сюда.—возмущался Ленцовъ.—И къ чему ей, бабѣ, эти дурацкія ленты, платки и бусы?

— Покупаетъ, значитъ, нужно,—попробовалъ я защитить покупающую бабу.

— Нужно?!.. Просто, глупость бабья.

Для ярмарочнаго мужика центръ составляла продажа лошадей. Барышники, покупавшіе и продававшіе лошадей, превзошли даже краснорядцевъ. Нужно было видѣть эти возбужденныя лица, жадные глаза, ожесточенную жестикуляцію и всѣ пріемы, какими отчаянный человѣкъ хочетъ обмануть всѣхъ, даже самого себя. Эта продажа иллюстрировалась прогонкой лошадей и верховой скачкой. Какой-нибудь подручный бросался на лошадь, какъ ястребъ, и мчался по всей ярмаркѣ. Видныя лошади выдѣлывали чудеса благодаря крику и кнутамъ.

Рядомъ съ конскимъ рядомъ помѣщался въ особомъ балаганѣ походный трактиръ, гдѣ пили чай и магарычи. За столомъ виднѣлся цѣлый рядъ мужицкихъ сосредоточенныхъ спинъ, раскраснѣвшихся лицъ и махавшихъ рукъ. Пьяное галдѣнье, пиликанье гармоники, пѣсни—однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ быть.

Осмотрѣвъ въ общихъ чертахъ ярмарку, я отправился въ монастырь. Служба уже кончилась, и изъ монастырскихъ воротъ пестрой лентой плыла толпа богомольцевъ. Нищіе, калѣки, богомолки и вообще „странные люди“

вытянулись отъ воротъ въ два ряда, ожидая великія и богатыя милости. Сбившаяся въ одну кучку толпа слѣпцовъ тянула „Лазаря“. Слѣпецъ, этотъ „вождь въ царствіе небесное“, пользовался и пользуется особыми преимуществами въ средѣ остальной нищей братіи, привлекая къ себѣ самыя щедрыя подаянія, а поющій слѣпецъ почти аристократъ. Толпа богомольцевъ главнымъ образомъ состояла изъ женщинъ и стариковъ,—мужики околачивались больше на ярмаркѣ.

— Если бы высчитать, сколько поденщинъ пропадаетъ вотъ по такимъ богомольямъ ежегодно,—говорилъ Епифановъ, наблюдавшій вмѣстѣ со мной толпу,—получаются страшныя цифры... И все бабы, бабы, бабы, безъ конца.

— Да, много поденщинъ,—не могъ не согласиться я.

— Если бы воспользоваться всѣми этими поденщинами для какого-нибудь серьезнаго дѣла... Оцѣнимъ рабочій бабій день въ десять копеекъ, и то получатся милліоны.

— Да... Но вѣдь вы не можете сказать, что бабы мало работаютъ? Можетъ же она и отдохнуть. Затѣмъ, здѣсь еще есть крупный вопросъ совѣсти...

Мы зашли въ самый монастырь. Центръ занимала старинная, точно вросшая въ землю церковь. Кругомъ стѣны или низенькія постройки, въ которыхъ помѣщались кельи, пекарня, трапезная, кладовая и разныя другія хозяйственныя помѣщенія. Въ общемъ этотъ домъ Божій выглядѣлъ такъ уютно и мирно, и только сторожевыя башни на углахъ стѣнъ говорили о другомъ времени, когда обительскій миръ и тишина нарушались какимъ-то недругомъ. Около церкви вытянулись въ нѣсколько рядовъ надгробные памятники, подъ которыми вкушали вѣчный покой обительскія труженицы. Передъ одной могильной плитой столпилась кучка богомольцевъ. Стоялъ аналой, теплилось нѣсколько свѣчъ, и молоденькая послушница ровно и звонко читала „капонъ“, точно вытягивала серебряную нитку. Стоявшія за ней бабы вздыхали, вытирали слезы и какъ-то торопливо откладывали земные поклоны, точно платили долгъ тому, кто лежалъ вотъ подъ этой плитой.

— Кто тутъ похороненъ?—спросили мы проходившую мимо насъ старушку-монахиню.

— А сестра Фаина, схимонахиня. Жила въ затворѣ тридцать лѣтъ... Великая была труженица и оказывала всѣмъ великую помощь. Были даже явлены нѣкоторыя знаменія...

Монастырскій дворъ былъ заполненъ богомолками. Онѣ кучками сидѣли на землѣ и, какъ пчелы, облѣпили всѣ скамьи и монастырскія крылечки. У трапезной сбилась густая толпа спеціально-профессіональныхъ богомолокъ, съ котомками за плечами, длинными палками въ рукахъ и какими-то запеченными лицами. Монастырская трапеза не могла вмѣстить всю эту толпу разомъ, и кормленіе происходило по очереди. Статистикъ презрительно фыркнулъ и проговорилъ:

— Это — спеціальные дармоѣды, которые шатаются всю жизнь изъ одного монастыря въ другой, съ одного богомолья на другое... Если высчитать, сколько они истребятъ только въ одинъ годъ вотъ такихъ даровыхъ обѣдовъ и ужиновъ—цѣлую армію можно прокормить.

Мы зашли въ церковь. Я люблю такія старинныя церкви, въ которыхъ васъ охватываетъ какое-то тихое раздумье. Воображеніе поднимаетъ картины далекаго дѣтства, слова первой дѣтской молитвы („Господи, помилуй папу и маму, брата Колю, кучера Якова и всѣхъ православныхъ христіанъ!“), то привычное благоговѣніе, которое вызывается словами церковной молитвы.

Въ церкви кое-гдѣ теплились передъ образами лампады, а предъ старинным образомъ Скорбящей горѣли сотни свѣчей. Старушка мапатейная монахиня старчески дребезжавшимъ голосомъ читала акаѳистъ. Около нея однимъ стадомъ сбились молившіяся женщины,—тутъ были только онѣ женщины. Слышались тяжелыя всхлипыванія, подавленныя слезы и глухія рыданія.

III.

— Если бы высчитать всю энергію, которая затрачивается человѣчествомъ на культъ, затѣмъ высчитать стоимость всѣхъ принадлежностей церковныхъ и монастырскихъ зданій...

Ермиловъ только махнулъ рукой, подавленный громадностью получавшейся величины. Онъ могъ думать только цифрами, и каждое явленіе частной и общественной жизни отливалось для него въ форму цифровыхъ столбцовъ.

Когда мы подходили къ нашему стану, онъ точно дополнилъ высказанную раньше мысль:

— Какой-то французъ вычислилъ, что если бы утилизировать всю энергію, затрачиваемую людьми на одни поцѣлуи, то ею можно было бы заставить работу всѣхъ паровыхъ машинъ, какія существуютъ.

Начинало уже смеркаться, и нашъ станъ издали представлялъ живописную картину. Разведенный Ермиломъ костеръ горѣлъ какъ-то особенно весело, и около него цыганскимъ таборомъ расположилась вся компанія.

— Гдѣ вы пропали? — крикнулъ Лещовъ, размахивая руками. — А мы васъ ждемъ. Нужно рѣшить вопросъ. Дѣло въ томъ, что мы рѣшили остаться здѣсь ночевать. Ночь теплая, на свѣжемъ воздухѣ отлично, а m-me Сельцова переночуетъ въ монастырѣ у тетки.

Я только теперь замѣтилъ сидѣвшую рядомъ съ Лещовымъ старушку-монахиню. Она была вся точно восковая, и только выцвѣтшіе сѣрые глаза смотрѣли такъ любовно и кротко, да безкровныя губы улыбались тихой, ласковой улыбкой. Широкія складки монастырскаго темнаго одѣянія придавали ей видъ тѣни.— о существованіи живого тѣла подъ этими складками можно было только догадываться. По тону, какимъ Лещовъ говорилъ о „m-me Сельцовой“, я догадался, что онъ успѣлъ уже съ ней поссориться, какъ ссорился постоянно со всѣми и даже съ самимъ собою.

— Что же, отлично,—согласились мы съ Ермиловымъ въ одинъ голосъ.

Докторъ Орловъ лежалъ около огня съ соломинкой въ зубахъ и слушалъ, какъ Сельцова споритъ съ Бобрикомъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, для чего же васъ учили? — выкрикивала она съ азартомъ.—Да. Государство затратило на васъ громадныя средства, а вы не можете защитить даже одной бабы.

— Анна Ивановна, это зависитъ не отъ меня,—оправдывался Бобрикъ: онъ постоянно оправдывался, когда говорилъ.—Видите ли, законъ такой.

— Не можетъ быть! Вы, просто, скверно учились и не знаете законъ. Не можетъ быть такого закона, который позволялъ бы одному человѣку увѣчить другого... да. Простая логика вамъ скажетъ это.

— Видите ли, Анна Ивановна, законъ не знаетъ отвлеченнаго человѣка.— продолжалъ Бобрикъ оправдываться.—Законъ знаетъ отца, мать, дѣтей, мужа и жену, и сообразно съ этимъ распредѣляетъ права и обязанности. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ-женой, которую мужъ бьетъ и которая должна все-таки жить съ нимъ, пока врачъ не удостовѣритъ, что эти

побои грозятъ опасностью жизни вотъ этого человѣка-жены. Мой мѣщанинъ, напримѣръ, дѣлалъ такъ: схватитъ ухватъ и давай имъ полосовать жену, потомъ загонитъ ее между печью и стѣной и давай тыкать ухватомъ, куда попало—въ животъ, въ грудь, въ лицо. Прибавьте, что моя довѣрительница въ моментъ этихъ побоевъ была еще беременна. Она нѣсколько разъ убѣгала отъ мужа къ отцу, но мужъ являлся и уводилъ ее домой, т.-е. таща за волосы по всей улицѣ, топталъ ногами, билъ каблукомъ въ лицо. Я представлялъ свою избитую довѣрительницу нѣсколько разъ врачу, но тотъ находилъ каждый разъ, что побои еще недостаточны,—нѣтъ настоящаго членовредительства.

— Что же нужно?—въ ужасѣ спрашивала Сельцова.

— Что нужно? Вотъ когда онъ ей выткнетъ глазъ, откуситъ носъ, переломитъ руку или ногу, вышибетъ ребро,—тогда она получитъ отдѣльный видъ на жительство и превратится опять просто въ человѣка.

— Ахъ, какіе ужасы!..

— Да вотъ спросите доктора или Елифанова.—оправдывался Бобрикъ.— Они должны знать.

— Послушайте, Бобрикъ, я согласна, что законъ жестокъ. Допустимъ. Но вѣдь избитая женщина бѣжитъ къ земскому начальнику, въ волостное правленіе, къ прокурору,—вѣдь они живые люди, у нихъ есть матери, жены, сестры, дочери... Неужели и они не могутъ обойти законъ?

— Нѣтъ, не могутъ... Жалѣютъ несчастныхъ бабъ, а сдѣлать все-таки ничего не могутъ.

— Если бы высчитать, сколько ежегодно мужьями переламывается женскихъ реберъ,—подводилъ итогъ Елифановъ.—получилась бы очень почтенная цифра. Не помню, я гдѣ-то читалъ, что въ Англіи устроенъ даже хирургическій госпиталь спеціально для женщинъ, изувѣченныхъ мужьями. Намъ еще далеко до этого, и пока мы довольствуемся домашними средствами...

— Докторъ, что же вы молчите?—взмолилась Сельцова такимъ тономъ, точно отъ доктора зависѣло измѣненіе всѣхъ европейскихъ законодательствъ.— Вѣдь это ужасно! Это несправедливо!..

— Я могу вамъ для иллюстраціи привести нѣсколько случаевъ изъ своей практики,—отозвался докторъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.—Дѣйствительно, бабъ увѣчатъ и бьютъ на смерть, а мы ихъ вылѣчиваемъ, чтобы можно было опять ихъ бить и увѣчить. У меня, напримѣръ, былъ такой случай. Замѣтьте, дѣло въ деревнѣ, гдѣ нравы сравнительно съ городомъ лучше, что зависитъ не столько отъ ихъ чистоты, сколько отъ того, что баба является главной рабочей скотиной. Да, такъ деревенскій парень женится по любви, противъ воли родителей, и начинается исторія. Свекоръ и свекровь изводятъ бабенку своимъ чередомъ, а мужъ своимъ... Морили они ее голодомъ и холодомъ, истязали всячески, подвѣшивали къ потолку за ноги и хлестали вожжами,—однимъ словомъ, продѣлывали все, что только могли придумать. Нѣсколько разъ баба ушла въ буквальномъ смыслѣ уползала на четверенькахъ къ своимъ, отлеживалась недѣли двѣ, и ее опять возворяли къ мужу. Начинались новыя истязанія, пытки и битье,—били съ спеціальной цѣлью заколотить въ гробъ нелюбимую сноху. Она убѣгала два раза въ городъ, откуда ее и возвращали этапнымъ порядкомъ. Вотъ мнѣ и пришлось ее лѣчить разъ десять... Это былъ какой-то обтокъ, а не человѣкъ. Кончилось тѣмъ, что она сошла съ ума отъ побоевъ... Самое страшное въ этомъ случаѣ то, что всѣ себя чувствуютъ „въ полномъ своемъ правѣ".

— Довольно, довольно, докторъ...—какъ-то стонала Сельцова, затыкая уши.— Вы такой же, какъ и всѣ другіе мужчины.

Лещовъ сидѣлъ въ сторонкѣ и вполголоса разговаривалъ съ теткой. Старушка такъ любовно смотрѣла на него, качала головой и вздыхала. Видимо, онъ чѣмъ-то ее огорчалъ и сердился на себя, что такъ выходитъ. Лещовъ положительно обладалъ талантомъ обижать даже близкихъ людей, которыхъ любилъ и которые отлично знали, что онъ совсѣмъ не желаетъ ихъ обидѣть. Такъ онъ успѣлъ поссориться съ Сельцовой, какъ оказалось, изъ-за политической экономіи. Дѣло объяснилось, когда Сельцова отправлялась ночевать въ монастырь.

— Желаю вамъ серьезно подумать относительно вашихъ печальныхъ заблужденій,—совѣтовала она.—А завтра поговоримъ...

— О чемъ тутъ говорить?..

— Вотъ это прекрасный способъ что-нибудь доказывать... Я вамъ прямо формулировала, что вашей политической экономіи не существуетъ, какъ науки вообще, потому что она говоритъ только о мужчинѣ, какъ и ваши законы. Да, да... Вы всегда твердите одно: мужикъ, бѣдный мужикъ, несчастный мужичокъ. А забываете одно, что баба имѣетъ гораздо больше значенія для вашей политической экономіи, потому что у ней ровно 365 рабочихъ дней, а у мужика не больше сотни. Вотъ спросите Ипифанова... Вы говорите о женщинѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда она фигурируетъ въ качествѣ работницы гдѣ-нибудь на фабрикѣ, поденщицей и т. д. Русская баба не только родила и вскормила всю русскую исторію, но и кормитъ ее своимъ безыменнымъ бабьимъ трудомъ.

— Позвольте, Анна Ивановна, это ужъ какой-то апоѳеозъ бабы...

— Нѣтъ, нѣтъ, это только правда и очень обидная правда для васъ.

— Что же, по-вашему, должна быть особая бабья политическая экономія?

— А отчего бы ей и не быть, Аѳанасій Иванычъ?

Когда монахиня и Сельцова исчезли въ ночной мглѣ, Ипифановъ засмѣялся и не безъ ядовитости замѣтилъ:

— Если разобрать справедливо, такъ Анна-то Ивановна правду говоритъ...

— Если, если,—передразнивалъ Лещовъ.—Во-первыхъ, она никогда не говоритъ, а выпаливаетъ залпами.

— Вотъ она вамъ и запалила.

Эта сцена разсмѣшила доктора, и поэтому Лещовъ накинулся на него.

— Вы-то чему обрадовались? Ужъ вамъ-то, кажется, можно было понять, въ чемъ дѣло.

— Именно?

— Очень просто: и m-me Сельцова и моя почтенная тетушка—типы вырожденія... Да. Это—послѣдніе могикане... Знаете, о чемъ я говорилъ давеча съ теткой? Она, изволите ли видѣть, вдругъ заскучала о своемъ покойномъ мужѣ, который умеръ всего только двадцать лѣтъ назадъ и который билъ и увѣчилъ ее не хуже вашего мужика. А она теперь панихиды по немъ служитъ да свѣчи ставитъ... И m-me Сельцова скоро достигнетъ этой же степени совершенства. Я ненавижу женщинъ...

Послѣднее открытіе, кажется, удивило даже самого оратора, и онъ добродушно захохоталъ.

IV.

Когда наши дамы удалились, всѣ почему-то почувствовали себя легче, точно освободились отъ какой-нибудь тяжести. И монахиня-тетушка и Сельцова—прекрасныя женщины, а все-таки какъ-то лучше безъ нихъ, т.-е. свободнѣе. Лещовъ развалился на спинѣ въ самой непринужденной позѣ, Ипи-

фановъ—тоже. затѣмъ въ тонъ самаго разговора чувствовалась та мужская свобода, которая придастъ особую прелесть такимъ ночевкамъ въ лѣсу. Надъ нашими головами синимъ шатромъ круглилось такое чудное небо, въ сторонѣ монастырь свѣтился рѣдкими огоньками, точно громадный фонарь, а тамъ ярмарка горѣла яркими огнями, точно какой-то громадный лагерь. Рѣчонка Убіенная заволакивалась легкой дымкой тумана. Воздухъ былъ такой теплый, ароматный. Хотѣлось безъ конца сидѣть у огонька и безъ конца думать. Гдѣ-то звонко ржали лошади, перекликались собаки, слышались обрывки пьяной ярмарочной пѣсни.

— Ей-Богу, хорошо!—резюмировалъ Лещовъ общее настроеніе такимъ тономъ, точно кто-то оспаривалъ его.

Наши кучера тоже, кажется, поддались поэзіи лѣтняго вечера и потихоньку о чемъ-то говорили. Доносились только отдѣльныя фразы. Я различилъ грубоватый голосъ Ермила, который говорилъ:

— Ежели которая женщина правильная, такъ она не позволитъ...

— А ежели она, напримѣръ, законъ приняла? — тихо отвѣтилъ другой, молодой голосъ,—это говорилъ другой кучеръ, совсѣмъ еще молодой парень.— Коли ты дѣвка—вся твоя воля, а коли законъ приняла—моя воля. Значитъ, имѣю полное право... Теперь возьми барина, купца — у нихъ полное право надо мной, и у меня надъ женой. У васъ, старовѣровъ, никакихъ понятіевъ нѣтъ. Поучилъ жену, а она сейчасъ тебѣ: до свиданія. Какой же ты ужъ мужъ послѣ этого?

— Ничего ты не понимаешь и поэтому молчи... Чего ты стоишь безъ дѣла?

Затронутый „бабій вопросъ“ продолжалъ служить темой разговора. Докторъ разсказалъ нѣсколько ужаснѣйшихъ случаевъ истязанія замужнихъ женщинъ, Бобрикъ тоже, — получалась вопіющая картина темнаго звѣрства. Спорилъ одинъ статистикъ.

— Все это отдѣльные случаи, господа, какъ белѣзни. Да, они ужасны, несправедливы—что хотите, но еще хуже те, что составляетъ норму. Анна Ивановна была права, когда подняла вопросъ о бабьей политической экономіи. Да... Лещовъ, пожалуйста, не спорьте и дайте высказаться. Вѣдь такъ называемый женскій вопросъ захватываетъ только женщину нашего круга, вообще — даму. Разговоры о женскомъ трудѣ немного курьезны, потому что никто такъ не работаетъ, какъ русская женщина, т.-е. баба. У нея нѣтъ даже праздниковъ, потому что въ праздники у нея еще больше работы и заботъ: нужно заготовить всякое угощеніе, ребятишкамъ обновку сшить,—однимъ словомъ, быть не хуже другихъ. У бабы, кромѣ хлопотъ по домашнему хозяйству, ухода за ребятами, есть и работа въ полѣ, и пряжа, и тканье, и шитье. У насъ такой обычай, что мужа должна одѣвать жена изъ своихъ средствъ. Гдѣ хочешь, тамъ и бери. Вотъ ей и приходится хватать работу на сторонѣ, таскать свои новины и домашнее сукно на ярмарку, чтобы вышибить въ буквальномъ смыслѣ грошъ. Трудно русской бабѣ... Поэтому она и недовольна, когда родится дѣвчонка, потому что ей впередъ жаль эту безотвѣтную вѣковѣчную труженицу. Прибавьте къ этому вѣчный гнетъ семьи, отношеніе свысока и собственное самоуниженіе.

— Но вѣдь есть же протестъ съ ея стороны въ какой-нибудь формѣ?— спрашивалъ я.—Въ Сибири въ каждомъ селѣ есть своя отравительница, которая помогаетъ забитымъ бабамъ. Это почти вошло въ обычай, и всѣ смотрятъ на это сквозь пальцы...

— А у насъ черничкн... Русскій человѣкъ отъ всякой бѣды спасается бѣствомъ. Цѣлыя области разбѣгались „врозь“ отъ крутого посадника, отъ лихого боярина, отъ приказной волокиты и всякаго другого лихолѣтья. Нынѣшняя баба бѣжитъ отъ „закона“—не хочу принимать закона, и конецъ тому дѣлу. Да вотъ взять хоть тотъ же женскій монастырь—это историческій протестъ русской простой бабы противъ окружающей ее неправды. Если сосчитать—сколько милліоновъ бабьихъ жизней заживо было похоронено по монастырямъ!.. Конечно, съ экономической стороны монастыри являются въ системѣ народнаго хозяйства живымъ минусомъ, все это такъ, но нужно же принять во вниманіе, что и у бабы есть свои вопросы совѣсти, исканіе стремленіе къ какому-то идеалу, жажда какого-то подвига. Да... Въ монастыри уходитъ все энергичное, что еще нашло въ себѣ силы вырваться изъ семейной обстановки. Работы и въ монастырѣ достаточно, но здѣсь ее по крайней мѣрѣ не бьютъ, не увѣчатъ, не унижаютъ. Все это гораздо серьезнѣе, чѣмъ мы привыкли думать... Стоитъ посмотрѣть, какъ молятся вотъ эти бабы Скорбящей — онѣ чувствуютъ себя здѣсь людьми, это самое главное. Дома-то ей въ буквальномъ смыслѣ перекреститься некогда. Если сосчитать... Впрочемъ, что тутъ говорить!..

Статистикъ умолкъ и даже сконфузился, подавленный вырвавшимся противорѣчіемъ. Въ результатѣ получилось что-то такое громадное и очень ужъ чувствительное, чего нельзя было разрѣшить никакими „если“ и никакими цифровыми данными, діаграммами и „средними“. Лещовъ даже захохоталъ.

— Значитъ, вы защищаете монастыри вообще, а женскіе монастыри въ особенности, г. статистикъ?—ядовито спрашивалъ онъ: эпитеты „господинъ“ и „madame“ онъ употреблялъ для самаго серьезнаго огорченія.—Это обскурантизмъ...

— Я только констатирую историческій фактъ, Аѳанасій Иванычъ... Слишкомъ сложное, большое и своеобразное явленіе, чтобы мѣрить его нашимъ обыкновеннымъ аршиномъ. Это дѣло народной совѣсти...

— Я люблю монастыри! — заявлялъ Бобрикъ своимъ оправдывающимся тономъ.—Знаете, въ нихъ есть что-то такое... да... вообще...

Поднялся вдругъ самый отчаянный споръ, какъ иногда загорается съ трескомъ потухавшій костеръ, когда огонь найдетъ новый горючій матеріалъ. Я съ докторомъ представляли „почтенную публику“. Лещовъ вскочилъ на ноги и принялся размахивать руками.

— И это молодое поколѣніе?!—взывалъ онъ какимъ-то пророческимъ стономъ.—Да знаете ли, во что обращается молитва, когда откладываютъ кресты совершенно машинально? Это рефлексъ—не больше...

Онъ побѣдоносно посмотрѣлъ на „почтенную публику“, требуя одобренія, какъ однимъ словомъ выигравшій все дѣло. Да, рефлексъ... А вы — жалкіе обскуранты и межеумки, которымъ не справиться съ первой попавшейся славненькой и чувствительной мысленкой. Слышите: рефлексъ!..

Мнѣ нравятся русскіе споры, хотя они въ большинствѣ случаевъ и кончаются ничѣмъ. Въ сущности мы совсѣмъ не умѣемъ спорить, горячимся, какъ дѣти, и даже не замѣчаемъ, какъ предметъ спора уже исчезаетъ, и противники съ трудомъ вспоминаютъ, съ чего началось.

— Всѣ нѣмцы—подлецы!—хриплымъ голосомъ повторялъ Лещовъ.—И я съ удовольствіемъ оторвалъ бы голову какому-нибудь Бисмарку...

— Аѳанасій Иванычъ, позвольте, при чемъ же тутъ Бисмаркъ?—оправдывался Бобрикъ.—Мы говорили о романѣ Золя „Лурдъ“...

— И вашъ Золя мерзавецъ!—гремѣлъ Лещовъ.—Гнилой французишка... А франко-русское единеніе—чепуха!

— А Пастеръ?..

— И Пастеръ...

Лещовъ посмотрѣлъ кругомъ и только что-то промычалъ, чувствуя, что вконецъ зарапортовался.

— Пора спать, вотъ что... — проговорилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.—Вонъ и докторъ спитъ.

Это былъ блестящій выходъ изъ затруднительнаго положенія. Вопросъ о монастыряхъ былъ разрѣшенъ самымъ основательнымъ образомъ. Докторъ дѣйствительно спалъ, какъ и слѣдуетъ „почтенной публикѣ“, а я усиленно боролся съ дремотой.

Спорщики улеглись кругомъ огня въ довольно живописныхъ позахъ, въ какихъ рисуютъ итальянскихъ разбойниковъ и оперныхъ героевъ. Лещовъ и Ипифановъ сейчасъ же уснули, а Бобрикъ долго ворочался и наконецъ нерѣшительно спросилъ:

— Господа, отчего мы ничего не спѣли сегодня?

Въ отвѣтъ послѣдовалъ легкій носовой свистъ, и Бобрикъ обратился ко мнѣ:

— Знаете, а я... совершенно разочаровался, во всемъ разочаровался. Не стоитъ жить... да. Я вамъ скажу (Бобрикъ оглядѣлся кругомъ и понизилъ голосъ) тайну: я кончу самоубійствомъ. Меня никто не понимаетъ...

Извинившись за свою откровенность, будущій самоубійца улегся поудобнѣе и сейчасъ же заснулъ.

Мнѣ очень хотѣлось спать, но когда все стихло, сонъ отлетѣлъ. Я присѣлъ къ огню и смотрѣлъ, какъ догораютъ послѣдніе сучья. Ярмарка уже затихла. Взошелъ мѣсяцъ, и бѣлыя монастырскія стѣны рѣзко выступали въ какомъ-то зеленоватомъ сіяніи. Желтые огоньки въ кельяхъ гасли одинъ за другимъ. Тишина нарушалась только стрекотаньемъ неугомонныхъ кузнечиковъ и коростелемъ, который какъ-то особенно назойливо скрипѣлъ въ болотѣ. Хорошо такъ сидѣть ночью въ лѣсу у огонька и хоть на время позабыть все городское. Мысли идутъ такъ спокойно, точно плывутъ, какъ незримо плывутъ ночныя облака.

— Баринъ, а я вотъ еще дровецъ принесъ... — проговорилъ за мной осторожный голосъ.

Это былъ Ермилъ, принесшій цѣлую охапку сухихъ сучьевъ. Ему, видимо, тоже не спалось, и, подложивъ въ огонь сучьевъ, онъ присѣлъ рядомъ со мной.

— Ты это что не спишь, Ермилъ?

— А выспимся... Ночь-то ужъ очень хороша. Произволенье Божецкое... Охъ-хо-хо!.. Грѣхи наши тяжкіе... А вѣдь каждый по-своему старается, чтобы какъ ни на есть лучше устроить, а поглядишь — и выйдетъ никуда негодно. Тотъ оно какое дѣло... Слабъ человѣкъ. Да...

Очевидно, Ермилу хотѣлось разговориться, но у него не было подходящихъ словъ. Можетъ-быть, его заинтересовалъ непонятный господскій разговоръ, а можетъ-быть, проснулась своя мужицкая дума. Онъ только махнулъ рукой и отошелъ отъ меня, а мнѣ почему-то сдѣлалось совѣстно.

V.

Я такъ и не заснулъ — сонъ былъ перелетенъ. На монастырской колокольнѣ точно сонный колоколъ „отдалъ“ одиннадцать часовъ. Мои спутники спали, какъ зарѣзанные, и я могъ только завидовать. А въ головѣ мысли такъ

и роились... Мысленно я перебиралъ сегодняшнія впечатлѣнія: ярмарочную суматоху, акаѳистъ у Скорбящей, канунъ на могилѣ схимницы, горячіе споры. Послѣдніе положительно не выходили у меня изъ головы, и я старался возстановить связь между отдѣльными моментами, начиная отъ бабьей политической экономіи и кончая Пастеромъ. Вѣдь надо же было все это придумать, причемъ каждый старался внести свое. Въ умѣ я перебиралъ всѣхъ этихъ случайныхъ знакомыхъ и долженъ былъ сознаться, что всѣ они такіе хорошіе, по-русски хорошіе, а это одно уже стоитъ несчастія. Увлекшійся Лещовъ говорилъ: „у меня въ третьемъ году былъ хорошій плевритъ...“ Чистая бѣда съ русскимъ хорошимъ человѣкомъ. Его, во-первыхъ, всѣ любятъ, хвалятъ и его же потомъ ругательски ругаютъ, потому что изъ трехъ человѣкъ всегда составится четыре партіи. Получается хорошая словенская розпь... Вкратцѣ я перебиралъ біографіи моихъ знакомыхъ, спавшихъ сейчасъ около огня, и говорилъ про себя: право, хорошіе, милые люди, съ самыми хорошими стремленіями. Только на фонѣ вотъ этого захолустнаго богомолья всѣ мы являлись какими-то чужими людьми, точно кто откололъ насъ отъ чего-то настоящаго, большого и цѣлаго. Нѣмецъ-докторъ, нѣмецъ-статистикъ, нѣмецъ-политико-экономъ, нѣмецкая женщина прежде всего чувствуютъ себя нѣмцами, нѣмецкимъ народомъ, а насъ, вотъ эту маленькую кучку, отдѣляли отъ монастыря, ярмарки и даже нашихъ кучеровъ цѣлыя пропасти, и поэтому насъ заѣдало это чувство отчужденности.

Мои мысли были прерваны какимъ-то слабымъ стономъ, донесшимся со стороны Убіенной. Потомъ стонъ повторился, хотя и слабѣе. Дѣло объяснилось, когда рѣзко пронесся дѣтскій плачъ и зловѣщее уханье — это тѣшился филинъ. Впрочемъ, можетъ-быть, пищалъ какой-нибудь несчастный зайчишка, попавшійся въ когти ночного хищника. Эти стоны и плачъ сейчасъ же для меня связались съ названіемъ рѣки—Убіенная. Кто здѣсь убитъ? Кто стоналъ въ послѣдній разъ? Кому были нужны эти стоны, плачъ и кровь? Изъ исторіи монастыря неизвѣстно было ничего, кромѣ того, что онъ былъ основанъ сейчасъ послѣ татарщины. Всего вѣроятнѣе, что когда-нибудь хорошо похозяйничали татары, вырѣзали монастырекъ, все пограбили, пожгли и ушли, какъ уходитъ грозовая туча—вотъ и вышла Убіенная. Долго, вѣроятно, оставался монастырекъ въ запустѣніи, пока опять не собрались сестры, и слабыя женскія руки возстановили благочестіе. Побѣдно загудѣлъ колоколъ, начались акаѳисты предъ Скорбящей, прилѣпился торжокъ къ монашескому „отишію“, и все пошло своимъ чередомъ. Народная память удержала только дату татарскаго погрома, и въ этотъ день, завтра, совершался крестный ходъ кругомъ монастырскихъ стѣнъ.

Сегодняшняя ночь напомнила мнѣ такую же ночь на далекомъ Уралѣ, въ раскольничьемъ скиту, гдѣ не было звона, но зато совершалась цѣлонощная молитва. Сѣдой старецъ читалъ акаѳистъ тоже Скорбящей, и это чтеніе, скорбное и монотонное, какъ паденіе водяныхъ капель, такъ гармонировало и съ глухой пустыней, и съ лѣтней ночью, и съ тѣмъ настроеніемъ, которымъ были охвачены молящіеся. Я долго вслушивался въ слова раскольничьяго акаѳиста и понялъ только одно, именно — что религіозное чувство тщетно искало тѣхъ великихъ словъ, въ которыхъ могла бы отлиться горячая вѣра. Обыкновенный человѣческій языкъ былъ слабъ, и между строкъ чувствовалась затаенная тоска отъ сознанія собственнаго несовершенства. Это былъ тоже стонъ и душевный плачъ.

— Экъ его ущемило!—ворчалъ Ермилъ, подходя опять къ огню и прислушиваясь къ уханью филина. — Тьфу!.. А слышали, баринъ, какъ давеча рѣка-то стонала, а потомъ ребячій плачъ?

— Это филинъ, Ермилъ...

— Филинъ-то филинъ, да не совсѣмъ... Мѣсто такое, убіенное. Много тутъ татарва крови пролила неповинной... Старики сказываютъ, что они по рѣкѣ плыли на лодкахъ, а полонъ по берегу ведутъ. Мужиковъ побили, а бабъ въ орду волокутъ. Ну, тѣ ребятишекъ съ собой тащатъ... Глядѣли, глядѣли татары, да ребятишекъ всѣхъ въ лодки и покидали. Цѣлыхъ двѣ лодки накидали ребятишекъ-то, да такъ ихъ и пустили по рѣкѣ. Куда доплывутъ... Ну, безъ помощи-то ребятишки всѣ и замерзли. Вотъ откуда плачъ-то, а ты: „филинъ“! Рѣка и та стонетъ, потому какъ тяжело ей отъ неповинной ребячьей крови... Однимъ словомъ, мѣсто такое!.. Охъ, грѣхи наши тяжкіе... Вотъ завтра Скорбящую будутъ поднимать. Старинная письма образъ...

Спеціальный культъ Скорбящей распространенъ по Руси изъ конца въ конецъ. Это самый чтимый образъ, и подъ его сѣнь стекаются милліоны труждающихся и обремененныхъ, особенно женщинъ. Сколько явленныхъ и чудотворныхъ иконъ именно Скорбящей,—кажется, нѣтъ обители, гдѣ бы не было своего образа такой Скорбящей, ознаменованнаго мѣстными чудесами и чудесными явленіями. Скорбящая за Убіенной служила напоминаніемъ далекаго и страшнаго народнаго бѣдствія, когда несчастныя матери-полонянки молились ей въ далекой татарской неволѣ за погибшихъ дѣтей, мужей, братьевъ и отцовъ. А сколько потомъ вотъ эта Скорбящая приняла бабьихъ слезъ и пролила свое божественное утѣшеніе въ изболѣвшую душу! Вы только представьте себѣ положеніе, когда человѣкъ уже ниоткуда даже не ждетъ помощи, слова участія и милости, а тутъ можно прійти и выплакать все свое горе, очистить душу покаяніемъ и найти душевный покой. Слишкомъ много всякой бѣды прошло по русской землѣ, неправды и безысходнаго горя, а отсюда возникъ цѣлый культъ Скорбящей, т.-е. скорбящей за людскую неправду, слабости, грѣхи и кромѣшную тьму. У Скорбящей для всѣхъ и милость, и заступа, и пріютъ. Около Скорбящей нашли уютъ и женскія обители, прикрывшія материнскимъ крыломъ истерзанную бабью душу. Здѣсь всѣ вопросы рѣшались такъ просто и ясно, а больная совѣсть умирялась. Человѣкъ-звѣрь оставался тамъ, далеко отъ обительскихъ стѣнъ и обительскаго покоя. Сюда же пришла и странница-богомолка, существо совершенно неизвѣстное интеллигентному человѣку и совершенно непонятное. Вѣдь такихъ богомолокъ бродитъ по Руси „несчерпаемое множество“, говоря языкомъ Ермила. Что-нибудь вышибло эти „страшныя души“ изъ ихъ семейной обстановки, вышибло что-нибудь очень сильно, потому что женщинѣ не такъ-то легко порвать всѣ кровныя связи съ роднымъ угломъ. Можетъ-быть, ушла такая богомолка отъ домашней обиды, можетъ-быть, унесла съ собой неисходное горе, а можетъ-быть, ее вели отъ одной обители къ другой тѣ вопросы совѣсти, для которыхъ у простого неграмотнаго человѣка нѣтъ даже подходящихъ словъ. Получился цѣлый контингентъ „странныхъ“ женщинъ, взыскующихъ града. Эта богомолка прошла черезъ всю русскую исторію и служила распространительницей спеціальнаго круга знаній, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ, куда не доходили никакія вѣсти. Она несла сюда разсказы о внѣшнихъ и внутреннихъ событіяхъ, конкурируя съ служивымъ, а затѣмъ уже была внѣ конкуренціи, когда дѣло касалось святыхъ мѣстъ, угодниковъ, чудотворцевъ и подвижниковъ. Мужикъ еще могъ кое-что знать, бывая въ городѣ, попадая на службу и уходя на заработки, а баба всю жизнь проводила въ деревнѣ и съ жадностью слушала все, что ей разсказывала богомолка объ остальномъ мірѣ и другихъ людяхъ. Богомолка такимъ образомъ являлась чѣмъ-то въ родѣ живой энциклопедіи по самымъ жгучимъ вопросамъ. Трудно даже приблизительно представить себѣ

то впечатлѣніе, которое она оставляла по себѣ и сколько послѣдовательницъ создавала. Съ простой деревенской бабой только одна богомолка говорила понятнымъ для нея языкомъ о святыхъ обителяхъ, о спасеніи души, о совѣсти и вообще обо всемъ, что составляло внутренняго человѣка. Съ распространеніемъ грамотности и народныхъ книгъ роль богомолки значительно умалится, но пока она еще всецѣло владѣетъ вниманіемъ народныхъ массъ, особенно по религіознымъ вопросамъ. Конечно, этимъ путемъ распространяется масса нелѣпостей, суевѣрія и того, что называется бабьими бреднями, но въ концѣ концовъ эта бродячая бабья душа все-таки свой человѣкъ въ народѣ, родной и близкій.

Начинало уже свѣтать. Звѣзды блѣднѣли и гасли. Въ лѣсу весело чирикнула первая птичка. Къ удивленію, я замѣтилъ, что и Ермилъ тоже не спитъ.

— Ермилъ, что же ты не спишь?

— А выспался...

Онъ опять подошелъ ко мнѣ, присѣлъ къ огоньку и молча принялся смотрѣть на огонь.

— Ты изъ старовѣровъ, Ермилъ?

— Такъ точно, по старой вѣрѣ...

— У васъ лучше?

— Которое лучше, которое хуже... Понятія больше у насъ, потому какъ у насъ баба почитай сплошь грамотная. Православная-то баба куды годна, а наша все знаетъ: и канунъ по упокойникѣ говоритъ, и молитвы всякія отчитаетъ. Православнаго похоронятъ на кладбищѣ, и конецъ тому дѣлу, а у насъ поминки сами бабы управятъ—и почитаютъ надъ могилкой, и кладомъ покадятъ, и все справятъ, какъ тому быть. Какъ же можно сравнить... Православныя-то бабы и молиться по-настоящему не умѣютъ, а у насъ вездѣ бабья молитва идетъ. И ребятъ сами грамотѣ учатъ...

Помолчавъ немного, Ермилъ прибавилъ:

— Одно нехорошо у насъ—очень ужъ большую волю забрала наша баба, потому какъ она не въ настоящемъ законѣ живетъ и страху настоящаго не знаетъ.

Раздался благовѣстъ къ заутренѣ. Мѣрно и тихо катилась мѣдная волна звуковъ въ утреннемъ воздухѣ, а ему отвѣчало изъ лѣсу и съ рѣки далекое эхо.

VI.

Я заснулъ только утромъ, когда солнце взошло, заснулъ тревожнымъ и безпокойнымъ сномъ. Сквозь сонъ я слышалъ, какъ пришла Сельцова, какъ принесли самоваръ, какъ звенѣли чайныя ложечки, какъ наконецъ поднялся вчерашній споръ. Солнце начинало уже сильно грѣть, а я продолжалъ лежать на травѣ, отдаваясь сладкой дремотѣ. Мнѣ нравилось, какъ просто и убѣжденно говоритъ Сельцова,—она вся въ этомъ голосѣ, простая, любящая, всю жизнь не знавшая, на что употребить и свои силы, и любовь, и чувство. Въ каждомъ новомъ человѣкѣ она видѣла свой идеалъ, а потомъ разочаровывалась.

— А мы тутъ вчера долго спорили безъ васъ,—извинялся Бобрикъ, видимо отложившій самоубійство до слѣдующаго раза.—Какъ жаль, что васъ не было.

— О чемъ же спорили?

— А все о томъ же, о чемъ и раньше...

— Не стоило... Есть вещи, которыя нельзя доказать и которыя можно только чувствовать. Да, чувствовать... Мнѣ даже теперь какъ-то странно

было бы спорить съ вами. Это все равно, что доказывать, что сейчасъ свѣтитъ солнце, зеленѣетъ трава, чирикаютъ птицы. Я провела такую хорошую ночь у тетушки Аѳанасія Иваныча...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, m-lle Сельцова, — сердито отозвался Лещовъ.

Сельцова обиженно замолчала. Видимо, она принесла съ собой такое хорошее, умиротворенное настроеніе, а тутъ оно сразу разбивается при первой же встрѣчѣ съ „современниками" въ лицѣ Лещова. Бобрикъ конфузился за грубый тонъ Лещова и съ радостью извинился бы за него, если бы это было возможно.

Но споръ все-таки поднялся, благодаря какому-то заявленію Епифанова, котораго я не разслышалъ.

— Ну ужъ, извините, пожалуйста: это я говорилъ!—вступился Лещовъ.

— Нѣтъ, я, Аѳанасій Иванычъ... Вы припомните хорошенько: вы сказали...

— Ничего подобнаго я не говорилъ. Вы меня, кажется, считаете дуракомъ...

— Да вотъ докторъ благородный свидѣтель.

Но благородный свидѣтель оказался самымъ обыкновеннымъ лукавымъ царедворцемъ и дипломатически уклонился отъ третейскаго суда.

— Нѣтъ, вы говорили!—вступился Бобрикъ съ молодымъ азартомъ.

Лещовъ взглянулъ на него и презрительно фыркнулъ, такъ что Бобрикъ покраснѣлъ вмѣстѣ съ ушами.

— Да будетъ вамъ, господа,—проговорила Сельцова.—Все равно, каждый останется при своемъ...

— Вы, кажется, принимаете насъ за идіотовъ...—сгрубилъ Лещовъ.

Благовѣстъ къ поздней обѣднѣ разомъ прекратилъ всѣ недоразумѣнія.

— Пора домой, господа,—заявилъ докторъ.—Дѣлать намъ здѣсь рѣшительно нечего...

— А мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть, какъ будутъ поднимать Скорбящую,—серьезно замѣтила Сельцова.

— И мнѣ тоже,—откликнулся Бобрикъ эхомъ.

— Пока мы будемъ собираться, обѣдня кончится,—объясняла Сельцова какимъ-то особенно мягкимъ голосомъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми.—Право, интересно посмотрѣть на толпу...

Мы подходили всей гурьбой къ монастырскимъ вратамъ, когда начался торжественный перезвонъ „на выносъ". Колокола точно замерли, когда вскомыхнулась тысячная толпа. Нищіе и калѣки были совсѣмъ прижаты къ стѣнѣ и исходили издали на кучки лохмотьевъ. Ярмарка пустовала, отдавая дань общему благочестивому порыву. Вотъ послышалось стройное пѣніе женскихъ голосовъ, вотъ показались хоругви, а за ними большой старинный образъ Скорбящей, точно плывшій по воздуху. Моментъ былъ торжественный, что было такъ ярко написано на всѣхъ лицахъ. За духовенствомъ чернымъ хвостомъ вытянулись монахини. Простыя бабы съ подавленными причитаніями и вздохами такъ и лѣзли въ толпу, пробиваясь поближе къ иконѣ. Десятки богомолокъ съ котомками за плечами и палками въ рукахъ, видимо, чувствовали себя дома и осаживали напиравшую толпу. Рядомъ съ нами стояла старушка-крестьянка съ почернѣвшимъ отъ солнца лицомъ и молча утирала слезы умиленія.

— Ты откуда, бабушка?—шопотомъ спрашивала ее Сельцова.

— По обѣщанію, касатушка... Сынъ померъ... Сподобилась недостойная поклониться Скорбящей.

— Интересно бы знать, что̀ чувствуютъ сейчасъ ярмарочные воры и барышники, — шепталъ мнѣ Лещовъ. — Табло... Анна Ивановна, пора домой. Кажется, все видѣли...

— Минуточку подождемте, Аѳанасій Иванычъ. Вѣдь вамъ рѣшительно все равно...

Лещовъ презрительно пожалъ плечами и не удостоилъ отвѣтомъ. Его возмущало, что Епифановъ и Бобрикъ отправились за крестнымъ ходомъ, какъ богомолки. Впрочемъ, онъ успокоился, обозвавъ ихъ кисло-сладкими угодниками.

Вся площадь быстро опустѣла, и кромѣ насъ остались только калѣки, лишенные возможности двигаться, да двое городовыхъ, разссорившихся изъ-за папиросной коробки, которую бросилъ Лещовъ.

Когда черезъ полчаса показались съ другой стороны колыхавшіяся въ воздухѣ хоругви и послышалось пѣніе, Сельцова наклонилась ко мнѣ и какъ-то особенно быстро заговорила, роняя слова:

— Мнѣ кажется, что я умерла... да. Это идетъ страшный судъ, а мы всѣ ждемъ... Намъ страшно, потому что все извѣстно. Рѣшительно все, что̀ мы дѣлали, чувствовали и думали... Вотъ такое же пѣніе... блескъ... и хорошо и жутко... Всѣ тутъ: и богатые и бѣдные, здоровые и калѣки, убійцы и насильники... А мы стоимъ и ждемъ... Намъ было больше дано, и съ насъ больше спросится... Земное все отошло далеко-далеко, и только говоритъ одна совѣсть... Все наполнено совѣстью, и нѣтъ больше ни мужчинъ ни женщинъ... А тамъ въ глубинѣ, въ голубомъ сіяніи сидитъ Скорбящая и смотритъ на насъ такими печальными глазами, а мы всѣ такіе гадкіе, несправедливые, нехорошіе... И Лещову стыдно, и вамъ, и мнѣ... вѣдь всѣ мы могли лучше устроить нашу жизнь...

Показалась Скорбящая... Солнце такъ и заиграло на золотомъ окладѣ, а отдѣльные лучи точно разсыпались разноцвѣтной росой. Женскіе голоса пѣли гдѣ-то тамъ, наверху, въ воздухѣ, а земля глухо гудѣла отъ топота тысячи ногъ. Толпа народа плыла неудержимымъ потокомъ, какъ вода, прорвавшая какую-то высокую плотину. И все это было охвачено такимъ ликующимъ солнечнымъ свѣтомъ, что было больно смотрѣть.

— Заступница усердная, помилуй насъ, грѣшныхъ...

Я оглянулся—за нами стоялъ Ермилъ и крестился широкимъ раскольничьимъ крестомъ. На мой нѣмой вопросъ онъ проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— На свѣжемъ воздухѣ намъ дозволяется молиться правильнаго письма старинными образами, хотя бы они и выносились изъ православныхъ церквей... Скорбящая Матушка, помилуй!..

Сельцова стояла и плакала. Она чувствовала себя той простой русской бабой, которая выносила русскую исторію.

Процессія скрылась въ монастырѣ. Народъ началъ расходиться по площади. Намъ ничего не оставалось, какъ ѣхать домой. Спиридонъ съ кучерскимъ шикомъ подалъ экипажъ. Настоявшійся коренникъ встряхивалъ дугой, и колокольчики разсыпались мелкой трелью. Мы съ Лещовымъ уже сидѣли въ экипажѣ, когда подошла Сельцова и заговорила:

— Одну минутку, Аѳанасій Иванычъ... Я не задержу. Да... Помните вчерашнюю бабью политическую экономію? Я сегодня всю ночь думала... И, знаете, вспомнила одну газетную корреспонденцію откуда-то съ юга Россіи...

— Матушка, Анна Ивановна, помилосердуйте! — взмолился Лещовъ. — Отпустите душу на покаяніе.. Успѣемъ дома натолковаться.

— Нѣтъ, голубчикъ, я хочу сейчасъ... ну, имѣйте маленькое терпѣніе! Ну,. послушайте меня...

— Ахъ, Боже мой, развѣ васъ переспоришь!

— Видите ли, собрался сходъ передѣлять землю... Вотъ мужики и говорятъ: это не порядокъ, чтобы однимъ мужикамъ надѣлять землю. Надо и по бабамъ ровнять... Потому какъ есть семьи, гдѣ однѣ дѣвки и одного мужицкаго надѣла не хватаетъ. Вѣдь баба такъ же работаетъ въ полѣ, какъ и мужикъ... Посмотрите, какъ ведутъ все хозяйство казачки или бабы, когда мужья въ отхожихъ промыслахъ. Вѣдь это громадный фактъ, Аѳанасій Иванычъ, и важно то, что до него додумался самъ народъ, то-есть простой мужикъ-хлѣбопашецъ. И это будетъ такъ... Вопросъ времени.

— Анна Ивановна, право, садитесь...

— Сейчасъ... Я серьезно вамъ говорю, Аѳанасій Иванычъ.

— Ахъ, Боже мой!..

1894.

Мастерица.

Очеркъ.

I.

— Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!..—выкрикивали особымъ раскольничьимъ речитативомъ тонкіе дѣтскіе голоса подъ расписаннымъ окномъ опалубленной новымъ тесомъ избы раскольничьей мастерицы Таисьи.

„Молитвовались“ эти голоса не одинъ разъ, пока мастерица „отдавала аминь“. Потомъ щелкала въ воротахъ желѣзная запорка, и тесовая распашная калитка точно проглатывала притихавшую гурьбу маленькихъ дѣвочекъ съ повязками на лбу. Мальчиковъ Таисья не учила, а только дѣвочекъ, причемъ, по древнему обычаю, всѣ ея выученицы щеголяли въ особыхъ повязкахъ на головѣ,—дѣлалась изъ ситца или дешевенькой парчи полоса въ два вершка шириной, подшивалась съ исподней стороны выбойкой, отворачивалась по краямъ веселаго цвѣта тесьмой, а на концахъ пришивались вязки изъ такой же тесьмы—вотъ и готова повязка. Спереди она прикрывала лобъ, а на затылкѣ повязывала тонкія дѣтскія косички. Дѣвочки въ такихъ повязкахъ походили на черничекъ. Таисья славилась своею строгостью, и выученицы боялись ея, какъ огня. Она не выпускала изъ рукъ ременной лѣстовки, которой и наказывала лѣнивыхъ на мѣстѣ преступленія безъ всякой пощады, такъ что худенькія дѣтскія плечи часто покрывались синими пятнами и рубцами отъ матушкиной науки,—выученицы звали свою мастерицу „матушкой“.

Дворъ у мастерицы былъ темный, закрытый тесовою крышею наглухо,—въ Красномъ-Яру лѣсу было много, и знакомые мужики, желавшіе научить своихъ дочерей мастерству, навозили Таисьѣ всякаго добра. Поднявшись на крыльцо, устланное домашней работы половикомъ, дѣвочки шли въ темныя сѣни, отдѣлявшія переднюю избу отъ задней, и отсюда уже попадали въ мастерскую, т.-е. въ заднюю избу. Изба была небольшая и очень скупо освѣщалась небольшими окошками; большая русская печь занимала почти половину всего помѣщенія, а широкія полати „застилали“ свѣтъ, особенно когда кто входилъ въ избу съ освѣщенной яркимъ солнцемъ улицы. Около стѣнъ шли широкія деревянныя лавки, крашеныя кубовой краской; въ углу стоялъ большой зеленый кіотъ съ большими и малыми образами своего древлеотеческаго

письма. Между кіотомъ и окномъ была приколочена деревянная заставка, въ которой лежали старопечатанныя и рукописныя книги, ладанъ, восковыя скитскія свѣчи (безъ золота, какъ у православныхъ) и мѣдная кацея на ножкахъ (кадильница съ деревянной ручкой). Когда Таисья уходила изъ дому, она завѣшивала святыню особой пеленой съ нашитымъ на нее изъ позумента восьмиконечнымъ раскольничьимъ крестомъ. Въ переднемъ углу стоялъ крашеный деревянный большой столъ, за которымъ и происходило мастерство.

Войдя въ избу, дѣвочки клали установленный начальъ передъ кіотомъ и потомъ кланялись Таисьѣ въ ноги, приговаривая:

— Матушка, прости и благослови...

— Богъ васъ проститъ, Богъ благословитъ,—вѣлано-ласковымъ тономъ отвѣчала Таисья и въ свою очередь отвѣшивала уставной поклонъ

Дѣвочки разбирали свои указки и усаживались каждая за свою книгу. Младшія учили старинную азбуку, постарше читали часовникъ, еще постарше учили каѳизмы, а самыя старшія „говорили кануны“—верхъ мудрости, какую могла Таисья удѣлять своимъ ученицамъ.

— Повторяйте зады,—говорила мастерица для начала дѣла.

Этого было достаточно, чтобы изба сейчасъ же наполнилась нѣвучими дѣтскими голосами, механически повторявшими каждое слово десятки разъ, пока оно на вѣки вѣчные не отштамповывалось въ дѣтскомъ мозгу. Самая бойкая ученица едва въ годъ достигала того, что могла разбирать простыя слова по складамъ, а бѣглое чтеніе славянской печати усваивалось не раньше двухъ-трехъ лѣтъ. Книгъ гражданской печати Таисья не признавала, и все мастерство шло по славянской печати. Читали нараспѣвъ, немного въ носъ, какъ требуетъ того древлее чтье-пѣтье. Когда ученица сбивалась, Таисья подсаживалась сама и речитативомъ, чеканя слова и отбивая слоги съ удареніями, поправляла ее. Такъ какъ учили всѣ вслухъ, то вся комната наполнялась смѣшанной волной звуковъ и тонкимъ гудѣньемъ, какъ въ пчелиномъ ульѣ.

Когда машина была пущена въ ходъ, Таисья садилась съ чулкомъ на лавку и погружалась въ сладкую педагогическую дремоту. Но чуть проскользалъ малѣйшій невѣрный звукъ, какъ она сейчасъ же просыпалась, точно мельникъ, который и во снѣ слышитъ невѣрный помолъ. Въ своемъ спнемъ косоклиномъ сарафанѣ Таисья имѣла такой строгій видъ, точно игуменья. На головѣ она носила темный платокъ, подвинутый на глаза. Блѣдное, восковое лицо съ плотно сжатыми губами, ввалившимися глубоко темными глазами и утинымъ носомъ никогда не было красиво, но всегда было строго и сдержанно-умно. Таисья никогда не улыбалась, точно вся она когда-то очень давно застыла да такъ и не могла оттаять.

Если самой Таисьѣ что-нибудь недосужилось, она приглашала старика Ипатыча. Онъ забирался на полати и оттуда руководилъ занятіями. Книги было не нужно, потому что Ипатычъ зналъ всю науку наизусть. Когда ученица запутывалась „въ урокѣ“ или въ „задачахъ“, онъ громко кричалъ ей съ полатей и заставлялъ повторять. Въ свое время Ипатычъ считался въ Красномъ-Яру лучшимъ мастеромъ, но сталъ „скудаться поясницей и ногами“, и мастерство ушло. Онъ и дома все лежалъ на полатяхъ. Въ Красномъ-Яру Ипатычъ славился, какъ лучшій знатокъ деместеннаго пѣнія по крюкамъ,—никто такъ твердо не умѣлъ вытягивать крюки, какъ Ипатычъ.

Мастерство начиналось въ 8 часовъ утра, потомъ въ 12 ученицы бѣгали домой обѣдать, а послѣ обѣда опять учились, пока можно было читать безъ огня. При огнѣ Таисья не учила, потому что съ лучиной нельзя, а со

свѣчами невыгодно. Да и такъ ужъ установилось прежними мастерицами, такъ старое не переиначивать—будетъ и дня, особенно лѣтомъ.

Такъ дѣло шло годъ за годомъ, и ничто не смущало покоя Таисьи. Правда, земство открыло въ Красномъ-Яру небольшую школу и выслало сюда учительницу, но она не могла быть конкуренткой Таисьѣ, потому что „проходила“ одну „гражданскую печать“.Въ земскую школу посылали ребятъ обмірщившіеся люди, которые повихнулись въ святоотеческихъ преданіяхъ, но такихъ было пока немного, и мастерица Таисья не унывала съ своими канунами и каѳизмами. Она такъ сама вѣрила въ истинное значеніе своего ремесла, что не могла допустить что-нибудь другое. И отцы и дѣды учились, такъ дѣтямъ-то не перемѣнять-стать. Да и старые люди не глупѣе были нынѣшнихъ. Раскольничья педагогія сложилась въ теченіе не одной сотни лѣтъ и достигла замѣчательныхъ по воспитательному значенію результатовъ, и можно только удивляться, какимъ образомъ изъ выучениковъ и выученицъ, зубрящихъ кануны, часословы и каѳизмы, вырабатываются всѣ эти начетчики и начетчицы, уставщики, мастерицы и вообще руководящая раскольничья старшина. Есть какіе-то незримые пути, посредствомъ которыхъ переливается спеціальная закваска изъ одного поколѣнія въ другое, и раскольничья школа занимаетъ здѣсь, безъ сомнѣнія, одно изъ первыхъ мѣстъ.

Итакъ, у Таисьи шло дѣло хорошо, какъ у тысячъ другихъ потаенныхъ раскольничьихъ мастерицъ. Бѣда пришла на нее нежданно-негаданно. Разъ утромъ пришелъ къ ней Ипатычъ, вызвалъ въ сѣнцы и сообщилъ:

— Попа новаго благословеннаго *) въ Яръ прислали.

— Ну? Мало ли ихъ здѣсь перебывало... Опять какого-нибудь запивоху прислали, на исправу.

— То-то вотъ и не угадала... Особенный попъ-то изгаданъ. Костянтиномъ звать... Онъ, слышь, тоже робятъ будетъ учить и по нашимъ книгамъ...

— Ино-о?..

— Я тебѣ говорю. Оборотистый попъ... Гдѣ такого и выискали. Теперь уѣхалъ въ лѣсъ: надѣлъ азямъ, подобралъ волосы, подпоясался, да на возъ, да въ лѣсъ... Самъ, слышь, и дрова будетъ рубить и сѣно косить. На всѣ руки источникъ, а чтобы виномъ зашибать—ни-ни!

— Глаза отводитъ что-нибудь... Видали мы ихъ, благословенныхъ-то. Развѣ хорошаго человѣка пошлютъ въ Яръ?.. Побьется, побьется и броситъ...

— Можетъ, и броситъ, а только большой разговоръ промежду нашихъ пошелъ.

Красный-Яръ, какъ глухой раскольничій уголъ, на консисторской биржѣ не имѣлъ никакой цѣны. Сюда отправляли въ ссылку напрокудившихъ и вообще повихнувшихся, главнымъ образомъ тѣхъ вдовцовъ, которые пили запоемъ. Взгляды высшей духовной власти и мѣстныхъ консисторій діаметрально противоположны: если первая обращаетъ особенное вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ необходима упорная борьба съ расколомъ, то послѣдняя мѣряетъ ихъ количествомъ жалованья и годовыми доходами. Въ числѣ такихъ ссыльныхъ угловъ, куда отправляли на исправленіе запойныхъ вдовцовъ, былъ и Красный-Яръ. Рѣдко кто здѣсь заживался—или умретъ, или сопьется вконецъ, а если поправится, то сейчасъ же получитъ переводъ въ лучшее мѣсто. Понятно, что появленіе молодого и непьющаго попа Константина произвело общую сенсацію.

Ипатычъ началъ приходить къ Таисьѣ каждое утро и каждый разъ приносилъ какую-нибудь непріятную новость.

*) Благословенными попами раскольники называютъ единовѣрческихъ священниковъ.

— Какъ-то поѣхалъ онъ въ кузницу лошадь ковать,—разсказывалъ старикъ, разводя руками.—Ну, завели лошадь въ станокъ... Кузнецы-то съ похмелья и ходятъ около лошади, какъ именинники. Смотрѣлъ-смотрѣлъ на нихъ попъ-то да и говоритъ: „Да развѣ такъ лошадей-то куютъ?“ Ухватилъ самъ подкову, сейчасъ ее въ горнъ, накалилъ, направилъ и давай подковывать самъ. Кузнецы-то только ахнули, какъ онъ орудуетъ... Онъ и кузнецъ, и плотникъ, и дроворубъ, и косарь—вотъ такъ благословенный попъ!.. А ребятъ выучиваетъ, слышь, въ три мѣсяца...

Таисья больше не спорила, а выслушивала эти разсказы молча, по-монашески опустивъ глаза. Она привыкла относиться съ недовѣріемъ ко всему, что носило печать никоніанства, а единовѣрческую церковь называла „ловушкой“. Ее смущали главнымъ образомъ эти разговоры между старообрядцами: дался имъ этотъ попъ, галдятъ да судачатъ.

II.

— Погоди, упыхается,—говорила Таисья, выслушивая всѣ эти новости.—Новая метла чисто мететъ...

Но попъ Константинъ не упыхивался, а какъ будто сразу всего себя и не оказываетъ. Главное, вездѣ самъ, благо по церкви дѣла немного—прихожане числились только по метрикамъ. Была при церкви земля, которая лежала пустая,—попъ за нее и взялся первымъ дѣломъ. Расчистилъ, распахалъ, удобрилъ, посѣялъ, а къ осени былъ съ своимъ хлѣбомъ. Попадья орудуетъ въ огородѣ и впереди другихъ бабъ поспѣваетъ. Потомъ привезъ попъ откуда-то пару чурокъ съ пчелами и выставилъ въ огородѣ,—до него въ Красномъ-Яру о пчелахъ только слыхали. Красуется колосомъ поповская пашня, гудитъ поповская пчела, а попъ ужъ топоромъ постукиваетъ, только щепы летятъ. Служить въ церкви приходится только по праздникамъ, а въ будни попъ цѣлое утро занимается съ ребятишками. Сначала училъ ихъ у себя въ квартирѣ, а потомъ охлопоталъ въ волости избушку. Когда онъ выучилъ первыхъ ребятишекъ, къ нему навели другихъ. По шерсти всѣмъ пришелся легкій на всякую работу попъ Константинъ, и повели къ нему ребятъ люди древляго благочестія, потому будетъ ребятамъ у мастерицъ да у мастеровъ муку мученическую принимать. Схватило и Таисью за живое, когда отъ нея взяли двухъ дѣвчонокъ да свели къ попу.

— Каково онъ поворачиваетъ, благословенный-то?—злорадствовалъ Ипатычъ, подзадоривая Таисью.—Я, гритъ, вашей вѣры не трогаю: одному, слышь, Богу молимся. Ребятъ въ два мѣсяца выучу, а тамъ, какъ знаете... Вонъ онъ какой! Главная причина, наравнѣ съ мужикомъ во всякой работѣ, да еще и за поясъ заткнетъ, ежели съ косой или съ топоромъ.

Нейдетъ у Таисьи попъ изъ головы. Годъ прошелъ, а попъ все такой же, только еще завидущѣе сдѣлался на всякую работу. Свои же раскольники поднимаютъ мастерицъ на смѣхъ,—ребятъ только мучатъ наши мастерицы, учились бы у попа сами, какъ дѣло дѣлать. Но не ученьемъ попъ взялъ,—въ земской школѣ гражданской печати еще скорѣе и лучше выучивали,—а взялъ онъ своей простотой да мужицкой работой. И жизни человѣкъ примѣрной—водки не пьетъ, табаку не куритъ, ни сучка ни задоринки, и на свое мѣсто не жалуется. „Много ли мнѣ, попу, надо?“—говоритъ и посмѣивается.

Терпѣла-терпѣла Таисья и надумала: пойду, скажу попу свое бабье словечко—не съѣстъ онъ меня. Встала утромъ пораньше, прибрала все по хозяйству, спосылала за Ипатычемъ, чтобы присматривалъ за ребятишками, а сама къ попу. Въ Красномъ-Яру всего двѣ улицы—одна на самомъ берегу

озера, а другая въ полугорѣ. Дворовъ пятьсотъ волостные насчитывали, когда подать собирали. Деревянная единовѣрческая церковь стояла на мысу, а поповскій домъ напротивъ. Озеро Искуль большое да свѣтлое и со всѣхъ сторонъ точно синей стѣной обнесено высокими горами. Въ южномъ Уралѣ такихъ озеръ сотни. По другую сторону села выпала съ горъ рѣчонка Каменка, а по ней и покосы, и пашни, и всякое угодье. Башкирская была земля, да мало-по-малу захватили ее русскіе насельники. Идетъ Таисья по улицѣ и любуется Краснымъ-Яромъ и озеромъ: угодное мѣсто старички-раскольнички высмотрѣли, когда бѣжали изъ Расеи. На озерѣ, въ дальнемъ концѣ, и посейчасъ три острова Крестовыми называются. На нихъ были раскольничьи скиты, да позорены, а народъ каждую весну идетъ черезъ Красный-Яръ на эти острова, чтобы помолиться на могилкахъ у своихъ раскольничьихъ угодниковъ—старца Пахомія, да другого старца Пафнутія болящаго, да третьяго старца Паисія страстотерпца-постника.

Поповскій домъ тремя окошками выходилъ прямо на озеро. Подошла Таисья и помолитвовалась у крайняго окна, а попъ голову изъ окошка высунулъ и аминь отдалъ.

— Добро пожаловать, Таисья Тимоѳеевна, — говоритъ попъ, когда Таисья вошла въ поповскую горницу.

Помолилась Таисья на образа,—не „мазанные“, а писанные образа у попа,—и говоритъ:

— А ты какъ меня знаешь, отецъ благословенный?

— Какъ мнѣ тебя не знать, когда у насъ и ремесло съ тобой одно. Садись—гостья будешь, а въ погахъ правды нѣтъ.

Собой попъ Константинъ не великъ да кряжистъ, бородка рыжая, глаза сѣрые, быстрые, а руки все въ карманахъ заплатаннаго подрясника прячетъ. Говоритъ рѣчисто, съ повадкой, хоть бы и не попу въ пору. Оглядѣла Таисья своимъ бабьимъ глазомъ всю горницу—богатства не замѣтно, а чистенько. Значитъ, попадья угодница свое дѣло править. Вонъ и половички на полу домотканные и вездѣ занавѣсочки да салфеточки—свое женское дѣло, некупленное. Понравилось Таисьѣ въ поповской горницѣ: согласно живутъ, видно, хозяева и трудничаютъ каждый по своей части. Вышла и попадья, еще молодая бабочка совсѣмъ, а платокъ на головѣ по-крестьянски повязанъ. Поздоровалась съ гостьей и засуетилась,—такая ласковая да привѣтливая попадья.

— А я къ тебѣ, отецъ благословенный, съ своимъ бабьимъ словомъ пришла,—заговорила Таисья.—Ужъ не взыщи, ежели что и не ладно молвится. Дѣло наше темное, неученое... У насъ только и свѣту въ окошкѣ, что Красный-Яръ, а дальше-то не бывали.

— Ну, въ чемъ дѣло?

— Да вотъ насчетъ твоего легкаго ученья пришла поговорить съ тобой, отецъ благословенный. Скоро ты выучиваешь ребятишекъ, а того не подумаешь, что неладно это.

— Какъ неладно? Ты два года будешь мозолить ребятишекъ, а я въ два мѣсяца оболваню. Спасибо сказываютъ ваши же старообрядцы.

— Все это ладно, да не больно, отецъ благословенный... Конечно, наша учоба долгая, трудная, а твоя легкая,—только это нехорошо. Все нынче на легкую руку норовятъ сдѣлать, оттого и народъ пошелъ легкій... Онъ въ грамотѣ у тебя легко обернулся и въ другомъ мѣстѣ тоже легкаго захочетъ. Какъ ты на этотъ счетъ полагаешь, отецъ благословенный? Вотъ другая легкая-то копеечка заберется въ карманъ, такъ и тяжелыя денежки уведетъ за собой... Недаромъ пословица молвится: домашняя гривна дороже заѣзжаго рубля.

Да и Богъ-то, отецъ благословенный, велитъ трудиться и въ потъ лица своего снискивать хлѣбъ, а вы все легче стараетесь сдѣлать да пріятнѣе... Ваша-то легкая грамота ни къ чему и идетъ: выучится, а потомъ гармонію купитъ, а наша трудная грамота совсѣмъ другое. Вотъ ты, умный человѣкъ, и разсуди, какъ будетъ лучше-то?

Эти слова заставили попа Константина задуматься: въ словахъ Таисьи была извѣстная доля правды, и притомъ правды оригинальной. Какъ это ему раньше въ голову не приходила такая мысль...

— По-своему ты, пожалуй, и права, Таисья Тимоѳеевна—отвѣтилъ онъ послѣ своего раздумья.—только не досказала всего... Не въ одной учебѣ дѣло.

— Не всякое слово молвится, а о другомъ и помолчать во-время... Вотъ я шла сюда и противъ тебя думала, а какъ увидѣла твои-то заплатки, такъ, пожалуй, и по-другому подумаю. Одно нехорошо: ручки вотъ въ карманѣ все держишь.

— А что? Привычка...

— А ты подумай, ежели привычка... Вонъ городскіе-то шелковые попы ваши, такъ тѣ у васъ совсѣмъ парадашку ходятъ.—тоже нехорошо. Прости за глупость бабьемъ словѣ: волосъ дологъ да умъ коротокъ.

— Хорошо, хорошо...—засмѣялся Константинъ и ласково посмотрѣлъ своими быстрыми глазами на мастерицу.—Ты—моя гостья, не всякое лыко въ строку.

Посидѣла Таисья, поговорила еще о разныхъ пустякахъ и ушла. Понравился ей попъ,—этотъ не пропадетъ и рѣчистъ, нечего сказать. Въ зубахъ слово не завязнетъ...

Завернула она къ нему и въ другой разъ. Закинула какое-то задѣлье къ попадьѣ, а потомъ выждала, когда попадья вышла изъ комнаты, и сказала:

— Вотъ что, отецъ благословенный... Сколько ты здѣсь жалованья получаешь?

— Рублей семнадцать въ мѣсяцъ наберется...

— А доходу?

— Рубля два въ мѣсяцъ тоже наберется...

— Мало.

— Немного, но какъ кто привыкъ жить. Пока не жалуюсь, а тамъ пахать буду больше—вотъ и хлѣбъ.

— Такъ, такъ... Вѣрное твое слово, отецъ благословенный. Ты это правильно сказалъ... Одна у всѣхъ кормилица-земля... Только все-таки поглядываю-поглядываю я на тебя, а неподходящее это дѣло отцу благословенному. Нашлось бы и другого дѣла...

— Богъ любитъ труды: сейчасъ одно дѣлаю, а подвернется другая работа—за нее примусь.

— Такъ-то оно такъ, да только можно маленько и иначе...

Таисья оглянулась, подошла къ попу поближе и прошептала:

— Переходи ты къ намъ, отецъ благословенный... Полюбился ты всѣмъ здѣсь, а цѣны тебѣ нѣтъ настоящей у твоего-то начальства. Въ золотѣ будешь ходить...

— Спасибо на добромъ словѣ, Таисья Тимоѳеевна, а золота мнѣ ничего не нужно... Да и нехорошо, когда человѣкъ съ одного берега перебѣгаетъ на другой. Вотъ сейчасъ вы меня уважаете, а тогда сами посмѣетесь, что польстился благословенный попъ на легкое житье.

— Ну, ивъ, извини, что не въ пору сказала..

Игнатычъ дожидался возвращенія Таисьи съ особеннымъ нетерпѣніемъ.

Сомустилъ всѣхъ попъ, а съ чѣмъ-то она придетъ отъ него? Говорокъ она баба, да какъ бы ошибочку какую не сдѣлала.

— Ну что, Таисьюшка?—спрашивалъ Ипатычъ, когда мастерица вернулась.

Таисья не сразу отвѣтила. Раздѣлась, сѣла на лавку къ столу, подперлась рукой и молчитъ.

— Укрѣпился попъ... а?—приставалъ Ипатычъ.

— Это не попъ, а наша погибель...—отвѣтила мастерица, безсильно опуская руку.—Нашимъ-то исправленнымъ попамъ учиться у него...

1889.

Голый баринъ.

Изъ путевого альбома.

I.

... Раннее лѣтнее утро. На почтовой станціи, гдѣ я жду лошадей, происходитъ та ямщичья безтолковая суета, которая русскаго путешественника приводитъ сначала въ болѣзненно-раздражительное состояніе, потомъ въ безсильное бѣшенство и наконецъ въ глухое и молчаливое отчаяніе. Именно въ такомъ настроеніи духа находился я, ожидая, когда заложатъ свѣжихъ лошадей. Кажется, чего проще такой операціи, особенно на почтовой станціи, гдѣ уже все приспособлено для подобной операціи, а между тѣмъ дѣло затянулось на лишнихъ два часа. Пришлось поправлять въ кузницѣ шину у колеса; когда это было сдѣлано, оказалось, что расковалась лѣвая пристяжка изъ моей тройки, потомъ ямщикъ Ѳедотка убѣжалъ въ кабакъ поправиться съ похмелья и т. д. Станція довольно грязная, самоваръ давно потухъ, развѣшенныя по стѣнамъ картинки изучены въ мельчайшихъ подробностяхъ, оставалось ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ и смотрѣть въ окно на улицу. Являлась невольная мысль о томъ, что есть теперь люди, которые такъ хорошо спятъ сейчасъ въ собственныхъ постеляхъ и которымъ рѣшительно никуда не нужно ѣхать.

— Эй, Ѳедотка... чертъ!..—раздается голосъ дворника гдѣ-то за угломъ.—А, Ѳедотка?.. Да не окаянная ли душа...

— А ёнъ побѣгъ къ кабакъ къ Митричу... — отвѣчаетъ тонкій дѣтскій голосъ.— Ка-акъ стрѣлитъ черезъ улицу... Точно олень али козелъ.

— Ну-у?.. Ахъ, ты, Боже мой... Вотъ ненасытная утроба!..

— Да онъ съ похмелья...—авторитетно объясняетъ дѣтскій голосъ.—Все равно, какъ чумной быкъ...

— Ахъ, варнакъ!.. ахъ... Ну, нарродецъ, ну, публика...

Слышно, какъ топчутся раскладываемыя лошади, какъ безтолково переваниваютъ поддужные колокольчики, когда подручный ударитъ рукой по дугѣ, какъ подъ окномъ по землѣ шлепаютъ чьи-то босыя ноги. Отъ безсонной дорожной ночи въ головѣ сумбуръ, а спать не хочется. Остается опять ходить по комнатѣ и смотрѣть въ окно на бойкую заводскую улицу, которая оживляется все сильнѣе. Отворяютъ напротивъ мелочную лавчонку, кажется, мимо телѣги съ мужиками бредетъ гуляющая скотина, выползаютъ ребята, а вдали блеститъ полоска заводскаго пруда, по которой ползетъ немолчный гулъ работающей фабрики. Направо изъ моего окна виднѣется уголокъ завод-

скаго базара, гдѣ тоже начинаютъ отворяться лавки, сгруживаются безтолково мужицкія телѣги, шмыгаютъ какія-то бабы, и стаями перелетаютъ голуби.

— Ишь, ишь... Дядя Пётра, куды ускорился? — слышится подъ окномъ дѣтскій голосъ.—Ужо вотъ я скажу хозяину... Вотъ тѣ Христосъ, скажу!..

— Молчи, несъ...—сумрачно отвѣчаетъ дворникъ, шагая черезъ улицу.— Я за Ѳедоткой...

— Мотри, самъ застрянешь, дядя Пётра, у Митрича. Вотъ только придетъ хозяинъ, я ему и скажу...

Что же это такое? Если дворникъ уйдетъ въ кабакъ, гдѣ проклажается Ѳедотка, такъ я не дождусь лошадей никогда... Я подбѣгаю ко окну и кричу дворника. Онъ оглядывается на мой голосъ, машетъ рукой и продолжаетъ путь уже по инерціи, точно его подтягиваютъ къ Митричу на веревкѣ.

— Ишь, ишь, какъ подворачиваетъ!—смѣется мальчикъ, провожая дворника глазами.—Ну, публика...

— А гдѣ хозяинъ?—спрашиваю я.

— На базаръ пошелъ...

— Когда же мнѣ лошади будутъ готовы, чортъ возьми!..

— Ссею минуту, баринъ... Въ одинъ секундъ: лѣворушную пристяжку хомутаютъ.

Мальчикъ, видимо, состоитъ при станціи въ качествѣ какого-то должностного лица, что слышно по его голосу. Я обращаюсь съ умильной просьбой уже къ нему, нельзя ли какъ-нибудь поторопить. Мальчикъ снисходительно выслушиваетъ меня и говоритъ уже совсѣмъ авторитетно:

— Извѣстно, какой у насъ народъ: заводчина. Отчаянные. Ужо я сбѣгаю на базаръ, найду хозяина, тогда все живой рукой обернемъ.

Мальчикъ исчезаетъ, и станція окончательно пустѣетъ. Нѣтъ, это невозможно, это возмутительно, это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое... Есть книга жалобъ, и я опишу свое сидѣнье. Да, пусть потомъ земское начальство разбираетъ. Я, наконецъ, прямо въ земскую управу буду жаловаться, я... Въ заключеніе мнѣ дѣлается смѣшно, потому что ничего подобнаго я не сдѣлаю изъ какого-то органическаго отвращенія къ жалобамъ вообще и жалующимся людямъ въ частности. Чтобы развлечься, выхожу на дворъ, осматриваю экипажъ, почти заложенныхъ лошадей и, выхожу на улицу.

— Ссею минуту хозяинъ будетъ, — докладываетъ появляющійся неизвѣстно откуда мой покровитель-мальчикъ. — Онъ на базаръ ходилъ... Да вонъ онъ и Ѳедотку съ дворникомъ волокетъ.

Я смотрю въ сторону базара и вижу кучку приближающихся мужиковъ. Впереди всѣхъ идетъ Ѳедотка, который время отъ времени дѣлаетъ какія-то отчаянныя антраша: это хозяинъ поддаетъ ему сзади въ затылокъ. Мальчикъ заливается звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, но на половинѣ какъ-то сразу стихаетъ и молча указываетъ мнѣ на противоположную сторону улицы. Ѣхавшая по улицѣ телѣга тоже останавливается. Я смотрю и не вѣрю собственнымъ глазамъ: напротивъ около домовъ шелъ голый человѣкъ, т.-е. голый относительно, потому что на головѣ у него была надѣта лѣтняя соломенная шляпа, а на шеѣ было намотано полотенце, спускавшееся до колѣнъ. Онъ шелъ ровнымъ умѣреннымъ шагомъ, не обращая ни на кого вниманія. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ. Довольно красивое лицо обличало интеллигентнаго человѣка. Первая мысль, которая мелькнула у меня въ головѣ, была та, что это сумасшедшій человѣкъ.

— Кто это—?спросилъ я мальчика.

— А нашъ голый баринъ...—спокойно отвѣтилъ онъ. — Нынь, купаться пошелъ. Онъ экъ ту каждое утро гуляетъ, въ чемъ мать родила.

— Да онъ сумасшедшій?

— Кто его знаетъ... Служитъ на заводѣ, жалованье получаетъ большое: какой же сумасшедшій. Такъ просто: голый баринъ.

— Давно онъ живетъ здѣсь?

— Да ужъ года съ три... И каждое лѣто вотъ такъ-то разгуливаетъ. Сперва ребята за нимъ бѣгали, ну, а потомъ привыкли. Голый баринъ — и все тутъ.

Черезъ десять минутъ мое почтовое сидѣнье закончилось, и я выѣзжалъ изъ Смородинскаго завода по тракту. На козлахъ раскачивалась широчайшая спина Ѳедотки. Это былъ плечистый, могутный мужикъ, незамѣнимый въ почтовой гоньбѣ. Ошибочка у него была только въ одномъ,—любилъ ходить въ кабакъ къ Митричу. Впрочемъ, это общая мужицкая слабость.

— Ну что, Ѳедотка, досталось на орѣхи отъ хозяина?..

Ѳедотка встряхиваетъ головой и молчитъ. Съ похмелья онъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

— Ѳедотъ, что это у васъ на заводѣ голый баринъ ходитъ?

— А чего ему не ходить? Глянется, вотъ и ходитъ... Однимъ словомъ, баринъ, ну, ему, значитъ, барину, плевать...

— Да онъ сумасшедшій?

— Онъ-то? Нѣтъ, онъ поумнѣе другихъ прочихъ, а только свой характеръ уважаетъ. Правильный баринъ. Конечно, по первоначалу въ диковинку было, какъ онъ нагишомъ пошелъ по заводу и потомъ привыкли. Супротивъ его никому не сдѣлать. Напримѣръ, у него есть жена и дѣти. Ну, должонъ онъ ихъ воспитывать. Вотъ нанялъ онъ квартиру, какъ слѣдуетъ, да такъ въ голыхъ стѣнахъ и живетъ. Небили званья нѣтъ... Купили большую кошму—вотъ и все. Всѣ такъ вповалку и спятъ... Утромъ баринъ самъ ходитъ на базаръ, купитъ говядины фунтовъ пять, принесетъ домой и кормитъ ей всѣхъ. У него ни жаренаго ни вареная, а прямо сырое потребляютъ... Ученый, сказываютъ, баринъ-то. Жалованье изъ конторы большое получаетъ. Онъ по законамъ продовольствуетъ... А у него не одинова бывалъ въ дому: завсегда водочки подастъ. Правильный баринъ, одно слово, а народъ, конечно, глупый: „голый, голый!“... Онъ свою линію ведетъ, потому, какъ ему свой характеръ дороже всего.

Ѳедотка, видимо, держалъ сторону „голаго барина“ изъ чувства похмельнаго протеста. Ему нравилось, что выискался такой человѣкъ, который можетъ все дѣлать. Мы поднимались шагомъ въ гору. Обернувшись ко мнѣ Ѳедотка проговорилъ:

— А есть у него вредная зараза: жалованья стряпкамъ не платитъ. Поживетъ какая-нибудь бабашка и носыпется къ нему за расчетомъ, а онъ ее въ шею. Только на одну и натакался: Устиньей звать. Тоже пожила и приходитъ: „Баринъ, пожалуйте расчетъ...“ — „Какой расчетъ? Ахъ, ты, такая-сякая“... И пошелъ ее золотить, а потомъ рукой и тянется къ ней... А Устинья, будь не плоха, какъ подскочитъ къ столу, на которомъ онъ пишетъ, какъ сдернетъ лампу, да хрясь ее о полъ... „Вотъ тебѣ, говоритъ, голый чортъ!“ Лампа-то рублей двѣнадцать стоила... И что бы ты думалъ, братецъ ты мой, такъ Устинья поглянулась голому барину за эту свою лихую ухватку, что и жалованье ей заплатилъ, и сейчасъ Устинья у него живетъ.

Голый баринъ оказался, по наведеннымъ впослѣдствіи справкамъ, заводскимъ юрисконсультомъ Леготинымъ. О его чудачествахъ ходили цѣлыя

легенды, но, по общимъ отзывамъ, это былъ человѣкъ очень умный, съ университетскимъ образованіемъ, и прекрасно зналъ свое дѣло. Я отнесъ его къ рубрикѣ засидѣвшихся въ провинціи людей, которые иногда дичаютъ...

II.

Черезъ годъ съ лишкомъ, поздней осенью, я плелся по грязной дорогѣ въ Смородинскій заводъ. Это удовольствіе понятно только тѣмъ, кому приходилось дѣлать сотни и тысячи верстъ по грунтовымъ дорогамъ. Лошадь тащилась шагъ за шагомъ, экипажъ каждую минуту могъ засѣсть гдѣ-нибудь въ заторѣ. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ служило только то, что время отъ времени показывались встрѣчные, а чужія несчастія, какъ извѣстно, имѣютъ свойство уменьшать наше собственное. Недаромъ сложилась пословица, что на людяхъ и смерть красна. Унылое настроеніе овладѣло и моимъ ямщикомъ и даже лошадьми. Ямщикъ время отъ времени все приглядывалъ изъ-подъ руки впередъ и наконецъ радостно проговорилъ:

— Баринъ, можно смѣнить коней: встрѣчная тройка бѣжитъ.

Мѣнять лошадей на поддорогѣ—обычный пріемъ сибирской ямщины, и я не протестовалъ. Являлась слабая надежда вымѣнять лучшихъ. „Бѣжавшая“ навстрѣчу намъ тройка едва тащилась. Поровнявшись, ямщики остановились и быстро начали предлагать лошадей. Въ встрѣчномъ ямщикѣ я сразу узналъ своего стараго знакомаго Ѳедотку. Онъ, противъ обыкновенія, былъ „черезвый“, но хмурый. Въ экипажѣ сидѣлъ какой-то мрачный господинъ съ большими усами и глазами навыкатѣ. Мы не перекинулись по дорожному обычаю ни однимъ словечкомъ и молча разъѣхались. Взмостившись на козлы, Ѳедотка точно сразу повеселѣлъ и, привставъ на ноги, посмотрѣлъ назадъ, куда убѣжала смѣненная тройка.

— Ну и задастъ же пару Степкѣ...—пробормоталъ Ѳедотка, продолжая улыбаться. — Идолъ, а не баринъ. Ахъ, Боже мой, даже сейчасъ шеей не могу повернуть... Ужъ только и баринъ!.. Дорога вонъ какая, а онъ меня въ шею да въ шею... Будетъ Степкѣ баня.

— Да это не голый ли баринъ?..—освѣдомился я.

— Нѣтъ, тотъ особь статья, а это нашъ мировой судья. Съ полгода только его опредѣлили къ намъ. Ну, и баринъ... Какъ давѣ залѣпилъ мнѣ, такъ вонъ свѣтъ изъ глазъ. Одно слово: идолъ...

— Что же, ты будешь жаловаться на него?

— Куда жаловаться-то? Къ нему-то итти не приходится... Нѣтъ, ужъ такъ, видно, изношу.

— Какъ такъ?

— А такъ...

Ѳедотка покрутилъ головой и даже засмѣялся, что уже окончательно не гармонировало съ разсказаннымъ фактомъ. Меня это заинтересовало. Выспрашивать въ такихъ случаяхъ не годится, потому что русскій человѣкъ дѣлается удивительно скрытнымъ и недовѣрчивымъ именно въ такихъ случаяхъ. Мы тащились съ убійственной медленностью. Начиналъ моросить назойливый осенній дождь. Ѳедотка время отъ времени встряхивалъ головой и ежилъ плечами.

— А вѣдь Устинья-то достигла нашего голаго барина, — неожиданно проговорилъ Ѳедотка, оборачиваясь ко мнѣ.—Даже можно сказать, что вполнѣ достигла.

— Какая Устинья?

— Да стряпка у голаго барина... Ну, по-вашему, по-городскому, кухарка. Вотъ она самая... Которая еще лампу хряснула тогда.

— Да, да, помню...

Удивительно, какія глупыя мелочи иногда сохраняются въ памяти. Какое мнѣ, въ сущности, было дѣло до голаго барина и его Устиньи, а между тѣмъ я сейчасъ же вспомнилъ весь эпизодъ съ лампой и то, что Устинья обругала своего барина „голымъ чортомъ“. Обидно то, что въ то же время забываешь вещи, событія и лица, иногда очень нужныя, и прибѣгаешь къ справочнымъ книгамъ и замѣткамъ.

— Такъ вотъ, когда, значитъ, назначили намъ новаго мирового судью...— началъ Ѳедотка.—Эхъ, не съ того конца началъ: мировой-то потомъ окажется... да. Ну, такъ когда, значитъ, Устинья разбила лампу... Пожалуй, опять не выйдетъ. Ахъ, ты, чортъ...

— Да ты разсказывай по порядку...

— И то по порядку-то какъ будто лучше... Однимъ словомъ, такъ скажемъ, что Устинья вырвала свое жалованье у голаго барина прямо изъ пасти и еще сама же похваляется. Вотъ-де какая я есть подобная женщина... Хорошо. Живетъ она такимъ манеромъ у голаго барина, а голый баринъ возьми да этакъ по веснѣ лошадей пару и купи у нашего хозяина. Вотъ мнѣ съ чего надо было разсказывать-то!.. Ну, купилъ голый баринъ лошадей, а хозяинъ, значитъ, огрѣлъ его порядочно: одна съ запаломъ лошадь была, потому какъ лѣворушной пристяжной бѣгала подъ исправникомъ и загорѣла, а другая съ норовомъ. Тутъ у попа тоже лошадь была... Нѣтъ, это ужъ другое. Ахъ, ты, хрѣнъ тебѣ въ голову... Ну, купилъ голый баринъ лошадей, а спасти у его никакой нѣтъ: ни экипажа ни сбруи. Мы ждемъ, что онъ будетъ дѣлать съ животами. Одна узда — все обзаведенье. Мудреный баринъ, однимъ словомъ... Хорошо. Докормилъ баринъ своихъ лошадей до свѣжей травы у себя въ конюшнѣ, а потомъ каждое утро, какъ сходитъ пагишомъ покупаться, сейчасъ своихъ лошадей за поводья и въ поле. Книжку возьметъ съ собой, ляжетъ на траву и въ книжку, напримѣрно, читаетъ, а лошади около него пасутся. Все честно и благородно... Охотку тѣшить не бѣда платить. А мы все ждемъ, какую штуку уколетъ голый баринъ съ лошадьми, а безъ этого ему ужъ нельзя быть, потому какъ характеръ онъ свой уважалъ... Ладно. Этакъ съ мѣсяцъ водилъ онъ лошадей въ поле, ну, тѣ отдохнули и начали поигрывать... Особенно та другая-то лошадь, которая съ норовомъ была — сейчасъ, напримѣрно, хвостъ трубой, фыркаетъ, на дыбы и разныя колѣна оказываетъ. Только голый баринъ и удумалъ штуку... Какъ-то Устинья возьми да и посмѣйся надъ нимъ, что онъ въ поводьяхъ лошадей водитъ, а верхомъ сѣсть боится. „Ну,—говоритъ голый баринъ,—ты бойка: поѣзжай верхомъ сама“. — „И поѣду...“ Это, значитъ, Устинья. Извѣстно, глупость ея бабья: на глупомъ словѣ и поймалась. Голый баринъ посулилъ ей кумачный платокъ и полштофъ наливки, ежели она проѣдетъ на норовистой лошади верхомъ по нашей улицѣ. Устинью и укололо согласиться... Опять-таки она вся баба и вышла, значитъ, Устинья. Когда снарядилась, голый баринъ впередъ и платокъ купилъ и наливки — однимъ словомъ, честь честью. Вотъ, значитъ, отворилъ голый баринъ ворота, залѣзла Устинья на лошадь, а онъ какъ ухнетъ да какъ огрѣетъ лошадь нагайкой... Вынесла лошадь Устинью на улицу и пошла трепать, а въ концѣ концовъ Устинья съ лошади рѣдькой и полетѣла. И ушиблась она таки-порядочно — лѣвую скулу повредила. Замертво подняли, а народъ хохочетъ. Въ лазаретѣ недѣли съ двѣ вылежала Устинья-то, а потомъ вышла изъ лазарета да жалобу мировому судьѣ и закатила. „Такъ и такъ, у насъ не было въ уговорѣ, чтобы, напримѣрно, лошадь ухнуть али нагайкой“...

Ѳедотка перевелъ духъ, раскурилъ дорожную трубочку и тряхнулъ головой—очевидно, теперь наступила самая интересная часть разсказа.

— Теперь я долженъ тебѣ обсказать, каковъ есть человѣкъ нашъ мировой, — продолжалъ Ѳедотка. — Почище голаго-то барина оказалъ себя... Первое дѣло онъ съ насъ, ямщиковъ, началъ. Спроситъ тройку, поѣдетъ въ городъ, да ямщика дорогой и раздѣлаетъ. Могутный баринъ и на руку дерзокъ... Одного онъ такъ ямщика побилъ, другого, третьяго, а потомъ ужъ ямщики не стали и ѣздить съ нимъ. Хозяину горе: никто не ѣдетъ. А мировой законъ твердо помнитъ и все безъ свидѣтелей лупитъ ямщиковъ. Ну, всѣ его боятся; хозяинъ ко мнѣ: что хошь возьми—выручи, Ѳедотъ Маркычъ. Ладно. Вотъ спросилъ мировой тройку. Я подаю. Онъ выглянулъ въ окошко и манитъ къ себѣ въ комнату. Онъ приперъ дверь на крючокъ и прямо ко мнѣ: „Не боишься меня, каналья?“—„Чего, говорю, бояться“... Только я это сказалъ, ка-акъ онъ размахнется и прямо меня въ скулу. Ловконько ударилъ... Ну, а я сейчасъ сдачи да за вороть, да подъ себя, да и давай утюжить. Молчитъ мой баринъ, а я на немъ верхомъ по комнатѣ... Такъ молча и вышелъ, а онъ мнѣ стаканъ водки выслалъ. Вотъ какой человѣкъ нашъ мировой... Ни съ кѣмъ больше не ѣздитъ, окромя меня, и всегда на водку — первое дѣло. Отличный баринъ, окромя этой поганой заразы... Ладно. Только, какъ Устинья пажалилась, мировой и подтянулъ голаго барина. Вызвалъ этто его въ камеру, свидѣтелей — все по закону. Разобралъ дѣло и оправдалъ голаго барина, а потомъ и зазвалъ къ себѣ на чашку чаю. Для перваго, значитъ, знакомства... Что у нихъ тамъ было—неизвѣстно, только мировой сразу утихомирилъ нашего голаго барина. Недѣли съ три и на улицу не выходилъ: Устинья сказывала, что весь въ томъ родѣ, какъ чугунный былъ.

— Что же, мировой избилъ голаго барина?

— А это ужъ ихъ, господское дѣло: мы неизвѣстны. А главная причина та, что достигла голаго барина Устинья... Баба, дура, а достигла.

— Ну, и что же, голый баринъ жаловался?

— Вотъ тутъ главная причина и вышла: куда жаловаться — и виду не подалъ. А пригласилъ къ себѣ мирового и тоже, напримѣрно, чаемъ давай угощать. Мужики бы опять драться, али по начальству съ жалобами пошли, а господа, видно, поумнѣе: напелъ—молчи, потерялъ—молчи.

Пауза. Новая трубочка. Ѳедотка оборачиваетъ ко мнѣ свое бородатое лицо и говоритъ:

— А я такъ полагаю, ваше благородіе, что дичилъ-то напъ голый баринъ прямо отъ скуки. Не было ему настоящей компаніи... А теперь вотъ мировой ему прямо подъ шерсть выискался: ну, и живутъ душа въ душу: водой не разольешь.

1891.

Да, виновскъ...

Эскизъ.

I.

...Тетя Женя дѣлила людей, т.-е. мужчинъ, на двѣ категоріи. Въ первой помѣщались прекрасные люди во всѣхъ отношеніяхъ, а во второй самые отчаянные негодяи... Середины не существовало. Въ затруднительныхъ случаяхъ тетя Женя поступала такъ: негодяи переводила въ разрядъ праведниковъ чистѣйшей воды, или наоборотъ, причемъ немалую роль игралъ спеціаль-

ный женскій произволъ. Какъ всѣ пристрастные, увлекающіеся люди, тетя Женя вѣрила въ свою непогрѣшимость, а въ сдѣланныхъ ошибкахъ обвиняла кого-нибудь другого. Скажите, пожалуйста, развѣ она виновата, что прекрасный человѣкъ такъ искусно притворяется стьявленнымъ негодяемъ, и наоборотъ? Послѣднее, къ несчастію, случалось гораздо чаще... Эта строгая сортировка добра и зла производилась, конечно, надъ знакомыми, и въ концѣ концовъ зло настолько перевысило добро, что тетя Женя почти отказалась отъ знакомствъ и вела жизнь отшельницы. Это былъ естественный результатъ собственной непогрѣшимости.

Но было одно исключеніе, съ которымъ тетя Женя никакъ не могла сладить... Это исключеніе воплощалось въ родномъ братѣ, Данилѣ Евгеньевичѣ, который никакъ не укладывался ни въ одну изъ вышеупомянутыхъ категорій, потому что являлся настоящей смѣсью всякаго добра и зла. Сколько десятковъ разъ тетя Женя переводила этого брата изъ одного разряда въ другой, и изъ этой трогательной операціи не получалось рѣшительно ничего. Вдумываясь въ истинныя причины этой роковой ошибки, тетя Женя приходила къ немного страннаго заключенію,—именно, что виной всего является богатырскій ростъ Данилы Евгеньевича. Другихъ причинъ не было... Никто не сказалъ бы, что Данила Евгеньевичъ—родной братъ тети Жени. Она такая маленькая, худенькая, сохранившая какую-то дѣвичью стройность и гибкость въ свои пятьдесятъ лѣтъ, а онъ... Впрочемъ, онъ сейчасъ стоитъ передъ сестрой въ полномъ своемъ великолѣпіи.

— Ты посмотри на себя въ зеркало, какое у тебя лицо...—говорила тетя Женя, сдерживая накипѣвшее негодованіе. — Лицо опухло, глаза красные...

— Это отъ желѣзной дороги,—кротко объяснилъ Данила Евгеньевичъ, угнетенно вздыхая; послѣднее было его привычкой.—Попробовала бы ты провести двѣ ночи въ вагонѣ. Я думалъ, что сойду съ ума...

— А буфеты на станціяхъ?

— Я ничего не пью...

— Оно и замѣтно...

Худенькія плечи тети Жени сдѣлали брезгливое движеніе, точно она наступила на что-то ползущее. Тетя Женя, по прямотѣ своей натуры, не выносила ничего ползущаго, и такими именно ползущими ей представлялись всѣ негодяи.

Да, онъ стоялъ передъ ней, и тетя Женя чувствовала, какъ ее начинаетъ все сильнѣе и сильнѣе охватывать безпричинный страхъ, точно въ ея маленькую гостиную самымъ безсовѣстнымъ образомъ вторглось безсовѣстно-громадное, какое-то стихійное зло. Данила Евгеньевичъ не видался съ сестрой цѣлыхъ три года и сильно постарѣлъ за это время. Онъ сгорбился, въ волосахъ уже свѣтилась преждевременная сѣдина, въ которыхъ была замѣтна та мертвая небрежность, которая въ глазахъ тети Жени являлась непростительной, какъ самая яркая характеристика пропащаго человѣка. И это въ сорокъ лѣтъ... Боже мой, какъ пороки быстро старятъ людей! Въ этомъ есть извѣстная справедливость самой природы, которая хочетъ наказать человѣка за нарушеніе ея святыхъ законовъ. Данила Евгеньевичъ давно не былъ въ Петербургѣ, и его неожиданное появленіе взволновало тетю Женю. О, этотъ ужасный человѣкъ пріѣхалъ не даромъ... Вѣдь онъ каждый разъ являлся съ какой-нибудь новой исторіей. Одни вздохи чего стоили.

А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оглядывалъ маленькую гостиную и, кажется, удивлялся, что здѣсь все попрежнему, какъ было годъ и два-

дцать лѣтъ тому назадъ. Тѣ же драпировки, тѣ же ковры, мебель, бронза, картины, цвѣты и цѣлый рядъ фамильныхъ реликвій и сувенировъ, размѣщенныхъ съ величайшей аккуратностью. Тетя Женя пришла бы въ ужасъ, если бы могла понять тайную мысль опаснаго гостя—онъ смотрѣлъ на всю эту обстановку и впередъ жалѣлъ строгую сестру, потому что, все равно, вся эта обстановка въ свое время пойдетъ куда-нибудь въ лавку подержаной мебели, и реликвіи и сувениры очутятся въ грязныхъ рукахъ рыночныхъ маклаковъ. Даніла Евгеньевичъ по натурѣ не былъ злымъ человѣкомъ и впередъ жалѣлъ сестру. Онъ еще разъ вздохнулъ и проговорилъ знакомымъ тетѣ Женѣ убитымъ тономъ:

— Вотъ я и пріѣхалъ... да.

— Я удивляюсь одному, что всѣ другіе пріѣзжаютъ днемъ, а ты непремѣнно пріѣдешь ночью... Скоро одиннадцать часовъ.

— Ахъ, Боже мой... Ты меня готова обвинить даже въ расписаніи желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Да... Можетъ-быть, я же виноватъ, что на улицѣ идетъ дождь со снѣгомъ и на улицахъ грязь?

— Отчасти да... Ты всегда пріѣзжаешь именно въ такую погоду.

Онъ вдругъ засмѣялся. Она всегда не любила, какъ онъ смѣется—въ этомъ смѣхѣ было что-то такое фальшивое и дѣланное. Потомъ онъ смѣялся всегда именно въ тѣ минуты, когда былъ особенно виноватъ. Тетя Женя строго сжала губы, оправила свое темное монашеское платье, а потомъ спросила, стараясь придать голосу равнодушный тонъ:

— И надолго ты осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ?

Этотъ вопросъ неожиданно смутилъ Даніилу Евгеньевича. Онъ сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ шаговъ по комнатѣ, уронилъ какой-то фамильный столикъ, наступилъ на лапу любимому коту Бобику и, поправляя рѣдѣвшіе на макушкѣ волосы, отвѣтилъ:

— Это будетъ зависѣть, сестрица... да... зависѣть... отъ присяжныхъ.

— Что-о?

Тетя Женя даже привскочила на своемъ креслѣ и съ ужасомъ посмотрѣла на ужаснаго братца, точно онъ внесъ сюда какую-то смертельную заразу.

— Да, отъ господъ присяжныхъ...—твердымъ голосомъ повторилъ онъ, дѣлая рѣшительный жестъ.

— Боже мой, этого только недоставало!—стонала тетя Женя, въ ужасѣ закрывая глаза.—Ты... ты подъ судомъ?

— Да... т.-е. видишь ли... Превратность судьбы, одинъ словомъ...

Даніила Евгеньичъ подошелъ, сѣлъ рядомъ и заговорилъ:

— Мнѣ нужно съ тобой серьезно поговорить, сестра... да.

— Не хочу я ничего знать... Ты убилъ кого-нибудь?

— Вотъ ужъ и убилъ сейчасъ,—обидѣлся братъ.—Ты посмотри на меня хорошенько, развѣ я способенъ на убійство?.. Нѣтъ, поговоримъ серьезно...

Онъ придвинулъ стулъ еще ближе. Это начало не предвѣщало ничего добраго, но тетю Женю охватила страстная жажда знать все. Да, все, все...

— Видишь ли, сестрица, никто не желаетъ попадать на скамью подсудимыхъ... да. Каждый старается устроиться непремѣнно лучше, а иногда выходитъ наоборотъ... Иногда на скамью подсудимыхъ попадаютъ совершенно невинные... да, невинные. Могутъ быть такъ называемыя судебныя ошибки, т.-е. когда осуждаютъ именно такого невиннаго человѣка.

— Да не тяни же изъ меня жилы, несчастный человѣкъ!..

— Сейчасъ, сейчасъ...

Понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Видишь ли, если кто можетъ сейчасъ спасти меня, это... это ты.

— Я?!..

— Да, ты... Я буду кратокъ: необходимо внести извѣстную сумму, чтобы погасить одинъ проклятый вексель...

— Мнѣ странно слышать это именно отъ тебя: ты знаешь, какими „суммами“ я располагаю. Другими словами, ты не постыдился заговорить о дѣтскихъ деньгахъ, потому что всѣ мои суммы принадлежатъ дѣтямъ. Это чудовищно, что у тебя могла явиться такая мысль...

— Гм... да... Ты, конечно, по-своему права, сестра. Вѣдь ты святая... Но, съ другой стороны, развѣ дѣтямъ пріятно будетъ носить опозоренное имя? У меня есть нѣкоторыя возможности, чтобы со временемъ вернуть тебѣ позаимствованную сумму. Я возьму деньги только на время и даже могу выдать тебѣ вексель... Ты знаешь мой характеръ: я иногда ошибаюсь, но своему слову не измѣню.

— Не вѣрю, ничему не вѣрю!.. Боже мой, до чего я дожила... Несчастныя дѣти, у которыхъ такой отецъ!..

— Еще одно слово: тебѣ самой будетъ неудобно, когда я буду фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ. Да... Къ твоему несчастію, мы носимъ одну фамилію. И я въ твоихъ же интересахъ...

Это уже было слишкомъ. Тетя Женя вскочила, зажала уши руками и крикнула:

— Ничего не хочу знать!.. Не хочу, не хочу... Ты не носишь фамилію Ракитиныхъ, а тащишь ее по грязи. Самая древняя фамилія—бояре Ракитины состояли окольничими еще при Иванѣ III... Да!.. И вдругъ Данилу Ракитина будутъ судить... Я тебѣ все прощала до сихъ поръ, но это было ошибкой. Я отказываюсь отъ тебя... У меня нѣтъ больше брата. Да...

Онъ поднялся, сдѣлалъ грустно-покорное лицо, досталъ изъ кармана смятый номеръ газеты, положилъ его на столъ и, молча поклонившись, вышелъ.

II.

Тетя Женя провела скверную ночь.

Когда ужасный братецъ вышелъ изъ комнаты, она оставалась нѣсколько времени въ опѣломленномъ состояніи. Потомъ ея вниманіе обратила на себя оставленная имъ газета. Она осторожно взяла ее со стола, развернула и сразу нашла то, что было нужно. Въ отдѣлѣ „провинціальныхъ извѣстій“ была отмѣчена краснымъ карандашомъ цѣлая статья о шайкѣ провинціальныхъ дѣльцовъ. Корреспондентъ горячо описывалъ подвиги этой шайки, называя главныхъ дѣйствующихъ лицъ инициалами, въ числѣ которыхъ былъ и Д. Р—нинъ. Это былъ онъ, Данила Ракитинъ... Чего-чего только ни надѣлали эти господа: тутъ было и поддѣланное духовное завѣщаніе какой-то старушки, и подложные векселя, и обираніе залоговъ у какихъ-то артельщиковъ, и даже продажа чужого парохода. Корреспонденція была проникнута чувствомъ самаго благороднаго негодованія и заканчивалась словами: „Впрочемъ, столица скоро будетъ имѣть счастіе познакомиться со всѣми этими господами, когда они будутъ фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ въ Петербургѣ“. Перечитавъ еще разъ эту корреспонденцію, тетя Женя обратила особенное вниманіе на то, что въ число обвиняемыхъ попали самыя разнообразныя

лица—какой-то статскій совѣтникъ, два еврея, остзейскій баронъ, нотаріусъ, мѣщанская дѣвица, вдова полковника, крестьянинъ. Тетя Женя швырнула газету и заплакала... Господи, для чего существуютъ эти гадкія газеты?.. Сегодня онѣ печатаютъ инициалы, а завтра напечатаютъ полныя имена, и ихъ прочитаетъ цѣлая Россія. Цѣлая Россія будетъ знать, что Данила Ракитинъ судился вмѣстѣ со всѣми этими господами...

— О, Боже мой, Боже мой!—шептала тетя Женя, ломая руки.

Что она могла подѣлать, она, такая хрупкая и безсильная, когда зло было такъ велико и всесильно? Оно вотъ было сейчасъ здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, говорило, улыбалось и затѣвало новое зло.

Кстати, заблудшій братъ пощадилъ ее: онъ ничего не спросилъ о дѣтяхъ и не пожелалъ даже взглянуть на нихъ, сонныхъ. Тетя Женя поняла, что онъ это сдѣлалъ изъ деликатности, чтобы окончательно не убивать ея. Бѣдныя дѣти...

Тетя Женя изъ гостиной прошла въ дѣтскую, гдѣ такъ мирно спали въ своихъ кроваткахъ мальчикъ лѣтъ восьми и дѣвочка лѣтъ пяти. Въ углу предъ образомъ теплилась лампадка, на этажеркѣ были разложены дѣтскія книжки, на полу валялись забытыя игрушки—вообще, дѣтская напоминала уютное гнѣздышко, и тетя Женя каждый разъ входила въ нее съ сознаніемъ какой-то громадной отвѣтственности. Да, она здѣсь нужна. Ея любовь святымъ крыломъ осѣнитъ эти дѣтскія головки; ея любовь отгонитъ отъ нихъ все нечистое и злое. И сейчасъ тетя Женя почувствовала все это съ особенной яркостью и поняла, что не можетъ отдать дѣтскія деньги брату.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...—повторяла тетя Женя про себя.—Этого не будетъ, милыя крошки! А каждый получитъ то, что заслужилъ... Вы не должны ничего знать.

Перекрестивъ спавшихъ дѣтей, тетя Женя прошла въ свою спальню, которая была всегда открыта, и тетя Женя могла слышать каждое движеніе. Вѣдь она жила этой дѣтской, въ ней помѣщалось все, безъ нея для тети Жени жизнь не имѣла бы смысла...

Тетя Женя лежала на своей кровати съ открытыми глазами и съ невольной завистью думала о тѣхъ женщинахъ, у которыхъ хорошіе братья. Вѣдь есть же такія счастливыя женщины... Да. Эти хорошіе братья продолжаютъ семью, заводятъ свои гнѣзда, и жизнь течетъ такъ хорошо, спокойно и просто. Господи, зачѣмъ же у нея такой братъ?.. Бываютъ тяжелыя, неизлѣчимыя болѣзни, и Данила Евгеньевичъ являлся для нея именно такимъ божескимъ наказаніемъ. И раньше она все терпѣла, все переносила и даже находила извиненія, какъ большой ростъ... А теперь... Тетя Женя въ ужасѣ закрывала глаза и чувствовала, какъ ее начинаетъ бить лихорадка.

Въ эту роковую ночь она пережила всю свою жизнь.

Вотъ старое дворянское гнѣздо. Маленькая Женя помнила, какъ родился маленькій братишка Данила. Она носила его на рукахъ еще грудного и всѣхъ забавляла своимъ напряженно-серьезнымъ видомъ. Кто бы могъ тогда подумать, что эта хорошенькая, граціозная дѣвочка няньчила горе и несчастіе всей своей жизни. А это было такъ... Послѣ эмансипаціи все какъ-то пошло подъ гору, и отъ привольной помѣщичьей жизни осталось одно воспоминаніе. Имѣнье было заложено, потомъ умерла мать, и Ракитины очутились въ Петербургѣ, гдѣ собралось столько голодныхъ и жаждущихъ изъ разоренныхъ помѣщичьихъ гнѣздъ. Женѣ было тогда уже двадцать лѣтъ, и на ней лежали всѣ хлопоты и заботы по дому, а между прочимъ и воспитаніе маленькаго брата Даниды. Это былъ способный и ласковый мальчикъ,

подававшій блестящія надежды. Когда теперь тетя Женя вспомнила маленькаго Даниlу, ей казалось, что онъ умеръ, а настоящій большой Данила совсѣмъ другой человѣкъ, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ маленькимъ чуднымъ мальчикомъ, котораго тетя Женя такъ горячо любила. Большой Данила никогда не узнаетъ, что тетя Женя изъ-за него осталась старой дѣвушкой. Онъ не достоинъ это знать... А вѣдь тетя Женя тоже была молода, и ея сердце билось молодымъ чувствомъ. Больше—у тети Жени разыгрался цѣлый романъ. Это случилось вскорѣ послѣ переѣзда въ Петербургъ. Тетѣ Женѣ было всего двадцать лѣтъ. Она была красивая, бойкая, умная дѣвушка. За ней ухаживали. Ей нравился одинъ молодой человѣкъ. Разъ, когда онъ ее провожалъ изъ гостей домой, случилось нѣчто ужасное: онъ ее поцѣловалъ. И она не испытала ни отвращенія ни негодованія, а только виновато опустила глаза. Вернувшись домой, тетя Женя опомнилась. Она не должна была этого позволять. На ея отвѣтственности была вся семья. Она тогда, какъ сегодня, прошла въ дѣтскую и надъ кроватью спавшаго десятилѣтняго Даниlы дала себѣ клятву, что этого не повторится. Тетя Женя плакала и тогда, какъ плакала сегодня. Что было бы съ мальчикомъ, если бы она бросила семью для собственнаго счастья? Вѣдь она замѣняла мать.

Дальше ужъ какъ-то некогда было думать о себѣ. Отецъ былъ боленъ лѣтъ пять, и тетя Женя провела эти годы у его постели, какъ сидѣлка. Затѣмъ, братъ Данила рось, и съ нимъ росли и новыя заботы. Его выгоняли изъ гимназій, съ нимъ вѣчно случались какія-нибудь исторіи, требовавшія самаго дѣятельнаго вмѣшательства тети Жени. Она ѣздила объясняться съ учителями, выслушивала попреки и замѣчанія, унижалась и все-таки довела брата до университета. Здѣсь ея активная роль кончилась. Со второго курса Данила былъ уволенъ за нехожденіе на лекціи и уѣхалъ въ родную усадьбу хозяйничать. Этотъ ударъ для тети Жени являлся только началомъ другихъ ударовъ. Слѣдующимъ была женитьба Даниlы на богатой дѣвушкѣ, сосѣдкѣ по имѣнію. Бракъ былъ неудаченъ, и тетя Женя должна была ѣздить въ имѣніе для примиренія враждовавшихъ сторонъ.

Когда умеръ старикъ-отецъ, тетя Женя очутилась въ полномъ одиночествѣ и рѣшительно не знала, куда ей дѣваться. Жить для себя было уже поздно... Ахъ, какое это ужасное чувство, чувство убыли жизни, того вынужденнаго отдыха, которому не предшествовалъ изнуряющій трудъ. Тетѣ Женѣ стало казаться, что она сдѣлала какую-то громадную и непоправимую ошибку, что она передъ чѣмъ-то виновата. А тутъ еще живыя иллюстраціи знакомыхъ дѣвушекъ, во-время сумѣвшихъ выйти замужъ: у нихъ были свои гнѣзда, дѣти, счастливыя заботы, цѣль жизни. Былъ моментъ, когда тетя Женя стояла на краю мизантропіи и человѣконенавистничества, но ее спасъ неисправимый братецъ, который время отъ времени являлся изъ провинціи съ какой-нибудь новой бѣдой. Послѣдней ступенькой въ этой лѣстницѣ братниныхъ злоключеній было то, что у Даниlы Евгеньевича умерла жена, оставивъ ему двухъ сиротъ. Для тети Жени это было спасеньемъ... Она прибрала сиротъ подъ свое крыло и почувствовала, что живетъ больше другихъ. Дѣти принесли съ собой такой глубокій душевный миръ, наполнили все.

Данила Евгеньичъ очень любилъ дѣтей и увѣрялъ тетю Женю, что будетъ жить только для нихъ. Сначала онъ писалъ каждый день самыя горячія письма, потомъ эти письма стали получаться черезъ два дня, черезъ три, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, и къ концу года совсѣмъ прекратились. Тетя Женя отлично понимала, что это значитъ—Данила Евгеньевичъ нашелъ новое помѣщеніе для своего нѣжнаго сердца и былъ переведенъ въ разрядъ

легкомысленныхъ негодяевъ, гдѣ и оставался около года, пока не явился въ Петербургъ съ повинной.

— Я тебя презираю,—откровенно заявила тетя Женя.—И могу только удивляться твоей смѣлости показываться на глаза собственнымъ дѣтямъ.

Но Данила Евгеньевичъ такъ искренно раскаивался, такъ плакалъ и такъ смѣшно разсказывалъ о своихъ глупостяхъ. Эта дѣтская откровенность который разъ обезоруживала тетю Женю, и она начинала вѣрить въ возможность исправленія. Вѣдь для нея этотъ большой мужчина продолжалъ оставаться десятилѣтнимъ ребенкомъ. Онъ же съ своей стороны относился къ сестрѣ, какъ къ матери, и своей откровенностью убивалъ ее.

— Я ничего слышать не хочу!—протестовала тетя Женя.—Ты такія гадости разсказываешь... Это чудовищно!..

Съ другой стороны, Данила Евгеньевичъ сразу завоевывалъ дѣтей—именно завоевывалъ. Онъ не дѣлалъ ничего особеннаго, но дѣти льнули къ нему, какъ заколдованные. Тетя Женя чувствовала только одно, что достаточно этому ужасному человѣку сказать одно слово, и дѣти промѣняютъ ее. Это было какое-то стихійное тяготѣніе къ мужской силѣ.

Кончилось тѣмъ, что Данила Евгеньевичъ получилъ отпущеніе своихъ прегрѣшеній и, въ качествѣ раскаявшагося, былъ переведенъ въ разрядъ хорошихъ людей. Вѣдь все-таки онъ былъ такой добрый и довѣрчивый, чѣмъ пользовались другіе злые люди.

III.

Тетя Женя забылась только къ утру. Ее разбудилъ какой-то необычный шумъ въ дѣтской. Голосъ старой няни безсильно пропадалъ въ общемъ гвалтѣ. Когда тетя Женя показалась на порогѣ, представилась такая картина: посреди комнаты происходило настоящее ратоборство между братомъ и сестрой, а старая няня никакъ не могла разнять враждующія стороны.

— Дѣти, что такое случилось? Господи, что это такое...

— Мнѣ, мнѣ папа привезъ...—жалобно отозвалась дѣвочка.

— Нѣтъ, мнѣ!—съ бѣшенствомъ заявлялъ мальчикъ.—Мой папа...

— Нѣтъ, мой, мой, мой...

Вся сцена разрѣшилась слезами Кати. Мальчикъ что-то спряталъ за спиной, отодвинулся въ уголъ и принялъ позу человѣка, приготовившагося дорого продать свою жизнь. У него было такое злое лицо. Перепуганная няня кое-какъ объяснила, въ чемъ дѣло. Они, т.-е. баринъ Данила Евгеньевичъ, вызвали ее вчера въ переднюю, когда изволили уходить, и подали какой-то свертокъ, чтобы утромъ передать дѣтямъ. Только и всего. Володя проснулся раньше и завладѣлъ сверткомъ, въ которомъ оказался самый страшный подарокъ: тюрьма, сдѣланная изъ картона. Да, настоящая тюрьма, съ желѣзными рѣшетками и часовымъ у воротъ. Володя былъ въ восторгѣ и разбудилъ Катю. А тутъ и пошла исторія.

— Зачѣмъ же вы не показали сначала мнѣ, няня?—строго спросила тетя Женя.

— Да вѣдь они просили прямо дѣтямъ:..

— Хорошо. Я съ вами потомъ поговорю. Володя, дай сюда эту глупую игрушку...

Тетѣ Женѣ пришлось употребить насиліе, чтобы вырвать у Володи игрушку. Мальчикъ былъ не по лѣтамъ силенъ и оказалъ яркое сопротивленіе.

— Это мнѣ папа привезъ...—повторялъ онъ, дѣлая злое лицо.—Да, папа...

— Хорошо, хорошо... Я съ тобой потомъ поговорю, дрянной мальчишка.

Дѣти еще никогда не видали тетю Женю въ такомъ гнѣвѣ. Она схватила несчастную игрушку, бросила на полъ и принялась топтать ногами. Лицо тети Жени покрылось красными пятнами, такъ что дѣти испугались.

— Въ печь!.. Въ печь!—кричала тетя Женя, когда тюрьма представляла уже собой сплющенную безформенную массу.—Господи, до чего я дожила... Володя, посмотри на себя въ зеркало. На кого ты похожъ...

— Онъ походитъ на папу,—отвѣтила плаксиво Катя.

Мальчикъ озлобленно молчалъ. Онъ, дѣйствительно, поразительно походилъ на отца, что̀ тетя Женя замѣтила только сейчасъ. И у того въ дѣтствѣ бывали такія же вспышки бѣшенства. Господи, неужели и этотъ будетъ повтореніемъ своего несчастнаго отца? Тетѣ Женѣ сдѣлалось такъ страшно, что она выбѣжала изъ дѣтской. Зло было уже въ домѣ, вотъ здѣсь... Оно проникало сквозь стѣны. Тетя Женя чувствовала себя безсильной, и у нея опускались руки. А до чего дошелъ тотъ—онъ не пощадилъ дѣтей, чтобы устроить ей демонстрацію. За что же!.. До какого нравственнаго паденія дошелъ человѣкъ, рѣшившійся на такую выходку... О, это ужасно, чудовищно—этому нѣтъ имени. Тетя Женя заперлась въ своей спальнѣ, чтобы дѣти не видѣли ея слезъ.

Для тети Жени наступили тяжелые дни. Она походила теперь на магнитную стрѣлку, къ которой поднесли кусокъ желѣза. Впрочемъ, о самой себѣ она не думала, какъ всегда, но зато рѣшилась защищать дѣтей до послѣдней капли крови. О, она ихъ не дастъ никому на свѣтѣ...

Тетя Женя устроила изъ своей квартиры настоящую крѣпость, осажденную непріятелемъ. Прислугѣ былъ отданъ строжайшій приказъ не впускать Данилу Евгеньевича ни подъ какимъ видомъ. Старая няня заняла сторожевой постъ. Дѣти больше не выходили гулять, какъ и сама тетя Женя. Необходимо было выиграть время, пока этотъ ужасный человѣкъ будетъ осужденъ самимъ закономъ. Тетя Женя каждое утро теперь получала цѣлый ворохъ газетъ, изъ которыхъ узнавала всѣ подробности готовившагося скандальнаго процесса. Героевъ его газеты уже называли полными именами.

А онъ, этотъ ужасный человѣкъ, видимо не оставлялъ мысли о дѣтяхъ. Бѣгавшая въ мелочную лавочку горничная видѣла, какъ онъ стоялъ вечеромъ на тротуарѣ и заглядывалъ въ освѣщенныя окна. Ужаснѣе всего было то, что дѣти чувствовали его присутствіе. Тетя Женя знала это по безпокойству, которое охватывало ихъ. Особенно волновался Володя, хотя и старался скрыть свое настроеніе. Мальчикъ затаилъ уже сознательно мысль объ отцѣ и сталъ относиться къ воспитательницѣ съ недовѣріемъ. Дѣвочка была откровеннѣе и только смотрѣла на тетю Женю испуганными глазами, въ которыхъ стояла мысль—вѣдь онъ, папа, здѣсь? Вѣдь папа придетъ? Боже мой, какъ мы мало знаемъ человѣческую природу, и сколько въ ней невѣдомыхъ тайнъ...

Нервы тети Жени достигли послѣдней степени напряженія. По ночамъ на нее нападалъ безпричинный страхъ, и она звала старую няню, чтобы та посидѣла у ея кровати.

— Няня, говори что-нибудь... Что̀ хочешь, только говори.

Затѣмъ, проклятое дѣло шайки провинціальныхъ дѣльцовъ неудержимо тянуло къ себѣ тетю Женю, что̀ начинало ее серьезно пугать. Утромъ она едва могла дождаться газетъ и, какъ сыщикъ, разыскивала по всѣмъ столбцамъ новыя подробности. Дѣло все разрасталось, какъ катившійся съ горы комъ снѣга. Тетя Женя успѣла освоиться съ юридической терминологіей и

могла понимать даже то, чего не договаривали газеты. О, этотъ чуждый для нея міръ развертывался теперь предъ ея глазами во всей своей непривлекательной наготѣ. Она начинала понимать ту другую, настоящую жизнь, которая мутной волной катилась гдѣ-то совсѣмъ близко, рядомъ, унося съ собой людей, какъ мусоръ. Ея категоріи добра и зла подвергались большому искушенію... Оказывалось, что между добромъ и зломъ нѣтъ никакихъ предохранительныхъ перегородокъ. Наконецъ тетя Женя, подавленная нараставшей горой зла, начала думать, что, можетъ-быть, и она сама была бы не лучше другихъ, если бы ея жизнь сложилась нѣсколько иначе. Что, напримѣръ, думаетъ сейчасъ братецъ Данила? О, онъ убѣжденъ въ своей правотѣ, какъ и всѣ другіе... Виноваты обстоятельства, которыя сложились немного не такъ, какъ имъ слѣдовало сложиться. И братецъ Данила даже былъ правъ съ своей точки зрѣнія, потому что въ его лицѣ тянули на скамью подсудимыхъ только ничтожную пылинку царящаго зла.

Черезъ двѣ недѣли тетя Женя начала чувствовать, что она сходитъ съ ума по-настоящему. Ей слышались таинственные шаги, чей-то шопотъ, и ей казалось, что она тоже участница шайки. Да, вѣдь это будутъ судить ее, тетю Женю... Даже старушка-няня, и та начинала смотрѣть на нее подозрительно. Тетя Женя это чувствовала и мучилась молча, какъ настоящій преступникъ.

„Ахъ, скорѣе бы!“—съ тоской думала она, просыпаясь утромъ.

Наконецъ наступили и роковые дни суда. Сначала тетя Женя не допускала и мысли о томъ, чтобы итти въ судъ, а потомъ ее неудержимо потянуло туда. Ей хотѣлось видѣть зло въ лицахъ, со всѣми подробностями. Она уже не отдѣляла брата Данилу отъ другихъ, у которыхъ были свои отцы, матери, братья, сестры, знакомые, и эти родственники и близкіе люди мучились такъ же, какъ мучилась она, тетя Женя.

Тетя Женя въ залѣ суда. Толпа любопытной публики, среди которой такъ нетрудно было узнать тѣхъ близкихъ людей, которые мучились вмѣстѣ съ ней. Да, они шли по той же дорогѣ... Вотъ и роковая скамья подсудимыхъ, а на ней цѣлое гнѣздо правонарушителей. Тетя Женя едва узнала брата Данилу, который какъ-то затерялся въ этой толпѣ.

Судъ продолжался цѣлыхъ три дня. Изнемогли судьи, присяжные, адвокаты, подсудимые, публика, и всѣ жаждали только одного, чтобы вся эта пытка закончилась чѣмъ-нибудь. Тетя Женя переродилась за эти дни, точно предъ ея глазами развертывалась листъ за листомъ черная книга жизни, которой она совсѣмъ не знала. Пощады не было, и вещи назывались ихъ настоящими именами. Ясно было одно, что всѣ подсудимые были одержимы мучительной жаждой жизни и не останавливались для ея утоленія ни предъ чѣмъ. Въ сущности братъ Данила игралъ въ дѣлѣ второстепенную и довольно жалкую роль, хотя тетя Женя и вздрагивала каждый разъ, когда называлась фамилія Ракитина. Больше ничего не оставалось...

Подъ конецъ тетя Женя слушала и смотрѣла на все и на всѣхъ почти равнодушно. Она была увѣрена въ обвинительномъ вердиктѣ и только могла удивляться, что все это тянется такъ мучительно-долго.

Наступилъ наконецъ и роковой часъ. Присяжные удалились для совѣщанія. Тетя Женя смотрѣла на подсудимыхъ такими глазами, какъ смотрятъ на покойниковъ. Неужели эти люди могли еще надѣяться на что-нибудь? Наконецъ присяжные вынесли вердиктъ. Публика замерла. Тетя Женя плохо понимала, что читалъ старшина присяжныхъ. Въ публикѣ слышались подавленныя рыданія. Какая-то женщина вскрикнула и упала въ обморокъ. Потомъ предсѣдатель кому-то сказалъ:

— Господа, вы оправданы...

Со скамьи подсудимыхъ отдѣлилось нѣсколько лицъ и шли въ публику. Тетя Женя увидѣла, что въ числѣ оправданныхъ шелъ и братъ Данила. Онъ радостно улыбался и шелъ прямо къ ней, протягивая руки. Но она вспомнила лѣтей, опустила глаза и не подала руки.

— Да, виновенъ...—говорили эти опущенные глаза, твердо сложенныя губы и вся фигура тети Жени.

Данила Евгеньевичъ остановился, посмотрѣлъ на сестру, понялъ все и вышелъ изъ залы съ опущенной головой. Его осудило самое любящее сердце, и онъ еще никогда не чувствовалъ себя настолько виновнымъ, точно самыя стѣны кричали: да, виновенъ... виновенъ...

1895.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Очеркъ.

I.

Маленькій провинціальный театрикъ умиралъ, умиралъ медленной голодной смертью... Смерть во всѣхъ ея видахъ одинаково ужасна, и вездѣ одинаково ей предшествуетъ отчаянная предсмертная агонія. Утопающій человѣкъ хватается за соломинку, богатый больной вызываетъ изъ-за тридевяти земель какое-нибудь медицинское свѣтило и отравляетъ послѣднія минуты своего существованія разной аптекарской дрянью, даже самоубійцы-отравители принимаютъ какое-нибудь противоядіе. Это послѣдняя борьба съ оттѣнкомъ животнаго чувства самосохраненія, когда раздавленный клопъ старается спрятаться въ своей щели. Но когда умираетъ цѣлое учрежденіе—смерть еще ужаснѣе... Разомъ отлетаетъ всякій смыслъ жизни, и предъ этой коллективной смертью нѣмѣетъ самая отчаянная энергія, а надежда, эта кроткая посланница небесъ, улетаетъ, какъ спугнутая птица.

Да, театръ въ Заболотьѣ умиралъ, и Михайла Семенычъ Хромникъ-Закатальскій, подходя передъ каждымъ представленіемъ къ занавѣсу, чтобы посмотрѣть въ дырочку, проверченную въ полотнѣ любопытной половиной человѣческаго рода, на собравшуюся въ театрѣ публику, переживалъ ужасъ смерти какъ-то всей своей антрепренерской кожей. Пустое пространство партера глядѣло, какъ разинутая пасть голоднаго звѣря,—и только кое-гдѣ одиноко сидѣли даровые посѣтители: редакторъ мѣстной газеты, полицейскій приставъ и т. д. Ложи тоже стояли пустыми, за исключеніемъ двухъ-трехъ, гдѣ уныло сидѣли затерявшіяся въ пустомъ пространствѣ головы. Вотъ въ райкѣ такъ всегда толклась та разношерстная, невѣдомая публика, которая отвѣчаетъ благодарнымъ ревомъ на каждую шутку, хохочетъ въ трагическихъ мѣстахъ и въ антрактахъ требуетъ „камаринскую“.

„Нѣтъ, я заставлю васъ ходить въ театръ!..“—сердито думалъ антрепренеръ, отходя отъ занавѣса.

Прежде всего это былъ упрямый антрепренеръ, человѣкъ съ профессіональнымъ самолюбіемъ, какое создается безсовѣтной любовью къ своему дѣлу. Да, Михайла Семенычъ—антрепренеръ и больше ничего, да ничѣмъ другимъ онъ и быть не желаетъ и не желалъ. Онъ глубоко вѣрилъ въ свою миссію и теперь упорно воевалъ съ равнодушіемъ публики. Плотный, коренастый, съ квадратной головой и скуластымъ топорнымъ лицомъ, Хромникъ-Закатальскій выглядѣлъ настоящимъ медвѣдемъ, особенно, когда, сгорбившись, пробирался между кулисами. Говорить онъ не любилъ, а распоряжался въ своемъ мура-

вѣнникѣ молчаливыми жестами, которые отлично понимались всѣми, начиная съ примадонны и кончая театральнымъ ламповщикомъ. Когда старшая дочь Агнеса, выросшая на сценѣ и подававшая всѣ надежды сдѣлаться драматической актрисой, сбѣжала въ оперетку, Михайла Семенычъ только отмахнулъ рукой, точно мимо него пролетѣла муха. А положеніе выходило самое трагическое: на этой Агнесѣ строилось все будущее труппы. Ребенкомъ она изображала „дитя, потерянное въ лѣсу“, потомъ амура, ангела, добрую фею, а отъ ingénue до драматической первой любовницы оставался всего одинъ шагъ. Агнеса и сдѣлала этотъ шагъ, только въ другую сторону, и привела въ отчаяніе всю труппу, кромѣ самого Михайлы Семеныча, который оставался прежнимъ антрепренеромъ-медвѣдемъ. Это былъ вымирающій, рѣдкій типъ, на смѣну которому явились антрепренеры-прощелыги, пронырливые, бойкіе и безсовѣстные во всѣхъ отношеніяхъ. Такіе усовершенствованные новые антрепренеры не платятъ артистамъ, плутуютъ въ контрактахъ и убѣгаютъ отъ собственной труппы, предварительно захвативъ кассу, а Михайла Семенычъ не могъ сдѣлать ничего подобнаго.

Но этотъ крѣпкій и непоколебимый человѣкъ имѣлъ свое слабое мѣсто, о которомъ никто даже не догадывался. Когда онъ возвращался пѣшкомъ изъ своего умиравшаго театра подъ-ручку съ женой (grande-dame), то всю дорогу до квартиры его грызла мысль о больномъ, разбитомъ параличомъ старикѣ-тестѣ, который, сидя въ своемъ креслѣ, терпѣливо ждалъ возвращенія своихъ.

— Поленька, ты тово... пожалуйста... — нерѣшительно говорилъ женѣ Михайла Семенычъ, отыскивая въ темныхъ сѣняхъ ручку дверей. — Не слѣдуетъ безпокоить отца!..

Поликсена Ивановна только грустно вздыхала и дѣлала видъ, что не замѣчаетъ того обмана, какой продѣлывался надъ больнымъ старикомъ ежедневно. Михайла Семенычъ подходилъ къ нему со спокойнымъ, довольнымъ лицомъ и жестомъ давалъ понять, что все обстоитъ благополучно, и даже хлопалъ себя по антрепренерскому карману, въ которомъ должно было сосредоточиваться вниманіе благосклонной публики.

— О, я увѣренъ, что дѣла должны итти хорошо... — бормоталъ успокоенный больной, жившій всего одной половиной своего стараго, изношеннаго тѣла,—другая была недвижима.

— Сегодня полный сборъ, папа...—лгала Поликсена Ивановна, когда не было въ комнатѣ мужа.

— Вижу, вижу, Поля...

Поликсена Ивановна наклонялась къ отцу и особенно нѣжно цѣловала его въ лобъ, а потомъ подкатывала его кресло къ огню,—въ это время, несмотря на поздній часъ, всегда топилась печка, и старикъ любилъ по цѣлымъ часамъ смотрѣть на огонь, согрѣвавшій его остывающее тѣло. Нужно замѣтить, что Поликсена Ивановна и Михайла Семенычъ обманывали старика въ одиночку—лгать вмѣстѣ ихъ удерживала извѣстная щепетильность людей, привыкшихъ уважать другъ друга. Въ большой квартирѣ Михайлы Семеныча въ это время происходило оживленное движеніе. Въ ней безъ малаго помѣщалась вся труппа. Артисты и артистки переодѣвались въ домашніе костюмы, смывали гримъ и, прихлебывая чай, зубрили роли къ слѣдующему дню. Женщины ухаживали за дѣтьми, которыя просыпались именно къ этому времени и заявляли свои требованія на молоко, чай и булку. За ужиномъ собиралась почти вся труппа, и Михайла Семенычъ съ важностью занималъ за обѣденнымъ столомъ свое предсѣдательское мѣсто.

Антрепренерская квартира состояла изъ десяти комнатъ. Она помѣща-

лась въ забронированномъ барскомъ домѣ. Мѣста всѣмъ было достаточно, и комната сбѣжавшей Агнесы оставалась пустой. Михайла Семенычъ самъ заперъ ее на ключъ, и никто не смѣлъ просить ее себѣ. Маленькія дѣти помѣщались въ общей дѣтской, подростки-мальчики въ другой, дѣвочки въ третьей, а у большихъ была у каждаго своя комната, какъ было заведено изстари, когда еще паралличный старикъ стоялъ во главѣ труппы. Въ этомъ муравейникѣ беззаботно подрастали будущіе Гамлеты, короли Лиры, Маріи Стюартъ, Иваны Грозные, Маріи Мнишекъ. Съ дѣтства здѣсь создавалась какая-то театральная атмосфера, и любимой игрой былъ театръ; маленькіе артисты вымазывали лица сажей и рисовальными красками, одѣвались въ простыни и одѣяла и лицедѣйствовали, какъ большіе, особенно, когда ихъ приглашалъ въ свою комнату дѣдушка. Это называлось „генеральной репетиціей“. Больной старикъ былъ совершенно счастливъ и давалъ свои совѣты тономъ стараго антрепренера. Онъ точно оживалъ и лучшимъ артистамъ дарилъ яблоки.

— А что я не вижу Агнесы? — спрашивалъ онъ иногда и получалъ стереотипный отвѣтъ, что она уѣхала гостить въ знакомымъ.

Труппа Хромникъ-Закатальскаго существовала на семейныхъ основаніяхъ, вѣрнѣе—это была одна громадная семья. Въ глухой провинціи еще сохранилось нѣсколько такихъ оригинальныхъ труппъ, какъ послѣдніе обломки добраго стараго времени, хотя они быстро переживаютъ метаморфозу. Ея основателемъ былъ не Михайла Семенычъ и не старикъ Мухояровъ, его тесть—труппа сложилась раньше и лѣтъ пятьдесятъ назадъ уже бродила по всей губерніи. Теперешній паралитикъ, когда былъ антрепренеромъ Мухояровымъ, пользовался большой популярностью и обставилъ свое дѣло очень хорошо. Онъ вызналъ всю губернію, какъ свои пять пальцевъ, и въ свое время былъ уже непремѣнно на своемъ посту: осенью труппа играла въ Заболотьѣ, въ февралѣ перебралась на ярмарку въ Пропадинскъ, послѣ Пасхи ѣхала на воды, а лѣтомъ кочевала по степнымъ глухимъ городкамъ, гдѣ шли въ это время торжки и мѣновая торговля. Мухояровъ отлично зналъ приливы и отливы денегъ въ карманахъ своей публики и также подходящее время для своего репертуара. За тридцать лѣтъ антрепренерства онъ сдѣлался „своимъ“ антрепренеромъ въ этомъ районѣ и хвалился, что создалъ публику. Состарившись, Мухояровъ передалъ антрепризу своему зятю, Михайлѣ Семенычу, а труппа пошла вмѣсто приданаго.

Теперешній составъ труппы твердо хранилъ семейныя традиціи. Поликсена Ивановна была grande-dame, ея братъ Кириллъ Иванычъ игралъ водевильныхъ дядюшекъ и замѣнялъ комика, сестра Капочка играла водевильныхъ штучекъ, мужъ Капочки, Семикъ, резонеровъ и благородныхъ отцевъ, старшая дочь Капочки, Любенька, замѣнила убѣжавшую ingénue и т. д. Изъ посторонннихъ въ труппѣ были только двое: первый драматическій любовникъ Шляхъ-Капорскій и рубашечный любовникъ Громовъ Боярскій. Самъ Михайла Семенычъ игралъ все, что̀ приходилось, и шелъ вообще „на затычку“. Даже чужіе люди, какъ два любовника, не были собственно чужими: Громовъ-Боярскій ухаживалъ за Любенькой, а Шляхъ-Капорскій за Агнесой. Никто въ труппѣ не сомнѣвался, что эти двѣ пары состоятся и труппа впослѣдствіи перейдетъ къ Шляхъ-Капорскому, какъ перешла отъ Мухоярова къ Хромникъ-Закатальскому. У Михайлы Семеныча, какъ человѣка опытнаго, были свои расчеты, и онъ особенно дорожилъ, что въ труппѣ были непремѣнно „свои“ женщины. Поэтому рожденіе каждой дѣвочки составляло общее торжество: изъ дѣвочки вырастетъ большая дѣвушка, а большая дѣвушка и приведетъ въ труппу, смотря по обстоятельствамъ, или комика, или благо-

роднаго отца, или перваго любовника. Актеры-мужчины, оставаясь даже чужими, не портили труппы, а чужихъ женщинъ Михайла Семенычъ боялся, какъ огня, особенно примадоннъ.

Убѣжавшая Агнеса унесла съ собой всѣ семейныя традиціи. Вмѣсто нея играли уже двѣ примадонны, но онѣ принесли столько дрязгъ, раздоровъ и неурядицъ, что Михайла Семенычъ принужденъ былъ отказать имъ, предоставивъ роли Любенькѣ.

— Я лучше самъ буду играть женскія роли, чѣмъ пущу хоть одну чужую бабу, — рѣшилъ онъ разъ и навсегда. А труппа перейдетъ къ мужу Любеньки—его счастье.

О непокорной дочери онъ никогда не упоминалъ, точно она утонула. Плохія дѣла труппы только усугубляли это отцовское горе. Но главное, что убивало Михайлу Семеныча, это былъ параличный старикъ... Какъ ему дѣлалось совѣстно каждый разъ, когда приходилось лгать. Больной Мухояровъ поддавался обману, но, можетъ-быть, онъ уже и догадывается—тѣ же ребятишки пробалтаются. Михайла Семенычъ чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ, какъ лицо, облеченное традиціоннымъ довѣріемъ: труппа была передана ему въ прекрасномъ видѣ, а теперь хоть бросай все. И почему-то всему этому нужно было случиться именно теперь, а не раньше, когда антрепренерствовалъ самъ Мухояровъ?..

„Публика другая, — съ горечью раздумывалъ Михайла Семенычъ и тяжело вздыхалъ.—Подавай новыя декораціи, роскошные костюмы, вообще, обстановку—вотъ что требуется, а не искусство. Новые-то антрепренеры такъ и дѣлаютъ, а мнѣ гдѣ взять. Потомъ это проклятая оперетка...“

Обстановочная роскошь, которой щеголяли новые антрепренеры, покупалась слишкомъ тяжелой цѣной и шла вразрѣзъ со всѣмъ укладомъ семейной труппы. Новый антрепренеръ прежде всего требуетъ отъ своихъ артистовъ костюмовъ, особенно отъ артистокъ: гдѣ хочешь бери, а одѣвайся отлично. Отсюда и явились тѣ нечистыя средства, которыхъ Михайла Семенычъ не могъ допустить у себя. Публика несправедлива, когда требуетъ отъ маленькой провинціальной труппы невозможнаго и притомъ чисто-внѣшняго. Вотъ если бы дѣло коснулось репертуара, тогда другое дѣло: Михайла Семенычъ вылѣзалъ изъ кожи, стараясь разгадать потребности новой публики. Классическихъ пьесъ она не любитъ, на бытовыхъ скучаетъ, отъ драмъ открещивается обѣими руками—остается одна комедія, а ея-то и нѣтъ. Что ни новая пьеса, то и провалъ. Авторовъ не стало, а антрепренеръ виноватъ.

По ночамъ Михайла Семенычъ плохо спалъ и все думалъ, думалъ и думалъ. Однажды онъ даже привскочилъ на кровати, озаренный счастливой мыслью.

— Вотъ это будетъ дѣло!—бормоталъ онъ.—Нѣтъ, я „васъ“ дойму... Вы меня будете знать!..

Увлекшись, Михайла Семенычъ даже погрозилъ въ темнотѣ какому-то невидимому врагу своимъ антрепренерскимъ кулакомъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ всѣ фонарные столбы въ Заболотьѣ были оклеены аршинными афишами, гласившими, что въ непродолжительномъ времени прибудетъ на гастроли „знаменитый артистъ Императорскихъ театровъ Николай Ѳеоѳановичъ Чередовъ“, который, совмѣстно съ труппою Закатальскаго, будетъ имѣть честь дать нѣсколько спектаклей.

— Теперь посмотримъ, чья возьметъ!—повторялъ Михайла Семенычъ, потирая руки отъ удовольствія.—Да-съ... Онъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ фуроръ производилъ. Конечно, до Шумскаго, Садовскаго или Щепкина ему далеко, а все-таки одно имя уже—капиталъ. Посмотримъ.

Маленькій провинціальный антрепренеръ задыхался отъ волненія въ ожиданіи знаменитости. Онъ съ дьявольской ловкостью подхватилъ этотъ лакомый кусокъ и затащилъ-таки въ свою берлогу. Знаменитость поломалась, покапризничала, но наконецъ снисходительно уступила воплямъ и отчаяннымъ мольбамъ погибавшаго захолустнаго антрепренера. Никто не зналъ, сколько самой гнусной лести и унизительныхъ похвалъ расточилъ Михайла Семенычъ, чтобы убить краснаго звѣря. У него были свои расчеты, и онъ впередъ торжествовалъ.

— Папа, мы васъ снесемъ въ театръ на рукахъ,—говорилъ Михайла Семенычъ параличному старику,—вотъ сами увидите, что будетъ... Чередовъ—это силища. Онъ дастъ у насъ десять спектаклей.. Считайте полный сборъ: шесть тысячъ! Охъ-хо-хо... И публика заплатитъ. Положимъ, и наши сборы не дурны, но все-таки до приставныхъ стульевъ еще не доходило, а теперь уже впередъ всѣ ложи разобраны и половина креслъ.

Вся труппа волновалась не меньше антрепренера: предстояло въ первый разъ играть съ настоящей знаменитостью. Особенно безпокоились театральныя дамы и отчаянно зубрили роли.

II.

Наступилъ и знаменательный день пріѣзда Чередова. Всѣ актеры отправились на вокзалъ. Онъ телеграфировалъ, что пріѣдетъ съ вечернимъ поѣздомъ и прямо съ вокзала отправится въ театръ: время знаменитыхъ людей драгоцѣнно. Михайла Семенычъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ ходилъ по платформѣ вокзала, когда издали раздался свистокъ.—поѣздъ выползалъ, какъ чудовищная желѣзная змѣя, изъ небольшого сосноваго лѣса, въ которомъ прятались дачи богатыхъ заболотскихъ обывателей. Ближе, ближе, и—желѣзная змѣя тяжело вползла подъ навѣсъ. Михайла Семенычъ безъ шапки бросился къ вагону перваго класса, гдѣ въ отдѣльномъ купэ мелькнуло знакомое ему по фотографіямъ актерское лицо.

— Николай Ѳеоѳанычъ...—шепталъ антрепренеръ, бросаясь къ ступенькамъ вагона, когда показалась тщедушная фигурка знаменитости.

Это былъ маленькій человѣкъ, сгорбленный и сухой, точно жокей, только-что снятый съ лошади. Некрасивое, утомленное лицо глядѣло тусклыми, большими глазами, которые слезливо прятались въ цѣлой сѣти морщинъ. Сойдя онъ былъ небрежно и спустился со ступенекъ разбитой, больной походкой, тяжело опираясь на камышевую палку.

— Вы меня задушите, голубчикъ...—проговорилъ онъ, вырываясь изъ объятій обезумѣвшаго отъ радости антрепренера.

— Вы мой спаситель, Николай Ѳеоѳановичъ!..

Знаменитость посмотрѣла прищуренными глазами на неистовствовавшаго антрепренера и снисходительно улыбнулась. О, сколько разъ „онъ“ слышалъ именно эту фразу отъ разныхъ чудаковъ, совавшихся головой прямо въ огонь... Но „ему“ тяжелы были даже похвалы. Нужно ѣхать въ театръ. Время дорого.

Театръ, конечно, былъ полонъ. Потребовались приставные стулья. Въ актерской ложѣ сидѣлъ и старикъ Мухояровъ, принесенный въ театръ въ своемъ креслѣ. Онъ съ торжествомъ оглядывалъ глухо шумѣвшую въ партерѣ публику и нѣсколько разъ повторилъ:

— Михайла Семенычъ—умный человѣкъ... да.

Бѣдная Любенька страшно волновалась въ своей бѣдной уборной: ей приходилось играть съ „нимъ“ главную роль. По шуму шаговъ дѣвушка догадалась, что онъ уже въ театрѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, гдѣ помѣ-

щались мужскія уборныя. Поликсена Ивановна и Капочка ползали кругомъ примадонны, какъ двѣ собаки, прикалывая, пришпиливая, примѣривая и снова прикалывая. Конечно, Любенька надѣла свое лучшее платье, но вѣдь весь ея нарядъ—жалкія тряпки сравнительно съ костюмами настоящихъ столичныхъ примадоннъ.

— Готово все?—спрашивалъ змѣинымъ сипомъ Михайла Семенычъ, замѣнявшій сегодня режиссера.

— Любенька, а ты смѣлѣе, — совѣтовала мать Капочки съ своимъ обычнымъ водевильнымъ легкомысліемъ. — „Онъ“ такой же человѣкъ, какъ и мы, грѣшныя. Только и разницы, что „имя“, да денегъ много получаетъ...

Поликсена Ивановна ничего не говорила: она думала о своей Агнесѣ, которая отлично могла бы провести роль. Гдѣ-то она теперь, бѣднячка? Всепрощающее материнское сердце было преисполнено святой тоски. Развѣ можетъ играть Любенька?. Вонъ и Шлихъ-Боярскій надулся, какъ индѣйскій пѣтухъ. Конечно, чужой человѣкъ, какое ему дѣло до труппы.

Шла „Свадьба Кречинскаго“. Знаменитость выступила въ роли Расплюева, какъ всѣ знаменитости. Михайла Семенычъ сто разъ подбѣгалъ къ своему дырявому занавѣсу, смотрѣлъ въ дырочку и не узнавалъ своего оживщаго театра, еще вчера представлявшаго „торричелліеву пустоту“. Да, театръ былъ биткомъ набитъ, и Михайла Семенычъ чувствовалъ себя настоящимъ антрепренеромъ, точно переродился. Вонъ и папа сидитъ въ своей ложѣ,— бѣдный старикъ давно не видалъ такого праздника.

Нужно ли говорить, что „знаменитость“ имѣла успѣхъ въ какомъ-то Заболотьѣ, когда онъ уже былъ обезсоченъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ... Конечно, Расплюевъ былъ великолѣпенъ, и публика неистовствовала, счастливая неподдѣльнымъ, настоящимъ искусствомъ. Вызовамъ не было конца, и бодрившаяся на сценѣ знаменитость едва успѣвала переводить духъ.

— Они меня уморятъ этими проклятыми вызовами... — хрипѣлъ Чередовъ, падая въ уборной на засаленный ситцевый диванчикъ

Онъ былъ жалокъ въ апогеѣ своей славы. Сквозь размалевку выступалъ холодный потъ, руки дрожали, недоставало воздуха, а нужно снять выходить на сцену—тамъ, въ черпѣвшей пасти театральной залы его ждалъ безжалостный и прожорливый звѣрь, именуемый „публикой“. Всѣ болѣзни, нажитыя Чередовымъ во время своего скитальчества, прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ себѣ имя, поднимались въ немъ съ страшной силой, какъ неуловимые кредиторы. Тутъ были и астма, и катарры, и театральные ревматизмы, и еще такія болѣзни, которымъ наука не приберетъ названія. Михайла Семенычъ бродилъ за знаменитостью, какъ тѣнь, и ловилъ каждое его движеніе. Никакая нянька не стала бы такъ ухаживать за больнымъ ребенкомъ, какъ онъ ходилъ за своимъ дорогимъ гостемъ: онъ самъ оживалъ въ немъ, въ этомъ разваливавшемся человѣкѣ, живщемъ только на сценѣ. Для него онъ готовъ былъ истереться въ порошокъ, потому что этотъ человѣкъ властно держалъ въ своихъ дрожавшихъ рукахъ всю публику. Еще есть искусство, еще не пропала драматическая сцена, и пусть публика это чувствуетъ. Даже Любенька, и та точно преобразилась: Михайла Семенычъ только сегодня замѣтилъ, что Любенька красивая дѣвушка, съ такимъ симпатичнымъ, характернымъ личикомъ. Одолѣвавшія ее смущеніе и застѣнчивость движеній придавали ей оригинальную граціозность и прелесть.

— Вы, барышня, принесите мнѣ стаканъ воды...—просилъ Чередовъ, ласково глядя на Любеньку.—Можетъ-быть, мнѣ будетъ лучше.

Много бы сдѣлала Любенька, чтобы ему было лучше. Она вся заалѣлась, подавая воду.

Спектакль сошелъ блистательно. Чередова вызывали безъ конца и вмѣстѣ съ нимъ Любеньку. Михайла Семенычъ удостоился тоже вызововъ за доставленное публикѣ „высокое художественное наслажденіе“. Аплодировалъ даже одной рукой старикъ Мухояровъ: онъ хлопалъ по здоровому колѣнку.

„Ага, донялъ я васъ всѣхъ!..“—думалъ Михайла Семенычъ, продолжая торжествовать.

Послѣ спектакля онъ проводилъ Чередова въ гостиницу, гдѣ былъ приготовленъ особый номеръ для дорогого гостя — Чередовъ выговорилъ себѣ по условію и подъемныя, и проѣздныя, и харчевыя, и Михайла Семенычъ на все соглашался. Когда они остались вдвоемъ, Михайла Семенычъ вытащилъ изъ бокового кармана объемистый пакетъ, набитый засаленными кредитками, и съ дѣловымъ видомъ вручилъ его знаменитости.

— Шестьсотъ? — едва слышно спросилъ Чередовъ, взвѣшивая пакетъ на рукѣ.

— Не трудитесь считать: вѣрно... по условію-съ...

На лицѣ Чередова мелькнуло что-то въ родѣ смущенія, и онъ нерѣшительно проговорилъ:

— Можетъ-быть, это весь сборъ?.. Театръ небольшой...

— Николай Ѳеоѳановичъ, позвольте ужъ мнѣ знать мои расчеты...—съ достоинствомъ антрепренера отвѣтилъ Михайла Семенычъ. — Мы такъ счастливы, Николай Ѳеоѳановичъ... высокое художественное наслажденіе... Такъ сказать, праздникъ искусства!..

— Ахъ, да... Вы правы,—согласилась знаменитость и успокоилась.

Ему-то какое дѣло до этого чудака? Притомъ онъ не навязывался со своими услугами. Чередову понравилась фраза, что у всякаго свои расчеты, конечно, такъ, и ему нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ своего контракта. Кромѣ всего этого, онъ, Чередовъ, страшно усталъ, а завтра утромъ репетиція комедіи „Бѣдность—не порокъ“.

Послѣдовавшіе за первымъ спектакли были рядомъ тріумфовъ; Михайла Семенычъ все смотрѣлъ въ дырочку занавѣса на галдѣвшую въ партерѣ публику и улыбался.

— Папа, билеты расхватаны на три спектакля впередъ!—торжественно заявлялъ онъ тестю, возвращаясь изъ театра.—Да...

Параличный старикъ радостно мычалъ и аплодировалъ по колѣнку своей здоровой рукой. Одна Поликсена Ивановна не раздѣляла этой семейной радости и съ тревогой смотрѣла на мужа.

— Миша, а намъ-то что останется?.. Вѣдь весь сборъ уходитъ этой знаменитости.

— Ахъ, ты, глупенькая: у меня свои расчеты,—отшучивался Михайла Семенычъ, любовно цѣлуя вѣрную подругу своихъ тревожныхъ антрепренерскихъ дней. — Не правда ли, какъ папа повеселѣлъ?.. Онъ, кажется, началъ уже догадываться, что наши дѣла швахъ?.. Ха-ха... А теперь десять спектаклей принесутъ шесть тысячъ: почти нашъ годовой доходъ.

Въ ожиданіи будущихъ благъ Михайла Семенычъ заложилъ въ ссудной кассѣ послѣднее серебро, какое нашлось въ домѣ, и, кромѣ того, прихватилъ на сторонѣ деньжонокъ; нужно было устроить приличный „товарищескій“ обѣдъ Чередову, потомъ поднести ему подарокъ отъ имени труппы за „высокое художественное наслажденіе“ и т. д.

На послѣднемъ спектаклѣ старикъ Мухояровъ опять былъ принесенъ въ

актерскую ложу на своемъ креслѣ и аплодировалъ одной рукой. Михайла Семенычъ въ это время подводилъ счеты. заболотская публика, съ равнодушіемъ которой онъ воевалъ, заплатила за его выдумку 6.232 руб. 75 к. Подведя итогъ. антрепренеръ расхохотался, какъ сумашедшій, и даже напугалъ старушку-кассиршу.

— Михайла Семенычъ, что съ вами?..

— Я? О... ха-ха!.. публика-то, публика-то... охъ. умираю!..

Эти тріумфальные спектакли закончились „товарищескимъ“ ужиномъ Николаю Ѳеофановичу, причемъ шампанское лилось рѣкой. Михайла Семенычъ провозгласилъ спичъ въ честь искусства и за его великихъ представителей. Чередовъ благодарилъ и тоже сказалъ съ передышкой нѣсколько прочувствованныхъ словъ.

Наконецъ все кончилось, какъ кончается все на бѣломъ свѣтѣ, и наступилъ день итога. Чередовъ пересчиталъ въ послѣдній разъ свой гонораръ и замѣтилъ довольно сурово:

— Недостаетъ двадцатипятирублеваго билета, Михайла Семенычъ?..

— Развѣ? Не можетъ быть... — изумился тотъ и принялся обшаривать всѣ свои карманы.—Это какое-то недоразумѣніе... ахъ, чортъ возьми!.. Послушайте, я вамъ вышлю съ слѣдующей почтой.

— Этого у насъ, кажется, не было въ условіи, любезнѣйшій... — сухо отвѣтила знаменитость, съеживая плечи.

Михайла Семенычъ бормоталъ что-то такое жалкое, извинялся, потѣлъ и наконецъ убѣжалъ изъ номера, чтобы заложить свои часы и обручальное кольцо.

— Короче счеты — дольше служба. — замѣтилъ Чередовъ, получивъ по условію сполна.—Теперь мы съ вами въ расчетѣ.

Знаменитость уѣзжала. Вся труппа его, конечно, провожала на вокзалъ, а изъ театральныхъ дамъ участвовала въ этомъ послѣднемъ торжествѣ одна Любенька, Чередовъ самъ просилъ ее объ этомъ одолженіи.

— Я еще желаю выпить стаканъ воды изъ вашихъ рукъ...—говорилъ онъ съ любезностью, свойственной только артистамъ старой школы.

Любенька вся зааллѣлась отъ удовольствія, а Михайла Семенычъ выбивался изъ силъ, чтобы поторжественнѣе проводить великаго человѣку. Когда поѣздъ тронулся, онъ безъ шапки бѣжалъ по платформѣ за вагономъ перваго класса, изъ окна котораго ему кивала голова Николая Ѳеофановича. Наконецъ все было кончено. Публика повалила къ выходу. Михайла Семенычъ отпустилъ свою труппу во-свояси, а самъ еще остался на вокзалѣ съ Любенькой.

— Графинчикъ водки и... больше ничего,—проговорилъ онъ. опускаясь на диванчикъ къ мраморному столику.—Любенька, ты меня извини... усталъ.

Такое приказаніе удивило дѣвушку: Михайла Семенычъ ничего не пилъ. Да и какой-то странный сталъ дядя, вдругъ измѣнился: сгорбился, осунулся, притихъ. Въ залѣ перваго класса за такимъ же столикомъ пили водку какіе-то купцы, и больше никого не было. Михайла Семенычъ выпилъ залпомъ нѣсколько рюмокъ водки, стараясь не смотрѣть на Любеньку, которая сильно была смущена. Официантъ съ салфеткой подъ мышкой стоялъ въ двухъ шагахъ и смотрѣлъ выжидающимъ приказанія взглядомъ. Михайла Семенычъ сдѣлалъ ему знакъ рукой.

— Что прикажете, Михайла Семенычъ?

— Вотъ что, дружокъ,.. — заговорилъ антрепренеръ, ощупывая свою голову. — Если человѣкъ, положимъ, умираетъ, то вѣдь онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, умереть съ честью. Какъ ты думаешь, дружокъ?

— Не нашего ума дѣло, Михайла Семенычъ... Не прикажете ли закусить?..

— Намъ ничего не нужно...—отвѣтила за дядю Любенька. — Дядя, поѣдемъ домой. Пора...

— Нѣтъ, одну минуточку... Мнѣ съ тобой нужно поговорить, Любенька. Да... Домой успѣемъ. Дѣло вотъ въ чемъ, голубчикъ: я разоренъ окончательно... Да. Чередовъ стоилъ мнѣ тысячу рублей дефицита, хотя я и наказалъ публику на шесть тысячъ. Да... Теперь всему конецъ, Любенька .. Стыдно мнѣ передъ дѣдушкой нашимъ, но ничего не подѣлаешь.

Михайла Семенычъ вдругъ заплакалъ, закрывъ лицо руками.

— Дядя, перестань... нехорошо... — лепетала Любенька, наклоняясь къ плакавшему старику.—Можетъ-быть, все понравится...

— Нѣтъ, нѣтъ: я умеръ, Любенька... Конечно, я не обвиняю Чередова, но наша труппа не годится для нынѣшней публики. Это смертный приговоръ... жаль отца...

Хромникъ-Закаталъский былъ правъ. Старикъ Мухояровъ умеръ.. Самъ Михайла Семенычъ поступилъ куда-то чуть не статистомъ.

Такъ кончила свое многолѣтнее существованіе въ Заболотьѣ послѣдняя семейная труппа.

1887.

ПОТАПОВЩИНА.

Очеркъ.

I.

— А ты бы, дѣдка, въ другой разъ и помолчалъ... Каковъ ты есть человѣкъ, ежели разобрать?

— А ты каковъ? Молоко еще у тебя на губахъ не обсохло... Получилъ, а расписаться не умѣешь. Одно слово—щенокъ...

— А ты поговори... Дребезжишь, какъ расколотый горшокъ. И вся-то тебѣ цѣна расколотый грошъ... Давно помирать пора. На томъ свѣтѣ черти съ мѣшками ищутъ...

— Ахъ, Васька, шалыганъ!.. Вотъ тебѣ цѣна такъ дѣйствительно грошъ, да и того напросишься! И ничего ты не понимаешь!.. Какъ есть ничего,— все равно вотъ, какъ пень въ лѣсу!

Васька, у котораго не обсохло молоко на губахъ, свѣшиваетъ свою кудрявую русую голову и дремлетъ. Ругавшійся съ нимъ старикъ моргаетъ слезящимися глазами, потираетъ поясницу и угнетенно вздыхаетъ. И что̀ это поясницу разломило? Надо полагать, что не иначе, какъ къ ненастью... Старикъ и Васька сидятъ на завалинкѣ постоялаго двора, на самомъ солнопекѣ; обоихъ разморило на смерть, и обоимъ лѣнь смертная тронуться съ мѣста. Даже ругаться лѣнь... Мнѣ изъ окна видны ихъ спины и затылки—у старика спина тощая и костлявая, высохшая отъ работы и времени, а Васька толстъ, кряжистъ, съ необъятнымъ затылкомъ. Оба—обозные ямщики. Обозъ привалилъ утромъ, а лошади отдыхаютъ. Вся ямщина спитъ вповалку, кто гдѣ прикурнулъ; въ тѣни вездѣ торчатъ ноги, головы, распластанныя въ изнеможеніи тѣла, точно ихъ только-что разстрѣляли. Одному старику не спится (поясницу съ дороги разломило), а Васька не спитъ зря, по своей молодой глупости. Они ссорятся давно, точно по обязанности, прерывая ругань длинными паузами. Для меня ясно одно—именно, что Васька изводитъ старика съ той молодой жестокостью, которая не думаетъ о собственномъ будущемъ. Дѣло въ томъ, что старикъ изработался, обезсилѣлъ и идетъ въ обозѣ за настоящаго ямщика по милости обознаго старосты. Куда его дѣть, въ самомъ дѣлѣ?.. Сорокъ лѣтъ выходилъ человѣкъ за обозами, а теперь хоть иди по міру. Старикъ сознаётъ, что онъ уже лишній, что его время ушло, но бодрится и принимаетъ беззаботный видъ. Молодые ямщики допимаютъ его своей жестокостью, а онъ огрызается, какъ старая собака, которую гонятъ изъ насиженной конуры. Мнѣ дѣлается жаль вотъ этого старика, какъ изработавшагося человѣка. Онъ жалокъ въ своей безпомощности, тѣмъ болѣе, что еще

вѣритъ въ свою работоспособность и не хочетъ выходить въ тиражъ. Однимъ словомъ, у меня на глазахъ разыгрывалась одна изъ тѣхъ маленькихъ житейскихъ драмъ, которыя вы встрѣтите на каждомъ шагу.

Кстати, постоялый дворъ на большомъ сибирскомъ трактѣ является какимъ-то обломкомъ добраго стараго времени и скоро отойдетъ въ область воспоминаній благодаря быстро возрастающей конкуренціи чугунки, пробравшейся уже въ далекія глубины настоящей „немшоной“ Сибири. У меня сохранилась какая-то родственная симпатія вотъ именно къ этому ветхозавѣтному постоялому двору, отъ котораго вѣетъ далекой стариной и котораго никогда не замѣнятъ щегольскіе вокзалы и пароходныя пристани. Эта симпатія основана просто на той массѣ времени, которая была затрачена мной на сидѣнье по такимъ постоялымъ дворамъ, а затѣмъ—въ нихъ сохранилось что-то патріархально-дѣловое, серьезное, вдумчивое. Посмотрите, какъ мечется толпа пассажировъ гдѣ-нибудь на вокзалѣ—можно думать, что всѣ они вырвались откуда-нибудь изъ тюрьмы, по дорогѣ что-нибудь украли и, вообще, мятутся, подгоняемые нечистой совѣстью. Во мнѣ эта желѣзнодорожная и пароходная сутолока возбуждаетъ непріятное чувство, потому что я самъ начинаю испытывать желаніе куда-то торопиться, бѣжать, вообще сокращать свою жизнь самой безтолковой суетой. Совсѣмъ не то, когда ѣдешь на долгихъ, точно приходишь въ себя послѣ какого-то пожара. Является такая спокойная увѣренность, что раньше времени никуда не ускочишь и что въ свое время будешь въ надлежащемъ мѣстѣ.

Именно такой и былъ постоялый дворъ, на которомъ я отживался сейчасъ, подслушивая лѣнивую ругань ямщиковъ. Просторная изба была пропитана тяжелымъ запахомъ ямщичьей ѣды, мухи носились цѣлыми полчищами, кто-то и гдѣ-то храпѣлъ, постоялая кухарка Аксинья орудовала у своей печи, какъ хорошая ломовая лошадь, съ улицы тянуло лѣтнимъ жаромъ. Изъ окна я могъ видѣть цѣлый рядъ бревенчатыхъ избъ громаднаго трактоваго сибирскаго села, въ которомъ все какъ бы вымерло отъ зноя и лѣтней истомы. Овцы задыхались въ тѣни, собаки лежали съ высунутыми языками, и только куры, какъ какое-нибудь исключеніе третьяго склоненія, бродили по пыльной дорогѣ и съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ отыскивали здѣсь сѣмя, „упавшее при дорогѣ“. Въ самомъ воздухѣ, казалось, была разлита смертная лѣнь и тѣ тихія, тягучія думы, которыя думаются только по безконечнымъ русскимъ дорогамъ.

Итакъ, я сидѣлъ у окна, смотрѣлъ на улицу и тоже не могъ шевельнуться, какъ дремавшіе на завалинкѣ ямщики.

— Дуракъ, право, дуракъ...—заговорилъ неожиданно старикъ, вспоминая давешнюю обиду.—Туда же разговариваетъ!.. Молчать бы, эхъ! да какъ еще молчать-то надо тому подобнымъ молокососамъ. Да и другимъ заказать, чтобы пасть не разѣвали зря... „Я, я“, а гдѣ ты—и неизвѣстно. Рыло вотъ ты себѣ наѣлъ—это есть, потому какъ у тебя одна забота: жрать. Да... А я, можетъ, три путины сломалъ до Иркутскова, всю матушку Сибирь произошелъ да черезъ Уралъ разовъ со сто перевалилъ. А ты со мной разговаривать, неумытый песъ...

Парень Васька что-то мычитъ, встряхиваетъ головой, какъ взнузданная лошадь, а потомъ неожиданно разрѣшается отвѣтной руганью:

— Вотъ я какъ возьму тебя обихаживать, беззубый чертъ... ка-акъ я тебя учну строгать... Перья полетятъ, дымъ пойдетъ изъ тебя...

— Вотъ и опять ты вышелъ дуракъ, Васька!—съ какимъ-то удовольствіемъ отозвался старикъ.—Помянулъ про зубы, а того и не знаешь, что я ужъ тридцать лѣтъ безъ зубовъ за обозомъ хожу.

— За хорошія дѣла вышибли...

— И еще дуракъ, молокососъ!.. Слыхивалъ ты про Евтихія Павлыча Потапова? То-то вотъ и оно-то... А туда же разговаривать. Вотъ бы тебя къ нему въ науку отдать, такъ изъ своей бы кожи выскочилъ да еще перекрестился. Тутъ, братъ, не до зубовъ было... Получше тебя были, да у смерти конецъ видывали.

Этотъ оборотъ разговора совершенно обезкуражилъ Ваську, и онъ только что-то промычалъ. Я былъ радъ за старика и поддержалъ его:

— Это ты про потаповщину, дѣдушка?..

— Про ее, про самую... Я у самого Евтихія Павлыча три года выслужилъ. Значитъ, когда они исправникомъ состояли на тракту... Господи, что̀ только было, что̀ было! Особливо, когда на другомъ концѣ тракта ихній братецъ Антонъ Павлычъ поступили тоже исправникомъ. Прямо сказать—какъ двѣ казни египетскія!.. Что̀ нынче—пустякъ... Наѣдетъ становой, покричитъ, поерошится, и вся тутъ. Одно названіе... А прежде-то, Господи, владыко живота моего!.. Исправникъ по тракту ѣдетъ—все одно, какъ туча градовая идетъ... Гдѣ проѣхалъ, такъ пусто: народъ-то разбѣгался. Я, значитъ, у Евтихія Павлыча три года въ кучерахъ выжилъ и могу сказать, что наглядѣлся-таки достаточно. Всего видывалъ...

— Онъ былъ злой?

— Ни-ни, что̀ вы, баринъ!.. Добрѣющій человѣкъ, а такъ, обязанность такая. Нельзя, законъ требуетъ порядку... Они по закону. Надо вамъ сказать, что Евтихій Павлычъ и ихній братецъ Антонъ Павлычъ выслужились изъ этихъ... Ну, какъ ихъ сказать? Вотъ по дорогамъ съ бумагами скакали, сломя голову... Ироды чистые для насъ, ямщиковъ.

— Фельдъегеря?

— Вотъ, вотъ... Они самые. Евтихій Павлычъ росту высокаго, кулачище у нихъ съ пудовую гирю, ну, какъ саданутъ—душа вонъ. Сколько ямщиковъ однихъ изувѣчили на службѣ. И здоровы!.. Такихъ-то и людей не осталось больше. Такъ, мякина какая-то... А Евтихій Павлычъ добрѣющій былъ человѣкъ, только по службѣ звѣрь-звѣремъ. Ни-ни, Боже упаси...

— Вѣдь его потомъ судили, Евтихія Павлыча?

— Ну, это ужъ по новому закону... На эшафотъ, сказываютъ, вывозили, а потомъ онъ выправился по милостивому манифесту. Такъ вотъ зубы-то онъ у меня всѣ и выбралъ... И не со злости—нѣтъ, а такъ. Ѣдемъ, бывало,—какъ онъ меня саданетъ въ скулу—любого зуба и нѣтъ. Это онъ такъ, забудется, какъ будто опять фельдъегеремъ ѣдетъ. Сейчасъ рубь серебра, сейчасъ стаканъ водки... Такое ужъ положеніе у нихъ было. Ну, у меня въ три-то года всѣ зубы и вылетѣли. Вотъ Васька говоритъ, а настоящаго ничего не понимаетъ. Своего ума къ чужой кожѣ не пришьешь...

Въ Зауральѣ „потаповщина“ представляла собой цѣлую историческую эру. Мнѣ много приходилось слышать о ней, какъ о чемъ-то сказочно-невѣроятномъ. Братья-исправники наводили панику на два уѣзда въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и объ ихъ подвигахъ составилась цѣлая легенда. Простой народъ ввелъ „потаповщину“ въ свою хронологію: до „потаповщины“ и послѣ „потаповщины“. Получалось что-то въ родѣ нашествія двунадесяти языковъ... Меня заинтересовалъ живой свидѣтель этой „потаповщины“, о которой онъ съ добродушіемъ лѣтописца разсказалъ невѣроятныя вещи. Откуда только берется это добродушіе у простого русскаго человѣка!.. Всего удивительнѣе выходило то, что Евтихій Павлычъ все-таки добрый человѣкъ, даже добрѣющій. Тутъ отказывалась работать всякая логика...

II.

Осенью того же года мнѣ случилось быть въ домѣ одной старушки-англичанки, которая жила въ Загорскѣ и имѣла маленькій пансіонъ. На Уралѣ иностранцевъ прижилось достаточное количество, а въ томъ числѣ и англичанъ. Старушку-англичанку звали Евгеніей Ивановной. Это была удивительно хорошая старушка, пользовавшаяся въ городѣ общимъ уваженіемъ. Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ отправлялся къ ней. Въ ея квартирѣ вѣяло чѣмъ-то не нашимъ—ужъ очень чисто и какъ-то особенно уютно, въ то же время строго и солидно. Обстановка была небогатая, не было ненужныхъ дорогихъ пустяковъ, но все было какъ-то умно. Именно вотъ такая мебель и нужна, и ковры, и лампы, и шкапы съ книгами, и рабочій кабинетъ милой старушки, и даже шкапикъ чернаго дерева съ гомеопатіей,—Евгенія Ивановна была гомеопатка и любила лѣчить. Большинство русскихъ дамъ-старушекъ, если у нихъ нѣтъ внучатъ, какъ-то нравственно опускаются и начинаютъ жить по привычкѣ, тяготясь собственной старостью. Онѣ чувствуютъ себя и ненужными и лишними.

Евгенія Ивановна, наоборотъ, и безъ внучатъ сумѣла устроиться такъ, что ея жизнь была полна самой хорошей женской работы. Она всегда была занята, съ утра до вечера, всегда была спокойна и привѣтливо-строга. Слово строгость, пожалуй, невѣрно, какъ и солидность,—это была совсѣмъ особенная, чисто-англійская складка характера, отражавшаяся рѣшительно на всемъ. Отворявшая въ передней дверь горничная уже несла въ себѣ отраженіе этой англійской солидности и совсѣмъ не походила на другихъ загорскихъ горничныхъ, совавшихся попусту, не умѣвшихъ войти и выйти во-время и затрачивавшихъ совершенно напрасно быстроту своихъ ногъ и силу легкихъ. Сервировка чая и обѣда представляла маленькое торжество, и, кажется, даже чайники и тарелки проникались сознаніемъ собственнаго достоинства.

Но всего интереснѣе были воскресные завтраки, когда Евгенія Ивановна являлась въ столовую во главѣ своего „выводка“. Пять-шесть дѣвушекъ разныхъ возрастовъ служили точно живымъ зеркаломъ, въ которомъ отражалась вся Евгенія Ивановна. Не было дѣвичьей конфузливости, смущенія, опущенныхъ глазъ и непрошеннаго румянца, а всѣ чувствовали себя такъ просто, свободно и хорошо. Попасть въ пансіонъ Евгеніи Ивановны было дѣломъ нелегкимъ, и требовались солидныя рекомендаціи. Дѣвушки частью занимались дома, а частью въ мѣстной женской гимназіи. Я любилъ эти воскресные завтраки и заглядывалъ къ Евгеніи Ивановнѣ время отъ времени. Русскія дѣвушки учились здѣсь, какъ дѣлать „home“.

И въ это воскресенье было такъ же, какъ всегда. „Выводокъ“ занималъ свои мѣста, Евгенія Ивановна раздавала порціи воскреснаго ростбифа, наливала кофе и разсказывала уже второй удивительный случай изъ своей гомеопатической практики.

— Какъ вы, Евгенія Ивановна, въ первый разъ увѣровали въ гомеопатію?—спросилъ я.

— Это было давно... Я была очень больна, и врачи приговорили меня къ смерти,—спокойно разсказывала старушка, говорившая по-русски совершенно свободно.—Да, къ смерти... Тогда я обратилась къ врачу-гомеопату Приходитъ господинъ среднихъ лѣтъ, хромой, лысый, кривой на одинъ глазъ и со вставными зубами. Рекомендуется: вотъ вамъ жертва врачей-аллопатовъ... Это было бы, пожалуй, очень смѣшно, если бы я не была такъ больна. Черезъ двѣ недѣли онъ поднялъ меня на ноги, и я не могла не вѣрить въ го-

меопатію, а теперь убѣждаюсь въ ея пользѣ на каждомъ шагу, кромѣ хирургическихъ случаевъ, конечно.

Вѣроятно, выздоровленіе Евгенія Ивановны было простой случайностью, но она такъ хорошо разсказывала объ этомъ, что невольно хотѣлось вѣрить въ торжество гомеопатіи.

Нашъ разговоръ о гомеопатіи былъ прерванъ громкимъ звонкомъ въ передней, такъ что Евгенія Ивановна внушительно посмотрѣла вслѣдъ безшумно удалявшейся горничной. Черезъ минуту горничная подала визитную карточку. Старушка пробѣжала глазами фамилію и чуть-чуть поморщилась.

— Проси сюда...

Въ столовую вошелъ высокій, удивительно красивый старикъ съ какой-то необыкновенной бородой. Это былъ просто красавецъ-мужчина, несмотря на свои подъ шестьдесятъ лѣтъ. Черный сюртукъ сидѣлъ на немъ какъ перчатка. За нимъ нерѣшительно вошли двѣ дѣвушки-подростка, тоже высокія и тоже красивыя. Отецъ, видимо, гордился ими и нѣсколько разъ съ одобрительной улыбкой оглянулся. Вмѣстѣ всѣ трое представляли живую картину, которой можно было только любоваться: могучая мужская старость скрашивалась только-что распускавшейся женской красотой удивительно эффектно.

— Вотъ привелъ, Евгенія Ивановна, познакомить, т.-е. представить вамъ своихъ дѣвушекъ...—красивымъ басомъ проговорилъ старикъ, почтительно цѣлуя руку старушки.—Не знаю, какъ вы найдете насъ, но мы будемъ стараться...

Старушка отрекомендовала гостя, который оказался не кѣмъ инымъ, какъ знаменитымъ исправникомъ Евтихіемъ Павлычемъ Потановымъ, уволеннымъ со службы по третьему пункту и съ преданіемъ уголовному суду. На меня его появленіе произвело такое же впечатлѣніе, какъ если бы къ намъ въ столовую вошелъ большой хищный звѣрь. Въ моей головѣ пронеслись десятки разсказовъ о тѣхъ безобразіяхъ, которыя совершалъ вотъ этотъ самый красавецъ-старикъ, до беззубаго старика-ямщика включительно. Я такъ и впился въ него глазами, напрасно стараясь отыскать въ лицѣ, во взглядѣ глазъ, въ голосѣ, въ движеніяхъ, даже въ костюмѣ хоть что-нибудь, что говорило бы о звѣрѣ. Какъ есть ничего звѣрскаго, а напротивъ—самая подкупающая наружность. Кстати: какъ несправедлива иногда бываетъ природа, которая точно въ насмѣшку награждаетъ поэта вульгарнымъ лицомъ, умнаго человѣка дѣлаетъ уродомъ, ученому человѣку даетъ наружность тургаша, герою отпускаетъ маленькій ростъ какой-нибудь человѣческой ничтожности, добраго человѣка украшаетъ звѣрской физіономіей, а отъявленнаго негодяя и мерзавца снабжаетъ habitus'омъ праведника первой воды. Разсматривая бывшаго исправника Потанова, я именно занятъ былъ мыслью объ этой роковой несправедливости. Наконецъ, человѣкъ-звѣрь долженъ сказаться хоть въ дѣтяхъ, а тутъ двѣ такихъ чудныхъ красавицы, хоть пиши съ нихъ картину.

Евгенія Ивановна, кажется, поняла мое настроеніе и вопросительно посмотрѣла въ мою сторону. Разговоръ вообще какъ-то не вязался. Старушка приласкала дѣвушекъ, и я удивился, что она точно смущалась собственной ласки. Скоро старый исправникъ распрощался. Мнѣ показалось, что онъ почувствовалъ свою „неумѣстность“. Уходя, онъ принялъ опять гордую осанку и съ скрытымъ торжествомъ посмотрѣлъ на своихъ красавицъ-дочерей.

Завтракъ кончился. „Выводокъ“ исчезъ. Евгенія Ивановна вдругъ приняла усталый видъ, что съ ней вообще не случалось.

— Вамъ нездоровится?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего...

Она посмотрѣла на меня въ упоръ и проговорила съ разстановкой:

— Васъ удивляетъ, что этотъ Потаповъ появился у меня? И меня это удивляетъ... Знаете, когда черезъ знакомыхъ я узнала о его желаніи помѣстить своихъ дочерей у меня—я даже испугалась въ первую минуту. Да... И наотрѣзъ отказала. Потомъ онъ самъ пріѣхалъ... Я его два раза не приняла. Потомъ онъ какъ-то нахально забрался ко мнѣ... Есть такое особенное добродушное нахальство, противъ котораго ничего не подѣлаешь... да. Я много дурного слышала о немъ и приняла его очень, очень сухо... Другой бы на его мѣстѣ глазъ не показалъ, а онъ опять пріѣхалъ. И знаете... Вышла очень странная сцена, почти невѣроятная. Онъ буквально на колѣняхъ ползалъ у моихъ ногъ, цѣловалъ мои руки и со слезами на глазахъ просилъ о дочеряхъ. Я ему въ глаза сказала, за кого его считаю...

— И?..

— Онъ засмѣялся... Представьте: онъ засмѣялся. А потомъ говоритъ: „вы на моемъ мѣстѣ, можетъ-быть, были бы хуже“... Потомъ... эти дѣвочки... Вы видѣли, какія это чудныя красавицы? У меня точно что оборвалось тамъ, въ груди, когда я увидѣла этихъ дѣвочекъ. Это несправедливое, даже обидное чувство... Впрочемъ, вы видѣли, какъ мнѣ давеча трудно было выдержать характеръ. Я была недовольна собой и чувствовала, что меня перестанетъ уважать собственная горничная...

Что было сказать на это,—чудная старушка оставалась вѣрна самой себѣ до послѣдняго слова. Я просто любовался ею, тою хорошей любящей тревогой, которую подняли въ ея душѣ эти дѣвушки.

— Знаете, я думала: чѣмъ онѣ-то виноваты?—продолжала старушка взволнованнымъ голосомъ.—Да, чѣмъ виноваты? Онѣ любятъ отца, и онъ ихъ любитъ... Вы сами видѣли. И вдругъ онѣ узнаютъ, что онъ такое... У меня давеча все сердце изболѣло за нихъ, и я чувствовала, что начинаю ихъ любить...

— Мнѣ интересно, Евгенія Ивановна, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ самъ Потаповъ. Сознаюсь откровенно, что мнѣ было все время какъ-то не по себѣ, пока онъ былъ здѣсь... Можетъ-быть, я смотрю съ предубѣжденіемъ...

— Я сначала его боялась... да. Потомъ собрала подробныя справки о немъ... И, представьте себѣ, общій отзывъ о немъ самый хорошій. Сначала это меня удивило, а потомъ...

Милая старушка даже вздохнула, а потомъ, махнувъ рукой, прибавила:

— Это какая-то роковая черта вашего русскаго характера... Вчера звѣрь, потому что этого требуетъ какая-то глупая служба, а сегодня совсѣмъ приличный человѣкъ... Онъ меня купилъ своей беззавѣтной любовью къ дѣтямъ. Представьте себѣ, какъ онъ хорошо говоритъ, что онъ желаетъ изъ нихъ сдѣлать... Во-первыхъ, дать образованіе, хорошее направленіе, твердыя правила и, главное, уединить ихъ отъ всего такого... Вы понимаете, что я хочу сказать? Ну, войдите въ мое положеніе!.. Онъ—лучшій отецъ... Меня мучитъ моя собственная раздвоенность по отношенію къ нему, и я боюсь быть несправедливой. Знаете, это такъ легко... ахъ, какъ легко...

— Все это такъ, Евгенія Ивановна, но...

Старушка поднялась, выпрямилась и, оглянувшись на дверь, проговорила:

— Знаете, какъ я боюсь быть несправедливой... да. А эти дѣвочки... Нѣтъ, я не знаю, что со мной дѣлается... Я ихъ вотъ сейчасъ люблю... Давеча я была съ ними сдержанна, но мнѣ измѣняетъ мой характеръ. Въ нихъ столько этой нетронутой стихійной силы... Весь вопросъ въ томъ, куда на-

нравить эту силу. Изъ нихъ выйдутъ чудныя женщины, ваши русскія женщины... Я могу только удивляться вамъ, русскимъ, въ которыхъ такъ удивительно перемѣшано добро и зло.

Когда я смотрю на русскую толпу, я почему-то всегда припоминаю „потаповщину“. Кликните кличъ, и изъ этой толпы явятся сейчасъ залихватскіе сибирскіе исправники, опричнина и что̀ хотите, включительно до хорошихъ людей. Старушка-англичанка недаромъ такъ хорошо печалилась о странномъ русскомъ характерѣ...

1897.

ПРОФЕССОРЪ СПИРЬКА.

Разсказъ.

I.

Марья Павловна проснулась позднѣе обыкновеннаго, потому что устала съ дороги. Окно спальни оставалось открытымъ, и въ него вливалась живительная волна настоящаго деревенскаго воздуха. Весеннее солнечное утро точно дыханіемъ старалось отогрѣть старую башиловскую усадьбу.

Когда на звонокъ вошла горничная Ирина, Марья Павловна посмотрѣла на нее съ улыбкой и спросила:

— Хорошо, Ирина?

— Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо, барыня...

— А дѣти?

— Барышня на террасѣ кушаютъ парное молоко, а молодой баринъ на дворѣ гуляютъ.

Горничная посмотрѣла на барыню съ нѣкоторымъ удивленіемъ, хотя и не рѣшилась отвѣтить улыбкой. Барыня была не злая, но вся какая-то холодная. Она никогда, напримѣръ, не разговаривала съ прислугой; хотя по-своему и любила Ирину, какъ опытную и выдержанную горничную, понимавшую ее по движенію глазъ.

— А баринъ Александръ Валерьяновичъ?—спросила Марья Павловна,— она всегда называла мужа по имени и отчеству.

— Они встамши... съ управляющимъ Семеномъ Иванычемъ разговариваютъ...

Марья Павловна принялась торопливо совершать свой сложный туалетъ, что занимало по утрамъ около двухъ часовъ времени. Въ городѣ она каждое утро принимала холодную ванну, а въ деревнѣ разсчитывала прямо на купанье въ рѣкѣ. Сейчасъ ей было около сорока лѣтъ, но она оставалась еще красивой слѣдами недавней красоты. Высокаго роста, статная, съ небольшой головой, она теряла только отъ начинавшейся брюзглости, которая портила ей шею и особенно лицо. Наплывали мѣшки подъ глазами, на подбородкѣ, на щекахъ, что ее злило. Кстати, особенностью Марьи Павловны было то, что она умѣла какъ-то красиво злиться—темные глаза дѣлались больше, ноздри небольшого правильнаго носа раздувались, черныя, большія брови грозно надвигались, вся фигура вызывающе выпрямлялась. Въ минуты такого краснаго гнѣва Александръ Валерьянычъ благоразумно старался не попадаться на глаза женѣ, великодушно предоставляя другимъ принимать его на себя. Добродушный и безхарактерный толстякъ вообще хитрилъ, сознавая передъ нравственной

силы на сторонѣ жены. Спасительное чувство страха онъ началъ испытывать еще въ то время, когда состоялъ женихомъ. Впрочемъ, Марья Павловна никогда не злоупотребляла своей женской властью, особенно при постороннихъ людяхъ, когда повторяла стереотипныя фразы:

— Александръ Валерьянычъ всегда такъ говоритъ... Я не знаю, какъ на это взглянетъ Александръ Валерьянычъ... У него, знаете, немного властный характеръ, хотя всѣ и считаютъ его добрякомъ...

Эта маленькая комедія проходила черезъ всѣ годы супружества, такъ что и самъ Александръ Валерьяновичъ иногда считалъ себя нѣсколько деспотомъ. Такъ, напримѣръ, нынѣшній переѣздъ на лѣто въ забытую и запущенную дѣдовскую усадьбу Башиловку онъ всецѣло приписывалъ собственной иниціативѣ, хотя въ этомъ случаѣ скромно исполнялъ волю жены, а Марья Павловна, въ свою очередь, убѣжденная, что дѣйствуетъ по собственному желанію, въ сущности исполняла волю старой няньки Аграфены Карповны. Хитрая старуха изъ бывшихъ дворовыхъ сумѣла подчинить себѣ капризную барыню, и ея вліяніе росло по мѣрѣ того, какъ барыня старилась. Старуха была живой лѣтописью стариннаго рода Башиловыхъ, и Марья Павловна любила слушать ея безконечные разсказы о старинѣ, когда и хлѣбъ былъ дешевый, и народъ былъ благочестивѣе, и настоящіе господа жили по своимъ дворянскимъ гнѣздамъ въ полную свою барскую волюшку, а главное — „черная кость“ родилась, жила и умирала съ мыслью, что она самимъ Богомъ создана съ спеціальной цѣлью служить господамъ. Башиловское имѣніе представлялось по этимъ разсказамъ чѣмъ-то въ родѣ земного рая. Аграфенѣ Карповнѣ просто хотѣлось „подъ конецъ жисти“ побывать на родинѣ, гдѣ въ Башиловкѣ у нея еще оставалась какая-то дальняя деревенская родня.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Марья Павловна разыграла цѣлую комедію.

— Александръ Валерьянычъ непремѣнно хочетъ въ деревню,—объясняла она знакомымъ, дѣлая трагически-покорнсе лицо.—А знаете, когда мужчина что-нибудь захочетъ... да... И знаете, какая мысль пришла ему въ голову? Говоритъ, что необходимо сдѣлать нашего Чарли настоящимъ русскимъ человѣкомъ. Мы вѣдь объѣхали всю Европу, жили и въ Швейцаріи, и въ Италіи, и въ Парижѣ,—однимъ словомъ, вездѣ, а въ Россіи только на Кавказѣ и въ Крыму. Александръ Валерьянычъ рѣшилъ, что Чарли превращается въ какого-то космополита и не будетъ любить Россіи, если не поживетъ въ настоящей русской деревнѣ, среди простыхъ русскихъ поселянъ.

Эти разговоры велись въ присутствіи самого деспота, который подтверждалъ явную ложь жены одобрительнымъ молчаніемъ. Въ сущности онъ даже побаивался деревни, потому что отлично помнилъ волненіе башиловскихъ мужиковъ при реализаціи уставной грамоты, а затѣмъ второй башиловскій бунтъ, когда по желанію Марьи Павловны назначенъ былъ главнымъ управляющимъ курляндецъ Оскаръ Осипычъ Гужель, имѣвшій спеціальную миссію подтянуть Башиловку на нѣмецкій ладъ. Крестьяне чуть не убили курляндца, и пришлось его замѣнить въ Башиловкѣ вторымъ управляющимъ, Семеномъ Иванычемъ, своимъ человѣкомъ, выбившимся въ люди изъ крѣпостныхъ конторщиковъ. У Семена Иваныча все пошло, какъ по маслу, потому что онъ обѣщалъ все, что у него просили, и никогда не исполнялъ своихъ обѣщаній. Побѣжденные этимъ макіавелизмомъ крестьяне прозвали его „седьмой пятницей“.

Пока барыня одѣвалась и приводила себя въ порядокъ, баринъ сидѣлъ на крылечкѣ управительскаго флигелька и велъ дѣловую бесѣду съ Семеномъ Иванычемъ, сухимъ, жилистымъ старикомъ въ старомодномъ длинномъ сюртукѣ.

Управляющій изъ уваженія стоялъ передъ бариномъ безъ шапки, заложивъ руки за спину.

— Ну, такъ какъ, Семенъ Иванычъ?—спрашивалъ баринъ въ десятый разъ, попыхивая папиросу.

— Ничего, слава Богу, ваше превосходительство-съ... живемъ...

— А какъ относительно потравъ... лѣсныхъ порубокъ... воровства?..

— Случается, а промежду прочимъ все благополучно.

— Крестьяне довольны?

— Даже весьма довольны...

— Такъ... такъ...

Дѣловой разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ, причемъ Семенъ Иванычъ безъ зазрѣнія совѣсти сыпалъ ничего не значащими словами и фразами. Баринъ хотя и генералъ, а понятія никакого не имѣлъ,—это знала вся дворня и не ставила барина ни въ грошъ. Семенъ Иванычъ помнилъ его отлично еще мальчикомъ, когда Александръ Валерьянычъ бѣгалъ въ красной канаусовой рубашкѣ, и тогда онъ не пользовался уваженіемъ за мягкость своего характера. Александръ Валерьянычъ выросъ въ Башиловкѣ и помнилъ въ запущенной усадьбѣ каждый уголокъ. Ему было и пріятно и какъ-то немного жутко: онъ уже чувствовалъ приближеніе старости, о чемъ особенно краснорѣчиво говорили стѣны этого стараго дворянскаго гнѣзда, освѣщеннаго воспоминаніями далекаго дѣтства.

— Ну, такъ какъ, Семенъ Иванычъ? — спросилъ еще разъ Александръ Валерьянычъ, закуривая новую папиросу.

Семенъ Иванычъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но увидалъ въ калиткѣ сада бѣлое платье и со страхомъ прошепталъ:

— Ихъ превосходительство Марья Павловна...

Александръ Валерьяновичъ быстро поднялся и пошелъ черезъ дворъ къ женѣ. Она встрѣтила его довольно сухо и проговорила:

— Что это за амикошонство, Александръ Валерьяновичъ? Управляющій могъ прійти къ вамъ въ кабинетъ, а то сидѣть на крылечкѣ... на виду у всѣхъ... Однимъ словомъ, васъ не будутъ уважать.

— У меня былъ дѣловой разговоръ... по хозяйству... Конечно, можно было разговаривать и въ кабинетѣ, но это пахнетъ канцеляріей. Мой отецъ тоже вотъ такъ любилъ сидѣлъ на крылечкѣ, когда разговаривалъ съ управляющимъ.

— Тогда было другое время,—отвѣтила уже другимъ тономъ Марья Павловна и даже легонько вздохнула.

Супружескій разговоръ былъ нарушенъ появленіемъ няньки Аграфены Карповны, еще бодрой старухи съ хитрыми сѣрыми глазами. Она поднялась чуть свѣтъ и успѣла осмотрѣть всю усадьбу, охая и вздыхая. Кругомъ все было полно для нея дѣвичьихъ воспоминаній, и было о чемъ вздохнуть. Ее провожалъ Семенъ Иванычъ, котораго собственно она и поставила въ управляющіе по старой дворовой памяти.

— Марья Павловна, соблаговолите допустить къ ручкѣ вашего управляющаго,—заговорила она вкрадчиво.

— Зачѣмъ это?

— А ужъ это такъ полагается... по старинкѣ...

II.

Марья Павловна испытала брезгливое чувство, когда къ ея холеной, барской рукѣ наклонилась сѣдая голова Семена Иваныча, отъ которой такъ и пахнуло прогорклымъ коровьимъ масломъ.

— Ежели вашему превосходительству будетъ угодно осмотрѣть всю усадьбу...—предлагалъ Семенъ Иванычъ, отступая на приличное разстояніе.— И хозяйство при этомъ... Конечно, все въ умаленіи противъ прежняго... требуется ремонтъ... усадьба рушится-съ...

Хорошее расположеніе Марьи Павловны сразу исчезло. Аграфена Карповна предупреждающе заморгала Семену Иванычу глазами. Вѣдь говорила она, чтобы о деньгахъ и помину не было... Не любитъ этого генеральша до смерти. Скупенька, грѣшнымъ дѣломъ. Семенъ Иванычъ и самъ почувствовалъ, что проврался, но глупое слово было сказано.

— Подожди, дай барынѣ кофею откушать, — поправила его Аграфена Карповна.—Еще успѣется

— Гдѣ дѣти, няня?—спросила Марья Павловна, отпуская управляющаго движеніемъ руки.

— Барышня изволятъ въ саду гулять съ гувернанткой, а молодой баринъ гдѣ-то на заднемъ дворѣ...

— А мистеръ Арчеръ?

— Ходилъ купаться, а сейчасъ моется и чистится... Извѣстное его положеніе. Живетъ женихомъ, ну, и больше всего себя соблюдаетъ, а сейчасъ, сердешный, съ гирями своими мается.

Старинная терраса, выходившая въ садъ, имѣла довольно жалкій видъ. Полъ давно расщелился и мѣстами прогнилъ, а мѣстами былъ покрытъ заплатами изъ новыхъ досокъ. Расшатанный балясникъ былъ поправленъ на скорую руку и покрытъ лупившейся свѣжей краской. Балконныя двери опустились, деревянныя ступеньки покосились и т. д. Передъ террасой когда-то былъ разбитъ великолѣпный цвѣтникъ, а сейчасъ кое-какъ возстановлены двѣ-три жалкихъ клумбочки. Ремонтъ усадьбы къ пріѣзду господъ производился своимъ деревенскимъ средствіемъ, чтобы не затрачивать денегъ.

Утренній кофе Марьи Павловны составлялъ въ нѣкоторомъ родѣ священнодѣйствіе, и она не любила, чтобы его торжественность нарушали дѣти. Ихъ кормили и поили раньше. Горничная Ирина выучила свою барыню, какъ таблицу умноженія, и отлично знала, чѣмъ и какъ ей угодить. Гвоздемъ сегодняшняго кофе были настоящія деревенскія сливки. Накатившійся на генеральшу „дурной стихъ“ сразу исчезъ, когда она попробовала первую чашку своего утренняго кофе.

— Вотъ это я понимаю...—обратилась она къ мужу. — Отчего у насъ, въ Петербургѣ, ни за какія деньги не достанешь такихъ сливокъ?

Александръ Валерьянычъ оказался не на высотѣ призванія и только развелъ руками. Онъ былъ тоже доволенъ.

Когда появился мистеръ Арчеръ, типичный молодой англичанинъ, выхоленный, откормленный, самодовольный, Марья Павловна пришла окончательно въ хорошее расположеніе. Дѣло въ томъ, что Аграфена Карповна „тайно ненавидѣла“ этого жениха, какъ она называла англичанина, и всячески старалась подпустить ему какую-нибудь старушечью каверзу. Мистеръ Арчеръ дѣлалъ видъ, что совсѣмъ ея не замѣчаетъ, и каждый разъ спрашивалъ, когда она входила, безцеремонно тыкая пальцемъ по ея адресу:

— Кто эта женщина?

Сегодня это вышло особенно смѣшно, и Марья Павловна только изъ вѣжливости не расхохоталась. Старая нянька смотрѣла на „жениха“ съ особеннымъ ехидствомъ и что-то ворчала себѣ подъ носъ. Между прочимъ, мистеръ Арчеръ пользовался общей ненавистью всей прислуги, потому что онъ относился ко всѣмъ съ чисто-англійскимъ высокомѣріемъ и не считалъ даже

за людей. На вопросъ Марьи Павловны, какъ онъ нашелъ ихъ имѣніе, мистеръ Арчеръ только пожалъ плечами...

— Да, оно немного запущено...—оправдывалась Марья Павловна.—Мы сами виноваты, что долго въ немъ не жили.

Въ штабѣ Марьи Павловны мистеръ Арчеръ занималъ первое амплуа, какъ воспитатель ея единственнаго сына Бориса (его ради англоманства всѣ называли Чарли), которому онъ долженъ былъ дать англійскій закалъ характера. Чарли было уже десять лѣтъ. Это былъ откормленный, крупный, добродушный ребенокъ, который послѣдовательно переносилъ на себѣ разныя системы воспитанія, смотря по настроенію мыслей своей maman. Сейчасъ онъ находился въ періодѣ англійскаго режима. Требовательная и властная по натурѣ Марья Павловна относилась къ мистеру Арчеру съ преступной снисходительностью. Онъ въ ея присутствіи сидѣлъ, заложивъ нога за ногу, и даже чистилъ ногти. Сейчасъ, напримѣръ, мистеръ Арчеръ совсѣмъ не интересовался, гдѣ пропадалъ его воспитанникъ, пренебрегая своими прямыми обязанностями, а Марья Павловна не рѣшалась въ его присутствіи послать няню или Ирину разыскать Чарли. А вдругъ гордый сынъ Альбіона обидится...

Кончивъ кофе, Марья Павловна поднялась и, извинившись, что должна пойти познакомиться съ нѣкоторыми подробностями молочнаго хозяйства, отправилась въ сопровожденіи Аграфены Карповны на скотный дворъ.

— Женихъ-то хоть бы спросилъ про барича... — ворчала старуха, слѣдуя за барыней на приличномъ разстояніи.—Идолъ англицкій...

Хитрая старуха отлично понимала всю бабью политику своей барыни. Молочное хозяйство было только предлогомъ, чтобы разыскать забѣжавшаго невѣдомо куда барченка. Марья Павловна шла храбро впередъ, подбирая накрахмаленный батистовый капотъ. Усадьба раскинулась на большомъ разстояніи, причемъ скотный дворъ занималъ самый дальній уголъ. Семенъ Ивановичъ кое-гдѣ поправилъ мостики, посыпалъ пескомъ заставшія травой дорожки—этимъ ремонтъ и ограничился. Когда-то баниловскій скотный дворъ славился на всю округу. Въ длинныхъ каменныхъ корпусахъ стояло до двухсотъ коровъ, а рядомъ тянулись конюшни. Сейчасъ все разрушалось, и едва хватало мѣста для десятка выродившихся коровенокъ и такого же количества рабочихъ лошадей.

— А вотъ и нашъ баричъ...—проговорила Аграфена Карповна, указывая на каретный сарай.

Марья Павловна остановилась, не рѣшаясь итти къ каретнику, гдѣ конюха мыли дорожную коляску, а на лавочкѣ сидѣлъ главный выѣздной кучеръ Спиридонъ. Но она вспомнила, что сейчасъ она матушка помѣщица, какъ навеличивала ее Аграфена Карповна, а потомъ ее заинтересовало, что могъ тутъ дѣлать Чарли. Ее немного кольнуло, что Спиридонъ сидѣлъ, покуривая коротенькую трубочку, а Чарли стоялъ передъ нимъ.

Неожиданное появленіе барыни произвело переполохъ. Богатырь Спиридонъ поднялся, конфузливо пряча трубочку за спину. Это былъ типичный кучеръ изъ ярославцевъ: рослый, съ окладистой, темной бородой, съ темными кудрями, выглѣвшими изъ-подъ кучерской шапки бархатной, съ румянымъ лицомъ и волосатыми, дюжими руками. Марья Павловна боялась лошадей и поэтому любила богатыря Спиридона особенно вотъ за эти могучія руки. Впрочемъ, она знала только его спину, раздутую кучерской „толщиной“, и видѣла въ нормальномъ видѣ въ первый разъ, что ее даже немного смутило, какъ смутилъ бы видъ голаго человѣка.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—обратилась она по-англійски къ Чарли.

— Я... я такъ, мама... — по-дѣтски отвѣтилъ мальчикъ, глядя на нее своими отцовскими, добрыми глазами, еще полными дѣтской свѣжести.

— А кто тебѣ позволилъ итти сюда?

— Мистеръ Арчеръ еще спалъ...

Чарли вопросительно посмотрѣлъ на Аграфену Карповну, точно искалъ у нея защиты. Старуха не знала по-англійски, но по тону поняла, въ чемъ дѣло, и проговорила:

— Лошадокъ барину хотѣлось посмотрѣть, барыня...

Марья Павловна не любила, когда прислуга вмѣшивалась въ разговоръ, но на этотъ разъ не разсердилась.

— Вы довольны, Спиридонъ?—спросила она, чтобы сказать что-нибудь.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство, потому какъ воздухъ главное дѣло... и лошадямъ тоже легче...

Спиридонъ даже вспотѣлъ, выговоривъ отвѣтъ. Мысли тяжело укладывались въ его головѣ, какъ булыжникъ на мостовой, и еще тяжелѣе выходили изъ головы. Онъ тяжело переминался на мѣстѣ, какъ слонъ на цѣпи. Чарли смотрѣлъ на него восторженными глазами. Ребенокъ еще въ первый разъ видѣлъ настоящаго человѣка, а всѣ другіе люди казались ему какими-то игрушками.

Когда возвращались на террасу, Чарли разсказалъ матери удивительныя вещи: одна лошадь можетъ съѣсть въ одинъ день цѣлый пудъ сѣна и полпуда овса, потомъ онъ своими глазами видѣлъ, какъ лошадь „однимъ духомъ“ выпила громадное ведро воды, потомъ кучеръ Спиридонъ говорилъ, что у каждой лошади свой „карахтеръ“,

— Характеръ...—поправила Марья Павловна съ улыбкой.

— Нѣтъ, мама, кучеръ Спиридонъ говоритъ, что характеръ бываетъ только у людей, а у скотины—карахтеръ...

— Твой Спиридонъ ничего не понимаетъ...

Чарли обидѣлся и замолчалъ. Такой большой мужчина и не понимаетъ? Нѣтъ, это мистеръ Арчеръ ничего не понимаетъ... Послѣдняго, впрочемъ, мальчикъ не высказалъ. Онъ уже начиналъ постигать спасительную силу молчанія.

Кучеръ Спиридонъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая глазами удалявшуюся генеральшу, и все еще не рѣшался вынуть руки изъ-за спины.

— Спирька, что ты деревомъ-то стерегосовымъ стоишь?—окликнулъ его рябой конюхъ Сергѣй.—Испугался, небось, образина ярославская...

Изъ конюшни выглянулъ спрятавшійся отъ барыни старичокъ-кучеръ Антонъ, проживавшій въ башиловской усадьбѣ „на подножномъ корму“.

— Вотъ вѣдь нанесло, подумаешь...—ворчалъ онъ, встряхивая сѣдой, высохшей, какъ у вяленой рыбы, головой.

— Надо, такъ и пришла,—отвѣтилъ Спиридонъ. — Генеральша у насъ правильная...

III.

На террасѣ башиловской усадьбы состоялось нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Марья Павловна немного растерялась и не знала, какъ рѣшить роковой вопросъ, т.-е. разъ навсегда запретить Чарли посѣщать конюшни или смотрѣть на это сквозь пальцы, не разрѣшая и не запрещая. Мистеръ Арчеръ, какъ всегда, отвѣтилъ не вдругъ.

— Какъ вы думаете, мистеръ Арчеръ? — спрашивала его Марья Павловна.

— Вы желаете знать, мистрисъ Башиловъ, что̀ я думаю? Гм... Я думаю, что въ каждомъ человѣкѣ прежде всего характеръ, а задача воспитанія—выработать организованный характеръ. На мелочи не слѣдуетъ обращать вниманія...

— Позвольте, какія же это мелочи, если Чарли наслушается тамъ Богъ знаетъ какихъ словъ... ужасныхъ словъ.

Александръ Валерьянычъ изрѣдка приглашался на такія педагогическія собранія и во всемъ соглашался обыкновенно съ женой. Но сейчасъ, неожиданно для Марьи Павловны, онъ вступился въ разговоръ съ большой смѣлостью.

— Что̀ же слова? Чарли — мальчикъ, и, все равно, онъ наслушается этихъ словъ гдѣ-нибудь на улицѣ... Для дѣтей самыя ужасныя слова—пустой звукъ, какъ и для тѣхъ, кто привыкъ ихъ говорить. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, мальчика держать подъ стекляннымъ колпакомъ... Пусть онъ видитъ настоящую жизнь, какой она есть. Я глубоко убѣжденъ, что онъ, кромѣ хорошаго, ничего изъ этого знакомства не вынесетъ, потому что знаю это по своему личному опыту. Однимъ словомъ, Чарли долженъ быть мужчиной, а мужчина не долженъ бояться никакихъ страшныхъ словъ... да!..

Марью Павловну изумило не содержаніе этихъ словъ, а тонъ, какимъ они были сказаны. У нея даже слезы появились на глазахъ.

— Я не забываю, что Чарли — мальчикъ, но вы, господа, забываете, что я его мать...

Ей казалось, что Александръ Валерьянычъ и мистеръ Арчеръ хотятъ вырвать изъ ея материнскихъ рукъ этого неиспорченнаго ребенка, въ которомъ для нея была вся жизнь.

Совѣтъ закончился ничѣмъ. Марья Павловна поняла только одно, что до сихъ поръ она всецѣло владѣла своимъ ребенкомъ, а теперь тянутся къ нему чужія руки.

Чарли, конечно, не присутствовалъ на этомъ совѣтѣ, а, поздоровавшись съ мистеромъ Арчеромъ, убѣжалъ въ садъ, чтобы разыскать сестру и подѣлиться съ ней своими впечатлѣніями. Для жизни въ деревнѣ ему былъ сдѣланъ цѣлый гардеробъ спеціальныхъ костюмовъ, удовлетворявшихъ послѣднимъ требованіямъ гигіены. Короткія курточки съ широко вырѣзаннымъ воротомъ, какъ у матросовъ, короткія штанишки до колѣнъ, короткіе чулки, башмаки—однимъ словомъ, все подогнано было къ англійскому воспитанію.

Сестра Бэтси, дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, худенькая и некрасивая, тоже была одѣта по-англійски. Она гуляла въ запущенномъ саду съ своей англійской гувернанткой, миссъ Кэтти, тоже худенькой дѣвушкой неопредѣленныхъ лѣтъ и тоже некрасивой. Чарли примчался къ нимъ, какъ сумасшедшій, и разсказалъ все, что̀ узналъ отъ кучера Спиридона.

— Какой ты глупый...—замѣтила брезгливо Бэтси.

— Ахъ, нѣтъ, ты сама посмотрѣла бы на него...

Дѣти очень любили другъ друга, хотя Бэтси на правахъ старшинства относилась къ брату покровительственно. У дѣвочки былъ материнскій властный характеръ. Марья Павловна относилась къ дочери сдержанно, почти холодно, главнымъ образомъ потому, что она была дурнушка. Дѣвочка слишкомъ рано это поняла и тоже усвоила себѣ материнскую сдержанность. Сама собой Бэтси была только съ отцомъ, когда они оставались вдвоемъ. Александръ Валерьянычъ любилъ дѣтей одинаково, но удѣлялъ дочери больше нѣжности, стараясь вознаградить ее за несправедливость матери. Онъ не находилъ ее некрасивой, а просто дѣвочкой въ неблагодарномъ возрастѣ.

Чарли былъ немного обиженъ, что сестра не раздѣляетъ его восторговъ по адресу кучера Спиридона, и, чтобы усилить впечатлѣніе своего разсказа, неожиданно прибавилъ:

— Я только теперь понялъ, Бэтси, что мистеръ Арчеръ глупъ...

Такое заключеніе ниоткуда не вытекало, и Бэтси засмѣялась, — она очень мило и умно улыбалась.

— Кто же это тебѣ сказалъ, Чарли? — спросила она тономъ взрослой женщины, которая разговариваетъ съ ребенкомъ.

— Я это самъ сказалъ...

— Ты забываешь, что̀ говоритъ мама о людяхъ, которые начинаютъ разговоръ съ буквы „я“?

— Она ихъ называетъ глупыми...

Помолчавъ немного, Чарли засмѣялся и прибавилъ:

— Знаешь что̀, Бэтси? Мнѣ кажется, что мистеръ Арчеръ походитъ именно на такую букву „я“... въ смокингѣ, въ высокихъ до ушей крахмальныхъ воротникахъ, съ подвернутыми по нѣмецкой модѣ штанами...

Миссъ Кэтти прекратила этотъ разговоръ, хотя и не могла не разсмѣяться надъ сравненіемъ Чарли. Она сама недолюбливала мистера Арчера за его надутый характеръ.

— А вонъ и онъ идетъ... — шепнула Бэтси, указывая на дальній конецъ аллеи. — Легонъ на поминѣ, какъ говоритъ няня.

Мистеръ Арчеръ шелъ по саду съ видомъ хозяина, пріѣхавшаго взглянуть на свое помѣстье. Онъ что-то насвистывалъ и, размахивая тонкой тросточкой, сшибалъ желтыя головки одуванчиковъ. Съ миссъ Кэтти онъ даже не здоровался за руку, а церемонно раскланивался издали.

— Чарли, идемте въ поле, — скомандовалъ онъ.

Когда онъ удалился въ сопровожденіи оглядывавшагося Чарли, дѣвушки громко засмѣялись. Имъ вдругъ сдѣлалось весело, и онѣ на время забыли, что онѣ некрасивыя. Развѣ птицы думаютъ о своей красотѣ? А кругомъ такъ было хорошо, старинныя липы и березы благословляюще протягивали надъ ними свои зеленыя цвѣты, по травѣ и кустамъ пробѣгалъ какой-то любящій шопотъ, земля смотрѣла на небо тысячью разноцвѣтныхъ глазъ-цвѣтовъ, этихъ милыхъ полевыхъ цвѣтовъ, которые насадилъ самъ Богъ, какъ говорила Аграфена Карповна... Бэтси крѣпко ухватилась за руку миссъ Кэтти и прижалась къ ней своей тоненькой, стройной фигуркой.

— Мы здѣсь возьмемъ хорошее лѣто... — проговорила дѣвочка, употребляя не русскій оборотъ.

— Да, хорошо... — согласилась миссъ Кэтти и легонько вздохнула, вспоминая свою далекую, неблагодарную родину, которая выбрасываетъ тысячи одинокихъ дѣвушекъ на чужіе берега.

Дѣвушки по старинной, заросшей травой аллеѣ вышли къ разрушавшейся деревянной бесѣдкѣ, стоявшей на обрывѣ. Внизу въ зеленыхъ зарослях невидимо катилась глубокая рѣчка, а за ней разстилались до самаго горизонта поля. Видъ былъ настоящій русскій, съ его просторомъ и затаенной тоской. Солнце продолжало свѣтить, но съ запада быстро надвигались пухнувшія грозовыя облака.

— Ахъ, будетъ гроза! — обрадовалась Бэтси, любившая сильныя ощущенія.

Онѣ сѣли на траву. Когда гроза была уже совсѣмъ близко, къ нимъ подошелъ Александръ Валерьянычъ. Онъ искалъ дочь, чтобы увести ее домой.

— Папочка, останемся здѣсь... — упрашивала его дѣвочка. — Такъ хорошо... Гроза совсѣмъ близко. Вонъ даже молнію видно...

— А если я боюсь? Т.-е. не то, что боюсь, а просто не люблю...

— Папочка, милый, останься... Вѣдь я буду съ тобой, — чего же тебѣ бояться?

Послѣдній аргументъ оказался настолько убѣдительнымъ, что Александръ Валерьянычъ остался. На его счастье, надвигавшіяся облака перемѣнили направленіе, и дѣло ограничилось веселымъ весеннимъ дождемъ, окропившимъ старый садъ съ веселымъ гуломъ. Всѣ скрылись въ бесѣдкѣ.

— Вонъ тамъ, налѣво за рѣкой, стоялъ отличный сосновый боръ, — вспоминалъ Александръ Валерьянычъ. — Когда я былъ маленькимъ, ужасно его боялся... Вѣдь лѣсъ, ну, значитъ, въ немъ живутъ разбойники и волки. Смѣшно вспомнить... А кажется, давно ли это было... и тѣхъ людей уже нѣтъ которые тогда жили въ усадьбѣ...

Бэтси рѣшительно не могла себѣ представить отца маленькимъ мальчикомъ, какъ Чарли, и ей было даже смѣшно думать объ этомъ. Такой же смѣшной былъ портретъ мамы, когда она была восьмилѣтней дѣвочкой.

— Папа, а вѣдь это пріятно чего-нибудь бояться, — неожиданно проговорила Бэтси. — Вдругъ сдѣлается страшно-страшно... Вотъ миссъ Кэтти ничего не боится, и ей часто дѣлается скучно. Я тоже ничего не боюсь, и тоже иногда бываетъ скучно. Если бы мы, папа, жили здѣсь, въ деревнѣ, я никогда бы не скучала...

— Изрѣдка отчего и не пожить въ деревнѣ, а постоянно надоѣстъ...

— Папа, а ты знаешь нашего кучера Спиридона?

— Знаю, когда онъ сидитъ на козлахъ...

— Чарли отъ него въ восторгѣ... Давеча прибѣжалъ, что-то такое болтаетъ, раскраснѣлся — мы ничего понять не могли.

— И не поймете, потому что для этого нужно быть мальчикомъ.

— Ахъ, какъ это скучно: этого нельзя, другого нельзя, а мальчикамъ все можно... Это наконецъ несправедливо!..

Александръ Валерьянычъ только улыбнулся и развелъ руками. Дался имъ сегодня этотъ кучеръ Спиридонъ... Впрочемъ, онъ и самъ въ свое время получалъ образованіе около дворни и кучеровъ и помнилъ еще блаженныя времена господскихъ дѣвичьихъ, хотя и не совсѣмъ отчетливо.

IV.

Выѣздной кучеръ Спиридонъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ среди башиловской дворни, а также и въ компаніи своихъ питерскихъ собратьевъ по ремеслу. Его называли Спирькой даже свои конюха. Настоящую причину такого неуваженія было бы трудно опредѣлить, потому что на посторонній взглядъ Спирька рѣшительно ничѣмъ не отличался отъ тысячи другихъ такихъ же кучеровъ. Рослый, дюжій, молчаливый, немного суровый, — однимъ словомъ, все на своемъ мѣстѣ. Но своя братія сразу опредѣлила въ немъ какой-то внутренній недочетъ, какъ опытный физикъ опредѣляетъ удѣльный вѣсъ. Спирька иногда, напримѣръ, задумывался и угнетенно вздыхалъ. Работы у него было немного, да и работа легкая, а своимъ досугомъ онъ какъ-то не умѣлъ пользоваться. Сядетъ въ кучерской къ столу, подопретъ голову кулакомъ и такъ сидитъ молча цѣлые часы.

— О чемъ ты думаешь, Спирька? — спроситъ кто-нибудь.

— А такъ... разное думаю... — неохотно отвѣтитъ Спирька.

— Это тебя жиръ душитъ. Вонъ какое мурло *) наѣлъ. Тебѣ по-настоящему-то кули бы таскать...

Спирька не обижался, когда ему говорили грубости. „А ну ихъ... пусть лаются...“ — думалъ онъ.

Даже присущихъ кучерскому званію недостатковъ у него не было: не зашибалъ водкой; если заходилъ въ трактиръ, то отдувался однимъ чаемъ; не заигрывалъ съ кухарками и горничными, не судачилъ о своихъ и чужихъ господахъ — вообще чудакъ какой-то и больше ничего. Единственной слабостью Спирьки, за которую ему доставалось отъ всѣхъ — это воспитывать выброшенныхъ на улицу щенковъ и котятъ. Онъ приносилъ ихъ потихоньку отъ всѣхъ и съ большимъ искусствомъ пряталъ по разнымъ укромнымъ угламъ, главнымъ образомъ, конечно, въ своей конюшнѣ, для чего приходилось подкупать конюховъ. Особенно доставалось за этихъ воспитанниковъ Спирькѣ отъ городскихъ дворниковъ, съ которыми онъ вступалъ даже въ единоборство, если дѣло не улаживалось добромъ.

Пріѣхавъ въ Башиловку, Спирька на другой же день разыскалъ въ деревнѣ бездомныхъ трехъ щенковъ и возился съ ними цѣлые дни. Вся дворня потѣшалась надъ нимъ, но онъ отвѣчалъ одно:

— Отстаньте, ничего вы не понимаете...

Единственную поддержку Спирька встрѣтилъ только у молодого барчука, котораго называлъ Чарлей. Мальчикъ прибѣгалъ рано утромъ, пока еще всѣ спали, и помогалъ воспитывать щенковъ.

— Большіе къ осени вырастутъ, Чарля... — задумчиво говорилъ Спирька, почесывая въ затылкѣ. — Они ужъ и теперь все вотъ какъ понимаютъ, и у каждаго свой характеръ... Вотъ этотъ пестренькій — у! какой будетъ дошлый. Ни одного чужого человѣка не пропуститъ... Шалишь, не моги по чужому мѣсту ходить.

— Осенью мы ихъ всѣхъ въ городъ увеземъ... — мечталъ Чарли. — Тамъ будутъ жить въ кухнѣ...

— Въ куфнѣ поваръ Евграфъ не дозволитъ, да и наша куфарка Егориха злющая.

— А я попрошу маму...

— Нѣтъ, ужъ генеральшѣ лучше не говорить... Тамъ увидимъ какъ и что.

Съ каждымъ днемъ Чарли узнавалъ что-нибудь новое. Напримѣръ, онъ совершенно не подозрѣвалъ, что въ каждомъ домѣ живетъ домовой, который иногда устраиваетъ удивительныя штуки.

— Лошадямъ гривы такъ заплетаетъ, что и не распутаешь, — объяснялъ Спирька. — А то, ежели, напримѣрно, попадетъ лошадь не ко двору, значитъ, не по его скусу, ну, онъ сейчасъ и учнетъ ее мучить... Бьется-бьется лошадь-то, а утромъ вся въ мылѣ. Да... Разное бываетъ. А такъ онъ, вообче, домъ бережетъ, чтобы порядокъ вездѣ...

— А какой онъ, то-есть домовой? — спрашивалъ Чарли, со страхомъ поглядывая на открытыя двери конюшни.

— Домовой-то? А такой... обнакновенный... Какъ ему полагается быть, то-есть домовому.

— Ты его видѣлъ?

— Я-то не видалъ, не доводилось... А вотъ старый кучеръ Антонъ видѣлъ... только онъ, Антонъ не любитъ объ этомъ разсказывать...

— Онъ испугался?

---

*) Мурло — лицо.

— Всякій испугается... Ну, да и на него тоже, на домоваго, управа есть. Вонъ на дверяхъ-то вездѣ по конюшнямъ и коровникамъ мѣломъ кресты поставлены — это чтобы домовой здря не баловалъ. Въ сочельникъ подъ Крещенье которыя правильныя старушки, богобоязливыя, эти самые кресты съ молитвой ставятъ... Тутъ ужъ не отъ одного домового, а вообче отъ всей нечистой силы.

— А она какая?

— Очень разнообразная...

— И много ея?

— Сколько угодно... Очень даже просто. Напримѣрно, кто человѣка по ночамъ душитъ? Спитъ человѣкъ, а нечистая сила на него и навалится, особливо на бабъ... А въ другой разъ схватитъ человѣка, броситъ о-земь и давай трепать... пѣна изо рта у человѣка валитъ, почернѣетъ весь...

Спирька часто употреблялъ фразу: „очень просто“, и Чарли это казалось всего убѣдительнѣе. Вообще, нечистая сила привлекала дѣтское вниманіе больше всего, тѣмъ болѣе, что Чарли до сихъ поръ рѣшительно ничего не слыхалъ объ ея существованіи. Мама, можетъ-быть, и знаетъ, но не хочетъ разсказывать, какъ старикъ Антонъ.

Главнымъ пристанищемъ нечистой силы оказалась баня, стоявшая на отшибѣ у рѣчки. Тамъ видѣли вѣдьму. Вся черная, а глаза зеленые.

— Эта будетъ повреднѣе домового, — объяснялъ Спирька. — Она людей портитъ...

— Какъ это портитъ?

— А такъ, очень просто: возьметъ и испортитъ. Ребятъ, которые безъ креста въ рѣчкѣ купаются, въ омутъ затащитъ... Какъ-то, сказываютъ башиловскіе мужики, пьянаго кузнеца въ такое болото завела, что онъ чуть не утонулъ. Завязъ въ болотѣ, хочетъ перекреститься, а рука-то и не дѣйствуетъ... Ужъ онъ догадался, сотворилъ молитву, ну, она, вѣдьма, его и отпустила. Смрадъ, сказываетъ кузнецъ-то, послѣ нея остался такой, что онъ едва прочихался... Послѣ этого случая кузнецъ съ годъ не могъ ни одного слова выговорить, а ужъ потомъ прочухался и все разсказалъ.

Обыкновенно тугой на разговоръ Спирька безъ конца разсказывалъ барченку про всевозможную чертовщину. Дворня по-своему объяснила такое поведеніе Спирьки.

— Подлаживается, песъ, подъ молодого барина... И хитеръ, змѣй!..

Но это было несправедливо. Спирька и не думалъ подлаживаться. Ему нравилось, съ какой жадностью Чарли ловитъ каждое слово, а съ другой стороны, его удивляло, что барчукъ ничего настоящаго какъ есть не понимаетъ. Ни въ зубъ толкнуть, какъ говорится... Чему только учатъ его учителя?.. Взять того же англичанина, который только и знаетъ, что, какъ дурачокъ, на палкѣ вертится да гирями играетъ.

— У англичанина кость жидка, — авторитетно объяснилъ, между прочимъ, Спирька. — Вотъ его и корчитъ каждое утро передъ ѣдой... Вотъ я, развѣ я полѣзу на палку, али тамъ буду баловаться гирей?

Чарли хохоталъ до слезъ, представляя себѣ Спирьку на трапеціи. Между прочимъ, мальчикъ незамѣтно для себя усваивалъ отъ Спирьки манеру держать себя. Отмалчивался, отвѣчалъ неохотно и старался говорить короткими фразами: „пусть“, „очень просто“ и т. д. Постепенно въ его глазахъ Спирька сдѣлался мѣрой вещей, и онъ всѣхъ мѣрялъ этой мѣркой. Для ребенка раскрывался совершенно новый міръ, невѣдомый, таинственный, неудержимо притягивавшій къ себѣ его дѣтскую, чистую душу. Раздумывая о чемъ-ни-

будь, Чарли прежде всего старался представить себѣ: а что сказалъ бы Спирька, или что бы онъ сдѣлалъ въ данномъ случаѣ? Получалось что-то въ родѣ того тяготѣнія, въ силу котораго бо́льшія тѣла притягиваютъ меньшія.

Для Чарли все окружающее точно ожило и освѣтилось таинственнымъ внутреннимъ свѣтомъ. Раньше были просто конюшня, просто баня, просто лѣсъ, просто рѣка, а теперь все это получило таинственный смыслъ и значеніе. Въ водѣ жили водяной и русалки, въ лѣсу придурковатый и веселый лѣшій... Самыя простыя и обыкновенныя слова получили совсѣмъ новую окраску, и Чарли точно пропитывался ими, какъ молодое растеніе неизвѣданными путями и средствами достаетъ изъ самой обыкновенной земли свою специфическую окраску и ароматъ. Вся природа превратилась для Чарли въ громадную книгу, написанную на таинственномъ языкѣ — онъ не столько ее понималъ, сколько чувствовалъ.

Правда, были нѣкоторыя сомнѣнія, и Чарли за разрѣшеніемъ ихъ обращался къ Аграфенѣ Карповнѣ. Старуха тайно блюла тѣ же воззрѣнія, какъ и Спирька, и была рада подѣлиться съ барченкомъ своей старческой опытностью. Кстати, опасенія Марьи Павловны относительно „ужасныхъ словъ“ совершенно были напрасны, — Спирька ихъ не употреблялъ. Въ глазахъ его современниковъ по конюшнѣ и кухнѣ это служило тоже къ его посрамленію. Если въ чемъ его можно было упрекнуть, то это въ презрѣніи къ какой-то фантастической, собирательной „бабѣ“. Эта презираемая Спирькой „баба“ не была ни Марьей Павловной, ни „гувернанткой“, ни Аграфеной Карповной, ни горничной Ириной, ни кухаркой Егоровной, а такъ, обитала гдѣ-то въ безвоздушномъ пространствѣ. И Чарли усвоилъ къ ней презрительное отношеніе и разъ, обидѣвшись на сестру, что она его не понимаетъ, сказалъ:

— Ты просто баба и больше ничего.

V.

Марья Павловна была уже въ томъ возрастѣ, когда дамы ея круга окончательно посвящаютъ себя дѣтямъ. Къ этому времени и „бэби“ уже выходятъ изъ своего игрушечнаго возраста и съ головой погружаются въ бездонныя пучины педагогіи. Марья Павловна имѣла энергичный характеръ и поэтому принялась за дѣло съ большой настойчивостью. Она перечитала массу педагогическихъ книгъ, совѣтовалась съ разными свѣтилами въ этой области, слѣдила за всѣми педагогическими новостями и сейчасъ же примѣняла ихъ къ своимъ дѣтямъ. Особенно доставалось бѣдному Чарли, изъ котораго Марья Павловна задалась цѣлью выработать замѣчательнаго человѣка. Вѣдь у всѣхъ великихъ людей, какими гордится человѣчество, были энергичныя матери. Параллельно приходилось воспитывать и тѣло и духъ Чарли. Онъ росъ нѣсколько вялымъ ребенкомъ, и прежде всего приходилось вырабатывать въ немъ то, что англичане называютъ организованнымъ характеромъ. А сколько было хлопотъ съ питаніемъ, съ гигіеной, съ гимнастикой, даже съ такой, повидимому, простой вещью, какъ костюмъ для мальчика? Даже приходилось учить дышать... Всего хуже было то, что разныя системы противорѣчили другъ другу, и приходилось выбирать между ними уже собственнымъ умомъ. Александръ Валерьянычъ умѣлъ только соглашаться со всѣмъ и ничего не понималъ въ педагогикѣ. Вотъ мистеръ Арчеръ — тотъ совсѣмъ другое дѣло: у него были опредѣленныя идеи относительно всего, и убѣдить его или разубѣдить въ чемъ-нибудь было невозможно. Марьѣ Павловнѣ приходилось уступать этому упрямому англичанину, и она даже потихоньку плакала отъ него.

Въ такія минуты она чувствовала себя простой русской бабой, которая будетъ ревѣть и все-таки сдѣлаетъ, какъ того хочетъ мужикъ.

Цѣль поѣздки въ Башиловку тоже входила въ кругъ воспитаній Чарли, именно: имѣлось въ виду придать ему „русское начало“. Благодаря этому мальчикъ пользовался относительной свободой. Когда въ половинѣ іюня наступилъ ранній, благодаря засушливому лѣту, сѣнокосъ, мальчикъ проводилъ цѣлые дни въ открытомъ полѣ и даже самъ учился косить. Онъ не отходилъ отъ кучера Спиридона, который „уволился“ поработать настоящую крестьянскую работу. Дѣйствительно, это была чудная картина, когда Спирька косилъ траву. Чарли не могъ достаточно налюбоваться на своего любимца. Марья Павловна тоже пріѣзжала съ мистеромъ Арчеромъ на сѣнокосъ и даже обидѣлась, когда англичанинъ не проявилъ никакого восторга, а только замѣтилъ, что такой сѣнокосъ — работа дикарей.

— Теперь уже вездѣ работаютъ сѣнокосилки и жатвенныя машины...

— Да, это, конечно, хорошо и, можетъ-быть, выгодно съ хозяйственной точки зрѣнія, но нѣтъ поэзіи настоящаго русскаго сѣнокоса... Посмотрите, какая чудная картина!.. Одинъ нашъ Спиридонъ чего стоитъ... Вѣдь это настоящій русскій богатырь, и не даромъ Чарли такъ къ нему льнетъ. Какъ онъ загорѣлъ, и выраженіе лица совсѣмъ другое...

Чарли былъ совершенно счастливъ, но и на солнцѣ есть пятна — его счастіе было омрачено короткими панталонами. Во-первыхъ, голыя икры неистово были искусаны лѣтнимъ оводомъ, а во-вторыхъ, деревенская дѣтвора тайно и явно насмѣхалась надъ нимъ. Даже Спирька, жалѣючи барчука, проговорилъ однажды:

— Хоть бы худенькія штанишки раздобыть у матери, Чарля...

— Мистеръ Арчеръ не позволитъ...

— А ну его, чтобы ему пусто было!.. Пусть самъ-то шутомъ гороховымъ ходитъ, а чѣмъ другіе виноваты...

Марья Павловна была очень довольна деревенскимъ лѣтомъ, хотя дѣло не обходилось безъ нѣкоторыхъ инцидентовъ. Такъ, въ одно прекрасное утро заявилась миссъ Кэтти съ очень таинственнымъ видомъ и заявила, что ей необходимо поговорить съ мистрисъ очень серьезно. Марья Павловна почуяла опасность и съ тревогой посмотрѣла на записную книжку, которую миссъ Кэтти демонстративно держала въ рукахъ.

— Что такое случилось, миссъ Кэтти?

— Я нахожусь въ затрудненіи... — отвѣтила англичанка, вертя въ рукахъ свою книжку. — У меня въ книжкѣ записанъ цѣлый рядъ такихъ русскихъ словъ, какихъ я не могла найти ни въ одномъ диксіонерѣ...

— Словъ?!..

Марья Павловна пришла въ ужасъ.

— Отъ кого вы ихъ слышали?

— Отъ миссъ Бэтси... Это совершенно новыя слова...

— Позвольте вашу книжку, миссъ...

Въ книжкѣ англійскими буквами были написаны такія русскія слова, какихъ и сама Марья Павловна не слыхала. Она только пожала плечами.

— Ухалисталъ... запузыривай... нажарлыжился... Что это такое?

Пришлось обратиться къ Александру Валерьянычу, который перечиталъ мудреныя русскія слова и расхохотался.

— Опаснаго ничего нѣтъ, Марья Павловна... Просто, глупыя слова... Въ своемъ родѣ couleur local... да...

— Да? Но гдѣ могла наслышаться такихъ словъ именно Бэтси? — продолжала недоумѣвать Марья Павловна.

Произведено было самое строгое слѣдствіе, причемъ въ качествѣ эксперта была вызвана нянька Аграфена Карповна.

— Что же, худого ничего нѣтъ, барыня, — рѣшила старуха. — Самыя обнакновенныя деревенскія слова... Наварлыжился все одно, что по-вашему выучился, ухаляталъ — потерялъ, запузырилъ... ну, это въ томъ родѣ, какъ сдѣлалъ...

Притянутая къ отвѣту Бэтси не выразила ни малѣйшаго смущенія и смотрѣла на всѣхъ улыбающимися глазами.

— Гдѣ ты могла слышать такія глупыя слова? — допрашивала ее Марья Павловна.

— Право, мама, я не помню...

— Говори правду!..

— Право, мамочка...

— Хорошо, ты останешься за упрямство безъ третьяго блюда за обѣдомъ... да!..

Дѣло кончилось тѣмъ, что Бэтси расплакалась. Она не хотѣла выдать Чарли, который по секрету сообщилъ ей новыя слова.

За обѣдомъ, когда горничная Ирина „обнесла“ Бэтси третьимъ, сладкимъ блюдомъ, Чарли не выдержалъ и заявилъ:

— Мама, это я научилъ Бэтси этимъ словамъ... она не виновата...

Марья Павловна была растрогана рыцарскимъ поступкомъ сына и даже расцѣловала его.

— Милый мальчикъ, это очень хорошо, что ты такъ откровенно сознался, но, пожалуйста, впередъ не приноси съ собой такихъ глупыхъ словъ...

Ей нравилось и то, что Бэтси не выдала брата. Такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ.

Чарли получалъ со всѣхъ сторонъ такую массу новыхъ впечатлѣній, мыслей и чувствъ, что испытывалъ жгучую потребность подѣлиться ими съ кѣмъ-нибудь. Съ другой стороны, ему было жаль, что сестра ничего не знаетъ. Рѣшительно ничего, кромѣ своихъ вѣчныхъ книжекъ, уроковъ и обязательныхъ разговоровъ съ своей гувернанткой. Сначала Бэтси относилась къ охватившему Чарли настроенію довольно скептически, вышучивала его и ограничивалась тѣмъ, что дразнила миссъ Кэтти непонятными новыми словами. Но потомъ ее начали занимать разсказы Чарли о домовомъ, лѣшемъ, русалкахъ и разной другой чертовщинѣ. А главное, ее захватили удивительныя исторіи о колдунахъ, вѣдьмахъ, юродивыхъ и угодникахъ. Въ дѣтской душѣ теплилась чистая дѣтская вѣра. Бэтси въ сопровожденіи няни Аграфены Карповны ходила къ обѣднѣ въ свою деревенскую церковь каждое воскресенье и каждый праздникъ, искренно молилась и выстаивала службу до конца.

— Молись, касаточка, молись больше, потомъ все пригодится, — наговаривала богобоязненная старушка. — По-деревенски-то такъ говорятъ: брось кусокъ хлѣба назадъ, а онъ у тебя будетъ впереди. Такъ и съ молитвой... Твое-то сейчасъ ребячье дѣло, ну, а послѣ, когда будешь большая, молитва-то и пригодится. Охъ, грѣхи, грѣхи!.. Всѣ мы грѣшные...

Много было для Бэтси непонятнаго въ этихъ словахъ, но она какъ-то чувствовала простую старушечью рѣчь, отъ которой ей дѣлалось точно теплѣе. Ее пугало, что и она тоже грѣшная, настоящая маленькая грѣшница... Живя въ городѣ, она какъ-то этого не замѣчала, а здѣсь, въ деревнѣ, подъ открытымъ небомъ, точно и Богъ былъ ближе, и нельзя было скрыть отъ Него

ни одной самой маленькой мысли, ни одного самаго маленькаго грѣшка. Провѣряя себя, Бэтси нашла, что она прежде всего грѣшна передъ миссъ Кэтти, которую такъ часто огорчаетъ разными выходками, а вѣдь миссъ Кэтти бѣдная дѣвушка, и навѣрно она скучаетъ по своей старой Англіи. Няня такъ хорошо ее жалѣла.

— Что же, дѣвушка правильная, строгая... Тоже, поди, не сладко на чужой-то сторонѣ живется. Сама-то вотъ здѣсь, а мысли-то у себя дома. И родня тоже своя есть гдѣ-нибудь, родители...

— Тебѣ ее жаль, няня?

— А то какъ же, милая? Дѣвушку-то и пожалѣть... Всякій обидѣть можетъ на чужой сторонѣ.

Въ деревнѣ, какъ казалось Бэтси, всѣ какъ-то сдѣлались другими, всѣ сдѣлались точно ближе, роднѣе, проще и ласковѣе. Сначала Бэтси смѣялась надъ Чарли, какъ онъ увлекается какимъ-то кучеромъ Спиридономъ, а сейчасъ сама издали разсматривала его. Подойти ближе и заговорить съ этимъ таинственнымъ человѣкомъ, который зналъ все, чего не написано ни въ одной книжкѣ, она не смѣла. Не позволитъ мама... Впрочемъ, она ухитрилась разговаривать съ нимъ черезъ Чарли. Няня Аграфена Карповна тоже много знала, но у нея выходило не такъ убѣдительно и интересно, какъ у кучера Спиридона. Онъ такой громадный, сильный, и Бэтси казалось, что и слова у него тоже должны быть громадными и сильными.

VI.

Были исключительныя темы, которыя, какъ магнитъ, притягивали къ себѣ дѣтское вниманіе. Это была область религіозно-мистическихъ представленій. Напримѣръ, что могло быть трогательнѣе разсказа Спирьки объ угодникѣ Паисіи, мощи котораго хранились въ Городищенскомъ монастырѣ, на берегу Волги.

— Ему, преподобному Паисію, каждый годъ новые башмаки шьютъ,— разсказывалъ Спирька, отдыхая съ своей трубочкой около конны свѣжаго сѣна.—Потому какъ онъ, угодникъ Божій, всю округу за годъ-то обойдетъ... Гдѣ люди хорошіе живутъ, гдѣ бѣдные, гдѣ больные, несчастные—у каждаго побываетъ. Его-то никто не впуститъ, а онъ каждаго видитъ и каждому поможетъ... Ну, на годъ-то еле-еле башмаковъ и хватаетъ.

— А къ богатымъ онъ ходитъ?

— Къ богатымъ? Ну, къ богатымъ-то ему не дорога... Богатый-то только и думаетъ, что о своемъ богатствѣ.

— А развѣ не бываетъ угодниковъ богатыхъ?

— Никакъ невозможно... Богатому-то въ царство небесное трудно попасть. А которые ежели и были угодники изъ богатыхъ, такъ они сперва уничтожились, раздали все богатство бѣднымъ, а потомъ ужъ начали свою душу спасать.

Бэтси даже поплакала, когда Чарли разсказалъ ей исторію про угодника Паисія. Ужъ очень все трогательно выходило и поучительно. Можетъ-быть, старичокъ-угодникъ приходилъ и къ ней. Онъ такой добрый-добрый и навѣрно ее пожалѣлъ, что она богатая и что ей такъ трудно будетъ попасть въ царство небесное. А вотъ въ Англіи нѣтъ угодника Паисія, и мистеръ Арчеръ съ своей трапеціи прямо угадетъ въ адъ, какъ говорилъ Спирька.

— Это агличанцна бѣсъ угибаетъ на веревкѣ-то кувыркаться да вверхъ ногами висѣть.

Въ одномъ только Спирька сплоховалъ: онъ никакъ не могъ объяснить разницы, какая существуетъ между бѣсомъ, чертомъ и дьяволомъ.

— Разница-то должна быть, въ томъ родѣ, какъ между чиновниками,— разсуждалъ Спирька.—Дьяволъ, напримѣрно, церковный, про него попы въ церкви читаютъ... Ну, а бѣсы около того, только поменьше, надо полагать, а черти—это ужъ совсѣмъ простые, значитъ, самые обнакновенные черти.

Выходило какъ-то непонятно и неясно, что̀ чувствовалъ и самъ Спирька. Сплоховалъ онъ разъ и передъ Аграфеной Карповной, которая какъ-то разсердилась на него и осрамила передъ всѣмъ честнымъ народомъ. Дѣло происходило у каретнаго сарая въ присутствіи конюховъ и кучеровъ.

— Ну, ты, дикое мясо, любишь говорить про божественное,—накинулась она на Спирьку.—А скажи-ка про Девятую Пятницу.

— Что̀ же пятница? Пятница она и есть пятница... Очень просто.

— А вотъ и нѣтъ... Ты какъ долженъ молиться: „Святая Девятая Пятница, помилуй насъ!“ У насъ и придѣлъ есть для нея въ Башиловкѣ... А то есть Парасковея-Пятница, это опять другое...

Спирька только чесалъ въ затылкѣ. Подвела вредная старушонка... А главное, обидно ему было то, что какъ на грѣхъ подвернулся барченокъ и все слышалъ. Чарли тоже былъ серьезно огорченъ и разсердился на Аграфену Карповну, которую очень любилъ. Но Спирька не остался въ долгу и въ свою очередь довелъ старуху до конфуза. Онъ, видимо, подготовился къ диспуту и выдвинулъ, какъ осадное орудіе, самую боевую тему.

— Вотъ ты тогда устигла меня Девятой Пятницей, Аграфена Карповна, а вотъ скажи-ка намъ, какое твое понятіе есть, напримѣрно, относительно антихриста?

— Охъ, и не поминай ты его, проклятаго... Всѣ будемъ въ огнѣ горѣть черезъ него.

— Нѣтъ, ты говори: каковъ онъ будетъ изъ себя?

Аграфена Карповна только махала руками и даже закрыла глаза отъ страха.

— Эге, не любишь, кумушка!—торжествовалъ Спирька.—Вотъ онъ тебя первую и сцапаетъ... Отъ него, братъ, не уйдешь! Нѣ-етъ, братъ...

— Тьфу, тьфу!.. И выговоришь тоже, несообразный человѣкъ.

— То-то вотъ и оно-то... Кругомъ ты оказалась виновата, кума. Это, видно, не Девятая Пятница... Куда попревосходнѣе будетъ. Вотъ какъ онъ, антихристъ, корчить будетъ всѣхъ, у кого душа короткая...

— Да ты-то откуда это вызналъ, Спирька?—накинулся кто-то изъ слушателей.

— Я-то? А у насъ, въ Заволжьѣ, есть такіе старцы, которые, значитъ, свою душу спасаютъ... Такъ вотъ они-то ужъ знаютъ все. И книги такія есть, въ которыхъ все до самой точки описано... Ну, я-то отъ этихъ самыхъ старцевъ даже весьма достаточно наслышался. По старой вѣрѣ они, значитъ... вообче...

Появленіе антихриста явилось послѣднимъ словомъ въ репертуарѣ Спирьки и, нужно сказать, произвело на Чарли, и особенно на Бэтси, самое сильное впечатлѣніе. Дѣвочка даже бредила по ночамъ и кричала. Послѣднее и выдало головой ее вмѣстѣ съ Чарли. Разслѣдованіе произведено было Марьей Павловной съ обычной строгостью и пунктуальностью. Говоря правду, она даже какъ будто растерялась и прибѣгла къ помощи мужа.

— Что̀ это такое?—въ ужасѣ повторяла она.—Тутъ и чертовщина и какой-то мистическій бредъ... Это ужасно!..

— Рѣшительно ничего ужаснаго не вижу,—съ непривычной смѣлостью заявилъ Александръ Валерьянычъ.—Самая обыкновенная вещь... И я, и мой отецъ, и дѣды—всѣ выросли именно въ кругу такихъ представленій, т.-е. когда были дѣтьми.

— Значитъ, вы защищаете профессуру кучера Спиридона?

— При чемъ тутъ кучеръ Спиридонъ? Откровенно говоря, я даже радъ, что дѣти переживутъ то же, что̀ переживаетъ каждый крестьянскій ребенокъ. Это, дѣйствительно, своего рода школа... А главное, сколько въ этомъ поэзіи! Да, поэзіи... Это не мертвая книга, не сухія слова, а сама жизнь.

— Благодарю васъ, Александръ Валерьянычъ,—сухо отвѣтила Марья Павловна съ презрительной улыбкой.—Вообще, отлично... Но мнѣ придется принять свои мѣры. Я совсѣмъ не желаю начинять своихъ дѣтей бреднями необразованныхъ, глупыхъ людей... Признаться сказать, я отъ васъ, какъ отъ человѣка съ высшимъ образованіемъ, ужъ никакъ этого не ожидала! Можетъ-быть, вы даже и сами раздѣляете мнѣнія m-r Спиридона?

Между супругами произошла размолвка, причемъ каждый остался при особомъ мнѣніи. Оказалось, что они не только не понимали другъ друга, но и не могли понять при всемъ желаніи. Въ результатѣ получилось только скрытое раздраженіе. Александръ Валерьяновичъ не вмѣшивался въ воспитаніе дѣтей и сейчасъ испытывалъ угрызенія совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ „никакой отецъ“, какъ говорила Аграфена Карповна. Жена помѣшалась на разныхъ модныхъ системахъ и послѣднихъ словахъ воспитанія и выдерживала ихъ съ педантичной точностью. Естественно, что дѣти съ открытой душой пошли навстрѣчу открывшемуся для нихъ новому, таинственному и живому міру, окрашенному всѣми цвѣтами творческой народной фантазіи. Въ сущности вѣдь это нисколько не мѣшало „системамъ“ Марьи Павловны: системы останутся системами, а жизнь останется жизнью. Конечно, выходило смѣшно и нелѣпо, что противовѣсомъ воспитательныхъ системъ Марьи Павловны явился именно кучеръ Спиридонъ, но вѣдь еще вопросъ, что̀ лучше: громъ, какъ результатъ разрѣшенія атмосфернаго электричества, или какъ поэтическій образъ пророка Иліи, несущагося въ облакахъ на огненной колесницѣ. Конечно, кучеръ Спиридонъ говорилъ много нелѣпостей, но, за вычетомъ ихъ, являлись такія представленія, образы и слова, которые падали на дѣтскую душу весеннимъ дождемъ, вызывающимъ изъ земли первую весеннюю травку, такую нѣжную, хрупкую и благоухающую. Кромѣ того, въ дѣтской душѣ, окрѣпленной этими новыми словами, просыпалась та святая русская тоска, которой спасается русскій человѣкъ, какъ молитвой.

„Да, борьба профессора Спирьки съ конклавомъ присяжныхъ педагоговъ,—думалъ про себя Александръ Валерьянычъ и улыбался.—Марья Павловна, вы забыли, что Пушкинъ получилъ свое воспитаніе не у учителей, а у простой деревенской старухи Арины, которая говорила вотъ такими же словами, какъ нашъ Спирька. Лучшимъ учителемъ все-таки останется всегда жизнь, и не слѣдуетъ ее отталкивать“.

Про себя Александръ Валерьянычъ отличался большой храбростью и заочно говорилъ женѣ очень рѣзкія вещи, о которыхъ съ благоразуміемъ настоящаго мужчины совершенно умалчивалъ въ ея присутствіи. А ну, пусть-ка сама догадается, о чемъ и какъ онъ думаетъ.

Между прочимъ Александръ Валерьянычъ очень дипломатично познакомился съ собственнымъ кучеромъ Спиридономъ на покосѣ, осматривая хозяйскимъ окомъ работы. Онъ даже пробовалъ съ нимъ разговориться, но вынесъ изъ этого знакомства довольно невыгодное впечатлѣніе: профессоръ Спирька былъ самый обыкновенный мужикъ и даже совсѣмъ глупый мужикъ. Недаромъ говорили, что Спирька господскимъ гужомъ подавился... А вотъ Чарли нашелъ въ немъ необыкновеннаго человѣка,—значитъ, Спирька умѣлъ съ нимъ разговаривать.

VII.

Лѣто промелькнуло чрезвычайно быстро, о чемъ Марья Павловна не могла не пожалѣть. Она начинала привыкать къ деревнѣ и любила ходить по крестьянскимъ избамъ, наводя оторопь на деревенскихъ бабъ. Такимъ образомъ дѣлалась заготовка матеріаловъ для модныхъ разговоровъ о младшемъ братѣ на цѣлую зиму. О, она теперь все видѣла собственными глазами... Нужно сказать, что Марья Павловна въ послѣдніе годы занялась благотворительностью и принимала дѣятельное участіе въ десяткѣ обществъ, комитетовъ и комиссій. Она отъ души жалѣла всѣхъ бѣдныхъ людей, хотя и не любила раскошеливаться изъ личныхъ средствъ. Теперь у нея явилась, росла и развивалась счастливая идея, которая рѣшительно никому въ голову не приходила до сихъ поръ. Именно, зачѣмъ эти бѣдные люди такъ упорно желаютъ жить непремѣнно въ столицахъ, гдѣ все такъ дорого—и квартиры, и дрова, и содержаніе? Вопросъ разрѣшался совсѣмъ просто: отправить ихъ всѣхъ въ деревню, гдѣ все такъ дешево. Не правда ли, какъ все просто и ясно, какъ Божій день? Эта мысль такъ нравилась Марьѣ Павловнѣ, что она даже не говорила о ней съ мужемъ. Онъ вѣдь ничего на свѣтѣ не зналъ, кромѣ своего департамента, да и тамъ не шелъ дальше чиновника „на хорошемъ счету“ у начальства, несмотря на очень вліятельныя связи и утонченную политику Марьи Павловны. У Марьи Павловны возникалъ даже проектъ передать свою идею мужу, чтобы онъ составилъ рядъ докладовъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Но объ этомъ слѣдовало еще подумать и во всякомъ случаѣ дѣйствовать съ крайней осторожностью, чтобы не погубить дѣла въ самомъ началѣ.

„Ахъ, какъ нужно быть осторожной во всемъ!“—думала она.

Марья Павловна предполагала пожить въ деревнѣ подольше, до сентября. Главнымъ мотивомъ были дешевизна жизни въ своемъ имѣньи, а затѣмъ окончательная разработка счастливой идеи. Но этотъ планъ былъ разрушенъ цѣлымъ рядомъ причинъ. Пошли дожди, кончался отпускъ Александра Валерьяныча и т. д. Но больше всего встревожило Марью Павловну поведеніе горничной Ирины, безъ которой она не могла жить.

— Барыня, у насъ неладно въ дому...—зміинымъ сиомъ сообщила ей Аграфена Карповна, оглядываясь по сторонамъ.

— Что такое случилось?

— А значитъ, у насъ есть контора... а въ конторѣ, значитъ, конторщикъ Аркадій... Паренекъ совсѣмъ молодой и получаетъ всего двѣнадцать рублей жалованья... и моложе будетъ годовъ на десять нашей-то тихони Ирины...

— Не можетъ быть! Это сплетня... Ирина честная и строгая дѣвушка.

— Да вѣдь грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ... Вотъ и поди-те, на что она польстилась.

Понятно, что Марья Павловна была возмущена до глубины души и сгоряча рѣшила сейчасъ же отказать горничной. Но Аграфена Карповна ее отговорила.

— Возьмете другую, барыня, то же будетъ... Наша-то женская природа вездѣ одинакова. А уѣдемъ въ городъ—всю бѣду какъ рукой сниметъ. Она, виноватая-то, еще лучше будетъ вамъ служить.

— Я ее видѣть больше не могу! — стонала Марья Павловна, ломая руки.—Ужъ, кажется, я ли не относилась къ ней хорошо...

Въ обыкновенное время старая нянька и горничная вели между собой

ожесточенную борьбу и постоянно были на ножахъ, но сейчасъ Аграфена Карповна защищала недавняго врага отъ чистаго сердца и добилась того, что генеральша въ концѣ концовъ „спизошла къ невѣрной рабѣ“.

Потомъ оказалось, что мистеръ Арчеръ ухаживаетъ за поповной,—тоже непріятность и дурной примѣръ для Чарли. Наконецъ, Александръ Валерьянычъ, благодаря глупому Семену Иванычу, попалъ въ самое неловкое положеніе. Башиловскіе мужики долго присматривались къ своему „природному барину“, о чемъ-то толковали между собой, сговаривались и кончили тѣмъ, что явились къ барину и предъявили цѣлый рядъ жалобъ. Вышло все довольно демонстративно, и Александръ Валерьянычъ въ первый моментъ струхнулъ. По существу дѣла онъ рѣшительно ничего не понималъ: что-то такое о спорныхъ наемныхъ лугахъ, о выгонѣ, о проѣзднихъ дорогахъ, лѣсѣ и т. д. Однимъ словомъ, невообразимая путаница. Но Александръ Валерьянычъ нашелся и выпутался самымъ блестящимъ образомъ.

— Я самъ разсмотрю всѣ эти дѣла,—заявилъ онъ демонстрантамъ.—Да, подробно разсмотрю, а на это нужно время.

Даже искушенный въ дипломатіи Семенъ Иванычъ ахнулъ,—очень ужъ ловко вывернулся баринъ, даромъ что кажется простачкомъ. Теперь ждите, милашки, когда баринъ разберетъ ваши дурацкія жалобы! И Марья Павловна была удивлена находчивостью мужа. Настоящему дипломату впору... Выиграть время въ каждомъ дѣлѣ—это удѣлъ мудреца.

— Очень, очень недурно...—про себя хвалила она мужа.—И, какъ всѣ великія открытія, до смѣшного просто.

Попалась и старая пянюшка Аграфена Карповна: она тайно устраивала свиданія Чарли со Спирькой, несмотря на самое строгое запрещеніе. А первая дѣтская ложь,—что̀ можетъ быть ужаснѣе... А Чарли, отличавшійся рыцарскимъ характеромъ, началъ лгать, какъ могутъ лгать только безумно влюбленные люди.

— Чарли, милый мой мальчикъ, зачѣмъ ты лжешь?—со слезами въ голосѣ спрашивала Марья Павловна.

Чарли не проявилъ ни малѣйшихъ признаковъ раскаянія и смотрѣлъ на нее „чужими глазами“. Это было ужасно.

— Нужно скорѣе уѣзжать,—рѣшила Марья Павловна въ окончательной формѣ.—Всѣ точно сошли съ ума!

Потомъ начались осенніе дожди, что̀ сразу измѣнило все кругомъ. Наконецъ появились визитеры-сосѣди,—это было похуже осеннихъ дождей. Марья Павловна избѣгала всякаго знакомства съ сосѣдними помѣщиками и не сдѣлала ни одного визита. Но это не помѣшало имъ подъ разными предлогами пріѣзжать въ Башиловку. Заявлялся какой-то отставной военный, отъ котораго пахло водкой, вслѣдъ за нимъ пріѣхала какая-то довольно сомнительная вдова-княгиня восточнаго типа и т. д. Не отдать визита было неудобно, и Марья Павловна сказалась больной. Послѣднее вышло очень некрасиво, особенно, когда Бэтси съ дѣтской наивностью спросила:

— Мама, развѣ ты больна?

— Ахъ, не твое дѣло, Бэтси... то-есть ты не понимаешь... да...

Марья Павловна солгала, какъ Чарли, и, какъ всѣ виновные люди, обвинила во всемъ другихъ.

— Нѣтъ, ѣхать, ѣхать!..

Маленькій Чарли былъ совершенно другого мнѣнія. Онъ такъ полюбилъ деревню и вдругъ все бросить. Опять городская квартира, частыя прогулки съ мистеромъ Арчеромъ въ Лѣтнемъ саду, мертвыя книги... А главное—раз-

лука съ кучеромъ Спиридономъ. Въ городѣ ему не позволятъ ходить въ кучерскую. Мальчикъ дѣлалъ усиленныя заготовки изъ разныхъ деревенскихъ сувенировъ, и у него образовались настоящія коллекціи высушенныхъ полевыхъ цвѣтовъ, насѣкомыхъ, пестрыхъ камешковъ и даже палокъ. Такихъ палокъ въ Петербургѣ нигдѣ не найти. Но главное огорченіе было съ собаками... Онѣ уже выросли за лѣто и прошли у кучера Спиридона полный курсъ собачьихъ наукъ: служили на заднихъ лапкахъ, носили поноску и т. д.

— Всѣхъ-то трехъ, пожалуй, не увезти,—размышлялъ вслухъ Спирька.—Надо которую-нибудь одну выбрать.

Послѣднее было просто ужасно. Чарли такъ любилъ всѣхъ трехъ, а тутъ приходилось двухъ оставлять въ усадьбѣ, гдѣ ихъ будутъ бить и морить голодомъ. Чарли впередъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ ними. А собаки точно предчувствовали трагическую разлуку и такъ ласкались къ нему, встрѣчая радостнымъ визгомъ и лаемъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—въ отчаяніи спрашивалъ Чарли у Спирьки.

— А очень просто: ничего не подѣлаешь! Значитъ, крышка.

Мальчикъ пробовалъ заговаривать о собакахъ съ Аграфеной Карповной, но и съ ея стороны не встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія.

— Поганки онѣ, вотъ что!—ворчала старуха.—Куда же ихъ въ городъ съ собой тащить... Тоже и придумали со Спирькой!

— Няня, да вѣдь жаль ихъ бросить здѣсь.

— Чего ихъ жалѣть-то! Песъ, онъ песъ и есть, вотъ и вся цѣна.

Разставаніе съ Башиловкой вышло самое трогательное. Чарли раннимъ утромъ сбѣгалъ на задній дворъ и долго ласкалъ и обнималъ своихъ любимицъ собакъ.

— Какую же взять, баринъ?—спрашивалъ Спирька.

— Ахъ, я не знаю,—со слезами въ голосѣ шепталъ Чарли.—Я не могу... Сдѣлай ужъ ты выборъ.

Въ заключеніе мальчикъ бросился на шею Спирькѣ и крѣпко его расцѣловалъ. Бэтси тоже волновалась, хотя у нея и не было такихъ горячихъ привязанностей, какъ у Чарли.

Горничная Ирина ходила съ опухшими отъ слезъ глазами, что выводило Марью Павловну изъ себя. Да развѣ она плохо относилась къ своей горничной? И вотъ вамъ благодарность!

VIII.

Квартира Башиловыхъ въ Петербургѣ была на Моховой улицѣ. Большой пятиэтажный домъ походилъ на всѣ другіе дома. Дѣтская выходила окнами во дворъ, походившій на громадный каменный колодецъ. Раньше Чарли этого какъ-то не замѣчалъ, а нынче его точно давили эти каменныя стѣны, изрѣшеченныя окнами. Полоска неба проглядывала изъ-за крыши какими-то неестественными тонами, какъ декорація въ плохомъ театрѣ. Солнце показывалось очень рѣдко. Да и какое это было солнце,—усталое, больное, какъ заплаканный глазъ. Съ высоты третьяго этажа трудно было видѣть, что дѣлалось на дворѣ.

Началась петербургская жизнь, и Чарли почувствовалъ себя комнатной собачкой, которую въ опредѣленное время выводятъ гулять. Теперь онъ находился въ полномъ распоряженіи мистера Арчера. Раньше онъ вѣрилъ своему гувернеру во всемъ, именно, что нужно дѣлать все такъ, какъ онъ требовалъ, а сейчасъ у Чарли явились сомнѣнія. Почему кучеръ Спиридонъ не обязанъ каждый день гулять въ Лѣтнемъ саду? Мама говоритъ, что это необходимо,

и сама гуляетъ передъ обѣдомъ. Чарли еще не остылъ отъ деревенскихъ впечатлѣній и мѣрялъ настоящее недалекимъ прошлымъ. Увы, ему уже нельзя было попросту сбѣгать въ конюшню или въ людскую... Одна Аграфена Карповна оставалась живымъ воспоминаніемъ о жизни въ деревнѣ.

— Ну, ужъ здѣсь, извѣстно, какая жисть...—ворчала она.—Такъ, одна маята. Настоящаго-то ничего и нѣтъ... Въ томъ родѣ, какъ кошки сидимъ въ мѣшкѣ.

Черезъ няню Чарли имѣлъ кое-какія свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ людской. На разспросы мальчика она почему-то считала нужнымъ отвѣчать неохотно и грубо.

— И что это интереснаго вамъ въ людской, баричъ? Ну, живутъ, какъ всѣ люди... Спирька-то вашъ совсѣмъ опухъ съ жира. Рожа красная, какъ кумачъ... Еле дышитъ... Въ кожѣ мѣста не осталось. На козлы самъ-то не можетъ залѣзть, ежели конюха не посадятъ.

Чарли едва могъ упросить старуху привести изъ людской взятую въ деревнѣ собачонку. Это былъ любимый щенокъ Спирьки—пестренькій съ подпалинами. Его звали Буромъ. Онъ былъ совсѣмъ большой и совершенно не умѣлъ держать себя въ комнатахъ.

Спирьку приходилось видѣть только мелькомъ, когда онъ сидѣлъ на козлахъ въ своей кучерской „толщинѣ“. Чарли не смѣлъ даже заговорить съ нимъ, и Спирька тоже.

Вообще, было скучно. Мальчикъ раньше не зналъ, что такое скука, потому что не зналъ другой жизни и другихъ людей.

Наступали холода. Петербургъ какъ-то сразу весь обледянѣлъ. Съ моря дулъ холодный осенній вѣтеръ. Нева почернѣла и билась въ каменныхъ берегахъ тяжелой осенней волной. Люди съ какой-то особенной торопливостью бѣжали по тротуарамъ, напрасно стараясь согрѣться на ходу. Чарли, несмотря ни на какую погоду, обязанъ былъ дѣлать свои обычныя прогулки. Лѣтній садъ стоялъ совсѣмъ голый, и вѣтеръ жалобно гудѣлъ между голыми вѣтвями.

— Ахъ, скорѣе бы выпалъ снѣгъ!—говорилъ Чарли, когда встрѣчалъ сестру.—Бэтси, а какъ теперь, навѣрно, хорошо въ Башиловкѣ?

— Ну, едва ли хорошо...

На одной изъ обязательныхъ прогулокъ въ Лѣтнемъ саду Чарли простудился. У него оказалось воспаленіе легкихъ. Марья Павловна была въ отчаяніи. Съ материнскимъ эгоизмомъ она даже подумала, что ужъ если кому изъ дѣтей хворать, такъ пусть бы хворала Бэтси... Но судьбѣ было угодно иное. Лѣчилъ Чарли, конечно, знаменитый докторъ. Случай былъ трудный, и больной ему „не нравился“. Мысль о смерти сына не приходила въ голову Марьи Павловны. Это, т.-е. смерть Чарли, явилось бы чудовищной несправедливостью, а она вѣрила въ Провидѣніе. Потомъ, незадолго до болѣзни сына она рѣшила, что онъ непремѣнно будетъ дипломатомъ. Это такъ солидно... У Чарли были несомнѣнныя дипломатическія способности: онъ не отличался болтливостью, имѣлъ сдержанный характеръ и т. д.

А будущій дипломатъ горѣлъ въ огнѣ, постоянно бредилъ или впадалъ въ забытье. Доктору особенно не нравилось перемежающееся сонливое состояніе, и онъ загадочно качалъ своей ученой головой.

— Да, мальчикъ идетъ по трудной дорогѣ...—говорилъ онъ.—Натура здоровая, но... гм... да...

Чарли бредилъ своей Башиловкой. Онъ видѣлъ жаркіе лѣтніе дни и задыхался отъ зноя. Въ бреду онъ повторялъ все то, что узналъ отъ кучера Спиридона. Марья Павловна не понимала и половины того, что онъ гово-

рилъ. Болѣзнь шла своимъ чередомъ, и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ кризиса. Александръ Валерьянычъ совсѣмъ потерялся и даже не ѣздилъ на службу. Онъ смотрѣлъ на доктора испуганными глазами, крѣпко жалъ ему руку и молча глоталъ слезы.

— Нужно имѣть мужество...—повторялъ докторъ.—Пока еще ничего нельзя сказать опредѣленнаго...

Докторъ говорилъ, какъ оракулъ.

„Мужество“ потребовалось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Это было утромъ. Александру Валерьянычу показалось, что желанный кризисъ миновалъ. Чарли провелъ относительно спокойную ночь. Но пріѣхавшій съ утреннимъ визитомъ докторъ осмотрѣлъ его и ничего не сказалъ. Потомъ онъ взялъ Александра Валерьяныча подъ руку, увелъ въ кабинетъ и, притворивъ за собой дверь, проговорилъ:

— Приготовьтесь ко всему, дорогой Александръ Валерьяновичъ... соберите всѣ свои силы...

— Что?.. Что вы говорите, докторъ?!..

— Никакой надежды больше не осталось... Начался параличъ...

Александру Валерьянычу показалось, что докторъ сошелъ съ ума.

— Теперь можно позволить больному все...

— Докторъ... Господи... Господи... Какъ же это такъ... вдругъ... Нѣтъ, это невозможно!

Когда Чарли спросили, не желаетъ онъ чего-нибудь—мальчикъ спокойно отвѣтилъ:

— Я желаю видѣть кучера Спиридона...

Прежде чѣмъ допустить Спирьку къ больному, его отправили въ баню. Онъ никогда не бывалъ въ барскихъ покояхъ и шелъ по паркету, какъ въ первый разъ подкованная лошадь. Чарли его узналъ и протянулъ исхудавшую руку.

— Это ты...—прошепталъ онъ, закрывая глаза отъ слабости.

— Я, баринъ...

— Держи меня крѣпче за руку...

Рука Чарли въ рукѣ Спиридона походила на куриную лапку. Ребенку казалось, что онъ держится за руку самого преподобнаго старца Паисія... Добренькій такой, сѣденькій старичокъ и въ новыхъ башмакахъ... Они шли куда-то въ гору, все выше и выше... Вонъ уже и свѣтъ показался вверху, и небо раздалось, и слышно гдѣ-то чудное, райское пѣніе...

— Отходитъ...—шепнулъ Спирька Аграфенѣ Карповнѣ, чувствуя, какъ маленькая ручка теряла живую теплоту.

Марья Павловна стояла у кровати, окаменѣвъ отъ горя. Она не вѣрила, что ея милый мальчикъ можетъ умереть...

1903.

ПУСТЫНЬКА.

Разсказъ.

I.

Когда наступала кислая петербургская весна, Егоромъ Ивановичемъ овладѣвало какое-то смутное безпокойство и неопредѣленная, глухая тоска. Впрочемъ, замѣтить послѣднее по выраженію его вѣчно замазаннаго сажей лица постороннему человѣку было трудно, а знала это только его гражданская сожительница Дарья Семеновна, находившаяся „на линіи жены“.

— Ну, мой-то опять губу надулъ...—сообщала она сосѣдкамъ по двору одного изъ многоэтажныхъ домовъ на Мастерской.

— Значитъ, опять на дачу поѣдете?—подшучивали надъ добродушной Дарьей Семеновной ехидныя питерскія сосѣдки.

— Какъ Егоръ Иванычъ...—уныло повторяла Дарья Семеновна.

— Ужъ твой Егоръ Иванычъ удумаетъ... По крышамъ-то лазаетъ день-денской, ну, ему и виднѣй, какъ настоящіе-то господа живутъ. Значитъ, опять на Лахту?

— На Лахту, извѣстно... У насъ тамъ своя Пустынька налажена.

— Ужъ на что лучше! Въ два кваса съ Егоромъ Иванычемъ живете: одинъ квасъ, какъ вода, а другой маненько пожиже воды...

Все это говорила, конечно, зависть съ примѣсью спеціально-бабьей ядовитости. Но Дарья Семеновна не сердилась. Это была болѣзненная, испитая женщина, у которой вѣчно что-нибудь болѣло. Она казалась много старше своихъ лѣтъ. Прежде она ходила „по старикамъ“ и надорвала свое здоровье. Егоръ Иванычъ, высокій, костлявый чухонецъ-трубочистъ, аккуратно напивался каждый праздникъ и частенько ее колотилъ, если она начинала ворчать и выговаривать свои бабьи слова. Въ общемъ они жили все-таки дружно, и Егоръ Иванычъ по-своему даже жалѣлъ свою сожительницу.

Переѣздъ весной „на дачу“ для Дарьи Семеновны являлся настоящимъ горемъ, но она не оказывала своему сожителю никакой „противности“ и покорялась съ тупымъ терпѣніемъ забитой домашней скотины. Она находила даже оправданіе и говорила:

— Егору Иванычу надо и отдохнуть... Цѣлую зиму лазаетъ по крышамъ да сажу глотаетъ, ну, и заморится. А въ лѣсу все и пройдетъ воспареніемъ...

— А ты опять грибами будешь давиться?—судачили сосѣди.—Живетъ только съ нихъ пучитъ, ежели черезъ число...

Дарья Семеновна знала и сама, что не много хорошаго жить въ лѣсу,

и ея некрасивое, изможденное лицо дѣлалось жалкимъ. Живя въ городѣ, она еще кое-какъ перебивалась, а въ Пустынькѣ дѣйствительно приходилось питаться все лѣто, главнымъ образомъ, грибами и ягодами.

Переѣздъ въ Пустыньку происходилъ обыкновенно около Егорьева дня (23 апрѣля), но нынѣшняя весна запоздала, и пришлось отложить до Николина дня. Егоръ Иванычъ все-таки раза два урвался на Лахту и успѣлъ поправить прошлогодній шалашъ.

— Ничего, хорошо будетъ...—сообщилъ онъ.—Только вотъ пусть земля согрѣется... Сыро въ лѣсу, и нѣтъ еще настоящаго воспаренія.

Пока Егоръ Иванычъ каждый вечеръ проводилъ въ портерной, куда собирались его пріятели-зимогоры: старикъ-сапожникъ Митричъ, спившійся съ кругу наборщикъ Галахъ, маляръ Евстратъ и кое-кто изъ другихъ пріятелей. За бутылкой пива горячо обсуждали всѣ подробности предстоящаго лѣта, спорили, ругались и мирились. Егоръ Иванычъ не любилъ болтать зря и больше молчалъ, посасывая свою трубочку-носогрѣйку. Однимъ словомъ, какъ говорится, народъ набирался съ бору да съ сосенки, и всѣхъ соединяла только неопредѣленная тоска по волѣ. Говорилъ больше всѣхъ Галахъ, который считалъ себя образованнымъ человѣкомъ и даже сочинялъ стихи. Егоръ Иванычъ по-своему любилъ безпутнаго, сбившагося съ пути малаго, хотя подъ пьяную руку считалъ своимъ долгомъ обругать его.

— Какъ тебѣ стыдно нѣтъ, Галахъ?—упрекалъ онъ пріятеля.—Одну голову прокормить не умѣешь...

— А у насъ, у наборщиковъ, ужъ такая линія...—оправдывался добродушно Галахъ.—Есть и похуже меня... Подъ машинами зиму и лѣто спятъ. Потеряетъ себя человѣкъ одинъ разъ, ну, зимою-то ему и на улицу не въ чемъ выйти. Все у человѣка отъ одежды... Наряди самаго умнѣющаго человѣка въ лохмотья да вымажь ему рожу сажей...

— Ну, ты о семъ-то помалкивай, Галахъ...

— Э, все равно: вымажь типографской краской—тоже сажа...

— Ну?

— Ну и скажутъ: какой дуракъ. Ей-Богу... А ты не сердись: мы съ тобой родня. Ты сажу по трубамъ собираешь, а я твоей сажей бумагу печатаю. Вотъ и вышли родственники: троюродное наплевать.

Удивительный былъ человѣкъ этотъ Галахъ, и Егоръ Иванычъ часто наблюдалъ его потихоньку. Вѣдь посмотрѣть—дрянь и слякоть, пальцемъ раздавить, а скажетъ такое словечко, что кто угодно подавится. Откуда, подумаешь, у человѣка что̀ берется...

Старикъ-сапожникъ Митричъ рѣдко вмѣшивался въ разговоръ и только тяжело вздыхалъ. Его угнетала надвигавшаяся неумолимая старость: и поясницу къ ненастью ломило, и при работѣ глаза застилало слезой, и на ѣду плохо манило—однимъ словомъ, старикъ разлагался заживо. За послѣдніе годы у него появилась тоска по родинѣ. Хоть бы умереть Господь привелъ у себя, въ Ярославской губерніи... Эта сентиментальность возмущала Галаха, и онъ съ обычной ядовитостью говорилъ:

– Тоже нашелъ чѣмъ похвастать: Ярославская губернія... Ярославцы и телятины-то не ѣдятъ, потому какъ считаютъ теленка незакопнорожденнымъ, и грибовъ тоже не принимаютъ, потому какъ черезъ нихъ волкъ скакалъ.

— А ты про свою Тверскую губернію лучше помалкивай...—ворчалъ старикъ.—Про васъ одна поговорка-то: хорошъ, да тверякъ.

Вмѣсто отвѣта Галахъ начиналъ напѣвать тонкимъ фальцетомъ какую-то необыкновенно жалостливую пѣсню:

Улетѣла моя пташка,
Пташка-канарейка...

Егоръ Иванычъ терпѣть не могъ такого пѣнія и глухо ворчалъ, пуская струйки табачнаго дыма:

— Ну, взвыла собака на свою голову... И слова-то самыя дурацкія.

Случайные друзья ссорились, чтобы потомъ помириться, и мирились, чтобы снова поссориться. Егоръ Иванычъ съ чухонскимъ коварствомъ затаивалъ въ себѣ злобу, чтобы отомстить Галаху лѣтомъ, когда будутъ жить въ лѣсу одни. Въ теченіе зимы у сдержаннаго и выносливаго чухонскаго человѣка накоплялось много обидъ, и онъ терпѣливо выжидалъ время, когда Галахъ получитъ полный расчетъ за свои „качества“.

А весна близилась... Въ воздухѣ невидимо наливалась предательская весенняя теплота. Обитатели подваловъ и чердаковъ особенно сильно это чувствовали и мирились даже съ спеціально-весенними болѣзнями, которыя такъ несправедливо вырывали свои жертвы среди маленькихъ людей. Наступавшія лѣтнія радости покупались впередъ слишкомъ дорогой цѣной. Егоръ Иванычъ, взбираясь на крыши, постоянно видѣлъ, какъ по утрамъ торопливо везли и несли на кладбище маленькіе гробики, и невольно думалъ, что имѣть дѣтей бѣднымъ людямъ—непосильная роскошь.

Да, весна все близилась, больная и мучительная петербургская весна... Особенно волновались птицы. Ворковали голуби, неистово кричали галки и вороны, а воробьи дѣлались прямо сумасшедшими. По ночамъ на крышахъ устраивались кошачьи концерты, точно мохнатые пѣвцы и пѣвицы получали невѣсть какое жалованье. На деревьяхъ набухали почки, и начался весенній перелетъ птицъ. Но всѣ эти признаки наступавшей весны для Егора Иваныча казались сомнительными, потому что годъ на годъ не приходился, а вотъ когда проснется лягушка—вотъ это ужъ настоящая весна.

— Это ужъ всегда заодно: какъ Нева скрылась—сейчасъ тебѣ и лягушка покажется,—объяснялъ Егоръ Иванычъ.—И удивительное дѣло: точно ей кто скажетъ. Будетъ, молъ, спать, кума, вставай... А главное: Нева. Ужъ она не обманетъ. Какъ ладожскій ледъ прошелъ—тутъ тебѣ сейчасъ и весна. Назадъ не поворотишь. Тоже вотъ и одуванчикъ: какъ только настоящей весной пахнуло—онъ и выскочитъ изъ парной-то земли. „Вотъ, молъ, и я, господа почтенные, имѣю честь поздравить съ тепломъ да со свѣтломъ“... А первая весенняя гроза пройдетъ, особенно, ежели она угадаетъ подъ Егорьевъ день—этого лучше ужъ и не бываетъ.

Егоръ Иванычъ былъ великій поэтъ въ душѣ и безумно любилъ „всякую природу“, а поэтому годами накоплялъ въ своемъ умѣ всевозможныя народныя примѣты, касавшіяся происходившихъ въ ея годовомъ круговоротѣ перемѣнъ.

II.

Переѣздъ въ Пустыньку произошелъ, какъ всегда, съ какой-то особенной торопливостью. На первый разъ взято было съ собой только самое необходимое, безъ чего нельзя было обойтись. Рѣшено было отправиться всѣмъ вмѣстѣ, чтобы не растеряться по дорогѣ. Въ день отправленія наборщикъ Галахъ попробовалъ-было бунтовать, но Егоръ Иванычъ быстро его утихомирилъ.

— Ты у меня смотри, сахарь!..—пригрозилъ чухонецъ, показывая свой, точно отлитый изъ чугуна кулакъ.—Какъ тебѣ стыдно нѣтъ?

— Вотъ ужо пріѣдемъ въ Пустыньку, тамъ все разберемъ...—со вздохомъ говорилъ Митричъ.—Въ лѣсу-то, милый, одинъ Никола Богъ.

— Вы еще меня тамъ убьете...—артачился Галахъ.

— Есть кого убивать, подумаешь! Не велика въ перьяхъ птица...

Галахъ, въ сущности, былъ очень мирный человѣкъ, но по случаю отъѣзда успѣлъ гдѣ-то хватить лишнюю двухсотку и придирался ни къ чему.

Взваливъ свои пожитки на плечи, вся компанія отправилась на финляндскій пароходъ, ходившій до вокзала Приморской дороги.

— Ну, съ Богомъ, со Христомъ...—молился за всѣхъ богобоязненный Митричъ.

Дарья Семеновна молчала все время и только изрѣдка вздыхала. Она вѣчно и всего боялась, а въ такой рѣшительный моментъ въ особенности.

Переѣздъ по Невѣ занялъ очень немного времени, и, когда компанія вышла съ парохода на вокзалъ, у всѣхъ отлегло на душѣ. Теперь уже все кончено, оставалось только итти впередъ. Для начала дѣла на вокзалѣ выпили по бутылкѣ пива на брата, а когда Галахъ хотѣлъ выпить вторую—Егоръ Иванычъ не позволилъ.

— Не такое дѣло, чтобы пьянствовать...—ворчалъ суровый чухонецъ.

По Приморской дорогѣ пришлось ѣхать около часа. Высадка произошла на полустанкѣ, а дальше пришлось итти пѣшкомъ, взваливъ на себя все имущество.

— Точно богомольцы...—шутилъ безпечный Галахъ.

— Молчи!..—останавливалъ его Егоръ Иванычъ.

До Пустыньки шли около часа, сначала открытымъ полемъ, а потомъ великолѣпнымъ сосновымъ боромъ. Дарья Семеновна устала больше всѣхъ, хотя и тащила самую маленькую котомку. Старикъ Митричъ покряхтывалъ на ходу, а Галахъ ни къ селу ни къ городу затянулъ какую-то фабричную пѣсню:

Шелъ я верхомъ, шелъ я низомъ...
У Матони домъ съ карнизомъ..

Егоръ Иванычъ только поморщился, но ничего не сказалъ.

Въ лѣсу было чудно-хорошо, и скоро лѣсная тропинка вывела на берегъ безыменной рѣчушки, едва сочившейся среди осоки и лопуховъ.

— Эге, да тамъ кто-то есть!..—проворчалъ Егоръ Иванычъ, поглядывая на струйку синяго дыма, поднимавшагося изъ-подъ густой ели, стоявшей на берегу рѣчки.

Это открытіе немного всѣхъ обезкуражило. Егоръ Иванычъ нахмурилъ брови и проворчалъ что-то себѣ подъ носъ.

Безыменная рѣчка образовала небольшой островокъ, гдѣ подъ гостепріимной сѣнью ели устроенъ былъ довольно большой шалашъ. Сейчасъ подъ елью весело горѣлъ огонекъ, а около него на корточкахъ сидѣлъ какой-то человѣкъ въ мѣховой зимней шапкѣ.

— Это еще что за салатъ выискался?—ворчалъ Егоръ Иванычъ, спускаясь къ рѣчкѣ.

Неизвѣстный оглянулся. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но неестественно опухшее лицо носило на себѣ слишкомъ очевидные слѣды „неосторожнаго обращенія съ трактирными жидкостями“. Галахъ быстро перебрался черезъ рѣчонку по камнямъ и подошелъ къ незнакомцу.

— Вашему превосходительству сорокъ одно съ кисточкой,—проговорилъ онъ ходячую типографскую остроту.

Незнакомецъ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ и посмотрѣлъ на гостей прищуренными глазами. Егоръ Иванычъ отправился прямо въ шалашъ и молча бросилъ туда свою котомку.

— А балаганъ-то вѣдь нашъ, — объяснялъ Галахъ.—Тебѣ, видно, ужъ придется искать другую квартиру!

— Я... что же... я могу и уйти-съ...—виновато оправдывался незнакомецъ, оглядывая еще разъ нежданныхъ гостей.—Я, значитъ, такъ... вообче...

Произошла довольно неловкая нѣмая сцена, пока не нашелся старикъ Митричъ.

— А ты, милашъ, и самъ можешь наладить себѣ шалашикъ,—дружелюбно совѣтовалъ старикъ. — Живой рукой оборудуешь... Дѣло твое совсѣмъ молодое. Въ охотку поработаешь... Какъ тебя звать-то?

— Иванъ Кольцовъ...

— Ну, и отлично. Иванъ Кольцовъ, не найти концовъ. Форменно... А рукомесло какое твое?

— Разное... По первоначалу мальчикомъ служилъ у одного столяра, да онъ мнѣ кіянкой чуть голову не раскололъ. Ну, а потомъ разное: въ разносъ на Сѣнной торговалъ, матросомъ на пароходѣ по Фонтанкѣ бѣгалъ, въ лакеи къ одной барынѣ опредѣлялся... разное, какъ случится.

— Эге, братъ, да у тебя бывали рога въ торгу...—проговорилъ Митричъ съ недовѣрчивой ноткой въ голосѣ.—Можетъ, и на Казачьемъ плацу сиживалъ?

— Нѣтъ, пока Богъ миловалъ,—обидчиво отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Мы такими дѣлами не подвержены заниматься...

— Что же, всякое бываетъ... Каждый человѣкъ изо всѣхъ силъ старается устроиться какъ можно лучше, а глядишь, и попалъ на Казачій. И тамъ не хуже насъ съ тобой люди сидятъ...

Устройство на новомъ мѣстѣ заняло не больше часа времени. Егоръ Иванычъ еще разъ осмотрѣлъ шалашъ хозяйственнымъ глазомъ, поправилъ кое-гдѣ начинавшую осыпаться прошлогоднюю хвою и что то мычалъ про себя. Митричъ сходилъ въ лѣсъ черезъ рѣчку и натащилъ валежнику. Оживилась даже молчавшая все время Дарья Семеновна. Она развязывала узлы и вынимала разный хозяйственный скарбъ, во главѣ котораго стоялъ небольшой желѣзный котелокъ. Егоръ Иванычъ въ это время успѣлъ вколотить около огня два кола, между ними натянулъ желѣзную цѣпочку, а на нее привѣсилъ котелокъ.

— Хорошо...—хвалилъ онъ самого себя.—Сейчасъ, значитъ, сваримъ картошку... Я и зеленаго луку захватилъ... Очень это способно, ежели горячую картошку съ лукомъ да съ сольцей... Масло-то захватила, Дарья Семеновна? Отлично...

— И пословица такая говорится: каши масломъ не испортишь,—замѣтилъ Митричъ, раздувая огонь.

— Кашу мы потомъ, а сейчасъ картошку... Лучше этого кушанья и на свѣтѣ не бываетъ.

Когда картошка сварилась, всѣ усѣлись кругомъ костра одной семьей, и только одинъ Кольцовъ не рѣшался остаться и незамѣтно хотѣлъ уйти въ лѣсъ.

— Ты это куда, сахаръ?—остановилъ его Егоръ Иванычъ.—Присаживайся къ котелку... Всѣмъ хватитъ, а не хватитъ—второй заваримъ. Горя-

ченькаго-то вотъ какъ хорошо поѣсть. А потомъ мы и чайку попьемъ... Оно и выйдетъ, какъ настоящее новоселье. Форменно говорю...

Въ хорошемъ расположеніи духа Егоръ Иванычъ любилъ къ мѣсту и не къ мѣсту приклеивать свое „форменно". Это приглашеніе смутило неизвѣстнаго молодого человѣка, и онъ съ большой нерѣшительностью присѣлъ къ артельному котелку. А тутъ еще Егоръ Иванычъ вытащилъ откуда-то бутылку водки.

— Честь честью новоселье выправимъ...—объяснялъ за всѣхъ Митричъ, которому, какъ старшему въ артели, поднесена была первая рюмка.

Выпивъ, онъ крякнулъ, вытеръ усы и прибавилъ:

— Дай, Господи, чтобы не послѣдняя...

Вареная картошка оказалась необыкновенно вкусной. Всѣ ѣли и похваливали. Слѣдующимъ номеромъ была пшенная каша.

— Эхъ, говядинки-то и забыли взять...—жалѣлъ Егоръ Иванычъ, облизывая ложку.—Ужо, пойду въ городъ, такъ принесу. На воздухѣ-то зубъ на ѣду вотъ какъ разыгрывается... Вотъ и господинъ Кольцовъ прикушаетъ съ нами.

— Ужъ я что же... я заодно...—виновато бормоталъ г. Кольцовъ, съ сожалѣніемъ поглядывая на пустой котелокъ.—Тоже вотъ хорошо, ежели щи изъ мелкой соленой капусты съ солониной... У насъ въ трактирѣ поваръ суточныя щи вотъ какъ хорошо дѣлалъ. Господа купцы даже весьма обожали...

Первый обѣдъ въ пустынькѣ закончился сюрпризомъ. Егоръ Иванычъ распаковалъ свой узелъ и, къ общему удивленію, досталъ изъ него нѣсколько бутылокъ пива. Всѣ такъ и ахнули.

— Нельзя, законъ требуетъ порядка, — не безъ хвастовства говорилъ Егоръ Иванычъ.—Хе-хе... Какъ у настоящихъ господъ. Я у нѣмцевъ чищу трубы, такъ вотъ какъ они это самое пиво пьютъ. Ну, съ новосельемъ, почтенные господа...

Послѣ обѣда всѣ немного вздремнули. Проснувшись и выкуривъ трубочку, Егоръ Иванычъ заявилъ:

— Вотъ что, господа... Въ одномъ шалашѣ намъ будетъ тѣсно. Да... Надо другой поставить. Я съ женой да съ Митричемъ будемъ жить въ этомъ, а вы ужъ себѣ свой налаживайте.

— Въ лучшемъ видѣ, Егоръ Иванычъ,—согласились всѣ.—Васъ будетъ трое и насъ тоже трое.

Осмотрѣли мѣсто. Егоръ Иванычъ выбралъ бугорокъ, отдѣленный отъ настоящаго балагана ивнякомъ.

— Мѣсто будетъ даже очень приличное. Такой дворецъ наладимъ, что чертямъ будетъ тошно.

— Охъ, не поминай ты ихъ, ради Христа,—уговаривалъ богобоязливый Митричъ и даже отплюнулся въ лѣвую сторону.—Ты еще не успѣлъ подумать, а ужъ онъ тутъ какъ тутъ. Да и мѣсто такое: лѣсъ, рѣка, болото...

Маляръ Евстратъ до сихъ поръ угрюмо молчалъ, а мысль о постройкѣ новаго шалаша его оживила. Что же, слава Богу, наглядѣлся, какъ пятиэтажные дома строятъ, а сгородить шалашикъ—плёвое дѣло.

Скоро въ лѣсу осторожно застучалъ топоръ. Лѣсъ былъ графскій, и какъ разъ можно было попасться. Впрочемъ, для постройки понадобилось только нѣсколько кольевъ да вѣтвей еловой хвои. Всѣ принялись за работу съ особеннымъ стараніемъ.

— Ужъ постарайтесь, братцы,—говорилъ Егоръ Иванычъ хотя никого

и не нужно было упрашивать.—Въ кои-то вѣки на себя пришлось поработать, а не на людей...

Новый балаганъ выросъ, какъ по щучьему велѣнью, и только не хватало ели, какъ у стараго.

— Зато васъ никто съ дороги не увидитъ, — говорилъ Митричъ, покряхтывая съ непривычной натуги.—Въ двухъ шагахъ мимо пройдетъ человѣкъ и не замѣтитъ вашего логовища...

Всѣхъ охватила какая-то дѣтская радость, и каждый старался придумать что-нибудь помудренѣе.

— Хорошо бы флачо́къ повѣсить,—говорилъ легкомысленный Галахъ.—Оно вышло бы фельтикультяпнѣе...

— Ну тебя съ флачко́мъ... — ворчалъ Егоръ Иванычъ.—Что́ мы зря добрыхъ людей будемъ смѣшить...

— А на дачахъ господа вывѣшиваютъ такіе флачки...—оправдывался скопфуженный Галахъ.—Чѣмъ мы хуже господъ?

— Ты его себѣ на носъ повѣсь... — совѣтовалъ маляръ Евстратъ.—Чтобы издали было видно, какой въ тебѣ есть глупый фасонъ...

Галахъ и Евстратъ чуть не подрались по такому удобному случаю, но Егоръ Иванычъ во́-время ихъ рознялъ.

— Будетъ вамъ, га́лманы!.. Нашли тоже разговоръ... Обоихъ васъ связать однимъ узломъ да въ воду бросить.

Дѣло кончилось этой легкой перебранкой. Передъ новымъ балаганомъ уже закурился огонекъ, и у всѣхъ опять стало хорошо на душѣ.

Дѣло уже шло къ вечеру. Въ кустахъ ивняка, облѣпившихъ берегъ, какъ-то особенно заботливо чирикала безыменная птичка. Откуда-то потянуло сыростью.

— Земля дала паръ... — объяснялъ Митричъ.—Нѣтъ этого лучше для молодой травы... Растетъ она теперь по ночамъ. Всякая былинка вотъ какъ знаетъ свое время...

Кольцовъ разсказалъ, между прочимъ, что дня три назадъ прилетали на рѣчку дикія утки, поплавали и улетѣли на за́води, гдѣ камышей сколько угодно.

— Утка птица сурьезная, осторожливая,—объяснялъ Митричъ.—Она здря не будетъ гнѣзда вить. Она крѣпкія мѣста любитъ, гдѣ ее не скоро возьмешь... Когда молодымъ былъ, такъ любилъ съ ружьемъ баловаться. Ну, значитъ, и понимаю, какой порядокъ у каждой птицы. Есть совсѣмъ пустая птица, которая по-глупому гнѣздится, гдѣ попало. Вотъ совсѣмъ какъ глупые люди бываютъ... А утка, братъ, свое дѣло вотъ какъ хорошо понимаетъ.

III.

Первые дни устройства въ Пустынькѣ прошли въ какомъ-то туманѣ. Всѣ, какъ вырвавшіяся изъ школы дѣти, были охвачены однимъ могучимъ чувствомъ полной свободы.

— Что́ хочу, то и дѣлаю, — думалъ вслухъ Галахъ. — Вотъ сяду къ огоньку и буду сидѣть... И ни единая душа не посмѣетъ пальцемъ тронуть.

— Правильно!—соглашался старикъ Митричъ.—А вотъ какъ ты своей головой насчетъ пропиталу?

— А пропиталъ самъ вырастетъ. Грибы будемъ да ягоды собирать... Мало ли что́.

— Ну, это еще когда что́ вырастетъ для тебя...

— Рыбу буду ловить на взморьѣ... Вѣники буду дѣлать, когда листъ на березѣ развернется, а пока что—березовую почку буду собирать. Купцы уважаютъ изъ этой самой почки дѣлать настойку отъ сорока болѣзней... Корзинки буду плести изъ вербы, ребятамъ дудки со свистомъ налаживать...

Егоръ Иванычъ думалъ иначе. Отдохнувъ денька три, онъ раннимъ утромъ отправился на работу и вернулся только вечеромъ. Онъ принесъ немного говядины и хлѣба, а Митричу въ починку старые сапоги. Старикъ былъ радъ и этой работѣ.

— Скучно задарма хлѣбъ ѣсть,—объяснилъ онъ.

Маляръ Евстратъ тоже началъ уходить на работу, благо весной малярной работы вездѣ хоть отбавляй.

День за днемъ устанавливался новый порядокъ жизни. И Дарья Семеновна не осталась безъ работы и каждый день искала въ лѣсу какія-то цѣлебныя травы, а Егоръ Иванычъ продавалъ ихъ въ какія-то мелочныя лавчонки, гдѣ былъ нуженъ и такой товаръ.

Галахъ, шатаясь по взморью и по лѣсу, открылъ еще нѣсколько стоянокъ разнаго бездомнаго люда. Одно кочевье было совсѣмъ близко отъ Пустыньки, вверхъ по рѣчкѣ. Тамъ жили въ шалашахъ и землянкахъ человѣкъ пятнадцать. Получалась чуть не цѣлая деревня. Народъ набрался съ бору да съ сосенки, но къ Галаху отнеслись всѣ подозрительно.

— Ты не изъ моряковъ ли будешь, паренекъ?—допрашивалъ его какой-то сѣдой, кривой старикъ.

— Нѣтъ, мы сами по себѣ...—оправдывался Галахъ.

Это поселенье называлось „Бережокъ“, и Егоръ Иванычъ зналъ его уже нѣсколько лѣтъ.

— Такіе же люди живутъ, какъ и мы, грѣшные, — коротко объяснялъ онъ.—Это не то, что моряки... Тѣ—отчаянные.

Галахъ добрался и до „моряковъ“, которые частью жили на берегу въ такихъ же шалашахъ, какъ въ Пустынькѣ, а частью въ собственныхъ лодкахъ. Мѣстность была самая унылая, низкая, заросшая густыми камышами. Сюда доходила настоящая морская вода, и всякой болотной и водяной птицѣ было настоящее раздолье. Можно было и рыбу ловить, которая сюда заходила въ весеннее водополье и оставалась на лѣто по глубокимъ ямамъ и колдобинамъ. Однимъ словомъ, жить было способно, особенно, какъ говорилъ Митричъ, „ежели который человѣкъ съ понятіемъ и себя не потерялъ окончательно“. Моряки держались особнячкомъ и не любили постороннихъ. Про нихъ говорили, что они по ночамъ уѣзжаютъ въ устья Невы и тамъ промышляютъ разными „качествами“, т.-е. воруютъ съ барокъ, если плохо лежитъ, и принимаютъ краденое.

— Тоже и по дачамъ полируютъ эти самые моряки,—говорилъ Егоръ Иванычъ.—Значитъ, не любятъ, гдѣ плохо лежитъ... Ты, Галахъ, того, не очень-то съ ними компанію разводи. Какъ разъ влопаешься ни за грошъ ни за копеечку.

Галахъ быстро сошелся съ новымъ знакомымъ Кольцовымъ и велъ съ нимъ какіе-то таинственные переговоры.

— Два сапога—пара... — ворчалъ старикъ Митричъ, находившійся постоянно въ дурномъ расположеніи духа. — Имъ бы надо въ сосѣдяхъ жить: одинъ—гдѣ день, гдѣ ночь, а другой какъ разъ насупротивъ перваго...

Свободнаго времени у всѣхъ было достаточно, и каждый старался его использовать по-своему. Старикъ Митричъ потихоньку отъ другихъ уходилъ

въ лѣсъ и разыскивалъ разныя таинственныя травы, о которыхъ другіе и не слыхали. Особенно онъ старался найти болотную травку, которая у знахарокъ извѣстна подъ названіемъ „Петрова креста“ *). Свое названіе это растеніе получило отъ формы корня, похожаго на крестъ. Петровъ крестъ считается лучшимъ средствомъ отъ падучей и другихъ нервныхъ болѣзней, излѣчиваетъ женское безплодіе, а мужчинамъ возвращаетъ молодость, какъ знаменитый китайскій жень-шень. Но старику не везло, и онъ напрасно бродилъ по болотамъ. Разъ, забравшись въ камыши, онъ совершенно случайно увидѣлъ Галаха и Кольцова. Они сколотили себѣ изъ жердей небольшой плотикъ и на немъ пробирались по камышамъ. Сначала Митричъ подумалъ, что они ловятъ рыбу, а потомъ увидѣлъ съ крикомъ вылетавшихъ изъ камышей утокъ и сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, разбойники!..—ругался онъ.—Креста на нихъ нѣтъ...

Вечеромъ Митричъ нарочно пошелъ къ сосѣдямъ и засталъ ихъ на мѣстѣ преступленія: они пекли въ золѣ утиныя яйца. Когда Галахъ предложилъ старику испеченное яичко, тотъ даже отплюнулся.

— Развѣ это порядокъ, чтобы у Божьей птички яйца отнимать?—ворчалъ Митричъ, отстраняя угощеніе.

— А куриныя яйца ѣшь?

— То куриныя... Курицу человѣкъ кормитъ, ну, значитъ, и яйца его. Да и то на приплодъ яйца и курицѣ оставляютъ... А тутъ совсѣмъ другое. Дикая-то уточка большія тысячи верстъ летѣла къ намъ гнѣздышко вить и дѣтокъ выводить, а ты вотъ и яйца у ней сцапалъ и гнѣздышко опозорилъ. Охъ, нехорошо это и даже очень грѣшно обижать Божью птичку... Куда она теперь, когда гнѣздо разорено? Ты вотъ на одинъ разъ налопался, а она цѣльный годъ будетъ убиваться по своемъ-то разоренномъ гнѣздышкѣ. Безстыдники вы, вотъ что. Надо пряменько говорить...

— А какъ же тогда утокъ-то дикихъ бьютъ?

— Это опять другое... Утку бьютъ во-время, послѣ Петрова дня, когда она своихъ утятъ выростила и на воду вывела. Тогда утятки и своимъ умомъ проживутъ: и пищу найдутъ и отъ ястреба ухоронятся.

— Такъ-то говорить, такъ и рыбу нельзя, по-твоему, ловить?

— Рыба—другое дѣло. У ней кровь холодная... Да и то надо свое время знать, когда ее ловить-то. Тоже грѣшно, ежели ее икряную истреблять.

— Ну, это ужъ ты врешь, Митричъ! Лучше закуски нѣтъ, какъ икра...

— По грѣхамъ нашимъ ѣдимъ икру-то... Да и то сказать: уточка-то снесетъ всего десяточекъ яичекъ, а въ рыбѣ икры-то, т.-е. зерна большія тысячи. Оно и выходитъ даже совсѣмъ наоборотъ... Однимъ словомъ, ребята, даже совсѣмъ вы нехорошо удумали.

— Это ты къ ненастью разворчался, старый хрѣнъ.

— Правильныя слова вамъ говорю.

Какъ-никакъ, а ворчанье старика подѣйствовало, и собиратели утиныхъ яицъ стали вести свои дѣла осторожнѣе, чтобы не попадаться старику на глаза.

Въ слѣдующій разъ Митричъ накрылъ компанію на другомъ художествѣ. Разъ, возвращаясь изъ лѣсу, онъ завернулъ къ молодымъ пріятелямъ отдохнуть, да и поднимавшійся кверху кудрявый дымокъ манилъ къ себѣ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до шалаша, онъ въ изумленіи остановился. Дѣйствительно,

*) Петровъ крестъ—Lathraea squamaria.

предъ шалашомъ курился весело огонекъ, а около него на обрубкѣ дерева сидѣла молодая дѣвушка въ платочкѣ. Она варила въ котелкѣ картошку и совсѣмъ не слыхала, какъ осторожно подошелъ старикъ.

— Здравствуй, милая...—проговорилъ Митричъ.—Откудова птаха прилетѣла?

Дѣвушка вскочила и даже плюнула.

— Вотъ напугалъ, бродяга!—ругалась она.

— А ты не бранись, царевна-недотрога. Мѣсто-то и не твое и не мое, а Божье. Да, все отъ Божецкаго произволенья...

Дѣвушка сѣла на свое мѣсто и не обращала на старика вниманія. Ей на видъ можно было дать лѣтъ восемнадцать, но молодое лицо носило явные слѣды неправильной жизни. Да и сборный костюмъ, состоявшій изъ ситцевой юбки и кофты, не особенно говорилъ въ ея пользу. Митричъ на глазъ опредѣлилъ, что это за птица: такъ, изъ заблудящихъ швеекъ, которая весь свой дѣвичій фасонъ потеряла. Вѣдь всего одинъ разъ дѣвушкѣ-то не соблюсти себя, а тамъ и вышла вся чужая. Охъ, большія тысячи такихъ-то дѣвушекъ-горюшекъ въ Питерѣ пропадомъ пропадаютъ. Съ другой стороны, старику какъ-то ужъ очень стало жаль бездомную дѣвушку. Въ лѣсу-то дѣвичій грѣхъ еще обиднѣе, точно она и не человѣкъ, а тряпка какая-то. Какой она теперь человѣкъ, ежели разобрать? Вонъ распослѣдняя птица—ворона, а и у той свое гнѣздо есть... Охъ, грѣхи, грѣхи! Недаромъ пословица говорится, что на людяхъ-то грѣховъ, какъ на черемухѣ цвѣту. Старику хотѣлось приласкать бездомную головушку, утѣшить, сказать что-нибудь такое хорошее, но всѣ хорошія слова въ его покрытой столичной пылью душѣ давно вымерли.

— Значитъ, это тебя Галахъ приспособилъ...—думалъ Митричъ вслухъ, покачивая головой.—Не стало нынче стыда въ людяхъ... Все одно, какъ песъ. Песъ стыда не знаетъ, а только свое удовольствіе. И дѣтей своихъ песъ не знаетъ... Какъ тебя звать-то, горюша?

— Анной...—неохотно отвѣтила дѣвушка и отвернулась.

— Охъ, Аннушка, Аннушка... Невитое ты сѣно, какъ у насъ въ деревнѣ говорятъ про вашу сестру, которая ежели съ ошибочкой.

Дѣвушка опять вскочила, какъ ужаленная, и грубо спросила:

— А тебя спрашиваютъ, старый хрѣнъ? Какая ужъ есть: вся тутъ, дома ничего не оставила.

— Вижу, вижу, что весь свой капиталъ съ собой носишь, Аннушка. Ну, я-то не хотѣлъ тебя осудить... не мое дѣло... А такъ, значитъ, по человѣчеству пожалѣлъ.

Аннушка сидѣла, безпомощно припавъ головой къ худенькимъ колѣнямъ. Она тихо плакала. Ее убила вотъ эта безпомощная стариковская жалость. Ахъ, зачѣмъ онъ жалѣетъ ее, и безъ того жалкую и несчастную...

— Уходи, старикъ...—шептала она, не поднимая лица.—Не надо... Много насъ такихъ-то... по улицамъ шляются, какъ бездомныя собаки... Ахъ, не надо... не надо...

Митричъ вернулся домой съ виноватымъ видомъ, точно сдѣлалъ что-нибудь дурное. Дарья Семеновна сразу это замѣтила и проворчала:

— Туда же, а еще человѣкъ сѣдой наружности... тьфу!.. Гдѣ шлялся?

— Гдѣ былъ—тамъ ничего не осталось,—съ непривычной грубостью отвѣтилъ Митричъ.—Не вашего ума дѣло... И даже очень просто.

Странное дѣло, но „изничтоженная“ и забитая Дарья Семеновна съ этого дня сосредоточила именно на Митричѣ свою бабью ненависть и даже благочестиво отворачивалась отъ него при каждой встрѣчѣ.

— Извѣстно, баба...—резюмировалъ свои мысли Митричъ и даже отплевывался.—Вали съ больной головы на здоровую, сколько влѣзетъ...

Репутація Митрича была потеряна, и даже Егоръ Иванычъ началъ на него коситься, т.-е. дѣлалъ видъ, что совсѣмъ его не замѣчаетъ.

— Что, хлѣбнулъ шиломъ патоки?—издѣвался надъ нимъ безсовѣстный Галахъ.—Даже очень это ловко вышло... Ай, ты, горе луковое!..

— Отстань...—глухо рычалъ Митричъ.—Стыда у тебя нѣтъ...

А время все шло. Наступало короткое сѣверное лѣто съ его довольно скупыми радостями и какой-то затаенной грустью, какъ у человѣка, который пришелъ провести большой годовой праздникъ въ чужую семью. Въ Пустынькѣ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали наступленія того благодатнаго періода, когда созрѣетъ лѣсная ягода и „пойдутъ грибы“. Особенно важное значеніе имѣли послѣдніе, какъ статья питанія и внѣшней торговли.

— Грибокъ-то, батюшка, большія тыщи нашего брата кормитъ,—разсуждалъ Митричъ.—Ягода дѣло пустое, а грибъ-то и въ прокъ можно заготовить, на цѣлую зиму. Вотъ даже какъ хорошо, ежели по постнымъ днямъ похлебочку сварить грибную или пирожокъ наладить съ грибками.

Вопросъ о пищѣ оставался главнымъ. Впрочемъ, Галахъ и Кольцовъ раздобыли гдѣ-то лодку, и въ Пустынькѣ появлялась уха изъ разной мелкой рыбешки. Недосягаемой мечтой этихъ рыболововъ было купить рыболовную сѣть, но пока на это предпріятіе не было средствъ.

— Кажется, укралъ бы ее, эту самую сѣть, ежели бы умѣлъ,—разсуждалъ увлекшійся Галахъ.—Удочкой-то много ли добудешь, а по лавкамъ у купцовъ совсѣмъ даже напрасно сѣти болтаются...

— А ежели бы самимъ сплести?—соображалъ въ свою очередь Кольцовъ.—Купить нитокъ—и дѣлу конецъ. Дарья Семеновна бабьимъ дѣломъ вотъ бы какъ помогла. У бабъ руки мягкія...

Но эта счастливая мысль, какъ большинство счастливыхъ мыслей, умерла въ зародышѣ.

IV.

Наступившее лѣто принесло свои быстрыя радости, точно сѣверная природа, какъ голодный человѣкъ, хотѣла поскорѣе насытиться свѣтомъ и тепломъ. Замерла на время кипучая жизнь перелетной птицы, которая хоронилась теперь съ своими выводками по крѣпкимъ мѣстамъ, какъ говорятъ охотники, т.-е. подальше отъ человѣка и звѣря.

Когда Галахъ первый разыскалъ нѣсколько вѣточекъ полусозрѣвшей земляники—это было праздникомъ, потому что лѣсная ягода прокормитъ.

— Она супротивъ огородной ягоды куда мельче,—объяснялъ Митричъ.—А только скусъ у ней много превосходнѣе будетъ, ежели кто понимаетъ.

На ягодѣ примирились и Дарья Семеновна съ Аннушкой. Онѣ вдвоемъ бродили теперь по всему лѣсу и не возвращались съ пустыми руками. Между прочимъ, оказалось, что будетъ много черники, хотя сейчасъ она была еще совсѣмъ зеленая и твердая, какъ горохъ.

— Ну, ничего, она отъ нашихъ рукъ не уйдетъ...—думалъ вслухъ Митричъ.—Самая правильная ягода, ежели разобрать. Высушить ее, такъ зимой вотъ какой пирогъ можно сообразить.

Одинъ Егоръ Иванычъ не принималъ никакого участія въ собираніи ягодъ, потому что считалъ это дѣло нестоящимъ. Вотъ когда поспѣетъ грибъ—тогда другое дѣло.

И грибъ не заставилъ себя ждать. Онъ выскочилъ изъ земли какъ-то вдругъ, когда въ концѣ іюня прошли теплые дожди. Положимъ, это былъ еще не настоящій грибъ, а только сыроѣжки.

— А все-таки грибомъ пахнетъ...—похваливалъ Егоръ Иванычъ.—Съ деревяжкой не сравнить. А сдѣлать похлебочку изъ этой самой сыроѣжки, да толкнуть туда лучку, да крупки, да картошки...

Лѣтняя „добычка“, какъ говорилъ Митричъ, оживила всѣхъ. Расходъ былъ только на пищу, а остальное все даромъ. Да и пища была почти своя, за исключеніемъ хлѣба, картофеля, да изрѣдка мяса. Егоръ Иванычъ каждый день уносилъ грибы и ягоды на продажу и возвращался съ покупками. Появилась даже водка, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ.

— Въ лѣсу не полагается пьянствовать...—объяснялъ суровый чухонецъ.—Это въ городѣ балуется народъ.

Егоръ Иванычъ являлся чѣмъ-то въ родѣ старосты и держалъ себя очень строго. Разъ онъ чуть даже не поколотилъ Галаха, который тайкомъ сбѣгалъ на станцію, продалъ грибы и явился пьянымъ.

— Такъ нельзя есть...—ворчалъ чухонецъ.—Сегодня ты пьяный, завтра я пьяный... Это не въ городѣ. Понимаешь?

— Бываетъ и свиньѣ праздникъ, Егоръ Иванычъ,—оправдывался Галахъ, хотя и сознавалъ свою вину.—Такъ, ошибочка вышла...

— То-то, смотри у меня, сахаръ... Терпѣть ненавижу вашего баловства.

Впрочемъ, ошибка Галаха являлась исключеніемъ, хотя всѣхъ и поманивало на водку. По праздникамъ Егоръ Иванычъ самъ приносилъ бутылку водки и по-братски дѣлился со всѣми.

Аннушка на свѣжемъ воздухѣ быстро поправлялась. Молодость брала свое. Егоръ Иванычъ съ перваго раза точно не замѣчалъ ея присутствія, и Аннушка всячески сторонилась отъ него и старалась не попадаться ему на глаза.

— У! чухонская таратайка!..—ворчала она себѣ подъ носъ.—Какъ чортъ весь въ сажѣ вымажется да еще важничаетъ. Не велико кушанье... Смотрѣть-то на его образину тошнехонько. Этакій-то ночью приснится, такъ стошнитъ.

Дарья Семеновна была другого мнѣнія и зорко слѣдила за поведеніемъ Аннушки, Что̀ Аннушка дѣлала у себя въ балаганѣ—это ея дѣло, а вотъ зачѣмъ она стала пропадать и сторониться отъ своей артели?.. Въ душу Дарьи Семеновны закралось самое черное подозрѣніе. Грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ. Митричъ тоже ворчалъ что-то себѣ подъ носъ и отмахивался рукой отъ нападавшихъ на него „вредныхъ“ мыслей.

— Охъ, грѣхъ одинъ съ этими бабами...—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, какъ старый глухарь.—Кого угодно на грѣхъ наведутъ. Да...

Исторія разыгралась совершенно неожиданно, когда у Аннушки появился новый платокъ. Сначала она его прятала, а потомъ не выдержала и нарядилась. Мужчины не обратили на это никакого вниманія, но Дарья Семеновна ни съ того ни съ сего взъѣлась и приступила къ Аннушкѣ съ ножомъ къ горлу.

— Откуда у тебя платокъ взялся новый?—рычала она, не помня себя отъ бѣшенства.

— А это не твоего глупаго ума дѣло...—огрызнулась Аннушка.

— Не моего?!.. Ахъ, ты, змѣя подколодная...

Дарья Семеновна съ какимъ-то шипѣньемъ бросилась на оторопѣвшую дѣвушку, повалила ее на землю и принялась царать лицо ногтями.

— Я тебѣ... покажу...—рычала она.—Даромъ платковъ не даютъ...

Опѣломленная дѣвушка едва вырвалась. Хорошо, что свидѣтелемъ этой дикой сцены былъ одинъ Митричъ...

— Будетъ вамъ, бабы!—окрикнулъ онъ.—Экъ васъ ущемило, подумаешь.

— Ну, ну, говори, откуда у тебя платокъ?!..—не унималась Дарья Семеновна, едва переводя духъ.—Знаю, все знаю, сквернавка. Это тебѣ Егоръ Иванычъ купилъ... его дѣло...

Аннушка воспользовалась моментомъ и убѣжала въ лѣсъ. Дарья Семеновна каталась по травѣ и дико голосила.

— Будетъ тебѣ, омморошная!—уговаривалъ ее Митричъ.—Говорю: будетъ. Погляди на себя-то, на кого ты похожа. Чучело чучелой. И не такіе твои года, чтобы пустяками заниматься.

— Отвяжись, смола горючая... Я... я... я ей глаза выцарапаю, подлюгѣ!.. Будетъ помнить, какъ чужихъ мужей отбивать...

Митричу ничего не оставалось, какъ только махнуть рукой. Онъ вообще недолюбливалъ женщинъ, а тутъ Дарья Семеновна вонъ какую музыку развела.—Вотъ ужо воротится Егоръ Иванычъ изъ городу, онъ тебѣ насыплетъ два неполныхъ.

Старый Митричъ отлично зналъ человѣческое сердце. Дѣйствительно, когда вернулся Егоръ Иванычъ, Дарья Семеновна точно бѣлены объѣлась и полѣзла на него съ кулаками. Въ первый моментъ чухонецъ не понялъ, въ чемъ дѣло, а потомъ такъ оттолкнулъ отъ себя жену, что она покатилась по травѣ кубаремъ. Въ моментъ ярости Егоръ Иванычъ дѣлался страшнымъ и способенъ былъ на все. Старому Митричу пришлось возиться съ нимъ, какъ съ больнымъ.

— Эхъ, какой ты, Егоръ Иванычъ...—бормоталъ Митричъ.—Поней водицы... Мало ли что бываетъ. Извѣстно: бабы!.. У бабы сердце-то, какъ худой горшокъ: постоянно дребезжитъ...

Егоръ Иванычъ тяжело дышалъ и только озирался кругомъ, какъ затравленный звѣрь. Дарью Семеновну Митричъ увелъ къ себѣ въ балаганъ и все наговаривалъ, какъ старый колдунъ:

— Ничего, утихомирится... Мало ли что бываетъ по семейному дѣлу... Не всякое лыко въ строку... А ты тоже не очень выпущай красное-то перо. Въ другой разъ и помолчать хорошо... Тоже вѣдь и молчать-то надо съ умомъ.

Избитая Дарья Семеновна имѣла такой жалкій видъ, что Митричъ про себя пожалѣлъ ее отъ чистаго сердца.

— Тоже живой человѣкъ... да. Много ли бабѣ нужно... А этотъ чухонскій деревянный чортъ съ одного разу лошадь можетъ зашибить своимъ кулачищемъ. Право, обормотъ полосатый...

Но этимъ дѣло не кончилось. Дарья Семеновна не успокоилась и повела другую линію. Она украла у мужа водки, напоила Галаха и съ ловкостью опытнаго интригана возбудила въ немъ ревность.

— Дуракъ ты, Галахъ...—наговаривала она.—У себя подъ носомъ ничего не видишь. Даромъ платки-то не дарятъ.

— Это за грибы Егоръ Иванычъ принесъ ей гостинецъ...

Дарья Семеновна даже расхохоталась и долго кашляла.

— Тоже и скажетъ человѣкъ: за грибы... ха-ха! Знаемъ мы, какіе у ней грибы. Изъ-за ея-то гриба вотъ какъ мнѣ попало... Живого мѣста не осталось.

Захмелѣвшій Галахъ въ первый моментъ рѣшилъ убить Егора Иваныча. Въ лѣсу-то одинъ Никола богъ... Ступай, ищи, кто убилъ. Чтобы сорвать сердце, онъ сильно избилъ Аннушку. Все это происходило на глазахъ у всей компаніи,

но никто и не думалъ заступаться за несчастную. Ежели законныхъ женъ учатъ на смерть, такъ шляющихъ дѣвокъ и подавно. Аннушка отчаянно вопила и все-таки осталась.

— Некуда мнѣ итти...—уныло повторяла она, когда Митричъ уговаривалъ ее уйти отъ грѣха.—Все одно, и въ городѣ будутъ бить... Не впервой. Ужъ такая злосчастная уродилась, значитъ.

— Ахъ, ты, горькое горюшко, непокрытая твоя бабья головушка...—опять пожалѣлъ Митричъ.—Ничего съ тобой не сообразишь...

Аннушкѣ досталось еще отъ Егора Иваныча. Зачѣмъ платкомъ похвалилась и дура дурой себя оказала...

Вообще, Аннушка какъ-то сразу всѣмъ помѣшала, какъ больной зубъ, и всякій по-своему старался выместить на ней все, что накипѣло на душѣ. Это была настоящая травля, въ родѣ той, какую устраиваютъ между собой собаки. Больше всѣхъ возмущался происходившимъ Егоръ Иванычъ, но, какъ находившійся въ нѣкоторомъ подозрѣніи, угрюмо молчалъ и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Только разъ онъ не выдержалъ и очень рѣзко замѣтилъ Митричу:

— Какъ вамъ стыдно нѣтъ...

V.

Въ іюлѣ наступила горячая работа, и ссориться просто не хватало времени. Ягоды и грибы уродились порядочно, и можно было кормиться. Бывали дни, когда Егору Иванычу было не въ моготу снести весь товаръ, и онъ бралъ по очереди кого-нибудь изъ артели въ помощники. У всѣхъ завелись кой-какія деньжонки про черный день и дешевенькія обновки. Разъ легкомысленный Галахъ принесъ изъ города даже гармонику. Положимъ, инструментъ былъ дешевый, но Егоръ Иванычъ счелъ своимъ долгомъ поворчать.

— Чему обрадовались-то?

— Ничего, пусть его играетъ,—заступился за Галаха Митричъ.—Молодо-зелено, погулять велѣно. Хуже, если бы деньги-то стравилъ на пропой души...

Чтобы не смущать компаніи, Галахъ уходилъ съ Кольцовымъ куда-нибудь подальше въ лѣсъ и тамъ отводилъ душу. Галахъ неистово пиликалъ на своей гармоніи, а Кольцовъ еще болѣе неистово плясалъ. Въ сущности, занятіе было самое скромное и совсѣмъ не душевредное, какъ говорилъ Митричъ.

По вечерамъ, сидя у огонька, Егоръ Иванычъ любилъ пофилософствовать на разныя темы, причемъ его терпѣливымъ слушателемъ неизмѣнно былъ Митричъ.

— На свѣтѣ все несправедливо,—говорилъ Егоръ Иванычъ, насасывая свою носогрѣйку.—Почему я долженъ по крышамъ лазать, какъ мартовскій котъ, а другіе живутъ въ каменныхъ собственныхъ палатахъ и ничего не дѣлаютъ?

— Очень даже просто...—объяснялъ Митричъ.—Ежели бы всѣ забрались въ каменныя палаты, такъ кто бы сталъ трубы-то чистить?.. И въ Писаніи сказано это самое: „...не трудивыйся ниже да ясть“. И Богу-то виднѣе, какъ ты по крышамъ орудуешь, значитъ, въ потѣ лица спискиваешь пропитаніе, а милліонщикъ лежитъ въ своей перинѣ одному чорту на радость. Работа все одно, какъ молитва, и чорту она, напримѣрно, хуже даже монашеской молитвы. Вѣрно тебѣ говорю...

— Хорошо. Будь по-твоему,—соглашался Егоръ Иванычъ.—А откуда въ человѣкѣ неправда?..

— Неправда-то? А она, значитъ, неправда, вмѣстѣ съ человѣкомъ рожается. Да... И у каждаго человѣка своя неправда... Ежели разобрать, такъ всѣ мы живемъ, какъ слѣпые щенки. О главномъ-то, значитъ, о своей душѣ и не думаемъ... Какъ въ лѣсу темномъ ходимъ и только своего лакомства ищемъ. И все намъ мало... завидуемъ... Развѣ это хорошо, ежели я позавидую, что человѣкъ лучше меня живетъ? По-настоящему, значитъ, по правилу, я долженъ радоваться...

— Ну, на голодное брюхо немного нарадуешься...

— А это испытаніе намъ Господь посылаетъ... да. Правильныхъ словъ мы не хотимъ понимать, такъ насъ Господь испытуетъ гладомъ. Ежели, молъ, не слышишь ухомъ, такъ послушай брюхомъ... Вѣрно тебѣ говорю. Тоже вотъ и болѣзни... Ты вотъ позавидовалъ купцу, у котораго каменный домъ, а можетъ, его заживо черви точатъ? У насъ на Мѣщанской точъ-въ-точь такой случай вышелъ. Каретникъ онъ былъ, набилъ мошну, ну и возмечталъ. Значитъ, гордость его обуяла. Лучше, молъ, меня нѣтъ, а всѣ другіе—прохвосты и шантрапа. Такъ вотъ его заживо червь и разгрызъ... Тутъ и докторовъ навезли, и порошковъ, и микстуры, и электрическую машину къ животу наставляли—нѣтъ, братъ, шабашъ. Такъ и кончился... А почему? Господь ему испытаніе послалъ, а онъ хотѣлъ деньгами отъ него откупиться.

Эти душеспасительные разговоры у огонька были какъ-то особенно хороши. Надъ головой такое глубокое синее небо, изъ лѣсу нѣтъ-нѣтъ и пахнетъ тяжелымъ, смолистымъ ароматомъ, гдѣ-то въ болотной травѣ слышится таинственный шорохъ, точно кто крадется... Старый Митричъ устало вздыхаетъ, припоминая разные молодые грѣхи. Охъ, за все-то, за все придется отвѣтъ дать...

— А главное, не надо обижать человѣка,—философствовалъ Митричъ.— Вѣдь сильнаго не обидишь, а выберешь кто похилѣе... Вотъ по этой причинѣ и бабъ обижаютъ, у кого стыда нѣтъ.

— Тоже и бабы разныя бываютъ,—угрюмо отвѣчалъ Егоръ Иванычъ.— Другую бабу, можетъ, и убить мало. Совсѣмъ вредныя бабы случаются...

— А ты сдѣлай видъ, что ничего не замѣчаешь. Который человѣкъ осудилъ, тотъ любую половину чужого-то грѣха на свою душу и принялъ... Это ужъ вѣрно. По-моему и грѣха больше нѣтъ, какъ осуждать другого.

— Ну, а ежели онъ негодяй?

— Ежели негодяй, то покается. И воръ Богу молится, недаромъ пословица говорится.

Старческое благодушіе не производило впечатлѣнія на суровую душу Егора Иваныча, и онъ оставался при своемъ убѣжденіи о необходимости возмездія и кары.

— Этакъ-то всѣ правыми будутъ...—ворчалъ онъ.—А надо, чтобы человѣкъ чувствовалъ свою собственную подлость.

— А ты его не тронь, ну, онъ и самъ очувствуется.

Егоръ Иванычъ только насасывалъ свою трубку. Новыя мысли съ трудомъ укладывались въ его упрямой чухонской головѣ, но онъ не любилъ „умствовать“ и терпѣливо слушалъ разглагольствованія Митрича.

— И вина-то не всякая виновата,—думалъ вслухъ Митричъ.—Напримѣрно теперь баба... да... Конечно, у бабы душа короткая, это правильно, а потому и взыскъ за нее больше. Обидѣть-то всякій умѣетъ ее, значитъ, бабу, особенно дѣвушку, которая себя потеряла... да... А вѣдь она человѣкъ, Божецкое созданіе. Намъ вотъ даже смѣшно, когда баба ревetъ, а вотъ че-

рѣзъ эти самыя бабьи слезы ей, можетъ, и выйдетъ прощеніе. И въ Писаніи про бабу приметно сказано: скудельный сосудъ. Ну, значитъ, съ нея такой и отвѣтъ полагается... Охъ, нехорошо по нынѣшнимъ временамъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ...

Егоръ Иванычъ подбрасываетъ въ костеръ дрова и угрюмо молчитъ. Митричъ смотритъ, какъ огонь набрасывается на свою новую жертву, и качаетъ головой.

— А ты вотъ какъ думай, — говоритъ Митричъ, продолжая думать вслухъ.—Да... Ты на бабу-то смотри, какъ на родную сестру... Понялъ? Опо, звѣрство-то, которое въ тебѣ есть—оно и сгинетъ. Главное въ человѣкѣ: совѣсть. Передъ чужой женщиной про совѣсть-то и забываютъ, а при сестрѣ, значитъ, не всякое дикое слово скажешь и вредныхъ мыслей въ головѣ не будешь держать. Это ужъ вѣрно... Не хитрая механика, а только про нее не помнятъ...

Егору Иванычу было немного совѣстно, точно Митричъ сторопой обвинялъ его, Егора Иваныча, какъ онъ билъ жену. Конечно, нехорошее это дѣло и даже очень нехорошее, особенно ежели на него посмотрѣть со стороны, а только надо понимать и мужа. Ну, съ чего тогда Дарья Семеновна накинулась на Аннушку? Что такое платокъ, ежели разобрать? Просто тряпка и больше ничего. И деньги были Аннушкины, а не его.

Дарья Семеновна думала по-своему и рѣшила жестоко отомстить своей воображаемой соперницѣ. Она долго обдумывала дѣло со всѣхъ сторонъ и наконецъ придумала. Средство избавиться отъ соперницы оказалось подъ рукой. Чтобы впередъ оградить себя отъ всякихъ подозрѣній, Дарья Семеновна помирилась съ Аннушкой. Хорошимъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ оказался Митричъ. Старикъ отъ души радовался и повторялъ:

— Ну вотъ, такъ-то лучше будетъ... Худой миръ, а лучше хорошей ссоры.

Одинъ Егоръ Иванычъ относился недовѣрчиво къ этой дружбѣ и по обыкновенію что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

Такъ прошло недѣли двѣ. Все было тихо и мирно. Никто и не подозрѣвалъ, какъ это всегда бываетъ, что бѣда виситъ надъ головой. Разъ, возвращаясь вечеромъ изъ города, Егоръ Иванычъ еще издали услышалъ какой-то неистовый вой. Онъ прибавилъ шагу. Навстрѣчу ему бѣжалъ Галахъ, блѣдный, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ.

— Егоръ Иванычъ... у насъ не ладно... — бормоталъ онъ.

— Что такое?

— Анютка помираетъ... катается по землѣ... животомъ вотъ какъ ухватило.

Они прибѣжали къ балагану бѣгомъ, перегоняя другъ друга. Издали они увидѣли, какъ Аннушка катается по травѣ съ дикими воплями, а Митричъ и Кольцовъ напрасно стараются ее удерживать.

— Гдѣ же Дарья Семеновна?—удивился Егоръ Иванычъ.

— А она въ лѣсу грибы собираетъ...

На Аннушку было страшно смотрѣть. Въ первый моментъ Егоръ Иванычъ даже не узналъ ея. Блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ, растрепанная... Глаза были широко раскрыты, но ничего не видѣли. Изо рта шла бѣлая пѣна. Она схватила обѣими руками животъ и глухо стонала. Егоръ Иванычъ посмотрѣлъ на нее и сразу все понялъ. Аннушка чѣмъ-то отравилась... Молокомъ бы отпоить, да какое въ лѣсу молоко? Но нужно было что-нибудь сдѣлать.

— Я ужъ ее отпаивалъ золой... — шепотомъ сообщалъ Митричъ. — Помогаетъ, ежели къ числу... Отъ мухоморныхъ всегда золой первымъ дѣломъ отпаиваютъ.

Завидѣвъ Егора Иваныча, Аннушка немного затихла.

— Совѣстно ей себя дурой-то передъ тобой оказывать... — шепотомъ объяснилъ Митричъ.—И что только попритчилось съ дѣвушкой...

Егоръ Иванычъ произвелъ дознаніе и обратилъ особенное вниманіе на висѣвшій надъ огнемъ котелокъ съ грибной похлебкой. Митричъ понялъ нѣмой вопросъ.

— Это онѣ похлебку съ дорогой Семеновной варили...—замѣтилъ Митричъ. — Можетъ, какой-нибудь вредный грибъ попался, ну, и попритчилось... Много ли бабѣ надо.

Егоръ Иванычъ опрокинулъ котелокъ и внимательно осмотрѣлъ каждый грибъ. Теперь ему сдѣлалось все ясно. Въ числѣ другихъ грибовъ онъ узналъ два мухомора. Очевидно, это устроила Дарья Семеновна, чтобы отравить Аннушку. Вѣдь ужъ баба, ежели обозлится, все можетъ сдѣлать въ лучшемъ видѣ...

Съ Аннушкой провозились цѣлую ночь, а къ утру она умерла въ страшныхъ мученіяхъ. Малодушный Галахъ горько плакалъ, какъ ребенокъ. Покойную положили подъ кустъ прибрежнаго ивняка и прикрыли рваньемъ байковымъ одѣяломъ.

Егоръ Иванычъ долго сидѣлъ у своего огонька, насасывая свою трубочку, и ничего не говорилъ съ женой, которая вернулась изъ лѣсу только ночью. Она прокралась въ свой шалашъ, какъ лисица. Несмотря на страшную усталость и голодъ, она боялась проявить свое существованіе хотя малѣйшимъ движеніемъ. Ей казалось, что Егоръ Иванычъ непремѣнно ее убьетъ. Потомъ ей все время мерещилась погибшая Аннушка. Она даже слышала ея осторожные шаги около балагана. Что касается совершеннаго преступленья, Дарья Семеновна плохо отдавала себѣ отчетъ. Можетъ-быть, Аннушка умерла и не отъ мухомора. Мало ли людей мретъ на свѣтѣ... Просто — схватило животъ, ну, и померла. Тоже вотъ на Мастерской такъ же померла дворничиха. Совсѣмъ молодая бабенка и съ мужемъ жила согласно.

Всю ночь Дарья Семеновна не сомкнула глазъ, а Егоръ Иванычъ всю ночь просидѣлъ у огня и отправился рано въ городъ съ тѣми же глазами, съ какими пришелъ въ Пустыньку. Надо было заявить въ полицію о мертвомъ тѣлѣ. Можетъ-быть, покойницу будутъ еще доктора потрошить, а тамъ потащатъ къ слѣдователю. Главная бѣда была въ томъ, что Аннушку привелъ въ Пустыньку Галахъ; ну, на него и падетъ подозрѣніе. Хорошо было одно, что при смерти Аннушки былъ одинъ Митричъ, а старикъ умный, зря не выдастъ. Мало ли люди помираютъ, а тутъ бабьимъ дѣломъ застудила себѣ животъ—и конецъ тому дѣлу. И въ больницахъ простой народъ мретъ, какъ мухи, а тутъ, въ лѣсу, и подавно можно помереть. А все-таки непріятно, и Егоръ Иванычъ чувствовалъ именно за собой какую-то тайную вину.

Въ полиціи заявленіе волновавшагося Егора Иваныча приняли съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, точно дѣло шло объ отравленной мухѣ.

Дальше пошло обычнымъ порядкомъ: полицейское дознаніе на мѣстѣ анатомированіе трупа и т. д. Дарья Семеновна попала въ число свидѣтелей, и держала себя удивительно спокойно, что особенно удивляло Митрича. Вѣдь ея рукъ дѣло, а она хоть бы глазомъ моргнула... Другіе свидѣтели путали, оговаривали другъ друга и всячески старались выгородить себя.

Медицинское вскрытіе и изслѣдованіе внутренностей не привело ни къ чему. „Казенный докторъ“ долго объяснялъ слѣдователю о дѣйствіи какихъ-то „итоманновъ“, ускользающихъ отъ всевидящаго ока судебной медицины. Затѣмъ, если бы и возможно было доказать наличность отравленія, то оставался еще вопросъ о самовольномъ или насильственномъ введеніи органическаго яда въ организмъ. Вообще, получалось дѣло запутанное и крайне темное, которое, выражаясь языкомъ полицейскихъ протоколовъ, предано было волѣ Божіей.

VI.

Всѣ вздохнули свободнѣе, когда Аннушку похоронили на ближайшемъ кладбищѣ. Все устраивалъ Егоръ Иванычъ и все время не сказалъ ни съ кѣмъ ни одного слова. Своей жены онъ точно не замѣчалъ. Вернувшись съ похоронъ, Егоръ Иванычъ опять сидѣлъ около своего огонька, немилосердно насасывалъ свою трубочку и въ суровомъ одиночествѣ раздумывалъ свою одинокую чухонскую думу. Митричъ лежалъ въ шалашѣ и угнетенно вздыхалъ.

— Охъ, пронеси, Господи, тучу морокомъ... Дѣло-то, дѣло какое вышло,— раздумывалъ старикъ. — И примѣнить даже ни къ чему нельзя...

А лѣтняя ночь наступала тихая-тихая... Воздухъ точно застылъ. Изрѣдка эта мертвая тишина нарушалась тѣми неопредѣленными звуками, какіе слышатся въ лѣсу только въ тихія ночи. Казалось, что кто-то крадется въ лѣсу. Гдѣ-то въ рѣчкѣ булькнула вода. Дарья Семеновна лежала въ томъ же балаганѣ и притворялась спящей. Ей казалось, что въ лѣсу кто-то крадется осторожными шагами... И не мужскіе шаги, а женскіе. Это была она... Да, ея непокаянная душенька бродила въ лѣсу. Въ дѣтствѣ Дарья Семеновна слыхала отъ старухъ, какъ тяжело душа разстается съ тѣломъ и потомъ сорокъ день не можетъ найти покоя. Вотъ богатые, тѣ сорокоусты служатъ недаромъ по своимъ „богатымъ покойникамъ“. Дарьѣ Семеновнѣ дѣлалось страшно а по спинѣ бѣжала холодная дрожь.

Митричу наконецъ надоѣло лежать въ балаганѣ, и онъ вышелъ къ огоньку. Егоръ Иванычъ по своему обычаю не замѣчалъ старика. Огонь тихо перебѣгалъ синими языками по обугливщемуся дереву. Изрѣдка яркими звѣздочками вспыхивали красныя искры и сейчасъ же гасли, точно ихъ гасила какая-то невидимая рука. Упрямыя поленья, пропитанныя водой, долго шипѣли и трещали, не поддаваясь предательскимъ горячимъ объятіямъ лизавшаго ихъ краснаго пламени.

— И что я тебѣ скажу, Егоръ Иванычъ,—заговорилъ Митричъ, поправляя разваливавшійся костеръ.

— Ну?..

— А, значитъ, этого-того... вообче...

— Ну?..

Митричъ оглядѣлся кругомъ и проговорилъ шепотомъ:

— Домой пора, вотъ что...

Егоръ Иванычъ молчалъ, точно деревянный идолъ. Митричъ придвинулся къ нему совсѣмъ близко и прибавилъ:

— Она-то ходитъ кругомъ насъ... да. Иду я какъ-то по лѣсу... значитъ, по грибному дѣлу... да... гляжу это, а въ чащѣ-то и мелькнула стѣнь *)...

---

*) Стѣнь — тѣнь.

Ну, я ее-то сразу узналъ... А она меня пальцемъ къ себѣ манитъ... у меня руки и ноги трясутся... духъ это спертло... Хорошо, что догадался, и какъ это крикну на весь лѣсъ: „Аминь! Аминь... разсыпься“...

— Ну?

— А ничего... Такъ вотъ, въ томъ родѣ, какъ бѣлое облачко поднялось — только и всего.

Пауза. Огонь тихо потрескиваетъ. Егоръ Иванычъ хотя былъ и не трусливаго десятка, а невольно прислушивается къ окружающей гнетущей темнотѣ... Митричъ угнетенно молчитъ, грѣя надъ огнемъ свои натруженныя, со скрюченными пальцами руки. Старикъ ничего не боялся, а такъ жуть схватывала въ лѣсу.

— Въ городу-то даже совсѣмъ наоборотъ будетъ...—думаетъ онъ вслухъ.— Потому, сейчасъ это тебѣ вездѣ церковь, напримѣрно... Ну, тебѣ поблазнило, а ты возьми да перекрестись... Вѣрно говорю...

Сколько Митричъ ни говорилъ, Егоръ Иванычъ такъ и не откликнулся. Сидитъ идоломъ — и больше ничего.

Потомъ Егоръ Иванычъ проспалъ на цѣлыхъ два дня.

— Куда бы ему дѣваться, чухонскому корыту? — ворчалъ Митричъ.

А тутъ и пригрѣлся весь вынелъ. Доѣдали кой-какія корочки. Итти въ балаганъ къ Галаху Митричъ ни за что не хотѣлъ. Ну ихъ, оборотовъ, къ нелегкому... Еще издѣваться будутъ да на смѣхъ подымутъ.

Изъ города Егоръ Иванычъ вернулся противъ обыкновенія веселымъ и принесъ разной провизіи. Такое настроеніе Митричу показалось даже обиднымъ. Ну, чему обрадовался человѣкъ? Такое ли время, чтобы радоваться... Егоръ Иванычъ не забылъ и старика: онъ захватилъ съ собой полбутылки водки. Послѣднее обстоятельство подѣйствовало на Митрича самымъ успокаивающимъ образомъ.

— Тяжело мнѣ было... — объяснялъ Егоръ Иванычъ заплетавшимся языкомъ... — Вотъ какъ тяжело... мысли это разныя въ головѣ... да... А потомъ такъ подумалъ: вѣдь я никому не сдѣлалъ зла.., Вѣр-рно!.. А кто его сдѣлалъ, тотъ и въ отвѣтѣ. Такъ?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, кто передъ Богомъ будетъ отвѣчать... Ежели въ которомъ человѣкѣ есть совѣсть.

— Совѣсть — это ужъ подъ старость, значитъ, когда который человѣкъ и хотѣлъ согрѣшить — да нечѣмъ грѣшить-то... А когда ежели человѣкъ въ полной силѣ... кровь въ немъ ходитъ...

— Ну, тогда что?

— А тогда совсѣмъ другое выйдетъ.

— Здря ты все это мелешь, Егоръ Иванычъ, — сердито ворчалъ Митричъ. — Этакъ-то всѣ правы будемъ... Въ мысляхъ наши-то грѣхи. Ты вотъ человѣкъ могутный и съ кѣмъ угодно справишься... Такъ? Къ примѣру говорю... А вотъ справься, попробуй, самъ съ собой. Самый-то страшный врагъ человѣку онъ самъ. И справиться съ этимъ врагомъ труднѣе всего, все равно, что поднять самого себя за волосы.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой...—повторялъ Егоръ Иванычъ, покачивая головой.—Сколько этихъ разныхъ словъ въ тебѣ накопилось, Митричъ...

— А ты подумай, милашъ... Вѣдь спроста на свѣтѣ ничего не бываетъ. Значитъ, все по закону... Это мы отъ своей темноты такъ думаемъ, что, молъ, что захочу, то и сдѣлаю. Глупость это одна... темнота наша...

— Да ты къ чему это ведешь, Митричъ?

— Я-то?..

Митричъ сдѣлалъ стариковскую передышку, поправилъ костеръ и проговорилъ уже другимъ голосомъ:

— А къ тому, что по добру по здорову надо уходить въ городъ... Однимъ словомъ, не вышло наше дѣло—и конецъ. Замучитъ она насъ... Блазнить будетъ въ лѣсу-то. Окъ, грѣхи, грѣхи... Вотъ всякій такъ-то, всякій хочетъ получше устроиться, а тутъ и выйдетъ кобей наоборотъ...

— Значитъ, въ городъ?

— Не иначе, какъ въ городъ, чѣмъ тутъ-то маяться... На людяхъ-то оно всякую бѣду въ родѣ того, какъ вѣтромъ развѣетъ.

Егоръ Иванычъ молчалъ. Ему не хотѣлось въ городъ. Зима велика. Да и до осени еще далеко. Цѣлую зиму собирались-собирались въ Пустыньку, а тутъ, здорово живешь, поворачивай оглобли. Съ другой стороны, и Митричъ былъ правъ. Вообще разсудительный и правильный старикъ и говоритъ вѣрно, а все-таки обидно бѣжать-то.

Эти переговоры о переѣздѣ въ городъ велись нѣсколько дней. Упорство Егора Иваныча помаленьку начало исчезать, т.-е. онъ угрюмо отмалчивался. Конечно, сейчасъ въ городѣ душно, и воздухъ совсѣмъ кислый и тяжелый стоитъ, хоть топоръ вѣшь. А все-таки жаль бросать Пустыньку... Все это Егоръ Иванычъ передумывалъ на тысячу ладовъ и въ концѣ концовъ все-таки ничего не могъ сообразить. По русской поговоркѣ, какъ говорилъ Митричъ, куда ни кинь—все выйдетъ клинъ...

Вообще дѣла были плохи. Вдобавокъ, Егоръ Иванычъ поссорился съ хозяиномъ старой квартиры въ городѣ, и приходилось искать новую. Полежимъ, лѣтомъ пустыхъ квартиръ въ городѣ сколько угодно, а все-таки трудно. Прежде все какъ-то легче выходило, а тутъ изъ каждаго угла бѣда вырастаетъ. Да и Митричъ скулитъ, точно старый песъ къ пожару.

Отъ этихъ домашнихъ заботъ Егора Иваныча охватывала глухая тоска, и онъ все чаще и чаще искалъ утраченное спокойствіе по кабачкамъ и портернымъ, гдѣ собирались такіе же обездоленные люди. И къ себѣ въ Пустыньку теперь онъ возвращался уже постоянно подъ хмелькомъ. Разъ онъ встрѣтился въ лѣсу съ Галахомъ и ни съ того ни съ сего его поколотилъ.

— Да ты это что?! Бѣлены объѣлся... — ругался Галахъ. — Тоже и мы сами съ усами... Сдѣлай милость!...

Егоръ Иванычъ только засмѣялся и проговорилъ:

— А знаешь русскую поговорку: носи—не потеряй? Вотъ она самая и выходитъ... Смотрѣть то мнѣ на всѣхъ васъ тошно...

— А ты на себя бы поглядѣлъ, идолъ деревянный...

— А ты у меня еще поговори... Прибавки моего жалованья хочешь?

Галахъ едва убѣжалъ въ лѣсъ отъ разсвирѣпѣвшаго чухонца, съ которымъ было опасно шутить.

Дарья Семеновна пряталась отъ всѣхъ, какъ затравленный звѣрь, а пьянаго Егора Иваныча боялась, какъ огня. Что ему стоило ее изувѣчить: одинъ разъ размахнулся—и готово.

— Ты ужъ ему не показывайся на глаза-то...—совѣтовалъ Митричъ.— Не ровенъ часъ...

— А пусть убиваетъ... одинъ ужъ конецъ... тошнехонько...

Подумавъ немного, Дарья Семеновна прибавляла.

— Вѣдь все равно убьетъ... Ужъ скорѣй бы лучше, чѣмъ маяться-то...

— Перестань ты пустыя-то слова разговаривать.

Женскій вопросъ для Митрича представлялъ неразрѣшимую загадку. Его даже смущало, что у бабы тоже есть душа. Да, настоящая душа, хотя и короткая, какъ говорятъ про бабъ въ деревнѣ. Такъ и съ Дарьей Семеновной... Богъ ее знаетъ, она ли отравила Аннушку, или та по своей глупости наѣлась мухомора. И такъ и этакъ могло быть... Недаромъ говорится, что чортъ-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ. Даже изъ слова въ слово вышло. Тоже вотъ и Егоръ Иванычъ... Вонъ какъ онъ на Галаха поднялся. Не ровенъ часъ, и убьетъ, какъ муху. Въ результатѣ этихъ мыслей получился одинъ выводъ: надо уходить изъ Пустыньки. Будетъ, покантовали, да и дѣло къ осени идетъ.

Митричъ всегда дѣйствовалъ „изъ-подъ политики", осторожно и съ подходцами, и его голова походила на кротовую нору съ нѣсколькими входами и выходами.

— Одна кислота сейчасъ въ Питерѣ-то,—отрѣзалъ ему какъ-то Егоръ Иванычъ. — Такой ароматъ, что хоть топоръ вѣсь...

VII.

Митричъ плохо довѣрялъ Егору Иванычу и про себя называлъ его „поперешной душой". Что ему ни скажи, онъ сейчасъ напоперекъ того повернетъ. А тутъ еще выходило такъ, что чѣмъ больше говорили о переѣздѣ въ городъ, тѣмъ дальше вопросъ затягивался какъ-то самъ собой. Да и время подошло самое пріятное: и ягоды, и грибы, и рыба при случаѣ.

— Чего мы въ городу-то потеряли...—ворчала Дарья Семеновна.—Лучше ужъ здѣсь маяться, пока дождей нѣтъ.

Митричъ только качалъ головой. Изъ-за кого вся каша заварилась, ежели разобрать? Ахъ, бабы, бабы... Вотъ тутъ и сообрази. Царь Соломонъ, и тотъ бы заблудился, какъ рыба въ вершѣ. Великая сила дадена бабѣ, и каждая баба, какъ соловецкіе угодники, въ своихъ немощахъ силу обрѣтаетъ. На что крѣпокъ Егоръ Иванычъ, а и то не можетъ справиться. Ужъ, кажется, чего проще: молчать? А баба молчитъ, такъ еще похуже самаго кусательнаго разговора выходитъ въ другой разъ...

Въ концѣ концовъ вопросъ о немедленномъ возвращеніи въ городъ заглохъ какъ-то самъ собой. Да и некогда было спориться да судачить. Работы всѣмъ было по горло. И ягоды и грибы, какъ на грѣхъ, нынче особенно хорошо уродились.

— Главное, въ лѣсу-то какое сейчасъ пріятное воспареніе, — думалъ Митричъ вслухъ. — Точно вотъ ладаномъ пахнетъ... Надо хоть Ильинъ день здѣсь встрѣтить, а тамъ ужъ все одно.

Между прочимъ, Митричъ придумалъ изводить Дарью Семеновну молчаніемъ. И самъ не заговаривалъ съ ней и не считалъ нужнымъ отвѣчать на ея вопросы.

Хорошій заработокъ на грибахъ и ягодахъ какъ-то сразу примирилъ всѣхъ. Въ Пустынькѣ появилась даже роскошь въ видѣ ситнаго хлѣба и настоящей свѣжей говядины. Некогда было ссориться, да и сытый человѣкъ дѣлается какъ-то добрѣе. Послѣднее даже огорчало Митрича.

— Конечно, голодный и архирей украдетъ... — философствовалъ старикъ. — Правильно пословица-то говорится. Не нами началось, не нами и кончится... Хорошо это горяченькихъ щецъ похлѣбать съ убоинкой...

Эти съѣдобныя мысли много содѣйствовали общему умиротворенію. А городъ что, городъ никуда не уйдетъ... Вонъ ужъ иней начался, а разъ

утромъ Митричъ своими ушами слышалъ, какъ гдѣ-то далеко-далеко въ болотѣ кричали журавли. Откуда бы, кажется, по такимъ людными мѣстамъ журавлю взяться?.. Птица будетъ поосторожливѣе утки и себя вотъ какъ сохраняетъ... Удивительное это дѣло что чѣмъ больше птица или звѣрь, тѣмъ больше въ немъ страха передъ человѣкомъ Ну, кому, кажется, понадобился этотъ самый журавль, а, поди, какъ себя крѣпко сохраняетъ и бережетъ.

Въ предчувствіи наступающей осени у Митрича всегда являлась молчаливая старческая тоска. Приведетъ — не приведетъ Господь дожить до слѣдующей-то осени... Зима велика, и бѣдному человѣку вотъ какъ трудно. Вонъ воробей, онъ хоть на одной ножкѣ попрыгаетъ или въ грубу залѣзетъ погрѣется, а живой человѣкъ куржевѣетъ по подваламъ да по чердакамъ. Охъ, все это Господь за грѣхи людямъ посылаетъ, за ихъ звѣрство... Другой человѣкъ похуже въ десять разъ самаго несмысленнаго распослѣдняго скота. И этой самой злости неочерпаемо.. Вообще Митричъ любилъ сокрушаться за свои и чужіе грѣхи, и онъ только удивлялся, какъ другіе люди ничего не желаютъ видѣть у себя подъ носомъ, а живутъ такъ, день да ночь — сутки прочь. Отъ грѣха-то, видно, и въ лѣсу не спрячешься...

VIII.

Дожили и до Ильина дня и справили его честь-честью. Къ общему котлу у шалаша Егора Иваныча приходили и Галахъ и Иванъ Кольцовъ. Настоящаго, прочнаго мира не было, а такъ, терпѣли другъ друга. Всѣ старались говорить о чемъ-нибудь постороннемъ. Дарья Семеновна сказалась больной и все время пролежала въ балаганѣ. Егоръ Иванычъ проявилъ необыкновенныя качества гостепріимнаго хозяина, а гости, въ свою очередь, старались тоже не ударить лицомъ въ грязь. Хмурился одинъ Митричъ

— Что ты надулся, какъ мышь на крупу?—приставалъ къ нему Галахъ.

— Отстань!.. — сурово обрывалъ его старикъ и тяжело вздыхалъ. — Только и знаете, что зубы скалить.

Всѣ выпили, закусили и разошлись только поздно вечеромъ, когда стемнѣло.

Проспувшись рапнимъ утромъ, Егоръ Иванычъ удивился, что мѣсто, гдѣ спала Дарья Семеновна, было пусто.

„Видно, въ лѣсъ ушла грибы искать...“—подумалъ онъ.

Митричъ тоже не видалъ, когда Дарья Семеновна ушла. Обыкновенно она говорила, если собиралась куда-нибудь уходить. Егоръ Иванычъ вскипятилъ воду въ жестяномъ чайникѣ, напился чаю и ушелъ на свою работу въ гору.

— Эхъ, неладно!.. — вслухъ думалъ Митричъ, оставшись одинъ.— Еще сдѣлаетъ что-нибудь надъ собой дура-баба...

Старикъ волновался цѣлый день и ходилъ искать Дарью Семеновну въ лѣсу. Еще заблудится съ большого-то ума... Охъ, ужъ эти бабы, прахъ ихъ побери!.. Только не догляди за ней, она, какъ брынская коза, забредетъ не знаю куда. Однимъ словомъ — публика; конечно, безъ бабы нельзя, а съ бабой — бѣда.

Дарья Семеновна черезъ три дня отыскалась. Она оказалась въ участкѣ, куда былъ вызванъ и Егоръ Иванычъ. Разыгралась одна изъ тѣхъ драмъ, которыя случаются время отъ времени.

— Это твоя жена?—спрашивалъ трубочиста приставъ.

— Въ томъ родѣ, вашескородіе...

— Ну, это все равно.

Изъ допроса Егоръ Ивапычъ сразу догадался, что Дарья Семеновна пришла въ участокъ и сама заявила о совершенномъ ею преступленіи. Она была покойна и ничего не скрывала. Отравленіе мухоморомъ было настолько рѣдкимъ случаемъ, что вызванный въ полицію врачъ только пожалъ плечами.

— Конечно, такія отравленія возможны,—объяснялъ онъ.—Но доказать научнымъ путемъ преступленіе подобнаго рода немыслимо...

На сцену выступили опять таинственные „птомаины“, такъ что околоточный спросилъ:

— Да ихъ видалъ кто-нибудь, т.-е. вотъ эти самые птомаины?..

— Наука знаетъ объ ихъ существованіи и страшномъ дѣйствіи, какъ въ случаяхъ отравленія рыбнымъ ядомъ, но опредѣлить ихъ присутствіе въ организмѣ до сихъ поръ невозможно...

Околоточный считалъ себя человѣкомъ понимающимъ. Кажется, ужъ онъ достаточно на своемъ вѣку навидался всякой всячины, а тутъ приходилось только развести руками.

— И придумаютъ только эти бабы...—ворчалъ онъ.—Ну, кому этакая штука придетъ въ голову? Единственный случай, можно сказать, въ своемъ родѣ... да... Богъ и изволь тутъ возиться, когда и все-то дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ.

Дальше пошло все своимъ порядкомъ, т.-е. дознаніе черезъ полицію и предварительное слѣдствіе. Все вниманіе предержащихъ властей, конечно, было сосредоточено на Дарьѣ Семеновнѣ, но ее никакъ не могли разыскать. Человѣкъ не иголка, но дѣло было лѣтнее, когда всѣ расползались изъ Петербурга, какъ тараканы изъ угарной избы. Дѣло было, по общему убѣжденію властодержцевъ, пустяшное, и его въ концѣ концовъ предали канцелярскому забвенію. Мало ли около Петербурга бродягъ пропадаетъ...

А Дарья Семеновна существовала. Ее пряталъ Егоръ Ивапычъ по разнымъ чердакамъ и подваламъ тѣхъ домовъ, гдѣ онъ работалъ и имѣлъ кой-какую протекцію среди младшихъ дворниковъ. Но скоро наступили холода, Дарья Семеновна простудилась, и Егоръ Ивапычъ опредѣлилъ ее въ одну изъ больницъ, какъ „лишенную столицы“, т.-е. не имѣющую права жить въ столицахъ.

— Что у тебя болитъ?—спрашивалъ ее докторъ.

— А все болитъ, вашескородіе... мѣста нѣтъ живого...

Кончилось дѣло тѣмъ, что Дарья Семеновна выписалась изъ больницы, отправилась въ полицію и снова заявила о своемъ преступленіи. Ее допрашивали, дѣлали очныя ставки съ сожителями по Пустынькѣ, и ничего изъ этой передряги не вышло. Врачи признали ее впавшей въ малоуміе, а дѣло объ отравленіи Аннушки вторично предали волѣ Божіей.

1908.

РАННІЙ БАТЮШКА.

Разсказъ.

I.

Раннія обѣдни кончились въ седьмомъ часу. По лѣтнему времени богомольцевъ было совсѣмъ мало, и староста Семенъ Ефремычъ кивкомъ головы показалъ о. Ивану на двѣ кучки мѣдяковъ, стоявшихъ отдѣльно на его старостинскомъ прилавкѣ: это была вся лепта пастырю.

— Что же, и это деньги,—замѣтилъ съ улыбкой о. Иванъ.

Псаломщикъ Коноваловъ былъ другого мнѣнія и хмуро молчалъ.

— Ничего, потерпите до осени, батюшка, когда народъ соберется въ Москву со всѣхъ сторонъ,—утѣшалъ старэста, подсчитывая свою свѣчную выручку.—Лѣтомъ-то у насъ въ Москвѣ, какъ въ угарной избѣ... Мода завелась на дачи разъѣзжаться. Ну, господа по нѣмцамъ да по дачамъ, а за ними моду приняли и другіе мелкопитающіе народы... На что наши купцы, и тѣ на дачи потянулись. Вотъ и не стало кому Богу молиться...

О. Ивану нравилось, какъ говорилъ Семенъ Ефремычъ—обстоятельно, разсудительно. Ему было подъ шестьдесятъ, но для своихъ лѣтъ онъ замѣчательно сохранился, и въ бородѣ едва сквозила старческая сѣдина. Одѣвался онъ по-старинному—въ длинополый сюртукъ, шею туго заматывалъ шелковой косынкой, носилъ сапоги бутылками и суконный картузъ. У него гдѣ-то была желѣзная торговля около Ильинки, и черезъ псаломщика о. Иванъ зналъ, что Семенъ Ефремычъ человѣкъ съ капиталомъ, хотя и скрывалъ послѣднее обстоятельство. Вообще человѣкъ обстоятельный, строгій и богомольный. Между прочимъ, о. Ивану нравилось въ немъ больше всего то, что онъ походилъ на одного рязанскаго купца, которому онъ продавалъ хлѣбъ.

— Ничего, подождемъ,—еще разъ согласился о. Иванъ.

Старостѣ, въ свою очередь, нравился отецъ Иванъ, какъ настоящій деревенскій батюшка. Древній человѣкъ, за семьдесятъ годовъ, а не хочетъ чужой хлѣбъ ѣсть. Нравился Семену Ефремычу и покладистый характеръ о. Ивана, и его добродушіе, и даже костюмъ—вотъ этотъ старый-старый подрясникъ съ заплатками на локтяхъ и выцвѣтшая люстриновая ряска, по оплечью вся рыжая, и разношенная, широкополая, настоящая поповская шляпа, и деревенской работы тяжелые сапоги. Не то, что московскіе шелковые попы, которые носятъ по-штатски, на выпускъ, крахмальные воротнички и совсѣмъ гражданскія шляпы.

— Сынка скоро поджидать будете, о. Иванъ?—проговорилъ Семенъ Ефремычъ, когда о. Иванъ протянулъ руку проститься.

— Не скоро еще, Семенъ Ефремычъ... За границу онъ уѣхалъ.

— Человѣкъ извѣстный по Москвѣ и даже весьма... Въ коляскѣ ѣздитъ и собственнаго рысака имѣетъ. У кучера на спинѣ часы... Все въ аккуратѣ, какъ слѣдуетъ настоящему барину.

О. Иванъ улыбался и вздыхалъ, когда говорилъ о сынѣ. Давненько онъ не видалъ его, лѣтъ съ двадцать, пожалуй, теперь и не узнать... Когда старикъ вышелъ изъ церкви, псаломщикъ Кононовъ улыбнулся.

— Ничего сказать, хорошъ сынокъ,—замѣтилъ онъ,—самъ на рысакахъ жаритъ, а родитель на своихъ на двоихъ...

— Не наше это дѣло,—строго отвѣтилъ староста.—Удивляюсь только одному, сколько въ тебѣ этой самой злости... Ну, какое намъ дѣло?

— Я такъ, къ слову... Старику ужъ пора на покой.

— И то на покоѣ. Свои тридцать пять лѣтъ выслужилъ и пенсію получаетъ...

Псаломщикъ фыркнулъ.

—Хороша пенсія: три съ полтиной въ мѣсяцъ. Хорошую курицу впору накормить!..

— А много ли старичку нужно?—заговорилъ староста, разсерженный этимъ глупымъ смѣхомъ.—Онъ еще въ силѣ и вполнѣ можетъ для Господа Бога потрудиться.

О. Иванъ, выходя изъ церкви, всегда останавливался на паперти и изъ-подъ руки смотрѣлъ на Москву. Церковь стояла на пригоркѣ, и весь городъ былъ какъ на ладони, съ его глубокимъ переплетомъ улицъ, каменными глыбами громадныхъ новыхъ домовъ и безчисленными церквами. Сейчасъ свѣтило яркое лѣтнее солнце, и надъ городомъ сгущалась пыльная, тяжелая мгла. Деревенскій старичокъ-священникъ былъ въ Москвѣ въ первый разъ и не могъ насмотрѣться.

— Благодать!..—шепталъ онъ восторженно.

Послѣ службы о. Иванъ не торопился къ чаю, хотя самоваръ уже ждалъ его на столѣ. Онъ нарочно дѣлалъ крюкъ по бульвару, чтобы пройти мимо того дома, въ которомъ жилъ его сынъ. Домъ былъ отличный, недавно построенный, со всѣми прихотями богатаго московскаго барства. Съ бульвара о. Иванъ сворачивалъ на тротуаръ, чтобы пройти мимо подъѣзда и прочитать прибитую къ массивнымъ дубовымъ дверямъ дощечку: Сергѣй Ивановичъ Августовъ. Это удовольствіе можно было позволить себѣ только рано утромъ, пока не было въ сосѣднемъ подъѣздѣ усатаго и толстаго швейцара. Разъ онъ поймалъ о. Ивана на мѣстѣ преступленія и строго спросилъ:

— Вамъ кого нужно, батюшка?

— А я такъ... да...

— Сергѣй Иванычъ за границей... Можетъ, вы по дѣлу?

— Да, есть маленькое дѣльце, только оно успѣется...

Швейцаръ иронически посмотрѣлъ на ранняго батюшку и отвернулся.

Про себя о. Иванъ называлъ этотъ домъ „Сережинымъ домомъ“ и часто любовался имъ. Ужъ гдѣ же и жить умнымъ людямъ, какъ не въ Москвѣ? Вотъ Сережу и Степанъ Ефремычъ знаетъ, и швейцаръ, и городовой на углу бульвара. Самую Москву о. Иванъ особенно любилъ потому, что въ ней жилъ Сережа. Здѣсь онъ учился, здѣсь началъ служить и здѣсь вышелъ въ люди. Однимъ словомъ, Москва его сдѣлала настоящимъ человѣкомъ.

— Остается еще сорокъ семь денъ, когда пріѣдетъ Сережа,—считалъ онъ, подходя къ своей квартирѣ въ одномъ изъ кривыхъ переулковъ, какъ ручейки впадавшихъ въ Поварскую.—Да, скоро...

Пріѣхавъ въ Москву, о. Иванъ не рѣшился остановиться прямо у сына, чего ему не совѣтовалъ и племянникъ о. Георгій, молодой да изъ раннихъ, академикъ и законоучитель въ женскомъ институтѣ. О. Георгій уѣзжалъ на лѣто на Кавказъ отдохнуть и пригласилъ старика-дядю замѣнить пока его, тѣмъ болѣе, что состоявшій раньше при ихъ церкви ранній батюшка скончался, и его мѣсто оставалось свободнымъ. По указанію о. Георгія, старикъ остановился у просвирни Анны Александровны, приходившейся ему какой-то родственницей по женѣ о. Георгія. Старушка жила въ церковномъ домѣ и рада была жильцу. Все же не одна, да и заработаетъ малую толику, а можетъ, о. Иванъ и совсѣмъ останется въ Москвѣ,—тогда еще будетъ лучше.

Самоваръ, дѣйствительно, кипѣлъ на столѣ, когда о. Иванъ вошелъ въ свою комнату.

— Богъ милость прислалъ, Анна Александровна,—поздоровался о. Иванъ, снимая рясу и смахивая съ нея платкомъ пыль.

— Покорно благодарю, о. Иванъ,—пѣвуче отвѣтила старушка изъ сосѣдней комнаты, гдѣ управлялась у русской печи.

Это была худенькая старушка, по-старинному повязывавшая голову темнымъ старушечьимъ платкомъ съ бѣлыми горошинами... Сморщенное, потемнѣвшее лицо глядѣло еще живыми глазами, и его портилъ только беззубый, ввалившійся ротъ. У Анны Александровны вѣчно-что-нибудь болѣло, и она вѣчно лѣчилась какими-то домашними таинственными средствами. Къ ней часто заходили такія же старушки, страдавшія такими же болѣзнями. Онѣ пили вмѣстѣ кофе съ гущей и дѣлились московскими вѣстями. А Москва велика, было о чемъ поговорить. Можетъ-быть, даже репортеры московскихъ газетъ не знали такъ Москву, какъ вотъ эти старушки, которымъ, кажется, и дѣла-то ни до кого не было. Пріѣхавшій изъ Рязанской губерніи о. Иванъ служилъ тоже темой для самаго тщательнаго изслѣдованія, и его прошлое, настоящее и будущее было подвергнуто безпощадному анализу. Кстати были наведены самыя подробныя справки и относительно Сережи, причемъ знаменитый московскій дѣлецъ не былъ одобренъ.

II.

Напиться послѣ обѣдни чайку для о. Ивана представляло величайшее наслажденіе. А тутъ еще и просвирка московская, бѣлая, мягкая, душистая, Усаживаясь къ своему столику у окна, старикъ чувствовалъ себя какъ будто дома, хотя дома чай былъ не всегда, особенно когда учились дѣти и когда приходилось беречь каждый грошъ. А тутъ хоть весь самоваръ выпей одинъ...

— Анна Александровна, чайку чашечку?—проговорилъ о. Иванъ, вытирая потъ „съ чела“ послѣ третьяго стакана.

— Сейчасъ...

Старушка успѣла управиться со своей стряпней и знала впередъ, что ранній батюшка пригласитъ ее „на чашку чаю“. Она наскоро пріодѣлась и вышла.

— Садитесь, пожалуйста, матушка.

— Благодаримъ покорно.

— А ужъ чайку налейте сами, милая... Какъ-то не привыкъ я къ этому, да и не мужское это дѣло... Бывало, покойница-жена все дѣлала сама. И все говорила покойница: „Вотъ выслужишь пенсію, тогда къ сыну въ Москву поѣдемъ“. А Господь и не привелъ... Мысли-то за горами, а смерть за плечами...

— Ужъ пять лѣтъ, какъ матушка кончилась? То-то, поди, тосковала, что не увидитъ сынка!.. Одинъ вѣдь онъ у васъ, какъ перстъ.

— Что дѣлать, такъ Богу угодно...

— Это ужъ дѣйствительно... А все-таки жаль.

Анна Александровна пила чай въ прикуску и каждый разъ поворачивала выпитую чашку вверхъ дномъ. О. Ивану, несмотря на всю его деревенскую простоту, казалось, что она какъ будто чего-то не договариваетъ, хотя ему и было пріятно, когда заходила рѣчь о Сережѣ.

— Двѣ съ половиной тыщи за квартиру платитъ,—разсказывала Анна Александровна.—Да... Нельзя, потому какъ женился онъ на внучкѣ князя Ашметьева. Настоящій былъ князь, и Сергѣю Иванычу вельзя себя оказать ниже. Строгая дама Варвара Петровна и весь домъ держитъ въ струнѣ. Сама-то она больше за границей проживаетъ, на теплыхъ водахъ, все лѣчится, а дома правитъ старая нянька, старуха девяноста лѣтъ. Грушей ее звать... Злющая старуха. Ну, а Сергѣй Иванычъ больше по своимъ дѣламъ.

О. Иванъ слушалъ все, немного склонивъ голову набокъ. Не любилъ онъ этихъ бабьихъ пересудовъ и бабьихъ шепотовъ.

— Добрый Сергѣй-то Иванычъ,—не унималась Анна Александровна.—Да и дома-то только спитъ... А у меня есть знакомая этой самой Груши, жена, значитъ, старшаго дворника, Гаврилы Ѳомолича. На вѣстяхъ все дѣло, какъ, и что, и къ чему.

Не нравились подобные разговоры о. Ивану, и онъ старался отмалчиваться. Удивительно только, откуда все это бабы знаютъ. Какъ на блюдечкѣ поднесутъ всю подноготную.

Анна Александровна замѣтила, что сегодня о. Иванъ какъ-то особенно упорно молчалъ, хмурилъ брови и моргалъ глазами. Кажется, ужъ она-то его не обидѣла. Сдѣлайте милость, для него же хлопотала, а онъ фыркаетъ...

— Передъ вами служилъ о. Яковъ ранимъ батюшкой,—тянула Анна Александровна.—Конечно, не мое дѣло, а вышло такое же подобное... Значитъ, у него была дочь, ну, вышла замужъ за аптекаря...

— Достоуважаемая Анна Александровна, оставьте!..—прервалъ о. Иванъ.—Не наше дѣло... Изъ семьи соръ не выносятъ... А что касается Сережи, такъ вѣдь я его двадцать лѣтъ не видалъ.

— Вотъ, вотъ, и тамъ такъ же было! Тоже двадцать лѣтъ... А старикъ пріѣдетъ—дома нѣтъ напишетъ письмо—отвѣта нѣтъ. Москва матушка, кого хочешь, того и затемнитъ. Изступленіе ума...

Сегодня, какъ и всегда, эти разговоры кончились о. Георгіемъ. Анна Александровна расписала его въ лучшемъ видѣ, какъ новаго батюшку, который все по-новому дѣлаетъ.

— Сама изъ духовнаго званія и могу вполнѣ понимать, что и къ чему,—увѣряла старушка.—Родной человѣкъ, а только не то... Ласковый, привѣтливый, вотъ-вотъ на мелкія части разсыплется... А все не то. Ученый онъ, умный, а прежде какъ будто и лучше было.

У Анны Александровны на всякій случай былъ свой примѣръ. „Вотъ точно такой случай вышелъ въ Таганкѣ", и т. д. „А въ прошломъ году въ Замоскворѣчьѣ одинъ купецъ тоже рыбной костью подавился, а въ Грузинахъ одна дьяконица тройни родила". Конечно, ближе всего для Анны Александровны были интересы своего духовнаго круга, и она наперечетъ знала почти всѣхъ московскихъ поповъ и дьяконовъ.

— Охъ, ужъ наши московскіе-то попы! И не выговоришь,—повторила

она, качая головой.—Ну, которые старики, такъ тѣ по-правильному живутъ, по старинѣ... А вотъ молодые-то, такъ и не примѣнишь ихъ ни къ чему. Вѣдь совсѣмъ молодой, а глаза-то все шнутъ, все шнутъ... И все-то имъ мало, и ничего-то они не боятся. Прежде, бывало, гдѣ-нибудь на Пречистенкѣ или на Поварской въ настоящемъ барскомъ домѣ попа и сѣсть не пригласятъ, а нашъ о. Георгій очень даже свободно сюрится съ самыми настоящими господами. Совсѣмъ безстрашные попы начались... А службу все полегче стараются сдѣлать, чтобы барынь не утомить. Прежде протопопы по пятымъ этажамъ ходили съ молитвой, а нынче все ранніе батюшки за нихъ службу по приходу служатъ. Ну, а ранняму батюшкѣ какая цѣна: дали ему рубль, а то и полтину.

Благодаря женской болтливости хозяйки, о. Иванъ въ теченіе какого-нибудь одного мѣсяца зналъ московское духовенство обстоятельно, точно жилъ всю жизнь въ Москвѣ. Конечно, почтенная Анна Александровна иногда увлекалась и страдала слабостью украшать слогъ за свой личный счетъ, но и за вычетомъ этихъ вставочныхъ элементовъ получалась яркая и характерная картина. Раздумавшись о собственномъ прошломъ, о. Иванъ только вздыхалъ. Охъ, сколько онъ всякой бѣды хлебнулъ на своемъ вѣку!.. Приходъ бѣдный, народъ голодный, только и выручала своя крестьянская работа. Поработалъ въ свое время и Сережа, когда пріѣзжалъ на каникулы домой. Очень даже хорошо косилъ. А тутъ въ Москвѣ совсѣмъ другое. Впрочемъ, о. Иванъ не желалъ завидовать другимъ, считая это грѣхомъ.

— Нѣтъ, не ропщу, Анна Александровна,—говорилъ онъ.—Если бы пришлось родиться снова и выбирать службу,—опять пошелъ бы въ свою Рязанскую губернію.

Сегодня велись за чаемъ обычные разговоры, и, когда все уже было кончено, Анна Александровна вдругъ спохватилась.

— Да что же это я? Послѣдняго ума рѣшилась, старуха... Да не глупая ли!.. Даве бѣгу утромъ въ молочную лавочку, а въ воротахъ чуть лбомъ не стукнулась съ почтальономъ, а онъ мнѣ письмо подаетъ. Ни отъ кого я писемъ не получала отродясь и даже испугалась. А письмо-то вамъ, о. Иванъ... Ахъ, я, глупая, глупая!..

О. Иванъ тоже не получалъ писемъ по цѣлымъ годамъ и сильно взволновался. Какъ на грѣхъ, письмо куда-то запропастилось, и Анна Александровна едва его нашла.

— Вотъ оно, отецъ Иванъ... Ахъ, какой грѣхъ вышелъ!..

По привычкѣ старыхъ людей, о. Иванъ предварительно осмотрѣлъ письмо съ внѣшней стороны, потомъ надѣлъ круглыя очки въ мѣдной оправѣ и ножичкомъ вскрылъ конвертъ. Письмо было отъ о. Георгія, который извѣщалъ изъ Кисловодска, что Сергѣй Иванычъ изъ-за границы пріѣхалъ туда лѣчиться и скоро вернется въ Москву, куда его „призываютъ дѣла“.

— Что же самъ-то Сергѣй Иванычъ не написалъ?—замѣтила Анна Александровна.—Слава Богу, грамотный. О. Георгій страсть любитъ письма писать.

О. Иванъ ничего не отвѣтилъ, а только поджалъ губы и подавленно вздохнулъ. Онъ разсердился на неумѣстное вмѣшательство Анны Александровны въ его личныя дѣла. Какое ей дѣло до Сережи? Человѣкъ, можетъ-быть, по горло заваленъ срочной работой, а онъ, о. Иванъ, подождетъ. Некуда торопиться.

III.

Лѣто прошло быстро, наступала осень, а Сергѣй Ивановичъ все еще не вернулся въ Москву. На Кавказѣ все лѣто онъ пилъ какія-то воды, а осенью пріѣхалъ въ Крымъ, чтобы провести сезонъ въ Ялтѣ. О. Георгій пріѣхалъ въ августѣ и много разсказывалъ о Кавказѣ. Это былъ совсѣмъ еще молодой священникъ, любезный и ловкій. О. Иванъ почему-то его побаивался, какъ вообще всю жизнь боялся всякаго начальства. Одно ужъ то, что о. Георгій кончилъ академію, чего стоило. О. Иванъ едва кончилъ въ семинаріи философію и на этомъ основаніи чувствовалъ себя передъ академикомъ сущимъ ничтожествомъ. Помилуйте—академикъ... Можетъ быть впослѣдствіи архіереемъ, хотя Анна Александровна въ послѣднемъ и сомнѣвалась.

— Сергѣй Иванычъ скоро пріѣдетъ, — утѣшалъ о. Георгій своего старика-дядю.— Ему нужно отдохнуть послѣ зимней работы. Человѣкъ громадную ума, и нервы начинаютъ пошаливать...

— А что такое нервы, отецъ Георгій?—недоумѣвалъ о. Иванъ.—Какая-нибудь новая, модная болѣзнь?

— Сіе можно понимать двояко, дядюшка: и болѣзнь такая есть, съ одной стороны, а съ другой... Видали вы ребячью игрушку, паяца, какъ онъ прыгаетъ на ниточкахъ? Вотъ и въ человѣкѣ проведены такія же ниточки, и онъ тоже прыгаетъ, когда его потянутъ за такую ниточку.

О. Георгій старался выражаться понятнѣе и любилъ прибѣгать къ сравненіямъ. На стараго деревенскаго попа онъ смотрѣлъ, какъ на больного ребенка.

Въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ о. Иванъ „вызналъ“ Москву, и чѣмъ дальше подвигалось это знаніе, тѣмъ страшнѣе ему дѣлалось. Господи, какъ страшно живутъ люди!.. По обязанностямъ священника ему приходилось посѣщать и барскія палаты и купеческія хоромины, а главнымъ образомъ, конечно, подвалы и чердаки, гдѣ ютилась столичная бѣдность и гдѣ его духовная помощь была особенно нужна. Много онъ насмотрѣлся на своемъ вѣку на деревенскую бѣдность, но это было не то. Тамъ, въ деревнѣ, оставалась какая-нибудь надежда впереди, а здѣсь не было даже завтрашняго дня. Рядомъ безумная и безсмысленная роскошь и рядомъ безнадежная нищета. Каждый громадный московскій домъ начиналъ казаться о. Ивану каменнымъ чудовищемъ, которое давило эту подвальную бѣдность своими богатыми этажами. Какія слезы онъ видѣлъ, какое горе, какую безвыходную нужду!.. И это въ каждомъ домѣ, на каждой улицѣ. А больше всего старика удивляло то, что богатые люди относились къ окружавшей ихъ бѣдности совершенно безучастно. Одинъ почтенный старичокъ откровенно объяснялъ о. Ивану, что вѣдь всѣмъ не поможешь.

— Никакого капиталу не хватитъ, батюшка. Каждый ужъ самъ о себѣ долженъ заботиться.

— Да, конечно... — соглашался о. Иванъ, хотя по-своему и думалъ совершенно иначе.

Онъ какъ-то пересталъ понимать многое, что творилось у него сейчасъ передъ глазами, и даже началъ сомнѣваться въ томъ, правильно ли идутъ его собственныя мысли. Можетъ-быть, купецъ и правъ... Пробовалъ о. Иванъ заводить разговоры на эту тему со старостой Семеномъ Ефремычемъ, какъ настоящимъ, кореннымъ москвичомъ, но тотъ отдѣлывался неопредѣленными отвѣтами.

— Не нами вся эта музыка налажена, о. Иванъ, не нами и кончится... А промежду прочимъ всѣ мы, дѣйствительно, люди весьма грѣшные...

Подумавъ немного, Семенъ Ефремычъ прибавлялъ уже другимъ тономъ:

— И всѣ мы помремъ, о. Иванъ, а только мало кто объ этомъ самомъ имѣетъ свое понятіе...

Староста постоянно думалъ о смерти, и эта мысль преслѣдовала его въ разныхъ формахъ.

По своей службѣ о. Иванъ познакомился съ другими ранними батюшками, которые служили, какъ и онъ, ранніе обѣдни. Все это были сельскіе священники изъ смежныхъ губерній, выслужившіе свой пенсионный срокъ, и большинство изъ нихъ—бобыли. Сельскія матушки перемерли, оперившіеся поповичи и поповны разлетѣлись въ разныя стороны, старыя гнѣзда опустѣли... Приходилось кормиться въ Москвѣ на подножномъ корму. Всѣ эти ранніе батюшки походили одинъ на другого, какъ монеты одного чекана, и всѣ даже одѣвались одинаково, — тѣ же выцвѣтшія люстриновыя рясы, тѣ же подрясники съ заплатами, тѣ же деревенской работы тяжелые сапоги. Въ общемъ, выражаясь техническимъ языкомъ, это былъ отработанный паръ сельскаго священства, добре потрудившійся на родныхъ нивахъ и словомъ и дѣломъ.

Ранніе батюшки, встрѣчаясь, любили поговорить и вспомнить старинку. „А вотъ у насъ въ Тульской губерніи были приходы — умирать не надо!“— „А наша Калужская губернія плохая“ и т. д. Старики вспоминали свои покинутыя гнѣзда, вздыхали и подолгу говорили о томъ, какъ будутъ люди послѣ нихъ жить. Квартиры — приступу нѣтъ, дрова — не подходи харчъ— страшно и подумать, за все подавай круглую копеечку, да все купи. По деревнямъ и то вездѣ смута идетъ, всякій хочетъ лучше другого жить, да еще похвастаться, вотъ, молъ, какіе мы есть отличные люди. Въ этихъ разговорахъ доставалось и Москвѣ-матушкѣ.

— Весь разбратъ изъ Москвы идетъ,—судачили батюшки.—Въ Москвѣ дрова рубятъ, а въ деревню щепки летятъ...

О настоящихъ московскихъ нравахъ старики говорили рѣдко, когда придется къ слову. Они всѣ были въ прошломъ и скоро узнали всю подноготную другъ друга. Кто гдѣ служилъ, сколько было дѣтей и гдѣ пристроены, когда и отъ какой болѣзни умерла матушка, и т. д. У каждаго находилось какое-нибудь домашнее застарѣлое горе, своя забота и свои надежды. Эти старческія надежды были особенно трогательны... Кажется, ужъ и надѣяться не на что, а люди все надѣются.

— Вамъ хорошо, отецъ Иванъ, когда у васъ въ Москвѣ сынъ,—откровенно завидовали батюшки.—Вотъ пріѣдетъ съ кислыхъ водъ, и, дастъ Богъ, устроитесь...

— Еще неизвѣстно, какъ онъ меня приметъ,—скромничалъ о. Иванъ.— Давно не видались...

— Ужъ приметъ... А вотъ у насъ такъ никѣмъ никого нѣтъ, ну, значитъ, некому и принимать. Вамъ-то сынокъ извѣстный человѣкъ въ Москвѣ, и даже въ вѣдомостяхъ о немъ пишутъ, что вернулся, молъ, изъ-за границы Сергѣй Иванычъ Августовъ.

Изъ раннихъ батюшекъ о. Иванъ особенно близко сошелся съ о. Евгеніемъ, изъ Владимирской губерніи. Это былъ такой же тихій и скромный старичокъ, какъ и о. Иванъ. Разъ о. Иванъ пригласилъ его на перепутьѣ къ себѣ выпить стаканъ чаю. Но о. Евгеній какъ будто смущался и даже спросилъ:

— Удобно ли сіе будетъ?

— То-есть какъ это—удобно?

— Вѣдь не у себя дома живете, отецъ Иванъ...

Это подозрѣніе оправдалось въ самой яркой формѣ. Анна Александровна „сочинила“ настоящій бунтъ. Во-первыхъ, она удивительно долго ставила самоваръ, во-вторыхъ, все время что-то корчала себѣ подъ носъ и, въ-третьихъ, проявила какую-то строптивость и даже грубость.

— Вы не совсѣмъ здоровы, Анна Александровна?—спросилъ смущенный о. Иванъ, проводивъ гостя.

— А вы думаете, отецъ Иванъ, что у меня постоялый дворъ, и что всякая коричневая дрянь можетъ ко мнѣ лѣзть?

— Позвольте, Анна Александровна!..

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте, отецъ Иванъ! Вы этакъ со всей Москвы соберете раннихъ батюшекъ, и я должна всѣмъ самовары ставить? Извините, пожалуйста! У меня мужъ хоть и былъ только дьякономъ, такъ онъ семинарію кончилъ и въ провинціи могъ бы быть благочиннымъ, но не пожелалъ. И я стану прислуживать какихъ-то деревенскимъ попамъ!..

Однимъ словомъ, всегда вѣжливая и, повидимому, очень добродушная старушка „расхорохорилась“ ни съ того ни съ сего и оторчила о. Ивана до глубины души, главнымъ образомъ тѣмъ, что попрекнула раннихъ батюшекъ деревенщиной и проявила специально-московскую гордость духа. О. Иванъ почувствовалъ себя въ Москвѣ совершенно чужимъ человѣкомъ и невольно вспомнилъ свою родную Рязанскую губернію.

— Это въ ней Москва отрыгнулась,—объяснилъ себѣ о. Иванъ поступокъ Анны Александровны. — И даже весьма неделикатно отрыгнулась... А впрочемъ, скоро пріѣдетъ Сережа, да и свѣтъ не Анной Александровной сошелся, какъ клиномъ. Богъ съ ней вообще...

Но этимъ дѣло не кончилось. Встрѣтившись съ о. Евгеніемъ, о. Иванъ почувствовалъ, что старикъ какъ будто обидѣлся и какъ будто сердится на него же. А при чемъ же онъ тутъ?

IV.

Онъ наконецъ пріѣхалъ...

Это извѣстіе принесла Анна Александровна отъ о. Георгія, который въ „вѣдомостяхъ“ вычитывалъ пріѣзды всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, знаменитыхъ врачей и разныхъ дѣльцовъ. Анна Александровна страшно волновалась и имѣла какой-то заискивающе-сконфуженный видъ.

— Ужъ вы меня, отецъ Иванъ, пожалуйста, извините!..—бормотала она виноватымъ голосомъ.—Извѣстно, слабая наша женская часть... Не удержишься и сболтнешь лишнее.

— Да вы о чемъ, достопочтенная Анна Александровна?

— А какъ же... ну, тогда, когда привели вы этого о. Евгенія.

— Ахъ, да... Оставимте сіе! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Въ порывѣ раскаянія Анна Александровна даже поцѣловала руку у о. Ивана, а затѣмъ быстро принялась снаряжать его въ походъ. Изъ чемодана былъ вынутъ новый люстриновый подрясникъ и новая люстриновая ряска, которые о. Иванъ надѣвалъ только въ первый день Пасхи.

— Вотъ и отлично,—одобряла Анна Александровна. — Хоть и сынъ, а порядокъ прежде всего... Тоже и его не нужно конфузить. А спеха-то все разсмотритъ бабьимъ дѣломъ...

Одѣвшись во все новое, о. Иванъ въ какомъ-то изнеможеніи присѣлъ на стулъ и проговорилъ:

— Не лучше ли будетъ, если я пойду къ Сережѣ завтра?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Что вы говорите, отецъ Иванъ! Сейчасъ нужно итти, и я даже провожу васъ до самаго дома. Пока вы тамъ будете, я подожду васъ на тротуарѣ...

Послѣднее предложеніе о. Иванъ отклонилъ, но, движимая женскимъ любопытствомъ, Анна Александровна все-таки пошла за нимъ. Конечно, сдѣлала она это незамѣтно и слѣдила за жильцомъ издали. О. Иванъ шелъ мелкой стариковской походкой, не оглядываясь. Было уже одиннадцать часовъ утра. Свялъ мелкій осенній дождь. Поровнявшись съ „Сережинымъ домомъ“, о. Иванъ остановился въ нерѣшимости передъ подъѣздомъ и... зашагалъ дальше. Это малодушіе возмутило Анну Александровну до глубины души. Что онъ, въ самомъ-то дѣлѣ, сына роднаго боится, точно идетъ къ архирею!

О. Иванъ, дѣйствительно, предался малодушію. Ему казалось, что всѣ прохожіе наблюдаютъ за нимъ, а швейцаръ изъ сосѣдняго подъѣзда смотритъ на него какъ будто насмѣшливо. Дойдя до угла улицы, о. Иванъ остановился, подумалъ и рѣшительнымъ шагомъ вернулся назадъ. Онъ смѣло миновалъ швейцара и смѣло позвонилъ у завѣтнаго подъѣзда. У него захолонуло на душѣ, когда послышались шаги и дверь пріотворилась.

— Вамъ кого нужно?—довольно грубо спросилъ представительный лакей во фракѣ, оглядывая о. Ивана съ ногъ до головы.

— Мнѣ Сережу... т.-е. Сергѣя Ивановича... Онъ дома?

— Да, дома... Какъ о васъ прикажете доложить?

— Да какъ доложить... Скажите, что отецъ изъ Рязанской губерніи пріѣхалъ.

Лакей сразу измѣнился и уже другимъ тономъ проговорилъ:

— Вотъ пожалуйте, батюшка, сюда въ пріемную, я пойду доложить...

Пріемная Сережи представляла громадную комнату, убранную съ дѣловой роскошью. Стѣны были оклеены темными, тисненными подъ кожу обоями, массивная мебель изъ чернаго дуба обита темно-зеленой кожей, громадный вычурный столъ походилъ на бильярдъ, а стоявшее за нимъ еще болѣе вычурное кресло походило на архіерейское „мѣсто“ гдѣ-нибудь въ алтарѣ каѳедральнаго собора. Нѣсколько шкафовъ съ книгами, большая картина на стѣнѣ, по угламъ двѣ мраморныхъ статуи, на полу громадный персидскій коверъ— все было устроено на настоящую барскую ногу. О. Иванъ не смѣлъ даже присѣсть и стоялъ посреди пріемной, повертывая свою разношенную поповскую шляпу. Его вниманіе было приковано къ открытой двери, въ которую вышелъ лакей и въ которую можно было разсмотрѣть другой кабинетъ, устроенный съ еще большей роскошью.

„Двадцать лѣтъ не видались...“ — думалъ старикъ, припоминая послѣднюю карточку Сережи, гдѣ онъ снялся пятидесятилѣтнимъ мужчиной, съ двумя ученымъ значками на правомъ бортѣ сюртука.

Гдѣ то слышались шаги и чей-то шопотъ. Пустившій о. Ивана лакей пробѣжалъ по второму кабинету съ встревоженнымъ лицомъ, потомъ въ дверяхъ показалось сморщенное старушечье лицо, потомъ послышались опять шаги и шопотъ. Очевидно, появленіе о. Ивана всполошило весь домъ, и старикъ пожалѣлъ, что сгоряча послушался совѣта Анны Александровны. Нужно было сначала послать письмо, предупредить, а потомъ ужъ итти.

Суматоха въ домѣ продолжалась, а о. Иванъ еще все стоялъ посреди комнаты со своей шляпой и ждалъ. Прошло всего нѣсколько минутъ, но онѣ показались ему часами. Наконецъ въ дверяхъ показалась пожилыхъ лѣтъ дама, полная и обрюзглая, въ роскошномъ утреннемъ капотѣ изъ термаламы, и безъ церемоніи начала разсматривать о. Ивана въ лорнетъ на черепаховой ручкѣ. Старикъ узналъ въ ней жену Сережи, какъ она была снята на фотографіи, и почтительно поклонился. Но таинственная дама даже не отвѣтила на поклонъ, повернулась и ушла.

„Должно-быть, я ошибся“, — сообразилъ о. Иванъ, смущенный невѣжливостью таинственной дамы.

Лакей появился неожиданно изъ другой двери, такъ что о. Иванъ вздрогнулъ.

— Извините, батюшка... да... Я ошибся, Сергѣя Иваныча сейчасъ нѣтъ дома. Я уходилъ изъ дому, когда они вышли...

— Такъ я въ другой разъ... Я напишу ему письмо... — бормоталъ о. Иванъ, направляясь къ выходу. — Да, напишу... До свиданья! Извините, что обезпокоилъ васъ...

— Помилуйте, батюшка, какое же безпокойство!.. А только я выходилъ, значитъ, изъ дому, а баринъ въ самый этотъ разъ и выѣхали куда-то по дѣламъ. Дѣловъ у нихъ тьма, ну и рѣдко даже дома кого принимаютъ...

О. Иванъ машинально перешелъ черезъ улицу на бульваръ, гдѣ и встрѣтился съ Анной Александровной, которая поджидала его несмотря на дождь.

— А, вы здѣсь...—разсѣянно проговорилъ о. Иванъ.

— Ну что? Какъ? Что такъ скоро?

— А Сережи нѣтъ дома...

— Какъ нѣтъ дома?!. Да вотъ онъ стоитъ у окна и смотритъ на насъ... Ахъ, безстыдникъ!..

Когда о. Иванъ обернулся, то, дѣйствительно, увидѣлъ стоявшаго у окна сына, который сейчасъ же спрятался за косякъ.

— Да, да... это онъ, Сережа...—бормоталъ о. Иванъ.—Онъ былъ дома и спрятался!..

Мелкія старческія слезы потекли по сморщенному лицу о. Ивана, и Анна Александровна повела его домой, какъ ребенка.

— А можетъ, это и не онъ былъ... — говорила она, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утѣшить старика.

— Нѣтъ, онъ... Я его узналъ, — твердо отвѣтилъ о. Иванъ. — Завтра уѣду въ свою Рязанскую губернію... умирать.

1902.

САМОРОДОКЪ

Разсказъ.

I.

Звонокъ въ передней раздался въ необычное время. Было уже четыре часа, а въ это время къ Сурнинымъ рѣдко кто пріѣзжалъ. Они обѣдали ровно въ пять, а Андрей Иванычъ не любилъ, чтобы ему мѣшали въ такой торжественный моментъ. Горничная была послана къ модисткѣ, и отворять дверь вышла старая нянька Тарасьевна. Пока она шла по коридору, шмыгая тяжелыми ногами, раздался рѣзкій второй звонокъ. Вѣрочка видѣла изъ-за своего рояля, какъ показалась голова отца въ дверяхъ кабинета и сдѣлала внушительный жестъ старухѣ, который въ переводѣ означалъ: не принимать.

Потомъ въ передней отворилась дверь, и послышался грубый мужской голосъ:

— Нѣтъ дома? Очень пріятно... Ахъ, ты, старая корга!.. Обманывать еще не научилась, хоть и живешь въ Петербургѣ. Да... Просто, Андрюшка спрятался... Что-о? Да ты возьми глаза въ зубы и посмотри на меня хорошенько... Не узнала Родьку Шихобалова?..

— Охъ, батюшки мои...—упавшимъ голосомъ зашептала старуха, пятясь отъ гостя.—Да откуда ты взялся-то, Родіонъ Поликарпычъ?

— А взялъ да прямо съ печи и упалъ... Въ гости пріѣхалъ, ворона ты этакая. Ну, гдѣ Андрюшка, подавай его, каналью, сюда, а то...

Послышались торопливые шаги самого Андрея Иваныча, а затѣмъ смѣшанный говоръ, объятія и поцѣлуи. Вѣрочка закрыла рояль и черезъ гостиную торопливо ушла къ себѣ въ комнату. Фамилію Шихобалова она слышала съ дѣтства, и у нея сложилось объ этомъ неизвѣстномъ человѣкѣ какое-то миѳическое представленіе, какъ о чемъ-то необыкновенномъ. А между тѣмъ обрывки первыхъ фразъ, долетѣвшихъ до ея слуха, совершенно разрушили это представленіе. Больше всего поразило Вѣрочку то, что этотъ миѳическій Шихобаловъ называетъ ея отца Андрюшкой. Это ужъ окончательно было ни на что не похоже... Вѣрочка взволновалась и остановила торопливо бѣжавшую по коридору няню.

— Няня, постой... Это тотъ Шихобаловъ? Изъ Сибири?

— Охъ, онъ самый, родная... Вотъ напугалъ-то до смерти!

— Можетъ-быть, ты ошиблась, няня?

— Ошибла-ась! Да другого такого-то прода и не сыщешь съ огнемъ... Одинъ только и есть. Охъ, смертынька...

Изъ кабинета отца донесся хриплый хохотъ, и нянька испуганно по-

бѣжала дальше, что-то нашептывая себѣ подъ носъ. Обыкновенно старуха была молчалива и не выдавала своего настроенія, а тутъ совсѣмъ растерялась. Вѣрочка еще разъ удивилась и вопросительно пожала своими узкими плечиками. Что это такое?..

Въ сурнинскомъ домѣ царилъ самый строгій порядокъ, начиная съ того, что всѣ ходили чуть не на цыпочкахъ и не смѣли говорить громко. Это вошло уже въ такой обычай, что громкій голосъ нежданнаго сибирскаго гостя являлся рѣзкимъ диссонансомъ. Вѣрочкѣ вдругъ сдѣлалось почему-то безотчетно страшно, страшно за то, что происходило въ отцовскомъ кабинетѣ. Она уже видѣла встревоженное лицо отца и впередъ переживала тяжкое и непріятное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, ворвался какой-то совсѣмъ сумасшедшій... А между тѣмъ отецъ, вспоминая свою службу въ Сибири, постоянно называлъ фамилію Шихобалова. „Что-то теперь подѣлываетъ Шихобаловъ? Вотъ бы свезти его въ оперу или въ балетъ... Да, такихъ людей немного!“ Отецъ даже улыбался, что рѣдко съ нимъ случалось. Существовалъ цѣлый рядъ анекдотовъ о Шихобаловѣ, которые Вѣрочка знала наизусть и каждый разъ испытывала приступъ сосущей тоски, когда отецъ начиналъ разсказывать ихъ кому-нибудь изъ новыхъ петербургскихъ знакомыхъ. Всѣ эти анекдоты непремѣнно начинались съ стереотипной фразы: „Когда я служилъ въ Сибири, былъ у меня одинъ знакомый, по фамиліи Шихобаловъ“... У отца были какія-то дѣла съ нимъ, и Вѣрочка знала даже письма, которыя получались отъ Шихобалова. Смятые грязные конверты, непремѣнно сургучная печать, вмѣсто адреса какія-то каракули, — такія письма отецъ получалъ только изъ Сибири и каждый разъ приходилъ въ хорошее настроеніе. Благодаря послѣднему Вѣрочка имѣла полное основаніе заключить, что Шихобаловъ человѣкъ хорошій, потому что только непріятныя письма пишутся дурными людьми. Она даже пользовалась нѣсколько разъ моментомъ полученія шихобаловскихъ писемъ, чтобы выпросить у отца что-нибудь,—онъ въ хорошемъ расположеніи духа готовъ былъ сдѣлать все, и это отлично знали всѣ въ домѣ до Тарасьевны включительно.

Вѣрочка волновалась вплоть до самаго обѣда и даже перемѣнила два платья. Обѣдъ изъ минуты въ минуту начинался въ пять часовъ. Говоря откровенно, это было самое тяжелое время дня, и всѣ были рады, когда онъ кончался. Андрей Иванычъ обыкновенно придирался по всякому поводу къ женѣ,—онъ былъ женатъ на второй. Мачеха была старше Вѣрочки всего лѣтъ на пять и скорѣе походила на ея сестру. Петербургская уроженка, всегда больная и всегда озлобленная, Поликсена Петровна ни въ чемъ не уступала мужу и не оставалась въ долгу. Вѣрочка настолько привыкла къ этой вѣчной домашней войнѣ, что чувствовала, какъ будто чего-то недостаетъ, когда обѣдалъ кто-нибудь посторонній и Андрей Иванычъ поневолѣ сдерживался. И сейчасъ, проходя по коридору, Поликсена Петровна заглянула въ комнату Вѣрочки, ядовито улыбнулась и проговорила:

— Этотъ нахалъ остался у насъ обѣдать... Никто и не думалъ его приглашать, а онъ остался. Настоящій сибирскій джентльменъ...

— Въ Сибири это принято,—тоже ядовито отвѣтила Вѣрочка, косвенно защищая отца и гостя.—Только у насъ считаютъ куски...

Поликсена Петровна была скупа и только поджала губы, получивъ этотъ прозрачный намекъ. Она сдержанно ненавидѣла падчерицу и не могла дождаться, когда та наконецъ выйдетъ замужъ. Кажется, уже пора,—дѣвицѣ двадцать четыре года. И женихи были,—такъ ужъ очень разборчива! Поликсена Петровна приходила въ ужасъ отъ одной мысли, что Вѣрочка останется

у нея на рукахъ въ качествѣ старой дѣвы. Отъ нея всего можно было ожидать...

„По случаю гостя“ въ столовой была сервирована закуска, чего обыкновенно не дѣлалось. Этотъ лишній расходъ привелъ Поликсену Петровну впередъ въ самое дурное настроеніе.

Когда хозяйка вошла въ столовую, сибирскій гость былъ уже тамъ. Онъ стоялъ у закуски и говорилъ, наливая рюмку:

— У насъ, Андрюшка, знаешь, сибирское правило: между первой и второй рюмкой не дышатъ...

— Родіонъ Поликарпычъ, позволь тебѣ представить: моя жена и дочь,— перебилъ его смутившійся Андрей Иванычъ.

Наружность Шихобалова не была въ его пользу. Коренастый, плотный, съ кривыми ногами и большой головой, онъ походилъ на медвѣдя, поставленнаго на заднія лапы. Лицо было просто неприлично, какъ рѣшила про себя Вѣрочка: широкое, скуластое, заросшее какимъ-то конскимъ волосомъ. Маленькіе глазки совсѣмъ заплыли, а кожа имѣла мѣдно-красный цвѣтъ. Въ свою очередь и Шихобаловъ, кажется, остался несовсѣмъ доволенъ наружностью петербургскихъ дамъ и какъ-то фукнулъ широкимъ носомъ.

— Это которая же дочь, которая жена?—грубовато спросилъ онъ, протягивая волосатую, коротку руку съ точно обрубленными пальцами.

Вѣрочка сдѣлала непонимающее лицо ingénue dramatique, а Поликсена Петровна улыбнулась одними глазами.

— Ну, виноватъ, не разглядѣлъ...—добродушно извинялся Шихобаловъ, когда Андрей Иванычъ обиженно объяснилъ ему разницу.—Не разберешь сразу этихъ петербургскихъ барынь... Обѣ тощія, обѣ зеленькія... хха! Видно, у васъ тутъ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ... У меня вотъ благовѣрная супруга такъ и въ дверь не пролѣзетъ. Я ее торпедой зову... Нравится мнѣ это слово, Андрюшка, тор-пе-да... Именно торпеда, и больше ничего.

— А ты все такой же,—съ дѣланою ласковостью говорилъ Андрей Иванычъ, хлопая сибирскаго друга по плечу и напрасно стараясь попасть ему въ тонъ.—У васъ все по прежнему: Мишка, Волька, Родька?

— Да вѣдь любя, дура-голова!

Поликсена Петровна опять едва улыбнулась, глядя, какъ у Андрея Иваныча выступаютъ по лицу красныя пятна и кожа принимаетъ тонъ линючаго ситца. Ей начиналъ нравиться этотъ милый гость, такъ ловко изводившій хозяина.

— Ну, мы тебя тутъ выучимъ, какъ держать себя,—говорилъ Андрей Иванычъ, усаживая гостя за столъ.—У насъ строго...

Все время обѣда дамы молчали, потому что разговоръ шелъ о совершенно невѣдомыхъ имъ старыхъ сибирскихъ знакомыхъ и совсѣмъ непонятныхъ сибирскихъ дѣлахъ. Перебрали цѣлую кучу покойныхъ сибирскихъ друзей, пожалѣли, что всѣ они умерли раньше времени, припомнили нѣсколько сибирскихъ анекдотовъ изъ ихъ жизни и еще разъ пожалѣли. Увлекшись этими воспоминаніями, Шихобаловъ хлопалъ рюмку за рюмкой, такъ что хозяинъ замѣтилъ въ шутливомъ тонѣ:

— Не будетъ ли, Родіонъ Поликарпычъ?

Захмелѣвшій гость понялъ, куда это клонитъ, и проговорилъ, обращаясь къ Вѣрочкѣ, которую принималъ за жену:

— А вы считаете меня, мадамъ, за дурака... Пріѣхалъ и давай хлестать водку. Такъ-съ?..

— У всякаго свои привычки...—уклончиво-холодно отвѣтила Вѣрочка.

Шихобаловъ лукаво подмигнулъ ей и объяснилъ:

— Дуракъ да не совсѣмъ, мадамъ... Первымъ дѣломъ мы махнемъ къ отцу Ивану Кронштадтскому. Это какъ по-вашему?

Выходя изъ-за стола, гость неожиданно хлопнулъ хозяина по животу и проговорилъ:

— Ахъ, Андрюшка, Андрюшка, и гусь же ты петербургскій сдѣлался!.. Посмотри въ зеркало на рожу на свою: сейчасъ открывай торговлю постнымъ масломъ!

II.

Андрей Иванычъ едва дождался окончанія проклятаго обѣда. Главнымъ образомъ его злило молчаливое торжество жены. Она-то чему радуется? Да и передъ Вѣрочкой, конечно, неловко. Дѣвушка „изъ общества“ и словъ такихъ не должна слышать, а этотъ медвѣдь точно сбѣсился.

Послѣ обѣда Андрей Иванычъ провелъ гостя къ себѣ въ кабинетъ.

— А коньячища не полагается?—заискивающе спрашивалъ Шихобаловъ.

— Дурно себя ведешь, а посему и не получишь ничего, кромѣ кофе.

— Ну и чортъ съ тобой!.. Я пойду куда-нибудь въ трактиръ. Только зубъ у меня разыгрался, а ты поперекъ дороги...

— Сигарку хочешь? У меня есть особенныя...

— Къ дьяволу!.. Тоже нашелъ дурака!.. Не курю я твоихъ цигаръ.

— Ахъ, да, я и забылъ...

Когда полтянутая горничная въ бѣломъ передникѣ подавала кофе, Шихобаловъ посмотрѣлъ на нее и даже подмигнулъ. Андрей Иванычъ только покачалъ головой. Гость былъ невозможенъ.

— Я тебѣ кое-что покажу, Родіонъ Поликарпычъ,—заговорилъ таинственно Андрей Иванычъ, мѣняя тонъ.

Рѣдкіе гости Сурнина отлично знали роковой смыслъ этой невинной по своему существу фразы,—это былъ только приступъ къ самому изысканному мучительству записного любителя. Кабинетъ Андрея Иваныча составлялъ его гордость, какъ собраніе всевозможныхъ рѣдкостей, добытыхъ съ неимовѣрнымъ стараніемъ въ лавкахъ старьевщиковъ, на аукціонахъ и вообще по случаю. Неопытный гость проходилъ черезъ настоящій строй и долженъ былъ удивляться, ахать, восхищаться, качать головой, приходить въ нѣмой восторгъ, еще разъ удивляться, пока пытка не исчерпывалась истощившимся матеріаломъ. Въ теченіе времени Андрей Иванычъ изобрѣлъ правильную систему объясненія своихъ рѣдкостей и говорилъ заученными фразами, какъ путеводитель по какому-нибудь музею. А въ кабинетѣ этихъ рѣдкостей было достаточно: древности восточныя,—изразцы съ среднеазіатскихъ мечетей, мозаика изъ Св. Софіи въ Константинополѣ, статуэтки изъ Египта, предметы бронзоваго и каменнаго вѣковъ, дальше слѣдовали Грецiя, Римъ и средніе вѣка, потомъ культура Индіи, Китая и Японіи,—бронза, лаки, фарфоръ, ткани, потомъ искусство новѣйшаго времени—фарфоръ, мебель, статуэтки, картины, гравюры, просто бездѣлушки. Главною гордостью хозяина было то, что всѣ эти сокровища пріобрѣтались за безцѣнокъ. Когда дѣло дошло до какихъ-то эмалей и нумизматической коллекціи, дремавшій на диванѣ гость проговорилъ сонными голосомъ:

— Послушай, Андрюшка... На кой тебѣ чортъ вся эта дрянь?.. Торгуешь хламомъ, что ли?..

— Какъ на что?—серьезно обидѣлся Андрей Иванычъ. — Ахъ, ты, дикарь!.. Для тебя все искусство въ гармоникѣ да въ лубочной картинѣ.

Погоди, вотъ я тебя познакомлю съ настоящими людьми... Да. Тогда ты и почувствуешь свое полное невѣжество...

— Ну тебя!.. Мнѣ вотъ до с. Іоанна только добраться бы...

— Послушай, ты глупъ, Родіонъ Поликарпычъ. Нельзя такъ... Если не понимаешь ничего, такъ по крайней мѣрѣ хоть молчи.

Вмѣсто отвѣта послышался легкій носовой свистъ, переходящій цѣлой гаммой всевозможныхъ тоновъ въ богатырскій храпъ. Андрей Иванычъ посмотрѣлъ на безсовѣстнаго гостя, поднялъ густыя брови, конечно, не шедшія къ его изможденному лицу, и принялся съ угнетеннымъ видомъ убирать опозоренныя невѣждой сокровища искусства. Онъ ужасно злился на своего стариннаго друга, а потомъ вдругъ его осѣнила счастливая мысль: позвольте,— да вѣдь Родька Шихобаловъ самъ по себѣ представляетъ рѣдкость, какъ какой-нибудь зубръ, вѣрнѣе—unicum... Вотъ кого показать друзьямъ, конечно, предупредивъ предварительно!.. Да, это цѣлая идея! Бѣдняга не будетъ и подозрѣвать, что его будутъ разсматривать, какъ какое-нибудь морское чудовище.

— Да, да, это отлично!—повторилъ Сурнинъ, исподлобья поглядывая на спавшаго богатыря.—Все дѣло только въ томъ, подъ какимъ соусомъ тебя преподнести почтеннѣйшей публикѣ...

Въ головѣ Сурнина сейчасъ же сложился цѣлый планъ маленькой рѣчи, какую онъ скажетъ гостямъ: „Господа, позвольте представить вамъ представителя далекой русской окраины... Это то, что въ Сибири называется „самородкомъ“. Да, это настоящій русскій самородокъ, тотъ безвѣстный русачокъ, который прошелъ отъ одного океана до другого, забрался въ тайгу, на берега Ледовитаго океана и вездѣ несъ съ собой родную русскую культуру. Предлагаю выпить за его здоровье!“ Впрочемъ, предлагать выпивку, пожалуй, будетъ опасно. Еще напьется этотъ самородокъ... Говорить маленькія рѣчи было слабостью Сурнина, и онъ въ этомъ направленіи порядочно набилъ себѣ руку, подлаживая свои спичи національнымъ послѣднихъ дней: Россія для русскихъ и т. д.

Сурнинъ принадлежалъ къ типу тѣхъ темныхъ капиталистовъ, которые являются въ столицы изъ невѣдомыхъ глубинъ глухой провинціи. Большинство изъ нихъ въ томъ солидномъ возрастѣ, когда принято жить только для дѣтей. И Сурнинъ тоже увѣрялъ, что пріѣхалъ только для единственной дочери Вѣрочки, но кончилъ тѣмъ, что женился на ея гувернанткѣ, бойкой и озлобленной петербургской бездомной барышнѣ. Она разсчитывала забрать разлакомившагося старца въ свои руки, но это никакъ не выходило. Сурнинъ оказался не изъ того разбора. Началась тяжелая семейная война, причемъ Поликсена Петровна отъ души возненавидѣла мужа. Она отлично изучила его привычки, слабости и недостатки. Самымъ слабымъ пунктомъ Сурнина было желаніе выдѣзти въ люди, въ то настоящее общество, которому онъ тайно завидовалъ. Какъ всѣ такіе темные провинціалы, онъ разсчитывалъ на свое вліяніе, какъ капиталиста, но его капиталы оказались ничтожными по сравненію съ настоящими богачами. Можно было жить всего тысячъ на двадцать, а это не Богъ вѣсть какія деньги.

Не попавъ въ родовую знать и въ тѣсную семью настоящихъ капиталистовъ, Сурнинъ повелъ другую политику. Онъ началъ посѣщать собранія разныхъ ученыхъ обществъ, гдѣ-то даже сдѣлалъ какой-то докладъ, потомъ сдѣлался членомъ двухъ благотворительныхъ обществъ, посѣщалъ всѣ первыя представленія, выставки, абонировалъ постоянную ложу въ оперѣ и вообще старался держаться на виду, постоянно заводя вліятельныя знакомства. Легче

всего было сдѣлать себѣ имя благотворителя и мецената, и имя Сурнина начало появляться даже въ газетныхъ отчетахъ: „извѣстный сибирскій меценатъ Сурнинъ пожертвовалъ въ пользу прокаженныхъ триста рублей", и т. д. Въ погонѣ за своей цѣлью онъ сдѣлался даже археологомъ и коллекціонеромъ, потому что это было въ модѣ и какая-нибудь рѣдкая монета служила отличнымъ предлогомъ для очень вліятельнаго и выгоднаго знакомства. Сильные міра сего страдаютъ иногда самыми маленькими, дѣтскими слабостями. Это было выгоднѣе роли благотворителя. Званіе мецената давало возможность собрать у себя въ домѣ гг. артистовъ, являвшихся въ свою очередь приманкой для нужныхъ людей „изъ общества".

Однимъ словомъ, Сурнинъ шелъ къ своей цѣли твердо и настойчиво и, вѣроятно, скоро достигъ бы своего, если бы не жена. Это было непоправимой ошибкой жениться на гувернанткѣ, которая даже не умѣла „сдѣлать дома". Она не умѣла одѣваться, не умѣла принять, не умѣла, вообще, держать себя. Говоря проще—была глупа. Другое дѣло, если бы онъ женился на какой-нибудь вдовушкѣ съ вліятельными связями и умѣньемъ устроить настоящій train. Сурнинъ презиралъ жену, которая вставала ему поперекъ дороги на каждомъ шагу. Когда онъ добился мѣста благотворительнаго секретаря и завязалъ знакомства съ вліятельными благотворительницами, все рушилось разомъ, когда дѣло дошло до визитовъ. Свѣтскія дамы умѣли дать понять, что m-r Сурнинъ еще терпимъ въ качествѣ благотворителя и нео-патріота, но m-me Сурнинъ... Даже въ такомъ дѣлѣ, какъ гастрономія, Поликсена Петровна рѣшительно ничего не стоила и высчитывала какіе-то гроши, тогда какъ умѣнье дать хорошій завтракъ съ хорошимъ виномъ дѣло великое. Самъ Сурнинъ выучился этому трудному и дорогому искусству и являлся въ своемъ родѣ знатокомъ. У него даже былъ свой талантъ, несомнѣнный талантъ,— ему принадлежала идея сибирскихъ пельменей изъ рябчиковъ съ жиромъ отъ телячьихъ почекъ. Въ ресторанахъ даже заказывали „сурнинскіе пельмени".

Вообще, Сурнинъ пошелъ бы далеко, если бы не пропустилъ напрасно столько времени, похоронивъ свою молодость и зрѣлый возрастъ въ далекой глуши. Онъ считалъ себя несправедливо обиженнымъ по сравненію съ другими, сдѣлавшими карьеру, хотя они были въ десять разъ глупѣе его. Главная бѣда заключалась въ томъ, что время Сурнина ушло. Поздно было начинать. Онъ присматривался къ большимъ дѣламъ и чувствовалъ, что старъ. На сценѣ были уже другіе люди, юркіе, неуловимые, дерзкіе; онъ не понималъ этой новой породы. Что̀ дѣлать, всякому овощу свое время! Онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ попасть въ этотъ заколдованный кругъ, составилъ даже нѣсколько проектовъ, но на него смотрѣли или какъ на карманъ, или какъ на сумасшедшаго. Оставалось только ждать случая.

Замѣчательная выдержка характера измѣняла Сурнину только въ единственномъ случаѣ, именно, когда онъ сталкивался съ другимъ такимъ же темнымъ провинціаломъ, старавшимся пролѣзть куда-то. Всѣ эти темные люди отлично понимали другъ друга и распространяли другъ про друга всевозможныя вещи, какъ это дѣлаютъ всѣ опасные конкуренты.

— Сурнинъ... Сурнинъ... Позвольте, мнѣ кажется, что я гдѣ-то слышалъ эту фамилію! Ахъ, да!.. Еще былъ процессъ по поводу одного крупнаго хищенія на югѣ...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь: онъ на югѣ никогда не бывалъ, а служилъ въ Сибири. Но это еще хуже... Старые суды... взятки... чиновничій произволъ... Однимъ словомъ, человѣкъ неизвѣстный и темный!

Коренные петербуржцы вообще не интересуются прошлымъ и генеалогіей богатыхъ людей, совершенно довольствуясь настоящимъ. А такихъ провинціаловъ, какъ Сурнинъ, сколько угодно.

III.

Шихобаловъ пропадалъ нѣсколько дней и потомъ явился съ опухшей отъ пьянства физіономіей.

— Ты это что же?—внушительно говорилъ Сурнинъ.—Все къ о. Ивану собираешься?

— Около того... Былъ на Балтійскомъ вокзалѣ, ну, а тамъ буфетъ. Значитъ, и того...

— Не хорошо.... Нужно остепениться. Понимаешь? У насъ есть ложа... Вотъ поѣхалъ бы съ дамами.

— Въ лучшемъ видѣ...

Съ ложей вышло крупное недоразумѣніе. Шихобаловъ почему-то предположилъ, что его повезутъ въ циркъ, и заснулъ на второмъ дѣйствіи. Дамы страшно были сконфужены и уѣхали изъ театра, не дождавшись конца.

Второй опытъ былъ съ сибирскимъ концертомъ, устраиваемымъ въ пользу учащихся сибиряковъ. Поѣхалъ самъ Андрей Иванычъ, что-то, куда-то и на что-то жертвовавшій. Ихъ мѣста были во второмъ ряду. Въ антрактѣ между двумя отдѣленіями Шихобаловъ явился уже пьяный. Вѣрочка могла только удивляться, когда онъ успѣлъ напиться.

— Ну, публика...—повторялъ Шихобаловъ, ухмыляясь себѣ въ бороду.

— А что?—полюбопытствовала Вѣрочка.—Такая же, какъ и всякая другая...

— Такая?

Шихобаловъ только махнулъ короткой рукой и хрипло засмѣялся.

— Публика... ха-ха!.. Воры—вотъ и весь сказъ.

— Я удивляюсь, какъ это вы можете говорить подобныя вещи,—обидѣлась Вѣрочка, отодвигаясь.—Вы просто невозможный человѣкъ...

— Я-то? Я-то хорошъ, а другіе еще почище будутъ... Вотъ что, зеленькая барышня, ничего вы не понимаете.

— А вы мнѣ грубите....

— Дозвольте вполнѣ серьезный разговоръ имѣть, зеленькая барышня... Вотъ видите тамъ, въ переднемъ ряду, молодой человѣкъ сидитъ? Ну, это, значитъ, изъ нашихъ сибирячковъ... Тятенька у нихъ обозы съ чаемъ грабилъ собственноручно и краденое скупалъ, а они, сынокъ, поощряютъ вотъ эту самую пѣвицу, которая сейчасъ тонкимъ голосомъ пѣла. Знаемъ-съ... Сколько отъ нихъ ячниковъ по міру пошло, чтобы вотъ ихній сынокъ изъ передняго ряду поощрялъ поющую мамзель!.. да. Теперь вонъ тамъ видите сѣденькаго старичка—это Тушниковъ. Онъ по откупамъ, значитъ, орудовалъ и при большомъ капиталѣ сейчасъ состоитъ. Да... А спросите-ка его, сколько онъ инородцевъ споилъ, сколько промысловыхъ рабочихъ... Тоже поощряетъ. А вонъ милліонеры Бородкины... Небось, здѣсь деньгами швыряютъ, чтобы къ ручкѣ какой-нибудь генеральши приложиться и чтобы про это въ газетахъ пропечатали, а дома-то кусочка сахару считаютъ, шкуру дерутъ съ рабочаго. Знаемъ... А вонъ тамъ видите высокую, полную даму? Это генеральша Чекменева.. Она... Ну, да вы, все равно, ничего не поймете, зеленькая барышня. Однимъ, словомъ, сплошной воръ... Вѣдь стоило бы собрать вотъ здѣсь всѣ слезы да кровь, которая пролита, такъ не запѣли бы, а завыли.

— Не всѣ же такіе...

— Ну, другіе-то по другимъ, а у насъ уже одно заведеніе: воръ.

— Значитъ, и вы?..

— Тоже воръ... Настоящій воръ. И тоже поощрять могу. На, дѣлай, а вотъ тебѣ сотельный билетъ. Музыка даже очень извѣстная...

— Будетъ... довольно.

— У насъ только и есть два сорта человѣковъ, зеленькая барышня: одни воруютъ, а другіе терпятъ. Кто укралъ, ну, тотъ и радуется.

Вѣрочку выручилъ явившійся во время отецъ. Онъ замѣтилъ, что что-то не ладно, и посмотрѣлъ на гостя сурово. Въ послѣднее время Сурнинъ вообще принялъ по отношенію къ сибирскому другу покровительственный тонъ и старался его „тренировать“. Нельзя же было оставлять эту необузданную натуру въ ея необработанномъ видѣ! Между прочимъ, Сурнинъ тутъ же на вечерѣ успѣлъ пригласить къ себѣ на обѣдъ кое-кого изъ вліятельныхъ людей, причемъ съ таинственной улыбкой предупредилъ каждаго:

— Знаете, ко мнѣ пріѣхалъ изъ тайги одинъ старинный пріятель-золотопромышленникъ... Настоящій коренной самородокъ.

Въ публикѣ установилось представленіе о золотопромышленникахъ, какъ о людяхъ необыкновенныхъ, и Сурнинъ эксплоатировалъ это суевѣріе. Вѣдь угощаютъ же другіе итальянскими тенорами и примадоннами, отчего же онъ не можетъ преподнести своимъ гостямъ настоящаго сибирскаго золотопромышленника au naturel? Эта мысль, вообще, сильно занимала Андрея Ивановича, и онъ даже успѣлъ ее связать съ нѣкоторыми „сибирскими вопросами“, о которыхъ можно будетъ сказать за обѣдомъ нѣсколько словъ à propos. Выйдетъ и солидно и остроумно.

Къ удивленію Сурнина, жена отнеслась къ обѣду съ самороднокъ съ небывалымъ сочувствіемъ. Обыкновенно она спорила съ мужемъ и чуть не дралась изъ-за непутныхъ расходовъ на кормежку безполезныхъ людей, а теперь сама старалась устроить все получше.

— Ты видишь: я не спорю,—говорила она.—Что хорошо, то хорошо... По крайней мѣрѣ, это интересно.

Сурнинъ могъ только удивляться, что Поликсена Петровна открыто покровительствовала Шихобалову. Каждый разъ, когда Андрей Ивановичъ послѣ обѣда уходилъ вздремнуть къ себѣ въ кабинетъ, она удерживала Шихобалова въ столовой.

— Мы тутъ чайкомъ побалуемся,—объясняла она языкомъ сибирскаго гостя.

Когда мужъ уходилъ, она доставала бутылку фипь-шампань и принималась угощать.

— Люблю, зеленькая барыня...—хвалилъ Шихобаловъ, хлопая ее своей пухлой рукой по плечу.—Удалая, нечего сказать! Мужъ-то у тебя немножко того... угорѣлъ, значитъ. Какія-то тараканьи мощи...

— Мнѣ кажется, что онъ всегда такой былъ.

— Онъ-то? Х-ха... Вотъ какой сахаръ былъ, что не приведи Богъ. Первую-то жену, Вѣрочкину мать, значитъ, изъ родительскаго дома изъ-подъ замка выкралъ... Значитъ, вполнѣ кража со взломомъ. Ну, а потомъ онъ же ее и въ гробъ вколотилъ... Звѣрь былъ. И все потихоньку, а свое возьметъ.

— Значитъ, дура была, если позволяла...

— Да ужъ такъ случилось... Неладное дѣло вышло. Бабенка-то простая, хоть и изъ богатой семьи, имени не умѣла подписать, ну, ему и обидно. Морилъ онъ ее лѣтъ съ десять...

Разогрѣтый коньякомъ самородокъ проявлялъ необыкновенную болтли-

вость и разсказывалъ про Андрея Иваныча всю подноготную, именно то таинственное прошлое, о которомъ Поликсена Петровна ничего не знала. Потихоньку отъ мужа Поликсена Петровна выпивала съ гостемъ рюмки двѣ и чувствовала себя хорошо.

— Вотъ люблю барыньку за обычай,—похваливалъ Шихобаловъ.—Невинно вино, а укоризненно пьянство... А что касается Андрюшки...

Пьяный Шихобаловъ разсказывалъ такія смѣшныя вещи, что Поликсена Петровна хохотала до слезъ. Разъ даже вышелъ изъ своего кабинета Андрей Иванычъ, остановился въ дверяхъ столовой и только покачалъ головой.

— Кабакъ какой-то...—брюзжалъ онъ, дѣлая кислую гримасу.

— Ну, ну, проваливай въ палевомъ, проходи въ голубомъ...—хрипѣлъ Шихобаловъ.—Позавидовалъ чужому смѣху! А ты заведи свой!..

Предполагавшійся обѣдъ былъ составленъ по всѣмъ правиламъ искусства. Тутъ были и знаменитые пельмени изъ рябчиковъ, и аршинная пельма, и печенка дикой козы, и сибирскіе консервы, и даже „струганина“, т.-е. настругапная мороженая рыба. Гости были подобраны съ еще большей тщательностью: цѣлыхъ три штатскихъ генерала, нѣсколько инженеровъ, нѣсколько сомнительныхъ дѣльцовъ, два биржевика, а для Вѣрочки два офицера и какой-то молодой человѣкъ съ моноклемъ. Однимъ словомъ, обѣдъ былъ устроенъ по-настоящему.

— А гдѣ же Шихобаловъ?— спохватился Сурнинъ, когда гости уже начали съѣзжаться.

Никто не зналъ. Сурнинъ взбѣсился и послалъ одного изъ приглашенныхъ офиціантовъ въ номера, гдѣ онъ остановился. Но тамъ его не оказалось. Коридорный сказалъ, что онъ уѣхалъ въ Кронштадтъ.

— Зарѣзалъ, подлецъ! — вспылилъ Андрей Иванычъ, хватая себя за голову.—Безъ ножа зарѣзалъ... Что я теперь буду дѣлать?

— Папа, онъ мнѣ говорилъ еще третьяго-дня, что ѣдетъ къ о. Ивану,— вмѣшалась Вѣрочка.

— И ты молчала, несчастная?!.—обрушился на нее Андрей Иванычъ съ небывалымъ азартомъ.—О, вы всѣ готовы меня зарѣзать!.. Да, да, да!..

А гости прибывали одинъ за другимъ съ удивительной аккуратностью, и только не было Шихобалова. Чтобы выиграть время, Андрей Иванычъ помучилъ гостей своими рѣдкостями (молодой человѣкъ съ моноклемъ называлъ его кабинетъ „святой инквизиціей“), но и это не помогло. Шихобалова нѣтъ какъ нѣтъ...

— Господа, пожалуйте закусить, — упавшимъ голосомъ предложилъ наконецъ хозяинъ.—У меня есть бутылочка „старой вудки“—могу рекомендовать...

Ухвативъ подъ руку самаго вліятельнаго генерала, Андрей Иванычъ началъ объяснять, что эта бутылка попала ему совершенно случайно, именно, во время польскаго мятежа былъ разрушенъ одинъ старинный замокъ, который оставался въ развалинахъ больше двадцати лѣтъ, а потомъ его купилъ какой-то мѣщанинъ подъ винокуренный заводъ, и когда этотъ мѣщанинъ началъ рыть фундаментъ, въ землѣ нашли три бутылки „старой вудки“, одна изъ которыхъ и досталась Андрею Иванычу.

— Да, удивительно,—согласился генералъ, подавляя приступъ голодной икоты.

Всѣ гости должны были предварительно осмотрѣть самую бутылку, облѣпленную грязью и соломой, а потомъ уже получали по маленькой рюмочкѣ какой-то сомнительной темной жидкости.

— Ей ровно сто лѣтъ, господа! — торжественно заявлялъ мучитель-хо-

зяинъ. — Вы посмотрите на свѣтъ... Вотъ такъ! А потомъ закройте глаза и понюхайте...

Шихобалова все не было.

IV.

Гости Сурнина имѣли странную привычку злословить хозяина, что иногда случается въ избранномъ обществѣ. Знаменитая „стара вудка“ теперь служила неистощимой темой. Молодой человѣкъ съ моноклемъ сообщилъ сидѣвшему рядомъ биржевику, что знаменитая бутылка гдѣ-нибудь украдена почтеннѣйшимъ Андреемъ Иванычемъ, и потомъ онъ ее собственноручно облѣпилъ грязью и соломой.

— Во всякомъ случаѣ, у меня отъ этой старой вудки начинаетъ сосать подъ ложечкой, а на языкѣ такое ощущеніе, какъ будто я выпилъ разведенной ваксы... А тутъ еще предстоитъ струганина! Мы сдѣлаемся людоѣдами, вотъ увидите...

Офицерики занимали дамъ, генералы изслѣдовали „дикую печенку“ и перѣшительно тыкали вилками струганину, биржевики терпѣливо ожидали знаменитыхъ пельменей и пельмы. Андрей Иванычъ въ ожиданіи пельменей разсказывалъ какую-то удивительную исторію о серебряномъ столовомъ сервизѣ, доставшемся чуть не отъ Маріи-Антуанетты или Стефана Баторія. Наконецъ офиціанты внесли дымившееся блюдо пельменей, и мученики-гости облегченно вздохнули.

— Папа, это онъ! — крикнула Вѣрочка, когда въ передней раздался рѣзкій звонокъ.—Онъ, онъ

Дѣйствительно, это былъ Шихобаловъ, только-что пріѣхавшій съ Балтійскаго вокзала. Онъ былъ замѣтно навеселѣ, и выскочившій въ переднюю Андрей Иванычъ собственноручно поправилъ ему съѣхавшій набокъ галстукъ и даже причесалъ всклоченные волосы.

— Будь, пожалуйста, остороженъ, Родька... У меня избранное общество.

— Сдѣлай милость... И мы не въ уголъ рожей. А я немного того...

— Да не пей ты прежде времени...

Появленіе Шихобалова въ столовой произвело извѣстную сенсацію. Тутъ ужъ не могло быть и рѣчи о какой-нибудь фальсификаціи, а настоящая „натура“.

— А я отъ о. Ивана...—добродушно заявлялъ Шихобаловъ.—Сподобился наконецъ... Только на морѣ прямо въ скулу надуло.

— Къ самымъ пельменямъ пріѣхалъ, — говорилъ Андрей Иванычъ, соображая про себя, что опозданіе самородка какъ нельзя кстати,—не успѣетъ напиться у закуски.

Обѣдъ сразу оживился. Дорогого гостя нарочно усадили рядомъ съ хозяйкой, чтобъ можно было контролировать его неудержимое стремленіе къ водкѣ. Впрочемъ, это плохо помогло, — или Поликсена Петровна прозѣвала, или не замѣтила намѣренно, а только Шихобаловъ выпилъ залпомъ сразу три рюмки водки, объяснивъ, что въ Сибири „не пьютъ между первой и второй“. Это вступленіе произвело настоящій эффектъ, и гости смотрѣли на самородка вытаращенными глазами.

— Господа, рекомендую: вотъ мадера...—провозгласилъ хозяинъ, поднимая кверху какую-то бутылку. — Тридцать второго года... Во время франко-прусской войны, когда прусскіе уланы заняли Шантильи...

Гости опять должны были произвести предварительный осмотръ бутылки, потомъ присматривать вино къ свѣту, потомъ нюхать и потомъ уже пить.

Шихобаловъ воспользовался удобнымъ моментомъ и подъ шумокъ хлопнулъ еще двѣ рюмки. Онъ пріѣхалъ уже съ „готовой заправкой“ и какъ-то особенно быстро захмелѣлъ, особенно когда Поликсена Петровна подсунула ему настоящаго англійскаго джина.

— Да, сподобился...—бормоталъ онъ и потомъ засмѣялся. — Андрюша, Андрей Павлычъ, а кого я встрѣтилъ у о. Ивана! Подъѣзжаю я это къ собору, на паперти старушонка, нищіе, разная рвань коричневая, а между ними сидитъ Ѣдуновъ... Помнишь?

— Да, кажется...

— Что тутъ кажется: извѣстный человѣкъ. Да ты не притворяйся... Ну, увидалъ меня и обрадовался... Х-ха!.. Онъ всегда радъ, какъ меня увидитъ. Теперь онъ милліонеръ, а прежде-то... Въ молодости я служилъ писаремъ у исправника, у Ивана Парфентича. Ну, хорошо. Разъ это сижу у него въ кабинетѣ и строчу какую-то бумагу, а Иванъ Парфентичъ похаживаетъ по кабинету. Вдругъ казакъ: „привели, ваше скородіе“... И дѣйствительно, вводятъ вотъ этого самаго Ѣдунова. Иванъ Парфентичъ сейчасъ звѣрь звѣремъ, глаза налились кровью... Нужно сказать, что этотъ Ѣдуновъ весьма неблагородно поступилъ съ одной дѣвицей... Да... Значитъ, обрилъ ее... (Дамы сдѣлали движеніе, у хозяина явилось умоляющее выраженіе лица). Ну, и прочее... Только Иванъ Парфентичъ какъ налетитъ орломъ—ррразъ!.. Ѣдуновъ съ ногъ долой, а Иванъ Парфентичъ его по другой скулѣ... Ужъ онъ билъ-билъ... Кровь изъ него хлещетъ... Ну, вотъ Ѣдуновъ-то и помнитъ меня... Х-ха... А тоже совѣсть есть,—вонъ откуда пріѣхалъ къ отцу-то Ивану. Душегубъ онъ... Ну, онъ и говоритъ мнѣ: „Родька, вѣдь Иванъ-то Парфентичъ померъ...“— „Какъ такъ?“ — „Да, видно, ужъ такъ... Предѣлъ. Кондрашка хватилъ...“ Пожалѣли мы Ивана Парфентича и даже свѣчку за упокой поставили. Что жъ, дѣло прошлое... Скоръ былъ на руку, ну, да въ другой разъ и нельзя.

— Ускоренное сибирское судопроизводство...—замѣтилъ кто-то.

Сурнинъ съ ужасомъ видѣлъ, что Шихобаловъ уже совсѣмъ осовѣлъ и начинаетъ клевать носомъ. Получался настоящій скандалъ. Хорошо еще, что Шихобаловъ занялся пельменями, которые глоталъ, не разжевывая. Среди гостей слышался неодобрительный шопотъ и мелькали улыбки. Оставалась единственная надежда на пельму,—этотъ монстръ долженъ былъ отвлечь вниманіе.

— Господа, рекомендую...— провозгласилъ хозяинъ, когда офиціантъ сталъ „обносить гостей рыбой“.—Пельма!...

Шихобаловъ точно проснулся.

— Пельма?—хрипѣлъ онъ.—А мы съ покойничкомъ Иваномъ Парфентичемъ дѣлывали такъ... Подадутъ намъ на закуску живую стерлядку... Она этакъ по тарелкѣ ползаетъ, а мы по кусочку отрѣзываемъ и закусываемъ... Возьмешь въ ротъ ломтикъ-то, а онъ шевелится. Х-ха... Дай, Господи, царство небесное покойничку!..

— Послушай, Родіонъ Пеликарпычъ,—вмѣшался хозяинъ.—Дался тебѣ какой-то Иванъ Парфентичъ... Это наконецъ скучно!..

— Нѣтъ, продолжайте! Продолжайте... — послышались голоса,—гостямъ очень понравилась закуска сибирскаго исправника.

Шихобаловъ посмотрѣлъ на Андрея Иваныча совсѣмъ осовѣлыми глазами, неожиданно ударилъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

— Какъ „какой-то Иванъ Парфентичъ“? Ты не знаешь Ивана Парфентича, Андрюшка?.. Да если бы не Иванъ Парфентичъ, такъ тебѣ вотъ не сидѣть бы здѣсь съ нами, а твоимъ гостямъ не ѣсть пельмы... да!.. Ну, что ты глаза-то на меня вытаращилъ?

Эффектъ получился поразительный. Даже Поликсена Петровна испугалась и начала дергать расходившагося самородка за рукавъ. Но было уже поздно.

— Да ты кто такой самъ-то, Андрюшка?—грянулъ Шихобаловъ, уже вскакивая.—Гдѣ тебѣ по-настоящему-то быть, если бы не Иванъ Парфентичъ? Забылъ, какъ сочинилъ бунтъ промысловыхъ рабочихъ?.. Отъ твоей гнилой говядины меръ народъ, а потомъ ты же военную силу вытребовалъ для усмиренія бунта... трехъ застрѣлили, а другихъ по острогамъ разослали... Вѣдь сжели бы не Иванъ Парфентичъ, который тебя оставилъ тогда „въ подозрѣніи“, такъ ты бы самъ сейчасъ сидѣлъ въ острогѣ... да!..

— Ты пьянъ, какъ свинья!—крикнулъ опомнившійся хозяинъ, подскакивая къ скандалисту.—Самъ не знаешь, что мелешь...

Андрея Иваныча выручила только Вѣрочка, въ самый критическій моментъ упавшая въ обморокъ. Гости сразу поднялись, не дожидаясь окончанія знаменитаго обѣда.

Поликсена Петровна торжествовала.

Черезъ мѣсяцъ Сурпинъ исчезъ изъ Петербурга неизвѣстно куда, какъ явился неизвѣстно откуда. Молодой человѣкъ съ моноклемъ говорилъ въ пріятельскомъ кружкѣ:

— А знаешь, мнѣ очень нравятся эти сибирскіе самородки...

1895.

СОНЪ

Святочный разсказъ.

Бываютъ странны сны,
А наяву страннѣе...
Грибоѣдовъ.

I.

Гаврила Гаврилычъ Брусницынъ чувствовалъ себя очень скверно, вѣроятно, потому, что всѣ другіе обыватели уѣзднаго города Шишицына радовались или просто имѣли такой видъ, что радуются.

— И чему радуются?—ворчалъ Гаврила Гаврилычъ, сдерживая приливъ законнаго негодованія.—Праздникъ, праздникъ... А что такое праздникъ? Лишніе дурацкіе расходы — и больше ничего. Вообще глупо... Говорятъ, за границей совсѣмъ нѣтъ праздниковъ. Народъ тамъ умный, бережливый. Да и какой это праздникъ—рождественскій сочельникъ? Добрые люди до вечерней звѣзды не ѣдятъ и не пьютъ.

День вообще выдался неудачный. Утромъ, когда Гаврила Гаврилычъ ходилъ на базаръ, — онъ любилъ самъ закупать праздничную провизію,—попалась полицеймейстерша Прасковья Петровна, тоже промышлявшая по части провизіи, и крикнула ему издали:

— Гавріилъ Гавріиловичъ, сегодня у насъ въ клубѣ елка... Симочка будетъ шампанское продавать... Приходите непремѣнно! Она будетъ рада...

Скажите, пожалуйста, нутно ли выкрикивать такія вещи на весь базаръ? Гаврила Гаврилычъ и самъ подумывалъ итти вечеркомъ въ клубъ и повинтить, а приглашеніе Прасковьи Петровны разрушило этотъ скромный планъ. Въ самомъ дѣлѣ, ну зачѣмъ онъ, старый холостякъ, пойдетъ на какую-то дурацкую клубную елку? Рѣшительно ни съ чѣмъ не сообразно. А тутъ еще Симочка будетъ торговать шампанскимъ... Она, конечно, очень милая дѣвушка, но на благотворительномъ базарѣ самымъ безсовѣстнымъ образомъ взяла съ него за бокалъ шампанскаго десять рублей—у него не было обычнаго рубля за бокалъ, а у Симочки не оказалось сдачи,—и хоть бы глазомъ моргнула...

„Нѣтъ, покорно васъ благодарю, Прасковья Петровна, — повторялъ про себя Гаврила Гаврилычъ.—Знаемъ мы васъ даже очень хорошо... Однимъ словомъ: къ чорту!“

Съ базара Гаврила Гаврилычъ вернулся раздраженнымъ и безъ всякаго основанія поссорился съ Анной Ивановной, причемъ обозвалъ ее старою кочергой и кофейною гущей. Анна Ивановна была до извѣстной степени особа таинственная, которую Гаврила Гаврилычъ выдавалъ за свою дальнюю род-

ственницу, а редакторъ мѣстной газетки „Свѣточъ“ Василискъ Шуйцевъ спредѣлялъ, перефразируя слова Гамлета, какъ существо женскаго рода, которое по отношенію къ Гаврилѣ Гаврилычу являлось „поменьше жены, побольше сестры“. Затаивъ въ себѣ месть по отношенію Анны Ивановны, Гаврила Гаврилычъ рѣшилъ про себя, что непремѣнно женится на Симочкѣ и посмотритъ, что̀ тогда запоетъ старая кочерга.

„И женюсь, вотъ на зло всѣмъ женюсь!—увѣрялъ самого себя Гаврила Гаврилычъ, шагая по своему кабинету.—Теперь Симочка—только дочь соборнаго протопопа, а тогда будетъ женой статскаго совѣтника...‘

Короткій зимній день прошелъ. Наступилъ вечеръ. Морозъ крѣпчалъ. Сухой снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами пѣшеходовъ. Въ домахъ зажигались огни. Дневное движеніе бойкаго предпраздничнаго дня быстро затихало. Гаврила Гаврилычъ долго стоялъ у окна своего кабинета и смотрѣлъ на улицу, на углу которой жалко мигалъ керосиновый фонарь. И грустно и жутко дѣлалось у него на душѣ, и какъ будто чего-то недоставало, и какъ будто что-то такое не пережито, хорошее и бодрое, молодое, окрыленное неиспытаннымъ молодымъ счастьемъ.

Вообще день кончался скверно и тоскливо. У Гаврилы Гаврилыча мелькнула-было мысль отправиться къ соборному протопопу (отецъ Симочки) о. Евграфу, но онъ сегодня постится и ляжетъ спать пораньше. Старикъ былъ хорошій, и Гаврила Гаврилычъ любилъ съ нимъ побесѣдовать о загробной жизни и безсмертіи души, когда чувствовалъ, что у него ломитъ поясницу, сосетъ подъ ложечкой и въ головѣ „какъ будто не тово“. Въ послѣднее время Гаврила Гаврилычъ обращалъ особенно тщательное вниманіе на свое здоровье, читалъ статьи по медицинѣ, дѣлалъ изъ газетъ вырѣзки разныхъ чудодѣйствующихъ рецептовъ и открывалъ въ себѣ все новыя и новыя болѣзни. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, сто̀итъ человѣку умереть? Отъ каждой царапины можно умереть... Былъ человѣкъ, и нѣтъ человѣка. А Гаврила Гаврилычъ хотѣлъ жить, потому что еще не начиналъ жить, хотя ему и было уже за пятьдесятъ. Служилъ, старался, претерпѣвалъ, вожделѣлъ — и только. Что-то такое хорошее было еще впереди.

Вечеромъ Гаврила Гаврилычъ, желая наказать Анну Ивановну за собственную несправедливость, не вышелъ въ столовую къ чаю, и старая горничная Ариша принесла ему стаканъ холоднаго чаю въ кабинетъ,—Анна Ивановна мстила холоднымъ чаемъ. Гаврила Гаврилычъ почувствовалъ нанесенное оскорбленіе, но ничего не сказалъ. Э, не все ли равно...

Гаврила Гаврилычъ долго шагалъ по своему кабинету, смотрѣлъ на часы и повторялъ безъ конца точно приставшую къ его языку фразу:

Отворите мнѣ темницу...

Ужинать онъ не вышелъ, хотя и хотѣлось закусить. Пусть Анна Ивановна чувствуетъ, какъ онъ можетъ быть неистовъ въ гнѣвѣ... Горничная Ариша и та потерпѣла нѣкоторое крушеніе, — ну, скажите, какая манера у Анны Ивановны нанимать горничныхъ-старухъ, безобразныхъ, какъ всѣ семь смертныхъ грѣховъ?

Было еще только десять часовъ вечера, а Гаврила Гаврилычъ уже улегся въ постель, т.-е. на диванъ въ своемъ кабинетѣ. Въ качествѣ холостого человѣка онъ спалъ въ кабинетѣ. Но заснуть онъ долго не могъ. Въ головѣ былъ какой-то сумбуръ, какъ въ муравейникѣ, когда въ него засунутъ палку. Гаврила Гаврилычъ ворочался съ боку на бокъ, что-то такое ворчалъ, угнетенно вздыхалъ и повторялъ про себя:

„А я на такую слугу, Прасковья Петровна, не пойду...“

Чего ни передумаетъ человѣкъ, когда ему не спится, а главное—если онъ начинаетъ припоминать преслѣдовавшія его въ жизни обиды и непріятности. Положимъ, въ этомъ случаѣ лица и событія немного перепутываются, краска живого дневного свѣта теряется, и припоминаются какія-то мелочи, точно распухающія до недоступной для нихъ величины.

День итога, день посѣщенія, день великаго отвѣта... День обиженнаго человѣка. Послѣднее — спеціально наше русское явленіе, потому что каждый чѣмъ-нибудь обиженъ. Гаврила Гаврилычъ обиженъ былъ со дня своего рожденія, когда его нарекли Гавріиломъ. Ну, развѣ не стало другихъ именъ? Пѣть, — Гавріилъ, а попросту — Гаврила. Вотъ вамъ первая обида. Сколько непріятностей доставило это вульгарное имя Гаврилѣ Гавриловичу, начиная со школьной скамьи. И сейчасъ онъ страшно обижался, если его называли Гаврилой Гавриловичемъ. У него въ кабинетѣ висѣлъ портретъ Державина, съ собственноручною надписью Брусницина: Гавріилъ Романовичъ Державинъ. А въ книжномъ шкапу, на самомъ видномъ мѣстѣ, стояли сочиненія Державина съ тисненой золотомъ на каждомъ корешкѣ надписью: Гавріилъ Романовичъ Державинъ. И все это было ни къ чему... Когда играли въ карты — полицеймейстеръ Яковъ Ивановичъ Бѣлокопытовъ, редакторъ Василискъ Шуйцевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ефремъ Максимычъ Таліевъ, то въ началѣ игры всѣ называли Брусницына Гавріиломъ Гавріиловичемъ, а подвыпивъ, когда переходили на „ты“,—просто Гаврилой Гавриловичемъ и даже совсѣмъ просто Гаврилой. Конечно, это было обидно, и Гаврила Гавриловичъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ прекращалъ игру.

II.

Гаврила Гавриловичъ Брусницынъ ворочался на своемъ диванѣ и никакъ не могъ заснуть. Самыя разнообразныя мысли продолжали лѣзть къ нему въ голову.

„Навѣрно, въ клубѣ теперь уже составился ералашъ,—думалъ онъ.—Василискъ Шуйцевъ, Таліевъ, Яша-графинчикъ... Вѣроятно, они поджидали меня“.

Въ этой компаніи было два обидныхъ имени для Гаврилы Гавриловича: дѣйствительный статскій совѣтникъ Таліевъ и Яша-графинчикъ, онъ же — Яшка-поджигатель. Друзья и пріятели, а обидно...

Необходимо объяснить, почему Гаврила Гавриловичъ обижался на вышеуказанныхъ лицъ.

Гаврила Гавриловичъ всю жизнь прослужилъ въ губернскомъ городѣ Моховѣ. Онъ былъ аккуратенъ, исполнителенъ, точенъ, почтителенъ, предупредителенъ,—однимъ словомъ, обладалъ всѣми необходимыми для хорошаго чиновника качествами и къ пятидесяти годамъ дослужился до чина статскаго совѣтника. Но тутъ надъ нимъ и разразилась неожиданная гроза, да еще въ моментъ, когда онъ имѣлъ всѣ основанія мечтать, что черезъ нѣкоторое время сдѣлается дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Да, счастье было и близко и возможно, но въ Моховъ назначили новаго губернатора, очень добродушнаго и милаго по существу человѣка, но, къ сожалѣнію, помѣшавшагося на идеѣ, что онъ долженъ подтянуть всю губернію. Съ нимъ ѣхалъ въ качествѣ особо довѣреннаго лица новый правитель губернаторской канцеляріи. Переборка пошла съ верху до низу, что-то въ родѣ террора. Въ числѣ пострадавшихъ оказался и Гаврила Гавриловичъ.

— У этого господина есть что-то такое въ глазахъ...—замѣтилъ новый правитель губернаторской канцеляріи.

И только. Карьера была кончена. Та же участь постигла и Таліева, съ тою разницей, что онъ былъ уволенъ въ отставку съ повышеніемъ и получилъ „дѣйствительнаго“, о чемъ Гаврила Гаврилычъ, къ сожалѣнію, узналъ немного поздно. Изъ губернскаго города реформа разлилась и на уѣздные города, а въ томъ числѣ и на Шипицинъ, гдѣ полицеймейстеромъ служилъ Яковъ Иванычъ Бѣлокопытовъ. Онъ въ Шипицинѣ являлся „маленькимъ губернаторомъ“ и подъ пьяную руку любилъ говорить:

— Въ Шипицинѣ я — все... Шипицинъ—c'est moi. Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—богъ.

Но за Бѣлокопытовымъ были свои грѣшки, и новый правитель губернской канцеляріи обратилъ, конечно, на нихъ свое недремлющее око. Дни Бѣлокопытова были сочтены. Но тутъ случилось нѣчто особенное. Бѣлокопытовъ, лихой кавалеристъ, штабъ-ротмистръ, полетѣлъ бы въ трубу, какъ перышко, но у него была жена Прасковья Петровна, которая, въ сущности, правила Шипицинымъ и даже ѣздила на пожары, когда мужа не было дома. Это была лихая полковая дама, про которую злые языки говорили, что она ѣздитъ на пожары верхомъ на пожарной бочкѣ. Конечно, это была неправда, но именно поэтому всѣ съ особенною охотой вѣрили этому. Дѣло въ томъ, что новый губернаторъ страдалъ пироманіей и летѣлъ на каждый пожаръ, какъ на праздникъ. Прасковья Петровна какими-то путями вызнала эту слабость и воспользовалась случаемъ. Молва гласила такъ. Когда губернаторъ окончилъ чистку губернскаго города, то отправился въ экспедицію по уѣздамъ. По маршруту онъ долженъ былъ явиться въ Шипицинъ, чтобы смѣнить Бѣлокопытова. Прасковья Петровна ожидала этого рокового визита и приготовила, съ своей стороны, сюрпризъ, т.-е. купила заблаговремя на окраинѣ города старую избушку, а когда губернаторъ обѣдалъ въ домѣ градского головы, эта избушка загорѣлась.

— Ваше высокопревосходительство, пожаръ!..—доложилъ Бѣлокопытовъ, вытягиваясь въ струнку.

— Слѣдовательно гдѣ пожаръ?—спросилъ губернаторъ.

Онъ, конечно, бросился сейчасъ же на пожаръ, гдѣ и могъ полюбоваться холодецкой работой шипицинской пожарной команды. Онъ каждую свою рѣчь начиналъ со слова „слѣдовательно“ и, всенародно обнимая и цѣлуя Бѣлокопытова, проговорилъ:

— Слѣдовательно ты у меня молодецъ... Одобряю!

Обыватели были изумлены, новый правитель губернаторской канцеляріи былъ посрамленъ, а Прасковья Петровна торжествовала побѣду. Съ этого момента за Бѣлокопытовымъ утвердилась кличка: „Яшка-поджигатель“. Происхожденіе клички „графинчикъ“ было другого характера. Бѣлокопытовъ былъ очень милый малый, балагуръ, весельчакъ, немножко хвастунъ, вообще—душа общества. Но подъ пьяную руку у него была слабость сообщать по секрету первому встрѣчному, что онъ—не просто Бѣлокопытовъ, а незаконнорожденный сынъ какой-то графини-дѣвицы. Извѣстный своимъ ядовитымъ языкомъ всему Шипицину редакторъ Василискъ Шуйцевъ лингвистически назвалъ его „графинчикомъ“, потому что у замужней графини рождается сынъ графъ, а у графини-дѣвицы можетъ родиться только графинчикъ. Здѣсь получалась нѣкоторая игра словъ, потому что Бѣлокопытовъ любилъ выпить, т.-е. „придержаться графинчика“. Но всѣ эти клички, въ сущности, не имѣли никакого значенія, а примѣнялись къ случаю, въ своей доброй компаніи, и первымъ хохоталъ надъ ними самъ Бѣлокопытовъ. Кстати, онъ хохоталъ удивительно, т.-е. даже не хохоталъ, потому что лицо оставалось совершенно неподвижно, а казалось, что кто-то хохочетъ внутри его.

Да, и Таліевъ и Бѣлоконытовъ вышли изъ террора невредимыми, а Гаврила Гаврилычъ пострадалъ, оставшись просто статскимъ совѣтникомъ, т.-е., какъ говорится, ни Богу свѣчка ни чорту кочерга.

Оставаться въ Моховѣ онъ не могъ, да и средства не позволяли. Гаврила Гаврилычъ рѣшилъ переселиться до поры до времени въ уѣздный городокъ Шипицинъ, славившійся своею дешевизной. Это былъ „городъ отставныхъ“ по преимуществу, потому что въ немъ искали послѣдняго пріюта разные пенсіонеры, люди „за выслугой лѣтъ“, „предѣльнаго возраста“ чиновники и вообще инвалиды. Гаврила Гаврилычъ ко всему прицѣнился, все взвѣсилъ и рѣшилъ, что это именно такой пунктъ, гдѣ возможно было со всѣми удобствами переждать „чиновничій терроръ“. Или губернаторъ устанетъ подтягивать, или умретъ новый правитель губернаторской канцеляріи,—все можетъ случиться.

Поселившись въ Шипицинѣ, Гаврила Гаврилычъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ экономическія цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, пенсія ничтожная, маленькій капитальчикъ, сбереженный про черный день, можетъ быть исчерпанъ очень быстро, а что дальше? Гаврила Гаврилычъ нашелъ рѣшеніе въ томъ, что купилъ себѣ мѣсто и выстроилъ домъ. Во-первыхъ—не платить за квартиру, во-вторыхъ—получать нѣкоторую мзду съ квартирантовъ, и наконецъ, чувствовать себя самостоятельнымъ. Мой домъ—и конецъ. Тутъ ничего не можетъ подѣлать даже никакой новый губернаторъ. Домъ для Гаврилы Гаврилыча являлся чѣмъ-то въ родѣ протеста.

— А вотъ и чувствуй, правитель губернаторской канцеляріи! Да... Думалъ меня утопить, а я—живъ.

Домикъ себѣ Гаврила Гаврилычъ выстроилъ „по послѣднему слову науки“, какъ онъ любилъ выражаться: небольшой, каменный, двухъэтажный, крытый желѣзомъ, а главное—выходившій на улицу „подъѣздомъ“, чего еще не бывало въ Шипицинѣ. Улица, тротуаръ и подъѣздъ,—милости просимъ. Не то, что у шипицинскихъ купцовъ, гдѣ парадное крыльцо выводилось на дворъ и не дозвонишься, пока откроютъ калитку. Всѣ одобряли Гаврилу Гаврилыча, даже самъ полицеймейстеръ Бѣлоконытовъ.

— А ты, дѣйствительно, тово... да... Можно сказать, достигъ совершенства. И притомъ—хорошій примѣръ для другихъ. Да... Очень одобряю, и въ пожарномъ отношеніи весьма удобно.

На воротахъ брусницынскаго дома была прибита желѣзная дощечка съ надписью: „Домъ статскаго совѣтника Гавріила Гавріиловича Брусницына“, но надпись была сдѣлана настолько искусно, что оставалась цѣлая свободная строка, если бы понадобилось со временемъ прибавить желанное слово: „дѣйствительнаго“

Первымъ жильцомъ Брусницына былъ Таліевъ, чему сначала новый домохозяинъ обрадовался,—все-таки свой братъ-чиновникъ и вмѣстѣ претерпѣлъ гоненіе иродово, а потомъ раскаялся — Таліевъ просто мозолилъ ему глаза своимъ „дѣйствительнымъ“, и Гаврила Гаврилычъ про себя называлъ его:

— Да, дѣйствительный фисденопъ (fils de pope)...

III.

Сосѣдъ по улицѣ мѣщанинъ Затыкинъ былъ иного мнѣнія. Онъ, вообще, какъ-то сразу не взлюбилъ Брусницына и устроенный имъ подъѣздъ прямо на улицу приписывалъ его гордости.

— Это только одинъ форсъ и больше ничего. На, молъ, смотрите, добрые люди, каковъ я человѣкъ есть на бѣломъ свѣтѣ... Тьфу!.. Только

кошекъ будетъ съ улицы заманивать на свое парадное крыльцо... А еще генераломъ себя называетъ. Ну, какой онъ есть генералъ? Развѣ бываютъ генералы Гавриллы?

Относительно кошекъ мѣщанинъ Затыкинъ ошибся, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ онъ самъ ловилъ и пускалъ на парадное крыльцо генералу Гавриллѣ. Но это именно крыльцо сдѣлалось для Гавриллы Гавриллыча источникомъ большихъ непріятностей и даже подрывало его репутацію въ глазахъ шишкинскаго общества. Дѣло въ томъ, что, когда домъ былъ отстроенъ, Таліевъ поселился во второмъ этажѣ, а въ нижнемъ поселился самъ домовладыка,—не прошло трехъ дней, какъ у дверей Брусницына оказался подкинутымъ младенецъ „женска пола". Вышелъ настоящій скандалъ. Такой солидный и почтенный человѣкъ и вдругъ — подкинутый младенецъ. Анна Ивановна рвала и метала.

— Почему же подкинули его тебѣ, а не Таліеву? У Таліева живетъ какая-то племянница, ну, и понятно... Нанималъ квартиру одинъ, а тутъ оказалась вдругъ племянница, да еще совсѣмъ молоденькая дѣвчонка. Бесстыдникъ твой Таліевъ...

Мѣщанинъ Затыкинъ неистово торжествовалъ.

— Вотъ такъ ловко приспособилъ генералъ Гаврила крылечко... ха-ха!.. Для забвенныхъ бабъ, которыя ежели потеряли себя, въ самый то-есть разъ. Отворила дверь прямо съ улицы, сунула младенца—и была такова. Охъ-хо-хо!..

А тутъ еще Василіекъ Шуйцевъ напечаталъ въ своемъ „Свѣточѣ" въ отдѣлѣ хроники, что такого-то числа, въ домѣ статскаго совѣтника Брусницына, на парадномъ крыльцѣ усмотрѣнъ былъ подкинутый младенецъ.

Не прошло мѣсяца, какъ былъ подброшенъ второй младенецъ и опять къ дверямъ Брусницына. Это ужъ выходило изъ рукъ вонъ, и Гаврила Гавриллычъ серьезно задумался, тайно предчувствуя, что все это только начало, конца которому не предвидится. Всего естественнѣе и проще было запереть парадную дверь на ключъ, но на это не согласился Таліевъ.

— Если поставите швейцара, тогда, конечно, отчего и не держать подъѣзда на замкѣ,—говорилъ онъ.—А мерзнуть на подъѣздѣ, пока моя кухарка соберется отворять, я не согласенъ. Вы знаете, что у меня подагра... И въ контрактѣ объ этомъ у насъ, Гавріилъ Гавріиловичъ, рѣшительно ничего не сказано.

— Можно устроить американскій замокъ, Ефремъ Макеичычъ: у васъ будетъ свой ключъ, у меня свой...

— А вдругъ пожаръ на черной лѣстницѣ? Моя племянница можетъ сгорѣть живая...

Анна Ивановна была того же мнѣнія, потому что у нея бывали свои гости, которыхъ неудобно было принимать съ чернаго хода.

Брусницынъ собралъ всю силу своей воли и настоялъ на своемъ. Онъ даже нѣсколько унижался предъ Таліевымъ и раза два назвалъ вашимъ превосходительствомъ. Но изъ американскаго замка ничего не вышло, и проклятая дверь оставалась открытой, причемъ хозяинъ сваливалъ вину на жильца, а жилецъ на хозяина. Происходила глухая борьба двухъ статскихъ совѣтниковъ.

— Только кончится контрактъ, и фюзеляжа по шеи,—рѣшилъ Гаврила Гавриллычъ.

Въ теченіе одного года было подкинуто восемь младенцевъ, что уже составляло настоящій скандалъ. Сколько непріятныхъ хлопотъ было съ

тими. Нужно было дѣлать заявку въ полицію, потомъ протоколъ, потомъ устройство подкидыша и т. д. Хорошо еще, что выручала полицеймейстерша Прасковья Петровна, состоявшая предсѣдательницей мѣстнаго благотворительнаго комитета, названнаго Василискомъ Шуйцевымъ: „Съ міру по рубашкѣ—голому нитка". Она принимала подкидышей и какъ-то ихъ устраивала. Несчастные маленькіе человѣчки исчезали неизвѣстно куда, какъ появлялись неизвѣстно откуда.

— Гавріилъ Гавріилычъ, опять?..—коротко спрашивала Прасковья Петровна, когда Гаврила Гаврилычъ являлся къ ней съ виноватымъ видомъ.— Вы бы какъ-нибудь, голубчикъ, тово... Потише, однимъ словомъ. Даже губернаторъ обратилъ вниманіе, что у насъ въ Шипицинѣ быстро возрастаетъ количество подкинутыхъ дѣтей. Раньше этого не было.

— При чемъ же я тутъ, Прасковья Петровна?

— Вы? А отчего вы не возьмете хотя одного ребенка? Человѣкъ одинокій, въ солидномъ возрастѣ...

— Вы это предложите Ефрему Максимычу... У него, кстати, есть племянница, которую онъ воспитываетъ

Прасковья Петровна только качала головой и говорила:

— Ахъ, вы, шалуны, шалуны... Ну что я буду съ вами дѣлать? Вотъ разскажу все Симочкѣ.

Губернаторъ, дѣйствительно, былъ освѣдомленъ о возрастающемъ количествѣ подкидышей въ Шипицинѣ. Когда Бѣлокопытовъ явился къ нему по дѣламъ службы, онъ быстро заявилъ:

— Слѣдовательно вы знаете мой принципъ, чтобы все было благополучно? Слѣдовательно порядокъ, а у васъ какіе-то подкидыши...

Бѣлокопытовъ растерялся и, чтобы обѣлить себя, брякнулъ:

— Ваше превосходительство, все это происходитъ отъ парадная подъѣзда, который устроенъ статскимъ совѣтникомъ Гавріиломъ Брусницынымъ... Раньше все было благополучно.

Когда губернаторъ узналъ подробности дѣла, то милостиво расхохотался.

— Слѣдовательно, братецъ, подъѣздъ виноватъ? Ха-ха...

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Слѣдовательно... ха-ха! Какой ты умный, братецъ.

Этотъ разговоръ съ необходимыми варіаціями и въ самомъ Шипицинѣ сдѣлался источникомъ всевозможныхъ шутокъ и остротъ. Гаврила Гаврилычъ съ своимъ подъѣздомъ сдѣлался притчей во языцѣхъ. Понятно, какъ онъ волновался и злился. Просто, хоть бѣги изъ собственнаго дома... А подкидыши время отъ времени все-таки появлялись, несмотря на самыя остроумныя мѣры: уличному сторожу обѣщано три рубля, если онъ поймаетъ женщину, которая будетъ подкидывать ребенка; дворникъ Антонъ устраивалъ засаду со двора, самъ Гаврила Гаврилычъ караулилъ по ночамъ у своего окна, и т. д. И все-таки эта „забвенная и тому подобная баба", какъ выражался мѣщанинъ Затыкинъ, ухитрялась провести всѣхъ и проникала въ подъѣздъ какой-то невидимкой.

— Хоть бы одну поймать!..—возмущался дворникъ Антонъ.—А то одинъ срамъ на весь городъ.

Прасковья Петровна серьезно сердилась на Гаврилу Гаврилыча и всѣмъ жаловалась:

— Помилуйте, раньше бывали у насъ подкидыши—ну, два-три случая въ годъ, а тутъ что-то систематическое. Потомъ прежде подкидывали дѣтей купцамъ, тѣ ихъ принимали и воспитывали, а теперь никто не хочетъ брать.

„Пусть, говорятъ, самъ генералъ воспитываетъ. Ему подкинули младенца, значитъ, его и счастье“... Войдите, господа, въ мое положеніе! А тутъ еще губернаторъ говоритъ, что въ Шипицинѣ развивается развратное поведеніе... А кто за все долженъ отвѣчать? Мы съ Яковомъ Иванычемъ... Другимъ угодно придумывать парадные подъѣзды, а мы виноваты.

До Гаврилы Гавриловича, конечно, доходили эти пересуды и разговоры, и онъ сдѣлался мрачнымъ, раздражительнымъ и подозрительнымъ. Въ каждой проходившей по улицѣ мимо его дома бабѣ онъ видѣлъ злоумышленницу, у которой уже приготовленъ младенецъ для подкидыванія. Анна Ивановна просто не узнавала своего сожителя и проливала слезы.

— Вотъ вамъ и тихій уѣздный городокъ Шипицинъ, въ которомъ живутъ благонравные обыватели,—ропталъ Гаврила Гаврилычъ.—Это, просто, Содомъ и Гоморра...

IV.

Гаврила Гаврилычъ никакъ не могъ заснуть. Воспоминанія только его раздражали. Онъ пожалѣлъ, что не пошелъ въ клубъ. А все виновата Прасковья Петровна со своими шуточками. Теперь Таліевъ, навѣрно, уже третій робберъ кончаетъ. Чтобы заснуть, Гаврила Гаврилычъ принималъ самыя рѣшительныя мѣры, — считалъ до тысячи, повторялъ про себя до сдури усыпляющую фразу: „у бѣлой лошади—черный хвостъ, у черной лошади—бѣлый хвостъ“ и т. д. Ничего не помогло.

Потомъ онъ какъ будто задремалъ. Сколько времени это продолжалось, онъ не могъ отдать себѣ отчета, но очнулся, когда хлопнула парадная дверь.

„Эге, это Таліевъ возвращается изъ клуба,—соображалъ онъ.—Значитъ, сейчасъ около двухъ часовъ“.

Гаврила Гаврилычъ прислушался. Да, это былъ Таліевъ. Онъ отлично слышалъ его тяжелые шаги и звонокъ наверху.

— Негодяй опять не заперъ на ключъ парадную дверь!—возмущался онъ.—Конечно, не заперъ...

Слѣдовало бы встать и затворить дверь самому, но на Гаврилу Гавриловича напала самая преступная лѣнь. Ему не хотѣлось разставаться со своимъ нагрѣтымъ ложемъ и даже не хотѣлось просто зажечь свѣчу на ночномъ столикѣ, чтобы посмотрѣть, который теперь часъ.

— Негодяй!..—еще разъ обругалъ Гаврила Гаврилычъ своего коварнаго квартиранта.—Я нарушу съ нимъ контрактъ, заплачу неустойку — и до свиданія. Да...

Гаврила Гаврилычъ перевернулся на другой бокъ, сладко зѣвнулъ, натянулъ на себя одѣяло до самаго подбородка и только опять задремалъ, какъ подъ окномъ послышались подозрительные шаги. Именно, подозрительные,— честный человѣкъ идетъ совершенно иначе, чѣмъ воръ. Гаврила Гаврилычъ напрягъ все свое вниманіе. Шаги на время затихли, а потомъ послышались съ другой стороны.

„Эге..“—подумалъ Гаврила Гаврилычъ, какъ рыбакъ, у котораго рыба тронула поплавокъ.

Гаврила Гаврилычъ сѣлъ. Шаги опять затихли, но было слышно, какъ кто-то нерѣшительно трогаетъ ручку парадной двери.

— Эге!— повторилъ уже вслухъ Гаврила Гаврилычъ, вскакивая и въ темнотѣ отыскивая свои туфли.

Онъ отлично понялъ это все. Парадная дверь тихонько отворилась, и послышались робкіе шаги уже на лѣстницѣ.

— Такъ, такъ...—чуть не крикнулъ Гаврила Гаврилычъ, второпяхъ надѣвая свой старый, съ прононенными рукавами, теплый халатъ.—Эге!..

Онъ нарочно не зажигалъ огня, чтобы не спугнуть дорогую дичь. О, онъ собственными руками поймаетъ, наконецъ, эту ужасную женщину, которая подбрасываетъ ему своихъ ребятъ...

Гаврила Гаврилычъ, какъ бомба, вылетѣлъ на лѣстницу, но—увы!—тамъ уже никого не было. Онъ чиркнулъ спичку, и—о, ужасъ!—у его дверей въ уголочкѣ стояла корзина, а изъ корзины слышался самый подозрительный писк. Гаврила Гаврилычъ въ первый моментъ остолбенѣлъ, а потомъ у него мелькнула преступная мысль...

„О, я тебѣ покажу, фисденопъ, какъ не затворять дверей...“

Гаврила Гаврилычъ схватилъ корзину и съ ловкостью завзятаго вора втащилъ ее во второй этажъ и поставилъ у двери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Таліева.

— Вотъ тебѣ, фисденопъ, подарокъ къ празднику... Х-ха!..

Въ слѣдующій моментъ Гаврила Гаврилычъ, какъ безплотный духъ, спустился къ себѣ, неслышными шагами, чтобы не разбудить Анны Ивановны, прокрался въ кухню, а оттуда въ дворницкую.

— Антонъ, бѣги скорѣе въ полицію и запви, что генералу Таліеву подкинули младенца... Понимаешь? Не мнѣ подкинули, а Таліеву!

— Очень даже просто понимаю... Охъ, ужъ эти проклятущія бабы! Кажется, вотъ взялъ бы такую и на мелкія части растерзалъ...

Разсчитавъ время, когда дворникъ Антонъ долженъ былъ вернуться изъ полиціи, Гаврила Гаврилычъ выглянулъ на лѣстницу,—корзинка стояла у дверей Таліева, и изъ нея попрежнему раздавался слабый дѣтскій писк. Гаврила Гаврилычъ прокрался вверхъ, позвонилъ, а самъ спрятался за выступомъ лѣстницѣ. Щелкнулъ замокъ, дверь пріотворилась, и въ ней показалась бѣлокурая таинственная племянница Таліева въ бѣлой кофточкѣ. Увидѣвъ корзинку, она быстро скрылась.

„Однако какой шманткухенъ...—невольно полюбовался Гаврила Гаврилычъ испуганнымъ дѣвичьимъ личикомъ.—Ай да фисденопъ!.. Ловко!..“

Немного погодя дверь опять пріотворилась, и въ нее выглянулъ самъ Таліевъ. Онъ былъ въ одномъ халатѣ. Увидавъ корзинку, онъ быстро схватилъ ее и бросился внизъ по лѣстницѣ, но въ это время послышался стукъ въ парадную дверь, и Таліевъ ринулся съ корзиной вверхъ на лѣстницу, въ чердакъ, а потомъ скрылся.

— Ахъ, негодяй, негодяй!..—ругался Гаврила Гаврилычъ, бросаясь въ свою дверь.

Потомъ онъ вышелъ на продолжавшійся стукъ и впустилъ заспаннаго околоточнаго, котораго сопровождалъ дворникъ Антонъ безъ шапки.

— Опять?—коротко спросилъ околоточный.

— Да, опять... тамъ, наверху...—объяснилъ Гаврила Гаврилычъ, показывая на квартиру Таліева.

Околоточный поднялся къ квартирѣ Таліева и крикнулъ сверху, что никакой корзины нѣтъ.

— Поднимайтесь выше!—крикнулъ Гаврила Гаврилычъ.

На шумъ голосовъ показался въ дверяхъ Таліевъ и довольно строго спросилъ:

— Что такое случилось?

— А куда вы дѣли корзину съ ребенкомъ, которая стояла у вашихъ дверей? — откликнулся снизу Гаврила Гаврилычъ. — Я своими глазами ее

видѣлъ... Вы не заперли, по обыкновенію, дверей, и какая-то негодяйка проскользнула на парадное. Я слышалъ, какъ она отворяла дверь, а когда выскочилъ, она успѣла скрыться.

— Не можетъ этого быть!—увѣрялъ Таліевъ.—Ты все врешь, Гаврила Гаврилычъ...

— Я?!.. Я вру?!.. Нѣтъ, это ты врешь, фисдепопъ!..

Пока совѣтники спорили, дворникъ Антонъ поднялся къ двери на чердакъ и принесъ оттуда таинственную корзину. Когда онъ ее открылъ, всѣ остолбенѣли отъ изумленія: на днѣ корзины, выложенной сѣномъ, лежалъ прехорошенькій... поросенокъ. Ножки и мордочка у него были перевязаны розовыми шелковыми лепточками.

— Эге!—замѣтилъ околоточный.—Антонъ, неси его въ полицію... Тамъ Яковъ Иванычъ все разберетъ.

Но Таліевъ и Брусницынъ ухватились съ двухъ сторонъ за корзину.

— Нѣтъ, ужъ извините!—закричали они въ одинъ голосъ.—Жирно будетъ Якову Иванычу... Ему и безъ того къ каждому празднику купцы тащатъ жаренаго и варенаго.

Околоточный очень ловко выхватилъ изъ корзины поросенка и хотѣлъ съ нимъ убѣжать, но совѣтники вцѣпились въ него, какъ клещи.

— Это мой поросенокъ!—кричалъ Таліевъ.

— Нѣтъ, это мой!—оралъ Гаврила Гаврилычъ.

Всѣ ухватились за поросенка. Во время этой борьбы ленточка порвалась, и, освободившись отъ путъ, поросенокъ ухитрился выскользнуть изъ шести рукъ, бросился внизъ по лѣстницѣ и съ дьявольскою ловкостью шмыгнулъ въ дверь.

— Держи его!.. Держи! — закричалъ опомнившійся первымъ Гаврила Гаврилычъ и, подобравъ халатъ, ринулся въ погоню за поросенкомъ.

— Держи его!—оралъ Таліевъ, выскакивая на улицу тоже въ одномъ халатѣ.

Совѣтники забыли о своихъ чинахъ, общественномъ положеніи, наконецъ о томъ, что на улицѣ было очень холодно, а они въ однихъ халатахъ и безъ шапокъ мчатся по направленію замиравшаго въ отдаленіи поросячьяго визга. Гаврила Гаврилычъ улепетывалъ впереди, а Таліевъ поспѣшалъ за нимъ.

„Еще хвастался, что у него подагра...—думалъ про себя Гаврила Гаврилычъ.—Эти фисдепопы всѣ ужасно легки на ногу...“

Потомъ послышались еще чьи-то шаги, и мирно спавшія улицы Шипицина огласились неистовымъ воплемъ:

— Держи ихъ!.. Держи поджигателей!

Это былъ самъ мѣщанинъ Затыкинъ, безъ благосклоннаго участія котораго въ городѣ не могло совершиться ни одно событіе,—онъ первымъ являлся на пожаръ, вытаскивалъ изъ рѣки утопленниковъ, ловилъ воровъ и т. д. Его крики разбудили даже спавшаго двадцать лѣтъ въ своей будкѣ уличнаго сторожа, который тоже бросился за поджигателями. Мѣщанинъ Затыкинъ былъ легокъ на ногу и хитеръ. Онъ выхватилъ палку изъ рукъ сторожа и очень ловко запустилъ ее прямо въ ноги Гаврилѣ Гаврилычу. Бѣдный статскій совѣтникъ полетѣлъ кубаремъ, а черезъ него полетѣлъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ. Черезъ минуту они были связаны самымъ позорнымъ образомъ и, несмотря на самыя трогательныя увѣренія о своихъ чинахъ, были доставлены въ участокъ.

— Похожи на генераловъ, нечего сказать!—злорадствовалъ мѣщанинъ Затыкинъ.—Вотъ пріѣдетъ Яковъ Иванычъ, такъ онъ произведетъ васъ вполнѣ... Очень даже хорошо знаемъ вашего брата, семую роту!..

На прощаніе мѣщанинъ Затыкинъ обругалъ поджигателей „своими словами“ и отправился домой.

Заспанный городовой самымъ невѣжливымъ образомъ толкнулъ обоихъ совѣтниковъ, и они очутились на грязныхъ нарахъ.

— Это все ты, Гаврила, виноватъ!—ругался Таліевъ, охая отъ боли.

— Нѣтъ, это ты, фисдепопъ...

— Что-о?...

— Фисдепопъ!..

Они сразу позабыли всѣ приличія и начали „тыкать“ другъ друга. Вѣроятно, эта перебранка перешла бы въ рукопашную, но мѣшали связанныя руки. И—о, ужасъ!..—статскій совѣтникъ плюнулъ на дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

— Вотъ тебѣ!..

Дѣйствительный статскій совѣтникъ отвѣтилъ тѣмъ же и проговорилъ:

— А вотъ тебѣ!..

Это скромное времяпрепровожденіе было прервано только появленіемъ самого Якова Иваныча, вызваннаго изъ клуба спеціально для освидѣтельствованія пойманныхъ поджигателей. Понятно, что онъ былъ очень недоволенъ и имѣлъ грозный видъ. Когда привели совѣтниковъ въ присутствіе, онъ мелькомъ взглянулъ на нихъ и проговорилъ:

— Хороши гуси, нечего сказать!.. Засыпать имъ для праздника горячихъ...

— Яшка, да ты съ ума сошелъ!—завопили оба совѣтника.—Ты посмотри на насъ хорошенько...

— Засыпь...

Яковъ Иванычъ узналъ своихъ друзей и только развелъ руками, а потомъ протеръ глаза.

— Ты просто Яшка-графинчикъ, а не полицеймейстеръ,—ругался Таліевъ.—Какіе у тебя порядки въ полиціи?

— Ты не полицеймейстеръ, а Яшка-поджигатель!—заявилъ Гаврила Гаврилычъ, отличавшійся неистовствомъ въ гнѣвѣ.—Ты... ты...

Но тутъ прошло нѣчто ужасное... Яковъ Иванычъ вдругъ почувствовалъ, что онъ при исполненіи обязанностей службы, и такъ какъ вообще отличался присвоенною его должности быстротой движенія, то Гаврила Гаврилычъ въ свою очередь почувствовалъ, какъ Яковъ Иванычъ съ необыкновенною ловкостью ударилъ его сразу по обѣимъ щекамъ...

Эта двойная пощечина заставила Гаврилу Гаврилыча проснуться. Онъ сѣлъ на своемъ ложѣ и долго не могъ прійти въ себя.—такъ все случилось живо...

Ему было и обидно, и горько, и даже хотѣлось плакать.

„Этакое безобразіе...—повторялъ онъ про себя.—Ну, да и Таліевъ тоже былъ хорошъ... А впрочемъ... да... бываютъ случаи...“

1903.

СОНЪ ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Фантазія.

I.

Мнѣ ужасно хотѣлось бы разсказать все по порядку, но это оказывается невозможнымъ, потому что вся моя жизнь есть сплошной безпорядокъ, а затѣмъ—пришлось бы начать съ Адама, т.-е. съ дѣдушки Степана Тимоѳеевича фонъ-Шмидта-Овчины. Получается съ перваго раза какая-то наглядная несообразность: дѣдушка былъ коренной русакъ: достаточно сказать, что онъ цѣловалъ крестъ всѣмъ самозванцамъ, а у третьяго, тушинскаго вора, чуть-чуть не сдѣлалъ самой блестящей карьеры, и вдругъ такая нелѣпая нѣмецко-русская фамилія, точно у какой-нибудь актрисы. Нужно сказать, что полностью эта фамилія писалась еще страннѣе: фонъ-Шмидтъ-Овчина-Мирза, но дѣдушка собственноручно выскоблилъ послѣднюю приставку, потому что послѣ Бориса Годунова татарское происхожденіе сдѣлалось неудобнымъ.

Еще одно маленькое отступленіе. Я убѣжденъ, что въ каждой фамиліи скрыта таинственно судьба каждаго человѣка, а въ моей фамиліи, мнѣ кажется, заключены самимъ рокомъ соотвѣтствующія ей несообразности: вмѣсто земли—песокъ и глина, вмѣсто рѣки—непроходимыя болота, вмѣсто лѣса—какой-то подлый кустарникъ и т. д. Я не буду тревожить длиннаго ряда предковъ, благодаря любезности которыхъ я унаслѣдовалъ фамилію тушинскаго дѣдушки—были тутъ и немилостивые царскіе пристава добраго московскаго времени, и петровскій оберъ-фискалъ, и лейбъ-компанцы—сразу два, и шутъ при дворѣ Анны Ивановны, и мартинистъ славной екатерининской эпохи, и сподвижникъ Аракчеева и т. д., и т. д. Результатомъ этого сложнаго фамильнаго процесса было то, что я ношу фамилію фонъ-Шмидта-Овчины, къ которой точно приклеены двѣ тысячи десятинъ земли въ Рязанской губерніи. Въ сущности, это даже не земля, а чортъ знаетъ что такое—песокъ, глина, болото, кочкарникъ. Конечно, я ввелъ у себя усовершенствованные способы обработки всей этой благодати и достигъ извѣстныхъ результатовъ, но—увы!—когда урожай—цѣны ниже производства, а когда цѣны высокія—у меня нѣтъ хлѣба. Вотъ и извольте тутъ выворачиваться...

Позвольте, я уклонился опять въ сторону, а дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Событія послѣдняго времени неслись съ такой быстротой, что у меня немножко кружится голова. И есть отъ чего закружиться, когда вы узнаете все по порядку. Вѣдь въ самомъ безпорядкѣ, если онъ настойчиво преслѣдуетъ васъ, есть уже свой порядокъ.

Итакъ, перехожу къ дѣлу.

Я сидѣлъ въ ресторанѣ Доминика. Это было что-то въ родѣ службы,— я точно созданъ былъ именно для того, чтобы сидѣть у Доминика. Такихъ „доминиканцевъ"—легіонъ. Я сидѣлъ, прихлебывалъ пиво и какъ будто чего-то ожидалъ. Ждать—это послѣднее, что̀ остается человѣку, у котораго ничего за душой нѣтъ, кромѣ песку и болота, да и то заложенныхъ въ банкѣ. Я уже выучилъ всѣхъ настоящихъ „доминиканцевъ"—зналъ въ лицо, зналъ профессію каждаго и привычки, и меня всѣ знали, какъ знаютъ другъ друга лошади, когда онѣ живутъ долго въ одномъ стойлѣ. Въ числѣ этихъ „доминиканцевъ" оставались неизвѣстными для меня какой-то таинственный старичокъ, еще бодрый и удивительно гладко выбритый, съ какимъ-то таинственнымъ свертко̀мъ подъ мышкой, и его неизмѣнный спутникъ, высокій, подержанный, съ моноклемъ въ лѣвомъ глазу и слащавой манерностью дамскаго льва въ отставкѣ. Даже прислуга не знала ихъ фамилій.

— А кто ихъ знаетъ, кто они такіе,—равнодушно отвѣчалъ мнѣ доминиканскій услужающій татаринъ.—Просто, господа... Старичокъ-то,—видите у него свертокъ?—ну, онъ, значитъ, изобрѣлъ гигіеническій корсетъ для молодыхъ дѣвицъ и вотъ три года показываетъ его всѣмъ. Буфетчику предлагалъ купить привилегію, а буфетчикъ-то холостой, ну, и не сошлись... А высокій-то—изъ воздухоплавателей будетъ.

— Гм... да. Та-акъ.

— А въ деньгахъ у нихъ большое умаленіе,—прибавилъ татаринъ уже pro domo sua.—Все норовятъ стоя закусывать, чтобы гривенника услужающему не заплатить.

Таинственный старичокъ съ гигіеническимъ корсетомъ тоже присматривался ко мнѣ и наконецъ первый подошелъ:

— Господинъ фонъ-Шмидтъ-Овчина?—вкрадчиво и съ какою-то необыкновенно мягкой любезностью проговорилъ онъ.—Давно хотѣлъ познакомиться съ вами, но все не рѣшался... А фамилія мнѣ хорошо извѣстна по отчетамъ Дворянскаго банка.

Послѣднее примѣчаніе можно было и не дѣлать, а потому я довольно сухо отвѣтилъ:

— Извините, не имѣю чести васъ знать.

Старичокъ оглядѣлся кругомъ, подсѣлъ къ моему столику и съ грустью проговорилъ:

— А вотъ и знаете и даже очень... знаете. Небось, еще въ школѣ учили про Павла Иваныча Чичикова?

— Павелъ Иванычъ? Неужели это вы?!—невольно крикнулъ я, вскакивая и протягивая обѣ руки.

— Тс!..

Старичокъ еще разъ оглянулся и уже шопотомъ проговорилъ:

— Я-съ... да. Вы думали, что я давно умеръ? Вотъ господинъ Гоголь дѣйствительно умеръ, а я продолжаю коловращаться въ сей юдоли плача. И сколько я претерпѣлъ въ жизни до господина Гоголя включительно... Михаилъ Васильевичъ, подойди, голубчикъ, къ намъ,—прибавилъ онъ громко, обращаясь къ своему спутнику, въ картинной позѣ доѣдавшему пирожокъ съ говядиной.—Имѣю честь представить моего друга, тоже претерпѣвшаго достаточко—Михаилъ Васильевичъ Кречинскій. Тоже, вѣроятно, изволите знать? Онъ отъ господина Сухово-Кобылина претерпѣлъ, какъ я отъ господина Гоголя...

Вы можете себѣ представить мое изумленіе и радость, когда эти герои, сдѣлавшіеся давно добычей учебныхъ хрестоматій и жертвами педагоговъ,

сѣли за мой столикъ. Человѣкъ, пива и пирожковъ!.. Да, это была, конечно, семейная радость, именины сердца... Развѣ нынче есть такіе люди? А какъ говорилъ Павелъ Иванычъ? Музыка, очарованіе, сладкій восторгъ...

— Павелъ Иванычъ, Михаилъ Васильичъ... господа, какъ я радъ...— повторялъ я въ какомъ-то радостномъ изнеможеніи.—Даже не вѣрится...

— Ради Бога, тише...—предупредилъ Павелъ Иванычъ мои шумные восторги.—Мы здѣсь нѣкоторымъ образомъ incognito. Знаете, удобнѣе...

— Побаиваешься отрыжки отъ своихъ мертвыхъ душъ?—ядовито замѣтилъ Кречинскій, оказавшійся большимъ злюкой.

— Что же мертвыя души...—оправдывался Павелъ Иванычъ.—Это все господинъ Гоголь придумалъ. Мало ли господа сочинители могутъ написать... Вѣдь и про твой камешекъ тоже изображено у господина Сухово-Кобылина.

— Вздоръ!—вспылилъ Кречинскій, вскакивая.

— Успокойся, Михайла Васильичъ. Ты знаешь, что я не люблю ссориться. А такъ, къ слову... Вотъ ты же сказалъ золотыя слова: въ каждомъ домѣ есть деньги—только нужно умѣть ихъ взять.

— Деньги—вздоръ!—заявлялъ Кречинскій, успокаиваясь и принимая безстрастный видъ настоящаго джентльмена.—Нужно припомнить, какое „тогда“ было время...

— Да, да, золотыя слова!..—съ грустью подхватилъ Павелъ Иванычъ.—Даже и времени въ собственномъ смыслѣ не было, а были вездѣ Клейнмихели да Гречи. Ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни банковъ, ни телефоновъ—одни Клейнмихели.

— А таможни, Павелъ Иванычъ?—не удержался Кречинскій.—Помнишь, какъ ты стянулъ два куска самаго удивительнаго мыла на память?

Тутъ уже вскочилъ Павелъ Иванычъ и даже побѣднѣлъ отъ бѣшенства. У старика тряслись губы. Мнѣ стоило большого труда его успокоить.

— Что же, я не сержусь,—уныло заявилъ онъ.—У Михайлы Васильича печенка испорчена... Я это отлично понимаю.

Первая наша встрѣча прошла въ воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ, когда, по убѣжденію Павла Иваныча, все наполнялъ собой одинъ Клейнмихель, и о прошломъ болѣе ближайшемъ, когда послѣ крымской кампаніи начали твориться чудеса наяву.

— Боже мой, что было, что было!—со вздохомъ повторялъ Павелъ Иванычъ.—Воистину протекли медовыя рѣки съ кисельными берегами.

— Да, протекло много, да въ ротъ не попало,—язвилъ Кречинскій.

— А другіе? О, сколько славныхъ, незабвенныхъ именъ... Одни банковскія и желѣзнодорожныя имена чего стоятъ. Настоящій эрмитажъ получится изъ сей стаи славной... Вѣдь раньше-то на мѣдныя деньги считали да на ассигнаціи, а тутъ вдругъ цѣлое море золота хлынуло... Э, да что тутъ говорить!..

— По-моему, все это только цвѣточки, а ягодки еще впереди,—философски замѣтилъ Кречинскій, раскуривая дешевую рижскую сигару.—Да-съ, все впереди. Нефть, каменный уголь, южное желѣзо, вино, табакъ, сахаръ... И все это только еще начало, а главное впереди.

Лицо Кречинскаго приняло вдохновенный видъ, и онъ сдѣлалъ такой жестъ, какъ простираютъ руки оперные жрецы, точно благословлялъ это славное будущее.

II.

Наши дальнѣйшія встрѣчи носили таинственный характеръ. Мнѣ съ первыхъ же шаговъ сдѣлалось яснымъ, что Кречинскій страдаетъ тихимъ

биржевымъ помѣшательствомъ. Во всемъ остальномъ онъ являлся нормальнымъ, а какъ только дѣло доходило до биржи, такъ и начиналось что-то въ родѣ бреда. Кречинскій не говорилъ, а точно дышалъ биржевыми терминами.

— На игровомъ рынкѣ туманно... называли орѣховскія, съ тульскими слабо, полтавскія уступали, стекольныя бумаги сильно подогрѣвали, сормовскія раздули, путиловскія спрашивали...

— У Михайлы Васильича, бѣднаго, того...—жалѣлъ Павелъ Иванычъ, показывая пальцемъ на свой лобъ.—Да-съ, зайчикъ въ головѣ прыгаетъ.

Затѣмъ я понялъ, что это знакомство не случайное, а что Павлу Иванычу что-то нужно отъ меня. Я нѣсколько разъ чувствовалъ его задумчивый взглядъ, сосредоточенный на мнѣ. Онъ даже дѣлалъ какіе-то таинственные намеки, но прямо высказаться не рѣшался. Очевидно, онъ изучалъ меня.

— Знаете, вѣдь я нынче по ученой части,—скромно признавался онъ, опуская глаза. — Конечно, диплома я не имѣю,—какіе тамъ дипломы при Клейнмихелѣ!—а такъ... Люблю этотъ, знаете, дорогой хлѣбъ науки. Состою членомъ въ двухъ ученыхъ обществахъ: одно „Ни то—ни се“, а другое—„И то—и се“. Даже докладъ дѣлалъ о своемъ гигіеническомъ корсетѣ Очень благодарили и въ протоколъ записали. А у меня съ дѣтства страсть ко всему высокому... Помилуйте, развѣ это не трогательная картина, когда одно общество вотъ уже двадцать лѣтъ не можетъ разрѣшить вопроса, какъ ѣсть яйца—вкрутую или всмятку. А другое общество цѣлыхъ сто лѣтъ не можетъ рѣшить вопроса, выгодно ли или невыгодно мужику, когда у него есть хлѣбъ. Вѣдь тутъ цѣлый ареопагъ свѣтилъ науки... Что ни имя, то—восторгъ. Да-съ, это не Клейнмихель, государь мой.

Мнѣ приходилось только согласиться, что наука—святая вещь, а ея жрецы—наша слава и гордость. Однѣ заботы о мужикѣ чего стоятъ.

Отъ Доминика мы перекочевали въ ресторанъ Лейнера, гдѣ сосредоточивалась биржа, но Кречинскій тамъ чуть не сошелъ съ ума окончательно, и намъ пришлось перебраться въ Малоярославецъ.

— Здѣсь Москвой пахнетъ, — объяснилъ Павелъ Иванычъ, глотая воздухъ и сладко жмуря глаза.—И балычокъ, и икорка, и растягайчикъ... да. Вотъ здѣсь одинъ мой знакомый цѣлую карьеру сдѣлалъ. Вотъ такъ же зашелъ пообѣдать и познакомился съ какимъ-то старичкомъ, а старичокъ-то оказался изъ желѣзнодорожныхъ свѣтилъ и сейчасъ ему командировочку: съѣздить въ Лондонъ и посмотрѣть, въ которомъ часу отходитъ ливерпульскій поѣздъ. Понимаете: и подъемныя, и суточныя, и прогоны на шесть лошадей... Однимъ словомъ, счастье человѣку. А потомъ, глядишь, черезъ годъ другая командировочка, въ Парижъ, купить десть бумаги и дюжину карандашей. Что же, государь мой, человѣчекъ-то и пошелъ въ гору, да еще какъ. Свѣтлая голова оказалась... Это не то, что нашъ братъ. Я вонъ хотѣлъ отправиться корреспондентомъ, когда крестили болгарскаго принца,—оказалось, что французскаго языка не знаю, съ одной стороны, а съ другой—предѣльный возрастъ нашли, какой полагается только полнымъ генераламъ въ отставкѣ съ мундиромъ и пенсіей.

Все это, какъ оказалось, было только подготовкой къ главному. Павелъ Иванычъ всегда былъ остороженъ, а теперь въ особенности.

— Да-съ, всѣ большія величины слагаются изъ атомовъ,—объяснялъ онъ, поглядывая на меня.—Потомъ, нужно имѣть то, что называется счастіемъ. Какъ хотите называйте, а я вѣрю въ счастье. Напримѣръ, дѣлается какое-нибудь великое открытіе, происходитъ политическое событіе, а ужъ есть люди, которые воспользуются моментомъ. Убійство, пожаръ, наводненіе—кто-

нибудь и воспользуется. Значитъ, все дѣло только въ томъ, чтобы уловить моментъ. У меня тоже есть одна счастливая мысль...

Кречинскій присутствовалъ при этихъ бесѣдахъ, но упорно молчалъ. Онъ пилъ красное вино съ зельтерской водой, курилъ дешевыя сигары и погружался въ какую-то биржевую нирвану.

— Да-съ, счастливая мысль,—продолжалъ Павелъ Иванычъ.—И замѣчательно простая... Вамъ она даже покажется смѣшной съ перваго раза, а между тѣмъ... Что бы вы, напримѣръ, сказали относительно завода... да, фабрики никкелированія живыхъ ершей?

— Какъ?—невольно переспросилъ я.

— Очень просто: никкелированіе живыхъ ершей. Мы организуемъ цѣлое общество, выпускаемъ акціи, можно и съ гарантіей, затѣмъ уже все пойдетъ, какъ по маслу. У насъ остаются учредительскіе паи, мы регулируемъ выпускъ акцій, мы задаемъ тонъ даже на биржѣ. Пожалуйста, не смѣйтесь... Все это гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы думаете, а главное—оригинально. У меня все разработано до мельчайшихъ деталей, и я могу поручиться, что предусмотрѣны впередъ всѣ возраженія.

— Именно?

— Ахъ, это цѣлая система!.. Что такое ершъ? Пустяки и глупость... Такъ? А я читаю въ обществѣ „Ни то—ни се“ цѣлый докладъ: историческая роль ерша въ системѣ народнаго хозяйства. Такъ? Вотъ уже цѣлая поэма... Уха изъ ершей, какъ одно изъ самыхъ питательныхъ народныхъ кушаній, которое имѣетъ громадное значеніе, принимая во вниманіе, что половина дней въ русскомъ году постная. Отсюда—косвенное вліяніе ерша на религіозное народное настроеніе... Но это еще пока не оформлено, и основная мысль остается въ проектѣ. Идемъ дальше: хищническое истребленіе ерша. Слѣдовательно необходимо устроить на всѣхъ рѣкахъ заводы искусственнаго разведенія ерша. Поймите, куда это ведетъ... Но и это еще не все. Ерша нужно ловить, чтобы реализировать всю ту пользу, которая въ немъ благодѣтельно помѣщена самимъ Провидѣніемъ. Да, ловить ерша... А для этого, государь мой (опять докладъ, но уже въ обществѣ „И то—и се“), необходимы нѣкоторыя особливыя условія. Именно: ячейку-то въ неводахъ нужно сдѣлать поуже... Хе-хе!.. Вѣдь вы только подумайте, что сіе значитъ? И не думайте... Если бы вчинить подобное ходатайство черезъ ученое общество, такъ вѣдь... Нѣтъ, это получится настоящая фантасмагорія! Мы заперли бы всю рыбу въ Волгѣ, на Дону, на Уралѣ, по обѣимъ Двинамъ, по Оби... Тутъ дѣло милліонами пахнетъ, батенька. На какой-нибудь одинъ сантиметръ меньше ячейка, а въ результатѣ милліонъ..

Дремавшій Кречинскій при этомъ магическомъ словѣ проснулся и даже вскочилъ.

— Гдѣ милліонъ?—спрашивалъ онъ, вклѣпляя монокль въ лѣвый глазъ необыкновенно ловкимъ движеніемъ.—Кто здѣсь говоритъ о милліонѣ?

Признаюсь, я тоже былъ взволнованъ. Есть такія роковыя слова, которыя просто гипнотизируютъ.

— Но это еще не все,—продолжалъ Павелъ Иванычъ.—Вы обратите вниманіе на слово: никкелированіе. Что такое никкель? Опять пустяки и вздоръ... Этотъ металлъ идетъ только на какія-то рубашки для усовершенствованныхъ пуль, длинныхъ и тонкихъ, какъ комариный носъ, а затѣмъ въ кухню—кастрюльки, никкелированіе посуды кухонной. Да-съ... А для насъ это цѣлый вопросъ, потому что мы сейчасъ вчинимъ черезъ общество „Ни то—ни се“ два ходатайства: первое—о пособіи отъ правительства для раз-

витія отечественной никкелевой промышленности, конечно, хозяйственными способами, а второе—о введеніи покровительственныхъ пошлинъ, ну, рублей въ сто за фунтъ. Вы только подумайте, что̀ изъ этого можетъ выйти... Вѣдь каждая пошлина неразрывно связана съ другой, за насъ ухватятся обѣими руками всѣ другіе моносталлисты и биметаллисты. Можетъ произойти грандіозный переворотъ, который несомнѣнно отразится и на европейскомъ рынкѣ, а слѣдовательно и на еврейскомъ вопросѣ... Боже! Вы представьте себѣ только, какая перспектива рисуется... Мы срываемъ банкъ, евреи идутъ по міру...

Еще разъ признаюсь: у меня сперло дыханіе отъ этихъ картинъ, и я проговорилъ задыхавшимся голосомъ:

— При чемъ же я тутъ, дорогой Павелъ Иванычъ?

— Вы-съ? А ваша фамилія... О, это много значитъ! Поставьте мою фазилію или Кречинскаго—и все пропало. Да-съ... А тутъ: и „фонъ“, и Овчина. Удивительно счастливое сочетаніе.

— Вы находите? Ну, а въ случаѣ ликвидаціи дѣла, какъ вы полагаете?

— Да вѣдь въ этомъ и заключается весь секретъ... Сначала мы будемъ хлопотать о проведеніи какой-нибудь желѣзнодорожной вѣтки, потомъ правительственная субсидія, потомъ конверсія, а потомъ... потомъ sauve qui peut.

Я въ восторгѣ протянулъ Павлу Иванычу руку, чувствуя, какъ слезы благодарности приступаютъ у меня къ горлу, и... въ этотъ моментъ проснулся.

О это былъ только блаженный, счастливый сонъ...

1898.

СТАРАЯ РЕФОРМА.

Разсказъ.

I.

Августовское утро было уже съ крѣпкимъ холодкомъ, когда въ губернскій городъ Энскъ вползалъ громадный сибирскій обозъ изъ семидесяти возовъ. Гдѣ-то звонили къ ранней обѣднѣ. Городскія галки съ отчаяннымъ крикомъ перелетали съ одной крыши на другую. Магазины начинали растворять свои гостепріимныя двери. Въ обозѣ, въ числѣ другой клади, помѣщалась артелька бурсаковъ въ пять человѣкъ, ѣхавшихъ въ „губернію“ для поступленія въ энскую духовную семинарію.

— Ну, братцы, того, шабашъ!—проговорилъ средняго роста бѣлокурый мальчикъ лѣтъ пятнадцати, какой-то весь взъерошенный, съ приплюснутымъ носомъ и веснущатымъ лицомъ.

— Да, Аристашка, того...—отвѣтилъ съ сосѣдняго воза худенькій черноволосый мальчикъ, сжившійся отъ холода.

Всѣхъ бурсаковъ было пять человѣкъ, и Аристархъ Бѣлоусовъ былъ въ этой артели чѣмъ-то въ родѣ старосты. Они ѣхали съ обозомъ ровно три недѣли и такъ свыклись съ обозной жизнью, что было какъ-то жаль даже думать, что вотъ сегодня все это кончится. Ямщики сдадутъ кладь и уѣдутъ обратно, а они останутся здѣсь, въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей. У каждаго на душѣ накипала смутная тревога за неизвѣстное будущее.

Аристархъ Бѣлоусовъ съ удивленіемъ разсматривалъ большіе каменные дома и мысленно сравнивалъ ихъ съ маленькими домишками своего уѣзднаго захолустнаго городка. Да, въ Энскѣ жили, какъ казалось Бѣлоусову, одни богачи, у которыхъ деньгамъ нѣтъ счета. Впрочемъ, обозъ скоро свернулъ съ главной улицы и потянулся къ Черному рынку, обложенному постоялыми дворами и дешевой мѣщанской стройкой.

— Ну, такъ какъ, Аристархъ Иванычъ?—спрашивалъ обозный староста.—Заѣдете съ нами на постоялый или прямо въ бурсу?

— Нѣтъ, сначала на постоялый...

— И отлично... Чайку попьемъ на прощанье.

Староста, коренастый мужикъ съ окладистой бородой, относился къ бурсакамъ съ какой-то особенно хорошей мужицкой жалостью, какъ умѣютъ необидно жалѣть только очень сильные физически люди. Бѣлоусова онъ навеличивалъ почему-то Аристархомъ Иванычемъ, причемъ улыбался и скалилъ зубы.

Бурсаки умылись, пріодѣлись и напились съ ямщиками чаю. Бойкій

городской сашникъ принесъ цѣлый коробъ городскихъ булокъ, калачей и сакъ, что̀ явилось для голодныхъ бурсаковъ большимъ соблазномъ. Они удовлетворились тѣмъ, что купили по копеечной сайкѣ. У всѣхъ деньги были на исходѣ, а у Аристарха Иваныча оставалось всего тридцать копеекъ.

— Что̀, страшно итти къ начальству?—спрашивалъ староста, ожигаясь чаемъ.—Экзаменты будете выправлять? Слыхивали... У насъ въ селѣ дьячокъ такой-то. Сорвался экзаментомъ и сейчасъ въ полной ничтожности. Извѣстно, работать не умѣетъ, а бѣлый-то хлѣбъ на черной землѣ родится...

Обозный староста любилъ побалагурить отъ свободности, хотя дѣлалъ это по добродушію.

Бурсаки отправились въ семинарію, которая стояла на горѣ, противъ желтаго каѳедральнаго собора. Это было длинное каменное, трехъэтажное зданіе, показавшееся уѣзднымъ бурсачкамъ необыкновенно величественнымъ, какъ и слѣдуетъ быть храму науки.

— Налѣво по коридору, въ канцеляріи,—объяснилъ солдатъ-сторожъ, когда они вошли въ швейцарную.—Тамъ спросите Ивана Васильича.

Секретарь правленія духовной семинаріи Иванъ Васильичъ, молодой черноволосый человѣкъ, сидѣлъ за своимъ столомъ и что-то усиленно строчилъ. Не глядя на вошедшихъ, онъ коротко спросилъ:

— Изъ какого училища?

— Богоявленскаго...

— Документы въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ...

— Черезъ пять дней приходите на экзаменъ.

Бурсаки, переминаясь, только посмотрѣли другъ на друга.

— Мы казеннокопитные,—объяснилъ за всѣхъ Аристархъ Иванычъ.—Намъ говорили въ училищѣ, что можно прямо пріѣхать въ семинарію.

— Это прежде такъ было, а нынче преобразованіе... Кого примутъ, тѣ и будутъ жить въ семинаріи.

— А чѣмъ же мы будемъ жить?

Иванъ Васильичъ отвалился отъ своей работы и посмотрѣлъ на бурсаковъ добрыми близорукими глазами. Ему сдѣлалось ихъ жаль, потому что въ свое время и онъ прошелъ черезъ горнило вѣчно голодной бурсы.

— Чѣмъ вы будете жить?—повторилъ онъ въ раздумьѣ.—А ужъ это ваше дѣло... У насъ нынче все по-новому. Требуется во всемъ строгая отчетность... да. А то вы проживете пять дней на казенный счетъ и вдругъ не поступите, тогда съ кого получать деньги?

Бѣдные бурсаки вышли изъ семинаріи, какъ говорится, не солоно хлебавши. Они постояли у семинарскаго крыльца, почесали въ затылкѣ и пошли на берегъ—семинарія выходила задними пристройками къ рѣкѣ. Этотъ расположился очень красиво на крутомъ берегу рѣки Межевой.

— Вотъ такъ рѣка!—ахнулъ Бѣлоусовъ.

Подъ городомъ Межевая разливалась громаднымъ плёсомъ въ версту шириной. Городской берегъ былъ сплошь усаженъ амбарами, пристанями, плотами, барками и пароходами. Провинціальные бурсаки ничего подобнаго въ своемъ захолустьѣ не видали и только удивлялись.

— А народу, народу сколько!—говорилъ за всѣхъ Бѣлоусовъ.

Съ вершины горы люди, копошившіеся на пристаняхъ, походили на муравьевъ. И всѣ куда-то торопились, что-то такое кричали—работа кипѣла ключомъ. Бурсаковъ больше всего занимали пароходы, которыхъ они еще не видали.

— Вотъ такъ штука, братцы! Побольше, пожалуй, нашего духовнаго училища вонъ тотъ пароходъ будетъ...

— А дымъ какъ изъ него валитъ, точно изъ бани...

Они на время даже забыли о своемъ положеніи. Вѣдь сколько народу живетъ и кормится въ Энскѣ, ну, и они какъ-нибудь проживутъ. На рѣкѣ чувствовалось что-то такое бодрое и хорошее, какъ при всякой дружной работѣ. Бурсаки спустились къ самымъ пристанямъ и долго ходили по берегу, любуясь на чужую работу. Дольше всего они простояли около грузившихся пароходовъ. На пароходной пристани была настоящая толкучка.

— Что̀ вы тутъ торчите?—накинулся на нихъ какой-то сердитый старикъ-сторожъ.—Люди работаютъ, а вы глазѣете...

Бурсаки вернулись на свой постоялый дворъ, когда голодъ далъ себя почувствовать. Они сосчитали свои капиталы, и у каждаго на день приходилось не больше трехъ-пяти копеекъ. Значитъ, кромѣ ржаного хлѣба ничего нельзя ѣсть. Обозный староста вошелъ въ ихъ положеніе и замѣтилъ:

— Ничего, ребята, не сумлѣвайтесь. По-нашему такъ говорится: будетъ день, будетъ и хлѣбъ. Какъ-нибудь перебьетесь пока что̀...

II.

Обозъ отдыхалъ въ городѣ всего нѣсколько дней. Нашлась обратная кладь, и бурсаки съ грустью проводили пріятелей-ямщиковъ до заставы.

— Главное, ничего не бойтесь, братцы!—повторилъ на прощаніе обозный староста.—Дѣйствуй, Аристархъ Иванычъ... Зимой опять, можетъ, будемъ съ обозомъ у васъ, такъ увидимся.

Пять дней ожиданія тянулись безъ конца. Всѣхъ томила одна и та же мысль: а вдругъ не примутъ? Цѣлые дни они проводили на берегу, гдѣ съ ранняго утра до ночи кипѣла работа, а на пароходныхъ пристаняхъ и ночью, когда приходили или уходили пароходы. Ежедневно бурсаки заглядывали въ семинарію, чтобы не пропустить какъ-нибудь экзамена. Тутъ они познакомились съ своимъ будущимъ начальствомъ, т.-е. узнали, по объясненію солдата-сторожа, кто ректоръ, инспекторъ, экономъ и т. д. Ректоръ о. Иннокентій, протоіерей въ камилавкѣ, бѣгалъ по громаднымъ семинарскимъ коридорамъ удивительно бойко, причемъ держалъ голову немного набокъ. Онъ немного картавилъ и имѣлъ такой видъ, точно постоянно на кого-то сердился. Но всего болѣе бурсаковъ интересовалъ инспекторъ, молодой, красивый священникъ, который ходилъ, откинувъ гордо голову назадъ, и размахивалъ широкими рукавами сѣрой рясы, причемъ у него на груди болтался серебряный магистерскій крестъ. Инспекторъ былъ гроза всей семинаріи. Когда его кто-нибудь спрашивалъ, онъ еще сильнѣе откидывалъ голову и смотрѣлъ черезъ золотое пенснэ взвѣшивающимъ взглядомъ и только потомъ отвѣчалъ. Новичковъ больше всего пугалъ его пріемъ спрашивать неожиданно, въ упоръ. Остановится, разставитъ ноги и скажетъ:

— Что̀ прикажете?

Такъ было и съ Аристархомъ Иванычемъ. Бѣднягa-бурсачокъ не нашелъ, что̀ ему отвѣтить, а инспекторъ, оглядѣвъ его съ ногъ до головы, проговорилъ:

— Нечего сказать, не столько милъ, сколько хорошъ...

Повернувшись быстро на каблукахъ, инспекторъ быстро зашагалъ по коридору, а Аристархъ Иванычъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и со страхомъ думалъ, что именно вотъ этотъ инспекторъ его и не пропуститъ на экзаменѣ.

Какъ ни крѣпились бурсаки, но черезъ три дня всѣ ихъ средства были

исчерпаны. Главной статьей расхода являлась плата за постоялый по 3 к. въ сутки, а потомъ отъ бездѣлья всѣхъ томилъ страшный голодъ. Когда на всѣхъ пятерыхъ въ общей кассѣ осталось всего 13 к., наступилъ моментъ глухого отчаянія. Даже за ночлегъ нечѣмъ было заплатить за четвертыя сутки. Никто и ничего не говорилъ, потому что у всѣхъ на носу была одна бѣда. Выручило всѣхъ совершенно неожиданное обстоятельство. Разъ всѣ они вмѣстѣ шли по Черному рынку, гдѣ въ обжорномъ ряду продавались такія соблазнительныя вещи, какъ печенка, студень, пироги, колачи и т. д. Вѣроятно, голодный видъ несчастныхъ бурсаковъ бросался въ глаза постороннимъ людямъ, и ихъ остановилъ довольно грубый голосъ лаконическимъ вопросомъ:

— Новички?

— Да.

— Ѣсть хотите?

Новички замялись, а незнакоменъ засмѣялся и отвѣтилъ за нихъ самъ:

— До смерти жрать хочется... Да? Ахъ, вы, телячьи головы!.. Навѣрно, изъ пятерыхъ двое Поповы... да? Такъ и зналъ... Ну, а я Богоявленскій. Богословъ и пѣвчій изъ семинарскаго хора... Впрочемъ, нынче преобразованіе—и не будетъ ни словесниковъ, ни философовъ, ни богослововъ. Отлично...

Когда богословъ узналъ, что новички изъ богоявленскаго духовнаго училища, то хлопнулъ Аристарха Иваныча по плечу и рѣшилъ:

— Значитъ, родственники, и, значитъ, я васъ долженъ угостить.

Онъ засунулъ руку въ карманъ и вытащилъ какую-то мѣдную мелочь.

— Эге, какъ разъ довольно на шестерыхъ, братцы. Васъ-то торговки еще надуютъ, а меня ужъ никто не проведетъ. Сами у воды безъ хлѣба сиживали...

Пѣвчій Богоявленскій былъ настоящій бѣлокурый богатырь. Ему было уже подъ двадцать лѣтъ, и у него пробивались усы и борода. Бѣлокурые, слегка вившіеся волосы открывали бѣлый, умный лобъ, а сѣрые глаза смотрѣли удивительно добродушно. Онъ былъ одѣтъ въ казенный семинарскій костюмъ изъ казинетоваго сюртука и глухой черной жилетки. Суконная черная фуражка съ чернымъ бархатнымъ околышемъ была ухарски сдвинута на затылокъ. Онъ провелъ своихъ новыхъ пріятелей подъ деревянный навѣсъ, гдѣ такъ аппетитно пахло горячими щами, вареной печенкой, лукомъ и свѣжеиспеченнымъ ржанымъ хлѣбомъ.

— Ну, садись, ребята,—командовалъ Богоявленскій, усаживаясь у большого деревяннаго стола.

Торговки, видимо, его знали и наперебой предлагали самыя соблазнительныя вещи.

— На пятакъ щей да пожирнѣе,—командовалъ онъ.—На пятакъ студеня, на пятакъ ржаного хлѣба, на пятакъ колачей и на пятакъ сбитня. Пей и ѣшь, душа...

Такого пышнаго обѣда голоднымъ бурсакамъ еще не случалось ѣсть даже на постояломъ дворѣ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ время было дешевое, и на пятакъ торговка налила цѣлую деревянную чашку дымившихся отъ жара жирныхъ щей. Остальное было въ томъ же родѣ—много, горячо и удивительно вкусно.

— Ѣшьте, братцы, а наголодаться еще успѣете,—проговорилъ Богоявленскій, любуясь на аппетитъ новичковъ.

Закончилось это пиршество сбитнемъ, густымъ и сладкимъ. Это уже

была роскошь, такъ что новичкамъ сдѣлалось даже совѣстно, что они такъ объѣдаютъ и опиваютъ добраго человѣка.

— Ничего, какъ-нибудь сочтемся,—успокаивалъ ихъ Богоявленскій.— Деньги—пустое дѣло. Сегодня есть—завтра нѣтъ... А вотъ что̀ будетъ съ преобразованіемъ. Очень ужъ стращаютъ... Ну, да ничего: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Отъ Богоявленскаго новички узнали фамиліи будущихъ экзаминаторовъ и всѣ ихъ достоинства и недостатки. Оказалось, что, въ сущности, народъ былъ все хорошій, кромѣ инспектора.

— Да и онъ ничего, только форсунъ,—объяснялъ Богоявленскій.—„Что̀ прикажете?“ Ха-ха... Любитъ запугать и напустить пыли...

— Я его боюсь,—откровенно признался Аристархъ Иванычъ.

— Э, вздоръ...

Богоявленскій подробно разспросилъ новичковъ объ ихъ училищѣ, гдѣ они воспитывались, и пришелъ въ восторгъ, что они ѣхали съ обозомъ цѣлыхъ три недѣли.

— Лучше нѣтъ, какъ быть обознымъ ямщикомъ или бурлакомъ,—задумчиво говорилъ онъ.—Тоже хорошо быть рыбакомъ...

Эта встрѣча и обрадовала и ободрила новичковъ. Богоявленскій для нихъ сдѣлался своего рода идеаломъ, особенно для Аристарха Иваныча, который старался также выпячивать грудь колесомъ и также говорить молодымъ басомъ, обрывавшимся на высокихъ нотахъ, какъ у молодыхъ пѣтуховъ.

— Ты это что̀ надуваешься-то, какъ мышь на крупу?—замѣтила ему хозяйка постоялаго двора, очень сварливая баба, съ краснымъ, какъ кумачъ, лицомъ.—Не велихъ еще въ перьяхъ-то...

— Ладно, разговаривай,—съ гордостью отвѣтилъ Аристархъ Иванычъ.— Не вашего бабьяго ума дѣло.

Аристархъ Иванычъ совершенно напрасно нагрубилъ хозяйкѣ, но ему казалось, что Богоявленскій сдѣлалъ бы то же самое.

Въ семинарской канцеляріи дѣлалось все шумнѣе, и Иванъ Васильичъ буквально съ утра до вечера не разгибалъ спины. Изъ пяти духовныхъ училищъ набралось новичковъ до полутора сотъ человѣкъ. Составленіе однихъ списковъ чего стоило. Подъ конецъ Иванъ Васильичъ сдѣлался злымъ и придирчивымъ и все чаще употреблялъ фразу:

— Что̀—разорваться мнѣ для васъ?

III.

Наступилъ и роковой день пріемныхъ экзаменовъ. Семинарія сейчасъ походила на громадный улей, куда слетѣлись пчелы упиться сладкимъ медомъ науки. Въ коридорахъ происходила настоящая давка. Экзаменующихся раздѣлили по училищамъ. Каждое училище экзаменовалось въ отдѣльномъ классѣ. Ученикамъ богоявленскаго училища досталась актовая зала, большая, свѣтлая комната съ расписнымъ потолкомъ и цѣлымъ рядомъ шкаповъ, гдѣ были размѣщены физическіе приборы. По разнымъ предметамъ экзамены производились за разными столиками. Какъ на бѣду, въ актовой залѣ экзаминаторами были и ректоръ и инспекторъ. Аристархъ Иванычъ чувствовалъ себя очень скверно, точно предчувствуя неминучую бѣду. Другіе тоже чувствовали себя не лучше. Царила мертвая тишина. Всѣ боялись главнымъ образомъ инспектора, который сегодня имѣлъ особенно строгій видъ.

Передъ началомъ была совершена общая молитва, а потомъ ректоръ сказалъ коротенькую рѣчь по поводу преобразованія семинаріи.

— Вы, братцы, должны быть счастливы, что попали именно въ эпоху преобразованія,—объяснялъ онъ.—Все будетъ по-новому. Высшее начальство позаботилось обо всемъ, чтобы дать вамъ лучшее образованіе. Вы себѣ даже представить не можете, сколько умныхъ людей работало надъ этимъ. Сколько собрано комиссій, сколько было засѣданій каждой комиссіи, сколько сдѣлано докладовъ—однимъ словомъ, все взвѣшено, измѣнено и предусмотрено.

„Ну, теперь все кончено,—рѣшилъ про себя Аристархъ Иванычъ, окончательно падая духомъ.—Учили по-старому, а экзаменовать хотятъ по-новому".

Экзаменующихся вызывали по алфавиту, и первой пострадала буква „а". Изъ шести человѣкъ провалилось трое. Одинъ бѣдняга пострадалъ изъ-за греческаго языка, а двое—по географіи. Изъ послѣдняго предмета экзаменовалъ инспекторъ и проявлялъ особенную свирѣпость. Экзаменующіеся сразу пріуныли. Учитель географіи въ богоявленскомъ училищѣ, дѣйствительно, плохо велъ свое дѣло, и ученики отвѣчали изъ рукъ вонъ плохо. Ректоръ обратилъ вниманіе на срѣзавшихся, подошелъ къ инспекторскому столику и что-то долго объяснялъ инспектору.

— Воля ваша, а я не могу итти противъ совѣсти,—сказалъ инспекторъ, краснѣя отъ волненія.—Богъ знаетъ, что такое отвѣчаютъ... Семинарія не богадѣльня для неучей.

Инспекторскій столикъ явился чѣмъ-то въ родѣ мѣста казни. Аристархъ Иванычъ, когда его вызвали, чувствовалъ, какъ у него затряслись руки и ноги. Онъ зналъ, что погибнетъ именно на географіи.

— Ну-съ, побесѣдуемъ, молодой человѣкъ,—говорилъ инспекторъ, улыбаясь и поправляя пенснэ.—О чемъ прикажете васъ спросить?

Аристархъ Иванычъ только переминался съ ноги на ногу и молчалъ. Весь остальной міръ больше для него уже не существовалъ. Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ инспекторъ пригласилъ ректора, чтобы онъ лично убѣдился въ его снисходительности.

— Очень милый субъектецъ,—объяснялъ онъ, показывая глазами на Аристарха Иваныча.—Однимъ словомъ, гордость и слава богоявленскаго духовнаго училища. Итакъ, молодой человѣкъ, будемте продолжать нашу бесѣду. Вопросъ идетъ о томъ, куда впадаетъ рѣка Волга...

Аристархъ Иванычъ переминался.

— Куда впадаетъ Волга?—повторилъ вопросъ ректоръ.

Доведенный до отчаянія, Аристархъ Иванычъ отвѣтилъ:

— Въ Ледовитый океанъ...

— Очень хорошо,—похвалилъ инспекторъ.—Это цѣлое географическое открытіе... да. Ну-съ, а какъ вы думаете, кому принадлежитъ Испанія?

— Русскимъ...—сразу отвѣтилъ Аристархъ Иванычъ, плохо понимая, что говоритъ.

Инспекторъ посмотрѣлъ улыбавшимися глазами на ректора и еще разъ похвалилъ Аристарха Иваныча.

— Очень хорошо, молодой человѣкъ. Подарите намъ еще какое-нибудь государство...

Противъ фамиліи Аристарха Иваныча появилась очень жирная единица, которую инспекторъ вывелъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Продолжать экзаменъ дольше было безполезно.

— Эхъ, братецъ, нехорошо,—пожалѣлъ ректоръ.

Аристархъ Иванычъ вышелъ изъ залы въ какомъ-то туманѣ. У него все вертѣлось передъ глазами такъ что онъ даже не узналъ встрѣтившагося въ коридорѣ Богоявленскаго.

— Обзатылили? — спросилъ тотъ. — Экъ, угораздило тебя, Аристархъ Иванычъ...

— Въ географіи нарвался...

— Инспекторъ?

— Да. Онъ ужъ человѣкъ восемь провалилъ.

Богоявленскій говорилъ въ утѣшеніе что-то о переэкзаменовкѣ и вообще старался утѣшить, но Аристархъ Иванычъ ничего не понималъ. Онъ только махнулъ рукой и побрелъ къ выходу, точно самыя стѣны семинаріи его давили. Онъ очнулся только на берегу рѣки. Присѣвъ на скамейку, онъ долго смотрѣлъ на пристани внизу, на противоположный берегъ, на темную массу далекаго лѣса и никакъ не могъ понять, что ему теперь нужно дѣлать. Всѣ надежды исчезли, и впереди было темно. Пропало даромъ пѣлыхъ шесть лѣтъ ученья въ духовномъ училищѣ, шесть лѣтъ тяжелой бурсацкой науки. Какая ужасная вещь такая школьная единица. Она загораживала Аристарху Иванычу всю будущность. А тутъ еще явилась мысль о далекой степной деревнѣ, гдѣ мать Аристарха Иваныча жила просвирней. Отецъ умеръ, когда ему было всего пять лѣтъ, и мать кое-какъ перебивалась. Единственной надеждой въ ея жизни оставался Аристархъ Иванычъ, и эта надежда была убита. А какъ она безпокоится за него, какъ будетъ ждать письма дни и ночи и какъ будетъ плакать, когда наконецъ получитъ это роковое письмо... У Аристарха Иваныча, несмотря на бурсацкую выдержку, появились слезы на глазахъ.

Да, другіе поступятъ въ семинарію, будутъ учиться, а онъ выпущенъ съ волчьимъ паспортомъ на всѣ четыре стороны. Что стоило инспектору поставить всего два съ плюсомъ. У Аристарха Иваныча даже явилась мысль спуститься внизъ и броситься откуда-нибудь съ пристани въ рѣку. Разъ— и ничего не будетъ, ни одной единицы больше не будетъ... Ахъ, если бы не мать!..

Аристархъ Иванычъ подумалъ и другое. Вѣдь не всѣмъ же людямъ на свѣтѣ кончать курсъ въ энской духовной семинаріи. А съ другой стороны, вѣдь не одинъ онъ пострадаетъ. Будутъ и другіе неудачники. Не всѣмъ же бросаться въ рѣку. Эта послѣдняя мысль о товарищахъ по несчастію являлась единственнымъ утѣшеніемъ. Да они и сами скоро явились на берегъ, точно сговорились впередъ. Кто срѣзался по греческому языку, кто по латыни, кто по географіи—у каждаго была своя бѣда.

— Что мы теперь будемъ, братцы, дѣлать?

Этотъ вопросъ оставался безъ отвѣта. Никто и ничего не зналъ. Даже завтрашній день являлся загадкой,—гдѣ пріютиться, чѣмъ кормиться.

IV.

Всѣхъ невыдержавшихъ вступительныхъ экзаменовъ оказалось больше сорока человѣкъ. Поочередно они являлись въ семинарскую канцелярію за полученіемъ документовъ, и Иванъ Васильевичъ спрашивалъ каждаго, изъ какого предмета провалился, качалъ головой и говорилъ:

— Экъ тебя угораздило...

Иногда выходилъ ректоръ и тоже жалѣлъ. Даже инспекторъ, встрѣтивъ Аристарха Иваныча въ коридорѣ, освѣдомился, что онъ думаетъ дѣлать.

— Не знаю ничего...—отвѣтилъ мальчикъ.

— Гм... да... Вѣроятно, домой поѣдешь?

— Денегъ нѣтъ.

— Гм... да... Придется, пожалуй, всю обратную географію пѣшедраломъ сдѣлать.

- Сапоги худые.

— Гм... да...

Какъ устраивается человѣкъ, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни работы, ни сапогъ—вопросъ очень сложный и мудреный. Аристарху Иванычу пришлось испытать цѣлый рядъ непріятностей, когда за нимъ затворились двери семинаріи. Первое, что̀ пришлось испытать—это отсутствіе ночлега, потому что нечѣмъ было платить на постоломъ дворѣ. Первыя три ночи онъ ночевалъ на берегу подъ открытымъ небомъ, причемъ познакомился съ городскими золоторотцами.

— Поступай къ намъ,—приглашали его золоторотцы.—Мы, братъ, всему научимъ... Въ семинаріи-то васъ не учатъ куда таскать.

Эти ночевки на открытомъ воздухѣ прекратились, когда зародилось осеннее ненастье. Золоторотцы пригласили Аристарха Иваныча ночевать съ ними на самомъ берегу подъ опрокинутыми лодками, но и тутъ настигла нежданная бѣда, когда золоторотцевъ накрылъ ночной полицейскій обходъ. Опытные въ этихъ дѣлахъ золоторотцы успѣли разбѣжаться, а попался одинъ Аристархъ Иванычъ.

— Что̀ за человѣкъ?—грубо спрашивалъ его полицейскій, крѣпко держа его за плечо.

— Ученикъ духовнаго училища...

— Э, знаемъ мы вашего брата... Марш въ участокъ, тамъ Порфиръ Семенычъ разберетъ. Кто вчера обрѣзалъ панаръ у барыни?

— Не знаю...

— А кто подломилъ лавку на Черномъ рынкѣ—тоже не знаешь?

Аристархъ Иванычъ даже былъ радъ, когда могъ выспаться въ участкѣ,—и тепло и дождемъ не мочитъ. Утромъ въ десять часовъ его вызвали къ околоточному. Это и былъ знаменитый Порфиръ Семенычъ, наводившій грозу на всѣхъ золоторотцевъ.

— Паспортъ!—строго спросилъ онъ, не глядя на арестанта и перебирая какія-то бумаги.

Прочитавъ ученическое свидѣтельство Аристарха Иваныча, околоточный покачалъ головой и замѣтилъ:

— Ахъ, ты, горе луковое... Что̀ я съ тобой буду дѣлать?

Добродушный и толстый Порфиръ Семенычъ съ крупной оспой лицомъ и рыжими усами подробно разспросилъ мальчика обо всемъ и, возвращая свидѣтельство, проговорилъ:

— Ну, вотъ что̀, Аристархъ Иванычъ... Сейчасъ я тебя отпущу съ Богомъ, а въ слѣдующій разъ не попадайся мнѣ съ золоторотцами. Плохо будетъ... Много васъ по пріюгамъ? Больше сорока человѣкъ? Вотъ такъ преобразованіе, нечего сказать... Надо учителей гнать, которые плохо учатъ...

Ночлегъ явился для Аристарха Иваныча самымъ мудренымъ вопросомъ. Конечно, были знакомые семинаристы, которые жили по частнымъ квартирамъ, но нигдѣ для него не находилось свободнаго уголка. На время выручилъ Богоявленскій.

— Погоди, я поговорю съ кашеваромъ Семкой,—объявилъ онъ.—Онъ устроитъ какъ-нибудь.

Благодаря этой протекціи Аристархъ Иванычъ на нѣсколько дней устроился въ семинарской кухнѣ, гдѣ спали лакеи. Но тутъ опять вышла бѣда. Солдаты потребовали магарычъ, и Аристарху Иванычу пришлось продать на толкучемъ чуть не послѣднюю рубашку.

— Ахъ, озорники!—жалѣлъ его кашеваръ Сеньша.—Креста на нихъ нѣтъ...

Это благополучіе продолжалось всего двѣ недѣли. Кто-то изъ сторожей донесъ семинарскому эконому о скрывавшемся на кухнѣ бурсакѣ, и Аристархъ Иванычъ былъ изгнанъ съ позоромъ.

— У насъ не ночлежный домъ,—коротко объяснилъ экономъ, обругавъ кашевара Сеньку.—Этакъ всѣ полѣзутъ на кухню, а я отвѣчай за всѣхъ...

Богоявленскій еще разъ устроилъ Аристарха Иваныча, въ которомъ принялъ больное участіе. Въ семинарію носилъ булки сапожникъ Николка, разбитной малый и балагуръ.

— А я его въ нашу булочную опредѣлю,—рѣшилъ Николка.—По крайности сытъ будетъ и въ теплѣ. Можетъ, хозяинъ и жалованье потомъ опредѣлитъ...

Булочная помѣщалась въ старомъ деревянномъ домишкѣ на самомъ краю города, гдѣ начиналась уже солдатская слободка. Всѣхъ рабочихъ было одиннадцать человѣкъ, Аристархъ Иванычъ пришелся двѣнадцатымъ.

— Пусть попробуетъ,—уклончиво замѣтилъ хозяинъ, оглядывая новаго рабочаго съ ногъ до головы.—Только едва ли толкъ изъ тебя выйдетъ... Наша работа тяжелая.

Дѣйствительно, работа въ булочной оказалась не изъ легкихъ, главнымъ образомъ потому, что приходилось печь булки ночью. Рабочіе отнеслись къ Аристарху Иванычу недоверчиво, какъ къ бѣлоручкѣ, который ни за что не умѣетъ взяться. Впрочемъ, они скоро помирились съ нимъ, когда узнали, что онъ грамотный. Въ булочной никого не было грамотнаго, и даже самъ хозяинъ вмѣсто фамиліи ставилъ крестъ. Здѣсь Аристарху Иванычу выпалъ первый заработокъ, онъ писалъ письма рабочимъ по копейкѣ за штуку и заработалъ нѣсколько копеекъ, на которыя и отправилъ письмо матери.

— Тебѣ не булки печь, а по письменной части надо устраиваться,—замѣтилъ хозяинъ.—Напасти, если бы я былъ грамотный, такъ чего бы не надѣлалъ...

Черезъ недѣлю Аристархъ Иванычъ былъ уволенъ безъ всякой видимой причины.

— Ничего изъ тебя не выйдетъ по нашей булочной части,—замѣтилъ хозяинъ.—Поищи другого подходящаго мѣста. Городъ, слава Богу, великъ...

Скитанія по другимъ мѣстамъ тоже не привели ни къ чему. Аристархъ Иванычъ пробовалъ работать въ переплетной, потомъ у столяра, у сапожника—и всюду его находили неподходящимъ.

— Учили тебя, да не тому,—объяснялъ сапожникъ.—Сноровки никакой нѣтъ по нашему дѣлу, а кормить тебя начетисто. Великъ выросъ и одного хлѣба сколько съѣлъ... Иди куда-нибудь по своей части.

„Часть“ Аристарха Иваныча заключалась только въ томъ, что онъ умѣлъ хорошо пѣть на клросѣ и недурно зналъ церковную службу.

Въ теченіе мѣсяца своей жизни съ волчьимъ паспортомъ Аристархъ Иванычъ успѣлъ обойти всѣ присутственныя мѣста, но его нигдѣ не принимали. Всѣ мѣста были заняты, и вездѣ получался одинъ и тотъ же отказъ. Положеніе получалось самое безвыходное, такъ что даже Богоявленскій приходилъ въ отчаяніе.

— Должно же быть гдѣ-нибудь твое мѣсто?—повторялъ онъ.—Всѣ люди живутъ...

Единственнымъ результатомъ этихъ поисковъ работы было то, что въ духовной консисторіи Аристарху Иванычу предложили мѣсто, именно, клеить конверты въ справочной помощарской вакансіи. Но онъ не могъ воспользоваться

и этимъ счастливымъ случаемъ, потому что нужно было прослужить безъ всякаго жалованья мѣсяца три. По части питанія выручилъ Богоявленскій, снабжавшій Аристарха Иваныча кусками чернаго хлѣба, которые онъ выносилъ изъ семинарской столовой. Хорошо, что былъ и кусокъ чернаго хлѣба.

V.

Наступала глубокая осень. Деревья пожелтѣли, вода въ рѣкѣ казалась темно-бурой, ночи дѣлались холодными. На улицахъ Энска стояла непролазная грязь. Всѣ обыватели готовились къ зимѣ, вставляя зимнія рамы, заготовляя дрова и доставая шубы. И днемъ было холодно. Чтобы погрѣться, Аристархъ Иванычъ заходилъ въ духовную консисторію и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ съ разными просителями. Были тутъ и вдовы, хлопотавшія о пенсіи, и заштатные священники, и ветхозавѣтные дьячки, вызванные въ консисторію по разнымъ дѣламъ. Нѣкоторые ходили въ консисторію недѣли по двѣ, дожидаясь рѣшенія своего дѣла.

— Ты это чего здѣсь толчешься, паренекъ?—спрашивали Аристарха Иваныча и, узнавъ, въ чемъ дѣло, участливо качали головами.—Ахъ, бѣдняга... Много народу осталось на улицѣ по преобразованію. А впрочемъ, начальство лучше насъ знаетъ...

Изъ непринятыхъ въ семинарію въ городѣ осталось очень мало. Всѣ разъѣхались по домамъ, кому было поближе. Аристархъ Иванычъ завидовалъ имъ отъ всей души и мечталъ о своемъ родномъ селѣ, какъ объ раѣ. Только бы добраться туда... А что будетъ тамъ, Аристархъ Иванычъ какъ-то не думалъ. Нужно было проѣхать больше четырехсотъ верстъ да еще въ осеннюю распутицу. Кромѣ того, у Аристарха Иваныча не было теплой зимней одежды, каковой казеннокоштнымъ воспитанникамъ не полагается.

— Ахъ, только бы уѣхать домой!—мечталъ Аристархъ Иванычъ.—Только бы уѣхать...

Богоявленскій попрежнему оставался для него добрымъ геніемъ. Онъ, между прочимъ, подарилъ свои сапоги и старое осеннее пальто.

— Въ семинарію похожу и въ худыхъ сапогахъ,—объяснялъ онъ.—А осеннее пальто мнѣ совсѣмъ даже не нужно...

Аристарха Иваныча огорчало только одно, именно, что Богоявленскій былъ противъ того, чтобы онъ ѣхалъ домой.

— Что ты будешь дѣлать дома?—разсуждалъ Богоявленскій.—Конечно, можно со временемъ поступить въ псаломщики или волостные писаря, но нужно протекцію. У тебя есть кто-нибудь вліятельный знакомый?

— Нѣтъ, никого нѣтъ, кромѣ церковнаго старосты.

— Ну, съ твоимъ старостой недалеко уѣдешь. Да... А впрочемъ, всѣ понемногу устраиваются и въ деревнѣ. Какъ-нибудь перебьешься.

Все это были пустыя слова, которымъ Богоявленскій и самъ не вѣрилъ. Его огорчало главнымъ образомъ то, что Аристархъ Иванычъ не могъ нигдѣ устроиться, ни къ какому ремеслу, пока не понялъ, въ чемъ дѣло.

— Переросъ ты, Аристархъ Иванычъ, вотъ въ чемъ бѣда,—объяснялъ онъ.—Въ ремесло поступаютъ восьмилѣтними мальчиками и учатся изъ-за хлѣба, а тебя держать изъ-за хлѣба, пока выучишься—невыгодно хозяину. Ремесло, братъ, великое дѣло. Съ нимъ нигдѣ не пропадешь... А нашъ греческій да латинскій языкъ кому нужны? Вотъ посмотри, какъ живутъ городскіе мѣщане—и свой домикъ и свое хозяйство почти у каждаго, потому что у каждаго есть свое дѣло, кто чѣмъ промышляетъ. Съ нашимъ-то волчьимъ паспортомъ у воды безъ хлѣба досыта насидишься...

Съ каждымъ днемъ положеніе Аристарха Иваныча дѣлалось все хуже. Начались уже первые заморозки. Старики ходили въ шубахъ. Разъ въ такое холодное утро Аристархъ Иванычъ зашелъ погрѣться въ пріемную духовной консисторіи. Тамъ народу набралось особенно много, потому что вездѣ полевыя работы кончились, а также и сборъ „осенняго“ по приходамъ. Аристархъ Иванычъ прислушивался къ чужимъ разговорамъ и завидовалъ всѣмъ, потому что всѣ пріѣхали въ Энскъ только на время, а потомъ вернутся къ себѣ домой. Что̀ можетъ быть лучше своего угла вообще, а осенью въ особенности? Аристархъ Иванычъ былъ изумленъ, когда услышалъ, какъ его кто-то назвалъ по фамиліи.

— Не знаешь ли, гдѣ живетъ Бѣлоусовъ?—спрашивалъ сѣдой сгорбленный старичокъ въ деревенскомъ подрясникѣ и въ косичкахъ такимъ тономъ, точно въ Энскѣ всѣ должны были знать Бѣлоусова.

Сѣдой старичокъ, очевидно, изъ деревенскихъ дьячковъ, уже началъ сердиться, что никто не знаетъ Бѣлоусова, даже послѣ того, когда онъ объяснилъ, что этотъ Бѣлоусовъ изъ богоявленскаго духовнаго училища.

— А какъ его зовутъ?—спросилъ Аристархъ Иванычъ, не вѣря собственнымъ ушамъ.

— А вотъ этого я и не знаю,—отвѣтилъ старичокъ.—Мать-то вотъ какъ наказывала его разыскать и имя называла, а я имя-то и забылъ.

— Не Аристархомъ ли?

— Вотъ, вотъ... Онъ самый. Экая память-то: до половины дороги все помнилъ, а тутъ изъ головы все вытрясло. Именно, Аристархъ Бѣлоусовъ. Я и отца его зналъ: отецъ Иванъ.

— Значитъ, вы меня разыскиваете: я и есть Аристархъ Иванычъ.

Въ первую минуту сѣдой старичокъ почему-то не повѣрилъ и только убѣдился тогда, когда Аристархъ Иванычъ показалъ свое училищное свидѣтельство.

— Вотъ ужъ поистинѣ, что гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется,—бормоталъ старичокъ, пытливо разсматривая Аристарха Иваныча съ ногъ до головы.—И вѣдь на отца похожъ... Ахъ, ты, братецъ мой, какая исторія съ географіей вышла!.. Мать-то тебѣ отцовскую шубу послала да пять рублей деньгами... Вотъ какое дѣло.

Аристархъ Иванычъ просто не вѣрилъ собственнымъ ушамъ, точно все происходило во снѣ.

— Ахъ, ты, грѣхъ какой вышелъ!—разсуждалъ старичокъ, начиная шарить въ карманахъ своего подрясника.—Главное-то и забылъ: вѣдь тебѣ и письмо есть отъ матери. Домой тебя зоветъ... А я твое-то письмо чуть съ своимъ прошеніемъ въ консисторію не отдалъ.

Письмо было наконецъ отыскано, и Аристархъ Иванычъ по адресу на конвертѣ узналъ руку матери. Она писала ему, чтобы онъ ѣхалъ съ старикомъ-дьячкомъ домой, а тамъ,—прибавила она,—„увидимъ“. Между прочимъ, она сообщала, что нынче у нея уродилась такая хорошая картошка, какой еще не бывало, потомъ—что отелилась коровка телочкой и т. д.

— Вотъ только я управлюсь съ своими дѣлами и сейчасъ махнемъ домой,—объяснялъ старикъ.—Хоть и начались заморозки, ну, да въ шубѣ-то стрѣлой не прошибешь...

Старый дьячокъ остановился на постояломъ дворѣ, куда переселился и Аристархъ Иванычъ. Онъ сразу ожилъ духомъ и, конечно, сейчасъ же сообщилъ обо всемъ Богоявленскому.

— Что̀ же, можетъ-быть, и хорошо,—условно согласился тотъ.

— Да ужъ только бы выбраться изъ Энска... И дома найдемъ работу.

Стараго деревенскаго дьячка звали Матвѣемъ Иванычемъ. Онъ пріѣхалъ въ Энскъ по какому-то дѣлу, о которомъ хлопоталъ лѣтъ двадцать и о которомъ въ консисторіи давно всѣ забыли.

— Этакое дѣло, срокъ пропустилъ,—жаловался Матвѣй Иванычъ.—А дома-то старуха вотъ какъ ждетъ... Боится, главное, что меня дорогой разбойники убьютъ.

Въ Энскѣ старикъ хотѣлъ прожить, пока не рѣшится его дѣло, но потомъ нежиданно перерѣшилъ все. Проснулся утромъ, посмотрѣлъ въ окошечко постоялаго двора и проговорилъ:

— Ну, Аристархъ Иванычъ, пора намъ съ тобой и по домамъ. Будетъ, погостили въ губерніи. Въ гостяхъ хорошо, а дома и лучше того...

Аристархъ Иванычъ разыскалъ обозъ, и все было готово. Наканунѣ отъѣзда вечеромъ на постоялый дворъ пришелъ Богоявленскій. Онъ былъ сегодня какой-то грустный и нѣсколько разъ проговорилъ:

— Эхъ, и я бы съ вами поѣхалъ, братцы...

Они втроемъ долго сидѣли вечеромъ за самоваромъ и успѣли наговориться обо всемъ, а главнымъ образомъ о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. Матвѣй Иванычъ только вздыхалъ, поглядывая на Аристарха Иваныча.

— Что же, за битаго двухъ небитыхъ даютъ,—проговорилъ онъ задумчиво.—Да на людяхъ, говорятъ, и смерть красна. Да, вообще... А меня что, главное, удивляетъ. По-нашему, по-деревенскому, ежели въ семьѣ подросъ парень—вѣдь это вѣлый капиталъ. Да какъ имъ дорожатъ-то... да. А тутъ по преобразованію гонятъ людей въ три шеи... Мать-то у тебя, Аристархъ, какъ убивается, я ее утѣшалъ... Вотъ мое дѣло: послѣднее-распослѣднее дѣло дьячокъ—такъ? А у меня ремесло: кузницу завелъ и свой кусокъ хлѣба имѣю. Посмотри-ка, какія у меня руки...

Старикъ показалъ свои обожженныя мозолистыя руки и засмѣялся.

— Вотъ эти ручки ничего не боятся, и ты ничего не бойся. Такъ и матери скажи: Матвѣй Иванычъ мнѣ ничего не велѣлъ бояться. Ужъ въ худой день я въ своей кузницѣ рубль заработаю... Теперь вотъ васъ по Россіи большія тысячи съ волчьимъ паспортомъ пустили, а вы не бойтесь. Ничего не бойтесь, братцы... Ну, преобразованіе, ну, гонятъ въ три шеи, а развѣ однихъ васъ гонятъ. Посчитайте-ка, сколько въ гимназіи кончатъ: поступили шестьдесятъ, а кончили шесть.

Богоявленскій соглашался съ Матвѣемъ Иванычемъ и рѣшилъ сдѣлаться кузнецомъ, какъ раньше мечталъ быть бурлакомъ или рыбакомъ.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше кончай свою семинарію,—совѣтовалъ Матвѣй Иванычъ.—А тамъ, чѣмъ хочешь, тѣмъ и будь... Совсѣмъ другая музыка. Я-то говорю о лишенныхъ по преобразованію образованія... Значитъ, которые отъ одного берега отстали, а къ другому не пристали. Однимъ словомъ, съ волчьимъ паспортомъ...

Раннимъ утромъ на другой день обозъ потянулся изъ Энска. Богоявленскій пришелъ проводить и доѣхалъ на возу до заставы.

— Ну, съ Богомъ,—прощался онъ. — Ничего, Аристархъ Иванычъ, какъ-нибудь устроишься.

— Да ужъ устроимся,—отвѣтилъ Матвѣй Иванычъ, кутаясь въ шубу.— Не пропадать же, въ самомъ-то дѣлѣ.

1902.

СЧАСТЛИВАЯ МЫСЛЬ.

Эскизъ.

I.

. . . . . .

Какъ это случилось, говоря откровенно, я не умѣю сказать, потому что у меня въ головѣ немного путается. Не если вы войдете въ коридоръ № 3 и крикнете:

— Отверпый волосъ!

Я сейчасъ же отвѣчу вамъ:

— Здѣсь!

Замѣтьте, что мнѣ совсѣмъ не хочется отвѣчать, но я все-таки отвѣчаю. Меня это волнуетъ, и я дѣлаю усиліе, чтобы не разсердиться. Особенно меня раздражаетъ нашъ главный докторъ Вячеславъ Вячеславичъ, который имѣетъ дурную привычку довольно фамильярно хлопать меня по плечу и спрашивать всегда одно и то же:

— Ну, такъ когда же мы отправляемся въ экспедицію?

Я его искренно ненавижу, но долженъ это скрывать, какъ и многое другое. О, онъ меня больше не проведетъ!

Нужно сказать вамъ, что это мой главный врагъ, благодаря просвѣщенному вниманію котораго я и попалъ въ больницу для сумасшедшихъ.

Дѣло было такъ... Нѣтъ, сначала я долженъ сказать о нѣкоторыхъ предшествующихъ обстоятельствахъ. Мы постоянно обѣдали... Опять не то. Каждый человѣкъ обѣдаетъ, а дѣло въ томъ, что я состою членомъ Географическаго общества. Да, мы много обѣдали, чествуя знаменитыхъ путешественниковъ. Благодаря одному Пржевальскому, мы обѣдали разъ десять. А Норденшильдъ, Нансенъ — обѣды безъ конца. Прибавьте къ этому знаменитыхъ путешественниковъ средней величины, ученыя экспедиціи, счастливыя открытія — и все кончается обѣдомъ непремѣнно. Я ужасно любилъ такіе обѣды съ научной цѣлью. Это ужасно сближаетъ умы. Вообразите, человѣкъ пропадаетъ цѣлые годы гдѣ-то въ полярныхъ льдахъ, человѣкъ проходитъ пустыни, подвергаетъ себя тысячѣ опасностей, виситъ на волоскѣ отъ смерти — и вдругъ этотъ человѣкъ сидитъ съ вами за однимъ столомъ, вы жмете горячо ему руку, пьете за его здоровье, улыбаетесь счастливой улыбкой и вообще выражаете величайшую радость. Всѣ тоже страшно рады и тоже улыбаются. Трудно даже описать такой обѣдъ и тѣ чувства, которыя охватываютъ васъ. А какъ говорятъ за такими обѣдами!.. Вы слыхали, какъ, напримѣръ, говоритъ Поликарпъ Малинниковъ? Положимъ, онъ ничего и нигдѣ не открылъ и даже болѣзни

ѣздить на извозчикахъ, но языкъ... Вотъ послѣднее слово я тоже не люблю, потому что мой врагъ Брониславъ Викентьичъ именно съ этого и началъ:

— Покажите мнѣ вашъ языкъ.

Позвольте, какое ему дѣло, какой у меня языкъ? Пусть смотритъ языкъ у Поликарпа Малинникова. Я убѣжденъ, что у такихъ ораторовъ есть какая-нибудь анатомическая особенность въ устройствѣ ихъ языка или какой-нибудь такой нервный узелокъ, въ которомъ сосредоточивается ораторскій зудъ. Напримѣръ, почему я ни одного слова никогда не сказалъ на нашихъ обѣдахъ, а только улыбался? Догадайтесь. Вѣдь никто и не подозрѣвалъ, что я великолѣпный ораторъ, только всѣ рѣчи говорю про себя. О, если бы кто-нибудь могъ подслушать хоть одну мою рѣчь, какъ бы онъ удивился. „Иванъ Павловичъ, да вы ли это? Голубчикъ, осчастливьте, скажите еще что-нибудь“... А я бы этакъ скромно улыбнулся, дескать, ужъ гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить, а потомъ и пошелъ бы, и пошелъ бы, и пошелъ бы. Всѣ бросились бы меня обнимать, цѣловать. „Голубчикъ, Иванъ Павловичъ, да что же вы молчали до сихъ поръ?“ Эге, вотъ оно куда пошло... Впрочемъ, Иваномъ Павлычемъ былъ я тогда, а теперь я просто сѣверный полюсъ. Да, настоящій сѣверный полюсъ, я даже чувствую, какъ мнѣ самому иногда дѣлается холодно, и меня бьетъ жестокая лихорадка. А мнѣ даютъ хины...

Нужно сказать, что передъ обѣдомъ подавалась, конечно, закуска, и, конечно, она сообразовалась съ величиной знаменитаго путешественника, и меню обѣда составлялось въ извѣстномъ стилѣ, какъ это умѣютъ устраивать только опытные распорядители. Если, напримѣръ, путешественникъ былъ съ сѣвера, то подавали непремѣнно морошку, семгу, оленину, если съ юга, то кабанью голову, фазановъ и фрукты. Но главное: закуска. Ахъ, какія бывали закуски!.. Мы путешествовали и въ Англію, и въ Ямайку, и въ Африку, и въ Китай, и въ Америку — каждая страна фигурировала въ извѣстномъ сортѣ вина или въ консервированномъ видѣ. Да, бывало, съѣздишь этакъ въ двѣ-три части свѣта, а потомъ и явится такой зудъ: дай скажу за обѣдомъ рѣчь... Рѣшимость такая является, въ головѣ все ясно. Ну, а какъ сѣли обѣдать — и раздумаешь. Меня, главнымъ образомъ, удерживала врожденная скромность. Зачѣмъ я буду отбивать хлѣбъ у присяжныхъ ораторовъ? Другой спеціалистъ по части обѣденныхъ экспромтовъ въ стихахъ, можетъ-быть, недѣли двѣ сочинялъ какихъ-нибудь четыре строчки, а я возьму да и зарѣжу его безъ ножа. Зачѣмъ напрасно наживать себѣ враговъ и завистниковъ? По турецкой поговоркѣ, одинъ врагъ сдѣлаетъ больше вреда, чѣмъ сто друзей принесутъ пользы...

II.

Да, о чемъ я собственно началъ говорить? Начну говорить и вдругъ потеряю нить... Ахъ, да, о зависти. Опять не то... Видите ли, я подраздѣляю людей на двѣ категоріи: на людей обыкновенныхъ и на людей особенныхъ. Послѣдніе рѣзко отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что имъ приходятъ въ голову счастливыя мысли. Да, сидитъ человѣкъ гдѣ-нибудь въ своемъ департаментѣ, въ конторѣ или въ редакціи — бацъ! пришла счастливая мысль. Если слишкомъ часто приходятъ въ голову такого человѣка счастливыя мысли, ему дѣлается даже тяжело, потому что непремѣнно хочется съ кѣмъ-нибудь подѣлиться такой мыслью, а только скажи — сейчасъ же украдутъ, воспользуются и выдадутъ ее за свою. Я видѣлъ много такихъ печальныхъ примѣровъ, и мнѣ кажется, что способность къ счастливымъ мыслямъ неразрывно связана съ извѣстной болтливостью. Ну, не можетъ человѣкъ воздержаться — и конецъ.

А тутъ ужъ люди ждутъ, чтобы подхватить готовое и воспользоваться. У насъ, въ коридорѣ № 3, нѣсколько такихъ субъектовъ сидитъ. Одинъ изобрѣлъ жидкое стекло, другой изъ воздухоплавателей, а третій электричество въ твердомъ видѣ — ну, и сидятъ, потому что не во-время проболтались. Да, цѣлый коридоръ счастливыхъ мыслей... Что дѣлать, вѣдь и Галилея считали сумасшедшимъ, Наполеонъ смѣялся надъ первымъ пароходомъ, а парижская академія наукъ не признавала дифференціальнаго исчисленія, аэролитовъ и возможности движенія паровозовъ по гладкимъ рельсамъ. Исторія, какъ я замѣтилъ, повторяется...

У меня дурная привычка — отвлекаться въ сторону. Дѣло все въ томъ, что счастливыя мысли связаны съ завистью. Увы, я въ этомъ убѣдился на собственномъ горькомъ опытѣ... Да, есть роковыя вещи, какъ нашъ коридоръ № 3. Кто можетъ поручиться, что для него тамъ не приготовлено отдѣльнаго номера? Есть люди, которые еще не родились, а мѣсто для нихъ уже приготовлено.

Раньше я не отличался счастливыми мыслями и даже завидовалъ въ этомъ отношеніи другимъ, хотя и безъ особенной злости. А тутъ какъ-то сразу осѣнило... Да, это былъ послѣдній обѣдъ, который былъ устроенъ въ честь полета знаменитаго Андре къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ. Кстати, гдѣ-то онъ сейчасъ, бѣднякъ? Да, мы горячо сочувствовали, послали сочувственную телеграмму и порядочно выпили за его здоровье. Малинниковъ сказалъ цѣлыхъ три рѣчи, причемъ очень удачно сравнилъ шаръ Андре съ яйцомъ Колумба. Большая бестія, вообще... Мнѣ самому приходило это сравненіе, но я промолчалъ, какъ всегда. Но потомъ меня охватило волненіе: мы обѣдаемъ, пьемъ, вообще дикуемъ, а нашъ Андре навѣрно замерзнетъ, какъ замерзли многіе его предшественники, кончая экипажемъ несчастнаго американскаго судна „Жаннеты“. Да, ужасно жаль, когда подумаешь, сколькихъ жертвъ требуетъ каждое географическое открытіе. Начали подсчитывать, начиная съ пропавшей безъ вѣсти экспедиціи знаменитаго Франклина, и всѣ пришли въ ужасъ, а Малинниковъ даже прослезился.

Ну, тутъ меня и осѣнило... Чувствую, что никакъ не могу удержаться, даже колѣни дрожатъ. Встаю. Всѣ такъ и замерли. Ждутъ. Для усиленія впечатлѣнія дѣлаю драматическую паузу, а потомъ окидываю всѣхъ вдохновеннымъ взоромъ и начинаю:

— Милостивые государи...

Признаться сказать, я даже самъ не узналъ своего голоса, точно говоритъ ученикъ, который не знаетъ своего урока.

— Милостивые государи, мы переживаемъ знаменательный моментъ, именно конецъ XIX вѣка. Каждое столѣтіе чѣмъ-нибудь ознаменовываетъ себя, и нашъ вѣкъ долженъ кончить свое существованіе величайшимъ событіемъ, именно открытіемъ сѣвернаго полюса.

Тутъ мой голосъ сразу окрѣпъ, я невольно выпрямился и еще разъ оглядѣлъ всѣхъ уже торжествующимъ взглядомъ.

— Да, милостивые государи, есть открытія, которыя прямо висятъ въ воздухѣ, какъ вопросъ о воздухоплаваніи. (Одобреніе лѣвой и завистливое мычаніе Малинникова). Возвращаюсь къ сѣверному полюсу... Да, онъ долженъ быть открытъ, и должны его открыть именно мы, русскіе. (Гдѣ-то раздается недовѣрчивое: о?!..). Довольно человѣческихъ жертвъ, и наука восторжествуетъ болѣе мирнымъ путемъ. Беру на себя смѣлость, милостивые государи (ей-Богу, я говорилъ совсѣмъ недурно), предложить вамъ одинъ проектъ, который можетъ показаться вамъ немного смѣлымъ, но зато приведетъ прямо къ завѣтной цѣли.

Всѣ такъ и замерли. Вдругъ какой-нибудь Иванъ Павловичъ, который только и умѣлъ путешествовать отъ одной бутылки до другой, и вдругъ цѣлый проектъ открытія сѣвернаго полюса безъ всякихъ человѣческихъ жертвъ. Я скромно опускаю глаза и продолжаю послѣ нѣкоторой паузы:

— Милостивые государи, всѣ великія открытія по своему существу чрезвычайно просты. Но вы не подумайте, что я претендую на величіе, тѣмъ болѣе, что въ моемъ проектѣ есть и слабыя мѣста, вѣрнѣе сказать — одно слабое мѣсто. Дѣло вотъ въ чемъ. Отъ Новой Земли до сѣвернаго полюса что-то около тысячи верстъ. Да... Если мы раздѣлимъ это роковое разстояніе на сто равныхъ частей, то получатся участки по десяти верстъ. Неужели трудно пройти такое разстояніе, хотя придется итти и по льду? Это главное основаніе моего проекта. Будемъ продолжать. Если мы на Новой Землѣ устроимъ... Меня смущаетъ слово, которое не совсѣмъ вяжется съ пуританизмомъ науки... да, если мы выстроимъ кабакъ. (Движеніе, мелькаютъ улыбки, Малининковъ толкаетъ сосѣда локтемъ). Да, милостивые государи, самый простой кабакъ... Пожалуйста, не смущайтесь вульгарнымъ названіемъ, которое можно замѣнить и другимъ — факторія или что-нибудь подобное, но я хочу быть яснымъ. Итакъ, на Новой Землѣ первый кабакъ, черезъ десять верстъ второй и такъ далѣе, до самаго сѣвернаго полюса, гдѣ будетъ послѣдній кабакъ. Вы всѣ знаете неутомимую энергію нашихъ поморовъ и общую русскую слабость къ выпивкѣ. Будемъ говорить прямо... Пожалуйста, господа, не перебивайте меня! Стоитъ только кликнуть кличъ, и отзовутся сотни смѣльчаковъ, которые не побоятся никакихъ опасностей. (Голосъ лѣвой: „Еще бы!“). Сдѣлаемъ приблизительный расчетъ. Средняя стоимость серьезной полярной экспедиціи около ста тысячъ. Раздѣлимте эту сумму на сто предполагаемыхъ кабаковъ, и на долю каждаго приходится тысяча. Предположимъ что на каждый кабакъ—я беру средняя цифры — нужно будетъ четыре бочки водки. Считая по 4 рубля ведро — казенная монополія сдѣлаетъ намъ такую уступку — бочка обойдется въ 160 р., а 4 бочки — 640 р. Остается еще цѣлыхъ 340 р., которые пойдутъ на провіантъ — соленая рыба, главнымъ образомъ, которую въ Архангельскѣ можно купить за безцѣнокъ. (Голосъ Малининкова: „Браво! и выпивка и закуска....“). Прибавьте къ этому еще то, что поморы будутъ ловить рыбу, бить тюленей, моржей и бѣлыхъ медвѣдей — можетъ получиться даже нѣкоторый остатокъ. Итакъ, отъ одного кабака до другого мы постепенно достигнемъ желаемой цѣли. Въ случаѣ, если бы какая-нибудь партія заблудилась во льдахъ, она во всякомъ случаѣ не прорвется черезъ линію кабаковъ. У русскаго человѣка на это есть вѣрный нюхъ... Остается еще вопросъ относительно открытаго моря и плавучихъ льдовъ, но и онъ рѣшается просто: кто мѣшаетъ построить плавучіе кабаки?

Вы не можете себѣ представить, какой поднялся гвалтъ, когда я кончилъ свою рѣчь. Стучали вилками и ножами, стучали ногами, хохотали, всѣ кричали, и никто не хотѣлъ слушать. Я хотѣлъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія и дополненія къ своему проекту, но мнѣ не дали говорить. Малининковъ обнималъ меня и говорилъ:

— Иванъ Павловичъ, ты у насъ Колумбъ, поставленный вверхъ ногами!..

Эта глупая острота, вдобавокъ заимствованная не помню гдѣ, вызвала самый неудержимый хохотъ. Меня наконецъ это взорвало... Представьте себѣ, что надъ Фультономъ смѣялся не одинъ Наполеонъ, а цѣлыхъ двадцать. Да, я обозлился, обругалъ всѣхъ дураками и уѣхалъ домой. Жена была крайне удивлена, что я вернулся безъ шапки. Ну что такое шапка? Предразсудокъ,

и больше ничего. А когда я разсказалъ ей о своемъ открытіи, глупая женщина даже расплакалась.

Я на слѣдующій день не пошелъ на службу и занялся составленіемъ подробной смѣты будущей экспедиціи. Меня, въ сущности, погубило глупое слово „кабакъ“, и я вездѣ замѣнилъ его прекраснымъ русскимъ словомъ: „зимовье“. Надѣюсь, что тутъ ужъ нѣтъ ничего смѣшного?

III.

Дальше пошло все обычнымъ путемъ. Когда я пришелъ на службу и предъявилъ свой проектъ сослуживцамъ, всѣ были, конечно, поражены. Даже мой начальникъ обратилъ вниманіе и благосклонно замѣтилъ:

— Да, дѣйствительно... проектецъ недуренъ!

Когда я заговорилъ о необходимыхъ средствахъ, то и тутъ была удача. Оказалось, что въ Петербургѣ есть одинъ господинъ, который всегда готовъ снарядить экспедицію къ сѣверному полюсу и будетъ ужасно радъ меня видѣть. Мой начальникъ даже далъ къ нему свою визитную карточку. Я отправился по адресу и былъ немного удивленъ, что этотъ таинственный господинъ, дающій деньги на экспедиціи и разныя открытія, живетъ въ странномъ домѣ, похожемъ на тюрьму. Оказалось, что онъ уже ждалъ меня и встрѣтилъ очень любезно.

— Очень радъ познакомиться, — приглашалъ онъ меня. — Идемте въ мой кабинетъ и тамъ поговоримъ...

Я довѣрчиво послѣдовалъ за нимъ и очутился въ коридорѣ № 3, гдѣ мнѣ и указали мою комнату. Господинъ, снаряжающій экспедицію, заговорилъ со мной совершенно другимъ тономъ и сказалъ:

— Покажите-ка языкъ, господинъ путешественникъ?

Что̀ это такое? Развѣ Колумба, Нансена или Андре заставляли показывать языкъ? Понятно, я страшно взбѣсился и наговорилъ дерзостей. Меня заперли, и я еще больше разсердился. Помилуйте, какой обманъ... Развѣ я не понимаю, что вся эта исторія — дѣло Поликарпа Малинникова, который рѣшился воспользоваться моимъ проектомъ и постарался избавиться отъ меня самымъ гнуснымъ путемъ?

Когда я дописывалъ послѣднія строки, въ коридорѣ раздался голосъ надзирателя:

— Сѣверный полюсъ!

— Здѣсь! — отвѣтилъ я, совсѣмъ не желая отвѣчать.

Эти смотрители — ужасно глупый народъ, и рѣшительно нельзя понять, что̀ они говорятъ.

Господа, а у меня есть еще одна счастливая мысль, но я ее ни за что не скажу.

1899.

ТЕТЯ НАТА.

Очеркъ.

I.

Садовникъ Мосей принималъ озабоченно-сердитый видъ, когда принимался за дѣло. Происходило это, можетъ-быть, отъ того, что у него, собственно говоря, не было никакого дѣла, а носилъ онъ званіе садовника по традиціи, потому что былъ старинный барскій садъ и слѣдовательно долженъ былъ быть и садовникъ. Старыя оранжереи давно развалились, новыя деревья не подсаживались, клумбы поддерживались только передъ террасой, а собственно садъ находился въ страшномъ запустѣніи и зарасталъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе. По нѣкоторымъ аллеямъ уже нельзя было ходить, до того онѣ заросли бурьяномъ, чертополохомъ и разной другой сорной травой, которая обходится безъ помощи садовника.

Мосей все-таки помнилъ, что онъ садовникъ, и, какъ испытанный старый дворовый политикъ, время отъ времени считалъ долгомъ проявить себя именно съ этой точки зрѣнія. Весной онъ реставрировалъ нѣсколько клумбъ, приводилъ въ относительный порядокъ англійскій газонъ передъ террасой, а осенью вооружался садовыми ножницами и подстригалъ шпалеры изъ бѣлыхъ акацій, сирени и боярышника. Сейчасъ стояла осень, поэтому нужно было пустить въ ходъ ножницы. Мосей поднялся рано, долго ворчалъ и наконецъ вышелъ на работу. Онъ долго стоялъ у террасы и смотрѣлъ на запущенный садъ. То ли было здѣсь раньше... Все на аглицкую руку было устроено, а теперь и смотрѣть тошно. Конечно, Мосей обвинялъ не себя и никого другого, а такъ вообще обстоятельства: вотъ и барскій домъ тоже разваливается, и террасу давно нужно бы подновить, и дворъ, и службы, и заборъ у сада.

„И куда они растутъ...—размышлялъ Мосей, оглядывая акаціи, сирени и боярышникъ.—Вѣдь вотъ поди жъ ты! Я ихъ рѣжу каждую осень, а они свое... Способа нѣтъ никакого. А барышня требуетъ порядка..“

Между прочимъ, Мосей нѣсколько разъ оглядывался на окно столовой. Ему хотѣлось, чтобы барышня видѣла его работу. Для чего же онъ надѣвалъ бѣлый передникъ и принималъ видъ настоящаго садовника? Барышня рано встаетъ и пусть посмотритъ своими глазами, какъ Мосей работаетъ.

Ожиданія Мосея оправдались. Дѣйствительно, въ окнѣ столовой скоро показалась голова старушки въ бѣломъ чепцѣ. Мосей снялъ свой картузъ, точно для того только, чтобы показать свою лысую, какъ бильярдный шаръ, голову. Бѣлый чепецъ заволновался. Скоро по-старчески скрипнула дверь на террасу, и показалась сама барышня, за которой дѣвка Ариша несла пле-

тепный камышевый стулъ. Барышнѣ было за пятьдесятъ, но она держалась еще бодро. Высокій ростъ придавалъ ей величавый видъ, а печально-строгое лицо сохраняло еще слѣды давно минувшей красоты. Мосей помнилъ эту дворянскую красоту къ полномъ расцвѣтѣ и при каждой встрѣчѣ съ барышней даже теперь чувствовалъ себя черной костью. Теперь его бильярдный шаръ отвѣсилъ привычный поклонъ и выразительно заморгалъ хитрыми старыми глазами.

— Ну что, Мосей: подстригать будешь?—спросила барышня свѣжимъ не по лѣтамъ голосомъ, сохранившимъ еще въ себѣ красивыя ноты.

— Точно такъ-съ, барышня... И куда они растутъ: кажинную осень вотъ такъ-то орудую. А они все растутъ...

Барышня посмотрѣла печальными глазами на садъ и торжественно помѣстилась на своемъ стулѣ. Ариша, тоже старая, сморщенная старушка, накинула на ея плечи теплую накидку. Барышня вотъ уже сорокъ лѣтъ носила все черное и теперь походила на какую-то тѣнь, поднявшуюся изъ далекаго прошлаго.

— Съ Богомъ, Мосей...

— Слушаю-съ.

Мосей постоялъ, задумчиво тряхнулъ своимъ бильярднымъ шаромъ и, не торопясь, отправился къ акаціямъ. Скоро защелкали его ножницы, и на газонъ посыпались молодые побѣги. Тетя Ната смотрѣла на эту работу и переживала смутно-безпокойное чувство,—это съ ней случалось именно осенью, когда Мосей приводилъ въ порядокъ садъ. Странно, какъ иногда ничтожныя обстоятельства неразрывно связываются съ самыми рѣшающими моментами. Такъ было и здѣсь. Тетя Ната даже закрыла глаза, прислушиваясь къ щелканью ножницъ. Ея мысли перенеслись въ далекое-далекое прошлое, отъ котораго ее отдѣлялъ роковой сорокалѣтній періодъ. Да, тогда большая барская усадьба стояла, какъ полная чаша, садъ находился въ образцовомъ порядкѣ, даже деревья были молоды, и садовникъ Мосей еще потряхивалъ русыми шелковистыми кудрями, приводя въ трепетъ и нѣмой восторгъ горничную дѣвку Аришку. Ахъ, какъ это было давно... Такой же крѣпкій осенній денекъ, такъ же Мосей съ ножницами подравнивалъ акаціи, и вдругъ разразилась гроза, та семейная гроза, отъ которой, казалось, застоналъ и закорчился даже самъ барскій домъ. Всему виной были двадцать лѣтъ тети Наты и черные огневые глаза сосѣда по имѣнью, корнета въ отставкѣ, Павла Дмитрича Пластунова. Къ несчастью, Пластуновы были небогаты, и корнетъ получилъ рѣшительный и обидный отказъ, когда сдѣлалъ предложеніе. По доброму старому обычаю, Павелъ Дмитричъ выкралъ изъ родной усадьбы свою судьбу, причемъ единственнымъ свидѣтелемъ этого подвига былъ садовникъ Мосей. Парень все видѣлъ и покрылъ робкимъ молчаніемъ счастливо убѣгавшую парочку, можетъ-быть, потому, что въ дѣлѣ была замѣшана дѣвка Ариша, состоявшая неотступно при барышнѣ. Да, дворовый рабъ не выдалъ, но за утреннимъ чаемъ барышни хватились и по горячимъ слѣдамъ бросились въ пластуновскую усадьбу, гдѣ и накрыли готовыхъ уже къ вѣнцу бѣглецовъ. И священникъ ждалъ въ церкви, какъ было условлено, но сильная родня увезла невѣсту домой, и все пошло прахомъ. Тетя Ната осталась навсегда дѣвушкой, а Павелъ Дмитричъ исчезъ и вернулся на родное пепелище только послѣ эмансипаціи, вернулся подержанымъ джентльменомъ съ вѣчнымъ запахомъ перегорѣлой водки. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ проживалъ въ родовомъ гнѣздѣ, состоя на содержаніи своей старшей сестры, къ которой перешло все имѣніе. Вскорѣ по возвращеніи на святую родину Павелъ Дмитричъ

сдѣлалъ визитъ тетѣ Натѣ, но послѣдняя его не приняла. Можетъ-быть, вышло и лучше, что этотъ бракъ разстроили,—по крайней мѣрѣ, тетя Ната думала такъ сегодня.

— Да, лучше...—повторила она вслухъ, точно старалась кого-то увѣрить.

Эти старческія размышленія были прерваны появленіемъ трехъ молодыхъ особъ, которыхъ привела Арина. Всѣ трое были дѣвочки-подростки, въ томъ неблагодарномъ возрастѣ, когда дѣти начинаютъ раздѣляться на мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Тетя, съ добрымъ утромъ!..

Всѣ трое чинно усѣлись за столъ, занимавшій лѣвый уголъ террасы, и въ ожиданіи утренняго кофе не знали, что имъ дѣлать. Старшей, Вѣрочкѣ, было всего восемь лѣтъ, за ней слѣдовала шестилѣтняя Наденька, а послѣднее мѣсто занимала пятилѣтняя Любенька. Вся эта дворянская поросль ютилась подъ крылышкомъ тети Наты, какъ около стараго дерева обвиваются молодые побѣги. Вѣрочка была дочь старшаго брата Александра, который овдовѣлъ, опять женился и кончилъ тѣмъ, что оставшуюся отъ первой жены дѣвочку передалъ на воспитаніе тетѣ Натѣ. Исторія Наденьки была еще печальнѣе,—она была дочерью младшей сестры, которая разошлась съ мужемъ. Разошедшіеся супруги долго дѣлили между собой ребенка и кончили тѣмъ, что отдали его тетѣ Натѣ, какъ третьему, нейтральному лицу. Любенька приходилась тетѣ Натѣ двоюродной внучкой и была круглой спротой. Вообще, семейныя комбинаціи близкихъ людей какъ-то не удавались, и эти три дѣвочки служили тетѣ Натѣ живымъ доказательствомъ того, что, дѣйствительно, выходить замужъ не стоило. Прежде бывали счастливые браки, а нынче только и слышишь, что одни разошлись по добровольному соглашенію, другіе разбѣжались съ какимъ-нибудь скандаломъ, третьи разойдутся не-сегодня-завтра. Ахъ, какъ хорошо знала теперь тетя Ната эту грустную изнанку семейной жизни... Черезъ ея руки прошло больше двадцати дѣвочекъ—все близкія или дальнія родственницы. Всѣ онѣ воспитывались подъ ея крыломъ до институтскаго возраста, потомъ поступали въ институтъ, а потомъ вдругъ исчезали для нея, т.-е. выходили замужъ. И за кого выходили? Нѣтъ, лучше объ этомъ печальномъ опытѣ не вспоминать. Тетя Ната никакъ не могла уловить рокового момента, когда эти дѣвушки дѣлались чужими въ своемъ гнѣздѣ и, какъ ночныя бабочки, летѣли прямо на огонь. Ужъ, кажется, она давала имъ твердое воспитаніе, хотя и не могла подѣлиться всѣми знаніями жизни. Обстоятельства складывались обыкновенно самымъ роковымъ образомъ: выпущенная институтка сначала была въ восторгѣ отъ своей собственной свободы, потомъ наступалъ періодъ раздумья, какой-то глупой скуки, и все заканчивалось тѣмъ, что она какъ-то вдругъ выходила замужъ. Тетя Ната была всегда противъ такихъ опытовъ и каждый разъ горячо протестовала, предсказывая всѣ бѣды. Къ сожалѣнію, ея предсказанія постоянно исполнялись, и бѣдныя институтки возвращались къ ней черезъ полгода, много черезъ годъ, чтобы повѣдать, какъ жестоко онѣ ошиблись, и какъ милая тетя Ната была права. Да, бѣдняжки плакали на ея груди, ломали въ отчаяніи руки, и тетѣ же Натѣ приходилось ихъ утѣшать, успокоивать и отправлять обратно къ своимъ обязанностямъ. Странно, что цѣлый рядъ такихъ случаевъ не убѣдилъ тетю Нату въ неисправимости человѣческой натуры, и на каждый новый номеръ, стоявшій на очереди, она смотрѣла съ новой надеждой: можетъ-быть, хоть эта окажется благоразумнѣе...

Теперь на очереди стояла Сонечка. Она только-что весной кончила институтъ и провела все лѣто у тети Наты. Изъ всѣхъ воспитанницъ тетя Ната

привязалась всего сильнѣе именно къ этой, потому что Сонечка была такая выдержанная, благоразумная и слушала съ такимъ вниманіемъ благоразумные совѣты милой, дорогой тети.

— Вотъ эту я ужъ не отдамъ никому!—съ тайной гордостью думала про себя тетя Ната, любуясь красавицей-племянницей.—Да, не отдамъ...

Да и некому было отдавать, потому что кругомъ стояли одни разоренныя помѣщичьи усадьбы, въ которыхъ доживали вѣкъ послѣдніе представители вымиравшихъ дворянскихъ родовъ или тѣ безвѣстные люди, которые, какъ коршуны, забились въ чужія гнѣзда. Ни съ тѣми ни съ другими тетя Ната знакомства не поддерживала, гордая старыми дворянскими традиціями. Да, людей не было, т.-е. мужчинъ, а Сонечка была благоразумна, благоразумна до того, что тетѣ Натѣ начинало даже казаться, какъ говаривали въ доброе старое время, что у нея какъ будто недостаетъ сердца.

Итакъ, Мосей подстригалъ акацін, три дѣвочки съ аппетитомъ пили свой утренній кофе, не подозрѣвая объ ожидавшей ихъ грозной судьбѣ, а тетя Ната сидѣла и думала, погрузившись въ свое прошлое. Вотъ и она такъ же, какъ Мосей, всю жизнь подстригала молодые упрямые побѣги, такъ же привязывала молодыя деревца къ палочкамъ, чтобы росли прямо, такъ же исправляла маленькіе недочеты человѣческой природы, и такъ же бурьянъ и жгучая крапива вырастали на ея „проспектахъ жизни“. Однимъ словомъ, было много общаго...

— А гдѣ же Сонечка?—спросила наконецъ тетя Ната, опредѣляя время по остывшей чашкѣ своего кофе.

— Онѣ еще почиваютъ,—доложила почтительно Ариша.—Куда имъ торопиться-то... Дѣвичье дѣло, пусть понѣжатся.

Да, да, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ будить Сонечку—пусть ее спитъ на здоровье. Кто знаетъ, что̀ ее ждетъ впереди, а теперь хоть отдохнетъ послѣ своего институтскаго сидѣнья. Въ этотъ моментъ Мосей издалъ неопредѣленный звукъ, наклонился, поднялъ что-то, еще разъ удивился и, не торопясь, пошелъ на террасу.

— И какъ ему было попасть сюда...—размышлялъ онъ вслухъ, подавая барышнѣ шелковый носовой платокъ.—Точно у насъ такихъ платковъ и нѣтъ, барышня.

Тетя Ната ужасно встревожилась. Платокъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ мужской и притомъ съ какими-то мѣтками. Неожиданно для самой себя тетя Ната спросила Аришу:

— Ариша, ты увѣрена, что барышня спитъ?

— Ежели дверь закрыта на ключъ...

— Сходи, посмотри... Да скорѣе.

Старушку охватила какая-то тайная тревога. Это было одно изъ тѣхъ тяжелыхъ предчувствій, какія, къ несчастію, сбываются. Вотъ и торопливые шаги Аришн. Старуха вбѣжала на террасу и какимъ-то виноватымъ голосомъ заявила:

— Ихъ нѣту, Софьи Григорьевны... Дверь-то только была приперта, а не на ключѣ.

II.

Сцена представляла такую живую картину: центръ занимала тетя Ната, державшая платокъ въ рукахъ, какъ знамя, призывавшее къ какому-то чрезвычайному подвигу, Ариша оставалась въ дверяхъ, передъ террасой безъ шапки стоялъ Мосей. Три дѣтскихъ личика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ происходившимъ и, видимо, ничего не могли понять.

— Мосей, лошадей!..—проговорила наконецъ тетя Ната, дѣлая энергичный жестъ—это былъ наслѣдственный жестъ, переходившій изъ рода въ родъ.

Мосей и Ариша облегченно вздохнули. Всегда въ критическихъ случаяхъ настоящіе господа куда-нибудь ѣхали, и всегда именно этимъ актомъ разрѣшались затруднительныя положенія. Произошло то молчаливое соглашеніе, которое бываетъ только между людьми, слишкомъ тѣсно сжившимися. Мосей принялъ особенно серьезный видъ и отправился немедленно исполнять приказаніе. Ему даже въ голову не приходила траги-комическая сторона предстоявшей операціи. Кучера не было, старая лошадь была давно не кована, старый экипажъ не закладывался съ прошлаго лѣта. Все это были пустяки, потому что предстояло разрѣшить неразрѣшимую задачу. Старикъ былъ преисполненъ сознаніемъ важности возложенной на него задачи. Онъ самъ удивился, когда черезъ какой-нибудь часъ „подалъ“ къ парадному крыльцу, открывавшемуся только въ торжественныхъ случаяхъ. Тетя Ната съ фамильной торжественностью помѣстилась въ старомодный экипажъ и молча отдала приказаніе ѣхать,—словъ не требовалось, потому что и Мосей и Ариша отлично знали, куда могла ѣхать барышня.

Вѣрочка, Любенька и Наденька видѣли изъ окна своей комнаты, какъ торжественно выкатилъ фамильный экипажъ на круглыхъ рессорахъ за предѣлы усадьбы и повернулъ налѣво. Дѣвочки были собраны Аришей въ одну комнату, а комната была заперта на ключъ. Ариша сейчасъ походила на насѣдку, приготовившуюся защищать своихъ цыплятъ отъ показавшагося въ небѣ ястреба. Дѣвочки не понимали, что такое случилось, куда поѣхала тетя Ната, зачѣмъ ихъ заперли въ комнату,—онѣ смутно переживали отраженное настроеніе большихъ.

А старинный экипажъ катился уже по деревнѣ, возбуждая общее удивленіе. Мосей попрежнему не спрашивалъ, куда ѣхать, и повернулъ изъ деревни направо, къ заброшенному тракту,—въ двухъ верстахъ прошла чугунка, и трактъ оставался не у дѣлъ. По сторонамъ дороги тянулись тощія крестьянскія поля, потомъ показался тощій лѣсокъ, чащеватой бородкой обтѣнившій глинистые берега тощей рѣчонки Мутяшки. Когда-то тутъ былъ настоящій лѣсъ, именно, когда Павелъ Дмитричъ увозилъ тетю Нату на ухарской парѣ. Старушка не узнавала мѣстности и спросила:

— Да ты куда меня везешь, Мосей?

— Не безпокойтесь, барышня: все будетъ правильно. Точно, былъ лѣсъ, а сейчасъ одна щетина осталась...

Нужно было проѣхать слишкомъ двадцать верстъ, и тетя Ната имѣла достаточно въ своемъ распоряженіи времени, чтобы еще разъ передумать всю свою жизнь. Бываютъ такіе дни итоговъ... Въ душѣ тети Наты оказались тоже громадныя опустошенія, какъ по сторонамъ дороги, по которой она ѣхала сейчасъ, и она увидѣла эти опустошенія только теперь. Да, тутъ былъ и цвѣтущій зеленый лѣсъ, и цвѣли цвѣты, и пѣли птицы, но отъ лѣса оставались одни пни, цвѣты повяли, птицы улетѣли. Она могла сейчасъ смотрѣть на себя со стороны, какъ всѣ отжившіе люди, придавленные „опытомъ жизни“. Сегодняшній случай былъ послѣдней каплей въ этомъ опытѣ, и тетя Ната чувствовала, что она такая старая-старая, и что кругомъ нея дѣлается что-то такое, чего она не понимала и никакъ не можетъ понять. Правда, ее охватилъ извѣстный порывъ, желаніе спасти неопытную душу, вырвать ее изъ налетѣвшей вихремъ бѣды, но этотъ порывъ чѣмъ-то уже тормозился, хотя еще смутнымъ и неопредѣленнымъ, но все-таки существующимъ. Образо-

вался какой-то мучительный пробѣлъ, въ родѣ тѣхъ проваловъ, какіе образуются иногда въ землѣ.

Мысли Мосея были проще и опредѣленнѣе. Онъ нѣсколько разъ встряхивалъ своей головой, вздыхалъ и наконецъ проговорилъ:

— А вѣдь я видѣлъ его, барышня...

— Когда?

— А тутъ какъ-то... Значитъ, у меня въ деревнѣ кумъ, ну, я и сижу у кума, а онъ верхомъ и ѣдетъ. Лошадь у него гнѣдая съ аглицкимъ хвостомъ, сѣдло тоже аглицкое—молодцомъ проѣхалъ. Вся повадка господская. Значитъ, онъ ужъ это не въ первый разъ ѣхалъ-то, а наша барышня въ тѣ поры съ книжкой по саду изволили гулять.

— Какія ты глупости болтаешь!..

Тетя Ната хотѣла еще сказать что-то, но вѣ-время вспомнила, что происходило сорокъ лѣтъ назадъ, и промолчала. Мосей опять тряхнулъ головой, точно отгонялъ надоѣдливую муху.

Старая лошадь скоро выбилась изъ силъ и начала сбавлять шагу. Это ничтожное обстоятельство расхолаживало тетю Нату, потому что ей хотѣлось летѣть съ быстротой вѣтра. Господи, да такъ они никогда не пріѣдутъ... А тутъ еще лопнулъ черезсѣдельникъ, и Мосей долго возился съ перегорѣвшимъ ремнемъ, пока все наладилъ. А время, дорогое время летѣло стрѣлой... Нужно было ловить каждую минуту, а тутъ... а тутъ какая-то гадкая лошадь не хочетъ итти, какой-то гадкій ремень лопается. Тетя Ната чувствовала, какъ у ней закипаютъ безсильныя женскія слезы.

— Мосей, ради Бога, скорѣе...

Мосей дергалъ локтями, билъ хлыстомъ старую клячу, выкрикивалъ какія-то безсмысленныя слова, и результатомъ этихъ героическихъ усилій было то, что экипажъ дѣлалъ быстрѣе всего нѣсколько саженъ.

Только черезъ три часа самаго мучительнаго пути вдали показалась бѣлая сельская церковь. Это было село Пластунка. У тети Наты дрогнуло сердце. Вонъ и барская усадьба на горѣ, а сейчасъ подъ горой прудъ и большой старинный садъ. Когда подъѣхали ближе, оказалось, что садъ и прудъ существовали только въ воображеніи тети Наты по старымъ воспоминаніямъ, а въ дѣйствительности этого уже ничего не было.

— Садъ-то вырубили на дрова,—отвѣтилъ Мосей на недоумѣніе барышни.—А прудъ Павелъ Митричъ выпустили, потому какъ они ссорятся съ крестьянами: не доставайся никому. Ну, вода и ушла...

Барской усадьбы тетя Ната тоже не узнала. Она была съ бѣлыми колоннами и бельведеромъ, а теперь стоялъ какой-то совсѣмъ простой домъ, ободранный и покосившійся. Онъ казался меньше настоящей своей величины рядомъ съ сохранившимися старыми службами. Въ виду усадьбы Мосей пріосанился, какъ и слѣдуетъ человѣку, приготовившемуся встрѣтить жестокій отпоръ. Конечно, не прежняя пора, когда въ Пластунку нагрянули на трехъ тройкахъ, чтобы выручить барышню, а все-таки законъ требуетъ порядка. Этакое вредное мѣсто, эта самая Пластунка... Вотъ когда отрыгнулось!

Въ виду селенія старый изъѣзженный конь прибавилъ шагу, точно и онъ проникся сознаніемъ важности наступавшаго момента. Старинный экипажъ величественно остановился у новыхъ воротъ, поставленныхъ безъ всякихъ затѣй и вычуръ.

— Ты меня подождешь здѣсь, Мосей... Въ случаѣ чего я тебя кликну.

— Слушаю-съ.

Тетя Ната вышла изъ экипажа съ большимъ трудомъ. Ей почему-то

казалось, что ворота должны быть на запорѣ, но въ дѣйствительности они оказались открытыми. На дворѣ тоже никого не было, такъ что она безпрепятственно вошла на новое крылечко и очутилась въ передней. Здѣсь тетя Ната должна была перевести духъ. Ее охватило опять волненіе. Въ пріотворенную дверь налѣво была видна большая свѣтлая комната, совсѣмъ пустая—очевидно, это была гостиная. Направо дверь была притворена. Тетя Ната вошла въ гостиную и осмотрѣлась. Ей прежде всего бросилась въ глаза соломенная темная шляпа, лежавшая на вазочкѣ съ визитными карточками—это была шляпа Сонечки. Тетя Ната опустилась на ближайшій стулъ и въ ужасѣ закрыла глаза. Гдѣ-то скрипнула дверь, и послышались осторожные шаги. Изъ внутренней двери выглянулъ какой-то сѣдой старикъ и остановился. Въ первое мгновеніе тетя Ната не узнала его, но потомъ поднялась и гордо выпрямилась.

— Милостивый государь...

Старикъ сдѣлалъ шагъ впередъ и поднялъ руку, умоляя о молчаніи.

— Милостивый государь, вы знаете, зачѣмъ я явилась въ этотъ домъ...

— Ради Бога, тише, Наталья Осиповна: она спитъ...

— Что-о? Спитъ?..

— Да, да... Такъ чудно спитъ. Идемте ко мнѣ въ кабинетъ и объяснимтесь, какъ слѣдуетъ порядочнымъ людямъ.

„Порядочнымъ людямъ!“—Плечи тети Наты презрительно поднялись, а на лицѣ явилась уничтожающая гримаса.

— Я должна видѣть ее и ни съ кѣмъ не желаю вступать ни въ какіе переговоры...

— А если она спитъ? Ради Бога, не дѣлайте шуму...

Такой неожиданный приступъ совершенно обезоружилъ тетю Нату, и она плохо сознавала, какъ очутилась въ небольшомъ кабинетѣ, грязномъ и безпорядочномъ, какіе бываютъ только у старыхъ холостяковъ. Боже мой, гдѣ она?.. А онъ стоялъ у стола и выжидалъ, когда она успокоится, т.-е. это былъ совсѣмъ не онъ, а неизвѣстный ей старикъ, обрюзгшій старческой полнотой. Охотничья сѣрая куртка сидѣла на немъ мѣшкомъ, окладистая сѣдая борода покрывала всю грудь, голова облысѣла—нѣтъ, онъ не могъ быть такимъ никогда. Да, никогда... Правда, оставались глаза, но и они были обложены такой сѣтью старческихъ морщинъ, что трудно было узнать.

— Я ждалъ васъ, Наталья Осиповна,—заговорилъ онъ, притворяя дверь,—она узнала голосъ и вздрогнула.—Да, ждалъ... Даже хотѣлъ самъ ѣхать, но вы предупредили меня. И, знаете, мнѣ было не совсѣмъ удобно уѣзжать...

— Вы говорите пустяки, и не въ этомъ дѣло... Я пріѣхала за племянницей и увезу ее домой. Да, у нея есть свой домъ... понимаете?.. Конечно, она молода... неопытна... Однимъ словомъ, я не могу допустить... я... вы меня понимаете. Могу удивляться только одному, какъ вы, который говоритъ о порядочности, могли допустить подобную исторію... вы, старый дворянинъ, воспитанный въ извѣстныхъ понятіяхъ?

Старый дворянинъ только развелъ руками и со страхомъ посмотрѣлъ на дверь.

— А самое главное: что онъ такое, этотъ... этотъ негодяй... да, негодяй!..

— Наталья Осиповна...

— Молчите!.. Я знаю больше, чѣмъ вы думаете: онъ—дитя позора, онъ результатъ вашей развратной жизни, человѣкъ, у котораго нѣтъ даже имени... Да, да, да!..

Его сѣдая голова грустно поникла.

— И онъ осмѣлился посягнуть на самое святое... Разбой передъ такимъ поступкомъ ничто. Вы меня понимаете... Этотъ негодяй даже не parvenu, а...

— Позвольте, Наталья Осиповна: Миша мой сынъ...

Она посмотрѣла на него и горько засмѣялась. Сынъ? Да, она имѣла право смѣяться. Сынъ? Очевидно, старикъ выжилъ изъ ума, и она говоритъ съ сумасшедшимъ. Сынъ... Позвольте, вѣдь это самая злая иронія по ея адресу: онъ въ глаза смѣется надъ ней. Да, она смѣялась, смѣялась надъ собой, надъ тѣмъ, что было сорокъ лѣтъ тому назадъ.

— Вамъ остается только добавить, Павелъ Дмитричъ, что онъ и мой сынъ...—неожиданно проговорила она.—Вѣдь вы когда-то навѣки принадлежали мнѣ, слѣдовательно... Это, наконецъ, забавно. Но мы уклонились въ сторону, милостивый государь... Есть извѣстныя традиціи, есть то, что не умираетъ даже послѣ разложенія самой формы, и я выросла именно въ такихъ традиціяхъ и не могу допустить... допустить...

Она подбирала слова, чтобы выразить свою мысль, а онъ отвернулся къ окну, чтобы скрыть непрошенную слезу. Она была безжалостна и задѣла самое больное мѣсто. И, вмѣстѣ, какъ она была жестоко права! Въ этотъ моментъ отворилась дверь, и вошла Сонечка. Она быстро взглянула на старика и однимъ движеніемъ бросилась къ тетѣ Натѣ.

— Тетя... милая... дорогая...

Тетя Ната торжественно отстранила ее одной рукой, торжественно поднялась и торжественно проговорила:

— Въ этомъ вертепѣ намъ не мѣсто разговаривать, милая... Ты, кажется, забыла, что у твоей тети есть свой домъ, который вмѣстѣ и твой. Мы и поговоримъ дома...

— Тетя, милая, всего одну минутку... самую маленькую минутку.

Она, кажется, никогда не была еще такъ красива, какъ въ эту минуту—къ молодому лицу шла даже тревога. Записной красавицей Сонечка никогда не была, но въ ней была „кровь"—въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ. Павелъ Дмитричъ молча взглянулъ на нее и молча вышелъ изъ кабинета.

III.

Наступила долгая пауза. Гдѣ-то тикали невидимые часы. Въ окно глядѣлъ своимъ печальнымъ свѣтомъ сѣрый осенній день. Двѣ женщины собирались съ силами. Надъ ихъ головами невидимо рѣяли далекія тѣни дѣдушекъ и бабушекъ,—вопросъ касался родовой чести. Сонечка смотрѣла на тетю Нату своими прелестными карими глазами, и какая-то смутная нерѣшительность мѣшала ей произнести роковую фразу. Это было послѣднее слово подсудимаго, и дѣдовскія тѣни замерли въ трепетномъ ожиданіи. Онѣ были тутъ, эти тѣни, и ждали.

— Тетя, дорогая... я не вернусь домой, потому что... потому что мой домъ здѣсь.

Тетя Ната посмотрѣла на племянницу какими-то похолодѣвшими глазами и строго сжала губы.

— Дальше...—прошептала она, дѣлая усиліе надъ собой.—Дальше... я хочу знать все.

— Вы знаете, дорогая тетя, что я всегда была послушной дѣвушкой... вы меня очень любили... да... Но есть вещи, которыхъ вы никогда не поймете. Я такъ хочу жить...

Глаза тети Наты обвели голыя стѣны кабинета.

— Это называется: жить? да?..

Сонечка опустилась на колѣни и припала своей русой головкой къ строгой старческой рукѣ.

— Ну, что же дальше?

— Видите, тетя... я много думала...

На Сонечкѣ было простое домашнее платье, которое она надѣвала утромъ. Старушкѣ бросилось въ глаза, что волосы Сонечки были очень тщательно причесаны. И это въ такую минуту... Она могла спать—чего же больше?

— Видите ли, тетя... я васъ очень люблю, очень... но какъ это вамъ сказать? Во-первыхъ, я совсѣмъ бѣдная дѣвушка, а такихъ бѣдныхъ дѣвушекъ никому не нужно... Мое институтское образованіе тоже капиталъ очень скромный. Однимъ словомъ, я долго просидѣла бы у моря и не дождалась бы погоды... Тетя, это просто скучно.

— И это говоришь ты... ты?..

Дѣдовскія тѣни встревожились, потому что въ ихъ время такъ не говорили. Даже и словъ такихъ не было...

— Милая тетя, вы для меня являлись лучшимъ доказательствомъ, что я должна была поступить именно такъ...

— Я?..

— Да, вы, дорогая, милая, единственная, непонимающая... Если бы вы только знали, какъ я васъ люблю... всѣхъ люблю... Мнѣ кажется, что сейчасъ я могла бы сдѣлать счастливыми рѣшительно всѣхъ, весь міръ! Посмотрите, тетя, какая я здоровая... Ахъ, Боже мой, если бы только были слова, которыми я могла бы высказать вамъ все, все, все!..

Тети Ната опустила глаза. Сейчасъ ей видна была только задняя часть Сонечкиной головы, ея крѣпкій затылокъ, окутанный завитками золотистыхъ волосиковъ, сильное молодое плечо, точно забинтованное молодыми мускулами—да, это была идеально здоровая дѣвушка. Правда, немного худощавая, но это былъ послѣдній остатокъ дѣвичества. Это молодое тѣло зацвѣтетъ отъ перваго солнечнаго луча, отъ перваго поцѣлуя... И эта живая красота опять пробудила въ сердцѣ тети Наты жгучее чувство страданія.

— Вы знаете, тетя, я часто думала о васъ, и... и мнѣ дѣлалось ужасно жаль васъ...

— Меня?!..

— Да, да... Вы такая хорошая, ласковая, вы въ десять разъ были красивѣе меня, и если бы.. Однимъ словомъ, я не хотѣла повторить вашу исторію. Простите меня, тетя... Сегодняшній роковой день заставляетъ меня быть откровенной... тѣмъ болѣе, что вы по доброй волѣ никогда не согласились бы со мной. Я въ этомъ убѣждена и очень страдала... Мнѣ было такъ больно огорчать милую, дорогую тетю!

— Довольно объ этомъ...

Опять пауза. Опять тиканье часовъ. Дѣвушка поднялась, съ какой-то тоской посмотрѣла въ окно, быстро обернулась и заговорила твердымъ, увѣреннымъ топомъ:

— Самое больное мѣсто сейчасъ для насъ: онъ... Вы слышали о немъ и, не видя, уже вынесли обвинительный приговоръ. Для васъ, урожденной Веретенниковой, онъ получеловѣкъ, потому что... И это при сознаніи, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, что это общественная несправедливость, что это несчастіе... И, знаете, тетя, меня это поразило съ перваго раза. Мнѣ сдѣлалось такъ жаль его, мнѣ было обидно...

— Было бы гораздо лучше, если бы ты именно этого совсѣмъ не понимала...

— Ахъ, тетя, я знаю только одно, что должна была поступить именно такъ, какъ поступила!.. Это было выше меня, сильнѣе... Онъ не смѣлъ даже показаться вамъ на глаза, зная ваши взгляды. Что же я могла сдѣлать?.. Но вѣдь онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе...

— Значитъ, ты его не любишь, если онъ для тебя, какъ „всѣ другіе“?

Сонечка задумалась и нахмурила брови.

— Люблю ли я его?—повторила она вопросъ.—Я боюсь выговорить именно такое большое слово... Я думаю, что его можно будетъ сказать потомъ, когда будутъ доказательства...

Тетя Ната быстро поднялась и отстранила дѣвушку отъ себя. Она теперь говорила уже не отъ себя, а отъ всего рода.

— Ты сейчасъ сказала самое худшее, что только могла сказать!.. Несчастная... У тебя совсѣмъ нѣтъ сердца!.. Понимаешь ли ты, что можно человѣку простить рѣшительно все, даже... даже преступленіе, если оно было совершено подъ вліяніемъ чувства. Но холодный, гадкій расчетъ... Нѣтъ, ты—выродокъ!.. ты—само несчастіе!..

Если бы тѣни могли говорить, онѣ не сказали бы ничего другого, всѣ эти дѣдушки и бабушки.

— Ты забыла одно, что, если выбросить изъ жизни поэзію, то ничего не останется... Безъ поэзіи нѣтъ жизни, и въ этомъ все несчастіе современнаго бездушнаго поколѣнія. Да, твои предки дѣлали ошибки, бывали несправедливы, даже жестоки, но все это искупалось именно чувствомъ. Ты этого не поймешь, несчастная... Да, поэзія покупалась иногда слишкомъ дорогой цѣной, но она давала смыслъ всей жизни, она ее освѣщала, она, наконецъ, передавалась слѣдующимъ поколѣніямъ, какъ дорогой завѣтъ. Тѣ женщины не давали поцѣлуя нелюбимому человѣку, тѣ женщины умѣли страдать долгіе годы, тѣ женщины находили въ себѣ и мужество и эгоизмъ переносить все, потому что онѣ были не то, что ты...

Эта громовая рѣчь смутила Сонечку. Это дѣвичье лицо вдругъ поблѣднѣло, глаза округлились, въ выраженіи лица появилась страдающая складка—о, какъ онѣ торжествовали, старыя тѣни!..

— Ну, что же ты молчишь?—наступала тетя Ната, чувствуя на своей сторонѣ перевѣсъ.—Да, тебѣ нечего отвѣчать, несчастная...

— Нѣтъ, тетя, есть, но только мы говоримъ о разныхъ вещахъ... То, что въ ваше время называлось любовью, для меня совершенно непонятно и, по-моему, должно называться другимъ именемъ...

— Что-о?!.. Какъ ты сказала?

— Какая же это любовь, которая разбивалась о первую сословную перегородку, о какой-нибудь предразсудокъ, о фамильный деспотизмъ... И всего удивительнѣе то, что вы сами, тетя...

— Что я сама?

— Вы тоже хотите быть деспотомъ...

Для окончательнаго доказательства деспотизма тети Наты, Сонечка бросилась къ ней на шею и залилась слезами.

— Милое мое дитя, тебя ввели въ заблужденіе...—шептала умиленная старушка, цѣлуя дорогую головку.—Тебя обманули, крошка! Но у тебя есть тетя, которая...

Дальше сцена была прервана появившимся въ дверяхъ молодымъ человѣкомъ. Старушка инстинктивно прижала къ себѣ дѣвушку крѣпче, точно

появившійся субъектъ могъ ее вырвать изъ ея объятій, и разсчитанно-громкимъ голосомъ проговорила:

— Да, у тебя есть тетя, которая не... не...

Тетя Ната взглянула на молодого человѣка, и ея руки распустились, точно кто ее оглушилъ. Она какъ-то безпомощно посмотрѣла кругомъ, перевела глаза на молодого человѣка и вся затряслась,—Сонечка это видѣла,—у бѣдной тети Наты тряслись руки, конвульсивно вздрагивали губы.

— Тетя, милая, что съ тобой?—спрашивала дѣвушка.—Миша, воды...

Когда молодой человѣкъ вышелъ, старушка спросила шопотомъ:

— Кто это, крошка?

— Какъ кто, тетя? Онъ, Миша...

— Ахъ, да...

Тетя Ната опустилась на стулъ и, съ трудомъ переведя духъ, прибавила:

— Мнѣ показалось, крошка, что это... Какъ поразительно похожъ онъ на отца!.. Двѣ капли воды... Какой-то двойникъ, привидѣніе...

Старушка даже закрыла глаза. Передъ ней въ послѣдній разъ встало это дорогое прошлое во всемъ блескѣ молодости, мужской красоты и силы. Да, этотъ несчастный былъ красивъ, какъ и отецъ... Тетя Ната совершенно растерялась и никакъ не могла припомнить, что она должна сдѣлать, что сказать. Она успокоилась только тогда, когда со стакановъ воды явился самъ Павелъ Дмитричъ. Тетя Ната опять вернулась къ настоящему, о которомъ говорило это старое лицо, эта сѣдая борода и общій видъ старости.

— Пусть онъ сюда не входитъ,—шепнула тетя Ната, привлекая къ себѣ Сонечку.—Мнѣ страшно... Потомъ я сама переговорю съ нимъ. Да... Онъ долженъ знать, что у тебя есть тетка, которая...

Старушка выпила стаканъ воды и немного успокоилась. Въ кабинетѣ наступила пауза.

— Я не понимаю одного...—заговорила она упавшимъ, обезсилѣвшимъ голосомъ:—Не понимаю, зачѣмъ тебѣ, Сонечка, нужно было именно бѣжать?.. Вѣдь это возмутительно... это ужасно... Ты меня убила, Сонечка!..

— Да вѣдь, тетя, дорогая, милая, вы все-таки деспотъ... Я знаю ваши взгляды, вашъ характеръ... Наконецъ, это поэтичнѣе, тетя!..

Мосей сидѣлъ на козлахъ уже цѣлый часъ и все посматривалъ на окна, ожидая сигнала. Да, барышня задастъ имъ: вонъ какъ поднялась веретенниковская-то кровь! Какъ медвѣдица хорошая—сейчасъ на дыбы... Но время шло, а сигнала все не было. Лошадь дремала, опустивъ голову.

— Этакая старая кожа!—обругалъ ее Мосей.—Ты у меня смотри...

Затѣмъ онъ и самъ задремалъ. Его разбудилъ чей-то молодой голосъ.

— Эй, старичокъ, проснись...

— А... что?..

— Заѣзжай во дворъ. Нужно лошадь покормить...

Взглянувъ на молодого человѣка, Мосей понялъ все. Его бильярдный шаръ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто онъ былъ не на настоящемъ мѣстѣ. „Эхъ, женская ваша слабость... Да развѣ бы въ прежнія времена такъ поступили? Ахъ, барышня, барышня—полная ваша неустойка...“

1893.

ТРАТАТОНЪ.

I.

Нынѣшнее лѣто мнѣ привелось просидѣть въ настоящемъ чухонскомъ дачномъ болотѣ. Почему и какъ я попалъ туда,—трудно сказать. Вѣроятно, и большинство дачниковъ тоже не въ состояніи привести болѣе или менѣе разумныхъ причинъ своего лѣтняго пребыванія въ томъ или другомъ дачномъ уголкѣ, о которомъ обыкновенно мечтаютъ въ теченіе длинной и кислой петербургской зимы. Однимъ словомъ, выражаясь языкомъ полицейскихъ протоколовъ о пожарахъ и самоубійствахъ, „причины остались неизвѣстны".

Итакъ, мнѣ пришлось все лѣто, какъ кулику, просидѣть среди благословеннаго чухонскаго болота. Рядомъ были еще двѣ дачки, гдѣ „отсиживали лѣто" такіе же горемыки. А все-таки лѣто... Кругомъ чахлая болотная сосна, гнилая, изъѣденная лишаями, корявая береза, какая-то обтрепанная, жалкая болотная ель, напрасно вытягивавшая свою вершину къ скупому сѣверному небу и какъ-то безнадежно топорщившая по сторонамъ вѣтви, напоминавшія лохмотья изъ зеленой хвои. Видъ непривлекательный... И такое заэкспированное чахлой растительностью болото разлеглось до самаго Ледовитаго океана, унылое, безнадежное, безъ воспоминаній о счастливомъ прошломъ и безъ малѣйшей надежды на лучшее будущее. Вообще вся Финляндія напоминаетъ старинную выцвѣтшую акварель, а тысячи озеръ смотрятъ на васъ слезящимися старушечьими глазами... Все какъ-то архаично, серьезно, какъ выраженіе лица больного ребенка, и вмѣстѣ полно той строгой наивности, которая наполняетъ каждое движеніе взрослаго сильнаго человѣка.

А спросите финляндца, — онъ не промѣняетъ это корявое, скупо освѣщенное болото ни на какой благословенный уголокъ въ цѣломъ мірѣ. Святая любовь къ родинѣ проявляется здѣсь, можетъ-быть, въ самой убѣдительной и яркой формѣ... И я понимаю этого угрюмаго „насынка природы", который съ такой трогательной нѣжностью относится къ своему родному святому углу. Прибавьте къ этому, что въ лѣсу ржавый мохъ вмѣсто травы, и, главное, нѣтъ тѣхъ безыменныхъ лѣсныхъ птичекъ, которыя своимъ беззаботнымъ щебетаньемъ, тревожнымъ писконъ и незамысловатыми пѣсенками оживляютъ лѣса средней Россіи. И скупое солнце, которое отпускаетъ здѣсь свою животворящую теплоту въ микроскопическихъ, аптекарскихъ дозахъ, и короткое лѣто, и суровая зима съ ея саженными снѣгами, изсушающимъ холодомъ, вьюгами и мятелями,—все сошлось здѣсь въ одну семью. Но эту обиженную Богомъ природу согрѣваетъ любовь тѣхъ, кто пользуется болѣе чѣмъ скромными ея благами. Да, иногда некрасивыхъ женщинъ любятъ больше, чѣмъ записныхъ красавицъ. Если хотите, есть какая-то высшая справедливость,

которая нивеллируетъ и корректируетъ пробѣлы и недочеты естественнаго порядка вещей, точно старается пополнить ошибки и несправедливость собственнаго творчества.

Тянулись скучные и однообразные лѣтніе дни. Конечно, природа—вещь хорошая и сама по себѣ интересная, но лучшей и самой интересной частью этой природы является все-таки человѣкъ. Мои сосѣди вели обычный всѣмъ петербургскимъ дачникамъ образъ жизни, т.-е. мужчины утромъ уѣзжали въ Петербургъ на службу, а вечеромъ возвращались. Дамы вели жизнь затворницъ и въ своихъ дачныхъ стѣнахъ продолжали свои неустанныя женскія дѣла. Мимо дачи утромъ торопливо шли на вокзалъ „дачные мужья“, проѣзжали туда же чухонскія „вейки“, а потомъ проходили разносчики съ разнымъ съѣдобнымъ товаромъ—и больше ничего. Въ теченіе двухъ недѣль невольно выучишь каждое дачное лицо и впередъ знаешь, когда и кто пойдетъ мимо. Вообще никакихъ впечатлѣній.

Разъ утромъ я проснулся довольно рано и услышалъ доносившіеся изъ лѣса мѣрные удары топора. Это уже было цѣлымъ событіемъ въ нашей болотной жизни. Невольно являлись вопросы: кто рубитъ и зачѣмъ рубитъ? Какой смѣлый піонеръ забрался въ эту чухонскую трущобу? Не дожидаясь утренняго чая, я отправился черезъ дорогу въ лѣсъ и еще издали увидѣлъ двигавшееся въ сѣткѣ деревьевъ красное пятно, т.-е. красную кумачную рубаху таинственнаго незнакомца, нарушавшаго мертвый покой нашего лягушатника. Подхожу ближе и вижу высокаго, широкаго въ кости, бородатаго русскаго мужика, который съ какимъ-то ожесточеніемъ хлещетъ топоромъ по чахлой, искривленной березѣ.

— Богъ помочь...

— Милости просимъ...

Таинственный незнакомецъ смотрѣлъ на меня черезъ очки, связанныя веревочкой. Вѣроятно, онъ счелъ нужнымъ изъ вѣжливости улыбаться, и эта добродушная улыбка какъ-то особенно шла къ его богатырской фигурѣ,—вѣдь всѣ слишкомъ сильные физически люди отличаются добродушіемъ. Кромѣ того отъ могучей фигуры незнакомца такъ и пахнуло чѣмъ-то давно знакомымъ и роднымъ, точно мы только недавно разстались. Низкорослые, сморщенные и съ какими-то чахлыми бороденками чухонцы рядомъ съ этимъ богатыремъ казались какими-то медицинскими препаратами, какіе сохраняются на поученіе благодарнаго потомства въ банкахъ со спиртомъ по разнымъ спеціальнымъ музеямъ.

— Расейскій будешь?—спросилъ я.

— Считай подальше, баринъ.

— Изъ Сибири?

— Около того... Про Тобольскую губернію слыхалъ?

— И слыхалъ и живалъ...

— Ну, такъ она самая, матушка... да. Однимъ словомъ: пространство. А только желторотые сибиряки это—опять особь статья, а у меня отецъ, значитъ, былъ Московской губерніи... Значитъ, изъ прежнихъ дворовыхъ... да... За какія качества попалъ онъ въ эту самую немшоную Сибирь,—старикъ-то намъ не сказывалъ. Извѣстное дѣло, не своей волей... Ну, а я вотъ опять въ Расею выворотился, то-есть не въ самую Расею, а къ чухнѣ попалъ.

— Далеконько...

— А ужъ, видно, такъ Богъ велѣлъ... Все отъ Бога. Значитъ, сперва-то я овдовѣлъ, ну, ребята раньше вымерли, а тутъ племянница изъ Питера пишетъ: „Такъ и такъ, дядя, пріѣзжай... Дѣла найдется“. Ну, и разное такое протчее. Ну, я продалъ избенку (неважная была), хламъ разный...

Сибирскій богатырь почесалъ въ затылкѣ и прибавилъ уже другимъ тономъ:

— А вотъ топоръ до сихъ поръ жаль... Самъ-то давалъ за него сорокъ копеекъ, а продалъ на базарѣ за пятачокъ. Хо-орошій былъ топоръ, не чета здѣшнимъ, чухонскимъ. Здѣсь только одно званіе, что топоръ, а взять въ руки нечего...

Богатырь показалъ свой топоръ, презрительно взмахнулъ имъ въ воздухѣ и прибавилъ:

— Вонъ какая бабья орудія... Развѣ такіе топоры-то бываютъ? Ты имъ ударишь по дереву, а онъ отскакиваетъ да еще звонитъ, какъ игрушка. Вотъ какъ жаль своего-то, тобольскаго топора... Не топоръ былъ, а угодникъ. Вѣрно говорю... Слово-то одно: топоръ, а вещь-то даже совсѣмъ кожей наоборотъ выходитъ... Да и то сказать: чухонецъ малоемный народъ, значитъ, безсильный, ну гдѣ же ему управиться съ настоящей-то орудіей. Одно ужъ къ одному: по бабѣ веретено, а по мужику—топоръ.

Между разговоромъ сибирскій богатырь продолжалъ свою работу. Въ каждомъ движеніи чувствовалось то рабочее умѣнье, когда напрасно не расходуется ни малѣйшаго усилія, и невольно кажется, что топоръ какъ-то самъ собой точно липнетъ въ дерево, а столѣтніе пни сами собой съ какимъ-то стариковскимъ покряхтываніемъ выдираются изъ земли. Сибирякъ и разговаривалъ съ ними, какъ съ живыми существами.

— Ну, ну, чего еще держишься-то? Ишь вѣдь, какъ ухватился за землю корневищемъ, точно руками... Другой пень, который помоложе и не успѣлъ еще подгнить, сидитъ въ землѣ, точно зубъ во рту. Однимъ словомъ сказать: прерода.

— Вѣдь это тяжелая работа корчевать пни?

— А работа отъ человѣка... Одному—все тяжело да трудно, а другому—все легко. Все отъ карахтера и отъ сноровки... Заставь-ка меня обѣдню служить, такъ я бы вотъ какъ усталъ съ непривычки.

— А тебя какъ зовутъ?

— Прежде-то Иваномъ Тихонычемъ величали, а по фамиліи — Середонинъ. Отецъ-то у меня писался Мокроносовымъ, а какъ я вышелъ Середонинъ — не могу знать. Ну, Середонинъ такъ Середонинъ... Отъ слова-то не убудетъ и не прибудетъ... Другія фамиліи попадаются прямо обидныя.. У насъ былъ приказникъ на баржѣ Дураковъ... Онъ и у преосвященнаго хлопоталъ, чтобы выдали ему другую фамилію... Ну, ничего не вышло... Да она, другая фамилія-то, и къ лицу иногда подойдетъ... Нашъ-то Дураковъ, дѣйствительно, малымъ дѣломъ дурашливъ былъ. Оно и вышло, что по шерсти волку и кличка... Неси да не потеряй...

Попался какой-то узловатый корень, который никакъ не желалъ вылѣзать изъ земли, несмотря на всѣ усилія обрубить его топоромъ или выворотить ломомъ. Середонинъ остановился и только покрутилъ головой.

— Это, баринъ, дуракъ навязался... да... Ни взадъ ни впередъ, а мѣсто напрасно забимаетъ. И люди такіе бываютъ... Значитъ, въ головѣ-то, въ черепушкѣ, пустымъ-пусто, а словами вотъ какъ привяжется. Не дай Богъ съ такимъ-то пустымъ человѣкомъ связаться... Не отцѣпишься отъ него.

— А ты плавалъ на баржѣ?—спросилъ я.

— А то какъ же?—удивился Середонинъ, точно каждый человѣкъ долженъ плавать на баржѣ.—Можно сказать, всю Обь матушку на баржѣ-то безъ малаго произошелъ... Охъ! и велика только наша матушка Обь... Въ другомъ мѣстѣ разольется, такъ и береговъ не видать. Расейскимъ-то рѣкамъ далеко до Оби... Недаромъ остяки ее святой считаютъ и даже молятся. Извѣстно,

некрести... Каждый пень ему богъ. Пряменько сказать: омморошный народъ... А вотъ что̀ касаемо водки, такъ это вотъ какъ отлично даже понимаетъ. Хлѣба не умѣетъ ѣсть, а водку лакаетъ даже очень превосходно. Можно сказать пряменько, что изъ-за этого своего лакомства и пропадаетъ... Купцы-то спаиваютъ остяка и все у него отбираютъ да и самого по пути въ кабалу возьмутъ. Не выкупиться ему, остяку-то... Ну, онъ съ горя мухоморъ настаиваетъ и пьетъ, пока не одурѣетъ окончательно.

II.

Такимъ образомъ завязалось дачное знакомство. Мой сибирякъ „Трататонъ“ питался всухомятку разной дрянью, запивая свою ѣду болотной водицей, и былъ какъ-то по-дѣтски радъ, когда я началъ ему посылать чего-нибудь горяченькаго: супу, вареной говядины, горячей картошки „въ мундирѣ“, горячаго чаю въ мѣдномъ, походномъ, охотничьемъ чайникѣ, и т. д.

— Первое это дѣло—горяченькаго хлебнуть,—благодарилъ Трататонъ.— Великая въ ёмъ сила, значитъ, въ горячемъ... Такъ по всѣмъ жилкамъ и прокатится, а главное — въ животѣ тепло. Это—первое дѣло, чтобы животъ былъ теплый. Оно хоть и есть поговорка, что, „держи голову въ холодѣ, брюхо—въ голодѣ, а ноги—въ теплѣ“, только это—неправильно. Пленорціи настоящей нѣтъ... Да.

Старикъ любилъ употреблять разныя мудреныя слова и, видимо, гордился этимъ исключительнымъ даромъ, какъ бывалый человѣкъ. Про себя въ прошломъ онъ отзывался таинственной фразой: „Бывали рога въ торгу“...

— У насъ въ Тобольской-то губерніи народъ совсѣмъ отличный отъ расейскихъ,—объяснялъ онъ.—Съ бору да съ сосенки набрались, ну, и всякій по-своему живетъ... Первое дѣло: господъ нѣтъ, значитъ, помѣщиковъ, а всякій промышляетъ въ свою голову. Что̀ наработалъ, то и получилъ...

— А чиновники?

— Чиновникъ-то? Ну, это прежде чиновникъ былъ великъ въ перьяхъ, а теперь его даже и незамѣтно... Даже становыхъ нѣтъ, а засѣдатели. Писаря больше орудуютъ... Тоже вотъ и земство еще не налажено. Кто сжили съ умомъ, такъ вотъ какъ жить можно... Велика матушка Сибирь, всего черезъ край, ну, значитъ, расейской тѣсноты и не знаютъ. Еще столько народу нагнать,—всѣмъ мѣста хватитъ... Вольныхъ мѣстовъ неочерпаемо...

Послѣднее мнѣніе о „неочерпаемомъ“ множествѣ свободной земли въ Сибири идетъ совершенно вразрѣзъ съ изслѣдованіями разныхъ казенныхъ комиссій, которыя въ Сибири свободной земли нигдѣ не нашли...

О своей рѣкѣ Оби старикъ говорилъ съ какой-то особенной нѣжностью, какъ говорятъ о близкомъ, родномъ человѣкѣ.

— Другой-то такой рѣки нигдѣ не сыщешь, — убѣжденно говорилъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ.—Только лиха бѣда, что въ устьѣ-то ее льды запираютъ чуть не цѣлый годъ... По-настоящему-то ей и цѣны нѣтъ, а пропадаетъ, можно сказать, совершенно здря. Такъ, мало-мало рыбой промышляютъ по пескамъ... Песками называютъ тамъ мелкія мѣста, куда рыба икру выходитъ метать... Ну и рыба на этихъ пескахъ... И какая рыба: осетеръ, нельма, стерлядь, моксунъ... Первый сортъ рыба. Глядѣлъ я волжскую рыбу,—ничего не стоитъ. Жиру въ ней нѣтъ настоящаго... А наша обская стерлядь жирная, и жиръ у ней желтый, какъ воскъ. Которые есть настоящіе господа, такъ прямо ее живую ѣдятъ... Лучку покрошишь, перчикомъ ее вспрыснешь, уксусомъ обольешь, — лучше закуски не бываетъ. Она и на вилкѣ-то еще шевелится... Да. Смѣются надо мной, когда здѣсь разсказываю, а потому, что на-

стоящаго, скусу не понимаютъ... Вѣдь икру-то сырую ѣдятъ,—то же самое и выходитъ. Такъ мы этой рыбы цѣлую баржу набьемъ, тыщи три пудовъ надо считать... Рыбка-то укладывается вотъ все одно, какъ полѣнница дровъ. Ну, а придемъ въ Тобольскъ, тамъ ужъ ее и разберутъ по сословіямъ... Богатѣющее дѣло, ежели купецъ съ умомъ...

Трататонъ остановился, почесалъ въ затылкѣ и съ улыбкой прибавилъ:

— А мы Дуракова-то, нашего приказчика, вотъ какъ тогда уважили... Больно лютъ былъ ругаться, и чуть что — сейчасъ въ зубы. Карахтерный мужичонка оказался... Ну, мы его малымъ дѣломъ и поучили. Обвязали веревкой да въ воду и бросили... Онъ за баржой-то у насъ верстовъ съ пять осетромъ плылъ.

Пауза. Трататонъ съ покрякиваньемъ рубитъ глубоко заползшій въ землю смолистый корень.

— Ну, а потомъ-то, что же Дураковъ-то?

— А ничего... Намъ же ведро водки выставилъ, чтобы молчали. Совѣстно тоже... Одинъ паренекъ изъ нашихъ было-проболтался, такъ мы его своимъ средствіемъ поучили... Растянули раба Божія да лычагами *) и вздули. Оно и вышло, что ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами... Когда умнѣе будетъ, намъ же спасибо скажетъ. Попадья Ѳедосья Ивановна вотъ какъ смѣялась, когда я ей разсказалъ.

— Какая попадья?

— А которой я домъ съ мезониномъ строилъ.

— Ты и дома умѣешь строить?

— А то какъ же?.. Не на улицѣ попадьѣ-то жить. Ну, покучилась (попросила), я ей и приспособилъ хоромишку. Она-то миніюрненькая (маленькая) такая, Ѳедосья-то Ивановна, ну, я и домъ такой наладилъ. Потомъ она мнѣ вотъ какое угощенье устроила... Пироговъ это со всякой всячиной налекла, а, какъ на грѣхъ, я въ тѣ поры (тогда) водки трёкнулся... Ну, попадейка меня угощаетъ, а я съѣмъ три пирожка—и конецъ тому дѣлу. Не могу болѣше, хоть расколи брюхо надвое. Очень даже обидѣлась Ѳедосья Ивановна и даже гордостью попрекнула... Извѣстно, женскимъ дѣломъ сердце-то тутъ и есть. Тоже вотъ и племянница у меня: порохъ порохомъ. Никакого терпѣнія не имѣетъ... Все ей сейчасъ вынь да положь, все съ сриву.

Проѣзжавшіе мимо моей дачи чухонцы-извозчики имѣли скромную привычку къ вечеру каждый день напиваться „въ дребезги“. Они останавливались около Трататона и заводили какой-нибудь разговоръ. Старикъ относился къ нимъ свысока и любилъ пошутить. Разговоры велись приблизительно въ такомъ родѣ:

— Озеро-то у васъ есть?—спрашивалъ Трататонъ.

— Озеро-то? Нѣтъ озеро-то...

— Ну, значитъ, рѣка есть?

— Нѣтъ рѣка-то... Одна-то вода стоитъ, другая вода-то бѣжитъ...

— Вотъ-вотъ, это самое... Договорились, слава Богу. Значитъ, рыба есть?

— Рыба-то нѣтъ...

— И щуки нѣтъ?

— Чука-то нѣтъ...

— Ну, можетъ, окуни тамъ, али ерши?

— Нѣтъ ерши-то...

---

*) Лычага—веревка изъ лыка.

— Ахъ, вы, ежовыя головы! Ничего-то у васъ нѣтъ... Раковъ, можетъ, ловите?

— Раки-то? Нѣтъ раки-то...

— А куда же господа съ удочками ходятъ? Каждый день мимо меня идутъ...

— А наша-то рипа ловить...

Трататонъ только качалъ головой, а потомъ объяснилъ мнѣ:

— Это самое чухнò—мудреное... Въ томъ родѣ, какъ наши остяки на Оби. Какъ говорится: ни изъ кузова ни въ кузовъ, какъ козьи рога. Пива съ ними не сваришь... А только чухнò куда похитрѣе остяковъ будетъ... Вонъ у нихъ лошади какія... Меньше ста цѣлковыхъ и цѣны нѣтъ. Извѣстное дѣло, господами кормятся... Повернулся одинъ разъ передъ бариномъ-то, ну, сейчасъ и получай двугривенный въ зубы. Вотъ онъ, чухнò, и сытъ, и пьянъ, и носъ въ табакѣ... А все-таки живетъ справно, потому ему вездѣ прибыль, — и съ барина, и съ земли, и съ дороги.

Съ чухонцами словоохотливый сибирякъ какъ-то не могъ разговориться и отводилъ душу съ бойкимъ разносчикомъ Иваномъ Богданычемъ, который на своей тверской головѣ носилъ чуть не цѣлый фруктовый магазинъ. Можно было только удивляться удивительной выносливости тверской шеи.

— Тяжелая твоя работа, Иванъ Богданычъ,—жалѣлъ Трататонъ.—Поди, вотъ какъ шея-то болитъ...

— Мы люди привычные...—уклончиво отвѣчалъ разносчикъ.—Сначала-то бываетъ даже очень трудно, а потомъ ничего... Шея-то точно вывихнута... Ягода-то еще ничего, а вотъ арбузы донимаютъ...

— Ужъ это извѣстно... Тяжелый онъ, этотъ самый арбузъ.

— Господа очень уважаютъ, ну и потрафляешь. Наше ужъ дѣло такое... Прежде-то я живой рыбой въ Питерѣ торговалъ. Ну, это еще, пожалуй, похуже будетъ... Шайка-то деревянная, тяжелая...

— А что же дома-то? Не у чего жить?

— То-то вотъ и есть, что не у чего... Насъ три брата... Ну, одинъ управляется дома, большакъ, а мы кто чѣмъ промышляемъ. Надо кормиться.

— Вотъ-вотъ... Брюхо-то не зеркало и молча проситъ, какъ неправедный судія. Такъ старинные-то люди сказывали... А зимой-то куда?

— Тоже въ разносъ торгую въ Питерѣ... Изъ-за хлѣба на квасъ...

— Такъ, такъ... Только и квасъ вашъ питерскій разный бываетъ: одинъ—какъ вода, а другой—пожиже воды. Я вотъ тоже на чужой сторонѣ околачиваюсь...

— Неужто у васъ земли въ Сибири мало стало?

— Да какъ тебѣ сказать-то? Кому много, а кому и нѣтъ ничего. По рукамъ она, матушка-землица, разобрана... Вотъ каждое лѣто сколько этихъ переселенцевъ къ намъ въ Сибирь валитъ... Поищутъ, походятъ да назадъ оглобли поворотятъ...

О землѣ Трататонъ говорилъ съ какой-то особенной нѣжностью.

— Конечно, все отъ земли, — разсуждалъ онъ. — Теперь, къ примѣру, случись неурожай... Первымъ дѣломъ всякій красный товаръ станетъ, некому его покупать... И все такое прочее. Попу и тому тяжело приходится... Въ недородъ и то,—кому охота жениться... Вотъ онъ, попъ-то, голодный и распѣваетъ въ пустой церкви. Тоже вотъ война эта самая сколько вѣку унесла... У меня, значитъ, здѣсь племянница въ горничныхъ живетъ... Да... Такъ у ней на войнѣ-то, сказываетъ, трехъ жениховъ убили... Прежде-то женскимъ дѣломъ скрывалась, значитъ, что̀ касаемо жениховъ... Ну, а теперь все одно. Такъ, придетъ это, поскулитъ, поплачетъ бабьимъ дѣломъ, а взять не съ кого...

— Ужъ это что̀ говорить... Война-то во всѣ стороны бьетъ.

— И еще какъ бьетъ-то!.. Племянницѣ-то вотъ какъ обидно на японца...

Поищи-ка теперь четвертаго-то жениха... Не мышь, не поймаешь. Со стороны жаль смотрѣть, какъ бабочка убивается. Дѣло-то еще не старое, пожить хочется, какъ другіе прочіе, а тутъ свѣтъ тебѣ клиномъ...

III.

Наступала осень, и солнце, по картинному выраженію Трататона, „начало задумываться".

— Свѣтитъ-то свѣтитъ, а силы въ ёмъ настоящей нѣту, — объяснялъ онъ.—Все одно, какъ старый человѣкъ. Мудрено сотворено у Господа. Только вотъ мы-то ничего не видимъ... Насъ-то, какъ слѣпыхъ щенковъ, надо прямо рыломъ въ молоко тыкать... Главное: понятія въ насъ настоящаго нѣтъ, значитъ, что̀ и къ чему принадлежитъ. У Бога-то вездѣ порядокъ, а вотъ у насъ въ черепушкѣ (въ головѣ) труха насыпана, особенно ежели который человѣкъ возгордится. Самое это послѣднее въ человѣкѣ дѣло: гордость... да. У насъ такъ-то въ Тобольскѣ одинъ купецъ возгордился. Нѣтъ его лучше,—и конецъ тому дѣлу. Ну, гордился онъ, гордился, а лавка-то съ товаромъ и сгорѣла. Впередъ не гордись... Такой же случай съ чиновникомъ былъ... Этотъ ужъ совсѣмъ превознесся отъ гордости и руки никому не подавалъ... А тутъ ревизія, ну, его и по шапкѣ. Ступай, милый, на всѣ на четыре стороны. Оно ужъ завсегда такъ бываетъ.

Старикъ любилъ пофилософствовать, причемъ постоянно иллюстрировалъ свои мысли живыми примѣрами. Какъ у человѣка бываетъ, недостатка въ матеріалахъ у него не было, хотя выводы и заключенія на основаніи этихъ матеріаловъ получались иногда совсѣмъ оригинальные. Долбитъ-долбитъ Трататонъ какой-нибудь упрямый пень, остановится перевести духъ и проговоритъ свою любимую фразу:

— Главное дѣло: по правдѣ надо жить... да. Ежели бы теперь всѣ человѣки сговорились промежду себя: „Братцы, давайте жить по сущей, истинной правдѣ"... Вѣдь это все одно, что получили бы агромадный капиталъ. Ей-Богу... Дѣла-то, конечно, у всѣхъ разныя, а правда-то матушка для всѣхъ одна... Ужъ это вѣрно!..

Мысль объ этой всеобщей правдѣ засѣла въ головѣ Трататона гвоздемъ, какъ живой результатъ собственнаго жизненнаго опыта.

— Вотъ въ Питерѣ понастроены пятиэтажные дома... А вѣдь хозяинъ-то не будетъ жить во всѣхъ пяти этажахъ. Такъ? Значитъ, все это для корысти сдѣлано... Она, эта самая корысть, съѣдаетъ живого человѣка, какъ ржавчина. И все-то человѣку мало, и все-то онъ завидуетъ, и все-то ему кажется въ чужомъ рту кусокъ великъ. Жаль со стороны глядѣть, какъ жадный-то человѣкъ безпокоится цѣлую жисть. А только онъ одного не подумаетъ: умретъ, и все останется... У меня вотъ, кромѣ своихъ двухъ рукъ, ничего нѣтъ, а я не ропщу. Слава Богу, и жисть прожилъ и свой хлѣбъ ѣлъ... Маленькій кусокъ хлѣба, а все-таки онъ свой...

Да, наступала осень. Къ станціи со всѣхъ сторонъ потянулись воза съ мебелью и разнымъ домашнимъ скарбомъ. Начался перелетъ всякой дачной птицы на зимовку...

Мнѣ какъ-то было особенно жутко разставаться съ Трататономъ. Вѣдь въ другой разъ не встрѣтимся... Онъ проводилъ меня до станціи и проговорилъ на прощанье съ грустью въ голосѣ:

— Гладкой дороги, баринъ...

— Спасибо, Трататонъ.

1906.

У СВЯТЫХЪ МОГИЛОКЪ.

Эскизъ.

I.

Платонъ Шмаровъ, бывшій сибирскій исправникъ, шелъ по узкому степному проселку и отчаянно ругался.

— Подлецы... негодяи... канальи!.. Драть ихъ всѣхъ надо... да. И еще какъ драть... Попали бы ко мнѣ въ лапы, такъ я бы имъ показа-алъ!.. Всю станицу бы перепоролъ... Разговоръ короткій: разъ, два, три—и готово. У меня вся станица запѣла бы пѣтухомъ...

Ругался Шмаровъ какъ-то особенно, точно стрѣлялъ словами, которыя вылетали изъ-подъ щетинистыхъ, желтыхъ отъ табаку усовъ съ сухимъ трескомъ. Иногда онъ останавливался, чтобы перевести духъ, и, оглядываясь кругомъ, грозно спрашивалъ:

— Что-о?!..

Его строгое лицо, изборожденное сѣтью морщинъ, было покрыто бронзовымъ загаромъ. Щетинистая, давно не бритая борода придавала ему какой-то волчій видъ, а сѣрые дѣтскіе глаза точно изъ противорѣчія смотрѣли добродушно и довѣрчиво — все остальное лицо сердилось, а глаза оставались добрыми. Для своихъ лѣтъ старикъ сохранился очень хорошо, и во всей фигурѣ и движеніяхъ чувствовалась николаевская выправка. Ни сборный костюмъ, приспособленный для дороги пѣшкомъ, ни годы, ни старческая сѣдина—ничто не могло вытравить военнаго закала. Помахивая длинной черемуховой палкой, Шмаровъ время отъ времени выкидывалъ разные военные артикулы, припоминая доброе старое время. Котомка за плечами казалась ему ранцемъ, и только смущали панталоны, заправленныя въ сапоги, чего „тогда“ не полагалось. А Платонъ Шмаровъ „замирялъ“ еще Шамиля, маршируя передъ ротой, какъ на парадѣ. Эхъ, все прошло, все миновало...

— Мошенники... жулики... архаровцы!—ругался старикъ, вышагивая солдатскимъ шагомъ.—Гдѣ же ближе-то? Отъ Коноплянской станицы по тракту до Плетешковъ двадцать три версты... такъ? А ближней дорогой на восемь верстъ меньше... Вотъ тебѣ и меньше!.. Три часа иду, а Плетешковъ и не видать. Хорошихъ пятнадцать верстъ отмахалъ... Старый дуракъ, кому нашелъ повѣрить: казачишкамъ. „Тутъ ближе...“ А я и повѣрилъ. Что-о?!.. Дурака свалялъ, а казачишки теперь надо мной же хохочутъ. Нѣтъ, погодите, я вамъ поккажу-у... Антихристы, душегубы, оборотни... Когда обратно поѣду, непремѣнно остановлюсь въ Коноплянской и проберу всѣхъ. Разъ, два, три—и кончено!.. Остолопы, мерзавцы, христопродавцы... ракаліи!..

Настроеніе путешественника какъ-то не соотвѣтствовало ни времени года, ни окружающей обстановкѣ, ни яркому солнечному дню. Кругомъ разстилалась безбрежная Барабинская степь, походившая на яркій восточный коверъ—такъ было много всевозможныхъ цвѣтовъ. Въ густой степной травѣ горячо били перепела, звонко стрекотали кузнечики, а въ воздухѣ точно висѣла замирающая трель невидимыхъ глазомъ жаворонковъ. Отъ травы поднимался тяжелый ароматъ. Надъ цвѣтами кружились пестрыя бабочки. Самый воздухъ, казалось, жужжалъ и гудѣлъ отъ избытка наполнявшей его жизни. Въ вышинѣ мертвыми точками стояли степные ястреба, зорко выглядывавшіе свою добычу. Пыльная степная дорожка, точно посыпанная угольнымъ порошкомъ, колесила изъ стороны въ сторону, такъ что Шмаровъ никакъ не могъ угадать направленія, по которому должны были показаться точно спрятавшіеся отъ него Плетешки. Гдѣ-то въ сторонѣ столбомъ поднимался густой дымъ — можетъ-быть, горѣла какая-нибудь казачья станица, можетъ-быть, занялась огнемъ самая степь.

„Еще изжаришься, какъ заяцъ, — мелькнула въ головѣ Шмарова тревожная мысль.—Прошлогодней сухой травы сколько угодно...“

Онъ начиналъ испытывать усталость. Потомъ хотѣлось пить. Табакъ оставался на самомъ донышкѣ кисета. Однимъ словомъ, все одно къ одному, какъ это случается только съ довѣрчивыми путешественниками. Подъ конецъ Шмаровъ даже ругаться пересталъ, истощивъ весь запасъ ругательныхъ словъ, и шагалъ впередъ по инерціи заведенной машины. Какъ опытный пѣшеходъ, онъ зналъ, что теперь садиться нельзя, а то разомлѣешь и не поднимешься. На его счастье, когда силы уже начинали его оставлять окончательно, впереди обрисовалась, повитая сизоватой дымкой степного марева, какая-то темная масса.

„Плетешки...—подумалъ онъ. — Вотъ бы хорошо молока напиться, а то холоднаго кваску... А ежели это лѣсъ? Ну, какой въ степи лѣсъ...“

Старикъ даже протеръ себѣ глаза, чтобы убѣдиться, ужъ не блазнитъ ли ему. Нѣтъ, темная масса продолжала оставаться на мѣстѣ. Онъ прибавилъ шагу. На глазъ оставалось сдѣлать версты полторы-двѣ, хотя разстояніе въ степи, какъ на водѣ, трудно опредѣлить. Черезъ полчаса Шмаровъ убѣдился, что темная масса—просто рѣдкій березовый лѣсокъ, изъ котораго поднималось до десятка столѣтнихъ сосенъ. Очевидно, тутъ была вода, и Шмаровъ еще прибавилъ шагу. Скоро онъ началъ уже различать отдѣльныя деревья, и ему казалось, что въ воздухѣ уже чувствуется свѣжесть, какую даетъ только одна вода.

— Эге, вотъ такъ штука!..—вслухъ изумлялся Шмаровъ.

Всего удивительнѣе было то, что около лѣса не было видно ни одной крыши или какого-нибудь другого признака жилья. Та же степь кругомъ, зеленая, цвѣтущая, безграничная, какъ море.

— Чье-нибудь имѣнье,—думалъ онъ вслухъ.—На помѣщичью усадьбу похоже. Ни дать ни взять, какъ у насъ въ Тамбовской губерніи.

Когда онъ подошелъ совсѣмъ близко къ таинственному лѣску, оказалось, что онъ стоялъ совершенно одиноко въ степи, на краю обрыва, мимо котораго сочилась въ зеленыхъ зарослякъ безыменная степная рѣчка. Сквозь рѣдкую сѣтку деревьевъ можно было разсмотрѣть и Плетешки, до которыхъ, какъ оказалось, отсюда было рукой подать.

— Вотъ такъ мѣстечко...—думалъ вслухъ Шмаровъ.

Его опытный полицейскій взглядъ сразу открылъ присутствіе человѣка. Этотъ человѣкъ сидѣлъ на корточкахъ въ тѣни березы и что-то такое дѣлалъ,

нагнувшись къ самой землѣ. Можно было подумать, что онъ молится, но неизвѣстный человѣкъ просто пилъ воду, черпая ее пригоршней изъ невиднаго въ травѣ ключика. По полицейской привычкѣ Шмаровъ осторожно подкрался къ нему, схватилъ за плечо и строго проговорилъ:

— Что за человѣкъ?!..

— А мы, значитъ, рязанскіе будемъ... — нѣвуче отвѣтилъ небольшой сгорбленный старичокъ, снимая рассейскую шляпу-гречневикъ.—Значитъ, Рязанской губерніи...

— А паспортъ есть?— еще грознѣе спросилъ Шмаровъ. — Знаемъ мы васъ, Рязанскую губернію...

Старичокъ привѣтливо улыбнулся и полѣзъ за пазуху, откуда вытащилъ свертокъ тряпицъ. Онъ медленно развернулъ ихъ и досталъ нѣсколько свернутыхъ въ трубочку бумагъ. Шмаровъ, присѣвъ на траву, медленно принялся ихъ читать. Тутъ былъ и паспортъ на имя крестьянина Ильи Моисеева Гладкаго, и увольнительное свидѣтельство отъ общества, и какая-то копія съ прошенія земскому начальнику, и даже афиша о престидижитаторѣ Маретти, который извѣщалъ почтенѣйшую публику о своихъ представленіяхъ. Старичокъ слѣдилъ, какъ Шмаровъ читалъ его бумаги, и продолжалъ улыбаться. Господи, сколько народу перечитало эти бумаги, сколько всякаго начальства, а взять нечего—все правильно, комаръ носу не подточитъ. Читая паспортъ, Шмаровъ провѣрялъ примѣты: шестьдесятъ четыре года—есть, лысъ—есть, борода окладистая, сѣдая—есть, глаза сѣрые — есть, на лѣвой рукѣ половина мизинца рублена—есть, особыхъ примѣтъ не имѣетъ.

— Вотъ только ростъ у меня не подходитъ, — объяснялъ старичокъ. — Значитъ, мѣряли-то молодого, а сейчасъ я ужъ въ землю расту. Предѣлъ, значитъ...

— Такъ, такъ...—соглашался Шмаровъ, свертывая бумаги въ трубочку.

— Ужъ будьте безъ сумнѣнія...

— Куда? откуда? зачѣмъ?

— А, значитъ, Силантій...

— Какой Силантій?!.. Паспортъ имѣетъ?

— Вполнѣ обвязанъ... Онъ, Силантій, значитъ, на Алтаѣ и, значитъ, письмо...

— Грамотенъ?

— Куда грамотенъ—ни въ зубъ толкнуть.

— Какъ же онъ писалъ письмо?

— А такого человѣка подыскалъ... Ну, значитъ, и пишетъ.

— Что онъ пишетъ?

— Разное... Все, значитъ, какъ есть, потому человѣкъ обстоятельный и вполнѣ можетъ соотвѣтствовать.

— И ты тоже можешь соотвѣтствовать?

— Тоже вполнѣ, потому какъ отчество меня, значитъ, обдовѣрило... „Надѣемся, говорятъ, на тебя, Мосеичъ“. Вотъ оно какъ...

II.

Шмаровъ прежде всего снялъ котомку и сапоги, а потомъ уже зачерпнулъ изъ ключика воды походнымъ стаканчикомъ и съ жадностью выпилъ благодѣтельную влагу.

— Хорошо...—проговорилъ онъ, обращаясь къ Мосеичу.

— Ужъ на что лучше... Первый сортъ. Ключикъ-то студеный...

Шмаровъ снялъ съ себя поношенный пиджакъ и, разстегнувъ вороть рубашки, долго и тщательно мылся. Мосеичъ обратилъ вниманіе, что онъ очень ужъ фыркаетъ, и рѣшилъ, что „надо полагать: изъ господъ“. Въ тѣни березъ послѣ степного зноя казалось такъ прохладно. Разсѣянный свѣтъ падалъ сверху золотой пылью. Въ травѣ тихо колебались жирныя золотыя пятна, точно они просачивались въ землю. Мѣсто, вообще, было самое уютное, манившее на отдыхъ. Повыше ключика, опушенныя кустами, виднѣлись кучи какихъ-то камней. Шмаровъ обратилъ на нихъ вниманіе и сдѣлалъ опять сердитое лицо.

— Что это такое?—строго спросилъ онъ Мосеича.

— А камни...

— Для чего они здѣсь?

— Кто ихъ знаетъ... Даве въ Плетешкахъ сказывали, будто это святыя могилки. Значитъ, башкырцы раньше здѣсь въ степѣ жили, еще до кыргызовъ, ну, у нихъ свои святые старички были... Вотъ они и похоронены...

— А откуда камней набрали?

— А это у нихъ такой обычай: кто идетъ поклониться могилкамъ, тотъ и несетъ съ собой камень. Въ томъ родѣ, какъ у насъ свѣчи ставятъ...

— Вотъ дураки!—обругался Шмаровъ по адресу неизвѣстныхъ богомольцевъ.—Да тутъ камня за двѣсти верстъ не найдешь... Изволь-ка его тащить.

— А можетъ, у кого грѣхи, ну, значитъ, и тащитъ,—просто объяснилъ Мосеичъ. — Значитъ, какъ у насъ, по обѣщанію... Тоже вотъ у кого лихая болѣсть... значитъ, разное...

Шмаровъ, не торопясь, распаковалъ свою котомку. Сначала онъ разостлалъ на травѣ пестрый ситцевый платокъ, замѣнявшій салфетку, потомъ добылъ завернутые въ бумагу „консервы“, т.-е. вяленую на солнцѣ и твердую, какъ камень, баранину, какую-то вяленую сибирскую рыбу и нѣсколько ломтей пшеничнаго хлѣба.

— Эхъ, кабы котелокъ...—проговорилъ онъ, качая головой.—Сварить бы эту музыку и горяченькаго хлебнуть... А нехорошо съ котелкомъ итти: какъ разъ за непомнящаго родства бродягу примутъ.

Обернувшись къ Мосеичу, онъ строго спросилъ:

— А ты за кого меня принимаешь?..

— Извѣстно, изъ господъ... Вся повадка, значитъ, господская.

— То-то!.. И господа господамъ разница...

— Значитъ, оно, конечно, бываютъ настоящіе господа и, значитъ, господа такъ... одно званье...

— Дуракъ!.. Не нашли, видно, твои деревенскіе кого поглупѣе послать... Да и твой Силантій тоже дуракъ!

„Этакій мудреный баринъ... — думалъ про себя Мосеичъ, улыбаясь. — Этакихъ-то шляющихъ господъ у насъ въ Рязани въ обжорномъ ряду сколько угодно“.

Съ трудомъ прожевывая тоненькіе ломтики баранины, Шмаровъ опять вспомнилъ нанесенную ему обиду казаками Кононлякской станицы и началъ ругаться съ особеннымъ ожесточеніемъ. Онъ перебралъ весь свой лексиконъ и наткнулся на Мосеича:

— И тебя изъ Плетешковъ послали ближнюю дорогой? Ха-ха... Ахъ, старый дуракъ!..

— Ближе, сказываютъ, ну, я и пошелъ...

— Вотъ-вотъ!.. И я также повѣрилъ... Ты какъ придешь въ Коно-

пляпскую, такъ и скажи казачишкамъ, что, молъ, васъ, подлецовъ, исправникъ Платонъ Шмаровъ не забудетъ. Кланяется, молъ, и помнитъ...

При словѣ „исправникъ“ на Мосеича напала оторопь. Онъ хотѣлъ даже встать изъ вѣжливости, но Шмаровъ его остановилъ:

— Сиди, старый чортъ... Прежде я былъ исправникомъ, а теперь отставной козы барабанщикъ... Да. Когда вернусь изъ Петербурга въ Сибирь, ну, тогда другое, и постоишь досыта, а теперь сиди. Да, такъ Силантій-то пишетъ?

— Все описываетъ, ваше высокое благородіе... Значитъ, ужъ онъ все тамъ вызналъ. Земля, пишетъ, овчина овчиной, что̀ касаемо травы—человѣка не видать, земли неочерпаемо, скотина ни по чемъ... Все, значитъ, въ аккуратѣ.

— Такъ, такъ...

— А мы, значитъ, захудали въ Расеѣ... Черезполосица одолѣла, земля выпахана, ренда—приступу нѣтъ, кругомъ начальство... Курицу некуда выпустить. А тамъ приволье... Мы лѣсу-то и не видали, а тамъ лѣсъ-то—въ небо дыра, пишетъ Силантій. Онъ все, значитъ, вызналъ и обозначилъ въ письмѣ... И пчела ведется, и рыбы по рѣчкамъ уйма, и рябчики въ лѣсу — оно при хозяйствѣ-то все пригодится. Силантій-то и присмотрѣлъ въ аккуратъ.

— Такъ, такъ...

— По лѣсу, пишетъ, гриба всякаго, ягоды...

Мосеичъ присѣлъ на колѣнки и откладывалъ открытое Силантіемъ добро по пальцамъ. Его старческое лицо приняло блаженное выраженіе, а глаза блестѣли.

— Такъ, такъ...—повторялъ Шмаровъ, задумчиво расправляя свои щетинистые усы.—Бываетъ... И на Алтаѣ есть хорошія мѣста. Какъ же, слыхалъ...

— Только бы Господь привелъ, ваше высокое благородіе,—умиленно продолжалъ Мосеичъ, — значитъ, дойти дотеда... Мы, значитъ, господскіе были, ну, земли умаленіе, лѣсу ни-ни, скотинкѣ негдѣ пастись. Изъ послѣднихъ силовъ, значитъ, вышли... Не у чего стало жить окончательно. Ну, и порѣшили переселиться въ Сибирь... Послали Силантія, значитъ, умственный онъ мужикъ, смышлястый. Только оно тово...

Мосеичъ при послѣднихъ словахъ заморгалъ глазами и почесалъ въ затылкѣ.

— Ну, что̀ Силантій?—спрашивалъ Шмаровъ.

— Водкой ошибается онъ... Не постоянно, а такъ, временъ, когда на него такой стихъ найдетъ.

— Ну?

— Ну, и тово... У пьянаго-то море по колѣно.

— А стоило бы его отодрать! — задумчиво проговорилъ Шмаровъ. — Вспрыснуть хорошенько... Да въ морду, въ морду! А?

Мосеичъ почесалъ за ухомъ и разсмѣялся.

— Вспрыснуть-то оно можно, ваше высокое благородіе, а морда отмѣнена...

— Что̀-о?!..

Шмаровъ даже соскочилъ и размахнулся жилистымъ костлявымъ кулакомъ, но во̀-время вспомнилъ, что вмѣстѣ съ мордой и онъ тоже отмѣненъ. Эхъ, если бы этотъ Силантій попался ему въ свое время... Растянувшись на травѣ, Шмаровъ проговорилъ уже другимъ тономъ:

— Значитъ, текутъ медовыя рѣки, а на кисельныхъ берегахъ сидитъ вашъ Силантій...

— Около того...

— Ловко!.. Ахъ, вы, идолы... Надуваетъ васъ Силантій, а вы ему вѣрите. Галманы!., Развѣ можно вѣрить пьяному человѣку?

— Нѣтъ, ужъ Силантій вызволитъ... Ужъ онъ все обозначилъ: трава—вò, земля—шуба шубой, вода...

— Ну ладно, пусть будетъ по-вашему. Пріѣдете вы на Алтай, а васъ оттуда по шеямъ. И даже весьма просто... Вѣдь и на Алтаѣ люди живутъ и своей землей не попустятся. Еще Силантію вашему и башку отвернутъ...

— Невозможно, ваше высокое благородіе!—горячо вступился Мосеичъ, растопыривая пальцы, чтобы еще разъ пересчитать по нимъ алтайскія богатства.—Есть у Силантія промашка, это точно, а только онъ ужъ все обмозговалъ въ лучшемъ видѣ... Вы ужъ это напрасно. Какъ же онъ цѣлую-то деревню будетъ обманывать? Тоже и совѣсть у каждаго человѣка полагается...

— Совѣсть?!

Шмаровъ расхохотался и удушливо закашлялся.

— Совѣсть?!..—повторялъ онъ.—Охъ, уморилъ... Совѣсть?!.. Ха-ха... И у Силантія совѣсть?!..

Мосеичъ обиженно замолчалъ. Онъ сидѣлъ на травѣ, обнявъ колѣни руками. Постоянная ругань и хохотъ сибирскаго барина обозлили его. Развѣ господа могутъ что-нибудь понимать, когда имъ говорятъ настоящее? Что въ Расеѣ, что въ Сибири — одна вѣра. Старику начало казаться, что и трава будто не такая зеленая, какъ была давеча, и ключикъ не такой студеный, и солнце не такое свѣтлое и ласковое...

— Ну что, голова малиновая?—спрашивалъ Шмаровъ, когда пароксизмъ смѣха прошелъ.—Бери ложку и хлебай медовую сыту да киселемъ закусывай... Разлюбезное ваше дѣло выходитъ. Ахъ, вы, мохнорылые...

Вмѣсто отвѣта Мосеичъ началъ собирать свою котомку. Онъ встряхивалъ головой и что-то бормоталъ про себя.

— Помѣщиками хотите быть?—приставалъ Шмаровъ, продолжая лежать на травѣ.—Туда же: „морда отмѣнена“... Ахъ, вы, корежина несчастная!.. Да васъ желторотые сибиряки вотъ какъ попужнутъ съ своей-то земли, небо съ овчинку покажется. Тамъ какой народъ, въ Сибири, живетъ: варнакъ на варнакѣ... Съ одной стороны — варнаки, а съ другой—челдоны. Это, значитъ, всѣхъ сибирскихъ мужиковъ челдонами называютъ, да прибавь еще казачишекъ—ихъ кошмой зовутъ. По-вашему—войлокъ, а по-нашему, по-сибирски—кошма...

III.

Когда Мосеичъ началъ прощаться, Шмаровъ его удержалъ и заставилъ опять сѣсть на траву:

— А ты не обижайся, ежовая голова,—говорилъ Шмаровъ, хлопая старика по плечу и подмигивая. — Понимаешь? Въ нѣкоторое время, какъ въ сказкахъ говорится, и я пригожусь... хе-хе!.. И очень просто... Ты замѣтилъ, что я добрый человѣкъ?

— Около этого...

– Вотъ-вотъ! Только не тронь меня... да... Кто за всѣхъ отвѣтитъ? Исправникъ Платонъ Шмаровъ... Ты думаешь, что я шутки шучу? Хе-хе... Нѣтъ, братъ, было да сплыло... Шалишь!.. И никому: ни гу-гу!.. Понимаешь: соорудилъ себѣ котомку, взялъ палку — и былъ таковъ. Думаютъ, что вотъ сбѣсился Шмаровъ, и ты то же, можетъ-быть, думаешь... Ну, да Богъ съ вами, я не злопамятенъ и никому зла не желаю.

Покачавъ головой, Шмаровъ оглядѣлся и прибавилъ вполголоса:

— Вѣдь девять лѣтъ въ отставкѣ... да. Ей-Богу... Что-о?!.. Цѣлыхъ девять лѣтъ... Для другого это, можетъ-быть, наплевать, а я вотъ до чего дошелъ: весь вотъ тутъ, дома ничего не оставилъ. А вѣдь былъ и свой домъ, тройка лошадей... Имѣю открытый характеръ, и всякій у меня былъ и ѣлъ. Много было проѣдено и пропито, не сосчитать... Любилъ угостить, чтобы ничего не жаль. На, жри и чувствуй, каковъ есть человѣкъ Платонъ Шмаровъ. Главное, я всегда любилъ, чтобы свой характеръ уважить, и чтобы всѣ меня любили... По службѣ—гроза, а у себя дома—отецъ. Понимаешь?

— Оно, конечно, тово... случается...

— При моемъ-то характерѣ и вдругъ—пожалуйте въ отставку. Хе-хе... Конечно, глупъ былъ, понадѣялся на себя. Да... Пріятели были, друзья, ну, и прочее въ этакомъ родѣ. Деньжонки тоже были скоплены про черный день... Понимаешь? Что-о?!.. Да, все какъ слѣдуетъ, однимъ словомъ.

— Ужъ это обнакновенно, ежели человѣкъ свихнулся... И у насъ то же самое бываетъ, въ самую точку, ежели который человѣкъ замотался и, напримѣрно, себя потерялъ.

— Молчи, молчи... Понимаешь, какой я дуракъ-то былъ? Девять лѣтъ сижу, проѣдаюсь и жду... Вездѣ прошенія посылаю, хлопочу, обиваю пороги у начальства, надѣюсь вообще... Однимъ словомъ, цѣлыхъ девять лѣтъ дуракъ, и больше ничего. Что было—все и проѣлъ... Все-таки не хочется быть хуже другихъ... Понимаешь?

— Ужъ это извѣстно...

— Вотъ-вотъ... Дошло дѣло до того, что друзья-то пріятели меня же и начали обходить.

— Въ самый разъ, какъ у насъ въ деревнѣ, ежели который человѣкъ потеряетъ себя.

— Молчи, деревянный чортъ! Хуже было: друзья-то пріятели первые и начали изъ меня жилы выматывать. На смѣхъ стали подымать, какъ шута гороховаго... Обидно мнѣ это или нѣтъ? Что-о?!.. На именины не пригласятъ, въ карты сядутъ играть—показывай имъ деньги, а то въ партію не примутъ. Даже, случалось, и кушаньемъ обнесутъ: другимъ подаютъ, а меня мимо да мимо. Ну, я имъ всѣмъ покажу-у...

Мосеичъ опять сдѣлалъ попытку встать, но Шмаровъ его опять удержалъ и грозно спросилъ:

— Что-о?!.. Куда? Паспортъ имѣешь?

— Помилуйте, ваше высокое благородіе...

— Ахъ, да! Ну, не въ этомъ дѣло... Сиди смирно и смотри на меня.

— И то смотрю...

— Молчать, негодяй!.. Не умѣешь смотрѣть въ глаза начальству. Ну, еще посмотри... То-то!.. Что-о?!.. Я утихомирю...

Мосеичъ даже затаилъ дыханіе и только какъ-то по-овечьи заморгалъ глазами. Шмаровъ оглядѣлся кругомъ, взялъ его за плечо и проговорилъ, стараясь сдержать голосъ:

— Я ужъ тебѣ сказалъ, что девять лѣтъ былъ дуракомъ... Такъ?

— Точно такъ...

— Молчи, говорятъ!.. Ну, а потомъ меня и осѣнило... Понимаешь? Лежу это какъ-то ночью, раздумываю про свои дѣла... да... Сколько одной бумаги напрасно извелъ, гербовыхъ марокъ, сколько сапогъ износилъ — не сбить, однимъ словомъ, говорить. А тутъ у меня въ башкѣ искра мелькнула..

— Но-о?

— Вѣрно... Думаю, что̀ я дурака-то валяю, когда у меня, напримѣръ, въ Санктъ-Петербургѣ родная тетка и притомъ эта самая тетка полная генеральша?

— Это ужъ обнакновенно...

— Да, полная генеральша... Выпала она у меня какъ-то изъ головы, а тутъ сразу все и припомнилъ. Сейчасъ же соскочилъ и накаталъ ей письмо. „Такъ и такъ, претерпѣлъ по службѣ и впалъ, можно сказать, въ окончательное ничтожество“. Ну, пишу все-таки съ достоинствомъ... Понимаешь?

— Весьма понимаю... У насъ Силантій вотъ тоже пишетъ...

— Молчи, ради Бога, молчи!

Шмаровъ сталъ на колѣни и началъ разсказывать съ такой торопливостью, точно кто-то могъ прійти и остановить его.

— Да, отправилъ письмо... потомъ заказалъ молебенъ Ивану Воину и началъ ждать. Да, жду мѣсяцъ, жду другой... Что̀-о? Хорошо. Еще отслужилъ молебенъ...

— У насъ такъ-то въ деревнѣ служили молебены, только не Ивану Воину, а соловецкимъ угодникамъ, Зосимѣ и Савватію...

— Хорошо. Жду третій мѣсяцъ отвѣта... Понимаешь? Ну, наконецъ, трахъ! письмо... Распечатываю, а у самого руки трясутся. Пишетъ сама... Говоритъ: „Дѣйствительно, былъ у меня племянникъ, а только я его въ глаза не знаю... Можетъ, говоритъ, вы, милостивый государь, притворяетесь и совсѣмъ не мой племянникъ“. Ну, понятно, женщина, притомъ полная генеральша—что̀ же она другое могла понять? Въ концѣ письма, однако, приписка: „Ежели, говоритъ, вы будете, милостивый государь, въ Санктъ-Петербургѣ, то очень рада буду съ вами познакомиться, чтобы сличить фамильныя черты“. О-го-го... Вотъ оно куда пошло!..

Шмаровъ поднялъ палецъ вверхъ, вытаращилъ глаза и замеръ въ этой позѣ.

— Въ самый разъ, какъ у насъ съ Силантіемъ, — замѣтилъ умиленно Мосеичъ.

— Ну, тутъ, братъ, не вашимъ Силантіемъ пахнетъ... Понимаешь: фамильныя черты... Сдѣлайте милость, сколько угодно, милая тетушка. Что̀-о?! А я-то, дуракъ, сижу тамъ девять лѣтъ, хлопочу, проѣдаюсь, унижаюсь... Какъ пріѣду въ Санктъ-Петербургъ, сейчасъ къ теткѣ: „такъ и такъ, ваше превосходительство, имѣю честь представиться по всей формѣ“. Хе-хе... Вотъ какая штука-то выходитъ!.. А у тетки знакомые — тоже полные генералы... Стоитъ ей сказать одно словечко—хе!.. Понимаешь?

— У насъ Силантій тоже пишетъ...

— Да отстань ты отъ меня съ твоимъ Силантьемъ!.. Дуракъ онъ и пьяница, а тутъ: полная генеральша. Хорошо. Сейчасъ она словечко полному генералу, а полный генералъ, конечно, сейчасъ все пойметъ и скажетъ: „Почему вы, господинъ Шмаровъ, не обратились ко мнѣ раньше?“—„Виноватъ, ваше высокопревосходительство, какъ я смѣлъ утруждать и безпокоить при своемъ такомъ ничтожествѣ...“—„Эхъ, братецъ, напрасно... Старайся“. И сейчасъ этакую записочку въ департаментъ, гдѣ мое дѣло разбирается, а тамъ ужъ у всѣхъ ушки на макушкѣ.—„Пожалуйте, господинъ Шмаровъ... Извините, что немного заставили подождать“. Это девять-то лѣтъ „немного“... Ну, да все равно, только бы устроили все. Получу бумагу и сейчасъ опять въ Сибирь, а тамъ ужъ все, конечно, извѣстно. Друзья-то пріятели вотъ какъ забѣгаютъ... „Ахъ, Платошка, да вѣдь мы, да вѣдь ты...“ А я какъ будто все забылъ, когда меня блюдомъ обносили, и дѣлаю видъ, что тоже радъ... Что̀-о?! А по дорогѣ въ Коноплянскую станицу непремѣнно заѣду и всѣхъ раздѣлаю подъ орѣхъ.

Мосеичъ поддался охватившему Шмарова воодушевленію, снялъ котомку и принялъ позу внимательно слушающаго человѣка. Онъ начиналъ сочувствовать бывшему сибирскому исправнику, видѣвшему сонъ наяву.

— А вѣдь это точно, ваше высокое благородіе, ежели эту самую тетку ухватить за бока... Ужъ эти бабы, дѣйствительно, значитъ, всопче...

— Вотъ что, Рязанская губернія: какъ только Господь меня устроитъ и я вернусь въ Сибирь, ну, того, можетъ, и вамъ помогу чѣмъ-нибудь. Только уговоръ: въ первую голову вашего Силантія выдеру... Ужъ это какъ хотите!

— Что вы, ваше высокое благородіе... Какъ же это возможно? Вѣдь онъ какой человѣкъ, значитъ: вполнѣ можетъ соотвѣтствовать.

— А ежели я его терпѣть ненавижу, вашего Силантія? Что-о?!.. Онъ самъ-то потомъ будетъ меня вотъ какъ благодарить. У меня все просто: разъ, два, три—и готово! А главное: тетка... У нея два каменныхъ пятиэтажныхъ дома въ Санктъ-Петербургѣ, восемь имѣній въ разныхъ губерніяхъ, половина рѣки Невы ей же принадлежитъ, а наслѣдникъ-то, выходитъ, я одинъ... Х-ха!..

Бывшій исправникъ окончательно заврался, заврался до того, что самъ начиналъ вѣрить себѣ. Тетка у него, дѣйствительно, была въ Петербургѣ, но скромно жила на Петербургской сторонѣ, занимая меблированную комнату.

IV.

Возбужденіе, охватившее Шмарова, быстро смѣнилось усталостью. Онъ растянулся на травѣ и проговорилъ:

— Я сосну, братецъ, а ты посиди тутъ...

Мосеичъ повиновался. Его растревожило мнѣніе сибирскаго строгаго исправника о Силантьѣ. А въ самомъ дѣлѣ, ежели, храни Богъ, Силантій того... Однимъ словомъ, надо вызнать все обстоятельно.

Шмаровъ какъ растянулся, такъ сейчасъ же и захрапѣлъ. Зной быстро спалъ, потому что набѣжала шальная грозовая тучка. Когда надъ самой рощей грянулъ ударъ грома, Шмаровъ сѣлъ и проговорилъ спросонья:

— Что-о? Паспортъ имѣешь?.. Куда, откуда, зачѣмъ?

— Да вѣдь это, ваше высокое благородіе, Илья пророкъ,—объяснялъ Мосеичъ, откладывая крупные кресты при каждомъ всполохѣ молніи. — Охъ, Господи, прости насъ, грѣшныхъ...

Ударилъ веселый ливень. Сквозь зеленую листву березъ точно сѣялись свѣтлыя дождевыя капли. Шмаровъ и Мосеичъ перебрались подъ защиту самой большой сосны, гдѣ было совершенно сухо.

— Слава Тебѣ, Господи!—повторялъ Мосеичъ.—Напоилъ Господь землю-матушку...

— Грязно будетъ итти... — соображалъ Шмаровъ, поглядывая на свои изношенные сапоги.

— Что сапоги? Сапоги — пустое... Вонъ какъ травка-то обрадовалась дождичку. Грязь высохнетъ, а по прохладѣ легче будетъ итти вашему высокому благородію...

Они переждали дождь и начали собираться въ путь. Мосеичъ, надѣвъ котомку, нерѣшительно проговорилъ:

— Такъ какъ же, ваше высокое благородіе, насчетъ Силантія то-есть?

— Насчетъ Силантія?

Шмаровъ сдвинулъ строго брови, раскурилъ трубочку и проговорилъ властнымъ исправническимъ тономъ:

— Когда поѣду изъ Санктъ-Петербурга обратно, такъ я все разберу...

1899.

ЦАРЬ ПРИРОДЫ.

Эскизъ.

I.

Яркій солнечный день. На пляжѣ (пляжемъ называется низкій песчаный морской берегъ) обычное оживленіе. По курортному расписанію, отъ 10 до 12 часовъ купаются дамы, отъ 12 до 2—мужчины, а отъ 2 до 5—общее купанье, но обязательно въ костюмахъ. За нарушеніе этихъ правилъ виновные подвергаются такимъ-то и такимъ взысканіямъ, согласно такимъ-то и такимъ статьямъ и параграфамъ такого-то устава о такихъ-то наказаніяхъ. Я не купаюсь, но беру солнечныя ванны, т.-е. долженъ бродить по солнцепеку, что̀ совпадало какъ разъ съ часами общаго купанья. Финскій заливъ не отличается особенными красотами, и описываемое мной мѣстечко раздѣляетъ общую участь. Высокая дюна, покрытая сосновымъ лѣсомъ, устье большой судоходной рѣки, по которой сплавляется съ какой-то лихорадочной поспѣшностью дешевый русскій лѣсъ, нѣсколько иностранныхъ пароходовъ на рейдѣ, старый маякъ на береговомъ откосѣ, а впереди громадный заливъ, уходящій изъ глазъ синѣющимъ полукругомъ. Лично мнѣ нравится это холодное сѣвернее море, отъ котораго вѣетъ еще суровой красотой древнихъ сагъ. Когда-то по нему прошли тысячи скандинавскихъ кораблей, по нему же плыли меченосцы, и этотъ унылый, низкій берегъ служилъ, можетъ-быть, кровавой ареной бурныхъ подвиговъ древнихъ викинговъ и русскихъ витязей. Поработали на славу здѣсь когда-то новгородцы, пока ихъ не смѣнила „московская бородка“, но окончательно разрѣшилъ спорный вопросъ царь Петръ, и дюна осталась за нами.

Въ два часа я обыкновенно возвращался съ своей заказной прогулки и садился отдохнуть гдѣ-нибудь на одной изъ зеленыхъ скамеекъ, разставленныхъ по пляжу. Съ моря всегда дуетъ такой хорошій вѣтерокъ, особенно, когда заиграютъ бѣляки и волны съ шипѣньемъ впиваются въ песчаный берегъ. Въ солнечный день картина купанья очень красива. Берегъ такой ровный, песокъ твердый, и ребятишкамъ раздолье. У меня была любимая скамеечка, которая стояла на границѣ между аристократической частью пляжа, примыкавшей къ богатымъ дачамъ, и демократической, гдѣ на дюнѣ ютились, какъ гнѣзда стрижей, рыбачьи избушки. На моей скамейкѣ былъ, между прочимъ, сторожевой постъ, т.-е. сидѣлъ кривоногій низенькій сторожъ съ мѣдной бляхой на груди и кривой палкой въ рукѣ, являвшейся, кажется, тоже символомъ власти. Онъ всегда имѣлъ какой-то заспанный видъ и любилъ

поворчать, какъ ворчатъ добрые старики. Отъ скуки старикъ иногда почитывалъ какую-то рваную книжку, которую носилъ за пазухой.

Я замѣтилъ, что сторожъ, противъ всякихъ законовъ физіологіи, приходилъ въ хорошее настроеніе въ скверную погоду, когда было холодно и дулъ вѣтеръ, и начиналъ нервничать въ хорошіе солнечные дни. Такъ было и сегодня. Еще подходя къ скамейкѣ, я видѣлъ, что мой пріятель сидѣлъ въ какой-то вызывающей позѣ, готовый ринуться на неизвѣстнаго врага.

— Здравствуй, старина!

— Здравствуйте, баринъ...

— Каково прыгаешь?

— А вотъ... ну, ужъ денекъ задался!..

— А что?

— Измаялся весь...

Лицо сторожа принадлежало къ тѣмъ страннымъ лицамъ, которыя издали кажутся молодыми и только вблизи опредѣляются, какъ извѣстнаго рода живая хронологія. Старость моего знакомаго можно было опредѣлять только по сѣти мелкихъ морщинъ, обложившихъ глаза, и потухшимъ маленькимъ глазкамъ. Сѣдины не было, но это не мѣшало опредѣлить роковое „подъ шестьдесятъ“. Немного разбитая походка и сгорбленная спина дополняли картину.

— Развѣ тебѣ трудно, дѣдка?—замѣтилъ я.—Сиди да смотри—только и работы.

— Мнѣ-то?! Да хуже моей собачьей должности и не придумать... За восемь-то цѣлковыхъ жалованья такого страму напринимаешься, что и не замолить потомъ. Мало ли, кажется, работы переработалъ на вѣку, а вотъ привелъ Господь на старости лѣтъ...

Этотъ ропотъ на судьбу мнѣ казался довольно нелѣпымъ, потому что обязательной работы въ собственномъ смыслѣ было всего около пяти часовъ, да и то какая это работа—сидѣть на морскомъ берегу и смотрѣть, чтобы въ „мужскіе часы“ не стала—конечно, случайно—купаться какая-нибудь разсѣянная или очень близорукая дама, а въ общіе часы—чтобы всѣ были въ костюмахъ.

— Легче твоей работы трудно и придумать,—резюмировалъ я свои мысли.

— Это точно... Одинъ генералъ военный даже завидуетъ мнѣ. „Тебѣ, грить, и помирать не надо“... Веселый такой генералъ... Онъ что дѣлаетъ...

Старикъ снялся со скамейки и, не доканчивая фразы, устремился въ демократическій конецъ, гдѣ купались эстонки и горничныя.

II.

На моихъ глазахъ произошла довольно выразительная сцена. Шагахъ въ двадцати, на бревнѣ, сидѣла спиной ко мнѣ пожилая эстонка безъ всякаго костюма. Съ моей скамейки видна была только широкая, жирная спина. Передъ ней стояли эстонскіе потомки самаго невиннаго возраста, для котораго костюмъ не предусмотрѣнъ самыми строгими правилами, чѣмъ они, очевидно, и пользовались. Мой сторожъ забѣжалъ къ нарушительницѣ порядка en face и, очевидно, краснорѣчиво доказывалъ ей и словами и жестами всю нелегальность ея поведенія. Въ свою очередь, откровенная мать семейства указывала на свою дѣтвору, которую нужно было одѣть и прибрать. Доказательство было налицо, и сторожъ совершенно напрасно выкрикивалъ:

— А „страхъ“ знаешь? А? Съ вашей сестры полагается три цѣлковыхъ

„страху“ за сіверное безобразіе... Кто за тебя должонъ отвѣчать? Я должонъ отвѣчать... Тутъ публика ходитъ, а ты въ какомъ образѣ? Тьфу... Вонъ два офицера идутъ...

Дальнѣйшій діалогъ пошелъ на эстонскомъ языкѣ, причемъ перевѣсъ, очевидно, былъ на сторонѣ отвѣтчицы. Сторожъ, исполняя свои прямыя обязанности, только мѣшалъ ей кончать одѣванье ребятишекъ и тѣмъ самымъ отдалялъ моментъ ея собственнаго приличія. Кончилось тѣмъ, что сторожъ помахалъ своей палкой, выразительно плюнулъ и вернулся на свой постъ.

— Ну, развѣ сговоришь съ бабой?!..—возмущался онъ.—Тутъ офицеры идутъ, а она какъ есть ничего не хочетъ понимать... Это она на зло мнѣ, баринъ, дѣлаетъ. Ей-Богу...

Я пробовалъ ему объяснить излишество его служебной энергіи, вредившее прямо дѣлу купальнаго благочинія, но старикъ уперся на своемъ и упорно не желалъ ничего понимать. Помилуйте, ежели эта самая эстопка прямо, на,—сидитъ голая. Какой же это порядокъ? Общій часъ, а тутъ вдругъ всѣ бабы раздѣнутся. Нашъ разговоръ прервали, потому что старикъ опять вскочилъ и принялъ угрожающую позу. Съ дюны спускалась высокая дѣвушка въ одной рубашкѣ и босая.

— Вотъ она, эта самая Мотька... Самый и есть ядъ!—ругался впередъ старикъ и погрозилъ издали своей палкой.

Мотька съ разбѣгу бросилась въ море и красиво исчезла въ перекатывавшихся черезъ нее волнахъ. Сторожъ стоялъ въ выжидательной позѣ и продолжалъ повторять:

— Это она на зло мнѣ, Мотька эта самая...

— Да вѣдь она въ костюмѣ купается!

— А вотъ увидите... Ну, я ее сегодня „острахую“. Будетъ ей смѣяться надо мной... Мотька служитъ горничной у этого генерала... Глядите, баринъ! Ахъ, безстыдница...

Поднявъ угрожающе палку вверхъ, старикъ полетѣлъ къ тому мѣсту, гдѣ купалась бѣлокурая Мотька. Она, сидя по горло въ водѣ, успѣла снять съ себя рубашку и наслаждалась свободно катившимися по ея молодому тѣлу волнами, причемъ каждый волновой интервалъ обнаруживалъ всю преступность Мотькиной воли.

— Ты это что, безстыдница?!..—кричалъ сторожъ, заходя въ воду по колѣни и продолжая грозить палкой.—Я не посмотрю на тебя, что ты генеральская горничная... Я... я...

Спорить съ безстыдницей при существовавшихъ условіяхъ было трудно, и нырявшая въ волнахъ Мотькина голова отвѣчала только вызывающимъ смѣхомъ.

— А ты у меня только выйди на берегъ, безстыдница!—кричалъ старикъ, хлопая по водѣ палкой.—Я тебѣ покажу... Забыла страхъ-то?.. Три цѣлковыхъ...

Когда старикъ отвернулся, очевидно, желая вызвать сочувствіе публики, Мотька уже оказалась опять въ рубашкѣ и смѣло пошла изъ воды прямо на своего гонителя. Облеченному властью человѣку ничего не оставалось дѣлать, какъ еще разъ плюнуть и вернуться на свой постъ.

— Видѣли, баринъ?—обратился онъ ко мнѣ упавшимъ голосомъ, вытирая лицо платкомъ.—Вотъ каждный разъ такъ-то у меня съ ней битва идетъ... И вѣдь все мнѣ на зло дѣлаетъ! Ну, купайся по закону, какъ барыни купаются, а она что вытворяетъ, безстыдница... Да и баринъ-то такой

же безстыдникъ, хоть и генералъ вполнѣ... Какъ женскій часъ—онъ сейчасъ на берегъ. Ну, сторожихи окружатъ его, у нихъ свистки—въ свистки свистятъ, а онъ только смѣется... Вотъ какой генералъ. А разъ нарядился въ женское платье и идетъ это по берегу. И грѣхъ и смѣхъ. Сторожиха ко мнѣ, ну, а я тутъ въ переулочкѣ караулю мужчинъ, которые съ трубками. Я къ генералу: такъ и такъ, законъ преступаете... А онъ мнѣ: „Вѣдь ты—мужчина, царь природы—и боишься бабъ“... И „страхъ“ заплатилъ.

Помолчавъ немного, сторожъ прибавилъ:

— Хуже моей должности на всемъ свѣтѣ не сыскать. Не должность, а одинъ стрямъ... Я такъ думаю, что это за родительскіе грѣхи Богъ человѣка наказываетъ. А можетъ, и за свои... Когда я былъ подросткомъ, такъ я что, бывало, дѣлалъ: мать посадитъ куницъ на яйца, а я выберу засиженныя яйца и снесу куда-нибудь господамъ на дачу, да и продамъ. Мать-то разъ меня и поймала. Яйца-то еще совсѣмъ теплыя, ну, она меня и прокляла. Сгоряча, конечно, а все-таки оно вотъ когда отрыгнулось...

„Царь природы“ имѣлъ самый скорбный видъ, что уже совсѣмъ не гармонировало ни съ ликующимъ лѣтнимъ днемъ, ни съ этимъ моремъ, пестрѣвшимъ купавшимися женщинами.

1899.

ЧАЙНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Сказка.

I.

Старый сумасшедшій Чангъ опять, по своему обыкновенію, послѣ періода лѣтнихъ дождей, ушелъ въ Манджурію, а старая, полуслѣпая Хунъ-Мы, состоявшая изъ однѣхъ морщинъ, осталась, конечно, дома, т.-е. на своей старой джонкѣ.

— Ты опять придешь съ пустыми руками,—ворчала Хунъ-Мы, когда мужъ уходилъ.—Охъ, эта мнѣ Манджурія... Если бы собрать всѣ деньги, какія ты истратилъ тамъ, и все потерянное рабочее время, то давно можно было бы купить небольшой домикъ въ самомъ Пекинѣ или, по крайней мѣрѣ, выстроить себѣ гдѣ-нибудь на берегу рѣки фанзу. Да, настоящую фанзу, со своимъ огородомъ, садикомъ...

Чангъ обыкновенно не спорилъ съ женой и не обращалъ никакого вниманію на ея ворчаніе, а тутъ вдругъ разсердился до того, что чуть не задохся отъ старческаго кашля.

— Замолчи, старый гнилой пень! Развѣ женщины когда-нибудь что̀ понимали? Если бы я въ прошлый разъ не пролежалъ трехъ недѣль въ лихорадкѣ, такъ у насъ была бы и фанза, и домикъ въ Пекинѣ, и новая джонка... Какъ я могу говорить съ тобой, если ты ничего не понимаешь? Одинъ манджуръ нашелъ же жень-шень и продалъ его за такую кучу золота, какая не помѣстится въ твоей пустой головѣ. У него сейчасъ своя лавка въ Мукденѣ... Отчего же я не могу найти жень-шень, глупая женщина?

— То манджуръ, а то ты...

— Даже никакой разницы нѣтъ, — спорилъ Чангъ, задыхаясь отъ кашля.—Все дѣло въ томъ, что у манджура жена умнѣе, чѣмъ у меня. О, это много значитъ... Если бы мнѣ дать жену манджура, такъ я нашелъ бы два жень-шеня.

Это уже было обидно, и Хунъ-Мы обругала мужа старой кочерыжкой, а потомъ расплакалась, какъ дѣлаютъ женщины всего міра. Если бы у нея былъ другой мужъ... О, она не голодала бы всю жизнь, не дрожала бы по ночамъ отъ холода на своей лодкѣ, не ходила бы въ жалкихъ лохмотьяхъ и умерла бы спокойно на рукахъ у своихъ дѣтей. А теперь, послѣ такой жизни, на кого она походитъ? Осталась одна кожа да кости...

Когда упрямый Чангъ ушелъ, Хунъ-Мы опять плакала. Вѣдь старикъ хотя и упрямъ, но очень добръ и всегда заботился о ней. И теперь оставалъ

ей два мѣшка рису, а съ собой взялъ только нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Какъ онъ, бѣдный, будетъ жить на чужой сторонѣ? Спать придется подъ открытымъ небомъ, питаться кореньями, мокнуть на дождѣ и жариться на солнцѣ. Такая жизнь впору только молодому, а Чангъ старъ. Можетъ заболѣть въ дорогѣ, можетъ попасть въ лапы манджурскаго тигра, или еще того хуже—въ руки страшныхъ разбойниковъ хунхузовъ. Старый Чангъ въ свою очередь тоже жалѣлъ старуху и на прощанье сказалъ ей совсѣмъ ласково:

— Потерпи, Хунъ-Мы, скоро мы разбогатѣемъ... Да, мы долго терпѣли, а отъ бѣдности люди дѣлаются несправедливыми. Богатому человѣку не трудно быть справедливымъ, и мы, когда разбогатѣемъ, не будемъ ссориться. Конечно, я много истратилъ времени, труда и денегъ въ поискахъ жень-шеня, это правда, но вѣдь я не считаю тѣхъ денегъ, которыя ты истратила на курительныя бумажки и палочки изъ благовоннаго дерева для жертвы богамъ...

— Ну, это уже не твое дѣло... Я должна заботиться о своей душѣ.

— Хе-хе... Кому твою душу нужно?—смѣялся развеселившійся Чангъ.—Это тебѣ наговорилъ бонза Ма... Бонзы всѣ хитрые и всѣ обманываютъ насъ, потому что не хотятъ работать. Не работать и жить на счетъ довѣрчивыхъ, глупыхъ людей—ремесло не трудное...

Изъ-за бонзы Ма старики опять чуть не поссорились. У стараго Чанга была дурная привычка дразнить жену этимъ бонзой. Онъ придумывалъ самыя смѣшныя исторіи про него и вообще относился къ нему очень непочтительно.

На джонкѣ жилъ еще третій человѣкъ, горбунъ Чжинъ, безродный сирота, подобранный съ улицы. Этотъ молодой человѣкъ отличался большой молчаливостью, почти никогда не улыбался и всѣмъ завидовалъ.

— Въ немъ сидитъ злой духъ,—объяснялъ бонза Ма.—Всѣ уроды населены злыми духами... Мнѣ не одинъ разъ приходилось знакомиться съ ними.

Горбунъ относился къ своимъ воспитателямъ совсѣмъ равнодушно и никогда не интересовался, куда такъ надолго уходилъ старый Чангъ.

— А если онъ не вернется, старый Чангъ?—говорила ему Хунъ-Мы.

— Что же, будемъ жить и безъ стараго Чанга,—отвѣчалъ Чжинъ.—Другіе живутъ безъ него, и мы проживемъ...

— И тебѣ не будетъ нисколько его жаль, если онъ гдѣ-нибудь умретъ и мы даже не будемъ знать, гдѣ его могила?

— Чего же жалѣть? Въ свое время каждый человѣкъ долженъ умереть... Богдыханы—и тѣ умираютъ.

— Чжинъ, у тебя вмѣсто сердца камень...

— Я не виноватъ, что такимъ родился. Да и мои родители, выбросившіе меня на улицу, не лучше меня.

Чжинъ былъ правъ, и старая Хунъ-Мы только качала головой. Развѣ можно такъ говорить о своихъ родителяхъ?

Когда Чангъ уходилъ, Хунъ-Мы провожала его по берегу рѣки, пока могла итти, а потомъ долго сидѣла на берегу одна и горько плакала. Вѣдь никто-никто не зналъ, какой это добрый и хорошій человѣкъ. Нѣтъ, впрочемъ, зналъ бонза Ма, который зналъ рѣшительно все на свѣтѣ. Сидя на берегу, Хунъ-Мы припоминала всю свою жизнь и тяжело вздыхала. Она родилась вотъ на этой самой рѣкѣ, тамъ, въ верховьяхъ, гдѣ раскинулись бамбуковыя рощи, рисовыя поля и чайныя плантаціи. Она помнила родную фанзу, которая стояла на берегу и въ которой жилъ еще отецъ отца. Старая

бабушка водила ее по крутому, обрывистому берегу и разсказывала старыя сказки о томъ блаженномъ времени, когда всѣ жили хорошо, потому что всѣ уважали предковъ, бонзы усердно молились въ кумирняхъ, а мандарины не брали взятокъ и не обманывали богдыхана.

— Теперь много бѣдныхъ и несчастныхъ людей,—говорила бабушка, причемъ у нея тряслась сѣдая голова, какъ у фарфоровой куклы,—потому что богатые притѣсняютъ всѣхъ, а богдыханъ объ этомъ не знаетъ. Но будетъ время, когда воцарится молодой богдыханъ, который будетъ все знать, и всѣ будутъ счастливы. Мандарины не будутъ брать взятокъ, купцы не будутъ обманывать, богатые не будутъ притѣснять бѣдныхъ, а бонзы будутъ молиться цѣлые дни.

Потомъ, оглянувшись кругомъ, не подслушиваетъ ли кто, бабушка по секрету прибавляла шопотомъ:

— Нашъ теперешній богдыханъ старъ и не понимаетъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, но растетъ молодой богдыханъ, съ которымъ растетъ и счастье всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ. Молодой богдыханъ все устроитъ, и у каждаго китайца будетъ про запасъ горсточка рису...

Бабушка улыбалась, и ея голова тряслась еще сильнѣе, точно она дѣлалась тяжелѣе отъ мыслей о всеобщемъ китайскомъ счастьѣ. Маленькая, черноглазая, хорошенькая Хунъ-Мы вѣрила каждому слову бабушки и часто думала о молодомъ принцѣ, который принесетъ и ея счастье. Когда воцарился молодой богдыханъ и все осталось попрежнему, бабушка никакъ не могла понять, какъ все это случилось.

— Что-нибудь да не такъ,—увѣряла она.—Вѣроятно, настоящаго принца подмѣнили...

Сидя на берегу, старая Хунъ-Мы любила вспоминать о старой бабушкѣ, и ей начинало казаться, что бабушка совсѣмъ не умирала, и что она живетъ въ ней, и что настоящій принцъ, который осчастливитъ всѣхъ китайцевъ, долженъ непремѣнно родиться.

II.

Проводивъ мужа и выплакавшись на берегу, старая Хунъ-Мы обыкновенно отправлялась въ кумирню, чтобы принести жертву добрымъ духамъ и поговорить съ бонзой Ма. Кумирня стояла на берегу рѣки. Когда-то она была очень красива, но безпощадное время разрушало ее день за днемъ.

— Не стало благочестивыхъ людей, которые починяютъ на храмахъ крыши, подновляютъ стѣны и украшаютъ идоловъ,—жаловался бонза Ма и потомъ прибавлялъ:—Но это только пока... Будутъ и благочестивые люди, и у моей кумирни будетъ новая крыша.

Сгорбленный, сухой, какъ скелетъ, бонза Ма кое-какъ перебивался въ своей кельѣ, которая тоже очень нуждалась во вниманіи благочестивыхъ людей, какъ и желудокъ стараго бонзы. Когда его начиналъ мучить голодъ особенно сильно, онъ отправлялся на джонку стараго Чанга, гдѣ всегда находилось что-нибудь съѣстное, конечно, благодаря благочестію старой Хунъ-Мы, приберегавшей лучшіе куски бонзѣ для возстановленія его вѣры въ людей. Горбунъ Чжинь, какъ никто, умѣлъ ловить рыбу, у стараго Чанга можно было найти чашечку рисовой водки, и бонза Ма начиналъ вѣрить въ лучшее будущее. Ему не нравилось только одно, именно, когда онъ и Чанъ садились играть въ кости—выигрывалъ всегда Чанъ и еще смѣялся, припрятывая деньги вѣрнаго слуги боговъ.

Когда въ кумирню приходила старая Хунъ-Мы, бонза ничѣмъ ея не угощалъ, а только старался продать побольше палочекъ изъ благовоннаго дерева и священныхъ бумажекъ. Впрочемъ, бонза Ма считалъ нужнымъ успокаивать старуху и говорилъ:

— Ничего, твой Чангъ вернется, если будешь жечь больше бумажекъ и палочекъ.

— А если не вернется?

— Можетъ-быть, и не вернется. Я знаю нѣсколько такихъ печальныхъ случаевъ... Но Чангъ хитеръ, какъ лисица, и навѣрно вернется.

Иногда, глядя на горевавшую Хунъ-Мы, бонза Ма улыбался и говорилъ:

— Кто бы могъ подумать, что тебя называли Чайнымъ Цвѣткомъ... Помнишь, тамъ, на чайной лодкѣ подъ Пекиномъ?

Это напоминаніе заставляло Хунъ-Мы краснѣть остатками крови, и она только смотрѣла на жестокаго бонзу умоляющими глазами.

— Знаю, знаю, что ты была не виновата... да... Послѣ того, какъ мандаринъ Ли отнялъ у твоего отца фанзу, чтобы увеличить свой садъ, а отца повѣсилъ для примѣра другимъ строптивымъ китайцамъ—тебѣ ничего не оставалось дѣлать, хотя мандаринъ и любилъ тебя цѣлыхъ двѣ недѣли. Въ его дворцѣ завялъ не одинъ прекрасный цвѣтокъ...

Бонзѣ Ма оставалось только прибавить, какъ онъ самъ когда-то заходилъ на чайную барку и даже писалъ стихи въ честь красавицы Чайный Цвѣтокъ, но его воспоминанія на этомъ пунктѣ останавливались, и бонза переводилъ разговоръ на что-нибудь другое. Какъ время-то идетъ, какъ люди кругомъ портятся, и даже земля не даетъ столько рису, какъ бывало прежде. Да, все идетъ къ худшему, и страшно подумать о будущемъ, когда въ людяхъ погаснетъ послѣдняя искра благочестія.

— Напримѣръ, какъ вы живете, т.-е. чѣмъ?—заканчивалъ свою рѣчь хитрый бонза.—У васъ нѣтъ рисовыхъ полей, нѣтъ чайныхъ плантацій, а между тѣмъ я не замѣчалъ, чтобы вы голодали...

— Чжинъ ловитъ рыбу, я плету цыновки,—объясняла Хунъ-Мы.—И Чангъ тоже работаетъ...

— Но только никто не видитъ его работы... Можно подумать, что вы живете какимъ-нибудь воровствомъ. Куда вы пропадаете зимой по цѣлымъ мѣсяцамъ?

— Чангъ любитъ путешествовать...

Бонза Ма смѣялся и качалъ своей головой, а Хунъ-Мы старалась поскорѣе уходить, чтобы не проболтаться.

— Для чего у васъ на джонкѣ живутъ пять черныхъ пѣтуховъ?—допытывался бонза.—Для чего Чжинъ держитъ маленькую обезьяну? О, тутъ что-нибудь кроется, хотя это и не мое дѣло. Я не люблю соваться въ чужія дѣла: это мое правило. Но пѣтухи Чанга не даютъ мнѣ по ночамъ спать, и я буду жаловаться нашему амбаню...

— Это все Чангъ,—оправдывалась Хунъ-Мы.—Онъ говоритъ, что не можетъ жить безъ этихъ пѣтуховъ... И Чжинъ такой же упрямый. Для чего ему обезьяна?

— Такъ, такъ,—поддакивалъ бонза, ехидно улыбаясь.—Совсѣмъ вѣрно, т.-е. я хочу сказать, что хочу вѣрить. Вѣдь каждый хочетъ обмануть выжившаго изъ ума стараго бонзу...

То, что скрывала Хунъ-Мы, составляло строгую семейную тайну. Послѣ того, какъ отецъ Хунъ-Мы былъ повѣшенъ, она сначала попала въ руки

сластолюбиваго мандарина, а оттуда прямо на чайную барку. Она была очень красива, умѣла пѣть, танцовала, и всѣ гости очень любили Чайный Цвѣтокъ. На этой баркѣ она познакомилась съ бонзой Ма, тогда еще молодымъ человѣкомъ, мечтавшимъ добиться званія ученаго мандарина. Здѣсь же она встрѣтила и Чанга, который былъ уличнымъ фокусникомъ и приходилъ на барку потѣшать всегда здѣсь веселую публику. Одинъ изъ лучшихъ его фокусовъ былъ слѣдующій. Онъ выходилъ въ одномъ трико, объяснялъ, что очень простудился, и начиналъ кашлять, причемъ изъ его рта летѣли пухъ и перья. Когда образовывалась цѣлая гора пуха, Чангъ доставалъ изъ ушей и носа до десятка яицъ и бросалъ ихъ въ пухъ, а потомъ взмахивалъ шелковымъ платкомъ, и изъ кучи перьевъ съ неистовымъ крикомъ вылетали пять черныхъ живыхъ пѣтуховъ. Этотъ фокусъ составлялъ его гордость и славу.

Молодые люди полюбили другъ друга, какъ умѣютъ любить только въ молодости, и Чангъ выкралъ Чайный Цвѣтокъ съ барки. Хунъ-Мы сдѣлалась его помощницей, и они вдвоемъ бродили по всему Китаю. Чангъ вездѣ имѣлъ успѣхъ, но не любилъ своего ремесла. Его завѣтной мечтой было скопить столько денегъ, чтобы купить свою фанзу и жить собственнымъ хозяйствомъ. Вѣроятно, такъ бы и было, если бы онъ не помѣшался на мысли разбогатѣть сразу и скопленные тяжелымъ трудомъ гроши не тратилъ на поиски женьшеня. Ремесло уличнаго фокусника оплачивалось очень скудно, Чангъ началъ старѣть и половину года вынужденъ былъ отдыхать на своей джонкѣ. Онъ стыдился своего ремесла, и никто не долженъ былъ знать, что онъ презрѣнный уличный фокусникъ, который ломается для потѣхи праздной толпы.

Такъ шелъ годъ за годомъ. Чангъ и Хунъ-Мы исколесили весь Китай вдоль и поперекъ, „работали“ и въ Тибетѣ, и въ Монголіи, и главнымъ образомъ въ большихъ городахъ, какъ Пекинъ, Тонкинъ, Шанхай. Они частенько голодали и жалѣли только объ одномъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей, которыя могли бы покоить ихъ старость. А кто будетъ молиться за нихъ, когда они умрутъ—это было самое ужасное, и эта мысль особенно убивала Хунъ-Мы. Въ минуту отчаянія она подобрала на улицѣ ребенка, калѣку Чжина, и на немъ сосредоточилось ея неудовлетворенное материнство.

Печальная личная судьба развила въ Хунъ-Мы болѣзненную мечтательность, а безконечное шатаніе по Китаю дало массу матеріала. Хунъ-Мы обо всѣхъ судила по самой себѣ и отъ всего сердца жалѣла каждаго несчастнаго. А сколько такихъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей въ Китаѣ—страшно даже подумать. А вѣдь каждый хотѣлъ быть счастливымъ, каждый старался устроить свою жизнь какъ можно лучше... Когда Хунъ-Мы начинала объ этомъ думать, ей казалось, что она сойдетъ съ ума. Никто не зналъ, какъ ея сердце обливалось кровью, а что можетъ сдѣлать бѣдная китайская старуха? Въ отчаяніи Хунъ-Мы обращалась къ бонзѣ Ма съ вопросомъ, когда же, наконецъ, родится тотъ принцъ, который сдѣлаетъ всѣхъ китайцевъ счастливыми и о которомъ говорила еще ея бабушка.

— Твоя бабушка мало жгла священныхъ бумажекъ,—объяснялъ хитрый старикъ.—И твоя мать тоже... О, нужно сжечь очень-очень много священныхъ бумажекъ!

III.

Горбунъ Чжинъ говорилъ мало, но зато думалъ очень много. Онъ не мечталъ о счастьѣ всего человѣчества, какъ Хунъ-Мы, не желалъ богатства, какъ старый Чангъ, а всѣ его мысли были направлены къ славѣ. Да, про-

славиться во что бы то ни стало, чтобы всѣ знали, что на свѣтѣ существуетъ Чжинъ, горбунъ Чжинъ, и чтобы самъ богдыханъ пожелалъ его видѣть. Богдыханъ такъ и скажетъ:—„Я желаю видѣть горбуна Чжина“... Какъ всѣ мандарины позеленѣютъ отъ злости, придворные потеряютъ аппетитъ отъ зависти, самыя красивыя женщины въ Китаѣ будутъ съ благоговѣніемъ ловить каждый его взглядъ.

Закрывъ глаза, Чжинъ видѣлъ самого себя, какъ онъ на четверенькахъ ползъ къ трону богдыхана, и слышалъ голосъ богдыхана, пріятный, какъ весенній благоухающій вѣтерокъ:

— Горбунъ Чжинъ, проси у меня, чего хочешь...

— Великое свѣтило земли, мнѣ ничего не нужно,—отвѣчалъ Чжинъ, прислушиваясь къ звуку собственныхъ словъ.—Если богдыханъ хочетъ сдѣлать счастливымъ несчастнаго горбуна, то пусть пошлетъ мнѣ со своего стола одну горсточку риса...

Долго и много думалъ горбунъ Чжинъ, какъ и чѣмъ прославиться, пока не разрѣшилъ этого рокового вопроса. Извѣстно, что всѣ великія открытія дѣлались геніальными людьми при помощи самыхъ простыхъ средствъ и непремѣнно случайно. Такъ было и съ горбуномъ Чжипомъ. Какъ оказалось, для славы нужны были слѣдующіе предметы: длинная, очень прочная и эластичная веревка, дюжина яицъ, маленькая обезьянка—и только.

Это открытіе горбунъ Чжинъ сдѣлалъ всего года три назадъ, когда они „работали“ въ Шанхаѣ. Старый Чангъ показывалъ фокусъ со своими черными пѣтухами, а тысячная толпа уличныхъ зѣвакъ галдѣла, какъ громадное осиное гнѣздо, по которому ударили палкой. Чжинъ всегда презиралъ эту глупую толпу, которая хохочетъ и удивляется глупымъ фокусамъ стараго Чанга. Онъ прислушивался къ галдѣнію этой толпы и ничего, кромѣ глупостей, никогда не слыхалъ. Только въ Шанхаѣ ему пришлось подслушать довольно интересный разговоръ. Говорилъ, собственно, одинъ человѣкъ, одѣтый не по-китайски, съ бронзовымъ, точно отполированнымъ тѣломъ и горящими, круглыми, большими черными глазами. Этотъ иностранецъ бранилъ стараго Чанга, вмѣстѣ съ его пѣтухами.

— Развѣ это фокусъ? Развѣ такіе бываютъ фокусы? Вотъ я видѣлъ въ Индіи два настоящихъ фокуса... Въ одномъ храмѣ при мнѣ танцовала баядерка, и во время танцевъ двѣнадцать яицъ кружились около ея головы на одной высотѣ, образуя вѣнокъ. Да... А потомъ я видѣлъ на берегу священнаго Ганга одного дервиша, который бралъ клубокъ изъ тонкой веревки, подбрасывалъ его на воздухъ и начиналъ крутить, дѣлая круги все меньше, пока клубокъ не поднимался совсѣмъ вверхъ. Тогда по веревкѣ поднималась на клубокъ маленькая обезьянка...

Чжину сдѣлалось даже страшно, точно ему въ видѣ странника сама судьба указывала прямой путь къ славѣ. О, онъ всему выучится... Всѣ будутъ знать горбуна Чжина. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ онъ упорно работалъ надъ этими двумя индѣйскими фокусами, и первый ему почти совсѣмъ удавался, хотя онъ пока танцовалъ только съ деревянными яйцами. Но фокусъ съ веревкой доводилъ его до отчаянія. Горбунъ никакъ не могъ добиться, чтобы клубокъ поднялся въ совершенно вертикальномъ положеніи. Клубокъ поднимался вверхъ до извѣстной высоты, образуя все меньшіе и меньшіе круги, но до вертикальной линіи было далеко. Обезьянка тоже доставляла Чжину немало огорченій, потому что совсѣмъ не желала взбираться по кружившейся веревкѣ, постоянно падала и отчаянно кричала.

— Нѣтъ, я добьюсь своего,—уговаривалъ упрямый горбунъ самого себя.— Еще немного поработать—и слава будетъ твоя, Чжинъ. Ничего даромъ не дается...

Старый Чанъ иногда наблюдалъ, какъ работаетъ горбунъ, и молча его одобрялъ. Да, хорошій выйдетъ фокусникъ со временемъ, хотя и не добьется, чтобы клубокъ поднялся кверху совершенно прямо. Горбуну онъ, конечно, ничего не говорилъ, чтобы напрасно его не огорчать. Пусть его работаетъ, до чего-нибудь добьется. И фокусы не даются даромъ... Въ свое время онъ тоже достаточно поработалъ.

Чжинъ былъ всегда радъ, когда старый Чанъ уходилъ въ Манджурію, потому что не любилъ его наблюдающихъ глазъ. Но на этотъ разъ ему не пришлось поработать вволю, что было особенно обидно, потому что дѣло у него шло на ладъ. Еще бы немного поработать—и все было бы готово. Нужно же было этому старому дураку помѣшать въ самый интересный моментъ...

Чанъ вернулся домой ночью, измученный, усталый, весь въ лохмотьяхъ, точно его рвали бѣшеныя собаки, но улыбающійся и счастливый.

— Радуйся, старуха,—шепнулъ онъ женѣ, хлопая себя по отдувшейся пазухѣ.—Только никому ничего не говори...

— Ты нашелъ жень-шень?! —изумилась Хунъ-Мы.

— Тсс...—запищалъ Чанъ, какъ старый гусь, закрывая ротъ Хунъ-Мы рукой.—И не одинъ корень, а цѣлыхъ три... Знаешь, какъ онъ растетъ: стебель узловатый, въ локоть высоты, иногда больше, на верхушкѣ сидятъ кружкомъ четыре листа,—листья лапчатые... немножко зубчатые... сверху темно-красный цвѣтокъ... да... Сколько я его искалъ... Даже во снѣ видѣлъ не одинъ разъ. И наконецъ...

Старая Хунъ-Мы заплакала отъ радости, и мелкія старческія слезы катились по ея морщинамъ, какъ льется вода по канавамъ на обожженныхъ солнцемъ рисовыхъ поляхъ.

Свою драгоцѣнную находку Чанъ показалъ женѣ только на другой день. Три разной величины корня были завернуты въ разныя тряпки и широкіе листья травы. Сами по себѣ они рѣшительно ничего особеннаго собой не представляли, и старая Хунъ-Мы про себя удивлялась, что богатые люди платятъ за нихъ такія бѣшеныя деньги.

— Хе-хе... Въ этихъ корешкахъ притаилось величайшее счастье, какое только доступно человѣку,—объяснялъ старый Чанъ, прижимая корни къ своей груди—да, въ нихъ секретъ молодости... Мы ищемъ настоящую молодость изнашиваемъ, не замѣчая, какъ не замѣчаемъ своего здоровья, а эти корни даютъ вторую молодость, когда человѣкъ умѣетъ ею воспользоваться. О, богатые люди умѣютъ пожить... А деньги самое пустое дѣло. Если бы я былъ богатымъ человѣкомъ, то постоянно покупалъ бы себѣ молодость.

Старики не замѣтили, какъ неслышными шагами подошелъ къ нимъ хитрый бонза Ма и засмѣялся какимъ-то высохшимъ смѣхомъ. Чанъ хотѣлъ спрятать свое сокровище, но было уже поздно.

— Рано ты обрадовался, Чанъ,—говорилъ бонза, продолжая смѣяться.— Если бы это были настоящіе корни жень-шеня, я донесъ бы объ этомъ амбаню, и онъ бы струбилъ тебѣ твою глупую голову. Да... Развѣ ты не знаешь, что всѣ корни жень-шеня принадлежатъ одному богдыхану? Но, на твое счастье, это совсѣмъ не жень-шень, а просто трава...

Бѣдный старый Чанъ такъ и обомлѣлъ, точно его кто ударилъ ножомъ прямо въ сердце, а потомъ вдругъ дико захохоталъ. О, его не проведутъ: вѣдь всѣ бонзы на свѣтѣ врутъ...

IV.

Бонза Ма заболѣлъ. Да, и бонзы бываютъ больны... Собственно, опредѣленной болѣзни не было, а такъ, общая старческая слабость, потому что старикъ разлагался заживо. Главнымъ образомъ онъ страдалъ отъ безсонницы, когда его начинали мучить галлюцинаціи. Днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, мысли успокаивались и дѣлались ясными, а ночью онѣ превращались въ какой-то бѣшеный потокъ. Ахъ, какъ страдалъ и мучился бонза Ма... Весь Китай спалъ, а бѣдный старикъ мучился за всѣхъ и по тысячѣ разъ переживалъ всю свою жизнь. Онъ вѣрилъ въ своихъ добрыхъ и злыхъ боговъ, вѣрилъ въ души предковъ и не боялся смерти—и все-таки ему было невыносимо тяжело.

Думая о смерти и вспоминая, какъ всѣ другіе ея боятся, бонза Ма даже смѣялся.

— Вѣдь каждый китаецъ когда-нибудь долженъ умереть — чего же бояться?—думалъ онъ вслухъ.—И этого мало... Каждый день, ложась спать, развѣ я не умиралъ до слѣдующаго утра? Когда я смотрѣлъ молодыми, жадными, безумными глазами на красивыхъ женщинъ—развѣ я не умиралъ? Сладкое безуміе любви—развѣ не смерть, какъ всякое сумасшествіе? А каждый обманъ, каждая несправедливость, каждая фальшивая улыбка—развѣ не смерть? Вся наша жизнь одна иллюзія, длящійся самообманъ...

Келья бонзы была устроена въ стѣнѣ кумирни и отдѣлялась отъ алтаря, гдѣ стояли боги, всего одной полупрозрачной цыновкой. Сейчасъ цыновка была приподнята, и бонза могъ видѣть своихъ любимыхъ боговъ. Тутъ были и Аволокитесвара (владыка міра), и Амитабга (богъ небеснаго свѣта), и Шинъ-Хуанъ (покровитель Китая), и Дзи-Вей-Ди-Кюнъ (распредѣлитель счастья), и Фо-Текъ (богъ веселья), и Куо-Нинъ (богиня домашняго очага), и Фу-Цзинь (богиня безплодныхъ женщинъ) и т. д. и т. д. Всѣ эти боги и богини, какъ казалось больному бонзѣ, смотрѣли на него съ глубокой скорбью. Кто будетъ приносить имъ жертвы и жечь священныя палочки и бумажки, когда бонза Ма умретъ?

Что было—утро, вечеръ, день или ночь, когда бонза Ма очнулся отъ своего тяжелаго забытья—онъ не могъ сказать. Онъ чувствовалъ только одно, что въ кумирнѣ есть живой человѣкъ. Когда онъ открылъ свои отяжелѣвшія вѣки, то чуть не крикнулъ отъ ужаса: передъ нимъ стояла сама смерть... Бонза Ма видѣлъ ее въ первый разъ и чувствовалъ, какъ его сердце перестаетъ биться. А смерть стояла надъ его изголовьемъ, вся бѣлая, съ изрытымъ глубокими морщинами лицомъ, сквозь которыя можно было разсмотрѣть лицевыя кости, и... улыбалась. Послѣднее было всего ужаснѣе. А когда она подняла свою костлявую руку, бонза Ма вскрикнулъ отъ ужаса.

— Не бойся, это—я, Хунъ-Мы,—отвѣтилъ на его крикъ старческій знакомый голосъ, и ужасное, совсѣмъ мертвое лицо улыбнулось кокетливой улыбкой.—Ты меня не узналъ?

— Что съ тобой сдѣлалось?—въ ужасѣ шепталъ бонза, приподнимаясь на локоть.—У тебя вмѣсто лица какая-то маска...

Въ отвѣтъ Хунъ-Мы засмѣялась хриплымъ старушечьимъ смѣхомъ, присѣла къ нему на постель и проговорила:

— Я была увѣрена, что ты меня не узнаешь... Такъ и должно было быть. Я вѣдь опять Чайный Цвѣтокъ...

— Понимаю: ты накрасила себѣ все лицо...

— А когда я жила на чайной баркѣ, развѣ я не красила себѣ и лицо, и брови, и губы, и рѣсницы? Всѣ хорошенькія и молодыя женщины должны краситься, если желаютъ понравиться мужчинѣ... Развѣ ты забылъ, какъ писалъ мнѣ, когда я была раскрашена, какъ кукла, свои любовные стихи?

Бонза Ма въ ужасѣ закрылъ глаза и тяжело застоналъ, точно каждое слово Хунъ-Мы падало на его сердце тяжелымъ камнемъ. А живая ужасная маска продолжала кокетливо улыбаться и говорила:

— Все дѣло въ томъ, бонза, что я украла у Чанга одинъ изъ трехъ корней... Да, украла, потихоньку украла, потому что, когда я у него просила—онъ не далъ. Я съѣла цѣлый корень и помолодѣла, какъ видишь, до того, что ты даже не узналъ меня...

Бонза Ма опять застоналъ, закрывая глаза.

— Да вѣдь я это сдѣлала не для себя, бонза,—оправдывалась Хунъ-Мы.—Я желала помолодѣть для другихъ... для всѣхъ... О, я теперь сумѣю воспользоваться своей молодостью, не такъ, какъ тогда, въ первый разъ, когда попала въ руки нашего добраго мандарина. Положимъ, онъ повѣсилъ моего отца, но все-таки любилъ меня цѣлыхъ двѣ недѣли, а это для настоящаго мандарина слишкомъ много... Я была глупа и ничего не понимала. Зато теперь... о, какъ я умѣю любить, и какъ будетъ счастливъ тотъ, которому я подарю свою молодость, красоту и первыя ласки.

Для бонзы Ма было ясно теперь, какъ день, что сумасшедшій Чангъ вмѣсто жень-шеня принесъ корни дурмана, и что старая Хунъ-Мы, съѣвъ одинъ изъ нихъ, сошла съ ума.

— А я къ тебѣ съ большой просьбой...—продолжала Хунъ-Мы, наклоняя свое ужасное лицо къ самому лицу бонзы.—Обѣщай мнѣ во имя тѣхъ счастливыхъ минутъ, какія я тебѣ дарила тамъ... тогда на чайной баркѣ..

— Что тебѣ нужно, сумасшедшая?

— О, очень немного... Молодой, красивой и невинной дѣвушкѣ неудобно отправляться одной въ Пекинъ, гдѣ такъ много добрыхъ мандариновъ. Понимаешь? Ты меня проводишь туда, а ужъ тамъ я сама сдѣлаюсь женой богдыхана, который такъ любитъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, и рожу того принца, который сдѣлаетъ всѣхъ китайцевъ счастливыми...

— Ты сошла съ ума, Хунъ-Мы,—уговаривалъ ее старый бонза.—Да, сошла...

— И не думала... Это ты сошелъ съ ума, потому что не можешь понять такой простой вещи...

Теперь ужъ бонза Ма засмѣялся надъ сумасшедшей старухой, которая вообразила себя молодой красавицей.

— Ты всю жизнь, какъ твоя мать и бабушка, вѣрила въ принца... да... А я дѣлалъ видъ, что соглашаюсь съ тобой. Я обманывалъ тебя, какъ обманывалъ всѣхъ другихъ... да... Міромъ управляютъ не принцы и богдыханы, а покойники, которые мирно лежатъ сейчасъ въ своихъ могилахъ. Намъ только кажется, что мы все дѣлаемъ, какъ того желаемъ, а въ дѣйствительности только исполняемъ строго волю этихъ покойниковъ. Они намъ дали нашихъ боговъ, наши законы, обычаи, нравы и порядокъ каждаго нашего дня отъ рожденія до смерти... Добрые покойники оставили намъ добро, злые покойники—зло... Чтобы добро окончательно побѣдило зло, нужно много-много хорошихъ, добрыхъ, великодушныхъ и смѣлыхъ покойниковъ. Въ этомъ весь секретъ нашей жизни...

1900.

ЧИТАТЕЛЬ.

Этюдъ.

I.

Русская читающая публика хорошо помнитъ вырвавшійся у величайшаго русскаго сатирика крикъ: „нѣтъ у насъ читателя“... Дѣйствительно, это былъ крикъ, крикъ человѣка, извѣрившагося въ самомъ дорогомъ для него, а въ результатѣ оставалось сознаніе работы въ беззвучномъ пространствѣ, какъ вертится маховое колесо, не соединенное приводами и передаточными аппаратами съ десятками и сотнями тѣхъ механизмовъ, которые оно должно было приводить въ движеніе. Картина получается самая печальная и безотрадная: маховое колесо вертится само по себѣ, а механизмы стоятъ безъ движенія сами по себѣ. Тутъ есть отъ чего прійти въ отчаяніе. Но такъ ли это? Слишкомъ обособленная жизнь столицъ создаетъ свои точки зрѣнія, и мы позволяемъ себѣ взглянуть на дѣло изъ своего „сибирскаго далека“, не вдаваясь въ обобщенія и выводы. Именно здѣсь намъ хочется привести одинъ жизненный фактъ, который пусть самъ говоритъ за себя.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я проживалъ на одномъ изъ самыхъ глухихъ уральскихъ заводовъ, точно спрятавшемся въ отрогахъ западнаго склона, гдѣ бойкая горная рѣка Чусовая проложила свой извилистый и глубокій путь. Небольшая рѣчонка Костянка вливалась въ Чусовую съ правой стороны; въ ея верховьяхъ лѣтъ сто тому назадъ вода была запружена и построенъ небольшой желѣзодѣлательный Верхъ-Костянскій заводъ. Заводское населеніе было православное только наполовину, а вторую половину составляли „кержаки“, какъ на Уралѣ называютъ раскольниковъ. Противораскольничья миссія старалась обратить кержаковъ въ лоно православной церкви больше ста лѣтъ, и единственнымъ плодомъ ея усилій являлась ветхая единовѣрческая часовня, стоявшая на берегу пруда. Единовѣрческій приходъ былъ самый жалкій, и въ Костянскій заводъ посылали священниковъ самыхъ бѣдныхъ или произведенныхъ въ санъ изъ дьяконовъ. При мнѣ ихъ перемѣнилось нѣсколько, потому что при первомъ удобномъ случаѣ такой священникъ старался уйти изъ Костянскаго завода — мѣсто бѣднѣе трудно было придумать. Но это не мѣшало при костянской единовѣрческой часовнѣ оставаться все одному и тому же дьячку, который служилъ здѣсь лѣтъ двадцать. Понятно, что онъ не могъ существовать однимъ доходами отъ часовни и добывалъ средства другимъ путемъ, именно небольшой торговлей, а главнымъ образомъ кирпичнымъ ремесломъ.

Мнѣ какъ-то даже неловко назвать Якова Семеныча дѣячкомъ, потому что съ этой кличкой неразрывно связано понятіе послѣдней степени человѣческаго униженія, негодности и самаго жалкаго существованія. Даже наружность „дѣячка“ получила трафаретныя особенности, хотя въ данномъ случаѣ это было наоборотъ: Яковъ Семенычъ имѣлъ самую представительную фигуру, окладистую сѣдую бороду и такое умное, широкое лицо. Одѣвался онъ въ подрясникъ, носилъ широкополую поповскую шляпу и ходилъ всегда съ посошкомъ въ рукѣ. Цѣлая коллекція такихъ посошковъ чинно стояла въ уголкѣ передней его уютнаго домика. Съ одной стороны, извѣстная матеріальная обезпеченность, а съ другой — личныя достоинства Якова Семеныча дѣлали его однимъ изъ самыхъ почетныхъ лицъ въ заводѣ. Онъ сумѣлъ создать себѣ совершенно независимое положеніе и жилъ полной чашей въ кругу большой семьи, состоявшей изъ красивой старушки-жены, двухъ женатыхъ сыновей и немолодой дочери, оставшейся Христовой невѣстой. Въ семьѣ царилъ самый патріархальный порядокъ, начиная съ именъ: старушку-жену Яковъ Семенычъ называлъ Сашей, старшаго сына, отца многочисленнаго семейства, Мишей и т. д. Домикъ былъ небольшой, но онъ такъ уютно глядѣлъ на улицу своими узенькими окошками, и подъ его высокой старой кровлей жилось совсѣмъ не дурно. Всякое дѣло семья управляла своими средствами.

Я любилъ бывать въ этомъ домикѣ, гдѣ все дышало такимъ трудовымъ достаткомъ и совсѣмъ не чувствовалось судорожной торопливости городского существованія. Всякій у своего дѣла, и никто не боится за завтрашній день. Тонъ всей жизни задавалъ, конечно, Яковъ Семенычъ, живой патріархомъ. Но въ этой обстановкѣ было и еще одно обстоятельство, которое придавало ей своеобразную окраску и глубокій внутренній смыслъ: Яковъ Семенычъ былъ читателемъ... Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ изъ года въ годъ выписывалъ какія-нибудь „вѣдомости“, главнымъ образомъ „Сынъ Отечества“. Почта ходила неаккуратно, съ оказіей, и нужно было видѣть радость старика, когда онъ въ заводской конторѣ или въ волости получалъ книгу еще не распечатанныхъ номеровъ.

— Какъ-то на бѣломъ свѣтѣ добрые люди живутъ? — неизмѣнно повторялъ онъ, надѣвая старинныя круглыя очки въ серебряной оправѣ.

Каждая почта составляла праздникъ, и Яковъ Семенычъ залпомъ прочитывалъ всѣ „вѣдомости“ отъ первой буквы до послѣдней. Присядетъ къ окошечку и читаетъ. Слабѣвшее зрѣніе немало огорчало старика, но онъ забывалъ все на свѣтѣ, погружаясь въ далекій міръ. Меня лично интересовало то, что Яковъ Семенычъ интересовался не газетными сплетнями, убійствами или скандалами, а исключительно общественной и политической жизнью: какъ-то тамъ, въ Европѣ живутъ и какъ у насъ. Эта была опредѣленная и ясная точка зрѣнія, головой выдѣлявшая Якова Семеныча изъ безразличной массы другой провинціальной читающей публики; въ немъ была общественная жилка и сказывался глубокій интересъ къ широкой и политической жизни. Послѣ слабѣвшаго зрѣнія старика немало огорчало все возраставшее обиліе иностранныхъ словъ какъ въ передовыхъ статьяхъ, такъ особенно въ фельетонахъ. Приходилось за необходимыми разъясненіями обращаться къ фельдшеру Богдану Савельичу, единственному представителю интеллигенціи въ Костянскомъ заводѣ, причемъ случалось наталкиваться на неразрѣшимыя загадки, въ родѣ такихъ мудреныхъ словъ, какъ пристрандія, компетенція, сепаратизмъ и т. д.

— Годъ отъ году мудренѣе пишутъ...— жаловался мнѣ Яковъ Семенычъ.—

И къ чему?.. То же да скажи просто, а то и не доберешься, о чемъ печатано.

Поворотнымъ пунктомъ въ развитіи Якова Семеныча была крымская кампанія и наступившее за ней поступательное движеніе русской жизни. Старикъ упорно слѣдилъ за каждымъ шагомъ впередъ и про себя болѣлъ каждой неудачей и радовался общей радостью. Когда пришла воля, онъ еще глубже ушелъ въ свое чтеніе и встрѣчалъ каждую реформу новаго царствованія съ такой хорошей и чистой радостью.

— Далеко шагнули, охъ, далеко, — говорилъ онъ, аккуратно складывая номеръ къ номеру. — Мы-то впередъ, а во Франціи нехорошо... Наполеонъ, конечно, умный человѣкъ, но хлопочетъ только о себѣ. Да... У насъ лучше.

Предъ круглыми очками Якова Семеныча, какъ въ „зеркалѣ гаданія“, проходили всѣ политическіе и общественные дѣятели, и онъ по-своему дѣлалъ оцѣнку каждаго. Когда вспыхнула война за освобожденіе Италіи, онъ даже перекрестился своимъ широкимъ единовѣрческимъ крестомъ: не любилъ онъ католиковъ вообще и австрійцевъ въ частности. Гарибальди являлся для него въ ореолѣ національнаго героя, и онъ преклонялся предъ геніемъ великаго народнаго вождя. Вотъ другое дѣло битва подъ Садовой или наше польское возстаніе — Яковъ Семенычъ искренно скорбѣлъ за напрасно пролитую кровь и племенную вражду.

— Все это отъ необразованія, — задумчиво говорилъ старикъ, качая головой. — И чего дѣлятъ... Своя своихъ не познаша.

Вопросы національнаго объединенія и территоріальныхъ округленій, конечно, были заманчивы, но зачѣмъ столько напрасныхъ жертвъ и народнаго бѣдствія. Поляковъ Яковъ Семенычъ недолюбливалъ, это правда, но онъ былъ не съ тѣмъ, какъ человѣкъ, душевно болѣлъ за нихъ. Другое дѣло война освободительная въ Америкѣ: въ Италіи Гарибальди, а тамъ Линкольнъ. Прежде всего по человѣчеству законная война, и обойти ее никакъ нельзя — это судъ Божій, а не смута.

II.

Фельдшеръ Богданъ Савельичъ тоже былъ читателемъ, но совершенно въ другомъ родѣ: онъ любилъ почитать „рòманъ“ и непремѣнно „рòманъ“ съ благополучнымъ концомъ, чтобы не разстраивать себя чужими несчастіями. На этихъ видахъ, прежде чѣмъ приниматься за чтеніе, Богданъ Савельичъ просматривалъ конецъ: если все благополучно кончалось, тогда онъ принимался за чтеніе. У него была своя библіотека, составленная изъ такихъ „романовъ“, какъ „Юрій Милославскій“, „Таинственный монахъ“, „Черная немочь“ и многіе другіе, причемъ онъ имѣлъ привычку перечитывать любимыхъ авторовъ время отъ времени. Длинный, худой, съ бритымъ лицомъ, длиннымъ носомъ и слезившимися глазами, онъ являлся полной противоположностью Якова Семеныча, какъ по наружности, такъ и по своему внутреннему складу, что, однако, не мѣшало быть имъ хорошими пріятелями — соединяющимъ звеномъ служило печатное слово. Фельдшеръ былъ большой спорщикъ и любилъ поговорить о такихъ вещахъ, о которыхъ не имѣлъ даже понятія, какъ политика.

— Легковѣрный вы человѣкъ, Богданъ Савельичъ. Все у васъ какъ-то съ плугъ, за здорово живешь, а политика вещь серьезная и требуетъ строгаго обдумыленія...

— Да для чего она намъ, ваша-то политика, Яковъ Семенычъ?

— Для чего?.. А вотъ для того самаго, чего вы не понимаете, Богданъ Савельичъ... Умные люди знаютъ, для чего она, а мы должны у нихъ учиться. Когда будетъ весь народъ образованный, тогда...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Якова Семеныча въ семидесятыхъ годахъ, вскорѣ послѣ франко-прусской войны. Старикъ сильно измѣнился, похудѣлъ и даже какъ-то пожелтѣлъ — благообразная старческая сѣдина приняла непріятные желтоватые, лежалые тона. Замѣчательно сохранились у него одни зубы: въ семьдесятъ лѣтъ всѣ до одного были цѣлы. Глаза притупились окончательно, и старикъ съ трудомъ могъ читать только черезъ двои очки.

— Скоро умру... — спокойно заявилъ онъ при нашемъ свиданіи.

— Что вы, Яковъ Семенычъ, зачѣмъ умирать...

— Нѣтъ, чувствую, что скоро конецъ... Да и пора, будетъ: аще же въ силахъ — восемьдесятъ лѣтъ, а тамъ трудъ и болѣзнь.

Въ этой старческой немощи было столько безсильнаго и жалкаго, если бы она не покрывалась спокойствіемъ и глубокой религіозностью. Вотъ Богданъ Савельичъ, такъ тотъ боялся смерти и даже не любилъ говорить на эту тему. Яковъ Семенычъ даже прилѣпилъ на стѣну подъ своимъ столикомъ съ газетами лубочную картинку „Ступени жизни“, гдѣ различные возрасты изображались восходящими и нисходящими ступенями: внизу „младенецъ“, потомъ отрокъ, юноша, наверху „зрѣлый мужъ“, а потомъ опять книзу, гдѣ слѣдовали „трудъ и болѣзнь“, заключавшіеся костяной смертью съ косой-литовкой.

— Хотѣлось бы только дожить, чтобы посмотрѣть на Францію, — говорилъ Яковъ Семенычъ съ невольной грустью.—За что такая напасть на людей, а?.. Вѣдь это страшно даже со стороны подумать... Конечно, Бисмаркъ чрезвычайно умный человѣкъ и большой политикъ, даже можно сказать, много превзойдетъ самого Меттерниха, но все-таки... Несправедливо, вотъ главная причина. Конечно, и Наполеонъ кругомъ былъ виноватъ, еще тогда, въ крымскую кампанію, былъ виноватъ, а нація-то все-таки великая. Да, великая нація Франція... Поправятся понемногу, а потомъ реваншъ — опять кровь и кровь сугубая, какъ при Наполеонѣ I.

Мы долго бесѣдовали съ хорошимъ старичкомъ о внутренней и внѣшней политикѣ — о восточномъ вопросѣ, о Средней Азіи, о земствѣ, о новыхъ судахъ, о народномъ образованіи. Все его глубоко интересовало, и съ прежней живостью Яковъ Семенычъ болѣлъ и радовался общими вопросами.

— Много нынче новыхъ газетъ развелось, такъ что и выписывать не знаешь что,—говорилъ онъ на прощанье.—Даже мужики, и тѣ вѣдомости нынче читаютъ.

Помню, какъ его видѣлъ въ послѣдній разъ. Мы сидѣли вечеромъ у фельдшера и пили чай. На единовѣрческой часовнѣ уныло звонилъ десятипудовый колоколъ. Старикъ медленно шелъ съ своимъ посошкомъ на службу и нѣсколько разъ останавливался, чтобы передохнуть.

— Плохъ стаетъ нашъ Яковъ Семенычъ,—замѣтилъ фельдшеръ, дѣлая жестокую затяжку дряннымъ табакомъ. — Умретъ скоро... Вѣдь вотъ подите: на ладанъ дышитъ, а все ему газету подавай: то дочь Аннушку заставитъ читать, то меня...

Яковъ Семенычъ, дѣйствительно, скоро умеръ, не дождавшись реванша. Еще наканунѣ смерти онъ спрашивалъ Богдана Савельича, что пишутъ въ вѣдомостяхъ, и жалѣлъ объ одномъ, что не дождется развязки нашей восточной кампаніи — русскія войска стояли тогда подъ Плевной.

1888.

ШАРЛАТАНЪ.

Разсказъ.

I.

Въ лѣтніе хорошіе вечера Кондрату дѣлалось ужасно скучно.

Солнце быстро опускается за правильную линію подстриженныхъ деревьевъ. Внизу, подъ обрывомъ, съ тихимъ шопотомъ катится маленькая мутная рѣчонка, — вода точно сосетъ глинистый берегъ, и даже слышится легкое чмоканье. Громадный паркъ былъ устроенъ образцово: все подчищено, подстрижено, приглажено. Искалѣченныя стрижкой деревья тянулись по краямъ аллей въ образцовомъ порядкѣ, какъ роты солдатъ на ученьи. Нѣкоторый художественный безпорядокъ былъ допущенъ только на правомъ берегу рѣки, гдѣ высились столѣтнія сосны, ели и березы, но и этотъ безпорядокъ допускался съ строгимъ расчетомъ, чтобы вытѣснить еще сильнѣе педантическую красоту прямыхъ аллей, газоновъ и куртинъ. Однимъ словомъ, надъ паркомъ потрудилось самымъ добросовѣстнымъ образомъ цѣлое поколѣніе самыхъ добросовѣстныхъ нѣмецкихъ садовниковъ.

Труднѣе всего было справиться съ рѣкой, которая была запружена въ нѣсколькихъ мѣстахъ и съ глухимъ шопотомъ вырывалась на волю, обѣгая по искусственно устроеннымъ порогамъ изъ дикаго камня и деревяннымъ шлюзамъ. Тамъ и самъ вода неумолчно дѣлала свое дѣло, подрывая берега и нарушая заведенный нѣмецкій порядокъ. Деревья точно покорились своей судьбѣ и росли въ строгомъ порядкѣ, а рѣка требовала постояннаго ухода, особенно весной, когда таялъ снѣгъ.

— Извѣстно, рѣка...—разсуждалъ сторожъ Кондратъ, стоявшій на крутомъ мысу. — Нѣмецъ Карлъ Иванычъ свое, а она свое. Вода — вольная, ея не запрешь.

У Кондрата сохранилось какое-то смутное уваженіе къ рѣкѣ, не „уважавшей“ даже главнаго садовника Карла Иваныча. Извѣстно, вода — и все тутъ... Самъ Кондратъ очень боялся Карла Иваныча и каждый разъ, по солдатской привычкѣ, вытягивался въ струнку, когда въ кустахъ мелькала широкая нѣмецкая спина. Съ одной стороны, конечно, порядокъ долженъ былъ существовать, и Кондратъ это чувствовалъ какъ-то всѣмъ своимъ громаднымъ тѣломъ, прослужившимъ въ строю цѣлыхъ двадцать лѣтъ, а съ другой—рѣка постоянно напоминала ему о какой-то волѣ, о свободной жизни, особенно въ тихіе лѣтніе вечера. Онъ даже вздыхалъ, припоминая далекую родину, свою деревню, широкій просторъ полей. Давно все это было, и ничего не осталось

отъ прошлаго, а все-таки въ лѣтніе вечера дѣлалось Кондрату грустно. Двадцать лѣтъ онъ стоитъ сторожемъ на своемъ мысу „для порядку“, и въ такіе лѣтніе вечера пѣтъ-пѣтъ да и „раздавитъ муху“, — оно какъ будто и легче сдѣлается, и мысли другія въ головѣ.

Стоитъ Кондратъ на своемъ посту и чувствуетъ какую-то гнетущую тоску. Скучно старику. Вонъ по рѣкѣ ползетъ бѣлый туманъ, зеленыя массы листвы сливаются въ сплошные темные контуры, отбрасывая густую тѣнь, а тамъ, вверху, брезжитъ какая-то молочная мгла, усыпанная звѣздами. И хорошо, и жутко, и грустно... Двадцать лѣтъ стоитъ Кондратъ на своемъ мысу сторожемъ и выучилъ разстилавшуюся подъ обрывомъ картину до послѣдней мелочи, такъ что могъ пройти оба берега съ завязанными глазами. Вотъ налѣво приткнулась въ оврагѣ сторожка Ипата,—тоже сторожъ и тоже стоитъ двадцать лѣтъ на своемъ посту. Кондратъ вверху, а Ипатъ внизу, у каменнаго мостика, перекинутаго черезъ рѣку. Они вмѣстѣ кончили царскую службу и вмѣстѣ опредѣлились въ сторожа. Ипатъ былъ женатый человѣкъ, и нѣмецъ Карлъ Иванычъ отвелъ ему сторожку, а Кондратъ перебивался все лѣто въ деревянной будкѣ. Эта сторожка служила предметомъ зависти Кондрата въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, хотя онъ и не ссорился съ Кондратомъ.

— Ну, онъ женатый, такъ что же изъ этого? — разсуждалъ Кондратъ; онъ привыкъ думать вслухъ.—И я тоже могъ бы жениться... да. И даже въ лучшемъ видѣ... Мало ли горничныхъ есть. Самый легковѣсный народъ.. Что бы тогда Карлъ-то Иванычъ сталъ дѣлать, кабы у меня тоже жена?.. Ипату сторожка, и мнѣ подавай сторожку...

Кондратъ остался старымъ холостякомъ и любилъ думать о томъ, что было бы, ежели бы онъ женился. Натащила бы жена всякаго хламу, какъ у Ипата, народила бы ребятъ, ѣла бы его поѣдомъ за всякую малость — нѣтъ, пожалуй, оно и лучше безъ жены. Скучно вечерами, это точно, а зато спокойнѣе...

За мостомъ, вверхъ по рѣчкѣ, шли двѣ широкихъ аллеи, а ниже моста разстилался широкій красный лугъ, заканчивавшійся старой мельницей, поставленной тоже для порядку, какъ стояли Кондратъ и Ипатъ. Пріѣзжали господа на мельницу и пили молоко. Жена Ипата промышляла этимъ дѣломъ и зашибала немалую копѣйку. Нечего сказать, добычливая была бабенка... Да, была да сплыла. Вотъ ужъ годъ, какъ лежитъ въ землѣ. Разнемоглась по веснѣ, вылежала шесть недѣль, да и отдала свою душеньку Богу.

„И чево бы ей, Настасьѣ, не жить?—часто думалъ Кондратъ.—Куда способнѣе было, когда она въ живности находилась... Первое дѣло, по праздникамъ пироги стряпала, второе дѣло — всякую новость вызнаетъ. Конечно, Ипату въ другой разъ и доставалось, такъ опять ужъ такое женское положеніе: сердце не терпитъ“.

Смерть Настасьи нарушила весь порядокъ жизни двухъ сторожей, и Кондратъ даже сердился на покойницу. Что бы ей стоило пожить годиковъ пять-шесть, ну, тогда и помирай съ Богомъ, а то взяла да въ самый разъ и прикончила. Другая курица такъ же: завернула голову подъ крыло и готова. Вѣдь живутъ же другія бабенки, ледащія да норныя, а Настасья была дерево деревомъ—нѣтъ, угораздило помереть. И на Ипата тоже сердился Кондратъ—послѣдняго ума рѣшился человѣкъ. Ну, была Настасья, ну, померла, ну, всѣ, всѣ мы помремъ—о чемъ же тутъ убиваться?.. Конечно, прежде, какъ вечеръ, такъ въ сторожкѣ и затеплится огонекъ — это Настасья копошится своимъ бабьимъ дѣломъ, а теперь сторожка точно замерла: Ипатъ уложитъ

ребятишекъ спать, притворитъ дверь, а самъ на свой постъ уйдетъ. Такъ и стоитъ сторожка темной.

Отъ этихъ грустныхъ размышленій Кондратъ даже напивался нѣсколько разъ. Прямо съ горя напивался. А Карлъ Иванычъ тутъ какъ тутъ: принесетъ же чортъ нѣмца ни раньше ни позже. Вытянется Кондратъ въ струнку, а нѣмецкій носъ уже слышитъ все.

— Ты у меня, свинецъ, смотри!.. — сердито буркнетъ нѣмецъ.

— Слушаюсь, Карлъ Иванычъ.

Нѣмецъ погрозитъ пальцемъ и уйдетъ, а Кондрату вдругъ сдѣлается и совѣстно и обидно. Помилуйте, двадцать лѣтъ выстоялъ въ аккуратѣ, а тутъ передъ нѣмцемъ Карлой неустойка... „Свинецъ“ на ломаномъ русскомъ языкѣ Карла Иваныча обозначалъ маленькую свинью, поросенка, и Кондратъ ужасно обижался.

— Какой я ему свинецъ дался?—жаловался онъ Ипату. — Ну, выпилъ человѣкъ съ горя, ну, не камень, а живой человѣкъ... Вонъ рѣка, и та берега подмываетъ. Ступай-ка, укажи ей... Свинецъ!..

— А ты не трескай зря...—ворчитъ Ипатъ.—Законъ требуетъ порядка... Для чего ты приставленъ здѣсь? На какой предметъ?.. То-то..

Ипатъ такой же высокій и плечистый, какъ и Кондратъ. Но за послѣдній годъ онъ вдругъ сгорбился, точно подгнившее съ корня дерево, и его могучая мужицкая спина казалась еще шире. Солдатское, застывшее лицо точно было приставлено къ этому тѣлу отъ какого-то другого, какъ и у Кондрата. Солдатская муштра сказывалась въ этой застывшей испуганности и надтреснутости. Замѣчаніе Ипата еще больше раздражаетъ Кондрата.

— А онъ знаетъ, Карла, съ чего я выпилъ?—задорно начинаетъ Кондратъ, пошатываясь. — Былъ онъ у меня на душѣ?.. Вотъ и Настасья померла...

Одно имя Настасьи производитъ перемѣну. Ипатъ точно весь распускается, грустно качаетъ головой и повторяетъ упавшимъ жалобнымъ голосомъ:

— Эхъ, Настасья, Настасья...

— Ну, будетъ!.. — останавливаетъ его Кондратъ своимъ грубымъ голосомъ. — Чего забылъ-то?.. Нѣтъ Настасьи, и конецъ тому дѣлу. Будетъ... Брось...

— Ахъ, Настасьюшка...

— Говорятъ: будетъ!

Ипатъ успокоивается съ большимъ трудомъ, всхлипывая какъ-то совсѣмъ по-ребячьи. Кондратъ бьетъ себя въ грудь кулакомъ и разражается цѣлымъ потокомъ упрековъ.

— Замаялся я съ тобой, Ипатъ... Этакъ хоть на кого тоску наведешь. Я такъ Карлѣ и скажу: моченьки моей не стало... Я съ тобой о дѣлѣ, а ты хуже бабы.

Въ слѣдующій моментъ Кондрату дѣлается жаль друга. Онъ подсаживается къ Ипату, обнимаетъ его своей громадной рукой и говоритъ дружескидѣловымъ тономъ:

— Ну, выпилъ... Неустойка вышла. Ну, знаю... А того Карла не знаетъ, что Кондрату у смерти конецъ. Прежде-то развѣ то было у меня? Хе... Какъ вечеръ, бывало, такъ только песочекъ похрустываетъ: шу-шу... Настоящіе господа прежде-то были! Особливо вотъ этакъ подъ вечеръ, въ сумерки... Напримѣрно, я стою вотъ здѣсь, а вотъ изъ той аллеи барочка идетъ. Я

сейчасъ въ кусты... Понялъ?.. Ну, баринъ выведетъ свою барыню на площадку, оглядится—никого нѣтъ, и сейчасъ на скамейку... Опять: шу-шу, а я за кустами умеръ. Нѣтъ Кондрата... А потомъ ихнее дѣло кончится, я и выхожу... Баринъ тоже понимаетъ порядокъ—и сейчасъ мнѣ двугривенный, а то и всю бумажку. Въ другой хорошій вечеръ этакъ-то паръ съ пять перебываетъ... Вотъ какое время было, Ипатъ!..

— Извѣстно, „Любимый уголокъ“...—съ завистью отвѣчаетъ Ипатъ.— Приличнѣе твоего мѣста для настоящихъ господъ во всемъ паркѣ не сыскать.

— Вотъ то-то и оно-то... Мѣсто-то осталось, а настоящіе господа перевелись вконецъ. Въ лѣто-то двухъ паръ не наберется... И куда дѣвался народъ, подумаешь? Бываетъ, заходятъ и въ сумерки: присядутъ, отдохнутъ, а настоящаго ничего нѣтъ. Я и прятаться пересталъ: все одно, толку не будетъ... Неодушевленный баринъ пошелъ, больше изъ нѣмцевъ. И барыни прежней не стало... Разъ меня какъ напугалъ одинъ такой-то баринъ: выхватилъ револьверъ да на барыню... Вотъ какъ бывало, а не то, что нынче. Выкурилъ папироску, отдохнулъ и пошелъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ пришелъ. Обидно это мнѣ, аль нѣтъ, Ипатъ?..

— Ужъ это извѣстно... Хоть до кого доведись!.. Совсѣмъ прижался баринъ... Виду въ немъ настоящаго не стало.

— И барыня тоже захирѣла... Прежде-то она дѣвушкой сюда припорхнетъ съ бариномъ, ну, господскимъ дѣломъ, свои шуры-муры покажетъ, а на другое лѣто ужъ законной супругой объявится. Ужъ она-то не забудетъ моего „Любимаго уголка“, потому тепленькое мѣстечко, замѣтное ей. Ну, а я сейчасъ горошкомъ къ ней... Счастливая барыня и стукнетъ меня цѣлой трешницей.

— Ужъ барыня, извѣстно, особенно ежели которая удалая... Ужъ она ничего не пожалѣетъ.

— И все благородно... Я свой порядокъ соблюдаю, а господа свою линію ведутъ.

Наступаетъ пауза. Ипатъ угнетенно молчитъ. Кондратъ встряхиваетъ головой и раскуриваетъ трубочку. Ему что-то хочется сказать и какъ будто совѣстно.

— Ну и народъ нынче пошелъ!—какъ-то залпомъ выговариваетъ Кондратъ, всей грудью набирая воздухъ.

— А что?

— Да такъ... Навязался тутъ одинъ... Ужъ не знаю, какъ и въ понятіе его взять.

— Изъ какихъ будетъ-то?..

— Да по обличью изъ господъ, а поведеніемъ... Шарлатанъ, одно слово. Только вотъ этакъ маленько забудешься, а онъ подъ носомъ шваркъ! На машинкѣ ѣздитъ... емназистъ, значитъ.

— Изъ нѣмцевъ, надо полагать. Они все на чертопхайкахъ катаются...

— То-то и есть, что не изъ нѣмцевъ. Полковницкій сынъ... Изъ себя здоровый такой.

— Чѣмъ онъ тебѣ-то досадилъ?

— А вотъ этимъ самымъ!.. Время не знаетъ... Настоящіе господа завсегда свое время знаютъ: утромъ барышня съ губернанкой гуляетъ, а вечеромъ... Ну, всему свое положенье. А этотъ—кто его знаетъ, что у него въ умѣ. Только не спроста онъ завелъ эту самую музыку... Напугаетъ даже въ другой разъ... Шарлатанъ, одно слово! А кто долженъ отвѣчать? Вотъ я и хочу Карлу Иванычу доложить... Житья мнѣ не стало.

Мысъ, на которомъ стоялъ Кондратъ, былъ извѣстенъ у дачной публики подъ именемъ „Любимаго уголка“. Сюда приходили днемъ отдохнуть отъ лѣтняго зноя, а по вечерамъ гуляли подъ руку счастливыя парочки. Съ мыса широкая аллея вела на круглую площадку, въ центрѣ которой стояла бронзовая статуя неизвѣстнаго античнаго героя съ очень сердитымъ лицомъ и угрожающей позой. Кондратъ называлъ его „кормильцемъ“, потому что именно на этой площадкѣ, подъ покровительствомъ суроваго бронзоваго человѣка, происходили самыя нѣжныя идиллiи и пасторали. Въ благодарность за это покровительство Кондратъ разъ даже вычистилъ своего „кормильца“ толченымъ кирпичомъ, какъ чистилъ прежде свои солдатскія путовицы, за что, конечно, и получилъ подобающее возмездіе отъ Карла Иваныча.

II.

Выдаются иногда какіе-то проклятые дни, какъ сегодняшній. Съ утра Кондрата ломало жестокое похмелье благодаря вчерашнимъ поминкамъ по Настасьѣ. Съ утра голова Кондрата требовала серьезной починки, а опохмелиться было не на что. Ипатъ тоже страдалъ, стоя на своемъ посту, и по той же причинѣ. И тотъ и другой ожесточенно шагали по своимъ мѣстамъ, чесали затылки и вздыхали. Кондратъ маршировалъ отъ обрыва къ статуѣ и назадъ, съ особеннымъ ожесточеніемъ. Онъ даже обругалъ своего „кормильца“.

— Что зря-то ходить около тебя, мѣднаго чорта,—ворчалъ старикъ.— Никто и смотрѣть-то не хочетъ... Тьфу!.. Вотъ тебѣ и вся цѣна... Буду у Карла Иваныча просить другого идола, чтобы полюбопытнѣе.

Кондратъ едва дождался вечера, когда начало смеркаться. Оно все же какъ будто легче, когда свалилъ лѣтній жаръ и потянуло вечерней прохладой. да и отъ Карла безопаснѣе: не любитъ онъ въ темнотѣ шататься. Въ душѣ Кондрата, вмѣстѣ съ наступавшимъ вечеромъ, возникла смутная надежда на то, что авось на площадку забредетъ какая-нибудь счастливая парочка, онъ спрячется въ кусты, а въ результатѣ получится двугривенный—какъ разъ та сумма, которой ему недоставало сейчасъ для поправки. Слава Богу, господъ еще достаточно по дачамъ живетъ, авось кто-нибудь и забѣжитъ. Въ этихъ видахъ Кондратъ чутко прислушивался къ малѣйшему шороху, приготовившись спрятаться въ кусты по первому опасному признаку.

Вотъ и солнце спустилось, и рѣку заволокло туманомъ, и лѣсъ закутался вечерней мглой. На той сторонѣ рѣки, по аллеѣ, прокатилось нѣсколько велосипедистовъ, а настоящаго ничего. Кондратъ злился. Что они, въ самомъ дѣлѣ, перемерли всѣ господа?..

Кондратъ наконецъ изнемогъ, присѣлъ на зеленую скамейку у обрыва и задремалъ. Его разбудилъ осторожный шорохъ. Старикъ встрепенулся, какъ боевой конь.

— Кондратъ... а Кондратъ?—окликнулъ его голосъ Ипата изъ темноты.

— Ахъ, дьяволъ... Вотъ напугалъ-то, путаная голова. Ну, чего тебѣ?

Подъ обрывомъ слышалось шлепанье ногъ и тяжелое дыханіе поднимавшагося въ гору человѣка.

— Куды лѣзешь-то?..—сердито окрикнулъ Кондратъ, глядя черезъ зеленую стѣнку стриженыхъ акацій подъ гору.

— Ахъ, Кондратъ, Кондратъ...—слышится изъ темноты плачущая нота.

Наконецъ показывается и самъ Ипатъ. Онъ безсильно опускается на скамейку и закрываетъ лицо руками.

— Какой день-то сегодня, Кондратъ! Вѣдь годины Настасьюшкѣ... родная ты моя, голубушка... Ахъ, Кондратъ, Кондратъ!.. Тошно мнѣ... скучно... Вспомню я, Кондратъ... а?..

Кондрата, во-первыхъ, возмущаетъ полное несоотвѣтствіе жалобнаго голоса Игната съ его громаднымъ тѣломъ, а во-вторыхъ, онъ не находитъ въ душѣ требуемаго сочувствія и угрюмо молчитъ...

— Голубушка моя...—шепчетъ Игнатъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ, заглядывая сбоку на суроваго друга.—Кондратъ, ахъ, Кондратъ: я вспомню...

Кондратъ ожесточается, вскакиваетъ и только-что хочетъ вытолкать друга подъ гору, какъ раздается гдѣ-то въ аллеѣ осторожный говоръ и приближающіеся шаги. Кондратъ зажимаетъ рукой ротъ Игнату и молча тащитъ его въ кусты. Друзья припадаютъ на траву, и Кондратъ даже затаиваетъ дыханіе, какъ бывало прежде на смотрахъ. А шаги и говоръ все ближе, ближе, ближе...

— Кормилецъ, голубчикъ, вывези!..—взмолился Кондратъ, охваченный охотничьимъ жаромъ.

Можно себѣ представить его негодованіе, когда на площадкѣ у „вермильца" показался тотъ самый гимназистъ, который катался по парку на своей проклятой машинкѣ. Впрочемъ, теперь онъ шелъ пѣшкомъ, подъ ручку съ какой-то барышней. Ахъ, шарлатанъ, шарлатанъ... Ну, этъ него ничѣмъ не кожившись, да и другихъ напугаетъ: займетъ гимназистъ скамеечку, другимъ-то и негдѣ сѣсть. Все-таки, изъ принципа, Кондратъ продолжалъ лежать на травѣ, придерживая одной рукой Игната. По крайней мѣрѣ, для него теперь сдѣлалось ясно, зачѣмъ шарлатанъ колесилъ по парку. Изъ молодыхъ да ранній...

А шарлатанъ привелъ свою даму къ скамьѣ, усадилъ ее и, принявъ трагическую позу, заговорилъ, продолжая старый разговоръ:

— О, я все понимаю, Ольга Николаевна... Въ вашихъ глазахъ я только мальчикъ... да? Вы думаете, что я не способенъ къ серьезному чувству... да?.. Даже, можетъ-быть, въ душѣ вы смѣетесь надо мной... да?

Дѣвушка молчала. Она сидѣла, опустивъ красивую голевку и чертя кончикомъ зонтика какіе-то таинственные іероглифы на пескѣ. Это была красивая дѣвушка, какъ бываютъ красивы въ семнадцать лѣтъ—все свѣже, весело, беззаботно и все готово засмѣяться. Да и какъ было не улыбаться, когда этотъ Вадимъ заговорилъ съ ней такимъ тономъ, какъ настоящій мужчина. Она даже закусила губы, чтобы не расхохотаться. Кажется, она не подавала съ своей стороны никакого повода... Да, гуляли иногда вмѣстѣ, катались на лодкѣ, болтали—что же изъ этого?..

— Будемте говорить серьезно, Ольга Николаевна,—продолжалъ гимназистъ, подсаживаясь рядомъ, настолько близко, что дѣвушка отодвинулась.—Да, серьезно... Вамъ только-что исполнилось семнадцать лѣтъ, а мнѣ осенью будетъ девятнадцать. Позвольте... (Дѣвушка и не думала возражать). Однимъ словомъ, мы совсѣмъ большіе люди и должны, даже въ правѣ, подумать о своемъ будущемъ. Что касается меня, то я серьезно обдумалъ все... О, для меня все такъ ясно, хорошо, свѣтло... Ольга Николаевна, да вы не слушаете меня?..

— Я? Нѣтъ, я слушаю...—равнодушнымъ тономъ отвѣтила дѣвушка, точно просыпаясь отъ своего раздумья; она раскаивалась, что позволила себѣ забраться такъ далеко въ паркъ съ этимъ отчаяннымъ Вадимомъ, а тамъ мама навѣрно уже ждетъ ее.—Я слушаю.

Шарлатанъ сдѣлалъ паузу, оттопырилъ губы и вообще весь надулся.

— Послушайте, Ольга Николаевна, такими вещами не шутятъ... У меня вся жизнь поставлена на карту. Да... Наконецъ я знаю даже, о чемъ вы сейчасъ думаете...

— Это интересно!

— Знаю!.. Съ кѣмъ вы вчера гуляли на музыкѣ? О, я все знаю... Этотъ офицеръ страшный мерзавецъ...

— Какой офицеръ? Наконецъ, кто вамъ далъ право такъ выражаться?..

— Вы не знаете, какой офицеръ? Ха-ха... А этотъ гренадеръ? Голубой околышъ на фуражкѣ?.. Вы не помните?.. Это... это... я... я его убью...

Дѣвушка отодвинулась еще подальше. Ей сдѣлалось вдругъ страшно. А въ самомъ дѣлѣ, этотъ сумасшедшій убьетъ Ивана Иваныча?.. Купитъ револьверъ—и бацъ... Нѣтъ, это ужасно, да и maman, навѣрно, теперь уже хватилась ея. Вотъ положеніе...

— Ему ужъ за тридцать, вашему офицеру, — продолжалъ шарлатанъ, подчеркивая эту цифру съ особеннымъ чувствомъ. — Да, за тридцать... Онъ все испыталъ, все пережилъ, теперь ему нужно отдохнуть...

— Вадимъ, такъ невозможно разговаривать... Вы оскорбляете меня.

— Я?!.. васъ?!.. Нѣтъ, я его убью... чтобы спасти васъ. И когда меня отправятъ на каторгу, тогда только вы поймете, насколько сильно я люблю васъ...

Она тихо засмѣялась, положила свою бѣленькую ручку къ нему на плечо и заговорила ласковымъ голосомъ, какъ говорятъ большіе съ напалившими дѣтьми:

— Видите ли, Вадимъ, вы и правы и неправы... Да, вы нравитесь мнѣ, но не больше того, какъ хорошій мальчикъ... Вы не обижайтесь на меня за откровенность: вы сами ее вызвали. Да, для меня вы мальчикъ, хотя и старше меня на цѣлый годъ... Вы любите меня, вы нравитесь мнѣ, но что же изъ этого?.. Развѣ гимназисты женятся? Васъ за это посадятъ въ карцеръ...

— Ольга Николаевна...

— Позвольте... Я несправедлива, я жестока, я кокетка,—все, что хотите, но я прежде всего женщина и еще больше вашего должна подумать о своемъ будущемъ. Мнѣ больно все это говорить вамъ, но такъ складывается наша жизнь... Да, мнѣ нравится Иванъ Ивановичъ, можетъ-быть, я даже выйду за него замужъ, если maman...

Единственными свидѣтелями этой сцены были спрятавшіеся въ засадѣ сторожа. Ипатъ не слушалъ и потихоньку сползъ подъ гору, а Кондратъ остался на своемъ посту, потому что кто его знаетъ, этого шарлатана, что у него на умѣ. И въ самомъ дѣлѣ выстрѣлитъ... Но въ самый критическій моментъ послышались быстрые шаги въ дальней аллеѣ, и Кондратъ замеръ.

„А вѣдь шарлатанъ-то подведетъ меня... — мелькнуло у него въ головѣ.—Настоящіе господа идутъ, а онъ скамеечку захватилъ. Ахъ, разбойникъ... ахъ, губитель!..“

Кондратъ даже сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться и своимъ появленіемъ прогнать шарлатана, но его остановилъ голосъ Ипата.

— Давѣ проходила публика, это точно... Мало ли народу въ паркѣ гуляетъ.

— Нѣтъ, двое, гимназистъ... съ сестрой?.. Она въ шляпѣ и съ зонтикомъ,—допрашивалъ настойчиво женскій голосъ.—Вотъ тебѣ, милый, на чай, а ты говори правду...

Голосъ Ипата вдругъ замолкъ. Легкіе шаги быстро направились къ площадкѣ,—старикъ продалъ счастливую парочку.

На площадкѣ, гдѣ происходило роковое объясненіе, появились двѣ женщины. Одна среднихъ лѣтъ, очень встревоженная и запыхавшаяся, а другая молодая, стройная, спокойная, строгая, рѣшительная. Первая дама увидѣла скрывавшуюся въ тѣни парочку и почти бѣгомъ бросилась къ дѣвушкѣ. Она схватила ее за руку и молча потащила въ аллею, даже не взглянувъ на стоявшаго у скамьи шарлатана. Въ глубинѣ площадки оставался силуэтъ предателя Ипата. Оставшаяся на площадкѣ дама обернулась и знакомъ руки попросила его удалиться.

— Вотъ такъ влопался!—рѣшилъ Кондратъ.—Губернантка тебѣ задастъ... Х-ха!.. Ловко!..

На площадкѣ въ это время происходила краснорѣчивая нѣмая сцена, единственнымъ свидѣтелемъ которой былъ суровый бронзовый герой. Онъ видѣлъ, какъ смущенный Вадимъ опустился на роковую лавочку, какъ къ нему подошла гувернантка, смѣряла строгимъ взглядомъ съ ногъ до головы и спокойно сѣла рядомъ. При лунномъ освѣщеніи получалась очень трогательная картина даже не для бронзоваго героя. Гувернантка была такая чистенькая, чопорная и по-молодому строгая. Она поступила въ домъ, когда Вадиму было всего двѣнадцать лѣтъ, и поэтому матерински смотрѣла на него, какъ на ребенка. Ей на видъ было лѣтъ подъ тридцать, но на самомъ дѣлѣ она была моложе на цѣлыхъ пять лѣтъ. Ее состарило скитанье по чужимъ семьямъ и собственная неудовлетворенная жизнь. Каждая женщина носитъ въ себѣ семью, домашній очагъ, а тутъ получалась какая-то фальсификація жизни. Въ этой неудовлетворенности и заключался источникъ той англійской чопорности и пиніонирующей чистоты, которыми миссъ Бэтси поражала незнакомаго человѣка съ перваго раза, точно она была заморожена. Эта молодая строгость сквозила не только въ выраженіи лица и во взглядѣ темно-сѣрыхъ глазъ, а въ каждой складочкѣ скромнаго лѣтняго костюма, въ каждой оборочкѣ, въ каждомъ бантикѣ. Однимъ словомъ, миссъ Бэтси являлась олицетвореніемъ строгой и непреклонной чистоты, и никто не чувствовалъ этого съ такой безпощадной ясностью, какъ несчастный Вадимъ. Будь кто угодно въ данный моментъ, только не миссъ Бэтси... Это было жестоко до несправедливости.

„Ну, теперь начнется...“ — подумалъ Вадимъ, приготовляясь выдержать осадное положеніе.

Онъ нѣсколько разъ, и очень недружелюбно, посмотрѣлъ на миссъ Бэтси. Рядомъ съ ея тонкой, изящной фигуркой онъ еще въ первый разъ почувствовалъ себя большимъ, настоящимъ большимъ человѣкомъ. Да, онъ не ребенокъ и будетъ говорить, какъ мужчина. И все скажетъ, если на это пошло,—все...

III.

Миссъ Бэтси тоже, видимо, собиралась съ силами. Она даже дѣломудренно собрала свои юбки около ногъ, точно ее могло загрязнить одно присутствіе негоднаго мальчишки,—она дѣлала то же, когда переходила черезъ грязную дорогу.

— Вы довольны своимъ поведеніемъ, Вадимъ?—начала она тихимъ инквизиторскимъ тономъ.

— Миссъ Бэтси...

— Позвольте... Вы на этомъ самомъ мѣстѣ, кажется, имѣли достаточно времени, чтобы выказать свой ораторскій талантъ, а потому выслушайте меня внимательно. Наконецъ это простое правило вѣжливости, когда говорятъ старшіе...

Голова Вадима невольно опустилась отъ такого приступа, и онъ почувствовалъ преступное малодушіе, превращаясь опять въ мальчика.

— Итакъ, m-r Вадимъ, вы поступили безразсудно, компрометируя своимъ поведеніемъ совершенно неопытную дѣвушку...

Неопытную? Вотъ это мило... А гренадеръ Иванъ Ивановичъ? Эти мысли прошли въ головѣ Вадима съ такой яркостью, точно онъ высказалъ ихъ вслухъ. Скажите, пожалуйста: неопытная...

— Да, неопытная...—отвѣтила миссъ Бэтси на этой тайное возраженіе, и ея сѣрые глаза внушительно остановились на Вадимѣ. — Каждая дѣвушка неопытна. Представьте себѣ теперь ея положеніе?

— А мое положеніе развѣ лучше, миссъ Бэтси? О, если бы вы только слышали, что говорила здѣсь эта невинная овечка...

— Меня удивляетъ одно,—невозмутимо продолжала англичанка,—именно, что „это“ могли сдѣлать вы, — да, вы. Я имѣла неосторожность думать о васъ лучше... Порядочность—прежде всего. И вдругъ вы увлекаете на тайное свиданіе неопытную дѣвушку...

Самымъ обиднымъ въ этомъ монологѣ было „вы“,—миссъ Бэтси всегда говорила Вадиму „ты“, а теперь этимъ „вы“ была пропитана каждая складочка ея платья, каждая оборка, каждый бантикъ. И все это трепетало отъ возмущенія.

— Прежде всего нужно умѣть уважать женщину,— продолжала миссъ Бэтси, раскрывая и закрывая зонтикъ. — Да... Безъ уваженія къ женщинамъ нѣтъ и жизни. Вѣдь вы уважаете свою мать и сестеръ?.. Только испорченное и грязное воображеніе можетъ видѣть въ женщинѣ...

Миссъ Бэтси поднялась, гордо выпрямилась, сдѣлала нѣсколько шаговъ и, остановившись передъ Вадимомъ, спросила въ упоръ:

— Скажите, m-r Вадимъ, вамъ не совѣстно смотрѣть мнѣ прямо въ глаза?..

М-r Вадимъ вдругъ покраснѣлъ, покраснѣлъ по-ребячьи, до ушей, покраснѣлъ до того, что даже на глазахъ выступили слезы.

— Очень совѣстно, миссъ Бэтси...—отвѣтилъ онъ съ дѣтской откровенностью.—Именно васъ совѣстно, потому что вы... вы...

— Что я?..

— Вы... особенная...

— А Ольга Николаевна развѣ не такая же дѣвушка, какъ я, какъ всѣ другія дѣвушки?.. Ахъ, m-r Вадимъ, m-r Вадимъ... Боже мой, да что сдѣлалось съ вами?.. Я не узнаю васъ, того милаго мальчика, какимъ вы были всегда... Вы даже забыли то, что вы просто гимназистъ и больше ничего. Вамъ нужно думать о своихъ занятіяхъ, объ окончаніи курса въ гимназіи, объ университетѣ... Вы просто смѣшны въ этой роли большого негодяя!

Нѣтъ, это было уже слишкомъ... М-r Вадимъ вскочилъ, взъерошилъ свои волосы, отставилъ одну ногу и заговорилъ съ такой быстротой, точно боялся позабыть хоть одно слово:

— Нѣтъ, я совсѣмъ не то, миссъ Бэтси, что вы думаете... Я лучше, гораздо лучше всѣхъ, даже васъ, потому что вы думаете обо мнѣ очень дурно.

— Лучше даже Ольги Николаевны?—иронически прибавила гувернантка, суживая глаза.

— Лучше... — рѣшительно заявилъ m-r Вадимъ. — Она... она... однимъ словомъ, я больше ея не люблю и никогда не любилъ, потому что она просто интриганка, расчетливая натура... вообще, дрянь! Вѣдь я-то душу ей отдавалъ, а она что мнѣ говорила здѣсь?.. И всѣ такія барышни... Онѣ кажутся такими чистыми и хорошими только потому, что ходятъ въ бѣлыхъ платьяхъ и розовыхъ ленточкахъ. Когда мнѣ будетъ за тридцать лѣтъ, когда я испытаю все,

го любая такая Ольга Николаевна сочтетъ за счастье осчастливить меня своей любовью, особенно если я надѣну фуражку съ гренадерскимъ околышемъ...

— Я рѣшительно ничего не понимаю, m-r Вадимъ... При чемъ тутъ фуражка? тридцать лѣтъ?..

— Я не виноватъ, что у насъ такъ сложились ссціальныя условія, миссъ Бэтси... И Ольга Николаевна не виновата, и вы... Почему вы остаетесь дѣвушкой и живете въ чужихъ людяхъ, когда могли быть прекрасной женой и матерью?.. О, я все отлично понимаю и про себя не разъ васъ жалѣлъ. Да... Развѣ вы живете?.. И я тоже... то-есть я-то въ другомъ родѣ. Видите ли, теперь я не имѣю права даже любить, хотя мнѣ осенью будетъ ровно девятнадцать лѣтъ... да... а когда я изживусь, тогда... Вѣдь это трагедія, миссъ Бэтси!.. Мы топчемъ свое собственное счастье, свое будущее...

Миссъ Бэтси точно замерла, слушая этотъ горячечный бредъ, а потомъ устало присѣла на скамью.

— Вы думаете, я люблю Ольгу Николаевну?—уже со слезами въ голосѣ спрашивалъ m-r Вадимъ.—Нисколько... Я ее презираю!.. Да... Она вся дряпная, расчетливая...

Въ слѣдующій моментъ m-r Вадимъ быстрымъ движеніемъ бросился на колѣни и уронилъ свою голову прямо на руки миссъ Бэтси. Она отъ такой неожиданности настолько растерялась, что не могла пошевельнуться.

— Вѣдь я васъ люблю, миссъ Бэтси...—шептала голова m-r Вадима, а его горячія губы льнули къ холоднымъ, бѣленькимъ ручкамъ.—Я всегда васъ любилъ, Бэтси... одну тебя, милая Бэтси!.. И никого больше... никого!..

Руки m-r Вадима уже обнимали талію миссъ Бэтси, когда та очнулась отъ своего очарованнаго забытья. Она выпрямилась, поднялась, отстранила охватившія ее руки, а потомъ схватила безумную голову, шептавшую безумныя слова, и тихо проговорила:

— Гадкій мальчишка..

— Бэтси... милая... Я всегда только тебя одну любилъ, а на Ольгу Николаевну я даже и смотрѣть не хочу.

Но миссъ Бэтси была уже далеко. Она шла быстрыми, неровными шагами, точно ее гнало вѣтромъ. Что такое случилось? Гдѣ она?.. Ей было и обидно, и горько, и хотѣлось плакать... Когда она проходила мимо бронзоваго героя, то ей показалось, что онъ съ улыбкой смотрѣлъ туда, гдѣ на лавочкѣ сидѣлъ m-r Вадимъ.

— Вотъ такъ фунтъ!.. — громко проговорилъ Кондратъ, выглядывая изъ своей засады.—Двадцать лѣтъ выстоялъ на своемъ посту, а такого случая не видывалъ...

Когда гимназистъ поднялся и его тѣнь скрылась въ темнотѣ ближайшей аллеи, сторожъ покачалъ головой и замѣтилъ:

— Оно, конечно, ежели разобрать по-человѣчеству... да... А все-таки шарлатанъ, прахъ его побери!..

1892.

„ШТУЧКА".

Изъ ярмарочныхъ нравовъ *).

I.

Фрося была здоровенная баба, что̀ называется—кровь съ молокомъ, и постоянно щеголяла въ кумачныхъ сарафанахъ, хотя жила простой кухаркой у господъ Морошкиныхъ, вмѣстѣ съ своей крестницей Анисьей, тринадцатилѣтней дѣвчонкой, состоявшей въ качествѣ горничной на побѣгушкахъ. Фросѣ было сорокъ лѣтъ, но она была такая грудастая баба и съ такимъ желобомъ черезъ всю спину, что сосѣдніе господскіе и купеческіе кучера просто сходили отъ нея съ ума, особенно исправническій кучеръ Омельянъ, который не давалъ бабѣ проходу: какъ напьется, сейчасъ за Фросей и ударится. Бывало, по всей улицѣ за ней бѣжитъ, вылупивъ красные глаза и растопыривъ руки, но Фрося была легка на ногу и живо улизнетъ въ калитку подъ самымъ носомъ у Омельяна, который такъ и останется ни съ чѣмъ передъ запертою дверью, какъ собака, которая гналась черезъ улицу за кошкой, а кошка махнула прямо на столбъ, свернулась калачикомъ да и поглядываетъ внизъ, какъ бѣсится одурѣлый песъ. Фрося также посмѣивалась, сидя у окошечка, когда Омельянъ принимался ее ругать неподобными словами.

— У, шельма!..—рычалъ Омельянъ, скрипя зубами.—Сказывай, шельма, чего просишь...

Вся улица потѣшается, бывало, надъ Фросей и надъ Омельяномъ,—благо въ такомъ глухомъ городишкѣ, какъ Ирбитъ, прислугѣ, особенно лѣтомъ, рѣшительно дѣлать нечего. Фрося раньше жила въ кухаркахъ у исправника, но ушла къ Морошкинымъ прямо отъ Омельяна, который одолѣвалъ ее своими

---

*) Помѣщаемый нами ниже разсказъ изъ жизни русскаго бенлетриста Д. Сибиряка (псевдонимъ) рисуетъ одну изъ мрачныхъ, возмущающихъ душу сторонъ нашей захолустной ярмарочной жизни. Приводимые въ разсказѣ факты не вымышлены и представляютъ собой лишь слабую картину безобразій, которымъ ознаменовывается Ирбитская ярмарка, превосходящая въ этомъ отношеніи свою старшую сестру — ярмарку Нижегородскую. Человѣку свѣжему, человѣку, привыкшему жить въ относительно культурныхъ условіяхъ общественности—приводимые въ разсказѣ Д. Сибиряка факты могутъ показаться невѣроятными, антиестественными; онъ не повѣритъ, чтобы въ отдаленномъ Пріуральѣ еще могла производиться тайная торговля людьми. Но, еще разъ повторяемъ, весь разсказъ построенъ на реальной почвѣ, и остается только пожелать, чтобы онъ не пропалъ безслѣдно для лицъ, имѣющихъ ближайшее попеченіе и наблюденіе за Ирбитскою ярмаркою. Во всякомъ случаѣ, развращающее вліяніе нашихъ ярмарокъ—явленіе, съ которымъ приходится считаться и борьба съ которымъ составляетъ долгъ литературы и общества. Авторъ разсказа, какъ видно изъ его письма въ редакцію, съ этой именно точки зрѣнія и смотритъ на свое послѣднее произведеніе, нынѣ помѣщаемое въ „В. В.".

Редакція имѣетъ при этомъ пріятную возможность сообщить читателямъ „В. В.", что она заручилась постояннымъ сотрудничествомъ Д. Сибиряка. *Ред.*

любезностями каждый праздникъ, когда напивался пьянъ. И женатый человѣкъ былъ, вмѣстѣ съ женой у исправника жилъ, а какъ выпилъ, — сейчасъ за Фросей увяжется и непремѣнно всю свою мужицкую пятерню влѣпитъ ей въ спину. Конечно, и Фрося ему не пирогами откладывала; немало Омельянъ съѣлъ отъ нея затрещинъ, но все-таки нехорошо, какъ Омельянъ растворитъ хайло и начнетъ золотить Фросю на всю улицу, а сосѣдніе кучера ржутъ, какъ стоялые жеребцы. Городъ маленькій, ѣздить господамъ некуда — вотъ и потѣшаются...

При случаѣ Фрося и сама была не дура выпить и частенько возвращалась домой красная, какъ вишня, съ осовѣлыми глазами. Она долго танцевала по кухнѣ и напѣвала всегда одну и ту же пѣсню такимъ визгливымъ голосомъ:

Продамъ купій воротникъ,
Куплю чаю золотникъ...
Продамъ чашки, продамъ ложки,
Куплю милому сапожки...

Омельянъ въ это время сидѣлъ гдѣ-нибудь на камешкѣ у воротъ и, подергивая восьмирублевую гармонику, вытягивалъ разбитымъ теноркомъ:

За гармонію хвачу—
Три дня ѣсть не захочу...

— Ишь вѣдь чуча...—ругалась Фрося, выглянувъ на своего врага въ окошко.—Туда же, съ гармоникой вышелъ!.. А ты, Аниськина, съ парнями не заигрывай... дѣвка должна себя строго содержать... да. Наша бабья часть совсѣмъ другая: все мое — и на мнѣ и во мнѣ. А ты слушай, Аниська, потому я тебѣ крестная мать.

Послѣ этого приступа Фрося неизмѣнно впадала въ нравоучительный и даже слезливый тонъ, заставляя крестницу выслушивать безконечныя увѣщанія.

— Ты вотъ теперь, Аниська, у господъ живешь и какъ есть ничего не знаешь...—объясняла Фрося косноязычнымъ языкомъ каждый разъ одно и то же.— Какъ есть ничего, потому какъ ты живешь все равно что у Христа за пазухой... да. А вотъ я съ твоей матерью, когда въ Уметахъ, въ дѣвкахъ жила— на-аглядѣлась... Эти деревенскія бабы хуже каторжныхъ: встань ты до свету, прибери скотину, свари варево, испеки хлѣбы, да за ребятишками углядѣ, да хозяину угоди — ну, какъ въ котлѣ и кипишь цѣлый день, а вечеромъ за пряху, потому ты же и одѣнь всю семью... да. Тогда этихъ ситцевъ и званья не было, а все свое, самодѣльщину носили... Часа три соснешь ночью-то, такъ твои счастки — вотъ какъ!.. А еще дѣвкамъ супротивъ бабъ кошачье житье, потому ни у тебя свекрови, ни золовушекъ, ни мужа, ни деверьевъ... Съ бабы всѣ взыскиваютъ, всѣмъ подай, а тутъ еще своя ноша! Съ ребятишками вошкайся... А страда придетъ? Милостивый Господи, вотъ гдѣ бабамъ мука истинная: ты и въ дому управляйся, ты и съ ребятами, ты и въ полѣ, ты и мужу потрафляй... Другая баба-то, можетъ, и часу въ ночь-то не уснетъ лѣтнимъ дѣломъ: съ одними глазами дня по три ходитъ... вотъ какъ, Аниська!.. А ты что: ляжешь ты въ десять часовъ, встанешь въ восьмомъ, ѣшь все господское, работа у тебя куричья самая, только хвостомъ слѣдъ заметай да у барыни передъ глазами мельтеши, чтобы она, значитъ, чувствовала, что ты стараешься... Такъ я, говорю, Анисья?..

— Такъ, кресна... — соглашается Аниська, улыбаясь надъ подгулявшей Фросей.

— Такъ, такъ... Ты чего зубы-то моешь? Вотъ я тебя какъ начну обихаживать... а?.. Чего мать-то твоя наказывала?..

— Да я, кресна, право, ей-Богу, ничего не говорю...

— А ты меня слушай, потому какъ я все знаю... Омелька-то какъ давѣ за мной по улицѣ гнался... ахъ, чуча!... „Сказывай, говоритъ, чего просишь!" Ты, Аниська, глупая, какъ есть ничего не понимаешь... А если я тебя увижу гдѣ съ парнями, я тебѣ расчешу косы-то!... Такъ и знай, потому должна ты себя соблюдать...

Въ головѣ Фроси мысли путались, какъ плохая пряжа, и она въ серединѣ самаго чувствительнаго правоученія визгливо запѣвала:

Я безъ пряничка не сяду,
Безъ орѣшка не сту-уплю...
Спать безъ милаго не лягу,
Безъ милова не усну-у!..

Маленькая Анисья долго слушаетъ пьяную болтовню Фроси, пока не уснетъ гдѣ-нибудь на лавочкѣ здоровымъ дѣтскимъ сномъ, подложивъ подъ голову кулекъ. Здоровая она была дѣвочка и для своихъ тринадцати лѣтъ совсѣмъ большая. Лицомъ Анисья тоже издалась—бѣлая да румяная, и глазъ такой вострый, смѣшливый,—вообще, красивая была дѣвочка и наливалась въ господской кухнѣ, какъ спѣетъ гдѣ-нибудь въ тѣни хорошее яблоко. Пьяная Фрося часто ей любовалась и даже удивлялась вслухъ:

— И въ кого ты, Аниська, издалась такая-то... а?

— Какая?

— Ну, такая... Вишь ростъ у тебя какой, и тѣломъ больно ужъ бѣла, совсѣмъ не по крестьянскую руку. Много у насъ такихъ дѣвокъ развелось... прежде этого не было, потому какъ изморенный народъ былъ. Тутъ ужъ не до жиру, быть бы живу... Развѣ я такая въ дѣвкахъ-то была? Ужъ я это въ Ирбити выровнялась да въ силу вошла, а то—такъ, сморчокъ, а не дѣвка... тьфу-у!... Ахъ, заѣшь тебя, Аниска, мухи съ комарами...

Въ видѣ особенной любезности, Фрося пребольно щипала крестницу и долго смотрѣла на нее такими странными, улыбавшимися глазами.

— Аниська?

— Ну, чего тебѣ?..

— Ахъ, будь ты неладная, дѣвонька... а ты всегда меня слушайся, потому какъ я тебѣ выхожу вторая мать. Вотъ бы запятить тебя въ деревню, такъ тогда узнала бы, какъ кресну уважать надо... Ужо, погоди, вотъ будетъ ярманка, я тебѣ кумачный платокъ куплю: на, поминай кресну. Вѣрно слово: куплю... Ужъ Фрося не обманетъ, потому у нея слово законъ. Ахъ, ярманка, ярманка: всѣ мы этой ярманкой матушкой кормимся... вся округа. Вотъ они ѣдутъ московскіе купчики-голубчики, только поспѣвай мигать съ ними... какъ же!.. Гдѣ этакихъ-то и выкормятъ: крупичатые да лупоглазые... ахъ, кошка васъ залягай, проклятущихъ!.. А прерода-то, Аниська, все одна: что въ Москвѣ, что въ Ирбити... Больно вѣдь плохая наша-то ирбитская баба, а они какъ нагрянутъ, голубчики, такъ хоть разорвись для нихъ. Одинъ мнѣ такой-то купчикъ четвертную бумажку подарилъ, потому потрафить умѣла... Фрося чистенько свое дѣло знаетъ, не какъ другія прочія. Вонъ твоя-то мать до чего догуляла на ярманкѣ: безъ носу ходитъ, тоже водкой сильно зашибаетъ, путается съ прощелыгами разными, а ты себя должна содержать на отличку... Аниська, дурища ты набитая, вотъ что!..

Послѣ правоученій Анискѣ, Фрося больше всего любила поговорить объ Ирбитской ярмаркѣ—да и было о чемъ поговорить, потому что Фрося „валя-

далась“ въ Ирбитѣ лѣтъ двадцать пять и насмотрѣлась въ свою долю „всячины“. Иногда съ похмелья на Фросю нападала великая гордость, и она по цѣлымъ часамъ ворчала себѣ подъ носъ:

— Вишь, нашли себѣ дуру... Теперь я куфарка, а тоже не хуже другихъ прочихъ на извозчикахъ умѣю ѣздить! Какъ настоящая барыня... Тьфу!.. Тьфу!.. Что мнѣ барыня? плюнуть да растереть — вотъ тебѣ и вся барыня. У меня былъ шелковый платочекъ, по голубому полю съ зеленой травинкой— надѣну его, да шелковый зеленый сарафанъ, да шубку — на, почище другой барыни. Сидоръ Иванычъ какъ пріѣдетъ, бывало, изъ Москвы на ярманку, первое слово: „Гдѣ Фрося?“ Нѣтъ ужъ его покойничка, сказываютъ, въ Нижнемъ сгорѣлъ съ вина... А добрая была душа, вѣчный покой его душенькѣ!.. Много денегъ просадилъ онъ на меня и всему научилъ, какъ потрафлять ихнему брату... Что я была до него: прямая неотесанная деревенская дура, а тутъ развинтилась по всѣмъ суставчикамъ... да!.. Барыня... мнѣ плевать на барыню... Аниська, шельма, вотъ я ужо тебя произведу, гдѣ ты запропастилась?

Подъ сердитую руку Фрося иногда давала крестницѣ хорошаго подзатыльника, но была отходчива сердцемъ—и какъ-нибудь по-своему первая помирится: то пряникъ сунетъ, то приласкаетъ и даже всплакнетъ, — такъ, ни о чемъ,—сядетъ къ окошку, подопретъ рукой по-бабьи голову и запричитаетъ...

II.

Въ морошкинскую кухню частенько заходила мать Анисьи, вѣчно оборванная и такая старая, особенно рядомъ съ Фросей. Ее звали Платонидой. Анисья иногда стыдилась матери и какъ-то чувствовала себя неловко, особенно когда къ ней протягивались дрожавшія отъ перепоя руки и слезившіеся глаза, съ распухшими красными вѣками, останавливались на ней съ болѣзненнымъ вниманіемъ. Больше всего пугалъ дѣвочку провалившійся носъ матери. „Это у ней французская болѣзнь была“, — объясняла Фрося. Платонида всегда приходила голодная, и Фрося ее кормила, а потомъ тихонько совала какой-нибудь огрызокъ пирога или остатки жаркого. Напившись, Платонида принималась жаловаться на свою судьбу, плакала и кончала тѣмъ, что непремѣнно выпрашивала у Фроси пятачокъ на похмелье. Она пыталась нѣсколько разъ завладѣть жалованьемъ дочери, — Анисья получала 50 коп. въ мѣсяцъ,—но Фрося не позволяла.

— Все равно пропьешь,—безъ церемоніи объясняла она своей товаркѣ.— А дѣвчонкѣ гдѣ взять... Тоже надо одѣться и обуться, а изъ полтины не много накропишь...

Деньги, которыя попадали въ руки Анисьи помимо жалованья,—разные пятаки и двугривенные, которые ей перепадали за смазливую рожицу отъ разгулявшихся гостей,—эти деньги Платонида всегда отбирала себѣ и даже потихоньку учила дочь, какъ нужно не отдавать сдачу хозяевамъ, когда ее посылаютъ въ лавочку. Анисья разсказывала все Фросѣ.

— Ну, ужъ это она вретъ...—сердилась Фрося.—Чистая дура эта Платонида, хоть и мать тебѣ. Это ужъ не порядокъ, чтобы воровать... Ты у меня смотри: всю шкуру спущу, ежели хоть копейку стащишь. Слышишь?.. А мать у тебя вретъ... ишь, вздумала чему учить!..

Фрося, конечно, любила вынить при случаѣ и иногда исчезала изъ кухни по ночамъ, но была очень честная баба, когда дѣло касалось до хозяйскаго добра; Морошкины за это ее и держали, да еще за проворство, потому что всякое дѣло въ рукахъ Фроси кипѣло ключомъ. Когда Фроси не было въ кухнѣ,

Платонида пускала въ ходъ свою политику: она начинала пугать, что возьметъ Анисью жить къ себѣ, и доводила дочь до слезъ, потому что Анисья боялась жить у матери пуще смерти.

— Дѣвушкѣ въ возрастѣ опасливо жить въ господахъ,—канючила Платонида.—Потому всякое дѣло бываетъ; долго ли дѣвку испортить... Посмотрю ужо, какъ ты жить станешь.

Эти разговоры обыкновенно кончались тѣмъ, что Анисья отдавала матери распослѣдніе, затаенные всѣми правдами и неправдами гроши, только бы она ея не трогала. Дѣвочка отлично помнила свою жизнь у матери. Платонида жила на самомъ краю города, въ такъ называемой Теребиловкѣ, въ лачугѣ, вмѣстѣ съ отставнымъ солдатомъ-кузнецомъ, который былъ вѣчно пьянъ и часто колотилъ Платониду, чѣмъ попадетъ. На дѣтскихъ глазахъ Анисьи прошелъ безконечный рядъ самыхъ возмутительныхъ сценъ и разврата; она часто сидѣла голодная по недѣлямъ, бѣгала даже зимой босая, а пьяная Платонида била ее и постоянно повторяла:—„Хоть бы ты околѣла, проклятущая“... Солдатъ тоже колотилъ Анисью и ничѣмъ не стѣснялся въ ея присутствіи. До десяти лѣтъ дѣвочка насмотрѣлась всего, пока Фрося не пристроила ее съ собой у Морошкиныхъ. И любила Анисья свою крестную, какъ родную мать, и только иногда вздрагивала, припоминая свое житье у матери; дѣвочка походила на котенка, который совсѣмъ замерзалъ на улицѣ, но добрая рука внесла его въ комнату, и вотъ онъ теперь сладко потягивается, наслаждаясь разливающейся по тѣлу теплотой и молодой силой.

Морошкины были хорошіе господа, какъ говорила Фрося — не богатые, и семья была большая, а тѣмъ хороши, что просты и не взыскивали съ прислуги. Самъ Морошкинъ былъ „судейскій“ и все ѣздилъ съ дѣлами по уѣзду. Барыня Морошкина любила покричать, но, какъ и Фрося, отходчива была сердцемъ: накричитъ, нашумитъ, обругаетъ, а глядишь, и смиловалась. Конечно, дѣтей у нихъ было много, ну, да какъ быть-то: у другихъ господъ и безъ дѣтей, да прислуга бѣгаетъ, высуня языкъ. Когда Фрося напивалась не въ мѣру или убѣгала изъ дому, барыня Морошкина кричала на нее какъ оглашенная, топала ногами и клялась, что минуточки не будетъ держать пьяную прислугу.

— Довольно мнѣ отъ тебя терпѣть, шатущая... Моченьки моей не стало!—кричитъ барыня, а Фрося слушаетъ и все молчитъ.—Ну, чего ты молчишь-то, безголовая... а?

— Да что же мнѣ говорить-то, барыня... ослабѣла и немножко, это точно! Мой грѣхъ.

То-то: „ослабѣла“. Тьфу!.. Ежели да ты хоть разъ еще напьешься: вонъ!..—заканчивала барыня и уходила къ себѣ.

Фрося молча принималась за работу, долго ворчала себѣ подъ носъ, что ей наплевать на барыню, что она „себѣ барыня“ и что она уйдетъ непремѣнно, но дѣло всегда заканчивалось мирно: Фрося умѣла заслужить свой бабій грѣхъ, а барыня забывала свое обѣщаніе.

У Морошкиной была маленькая слабость, которую Фрося знала отлично: барыня любила красивую прислугу, а Фрося ужъ не ударитъ лицомъ въ грязь и выплыветъ при гостяхъ такой павой, что—отдай все. Тоже вотъ въ праздникъ, когда ходила съ дѣтьми гулять, Фрося шла по улицѣ настоящимъ королемъ, а барыня стоитъ у окна да любуется: очень ужъ хороша была Фрося, когда вымоетъ рожу да приодѣнется.

— Гдѣ вы такую и отыскали? — спроситъ какой-нибудь гость барыню, когда Фрося подаетъ самоваръ или закуску, а барынѣ это и любо.

Баринъ Морошкинъ рѣдко бывалъ дома и ужъ очень надоѣдалъ Фросѣ сапогами: каждое утро подай ему вычищенные сапоги, а утромъ-то и безъ того дѣла по горло. Но теперь сапоги чистила Анисья, и Фрося не жаловалась на барина. Анисья напьчилась съ ребятами, водила ихъ гулять и любила съ ними играть въ разныя господскія игры. Между прочимъ, она сама научила ихъ одной игрѣ, въ которую сама играла когда-то съ другими, такими же, какъ сама, забытыми судьбою дѣтьми: эта игра называлась „ярманкой" и состояла въ томъ, что дѣти дѣлились на двѣ половины — одна половина изображала ярмарочныхъ купцовъ, другая — покупателей. Купцы зазывали покупателей, обманывали, божились, въ заключеніе игры обязательно напивались пьяными вмѣстѣ съ покупателями и отправлялись въ баню. Игра выходила очень смѣшная, но барынѣ не понравилась и была скоро воспрещена, а Анисья получила выговоръ.

— Откуда ты это взяла?—допрашивала Морошкина.—Какіе-то пьяные, потомъ эта баня... фу! Какая мерзость!

— У насъ такъ всѣ играли...—застѣнчиво отвѣтила оробѣвшая Анисья.—Пьяные купцы всегда въ баню ѣздятъ.

— Ну, и прекрасно, пусть ѣздятъ, а ты не должна дѣтей учить разнымъ гадостямъ... Понимаешь: это нехорошо!

— Понимаю...

Въ сущности, Анисья ничего не поняла, а отвѣтила только такъ, какъ всегда отвѣчала провинившаяся въ чемъ-нибудь Фрося. „Конечно, купцы всегда на ярманкѣ напиваются пьяные и всѣ въ баню ѣздятъ". Такъ думала испорченная дѣвочка и не могла понять, что тутъ нехорошаго, потому что самые богатѣющіе купцы такъ дѣлаютъ; по крайней мѣрѣ такъ разсказывала Фрося.

III.

Ирбитская ярмарка продолжается цѣлый февраль мѣсяцъ, и Фрося еще задолго до открытія ярмарочнаго сезона начинала волноваться и, какъ говорила, „не находила себѣ мѣста". Ее точно начинало мучить какой-то бѣсъ. Она часто выскакивала за ворота безъ всякой видимой причины, осматривала, заслонивъ одной рукой глаза, а другую спрятавъ отъ пронизывавшаго холода подъ фартукъ, всю улицу изъ конца въ конецъ и даже бѣгала въ одномъ сарафанѣ въ Московскую улицу, провѣдать, не пріѣхалъ ли кто изъ московскихъ купцовъ. Въ это же время въ морошкинской кухнѣ начинали появляться таинственныя бабы, мужики и какія-то старушонки, приносившія Фросѣ таинственные узелочки съ деревенскими гостинцами, потомъ и двугривенные. Каждый такой гость, послѣ обычныхъ привѣтствій, говорилъ, кланяясь въ поясъ:

— Ужъ не оставь ты насъ, Афросинья Панкратьевна... будь такая милая. Куда намъ съ дѣвками-то дѣваться: одолѣли онѣ.

— Ладно, ладно, — бойко отвѣчала Фрося, откладывая узелки подъ лавку.—Для своихъ-то уметовскихъ какъ не постараться... Вотъ у Семеновыхъ будетъ мѣсто, у Ивановыхъ, у Гавриловыхъ. Вездѣ руки надобны.

— Ужъ постарайся, въ самомъ дѣлѣ, для своихъ-то... ослобони.

— Да ужъ сказала... Много понче уметовскихъ-то дѣвокъ навезли. Поишто это у васъ все дѣвки родятся... а?

— Ужъ такое наущеніе, Афросинья Панкратьевна... Извѣстно, не отъ насъ, а по грѣхамъ нашимъ. У насъ нонѣ баская дѣвка пошла, кругомъ, какъ московскій колачъ. Только не отдавай въ Татарскій конецъ, а то какъ разъ косоглазыхъ потащатъ дѣвки-то: у насъ этого и заведенья въ Уметахъ не было. Ужъ ты не обидь...

— Не обижу: у меня слово законъ... Всѣхъ на Московскую устрою.

Секретъ этихъ таинственныхъ посѣщеній заключался въ томъ, что, при помощи ловкой на такія дѣла Фроси, происходилъ наемъ женской прислуги въ отдававшіеся подъ наемъ для пріѣзжающаго купечества дома. Каждый годъ изъ Уметовъ являлись партіи дѣвокъ, которыхъ Фрося пристраивала къ Иванову, Семенову, Гаврилову и прочимъ ирбитскимъ домовладѣльцамъ, громадные дома которыхъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ стояли необитаемыми, но зато были биткомъ набиты жильцами въ ярмарку. За свои труды пробойная Фрося получала и съ родителей и родственниковъ поставляемыхъ на ярмарку уметовскихъ дѣвокъ, и съ домовладѣльцевъ, и съ самихъ дѣвокъ, когда онѣ бойко работали на ярмаркѣ. Условія найма для всей Ирбити установлены спокономъ вѣка: за всю ярмарку она получала отъ хозяевъ 50 к., а остальные должна была заработать сама,—поэтому непремѣннымъ условіемъ ставилось, чтобы дѣвокъ хозяева не притѣсняли. Обязанность поставлять этотъ живой товаръ являлась для Фроси все-таки тяжелымъ бременемъ, которое она брала на свои круглыя, жирныя плечи только по сердечной добротѣ, изъ желанія послужить своимъ уметовскимъ, потому что послѣ каждой ярмарки съ уметовскими дѣвками чистая бѣда: половина дѣвокъ мретъ и слезами обливается, потому что затяжелѣла... другая, болѣе счастливая половина, отдѣлывается „французской болѣзнью“ и другими ярмарочными подарками. Изволь ихъ всѣхъ утѣшать да устраивать!

— Ужъ не могли вы, шкуры, чтобы по-благородному!—ругалась Фрося съ ревѣвшими дѣвками, тыкая пальцемъ въ полнѣвшіе животы.—Право, безсовѣстныя... Нѣтъ, чтобы не совѣсти да по-благородному. Куда ты теперь дѣнешься? И павѣрно дѣвку родишь... впередъ знаю и насквозь вижу всѣхъ до единой!..

Однимъ словомъ, спеціальность Фроси была очень щекотливаго свойства, и она утѣшалась между прочимъ тѣмъ, что родившіяся незаконныя дѣти были какъ на заказъ—настоящіе московскіе колачи.

Вмѣстѣ съ Фросей лихорадочно готовился къ ярмаркѣ и весь городъ, точно къ великому дню. Мертвые дома оживали: вездѣ мыли, скребли и чистили, вездѣ суетились и хлопотали тысячи людей, а по двумъ трактамъ, съ сибирской и московской стороны, въ городъ безконечной лентой ползли обозы, фуры, кошевыя, повозки, точно сюда стягивались двѣ громадныя арміи. Тотъ день, когда прибѣгала въ Ирбить первая кошевая съ московскими гостями, для Фроси былъ настоящимъ праздникомъ, и она непремѣнно улучитъ минутку, чтобы сбѣгать и хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на „московскихъ голубчиковъ“.

— Больше ужъ я люблю этихъ московскихъ,—каялась Фрося въ своей слабости,—точно вотъ на сердцѣ легче... И народъ только: яблоко къ яблоку, всѣ въ одно перо. Ужъ не чета этимъ желторотымъ сибирякамъ да татарамъ: выжиги проклятущіе!

Ко дню официальнаго открытія ярмарки Ирбить представляетъ зрѣлище, единственное въ своемъ родѣ: это настоящее половодье, когда выступившая изъ береговъ вода топитъ окрестности на десятки верстъ кругомъ. Господствующая и вседержащая нота этого разлива—купечество... Всѣ тутъ, какъ крошево въ чашкѣ: и москвичи, и нижегородцы, и казанцы, и пркучане, и томичи, и вятичи, и харьковцы, да еще на придачу инородь разная—бухарцы, китайцы, армяне, татары, нѣмцы, французы, англичане... Настоящее вавилонское смѣшеніе языковъ! Но, конечно, первое мѣсто и красная ложка принадлежитъ московскому купечеству, этому fine fleur'у россійской коммерціи—

недаромъ и главная улица называется Московской. Вмѣстѣ съ москвичами являются и московскіе калачи, и московскіе растягаи, и московскій квасъ, и на московскую руку трактиры съ машинами, встрепанными половыми, дѣлающими вѣчную стойку, бильярдами и хорами арфистокъ. Если въ обыкновенное, „мирное“ время, когда вся Ирбить спитъ всѣми своими пустыми домами сказочнымъ непробуднымъ сномъ—если бы этотъ якобы городъ зажечь со всѣхъ четырехъ концовъ, и тогда не было бы того содома, бѣготни и хлопотъ, какой производитъ прилетъ однихъ московскихъ „голубчиковъ“. Можно подумать, что именно здѣсь совершается вторымъ изданіемъ столпотвореніе или одинъ изъ тѣхъ эффектныхъ геологическихъ переворотовъ, какіе рисовались пылкому воображенію старичковъ-геологовъ.

Вмѣстѣ съ караванами, нагруженными купечествомъ, съ обозами и съ плывшими широкой рѣкой московскими ситцами, плисами и миткалями, потянулись въ Ирбить, съ московской стороны, „жертвы общественнаго темперамента“, или, выражаясь на московскомъ жаргонѣ—„штучки“... Эта специфическая грязь дополнила общую картину ярмарки и явилась въ общемъ ярмарочномъ концертѣ послѣдней нотой. Кромѣ Москвы поставщиками „штучекъ“ служитъ Нижній, Казань, Тифлисъ, Нахичевань, Бердичевъ и знаменитый нѣмецкій градъ Рига: казанскія татарки, тифлисскія грузинки, нахичеванскія армянки, бердичевскія жидовки, рижскія нѣмки—все это были добровольныя жертвы разгулявшагося ярмарочнаго звѣря, требовавшаго себѣ специфическаго „chair à farmarka“.

— Вотъ и провіантъ пріѣхалъ...—говорила Фрося, провожая глазами кошевыя съ „штучками“.—Одначе вонѣ здоровс народу понаперло на ярмарку, не хватитъ кралей-то...

Фрося очень внимательно слѣдила за прибывавшими со всѣхъ концовъ Руси „кралями“ и вѣдала свои статистическія вычисленія. По вечерамъ, когда господа малымъ дѣломъ задавали высыпку послѣ обѣда, она успѣвала сбѣгать на Московскую и къ пассажу, чтобы поглазѣть на народъ. Ее такъ и тянуло на гудѣвшую улицу, гдѣ столбомъ столбъ стояли и гдѣ трактиры смотрѣли такими ярко освѣщенными окнами, точно внутри этихъ притоновъ занялся пожаръ. Мимо летѣли тройки, кошевья, извощичьи сани, бѣжали пѣшеходы—и вездѣ чувствовалось что-то такое нехорошее, пьяное, разгульное, безшабашное. Даже на окраинахъ, гдѣ-нибудь въ Глинкахъ, въ Татарскомъ концѣ или въ знаменитой Теребиловкѣ—и тамъ свѣтилась и дымилась каждая избушка, поглядывая на снующій народъ лихорадочно горѣвшими глазами. Въ пассажѣ играла музыка, привлекавшая къ себѣ густыя толпы гуляющихъ; въ гостиницахъ съ арфистками стояло настоящее разливанное море, въ которомъ барахтались и тонули московскіе тятеньки, вмѣстѣ съ своими сынками-саврасами. Масса другихъ притоновъ поглощала остальную часть публики, гдѣ „съ пѣснею и пляскою—обирали вѣжливо, обдирали съ ласкою“. Проститутки, шулера, жулики вырывали сырымъ мясомъ то, что приходилось на ихъ долю изъ вынилленныхъ ярмарочнымъ днемъ гропей и копеекъ. Фрося, попавъ на улицу, дѣлалась какъ пьяная и каждый разъ вспоминала съ тяжелымъ вздохомъ, какъ сама въ былое время чертила по разнымъ вертепамъ съ „покойничкомъ“ Сидоромъ Иванычемъ...

— Видно, отошло золотое времечко...—говорила Фрося, и съ горя завертывала къ кабачокъ раздавить муху.—Эхъ, стара стала! Пора умирать...

Иногда Фрося захватывала съ собой Анисью и чесвящала ее въ тайны ярмарочныхъ ночей: вонъ тутъ—домъ съ московскими кралями; у Парфеновыхъ—жулики купцовъ въ карты обыгрываютъ; а вонъ въ томъ дому—богатый

армянинъ остановился, который недобрымъ дѣломъ забавляется, и т. д. Анисья глазѣла по сторонамъ большими глазами, какъ оглушенная, и крѣпче прижималась къ крестнѣ, не выпуская ея сарафана изъ руки; она больше всего любила толкаться въ пассажѣ, когда тамъ по вечерамъ играла музыка. Блестящіе магазины такъ и тянули къ себѣ публику; у кого не было лишнихъ денегъ—тотъ могъ хоть наглядѣться всласть. Въ одну изъ прогулокъ Фрося купила крестницѣ обѣщанный платокъ.

— Ну, будешь умницей, такъ и тебѣ такой сарафанъ сорудую,—бормотала подгулявшая Фрося, заплетаясь языкомъ.—Ужъ ты только меня слушай... послѣ сама спасибо скажешь.

Мать Анисьи не показывалась въ морошкинской кухнѣ, потому что даже и у ней шла работа: напоить своего солдата съ утра мертвецки-пьянымъ, а сама — шмыгъ на улицу. Мелкіе приказчики, прасола, извозчики и вообще бѣдный людъ—отводилъ душу въ Теребиловкѣ, гдѣ звенѣли и вставали ребромъ краденые хозяйскіе гроши и гдѣ пьяныя пѣсни прерывались отчаянными воплями тѣхъ, кому приходилъ преждевременный конецъ. Въ одномъ коромномъ мѣстѣ нашли удавленнаго татарина; въ другомъ—двухъ зарѣзанныхъ женщинъ; здѣсь—ограбили пьянаго купца: тамъ—принимались душить приказчика,—словомъ, катилось какое-то громадное колесо, давившее безъ разбору всѣхъ, кто попадалъ на пути.

IV.

Разъ, во время ярмарки, Морошкины были гдѣ-то въ гостяхъ и вернулись домой раньше обыкновеннаго. Съ дѣтьми оставалась знакомая старушка. Было часовъ одиннадцать, и господа вздумали поужинать.

— А гдѣ у насъ Фрося?—спрашивала барыня.

— Гдѣ ей быть: въ кухнѣ спитъ...

— Фрося... Эй, Фрося, вставай! Ужинать... Да гдѣ это она въ самомъ-то дѣлѣ?

— Видно, напилась, вотъ и спитъ, какъ зарѣзанная. Анисья!.. Эй, Анисья!..

Кухня помѣщалась внизу. Покричавъ напрасно прислугу, барыня разсердилась и спустилась по лѣстницѣ внизъ съ огнемъ, но кухня была пуста: ни Фроси ни Анисьи. Вдобавокъ и кухня была заперта изнутри. Барыня даже испугалась, пока не осмотрѣла окно во дворъ: зимняя рама была выставлена, а лѣтняя притворена только снаружи. Подъ окномъ на снѣгу ясно отпечатались слѣды ногъ.

— Ахъ, дрянь этакая, въ окошко выскочила!—вспылила барыня по обыкновенію и впередъ затопала ногами.—Ну, теперь, голубушка, ужъ я съ тобой разсчитаюсь за все... ужъ теперь у меня не отвертишься!..

Въ этотъ моментъ въ двери послышался нерѣшительный стукъ.

— Кто тамъ?

— Это я... Анисья...—послышался совсѣмъ незнакомый голосъ.—Пустите, барыня, ради Христа...

— Ты гдѣ это шаталась... а?—грозно закричала барыня, но сейчасъ же смолкла: на Анисьѣ лица не было, и она тряслась въ лихорадкѣ.—Что это съ тобой? Да гдѣ ты пропадала?

— Я... кресна... въ окошко... — безсвязно бормотала дѣвочка, не вытирая катившихся изъ глазъ слезъ.—Я едва убѣжала отъ нея...

— Ахъ, Господи, да говори же толкомъ!

Но Анисья тяжело всхлипывала и все еще не могла отдышаться; видъ

у поп былъ такой несчастный и жалкій, что у барыни душа не повернулась ее бранить: она почуяла что-то недоброе...

— Откуда ты убѣжала?—спрашивала она уже ласково.—Да перестань плакать, глупая... выпей воды.

— Я спала, какъ пришла Фрося откуда-то, выпивши, и разбудила меня,—разсказывала Анисья, немного успокоившись.—„Господа, говоритъ, въ гостяхъ до второго часу проваландаются, сбѣгаемъ въ пассажъ, я тебѣ на сарафанъ куплю“... Ну, я сначала боялась итти, а потомъ пошла. Кресна сердилась на меня... Въ окошко вылѣзли и на извозчикѣ поѣхали... а тамъ ужъ какой-то купецъ пьяный кресну ждалъ, увидалъ меня и говоритъ: „Это твоя штучка?“.—„Это“,—говоритъ кресна.

Дѣвочка опять заплакала, закрывъ лицо ситцевымъ передникомъ.

— Нехорошій такой купецъ-то, шадривый да старый,—продолжала она послѣ короткаго перерыва.—Фрося зачала съ нимъ сейчасъ рядиться: „Давай, говоритъ, сто рублей“; а купецъ говоритъ: „Три четвертныхъ билета“... Принялись они спорить, а я тутъ догадалась, что кресна меня хочетъ продать купцу... испугалась до смерти, вырвалась отъ кресны—да бѣжать, да бѣжать... Едва добѣжала... Барыня, голубушка, кресна меня прибьетъ, какъ воротится... а я не виновата... она мнѣ впередъ ничего не сказала... и окошко сама выставляла.

— Хорошо, не плачь!..—рѣшила барыня и сейчасъ же послала за матерью Анисьи.—Ну, этого я не прощу Фроськѣ... Ахъ, она, дрянь этакая!..

Платониду едва отыскали и привезли пьяную. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она завыла и закричала, какъ по покойникѣ.

— Ахъ, она подлая, Фроська!..—ревѣла Платонида и, ни съ того ни съ сего, бухнулась барынѣ въ ноги.—Это мою-то дочь вздумала продавать?! Ахъ, она!.. Да я ее живую не оставлю!.. Я носила, я родила Анисью, я ее выкормила, а Фрося хотѣла деньги получить за чужую дочь... Нѣтъ, погоди!..

Въ самый критическій моментъ этого причитанья въ кухнѣ появилась пьяная Фрося, которая вошла, какъ ни въ чемъ не бывало. Произошла самая горячая сцена: сначала на Фросю накинулась барыня, потомъ Платонида, непремѣнно желавшая вцѣпиться кумѣ прямо въ физіономію.

— Какъ это ты смѣла?.. А?..—наступала барыня въ страшномъ азартѣ.—Да есть ли на тебѣ крестъ-то?.. Ну, куда ты водила Анисью?

— Да вы, барыня, не очень...—грубо отвѣтила Фрося, подбочениваясь.—Мы и сами тоже съ усами... А уйти мы сейчасъ... живой ногой.

— Нѣтъ, ты скажи: продавала ты дѣвочку... а?..

— Ну, продавала... а вамъ, барыня, чужого добра жаль стало? Эка невидаль... Платонидка-то тоже ее продастъ, да только денегъ не сумѣетъ взять, а я-то ужъ не продешевила бы... И деньги половину ей же бы, дурѣ, отдала! Для нея же хлопотала-то... Спроси-ка: меня-то родная тетка за много ли спустила? За пятнадцать ассигнаціей!.. Да и Платонида умна въ синенькой бумажкѣ,—тоже на ассигнаціи...

— Да вѣдь Анисья несовершеннолѣтняя...—вопила барыня не своимъ голосомъ, ломая руки.—Вѣдь тебя и съ купцомъ вмѣстѣ въ каторгу за это сошлютъ?!.. Да ты совсѣмъ послѣдняго ума рѣшилась, безголовая...

— Деньги себѣ хотѣла взять... мои деньги... охъ, грѣховодница этакая, баба подлая! Деньги... а?—вопила Платонида, стараясь добраться своими дрожавшими руками до кумы.—Вѣдь она моя дочь-то... я ее въ утробѣ носила, а она—деньги себѣ!..

— Ничего вы объ-то не понимаете!..—сердито плюнула Фрося и принялась собирать свои пожитки.—Подняли содомъ, а я Анисьѣ же добра желала...

— Да вѣдь ей тринадцать лѣтъ? Вѣдь она еще ребенокъ?—горячилась барыня, снова закипая гнѣвомъ.—Господи! да что же это такое, наконецъ...

Фрося быстро собрала всѣ свои пожитки, связала ихъ въ одинъ узелъ и направилась къ двери, но вернулась и совершенно спокойно проговорила:

— Пожалуйте расчетъ, барыня...

— Вонъ!.. Вотъ тебѣ и расчетъ... чтобы и духу твоего не было!.. Вонъ, вонъ, вонъ...

— Да вы и въ самомъ дѣлѣ, барыня, ума рѣшились?—удивилась Фрося, начиная приходить въ себя.—Да другіе-то отцы-матери какъ меня просятъ, чтобы я пристраивала дочерей, а вы вонъ какіе поступки со мной поступаете... По ярманкѣ-то этакихъ дѣвчонокъ не одна сотня шляется. Ступайте въ пассажъ, сами увидите... Ежели бы я за трешницу дѣвку спустила,—ну, моя тогда вина, а вѣдь купецъ-то ужъ надавалъ цѣлыхъ три четвертныхъ: изъ руки въ руку. Я сама бы съ Аниськой и поѣхала да у него изъ горла вынула денежки, а Платонида,—вотъ помяните мое слово,—просолитъ Аниську за двугривенный...

— А вотъ и не просолю... у меня тоже есть знакомые купцы, которые дазно „штучки" хорошенькой ищутъ!—азартно вступилась Платонида и сейчасъ же заревѣла благимъ матомъ.—А ты, подлая, себѣ бы деньги взяла... себѣ-ѣ...

Барыня только руками развела: положеніе получалось самое безвыходное. Платонида плакала и убивалась не о томъ, что ея дочь чуть не продали на позоръ, а о томъ, что Фрося хотѣла ее предупредить... Чортъ знатъ, что такое выходило! Сгоряча она прогнала и Фросю и Платониду, которая увела за собой и плакавшую Анисью.

— Что же это такое?—возмущалась барыня.—Я сейчасъ поѣду въ полицію, пожалуюсь исправнику и отберу дѣвочку назадъ... Все это такъ гадко, такъ подло и грязно, наконецъ—такъ глупо... Господи, да что же это такое въ самомъ дѣлѣ! Родная мать—и вдругъ... Нужно наконецъ придумать такой законъ, чтобы предупреждать подобныя преступленія!..

Баринъ Морошкинъ тоже былъ возмущенъ, но взглянулъ на дѣло гораздо шире и больше съ отвлеченной, научной стороны, потому что считалъ себя спеціалистомъ по части статистики. Въ самомъ дѣлѣ: если обвести Ирбитъ кругомъ верстъ сто въ діаметрѣ, то внутри этого круга окажется сплошное незаконнорожденное населеніе, что происходитъ отъ неравновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Палліативами и компромиссами тутъ ничего не подѣлаешь, а необходимо вырвать зло съ корнемъ. Напримѣръ: необходимо соединить Ирбитъ съ Нижнимъ желѣзной дорогой, и тогда зло падетъ само собой. Почему?—Очень просто: на ярмарку въ Нижнемъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, навозятъ „жертвъ общественнаго темперамента" со всѣхъ сторонъ, такъ что въ результатѣ получается полная гармонія между спросомъ и предложеніемъ, и окрестное населеніе этимъ самымъ гарантировано отъ незаконнорожденныхъ; на Ирбитскую же ярмарку доставка штучекъ производится первобытнымъ способомъ—гужомъ, а это увеличиваетъ цѣну товара и нарушаетъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, что, въ свою очередь, создало цѣлую отрасль мѣстной промышленности—торговлю живымъ товаромъ... Если смотрѣть на сегодняшній поступокъ Фроси съ научной точки зрѣнія, то она, Фрося, является только слѣпой „выразительницей" извѣстнаго экономическаго закона, не больше.

— Ну, ужъ вы и городишь вздоръ, батюшка!..—накинулась барыня.—По-твоему и Фроська, и купецъ, который покупалъ Анисью, и мать, которая ее продастъ—всѣ правы?

— Я этого не говорю, но только, если смотрѣть съ чисто-научной точки зрѣнія, т.-е. какъ доказываетъ статистика... Возьми, напримѣръ, Англію или Францію...

— Хорошо, хорошо... А ты завтра же утромъ отправляйся къ исправнику или въ полицію и сдѣлай тамъ заявленіе,—какъ это тамъ по-вашему-то,—чтобы отнять Анисью у матери.

— Да нельзя же этого сдѣлать... т.-е. у матерей дѣтей отнимать.

— Почему нельзя?

Господинъ Морошкинъ очень хотѣлъ спать и поэтому что-то промычалъ въ отвѣтъ такое безсвязное, что его супруга только рукой махнула и плюнула. Наступившее завтра принесло съ собой много разговоровъ—всѣ единогласно жалѣли бѣдную дѣвочку Анисью и всѣ были увѣрены, что она погибнетъ въ ярмарочномъ омутѣ. Но что вы подѣлаете, если статистика неопровержимымъ образомъ доказываетъ и т. д. и т. д.?

V.

А пока умные да хорошіе господа судили да рядили, что и какъ дѣлается въ Англіи и Франціи, въ это время на окраинѣ Ирбити, гдѣ были торговыя бани, ежилась отъ холоду и перескакивала съ ноги на ногу едва прикрытая лохмотьями женская фигура, въ которой благосклонный читатель уже узналъ, вѣроятно, Платониду. Да, это была она, и читатель тоже догадывается, зачѣмъ она вечеромъ толчется здѣсь на тротуарѣ, вызывая смѣхъ извозчиковъ и кучеровъ. Ночь была холодная. Бушевала тяжелая февральская вьюга, рвавшая ставни на окнахъ и завывавшая въ трубахъ. Мелкій сухой снѣгъ крутился столбомъ и слѣпилъ глаза; стекла вездѣ были затянуты куржакомъ. У подъѣзда бань горѣло нѣсколько фонарей, но Платонида держалась внѣ полосы яркаго свѣта и все время не спускала глазъ съ входной двери, изъ которой, вмѣстѣ съ входившими людьми, вырывались клубы бѣлаго пара и какой-то глухой гулъ. Платонида ждетъ ужъ здѣсь битый часъ и успѣла продрогнуть до костей, не сводя глазъ съ выходной двери.

— Эй, принцесса! Ты чего добрыхъ людей пужаешь?—потѣшаются надъ ней извозчики, похлопывая рукавицами.—Мотри, всѣ болони промерзли въ тебѣ вершка на два.

Больше другихъ скалилъ зубы знакомый уже намъ Омельянъ, который, среди другихъ кучеровъ, являлся въ своемъ родѣ авторитетомъ, а всякій авторитетъ обязательно блеститъ остроуміемъ. Платонида давно узнала Омельяна и боится, чтобы онъ ее тоже не призналъ—и этой погибшей женщинѣ, можетъ-быть, совѣстно.—„Экъ ихъ, какъ долго...“—думаетъ несчастная, начиная терять терпѣніе. Она рѣшается на отчаянное средство и врывается въ банный коридоръ, откуда ее начинаютъ гнать банщики.

— Здѣсь купецъ въ лисьей шубѣ съ бобровымъ воротникомъ?—спрашиваетъ Платонида, напрасно упираясь руками и ногами.

— Мало ли купцовъ въ лисьихъ шубахъ на ярманкѣ... Брысь, шлюха...

— Родимые, скажите... онъ еще съ дѣвочкой... въ платочкѣ кумачномъ...

— Экая дура навязалась: мало ли тутъ ихняго брата въ платочкахъ, по номерамъ-то... Митряй, выворачивай ее!

— Моя вѣдь дѣвочка-то, разбойники!..—ругается Платонида и заканчиваетъ фразу уже на другомъ концѣ улицы, куда она перелетѣла кубаремъ,—такъ ее двинулъ Митряй.

Кучера надрываются отъ смѣха, а Платонида начинаетъ ругаться; въ подъѣздѣ стоитъ Митряй и ржетъ какъ-то по-лошадиному.

— Здорово ты ее саданулъ, Митрюшка, — одобрительно замѣчаетъ Омельянъ тономъ спеціалиста.—Дай ей еще хорошаго раза, чтобы она еще порханула... такъ рѣдькой и вылетѣла давѣ. Ловко, Митряй...

Подзадориваемый Митряй еще хочетъ отмочить какое-нибудь колѣно надъ пьяной и оборванной бабенкой, но въ это время среди кучеровъ раздается единодушный возгласъ:—„Гли, робя, кадрель валитъ сюды“... Дѣйствительно, изъ-за ближайшаго угла, погромыхивая бубенчиками, показались три тройки и прямо остановились у банпаго подъѣзда: изъ первыхъ двухъ коневыхъ, съ гамомъ и визгомъ, высаживается пестрая толпа пьяныхъ купцовъ и разряженныхъ женщинъ, а изъ третьей кошевой вылѣзаютъ музыканты—несутъ віолончель, футляры съ скрипками, мѣдныя трубы. Митряй вытянулся у распахнутыхъ настежь дверей и торжественно пропускаетъ мимо себя всю ораву.

— Хоть бы въ щелку посмотрѣть на чудотворцевъ-то...—слышится возгласъ въ толпѣ кучеровъ.—Ишь чего придумали: кадрель...

Вотъ замелькали торопливые огоньки въ самыхъ лучшихъ номерахъ, и точно все дрогнуло кругомъ, когда черезъ форточки вырвались на улицу звуки „Вьюшекъ“—взвизгивали скрипки, завывала віолончель, гремѣли трубы. Кучера въ нѣмомъ восторгѣ глазѣли на освѣщенныя окна, въ которыхъ мутно обрисовывались двигавшіяся фигуры; лошади навострили уши и щеголевато переступали ногами; даже вѣтеръ, и тотъ точно хотѣлъ принять участіе въ общемъ весельѣ и столбомъ кружилъ сухой снѣгъ на крышахъ, заметалъ ухабы и съ особеннымъ ожесточеніемъ бросался щипать носы и щеки, руки и ноги. Платонида точно замерла на тротуарѣ, жадно прильпувъ глазами къ освѣщеннымъ окнамъ, изъ-за которыхъ лилось рѣкой безшабашное, пьяное веселье... Вотъ и она когда-то начала свою карьеру съ этихъ бань, и Фрося тоже, а вотъ теперь Анисья тамъ съ купцомъ въ лисьей шубѣ... Что же это они такъ долго? Платонида чувствовала, какъ у ней нѣмѣютъ ноги и руки и какъ ее начинаетъ клонить ко сну, но она напрягаетъ послѣднія силы и начинаетъ шагать по тротуару. Но вотъ распахнулся подъѣздъ, и показался въ облакахъ пара купецъ въ лисьей шубѣ. Митряй бѣжитъ за нимъ и выкрикиваетъ на ходу:

— Съ легкимъ паромъ, ваше степенство...

Купецъ что-то суетъ ему въ руку и старается пройти мимо Платониды, которая загораживаетъ дорогу; Анисья жмется у дверей, закрывая лицо надвинутымъ на глаза платкомъ и едва держась на ногахъ.

— Деньги...—коченѣющимъ языкомъ хрипитъ Платонида, хватая купца за рукавъ.

— Что-о?..—удивляется какая-то угреватая пьяная рожа съ свиными глазками.—Да ты возьми глаза-то въ зубы...

Чтобы отвязаться отъ взвывшей, какъ ошпаренная кипяткомъ собака, бабы, купецъ суетъ ей какую-то ассигнацію въ руки и отталкиваетъ. Платонида еще разъ летитъ черезъ дорогу кувыркомъ, а купецъ уѣзжаетъ на извозчикѣ. Въ воздухѣ безобразной нотой встаетъ бабій вой, сыплются отборныя ругательства,—но все это тонетъ въ приливающей волнѣ веселыхъ звуковъ музыки...

1885.

ЮММЯ.

Эскизъ.

I.

Нашъ экипажъ весело катился по верхнеуральскому тракту. Направо высились отроги южнаго Урала, налѣво холмистая равнина уходила далеко къ горизонту. Послѣобѣденное солнце глядѣло во всѣ глаза, какъ оно глядитъ въ благословенной Башкирской степи. Картину портило только полное отсутствіе лѣса,—все было точно выбрито, какъ башкирскія головы.

— Вонъ онѣ, собаки, гдѣ радуются,—замѣтилъ кучеръ, въ видѣ поощренія вытягивая запотѣвшую, жирную пристяжку хлыстомъ.—По-ихнему юммя называется, а по-нашему пòмочь... У Бузыкая, значитъ, траву подвалили, а опъ имъ угощеніе и всякое прочее. Богатѣющій башкырище этотъ Бузыкай, т.-е. прежде онъ былъ богатѣющій... Человѣкъ, поди, семьсотъ сбѣжались къ ему на юммю.

Меня всегда удивляетъ этотъ глазомѣръ: почему семьсотъ, а не шестьсотъ—и самъ не скажетъ. А начните считать, какъ разъ семьсотъ и получится. То же самое съ прикидкой разстоянія на глазъ: верста съ четью будетъ... Эта способность „привѣситься“ особенно развита въ простомъ русскомъ человѣкѣ, а въ степи она необходима, потому что приходится постоянно мѣрять на глазъ. Такъ было и теперь: въ „юммѣ“ участвовало, дѣйствительно, около семисотъ человѣкъ.

Трактъ пыльной лентой завился на вершину горбившагося увала, и съ этой точки намъ отлично была видна вся картина башкирской пòмочи, пестрая и яркая, какъ это умѣютъ дѣлать только въ степи, гдѣ и цвѣты окрашены интенсивнѣе, точно они вырядились отъ избытка жизни или къ празднику. Налѣво отъ тракта отлогимъ скатомъ спускалась зеленая равнина. Небольшая степная рѣчка, прятавшаяся въ осокѣ, отдѣляла ее отъ громаднаго покоса, какіе встрѣчаются только въ цвѣтущей Башкиріи. Насколько хваталъ глазъ, разстилался этотъ лугъ, теперь покрытый правильными рядами скошенной травы. Издали онъ походилъ на развернутый кусокъ зеленой шелковой матеріи, переливавшій и лоснившійся на солнцѣ прихотливыми зигзагами. Можно себѣ представить, какой это роскошный лугъ, если для того, чтобы „подвалить“ на немъ траву, потребовалось семьсотъ человѣкъ. На покатости, спускавшейся отъ тракта къ рѣчкѣ, двумя кучками толпились отдыхавшіе косари. Центръ составляли двѣ зеленыхъ бухарскихъ палатки—одна для мужчинъ, другая для женщинъ. Около первой образовался широкій кругъ для борцовъ, а у второй дымились костры маханщиковъ.

— Эхъ, запоздали малымъ дѣломъ,—пожалѣлъ панъ кучеръ, осаживая взмыленную тройку у второй палатки.—Бѣга отошли...

— Какіе бѣга?

— А сперва башкыры на коняхъ гонялись, а потомъ на своихъ на двоихъ... Теперь одна борьба осталась.

Подавляющее количество помочанъ составляли, конечно, мужчины, сбившіеся въ живое кольцо около борцовъ. Мертвая тишина, наступавшая во время схватки, смѣнялась страшнымъ гвалтомъ, когда одинъ изъ борцовъ начиналъ валиться. Отдѣльно вырывались крики поощренія, восторга и спеціально-степной энергіи. Толпа принимала въ борьбѣ самое дѣятельное участіе, и сотни вспотѣвшихъ, красныхъ отъ натуги лицъ упорно сосредоточивали все свое вниманіе на аренѣ, гдѣ борцы показывали свою удаль. Борцовый кругъ подходилъ къ бухарской палаткѣ, раскрытой по-праздничному настежь, т.-е. раздвинуты были полукругомъ всѣ четыре стѣнки, а въ центрѣ оставалась четырехугольная шатровая крыша, поддерживаемая деревянными стойками. Въ палаткѣ на подушкахъ и коврахъ засѣдала разная башкирская старшина; большинство—старики, разодѣтые въ яркіе халаты, какъ и слѣдуетъ степнякамъ: Рустановъ изъ Тунгатаровой, Бахтіяровъ изъ Кураминой, Уразаевъ изъ Мулдашевой, Буляковъ изъ Карымовой, Шамиръ-Мухамедъ Рахимовъ изъ Мулдакая и виновники торжества—два брата Бузыкаевы изъ Муйнаковой. Младшій братъ Бузыкаевъ кончилъ курсъ въ омской военной гимназіи, но по возвращеніи на родину совершенно „обашкирился“, такъ что его ничѣмъ не отличишь отъ другихъ богатыхъ башкиръ—такой же ластиковый бешметъ, тюбетейка, мягкіе татарскіе сапоги и своего татарскаго покроя длинная ситцевая рубаха съ широкими рукавами и отложнымъ воротомъ. Я знаю другой примѣръ одного башкира, который кончилъ курсъ въ казанскомъ университетѣ и теперь влачитъ самое жалкое существованіе башкира-бѣдняка... Эти два примѣра не требуютъ, кажется, поясненій.

Пробраться въ кругъ не было никакой возможности, и я могъ наблюдать происходившую борьбу только черезъ головы любопытныхъ. Боролись по-татарски, черезъ опояску, а не „за воротокъ“, какъ борются за заводахъ. Нужно отдать справедливость, что боролись отлично, и можно было полюбоваться молодцами-башкирами. Конечно, боролась молодежь, а люди солиднаго возраста принимали участіе жестами и крикомъ. Азартъ степной публики проявлялся страшнымъ гвалтомъ, когда борцы схватывались вплотную и кубаремъ летѣли на землю. Конецъ борьбы тоже имѣлъ татарскій характеръ: именно, у русскихъ считается побѣжденнымъ упавшій, а здѣсь тотъ, кто очутится наверху, потому что при борьбѣ черезъ опояску должны упасть два бойца. Распоряжавшійся борьбой старикъ-башкиръ велъ побѣдителя къ палаткѣ, и тамъ хозяинъ выдавалъ ему кусокъ ситцу въ родѣ платка. Въ другихъ мѣстахъ продѣлывается такая церемонія: поборовшій башкиръ получаетъ мосолъ (кость съ мясомъ) и подаетъ ее хозяину, а тотъ его отдариваетъ чѣмъ-нибудь. Потомъ есть еще особенность въ русской и татарской борьбѣ: у татаръ борьба идетъ въ одиночку, а у русскихъ всегда идетъ одно село на другое, заводъ на заводъ, городъ на городъ, и весь смыслъ борьбы въ томъ, кто „унесетъ кругъ“. Поэтому русская борьба начинается мальчишками, а лучшіе борцы выступаютъ послѣдними, какъ призовыя лошади на скачкахъ. Благодаря такому соперничеству, русская борьба сплошь и рядомъ заканчивается общимъ побоищемъ, а здѣсь все шло тихо и мирно, не разжигая патріотизма разносельчанъ.

— Кумызъ хочешь?—спрашивалъ меня одинъ башкиръ, подходя съ кожанымъ турсукомъ.

— Хочу...

Турсукъ—кожаная фляга самой разнообразной формы и величины. Кумысъ сохраняетъ въ немъ и свой специфическій букетъ и не нагрѣвается такъ, какъ въ стеклянной посудѣ. Угощавшій меня башкиръ налилъ кумысъ въ плоскую деревянную чашку и подпесъ ее пятерней, какъ купцы пьютъ

чай. Я очень люблю этотъ напитокъ и выпилъ двѣ чашки. Получивъ бакшишъ, мой башкиръ сейчасъ же уступилъ мѣсто другому,—башкиры, какъ всѣ степняки, ужасно падки до бакшиша, и мнѣ стоило большого труда, чтобы отдѣлаться отъ любезныхъ приглашеній.

— Ай-яй-яй, мало примашь!..—съ огорченіемъ повторялъ цѣлый хоръ кумысниковъ.—Гуляй мало-мало... кумызъ ташшимъ...

Подарокъ, угощеніе, вообще что-нибудь даровое—слабое мѣсто даже зажиточныхъ башкиръ, которые не постыдятся попросить у васъ на заварку чаю. Это даже не нахальство выпрашивающихъ цыганъ, а какое-то степное дѣтство—за отказъ не обижаются, а отчего же и не взять, если даютъ

Послѣднимъ на арену выступилъ какой-то казакъ съ Оренбургской линіи. Плотный и кряжистый мужчина сразу свалилъ нѣсколько человѣкъ, но, достигнувъ зенита славы, погибъ самымъ постыднымъ образомъ. Его противникомъ выступилъ маленькій жилистый башкиръ, который самъ уронилъ казака на себя, а потомъ, какъ кошка, взобрался на него. Эта побѣда вызвала такой взрывъ общаго восторга, что при нѣкоторой добротѣ казакъ могъ бы упасть еще разъ для удовольствія разгулявшейся публики

— Башкиръ хитрилъ, казакъ дуракамъ валялъ,—объяснилъ худощавый башкиръ Азанчей, служившій въ Тунгатаровой муэзиномъ, а здѣсь исправлявшій должность мундшенка.—А байгу видѣлъ?

— Нѣтъ, не видалъ...

— Ничего не видѣлъ,—съ увѣренностью проговорилъ Азанчей и даже покачалъ головой.—Иноходецъ изъ Мулдакая впередъ бѣжалъ, другихъ лошадей всѣхъ кунчалъ. Потомъ малайка бѣжалъ,—много бѣжалъ, одинъ получалъ.

Азанчей былъ необыкновенно любезенъ и вызвался достать чаю, маханины и „бишбармакъ“. Сейчасъ видно тертую пріисковую косточку, побывавшую „на людяхъ“—и все это изъ желанія угодить, безъ всякой корыстной цѣли. Тунгатаровская волость занята золотыми пріисками, и здѣсь башкиры значительно обрусѣли, какъ говорилъ нашъ кучеръ: пріисковый башкиръ такъ же „подражаетъ“ барину, какъ и любой русскій мужикъ, даже, можетъ-быть, попревосходнѣе, съ угодливостью и ловкостью настоящаго азіята.

— Айда махань ашать,—приглашалъ меня Азанчей, показывая рукой на вторую палатку, вокругъ которой толпилось десятка два башкировъ, разодѣтыхъ въ до того яркія кумачныя платья, что больно было смотрѣть.

— А кумыса много привезли сюда, Азанчей?

— Ведеръ двадцать ташшилъ... Три ашата кунчалъ, десять баранъ кунчалъ: махань ашать будемъ, бишбармакъ ашать.

Видѣть настоящій башкирскій пиръ—это что-то ужъ совсѣмъ несообразное, никакъ не укладывавшееся съ представленіемъ о башкирскихъ голодовкахъ и быстромъ вымираніи этого забытаго племени. Смотришь и даже глазамъ не вѣришь, до того все это необычно...

II.

Женская палатка поставлена была къ мужской тыломъ—вѣроятно, изъ вѣжливости, какъ изъ вѣжливости башкирка при встрѣчѣ съ незнакомымъ мужчиной поворачивается къ нему спиной. Въ этой палаткѣ распоряжалась жена Бузыкая, толстая женщина небольшого роста, напоминавшая своей внѣшностью захолустную матушку-попадью. Какъ всѣ богатыя башкирки, она была въ бобровой шапкѣ и въ шелковомъ бешметѣ. Нѣсколько другихъ женщинъ помогали ей,—все это были жены башкирскихъ старшинъ, одѣтыхъ по одной модѣ. Разница заключалась только въ количествѣ монетъ, звенѣвшихъ на

груди и расшитыхъ даже по подолу бешметовъ, такъ что въ общемъ получалась какая-то нумизматическая коллекція. Красивыхъ женскихъ лицъ я не замѣтилъ,—хорошенькія дочери Бузыкая прятались въ палаткѣ. Въ двухъ шагахъ отъ палатки отдѣльной гурьбой толклись на мѣстѣ, какъ стадо овецъ, простыя башкирки. Если вблизи не было мужчинъ, онѣ тоже затѣвали борьбу, а жена Бузыкая раздавала побѣдительницамъ лоскутья ситца, какъ настоящимъ борцамъ. Раскраснѣвшіяся лица и блестѣвшіе глаза степнячекъ говорили о своемъ бабьемъ удовольствіи, хотя эта женская толпа принимала сейчасъ же какой-то виноватый и пришибленный видъ, когда вблизи показывался какой-нибудь мужчина,—если русская баба всегда виновата передъ мужикомъ, то башкирка даже не думаетъ о возможности оправданія, и въ каждомъ ея движеніи чувствуется вѣковая рабья покорность и рабій страхъ. Въ смыслѣ типа башкирка далеко уступаетъ своей русской сестрѣ, и красивыхъ лицъ въ средѣ простыхъ башкирокъ почти не встрѣчается, за самыми рѣдкими исключеніями. Такъ было и здѣсь... Около бабъ вертѣлась разная башкирская дѣтвора.

— Анайка гулялъ,—объяснялъ какой-то сѣдой башкиръ, сидѣвшій въ сторонкѣ отъ веселившейся толпы.

Центръ праздника составляло приготовленіе махана и бишбармака. На берегу рѣчки горѣло нѣсколько огней, нагрѣвавшихъ громадные чугунные казаны. Человѣкъ пять башкиръ-поваровъ хлопотали въ своей полевой кухнѣ съ ожесточенной энергіей присяжныхъ артистовъ. Съ засученными по локоть рукавами они напоминали заплечныхъ мастеровъ добраго стараго времени. Имъ помогали другіе башкиры въ качествѣ добровольцевъ. Процессъ приготовленія національнаго кушанья очень не сложенъ: заколотая лошадь или баранъ разрѣзывается на мелкія части, и это мясо варится вмѣстѣ съ костями въ круглыхъ чугунныхъ казанахъ, какіе спеціально приготовляются нѣкоторыми заводами для степныхъ потребителей; когда мясо выварится, въ казаны засыпаютъ „бишбармакъ“, т.-е. мелкіе катышки изъ тѣста. Бишбармакъ въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „пять пальцевъ“, потому что это кушанье берутъ изъ чашки или котла прямо горстью. Изъ лошадиныхъ кишекъ приготовлены были громадныя колбасы, набитыя жиромъ,—это ужъ лакомство, которое подается въ видѣ дессерта. Крику, бѣготни и суматохи около казановъ было даже слишкомъ много. Когда все было готово, принесли большія деревянныя чашки, вѣрнѣе—цѣлыя корыта, вмѣстимостью почти въ ведро; въ нихъ разложили поровну куски вареной конины (маханъ) и до краевъ наполнили бульономъ съ плававшимъ въ немъ бишбармакомъ, а поверхъ всего наложили жировую колбасу. Получилось что-то въ родѣ жирной каши, которую можно вычерпывать изъ чашки горстями. Маханщики впали въ какое-то неистовство, когда началась эта дѣлежка,—каждый кусокъ былъ на счету, и нужно было раздѣлить все поровну.

— Ерраръ *),—повторялъ Азанчей, перебѣгая отъ палатки къ палаткѣ и нюхая воздухъ.—Семьдесятъ чашекъ, семьсотъ человѣкъ... ерраръ.

Лучшіе куски, конечно, были отданы почетнымъ гостямъ. Когда повара торжественно отнесли нѣсколько чашекъ въ зеленую мужскую палатку, остальные кочане разбились на кучки по десяти человѣкъ и терпѣливо ждали очереди. Весь лугъ покрылся теперь сидѣвшими вокругъ чашекъ людьми. Ѣли прямо руками, черпая изъ чашекъ горстью, а потомъ пальцы облизывались. На нашъ европейскій глазъ это выходило совсѣмъ некрасиво, но башкиры были на верху блаженства: бѣднягамъ рѣдко приходится лакомиться такимъ бишбармакомъ

*) Ерраръ—хорошо.

и махалиной... Женщинамъ отдали то, что осталось въ казанахъ, да и эти остатки развели водой. Башкиркамъ всегда приходится питаться только остатками, какъ собакамъ. Изъ своей доли онѣ должны еще отдать что-нибудь дѣтямъ, которымъ по штату рѣшительно ничего не полагается. Нужно было видѣть этихъ несчастныхъ малаекъ, къ какой жадностью они накидывались на чашки съ маханиной и бишбармакомъ. Даже грудные ребятишки и тѣ что-то сосали, вымазывая смуглыя лица жиромъ.

Между прочимъ, я видѣлъ идиллическую сцену. Сѣдой махалщикъ съ трудомъ тащитъ корыто съ маханиной. Навстрѣчу попадается ему старуха-башкирка, которой, очевидно, ничего не досталось. Происходитъ какой-то бѣглый разговоръ, и старикъ, захвативъ горстью бишбармака, подноситъ ее своей пріятельницѣ. Старуха припала лицомъ къ гостепріимной горсти, съѣла все, что было въ ней, а любезный кавалеръ облизалъ послѣ нея всю руку.

— Ой, хуруша...

Кромѣ меня на праздникѣ было нѣсколько пріисковыхъ служащихъ и торгашей изъ ближайшаго села. Насъ тоже угощали маханиной и бишбармакомъ, причемъ не даны были деревянныя ложки. Если бы не органическое предубѣжденіе противъ конины и самаго способа приготовленія, то кушанье очень вкусное. Пріисковые ѣли съ удовольствіемъ, какъ люди привычные.

— Конина на глухарятину походитъ, только жирнѣе,—объяснялъ одинъ изъ служащихъ.—А жеребятина—такъ одна прелесть...

Насъ угощалъ Азанчей, успѣвавшій угодить всѣмъ. Онъ добылъ и самоваръ, что ужъ составляло роскошь.

Послѣднимъ номеромъ всего пира были кости, розданныя гостямъ. Какъ раздѣлили ихъ между собой пировавшіе—трудно сказать. Кажется, по безмолвному соглашенію, кости доставались старшимъ. Впрочемъ, изъ-за кости произошло небольшое недоразумѣніе между двумя братьями, которые быстро обмѣнялись нѣсколькими оплеухами. Это былъ единственный непріятный эпизодъ въ теченіе всего праздника, да и въ немъ было что-то такое дѣтское: большіе мужики дерутся изъ-за какой-то кости... Въ общемъ можно было только удивляться приличному виду всего праздника, и какъ-то даже не вѣрилось, что здѣсь однихъ мужчинъ больше семисотъ человѣкъ. Если что можно поставить въ упрекъ, то развѣ то, что во все время башкирскаго праздника не было слышно ни одного звука какой-нибудь пѣсни.

Когда все было кончено и кости обглоданы, помочане начали расходиться и разъѣзжаться по домамъ. Опять все это дѣлалось молча, и ни въ одномъ мѣстѣ не вспыхнула пѣсня. Русское ухо не привыкло къ такой мертвой тишинѣ, и какъ-то чувствовалось даже жутко, глядя на расходившихся помочанъ: неужели у нихъ не осталось ни одной радости, которая просилась бы на волю, ни одной свѣтлой мысли, ни одного теплаго чувства?.. Такъ расходятся только съ помпнокъ...

Впрочемъ, трудно и судить башкиръ за это безмолвіе. Этотъ задавленный своими историческими невзгодами народъ обреченъ исторіей на вымираніе, которое идетъ впередъ быстрыми шагами. Есть цѣлыя деревни, про которыя башкиръ говоритъ: „башка кунчалъ“, т.-е. что всѣ вымерли. Тутъ ужъ не до праздниковъ и не до пѣсенъ... Послѣднее зло, которое добиваетъ башкиръ у себя дома—это свои же башкирскіе кулаки, высасывающіе изъ населенія послѣднюю живую силу. Если башкиры еще могутъ работать, то только на своихъ кулаковъ, какъ и въ данномъ случаѣ. Какъ ни прижимаетъ русскій Колупаевъ, но онъ далеко уступаетъ башкирскимъ именитымъ людямъ.

1889.

Я... Я... Я...

Разсказъ.

I.

Подъ крутымъ берегомъ рѣки Пчевы шла кипучая работа. Партія владимирскихъ плотниковъ строила на сваяхъ пристань для перевоза черезъ рѣку, который зимой долженъ былъ превращаться въ „іордань". Получалась двойная выгода для женской обители, красовавшейся на береговой прикрутости своей бѣлой каменной стѣной и двумя старинными церквами, со скатными кровельками, вмѣсто нынѣшнихъ „куполовъ". Мѣсто было уютное и красивое—на мысу, на солнечномъ угревѣ. Весной еще всюду снѣгъ, а кругомъ обители уже проталинки и первыя весеннія „зеленя". Обитель была маленькая, всего на тридцать сестеръ. Офиціально она носила названіе третьеклассная монастыря „Божіей Матери Нечаянныя радости", а простой народъ называлъ ее „Дѣвьей обителью".

Стояли іюльскіе жаркіе дни. Даже отъ воды несло жаркимъ воздухомъ, точно изъ натопленной печи. На крутомъ мысу стояла ветхая часовенка, которую мать-игуменья Маргарита собиралась починить лѣтъ тридцать. Съ ранняго утра въ этой часовенкѣ появлялась блаженненькая Фима, садилась на приступочекъ, по-бабьи подхватывала рукой подбородокъ и такъ просиживала до самаго вечера, когда плотники кончали свою работу. Плотникамъ не было до нея никакого дѣла, но она рѣшительно всѣмъ мѣшала. Кто ни посмотритъ вверхъ—сидитъ Фимушка, и конецъ. Что ей нужно? Какое ей дѣло? А не даромъ сидитъ, потому какъ юродивая и прозорливая. Разъ плотники позабыли про нее, и закоперщикъ тонкимъ, „пшеничнымъ" теноркомъ завелъ приставъ къ „Дубинушкѣ":

Охъ, старушка наша мать,
Помоги бревно поднять...

Только и всего, кажется. А Фимушка подняла правую руку и начала ей помахивать, точно обожглась. На второй же день закоперщику оторвало чугунной бабой именно у правой руки два „перста". Какъ ножомъ стрѣзало... Всѣмъ было ясно, что устроила каверзу именно Фимушка.

— Недаромъ она рукой-то трясла...—ворчалъ рыжій подрядчикъ Пименъ, почесывая въ затылкѣ. — Конечно Божій человѣкъ, а все-таки она того... очень даже вредно.

Артель молчала. И жаль лихого запѣвалу, и какъ будто страшно. Мало ли еще что блаженненькая придумаетъ,—отъ нея все станется.

— Въ колья ее взять, вотъ и весь разговоръ!—ворчалъ кто-то.—Чтобы впередъ ей было не повадно. Разговоръ короткій.

Посудачили, поворчали—тѣмъ и дѣло кончилось. А Фимушка такъ и осталась сидѣть у своей часовни. Подрядчикъ, когда получалъ въ субботу двухнедѣльный расчетъ отъ матери-казначеи Анеисы, не утерпѣлъ и пожаловался на Фимушку. Мать-казначея была небольшого роста, но очень грузная старушка. Она только замахала коротенькими ручками и откровенно созналась:

— Охъ, и не говори, Пименъ! Я и сама боюсь Фимки. Богъ ее знаетъ, что у нея на умѣ. Постоянно бормочетъ себѣ подъ носъ, а хуже всего, когда засмѣется: вотъ точно ножомъ по сердцу. Пристала къ нашей обители и нейдетъ никуда. Болѣзная у насъ мать-игуменья, жальливая, ну, и не гонитъ. Въ послушницы сколько разовъ Фимку звала, а Фимка ей въ глаза и говоритъ: „Недостойная я раба, мать-игуменья... И молиться я лѣнива, и въ мясоѣдъ люблю курочку покушать“. Такъ и отрѣзала... А вы вотъ пѣсни-то поменьше горланьте, Пименъ! Другой разъ и неподобное выходитъ для обители...

— Что же, мать-казначея... оно, конечно, наше дѣло темное, плотницкое... За всякимъ словомъ тоже не угоняешься... Извѣстно, артель. Однимъ словомъ сказать, молите Бога о насъ, честныя матери!

Ушелъ Пименъ отъ матери Анеисы ни съ чѣмъ и только почесывалъ въ затылкѣ. Не прошло дня, а тутъ опять новая провинка. Новый закоперщикъ какъ затянетъ:

Петербургски дѣвки модны,
Ходятъ цѣлый день голодны...

Пименъ только ахнулъ. Фимушка сидѣла на своемъ мѣстѣ и дико хохотала, поджавъ животъ. Пименъ обругалъ закоперщика и по пути всю артель.

— Чему вы обрадовались, горлопаны?! Вотъ она какъ заливается. Охъ, не къ добру это!.. Изведетъ она всѣхъ.

Рыжій Пименъ пустился на хитрость. Купилъ въ деревнѣ кумачный платокъ съ желтыми разводами и принесъ Фимушкѣ.

— На, вотъ тебѣ, Божій человѣкъ,—конфузливо говорилъ онъ, подавая подарокъ.—Это, значитъ, отъ артели...

Фимушка не взяла, а какъ-то вырвала изъ рукъ Пимена платокъ, разостлала его по травѣ и засмѣялась.

— Вотъ скоро пойду замужъ, такъ пригодится...—бормотала она.—Въ самый разъ... Честь всегда лучше безчестья. Спасибо!..

— Только оно тово, Фимушка...—заговорилъ Пименъ, почесывая въ затылкѣ, точно выскребая оттуда какое-то мудреное слово.—Ужъ сдѣлай божецкую милость... значитъ, уйди ты съ берега-то; а то вся артель сумлѣвается вотъ какъ... Мало ли какое слово молвится, а ты все слушаешь...

— Казначеѣ бѣгалъ на меня жаловаться, миленькій?

— То-есть такъ... къ слову... вообче...

— Жалуешься, а не знаешь кому: у казначеи-то только сверху одинъ жиръ живъ, а середка уже давно мертвая... ха-ха! Помнишь бѣлую кошку... На казначеѣ-то шкурка черная, а на кошкѣ шкурка бѣлая. Вотъ и догадайся, что къ чему.

— Неподобное ты говоришь, Фимушка, и даже очень вредное...

Пимена даже оторопь взяла. Вѣдь выговоритъ же блаженная словечко... Этакій человѣкъ заведется да еще не гдѣ-нибудь, а въ обители. То ли она отъ ума говоритъ, то ли зря на вѣтеръ болтаетъ—ничего не разберешь.

Ровно черезъ три дня мать-казначея умерла отъ удара. Вышло все по сказанному, какъ по писанному. Была у казначеи Анеисы бѣленькая кошечка, которую она очень любила. Такая забавная игрунья-кошечка,—цѣлый день играетъ. Была у казначеи Анеисы любимая чайная чашечка, изъ которой

она пила чай лѣтъ тридцать. Разыгралась бѣленькая кошечка и разбила любимую чашечку. Очень огорчилась старушка, бросилась за озорницей-кошечкой, хотѣла ударить ее лѣстовкой,—споткнулась, упала и отдала Богу душу. Когда подрядчикъ Пименъ узналъ объ этомъ происшествіи, онъ какъ-то сразу упалъ духомъ. Выходило дѣло совсѣмъ неладно.

— Ну и Фимушка!..—бормоталъ Пименъ, припоминая свой послѣдній разговоръ съ ней.—Этакъ-то и житья отъ нея не будетъ. Охъ, грѣхи, грѣхи!..

А Фимушка все сидитъ у часовни и съ утра до вечера смотритъ, какъ работаютъ плотники. А по обители прошла молва объ ея разговорѣ съ рыжимъ Пименомъ, и всѣ сестры „ужахнулись, уязвяся сердцемъ". Пимена вызывали нѣсколько разъ въ обитель и заставляли въ десятый разъ подробно разсказывать, какъ было дѣло.

— Моей тутъ причины никакой нѣтъ...—оправдывался Пименъ.—Дѣйствительно, былъ у меня разговоръ съ покойницей, а откуда о немъ вызнала Фимушка—ума не приложу. Такъ, промежду себя разговаривали... Я пожалѣлъ тогда своего закоперщика—только и всего. Куда онъ теперь дѣнется безъ пальцевъ-то?

Вся обитель гудѣла отъ пересудовъ, какъ пчелиный улей. Простой разсказъ подрядчика Пимена уснащался всевозможными красными вымыслами встревоженной обительской фантазіи и разрастался съ быстротой снѣжнаго кома, который катился съ вершины крутой горы.

Подрядчикъ Пименъ началъ какъ-то задумываться и выходилъ на работу „совсѣмъ туманный", какъ говорили рабочіе. Онъ угнетенно вздыхалъ, что-то бормоталъ себѣ въ рыжую бороду и отмахивался рукой, точно его одолѣвалъ рой комаровъ.

— Изведетъ она всѣхъ,—думалъ онъ вслухъ.

Разъ онъ пошелъ въ обитель и по дорогѣ встрѣтилъ блаженненькую. Фимушка запрыгала передъ нимъ на одной ногѣ, захохотала и показала языкъ. У Пимена сердце екнуло. Вся артель обсуждала, что̀ это могло значить. Всѣ качали головами и судили-рядили вдоль и поперекъ.

— Не спроста дѣло...—галдѣли мужики.—Только надо его понять. Это она тебѣ къ тому языкъ показала, что ты разболталъ тогда о матери-казначеѣ. Дескать, языкъ у тебя длинный, Пименъ.

Въ другой разъ Фимушка спустилась къ самому мѣсту постройки, подняла щепочку и подала ее Пимену.

— Это тебѣ отъ меня подарочекъ, — объяснила она, улыбаясь.—Щепочка—не колодочка, колодочка—не лодочка... Вотъ догадайся-ка?..

Тутъ уже вся артель перепугалась, а подрядчикъ Пименъ съ горя запилъ горькую. Съ нимъ это рѣдко случалось, и никто его не обвинялъ. Хоть съ кѣмъ случись такая оказія... всякій запьетъ мертвую.

Подрядчикъ Пименъ звѣрски пьянствовалъ цѣлыхъ двѣ недѣли, а потомъ, переѣзжая черезъ Пчеву, пьяный утонулъ. Тогда всѣмъ сдѣлалось ясно, о чемъ безсвязно бормотала Фимушка. Артель не докончила работы и разбрелась, проклиная блаженную.

II.

Фимушка поселилась въ обители всего лѣтъ пять тому назадъ. Родомъ она была изъ сосѣдняго села Угляны, гдѣ жила съ мужемъ лѣтъ десять. Замужество выдалось самое несчастливое. Мужъ безпощадно истязалъ и билъ Фимушку все время, билъ артистически, пока она не теряла сознанія. Происходила самая обыкновенная деревенская исторія, и ни одна живая душа

не заступалась за несчастную бабу, не желая нарушать священнаго права всякаго мужа „учить жену“. Всѣ знали, что мужъ бьетъ Фимушку смертнымъ боемъ; всѣ видѣли, какъ онъ ее таскалъ за косы по деревенской улицѣ, топталъ ногами, полосовалъ спеціально сплетеннымъ для нея ременнымъ кнутомъ,—и всѣ благочестиво отворачивались.

— Не наше дѣло... Промежду мужемъ и женой одинъ Богъ судья.

Фимушка, какъ забитое животное, пряталась отъ посторонннихъ глазъ, молчала и никому не жаловалась. Но въ концѣ концовъ на нее неожиданно „накатилъ стихъ“. Забитая баба вдругъ точно озвѣрѣла, такъ что даже кровопивецъ-мужъ испугался. Фимушка съ сумасшедшимъ хохотомъ бросалась на мужа съ ножомъ, грозила сварить его кипяткомъ, отравить, зарубить топоромъ соннаго. Однимъ словомъ, совсѣмъ тронулась умомъ баба. Мужъ пробовалъ утихомирить ее домашними средствами: привязывалъ во дворѣ голую къ столбу, морозилъ зимой босую въ чуланѣ, морилъ по недѣлѣ голодомъ, но всѣ эти отеческія мѣры не привели ни къ чему. Фимушка хохотала своимъ сумасшедшимъ хохотомъ и кричала „источнымъ“ голосомъ:

— Отвѣтишь за мою голову, душегубъ! Немного тебѣ и жить осталось, окаянному!

У несчастнаго мужа наконецъ опустились руки, и онъ запилъ горькую, какъ истинно огорченный русскій человѣкъ.

Кончилось тѣмъ, что мужъ Фимушки скоропостижно умеръ. Все село было убѣждено, что она его „стравила“; но всѣ молчали, чтобы не поднимать напрасныхъ хлопотъ. Наѣдетъ начальство, потянетъ по судамъ, пойдетъ прижимка,—бѣды не оберешься. Волостные старички коротко и ясно заявили Фимушкѣ:

— Ну, милая, ты теперь окончательно, значитъ, ослобонилась... Да... Такъ ужъ тово, мы тебя не обязываемъ жить съ нами. Скатертью тебѣ дорога... Дѣтей у тебя нѣтъ, а одна голова промыслится какъ-нибудь.

— И то уйду!—дерзко отвѣтила Фимушка.—Тошно мнѣ и глядѣть-то на васъ, на бабьихъ душегубовъ... Безъ васъ уйду.

— Сдѣлай милость, Фимушка, ослобони міръ!

Фимушка не заставила просить себя во второй разъ. Она махомъ продала избу, скотину, все обзаведенье и ушла въ Дѣвью обитель. Слухи о скоропостижной смерти ея мужа уже дошли, конечно, до обительскихъ сестеръ, и онѣ встрѣтили ее довольно сурово; но за нее заступилась игуменья Маргарита.

— Мало ли что болтаютъ, — не нашего ума дѣло, — успокаивала она взволнованную монашескую братію.—Богъ все видитъ... Куда ей дѣваться-то? Натерпѣлась она въ міру, а теперь пусть отдохнетъ.

Игуменья Маргарита была не изъ простыхъ, какъ другія сестры, и поступила въ обитель молоденькой дѣвушкой. Трудница была и постница, а главное, имѣла хотя и добрый, но твердый характеръ. Сказала—отрѣзала. Зотъ здоровья Богъ ей не далъ: все больше лежала и выходила въ церковь только къ большимъ службамъ. Ее уважала вся округа, и пріѣзжали къ ней изъ дальнихъ мѣстъ и за совѣтомъ и за утѣшеніемъ.

Фимушка явилась въ обитель, какъ къ себѣ домой, и сама выбрала себѣ мѣсто въ скотной избѣ, гдѣ жили коровницы. Она притащила съ собой какой-то сундучишко и поставила въ уголокъ на лавкѣ.

— Хорошо у васъ тутъ, сестрицы,—похвалила Фимушка, выбирая себѣ мѣстечко около печки потеплѣе.—Чебитыя живете.

Сестрички отмалчивались, наблюдая за каждымъ шагомъ новой обительской жилички.

— И безстыжая только... — шушукались онѣ между собой.—Хоть бы спросилась у кого...

— А что ужъ съ нея и взыскивать, коли роднаго мужа стравила... Какой тутъ стыдъ!

Сестрички судачили за спиной и побаивались Фимушки. Какая-то она особенная,—ни къ чему не примѣнишь. И все дѣлаетъ со смѣшкомъ да съ прибауточками,—словечка спроста не вымолвитъ. Другая бы вотъ какъ рада была теплому углу, а она еще выкомуриваетъ. Живали и раньше въ обители разныя „странныя“ бабы, такъ тѣ совсѣмъ другое: тихія, очестливыя, покорныя.

Внутри обитель совсѣмъ не походила на монастырь. Отъ стародавней стройки оставались только каменныя стѣны съ башенками по угламъ да двѣ церкви. Обитель выгорала до тла раза три. Вся новая стройка, за исключеніемъ каменной келарни и покоевъ матушки-игуменьи, была деревянная. Каменной стѣной было охвачено довольно большое пространство съ оврагомъ посрединѣ. На днѣ оврага сочился святой ключикъ, надъ которымъ была поставлена деревянная часовенка. По обѣимъ сторонамъ оврага въ тѣни садочковъ разбросаны простые бревенчатые домики, въ которыхъ жили старыя, мантейскія монахини, просто монахини съ малымъ постригомъ и простыя послушницы въ островерхихъ бархатныхъ шапочкахъ—куколяхъ. И весь строй жизни въ обители не носилъ монашескаго характера, а сложился по типу трудовой артели. Обитель прокармливала себя своей собственной работой, не нуждаясь въ посторонней помощи. Здѣсь все было свое: и свой хлѣбъ, и свой овощъ, и свои холсты, и свое крестьянское сукно, и молоко, и яйца, и медъ, и даже воскъ. Не было особенныхъ мастерскихъ, какъ въ большихъ показныхъ монастыряхъ, а бабья работа шла у себя на дому, по кельямъ. Это сложное монашеское хозяйство давало остатки, которые шли въ продажу.

Большинство сестеръ были крестьянки, которыя нашли здѣсь тихое убѣжище отъ мірской суеты и тяготы. На половину изъ нихъ приходились дѣвушки-вѣковухи, избѣгавшія брака, какъ величайшаго зла. Насмотрѣлись онѣ дома на бабью каторжную жизнь и „укрылись“ за каменной монастырской стѣной. Приходившія въ обитель со всѣхъ сторонъ деревенскія бабы съ завистью говорили:

— И хорошо у васъ, сестрицы... Хоть бы денекъ такъ-то пожить.

Жальливая мать-игуменья постоянно была осаждаема этими измученными бабами и съ ангельскимъ терпѣніемъ выслушивала ихъ разсказы, жалобы и слезы. Велико бабье горе, и нѣтъ ему конца-краю...

— Потерпи, милая!..—обыкновенно совѣтовала игуменья.—Христосъ и не это терпѣлъ.

Совершенно противоположнаго мнѣнія была прижившаяся въ обители Фимушка. Она не побоялась итти „навстрѣчу“ самой игуменьѣ и растравляла жаловавшихся бабъ.

А больше терпите, глупыя... Ха-ха!.. Вотъ я такая же была дура. Покойничекъ-то муженекъ всю жисть смертнымъ боемъ билъ меня. Всѣ передніе зубы вышибъ, всѣ суставы повывертѣлъ, всѣ жилочки повытянулъ... Вотъ какъ старался, сердечный!.. ха-ха!.. И морозомъ морозилъ, и огнемъ жегъ пятки,—только вотъ печки на мнѣ не бывало. Цолѣномъ да ремнемъ разговаривалъ. А вы больше терпите, глупыя, пока духъ не вышибли. Да... Видно, мало васъ бьютъ мужья-то.

Фимушка съ необыкновенной быстротой освоилась въ обители. Она ни къ кому не подлаживалась, ни у кого не заискивала, никому не старалась

угодить. Все у нея выходило какъ-то само собой. Не прожила она въ обители трехъ дней, какъ пришла къ игуменьѣ и заявила съ своей грубоватой откровенностью:

— Была я, мать-игуменья, на твоемъ скотномъ дворѣ... Негоже это, чтобы сестрицы да послушницы-дѣвушки занимались этимъ дѣломъ. Скотинка-то Боговая, а дѣлаетъ въ другой разъ и неподобное для дѣвушекъ-то... Тоже вотъ и пѣтушокъ съ курочками... Такъ ужъ я тамъ буду смотрѣть, что и къ чему. Грѣшная я раба кругомъ, и мнѣ стыда отъ скотинки не будетъ.

Игуменья согласилась. Какъ оказалось, у Фимушки были золотыя руки на скотинку: коровы не оставались яловыми, курицы начали нести яйца вдвое, появились жеребята, и т. д.

— Слово такое знаетъ на скотину Фимка,—ворчали старушки-монахини, завѣдывавшія раньше скотнымъ дворомъ.—Порчена она... Вотъ только зачѣмъ старыхъ-то пѣтуховъ колетъ? Заколетъ и сама съѣстъ.

Фимушка слышала эти пересуды и только хохотала. Хоть и обитель, а все-таки, бабьимъ дѣломъ, разговоровъ не оберешься. Особенно усердствовали заслуженныя старушки-монахини, какъ покойная мать-казначея Аѳиса. Точно горохъ молотятъ... Бывали и ссоры, и раздоры, и разная другая бабья свара. Покойница мать-казначея Аѳиса была не послѣдняя затѣйница по этой части и въ свое оправданіе говорила:

— Мірскіе-то люди вотъ какъ любятъ судить наши оонительскія дѣла, а вотъ того и не понимаютъ, что̀ сказано въ книгѣ Кормчей: къ мірянину приставленъ одинъ бѣсъ, къ бѣлому попу—семь бѣсовъ, а къ монаху—всѣ четырнадцать. Про нашу черную сестру и говорить нечего: всѣ двадцать считай.

Эта бѣсовская геометрическая прогрессія много утѣшала сестеръ, когда наступали моменты раскаянія. Одна Фимушка оказывалась нераскаянной, потому что считала бѣсовъ тысячами, олицетворяя ихъ „въ мужескѣ полѣ“. Въ ней затаилась неистребимая озлобленность, сосредоточившаяся на этомъ послѣднемъ пунктѣ, какъ въ фокусѣ. Все баба какъ баба, а какъ увидѣла мужика—и остервенилась. Эти минуты озлобленія достигали своего апогея въ праздники, когда въ обитель, вмѣстѣ съ бабами, приходили и мужики. Тутъ никому спуску не было, особенно старикамъ, которыхъ Фимушка поголовно крестила снохачами. Она точно сходила съ ума, безсмысленно хохотала, бормотала непонятныя слова и стяжала себѣ очень быстро репутацію прозорливицы. Даже обительскія сестры увѣровали, что, когда на Фимушку накатитъ стихъ, она все можетъ понимать, особенно будущее. Чѣмъ были страннѣе безсвязныя рѣчи Фимушки, тѣмъ сильнѣе производили онѣ впечатлѣніе; а разныя слова „отъ Писанія“, которыя Фимушка выучила за обительскими службами, прямо пугали благочестивую публику.

III.

Молва разнесла про юродивую Фимушку на сто верстъ кругомъ великую славу. Въ обитель повалили богомольцы всякаго чина и званія, особенно изъ купечества. Пришлось для нихъ устроить особую странноприимницу изъ старыхъ сараевъ. Дѣло выходило очень выгодное, особенно лѣтомъ, когда было и принять чѣмъ дорогихъ гостей. Фимушка сдѣлалась настоящимъ магнитомъ для богомольцевъ. Ей была отведена особая келейка и дана на побѣгушки маленькая послушница. Лучшаго житья и не придумать, а Фимушкѣ все было мало. Она вѣчно злилась на кого-нибудь, фыркала и привередничала.

— Этакое купоросное масло, подумаешь!—ворчала даже игуменья.—

Какъ гости въ обитель, такъ она на зло и спрячется у себя въ келью. Никакимъ калачомъ ее оттуда не выманишь...

Нѣкоторымъ, желавшимъ непремѣнно видѣть Фимушку, приходилось проживаться въ обители чуть не по недѣлѣ. Но Фимушка знала себѣ цѣну, и чѣмъ богаче и знатнѣе были гости, тѣмъ дольше она заставляла себя ждать и тѣмъ была съ ними грубѣе, особенно съ мужчинами. Купчихи были въ восторгѣ, когда она начинала пробирать ихъ мужей. Откуда что̀ бралось у Фимушки! Вѣдь самая простецкая деревенская баба, ежели разобрать, а словами такъ и сыплетъ.

— Откуда это у тебя слова берутся, Фимушка?—удивлялись сестры.

— А покойничекъ-мужъ, дай ему Богъ царство небесное, полѣномъ въ меня хорошія-то слова заколачивалъ...—безъ запинки объясняла съ своей вѣчной улыбкой Фимушка:—какъ ударитъ полѣномъ, такъ и хорошее слово точно двухвершковымъ гвоздемъ приколотитъ... Ученая я, сестрички.

Самымъ большимъ праздникомъ въ обители считалась Ильинская пятница. По лѣтнему времени народу набиралось множество, а подъ монастырской стѣной разбивался торжокъ. Этотъ день являлся настоящимъ торжествомъ Фимушки. Ея келья буквально осаждалась богомольцами, но она упорно пряталась и только изрѣдка выглядывала изъ-за окоинаго косяка. Тревожить ее никто не смѣлъ, и всѣ терпѣливо дожидались, когда прозорливица выйдетъ сама. Натомивъ публику въ достаточной мѣрѣ, Фимушка открывала окно и начинала бросать яичную скорлупу, обрѣзки овощей, хлѣбныя корки. Богомольцы съ жадностью ловили все и бережно прятали по карманамъ.

— Это она не даромъ...—шелъ осторожный шопотъ,—только надо понять, что̀ и къ чему.

Потомъ Фимушка начинала блажить: хохотала, дико вскрикивала, бѣгала по кельѣ. Однимъ словомъ, продѣлывала довольно сложную комедію, заканчивавшуюся тѣмъ, что она выскакивала на крылечко, оглядывала толпу дикими глазами и начинала выкликать.

— Въ городу недавно грѣшный колоколъ отлили,—кричитъ Фимушка.—Большой колоколъ-то... Какъ разъ ударятъ, сейчасъ кто-нибудь и согрѣшитъ въ деревнѣ. А проходила мимо баба съ веретеномъ да и погрозила звонарю... Колоколъ-то и раскололся на четыре части и на смерть ушибъ звонаря. Пришли попы да бояре и начали плакать. Жаль имъ грѣшнаго колокола... Какъ разъ всѣ по деревнямъ-то праведными сдѣлаются...

Среди этого изступленнаго бормотанья и безумнаго хохота прорывались отдѣльныя замѣчанія, направленныя на кого-нибудь изъ присутствующихъ. Это было самое главное. Фимушка, видимо, заранѣе намѣчала свою жертву и бросала въ нее словами, точно камнями. Выходило какъ-то такъ, что она всегда угадывала и ея слова сбывались, что̀ производило на суевѣрную толпу ошеломляющее дѣйствіе. Ни подарковъ ни денегъ она не принимала, и это еще сильнѣе утверждало ея авторитетъ.

Такъ дѣло шло нѣсколько лѣтъ. Въ обители всѣ привыкли къ Фимушкѣ и даже смотрѣли на нее, какъ на своего рода доходную статью въ обительскомъ хозяйствѣ. Но въ разгаръ славы Фимушки случилось нѣчто совершенно неожиданное, повергшее всю обитель въ смущеніе.

Была въ обители сестра Феликитата, уже немолодая дѣвушка, тихая и скромная. Она обладала чуднымъ голосомъ и управляла монастырскимъ хоромъ. Ее всѣ любили, какъ самаго незлобиваго человѣка, и пользовались ея всегдашней готовностью всѣмъ услужить. Грамотныхъ сестеръ въ обители

было немного, и сестра Феликитата пользовалась славой, какъ начетчица. И весь кругъ церковной службы отлично знала, и постоянно читала житія святыхъ. Въ обители она жила какъ-то незамѣтно, занимая отдѣльную келейку. И вдругъ начали приходить въ обитель богомольцы и спрашивать сестру Феликитату.

— Да для чего вамъ она понадобилась?—удивлялись сестры.

— А такъ... поговорить о душѣ...

Сестра Феликитата являлась полной противоположностью озлобленной Фимушкѣ, всѣхъ одинаково принимала и со всѣми одинаково бесѣдовала. Ровная, тихая бесѣда, умирявшая мятежныя мірскія души уже однимъ своимъ тономъ, влекла къ себѣ всѣхъ.

Кто распространялъ славу про сестру Феликитату? Какими невидимыми путями эта слава ширилась, росла и распространялась? Никто ничего не зналъ. Говорили о какихъ-то сонныхъ видѣніяхъ, о знаменіяхъ и даже чудесахъ. Обительскія сестры даже замерли отъ страха, что Фимушка непремѣнно выкинетъ какую-нибудь отчаянную штуку, какой никто не ожидаетъ. А тутъ еще, какъ на зло, случилось нѣсколько разъ, что неопытные богомольцы, не знавшіе Фимушки въ глаза, ее же и спрашивали, гдѣ живетъ сестра Феликитата.

— А ступай все прямо, поверни налѣво и еще прямо—лбомъ и упрешься въ сестру Феликитату,—дерзко отвѣчала Фимушка.

Это была дорога на скотный дворъ.

— Отошла, видно, честь нашей-то подколодной змѣѣ...—ворчала покойная мать-казначея Анеиса, качая головой.

Вся обитель волновалась, какъ пчелиный улей, въ которомъ появилась вторая матка. Послѣдней, какъ обманутый мужъ, узнала о всемъ происходившемъ мать-игуменья. Старушка очень перетревожилась и сейчасъ же послала за сестрой Феликитатой.

— Ты это что, матушка, добрыхъ-то людей баломутишь?—строго начала допросъ игуменья.—Всю обитель замутила.

Сестра Феликитата молчала, опустивъ глаза.

— Ну, что стоишь-то? Правды въ ногахъ нѣтъ...

— Я ничего не знаю, матушка,—кротко отвѣтила Феликитата и посмотрѣла на игуменью такими ясными глазами:—Такъ болтаютъ... зря... А что народъ идетъ ко мнѣ, такъ это ужъ не отъ меня.

— Такъ, такъ. А кто учитъ всѣхъ? А? Все знаю... Къ тебѣ-то идутъ по простотѣ, а ты учишь по гордости. Я, мол, поумнѣе всѣхъ въ обители.

Старушка много говорила о смиреніи, про сокрушеніе о грѣхахъ, о страхѣ Божіемъ и спеціально-монашескихъ добродѣтеляхъ. Но результатъ этотъ бесѣды получился совершенно неожиданный. Сестра Феликитата поклонилась игуменьѣ въ землю и проговорила:

— Прости, матушка, и благослови на черную работу... Буду бѣлье стирать, дрова носить, за огородомъ ходить... Одной молитвой не проживешь...

— А кто же на клиросѣ службу будетъ править?!.. Да ты никакъ съ ума сошла, голубушка? Черную-то работу и безъ тебя справятъ... Вотъ еще выдумала тоже! Я вотъ тебя поставлю на поклоны, такъ и узнаешь, какъ выдумки выдумывать.

Отъ волненія и негодованія на блѣдномъ лицѣ игуменьи выступили даже красныя пятна. Она рѣдко выходила изъ себя.

Увѣщаніе игуменьи такъ и не привело ни къ чему. Раньше сестра Феликитата считалась большой искусницей по части вышивокъ шелками и зо-

лотомъ, а теперь забросила все и принялась за самую черную работу, которую обыкновенно исполняли, какъ послушаніе, поступавшія въ обитель простыя, безграмотныя крестьянки, ничего другого не умѣвшія дѣлать. Игуменья сначала посердилась, а потомъ махнула рукой на строптивицу.

— А пусть ее съ мозолями ходитъ, коли нравится,—рѣшила она.

Сестры недоумѣвали. Было даже какъ-то совѣстно, когда сестра Феликитата принялась колоть дрова и разносить тяжелыя вязанки по всѣмъ кельямъ. Пробовала сестра Феликитата пробраться и на скотный дворъ, чтобы убирать скотину, но была съ позоромъ изгнана Фимушкой.

— Куды прешь, святая душа на костыляхъ?—накинулась Фимушка, выпроваживая соперницу.—Нѣтъ здѣсь твоего дѣла. Да и Богову-то скотинку не обманешь своей святостью. Она хоть и не говоритъ, а вотъ какъ все понимаетъ. Ступай-ка, вяжи лучше свои пояски да кошельки: твоя работа.

Сестры слушали все, качали головами и говорили:

— Охъ, и хитрыя же обѣ!.. Только которая которую еще переклюкаетъ?..

IV.

Вся обитель тревожилась въ ожиданіи Ильинской пятницы, когда по общему убѣжденію должно было произойти неизбѣжное столкновеніе между Фимушкой и сестрой Феликитатой. Вѣрнѣе сказать, всѣ ждали, какую штуку выкинетъ Фимушка, чтобы уничтожить вконецъ свою соперницу.

Теперь всѣмъ сдѣлалось ясно, какъ день, почему Фимушка въ послѣднее время проявляла особенную злость.

— Изъ-за нея померла мать-то казначея,—сѣтовали монахини.—Прямо изъ-за нея... Натко, что придумала: сверху только живая, а въ серединѣ совсѣмъ мертвая. И черную шкурку монашескую приплела... А насчетъ кошки даже на-двое вышло: и померла мать-казначея черезъ свою бѣленькую кошечку, и на саванъ бѣленькая-то шкурка показывается. Охъ, согрѣшили мы грѣшныя...

— А зачѣмъ она утопила подрядчика-то Пимена?

— А тоже не спроста дѣло вышло. Положимъ, она завсегда мужчинъ терпѣть ненавидѣла... Только тутъ вышло на особицу, чтобы прославиться своей прозорливостью. Вотъ, молъ, какая я мудрепая: потрясла ручкой—закоперщику пальцы и отрѣзало, какъ ножомъ. Подарила Пимену щепочку, наговорила про лодочку, ну, человѣкъ и утонулъ. Теперь-то по всѣмъ мѣстамъ объ этомъ говорятъ; а ей это и на руку, чтобы отвадить богомольцевъ отъ сестры Феликитаты. И хитрая же наша Фимка, ежели разобрать...

Монахини судачили про Фимкину злость шопотомъ, чтобы на грѣхъ не услышала, а то и всѣхъ уморитъ. Отъ нея станется, отъ злюки. Въ послѣдній разъ Фимушка отличилась, когда игуменья назначила новой казначеей сестру Таисью, худенькую и горбатенькую старушку, которая вѣчно что-то жевала.

— А, здравствуй сладкоѣжка!..—поздравила ее Фимушка.—Ты у насъ, какъ бѣлка, за щекой весь обѣдъ носишь...

Вѣдь нужно же было придумать ядовитое слово. Сестра Таисья только махнула рукой и ничего не отвѣтила.

Наступила Ильинская пятница. Еще съ вечера около воротъ у обительской стѣны началъ устраиваться торжокъ. Устанавливались лари, палатки, деревянные навѣсы, просто телѣги съ разнымъ товаромъ, чтобы завтра утромъ, когда кончится монастырская служба, все было готово. Погода стояла отличная, какъ всегда. Пришло много богомольцевъ издалека. Мѣста въ страшно-

пріимницѣ всѣ были заняты, и приходилось размѣщаться подъ открытымъ небомъ, гдѣ Богъ послалъ. Простые богомольцы и не жаловались, какъ люди привычные. Котомка въ головы, сверху зипунишко—и весь разговоръ. Обительскій дворъ обратился въ настоящій лагерь. Многіе заснули съ мечтой о знаменитыхъ квасахъ, которыми издревле славилась Дѣвья обитель. И обительскія щи тоже хороши, ежели игуменья не пожалѣетъ рыбки да грибковъ.

Ночью, когда всѣхъ охватилъ первый, самый крѣпкій сонъ, кто-то громко крикнулъ. Всѣ повскакали съ мѣстъ. Крикнула баба, испуганная какой-то женщиной, бѣгавшей между спавшими богомольцами съ полѣномъ въ рукахъ. Это была Фимушка. Она хихикала и, раскачивая полѣно на рукахъ, какъ ребенка, бормотала:

— Я... я... я!.. Ухъ, какъ тяжела обительская работа. Всѣ спятъ, а вотъ я должна дрова таскать. Я... я... я!.. Натаскаю дровъ, складу полѣнницу, да по ней прямо на небо и залѣзу. Вотъ какъ я. А вы всѣ, битые и небитые, проспите царствіе-то небесное. Я... я... я!..

Не успѣли богомольцы уснуть во второй разъ, какъ опять явилась Фимушка и принялась всѣхъ будить.

— Миленькіе, не видалъ ли кто мое веретено? Я... я... я!.. До самаго неба добралась ужъ я по полѣнницѣ, а тамъ и не пущаютъ. „Куды, говорятъ, баба, лѣзешь безъ веретена? Ступай назадъ да поищи...“ Я... я... я!..

Когда утромъ обительскія матери узнали, что̀ Фимушка продѣлывала ночью,—только покачали головами. Охъ, и хитрая же эта Фимка!.. Тоже и придумала полѣнницу.

— Это она мать Феликитату подводитъ полѣнницей-то, отчаянная. Не въ бровь, а прямо въ глазъ угадала...

Выходило и грѣшно и смѣшно. Улыбались даже самыя древнія, богобоязливыя старушки. Хоть кого Фимка на грѣхъ наведетъ.

Полѣнницу всѣ обительскіе сразу поняли, а вотъ къ чему веретено приплела Фимушка? Еще непонятнѣе было ея новое присловье: „Я... я... я!..“ Съ ней случалось, котда накатывалъ стихъ, что она по цѣлымъ днямъ повторяла какое-нибудь одно слово. И всегда выходило, что она бормотала не спроста, а теперь и подавно не даромъ толчетъ свое „я... я... я!..“ Богомольцы-то, конечно, ничего не понимали, что̀ и къ чему; а своимъ обительскимъ все было ясно, какъ на ладо̀нкѣ.

— Не кончитъ Фимка добромъ нашу пятницу,—шептались сестры, угнетенно вздыхая.

Монастырская служба въ обители шла по уставу, безъ пропусковъ. Люди болѣзненные и малосильные не могли ее выстаивать до конца. Фимушка забилась въ уголокъ и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы она скрылась неизвѣстно куда. Для богомольцевъ на дворѣ были устроены длинные столы, и всѣ съ особеннымъ аппетитомъ приступили къ монашеской „ѣжѣ“. Ѣли молча, облизывая деревянныя ложки.

— И скусны шти у матери-игуменьи!—похваливали богомольцы.

За стѣной открылся торжокъ, на которомъ собралась молодежь, пестрѣвшая яркими праздничными нарядами. Торговцы выбивались изъ силъ, расхваливая свой товаръ. Богомольцы посолиднѣе, старики и старушки, оставались на монастырскомъ дворѣ, чтобы поговорить съ монашенками. Потихоньку говорили о ночныхъ подвигахъ Фимушки, качали головами и угнетенно вздыхали.

— Прозорливица... Намъ-то непонятно, что̀ она говоритъ; а она ужъ знаетъ. Охъ, все знаетъ! Вонъ какъ сказала подрядчику-то Пимену.

Вспомнили и безпалаго закоперщика и покойную мать-казначею Анѳису. Старики и старушки собрались передъ кельей сестры Феликитаты, которая сидѣла на деревянномъ крылечкѣ и вела обычную утѣшительную бесѣду.

— Такъ, такъ, матушка!..—соглашались съ сокрушеніемъ слушатели.— Кабы по твоимъ-то словамъ мы жили...

Въ самый разгаръ этой бесѣды точно изъ земли выросла Фимушка. Она безцеремонно протолкалась впередъ и положила свое полѣно на землю. Потомъ побѣжала въ свою келью и притащила лубяное лукошко съ яйцами, поставила рядомъ съ полѣномъ и сѣла на него, какъ насѣдка-курица на гнѣздо. Всѣ молчали, ожидая, что̀ будетъ дальше. Подошли сторонкой старыя монахини, простыя сестры и шустрыя послушницы. Фимушка сидѣла на своемъ лукошкѣ и все повторяла:

— Я... я... я!..

Потомъ она кудахтала по-куричьи, хохотала и кончила тѣмъ, что повалилась въ ноги сестрѣ Феликитатѣ.

— Сестра Феликитата, прости ты меня, окаянную!.. Лаяла на тебя безъ пути, какъ псица... Я... я... я!.. А теперь ужъ ты меня выучила спасенью... Раньше-то я, дура, все другихъ жалѣла... А теперь я умная, совсѣмъ умная... О себѣ буду заботиться, объ одной своей душенькѣ, чтобы сдѣлаться получше всѣхъ другихъ... Я... я... я!.. Пусть другіе-то сами о себѣ позаботятся, а мнѣ до себя... Можетъ, и въ царствіе небесное попаду, недостойная. Другіе-то грѣшные вотъ какъ будутъ мнѣ завидовать, да еще меня жъ и осудятъ и остальные всѣ мои грѣхи возьмутъ на себя... Такъ-то вотъ. Я... я... я!.. Никого и обличать не буду, а всѣ будутъ мнѣ завидовать... Вотъ, скажутъ, какая праведница объявилась. И всѣмъ будетъ стыдно. А всего-то дѣла: я... я... я!..

Потупились старушки-монахини, а сестра Феликитата поднялась и ушла въ свою келью со слезами на глазахъ. И бысть во святой обители веліе смущеніе...

На другой день Фимушка преставилась. Какъ она умирала, никто не видѣлъ, она точно заснула. Ее похоронили, какъ монахиню. Разнеслась молва объ ея святости, и къ Фимушкиной могилкѣ потянулись богомолки со всѣхъ сторонъ, брали землю, приносили подаянія, такъ что Фимушкина могилка сдѣлалась доходной статьей для обители. Темный народъ глухо говоритъ, что скоро появятся и мощи Фимушки.

1904.

Оглавленіе

XII тома.

стр.

Нужно поощрять искусство. . . . . .

Святочные разсказы.

Огни 122
Душа проснулась 127
Въ девятомъ часу 129
Рай красный 135
Отецъ на Новый годъ 141
Страшные дни 146
Послѣдній эстетикъ 151
Нѣчто о бабьей притчѣ. 155
Послѣднее искушеніе 162
Бѣлый грѣхъ 167
Старая дудка. 179
Послѣдніе огоньки 186

Легенды.

Майя 191
Баймаганъ. 199
Лебедь Хантыгая 207
Слезы царицы 213
Сказаніе о Кучумѣ 241

Въ дорогѣ.

Худой человѣкъ. 267
Пароходный купецъ. Этюдъ съ натуры 285
Настоящій. Изъ походнаго альбома 294
Воръ. Разсказъ 300
Могилки. Разсказъ 303
У Скорбящей. Очеркъ 309
Мастерица. Очеркъ 326
Голый баринъ. Изъ путевого альбома 332
Да, виновенъ. Эскизъ 337

Послѣдній день. Очеркъ 347
Потаповщина. Очеркъ 356
Профессоръ Спирька. Разсказъ 363
Пустынька. Разсказъ 385
Ранній батюшка. Разсказъ 408
Самородокъ. Разсказъ 418
Сонъ. Святочный разсказъ 430

стр.
Сонъ въ зимнюю ночь. Фантазія 441
Старая реформа. Разсказъ 447
Счастливая мысль. Эскизъ 459
Тетя Ната. Очеркъ 464
Трататонъ 475
У святыхъ могилокъ. Эскизъ 482
Царь природы. Эскизъ 491
Чайный цвѣтокъ. Сказка 495
Читатель. Этюдъ 504
Шарлатанъ. Разсказъ 508
Штучка. Изъ ярмарочныхъ нравовъ 518
Юммя. Эскизъ 531
Я... я... я... Разсказъ 536

BINDING LIST JUN 15 1950

494380
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собраніе сочиненій ... [П.В.Быков]
v.12. [Translit: Polnoe sobranie sochineny
[P.V.Bykov]]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED